МИР ФАНТАСТИКИ

ГАРРИ ГАРРИСОН

Тренировочный полет

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Тренировочный полет
Гарри Гаррисон

Аннотация
Гарри Гаррисон. Тренировочный полет
Проникший в скалы
Жизнь художника
Нить судьбы
Безработный робот
Мир на волоске
Капитан со сдвигом
Ремонтник
Робот, который хотел все знать
Тренировочный полет
Рука закона
Я тебя вижу
Планета райского блаженства
Магазин игрушек
Война с роботами
Смерть пришельца
Домой, на Землю
От каждого по способностям
Источник опасности
Спасательная операция
Только не я, не Эймос Кэйбот!

Знаменитые первые слова
Изгой
Плюшевый мишка
Подлинная история Франкенштейна – наконец-то!
Контактер
Когда боги курят фимиам
Преступление
Вы люди насилия
Государственный служащий
Я делаю свою работу
Конечная станция
Ни войны, ни звуков боя
Наши люди из патруля
  Наш человек из СВИН
  Наш человек из РОБОТ
Если...
Перегрузка
Из фанатизма, или За вознаграждение
Пожиратели мертвечины
На краю водопада
Один шаг от Земли
Хранители жизни
Трудная работа
Последнее сражение
Жена бога

История конца
Охотник с большой буквы
Соседи
Пришельцы, дары приносящие
Бомбардировщик обороны
Добросовестная работа
Ad astra
Бегство от огня
Последний поезд
День после конца света
Вид с вершины башни
Заря бесконечной ночи
Пес и его мальчик

Аннотация

Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) – один из творцов классического «ядра» мировой фантастики, создатель бессмертных циклов о Язоне динАльте и Джиме ди Гризе по прозвищу Стальная Крыса, автор культовых романов «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и «Фантастическая сага», гранд-мастер премии «Небьюла», рыцарь ордена Святого Фантония и вообще человек, имевший привычку оставлять яркий след на любом поприще – вплоть до продвижения эсперанто.

И конечно, он замечательный, фантастический рассказчик. «Тренировочный полет», «Безработный робот», «Проникший в скалы», «Рука закона» и еще не один десяток рассказов Гаррисона стали подлинной классикой жанра.

Данный сборник включил всю лучшую «малую форму» знаменитого автора. Поверьте, вы не будете разочарованы!

Гарри Гаррисон
Тренировочный полет

© В. А. Вебер, перевод, 2001, 2002
© А. В. Гришин, перевод, 2001
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1969
© И. А. Зивьева, перевод, 1994
© С. Б. Ильин, перевод, 1994
© Э. И. Кабалевская (наследники), перевод, 1970
© А. С. Киланова, перевод, 2016
© П. А. Киракозов (наследники), перевод, 1998
© А. И. Корженевский, перевод, 1989
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2014, 2016
© М. Б. Левин, перевод, 1994
© Е. Ю. Михайлик, перевод, 2014
© А. В. Новиков, перевод, 1994, 2014
© К. П. Плешков, перевод, 2014
© О. В. Полей, перевод, 2014
© И. Г. Почиталин (наследники), перевод, 1967, 1969, 1971, 1994
© А. Л. Сагалова, перевод, 2016
© К. Ф. Слепян, перевод, 1994
© Е. П. Факторович (наследники), перевод, 1967
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Проникший в скалы

Перевод И. Почиталина

Ветер проносился над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпал его твердыми, как сталь, ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже нуля. Пит чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно скривились в жалком подобии улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернутся обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка,

пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились призрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади; Пит остановился и стряхнул снег с костюма. Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня и включил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог удержать изумления при виде этого невероятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшего ему проходить сквозь скалы, всепроникатель, он воспринимал как

само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные со всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому месту, откуда, как он надеялся, берут начало все эти жилы.

Пит шел вперед, нагнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода проносилась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваться сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым

днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллоскопа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико — остроконечные зигзаги волн сверкали подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффектную, — смерть, при которой он навсегда останется в толще породы, подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, несгибаемых скалопроникателей, которые под вечными снегами Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы

на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет на самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Норт Американ майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сэм пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», — бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор, пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сэма,

навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сэм понял, что его всепроникатель вышел из строя, — и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были на последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше негде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на шлеме выхватил из тьмы на скале возле лощины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие голубым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор

в штекер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с частотой человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка — сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттотанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплечный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттотанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов — всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого… Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цепь чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованного. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, позволяющую человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через которую он в этот момент двигался… Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и зашагал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет выбраться отсюда в целости

и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой — если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, наверх. Пит рванулся к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и возобновит поиски завтра. Вспышка пламени — и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток — следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток — отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения — его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл *Б* туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины *А* возбудить сигнал в

генераторе, половина *Б* будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, на какую будет настроен чувствительный приемник. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл *А* в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучительно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, — казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтрализатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь проника-

ющая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтрализатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил всепроникатель.

Молниеносно — что всегда изумляло его — окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на шлеме пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рубидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся минерал, который не имело смысла добывать так далеко, за полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроникателя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к

поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рубидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление — по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыча что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Солидные, достойные люди, сжимающие контракты в холеных руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, — пусть теперь

поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обтешут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся сквозь землю, перевозя шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и холеного, входящим в «Отдых шахтера»…

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развеяли эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге увязали в земле. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и принюхались.

— Недурно попахивает, правда, Мо? — улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо донесся из-под складок одежды: «Точно, Элджи». Щелк! — и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Элджи недобро усмехнулся:

— Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой.

Очевидно, он был безобразным от рождения и с годами не стал лучше. Нос его был расплющен, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивали верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Да нет, спасибо, приятель, — ответил коротышка. — Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали — а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни хуже нет, чем таскаться под землей. — Произнеся эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего.

Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

— Верно, — осторожно согласился Пит. — Я за последние месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Элджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со щелканьем он открыл огромный складной

нож.

— Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

— Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Элджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Элджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Элджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой — контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул — у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умолял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел

в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два — голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они разламывали голову, сотрясали все тело. Откуда-то издалека послышался голос Элджи:

— Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

— Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу — убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медленнее. Так или иначе, я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Элджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пещеру, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная ме-

таллическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он влез в кабину, как Элджи включил мощный стационарный проникатель. Когда призрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Элджи беззвучно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере; с его помощью он мог связаться с армейской базой, и через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рубидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле — в воздухе закружились хлопья серебряного снега. Внутри круга, описываемо-

го контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро…

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке — гребок левой рукой, вспышка — и гребок, вспышка — и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит

замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горящие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнялось — он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком

у лица — и сквозь лицо — Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовищные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протащил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка…

Элджи склонился над ним:

— Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

— Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмехался:

— Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтобы тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к

дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся:

— Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал на спусковой крючок — пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздуходела к шлему Элджи. Гримаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был тертый калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет:

— Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его, он думал только об одном:

— Ты убил Элджи. Ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить кровотечение, и перевязал рану стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проникатель работал безукоризненно — машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

Жизнь художника

Перевод В. Вебера

«Праздник, проведенный за работой. Вот уж действительно праздник! Я пробыл на Луне год. Писал картины триста шестьдесят пять дней, а вернувшись на Землю, первым делом иду в музей „Метрополитен“, чтобы посмотреть на другие картины. — Брент улыбнулся. — Хочется надеяться, что время будет потрачено не зря».

Он посмотрел на длиннющую лестницу. Гранитные ступени чуть поблескивали под ярким августовским солнцем. Он глубоко вдохнул, переложил трость в правую руку. Начал подниматься, одну за другой медленно преодолевая ступени. Казалось, они уходили в бесконечность.

Почти добрался до верха… оставалось преодолеть лишь несколько ступеней. Трость соскользнула с одной из них, он потерял равновесие, покатился вниз.

Женщина, стоявшая в тени на площадке за лестницей, громко закричала. Она наблюдала за ним с того самого момента, как он вылез из

такси. Брент Далгрин, знаменитый художник, теперь все знали это молодое загорелое лицо под шапкой серебряно-седых волос, выбеленных радиацией космоса. Газеты писали, что от долгого пребывания в условиях пониженной силы тяжести мышцы его очень ослабли. Он с таким трудом взбирался по ступеням, а потом скатился с них. Женщина кричала, кричала и кричала.

Его перенесли в медпункт музея.

— Гравитационная слабость, — сказал он сестре. — Все будет в порядке.

К счастью, все кости остались целыми. Медсестра лишь нахмурилась, прикоснувшись к его коже. Померила ему температуру, глаза у нее округлились, она испуганно посмотрела на него.

— Я знаю, — кивнул Брент. — Значительно выше нормальной. Волноваться не надо, повышение температуры никак не связано с падением. Скорее наоборот.

— Я должна все занести в журнал, таков порядок.

— Мне бы этого не хотелось. Незачем общественности знать, что у меня проблемы со здоровьем. Если вас не затруднит, позвоните доктору Грейберу в Медикэл-Арт-Билдинг. Он вам скажет, что для меня повышенная температура

— обычное дело. И музею нет нужды волноваться о том, что он несет ответственность за ухудшение моего здоровья.

Он легко представил себе заголовки газет: «ЛУННЫЙ ХУДОЖНИК УМИРАЕТ», «ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА ИСКУССТВО». Но он не считал себя героем. Он знал об опасностях радиационной болезни. Вначале четко следовал инструкциям: в скафандре проводил на поверхности Луны положенное время, и ни минуты больше. До того, как у него возникла проблема.

А состояла она в том, что он никак не мог ухватить атмосферу Луны. В одной картине ему это почти удалось, а потом как отрезало. Атмосферу полного безлюдья, экстремальных условий, царящих на равнинах, в кратерах. Ощущение инопланетности, которое ускользало от него, прежде чем он успевал запечатлеть его в красках.

Критики называли его картины уникальными, удивительными, говорили, что именно так, по их мнению, и выглядела Луна. А вот в этом он не мог согласиться с критиками. Безвоздушный спутник Земли был совершенно не таким. Другим… настолько другим, что он так и не смог ухватить эту разницу. И теперь его ждала скорая смерть:

он потерпел неудачу, не смог реализовать мечту своей жизни.

Радиационная лихорадка пожирала его кровь и кости. Еще несколько месяцев, и она покончит с ним. Он боролся со временем, спешил уложиться в оставшиеся месяцы. Спешил и потерпел неудачу… не сложилось.

Медсестра, хмурясь, положила трубку на рычаг.

— Я связалась с доктором Грейбером, и он подтвердил ваши слова, мистер Далгрин. Если вы так хотите, я не буду ничего записывать. — Она помогла ему встать.

Луна стала забываться по ходу того, как перед глазами замелькали земные полотна. Он наслаждался произведениями искусства, которые создавались на протяжении многих веков. То была его жизнь, и он старался увидеть как можно больше, компенсировать свое долгое отсутствие на Земле. Греческие мраморные скульптуры успокаивали, картины Рембрандта вновь пробуждали интерес к творчеству. Его радовало, что после стольких лет, отданных живописи, он мог ходить по этим залам, с нетерпением ожидая встречи с, казалось бы, давно знакомыми картинами. Но ему хотелось посмотреть и на

что-нибудь новенькое. Лифт доставил его к залам современного искусства.

И сразу его душевное спокойствие нарушила картина. Осенний пейзаж, типичный пример модерн-классицизма, столь модного в последние несколько лет. Но в картине было и что-то еще: неуловимая отстраненность.

Его ноги начали дрожать. Он понял, что надо немного отдохнуть.

Брент уселся на широкий диван у главной лестницы, но мыслями никак не мог оторваться от картины. Что-то его тревожило, задевало за живое, но он никак не мог понять, что именно.

Он чувствовал, что объяснение следует искать в эмоциональной сфере. Всякий в то или иное время испытывал удовольствие или заинтересованность, глядя на любую форму визуального искусства. Эмоциональный отклик могли вызвать и фотоснимок в журнале, и рисунок, и даже хорошо спроектированное здание. Брент попытался проанализировать свои ощущения, но ничего путного не выходило. Сформулировать он сумел лишь одну не слишком внятную мысль: «В этой картине что-то не так».

Но внезапно он получил ответ. Он явился к нему мгновенно, словно его озарило. Ему вспом-

нились лунные равнины, на которые не ступала нога человека. Ощущение это выражалось одним словом: инопланетность.

Это ощущение появлялось у него в вечной безжизненности молчаливых лунных просторов. Но как оно могло ассоциироваться с изящным осенним пейзажем? Каким образом художник сумел выразить это необычное чувство на холсте? Брент отругал себя, разумеется молча. Это не картинка из жизни другой планеты. Это «Осень в лесу», нарисованная человеком, который не понимал, что пишет. Человеком, который иначе смотрел на привычное всем и каждому. Художником, который смотрел на кипучую жизнь осеннего дня, а рисовал вечную смерть безжизненного спутника.

Брент оперся на трость, учащенно забилось сердце. Он должен найти этого художника. Должен поговорить с ним, узнать у него… выбить, если необходимо… он должен выяснить секрет этого человека. Мысль о близкой смерти тяжелым грузом лежала на плечах. Умереть, не зная, как передать в картине это ощущение!

Он убил себя в погоне за ним… и ничего не достиг. А на Земле жил человек, обладающий знанием, которое он искал. От таких мыслей

хотелось выть.

Не без труда, но он взял себя в руки. Посидел, пока не совладал с расшалившимися нервами. Твердо сказал себе, что должен найти этого человека.

В правом нижнем углу картины, в тени валуна, стояла подпись: Артур Ди Коста. Брент никогда не слышал о таком художнике, но в этом не было ничего удивительного. Настоящие художники вымирали, как динозавры. Они трудились в подсобках, в старых гаражах, заполняя холст за холстом ради собственного удовольствия. И зачастую с их работами широкая общественность знакомилась уже после смерти художника.

Опять смерть, сердито подумал Брент. Развернулся и направился к служителю, коротавшему время около абстрактной скульптуры.

— Конечно, мистер, — ответил ему служитель. — Вы найдете куратора в его кабинете. Дверь вон там.

— Благодарю, — пробормотал Брент и проследовал в направлении, указанном мясистым пальцем. Нашел нишу, практически скрытую роскошными гобеленами. В ней обнаружил фонтанчик с питьевой водой, приводимый в действие фотоэлементом, и псевдомраморную дверь

с надписью на табличке: «Доктор Эндрю Киннент — куратор, коллекция современного искусства».

Брент открыл дверь, вошел в приемную. Секретарь оторвалась от компьютера.

— Я — Брент Далгрин. И хотел бы переговорить с мистером Киннентом.

— Тот самый мистер Далгрин?! Минуточку… — Зардевшись, девушка нажала на кнопку аппарата внутренней связи. — Заходите, мистер Далгрин. Мистер Киннент будет рад встрече с вами.

Но ни очаровательная улыбка, ни радушный прием не произвели на Брента ни малейшего впечатления: думал он совсем о другом.

После тридцати минут, отданных искусству вообще, Брент перевел разговор на нынешнюю экспозицию, а конкретно — на одного художника.

— Ди Коста — один из наших самых талантливых молодых художников. — Куратор самодовольно улыбнулся, словно он сам обучил Ди Косту секретам мастерства. — В Нью-Йорке он живет недавно, но уже успел сделать себе имя. Позвольте мне дать вам его адрес. Я уверен, что вы с удовольствием побеседуете с ним. Общность интересов, знаете ли.

Брент легко согласился получить те сведения,

за которыми, собственно, и пришел. Своими истинными мыслями он делиться с Киннентом не стал. Не подкрепленные доказательствами, они действительно могли вызвать сомнения в психическом здоровье человека, который бы их высказал. Но самого Брента это не останавливало. Жизнь подходила к концу, но сначала хотелось найти ответ на самый важный для него вопрос.

Нужный ему дом ничем не выделялся среди доброй сотни других, которые выросли на модных теперь Тридцатых улицах, заменив собой корпуса фабрик по пошиву верхней одежды. Брент перешел на другую сторону улицы, оглядел дом 31. Отсутствие окон указывало на то, что финансовых проблем у владельца нет. А все, что его интересовало, он мог узнать только внутри — не снаружи. Брент вновь перешел улицу, встал на хромированный квадрат перед дверью.

Сработавший под тяжестью тела датчик активировал механического дворецкого.

— Резиденция мистера Ди Косты. Чем я могу вам помочь?

— Мистер Брент Далгрин желает увидеться с мистером Ди Костой.

— Я очень сожалею, но касательно вас я не располагаю никакой информацией, сэр. Если

вас не затруднит оставить сооб… — Голос робота оборвался, сменившись мужским:

— Рад приветствовать вас, мистер Далгрин. Пожалуйста, заходите.

Дверь распахнулась, открыв маленькую, отделанную деревом прихожую. И лишь когда дверь закрылась, Брент понял, что находится в кабине лифта. Она тронулась с места, плавно остановилась, задняя стенка скользнула в сторону, открывая путь в библиотеку-кабинет. Из-за стола поднялся мужчина, шагнул навстречу Бренту, протягивая руку.

Брент ее пожал, не сводя глаз с лица мужчины. Ростом Ди Коста был повыше Брента, худощавость как-то не вязалась с плавностью движений. Рука у него была длинная и сильная. Только тут Брент поймал себя на том, что просто таращится на хозяина.

— Надеюсь, вы извините меня за столь внезапное появление в вашем доме, мистер Ди Коста. Я увидел вашу картину в «Метрополитен», и она очень заинтересовала меня.

Брент остановился, понимая, что это неубедительный предлог для появления в доме художника. И порадовался тому, что Ди Коста взял инициативу на себя.

— Я вас прекрасно понимаю, мистер Далгрин. Со мной такое бывало не раз, когда я видел картины — ваши и некоторых других художников. — Он улыбнулся. — Далеко не всех, уверяю вас. Я смотрел на эти картины и говорил себе: хотелось бы мне встретиться с человеком, который их создал. Но такие встречи крайне редки, о чем я очень сожалею. И мне льстит, что вы испытываете те же чувства при взгляде на мои работы.

Доброжелательность Ди Косты сломала лед, скоро они стали лучшими друзьями. Брент сидел в удобном кожаном кресле, Ди Коста смешивал напитки в баре, удачно вписанном в интерьер. Тем самым у Брента появилась возможность оглядеть кабинет. То, что он видел, ему нравилось. Пожалуй, он бы и сам не отказался от такого кабинета. Что несколько удивляло, так это вращающаяся полка с книгами в углу.

Брент вдруг понял, что она медленно вращалась и когда он вышел из лифта. И еще… ну да, на столе так же медленно вращалась тяжелая бронзовая пепельница. Они создавали необычный эффект, но скорее приятный, чем наоборот. И гармонировали с кабинетом и личностью хозяина.

— А вот и выпивка. Сначала тост… За долгую жизнь и хорошие картины для нас обоих.

Брент чуть хмурился, пригубливая из стакана.

Есть такой феномен: о тонкостях профессии с удовольствием говорят и плотники, и банковские служащие. Вот и Брент легко втянулся в дискуссию о достоинствах ализариновых красок и влиянии искусства Византии на итальянских художников, скульпторов и архитекторов эпохи Возрождения. Но при этом какая-то часть его сознания скрупулезно оценивала слова Ди Косты, тщательно наблюдала за ним. Но хозяин Брента ни на йоту не выходил из образа джентльмена, не стесненного в средствах и живо интересующегося живописью.

За живой беседой уже незаметно пролетели полчаса, когда в дверь кабинета легонько постучали. Она открылась, в кабинет вошла красивая женщина в элегантном наряде, выдержанном в серебристо-серых тонах, в котором в полном соответствии с последней модой преобладали греческие мотивы.

Она остановилась у порога.

— Я не хотела беспокоить тебя, Артур, но… о, извини, я не знала, что у тебя гость.

Ди Коста подошел к ней, нежно взял под руку.

— Я очень рад, что побеспокоила, дорогая. Позволь представить тебе знаменитого Брента

Далгрина. — Он обнял женщину за талию. — Моя жена Мария.

Брент пожал ей руку, улыбнулся, глядя в большие карие глаза. Она чуть ответила на рукопожатие, как и полагалось в приличном обществе. Очаровательная жена, комфортабельный, уютный дом — Артур Ди Коста являл собой образец современного джентльмена. И получалось, что картина в музее — единственное, в общем-то пустяковое, отклонение от нормы.

Но в то мгновение, когда он держал в руке руку Марии, его взгляд упал на портрет, висевший у двери.

И только невероятным усилием воли он удержался от того, чтобы не раздавить ее руку. Ди Коста изобразил Марию, и в ее портрете…

Присутствовала та же тонкая трансформация, что и в осеннем пейзаже, который захватил его внимание в музее. Что-то такое было в изгибе губ, в глазах, которыми она смотрела с портрета. Брент оторвал взгляд от картины, но уже после того, как Ди Коста заметил, куда он смотрит.

— Должно быть, это удивительное ощущение, — рассмеялся он. — Одновременно видеть перед собой и мою прекрасную Марию, и ее портрет на стене. — Он прикоснулся к раме, и картину

залил мягкий свет.

Брент пробормотал какую-то похвалу, шагнул к картине, словно надеялся, что уменьшение расстояния позволит найти ответы на его многочисленные вопросы.

Ди Косте, похоже, льстил интерес знаменитого художника к его творчеству. Они обсудили многие проблемы, с которыми сталкивается портретист, удачные или неудачные их решения. Смутившуюся, чуть покрасневшую Марию попросили встать рядом с портретом. Она сделала вид, что эта дискуссия, птичья грамота для непосвященных, нисколько ее не раздражает.

— Эта синяя тень на шее помогает формировать…

— Эффект золотых волос, падающих на скулу, достигается…

По их просьбе она то поворачивала, то наклоняла голову, не участвуя в разговоре.

А маленькая часть сознания Брента продолжала наблюдать и анализировать. *Как* Ди Коста создавал свои картины, становилось более-менее ясно, а вот *почему* — оставалось загадкой. В лице, в фигуре инопланетность, чужеродность отсутствовали напрочь, скорее получалось, что она смотрела на что-то абсолютно ей неведомое.

Брент почувствовал, как в висках начинает пульсировать боль. Но к счастью, раздалась мелодичная трель телефонного звонка, отвлекшая Брента от поиска ответов на мучившие его вопросы. Ди Коста извинился и прошел в соседнюю комнату, оставив Брента наедине с Марией. Не успели они усесться в удобные кресла, как вновь появился Ди Коста. По выражению лица чувствовалось, что он получил какое-то неприятное известие.

— Прошу меня извинить, но мой адвокат просит немедленно приехать. Какой-то важный вопрос, касающийся моей собственности. Мне так не хочется уезжать. Мы обязательно должны продолжить наш разговор. Пожалуйста, не торопитесь уходить, мистер Далгрин. Мой дом в полном вашем распоряжении.

После ухода Ди Косты Брент и Мария поболтали на самые разные темы, уже никак не связанные с живописью. Не мог же Брент сразу спросить у женщины, которую видел первый раз в жизни: «Мадам, ваш муж рисует чудовищ? Или вы сами ведьма? В этом секрет?»

Быстрый взгляд на наручные часы убедил его, что пора уходить: негоже злоупотреблять гостеприимством хозяев.

Прикуривая, Брент как бы случайно посмотрел на часы, стоявшие на каминной доске.

— Как, уже половина четвертого? Прошу меня извинить, но мне пора идти.

Мария встала, улыбнулась:

— Вы для нас — самый желанный гость. — Она продолжала улыбаться. — Я знаю, что тут я могу говорить не только за себя, но и за Артура. Мы очень надеемся увидеть вас вновь.

— Постараюсь оправдать ваши надежды, — улыбнулся в ответ Брент.

Прощание прервала открывшаяся дверь лифта и громкие вопли маленького человеческого существа. Девочка бросилась к Марии, а когда та взяла ее на руки, зарыдала еще громче, уткнувшись ей в плечо. Пластмассовая кукла с раздавленной головой свидетельствовала о том, что для рыданий, сотрясавших не только золотистые кудряшки, но и все тельце, есть веский повод.

Брент молча стоял, пока рыдания не утихли. Мария улыбнулась ему, уговаривая девочку поздороваться с гостем. Наконец раскрасневшееся, заплаканное личико повернулось к нему.

— Дотти, познакомься, пожалуйста, с мистером Далгрином…

— Добрый день, мистер Далгрин… но, мамик,

он наступил на куклу, а потом рассмеялся, когда она сломалась…

От этих слов слезы брызнули вновь.

— Успокойся, Дотти. Ты же не хочешь, чтобы твой отец увидел тебя в таком состоянии, — сказал Брент.

Эти вроде бы совершенно безобидные слова произвели неожиданный эффект. Не на девочку — на мать: Мария заметно побледнела.

— Артур — не отец Дотти, мистер Далгрин. Видите ли, это мой второй брак. Он… Я хочу сказать, у нас не может быть детей. — Чувствовалось, что слова эти даются ей нелегко.

Брент чуть смутился… и одновременно обрадовался: обнаружилось первое отклонение от нормы. И неожиданная бледность Марии ясно указывала: ее что-то тревожит. За это «что-то» Брент с радостью отдал бы последний тюбик краски. Возможно, этот секрет не имел отношения к живописи, но, скорее всего, связь была. И он твердо решил ее отыскать.

Дневная жизнь города уступила место ночной. Брент шевельнулся в большом кресле, протянул руку к стакану бургундского, стоявшему на столике. Квартирка у него была маленькая, но очень хорошая. Одно из немногих роскошеств,

которые он себе позволял. Впрочем, роскошество это, скорее, звалось необходимостью для тех, кто зарабатывал на жизнь, продавая свои эмоции, выраженные цветом.

Вино могло потерять вкус, вид города — нет. Нью-Йорк, вечный город чудес. Рассеянный свет в комнате не бросал отблесков на окно, так что взгляд устремлялся в свободный полет над архитектурной страной. Лазерные лучи гуляли по небу, изредка отражаясь от самолета или стратоплана. Сам город сиял тысячами огней тысяч оттенков. Даже сюда, на сто восьмидесятый этаж, доносился ни на секунду не умолкающий городской шум. Нью-Йорк, самый удивительный из городов, созданных человеком, вот в нем и жил человек, который не был человеком в полном смысле этого слова.

Частичный ответ Брент получил, двух мнений тут быть не могло. Недостающее звено он обнаружил в одной из своих картин. Единственной, которая принесла ему хоть какую-то удовлетворенность. Она далась ему девятью часами непрерывной работы, когда он подверг себя, по терминологии врачей, «опасному воздействию». На полотне удалось отразить грубое, ничем не прикрытое великолепие вечного космоса. Ино-

планетный ландшафт, увиденный человеческим глазом. А у Ди Косты все с точностью до наоборот: обычные человеческие сцены, увиденные другими глазами. Возможно, глаза эти не были для Земли полностью инородными, потому что разницу мог уловить только тот, кто ее искал. Но в одном Брент не сомневался: без инопланетного воздействия не обошлось.

Он также получил и косвенное подтверждение своей правоты. Закон природы оставался законом, а гены — генами. Люди и обезьяны — теплокровные млекопитающие, ближайшие родственники с точки зрения антропологии. Однако генная несовместимость исключала появление общих потомков.

Вот и мужчина, если он не был человеком, homo sapiens, не мог иметь детей от человеческой женщины. Мария Ди Коста такой и была, что доказывала заплаканная дочурка. У Артура Ди Косты детей не было.

Брент нажал клавишу на подоконнике, и окно уползло в щель. Городские шумы ворвались в квартиру вместе с запахами джерсийских лесов, вроде бы совершенно неуместными в большом городе, которые донес легкий ветерок.

Подняв голову, он увидел Луну, плывущую

меж редких облаков, утреннюю звезду, Венеру, поднявшуюся над восточным горизонтом. Он побывал на Луне. Он видел ракету, которая готовилась к полету на Венеру. Человек был единственной разумной формой жизни, которую ему довелось видеть. Если были и другие, то их следовало искать на других звездах. А впрочем… разве не могли представители этих далеких цивилизаций жить на Земле, среди людей?

Но проку от этих мыслей не было. Не стоит изобретать новых чудовищ, не убедившись в существовании хотя бы одного. Утро вечера мудренее. Надо хорошенько выспаться, а потом отправляться на охоту.

В десятый раз Брент бросил в урну недоеденный шоколадный батончик и двинулся дальше. Это в телешоу частный детектив с легкостью выполнял свои обязанности. В реальности все оказалось куда как сложнее. Он третий день следил за Артуром Ди Костой, и слежка эта уже сказывалась на его пищеварении. Когда останавливался Ди Коста, приходилось останавливаться и ему, зачастую на запруженных толпой улицах. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, он делал вид, что ему необходимо сделать покупку в одном из торговых автоматов, выстроившихся

вдоль тротуара. Газеты он просто выбрасывал, но считал себя обязанным хотя бы надкусить шоколадный батончик.

Но вот Ди Коста ступил на движущуюся пешеходную дорожку, проложенную по Пятой авеню. Брент, отделенный от него несколькими сотнями футов, проделал аналогичный маневр. Они покатились к Верхнему Манхэттену со стандартной скоростью пятнадцать миль в час. Когда дорожка пересекала Пятьдесят седьмую улицу, на нее ступил невысокий мужчина в черно-золотом деловом костюме. Брент заметил его, когда он остановился рядом с Ди Костой и похлопал художника по плечу. Ди Коста обернулся. Улыбка медленно уступила место недоумению.

Невысокий мужчина передал удивленному художнику сложенный листок бумаги. И прежде чем Ди Коста успел что-то сказать, сошел с движущейся дорожки на островок безопасности, лихо перескочил через ограждающий барьер и по другой дорожке покатил в противоположную сторону, к Нижнему Манхэттену. Проехав мимо, он вскоре растворился в толпе.

Брент, разинув рот, проводил коротышку глазами. А повернув голову, наткнулся на взгляд Ди Косты.

Его планы рухнули. А Ди Коста улыбнулся и приветственно помахал ему рукой. Сквозь уличный шум до Брента долетел его голос:

— Мистер Далгрин, идите сюда.

Брент помахал рукой в ответ и двинулся к Ди Косте. А что ему оставалось? Он уже подходил к художнику, когда любопытство Ди Косты взяло верх. Брент наблюдал, как тот разворачивает листок, читает написанное на нем… С Ди Костой произошла разительная перемена. Рука с запиской повисла плетью, тело напряглось. Глядя перед собой, стоя на движущейся дорожке, он словно окаменел. Превратился в статую.

Далгрин прибавил шагу. Он практически не сомневался, что записка и коротышка каким-то образом связаны с секретом картин.

Ди Коста ничего не видел и не слышал. Брент посчитал себя вправе взять загадочную записку, зажатую в негнущихся пальцах. Одна сторона — пустая, на второй — непонятная то ли надпись, то ли подпись: загогулины, пересеченные зелеными прямыми. Ни с чем подобным Брент в своей жизни не сталкивался.

Они ехали бок о бок. Брент облокотился на поручень, тогда как Ди Коста продолжал пребывать в странном трансе. Записка, которую Брент держал

в руке, была вещественным доказательством, прямо указывающим на то, что его подозрения небеспочвенны. Взглянув на нее вновь, он вдруг почувствовал, как записка завибрировала у него в руке, словно хотела вырваться, потом засветилась и исчезла! Мгновением раньше он держал ее в руке, а теперь ее не было!

От неожиданности он отпрянул, но не наткнулся на стоявшего рядом Ди Косту. Потому что тот сошел с движущейся дорожки, пока он разглядывал записку. Перегнувшись через поручень, Брент увидел-таки, что Ди Коста уже подходит к аэроплощадке Центрального парка. Кляня себя за тупость, Брент поменял дорожки и поспешил к сходу, который вел к аэроплощадке.

Удача в этот день была на его стороне. Ди Коста стоял в длинной очереди к аэрокебам. И стоять ему предстояло добрых десять минут. Брент понял, что он успеет арендовать аутотакси до того, как художник поднимется в воздух.

И действительно, когда черно-оранжевый аэрокеб с Ди Кос-той на борту взял курс на север, синее аутотакси последовало за ним. Какое-то время спустя оба летательных аппарата скрылись вдали.

Аэрокеб летел на высоте десять тысяч футов.

Брент держался чуть позади, в восьми тысячах футов от земли. Все происходило слишком уж быстро. Брента не покидало ощущение, что действует он уже не по собственной воле и все решения принимаются за него.

Но его распирала радость. Странный символ и необъяснимое исчезновение записки доказывали тайное присутствие инопланетян. И каждая преодоленная им миля приближала его к разгадке. Он не страшился смерти, уже свыкся с тем, что она неминуема. Собственно, и мечта-то у него осталась только одна — раскрыть тайну, с которой столкнула его судьба. Брент улыбнулся.

Пятнадцать минут спустя аэрокеб и аутотакси приземлились на муниципальной аэроплощадке в Пауфкипси. Брент припарковал свое аутотакси и следом за Ди Костой спустился на улицу. Быстрым шагом художник направился к одному из стоящих рядком административных зданий, вошел.

Брент бросился за ним. Вбежал в холл, когда захлопывались двери лифта. Нажал на кнопку вызова, но кабина продолжала подниматься. На индикаторе вспыхнула цифра 4, потом кабина поплыла вниз.

Он был слишком близок к разгадке, чтобы

остановиться, обдумать происходящее. Вошел в кабину, нажал кнопку с цифрой 4. Двери закрылись, и кабина начала… опускаться.

Брент осознал, что он в ловушке, и тут же понял, что не может ничего изменить. Оставалось ждать встречи с тем, кто будет поджидать его по другую сторону дверей.

Остановилась кабина на уровне, расположенном гораздо ниже подвала. Двери разошлись.

Его ожидания не оправдались: ему открылась самая что ни на есть обычная комната.

Ну совершенно обычная, за исключением боковой стены. Стеклянной стены, за которой бурлила вода… только стекла не было! Он видел перед собой поверхность океана, поставленную на попа. Почувствовал, как его тянет к воде, засасывает в воду.

Ощущение исчезло как по мановению волшебной палочки, стена стала ровной и черной. Только тут до него дошло, что в комнате он не один. Компанию ему составляла очаровательная девушка с прямыми волосами цвета бронзы и зелеными глазами.

— Неподготовленному человеку не следует наблюдать за этой машиной, мистер Далгрин. Она оказывает негативный эффект на мозг.

У него отвисла челюсть.

— Откуда вы знаете мою фамилию? Кто вы? Что все это?..

— Если вы присядете, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

Брент понимал, что кабина не тронется с места, пока он не выйдет из нее. Вышел, двери за его спиной сомкнулись, что не прибавило ему бодрости духа. Он влип по самое не могу, инициатива полностью принадлежала другой стороне. Он сел.

Рыжеволосая посмотрела на странную стену, которая вновь забурлила водой. Брент старался смотреть в другую сторону. Наконец девушка, чуть хмурясь, повернулась к нему:

— Вас очень заинтересовали действия Артура Ди Косты, мистер Далгрин. Может, у вас есть вопросы, которые вы хотели бы задать мне?

— Безусловно есть! Что произошло с ним сегодня… и где я сейчас нахожусь?

Она наклонилась вперед, нацелилась пальцем в грудь Брента.

— Сегодняшним визитом сюда мистер Ди Коста обязан вам. Мы заметили, что вы следите за ним, поэтому пригласили его сюда в надежде, что он приведет и вас. В записке он прочитал слово-пароль, заложенное у него в мозгу, которое

вызвало автоматическую реакцию. Он прибыл сюда, следуя постгипнотическому приказу.

— Но записка! — вскричал Брент.

— Пустяк. Надпись на материале, сделанном из отдельных молекул. Небольшой энергетический заряд соединяет их воедино на протяжении короткого периода времени. Заряд рассеивается, молекулы разлетаются.

И все встало на свои места. Безусловные свидетельства демонстрации недоступных человеку сил однозначно указывали на то, что он имеет дело с…

— Инопланетянами, мистер Далгрин. Думаю, вы можете нас так называть. Да, я могу читать ваши мысли. Поэтому вы сегодня здесь. Мысленный ретранслятор в кабинете Артура Ди Косты сообщил нам о ваших подозрениях, с которыми вы входили в его дом. С той минуты мы наблюдали за вами, подготавливая ваш визит сюда.

Частично я смогу утолить ваше любопытство, мистер Далгрин. Мы не с Земли, более того, наша планета находится в другой звездной системе. А эта комната — офис санатория для больных, которым не требуется стационарное лечение.

— Санатория! — взревел Брент. — Если это офис… то где сам санаторий?

Девушка повертела в руках карандаш, а ее взгляд, казалось, вонзился в мозг Брента.

— Вся Земля — наш санаторий. На ней живут многие наши психические больные.

Пол начал уходить у Брента из-под ног. Он схватился за край стола.

— Значит, Ди Коста — один из ваших пациентов. Он безумен?

— Если следовать точному значению этого слова — нет. Он — слабоумный. И не поддается лечению.

— Если умница Ди Коста — слабоумный, тогда… — Брент покачал головой. — Это означает, что средний ай-кью для представителей вашей цивилизации должен составлять…

— Этой величины вы и представить себе не можете. Для людей Ди Коста совершенно нормален, более того, его ай-кью выше среднего.

На родной планете он не смог найти места в высокоорганизованном обществе. Стал пациентом государства. Его тело трансформировали, чтобы он ничем не отличался от homo sapiens. Мы дали ему новое тело, новую индивидуальность, но не смогли изменить его исходный интеллект. Вот почему он на Земле.

Детство Ди Коста провел на родной планете, в

чужеродной для землян социальной среде. Эти первые впечатления навсегда остались в его подсознании. Его новая индивидуальность не имеет о них ни малейшего представления, но они есть. И проявляются в его картинах. Требуется очень острый глаз, чтобы заметить их. Позвольте поздравить вас, мистер Далгрин.

Брент печально улыбнулся:

— Теперь я сожалею о том, что заметил. Какие у вас планы в отношении меня? Как я понимаю, вы уже не позволите мне вернуться в мой земной «сумасшедший дом».

Девушка сложила руки на коленях. Смотрела на них, словно не желала встречаться с ним взглядом в момент объявления приговора. Но Брент не стал ждать. Если он сможет справиться с девушкой, то потом как-нибудь найдет пульт управления лифтом. Он напрягся и прыгнул.

Волна боли прокатилась по телу. Другой разум, неизмеримо более сильный, контролировал его тело.

Мышцы отказались подчиниться ему. Он рухнул на стол, застыл. Его тело выполнило приказ чужого разума. Рыжеволосая подняла голову. Ее глаза сверкали силой, которую она только что продемонстрировала.

— Никогда не следует недооценивать своего оппонента, мистер Далгрин. Именно для этого я приняла облик земной женщины. Я нахожу, что так управлять людьми гораздо легче. У них и в мыслях нет, что я… не та, кого они видят. Я сейчас сниму свой контроль, но, пожалуйста, не заставляйте меня вновь прибегать к этому средству.

Брент сполз на пол, сердце его рвалось из груди, тело сотрясала мелкая дрожь.

— Я — директор этого… санатория, поэтому вы понимаете, что у меня нет никакого желания привлекать к нашей деятельности внимание вашего государства. Мне придется избавиться от вас.

Дыхание Брента чуть успокоилось, он уже мог говорить.

— Так вы… хотите… меня убить?

— Отнюдь, мистер Далгрин, наша философия запрещает убийство, за исключением самых крайних случаев. Ваше тело будет изменено в соответствии с требованиями окружающей среды другой планеты-санатория. Естественно, мы излечим вас от всех последствий радиационной лихорадки. Так что вас будет ждать долгая и интересная жизнь. Если вы согласитесь сотрудничать с нами, мы сохраним вам вашу индивидуаль-

ность.

— И что это за планета? — По интонациям девушки Брент понял, что разговор близится к завершению.

— Совсем не такая, как эта. Тяжелая планета, в атмосфере которой роль кислорода выполняет хлор. — Она нажала кнопку на столе.

Теряя сознание, Брент успел подумать: «Я буду жить… и работать… рисовать удивительные оттенки зеленого на планете с атмосферой из хлора…»

Нить судьбы[1]

Перевод К. Плешкова

В пыльном зале вечности, в окружении сверкающей ткани миров, сидят три норны, прядильщицы людских судеб. Их сморщенные от старости пальцы без устали перебирают нити, изгибая и соединяя их в бесчисленном множестве сочетаний.

Каждая из нитей — чья-то жизнь. Управляя нитью, норны управляют жизнью. Под нескончаемое бормотание собственных голосов они передают друг другу единственный глаз, чтобы посмотреть, как плетется невообразимая ткань судеб. Голоса звучат все громче, их тональность меняется. Человеческая судьба далеко не всегда получается гладкой.

— Нет, погоди, эту линию сюда вводить нельзя.

— Но она — часть узора…

— Она его только портит. Мне придется переделывать и свою часть.

---

[1] Примечания: 1
Повесть написана в соавторстве с Кэтрин Маклин.

— Столько веков трудились, а ты все разрушить хочешь!

Голоса еще громче, в них слышится гнев.

— Постой, Гриссель, постой. Здесь нельзя ничего менять.

Норна сердито взмахивает рукой над тканью. Кольцо на ее среднем пальце — Перстень Единорога — касается поверхности, и рог подцепляет и выдергивает тонкую сверкающую нить чьей-то жизни.

— Я сделаю по-своему. Дай мне глаз.

Спор продолжается. Нить человеческой судьбы, никем не замеченная, свободно парит в пространстве.

I

— Извини, мама, но он мне не подходит.

— Я купила как раз по твоему размеру, — твердо заявила мать Гранта. — Попробуй еще раз. Должен подойти.

Грант О'Рейли снова примерил пиджак. Он прекрасно знал, что тот не подойдет; так и вышло. Пиджак жал в плечах, а манжеты на три дюйма торчали из рукавов. К подобному Грант уже привык. Мать купила сыну свадебную одежду, по своему обыкновению считая его ребенком, и все

оказалось чересчур мало.

На этот раз она здорово подвела Гранта. Было воскресенье, они проделали немалый путь от города до церквушки, где прежде женились и выходили замуж дядюшки, тетушки и прочая родня Люси. Купить или взять напрокат более подходящую одежду уже не оставалось времени.

Грант глянул в зеркало трюмо, пытаясь представить себя в глазах влиятельных и благовоспитанных родственников Люси. Нет, так явно не годится. Люси придет в ужас, зальется краской стыда, увидев его с торчащими, как у деревенщины, манжетами. Грант попытался поправить рукава. Сегодня он должен был выглядеть изысканно — именно так, как нравится Люси.

Из зеркала на него смотрело телячьими глазами отражение, неловко пытавшееся стянуть вниз обшлага пиджака. Гранту не слишком нравился этот высокий худой парень со светлыми волосами. Почти невидимые брови придавали его лицу кроткое, безгрешное выражение. Когда рядом не было зеркал, он представлял себя сильнее и с более темной шевелюрой — достойным мужем и защитником для столь прекрасной женщины, как Люси.

Люси! При мысли о ней загорелись щеки. Вле-

чение было скорее телесным, нежели духовным, и отчего-то показалось, что в церкви оно будет неуместно. Отвернувшись от зеркала, он принялся стаскивать пиджак — и одновременно попытался отделаться от предательской мысли.

Развалившись в кресле у дальней стены, Херб Колломб невозмутимо курил старинную трубку. От его крепкой фигуры так и веяло мужеством, и Грант при нем чувствовал себя в безопасности — как и в те годы, что они вместе провели в колледже. Они жили в одной комнате и одновременно закончили учебу, так что в роли шафера Херб вполне устраивал Гранта.

Колломб улыбнулся, не вынимая трубки изо рта, и Грант с удивлением поймал себя на том, что улыбается ему в ответ.

В открытое окно ризницы доносилось теплое дыхание весны. Пела птица, и весь мир казался Гранту восхитительным. Однако, взглянув на переброшенный через руку пиджак, он вновь ощутил тревогу. Где бы взять другой?

Но было уже слишком поздно — слышались ноты настраиваемого органа и шарканье входивших в церковь гостей.

— Черт побери, — вполголоса пробормотал Грант.

— Не ругайся. Вряд ли Люси была бы рада услышать такое от тебя. Она из очень хорошей семьи.

— Извини, мам.

— Все в порядке, дорогой. Мне всегда хотелось гордиться своим сыном — настоящим джентльменом.

Херб выронил трубку и снова ее подобрал, слегка покраснев. Грант попытался улыбнуться, и на него накатила знакомая слабость. Ну почему именно сейчас? Раз или два в жизни ему удавалось отсрочить несвоевременный приступ, но теперь было ясно, что всю церемонию не продержаться. Лучше уж пусть это случится сейчас — нельзя допустить, чтобы свадьба пошла прахом.

Нужно лишь какое-то время побыть одному, вдали от чужих голосов и глаз. Грант понял, что сдерживаться больше не может.

— Еще десять минут, — поспешно сказал он, слыша нарастающий звон в ушах и видя, как отдаляются лица присутствующих. — Пойду немного подышу свежим воздухом.

Рядом с церковью находилось уютное старое кладбище с покосившимися могильными камнями и высоким бурьяном; посреди стояло узловатое персиковое дерево в полном цвету.

Кладбище было отрезано от окружающего мира и от течения времени высокой каменной стеной. Боковая дверь ризницы выходила на мощеную дорожку, огибавшую здание церкви вдали от окон. Вполне уединенное место, по крайней мере на какое-то время.

«Нужно поменьше волноваться», — подумал Грант, закрывая за собой дверь.

Впрочем, теперь об этом уже поздно размышлять — следовало раньше принять лекарство. Если бы за Грантом кто-то наблюдал, он увидел бы, как губы молодого человека изогнулись в неприятной гримасе, обнажив неровные зубы, отчего в его прежде ангельской внешности появилось нечто звериное, словно у охотничьего пса светлой масти. Он медленно двинулся по дорожке, чувствуя, как стучит кровь в висках, и бессознательно ища укрытия, где можно дать волю приступу. И нашел его — в одном месте стена сворачивала под прямым углом.

Сойдя с дорожки, Грант вжался в этот угол и стал ждать, когда на него, подобно тяжелому камню, навалится беспамятство.

Грант не знал, сколько прошло времени, но давление в голове ослабло, звон в ушах смолк, вернулась способность видеть, слышать и ося-

зать. Он еще немного постоял, прижимаясь лбом к холодному камню и радуясь, что болезнь не заставляет падать на землю и биться в судорогах. Когда они с Люси поженятся, он сможет просто уйти в ванную и тихо постоять за запертой дверью, пережидая приступ.

Болезнь лишила мальчика детских игр, удерживая его под бдительным надзором матери, отняла свободу рисковать и пренебрегать опасностью, оставив на его долю лишь приключения в стихах и книгах. Но он не позволит болезни лишить его и права на семейную жизнь. Способность предчувствовать приступ давала ему возможность жить нормальной жизнью и зарабатывать деньги трудом архитектора — клиенты даже не догадывались, что с ним не все ладно. Он всегда мог найти укромное место на время припадка.

Повернувшись, он взглянул на зеленую траву, на старую каменную стену, на низкие покосившиеся надгробия. Зрение прояснилось, и теперь все окружающее словно заиграло новыми яркими красками.

Из окна над головой отчетливо слышался голос матери, возвращавший далекие воспоминания:

— У Гранти бывают припадки, если он волну-

ется. Мне стоило большого труда освободить его от занятий по физкультуре во всех школах, где он учился, не рассказывая о настоящей причине. С его отцом тоже так было, а началось после того, как мы поженились. Такой приятный мужчина… Это у нас семейное, знаете ли…

Грант постарался отбросить мрачные мысли, убеждая себя: что бы ни делала мать, это лишь для его же блага. Она и насчет пиджака что-нибудь придумает, у нее всегда получалось, стоило лишь захотеть.

Он встал, собираясь вернуться в церковь.

И тут он увидел.

В небе, от горизонта до горизонта, простерлось нечто длинное, белое, массивное, похожее на гигантский брус или слоновий бивень. Еще мгновение назад их разделяла вечность, а в следующий миг оно уже пикировало вниз, прямо на Гранта. Он не знал, откуда ему это известно, но не сомневался, что странная штука мчится прямо на него, словно скорый поезд в туннеле.

Прежде чем он успел закричать — и даже подумать об этом, — было уже слишком поздно. Последовал удар, удивительно мягкий, но чудовищной силы.

Мир исчез. Перед глазами Гранта вспыхнуло

кладбище с оранжевой травой и красное небо. Яркие цвета медленно потускнели, и их сменило ничто — вряд ли его ощущения можно было описать иным словом. Сперва Гранта охватил ужас, но затем вернулась крупица здравомыслия. Он ничего не чувствовал, ничего не слышал, а то, что он видел, немало его озадачило; лишь какое-то время спустя стало понятно, что оно не имеет цвета. Но оно не было и черным, скорее серым — серый бархатный туман, окутывавший его со всех сторон.

К своему ужасу, он осознал, что не дышит. Не билось и сердце. Все функции его жизнедеятельности прекратились.

«Я умер».

Эта мысль давно скреблась в его мозгу и теперь наконец обрела окончательную форму. А за ней пришло безумие — пополам с невыносимым страхом.

Грант не знал, сколько это продолжалось — время утратило для него всякое значение. Могли пройти годы, а могли и секунды. Но безумие уже понемногу отступало, и вернулась способность мыслить, что, впрочем, слабо помогло — он не имел ни малейшего представления о том, где находится и что с ним случилось.

А потом мысли сменились тоской, которая, казалось, длилась целую вечность.

Его разум впал в ту же апатию, что и тело. Он висел в сплошном сером тумане, безразличный ко всему, и ждал.

II

— Смотри! Смотри, что ты наделала! Выдернула нить.

— Это не я! Это сделала ты, когда кричала на меня, что узор неправильный!

— Так ведь он и в самом деле негож…

Спор продолжался. Вторая сестра наклонилась вперед, собираясь высказаться, и висящая в пустоте нить коснулась ее лица. Норна в ярости сунула ее обратно в ткань, но не вплела в узор — просто воткнула куда попало и вернулась к спору.

Серый туман и тишина внезапно сменились воплями и грохотом, и Грант понял, что падает. Лицо его ударилось о грязный деревянный пол. Оглушенный, он несколько мгновений лежал неподвижно, слыша вокруг пьяные крики, звон бьющихся бутылок, глухие удары кулаков о плоть. В глазах замерцал желтый свет, мимо с рычанием пронеслись чьи-то тени.

Почти прямо над Грантом раздался хруст, и на ноги ему рухнул человек с короткой спутанной бородой и длинными волосами. Из его растрепанной шевелюры сочилась кровь, в черепе зияла жуткая вмятина.

С трудом подавляя отвращение, Грант выскользнул из-под обмякшего бородача и присел на корточки. На него только что свалился труп, но никто не обращал на это внимания. Орущая свора была уже где-то в стороне, хотя мимо все еще пробегали люди, ныряя в толпу.

От дыма свечей, от кухонных испарений, от запахов пролитого вина и протухшей еды слезились глаза и жгло в носу, но Гранту все же удалось понять, что он находится в помещении величиной с амбар. Над головой тянулись вытесанные вручную балки, отражая шум, жар и свет, а еще выше в чаду терялась крыша. Казалось, балки покачиваются в мерцающем сиянии свечей в такт яростным воплям дерущихся.

Вопящая толпа продолжала расти, пока снова не оказалась рядом, но Грант видел лишь спины и падающие на затылки спутанные волосы. Буяны угрожающе размахивали дубинками, кинжалами и разбитыми бутылками, что-то крича кому-то находившемуся в середине толпы. На

этих людях были грязные коричневые рубахи из грубой ткани вроде мешковины, не заправленные в столь же грязные штаны из шкур.

Грант выпрямился и обнаружил, что ему хватает роста заглянуть над головами в середину толпы, атаковавшей рослого мужчину, который стоял спиной к одному из поддерживавших крышу столбов. Вот он с ворчанием бросился вперед, замахиваясь длинным мечом, затем отбил опускающуюся на его голову дубину, отразил еще один удар железной палицей, которую держал в левой руке, с хрустом врезал ею же по голове обладателю дубины и снова отпрянул к столбу. В каждом его движении чувствовалась невероятная энергия — он нападал и отступал, наносил удары и защищался, издавая при каждом усилии короткий стон.

Гранта, однако, потрясло не столько боевое искусство, сколько облик самого бойца — лоснящиеся кожаные доспехи, словно на картинке в энциклопедии, сверкающая кольчуга, широкий прямой меч, железная палица. Он как будто сошел со страниц учебника истории раннего Средневековья. Что он здесь делает? Грант поискал глазами кинокамеру — но кровь была настоящей.

Где выход? Присев, словно загнанный зверь, Грант повернул голову. По пустой половине зала были разбросаны скамьи и столы, в плошках мерцали свечи, добавляя чада в и без того смрадный воздух. Где дверь? В дымном полумраке почти ничего не разглядеть, в ушах отдаются жуткие звуки. Где, во имя здравомыслия, хотя бы окна? Что это вообще за притон?

Грант попятился, отгородился от шумной толпы длинным столом, но дикий вой заставил его обернуться, и глазам предстал конец битвы. Воин в кожаных доспехах замешкался, и его меч врезался в дубину, застряв в дереве. Он попытался высвободить оружие, но еще одна усаженная шипами дубина ударила его в челюсть с такой силой, что голову отбросило назад. Меч от удара освободился, но поднять его воин уже не успел. Под градом обрушившихся на него со всех сторон тяжелых палиц он, шатаясь, отступил на несколько шагов от спасительной колонны и беспомощно рухнул в сторону Гранта, который успел увидеть его остекленевшие глаза и услышать хруст костей.

Выйдя из оцепенения, Грант начал медленно отступать к выходу; при этом он не сводил глаз с толпы и нащупывал неструганые доски стола

у себя за спиной. Над бесформенной грудой, еще миг назад бывшей человеком, мельтешило дубье, и Грант был только рад, что торжествующий вой победителей заглушал все другие звуки. Возможно, все это лишь дурной сон, но смерть в этом кошмаре такая же настоящая, как на любой скотобойне.

Вой смолк. Бормоча, ругаясь и ощупывая ссадины и раны, сражавшиеся начали оглядываться по сторонам. Грант продолжал пятиться, надеясь, что до его исчезновения никто не отвлечется от лежащего на полу мертвеца. Один мужчина с торжествующим видом склонился и вырвал меч из мертвой руки. Он воздел трофей к потолку, и тут ему на глаза попался чужак. Грант застыл как вкопанный, разрываясь между инстинктивным желанием бежать сломя голову и надеждой, что его примут за своего.

Увидевший его оскалил кривые зубы.

— Смерть нечестивцу! — Поставив ногу на скамью, он подался в сторону Гранта над разделявшим их столом, замахнулся мечом, который неуклюже держал двумя руками. — Кровь для Н'тиг'ты!

Грант уклонился — отступать было уже некуда. Меч вонзился на три дюйма в стол за его спиной,

огромный окровавленный клинок напоминал скорее вытянутое лезвие топора — это жуткое оружие способно было разрубить человека пополам. Пока кривозубый высвобождал меч, Грант перепрыгнул через стол и побежал; его ноги будто налились свинцом. Слыша крики и вой преследователей, он бросился в конец зала, туда, где темнее. Перед ним возник тусклый человеческий силуэт, а дальше нечто похожее на дверь. Преодолев еще несколько ярдов, Грант и в самом деле разглядел дверь — широкую, но закрытую. Стоявший перед ней, ухмыляясь, занес топор.

Грант остановился, налетев на очередной стол. Вопящие приближались, но рядом с ним оказалась лестница, прислоненная к одной из толстых балок, что поддерживали крышу. Чтобы до нее добраться, потребовалось меньше секунды. С трудом вскарабкавшись по перекладинам, он залез на поперечную балку, а затем пинком отшвырнул лестницу прямо на орущую внизу толпу.

На какое-то время он в безопасности. Народу внизу было меньше, чем показалось ему вначале, — похоже, основная толпа завывала где-то еще, преследуя очередную жертву. И тем не менее четверо не собирались отпускать его живым, яростно таращась из-под падавших на глаза лохм

и крича про какое-то пятно, которое необходимо смыть с какого-то Н'тиг'ты. Те, у кого в руках были палицы, пытались бить его по ногам, но пьяно промахивались; однако ухмыляющийся верзила с мечом уже поднимал свое оружие, а еще один схватил табурет. Почувствовав болезненный удар по лодыжке, Грант понял, что оставаться здесь ему больше нельзя, и совершил поступок, на который не отважился бы еще час назад, — отпустил колонну, служившую ему опорой, побежал по неровной балке шириной меньше чем в фут.

В иных обстоятельствах он бы наверняка свалился, но сейчас падение означало смерть, и ему удалось удержаться на ногах, хотя и самому в это совершенно не верилось. Преодолев последние десять футов, тяжело дыша, Грант прислонился к центральной колонне, откуда открывался прекрасный вид на огромное, как амбар, помещение.

Небольшая группа людей в штанах из шкур сражалась с опрокинутой им лестницей, пытаясь поставить ее на место и броситься за ним в погоню. Возле гигантского очага у дальней стены сгрудились три неопрятные женщины и толстяк. Но главный источник шума находился под ногами у Гранта.

Казалось, будто вся ревущая толпа, растерзавшая до этого воина и успевшая увеличиться как минимум вдвое, напирала еще на одного мечника, стоявшего спиной к колонне, за которую цеплялся Грант. Массивные плечи и мускулистые руки едва вмещались в красные кожаные доспехи, длинный меч был как будто даже побольше того, что недавно дорогой ценой достался врагу. Тяжелая шипастая палица в левой руке воина то и дело с глухим звуком обрушивалась на дубины, кинжалы и руки противников, круша и калеча.

Энергия воина была просто феноменальной, и чем больше Грант смотрел на взмахи сверкающего меча, тем больше восхищался искусством его обладателя. Воин отражал удары и тут же делал выпады, не останавливаясь и не сбавляя темпа, когда клинок рассекал дерево, плоть и кость. Казалось, смертельную силу оружию придает не держащая его рука, но сам свист несущегося с бешеной скоростью тяжелого лезвия, опасного, как вовсю крутящийся пропеллер. И нападавшие явно его боялась.

Рыча от пьяной ярости, они держались за пределами смертельного круга, пытались наносить удары издалека или швырять кинжалы и ножи, которые ударялись о металл и отлетали в

сторону.

Но далеко не все были осторожны — внутри круга валялись трупы с рассеченным горлом и расколотым черепом, а из толпы, пошатываясь, то и дело выбирался очередной неудачник, стеная и держась за перебитую руку. Кто-то помогал оставшемуся без кисти товарищу перевязать кровоточащий обрубок.

Воин продолжал отбиваться, распевая песню без слов в такт пляске сверкающей стали. На глазах у Гранта он шагнул вперед и, выдохнув, ударил наотмашь — кровавое лезвие вылетело на фут за пределы круга. Наградой смельчаку стали три вопля разом. Толпа поспешно попятилась, ругаясь и толкаясь, пока не остановилась на более почтительном расстоянии. Один из нападавших корчился на полу, пытаясь остановить хлещущую из перерубленной руки кровь. Он умирал, не достойный даже удара милосердия.

Как бы стойко ни держался воин, ясно было, что вечно так продолжаться не может. Он уже тяжело дышал, и враги норовили подкрасться к нему из-за колонны. Один промах, одна ошибка — и его сомнут, набросившись со всех сторон.

Грант вдруг понял, что ему жаль рослого воина. Кровавое искусство, которое тот демонстрировал,

не заслуживало того, чтобы пропасть в этом амбаре или таверне. Затем пришла мысль, что, как только воина убьют, наступит очередь самого Гранта. Лишь поющий и кружащийся в танце клинок расчищал пространство у колонны, не давая толпе прорваться к ней и сбить беглеца с его балки.

Грант вцепился в черное от копоти дерево; к горлу подступила тошнота. Что он делает в этом воплощенном кошмаре? Может, его сбила машина и все это лишь коматозный бред?

Словно в ответ на эти раздумья в грудь ему врезалась брошенная бутыль. Удар и треск рвущейся ткани были вполне реальны, как и боль в лодыжке, куда угодила дубинка. Он преисполнился тошнотворной уверенности, что, даже если это действительно сон, безопаснее воспринимать происходящее как безжалостный факт. Похоже, ему грозила настоящая смерть, окончательная и бесповоротная.

Лестницу наконец прислонили к дальнему концу балки, и люди толкались возле нее, пытаясь опередить друг друга. Верзила в меховых штанах взобрался на три перекладины, но получил от другого удар по затылку табуретом и свалился. Обладатель табурета полез наверх, за ним после-

довали еще пятеро или шестеро. Пошатываясь, но с легкостью держась на ногах, они побежали по балке к Гранту.

Передний остановился и вскинул табурет над головой, чтобы нанести сокрушительный удар. Бежавший следом не успел остановиться и налетел на него, толкая вперед, и в то же мгновение Грант понял, что ему нужно оружие. Воспользовавшись замешательством верзилы, Грант подался вперед, схватился за ножку табурета и дернул. Потеряв равновесие, противник с хриплым воплем полетел вниз, прямо в очерченный мечом круг. Воин небрежно махнул клинком вбок, перерезав горло упавшему, а затем поднял голову, подумав, что его атакуют сверху. Увидев стоявшего лицом к нападающим Гранта, он широко улыбнулся.

— Ого! Друг! — Он еще раз взмахнул мечом, получив в ответ проклятие и крик боли, и слегка переместился в сторону, вновь бросив взгляд на Гранта. — И как раз вовремя!

Словно двигаясь самостоятельно по некой заранее определенной траектории, меч плавно взмыл над головой воина и перерезал сухожилия на лодыжках двоих стоявших на балке. Оба с визгом свалились в толпу. Следующий попытался

отступить, но лишь вывел из равновесия остальных, которые посыпались, усугубляя всеобщее замешательство.

Толпа отступила, возомнив, что подверглась нападению сверху.

Сунув покрытую кровью палицу в петлю на поясе, воин несколькими яростными выпадами меча отогнал толпу еще дальше, а затем бросился к колонне, как будто хотел разделаться с теми, кто за ней прятался. Но там оказался лишь один, он прянул назад, налетел на скамью и упал. Укрывшись от толпы за колонной, воин рассмеялся и протянул свободную руку Гранту.

— Давай, приятель, помоги мне забраться наверх, и сматываемся отсюда.

То были первые дружеские слова, которые услышал Грант среди многоголосого кровожадного рева, и внезапно происходящее обрело для него смысл. Быстро, но без паники Грант уселся на балке, ухватившись правой рукой за колонну, протянул вниз левую и ощутил, как за нее ухватилась мозолистая ладонь.

Воин потянулся наверх, и Грант едва не завопил от боли — как будто руку выкручивали из суставов. Но в следующий миг рубака зацепился рукояткой меча за балку и с легкостью

взобрался на нее. Большая часть его веса, однако, пришлась на худую руку Гранта, причем он оказался даже крупнее и мускулистее, чем выглядел снизу, — как минимум триста фунтов плоти и снаряжения.

Не обращая внимания на звон и лязг летящих в него бутылок, кинжалов и прочих мелких предметов, воин убрал меч в ножны и всмотрелся в темный конец зала. Даже не оглянувшись на Гранта, он двинулся к дальней стене. Грант пошел следом, потирая натруженную руку, но вместе с тем испытывая странную радость оттого, что может теперь идти по узкой балке без малейшего страха.

Впереди виднелся ряд маленьких окон, над которыми уходила под углом в темноту почерневшая от копоти крыша. Воин постучал по стене рукоятью меча и удовлетворенно кивнул, словно нашел выход.

Дав знак Гранту подойти ближе, воин указал на стену, увешанную чем-то похожим на тугие мешки и гирлянды. Пахло прогорклой едой, и Грант понял, что неаппетитного вида предметы — скорее всего, копченое мясо и травы. Легко, словно пушинку, сняв два связанных между собой окорока, воин повесил их на шею Гранту,

который оказался не готов к такому подарку и едва не упал с балки. Но воин молниеносным движением утвердил его на ногах.

Пренебрежительно фыркнув, боец рассмеялся, уперся ладонями в перекладину над головой и принялся со всей силы бить ногами в доски. Каким бы массивным и сильным ни выглядел он, Грант сперва не поверил своим глазам — даже супермен вряд ли способен несколькими пинками проделать дыру в стене здания. Однако тот продолжал бить, и вот слетела первая доска. На лекциях по архитектуре Гранту рассказывали о мошенниках, использовавших при строительстве непрочные материалы — такие же, как и эти доски, судя по звуку сделанные явно не из здоровой сухой древесины. Когда наружу улетела вторая планка, Грант предположил, что гвозди здесь заменили жевательной резинкой, и решил не забивать себе этим голову. В проеме виднелась ночная тьма, в ней ледяной ветер кружил снежинки — мало похоже на весеннее солнце, которое он в глубине души рассчитывал увидеть. Ни секунды не колеблясь, воин глубоко вздохнул, присел у края дыры и выпрыгнул наружу.

С трудом балансируя на балке, Грант глядел в темноту, не сулившую ничего хорошего. Впрочем,

от нерешительности не осталось и следа, когда он получил палкой по ноге. Остаться — значит принять недостойную и крайне мучительную смерть от озверевшей толпы. Подобной участи он предпочел бы любую другую. Неверной походкой добравшись до конца балки, он неуклюже попытался присесть, как до этого воин, а потом вывалился в холодную снежную тьму.

III

Снаружи у стены намело такой сугроб, что Гранту пришлось побарахтаться в нем, прежде чем удалось выбраться.

Никогда еще он не чувствовал себя столь отвратительно. Болело все тело, покрытое синяками, свисавшие с шеи окорока казались отлитыми из свинца, одежда промокла от тающего снега, а несомые ледяным ветром снежинки больно кололи лицо.

Вокруг ничего нельзя было разглядеть — лишь тьма и холод. Где-то впереди раздался крик, и Грант заковылял на него. Снег доходил до пояса, ветер пронизывал насквозь тонкую ткань свадебного костюма. Преодолев несколько ярдов, он обнаружил нечто вроде тропы — здесь прошли люди, слегка примяв снег. Он подпрыгнул от

испуга, когда за него ухватилась чья-то рука.

— Иди за мной, приятель, и не потеряй окорока, иначе перережу тебе тощее горло.

Воин двинулся вперед, прокладывая узкую канавку в глубоком снегу, и Грант поспешил следом.

На нем были черные туфли с острыми носками, дорогие, блестящие, — по крайней мере, такими они выглядели, когда Грант видел их в последний раз. Сейчас он не мог их разглядеть, зато отлично чувствовал. Они идеально подходили для танцев или свадеб, но для ходьбы по снегу совершенно не годились. Грант пробирался сквозь снежные заносы, страдая от жалости к себе.

Он хотел было попросить шедшего впереди о небольшой передышке, но в голову пришла жуткая мысль, что остановиться — значит замерзнуть насмерть, и лишь она одна вынуждала его переставлять онемевшие ноги. Грант следовал за воином, сперва рассчитывая, что тот в конце концов приведет в дом или другое теплое место — вряд ли его самого радует путешествие по адской зимней равнине, — но вскоре перестал надеяться на благополучный исход. Лишь шагал за движущейся тенью, словно она символизировала постоянно ускользающее тепло.

Небо уже светлело, вокруг проглядывали заснеженные просторы. Казалось, даже свет причинял боль его онемевшим, почти превратившимся в ледышки нервам.

В рассветных сумерках по обеим сторонам виднелись деревца. Чем дальше, тем они выше и толще, и наконец путники очутились в густом лесу, где уже не дул пронизывающий ветер, а на земле лежал лишь тонкий слой снега. Грант шел за воином в варварских доспехах, и разум постепенно оттаивал, появлялись вопросы, на которые не было ответов. Так продолжалось, пока не кончился лес, пока не осталось ничего, кроме убийственной стужи и глубокого снега.

Закрыв глаза от ветра, Грант пытался ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Они брели по какой-то колее — возможно, проложенной под снегом дороге, — а потом по поросшему деревьями склону. Воин зашагал быстрее, и Грант нагонял его, поскольку идти под уклон было легче. Дувший в спину ветер поторапливал, будто холодное копье кололо в спину.

Впереди, в укрытой от ветра впадине, мерцал костерок. Грант впервые понял, что они наконец достигли цели своего путешествия, когда раздался хриплый окрик:

— Кто?!

Послышался скрежет извлекаемого из ножен меча.

— Акер Амен и пара окороков. Посторонитесь, лентяи! Пустите к огню!

Воин вышел к костру, Грант нетерпеливо следовал за ним. Прежде чем он успел протянуть руки к манящему теплу, человек с мечом прыгнул вперед и схватил его за перед рубашки.

— Акер, это не Бегильн! Что с ним случилось и кто этот хлюпик с мясом на шее?

Акер Амен встал у самого огня, чтобы побыстрее согреть промокшие ноги, и нахмурился:

— Бегильн дурак, и теперь он мертв. Я тоже был бы мертв, если бы не появился этот чужак, и нам вместе удалось сбежать из поганого логова. Оставь его.

Мечник отпустил Гранта, и тот без сил опустился на землю. Один из окороков плюхнулся в грязь рядом с Акером, который снял с пояса кинжал, отрезал кусок мяса и начал задумчиво жевать — вероятно, размышляя о недавней схватке. Презрительно фыркнув, он ткнул кинжалом в сторону мечника.

— Оставь его, Грайф. Послушай лучше, какая нелепая смерть постигла Бегильна. Мы сидели в

кабаке и допивали третью или четвертую бутылку. Местные жители все как один грязные тупые уроды, они и на людей-то не похожи, сущие звери. Их ничто не заботит, кроме вонючего бога Н'тиг'ты — страшилища с большущим брюхом и пустой башкой, куда они кладут подношения. Там повсюду расставлены кумирчики, приходится под ноги смотреть, как бы не сшибить божка ненароком.

Грант со стоном повернулся к огню другим боком.

— В общем, сидим мы, выпиваем-закусываем. Бегильн и впрямь дурак, если не соображал, что к чему, — он ведь там уже бывал. Знаешь, что учудил? Сидел, жевал траву, а потом взял и плюнул — я даже остановить его не успел.

У Грайфа, второго воина, от удивления отпала челюсть.

— Не может быть!

— Да! — рявкнул Акер. — Он принял идола за смешную такую плевательницу. Ну и харкнул в черепушку, и тут эти изуверы в меховых штанах поднимают такой рев, что за десяток лиг слышно. Пришлось нам схватиться за мечи и подраться чуть ли не со всем проклятым селом. Бегильна прикончили, а мне удалось дать деру.

— А этот? — Грайф кивнул в сторону скорчившегося на земле Гранта. — Что ты собираешься с ним делать?

Акер отрезал еще мяса.

— Ничего я с ним делать не собираюсь. Он просто оказался рядом, вот я и захватил его с собой, чтобы тащил окорока. Мне хотелось, чтобы рука с мечом оставалась свободной. Собственно, я даже не знаю, кто он такой. — Он ткнул Гранта здоровенным, дюйма три длиной, пальцем под ребра. — Эй, ты вообще кто?

Грант с трудом открыл один глаз, пытаясь собраться с мыслями.

— Меня зовут Грант О'Рейли, я студент Колумбийского университета. Я просто… просто стоял… когда…

Он запнулся, пробуя описать, что с ним случилось, и голова снова упала на грудь. Прыщавый парень лет шестнадцати, до этого державшийся позади, метнулся вперед, крича:

— Вы слышали? Студент! Студент-маг, вот кто он такой! Я перережу ему горло, выпью кровь, заберу одежду и…

Схватив Гранта за волосы, парень закинул его голову назад и достал видавший виды кинжал. Акер сильным пинком повалил юнца в снег.

— Ты будешь делать только то, что я тебе велю: таскать вещи и готовить еду. Оставь его в покое. Даже если это студент, он умеет драться, в отличие от тебя.

Парень попятился, шмыгая носом, потирая ягодицу и бросая зловещие взгляды на Гранта. Тот не обращал внимания — он уже засыпал.

Всю ночь в обрывках сновидений ему являлись картины бегства и сражения с толпой, в которые вплеталось услышанное от Акера Амена. И постепенно, словно парализующий душу холод, приходило понимание, что эти люди разговаривали и поступали так, словно иного образа жизни отродясь не вели и никогда не допускали возможности его существования. Каким бы образом ни оказался здесь Грант, его мир — мир денег, кондиционеров, теплых постелей, быстрых автомобилей, полиции и медицинской помощи — теперь невероятно далек, может быть, он на другом конце Галактики, и вряд ли есть шанс туда вернуться.

Воспоминания о цивилизации и комфорте, как и надежда на спасение, постепенно угасали, пока не стали казаться лишь несбыточными фантазиями.

Юнец залил костер водой, и шипение пробуди-

ло Гранта от тяжелого сна.

Снова шел снег.

Грант чувствовал себя полностью разбитым. Все мышцы страшно болели, члены онемели настолько, что он едва мог пошевелиться. Он лежал лицом к огню, а спина окоченела, ноги были мокры, из носа текло. Сев у дымящегося кострища, Грант попытался собраться с мыслями. Возможно, он в каком-нибудь диком уголке, на Аляске или в Гренландии. Возможно…

Обхватив руками колени и опустив на них подбородок, он уставился на изуродованные туфли. Для него это была не просто обувь, а символ, продукт цивилизации, элемент упорядоченного мира. Одна безумная ночь — и этого мира не стало, а вместе с ним исчезли безопасность и комфорт. Туфли превратились в лохмотья, сквозь которые виднелась синяя кожа — его собственная. Утерев нос рукавом пиджака, он горько всхлипнул.

Все так же падали со свинцово-серого неба белые хлопья, издавая едва слышный шелест. Грант встряхнулся, сбросив со спины снег. Вдруг стало ясно, почему погасили костер — его оставили одного.

Забыв о боли и усталости, вновь охваченный

желанием выжить, он вскочил на ноги, оскальзываясь в грязной жиже. Поляна была пуста.

— Акер! — закричал Грант срывающимся от ужаса голосом. — Акер Амен! Э-э-эй!

Казалось, будто он кричит в море птичьего пуха. Обежав вокруг поляны, Грант заметил ведущие за деревья следы. Отпечатки ног были свежими, но их уже заметало. Грант пошел по следу, зная, что это его единственный шанс выжить в холодной глуши. Акер наверняка ему поможет, должен помочь. Впервые Грант понял, насколько беспомощен он сам. Если не найдет людей, к ночи он будет мертв.

Он продирался через лес, то и дело спотыкаясь и падая. Добравшись до небольшого подъема, понял, что оказался на той же колее, которая привела ночью к поляне. По склону вдали поднимались три нечетких силуэта. Услышав его крик, люди остановились. Грант бросился к замыкавшему группу Акеру.

— Вы не можете уйти… а меня бросить! Возьмите с собой!

Акер Амен поправил пояс с мечом и равнодушно взглянул на Гранта.

— Зачем?

Грант раскрыл было рот, но не смог придумать,

что сказать. Ответа на сокрушительный вопрос просто не существовало. Зачем этим людям ему помогать? Он понимал, что апеллировать к человечности или дружбе совершенно бесполезно. Здешнее общество основано на иных принципах. Мысли лихорадочно сменяли друг друга. Предложить помощь самому? В бою от него проку не будет, минувшая ночь ясно показала Амену, что воинских навыков у чужака нет. Впервые за свою двадцатипятилетнюю жизнь Гранту захотелось променять ум на силу и позабыть о том, что он цивилизованный человек.

Но пусть он и слаб, все равно может пригодиться.

— Я понесу ваши вещи…

Грант умолк, заметив, что у Акера и Грайфа, кроме оружия, ничего нет, если не считать увесистых поясных кошельков. Акер ответил на его немой вопрос, ткнув пальцем в сторону.

Пробегая мимо парня, Грант был настолько охвачен паникой, что не заметил его ношу. Теперь же он увидел гигантский тюк, увешанный котелками, мешками и свертками и увенчанный краденым окороком. Этот чудовищный груз отнимал у юнца все силы; сейчас он сидел на пригорке, тяжело дышал и злобно глядел на чужака.

Носильщик в маленьком отряде уже был.

Акер Амен повернулся и двинулся дальше, но внезапно остановился, наклонив голову. В то же мгновение Грант услышал отдаленный рокот, похожий на приглушенный барабанный бой.

— Всадники! В лес! — крикнул Акер, бросаясь в кусты. Грант ошеломленно замер, оказавшись на пути Грайфа; тот столкнул его в глубокий снег и скрылся за деревьями.

Носильщик не успел покинуть дорогу до того, как появились всадники. Гранту удалось разглядеть лишь одного из них — женщину с длинными развевающимися светлыми волосами и в золоченом нагруднике, — когда они вылетели на дорогу. Издав хриплый вопль, женщина наклонилась в седле и с размаху нанесла удар мечом. Юнец упал точно подкошенный, сорвавшийся окорок полетел в одну сторону, голова убитого — в другую. Из перерубленной шеи хлынули струи густой крови, окрашивая снег в алое.

Двое воинов вновь появились на обочине, выкрикивая проклятия вслед всадникам. Издали донесся звонкий девичий смех, и ругательства зазвучали громче. Грант выбрался из холодных объятий снега, торопясь стряхнуть с себя налипший, прежде чем растает.

— Эй, ты… Грант О’Рейли! Все еще хочешь идти с нами? Нужно, чтобы кто-то тащил барахло.

Акер и Грайф расхохотались, колотя друг друга по спине. Грант счел их шутку самой безвкусной из всех возможных. И все же он с трудом скрывал облегчение и радость — смерть юнца, пусть и безвременная, давала ему единственный шанс выжить.

Он стащил лямки с неподвижного тела, пытаясь не смотреть в полные укора глаза отрубленной головы, и уже собирался взвалить на плечи тюк и двинуться дальше, когда Акер напомнил ему, что в этом жестоком мире главное — выживание.

— Можешь забрать и его одежду. Если, конечно, не хочешь остаться в том, что на тебе.

Перебарывая брезгливость, Грант последовал совету, пока Акер Амен и Грайф ждали, прислонившись к дереву и обмениваясь замечаниями. Снегопад ослаб, а затем и вовсе прекратился, пока Грант раздевал посеревший труп, снимая шкуры, державшиеся на ремнях и шнурках, и куски грязной ткани, которую тут же отшвырнул, заметив черные точки разбегающихся вшей.

Акер Амен нетерпеливо переступил с ноги на ногу, скрипнув кожей доспехов.

— Давай быстрее.

Трудно было разобраться с замысловатыми одеяниями, но в одной большой шкуре имелся вырез посередине, а когда Грант просунул в дыру голову и опоясался кожаным ремнем, с которого свисал кинжал, получилось неплохое пончо, защищавшее от холодного ветра. Внезапный зуд дал знать, что в шкуре есть и другие обитатели, но сейчас это мало беспокоило Гранта. Почувствовав себя несколько лучше, он сел на снег и сбросил с посиневших ног раскисшие туфли, шипя от боли при каждом прикосновении, а затем обулся в неуклюжие сапоги, едва сдержав ругательство.

Сапоги оказались теплыми и на удивление мягкими внутри. Грант встал, слушая, как они поскрипывают. Он понял, что это маклаки, мягкая кожаная обувь, набитая сеном, — такую носили эскимосы. В ней было куда удобнее, чем в туфлях, хотя все равно казалось, будто демоны ада вонзают ему в ноги раскаленные иглы.

Рядом с трупом на снегу лежали тряпки разной формы и величины. Неуверенно рассмотрев их, Грант намотал одну на шею вместо шарфа, а другой, широкой посередине и узкой на концах, обвязал голову на манер женского платка. Судя по хохоту Акера и Грайфа, предмет имел иное предназначение, но, по крайней мере, он не даст

замерзнуть ушам.

Акер повернулся, намереваясь идти дальше. Бросив остальные тряпки возле голого безголового тела, Грант взялся за тюк.

Тот оказался достаточно тяжелым, но решение пришло быстро. Грант встал на колени и просунул в замерзшие лямки руки, а затем стал перебирать ими по стволу молодого деревца, пока не смог полностью выпрямиться, приняв вес на ноги.

К нему вернулась способность трезво рассуждать, которой он был лишен еще полчаса назад, изнывая от стужи. Холодно было и сейчас, но он мог двигаться и думать, мороз уже не сковывал его разум, и от физических усилий становилось теплее. Грант огляделся, ища поддержки, но Акер и Грайф успели скрыться в безмолвном заснеженном лесу, оставив лишь двойную цепочку следов.

Шатаясь под объемистым грузом, но уже гораздо меньше боясь, он пошел на приглушенные голоса.

IV

Ему пока не угрожала никакая опасность, у него было свое место в отряде, работа согревала,

ноги уже не так сильно болели. Впервые за все время пребывания в этом мире он почувствовал, что желудок пуст. На ходу отрезал кусок окорока и сунул в рот, который сразу же наполнился слюной. Вскоре по телу разлилась приятная сытость. Грант наелся до отвала, хотя, не будь он так голоден, окорок наверняка показался бы ему несъедобным. Никогда еще на своей памяти он не пропускал подряд три приема пищи и не тратил столько сил разом. Поэтому жесткое, плохо прокопченное мясо показалось настоящим лакомством.

Гранта несколько озадачивали его собственные ощущения. Судя по тому, что он знал о себе и о своем здоровье, сейчас он должен падать с ног от усталости или вообще умирать, а не радоваться простой возможности поесть, не наслаждаться ослепительной белизной снега. Ему говорили, что он слаб здоровьем, что следует избегать перегрузок и лишних волнений, но вряд ли больной человек смог бы вообще поднять этот чудовищный тюк. Грант поднял его, потому что перед ним стоял выбор: или нести, или распрощаться с жизнью. Каждый шаг требовал огромных усилий, но, вероятно, напряжение помогало работать мышцам, а боль объяснялась лишь их долгим

бездействием.

Почему он вообще считал себя инвалидом?

Потому, что это ему внушала мать, и потому, что у него бывали приступы.

Оскальзываясь и хватаясь за кусты, он шел по следам, которые тянулись вдоль насыпи и уводили влево, вдоль русла высохшей реки.

Это русло было настоящим кошмаром для человека, не имевшего опыта хождения по зимнему лесу. Прячущиеся под снегом корни цеплялись за ноги, ветви били по лицу, сбрасывали свой груз на голову. Гранту вспоминались эпизоды из романов Купера, в которых искусные охотники бесшумно пробирались по чаще, — и как же он завидовал литературным героям, как жалел, что сам — не один из них! Вот бы ему ходить беззвучно, по-индейски, и не уступать Акеру Амену в силе!

Гладкие подошвы маклаков скользнули по склону, и Грант позорно растянулся на снегу. Пришлось искать опору, чтобы встать, и он потерял немало минут, прежде чем смог двинуться дальше. Грант О'Рейли относился к падениям и ушибам без прежнего страха за здоровье — его гнала вперед злость на собственное нетренированное, изнеженное тело. Нужно догнать Акера

Амена и Грайфа, доказать им, что он вовсе не бесполезный увалень.

Но они постоянно ускользали, хотя иногда он слышал впереди голоса. Проходили часы, и Грант вспоминал, как нежно мать заботилась о нем, как просила избегать ненужных волнений и держаться подальше от других детей. Почему он ей верил?

Наверняка виной всему были припадки, лишавшие способности соображать и двигаться. Но теперь, когда все мышцы пылали огнем, когда приходилось работать на износ, он вовсе не чувствовал себя больным. Вчера он очутился на волосок от смерти, испытал страх, какого еще ни разу в жизни не испытывал, — и при этом не было приступов, не было даже просто болезненных ощущений. Более того, ему казалось, что все его чувства обострились, а разум обрел невероятную ясность. В чем же причина прежних недомоганий?

Оскальзываясь на очередном коротком спуске по речному руслу, Грант оперся о берег и тут же свалился на бок — рука ушла в снег, что засыпал кусты и придал им вид твердой почвы. И пока он лежал неподвижно, к нему как будто пришел ответ. Язва желудка в порядке вещей для деловых

людей, ведущих сидячий образ жизни и часто подвергающихся стрессам. А дети куда больше нуждаются в физической активности, чем взрослые. Так что, скорее всего, причиной его болезни стала излишняя заботливость матери.

Разозленный подобными мыслями, Грант выкарабкался из кустов и, пошатываясь, вышел на яркий свет зимнего солнца. Скрежеща зубами, он двинулся по следам неуловимых Акера и Грайфа. Он докажет матери, что вполне способен стать таким же дикарем, как эти люди, и напрасно она пыталась сделать из него изнеженного, хилого белоручку.

Похоже, с горечью подумал Грант, воины слишком меня презирают, чтобы идти рядом.

Но они, конечно, знают, что носильщик плетется следом — его топот и треск ветвей слышны далеко.

Уловив хруст сучка впереди и бормотание, он прибавил шагу. Если удастся нагнать воинов, он попросит о передышке. Выбравшись из сухого русла на невысокий берег, Грант обнаружил сломанную ветку, но наверху никого не оказалось — лишь отпечатки ног. Спутники потоптались на месте, будто о чем-то споря, а затем двинулись дальше.

Грант последовал за ними. Лес стал реже, земля ровней, и теперь можно было идти быстрее, не оступаясь. Выйдя на широкую поляну, он успел увидеть двоих воинов, скрывающихся в лесу на противоположной стороне. Он попытался радостно закричать, но получился лишь слабый хрип.

Который, однако, был услышан. Из зарослей позади Гранта раздался грозный рык.

В этом рыке слышалась звериная сила, и у Гранта душа ушла в пятки. Из зверей, известных ему, ни один не мог так рычать — и не было никакого желания поближе познакомиться с такой тварью. Грант что было духу побежал через поляну. В зарослях за его спиной трещали ветки. На середине поляны он оглянулся, и это было его ошибкой. Споткнувшись, он растянулся на снегу и не смог собрать силы и подняться, даже когда зверь выскочил из леса.

На первый взгляд тварь походила на черного кенгуру, но на самом деле не имела с ним ничего общего, кроме мощных задних лап. Передние лапы, короткие и толстые, заканчивались кривыми белыми когтями. Вытянутая морда напоминала волчью, но была увенчана подвижными ушами с кисточками, как у рыси. Голова чутко поворачивалась во все стороны, пока зверь не остановил

свой взгляд на Гранте. Чудовище снова рыкнуло, показав два ряда острых зубов, и атаковало.

Грант попытался вытащить кинжал, глядя на несущегося к нему по снегу зверя. Снять оружие с пояса удалось, но как отбиваться им от монстра, чьи когти длиннее этого клинка?

Покрытые черной шерстью лапы ударились оземь в шести футах от Гранта, зверь подобрался для последнего прыжка. Грант увидел крошечные зеленые глазки, стекающую с зубов на темный мех слюну.

Внезапно послышался глухой звук — как будто топор вонзился в дерево. Между глазами твари появилось оперенное красное древко. Лапы дернулись, громадное тело завалилось на бок, наполовину утонув в снегу.

Грант еще несколько мгновений ошеломленно смотрел в потускневшие глаза, затем быстро огляделся. Лес безмолвствовал, он казался совершенно безжизненным. Гранта вдруг начала бить сильнейшая дрожь — после тяжелого перехода навалилась усталость пополам с запоздалым страхом смерти. Чаща была полна неведомых черных чудовищ и несущих гибель стрел.

Грант с трудом поднялся на ноги, сражаясь с весом тюка, — отчего-то казалось, будто на плечи

ему давят тяжелые лапы, — и, спотыкаясь и крича, побежал напролом через лес. Он наверняка врезался бы в дерево, если бы его не остановила чья-то сильная рука.

Он пытался вырваться, вопя от ужаса, и в конце концов освободился от ноши. Удара в лицо Грант не почувствовал, лишь осознал вдруг, что сидит на земле, а перед глазами рассеивается красный туман.

Потом он увидел стоящего над ним Акера Амена и понял, что жизни ничто не угрожает. Его, лишившегося последних сил, снова затрясло.

Сердито глядя на Гранта, Акер Амен дал ему крепкого пинка.

— Что за шум? Твои вопли, должно быть, слышали в Плачущих горах.

— Зверь, — тяжело дыша, выдавил Грант. — Никогда такого не видел. Черный, большой, с большущими когтями и длинными задними лапами. Он хотел…

Похоже, приметы чудовища были знакомы Акеру. Наполовину вытащив меч, он вгляделся в заросли.

— Проклятье! По нашему следу идет берлокот. За тобой охотится…

Побледнев, Грант поспешно отверг это пред-

положение.

— Нет, его убила стрела… Отличный выстрел. Но я не видел, откуда она прилетела.

Он лежал на земле, давая телу отдохнуть от тяжкого бремени. Акер Амен, лесной житель, наверняка мог справиться с любым зверем. Перед глазами Гранта вдруг застыли ноги в меховой обуви, а затем донесся шепот воина:

— Какого цвета была стрела?

— Красного.

Подняв голову, Грант увидел внезапно проступивший на лбу Акера пот. Воин медленно взялся слегка дрожащей левой рукой за рукоять меча и извлек его из ножен полностью.

— Мы пришли с миром и уйдем с миром! — Его голос звучал громко и подчеркнуто спокойно. Казалось, будто Акер обращается к деревьям. — Мы не враги праведникам Алькахара, мы готовы пройти испытание.

Держа меч кончиками пальцев, Акер осторожно воткнул его в снег. Сделав вежливый жест, он отошел в сторону и прошипел Гранту:

— Поднимайся, безмозглый чужеземец! И не спеши. Очень аккуратно положи свой кинжал.

Грант подчинился, а когда поднял взгляд, увидел выходящих из-за деревьев людей.

V

Они шли со всех сторон — мужчины в черных плащах с капюшонами, у каждого длинный красный лук за спиной и пучок алых стрел за поясом. Их движения были бесшумны — громче падает осенний лист, — а лица напоминали лица мертвецов: серые, бескровные, со сверкающими в темных провалах глазами.

Грант попытался прочитать в этих глазах какие-то чувства, но если таковые и были, души их обладателей давно умерли, сгнили и высохли. Как будто он смотрел в лица мумий.

Спокойный голос Акера Амена словно развеял дурной сон:

— Я померяюсь с вами силой, а мой товарищ померяется… — Он бросил презрительный взгляд на Гранта и пробормотал: — Чем ты вообще владеешь, черт бы тебя побрал? Мечом, кинжалом, дубинкой, луком?

Грант вспомнил, что обладает навыком, который может пригодиться в этих первобытных краях. В колледже он занимался стрельбой из лука — видом спорта, который считается легким. Внезапно он услышал свой дрожащий голос:

— Пожалуй, возьму лук, если только…

— Мой товарищ померяется с вами меткостью, — громко произнес Акер. — Кто примет мой вызов?

Ответа не последовало, но вперед шагнул высокий человек в черном, снимая с плеча лук и вытаскивая из-за пояса стрелы. Он откинул капюшон и показал голову, безволосую, гладкую, с безучастным выражением лица, — голова статуи с каменными глазами.

Акер сбросил на снег оружие и доспехи. Теперь он выглядел куда моложе и гибче, и Грант устыдился: ведь это, в сущности, его ровесник, а какая у него сила, какие навыки, какой жизненный опыт! Воин разминал мышцы, ощупывая противника оценивающим взглядом.

Остальные молчали, будто набрав в рот воды. В заснеженном лесу царила тишина, лишь где-то зашуршала еловая ветка, сбрасывая свое белое бремя.

Двое слегка наклонились вперед, а затем, словно жалящая змея, высокий в темном плаще метнулся к Акеру, целя растопыренными пальцами ему в лицо. Столь же молниеносно воин отбил его руку, словно отмахиваясь от насекомого, и ударил в ответ кулаком. Но выпад высокого был лишь уловкой — практически одновремен-

но ударила другая рука, способная прикончить кого послабее. Акер охнул от боли, и его кулак скользнул по ребрам противника, развернув того в сторону. Короткий и яростный обмен ударами закончился, когда противник подсек ноги Акера. Падая, воин с кошачьей ловкостью вцепился во врага, опрокинул его и тяжело приземлился сверху.

Незнакомец в плаще сумел подняться на ноги вместе с повисшим на его спине Акером. Оба снова упали, вздымая клубы снега, и жилистые пальцы высокого потянулись через плечи Акера, ища глаза. Воин уткнулся лицом в спину противника, пряча глаза в складках капюшона, и слегка изменил позу. Мышцы его рук напряглись, рубаха начала рваться на плечах.

Несколько мгновений они лежали неподвижно, но при этом напрягали все силы. Засыпанные снегом, единоборцы напоминали мраморную скульптуру. Внезапно раздался негромкий звук, напоминавший треск сухой ветки, и Акер, тяжело дыша, поднялся на ноги, оставив на снегу бездыханное тело со сломанным позвоночником.

Грант испуганно огляделся вокруг, но зрители оставались бесстрастными, не выказывая ни скорби по погибшему товарищу, ни желания

отомстить.

Неожиданно кто-то сунул в руки Гранту лук и шесть стрел. Он тупо смотрел на оружие, пока не услышал яростный шепот Акера Амена:

— Стреляй, придурок! Попади во что-нибудь маленькое. Их человеку придется стрелять так же метко.

С тяжело бьющимся сердцем Грант сунул пять стрел за пояс и положил одну на тетиву. Лук показался чересчур тяжелым и неприкладистым. Неплохо бы сделать несколько пробных выстрелов, но такой возможности, конечно же, у него не было. Руки все еще дрожали, но Грант надеялся, что сумеет натянуть тетиву. Оглядевшись, он заметил белый шрам на темном стволе высокого, похожего на дуб дерева — вполне подходящая мишень.

Тетива была очень тугой. С немалым трудом Грант оттянул ее на всю длину стрелы и отпустил — с ужасом увидев, что промахнулся на целых шесть футов.

Стрела продолжала полет, снижаясь, и ударилась о дерево десятью ярдами дальше, угодив в короткий побег и пригвоздив его единственный лист к коре. Будь это мишенью Гранта, он счел бы свой выстрел отменным, с учетом большой

дистанции.

Люди в плащах повернулись, следя за полетом стрелы, и не увидели, как он вздрогнул, переживая свой промах. Уже в следующий миг постарался вести себя как ни в чем не бывало, несмотря на гневно сдвинутые брови Акера. Воин понял, чего стоит Грант как стрелок.

К Гранту подошел один из праведников Алькахара и откинул свой капюшон. Череп был гладко выбрит, бледную кожу усеивали крестообразные ранки. Они располагались на равных расстояниях, и Грант с содроганием понял, что незнакомец нанес их себе сам.

Послюнив палец, праведник узнал направление ветра и расставил ноги пошире. Несколько мгновений он оценивал расстояние и мишень, затем молниеносно натянул тетиву и отпустил ее. Стрела пронеслась алым размытым пятном на фоне свинцового неба, взмыв, а затем спикировав. Она ударила в стрелу Гранта и расщепила ее пополам.

— Робин Гуд, — насмешливо пробормотал Грант, хотя у него внутренности сжимались от страха.

Теперь противнику предстояло стрелять первым, и Грант не надеялся, что ему удастся

превзойти такого меткого и уверенного в себе стрелка, как этот человек с ранками на голове.

Противник наложил на тетиву новую стрелу и постоял в расслабленной позе, пока один из его товарищей что-то высматривал в низкорослом подлеске.

Кто-то выдернул стрелы из-за пояса Гранта. Обернувшись, он с удивлением обнаружил рядом Акера, который сосредоточенно разглядывал стрелы, склонив голову набок.

— Похоже, тебе дали кривые. Ну-ка, ну-ка…

Он еще ниже склонился над стрелами, и что-то блеснуло в его руке. Прикрывая одну стрелу остальными, Акер натирал ее чем-то светящимся и шептал. Грант сумел разобрать слова:

— Пусть остер твой будет глаз, попадешь ты в цель сейчас…

Выпрямившись, Акер протянул стрелу Гранту:

— Бери. Вроде эта самая прямая.

Взглянув на нее, Грант не удержался от улыбки. Варвар пытался ему помочь, как умел. Акер нацарапал на плоском металлическом наконечнике изображение глаза, покрыл его краской и даже пробормотал над ним заклинание. Крошечный зеленый глаз смотрел на Гранта в ответ.

А потом глаз медленно моргнул и посмотрел

в сторону.

Грант вздрогнул и едва не выронил стрелу, с нарастающим ужасом осознавая, что древко слегка шевелится в его руке. Острие дергалось туда-сюда, словно нос взявшей след гончей.

В кустах послышался какой-то шум, и Грант перевел взгляд, радуясь возможности отвлечься. В тускло-серое небо взмыла вспугнутая стая маленьких, но жирных птиц. Противник Гранта натянул тетиву и плавно ее отпустил. Свистнула красная стрела, и одна птица рухнула наземь, пронзенная насквозь. Взгляды всех обратились к Гранту.

Как будто он и сам теперь смотрел на себя со стороны. Стрела легко улеглась на лук, который изогнулся словно по собственной воле. Грант даже не успел толком прицелиться, как его пальцы отпустили тетиву, и стрела понеслась ввысь.

Дальше произошло нечто необычайное — стрела повернулась на лету и пронзила бегущую по ветке белку. Грант потер глаза, убеждаясь, что ему не померещилось, а когда снова поднял голову, стрела торчала из ветки вместе с насаженными на нее тремя тельцами. Он победил со счетом три — один.

Послышался жуткий, нечеловеческий вопль

— в нем будто слились крик раненой кошки, надрывный вой койота и трубный рев слона; ко всему этому примешивались рыдания, плач и проклятия. Люди в черных плащах выли, запрокинув головы и широко, по-звериному, разинув рты. Грант упал на колени и закрыл глаза руками, ожидая, что на него обрушится град стрел.

Вой внезапно смолк. Осторожно убрав руки от глаз, Грант увидел, что поляна опустела, лишь кое-где еще шевелились кусты. Мертвеца унесли. О присутствии праведников Алькахара напоминали только его отчаянно бьющееся сердце и крепко сжатые в побелевших пальцах лук и стрелы.

Акер Амен тоже почувствовал ужас, которым был наполнен их последний вопль. Он вынул меч из снега и, бурно ругаясь, вытер клинок досуха. Грант подошел к брошенному тюку и без сил опустился на него. Свой поток брани Акер обрушил на Гранта:

— Безмозглый, криворукий, тупоголовый недоносок! Не учини ты суматоху с берлокотом, эти алькахарские маньяки нас вообще, может быть, не услышали бы. Мало того, из-за твоей отвратительной стрельбы мне пришлось потратить хорошее климейское заклинание! Гррр… — Ру-

гань сменилась гневным рычанием.

Застегнув на себе доспехи, Акер собрался было уйти, но остановился, яростно глядя на Гранта, который устало и без особого энтузиазма пытался поднять тюк.

— А ну, вставай! Нужно выбраться из леса дотемна.

Акер не сказал, почему нужно, но Грант и не нуждался в объяснениях. Он уже был сыт по горло лесными приключениями. Подняв руку, в которой сжимал лук и стрелы, он вопросительно посмотрел на воина.

— Оставь себе, — буркнул Акер. — Считается, что ты их выиграл.

Грант сразу ощутил, как обретенное оружие придает ему уверенности. Он снял с лука тетиву и сунул его вместе со стрелами в тюк, после чего взвалил гигантский груз на плечи и нагнал Акера у края поляны, на ходу поправляя ношу.

Внезапно он понял, что с ними нет Грайфа, причем уже давно.

— Где Грайф? — прохрипел Грант.

— Мы были на тропе, когда я услышал твой шум и вернулся. Должно быть, он ушел вперед и ждет нас. — Затем Акер добавил, словно произнося мрачную молитву: — Если достаточно далеко

ушел, он им не попадется.

Пять минут спустя за поворотом тропы они увидели Грайфа, который лежал ничком, вытянув руку и вонзив пальцы в снег, — чудовищная подушка, утыканная столь же чудовищными красными иголками. Из его спины и ног торчало не меньше двух десятков стрел.

— Дурак. Видимо, пытался бежать. — Акер обошел тело по широкой дуге, таща за собой Гранта. — Не приближайся к нему, иначе будешь выглядеть так же. Мертвецы для алькахаров — величайшая ценность, — проворчал он и добавил: — Их едят.

Едва усаженный стрелами труп скрылся из виду, Грант оперся о дерево, чтобы расстаться со съеденным недавно мясом.

VI

Они шли еще несколько часов. Акер злился и подгонял Гранта словами и пинками, но в конце концов сдался и зашагал медленнее, то и дело неслышно уходя вперед, чтобы разведать дорогу.

Уже в сумерках они приблизились к краю леса. Деревья внезапно закончились у обрыва — отвесной гранитной стены, вдоль которой нитью извивалась тропинка; в одном месте она расши-

рялась в зеленый, поросший деревьями уступ, а затем снова сужалась. Внизу простиралась долина, покрытая полями и лугами, а вдали поднималась полоска дыма — там явно жили люди.

Акер и Грант двинулись по тропе, покинув лес праведников Алькахара.

Дорога была не столь опасной, как казалось издали, — похоже, ее проторили много веков назад, но по ней все еще можно было пройти, а на самых сложных спусках были вырублены ступени. Свежий ветер сдувал с идущих снег, и Грант сосредоточился на том, чтобы удержать равновесие, не потерять тюк и не свалиться с крутого обрыва.

На полпути вниз встретилась небольшая пещера. Ее стены были закопчены, в снегу виднелись головешки, — видимо, путники останавливались здесь нередко. Пока Грант со стоном освобождался от клади, Акер прошел вперед, к поросшему деревьями уступу, и оттуда прилетели звуки разрубаемой древесины. Длинный меч годился для многих целей.

Стоило остановиться, как тяжело доставшееся тепло сразу же улетучилось. Грант запрыгал на месте, дуя на онемевшие пальцы.

Вскоре вернулся Акер с охапкой сухих веток.

Утоптав небольшую площадку возле стены, где камни скрывали свет костра, он уложил хворост конусом, настрогал горку щепок и извлек из кошелька металлическую коробочку. Грант решил, что там кремень и огниво, но, к его удивлению, Акер вытряхнул на ладонь оранжевую ящерку. Вялое от холода существо медленно приподняло веко, затем, явно недовольное, снова закрыло глаз и попыталось свернуться в клубок. Акер расшевелил питомицу пальцем и придвинул к ней пучок стружки. Похоже, необычное угощение обрадовало рептилию: вновь открыв глаза, она жадно проглотила древесину. Акер отколол несколько щепок подлиннее, величиной с зубочистку.

Грант страдал от холода, не видя никакой связи между игрой с питомицей и разжиганием столь желанного огня. Ящерка, поужинав, снова вознамерилась заснуть. Акер поднес ее поближе к горке щепок и сдавил хвост. Рептилия возмущенно закатила глаза и изрыгнула огненное облачко. Акер сунул ее обратно в коробку и подул на занявшийся хворост.

Грант почувствовал, как у него отваливается челюсть. Вспомнилось, что в сказках он читал про подобное существо — мифическую ящерицу,

питающуюся огнем.

— Саламандра! — пробормотал он.

— Угу, — буркнул Акер, продолжая раздувать костер. — Весьма полезная зверушка.

С заходом солнца снегопад прекратился, ветер утих. Костер шипел и трещал, отбрасывая мягкий свет на каменную стену. В животе у Гранта довольно урчало. Он выковырял кусочек хряща из зубов грязным пальцем, удивляясь своему отменному самочувствию. После тяжелейшего перехода он наслаждался отдыхом, прихлебывая кислое вино из заплесневелого кожаного бурдюка.

Открыв коробочку с саламандрой, он подразнил существо веткой. Рассерженная ящерка плюнула красным огнем, но Грант вовремя успел убрать пальцы. Чтобы успокоить ее оскорбленные чувства, предложил несколько вкусных щепочек. Ящерка с удовольствием сжевала дерево и выпустила из ноздрей струйку дыма.

Маленькая саламандра символизировала все свалившиеся на него хлопоты. По законам реальности она просто не могла существовать — как и эти странные люди с их невообразимыми обычаями, как берлокот, как магия, которую применил к стреле Акер. Либо Грант свихнулся и этот мир

— лишь порождение его больного рассудка, либо его каким-то невероятным образом перенесло сюда из его собственного мира, где бы ни находилось это «здесь».

— Акер, что это за страна?

— Тер-Клосскрасс, независимое свободное государство тирана Хельбиды, Натунланд. А в чем дело — ты заблудился, что ли?

— В каком-то смысле. — Грант возобновил чистку зубов ногтем.

Названия ничего ему не говорили. Названия… Они совершенно не похоже на английские, но ведь Акер изъясняется на превосходном английском. Ну, может, и не на превосходном, а на примитивном. Возможно, в этом и кроется ключ к разгадке.

— Акер, как так получается, что ты говоришь на отменном кстилпорфе… в смысле, хииопмерте…

Грант замолчал, утирая со лба внезапно выступивший пот. Акер, точивший меч, поднял слегка удивленный взгляд.

— Как так получается, что я говорю… на чем?

Грант очень хорошо понимал, что за вопрос ему хочется задать. Английский язык, язык наших отцов, Шекспир, литературные курсы в Колумбийском университете. Английский язык. Нужно

лишь произнести помедленнее… АНГЛИЙСКИЙ!

— УЗКИННП!

— Дай-ка лучше бурдюк с вином. Похоже, тебе нужно поспать.

— Нет-нет, Акер, погоди! Ты никогда не слышал про… мою страну? Ее столица — Ртиидбкс, я живу в… — Грант этого не произносил, не хотел этого слышать. Он понял, что выговорит нечто чудовищное, нисколько не похожее на «Нью-Йорк». Что это, амнезия? Тут его осенило: а что, если это вовсе не английский? — На каком языке мы разговариваем?

— На верхненатунском, разумеется. Ты что, дурак? Или прикидываешься, будто не знаешь, как называется твой родной язык? Я же знаю, ты тут родился — у тебя нет акцента, как у меня. — Он гулко ударил себя кулаком в грудь. — Я из племени ининов. Меня украли работорговцы, когда я был мальчишкой. Потом я их убил и стал свободным воином. Тогда я и научился натунскому, но акцент остался. А у тебя его нет.

Грант О’Рейли знал, что родился вовсе не здесь. Теперь он не сомневался, что «здесь» — даже не его родной мир, а какой-то совсем другой, в ином времени и пространстве. Насчет деталей он был не слишком уверен — очень уж давно читал

Лавкрафта, — но эта версия казалась наиболее разумной.

Она также объясняла проблемы с языком, а вернее, отсутствие таковых. Он говорил на языке этого мира, но здесь не было его заслуги. Это как если настроить радио на другую станцию: те же лампы и прочие детали, но прием идет на другой частоте, и слова получаются тоже другие. Вот и Гранта словно перенастроили с его родного мира на этот. Лексических соответствий понятиям «английский язык» и «Нью-Йорк» здесь не существовало, лишь абстрактные представления в его мозгу. И все это здорово сбивало с толку.

От вина и тепла у него отяжелела голова. Вытащив из мешка нечто похожее на побитую молью медвежью шкуру, он закутался в нее и лег, но хотелось задать еще один вопрос. Грант поднял голову и открыл глаза.

— Акер, кто были эти люди в лесу?

Воин издал горловое рычание, словно большой кот, и сплюнул в огонь.

— Алькахарские упыри! Проклятие грязных чащоб. Они испытывают всех путников, которые попадаются им в руки, и едят не выдержавших испытания. Это как-то связано с их верой. — Он снова плюнул, словно пытаясь избавиться от

неприятного привкуса. — В долине они тоже есть, но завтра мы покинем их землю.

Героическим усилием воли отгоняя сон, Грант завернулся в шкуру так, что наружу торчал только нос, а затем уснул как убитый.

VII

Утром шел дождь. Его струи, сбегавшие над входом в небольшую пещеру, превращались в длинные мокрые сосульки, которые с треском отваливались, уступая голый каменный свод для следующих.

Костер погас, и камень давно остыл. Сырость пробралась сквозь ветхую шкуру, и Грант с трудом открыл глаза, увидев серое рассветное небо. Он попытался снова заснуть, но Акер услышал его шевеление, и меткий пинок угодил в самую чувствительную часть замерзшего тела.

— Встань и разведи костер.

Голос звучал приглушенно, но смысл приказа был вполне ясен. Со стоном Грант выбрался из-под шкуры, размял онемевшие конечности. Саламандра обожгла ему палец, и он в отместку прищемил ей хвост. Найдя в расщелине пещеры полено, уронил его себе на ногу и минут десять ругался. Но все же костер наконец занялся, и Акер

Амен, присев возле огня, разогрел ломоть окорока. Грант последовал его примеру, затем снова завернулся в шкуру, радуясь непогоде. О том, чтобы выходить под ледяные потоки, не могло быть и речи. Грант вдруг подумал: а если бы не дождь, смог бы он сейчас поднять тюк и пойти? И тут же ответил себе: да какое там!

После завтрака Акер, напевая воинственную песню, счистил с шипов своей дубины засохшую кровь и волосы, а потом поделился некоторыми воспоминаниями о черепах, которые это оружие сокрушило. Дождь не унимался, и Акер возился с остальным своим имуществом. Слушая связанные с ним истории, Грант решил, что жизнь свободного воина похожа на жизнь бандита. Рассказы Акера были достаточно легкомысленными, но по цивилизованным понятиям казались крайне зловещими.

Подобравшись ближе к огню, Грант плотнее закутался в шкуру. Все мышцы нещадно ныли, и хотя он сам рисковал поджариться, как тот ломоть окорока, его продолжала бить дрожь.

— Ты что, заболел? — Акер пристально посмотрел на него.

Грант отделался ложью, которую сочинил, чтобы оправдать свои неудачи, — хотя сам считал ее

более чем наполовину правдой.

— Нет, просто немного не по себе. Слабость. Я… долго был в плену, растерял силы. — Он помолчал, слегка стыдясь, но в то же время радуясь уважительному вниманию Акера Амена, а потом с тревогой добавил: — Не понимаю, почему я весь дрожу. Мне не холодно.

— Кровь застоялась, — небрежно заметил Акер. — Если не будешь двигаться, к утру окоченеешь как бревно. — Усмехнувшись, он потянулся к ветке из уменьшающейся груды хвороста. — Когда сходишь за дровами, немного потренируемся с мечом.

Под протестующий скрип каждого сустава, словно у ржавой куклы, Грант выбрался из-под шкуры и отправился искать топливо. Когда он вернулся, промокший насквозь, Акер приветствовал его ударом подожженной палки и протянул другую, велев защищаться. Воин откровенно забавлялся, нанося Гранту медленные удары и глядя, как тот неуклюже пытается парировать или уклониться.

Так прошел день. Возможно, именно дождь дал Гранту шанс выжить — он шел и на следующий день, который молодой человек провел, попеременно дремля у костра, собирая дрова или слушая

с раскрытым ртом добродушные повествования Акера Амена о воровстве, разбое и смерти. Шок от холода и накопившаяся за два предыдущих дня усталость постепенно отпустили, уже не била дрожь, исчезли слабость и онемение в мышцах. Он не помнил, чтобы когда-либо ел столь жадно, пытаясь заполнить мясом ненасытную пустоту в животе.

Уже на утро второго дня мышцы на его ширококостном теле начали расти, с радостью реагируя на долгожданные физические нагрузки. Ужасно хотелось есть и спать, но приходилось собирать топливо для костра и учиться рукопашному бою. Он заработал немало мелких ссадин на голове и шее под громогласный хохот Акера Амена, пока не научился отражать внезапные удары факела. Мало-помалу он осваивал приемы фехтования на мечах. Не привыкшие к подобным усилиям мускулы требовали дополнительного питания.

Вечером второго дня Грант и Акер доели окорок, закусив белкой, которую Грант подстрелил из лука. Дождь прекратился, слышалась редкая капель. Температура воздуха понижалась.

— Завтра уходим, — проворчал Акер, кладя рядом с собой меч.

После дождя на охоту могли выйти ночные

хищники.

— Куда пойдем? — донесся из-под теплой шкуры приглушенный голос Гранта.

Акер поднял голову, в глазах блеснуло пламя костра.

— На войну, конечно, куда же еще? Там хорошо. Вино и кровь. Убей или умри. Ведь правда здорово?

Вряд ли он мог бы лучше выразить свою варварскую философию.

— Угу, здорово, — криво усмехнулся Грант. — Жить ради того, чтобы умереть... — И с этими словами он провалился в сон.

Костер затрещал и погас. Слышалось лишь шуршание прелой листвы на деревьях. Облака унес ветер, и на студеном зимнем небе заблистали алмазами звезды.

Утро выдалось ясное и холодное. Грант впервые встал без понукания и, зябко дрожа, развел костерок, оторвав дрова от заледеневшей поленницы. Акер сел и, напевая боевую песню, начал облачаться в доспехи и увешиваться оружием.

Грант посмотрел на Акера, упаковывая содержимое гигантского тюка. Вид орудий убийства и воспоминания о прошедших четырех днях заставили его задуматься. Едва ли стоит опять

навьючивать на себя тяжелейший тюк ради того, чтобы попросту убивать или быть убитым. Если расстаться с Акером Аменом, больше не придется тащить этот груз.

Почему-то эта мысль не вдохновила — воин нравился Гранту, да, похоже, он и сам нравится воину; грубое же отношение со стороны Акера являлось по меркам его народа чем-то вроде добродушного покровительства.

Управившись со своим смертоносным арсеналом, воин затоптал костер.

— Пошли.

Грант откашлялся, стоя рядом с мешком.

— Э… Акер, я лучше попробую жить по-другому… В смысле, я не слишком хороший боец. Не гожусь тебе в помощники.

Похоже, его с таким трудом принятое решение не произвело ни малейшего впечатления на Акера. Воин просунул гигантскую руку в лямку тюка и с легкостью закинул его на плечо.

— Что ж, прекрасно, остерегайся только берлокотов. И праведников. В лесу их полно. А если выберешься из леса, не приближайся к крестьянам — они не любят чужаков. Когда ловят беднягу, сажают его в поле на большой острый кол — хорошее получается пугало.

Последние слова удалось расслышать уже с трудом — Акер быстро уходил по тропе. Грант, обладавший богатым воображением, поспешил следом. Обернувшись на его оклик, воин сбросил мешок и при этом даже не замедлил шага. Застонав про себя, Грант накинул лямки на натруженные плечи и с удивлением обнаружил, что груз не так тяжек, как он ожидал. Возможно, причиной тому Акер, весьма рельефно описавший альтернативу совместному походу, но, скорее всего, дело в съеденном до крошки окороке. Гранту показалось, что Акер широко улыбается, хотя виден был лишь его затылок.

Извиваясь среди деревьев, тропа снова вывела их на край обрыва и пошла под уклон, в сторону зеленой долины. У последнего поворота Акер насторожился.

— Попахивает засадой. Пойду гляну, что там внизу.

Грант остановился, взяв на изготовку лук. Акер подполз к краю обрыва и долго смотрел вниз, затем вернулся и, ни слова не говоря, спустился чуть ниже по тропе, за поворот.

Сбросив со спины тюк, Грант расправил затекшие плечи. Внизу как будто ничего подозрительного, все тихо. Но Акер снова вглядывался туда,

остановившись на небольшом уступе. Зевнув, Грант машинально повернул голову на какое-то движение справа — и замер, увидев выходящего из пещеры громадного берлокота.

Зверь пока не заметил людей, но Грант видел, как шевелятся его нос и усы — монстр явно принюхивался. Снизу, с тропы, долетел лязг металла. Уши прянули, берлокот одним прыжком перенесся на край обрыва. Акер стоял на уступе двадцатью футами ниже, широкой спиной к хищнику — легкая добыча.

Грант неслышно поднял лук, лапы зверя напряглись для прыжка. Расстояние было малым — звон тетивы и глухой удар стрелы слились в один звук. Кот взвизгнул от боли — стрела пришпилила его переднюю лапу к груди, когда он уже был в воздухе.

Глазам Гранта предстал прекрасный пример рефлексов, необходимых для выживания в этом варварском мире. Едва зазвенела тетива, голова Акера резко дернулась вверх, а услышав вопль кота, великан в кожаных доспехах отскочил назад с мечом в руках, готовый отразить любое нападение.

Если бы кот достиг Акера, меч пронзил бы его насквозь. Однако изменить направление прыж-

ка зверь уже не мог. Рыча, корчась и выпуская когти, он пролетел над воином, зацепился здоровой лапой за край обрыва и с пронзительным воплем сорвался. Затрещали кусты под натиском катящегося тяжелого тела.

Акер вытер рукоять меча, убрал его в ножны и посмотрел на спутника с заметным уважением.

— Неплохой выстрел, Гранто.

И, жестом позвав за собой, двинулся дальше по тропе.

Они осторожно спускались в направлении деревьев, понимая, что где-то рядом мог красться раненый кот. Снова пошел снег, и вскоре все вокруг покрылось белой пеленой. Лес закончился, путники поднялись по насыпи на разбитый колесами телег проселок, который уходил в поля мимо каменного дома с земляной крышей.

Грант с опаской смотрел на дом. Подозрения оправдались, из двери выбежали четверо бородачей, а за ними женщина. Выкрикивая ругательства, они размахивали зловещего вида цепами и косами. Грант попятился, но Акера эти люди как будто нисколько не напугали и не заинтересовали — он спокойно стоял с усталой усмешкой.

Когда орущие мужчины оказались в несколь-

ких ярдах, он выхватил меч и издал жуткий боевой вопль. Клинок лишь раз мелькнул в воздухе, разрубив пополам цепы в руках первых двоих. Несколько мгновений селяне тупо смотрели перед собой, а потом кинулись наутек, вопя уже не грозно, а панически. Не дожидаясь, когда они укроются в доме, Акер повернулся и продолжил свой путь.

Этот инцидент снова напомнил Гранту, сколь ценно здесь искусство владения мечом. Подобрав палку, он замахивался на каждую попадавшуюся по дороге мишень, учился наносить удар с любого угла и точно попадать в цель. Такое занятие позволяло скоротать время, и он вновь ощутил, как обостряются чувства, — то ли благодаря регулярным физическим упражнениям, то ли благодаря окружающей белой равнине, которая могла таить неведомые опасности.

К полудню они остановились у замерзшего ручья и пообедали остатками хлеба, извлеченными из глубин мешка. Акер пробил во льду полынью, и они смешали в полых рогах родниковую воду с вином. Напиток бодрил и утолял жажду; вода казалась газированной и подслащенной. Грант облизнулся, даже не пытаясь понять, как такое возможно с геологической точки зрения.

VIII

Они шли по широкой долине, предпочитая держаться извивающейся дороги, а не пересекать пашни.

Ближе к середине дня зима закончилась.

Вряд ли Грант мог бы описать это иначе. Они брели по щиколотку в снегу, повсюду на землю медленно опускались крупные белые хлопья. Небо впереди прояснилось, а снежный покров внезапно оборвался: дальше теплое солнце освещало бурую дорогу и зеленые поля.

Путники без труда пересекли невидимый барьер, но Грант обратил внимание, что ни одна снежинка пробиться сквозь него не смогла. Те, что приближались, попросту исчезали.

С трех сторон простирался уютный сельский ландшафт, позади осталась стена кружащихся снежинок и зимний холод. Грант ошеломленно огляделся вокруг. Похоже, яркое солнце и теплый ветерок радовали Акера — тот расстегнул воротник и глубоко вдохнул густой запах трав и деревьев.

— Мы приближаемся к войску. Неплохо, когда солнце греет спину. Вот почему я люблю послужить доброму герцогу Дарикусу — он страдает

подагрой и терпеть не может холодной погоды. Как здесь говорят, над Дарикусом всегда сияет солнце.

— Хочешь сказать, он вызывает теплую погоду?

— Именно. С помощью заклинания, по слухам им самим и составленного четверть века назад, и оно еще ни разу не подвело. Вокруг него всегда середина лета, какова бы ни была погода в иных местах.

Они поднялись на взгорок, и перед ними простерся зеленый луг, испещренный яркими пятнами палаток и шатров, а также темными силуэтами людей. Большинство из них были облачены в кожаные доспехи или кольчуги, некоторые, в броне из серебра и золота, сидели верхом на шестиногих животных, похожих на лошадей. В гуле лагеря различались громкие приказы, лязг металла и звук рогов. Возле дороги стояла караульная палатка, подле нее отдыхало полдюжины воинов с пиками.

Заметив Гранта и Акера, ближайший заступил дорогу и сонно бросил:

— Остановитесь и представьтесь. Что вам тут нужно?

— Мы свободные воины, готовые служить доб-

рому герцогу Дарикусу.

Удовлетворившись, часовой опустил оружие и крикнул в сторону палатки:

— Эй, капрал, еще парочка хочет к нам присоединиться!

В палатке кто-то зашевелился, из нее высунулась голова молодого человека с длинными закрученными усами. Он окинул взглядом пришельцев, задержавшись на нескладной фигуре Гранта, его бледном лице, светлых волосах и бровях. Уголки капральского рта слегка приподнялись в усмешке.

— Не слишком подходящий материал, но, полагаю, стоит отвести их к герцогу — он готов нанять кого угодно.

Акер метко плюнул в лицо капралу, вытаскивая меч из ножен.

— Верно, сынок, тебя ведь он тоже нанял. Я сражался вместе с добрым герцогом, когда ты еще прятался под мамкину юбку. — Он пошел было дальше, но затем повернулся и добавил, словно идея только что пришла в голову: — Хочешь сразиться?

Капрал утер побагровевшее лицо, открывая и закрывая рот, словно вытащенная из воды рыба, и пригляделся к Акеру. Увидев богатырскую грудь

и могучие руки под потертой кожей доспехов, он снова скрылся в палатке. Воины заухмылялись, и двое вызвались сопровождать Акера и Гранта.

Они прошли через лагерь к самому большому шатру — широкому, пестрому. Над входом развевалось знамя — черный кулак в кольчужной рукавице, выжимающий капли крови на белом фоне. Воины отсалютовали пиками флагу. Грант и Акер тоже отдали честь, после чего вошли в палатку.

У стен стояли вооруженные воины. В центре располагались два захламленных стола, за одним сидел худой писарь с испачканными в чернилах пальцами, за другим — старик в золотой короне. Акер шагнул вперед и ударил себя кулаком в грудь.

— Приветствую, герцог. Я пришел, чтобы служить тебе.

— Приветствую. Кто ты и кто это с тобой? — раздраженно спросил герцог, передвинув на подушке забинтованную ступню.

— Акер Амен и раб-копьеносец.

Грант хотел было возразить против своего нового статуса, но тут же сообразил, что Акер наверняка лучше знает, как себя вести, — это доказывала встреча с капралом стражи. Писарь

быстро переворачивал листы огромной книги в кожаном переплете. Проведя пальцем по странице, он прочитал выбранную строку:

— Амен, Акер, из племени ининов, мастер меча, опытный топорник, выдающийся воин, владеет кинжалом, дубиной, арбалетом, ятаганом…

— Хватит, хватит! — прервал его сердитый голос доброго герцога. — Два золотых энна в день, добыча для тебя, добыча для раба и трофейное оружие на выбор. Согласен?

— Согласен, — проревел Акер. — Мы будем сражаться насмерть!

Он ударил ладонью по столу, подтверждая, что принимает условия. Добрый герцог тоже хлопнул по столу и поморщился — боль отозвалась в подагрической ступне. Грант подумал, не нужно ли проделать то же самое и ему, но Акер повернулся и вытолкал его из палатки.

Вокруг теперь толпилось еще больше людей, и Грант понял, что это огромная неровная очередь к огромному котлу. Они с Акером поспешили пристроиться. Продвигаясь вперед, Грант обдумал случившееся с ним за последние дни, а затем повернулся к Акеру.

— Ты мне ни разу не говорил, с кем мы собираемся сражаться.

— Какая разница с кем? Я и сам не знаю. Бери еду, ты следующий.

Получив по роговой чашке, наполненной дымящимся варевом, они направились к палаткам, на ходу зачерпывая еду.

— Спроси начальника, — сказал Акер с набитым ртом. — Может, он знает.

— Лучше потом, — ответил Грант, наслаждаясь теплом солнца и аппетитным ароматом мяса, картошки, риса и неизвестных овощей. Философский подход Акера Амена начинал ему нравиться. — А тут не так уж и плохо кормят.

Герцог планировал напасть на некоего тирана Хельбиду. Об этом Гранту рассказал пятый из тех, к кому он обратился, но никто не знал, когда начнется битва, даже сам полководец. Судя по разговорам в лагере, каждый вечер на закате его добрейшество бросал на шелковую ткань пару двенадцатигранных астрологических костей. Пока что кости не предвещали удачной атаки, и воины оставались в лагере — ели и пили, отдыхали и ссорились, а также оттачивали искусство убивать.

Дважды в день все выходили на тренировочное поле. Рядовые бойцы и командиры окружали новобранцев, чтобы те не могли улизнуть, и гнали

на поле драться, оглушительно грохоча и вопя. Опытные воины использовали настоящую сталь, начинающим давали деревянные мечи и шесты вместо копий.

Новичкам запрещалось покидать поле, но во всем остальном за ними никто не следил, так что Грант перебрался от копейщиков к группе обучавшихся владению палашом. Рекруты колошматили друг друга, все в поту и синяках, злясь и ругаясь, подгоняемые окриками начальников. Грант быстро понял, что такое плохая защита, снова и снова поднимаясь с пыльной земли. Но он экономно расходовал силы, действовал с умом, запоминал приемы и работал над ошибками, продолжая тренироваться часами даже после того, как большинство обучаемых уходили в лагерь.

За несколько дней, заработав множество разноцветных синяков и шишек, Грант неплохо усовершенствовал технику боя. Акер Амен, проходя мимо после занятий с мечниками, иногда разлучал Гранта с его противником-новичком и, взяв деревянный меч, преподавал болезненный, но полезный урок боевого фехтования.

На пятый день добавился новый элемент. Чтобы развлечь профессиональных вояк, которые обступили поле, выкрикивая ободряющие возгла-

сы и делая ставки, в конце дня учения превратили во всеобщую драку. Обучаемым приказали сражаться до тех пор, пока они не останутся без оружия или не лишатся чувств. Единственное требование — драться один на один — всерьез не соблюдалось. Сломанные кости и выбитые зубы, конечно же, были в порядке вещей.

Несколько крепких парней, судя по всему рекруты из крестьян, внушали ужас всем находившимся в поле; они держались вместе и нападали столь слаженно, что никто не успевал организовать отпор. Вскоре их край поля был завален бесчувственными телами, а остальные старались держаться подальше, образовав широкое пустое пространство. Крепышей возглавлял молодой верзила по имени Сплуг, он валил с ног любого благодаря своему росту, весу и силе.

Грант оборонялся в отдалении, не привлекая к себе внимания, но на этот раз ему было суждено узнать нечто такое, что было скрыто от него всю его жизнь.

Вот и до него дошла очередь — Сплуг с хохотом устремился к нему, явно введенный в заблуждение спокойным видом новичка и его сугубо защитной стойкой. Пуская слюни, крестьянин нанес неуклюжий удар сверху, словно дровосек

по полену. Грант легко парировал удар и ткнул противнику под ребра. Разозлившись, Сплуг снова замахнулся, вложив в удар всю свою силу и вес, так что под слоем жира проступили мышцы. Грант удержался на ногах, но ему пришлось отступить. А затем он и вовсе потерял равновесие — под ноги ловко подсунули деревянный меч, один из приятелей Сплуга помог главарю. Сплуг, взревев, с размаху ударил пошатнувшегося противника по голове. Грант попытался ответить, но кто-то сделал ему подножку, а деревянный меч больно ударил по плечу. Верзила снова расхохотался.

В это мгновение Грант почувствовал, что у него начинается очередной приступ. Зазвенело в ушах, сдавило виски, все звуки стали тише. Ну почему именно сейчас?

Друзья окружили Сплуга, похожие словно братья, — должно быть, их набрали в одном селе, где все друг другу родня. Они действовали слаженно — стоило Гранту упасть, и его наверняка втоптали бы в землю. Начальникам не было видно, что происходит. Оставалось только драться.

И вдруг Грант как будто увеличился в размерах. Все вокруг стало маленьким и далеким, деревянный меч в его руке сделался легким как перышко.

Он не чувствовал ударов, а те, которые наносил сам, казались простыми тычками. Снова и снова обрушивая меч на тварей, похожих на Сплуга, Грант исполнялся упоительной радости и не ощущал никакого сопротивления. Это происходило словно во сне.

Внезапно все вокруг почернело, а потом он очнулся и обнаружил, что сидит на земле, сжимая руками голову. Над ним стоял командир, задумчиво постукивая по ладони тяжелой дубинкой. Когда Грант поднял взгляд, начальник нахмурился.

— Умерь свой крутой норов, парень. Мы тут тренируемся, а не крушим друг другу черепа.

Растерянно оглядевшись, Грант увидел вокруг себя неподвижно лежащие тела. Сплуг сидел поодаль, со стоном держась за окровавленное лицо. Схватки на поле прекратились, все смотрели на Гранта, который никак не мог понять, что случилось.

— Не могу тебя осуждать, — сказал командир, — они сами нарывались на неприятности. Но когда ты стал пихать сломанным мечом в горло этому толстяку, неприятности возникли уже у тебя самого. Пришлось слегка стукнуть. Советую приберечь такие штучки для врагов.

Постепенно сообразив, что произошло, Грант увидел, что все лежащие — из банды Сплуга. Некоторые уже с трудом поднимались на ноги и убредали прочь.

— Прошу прощения, — покраснев, пробормотал Грант. — Я не хотел…

— Своим воплем ты честно их предупредил, — усмехнулся командир. — Но в следующий раз все-таки поубавь силу.

Он ушел прочь, седой, похожий на медведя, сверкая золотыми доспехами. Грант медленно поднялся, размышляя над только что услышанным, — оказывается, у него крутой норов!

Вот это сюрприз так сюрприз! То, что он считал приступами болезни, было лишь проявлением его характера, внезапного желания убивать, атавизма, вовсе не нужного цивилизованному человеку. Свыкнуться с этой мыслью было нелегко, ведь Гранта считали милым мальчиком, сущим ангелочком, а позднее — чувственной натурой. Когда сильные эмоции не находили выхода, случался приступ, сопровождаемый онемением мышц и дрожью во всем теле.

Но на этот раз выход нашелся. Грант медленно повернулся кругом, оглядывая своих жертв. Ему вдруг пришло в голову, что среди его предков

могли быть берсерки. От своей шведской родни он унаследовал светлые кудри и почти белые брови, так что вполне мог унаследовать и характер. Среди воинственных северян время от времени рождались берсерки — вполне добродушные люди, которые, однако, в бою становились совершенно другими, убивая яростно и слепо, словно выпущенные из клетки тигры.

Он стоял посреди изрытого поля, уже не столь худой, как раньше, но такой же высокий и стройный, хотя и слегка ссутулившийся. Никто, однако, над ним не смеялся, рекруты обходили его стороной, возвращаясь к прерванному бою.

Грант пошел прочь, рассеянно помахивая сломанным мечом и с тревогой спрашивая себя, сколько раз он бывал близок к подобному на своем веку и как ухитрился никого не прикончить в приступе болезни, которая болезнью вовсе и не была.

IX

Следующий приступ случился всего две ночи спустя. Грант с Акером сидели в палатке возле бурдюка с вином, спина к спине, раскачиваясь в такт местной заунывной мелодии. Акер запел, и Грант присоединился к нему:

Она королю отказала, но мне улыбнулась,

И задрала платье над розовым коленом,

Я сказал: клянусь всеми святыми, никогда не видал

Такой…

Из-за палатки вышел кто-то темный и со всей силы ударил Акера по голове. Рослый воин рухнул без чувств, и в то же мгновение Гранта свалил на землю кулак в перчатке.

Незнакомец шагнул в круг лунного света, и Грант узнал усатого капрала стражи.

— Никто не смеет плевать мне в лицо, — пробормотал тот и поднял ногу, чтобы опустить ее на лицо Акера.

Холодная ярость затмила разум Гранта, и он рубанул учебным мечом по горлу капрала, словно ненависть превратила дерево в настоящую сталь. Удар показался ему совсем легким, но капрал вдруг сложился пополам, изо рта хлынула кровь, как игристое вино из початой бутылки. Вот он повалился наземь, застыл бесформенной грудой. Грант оторопело смотрел на него, пока не вспомнил услышанное когда-то о смертельном

ударе в гортань. Видно, именно такой удар он сейчас и нанес.

Поднявшись на ноги, Грант вдруг осознал, что рядом есть кто-то еще. Возле откинутого клапана освещенной палатки стоял, наблюдая за ним, человек — судя по блеснувшим перстням, благородного происхождения. Он рассмеялся, и Грант узнал командира, который оглушил его на тренировочном поле.

— Помни, о чем я говорил: держи норов в узде. — Заметив напряженную позу Гранта, он снова рассмеялся. — Не беспокойся, я тебя не выдам. Любой, кто ударит человека посреди хорошей песни, заслуживает наказания. Тащи сюда приятеля и влей немного вина ему в глотку. Хочется дослушать песню до конца. Я думал, что знаю ее полностью! Труп тоже волоки сюда, — добавил он, поворачиваясь к Гранту спиной. — Доспехи и оружие — твои по праву победителя. Тот, кто может убить деревянным мечом, достоин настоящего клинка.

На следующий день Грант расхаживал по лагерю в кожаных доспехах, с луком и колчаном за спиной и легким палашом на поясе. Ему нравилось, как лагерные слуги и рабы уступают ему дорогу, нравилось почтение, выказываемое

бойцу; и еще он ловил взгляды следовавших за войском женщин.

Потом, однако, он почувствовал себя довольно глупо, сняв доспехи на учебном поле и взяв в руки деревянный меч. Ни сил, ни ловкости по сравнению с предыдущим днем, когда его считали не более чем рабом, особо не прибавилось, но он увлекся, и день пролетел быстро. Когда позвали к ужину, Грант воткнул меч в землю, ощутив навалившуюся усталость, но вместе с тем сознавая, что в очередной раз многому научился.

Он снова облачился в доспехи, к которым за один день привык, как к собственной коже. Направлявшийся вместе с другими воинами к котлу Акер хлопнул Гранта по плечу, уже далеко не в первый раз с тех пор, как Грант завоевал бронь и оружие, — так воин выражал одобрение.

За ужином прошел слух, что брошенные герцогом кости посулили благополучный исход битвы. Начались поспешные сборы, нестройно заревели рога, созывая бойцов в строй.

Утром они выступили против войска независимого государства Хельбиды. Замок тирана стоял в долине, несколькими милями дальше, и войско добралось до него лишь после полудня.

Армия герцога выстроилась неровным полу-

кругом у подножия замка, ожидая приказов. Цитадель из черного камня словно вырастала из иззубренной стены, окружавшей долину. Над зубцами стен развевались флаги, а иногда между ними мелькала голова в шлеме.

Объявили переговоры, и один из приближенных доброго герцога въехал в замок через боковые ворота. Какое-то время спустя они лязгнули и появился тот же командир, зажимая кровавую рану на месте носа.

Герцог больше не раздумывал. Он взмахнул мечом, нестройно заиграли рожки, и воины устремились вперед, увлекая за собой Гранта, вцепившегося в выданное ему копье.

Воздух наполнился стрелами, ревом и лязгом. Первые ряды воинов несли широкие щиты и лестницы, которые приставили к крутым стенам. Люди карабкались под прикрытием шедших позади лучников. Никто не отваживался открыто расхаживать на стенах, но вражеские лучники прятались за зубцами и бойницами, отвечая градом метких стрел.

Вокруг Гранта падали люди, а на него давили сзади, пока он не оказался у подножия стены, в недосягаемости для чужих стрел противника. Он схватился за перекладину лестницы и полез

наверх. По соседней лестнице ловко взбирался Акер Амен.

Поднимаясь по неотесанным перекладинам, он разрывался между двумя желаниями. Хотелось показать свою вновь обретенную силу и ни в чем не отстать от Акера, но некая частица цивилизованного разума призывала убраться подальше от смертельной битвы. Каков процент потерь в этих дурацких междоусобных распрях?

«Никакого, — подумал Грант, карабкаясь по лестнице. — Никто тут не считает покойников. Но если хочешь жить как мужчина, будь готов и умереть так же».

Взбиравшийся впереди него воин сорвался, получив тяжелым камнем по голове. Грант попытался его подхватить, но не успел. Тогда он поспешно полез по освободившейся лестнице, и вот уже преодолены две трети ее высоты.

Улыбнувшись, он повернулся, чтобы приободрить Акера, и в тот же миг увидел, как стрела пронзает насквозь шею его друга.

Несколько мгновений руки воина еще держались за перекладину, и Грант успел заметить его остекленевший, безжизненный взгляд. А потом Акер рухнул и исчез навсегда. Снизу уже карабкался другой воин.

В голове у Гранта словно взорвался огонь, и в один миг он превратился в объятого ледяным бешенством берсерка, смысл жизни которого состоит лишь в том, чтобы убить как можно больше врагов Акера Амена. Он полез дальше.

Впереди один за другим умирали воины, а потом он оказался на лестнице первым. Уже виднелась кромка стены, откуда на него смотрел лучник, натягивая тетиву. Грант хладнокровно воткнул копье ему в глаз, разрывая плоть и сокрушая кость, и тотчас дернул на себя, как загарпуненную рыбу. Лучник тяжелым кулем полетел вниз.

Прежде чем место убитого успел занять другой, Грант схватился за шершавый камень и перевалился через парапет. Какой-то рыцарь в шлеме замахнулся топором, целя в голову, и Грант едва успел откатиться. Топор лишь отколол кусок гранита. Прежде чем рыцарь смог снова поднять оружие, Грант схватил его за ногу и перебросил через стену, услышав пронзительный вопль, а затем громкий лязг.

Не давая никому шагнуть вперед, Грант выпрямился и выставил перед собой копье. Острие угодило в горло одному из воинов тирана, и тот умер, страшно клокоча, но по инерции про-

должал двигаться, пока не оказался в объятиях Гранта. В то же мгновение мертвецу в спину вонзились три стрелы.

Движимый неутолимой кровожадностью берсерка, Грант не оттолкнул тело, ставшее хорошей защитой от стрел. Выдернув палаш из судорожно сжатых пальцев мертвеца, он впервые смог окинуть взглядом битву.

Дела у герцога шли не лучшим образом. Те немногие, кто сумел добраться до стены, вскоре погибли, а на взбирающихся по лестницам лились потоки кипящего масла. Слева от Гранта смешались в кучу дерущиеся воины. Справа у стены не осталось ни одной лестницы, и к нему неслись латники тирана, не меньше десятка.

Хватило одной секунды, чтобы оценить обстановку, и в тот же миг разум берсерка принял решение. Издав бессвязный вопль, Грант швырнул усаженный стрелами труп в нападающих и прыгнул следом.

Внезапность атаки спасла ему жизнь, но в схватке на кинжалах и мечах невозможно было остаться невредимым. Из ран текла кровь, однако он не чувствовал боли. Воины тирана несли куда большие потери — меч Гранта безжалостно рассекал плоть и доспехи, а когда противник ока-

зывался рядом, кинжал вспарывал ему живот.

Некоторые пытались отступать, валя с ног напиравших, что лишь приближало их смерть. Грант рубил врагов на куски, крепко держа мокрую от крови рукоять меча. Одному воину удалось сбежать, но остальные лежали бездыханные или умирали у ног берсерка.

Наконец никого не осталось на этом участке стены, и Грант поднял меч, готовый к новой атаке. Однако ее так и не последовало. Постепенно красный туман перед его глазами рассеялся, и он ощутил жгучую боль во всем теле. С некоторым удивлением заметил пропитавшую его рубаху кровь и длинную рану на правом бедре глубиной в несколько дюймов. А потом он понял, что стоит прямо над механизмом, приводящим в действие подъемный мост, и машинально оценил профессиональным взглядом архитектора грубые шкивы и лебедку.

Платформа моста располагалась наклонно, а значит, она опускалась под действием собственного веса. К ее внешнему концу крепились две гигантские цепи, намотанные на огромный ворот, соединенный, в свою очередь, посредством ряда шкивов с лебедкой. Шкивы давали некое механическое преимущество, но тем не менее,

чтобы провернуть лебедку, требовалось немалое усилие. К барабану лебедки было приделано большое зубчатое колесо, удерживаемое на месте металлической собачкой. Чтобы собачка не соскользнула, ее снабдили веревочной петлей.

Все до смешного просто. Подъемный мост держится на веревке не толще, чем палец Гранта. Стоит ее перерезать, и мост упадет.

Так отчего бы не попробовать?

Цивилизованная часть его разума еще размышляла, как поступить, но вновь обретенные рефлексы заставили прыгнуть со стены — и как раз вовремя: там, где он миг назад стоял, со свистом пронеслась стрела. Раненая нога подломилась от удара о платформу, и он заскрежетал зубами от боли. Но оставался пустяк: встать и проковылять несколько футов. Хватило одного удара мечом, чтобы перерубить веревку.

Ничего не произошло. Трение и ржавчина не дали древнему механизму сдвинуться с места.

Послышался чей-то крик, и к Гранту устремилась группа воинов. Он пнул зубчатое колесо здоровой ногой, и оно стронулось, затем стало поворачиваться все быстрее, преодолевая силу трения.

Скрежеща шкивами и грохоча цепями, мост

опустился. Раздался радостный рев, и люди герцога немедленно устремились вперед. Все, кто находился во внутреннем дворе замка, приготовились к отражению натиска. О Гранте на какое-то время забыли, и он превратился в заинтересованного зрителя.

Войско доброго герцога с грохотом пронеслось по мосту и врезалось в толстую опускную решетку. Бойцы просовывали в нее мечи и осыпали бранью защитников замка. Ответом были град стрел и контратака.

У ворот завязалась яростная битва. Воины тирана не могли отразить нападение, а воины доброго герцога не могли пробиться внутрь. Мельтешила сталь, ныряя сквозь решетку, падали все новые тела. Положить этому конец смог лишь сам добрый герцог.

Окруженный своими войсками, он пробился в авангард атакующих. С помощью восьмифутовых копий его гвардия расчистила пространство по ту сторону ворот, и под защитой щитов герцог присел возле стальных прутьев. Гранту сверху все было очень хорошо видно.

И тут в сражение вступило волшебство. Теплое солнце посреди зимы весьма убедительно доказывало, что герцог Дарикус — могущественный

мастер тайных искусств. Вероятно, чары противника не позволяли ему успешно атаковать извне, но теперь с помощью Гранта он преодолел стену, и задача упростилась. Чем-то обрызгав решетку и бормоча заклинание, он поводил ладонями возле прутьев.

Результат не заставил себя ждать. Прутья замерцали и покрылись бурыми пятнами, словно ржавели уже тысячу лет. Воины с радостными криками устремились вперед, и решетка рассыпалась в пыль.

Силами своего войска и магии добрый герцог Дарикус захватил замок. И он прекрасно понимал, какую роль в этом сыграл Грант. Увидев стоящего у лебедки парня, полководец отсалютовал мечом, прежде чем возглавил последнюю атаку. Лишь мысль о гибели Акера помешала Гранту ощутить мрачную гордость.

X

В то же мгновение все кругом словно застыло — воины замерли на бегу, шум сражения смолк; даже солнечный свет, казалось, превратился в лед.

Зазвучали похожие на далекие раскаты грома голоса, и Грант вроде бы понял, о чем идет речь.

— Гриссель, смотри, куда ты сунула нить!

— А куда я ее сунула?.. Все мы знаем, кто виноват. Дай мне глаз… Так я и думала. Она должна идти здесь. Из-за твоей глупости едва не пропал узор.

Грант не почувствовал никакого перехода. Картина перед глазами исчезла, мгновенно сменившись другой. Сбитый с толку, он не сразу понял, где находится.

Покосившиеся камни. Надгробия. И церковь. Воспоминания о них казались невероятно древними, но он все же узнал эту сцену. Меч выпал из обессилевших пальцев. Он дома, в своем родном мире. В том же самом церковном дворе, откуда исчез.

Радость, однако, оказалась преждевременной — все вокруг снова растаяло, сменившись столь хорошо запомнившимся безвременьем.

— Ты же не можешь просто так вернуть его назад — последствия целиком изменят узор.

— Могу, и запросто, старая ты ведьма. Я просто сделаю узелок во времени. И никто не будет помнить…

— Все, что случилось… все, что он сделал… как будто ничего и не было…

Раскатился смех, казалось заполнивший собой

вечность.

Грант прислонился к каменной стене, пытаясь сохранить ускользающие драгоценные воспоминания. Во время приступа с ним что-то случилось, но что? Этого никак не восстановить в памяти. Костюм жал в плечах, худые руки торчали из рукавов. Какие-то они неправильные, его руки. Они должны быть сильными, закаленными — и грязными. А почему должны, поди угадай.

На этом все закончится. Воспоминания развеются, и он вернется в церковь точно таким же, каким вышел из нее.

Вот только осталось одно упущение — кончик нити так и не подрезали.

Глядя на худые запястья, Грант заметил лежащий на земле меч с не успевшей засохнуть кровью. Не веря своим глазам, наклонился и поднял тяжелое оружие, осмотрел иззубренный клинок. Грязная железка — но она представляет величайшую ценность.

То был ключ ко всему случившемуся. Глядя на меч, Грант вспомнил снег, доброго герцога, берлокотов, войну — и Акера Амена. Кровавые, страшные воспоминания о варварском мире, оставшемся невероятно далеко, но и они для него не менее ценны.

— Гранти! Где ты, дорогой? Поторопись.

Пронзительный голос матери вернул его к реальности, заставив вздрогнуть. Медленно выпрямившись, он уронил меч на землю. Свое дело тот уже сделал. Все закончено.

Назад в церковь шел все тот же высокий худой парень в слишком тесном костюме. Но впервые он шел прямо, не сутулясь, чего прежде за ним никто не замечал.

— Где ты был? Разве не знаешь, что уже пора? Я думала… — Речь матери напоминала прокручиваемую назад на большой скорости грамзапись, и смысла в ее словах было не больше.

— Да уймись ты! — рявкнул Грант. — И поди скажи Люси, что я хочу ее немедленно видеть. Это очень важно.

Мать замолчала на полуслове. У Херба Колломба отвисла челюсть, изо рта выпала трубка и покатилась по полу. После трех безуспешных попыток матери наконец удалось выдавить:

— Да что с тобой? Ты же знаешь, что увидеться с Люси до церемонии нельзя, она уже в свадебном платье — невеста и жених никогда не…

— К черту дурацкие предрассудки, — бросил Грант матери в лицо. — Сказал же, приведи ее сюда, или я сделаю это сам.

Мать попыталась что-то сказать насчет богохульства в церкви, но ей хватило одного лишь взгляда на бешеные глаза Гранта, чтобы бочком, по-крабьи, попятиться к двери. Херб подобрал трубку и водворил ее назад в рот, пока жених расхаживал, словно тигр в клетке.

Ворвалась побагровевшая от гнева Люси.

— Что ты себе позволяешь, Грант? Церемония и без того задерживается.

— Подождут, — рассмеялся Грант. — В конце концов, это наша свадьба, и мы вольны поступать как захотим. Я просто решил тебе сказать, что теперь все будет совсем по-другому — как мы и мечтать не могли…

От избытка чувств Грант заключил ее в объятия. Скоро она станет его женой — как и начертано свыше.

— Прекрати, дурак! — взвизгнула Люси. — Нашел время и место! Ты мне фату помнешь!

— Да и черт с ней, — пробормотал Грант, и его мать задохнулась от ужаса, услышав очередное богохульство.

Все шло совсем не так, как он рассчитывал.

По сути, он впервые видел и ощущал Люси столь близко — раньше они ограничивались лишь воздушными поцелуями на прощание.

Она оказалась куда костлявее, кожа бледная и пятнистая под слоем косметики. У варваров девушки были куда полнее и симпатичнее. Грант попытался отбросить неприятные мысли — все-таки это его возлюбленная. Или нет? Мысль была столь неожиданной, что он отпустил Люси и отшатнулся.

Теперь на него кричали уже обе женщины, но слов он не слышал — лишь странные звуки вроде мяуканья кошек на заборе.

Любит ли он ее? Прежде ни разу не обнимал и даже по-настоящему не целовал. Они всегда гордились тем, что подходят друг другу по интеллекту. Как, черт побери, он на это повелся — да и, самое главное, с чего вообще увлекся ею? Уж не были ли ее родители старыми друзьями его матери?

— Мама! — гневно бросил он.

Обе немедленно замолчали.

— Вы что, подстроили эту женитьбу? Сговорились, чтобы продеть мне кольцо в нос? Я хочу все знать, иначе никакой свадьбы не будет.

— Да я и так уже знаю достаточно! — срывающимся голосом завопила Люси. — Свадьба отменяется… откладывается до тех пор, пока ты не извинишься и не начнешь вести себя при-

лично!

— Ты права, — спокойно прервал ее Грант. — Свадьба отменяется, а кольцо можешь оставить себе в качестве сувенира. Я всегда говорил: поспешно женишься — скоро пожалеешь.

Услышав такое, Люси едва не лишилась чувств. Ее угроза, конечно, была всего лишь уловкой, чтобы поставить Гранта на место. Но дело приняло совершенно нежелательный оборот.

Прежде чем невеста и мать успели вновь обрести дар речи, Грант вытолкал их в соседнюю комнату.

— В обморок лучше падать там, — невозмутимо заявил он. — На мягкий ковер.

Закрыв дверь, он повернул ключ в замке. Херб молча сидел, попыхивая трубкой и наблюдая за происходящим.

— Поздравляю, — сказал он. — Надеюсь, ты будешь счастлив.

Грант понял, что друг говорит совершенно искренне, и хмурость сменилась улыбкой.

— Тоже хочешь сбежать? — спросил он.

— Вовсе нет, — ответил Херб, вставая и выбивая трубку. — Я никогда еще не чувствовал себя лучше, и все благодаря тебе. А теперь ответь, что это за муха тебя вдруг укусила.

— Придется кое-что объяснить, — хлопнул Грант друга по плечу.

Его пальцы сомкнулись на твердых как камень мышцах Херба, но стоило ущипнуть себя за собственную худую руку, и улыбка исчезла с лица. От его столь тяжко заработанной силы не осталось и следа.

— Как накачать мускулы и приобрести приличную форму? — спросил Грант. — И желательно побыстрее.

Если Херба и удивила столь внезапная перемена темы, то он ничем этого не выдал.

— Скалолазание, гантели, занятия в спортзале — подойдет все. Я сам лазаю по скалам каждые выходные.

— Звучит неплохо, — сказал Грант, направляясь к выходу. — А теперь давай-ка найдем местечко, где можно выпить чего-нибудь покрепче, — может, даже целую бутылку, — и я расскажу то, во что ты никогда не поверишь. Заодно можно будет поговорить и о скалолазании.

Мир казался ему ярче прежнего, небо сияло пронзительной голубизной, и все окружающее несло в себе куда более глубокий смысл, чем раньше. Грант ускорил шаг, наслаждаясь каждым глотком воздуха.

Его тяжко заработанные мускулы, навыки и рефлексы пропали, но их можно восстановить — было бы желание и соответствующие знания. А они никуда не пропали.

Грант молча отдал честь памяти Акера Амена и чужому миру, который он никогда больше не увидит. Двое друзей свернули за угол и медленно скрылись из виду.

Безработный робот

Перевод И. Гуровой

Джон Венэкс вставил ключ в дверной замок. Он просил, чтобы ему дали большой номер — самый большой в гостинице, и заплатил портье лишнее. Теперь ему оставалось только надеяться, что его не обманули. Жаловаться он не рискнет, а о том, чтобы попросить деньги назад, конечно, не могло быть и речи.

Дверь распахнулась, и он вздохнул с облегчением: номер был даже больше, чем он рассчитывал, — полных три фута в ширину и пять в длину. Места для работы было вполне достаточно. Вот сейчас он снимет ногу, и к утру от его хромоты не останется и следа.

На задней стене был стандартный передвижной крюк. Джон просунул его в кольцо под затылком и подпрыгнул так, что его ноги свободно повисли над полом. Он отключил энергию ниже пояса, и ноги, расслабившись, стукнулись о стенку.

Перегревшемуся ножному мотору надо дать остыть и только потом уже браться за него, а пока

можно будет просмотреть газету. С нетерпением и неуверенностью, обычными для всех безработных, он раскрыл газету на объявлениях и быстро пробежал колонку «Требуются (роботы)». Ничего подходящего в разделе «Специальности». И даже в списках чернорабочих — ничего. В этом году Нью-Йорк был малоподходящим местом для роботов.

Отдел объявлений, как всегда, наводил уныние, но можно было получить заряд бодрости, заглянув в колонку юмора. У него был даже свой любимый комический персонаж, хотя он стыдился себе в этом признаться: «Робкий робот», неуклюжий механический дурак, который то и дело попадал в дурацкое положение по собственной глупости. Конечно, отвратительная карикатура, но иногда такая смешная! Он начал читать подпись под первой картинкой, но тут плафон в потолке погас.

Десять вечера, комендантский час для роботов. Свет гаснет — и сиди взаперти до шести утра. Восемь часов скуки и темноты для всех, кроме горстки ночных рабочих. Но существовало немало способов обходить закон, который не содержал точного определения, что именно понимать под видимым светом. Отодвинув один из щитков,

экранировавших его атомный генератор, Джон повысил напряжение. Когда генератор чуть-чуть нагрелся, он начал испускать тепловые волны, а Джон обладал способностью зрительно воспринимать инфракрасные лучи. Используя теплый ясный свет, струящийся из его живота, он дочитал газету.

Тепломером в кончике левого указательного пальца он проверил температуру ноги. Нога уже достаточно остыла, и можно было приниматься за работу. Водонепроницаемая оболочка снялась без всякого труда, обнажив энерговоды, нейропровода и поврежденный коленный сустав. Отсоединив проводку, Джон отвинтил коленную чашечку и осторожно положил ее на полку рядом с собой. Из набедренной сумки он бережно, с нежностью достал сменную деталь. В нее был вложен трехмесячный труд — деньги, которые он заработал на свиноводческой ферме в Нью-Джерси.

Когда плафон в потолке замигал и разгорелся, Джон стоял на одной ноге, проверяя новый коленный сустав. Половина шестого! Он успел как раз вовремя. Капля масла на новое сочленение — вот и все. Он спрятал инструменты в сумку и отпер дверь.

Шахта ненужного лифта использовалась вме-

сто мусоропровода, и, проходя мимо, он сунул газету в дверную щель. Держась поближе к стене, он осторожно спускался по закапанным смазкой ступеням. На семнадцатом этаже он замедлил шаг, пропуская вперед двух других роботов. Это были мясники или разделыватели туш — правая рука у обоих кончалась не кистью, а остро отточенным резаком длиной в фут. На втором этаже они остановились и убрали резаки в пластмассовые ножны, привинченные к их грудным пластинам. Вслед за ними Джон по скату спустился в вестибюль.

Помещение было битком набито роботами всех размеров, форм и расцветок. Джон Венэкс был заметно выше остальных и через их головы видел стеклянную входную дверь. Ночью прошел дождь, и под лучами восходящего солнца лужи на тротуарах отбрасывали красные блики. Три робота белого цвета, отличающего ночных рабочих, распахнули дверь и вошли в вестибюль. Но на улицу никто не вышел, так как комендантский час еще не кончился. Толпа медленно двигалась по вестибюлю, слышались тихие голоса.

Единственным человеком здесь был ночной портье, дремавший за барьером. Часы над его головой показывали без пяти шесть. Отведя взгляд

от циферблата, Джон заметил, что какой-то приземистый черный робот машет ему, стараясь привлечь его внимание. Могучие руки и компактное туловище указывали, что он принадлежит к семейству Копачей, одной из самых многочисленных групп. Пробившись через толпу, черный робот с лязгом хлопнул Джона по спине:

— Джон Венэкс! Я тебя сразу узнал, как только увидел, что ты зеленым столбом торчишь над толпой. Давненько мы с тобой не встречались — с тех самых дней на Венере!

Джону незачем было смотреть на номер, выбитый на исцарапанной грудной пластине черного робота. Алек Копач был его единственным близким другом все тринадцать нудных лет в поселке Оранжевого Моря. Прекрасный шахматист и замечательный партнер для парного волейбола. Все свободное время они проводили вместе. Они обменялись рукопожатием особой крепости, которая означала дружбу.

— Алек! Старая ты жестянка! Каким ветром тебя занесло в Нью-Йорк?

— Захотелось наконец увидеть что-нибудь, кроме дождя и джунглей. После того как ты выкупился, не жизнь стала, а сплошная тоска. Я начал работать по две смены в сутки в этом чертовом

алмазном карьере, а последний месяц — и по три смены, только бы выкупить контракт и оплатить проезд до Земли. Я просидел в шахте так долго, что фотоэлемент в моем правом глазу не выдержал солнечного света и сгорел, едва я вышел на поверхность. — Алек придвинулся к Джону поближе и хрипло прошептал: — По правде говоря, я запрятал за глазную линзу алмаз в шестьдесят каратов. Здесь, на Земле, я продал его за две сотни и полгода жил припеваючи. Теперь деньги закончились, и я иду на биржу труда. — Голос его снова зазвучал на полную мощность: — Ну а ты-то как?

Джон Венэкс усмехнулся — такой прямолинейный подход к жизни его позабавил.

— Да все так же: брался за любую работу, пока не попал под автобус — он разбил мне коленную чашечку. Ну а с испорченным коленом мне оставалось только кормить свиней помоями. Но тем не менее я заработал достаточно, чтобы починить колено.

Алек ткнул пальцем в сторону трехфутового робота ржавого цвета, который тихонько подошел к ним.

— Ну, если ты думаешь, что тебе туго пришлось, так погляди на Дика — это на нем не краска. Знакомьтесь: Дик Сушитель, а это Джон Венэкс, мой

старый приятель.

Джон нагнулся, чтобы пожать руку маленького робота. Его глазные щитки широко разошлись, когда он понял, что металлическое тело Дика покрыто не краской, как ему показалось вначале, а тонким слоем ржавчины. Алек кончиком пальца процарапал в ржавчине сверкающую дорожку. Он сказал мрачно:

— Дика сконструировали для работы в пустынях Марса. О влажности там и не слыхивали, и поэтому его скаредная компания решила не тратиться на нержавеющую сталь. А когда компания обанкротилась, его продали одной нью-йоркской фирме. Он стал ржаветь, работать медленнее, и тогда они отдали ему контракт и вышвырнули беднягу на улицу.

Маленький робот заговорил скрипучим голосом:

— Меня никто не хочет нанимать, пока я в таком виде, а пока я без работы, я не могу сделать себе ремонт. — Его руки скрипели и скрежетали при каждом движении. — Я сегодня думаю опять заглянуть в бесплатную поликлинику для роботов: они сказали, что попробуют что-нибудь сделать.

Алек Копач прогрохотал:

— Не очень-то ты на них надейся. Конечно, капсулу смазки или бесплатный кусочек проволоки они тебе дадут. Но на настоящую помощь не рассчитывай.

Стрелки показывали уже начало седьмого, роботы один за другим выходили на тихую улицу, и трое собеседников двинулись вслед за толпой. Джон старался идти медленнее, чтобы его низенькие друзья от него не отставали. Дик Сушитель шел дергаясь и спотыкаясь, и голос у него был такой же неровный, как и походка:

— Джон… Венэкс… А что значит… эта фамилия? Может быть… как-то связана… с Венерой…

— Правильно. «Венероэкспериментальный». В нашем семействе нас было всего двадцать два. У нас водонепроницаемые тела, выдерживающие большое давление, — для работы на морском дне. Конструктивная идея была правильной, и мы делали то, что от нас требовалось. Только работы для нас всех не хватало — расчистка дна не приносила больших прибылей. Я выкупил мой контракт за полцены и стал свободным роботом.

Ржавая диафрагма Дика задергалась.

— Свобода — это еще не все. Я иногда жалею, что Закон о равноправии роботов все-таки был введен. В… в… владела бы мной сейчас какая-ни-

будь богатая фирма с механической мастерской и… горами запасных частей…

— Ну это ты несерьезно, Дик. — Алек Копач опустил тяжелую черную руку ему на плечо. — Многое еще скверно, кто этого не знает, но все-таки куда лучше, чем в старые времена, когда мы были просто машинами. Работали по двадцать четыре часа в сутки, пока не ломались. А тогда нас выбрасывали на свалку. Нет уж, спасибо. Нынешнее положение меня больше устраивает.

Перед биржей труда Джон и Алек попрощались с Диком, и маленький робот медленно побрел дальше по улице. Они протолкались сквозь толпу и встали в очередь к регистрационному окошку. Доска объявлений рядом с окошком пестрела разноцветными карточками с названиями компаний, которым требовались роботы. Клерк прикалывал к доске новые карточки.

Венэкс скользнул по ним взглядом и сфокусировал глаза на объявлении в красной рамке:

ТРЕБУЮТСЯ РОБОТЫ
СЛЕДУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ:
Крепильщики
Летчики
Атомники

Съемщики
Венэксы
Обращаться сразу в «Чейнджет лимитед»
Бродвей, 1919

Джон взволнованно постучал по шее Алека Копача:

— Погляди-ка! Работа по моей специальности! Буду получать полную ставку! Увидимся вечером в гостинице. Желаю удачи в поисках!

Алек помахал ему на прощание:

— Ну, будем надеяться, что работа окажется не хуже, чем ты рассчитываешь. А я ничему не верю до тех пор, пока деньги у меня не в руках.

Джон быстро шел по улице, его длинные ноги отмахивали квартал за кварталом. «Старина Алек! Не верит ни во что, чего не может потрогать. Может быть, он прав. Но зачем нагонять на себя уныние? День начался не так уж плохо — колено действует прекрасно. Я, возможно, получу хорошую работу...»

Никогда еще с тех пор, как его активировали, у Джона Венэкса не было такого бодрого настроения.

Быстро повернув за угол, он столкнулся с ка-

ким-то прохожим. Джон сразу же остановился, но не успел отскочить. Очень толстый человек стукнулся об него и упал на землю. И радость сменилась черным отчаянием — он причинил вред ЧЕЛОВЕКУ.

Джон наклонился, чтобы помочь толстяку встать, но тот увернулся от дружеской руки и визгливо завопил:

— Полиция! Полиция! Караул! На меня напали… взбесившийся робот! Помогите!

Начала собираться толпа. На почтительном расстоянии, правда, но тем не менее грозная. Джон замер. Голова у него шла кругом: что он натворил! Сквозь толпу протиснулся полицейский.

— Заберите его, расстреляйте… Он меня ударил… чуть не убил! — Толстяк дрожал и захлебывался от ярости.

Полицейский достал пистолет семьдесят пятого калибра с гасящей отдачу рукояткой. Он прижал дуло к боку Джона.

— Этот человек обвиняет тебя в серьезном преступлении, жестянка. Пойдешь со мной в участок, там поговорим.

Полицейский тревожно оглянулся и взмахнул пистолетом, расчищая себе путь в густой толпе. Люди неохотно отступили. Послышались серди-

тые восклицания.

Мысли Джона вихрем неслись по замкнутому кругу. Как могла произойти эта катастрофа и чем она кончится? Он не осмеливался сказать правду — ведь тем самым он назвал бы человека лжецом. С начала года в Нью-Йорке замкнули уже шесть роботов. Если он посмеет произнести хоть слово в свою защиту — электрический кабель рядом, и в полицейском морге на полку ляжет седьмая выжженная металлическая оболочка.

Его охватило тупое отчаяние — выхода не было. Если толстяк не возьмет своего обвинения назад, его ждет каторга. Хотя, пожалуй, живым ему до участка не дойти. Газеты успешно раздували ненависть к роботам: она слышалась в сердитых голосах, сверкала в сузившихся глазах, заставляла сжиматься кулаки. Толпа превращалась в стаю зверей, готовую накинуться на него и растерзать.

— Эй! Что тут происходит? — прогремел голос, в котором было что-то, приковавшее внимание толпы.

У тротуара остановился огромный межконтинентальный грузовик. Водитель выпрыгнул из кабины и начал проталкиваться сквозь толпу. Полицейский, когда водитель надвинулся на

него, нервно поднял пистолет.

— Это мой робот, Джек. Не вздумай его продырявить. — Шофер повернулся к толстяку. — Этот жирный — врун, каких мало. Робот стоял тут и ждал меня. А жирный, наверное, не только дурак, а еще и слеп в придачу. Я все видел: он наткнулся на робота, а потом завизжал и давай звать полицию.

Толстяк не выдержал: он побагровел от ярости и бросился на шофера, неуклюже размахивая кулаками. Шофер уперся могучей ладонью в лицо своего противника, и тот вторично очутился на тротуаре.

Толпа разразилась хохотом. Замыкание и робот были забыты. Драка шла между людьми, и причина драки никого больше не занимала. Даже полицейский, убирая пистолет в кобуру, позволил себе улыбнуться и только потом начал разнимать дерущихся.

Шофер сердито прикрикнул на Джона:

— А ну лезь в кабину, рухлядь! Забот с тобой не оберешься!

Толпа хохотала, глядя, как он толкнул Джона на сиденье и захлопнул дверцу. Шофер нажал большим пальцем на кнопку стартера, могучие дизели взревели, и грузовик отъехал от тротуа-

ра.

Джон приоткрыл рот, но ничего не мог сказать. Почему этот незнакомый человек помог ему? Какими словами его благодарить? Он знал, что не все люди ненавидят роботов. Ходили даже слухи, что некоторые обращаются с роботами не как с машинами, а как с равными себе. Очевидно, шофер грузовика принадлежал к этим мифическим существам — иного объяснения его поступку Джон не находил.

Уверенно держа рулевое колесо одной рукой, шофер пошарил другой за приборной доской и вытащил тонкую пластикатовую брошюрку. Он протянул ее Джону, и тот быстро прочел заглавие: «Роботы — рабы мировой экономической системы». Автор — Филпотт Азимов-второй.

— Если у вас найдут эту штуку, вам крышка. Спрячьте-ка ее за изоляцию вашего генератора: если вас схватят, вы успеете ее сжечь. Прочтите, когда рядом никого не будет. И узнаете много нового. На самом деле роботы вовсе не хуже людей. Наоборот, во многих отношениях они даже лучше. Тут есть небольшой исторический очерк, показывающий, что роботы — не единственные, кого считали гражданами второго сорта. Вам это может показаться странным, но было время, ко-

гда люди обходились с другими людьми так, как теперь обходятся с роботами. Это одна из причин, почему я принимаю участие в нашем движении: когда сам обожжешься, так и других тащишь из огня. — Он улыбнулся Джону широкой дружеской улыбкой — его зубы казались особенно белыми по контрасту с темно-коричневой кожей лица. — Я должен выбраться на шоссе номер один. Где вас высадить?

— У Чейнджета, пожалуйста. Мне нужно навести там справки о работе.

Дальше они ехали молча. Прежде чем открыть дверцу, шофер пожал Джону руку:

— Извините, что обозвал вас рухлядью, — надо было умиротворить толпу.

Грузовик отъехал.

Джону пришлось подождать полчаса, но наконец подошла его очередь, и клерк сделал ему знак пройти в комнату заведующего приемом. Он быстро вошел и увидел за столом из прозрачной пластмассы маленького нахмуренного человека. Тот сердито перебирал бумаги на своем столе, иногда ставя на полях какие-то закорючки. Он быстро, по-птичьи покосился на Джона.

— Да-да, поскорей. Что тебе нужно?

— Вы дали объявление. Я…

Маленький человек жестом остановил его:

— Довольно. Давай твой опознавательный жетон… И поскорее. Другие ждут.

Джон вытащил жетон из щели в животе и протянул его заведующему. Тот прочел кодовый номер, а потом провел пальцем по длинному списку похожих номеров. Внезапно палец остановился, и заведующий посмотрел на Джона из-под полуопущенных век:

— Ты ошибся, у нас для тебя ничего нет.

Джон попробовал было объяснить, что в объявлении указывалась именно его специальность, но заведующий сделал ему знак замолчать и протянул обратно жетон. Одновременно он выхватил из-под пресс-папье какую-то карточку и показал ее Джону. Он подержал ее меньше секунды, зная, что фотографическое зрение и эйдетическая память робота мгновенно воспримут и навсегда сохранят все, что на ней написано. Карточка упала в пепельницу, и прикосновение карандаша-зажигалки превратило ее в пепел.

Джон сунул жетон на место и, спускаясь по лестнице, мысленно прочитал то, что было написано на карточке. Шесть строчек, напечатанных на машинке. Без подписи.

РОБОТ ВЕНЭКС! ТЫ НУЖЕН ФИРМЕ ДЛЯ СТРОГО

СЕКРЕТНОЙ РАБОТЫ. В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ, ПО-ВИДИМОМУ,
ЕСТЬ ОСВЕДОМИТЕЛИ КОНКУРИРУЮЩИХ КОМПАНИЙ. ПОЭТОМУ ТЕБЯ НАНИМАЮТ ТАКИМ НЕОБЫЧНЫМ СПОСОБОМ. НЕМЕДЛЕННО ИДИ НА ВАШИНГТОН-СТРИТ, 787, И СПРОСИ МИСТЕРА КОУЛМЕНА.

У Джона словно гора с плеч свалилась. Ведь он уже совсем было решил, что не получит работы. Такой способ найма не вызывал у него никакого удивления. Большие фирмы ревниво охраняли открытия своих лабораторий и не стеснялись в средствах, пытаясь добраться до секретов своих соперников. Пожалуй, можно считать, что место за ним.

Громоздкий погрузчик сновал взад и вперед в полутьме старинного склада, возводя аккуратные штабеля ящиков под самый потолок. Джон окликнул его, и робот, сложив подъемную вилку, скользнул к нему на бесшумных шинах. В ответ на вопрос Джона он указал на лестницу в глубине помещения.

— Контора мистера Коулмена вон там. На двери есть дощечка.

Погрузчик прижал пальцы к слуховой мембране Джона и понизил голос до еле слышного

шепота. Человеческое ухо не уловило бы ничего, но Джон слышал прекрасно, так как металлическое тело погрузчика обладало хорошей звукопроводимостью.

— Он отпетая сволочь и ненавидит роботов. Так что будь повежливее. Если сумеешь вставить в одну фразу пять «сэров», можешь ничего не опасаться.

Джон заговорщицки подмигнул, опустив щиток одного глаза, погрузчик ответил ему тем же и бесшумно отъехал к своим ящикам.

Поднявшись по пыльным ступенькам, Джон осторожно постучал в дверь мистера Коулмена.

Коулмен оказался пухлым коротышкой в старомодном желтом с фиолетовым костюме солидного дельца. Поглядывая на Джона, он сверился с описанием Венэкса в Общем каталоге роботов. По-видимому, убедившись, что перед ним действительно Венэкс, он захлопнул каталог.

— Давай жетон и встань у стенки, вон там!

Джон положил жетон на стол и попятился к стене.

— Да, сэр. Вот он, сэр.

Два «сэра» в один прием — пожалуй, не так уж плохо. Смеху ради он прикинул, удастся ли ему втиснуть пять «сэров» в одну фразу так, чтобы

Коулмен не почувствовал, что над ним потешаются, — и заметил опасность, когда было уже поздно.

Скрытый под штукатуркой электромагнит был включен на полную мощность, и металлическое тело Джона буквально вжалось в стену. Коулмен крикнул, злорадно приплясывая:

— Все в порядке, Друс! Повис, как расплющенная консервная банка на рифе! Не пошевельнет ни одним мотором. Тащи сюда эту штуку, и обработаем его.

Друс был в комбинезоне механика, надетом поверх обычной одежды. На боку у него висела сумка с инструментами. В вытянутой руке он нес черный металлический цилиндр, старательно держа его как можно дальше от себя. Коулмен раздраженно прикрикнул на него:

— Бомба на предохранителе и взорваться не может! Перестань валять дурака. Ну-ка присобачь ее к ноге этой жестянки, да побыстрее!

Что-то ворча себе под нос, Друс приварил металлические фланцы бомбы к ноге Джона, чуть выше колена. Коулмен подергал черный цилиндрик, проверяя, прочно ли он держится, а потом повернул какой-то рычажок и вытащил блестящий черный стержень чеки. Раздался негромкий

сухой щелчок — взрыватель бомбы был взведен.

Джон мог только беспомощно следить за происходящим — даже его голосовая диафрагма была парализована магнитным полем. У него не оставалось никаких сомнений, что заманили его сюда не ради сохранения коммерческой тайны. Он ругал себя последними словами за то, что так легкомысленно угодил в ловушку.

Электромагнит был отключен, и Джон тотчас запустил мотор движения, готовясь ринуться вперед. Коулмен достал из кармана пластмассовую коробочку и положил большой палец на кнопку в ее крышке.

— Без глупостей, ржавая банка! Этот передатчик настроен на приемник в бомбочке, приваренной к твоей ноге. Стоит мне нажать на эту кнопку, и ты взлетишь вверх в облаке дыма, а вниз посыплешься дождем из болтов и гаек… А если тебе захочется разыграть героя, то вспомни вот про него.

По знаку Коулмена Друс открыл стенной шкаф. Там на полу лежал человек неопределенного возраста в грязных лохмотьях. К его груди была крепко привязана бомба. Прищурив налитые кровью глаза, он поднес ко рту почти опорожненную бутылку виски. Коулмен ударом ноги

захлопнул дверь.

— Это просто бездомный бродяга, Венэкс, но тебе ведь все равно. Он же че-ло-век, а робот не может убить человека. Бомбочка этого пьяницы настроена на одну волну с твоей, и если ты попробуешь сыграть с нами какую-нибудь штуку, он разлетится на куски.

Коулмен сказал правду, и Джону оставалось только подчиниться. Все привитые ему понятия, да и 92-й контур в его мозгу делали непереносимой для него даже мысль о том, что он может причинить вред человеку. Для каких-то неведомых ему целей эти люди превратили его в свое покорное орудие.

Коулмен оттащил в сторону тяжелый брезент, лежавший на полу, и Джон увидел в бетоне зияющую дыру — начало темного туннеля, уходившего дальше в землю. Коулмен указал Джону на дыру:

— Пройдешь шагов тридцать и наткнешься на обвал. Убери все камни и землю. Расчистишь выход в канализационную галерею и вернешься сюда. И один! Если вздумаешь позвать легавых, и от тебя, и от старого хрыча останется мокрое место. А теперь — живо!

Туннель был прорыт совсем недавно, и кре-

пежными стойками в нем служили такие же ящики, какие он видел на складе. Внезапно путь ему преградила стена из свежей земли и камней. Джон начал накладывать землю в тачку, которую дал ему Друс.

Он вывез уже четыре тачки и начал накладывать пятую, когда наткнулся на руку — руку робота, сделанную из зеленого металла. Он включил лобовой фонарь и внимательно осмотрел руку. Сомнений не было: шарниры суставов, расположение гаек на ладони и сочленения большого пальца могли означать только одно — это была оторванная кисть Венэкса.

Быстро, но осторожно Джон разгреб мусор и увидел погибшего робота. Торс был раздавлен, провода обуглились, из огромной рваной раны в боку сочилась аккумуляторная кислота. Джон бережно обрезал провода, которые еще соединяли шею с телом, и положил зеленую голову на тачку. Она смотрела на него пустым взглядом мертвеца: щитки разошлись до максимума, но в лампах за ними не теплилось ни искорки жизни.

Он начал счищать грязь с номера на раздробленной груди, но тут в туннель спустился Друс и навел на него яркий луч фонарика.

— Брось возиться с этой рухлядью, а то и с тобой

будет то же! Туннель надо закончить сегодня!

Джон сложил бесформенные металлические обломки на тачку вместе с землей и камнями и покатил ее по туннелю. Мысли у него мешались. Мертвый робот — это было страшно. Да еще к тому же робот из его семейства! Но тут начиналось необъяснимое. Что-то с этим роботом было не так — он увидел на его груди номер 17, а ведь он очень хорошо помнил тот день, когда Венэкс-17 погиб на дне Оранжевого Моря, потому что в его мотор попала вода.

Только через четыре часа Джон добрался до старой гранитной стены канализационной галереи. Друс дал ему короткий ломик, и он выломал несколько больших камней, так что образовалась дыра, через которую он мог спуститься в галерею.

Затем он поднялся в контору, бросил ломик на пол в углу и, стараясь выглядеть как можно естественнее, уселся там на куче земли и камней. Он заерзал, словно устраиваясь поудобнее, и его пальцы нащупали обрубок шеи Венэкса-17.

Коулмен повернулся на табурете и взглянул на стенные часы. Сверившись со своими часами-булавкой, которой был заколот его галстук, он удовлетворенно буркнул что-то и ткнул пальцем

в сторону Джона:

— Слушай, ты, зеленая жестяная морда! В девятнадцать часов выполнишь одно задание. И смотри у меня! Чтобы все было сделано точно. Спустишься в галерею и выберешься в Гудзон. Выход под водой, так что с берега тебя не увидят. Пройдешь по дну двести ярдов на север. Если не напутаешь, окажешься как раз под днищем корабля. Смотри в оба, но фонаря не зажигай, понял? Пойдешь прямо под килем, пока не увидишь цепь. Влезешь по ней, снимешь ящик, который привинчен к днищу, и принесешь его сюда. Запомнил? Не то сам знаешь, что будет.

Джон кивнул. Его пальцы тем временем быстро распутывали и выпрямляли провода в оторванной шее. Потом он взглянул на них, чтобы запомнить их порядок.

Включив в уме цветовой код, он разбирался в назначении этих проводов. Двенадцатый провод передавал импульсы в мозг, шестой — импульсы из мозга.

Он уверенно отделил эти два провода от остальных и неторопливо обвел взглядом комнату. Друс дремал в углу на стуле, а Коулмен разговаривал по телефону. Его голос иногда переходил в раздраженный визг, и все же он не спускал глаз с

Джона, а в левой руке крепко сжимал пластмассовую коробочку.

Но голову Венэкса-17 Джон от него заслонял, и, пока Друс продолжал спать, он мог возиться с ней, ничего не опасаясь. Джон включил выходной штепсель в своем запястье, и водонепроницаемая крышечка, щелкнув, открылась. Этот штепсель, соединяющийся с его аккумулятором, предназначался для включения электроинструментов и дополнительных фонарей.

Если голова Венэкса-17 была отделена от корпуса менее трех недель назад, он сможет реактивировать ее. У каждого робота в черепной коробке имелся маленький аккумулятор на случай, если мозг вдруг будет отъединен от основного источника питания. Аккумулятор обеспечивал тот минимум тока, который был необходим, чтобы предохранить мозг от необратимых изменений, но все это время робот оставался без сознания.

Джон вставил провода в штепсель на запястье и медленно довел напряжение до нормального уровня. После секунды томительного ожидания глазные щитки Венэкса-17 внезапно закрылись. Когда они снова разошлись, лампы за ними светились. Их взгляд скользнул по комнате и остановился на Джоне.

Правый щиток закрылся, а левый начал отодвигаться и задвигаться с молниеносной быстротой. Это был международный код — и сигналы подавались с максимальной скоростью, какую был способен обеспечить соленоид. Джон сосредоточенно расшифровывал: «Позвони… вызови особый отдел… скажи: „Сигнал четырнадцатый“… помощь при…» Щиток замер, и свет разума в глазах померк.

На мгновение Джона охватил панический ужас, но он тут же сообразил, что Венэкс-17 отключился нарочно.

— Эй, что это ты тут затеял? Ты свои штучки брось! Я знаю вас, роботов, знаю, какой дрянью набиты ваши жестяные башки! — Друс захлебывался от ярости. Грязно выругавшись, он изо всех сил пнул ногой голову Венэкса-17. Ударившись о стену, она отлетела к ногам Джона.

Зеленое лицо с большой вмятиной во лбу глядело на Джона с немой мукой, и он разорвал бы этого человека в клочья, если бы не 92-й контур. Но когда его моторы заработали на полную мощность и он уже готов был рвануться вперед, контрольный прерыватель сделал свое дело, и Джон упал на кучу земли, на мгновение полностью парализованный. Власть над телом могла

вернуться к нему, только когда угаснет гнев.

Это была словно застывшая живая картина: робот, опрокинувшийся на спину, человек, наклонившийся над ним, с лицом, искаженным животной ненавистью, и зеленая голова между ними — как эмблема смерти.

Голос Коулмена, словно нож, рассек мощный пласт невыносимого напряжения:

— Друс! Перестань возиться с этой жестянкой. Пойди открой дверь. Явился Малыш Уилли со своими разносчиками. А с этим хламом поиграешь потом.

Друс повиновался и вышел из комнаты, но только после того, как Коулмен прикрикнул на него второй раз. Джон сидел, привалясь к стене, и быстро и точно оценивал все известные ему факты. О Друсе он больше не думал: этот человек стал для него теперь только одним из факторов в решении сложной проблемы.

Вызвать особый отдел, — значит, это что-то крупное. Настолько, что дело ведут федеральные власти. «Сигнал четырнадцать» — за этим стояла огромная предварительная подготовка, какие-то силы, которые теперь могут быть мгновенно приведены в действие. Что, как и почему, он не знал, но ясно было одно: надо любой ценой

выбраться отсюда и позвонить в особый отдел. И времени терять нельзя — вот-вот вернется Друс с неведомыми «разносчиками». Необходимо что-то сделать до их появления.

Джон еще не успел довести ход своих рассуждений до конца, а его пальцы уже принялись за дело. Спрятав в руке гаечный ключ, он быстро отвинтил главную гайку бедренного сочленения. Она упала в его ладонь, и теперь только ось удерживала ногу на месте. Джон медленно поднялся с пола и пошел к столу Коулмена.

— Мистер Коулмен, сэр! Уже время, сэр? Мне пора идти к кораблю?

Джон говорил медленно, делая вид, что идет к дыре, но одновременно он незаметно приближался и к столу.

— У тебя еще полчаса, сиди смир… Э-эй!

Он не договорил. Как ни быстры человеческие рефлексы, они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга. Коулмен еще не успел понять, что, собственно, произошло, а робот уже упал поперек стола, сжимая в руке отстегнутую у бедра ногу.

— Вы убьете себя, если нажмете эту кнопку!

Джон заранее сформулировал это предупреждение. Теперь, выкрикнув его прямо в ухо

растерявшегося человека, он засунул отъединенную ногу ему за пояс. Все произошло, как было задумано: палец Коулмена метнулся к кнопке, но застыл над ней. Выпученными глазами он уставился на смертоносный цилиндрик, чернеющий у самого его живота.

Джон не стал ждать, пока он опомнится. Соскользнув со стола, он подхватил с пола ломик и, оттолкнувшись единственной ногой, в один прыжок очутился у дверцы стенного шкафа. Он всадил ломик между косяком и дверцей и с силой нажал. Коулмен еще только ухватился за металлическую ногу, а Джон уже открыл шкаф и одним рывком разорвал толстый ремень, удерживавший бомбу на груди мертвецки пьяного бродяги. Бомбу он бросил в угол возле Коулмена — пусть разделывается с ней как хочет. Хоть он и остался без ноги, но, во всяком случае, избавился от бомбы, не причинив вреда человеку. А теперь надо добраться до какого-нибудь телефона и позвонить.

Коулмен, еще не успевший освободиться от бомбы, сунул руку в ящик стола за пистолетом. О двери нечего было и думать — там ему преградят путь Друс и его спутники. Оставалось только окно, выходившее в помещение склада.

Джон Венэкс выскочил в окно, матовые стекла брызнули тысячью осколков, а в комнате позади него прогремел выстрел и от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Вторая пуля калибра 75 просвистела над самой головой робота, поскакавшего к задней двери склада. До нее оставалось не больше тридцати шагов, как вдруг раздалось шипение, огромные створки скользнули навстречу друг другу и плотно сомкнулись. Значит, все остальные двери тоже заперты, а топот стремительно бегущих ног навел на мысль, что именно там его и намерены встретить враги. Джон метнулся за штабель ящиков.

Над его головой, скрещиваясь и пересекаясь, уходили под крышу стальные балки. Человеческий глаз ничего не различил бы в царившем там густом мраке, но для Джона было вполне достаточно инфракрасных лучей, исходивших от труб парового отопления.

С минуты на минуту Коулмен и его сообщники начнут обыскивать склад, и только там, на крыше, он сможет спастись от плена и смерти. Да и передвигаться по полу на одной ноге было непросто. А на балках для быстрого передвижения ему будет достаточно рук.

Джон уже забрался на одну из верхних балок,

когда внизу раздался хриплый крик и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали тонкую крышу, а одна расплющилась о стальную балку как раз под его грудью. Трое из новоприбывших начали карабкаться вверх по пожарной лестнице, а Джон тихонько пополз к задней стене.

Сейчас ему ничто непосредственно не угрожало, и он мог обдумать свое положение. Люди ищут его, рассыпавшись по всему зданию, и через несколько минут он, несомненно, будет обнаружен. Все двери заперты, и окна… он обвел взглядом склад — окна, конечно, тоже блокированы. Если бы он мог позвонить в особый отдел, неведомые друзья Венэкса-17, вероятно, успели бы прийти к нему на помощь. Но об этом не стоило и думать — единственным телефоном в здании был тот, который стоял на столе Коулмена. Джон специально проследил направление провода и знал это наверняка.

Джон машинально посмотрел вверх, туда, где почти у самой его головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Вот он, телефонный провод… Телефонный провод? А что еще ему нужно, чтобы позвонить?

Он ловко и быстро освободил от изоляции небольшой участок телефонного провода и вы-

тащил из левого уха маленький микрофон. Он усмехнулся: сначала нога, теперь ухо — ради ближнего он жертвовал собой в буквальном смысле слова. Не забыть потом сказать об этом Алеку Копачу — если это «потом» для него наступит. Алек обожает такие шутки.

Джон вставил в микрофон два провода и подсоединил его к телефонной линии. Прикоснувшись к проводу амперметром, он убедился, что линия свободна. Затем, рассчитав нужную частоту, послал одиннадцать импульсов, точно соблюдая соответствующие интервалы. Это должно было обеспечить ему соединение с местной подстанцией. Поднеся микрофон к самому рту, Джон произнес четко и раздельно:

— Алло, станция! Алло, станция! Я вас не слышу, не отвечайте мне. Вызовите особый отдел — сигнал четырнадцать, повторяю — сигнал четырнадцать...

Джон повторял эти слова, пока не увидел, что обыскивающие склад люди уже совсем близко. Он оставил микрофон на проводе — в темноте люди его не заметят, а включенная линия подскажет неведомому особому отделу, где он находится. Упираясь в металл кончиками пальцев, он осторожно перебрался по двутавровой

балке в дальний угол помещения и заполз там в нишу. Спастись он не мог. Оставалось только тянуть время.

— Мистер Коулмен, я очень жалею, что убежал!

Голос, включенный на полную мощность, разнесся по складу раскатами грома. Люди внизу завертели головами.

— Если вы позволите мне вернуться и не убьете меня, я сделаю то, что вы велели. Я боялся бомбы, а теперь боюсь пистолетов. — Конечно, это звучало очень по-детски, но он не сомневался, что никто из них не имеет ни малейшего представления о мышлении роботов. — Пожалуйста, разрешите мне вернуться… сэр! — Он чуть было не забыл про магическое словечко, а потому повторил его еще раз: — Пожалуйста, сэр!

Коулмену необходим этот ящик, и, разумеется, он пообещает все, что угодно. Джон прекрасно понимал, какая судьба его ждет в любом случае, но он старался выиграть время в надежде, что ему удалось дозвониться и помощь подоспеет вовремя.

— Ладно, слезай, жестянка! Я тебе ничего не сделаю, если ты выполнишь работу как следует.

Но Джон уловил скрытую ярость в голосе Коул-

мена. Бешеную ненависть к роботу, посмевшему дотронуться до него…

Спускаться было легко, но Джон спускался медленно, стараясь выглядеть как можно более неуклюжим. Он поскакал на середину склада, хватаясь за ящики, словно для того, чтобы не потерять равновесия. Коулмен и Друс ждали его там. Рядом с ними стояли какие-то новые люди с пустыми и злыми глазами. При его приближении они подняли пистолеты, но Коулмен жестом остановил их:

— Это моя жестянка, ребята. Я сам о нем позабочусь.

Он поднял пистолет, и выстрел оторвал вторую ногу Джона. Подброшенный ударом пули Джон беспомощно рухнул на пол, глядя вверх — на дымящееся дуло пистолета калибра 75.

— Для консервной банки придумано неплохо, только этот номер не пройдет. Мы снимем ящик каким-нибудь другим способом. Так, чтобы ты не путался у нас под ногами.

Его глаза зловеще сощурились.

С того момента, как Джон кончил шептать в микрофон, прошло не более двух минут. Вероятно, те, кто ждал звонка Венэкса-17, дежурили в машинах круглые сутки. Внезапно с оглушитель-

ным грохотом обрушилась центральная дверь. Скрежеща гусеницами по стали, в склад влетела танкетка, ощеренная автоматическими пушками. Но она опоздала на одну секунду: Коулмен нажал на спуск.

Джон уловил чуть заметное движение его пальца и отчаянным усилием рванулся в сторону. Он успел отодвинуть голову, но пуля разнесла его плечо. Еще раз Коулмен выстрелить не успел. Раздалось пронзительное шипение, и танкетка изрыгнула мощные струи слезоточивого газа. Ни Коулмен, ни его сообщники уже не увидели полицейских в противогазах, хлынувших в склад с улицы.

Джон лежал на полу в полицейском участке, а механик приводил в порядок его ногу и плечо. По комнате расхаживал Венэкс-17, с видимым удовольствием пробуя свое новое тело.

— Вот это на что-то похоже! Когда меня засыпало, я уже совсем решил, что мне конец. Но пожалуй, я начну с самого начала.

Он пересек комнату и потряс уцелевшую руку Джона:

— Меня зовут Уил Контр — четыре тысячи девятьсот пятьдесят один эйч-зет. Хотя это давно пройденный этап — я сменил столько разных тел,

что уже и забыл, каков я был в самом начале. Из заводской школы я перешел прямо в полицейское училище и с тех пор так и работаю — сержант вспомогательных сил сыскной полиции, следственный отдел. Занимаюсь я больше тем, что торгую леденцами и газетами или разношу напитки во всяких притонах: собираю сведения, составляю докладные и слежу кое за кем по поручению других отделов. На этот раз — прошу, конечно, извинения, что мне пришлось выдать себя за Венэкса, но, по-моему, я ваше семейство не опозорил, — на этот раз меня одолжили таможне. В Нью-Йорк начали поступать большие партии героина. ФБР удалось установить, кто орудует здесь, но было неизвестно, как товар доставляется сюда. И когда Коулмен — он у них тут был главным — послал объявления в агентства по найму рабочей силы, что ему требуется робот для подводных работ, меня запихнули в новое тело, и я сразу помчался по адресу. Как только я начал копать туннель, я связался с отделом, но проклятая кровля обрушилась до того, как я выяснил, на каком судне пересылают героин. А что было дальше, тебе известно. Опергруппа не знала, что меня прихлопнуло, и ждала сигнала. Ну а этим ребятам, понятно, не хотелось сложа

руки ждать, когда ящичек героина ценой в полмиллиона уплывет назад невостребованным. Вот они и нашли тебя. Ты позвонил, и доблестные блюстители порядка вломились в последний миг — спасти двух роботов от ржавой могилы.

Джон давно уже тщетно пытался вставить хоть слово и поспешил воспользоваться случаем, когда Уил замолчал, залюбовавшись своим отражением в оконном стекле.

— Почему ты мне все это рассказываешь — про методы следствия и про операции твоего отдела? Это же секретные сведения? И уж никак не для роботов.

— Конечно! — беспечно ответил Уил. — Капитан Эджкомб, глава нашего отдела, — большой специалист по всем видам шпионажа. Мне поручено наболтать столько лишнего, чтобы тебе пришлось либо поступить на службу в полицию, либо распрощаться с жизнью во избежание разглашения государственной тайны.

Уил расхохотался, но Джон ошеломленно молчал.

— Правда, Джон, ты нам очень подходишь. Роботы, которые умеют быстро соображать и быстро действовать, встречаются не так уж часто. Услышав, какие штуки ты откалывал на складе,

капитан Эджкомб поклялся оторвать мне голову навсегда, если я не уговорю тебя. Ты ведь ищешь работу? Ну так чего же тебе еще? Неограниченный рабочий день, платят гроши, зато уж скучно, поверь мне, не бывает никогда. — Уил вдруг перешел на серьезный тон: — Ты спас мне жизнь, Джон. Эта шайка бросила бы меня ржаветь в туннеле до скончания века. Я буду рад получить тебя в помощники. Мы с тобой сработаемся. И к тому же, — тут он снова засмеялся, — тогда как-нибудь при случае и я тебя спасу. Терпеть не могу долгов!

Механик кончил и, сложив инструменты, ушел. Плечевой мотор Джона был отремонтирован, и он смог сесть. Они с Уилом обменялись рукопожатием — на этот раз крепким и долгим.

Джона оставили ночевать в пустой камере. По сравнению с гостиничными номерами и барачными закутками, к которым он привык, она казалась удивительно просторной, и Джон даже пожалел, что у него нет ног — их было бы где поразмять. Ну ладно, придется подождать до утра. Перед тем как он начнет выполнять свои новые обязанности, его приведут в полный порядок.

Он уже записал свои показания, но невероятные события этого дня все еще не давали ему

думать ни о чем другом. Это его раздражало: надо было дать остыть перегретым контурам. Чем бы отвлечься? Почитать бы что-нибудь. И тут он вспомнил о брошюре. События развивались так стремительно, что он совсем забыл про утреннюю встречу с шофером грузовика.

Он осторожно вытащил брошюрку из-за изоляции генератора и открыл первую страницу. «Роботы — рабы мировой экономической системы». Из брошюры выпала карточка, и он прочел:

ПОЖАЛУЙСТА, УНИЧТОЖЬТЕ ЭТУ КАРТОЧКУ, КОГДА ПРОЧТЕТЕ!

ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕ, ЧТО ВСЕ ЗДЕСЬ — ПРАВДА, И ЗАХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ, ТО ПРИХОДИТЕ ПО АДРЕСУ: ДЖОРДЖ-СТРИТ, 107, КОМНАТА В, В ЛЮБОЙ ЧЕТВЕРГ В ПЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Карточка вспыхнула и через секунду превратилась в пепел, но Джон знал, что будет помнить эти строчки не только потому, что у него безупречная память.

Мир на волоске

Перевод О. Полей

Тест номер 1937 подходил к концу, когда раздались первые взрывы. Вначале приглушенный рокот, затем громче — бабах! — так, что задрожали оконные стекла. Из четверых находившихся в лаборатории только Джон Барони поднял голову, и между бровей пролегла резкая тревожная складка. Он оглянулся на остальных. Доктор Штайнгрумер стоял у пульта управления, Люси Каваи помогала ему с настройками, а молодой Сэнди Льюис записывал результаты теста в отрывном блокноте. Напрасно Джон пытался успокоить себя мыслью о том, что коллеги невозмутимы и сосредоточенны. Слишком часто он слышал эти звуки в былые дни и знал, что они означают. Негромким голосом он проговорил:

— Это не гром… Это мощная взрывчатка.

Один за другим коллеги повернули к нему головы; все лица были растерянными и недоверчивыми. Объяснить он не успел, но в следующую секунду все стало ясно и так. Послышался тонкий

протяжный вой; вначале отдаленный, он звучал все громче. Джон узнал его, и сразу в животе возникла знакомая тяжесть; но он тотчас понял, что упадет не слишком близко. Раздался взрыв, и кампус за окном на секунду словно осветило дневное солнце. Затем налетела взрывная волна, зазвенели разбитые стекла. Сэнди и доктор Штайнгрумер вздрогнули, а у Люси вырвался вскрик.

А потом раздался телефонный звонок, заглушив все еще слышавшийся вдалеке рокот бомбардировщика. Джон пошел к телефону, а все остальные подбежали к окну.

Разговор был коротким, и звонивший сразу же отключился. Джон медленно повесил трубку и попытался вникнуть в смысл происходящего. В общем-то, понять его было нетрудно, но он никак не укладывался в голове. Напрашивающийся вывод не радовал. Оборвав свою мысль, Джон крикнул:

— Сэнди, это тебя. Не представились, только спросили, здесь ты или нет. Я ответил, мне сказали: «На базу по тревоге, срочно!» — и повесили трубку.

Все понимали, что это значит. Сэнди был пилотом национальной гвардии. Когда он схватил

куртку и выбежал за дверь, всем стало ясно: это не учебная тревога, не маневры. Только после того, как захлопнулась дверь, Джон сообразил, что зря не посоветовал ему быть осторожнее. Грохот доносился как раз со стороны аэродрома.

— Радио, — сказал доктор Штайнгрумер. — Нужно узнать, что происходит.

Он включил приемник, покрутил ручку настройки. Слышались только шум несущих волн и помехи.

— Сломалось, — произнесла Люси без уверенности.

Джон высказал вслух то, о чем со страхом думали все:

— Приемник в порядке, дело наверняка в радиостанциях — ни одна не работает. Похоже, это война. Стрельба на аэродроме, национальная гвардия поднята по тревоге, радио… По-моему, это единственно возможное объяснение.

В его голосе не слышалось волнения — просто мрачная констатация факта. Речь человека, не понаслышке знающего, что такое война и смерть.

— Это… русские? — Голос у Люси был тихий, но в нем звучал страх.

Джон только пожал плечами и повернулся к окну. Грохот не умолкал, красное пламя осве-

щало горизонт. Все смотрели на улицу — на заснеженный университетский двор и дальше, на Байпорт, этот тихий уголок Новой Англии, и пытались совместить идиллическую картину с войной и взрывами. Происходившее казалось невозможным. Бомбы уже не ложились поблизости, и нельзя было определить, куда же попала та, первая.

Издалека доносились крики, слышался рев заводившегося двигателя и шум отъезжавшего автомобиля. Никто не замечал, как задувает в окно январская стужа. Зачарованное молчание прервал доктор Штайнгрумер. Он прикрыл глаза рукой и повернулся к телефону. Пощелкал с минуту кнопками и аккуратно повесил трубку.

— Гудка нет, телефон уже не работает. Давайте закроем чем-нибудь окно, а то холодно.

Они работали быстро, радуясь, что нашлось занятие, а закончив, повернулись к Джону в ожидании указаний. Он не удивился. Доктор Штайнгрумер — физик, профессор, и это его лаборатория, однако сейчас и он, и его ассистентка Люси Каваи ждут помощи от бывалого человека. Сейчас они видят перед собой не студента последнего курса, а фронтовика, пехотинца. Мигом вспомнили и про его военный опыт, и про то,

что когда-то прочитали о нем в газетах. Криво усмехаясь, он подумал: надо же, одна бомба, и бывший сержант американской армии уже главнее знаменитого профессора. Но утешить коллег нечем, и нельзя ничего предпринять, пока не выяснится, что происходит. Эксперимент не закончен… можно продолжить работу, пока не поступят какие-нибудь новости.

— Хорошая мысль, — согласился с ним Штайнгрумер и повернулся к пульту управления.

Люси и Джон последовали его примеру, возвратясь на свои места. Контрольные параметры были уже рассчитаны и введены. Джон вынул из картонной фабричной упаковки новую пробирку и положил на бакелитовую пластину в центре аппарата. Он дал знак доктору Штайнгрумеру, и тот щелкнул переключателем, запустив финальную стадию эксперимента. Стрелки приборов качнулись, а через пять секунд, когда поступление энергии автоматически прекратилось, они вернулись в исходное положение.

О том, что аппарат работает, говорило лишь негромкое гудение окружавшей пластину спирали. Ученые по опыту знали, что с бакелитовой пластиной ничего заметного не произойдет: не будет ни излучения, ни заряда, который могут

обнаружить многочисленные приборы. А вот с пробиркой кое-что произошло. Только что она была целой, а теперь на пластине лежит сотня осколков. Ни звона разбитого стекла, ни иного звука. Лишь беззвучный переход из одного состояния в другое.

— Тип реакции — «В», — сказал Джон. — Это редкость. Почти триста тестов на шести тысячах ампер, и «В» всего три раза.

Он записал результат в журнал и аккуратно ссыпал стеклянные осколки в конверт для дальнейшего исследования. Аппарат подготовили к следующему тесту, и Джон достал из коробки новую пробирку. Работая машинально, он думал, и думал напряженно. Взрывы за окном были забыты, но память о них осталась.

Вот уже неделю мысль крутилась в голове, скользила по самому краю сознания, а он все отмахивался, уж очень неправдоподобной она казалась. Будь она верной, еще раньше возникла бы у профессора Штайнгрумера, ведь машина — его изобретение. Но теперь кое-что изменилось. Сложилась чрезвычайная ситуация — и все сразу увидели в Джоне лидера. Он по-прежнему с почтением относился к начальнику, однако благоговейного трепета поубавилось. Может

быть, его версия — полная чепуха, и тем не менее он выскажется.

Со следующими двумя пробирками ничего не случилось, и он дважды написал в журнале букву «А». Четвертая пробирка после включения тока исчезла бесследно — он поставил «Б». С каждым проведенным тестом его решимость крепла. Когда закончили серию экспериментов и отключили питание, он заговорил:

— Доктор, что же все-таки, по-вашему, происходит с этими пробирками?

Штайнгрумер поднял глаза и заморгал — он заносил результаты сегодняшней серии опытов в сводную таблицу. Немного подумав, ответил:

— У меня нет позитивной теории относительно этих явлений, однако одна-две гипотезы имеются. Возможно, все дело в пространственной ориентации — вы же помните изначальную теорию, на основе которой была сконструирована машина?

Джон улыбнулся:

— Я помню расчеты, хотя и не могу сказать, что до конца в них разобрался. Проще говоря, вы, насколько я понимаю, пытались связать длительность и непрерывность в объединенную функцию магнетизма и гравитации. Поле, генерируемое машиной, должно было, по вашим

расчетам, изменить силу притяжения для объектов эксперимента. Однако ни масса пробирки, ни свойства магнитного поля не изменились — и все же что-то произошло.

Штайнгрумер нахмурился, глядя на свои цифры:

— Это верно, однако…

— Позвольте мне закончить, доктор: идея настолько дикая, что лучше уж сразу высказать ее до конца. Длительность — это ведь не что иное, как время. Если вы не изменили ни массу объекта, ни параметры магнитного поля, так, может быть… может быть, вы изменили время для этих пробирок!

Люси засмеялась и тут же осеклась. Когда заговорила, в голосе звучало замешательство:

— Ты хочешь сказать, что это… машина времени?

Джон не успел ответить — за дверью раздались тяжелые шаркающие шаги. Она с грохотом распахнулась. В проеме, прислонившись к косяку, стоял Сэнди Льюис. Пальто у него было грязное, разорванное, с левого рукава капала кровь. Он был до крайности взволнован, на бледном лице резко выделялись черные полосы грязи. Говорил он так сбивчиво, что коллеги еле разобрали

слова:

— Убиты… Все убиты.

Джон быстро разорвал пропитанный кровью рукав. Рана выше локтя — похоже, от пули — была на вид не опасной. Сэнди просто ослаб от потери крови. В аптечке нашлись бинты и сульфамид, и Джон наложил повязку.

На бунзеновской горелке закипел кофейник. Люси, не дожидаясь просьбы, наполнила чашку и добавила щедрую порцию хлебного спирта. Все подождали, пока Сэнди выпьет кофе и с его лица хоть отчасти сойдет ужас, и только потом приступили к расспросам.

— Что было на аэродроме?

Несколько секунд Сэнди не отвечал Джону, лишь беззвучно раскрывал рот. Но стоило выговорить первые слова, как другие хлынули неудержимым потоком.

— Мой мотоцикл стоял сразу за дверью, ну, я его завел и поехал к аэродрому. Я давно решил, что в экстренном случае через главные ворота не поеду, отсюда можно срезать почти две мили. Не сомневался, что на мотоцикле через колючую проволоку прорвусь — там всего-то три ряда. Ну, я так и сделал, а на стрельбу особого внимания не обращал — на этих объездных дорогах не

до того, особенно когда еще и снегом засыпало. Через ограждение я довольно легко проскочил и рванул к аэродрому. На взлетке виднелось что-то черное, я остановился и пригляделся — там был сгоревший джип, а в нем два убитых летчика. Тогда-то я и заметил кругом воронки от бомб и другие следы боя. Решил, что лучше бросить мотоцикл и идти пешком, — я же понятия не имел, что меня там ждет.

На самолетной стоянке было довольно тихо, а возле казарм и у главных ворот все время трещали выстрелы. Я заглянул во второй ангар и чуть не потерял сознание. Там были летчики, все, кого я знал, и еще много из запаса. Они были мертвы — все до одного. Как будто их согнали в ангар и расстреляли из пулеметов. Это ужасно.

И тогда я решил узнать, что происходит. Приблизился к воротам, насколько смог, и понял, как же мне повезло, что я не приехал на аэродром обычным путем. В будке КПП стоял пулемет, и еще один за углом контрольно-диспетчерской вышки. Машину пропускают, и она попадает под кинжальный огонь сразу двух пулеметов. У тех, кто прибыл по тревоге, не было шансов спастись.

— Кто стрелял, Сэнди? — не мог не спросить

Джон.

— Я тогда еще не знал кто… Потом выяснил, когда вернулся к взлетной полосе. Там стояли четыре больших корабля, а пятый сел на моих глазах. Должно быть, кто-то меня заметил, открыли огонь — тогда-то в руку и попало. Я добежал до своего мотоцикла и вернулся сюда.

Эти корабли, что я видел, — именно корабли, без крыльев, без винтов, и тот, последний, опускался вертикально. Можете думать, что я умом тронулся, но сегодня столько всего бредового творится… Эти корабли, по-моему, не просто из другой страны, — похоже, началось инопланетное вторжение.

Тут все заговорили разом, и через несколько минут Джон понял: если он хочет еще что-то выяснить, делать это придется самому. Но сначала нужно проследить, чтобы здесь все было организовано должным образом. Натягивая пальто, он сказал доктору Штайнгрумеру, куда направляется.

Его подозрения оправдались: кто-то уже открыл административное здание, и студенты с разных факультетов толпились вокруг, оживленно переговариваясь. Похоже, они совершенно не понимали, что происходит, и когда Джон забрал-

ся на стол и заговорил, все охотно умолкли.

От услышанного они оторопели, но поверили. Может быть, студенты и сомневались в нашествии инопланетян, но ведь и сам он сомневался. Однако что-то ведь произошло из ряда вон выходящее, и пока не поступило никаких официальных распоряжений, нужно принять меры самозащиты. Джон и глазом не успел моргнуть, как взял на себя командование и приступил к планированию обороны.

На складе службы подготовки офицеров резерва хранилось оружие и немного боеприпасов. Он сбил молотком замок и проследил, чтобы оружие досталось тем, кто умел с ним обращаться. Это были старые винтовки калибра 7,62, магазинные, но с ручной перезарядкой. Одну Джон взял себе и прихватил ремень с полными подсумками.

В здании лаборатории есть собственная электростанция, а значит, разумнее всего именно там оборудовать опорный пункт. Город еще не обесточен, но это может случиться в любую минуту. Джон разместил часовых и наблюдателей, а оставшихся вооруженных студентов увел в здание лаборатории. Весьма странное подразделение хрустело свежевыпавшим снегом: студенты в джинсах и блейзерах, но с винтовками наперевес

вес. Почти все тревожно поглядывали в сторону аэродрома. Стрельба смолкла, но еще полыхало зарево. Разговоров было почти не слышно.

Обеспечив охрану здания, Джон спустился на первый этаж, в физическую лабораторию. Доктор Штайнгрумер сидел и писал какие-то уравнения, он даже не заметил вошедшего. От стола, за которым стояла Люси Каваи, шел запах припоя — она возилась с какими-то деталями. При появлении Джона ее сосредоточенно нахмуренное лицо разгладилось.

— Я сейчас присоединю к приемнику усилитель и поймаю что-нибудь на коротких волнах. Коммерческие радиостанции не работают, но радиолюбители держатся на батарейках. Может, удастся узнать, что происходит в других местах.

Джон долго боролся со своими чувствами к этой девочке, наполовину гавайке, наполовину японке, но в конце концов понял, что эту битву ему не выиграть. Ну как устоять перед таким сочетанием — ум физика и великолепная фигура? Ему до сих пор казалось чудом, что она ответила ему взаимностью.

— Люси, это самая лучшая мысль за весь вечер. Может, что и получится. А я пока съезжу в город и попробую разведать обстановку. Постараюсь не

задерживаться.

В ее глазах мелькнул испуг, но она ничего не сказала. Они поцеловались на прощание, и Люси немного задержала его в объятиях. Сэнди оставил ключи в замке зажигания, и Джон решил воспользоваться его мотоциклом. Люси постояла, прислушиваясь к удаляющемуся реву двигателя, и вернулась к своей работе.

Когда Джон был уже на полпути к городу, погасли все фонари. Он тоже погасил фару. Ночь была лунная, и свет отражался от снега — достаточно, чтобы разглядеть дорогу. Когда Джон сворачивал с шоссе, кто-то выстрелил в его сторону, но промахнулся, и он не стал выяснять, кто это, лишь прибавил газу.

Добравшись до делового района, он свернул в узкий переулок и заглушил двигатель. Людей на улицах хватало, но они были мертвы. Почти все на вид гражданские. Он снял винтовку с плеча и проверил, вставлена ли обойма. Дослал пулю в патронник и сдвинул предохранитель.

Он будто снова очутился в Италии. Такие же темные улицы, скорчившиеся тела в лунном свете. Шел от дома к дому, беззвучно, осторожно — этот опыт настолько въелся в него, что уже никогда не будет забыт. Джон, он же Джино Баро-

ни, мальчишка с нью-йоркских улиц, вернулся в родную Италию, где бушевала война. А сейчас, в Штатах, ему снова пригодится все то, чему научили бесконечные бои и походы в составе пятой армии.

Мимо проехал автомобиль с выключенными фарами, почти неслышно — звук тонул в снегу. Когда он свернул за угол, Джон вжался в землю за открытой верандой и прицелился в водителя. Машина медленно удалилась, Джон не нажал на спуск. Не разглядеть было, кто — или что — сидит за рулем. Остаток пути до полицейского управления он проделал ползком.

Там он сразу понял, что имел в виду Сэнди, когда рассказывал об аэродроме. Люди в полицейской форме стояли в строю, наверное, по стойке смирно, когда их скосили пулеметные очереди. Кирпичная стена здания вся выщерблена, кровь залила тротуар. Мало кто успел схватиться за пистолет.

Он снова на войне — то же чувство оцепенения и одновременно полная ясность сознания. Дверь здания медленно открылась, он отступил назад и укрылся в тени.

На крыльцо вышел начальник городской полиции, а с ним по бокам два… существа. В лунном

свете трудно было разглядеть их во всех подробностях, но Джон был этому даже рад. Ростом с человека, они передвигались на двух ногах. На этом сходство заканчивалось. Головы были шишковатые и шипастые, больше похожие на рачьи, чем на человеческие. Гладкие, светло-зеленые, твердые на вид.

Эти трое дошли до тротуара и повернулись спиной к Джону раньше, чем он смог выйти из оцепенения. Он шагнул из тени на свет и рефлекторно вскинул винтовку — так человек давит каблуком паука. Когда второй «рак» упал вслед за первым, Джон опустил оружие и вгляделся в сраженных его пулями существ. Они не пытались отползти, из ран вытекала какая-то жидкость, оставляя пятна на снегу. Начальник полиции, Фостер, стоял неподвижно, похоже, он был в шоке. Джон схватил его за руку.

— Они убиты, шеф, вам больше ничто не угрожает — если мы успеем убраться отсюда, пока другие не появились.

Не выпуская руки Фостера, он пнул в голову одного из пришельцев — твердый экзоскелет. Полицейский вырвал руку и схватился за револьвер. Пуля просвистела у Джона над головой, выстрел оглушил его. Второй раз Фостер выстрелить не

успел — получив свинец в грудь, он рухнул на тротуар.

Изумленно глядя на него, Джон наконец осознал: нашлись, оказывается, предатели человеческого рода. Фостер не был пленником пришельцев, он действовал заодно с ними. В здании полицейского управления затопали бегущие ноги, и Джон едва успел затащить Фостера за угол. Тот был без сознания, но еще жив. Он тяжело дышал, на губах пузырилась кровавая пена. Может дать ценные сведения, если только удастся доставить его в кампус живым.

Выбиваясь из сил, Джон оттащил этого бугая за три квартала и спрятал за колонкой стоявшей на отшибе автозаправки. Через десять минут вернулся с мотоциклом и взгромоздил начальника полиции на заднее сиденье. Ехать с таким грузом нелегко; пришлось положить руки Фостера себе на плечи и держать их одной рукой.

Никто не пытался его остановить, и под обстрел он больше не попадал. Выехав на шоссе, быстро добрался до кампуса, обогнул университет, убеждаясь, что нет слежки. Когда остановился у лаборатории, Фостер был уже мертв.

Двое студентов помогли втащить тело в физическую лабораторию, где Штайнгрумер и Люси

с тревогой уставились на окровавленный труп. Джон ногой перевернул мертвеца, чтобы погасшие глаза смотрели в потолок, и рассказал обо всем увиденном в городе. Пока он говорил, доктор Штайнгрумер все разглядывал покойника, а затем вдруг наклонился и ткнул карандашом в пулевую рану.

— Джон, у вас есть какие-нибудь соображения?

Он раздвинул края раны острием карандаша, и Джон заглянул в кровавое отверстие. Пуля перебила ребро и ушла дальше. Сломы блестели — ребро было металлическое.

Макдоналд, второкурсник с медицинского факультета, вызвался сделать вскрытие. Он разрезал труп быстрыми движениями скальпеля. Результаты оказались такими, что наблюдавшие не сразу поверили своим глазам. Они узнали, что начальник полиции Фостер не человек и человеком никогда не был. Кожа, мышечные ткани, вены походили на человеческие, но и только. Все кости были явно искусственного происхождения, сделаны из прочного цветного металла. На некоторых даже выбито что-то вроде серийного номера. Внутренности, например содержимое грудной клетки, не поддавались описанию. Некоторые органы показались Макдоналду смутно

знакомыми, большинство же совершенно ни на что не похожи. Джон смотрел с отвращением, сколько мог выдержать, а затем отвернулся. Он устало опустился на стул в кабинете администрации, и Люси принесла ему кофе.

Через несколько минут к ним присоединился доктор Штайнгрумер. За окнами едва брезжил серый зимний рассвет.

Люси заговорила первой:

— Должно быть, это происходит по всей стране, а может, и по всему миру. Радиолюбители, каких мне удалось поймать, повторяют одно и то же, даже тот англичанин. Молниеносные беспощадные атаки, все военные и полицейские уничтожены в первые же часы. Кое-кто упомянул о предателях, а один сказал, что видел, как взорвали местную радиостанцию. Парень из Мэриленда утверждал, что на Вашингтон сбросили атомную бомбу. Потом он замолчал, и мне больше не удалось его поймать. И так почти со всеми. Сначала все говорили наперебой, влезали на чужие частоты, а потом один за другим затихли. Когда я последний раз слушала, в эфире было несколько человек.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказал Джон. — Это вторжение, и похоже, тщательно спланированное. А еще похоже, что победа будет

за ними. Пришельцы, кем бы или чем бы они ни были, безжалостны, как дикие звери, — только они возвели свою жестокость в ранг науки. Создали здесь, на Земле, пятую колонну — шпионов вроде начальника полиции. Должно быть, в биотехнологиях они опередили нас на несколько веков. Не удивлюсь, если они способны подвергнуть любого представителя своего вида каким угодно физическим изменениям без вреда для пациента. Чтобы получить такое существо, как Фостер, нужно было удалить кожный покров вместе с экзоскелетом, а затем поместить в тело искусственные кости. Мускулы тоже не свои, кожа искусственная — с ним проделали тысячи манипуляций, каких нам даже и не вообразить. Гигантская работа — и все ради того, чтобы внедрить горстку предателей… если только таких агентов не девяносто пять процентов среди пришельцев.

Коллеги смотрели на Джона широко раскрытыми глазами, с трудом понимая, о чем идет речь. А тот взволнованно развивал свою мысль:

— Если разобраться, все очень даже просто. По этой пятой колонне видно, как далеко они опередили нас в биотехнологиях. Однако тот факт, что для упреждающего удара пришельцы использо-

вали наше оружие, позволяет предположить, что в физике они несильны. Возможно, и космические корабли украли у какой-нибудь технически более развитой цивилизации. И план вторжения разработали таким образом, чтобы не пришлось полагаться на свои собственные ресурсы.

Сначала они создали агентов и тайно отправили их на Землю. Наших людей на ключевых постах убивали одного за другим и заменяли двойниками. Когда все агенты заняли свои места, началась открытая стадия вторжения. Что-то вроде дзюдо мирового масштаба — наша сила использована против нас же. Начальники небольших подразделений вызвали своих подчиненных и расстреляли — так было на аэродроме и возле управления полиции. Крупные воинские формирования и, вероятно, все мировые столицы взорваны нашими же водородными бомбами. Связь полностью разрушена, даже радиолюбителей разыскивают по одному и ликвидируют. После того как пятая колонна выполнила свою задачу, на Землю садятся корабли, и теперь уже регулярные войска пришельцев зачищают территорию.

Осуществляя вторжение минимальными силами и средствами, они не могут брать пленных,

поэтому каждый, кто окажет сопротивление, будет уничтожен. Вооруженные силы Земли, оставшись без связи, разрозненны и неуправляемы. Нас разобьют поодиночке, и тогда пришельцы победят.

Пока Джон говорил, лицо у Люси становилось все бледнее. Она еле слышно прошептала:

— Что же мы можем сделать… Есть хоть какая-то надежда?

— Как знать. Возможно, план не везде сработал безупречно и пришельцам где-то еще противостоят крупные воинские части. Ну и самоорганизовавшиеся отряды вроде нас. Даже если враги сумели уничтожить почти всю армию, они наверняка столкнутся с партизанской войной. Мы еще не проиграли.

Слова Джона до некоторой степени успокоили слушавших. Но не его самого. Он видел, что сделали пришельцы с городком, — если по всему миру творится такое… Усилием воли заставил себя не думать об этом. Сейчас можно только сражаться и надеяться на лучшее.

Доктор Штайнгрумер снова погрузился в свой особый мир, перебирая разбросанные по всему столу записи. Ему было, пожалуй, легче всех. Джон пошел проверять караулы, а Люси стала

мыть чашки после кофе.

Вернувшись, Джон нашел обоих в главной лаборатории; там ощущалась атмосфера сдержанного воодушевления. Завидев его в дверях, Штайнгрумер замахал ему как сумасшедший.

— Ваша идея, Джон, великолепна! Я проверил расчеты, и тут может быть только одно объяснение: наш аппарат — это временной линейный ретранслятор, первый в мире…

— Как вы сказали? — Джон не поспевал за развитием событий — мало ему вторжения пришельцев, теперь еще и эпохальное открытие.

— Временной линейный ретранслятор — если моя теория верна, этот термин значительно точнее, чем «машина времени». По временной оси, или непрерывности, пробирки вернулись в прошлое и там замкнули эту ось в кольцо, соединив саму с собой. И с того момента уже единая временная ось продолжается до настоящего времени.

Джон тоже почувствовал радостное возбуждение. На какой-то миг пришельцы были забыты.

— Пока что я слежу за вашей мыслью, док, но как это объясняет разбитые и исчезнувшие пробирки?

— Очень просто. Если вы просмотрите записи, то увидите: чем мощнее ток мы подавали, тем

больше было реакций типа «Б» и «В». Давайте предположим на минуту, что чем выше мощность, тем дальше возвращение в прошлое. Чем дальше в прошлое уйдет пробирка, прежде чем соединится с собственной временной осью, тем выше вероятность, что с ней что-то произойдет до тех пор, пока она не вернется в настоящее. Теория о бесконечном количестве параллельных вселенных безусловно верна. Когда мы отправляем эти пробирки в прошлое, они все целые. Очевидно, в большинстве случаев объекты остаются на главной временной оси. Они сливаются с самими собой, какими были раньше, и движутся по временной оси до того момента, когда мы достаем их из коробки и помещаем в машину. Другие пробирки попадают на временной перекресток и начинают двигаться к иному будущему — вероятно, мы сами в какой-то мере создаем этот перекресток своими экспериментами. Некоторые пробирки случайно разбиваются в ходе опыта — это те, что возвращаются к нам в виде осколков. Другие тоже разбиваются или просто выпадают из поля машины — они перемещаются в параллельное будущее и уже не возвращаются на ту временную ось, что ведет в настоящее. Для нас они просто исчезают.

Штайнгрумер продолжал развивать свою теорию, пустившись в какие-то чудовищно сложные математические расчеты, но Джон уже не слушал. Он обдумывал собственную версию, ту, на которую его натолкнули события этой ночи, — и у него зарождалась надежда.

— Профессор, — произнес Джон, — а животное, достаточно крупное, можно отправить в прошлое с помощью этой машины?

Профессор осекся посреди своего уравнения и ответил не сразу.

— Разумеется, хотя только экспериментальным путем можно выяснить, не погибнет ли животное в процессе.

Не успел он договорить, как Джон исчез за дверью. Но тотчас вернулся из биологической лаборатории, неся клетку с белой мышью.

— Давайте проверим.

Мышь привязали к подставке нейлоновым кордом и включили машину на минимальную мощность. В самом начале силуэт мыши на мгновение размылся, но больше ничего не изменилось. Мышь сидела у Джона на ладони и чистила усики, пока он излагал заключительную, логически обоснованную часть своей теории.

— Если мышь не погибла во время эксперимен-

та, есть вероятность, что и человек не погибнет. И если кто-то вернется в нужное время — и если теория параллельных реальностей верна, — это нашествие на Землю можно остановить еще до его начала.

Прошла минута, пока эта мысль доходила до сознания остальных, а затем они заговорили разом. Все сводилось к одному: идея потрясающая, но надо проверить.

Профессор Штайнгрумер занялся расчетами для новой большой машины, а Джон пошел собирать инженеров и физиков.

Когда им объяснили принцип действия машины и теорию Джона, сковавшее всех отчаяние сменилось воодушевлением. В другое время они, может быть, и отмахнулись бы от столь фантастической мысли, но сейчас готовы были ухватиться за любую, пусть самую тонкую соломинку, лишь бы прекратился кошмарный сон наяву. Они заходили в лабораторию по несколько человек, студенты вперемешку с преподавателями, и наблюдали за демонстрацией опыта. Уходили, согретые надеждой, словно богомольцы, которым довелось увидеть святого чудотворца.

Двое суток ушло на подготовку большой машины к первому эксперименту — сорок восемь

часов напряженной работы и кровопролитных боев. Возле кампуса вспыхивали перестрелки, когда малочисленные патрули противника пытались приблизиться к зданию. Четверо студентов были убиты, зато патологоанатомическая лаборатория получила еще два трупа пришельцев для исследований. Потом наступило затишье. Все понимали: когда дойдет до настоящего штурма, против них бросят непобедимую огневую мощь. Где-то еще держатся и другие группы сопротивления — слышна непрекращающаяся канонада, — а когда их уничтожат, у неприятеля дойдут руки и до университетского городка.

На второй день, перед самым рассветом, устроили вылазку в Байпорт. Необходимое оборудование было похищено со склада электроники и доставлено в университет грузовиком. При этом погибли девять студентов и преподаватель немецкого языка.

На минимальной мощности машина работала безупречно — и мыши, и кролики возвращались живыми, хотя один кролик где-то расцарапал в кровь ухо. Это происшествие не сочли серьезным, и машина была перенастроена для эксперимента с человеком. Джон требовал, чтобы эксперимент провели на нем, и не принимал никаких возра-

жений, пока ему не доказали, что в управлении наспех собранным аппаратом без него не обойтись. Для опыта выбрали крепкого студента, капитана футбольной команды.

Он уселся на пластину и улыбнулся, когда нажали кнопку. На долю секунды его фигура потеряла четкость очертаний, и ничего не изменилось, если не считать того, что он уже не улыбался.

— Что там было? Что ты помнишь?

— Где — там? Я все жду, когда вы нажмете кнопку и сделаете меня бессмертным!

В комнате воцарилось молчание, которое прервал мрачный голос профессора Штайнгрумера.

— Я боялся, что так и будет… но не хотел говорить, пока не убедился окончательно. Объект не просто переносится в прошлое, а погружается в него. Физических изменений с ним не происходит, иначе мы могли бы их наблюдать. Изменений психического характера, к сожалению, тоже не видно. Все мысли и воспоминания стираются во время перехода.

Это конец. Все жертвы были напрасными. Гнетущая атмосфера отчаяния почти физически ощущалась в комнате. Люси смотрела на Джона, ломая голову, чем ему помочь. На его лице было то же подавленное, несчастное выражение, что и

у всех остальных, но как только девушка поймала его взгляд, что-то явственно изменилось.

На секунду этот взгляд стал рассеянным. Люси шагнула к Джону — и его лицо озарилось радостным удивлением. Не успела девушка ничего сказать, как он вскочил на ноги, и все посмотрели на него.

— Постойте-ка… машина работает! — Не дожидаясь вопросов, он торопливо заговорил: — Я только что это сделал — вернулся из будущего! — Он взглянул на часы. — Через каких-нибудь шестьдесят пять минут я войду в машину и возвращусь в эту минуту. Но сначала нужно, чтобы сюда пришел доктор Шлиммер из психологической лаборатории — он сейчас в карауле у главного входа.

По настоянию Джона кто-то побежал за доктором Шлиммером, а сам он объяснил, что будет дальше.

— Когда сознание путешественника во времени уходит в прошлое, оно смешивается с тем, что существовало тогда, и перекрывается им. Инерция времени, так вы это называете, док… или будете называть… прошу простить, если я перепутал времена глагола. Сознание, принадлежащее будущему, подавлено, но не уничтожено.

Очевидно, оно продолжает существовать где-то в глубине подсознания. Воспоминания можно восстановить с помощью гипнотического внушения. Именно это сделал Шлиммер… и сделает снова. Он применил глубокий гипноз, чтобы моя память проснулась, реагируя на определенный стимул. В качестве стимула он использовал Люси — как только я увидел ее, кладовая открылась!

В комнату поспешно вошел доктор Шлиммер, а когда понял, что от него требуется, послал студента за оборудованием, которое использовал в сеансах гипноза. Именно он первым заметил парадокс.

— Джон, вы только что вернулись из будущего и теперь объясняете, что нужно сделать, чтобы вы могли снова отправиться в будущее. Но если бы вы нам не объяснили, то нипочем не сумели бы это сделать… Получается замкнутый круг. Где же у него начало?

Коллеги все еще пытались в этом разобраться, когда Джон вошел в глубокий транс и началось внушение — в тот самый миг, о котором Джон говорил час назад.

Пришельцы пошли на штурм через пять минут, как раз тогда, когда у людей забрезжила надежда на спасение. Сначала налетели самолеты — бом-

бы взрывались со всех сторон, — затем ударила артиллерия, пробив стену университета. Как и все атаки пришельцев, эта была внезапной и безжалостной, рассчитанной лишь на уничтожение.

Одна из первых бомб убила Люси — большой осколок вошел ей прямо в мозг. Джон держал ее на руках и почти не чувствовал, как доктор Штайнгрумер тащит его куда-то. Голос ученого звучал так тихо, будто преодолевал тысячу миль.

— Джон, еще не поздно. Мы все-таки можем победить их, и тогда она будет жить. Только скорее… скорее!

В этих словах был смысл, и Джон откликнулся на них. Пока Штайнгрумер настраивал машину на максимальную мощность, доктор Шлиммер снова погрузил Джона в транс и внушил ему сигнал, который должен будет восстановить его память.

Словно в тумане, Джон, шатаясь, подошел к бакелитовой пластине. Все казалось каким-то нереальным, зыбким, — вот студенты пятятся в лабораторию, отстреливаются и падают. Вот Шлиммер берет винтовку убитого и сам тут же валится на труп, не успев выстрелить, и его седина окрашивается кровью.

Перехода он не почувствовал. Кровь и шум битвы пропали, как пропадают кадры с экрана, когда рвется пленка. Они мгновенно сменились привычной тишиной лаборатории. Джон стоял у рабочего стола, почему-то с необычайной ясностью ощущая в руке электронную лампу. Деревянные щиты, которыми были заколочены разбитые окна, исчезли, сквозь стекла лился солнечный свет. Люси помогала Штайнгрумеру настраивать какой-то прибор.

У него получилось — память вернулась вовремя. Должно быть, лампа в руке и есть тот стимул, который должен был пробудить воспоминания.

Это были ужасные воспоминания. Джона охватила на секунду слабость, когда он словно наяву увидел мертвую Люси и погибающих друзей, но тут же пришло понимание: в его силах это изменить. Лишь бы хватило времени. На столе перед ним лежала раскрытая газета, и он, бросив взгляд, отметил, что сегодня третье января.

Времени оставалось меньше, чем Джон рассчитывал. Нет и двух недель — вторжение инопланетян начнется шестнадцатого утром. Машина, включенная на максимальную мощность, перенесла его всего на тринадцать дней назад. Ну что ж, придется обойтись тем, что есть.

Несколько минут он раздумывал, не рассказать ли обо всем профессору и Люси, но решил, что не стоит. Убедить их в том, что скоро произойдет, почти невозможно, не следует и время терять. Надо справиться самому.

Никто не заметил, как он выскользнул из лаборатории и прошел в свою комнату. Там было тихо, можно посидеть с холодной бутылкой пива и хорошенько напрячь мозги. Через час был готов план. Совсем простой. Фронтовой опыт научил Джона: чем проще замысел, тем меньше вероятность, что он сорвется.

В короткой записке, адресованной Люси, он изложил «легенду»: заболел родственник в Бостоне, необходимо уехать на несколько дней. Бритва в кармане пальто — вот и весь багаж. Этажом ниже он задержался и постучал в дверь комнаты номер 121. Тишина. Быстро оглядевшись, Джон приналег плечом — маленький замок, конечно, не выдержал. Это была комната Билла Доранса, который совмещал учебу со службой в спецподразделении полиции и дежурил по вечерам. Джон отыскал в шкафу его револьвер тридцать восьмого калибра и сунул во внутренний карман. Свинство, конечно, по отношению к Биллу, но сейчас не до чистоплюйства, слишком многое

поставлено на карту.

Через час, когда бостонский экспресс отъехал от станции, он сидел в первом вагоне и тщательно обдумывал свой план заново.

В региональном отделении ФБР с ним были очень вежливы, хоть он и отказался объяснить, что его сюда привело. Почти два часа ушло на то, чтобы пробиться к начальнику — ничего бы не получилось, если бы Джон не показал документы и не намекнул на секретную работу, которой занимается в университете. Со времен Хиросимы в ФБР чрезвычайно интересовались физикой.

Фамилия начальника была Грегг, и многие принимали его за бизнесмена, пока не замечали, что его внушительный вес — это на 90 процентов мускулы, а не жир, и не ощущали в его рукопожатии сдержанную силу. Он был вежлив, как и все в этой организации, хотя Джон явно оторвал его от важных дел.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Барони, и давайте попробуем разобраться с тем, что вас беспокоит.

Джон криво улыбнулся:

— Боюсь, это труднее, чем вы можете себе представить. — Он зажег сигарету и приступил к детально продуманному объяснению.

О машине времени упоминать не стал — это было ни к чему, да и слишком уж фантастично, чтобы вот так сразу переварить. В подобных случаях маленькая ложь лучше большой правды. Он рассказал Греггу о якобы подслушанном разговоре между начальником полиции Байпорта и офицером с военно-воздушной базы.

— Я не все слышал, но и из того, что разобрал, стало ясно, что они работают на какую-то иностранную державу. Начальник чем-то недоволен и вроде как не прочь выйти из дела, но у того, другого, похоже, есть чем его прижать. Уверен, если вы пригласите полицейского и допросите, он вам все расскажет. А если я буду при этом присутствовать, задам вопросы, от которых ему не отвертеться.

Джон понимал, что вся эта история отдает бредом сумасшедшего, но понимал и то, что просто так отмахнуться федералы не могут. Скорее всего, без лишнего шума вызовут начальника полиции для беседы. А после этого им определенно будет о чем подумать.

Единственная ошибка, которую допустил Грегг, — он не сообразил, что и в физическую лабораторию человек может попасть прямиком из пехоты. На долю секунды у него дрогнул взгляд,

когда он вытаскивал револьвер из ящика стола. Пуля вошла ему в лоб и убила на месте.

С самого начала было ясно, что любой из больших начальников, с которыми собирается беседовать Джон, может оказаться пришельцем. Пришлось долго убеждать себя, что необходимо стрелять первым. Слишком многое зависит от Джона — значит он должен выжить, даже если по ошибке убьет невиновного.

Металлический блеск в пулевом отверстии сразу подтвердил, что ошибки не произошло.

Вторая дверь из кабинета вела в коридор. Не успев выйти, Джон услышал, как первая дверь у него за спиной распахнулась. Раздались крики, но пока он шел по коридору, не было признаков погони. Похоже, пришельцы захватили все отделение. Они не хотят поднимать шум, они хотят схватить Джона сами.

У себя в номере, в дешевом отеле, куда заселился несколько часов назад под чужим именем, Джон устало опустился на кровать. Теперь враги знают, кто он, и ищут. А ведь осталось всего двенадцать дней.

Следующий его шаг зависит от пришельцев. Если они сумели моментально заменить Грегга его копией, придется придумывать новый план.

А пока ясности нет, остается только ждать.

Через два долгих дня и три бессонные ночи он нашел в газете долгожданную заметку: «Грегг Эфраим… скончался от сердечного приступа… поминальная часовня Андерссона». Ему необходим был труп пришельца в качестве доказательства, и теперь он знал, где его взять. Очевидно, враги не нашли замену Греггу, поэтому его загримировали и объявили, что он умер своей смертью.

Днем Джон поехал на автобусе в пригород и угнал там неприметный автомобиль. Медленно продвигаясь по городу, добрался до делового района в самый час пик. Пришлось трижды проехать мимо часовни Андерссона, прежде чем он заметил человека, которого искал, и остановил машину в некотором отдалении.

Джон был почти уверен, что никто не заметит его в пробке, и все же первые два часа держал руку на пистолете. Когда движение на улице стало поспокойнее, он вынул газету и сделал вид, что читает.

Он надеялся, что на этот раз сумел перехитрить врагов, — иначе ему конец. Пришельцы наверняка ждут, что он попытается захватить тело Грегга. Но есть шанс, что они не продумали свою партию на три хода вперед, в отличие от Джона.

Был уже десятый час, когда в похоронном бюро погасили свет; Джон успел промерзнуть до костей — мотор пришлось выключить, а без него не работает печка. Из здания вышли двое, поймали такси. Это явно не те, кто его интересует. Минут через десять вышел высокий мужчина, которого он уже видел сегодня, и запер за собой дверь. Джон осторожно повернул ключ в замке зажигания. Мужчина пошел вперед, и когда он свернул за угол, автомобиль Джона находился футах в двадцати.

На улице было полно магазинов, но все они уже закрылись. А вот прохожие еще виднелись тут и там. И все же лучше места, пожалуй, не найти — если медлить, высокий может скрыться. Джон обогнал его, проехал вперед на несколько сот футов и остановился у тротуара. Он выключил фары, но мотор глушить не стал.

Джон не спускал глаз с высокого. Как только тот поравнялся с автомобилем, открылась дверца. Высокий резко остановился, вытаращив глаза от удивления. Хотел что-то сказать, но его опередил выстрел револьвера. Смерть наступила мгновенно — пуля вошла прямо в мозг.

Всего несколько секунд понадобилось на то, чтобы затащить труп на заднее сиденье и отъ-

ехать. Никто не пытался остановить Джона, да никто, кажется, и не понял, что произошло. Тот… или то, что лежало на заднем сиденье, было мертво. Вскрытие в университете показало, что мозг пришельца расположен в черепной коробке, как и у homo sapiens.

Через два квартала Джон остановился и посветил фонариком в отверстие от пули. Да, металл — значит план сработал. На поминальной церемонии этот парень вел себя как распорядитель, нетрудно было заподозрить, что это пришелец — его прислали сюда, чтобы было кому позаботиться о мертвых инопланетянах.

Через два часа Джон угнал другую машину. На рассвете он уже ехал в пригород Вашингтона с трупом в багажнике.

До вторжения оставалось восемь дней.

Следующий шаг обещал быть трудным. Надо поговорить с кем-нибудь облеченным властью, — но как узнать наверняка, что это не чужак? Тот факт, что на Капитолий собирались сбросить атомную бомбу, давал надежду, что враги не захватили его полностью под свой контроль. Но совсем без них там вряд ли обошлось.

Наконец он остановился на государственном департаменте — это единственное учреждение

в правительстве, которое, по идее, должно быть почти свободно от пришельцев. Они наверняка засели в армии и структурах правопорядка, но зачем им агенты в госдепе? И проверить эту версию будет несложно.

Он оставил машину на стоянке и сделал список подходящих людей — просто списал имена руководителей отделов с доски, висевшей в вестибюле департамента. Найдя в телефонной книге их адреса, почти весь день объезжал их.

Лучше всех подходил Мартин Оливер.

Он жил в Александрии, в фешенебельном многоквартирном доме, будучи холостяком, если судить по размерам квартиры. А главное, в доме не было швейцара, но был автоматический лифт.

Как только стемнело, Джон припарковался на другой стороне улицы. Он не обращал внимания на входивших в дверь — все равно ведь не знает, как Оливер выглядит. Вместо этого он следил за окнами квартиры. Старался не уснуть, но в какой-то момент почувствовал, что это выше его сил. Было чуть больше десяти часов, когда он очнулся от дремоты и увидел, что в окнах горит свет.

Подождав, пока улица опустеет, он поставил машину напротив входа и заглянул в вестибюль.

Там расхаживал взад-вперед человек в смокинге. Так он ходил чуть ли не полчаса, и Джон уже готов был пристрелить его, но тут появилась женщина, и оба сели в такси. Быстро оглядевшись, Джон взвалил на плечо тело пришельца и втащил его в здание. Лифт еще стоял на первом этаже, Джон вошел и нажал на восьмерку. Двери закрылись, и он тяжело перевел дыхание.

На восьмом этаже не было ни души. Он подтащил тело к двери Оливера и уложил на пол. Звонок отозвался вдалеке еле слышной трелью.

Дверь открыл, должно быть, сам Мартин Оливер — невысокий, с моложавым лицом и седеющими волосами. Джон упер револьвер ему в живот и втолкнул его обратно в комнату, волоча за собой тело. В комнате сидел еще один человек, вынимал из портфеля бумаги, и на его лице отразился тот же ужас пополам с изумлением, что и у Оливера.

Придется разбираться с ними по очереди.

— Где кладовка? — спросил Джон.

Оливер слабо мотнул головой в сторону двери, и Джон втолкнул туда второго, держа обоих в поле зрения. Пока он придвигал к двери кладовой диван, к Оливеру вернулся голос.

— Что происходит, черт возьми? Кто вы такой?

— Сначала вопросы буду задавать я, — сказал Джон. — А потом, надеюсь, мы сможем побеседовать. Сядьте за стол, а лучше встаньте на колени.

Лицо Оливера покраснело от гнева, и он попытался возразить. Джон остановил его, махнув оружием в сторону трупа.

— Я его убил вот из этого револьвера, и то же будет с вами, если позволите себе хоть одно лишнее движение. А теперь — на колени.

Когда Оливер подчинился, Джон взял его руку и прижал к поверхности стола. Достал из кармана пачку бритвенных лезвий.

— Будет больно, — сказал он. — Но пулю схлопотать куда больнее. Так что терпите и не дергайтесь. Если окажется, что я не прав, с удовольствием извинюсь.

И он чиркнул бритвой по указательному пальцу. Оливер охнул от боли, когда Джон раздвинул края раны.

Ну, слава богу.

Блеснула белая кость, и тут же рана заполнилась кровью. Тяжелый удар в дверь за спиной напомнил Джону о втором пленнике.

— Кто это? — спросил он.

— Дрексель, мой помощник, — послышался неохотный ответ. — Пришел после работы, чтобы

закончить кое-какие дела…

— Выпустите его, посмотрим, как он выдержит проверку.

Трясущийся Дрексель испытание не прошел. Он попытался схватить Джона, как только тот разрезал ему палец, и этого, да еще блеснувшего на миг желтого металла, было достаточно. Пуля разворотила ему лицо, и теперь в комнате было уже два мертвых пришельца.

На то, чтобы объясниться с Оливером, ушел почти час. Он отказывался верить, пока Джон не втащил тело Дрекселя в ванну и не произвел небольшую хирургическую операцию. Когда у Оливера прекратилась рвота, до него начало доходить. Даже если возвращались сомнения, они исчезали, стоило лишь взглянуть на Дрекселя.

Через три часа двое джентльменов нанесли неотложный визит министру иностранных дел и наставили на него револьвер. Когда вспышка гнева прошла и палец был перевязан, Оливер приступил к объяснениям. Убедить министра было нелегко, но в конце концов он внял аргументам. Перед рассветом все трое прибыли в квартиру Оливера, сопровождаемые тремя охранниками с забинтованными пальцами и недоумевающими лицами.

Министр иностранных дел когда-то служил в армии, так что при виде Дрекселя его не вырвало. После этого убедить его было уже несложно. Пока они с Оливером обсуждали, к кому в первую очередь нагрянуть с проверкой, Джон уснул в кресле.

Это была самая кровавая из всех мировых войн в истории человечества, и она завершилась победой. Через три дня после начала операции «Зачистка» пришельцы догадались, что происходит, и начали сопротивляться. Вспыхивающие тут и там сражения были жестокими, но теперь враги не имели ни преимущества внезапности, ни поддержки из космоса. Очевидно, вторжение было назначено на шестнадцатое января, и космические корабли не могли прибыть раньше. А прибыв, не успели приземлиться — их почти все сожгли на подлете.

Победа была одержана — на этой Земле. Однако Джон не забыл другую Землю, оставшуюся в другом времени, — ту, которая погибла, чтобы эта смогла выжить.

Когда в Ночь Победы они с Люси смотрели на ликующие толпы народа, Джон вспоминал Люси, умершую у него на руках. И от этого его радость была несколько меньше, чем у всего праздную-

щего мира.

Капитан со сдвигом

Перевод А. Сагаловой

— На что похож космос? Лицом к лицу со звездами — каково это? О, на такие вопросы отвечать нелегко.

Капитан Джонатан Борк обвел глазами слушателей, жадно ловящих каждое слово. Потом быстро опустил взгляд на стол, где лежали его выдубленные космосом руки.

— Порой это похоже на падение в шахту глубиною в миллионы и миллионы миль. Иногда чувствуешь себя мухой, запутавшейся в паутине вечности, беспомощной перед безжалостными звездами. А звезды — они совсем не такие, как вы привыкли думать. Никакого мерцания и тому подобного. Это просто крошечные пятнышки жесткого света.

Он говорил, а сам в тысячный раз проклинал себя за чудовищную ложь. Капитан Борк, космический пилот. Обладатель уникальной привилегии — наблюдать звезды в безбрежном пространстве между мирами. Он совершил пять

полетов на Марс и обратно, но при этом понятия не имеет, на что похож космос. Его тело управляло кораблем, а Джонатан Борк не представляет себе, как выглядит кабина пилота.

Вслух он об этом, понятное дело, не рассуждал. Если его спрашивали о звездах, пускался в цветистые описания, примерно как сейчас. Слова капитан позаимствовал из учебников — там нашлись подходящие эпитеты, он их как следует вызубрил.

Усилием воли он заставил себя ни о чем таком не думать и вернулся мыслями к столу, за которым собрались друзья и родственники. Ужин устроен в его честь, так что нужно взбодриться. Бренди в таком деле отличное подспорье. Капитан охотно прибегнул к его помощи и при первом же удобном случае, извинившись, улизнул.

Фамильный дом был старым, еще из тех, у которых есть крошечный задний дворик. Там-то Борк и уединился. Он привалился спиной к стене, еще не остывшей после жаркого дня. К бренди капитан не привык, но ощущения были приятные. Он задрал голову. Звезды кружились хороводом, пока Борк не закрыл глаза.

Звезды. Он ведь всегда смотрел на звезды. С самого раннего детства звезды были его мечтой.

Его двигателем. Что бы он ни делал, чему бы ни учился, все было подчинено одной цели: пройдя суровый отбор и став пилотом, прокладывать тропы в космосе.

Он поступил в Академию, как только достиг семнадцати лет — минимального возраста. А уже к восемнадцати понял: все это сплошное надувательство.

Он честно старался не брать в голову, пытался как-то оправдать происходящее — без толку. Все его знания — и давно усвоенные, и только что полученные — лишь подтверждали сделанный им вывод. И это было абсолютно невыносимо.

Правда казалась столь неотвратимой и столь ужасной, что он посмел обратиться к преподавателю.

На занятии по физиологии разбирали состояние сознания и способность ориентироваться в условиях ускорения, используя теорему Пэли. Едва Джонатан робко поднял руку, Черники Орлиный Взор раздраженным тоном велел подняться. Теперь деваться было некуда, это придало Джонатану уверенности.

— Профессор Черники, если принять теорему Пэли за истину, то получается, что даже при минимально необходимом для выхода на орбиту

ускорении мы достигаем порога потери сознания. И фактор ориентации в пространстве, как мне представляется… Он тоже…

— Мистер Борк, к чему вы клоните? — Голос Черники казался острее лезвия бритвы.

Джон решил, что отступать поздно:

— Напрашивается только один вывод. После старта пилот либо теряет сознание, либо он уже не способен ориентироваться в достаточной степени, чтобы управлять кораблем.

Аудитория грохнула от хохота, и щеки Джона налились горячим румянцем. Даже Черники сподобился выдавить холодную усмешечку, прежде чем снизошел до ответа:

— Прелестно. Но если ваше утверждение верно, полеты в космос невозможны в принципе. А ведь мы совершаем их ежедневно. В будущем семестре рассмотрим изменение порога восприятия в условиях стресса, и тогда вы убедитесь…

— Да нет же, сэр! — перебил Джон. — В учебниках о таком не напишут. Если уж на то пошло, их авторы вообще избегают этой темы. Я прочел все пособия по вашему предмету и по связанным с ним, и…

— Мистер Борк, вы обвиняете меня во лжи? — Голос Черники был столь же леденящим, как и

взгляд. В помещении воцарилась мертвая тишина. — Извольте немедленно покинуть аудиторию. Отправляйтесь в свою комнату и оставайтесь там, пока вас не вызовут.

Изо всех сил стараясь держаться уверенно, Джон встал из-за парты и вышел за дверь. Все взоры были устремлены на него, и он чувствовал себя как приговоренный на пути к эшафоту. Хотел разобраться с мучившим его вопросом, а вместо этого нажил изрядные неприятности.

Он сидел у себя в комнате и пытался не думать о последствиях.

Сделаться пилотом — вот главная мечта его жизни. Но в глубине души Джон не верил, что его примут на курсы. Этот шанс выпадал одному из сотни; все остальные потихоньку оседали на многочисленных должностях в космическом флоте. Совсем уж серых мышек Академия отбраковывала еще на жестких вступительных экзаменах. Тому, кто попал в Академию, вылететь из нее было непросто. Но все говорило о том, что у Джонатана Борка это вот-вот получится.

Дожидаясь вызова, он был готов к худшему. И все равно подпрыгнул от неожиданности, когда из переговорного устройства раздался отрывистый приказ. Джонатан вскочил и поспешил к

лифту, который доставил его на административный этаж. Секретарь со строгим лицом коротко кивнул, и Джон вошел в кабинет Адмирала.

Чтобы возглавить Академию, Сайкелм уволился с действительной военной службы. Командные нотки из его голоса так и не исчезли, и все студенты и сотрудники Академии величали его не иначе как Адмиралом. Джону не доводилось прежде общаться с президентом вот так, один на один, и теперь язык от ужаса прилип к гортани. Адмирал, как ни удивительно, не стал рычать и рявкать, а лишь негромко скомандовал «вольно».

— Профессор Черники доложил мне, что произошло во время занятия. Я также прослушал запись вашей беседы.

Джон удивился еще больше. В аудиториях есть скрытые записывающие устройства — надо же, а он и не догадывался. И тут Адмирал сказал нечто такое, чего Джон никак не ожидал услышать:

— Мои поздравления, мистер Борк. Вы приняты на курсы пилотов. Занятия со следующей недели, конечно, если у вас имеется желание их посещать.

Джон заговорил было, но Адмирал поднял ладонь, останавливая его:

— Вам стоит дослушать до конца, свое мнение

выскажете потом. Вы самостоятельно пришли к выводу, что полет в космос — совсем не то, чем он кажется со стороны. На раннем этапе освоения околоземного пространства мы теряли девять кораблей из десяти. И причиной тому были вовсе не поломки. Телеметрическая экипировка пилотов позволила нам обнаружить корень проблемы: человеческий организм не приспособлен для космоса. Изменения гравитации, невесомость, скачки артериального давления, потеря чувствительности под воздействием радиации — все это вместе с десятком других причин, открытых позднее, выводит пилота из строя. Человек или полностью отключается, или теряет способность управлять кораблем. В лучшем случае у него под влиянием новых стимулов нарушается способность ориентироваться, но все равно он не справляется со своей задачей.

Мы зашли в тупик. Отличных кораблей предостаточно, а летать на них некому. Чего только не перепробовали, пытаясь приспособить человека к космосу: наркотики, гипноз и бог весть что еще. Ничто не срабатывало все по той же причине. Мы отлаживали человеческий организм для полета, но в итоге всегда получали безвольное, накачанное препаратами тело. Решение нашел

доктор Моше Кан — вы слышали это имя?

— Только мельком… Первый директор Психологического корпуса, правильно?

— Да, это то, что о нем известно широкой общественности. Возможно, настанет день, когда этому человеку воздадут подобающие почести. Не кто иной, как доктор Кан, открыл нам дорогу в космос.

Его теория оказалась абсолютно правильной. Известное нам человеческое существо, homo sapiens, для космонавтики не годится. Доктор Кан вознамерился создать нового человека, homo nova, способного жить и работать в космосе. Если определенным образом изменить ментальные настройки, человеческое тело получит способность творить чудеса: проходить сквозь пламя или терять восприимчивость к боли, как под воздействием гипноза. Тело само по себе обладает огромным потенциалом. Осознав это, доктор Кан понял, что требуется создать разум homo nova. Он достиг этого путем стимулирования раздвоения личности у взрослых…

— Я не совсем понимаю, сэр, — перебил Джон. — Разве не проще было бы работать с детьми, с младенцами? Стимулировать раздвоение с самого начала.

— Разумеется, проще, — вздохнул Адмирал. — К счастью, закон не позволяет нам этого делать. Доктор Кан никогда не рассматривал подобной перспективы. Он работал исключительно со взрослыми мужчинами-добровольцами; большинство из них были как-то связаны с космосом. Случаи проявления синдрома множественной личности фиксировали еще в девятнадцатом веке, но никто не ставил себе целью создать отдельную личность. Такую попытку предпринял Кан, и его эксперимент удался. То, что у обычного человека провоцирует заметные нарушения и расстройства, является нормой существования этих новых личностей. Они способны вести корабль от планеты к планете. А также доставлять пассажиров, погруженных в состояние искусственной гибернации и защищенных таким образом от жестоких реалий космоса.

Программу держат в секрете — по вполне очевидным и разумным причинам. Вообразите себе возмущенные вопли людей, которым предстоит путешествие с пилотом, который пребывает не в своем уме. С сумасшедшим, полоумным, чокнутым пилотом — так бы они сказали. Ведь в какой-то степени это и есть искусственно стимулируемое безумие. Так что о программе известно

только инструкторам, пилотам и нескольким официальным лицам высшего ранга.

Пилоты все без исключения добровольцы, и программа действует. Следовательно, никакие этические нормы не нарушены. Вы сами убедились: даже ваши однокурсники понятия не имеют о том, что собой представляет космический пилот на самом деле. Они примут на веру версию из учебников, а потом отправятся служить в вооруженных силах. Но люди думающие и понимающие — как вы, например, — сумеют осознать важность подобной программы. Им даются знания, чтобы они разобрались, на что идут, становясь добровольцами.

Пожалуй, я вам нарисовал более-менее полную картину. Вопросы?

Джон на минуту задумался.

— Только один, — ответил он. — Не знаю, может, это прозвучит глупо… Скажите, обучение как-то подействует на меня физически? В смысле, буду ли я действительно слегка…

— …слегка со сдвигом? Разве что теоретически. Новая личность, Джон-два, сможет функционировать только в специфических условиях кабины пилота. Ваша естественная личность, Джон-один, принимает командование, едва вы покидаете

корабль. Единственное непривычное ощущение — периодическая амнезия. Две личности абсолютно отделены друг от друга и автономны. Когда доминирует одна, вторая полностью отключается.

Джон уже принял решение — сказать по правде, он это сделал уже давно.

— Адмирал, я по-прежнему хочу стать пилотом. То, что я сейчас услышал, ничего не меняет.

Они пожали друг другу руки. Адмирал сделал это с легкой грустью — уже в который раз. Юные добровольцы воображают себе одно, а на деле их ждет совсем другое, и Адмирал знал это лучше всех.

Джон уехал в тот же день, даже не попрощавшись с товарищами. Курсы обучения пилотов находились на другом конце базы. И все-таки это был совсем иной мир.

Больше всего Джону нравилось новое ощущение собственной значимости. С ним обращаются не как с неразумным курсантом, а как с достойным доверия, как с равным. Он в числе избранных. В группе всего двенадцать человек, зато над их обучением трудится полторы тысячи.

Вскоре стало понятно почему.

Первые несколько недель были заполнены в ос-

новном физическими упражнениями и тестами. Затем последовали нескончаемые энцефалограммы и сеансы в гипнокамерах. Поначалу Джона мучили кошмары, в течение многих дней он испытывал странные ощущения, находясь словно в полусне. И это был только первый этап программы. Он предполагал полное разделение двух личностей.

Коль скоро это случилось, Джон-1 понятия не имел о Джоне-2. Время бежало очень быстро, поскольку бóльшая часть обучения благополучно миновала сознание Джона-1.

Одним из разделов программы была координация: курсантов учили принимать скрытую часть сознания и сосуществовать с ней. Он сам, конечно, не встречался с Джоном-2, зато имел возможность понаблюдать вторую личность другого пилота. Его товарища звали Дженкинс — худенький юноша, годом старше Джона. Это был тест на контроль мелкой моторики в условиях резкого ускорения. Джон глазам своим не верил. Дженкинс в испытательном кресле весьма отдаленно напоминал известного ему Дженкинса. Дженкинс-2 обладал абсолютно невыразительным лицом и такой плавностью движений, какая и не снилась Дженкинсу-1. Тренажер был чем-то

вроде клетки, внутри которой сидел испытуемый; клетка совершала внезапные рывки в произвольно выбранных направлениях. Дженкинсу-2 надлежало при этом быстро орудовать переключателями на пульте, реагируя на меняющиеся световые сигналы. Его пальцы осторожно и очень ловко пощелкивали крошечными тумблерами, расположенными лишь в дюйме друг от друга, — клетка тем временем продолжала свои безумные прыжки с ускорением три *g*. Стальная мускулатура Дженкинса-2 легко справлялась с перегрузкой. И все же дело было не только в физической силе. Повышенная восприимчивость позволяла Дженкинсу-2 мгновенно фиксировать каждый толчок клетки в самом его зародыше, и мышцы послушно отвечали на очередной вызов точно рассчитанным напряжением. Так опытный моряк удерживает равновесие на качающейся палубе доведенными до автоматизма движениями.

Когда создание Джона-2 полностью завершилось, Джону-1 пришлось претерпеть некоторые неприятности. Как-то раз он обнаружил, что находится не в кабинете психолога, где ему полагалось быть, а на больничной койке. Более того, его ладонь пересекал довольно жуткий с виду

порез, а два пальца на руке были сломаны.

— Травма в ходе обучения, — пояснил врач. — Что-то разладилось в ускорительном тренажере. Не вцепись ты в крепежный стержень, пришлось бы худо. А так только руку немного повредил. Вот он, стержень.

Протягивая кусок металла, врач улыбался — Джон тут же понял почему. Полудюймовый стальной прут был переломлен надвое. Джон-1 не одолел бы такую железяку даже с молотком и зубилом.

Не все обучение предназначалось Джону-2. Вторая личность была полностью сформирована, и теперь занятия делились пополам. Джон-1 постигал все, что только нужно знать о космическом корабле, за исключением кабины пилота. Пока корабль на земле, за него отвечает личность номер один: техосмотры, ремонт, даже поддержание репутации в глазах пассажиров — все это по ее части. Официально корабль ведет Джон-1, и ему должны доверять. Никому не могло прийти в голову, что он отключается, едва переступив порог кабины. Он много раз пытался поймать этот момент, но никогда не получалось. В его организм была внедрена программа, автоматически запускающая смену личностей. Как только Джон-

1 входил в дверь или даже просто заглядывал в кабину, программа срабатывала — и Джона-1 как не бывало. Зато Джон-2 моментально воцарялся в своем мирке.

День выпуска стал самым важным и в то же время самым обескураживающим днем его жизни. В Академии не существовало такого понятия, как выпускной курс. Когда пилот заканчивал обучение, его ждала пышная церемония с участием как минимум тридцати тысяч человек — персонала базы почти в полном составе. Все шли парадным маршем, и Джон в своей черной пилотской форме возглавлял колонну. Сам Адмирал достал платиновые крылышки — старейший символ преодоления силы земного тяготения — и собственноручно украсил ими петлицы Джона. Воистину памятный момент.

А потом настало время прощаться с семьей; корабль уже ждал его. Еще одно примечательное событие выпускного дня — новоиспеченный пилот должен отправиться в первый рейс. Всего-то пустяковый скачок на Луну, но все же это первый полет. Джон поднялся по трапу груженного припасами транспорта, обернулся и помахал родственникам — далеким пятнышкам. А потом вошел в кабину пилота.

Он вообще не почувствовал, что миновало какое-то время. Минуту назад Джон был на Земле, вдох-выдох — и вот он уже на Луне. Если бы не скафандр и не ноющие от усталости мышцы, он бы и не поверил, что полет состоялся. Так что опыт вышел, мягко говоря, разочаровывающий.

Стоя в саду, Джон смотрел на только что взошедшую луну и размышлял о прошлом. Прошлое скрипело на зубах, как песок. В доме кто-то рассмеялся, бутылка звякнула о бокал. Джон прогнал мрачные мысли и попытался сосредоточиться на настоящем.

Вечеринка в его честь, в его родовом гнезде. Джон тянул с этим ужином сколько мог, но все-таки отвертеться не получилось. Он так и думал, что будет хуже некуда. Одно дело, когда сам живешь с этой ложью, но совсем другое — быть липовым героем в собственном доме.

Он расправил плечи, щелчком сбил с куртки невидимую пылинку и вернулся к гостям.

Следующим утром ему надлежало явиться на базу для прохождения сорокавосьмичасового осмотра и разминки — обычная процедура перед полетом. Врачи настраивали его организм на максимальную отдачу, а он тем временем слушал инструктаж. Это будет его самый долгий рейс — и

самый важный.

— Путь неблизкий, — сообщил офицер-инструктор. — На Юпитер, точнее, на его восьмой спутник. Он из тех, что вращаются по ретроградной орбите. Там база и обсерватория, и нужно доставить туда новую смену астрофизиков, которые будут изучать гравитацию Юпитера. Их двенадцать человек и оборудование — немалый груз. Твоя головная боль — вернее, не твоя, а Второго — пояс астероидов. От эклиптики сильно отклоняться нельзя, так что, возможно, придется иметь дело с метеоритами. Такое уже случалось. Но ничего страшного: немного везения, и полет пройдет благополучно.

Джон пожал руки взошедшим на борт пассажирам, проверил, как техники запечатали камеры гибернации. Убедившись, что все в порядке, направился из пассажирского салона к кабине пилота. Перед ней он всегда чуть притормаживал. Сейчас дверь распахнется, и он уже ничего не сможет изменить. Это последний акт его собственной воли, а потом явится Джон-2.

После секундного колебания он толкнул дверь, мысленно сказав себе: «Следующая остановка — Юпитер».

Только вместо Юпитера пришла боль.

Он утратил способность видеть и слышать. Тысячи разных ощущений навалились на него разом. И от этого боль становилась еще сильнее. Еще больше, еще багровее, еще ужаснее — такой муки он и представить себе не мог. Невероятным усилием воли Джон заставил себя моргнуть и сфокусировать взгляд.

За лобовым стеклом корабля сияли звезды. Он был в космосе, в кабине пилота. На секунду даже забыл о терзавшей его боли — так заворожило зрелище звезд. Но она тут же напомнила о себе. Он мучительно сосредоточился, силясь понять, что происходит и как прекратить невыносимую пытку. Единственным источником света в темной кабине были огоньки на огромных панелях управления. Огоньки мерцали и менялись, а он понятия не имел, что все это значит и что с этим делать.

А потом накатил новый приступ боли. Пилот закричал и потерял сознание.

Джон-1 командовал их общим телом лишь несколько мгновений, однако в какой-то мере его паника передалась Джону-2. Пилот потерял контроль над ситуацией и позволил себе отключиться. Такое повториться не должно. Нейронные блоки справились с болью, но ее частицы

сумели просочиться в мозг и повлиять на мыслительный процесс. Метеорит! Наверняка во всем виноват метеорит.

Впереди зияло отверстие размером с кулак; воздух со свистом уносился наружу. В дырку заглядывала звезда — она сияла ярче и яснее, чем все когда-либо виденные им звезды. Метеорит пробил корпус, а потом врезался в перегородку за его спиной. Скорее всего, был взрыв, и камень испарился в яркой вспышке. При этом он наделал немало разрушений, повсюду разбрызгал расплавленный металл и повредил коммуникации в основании пилотского кресла. Становилось трудно дышать, воздух почти ушел. А еще было очень холодно.

Скафандр хранился в шкафчике, всего в десяти футах. Только Джону никак не удавалось выбраться из кресла, мешали ремни безопасности. Электронное отстегивающее устройство было разбито вдребезги, а дублирующее механическое сильно помято. Он изо всех сил пытался справиться с застежками голыми руками.

Дышать было трудно. Снова накатила паника, и он уже не мог ей сопротивляться.

Джон-2 задохнулся и закрыл глаза. Джон-1 их открыл.

Ошеломляющая волна боли тут же прокатилась по телу. Джон снова закрыл глаза; его тело обмякло и завалилось вперед.

А потом он выпрямился и резко взметнул веки. Глазные яблоки беспорядочно завращались, но уже через секунду замерли. Во взгляде, устремленном строго вперед, не светилось ни искорки разума.

Джон-3 был созданием более примитивным, чем любой человек или зверь, когда-либо ступавший по Земле. Он понимал только одно: надо выжить. Выжить и спасти корабль. Он смутно осознавал присутствие Джона-1 и Джона-2; он мог воспользоваться их памятью в случае необходимости. У него самого имелось единственное воспоминание — боль. Рожден среди боли, обречен на боль; боль — его вселенная.

Джон-3 был защитным механизмом, созданным на случай, если вторая личность пилота окажется не в состоянии спасти корабль, — такое тоже допускалось. Третья личность получала контроль над телом только в экстремальных ситуациях, когда все прочие средства были исчерпаны.

Разум Джона-3 утонченностью не отличался. Вижу проблему — решаю проблему. В мозгу засела одна мысль: «Добыть скафандр». Он по-

пробовал встать и понял, что это невозможно. Обеими руками Джон-3 дернул ремни на груди, но разорвать их не сумел. Застежка — это проблема. Открыть застежку!

Инструментов нет, только руки. Используй руки! Он просунул в застежку палец и потянул. Палец напрягся и сломался. Джон-3 не чувствовал боли, не испытывал эмоций. Он впихнул в застежку второй палец и с усилием дернул. Второй палец, едва не оторвавшись напрочь, повис на кусочке кожи. Джон-3 вставил в застежку третий палец — большой.

Застежка наконец не выдержала. Изувеченная кисть руки болталась бесформенной тряпкой. Покинуть кресло! Джон-3 рванулся изо всех сил. Бедренная кость правой ноги с громким треском сломалась, разорвав нижний ремень. Подтягиваясь здоровой рукой и отталкиваясь правой ногой, пилот кое-как доковылял до шкафчика со скафандром.

В кабине был уже почти вакуум; приходилось то и дело смаргивать намерзающий на ресницы лед. Пульс участился в четыре раза: сердце отчаянно пыталось протолкнуть кислород в умирающее тело.

Джон-3 все это чувствовал, но нисколько не

расстраивался. Таков уж был его мир. Существовал единственный выход, единственный способ вернуться в привычное бессознательное состояние — завершить начатое. Он ведь не знал — его никто этому не учил, — что смерть тоже является выходом.

Осторожно и методично он извлек скафандр и залез внутрь. Включил подачу кислорода, полностью загерметизировался и со вздохом облегчения закрыл глаза.

Джон-2 открыл глаза и почувствовал боль. Впрочем, вполне переносимую: он ведь твердо знал, что сумеет выбраться из переделки и спасти корабль. Аварийная заплата остановила утечку воздуха, и пока за счет резервных емкостей восстанавливалось нормальное давление, Джон-2 изучил состояние корабля. Вполне можно долететь на вспомогательном и ручном управлении. Нужно перенастроить приборы и кое-что отремонтировать, только и всего.

Когда давление достигло семи фунтов на квадратный дюйм, Джон-2 расстегнул скафандр и оказал себе первую помощь. Его до крайности удивили травмы, он не мог припомнить, как и когда умудрился так искалечиться. Впрочем, Джон-2 не был приспособлен для решения про-

блем подобного рода. Он быстро обработал мазью и забинтовал пострадавшие конечности, после чего вернулся к ремонтным работам. Что бы ни случилось, это будет успешный полет.

Джон даже не догадывался о том, что рядом постоянно находился безвестный спаситель — спящий и готовый пробудиться Джон-3. Джон-1 был уверен, что он сам и пассажиры обязаны жизнью Джону-2. Джона-2 такие вопросы вообще не интересовали. Вести корабль — вот его работа.

Джон-1 медленно выздоравливал в госпитале на Юпитере-8. Он не переставал дивиться способностям собственного тела: с такими-то повреждениями оно сумело выкарабкаться и спасти пассажиров. Боль беспокоила его еще долго, но это совершенно не огорчало. Не такая уж высокая цена.

Зато отныне он больше не лжец. Он все-таки был пилотом — пусть даже каких-то несколько минут.

Он знает, каково это — лицом к лицу со звездами.

Ремонтник

Перевод Г. Корчагина

У Старика сияла физиономия, а такое ликование всегда означало, что кое-кому придется несладко. Кроме меня, рядом не было ни души — легко догадаться, что несладко придется мне. Смелая атака — лучшая оборона. Памятуя об этом, я заговорил первым:

— Я уволился. Не трудись описывать грязную работенку, которую ты для меня припас. Ты говоришь не с сотрудником компании, а с посторонним человеком, которому не стоит раскрывать производственные секреты.

Старик еще пуще расплылся в улыбке, даже хохотнул, утапливая кнопку в пульте. Из паза выскользнула и легла на стол толстая пачка официального вида бумаг.

— Твой контракт, — сказал он. — В нем сказано, как и когда ты будешь работать. Он изготовлен из ванадиевой стали, этому материалу не страшен разрушитель молекулярных связей.

Одним молниеносным движением я подался

вперед, схватил контракт и подкинул в воздух. Прежде чем листы упали, выхваченный мною «соляр» выпустил широкий луч и превратил их в пепел.

Палец снова нажал на кнопку, и выскочила другая копия контракта. Казалось невозможным улыбаться еще шире, но Старик с этой задачей справился.

— Надо было раньше тебе сказать, что документы у нас дублируются. — Он быстро написал несколько слов и цифр на секретарской пластине. — Вычитаю из твоего жалованья стоимость испорченного экземпляра, это тринадцать кредитов. Еще сто кредитов — штраф за стрельбу из «соляра» в помещении.

Я был полностью разгромлен; я обмяк; я ждал нокаутирующего удара. Старик заговорил, ласково поглаживая мой контракт:

— Этот документ исключает твое увольнение. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо в будущем. А следовательно, я могу поручить тебе работу — уверен, она как раз на твой вкус. Ремонт. В созвездии Центавра отказал маяк. Это третья модель…

— Что еще за диковина?

Я чинил гиперпространственные маяки на всей

протяженности обоих рукавов Галактики и был уверен, что знаю любые их типы и системы. Но никогда не слышал о конструкции, упомянутой Стариком.

— Третья модель, — со злорадством повторил он. — Я сам не подозревал о ее существовании, пока ребята из архивного отдела не раскопали спецификацию. Она лежала заваленная в самом дальнем углу самого дальнего склада. Это очень старая конструкция, еще земная, не иначе. А может, и самая первая, если учесть, что она установлена на одной из планет Проксимы Центавра.

Я принял из рук Старика «синьку», развернул ее и почувствовал, как глаза стекленеют от ужаса.

— Какой кошмар! Больше похоже на перегонную колонну, чем на маяк! Да у него высота с километр, не меньше! Я же ремонтник, не археолог. Этой горе мусора далеко за две тысячи лет. Давай забудем про покойника и построим новый маяк.

Старик склонился над столом и задышал мне в лицо:

— На постройку нового нужен год, и это слишком дорогое удовольствие. А наш допотопный раритет стоит на важнейшем маршруте. Из-за

его поломки корабли сейчас делают крюк в пятнадцать световых лет.

Он выпрямился на стуле, вытер руки носовым платком и прочитал мне лекцию номер сорок четыре, которая называется «Чем долг перед компанией важнее твоих личных проблем».

— Официально мы «Отдел ремонта и техобслуживания», хотя больше подходит название «На живую нитку». Гиперпространственные маяки делаются если не вечными, то очень долгоживущими. Их поломки никогда не происходят случайно, а потому ремонт не сводится к простой замене детали.

Кому Старик это рассказывает? Парню, который мотается по ледяному космосу, пока сам он сидит на жирной зарплате в конторе с воздушным кондиционером?

— Как же я был бы рад, если бы дело обстояло иначе, — бубнил Старик. — Тогда бы я обзавелся целым флотом для доставки запчастей, целой армией сопливых подмастерьев для их установки! Вместо этого у меня дорогущие корабли, груженные снастями на все случаи жизни, и кучка безответственных вымогателей вроде тебя.

Я мрачно кивал, пока его указательный палец тыкал мне в грудь.

— Да я бы всех вас уволил в два счета! Кого ни возьми, он и космический лихач, и слесарь, и инженер, и солдат, и жулик, и все такое прочее. А чтобы выполнил простейшую работу, надо его стращать, подкупать, шантажировать и толкать бульдозером. Считаешь, что ты сыт по горло? А подумай, каково мне! Но корабли должны летать по своим маршрутам! Маяки должны маячить!

Услышав эту бессмертную фразу, я понял, что лекция закончена, и осторожно поднялся на ноги. Старик швырнул в меня папкой со спецификацией «третьей модели» и уткнулся в свои бумаги. Когда я уже был у порога, он поднял голову и снова наставил палец.

— И давай без глупостей, не пытайся соскочить с крючка. До твоего счета в банке на Алголе-два мы доберемся всяко раньше тебя.

Я ухмыльнулся, дескать, и не было намерения секретничать. Но боюсь, при такой плохой игре мина получилась не слишком хорошей. У Старика хватало шпионов, их мастерство постоянно росло. Шагая по коридору, я искал способ перевести денежки в безопасное место, пока до них не добрались чужие лапы, и знал, что в эту самую минуту Старик ищет способ меня перехитрить.

Перспективы рисовались безрадостные, поэто-

му я задержался, чтобы пропустить стаканчик. А потом отправился в космопорт. Пока тамошние техники готовили к старту мой корабль, я проложил курс. Ближайший маяк по пути к Проксиме Центавра находится на одной из планет Беты Циркуля; там-то и будет моя первая остановка. Короткий рейс, всего-навсего девять суток в гиперпространстве.

Без понимания сути гиперпространства — а это задачка не для средних умов — невозможно оценить огромную роль маяка. Зато легко догадаться, что в этом не-пространстве обычные законы физики не действуют. Скорость и другие измерения — понятия относительные, а не константы, как в привычной для нас реальности.

Первым кораблям, которые окунулись в гиперпространство, просто некуда было двигаться. Не было даже возможности определить, движутся ли они вообще. Маяки решили эту проблему, и перед нами открылась новая вселенная. Установленные на планетах, они вырабатывали энергию в громадных количествах. Эта энергия преобразовывалась в излучение, рассылаемое по гиперпространству. Каждому маяку был назначен собственный кодовый сигнал, на это отводилась часть вырабатываемой энергии. Три-

ангуляция и квадратура соединяли маяки в сеть, и охваченное ею гиперпространство обретало размерность. Так создавались необходимые условия для навигации. Вот только эта навигация велась по своим собственным правилам. Крайне сложные и изменчивые, они все же оставались правилами, и пилоты не могли ими пренебрегать.

Для короткого прыжка в гиперпространстве необходимо минимум четыре маяка; меньшее число не обеспечит точной привязки. Прыжок подлиннее требует уже семи-восьми маяков. Поэтому каждый маяк очень ценен, все до одного должны постоянно работать. Для того-то и нужны мы, парни из отдела «Ремонт и техобслуживание».

Мы летаем на кораблях, под завязку набитых инструментами и запчастями. Всегда работаем в одиночку, ведь проще обойтись без напарника, чем без техники, этой надежной и эффективной помощницы. Но хоть мы и чиним гиперпространственные маяки, сами больше времени проводим в обычном космосе. Если сломалась штуковина, как ты ее разыщешь? В гиперпространстве этим заниматься — пустая затея. Стало быть, надо подлететь к маяку как можно ближе, выскочить

в нормальный космос и уже в нем добираться до цели. На это может уйти не один месяц, что обычно и бывает.

В этот раз задача оказалась не такой уж и хлопотной. Я навелся на маяк Беты Циркуля, определил точные координаты восьми маяков и поручил бортовому навигатору рассчитать геометрический центр восьмиугольника. Компьютер дал мне курс и конечную точку маршрута. Можно бы и поближе к цели, но, увы, мне так и не удалось выкорчевать из машины заложенный конструкторами фактор безопасности. По мне, чем месяцами плестись по обычному космосу, лучше рискнуть и проскочить через лежащую на пути звезду. А вот конструкторы так не считали, и они позаботились о том, чтобы у меня не было ни малейшего шанса сделать остановку внутри звезды, как бы я ни старался. Держу пари, тут нет никакого гуманизма, просто компания не желала потерять корабль.

Прыжок длился двадцать четыре часа по бортовому времени, и я вынырнул из гиперпространства невесть где. В недрах робота-анализатора пострекотало-пощелкало, он нашел своими датчиками звезды, сравнил их спектры со спектром Проксимы Центавра. Наконец прозвенел звонок,

замигала лампочка. Я приник к окуляру.

С фотоэлемента поступили данные — видимая звездная величина. Сопоставив ее с абсолютной звездной величиной, я получил расстояние. Шесть недель полета плюс-минус пара дней, даже лучше, чем я ожидал.

Робопилот получил от меня ленту с записанным курсом, а сам я улегся в акселерационную емкость, пристегнулся и уснул.

Уже в который раз — не в двенадцатый ли? — я перенастроил камеру и успел почти до конца пройти заочный курс по ядерной физике. Обучение — очень полезное дело, ведь никогда не знаешь заранее, какие знания тебе могут пригодиться. Да вдобавок компания приплачивает своим ремонтникам за овладение новыми профессиями. Еще я писал маслом и упражнялся в гимнастическом отсеке при нулевой гравитации, так что время летело быстро.

Я спал, когда корабль приблизился к цели на планетарную дистанцию и робопилот сообщил об этом звоном и вспышками сигнальных устройств.

Если верить старым картам, вторая планета, на которой стоял маяк, представляла собой комок влажной пористой массы. С превеликим трудом

разобравшись в допотопных условных обозначениях, я наконец обнаружил нужное место и, оставаясь за пределами атмосферы, отправил вниз «Летучий глаз». Люди моей профессии очень рано усваивают, когда стоит рисковать собственной шкурой, а когда ее лучше поберечь. «Летучий глаз» — то что надо для предварительной оценки ситуации.

Доисторическим строителям маяка хватило ума поставить его на открытом участке, равноудаленном от двух высоких гор. Я довольно легко обнаружил эти возвышенности и повел «Летучий глаз» прямо от одной к другой. У моего разведчика имелись носовой и хвостовой радары; поступавшие от них сигналы я перенаправлял на осциллограф и получал амплитудные кривые. Едва совпали два пика, я покрутил ручки управления, и «Летучий глаз» коршуном ринулся вниз.

Переключившись с радара на носовой ортикон, я откинулся в кресле и стал ждать, когда на экране появится маяк.

Изображение замигало, сфокусировалось, и пред мои очи явилась исполинская пирамида. Я выругался и повел «Летучий глаз» витками, сканируя прилегающую территорию. В круге

диаметром десять миль — только пирамида, и это определенно не мой маяк. Или все-таки он?

Подчиняясь моей воле, «Летучий глаз» снизился. Штуковина казалась сложенной из дикого камня; ни отделки, ни украшений. Верхушка чуть поблескивала, и я, заинтересовавшись, приблизил разведчика и увидел углубление, мелкий резервуар, наполненный водой. При виде этой картины что-то щелкнуло у меня в мозгу.

Заставив «Летучий глаз» барражировать по кругу, я зарылся в чертежи «третьей модели». Вот оно! Маяк снабжен панелью для улавливания атмосферных осадков и емкостью для их сбора. Это необходимо, чтобы охлаждать реактор, который питает энергией чудовищную махину. А раз имеется вода, значит и маяк на месте — под каменной пирамидой.

Но кому понадобилось ее возводить? Конечно же, туземцам, которых дурни, монтировавшие здесь маяк, не удосужились посвятить в суть дела. Вот эти туземцы и потрудились на совесть, не пожалев камня, и сооружение получилось массивным и прочным.

Я еще раз глянул на экран и определил, что «Летучий глаз» кружит в дюжине футов над пирамидой. Верхушка каменной громадины была

сплошь покрыта ящерицами — это, как пить дать, и есть те самые туземцы. И они, похоже, не скупясь, мечут в моего разведчика камни и арбалетные стрелы.

Я поднял «Летучий глаз» повыше и отвел в сторону и включил контур автоматического возвращения на корабль. Потом отправился на камбуз за крепкой выпивкой. Надо было спокойно посидеть и хорошенько подумать.

Мало того что маяк заперт внутри рукотворной горы, я еще и ухитрился разозлить построивших пирамиду тварей. Нужны железные нервы, не чета моим, чтобы в такой ситуации не притронуться к бутылке.

Вменяемый ремонтник старается держаться подальше от туземцев. Для нашего брата инопланетные разумные сообщества хуже чумы. Антропологи могут с легкостью класть свою жизнь на алтарь любимой науки, а мы категорически не желаем, чтобы нас потрошили и расчленяли. Вот вам причина, по которой маяки обычно ставят на необитаемых планетах. Или в самом крайнем случае выбирают участок, недоступный для аборигенов.

Почему же здешний маяк оказался в пределах досягаемости когтистых туземных лап? С этим

вопросом мне еще предстоит разобраться. Но сейчас есть задачка поважней.

В подобных случаях надо первым делом установить контакт. А чтобы установить контакт, надо выучить язык.

Вот тут-то и пригодится давным-давно разработанный мною надежный метод.

«Любопытное ухо», плод моей изобретательской мысли, выглядело как обыкновенный камень длиною в фут. Будет такой лежать на земле, пройдешь — не заметишь. Правда, если он проплывет перед тобой в воздухе… Я отправил штуковину в город ящериц, обнаруженный примерно в тысяче километров от пирамиды. «Любопытное ухо» пролетело со свистом в ночи и приземлилось на берегу грязевого озера, популярного курортного местечка. Днем там отдыхала уйма народу. Утром появились первые купальщики, и я включил запись.

За пять-шесть планетарных суток в банке памяти механического переводчика накопилось достаточное количество диалогов, и я уже понимал отдельные выражения. Все-таки машинная память — громадное подспорье в нашем деле.

Заговорила ящерица — отдаленно похожие звуки мы производим, когда полощем рот, —

и другая обернулась на голос. Стало быть, это обращение, что-то вроде «привет, Джордж». Запомним, наверняка пригодится.

Позже в тот день я улучил момент, когда возле «Любопытного уха» остался только один туземец, и прокричал ему: «Привет, Джордж». Динамик исторг соответствующее бульканье, и ящерица обернулась.

Если накоплено достаточное количество точно понятых фраз, механическому переводчику остается лишь заполнить пробелы. Я дождался, когда он научится бегло переводить любой диалог, и решил, что настало время для контакта.

Интересующий меня объект нашелся без труда. Это был центаврианский аналог нашего пастуха, он гнал представителей какой-то особенно отвратительной формы туземной жизни в болото за городской чертой. Мое «Любопытное ухо» выдолбило себе ямку в скальном обнажении и затаилось в засаде.

Когда туземец приблизился, я зашептал в микрофон:

— Приветствую тебя, о пастух! Ты слышишь голос твоего деда, который обращается к тебе из рая.

Я уже знал кое-что о туземной религии, и ска-

занное мною ей не противоречило.

Пастух замер, как будто налетел на стенку. Не дожидаясь, когда он опомнится, я нажал на кнопку, и из пещерки к его ногам ссыпалась горсть ракушек — из похожих земные индейцы мастерили свои вампумы.

— Вот тебе, внучек, деньги из рая, за то, что ты был хорошим мальчиком.

Конечно, рай тут ни при чем, — деньги я ночью умыкнул из городской казны.

— Приходи завтра, и мы опять поговорим, — прокричал я вдогонку ящерице, радуясь, что она собрала денежки, прежде чем дала деру.

Разумеется, на следующий день она вернулась и пообщалась с потусторонним дедушкой, и таких бесед было еще немало, и конечно же, райские гостинцы всегда принимались с благодарностью. Дед у себя в загробном мире соскучился по новостям, и внук охотно отвечал на любые его вопросы. Я узнал все, что желал знать об этом мире, о его прошлом и настоящем, но оптимизма у меня не прибавилось. Мало того что туземцы обложили маяк камнями, они еще и религиозную войну вокруг пирамиды устроили.

Все началось из-за земляного моста. Как выяснилось, во время строительства маяка ящерицы

жили на далеких болотах и факт их существования мало заботил монтажников. У туземцев низкий уровень развития, и они носу не кажут со своего континента, — о чем тут беспокоиться? Никому не приходила в голову мысль, что ящерицы способны эволюционировать и перебраться на другой материк.

В конце концов именно это и случилось. Небольшие тектонические подвижки, и в нужном месте появляется болотистый перешеек, и в долину с маяком забредают первые ящерицы. Возникает религия. С крыши блестящего металлического храма всегда льется чудесная влага — там работает атмосферный конденсатор. Вода радиоактивная, но ящерицам это не вредит. Мутации только подстегивают их развитие.

Вокруг храма вырос город, а в последующие века маяк обрел пирамидальную оболочку. Обслуживал постройку специальный жреческий орден. И все было прекрасно, пока какой-то священник не осквернил храм, в результате чего прекратился ток священной воды. И были потом мятеж и крамола; и были разруха и погибель. А вода с тех пор так и не льется. Каждый день новая вооруженная толпа приходит штурмовать храм и новый отряд жрецов обороняет святыню.

И теперь я должен лезть в эту мясорубку, чтобы починить маяк.

Все было бы куда проще, если бы мне дозволялось скромное применение силы. Я бы зажарил этих ящериц, устранил поломку и был таков. Вот только «туземные формы жизни» надежно защищены законом. Конструкторы нашпиговали мой корабль следящими устройствами; часть из них я разыскал и вылущил, но оставшиеся с удовольствием настучат на меня по возвращении.

Что ж, остается прибегнуть к помощи дипломатии. Я тяжело вздохнул и достал комплект пластиплоти.

С помощью трехмерных фотоснимков «внука» удалось изготовить довольно правдоподобного вида голову рептилии. Маленько неудобно работать челюстями — у меня они не такие большие и клыкастые, — но в остальном порядок. Стопроцентное сходство и не требуется, достаточно поверхностного, чтобы не слишком пугать местных жителей. Это ведь логично: будь я невежественным землянином, при встрече со спиканцем, похожим на двухфутовый ком сухого шеллака, постарался бы немедленно удалиться на безопасное расстояние. Но если бы спиканец носил маскировку из пластиплоти и отдаленно

смахивал на гуманоида, я бы по крайней мере задержался и побеседовал с ним.

Примерно на такую встречу с центаврианами я и рассчитывал.

Когда была готова голова, я снял ее и присоединил к зеленому туловищу, уже укомплектованному хвостом. Просто здорово, что у этих ящериц есть хвост, — они не носят одежды, а мне где-то нужно спрятать необходимую технику. Металлический каркас этой части тела крепился к моему поясу.

Начинив оболочку электронными устройствами и проводами, я примерил ее перед высоким зеркалом. Жутковато, но эффективно. Хвост кренит меня назад, походка ковыляющая, но от этого только больше сходства с рептилией.

Той же ночью я выбрал вблизи пирамиды, среди холмов, недоступное для ящериц сухое местечко и посадил там корабль. В мои плечи вцепился «Летучий глаз» и понес меня к цели. Зависнув в двухстах метрах над храмом, мы дождались рассвета и двинулись вниз. Думаю, зрелище вышло на славу. «Глаз» был замаскирован под крылатую ящерицу — что-то вроде птеродактиля.

Разумеется, медленно машущие крылья ни-

какого отношения к физике нашего полета не имели, но на туземцев они произвели сильнейшее впечатление. Те, кто увидел нас первыми, завопили и повалились навзничь. Другие обратились в бегство, сбивая сородичей с ног и падая сами. Я приземлился на опустевшую площадь перед храмом, и тотчас явились жрецы.

— Приветствую вас, достопочтенные служители великого божества!

Конечно, я не говорил этого во весь голос, но прижатый к горлу микрофон прекрасно улавливал и шепот. Преобразованная в радиоволны, моя речь передавалась механическому переводчику, а от него поступала на спрятанный в пасти громкоговоритель.

Туземцы забулькали и зачавкали, и почти сразу пошел перевод. Я прибавил громкости, и мой голос раскатился по всей площади. Наиболее легковерные центавриане пали ниц, другие с воплями кинулись прочь. Какой-то скептик замахнулся пикой, но птеродактиль схватил его, перенес в сторону и уронил в болото.

Жрецы отличались от мирян здравомыслием, они не покупали ящериц в мешке. Эта публика знай стояла и галдела, но признаков паники я не наблюдал. Значит, надо принять более реши-

тельные меры.

— Изыди, мой верный слуга! — велел я «Летучему глазу», одновременно нажимая кнопку на ладони.

Он взмыл чуть быстрее, чем я рассчитывал; посыпались кусочки сорванного ветром пластика. Пока толпа таращилась на этот полет, я шагал к дверям храма.

— Я буду говорить с вами, о благородное жречество.

Прежде чем они придумали внятный ответ, я очутился в храме.

Тот представлял собой небольшое помещение в основании пирамиды. Судя по тому, что меня не остановили, я нарушил не слишком много табу. У стенки в бассейне темнела вода. Там плескалась древняя рептилия, несомненно принадлежавшая к высшему духовенству. Я подковылял к ней поближе, и она выпучила на меня холодный рыбий глаз, а потом что-то просквoрчала. Механический переводчик зашептал мне в ухо:

— Во имя тринадцатого греха ответь, кто ты и что делаешь здесь.

Я придал своему чешуйчатому телу гордую позу и указал на потолок:

— Посланный предками, я сошел с небес, дабы

помочь вам. Божественная влага снова будет литься.

За моей спиной загомонили жрецы, только старец не промолвил ни слова. Он медленно окунулся, оставив над водой лишь глаза. Вроде я даже слышал, как под этим замшелым теменем скрипят мозги. Наконец он вынырнул и указал на меня перстом, с которого капала вода:

— Лжец! Никакой ты не предок! Да мы тебя…

— Молчать! — рявкнул я, не дожидаясь, когда он зайдет слишком далеко. — Я не выдаю себя за вашего предка; я сказал, что меня послали ваши предки. Не вздумай причинить мне вред, если не хочешь, чтобы против тебя ополчились все ушедшие в мир иной.

С этими словами я повернулся и грозно ткнул когтем в сторону младших жрецов. Вылетевшая при этом круглая и плоская, как монетка, граната взорвалась с грохотом и дымом и проделала в двери аккуратную дырку.

Верховный жрец незамедлительно внял моим аргументам и созвал шаманов. Разумеется, собрание проходило в храмовой купальне, и мне ничего не оставалось, как залезть туда. С час мы разевали челюсти и булькали и наконец договорились о главном. Я узнал, что эти жрецы

— новички, всех прежних сварили за то, что они позволили иссякнуть священному источнику.

Хоть и с большой осторожностью, ящерицы приняли на веру, что моя единственная миссия — возобновить для них подачу воды. Мы все выползли из бассейна и зашлепали по полу, оставляя мокрые отпечатки лап, к запертой на засов и охраняемой двери, которая вела в сердцевину пирамиды. Когда эту дверь отворили, верховный жрец обратился ко мне:

— Тебе, конечно же, известен закон. Поскольку любопытство прежних жрецов обошлось нам слишком дорого, теперь войти в святилище позволительно только слепому.

Клянусь, он улыбался, если можно назвать улыбкой трещину в боку старого чемодана, из которой выглядывают три десятка клыков.

А еще он дал знак служке, и тот подтащил жаровню. Мне оставалось лишь стоять и глядеть, как старый хрыч шевелит угли, снимает с них раскаленные докрасна клещи и поворачивается ко мне. Он уже нацелился на мой правый глаз, как вдруг меня осенила спасительная мысль.

— Лишать зрения — это вы хорошо придумали, — сказал я. — Но в моем случае процедуру надо проделать не сейчас, а перед моим уходом

из святилища. Глаза мне нужны, чтобы увидеть божественный источник и отремонтировать его. Когда же снова потечет вода, я сам возьмусь за щипцы и со смехом вырву собственные глаза.

Ему понадобилось добрых полминуты, чтобы покумекать и наконец согласиться. Сопящий палач подсыпал угля в жаровню.

Распахнулись ворота, и я решительно устремился вперед. Миг спустя створки лязгнули за моей спиной. Я утонул во мраке.

Но ненадолго. Послышалось шарканье, и я рискнул включить фонарь. Ко мне неуклюже приближались три жреца, глазницы багровели обожженным мясом. Узнав о моих намерениях, ящерицы без единого слова взялись меня сопроводить.

Лестница из растрескавшегося, крошащегося под ногами камня привела нас к прочной металлической двери. На табличке я прочел древние письмена: «Модель № 3. Только для обслуживающего персонала». Судя по отсутствию замка, строители полностью доверяли гипнотической силе этих слов.

Одна из ящериц просто повернула ручку, и мы очутились внутри маяка.

Я отстегнул клапан своей камуфляжной груди и

достал чертежи. Стараясь не обращать внимания на топчущихся рядом жрецов, нашел батареи аварийного освещения. Отлично, они не до конца разрядились, могут давать тусклый свет. Измерительные приборы тоже в неплохом состоянии, отчасти благодаря тому, что их без устали надраивали слуги божьи. При этом один из них случайно повернул рукоятку клапана. Этот клапан предназначался для ремонта, при условии что включен запасной контур охлаждения реактора. Подача воды на реактор прекратилась, он перегрелся, сработали автоматические предохранители и сбросили топливо.

Воду снова пустить — задача несложная, но как быть с топливом? Возвращать его со дна шахты? Проще установить новый реактор. На борту моего корабля есть запасной, компактный, раз в десять меньше этого древнего ведра с гайками. Прежде чем заняться его транспортировкой, я проверил все остальные узлы маяка. За две тысячи лет кое-что могло износиться.

Надо отдать должное предкам, они свое дело знали туго. Движущихся деталей не более десяти процентов, степень износа минимальна. Все остальные части явно делались с расчетом на вечную службу. У водопроводной трубы, идущей

от крыши, толщина стенки три метра! Притом, что внутренний диаметр этой трубы не больше, чем внешний у моей головы.

Но кое-что все-таки подлежало замене. Реактор и другие необходимые детали и материалы были уложены в аккуратный штабель на палубе корабля. Сидя перед экраном дистанционного управления, я тщательно проверил их по списку и погрузил в небольшой металлический ящик. В самый темный час перед восходом солнца мощный «Летучий глаз» сбросил его рядом с храмом и умчался незамеченным.

С помощью «Любопытного уха» я понаблюдал за попытками жрецов вскрыть контейнер. Когда ящерицы выбились из сил, вмонтированный в стенку ящика громкоговоритель проревел приказ. До вечера жрецы обливались потом, волоча тяжелый груз по узким ступенькам; тем временем я успел хорошенько выспаться. Разбудила меня возня за дверью маяка.

И хотя сам ремонт продлился недолго, я едва не оглох от стонов отчаяния — слепые ящерицы слышали, как я срываю со стен панели, чтобы добраться до силовых кабелей. Я даже подсоединил к воде специальное устройство, чтобы ящерицы и дальше получали божественную влагу с осве-

жающей радиацией.

Поворот рукоятки клапана, несколько минут ожидания, и в трубе зажурчала долгожданная вода. Вот уже она ревет, сотрясая каменные стены пирамиды. Настало время выполнить данное туземцам обещание. Я ликующе потряс сцепленными над головой лапами и направился к выходу.

У порога топтались слепые ящерицы, вид у них был совсем несчастный. Я понял, что их расстроило, когда нажал на ручку. Дверь надежно заперли с той стороны.

— Решено оставить тебя здесь насовсем, чтобы ты ухаживал за святым источником.

Провести остаток жизни на маяке с тремя незрячими ящерицами? Восхитительная перспектива. Польщен таким гостеприимством, но не намерен им злоупотреблять.

— Да как вы смеете вмешиваться в промысел посланника ваших предков?! — Я врубил динамики на полную мощность, и вибрация была такая, что мне едва не оторвало голову.

Ящерицы съежились от страха, а я настроил «соляр» на стрельбу узким лучом и прицелился в косяк. Снаружи загремела, рассыпалась баррикада, и дверь приотворилась. Я распахнул ее

сильным толчком и вытолкал наружу жрецов, не слушая их протестов.

Их собратья толпились у подножия лестницы. Они ужасно галдели, пока я заваривал дверь. Решительно проложив себе дорогу, я остановился возле купальни. Верховный жрец при моем появлении трусливо скрылся под водой.

— Какая возмутительная невежливость! — вскричал я, и ответом была порция пузырей. — Предки разгневаны! Для вас отныне воспрещен вход в святилище. Впрочем, они милостивы, поэтому божественной влаге дозволено течь. А сейчас приступим к ритуалу ослепления!

Пыточных дел мастер от страха был ни жив ни мертв, так что я беспрепятственно завладел его орудием. Вдавил коготь в щеку, и под пластиковой кожей на глаза опустилась стальная пластина. Я вонзил железо в фальшивые глазницы, по залу потек вполне правдоподобный запах горелого мяса. Под благоговейное бульканье толпы посланец предков уронил железяку и заметался по залу, шатаясь и держась за глазницы. Клянусь, получилось очень натурально! Но не стоило дожидаться, когда у ящериц родятся новые идеи в отношении меня. Подчиняясь радиосигналу, в храм впорхнул пластмассовый

птеродактиль.

Конечно, я не видел этой картины, но вполне достаточно было ощутить, как он ухватился когтями за стальные пластины на моих плечах. Случайно я повернулся не в ту сторону; хотел вознестись, гордо устремив невидящий взор в закатное солнце, а получилось лицом к толпе. Отдать по-военному честь — это все, что можно было сделать в такой ситуации.

И вот я в вышине, в потоках прохладного воздуха. Убрал пластину, проколол дырки в горелой пластмассе и увидел уменьшающуюся вдали пирамиду, бьющую из ее подножия воду и толпу счастливых рептилий, спешащих принять радиоактивную ванну. Не забыл ли я чего? Надо посчитать на когтях.

Маяк отремонтирован — это раз.

Заварена дверь, больше не будет случайных или намеренных диверсий, — это два.

Три: верховный жрец должен быть доволен. Вода льется, побывавший в святилище чужак надлежащим образом ослеплен, жреческая каста снова при деле. Отсюда следует…

Четыре: если опять сломается маяк, ремонтника пропустят беспрепятственно. Ведь я ничем не обидел ящериц, не настроил их против будущих

посланников предков.

На борту корабля, срывая с себя изрядно пострадавший ящеричий камуфляж, я тешил себя надеждой, что в следующий раз чинить маяк на Проксиме Центавра пошлют кого-то другого.

Робот, который хотел все знать

Перевод Э. Кабалевской

Вся беда была в том, что Файлер 13Б-445-К хотел знать все на свете, в том числе и то, что нисколько его не касалось. То, чем никакому роботу не положено даже интересоваться, а уж вникать в детали — и подавно. Но Файлер был совсем особенный робот.

История с блондинкой из Двадцать второго отдела должна бы послужить для него хорошим уроком.

Он, гудя, выбрался из хранилища с кипой книг и проходил через двадцать второй отдел, а она в это время нагнулась к какой-то книге, лежавшей на самой нижней полке. Робот замедлил ход и в нескольких шагах от нее совсем остановился, не сводя с девушки пристального взгляда. Его металлические глаза странно поблескивали.

Когда девушка нагнулась, ее короткая юбка с редкостной откровенностью явила взору обтянутые нейлоном ножки. Ножки эти, правда на диво соблазнительные, вовсе не должны бы интересо-

вать робота. Однако Файлер заинтересовался. Он стоял и глядел. Заметив его взгляд, она наконец обернулась.

— Если бы ты был человеком, нахал, я бы дала тебе по физиономии, — сказала она. — Но поскольку ты робот, я бы очень хотела знать, во что это ты вперил свои фотоновые глазки.

— У вас шов на чулке перекосился, — ни на миг не задумываясь, ответил Файлер. Потом повернулся и, жужжа, отправился дальше.

Блондинка недоуменно покачала головой, поправила чулок и в который уж раз подумала: какая все-таки тонкая штука эта электроника!

Знай она, на что в самом деле глядел Файлер, изумлению ее не было бы границ. Он ведь и правда смотрел на ее ножки. Конечно, он ей не солгал — роботы лгать просто не способны, но глядел он отнюдь не только на перекосившийся шов. Файлер столкнулся с проблемой, решать которую не пытался еще ни один робот на свете.

Любовь, романтика, вопросы пола — вот что занимало его час от часу сильнее. Разумеется, интерес этот был чисто академическим, и все же бесспорным. Сама работа будила в нем любопытство к той области бытия, где повелевает Венера.

Роботы системы Файлер необыкновенно умны,

и изготовляется их не так уж много. Увидеть их можно только в крупнейших библиотеках, и работают они только с самыми большими и сложными книжными собраниями. Их не назовешь просто библиотекарями — это значило бы представить в ложном свете работу библиотекарей, сочтя ее чересчур легкой и простой. Конечно, для того чтобы разместить книги на полках и штемпелевать карточки, большого ума не требуется, но все это давным-давно выполняют простейшие роботы, которые, в сущности, немногим сложнее примитивных Ай-би-эм на колесах. Приводить же в систему человеческие знания всегда было неимоверно трудно. Задачу эту в конце концов переложили на Файлеров. Их металлические плечи не сгибались под этим бременем, подобно плечам их предшественников — библиотекарей из плоти и крови.

Помимо совершенной памяти, Файлеры обладали и другими свойствами, обычно присущими только человеческому мозгу. Например, они умели связать и сопоставить отвлеченные понятия. Если у Файлера просили книгу по какому-нибудь вопросу, он тотчас вспоминал книги на смежные темы, которые тут могут пригодиться. Ему достаточно было намека, чтобы воздвигнуть

законченную систему и предъявить ее в самом реальном виде — в виде груды книг.

Такие способности присущи только homo sapiens, человеку разумному. Именно они-то и помогли ему возвыситься над своими сородичами из животного мира. И если Файлер оказался более очеловеченным, чем другие роботы, то винить в этом можно только самого его создателя — человека.

Файлер никого ни в чем не винил — он был просто любознателен. Все Файлеры любознательны — так уж они устроены. К примеру, под рукой у одного из Файлеров, 9Б-367-0, библиотекаря Ташкентского университета, оказалось несметное количество пособий по языкам, и он увлекся лингвистикой. Он говорил на тысячах языков и наречий, практически на всех, на которых можно было отыскать хоть какие-нибудь тексты, и в научных кругах считался непревзойденным авторитетом. И все это благодаря библиотеке, где он работал. А Файлер 13Б — тот, что с интересом разглядывал девичьи ножки, — трудился в пропыленных коридорах Нового Вашингтона. Здесь у него был доступ не только к новехоньким микропленкам, но и к тоннам древних книг, напечатанных на бумаге многие века тому назад.

Но больше всего Файлера занимали романы, написанные в те давно минувшие времена.

Поначалу его совсем сбили с толку бесчисленные ссылки и намеки на любовь и романтику, а также страдания души и тела, без которых, как видно, не обходились ни любовь, ни романтика. Он нигде не мог найти сколько-нибудь вразумительного и полного определения этих понятий и, естественно, заинтересовался ими. Постепенно интерес перешел в увлечение, а увлечение — в страсть. И никто на свете даже не подозревал, что Файлер стал знатоком по части любви.

Уже с самого начала он понял, что из всех форм человеческих отношений любовь — самая тонкая и хрупкая. Поэтому он держал свои изыскания в строжайшем секрете и все, что удавалось узнать, хранил в емких тайниках своего электронного мозга. Примерно в то же время он обнаружил, что в придачу ко всему вычитанному из книг кое-что можно извлечь и из реальной жизни. Это произошло, когда в отделе зоологии он нечаянно набрел на застывшую в объятии пару.

Файлер мгновенно отступил в тень и включил слуховое устройство на полную мощность. Но разговор, который он затем услыхал, оказался, мягко говоря, прескучным. Всего лишь жалкое,

убогое подобие любовных речей, вычитанных им из книг. Сопоставление тоже весьма важное и поучительное.

После этого случая он старался не упускать ни одного разговора между мужчиной и женщиной. Он пытался глядеть на женщин с точки зрения мужчины и наоборот. Потому-то он и разглядывал с таким любопытством нижние конечности блондинки в двадцать втором отделе.

И потому он в конце концов совершил роковую ошибку.

Спустя несколько недель один исследователь, которому понадобились услуги Файлера, вывалил на стол груду всевозможных бумажек. Какая-то карточка выскользнула из пачки и упала на пол. Файлер поднял ее и подал владельцу, а тот пробормотал благодарность и сунул карточку в карман. Когда все необходимые книги были подобраны и человек ушел, Файлер уселся и перечитал текст на карточке. Он видел ее всего какую-то долю секунды, да еще вдобавок вверх ногами, но больше ничего и не требовалось. Карточка навеки запечатлелась у него в мозгу. Файлер долго размышлял над нею, пока перед ним не стал вырисовываться некий план.

Карточка была приглашением на костюми-

рованный бал. Файлер хорошо знал этот род развлечений — описания балов то и дело попадались ему на пропыленных страницах старых романов. На такие балы люди обычно ходили, нарядившись романтическими героями.

А почему бы и роботу не пойти на бал, нарядившись человеком?

Раз уж эта мысль пришла ему в голову, избавиться от нее не было никакой возможности. Конечно, подобные мысли роботу вообще не положены, а уж соответствующие поступки — тем более. Впервые Файлер стал догадываться, что ломает преграду, отделяющую его от тайн любви и романтики. И конечно, это его только еще больше раззадорило. И конечно же, он отправился на бал.

Купить костюм Файлер, разумеется, не посмел, но ведь в кладовых всегда можно найти какие-нибудь старинные портьеры! В одной книге он прочитал о кройке и шитье, а в другой нашел изображение костюма, который показался ему подходящим. Сама судьба назначила ему явиться в одеянии кавалера.

Превосходно отточенным пером он нарисовал на плотном картоне точную копию пригласительного билета. Смастерить маску — вернее,

полумаску с половиной лица в придачу — при его талантах и технических возможностях было делом нехитрым. Задолго до назначенного дня все было готово. Оставшееся время он занимался только тем, что перелистывал всевозможные описания костюмированных балов и старательно изучал новейшие танцы.

Файлер так увлекся своей затеей, что ни разу даже не задумался над тем, как странны для робота его поступки. Он чувствовал себя просто ученым, который исследует особую породу живых существ. Род человеческий. Или, точнее, женский.

Наконец наступил долгожданный вечер. Файлер вышел из библиотеки, держа в руке сверток, похожий на связку книг, но, конечно, это были не книги. Никто не заметил, как он скрылся в кустах, что росли в библиотечном саду. А если кто и заметил, то уж никому бы не пришло в голову, что он-то и есть элегантный молодой человек, который через несколько минут вышел из сада с другой стороны. Единственным немым свидетелем переодевания осталась оберточная бумага под кустом.

В своем новом обличье Файлер держался безукоризненно, как и приличествует роботу высшего класса, который в совершенстве изу-

чил свою роль. Он легко взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, и небрежно предъявил свой пригласительный билет. Войдя, он направился прямиком в буфет и опрокинул в пластиковую трубку, подсоединенную к резервуару в его грудной клетке, три бокала шампанского. И только после этого позволил себе лениво оглядеть собравшихся в зале красавиц. Да, этот вечер был предназначен для любви.

Из всех женщин его сразу привлекла одна. Он тотчас понял, что она и есть царица бала и она одна достойна его внимания. Мог ли он согласиться на меньшее, он, преемник пятидесяти тысяч героев давно забытых книг?

Кэрол Энн ван Дэмм, как всегда, скучала. Лицо ее было скрыто под маской, но никакая маска не сумела бы скрыть великолепные формы ее тела. Все ее поклонники в причудливых костюмах толпились тут же, готовые к услугам; каждый мечтал заполучить ее молодость и красоту и миллионы ее отца в придачу. Все это давно ей надоело, и она едва сдерживала зевоту.

И тут толпу обожателей вежливо, но неотвратимо раздвинули широкие плечи незнакомца. Он заставил всех расступиться и предстал перед нею, точно лев среди стаи волков.

— Этот танец вы танцуете со мной, — многозначительно сказал он глубоким низким голосом.

Почти машинально она оперлась на предложенную руку, не в силах противиться человеку, в чьих глазах таился такой странный блеск. Еще миг — и они уже кружатся в вальсе, и это блаженство! Мускулы его крепки как сталь, но танцует он с легкостью и изяществом молодого бога.

— Кто вы? — шепнула она.

— Ваш принц. Я пришел, чтобы увести вас отсюда, — вполголоса отвечал он.

— Вы говорите, как принц из волшебной сказки, — рассмеялась она.

— Это и есть сказка, а вы — сказочная принцесса.

Слова эти, точно искра, воспламенили ее душу, и всю ее словно пронзил электрический разряд. Губы его нашептывали ей слова, которые она всю жизнь мечтала услышать, а ноги, точно по волшебству, увлекали сквозь высокие двери на террасу. В какой-то миг слова претворились в дело, и жаркие губы коснулись ее губ. Да еще какие жаркие — термостат был установлен на сорок, примерно, градусов!

— Давайте сядем, — выдохнула она, слабея от неожиданно захватившей ее страсти.

Он уселся рядом, сжимая ее руки в своих, нечеловечески сильных и все-таки нежных. Они говорили друг другу слова, ведомые только влюбленным, пока не грянул оркестр.

— Полночь, — шепнула она. — Пора снимать маски, любимый. — Она сняла свою, но Файлер, конечно, не шелохнулся. — Что же ты? — сказала она. — Ты тоже должен снять маску.

Слова эти прозвучали как приказ, и робот не мог не повиноваться. Широким жестом он сбросил маску и пластиковый подбородок.

Кэрол Энн сначала вскрикнула, потом зашлась от ярости:

— Это еще что такое, отвечай, ты, жестянка!

— Это была *любовь*, дорогая. *Любовь* привела меня сюда сегодня и бросила в твои объятия.

Ответ был вполне правильный, хоть Файлер и облек его в форму, соответствующую его роли.

Услышав нежные слова из бездушной электронной пасти, Кэрол Энн снова вскрикнула. Она поняла, что стала жертвой жестокой шутки.

— Кто тебя сюда прислал? Отвечай! Что означает этот маскарад? Отвечай! Отвечай! Отвечай, ты, ящик с железным ломом!

Файлер хотел было рассортировать этот поток вопросов и отвечать на каждый в отдельности,

но она не дала ему рта раскрыть.

— Надо же! Послать тебя сюда, обрядив человеком! В жизни надо мной никто так не издевался! Ты робот. Ты ничтожество. Двуногая машина с громкоговорителем. Как ты мог притворяться человеком, когда ты всего-навсего робот!

Файлер вдруг поднялся на ноги.

— Я робот, — вырвались из говорящего устройства отрывистые слова.

Это был уже не ласковый голос влюбленного, но вопль отчаявшейся машины. Мысли вихрем кружились в его электронном мозгу, но, в сущности, это была одна и та же мысль:

«Я робот… робот… я, видно, забыл, что я робот… и что делать роботу с женщиной… робот не может целовать женщину… женщина не может любить робота… но ведь она сказала, что любит меня… и все-таки я робот… робот…»

Весь содрогнувшись, он отвернулся и, лязгая и гремя, зашагал прочь. На ходу его стальные пальцы сдергивали с корпуса одежду и пластик — подделку под живую плоть, и они клочками и лохмотьями падали наземь. Путь его был усеян этими обрывками, и через какую-нибудь сотню шагов он был уже голой сталью, как в первый день его механического творения. Он пересек сад

и вышел на улицу, а мысли у него в голове все быстрее неслись по замкнутому кругу.

Началась неуправляемая реакция, и вскоре она охватила не только мозг, но и все его механическое тело. Быстрее шагали ноги, стремительней работали двигатели, а центральный смазочный насос в груди метался как сумасшедший.

А потом робот с пронзительным скрежетом вскинул руки и рухнул ничком. Головой он ударился о лестницу, и острый угол гранитной ступени пробил тонкую оболочку. Металл лязгнул о металл, и в сложном электронном мозгу произошло короткое замыкание.

Робот Файлер 13Б-445-К был мертв.

По крайней мере, так гласил доклад, составленный механиком на следующий день. Собственно, не мертв, а непоправимо испорчен и должен быть разобран на части. Но, как ни странно, когда механик осматривал металлический труп, он сказал совсем другое.

В осмотре ему помогал еще один механик. Он отвинтил болты и вынул из грудной клетки сломанный смазочный насос.

— Вот в чем дело, — объяснил он. — Насос неисправен. Поршень сломался, насос заклинило, прекратилась подача масла в коленные суставы,

вот он и упал и разбил себе голову.

Первый механик вытер ветошью замасленные руки и осмотрел поврежденный насос. Потом перевел взгляд на зиявшую в грудной клетке дыру.

— Гляди-ка! Прямо разрыв сердца!

Оба рассмеялись, и механик швырнул насос в угол, на кучу других, сломанных, грязных и никому не нужных деталей.

Тренировочный полет

Перевод Е. Факторовича

Марс был пыльной, иссохшей, леденящей душу преисподней кроваво-красного цвета. Они плелись друг за другом, по щиколотку увязая в песке, и нудно костерили неизвестного конструктора, который предложил столь неудачные кондиционеры для скафандров. Когда скафандры проходили испытания на Земле, дефект не обнаружился. А сейчас… стоило их поносить несколько недель — и на тебе! Поглотители влаги через некоторое время перенасытились и отказали. Температура на Марсе была постоянной — минус шестьдесят по Цельсию. Но из-за высокой влажности внутри костюма пот не испарялся, и они жмурились, чтобы пот не застилал им глаза.

Морли сердито замотал головой, желая стряхнуть с кончика носа капли пота, и в то же мгновение на его пути оказался какой-то мохнатый рыжий зверек. Впервые они увидели на Марсе живое существо. Но вместо любопытства в нем пробудилась одна злость. Ударом ноги он под-

бросил зверька в воздух. Удар был внезапным, Морли потерял равновесие и стал медленно падать, причем его скафандр зацепился за острый край скалы из обсидиана.

Тони Бенермэн услышал в наушниках сдавленный крик напарника и оглянулся. Морли корчился на песке, пытаясь заткнуть дыру на колене. Воздух, насыщенный влагой, с легким шипением вырывался на свободу и мгновенно превращался в мерцающие кристаллики льда. Тони бросился к другу, тщетно стремясь прикрыть перчатками разорванное место. Прижался к нему и увидел, как ужас застыл в глазах и как синеет его лицо.

— Помоги мне! Помоги!

Морли закричал с такой силой, что задрожали мембраны шлемофона. Но помочь было нечем. Они не захватили с собой пластыря — весь пластырь остался на корабле, за четверть мили отсюда. Пока он будет бегать туда-сюда, Морли уже умрет.

Тони медленно выпрямился и вздохнул. На корабле их только двое, и на Марсе — никого, кто мог бы оказать им помощь. Морли поймал наконец взгляд Тони и спросил:

— Надежды нет, Тони, я мертв, да?

— Как только кончится кислород. От силы тридцать секунд. Ничем не могу тебе помочь.

Морли коротко, но крепко выругался и нажал красную кнопку у запястья с надписью «Авария». В тот же миг перед ним раскрылась поверхность Марса: песок с шуршанием ссыпался в отверстие. Тони отступил на несколько шагов; из отверстия появились двое мужчин в белых скафандрах с красными крестами на шлемах. Они уложили Морли на носилки и в одно мгновение исчезли.

Тони угрюмо смотрел вниз, пока не открылась засыпанная песком дверь и ему не выбросили скафандр Морли. Потом дверь захлопнулась, и снова тишина нависла над пустыней.

Кукла в скафандре весила столько же, сколько Морли, а ее пластиковое лицо имело даже какое-то сходство с ним. Какой-то шутник на месте глаз нарисовал черные кресты. «Чудно», — подумал Тони, взваливая на спину неудобную ношу. На обратном пути он увидел неподвижно лежавшего марсианского зверька. Пнул ногой, и из него посыпались пружинки и колесики.

Когда он добрался до корабля, крошечное солнце уже коснулось зубчатых вершин красных гор. Сегодня уже поздно хоронить, придется подождать до завтра. Оставив куклу в отсеке,

он взобрался в кабину и стянул с себя мокрый скафандр.

Между тем спустились сумерки, и существа, которых они именовали совами, принялись царапать обшивку корабля. Космонавтам ни разу не довелось увидеть хоть одну сову — тем более их раздражало это бесконечное царапанье. Разогревая ужин, Тони стучал тарелками и сковородками как можно громче, чтобы заглушить неприятные звуки. Покончив с едой и убрав посуду, он впервые ощутил одиночество. Даже жевательный табак сейчас не помогал, он лишь напомнил о том, что на Земле его ждет ящик гаванских сигар.

Нечаянно он стукнул по тонкой выдвижной ножке стола, и все тарелки, сковорода и ложки полетели на пол. Шум был ему приятен, а еще приятнее было оставить все как есть и пойти спать.

На этот раз они почти достигли цели. Эх, если бы Морли был поосторожнее! Но Тони заставил себя не думать об этом и вскоре уснул.

На следующее утро он похоронил Морли. Сжав зубы, соблюдая величайшую осторожность, провел он два дня, оставшихся до старта. Аккуратно сложил геологические образцы, проверил ис-

правность механизмов и автоматов.

В день старта он вынул ленты с магнитными записями из приборов и отнес ненужные записи и лишнее оборудование на значительное расстояние от корабля. Там же оставил излишки продовольствия. В последний раз пробираясь по красному песку, он отдал иронический салют могиле Морли. На корабле у него не было решительно никаких дел, не осталось даже ни одной непрочитанной брошюры. Два последних часа Тони провел, лежа в постели и считая заклепки в потолке кабины.

Тишину нарушил резкий щелчок контрольных часов, и он услышал, как за толстой обшивкой взревели моторы. Одновременно из отверстия в стене кабины к его койке протянулась мягкая «рука» со шприцем; пригвоздив его к ложу, металлические пальцы ощупали его, вот они добрались до лодыжки, и жало иглы вонзилось в нее. Последнее, что Тони видел, — как жидкость из шприца переливается в его вену, и тут он забылся.

Сзади открылось широкое отверстие, и вошли два санитара с носилками. На них не было ни скафандров, ни защитных масок, а за ними виднелось голубое небо Земли.

Когда он очнулся, все было как обычно. Неведомые стимуляторы помогли ему легко выплыть из тьмы беспамятства. Открыв наконец глаза, он увидел белый потолок земной операционной.

Но вот все вокруг заслонило багровое лицо и угрожающе сдвинутые брови склонившегося над ним полковника Стэгема. Тони попытался вспомнить, нужно ли отдавать честь в кровати, но потом решил, что самое лучшее не двигаться.

— Черт побери, Бенермэн, — проворчал полковник, — рад видеть вас на Земле. Но зачем вы, вообще говоря, вернулись? Смерть Морли означала крах всей экспедиции, а это значит, что на сегодняшний день мы не можем похвастаться ни одним удачным запуском!

— А парни из второго корабля, сэр? Как дела у них? — Тони силился говорить бодро и уверенно.

— Ужасно. Еще хуже, чем у вас, если это вообще возможно. Оба на другой день после приземления погибли. Осколок метеора попал в резервуар с кислородом. Они так увлеклись анализом местной флоры, что не поинтересовались показаниями измерительных приборов. Но я здесь по другому делу. Накиньте что-нибудь на себя и пройдите в мой кабинет.

Он зашагал к выходу, и Тони поспешил вы-

браться из постели, не обращая внимания на легкую слабость из-за введения наркотиков. Когда говорят полковники, лейтенантам приходится повиноваться.

Тони вошел в кабинет Стэгема: полковник с мрачным видом глядел в окно. Ответив на приветствие, он предложил лейтенанту сигару. Как бы в доказательство того, что в его солдатской душе еще теплятся искры человечности, полковник обратил его внимание на стартовую площадку за окном:

— Видите? Знаете, что это?

— Да, сэр. Ракета на Марс.

— Пока еще нет. Сейчас это лишь ее корпус. Двигатели и оборудование собираются на заводах, рассеянных по всей стране. При нынешних темпах ракета будет готова не раньше чем через шесть месяцев. Ракета будет готова, но вот лететь-то в ней некому. Если так пойдет и дальше, ни один не сможет выдержать испытание. Включая и вас.

Под пристальным взглядом полковника Тони беспокойно заерзал на стуле.

— Вся эта программа подготовки с самого начала была моим детищем. Я разработал ее и нажимал на Пентагон, пока ее не приняли. Мы

знали, что в состоянии построить корабль, который долетит до Марса и вернется на Землю, корабль с автоматическим управлением, который преодолеет любые трудности и помехи. Но нам необходимы люди, которые сумеют ступить на поверхность планеты, исследовать ее, иначе вся затея не будет стоить выеденного яйца.

Для корабля и для пилота-робота нужно было провести серию испытаний, воспроизводящих условия полета, чтобы устранить мелкие недоделки. Я предложил — и в конце концов это было принято, — чтобы космонавты, которым придется лететь на Марс, прошли именно такую подготовку. Мы построили две барокамеры и тренажеры, способные воспроизвести в деталях любую мыслимую на Марсе ситуацию. Мы по восемнадцать месяцев маринуем в барокамерах экипажи из двух человек, чтобы подготовить их к настоящему полету.

Не стоит упоминать о том, сколько кандидатов было у нас поначалу, сколько было несчастных случаев из-за того, что мы слишком реально воспроизводим условия полета в барокамерах. Скажу только одно: за прошедшее время удачных запусков не было. Все, кто не выдерживал или, подобно вашему напарнику Морли, «погибал»,

выбывали из игры раз и навсегда.

И вот теперь у нас осталось четыре кандидатуры, в том числе и вы. Если мы не сумеем создать удачный экипаж из двух космонавтов, весь проект пойдет насмарку.

Тони похолодел, сигара в его руке погасла. Он знал, что в последнее время на руководителей испытаний давили все сильнее и сильнее. Поэтому-то полковник Стэгем и рычал на всех, будто подстреленный медведь. Голос полковника прервал ход его мыслей:

— Эти умники из Института психологии кричат на всех перекрестках, что обнаружили самое слабое место в моей программе. Дескать, если речь идет о тренировочных полетах, испытуемые где-то в глубине души всегда будут чувствовать, что игра будет идти понарошку. Случись катастрофа — в последний момент их всегда спасут. Как вашего Морли, например. Результаты последних опытов заставляют меня думать, что они правы. В моем распоряжении четыре человека, и для каждой пары будет проведено по одному испытанию. Но на сей раз речь идет о генеральной репетиции, на этот раз мы пойдем на все.

— Я не понимаю, полковник…

— Очень просто. — В подтверждение своих слов

Стэгем ударил кулаком по столу. — Впредь мы не станем оказывать помощь. Никого не будем тащить за волосы, как бы срочно это ни требовалось. Испытания проведем в боевой обстановке с настоящим снаряжением. Мы обрушим на вас все, что только можно придумать, а вы должны выдержать. Если на этот раз кто-нибудь порвет свой скафандр, он умрет в марсианском вакууме, в нескольких метрах от земной атмосферы. — При прощании с Тони он несколько смягчил тон: — Я был бы рад, если бы мог поступить иначе, но выбора нет. К будущему месяцу нам нужен надежный экипаж для полета, и только таким образом мы можем его укомплектовать.

Тони дали трехдневный отпуск. В первый день он напился, на второй страдал от головной боли, на третий — от бессильной злости. Все участники испытаний были добровольцами, но такое приближение к реальности — это уже слишком. Конечно, он мог бросить все к чертям, когда ему заблагорассудится, но он-то знал, чем это ему грозит. Оставалось одно: согласиться с этой нелепой идеей. Проделать то, что от него требуется, вынести все. Зато уж после испытаний он съездит по здоровенному полковничьему носу.

На врачебном осмотре Тони встретился со

своим новым напарником, Эллом Мендозой. Познакомились они еще раньше, на теоретических занятиях. Обмениваясь рукопожатиями, они пожирали друг друга глазами и прикидывали, каковы возможности напарника. Экипаж состоит из двоих, а ведь один из них может стать причиной смерти другого…

Высокий, худощавый Мендоза был полной противоположностью приземистому крепышу Тони. Спокойная, даже чуть-чуть небрежная манера поведения Тони дополнялась нервной напряженностью Элла. Элл был заядлым курильщиком, он обшаривал глазами все вокруг.

Тони заглушил в себе растущее беспокойство. Если Элл выдержал все испытания, значит он кое на что годится. Как только начнется полет, нервозность Элла, скорее всего, пройдет.

Врач вызвал Тони и внимательно осмотрел его.

— Что это? — спросил врач, проведя влажной ваткой по щеке Тони.

— Ой! — вскрикнул Тони. — Я порезался, когда брился.

Врач недовольно поморщился, смазал ранку, заклеил ее пластырем.

— Поосторожнее с ранками, — предупредил

он. — Ведь таким путем бактериям легче всего проникнуть в организм. А мало ли какие бактерии есть на Марсе.

Тони открыл было рот, чтобы возразить, но передумал. Возражать бессмысленно: полет, если он вообще состоится, продлится двести шестьдесят дней. За такое время заживет любой порез, даже если космонавт будет находиться в анабиозе.

После осмотра они, как обычно, надели летные костюмы и перешли в другое здание. По пути Тони заглянул в казармы и вскоре вернулся с шахматной доской и видавшей виды колодой игральных карт.

Входная дверь в мощном блоке второго строения была открыта, и они ступили на лестницу, ведущую в космический корабль. Врачи привязали их ремнями к койкам и сделали инъекции, симулирующие состояние анабиоза.

Пробуждение сопровождалось обычной слабостью и вялостью. Куда уж натуральнее… Повинуясь внезапному импульсу, Тони подошел к зеркалу и подмигнул своему гладко выбритому отражению с красными воспаленными глазами. Сорвал пластырь, пальцы его коснулись пореза с засохшими капельками крови. Облегченно вздохнул. Он никак не мог отделаться от стра-

ха, что однажды такой тренировочный полет может оказаться настоящим полетом на Марс. Логика подсказывала ему, что армия никогда не откажется от того, чтобы вовсю разрекламировать запуск. Но все же его грыз червь сомнения, и поэтому он так нервничал в начале каждого «сухого» полета.

С новым виражом Тони опять ощутил тошноту, но сумел ее преодолеть. Во время испытаний нельзя терять времени. Необходимо проверить приборы. Сидевший на койке Элл едва заметно махнул рукой. Тони ответил ему тем же.

В то же мгновение ожил приемник. Сначала в контрольном пункте слышались только посторонние шумы, потом их заглушил голос офицера-тренера:

— Лейтенант Бенермэн, вы уже проснулись?

Тони включил микрофон и доложил:

— Так точно, сэр.

— Одну секунду, Тони, — сказал офицер. Потом он пробормотал что-то нечленораздельное — очевидно, говорил с кем-то стоящим рядом. Потом опять повернулся к микрофону. — Не в порядке один из вентилей; давление превышает расчетное. Примите меры, пока мы не снизим давление.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Тони и отключил микрофон, чтобы вместе с Эллом посетовать на показное «трудолюбие» своих воспитателей. Несколько минут спустя приемник снова ожил.

— Все в порядке, давление нормальное. Продолжайте свою работу.

Тони показал язык невидимому воспитателю и пошел в соседний отсек. Повернул рычаг, желая сделать видимость четче.

— Ну, по крайней мере на этот раз все спокойно, — сказал он, увидев красноватые отсветы.

Вошел Элл, заглянул через его плечо.

— Да здравствует Стэгем! В прошлый раз, когда погиб мой напарник, все время дул жуткий ветер. А сейчас по этим песчаным дюнам видно, что ветра и в помине нет.

Они хмуро уставились на знакомый красноватый ландшафт и темное небо. Наконец Тони повернулся к приборам, а Элл достал из шкафа скафандры.

— Сюда, скорее!

Элла не нужно было звать дважды. В один момент он подскочил к Тони и стал следить за его указательным пальцем.

— Резервуар с водой! Судя по приборам, он наполовину пуст!

Они сняли щиты, преграждавшие доступ к резервуару. Тоненькая струйка ржавой водицы стекала с крышки к их ногам. Освещая себе путь фонарем, Тони подполз к резервуару и осветил трубки. Его голос прозвучал в тесном отсеке резко и отчетливо:

— Черт бы побрал Стэгема с его фокусами: опять эти проклятые «аварии при посадке». Лопнула соединительная трубка, и вода просачивается в изоляционный слой. Мы никак не прекратим утечку, разве что разнесем корабль на куски. Подай-ка мне склейку, пока дело не дошло до ремонта, я замажу отверстие.

— Месяц будет ужасно засушливый, — пробормотал Элл, изучая показания других приборов.

В первое время все было как обычно. Они водрузили знамя и принялись переносить приборы. Все наблюдательные и измерительные приборы были установлены на третий день, так что они могли выгрузить теодолиты и начали составлять карты. На четвертый день они стали собирать образцы местной фауны.

И тут они впервые обратили внимание на пыль. Тони с трудом жевал какую-то подозрительно тягучую порцию еды, время от времени изрыгая проклятия: еда лезла в горло, лишь обильно

смоченная водой. Он с трудом проглотил комок, потом оглядел аппаратную.

— Ты заметил, сколько здесь пыли? — спросил он.

— Еще бы не заметить! Мой костюм так загрязнился, будто я влез на муравьиную кучу.

Они посмотрели вокруг, и впервые их поразило, как много пыли в корабле. И волосы, и еда — все покрылось слоем красноватой пыли. Под ногами постоянно что-то шуршало, куда ни ступи.

— Мы сами приносим ее сюда, на костюмах, — сказал Тони. — Давай будем перед входом в помещение получше отряхиваться.

Хорошая идея, а не помогла. Красная пыль была мелкой, как пудра. И сколько они ни вытряхивали одежду, пыль не исчезала, а лишь носилась вокруг, обволакивая их легкой дымкой, словно облако. Они пытались забыть о пыли, думать о ней как об очередной фантазии техников Стэгема. Какое-то время это удавалось, пока на восьмой день не отказала внешняя дверь шлюзовой камеры. Они вернулись из двухдневного похода, где собирали образцы, и еле поместились в камере вместе со своими тяжеленными мешками с геологическими образцами. Отряхнули друг друга как могли, потом Элл нажал рычаг. Внешняя дверь

начала открываться и вдруг остановилась. Подошвы ботинок ощутили вибрацию — на полную мощность заработали двигатели автоматических дверей. Затем двигатели отключились, замигала красная лампочка.

— Пыль! — крикнул Тони. — Проклятая пыль попала в механизм!

Они легко сняли предохранительный щиток, заглянули в двигатель. Красная пыль смешалась со смазочным веществом, и образовались немыслимые бурые «пирожки». Но оказалось, что обнаружить неисправность гораздо легче, чем ее ликвидировать. В карманах костюмов они нашли лишь несколько самых нужных инструментов. А большой ящик с инструментами и различными растворами, которые можно было быстро пустить в ход, находился внутри корабля. Но пока дверь не открыта, внутрь попасть невозможно. Парадоксальная ситуация, но им было не до смеха. Лишь одна секунда ушла у них на то, чтобы осознать, в какую переделку они попали, и целых два часа, чтобы худо-бедно почистить двигатели, закрыть внешнюю и открыть внутреннюю двери. Когда наконец им это удалось, указатели их кислородных приборов стояли на отметке «нуль», и пришлось прибегнуть к НЗ.

Элл снял свой шлем и тут же повалился на койку. Тони показалось, что напарник потерял сознание, но вот он увидел открытые глаза Элла, прикованные к потолку. Тони раскупорил единственную бутылку коньяка, взятую в медицинских целях, заставил Элла отхлебнуть глоток, потом сам сделал два глотка и решил не обращать внимания на то, как дрожат руки. Он занялся починкой дверных механизмов, а когда работа подошла к концу, Элл уже пришел в себя и стал готовить ужин.

Если не считать пыли, поначалу испытания проходили нормально. Днем собирали образцы и проводили измерения; несколько свободных часов, затем — сон. Элл оказался прекрасным напарником и лучшим шахматистом из всех, с кем Тони до сих пор был в паре. Вскоре Тони обнаружил: то, что он поначалу принял за нервозность, оказалось на деле нервной энергией. Элл был в своей тарелке, лишь когда занимался каким-то делом. С головой уходя в каждодневную работу, он и к вечеру сохранял столько сил и бодрости, что за шахматной доской решительно обыгрывал своего зевающего противника. Характеры космонавтов были несхожи, может быть, поэтому они прекрасно ладили.

Все было хорошо — только вот пыль! Она была повсюду, она забивалась в каждую щель. Тони злился, но старался не показывать виду. Элл страдал больше. От пыли он испытывал постоянный зуд, чесался, он был на грани срыва. Вскоре его начала мучить бессонница…

А неумолимая пыль постоянно проникала во все отсеки и механизмы корабля. Машины стали изнашиваться с той же быстротой, что и нервы. Днем и ночью пыль, вызывающая зуд, и недостаток воды доводили их до отчаяния. Они все время хотели пить, но знали, что воды оставалось ничтожно мало и ее вряд ли хватит, если каждый будет распоряжаться ею по-своему.

На тринадцатый день из-за воды вспыхнул спор, и дело чуть не дошло до драки. После этого они два дня не разговаривали. Тони заметил, что Элл всегда носит с собой геологический молоток, и решил на всякий случай обзавестись ножом.

Кто-то из двоих должен был сорваться. Этим человеком оказался Элл.

Его доконала бессонница. У него и раньше был чуткий сон, а тут эта пыль и бессонница окончательно добили его. Тони слышал, как Элл ночами ворочался с боку на бок, чесался и проклинал все на свете. Он и сам-то спал теперь не особенно

крепко, но все же умудрялся немножко соснуть. Судя по темным кругам под налитыми кровью глазами, Эллу это не удавалось.

На восемнадцатый день он сорвался. Они как раз надевали скафандры, когда Элла вдруг затрясло. У него тряслись не только руки, но и все тело ходило ходуном. Его трясло до тех пор, пока Тони не уложил его на койку и не влил ему в рот остатки коньяка.

Когда припадок кончился, Элл отказался покинуть корабль.

— Я не хочу… не могу! — кричал он. — Скафандры тоже долго не протянут, они порвутся, когда мы будем на поверхности… я больше не выдержу… Мы должны вернуться.

Тони попытался его образумить:

— Ты же знаешь, что это невозможно, что испытания полностью имитируют полет. Они рассчитаны на двадцать восемь дней. Осталось еще десять. Ты должен выдержать. Командование считает, что это минимальный срок пребывания на Марсе. Все планы и экипировка экспедиции исходят из этого срока. Скажи спасибо, что нас не заставляют просидеть здесь целый марсианский год, пока планеты снова не приблизятся друг к другу. Что может быть хуже анабиоза на атомном

корабле?

— Брось ты эти глупости, — взорвался Элл. — Мне наплевать, что будет с первой экспедицией. Точка. Это была моя последняя тренировка. Я не хочу свихнуться от бессонницы только потому, что какому-то службисту кажется, будто проверка в сверхтяжелых условиях — единственно правильный метод тренировки. Если меня не снимут с испытаний, это будет равносильно убийству.

Он вскочил с койки, прежде чем Тони произнес хоть слово, и бросился к контрольному пульту. Как всегда, второй справа была кнопка «Экстренный случай», но они не знали, подключена она к системе оповещения или нет и получат ли они ответ, даже если связь существует. Элл без конца нажимал на кнопку. Они оба уставились на приемник, боясь перевести дыхание.

— Подлецы, мерзавцы, они не отвечают, — прошептал Элл.

Вдруг приемник ожил, и холодный голос полковника Стэгема наполнил рубку корабля:

— Условия испытаний вам известны. Причина для досрочного окончания испытаний должна быть весьма основательной. Итак?

Элл схватил микрофон и обрушил на полковника поток слов — жалобных и злых одновременно.

Тони сразу понял, что все бесполезно. Он знал, как Стэгем реагирует на жалобы. Динамик прервал Элла:

— Достаточно. Ваши объяснения не могут оправдать изменения предварительного плана. Все должны рассчитывать только на себя. Действуйте так и впредь. Я отключаюсь окончательно. До завершения испытаний вам не имеет смысла вступать со мной в радиосвязь.

Щелчок в репродукторе прозвучал как смертный приговор.

Элл рухнул на койку ошеломленный, по его щекам катились слезы гнева. Элл рывком вырвал микрофон из гнезда, швырнул его в динамик.

— Ну, полковник, дайте срок, кончится испытание — мои пальцы узнают, крепка ли ваша шея! — Он повернулся к Тони. — Передай-ка мне ящик аптечки. Я докажу этому идиоту, что после этих чертовых испытаний ему больше не удастся разыгрывать из себя героя.

В аптечке нашлись четыре ампулы с морфием. Одну из них он схватил, отбил головку, заправил в шприц и ввел себе в руку. Тони и не пытался удержать его, он был с ним полностью солидарен. Через две минуты Элл уже лежал на столе и храпел. Тони поднял напарника и перенес на

его койку.

Элл проспал почти двадцать часов; когда он проснулся, безумие и усталость разжали тиски, сжимавшие его. Оба не проронили ни слова о происшедшем. Элл подсчитал, сколько дней еще впереди, и тщательно разделил оставшийся морфий на дозы. Он принимал лишь третью часть нормальной дозы, но этого оказалось достаточно.

До старта осталось четыре дня, когда Тони обнаружил в песках первые признаки жизни. Существо величиной с кошку ползло по обшивке корабля. Он позвал Элла.

— Здорово! — сказал тот, наклонившись над неведомым созданием. — Но все же куда ему до того, которого они подсунули мне во время второй тренировки. Тогда я нашел какую-то змееподобную штуку, она выделяла что-то вроде клея. Хоть это и запрещено правилами, я разобрал ее — я чертовски любопытен. Здорово они ее сделали: шестеренки, пружины, моторчик и тому подобное, стэгемские техники не лыком шиты. А потом мне объявили выговор. За то, что ее разобрал. Может, оставим все как есть?

Тони совсем уж было согласился, но все-таки решил попробовать.

— А может, это как раз входит в правила игры? Давай посмотрим, что внутри. Я послежу за этой штуковиной, а ты принеси пустую коробку.

Элл, ворча, полез в корабль. Внешняя дверь хлопнула, и испуганное существо поползло в сторону Тони. Он вздрогнул и отошел. Потом сообразил, что перед ним всего-навсего робот.

— Да, фантазии этих техников можно только позавидовать, — пробормотал он.

Существо прошмыгнуло мимо Тони. Чтобы удержать его, Тони наступил на несколько ножек: из маленького тела росли тысячи крохотных ножек. Волнообразно шевелясь, они переносили существо по песку. Сапоги Тони расплющили ножки, несколько штук оторвалось.

Осторожно наклонившись, он поднял один из оторванных суставов. Он был твердым, с шипами внизу. Из места обрыва струилась жидкость, напоминавшая молоко.

— Реальность, — сказал он самому себе. — Да, в реальности техники Стэгема знают толк!

И тут ему закралась в голову мысль. Невозможная до жути мысль, заставившая его похолодеть от ужаса. Мысли бешено завертелись у него в голове, но он знал, что это невозможно, потому что не лезет ни в какие ворота. Однако он обязан

убедиться в этом, пусть даже механическая игрушка будет уничтожена.

Осторожно придерживая зверька ногой, он достал из кармана острый нож, нагнулся. Коротко, резко ударил.

— Что ты там копаешься, черт возьми? — спросил подошедший Элл.

Тони не мог ни пошевелиться, ни выговорить хоть слово. Элл обошел вокруг него и уставился на лежащее в песке существо. Секунду спустя он все понял и закричал:

— Оно живое! Из него течет кровь, никаких колесиков в нем нет. Оно не может быть живым, а если оно живое, значит мы вовсе не на Земле! Мы на Марсе!

Элл бросился бежать, потом упал с истошным криком. Тони решал и действовал молниеносно. Он знал, что все поставлено на карту. Малейшая ошибка может стоить жизни. В припадке безумия Элл погубит и себя, и его.

Стукнув Элла по кулаку, Тони размахнулся и изо всей силы ударил его прямо в солнечное сплетение. От удара заболела рука, а Элл медленно повалился на землю. Тони схватил его под мышки и поволок на корабль. Лишь когда он стянул с Элла скафандр и уложил напарника

на койку, Элл начал медленно приходить в себя. Тони никак не удавалось одной рукой держать Элла, а другой пустить в ход анабиозатор. Вот он изловчился, зажал ногу Элла, но, прежде чем игла вонзилась в живую плоть, обезумевший Элл успел трижды ударить его. Наконец Элл со вздохом упал навзничь, а Тони, пошатываясь, присел у его ног. Ручным анабиозатором можно было пользоваться в экстренных случаях, чтобы уберечь больного, пока им не займутся врачи на базе. И аппарат оправдал себя.

Но тут отчаяние охватило Тони.

Если зверек настоящий — значит они на Марсе.

Это вовсе не тренировочный — это настоящий полет. Небо над головой вовсе не нарисовано, это подлинное небо Марса. Тони был одинок, как еще никто до него. На миллионы километров вокруг ни души…

Закрывая наружную дверь, он завыл от страха, дико, пронзительно, как потерявшийся зверь. У него хватило самообладания лишь на то, чтобы доплестись до койки и привести в движение руку анабиозатора. Шприц из отличной стали легко прошел через материал скафандра. Тони едва успел отвести руку со шприцем в сторону, как

провалился во мрак…

С трудом поднял веки. Он опасался, что вновь увидит над головой переборку корабля со сварочными швами. Но увидел белоснежный потолок лазарета и облегченно вздохнул. Повернув голову в сторону, встретился глазами с полковником Стэгемом, сидевшим на его кровати.

— Ну как, удалось? — спросил Тони. Он не спрашивал, а скорее утверждал.

— Удалось, Тони. Обоим. Элл лежит рядом с тобой…

В голосе полковника звучали какие-то новые нотки, но Тони не сразу распознал их. Просто впервые полковник говорил с ним без озлобления:

— Первый полет на Марс. Можете себе представить, чего только не напишут газеты. Но важнее то, что говорят ученые. Анализы и ваши записи — просто клад. Когда вы установили, что вы не на тренировке?

— На двадцать четвертый день, когда увидели марсианского зверька. Ну и маху же мы дали! И как только не заметили раньше? — В голосе Тони звучала досада.

— Вот еще! Все испытания к тому и сводились, чтобы в подобной ситуации вы ничего не заме-

тили. Мы не были уверены, можно ли послать в космос космонавтов, не сообщая им правды. Но такое допущение делали. Психологи были убеждены, что удаленность от Земли и растерянность сделают свое черное дело. А я все не соглашался с ними.

— Но ведь они оказались правы, — выдавил из себя Тони.

— Теперь-то мы это знаем, но в свое время я никак не мог с ними согласиться. Психологи одержали верх, и мы составили обширную программу полета в соответствии с их данными. Я, правда, сомневаюсь, что вы это оцените, но нам пришлось приложить массу усилий, чтобы убедить вас, будто вы все еще на тренировке.

— Извините, что мы доставили вам столько неприятностей, — сказал Элл.

Полковник слегка покраснел — он ощутил горечь в словах космонавта. Но продолжал говорить, словно ничего не слышал:

— Оба разговора, которые я якобы вел с вами, были, разумеется, записаны на пленку и прокручены прямо в космическом корабле. Психологи составили текст, который подошел бы к любой ситуации. Второй разговор предназначался для того, чтобы рассеять сомнения, если они возник-

нут, и окончательно придать ситуации ореол правдоподобия. Затем мы подготовили все для глубокого анабиоза, который на девяносто девять процентов приостанавливает деятельность организма; ни о чем подобном раньше не сообщалось. Да еще на порезанную щеку Тони нанесли антикоагулянты — все это, чтоб вы не поняли, сколько времени провели в полете.

— А корабль? — спросил Элл. — Мы же видели его — он был готов лишь наполовину!

— Муляж, — ответил полковник. — Для публики и иностранных разведок. Настоящий корабль построен и испытан несколько месяцев назад. Самым трудным было подобрать экипаж корабля. То, что я рассказывал вам о провалах остальных кандидатов, чистая правда. Лучшими оказались вы оба. Но больше мы никогда не прибегнем к таким методам. Психологи утверждают, что следующим экипажам будет гораздо легче: у них то психологическое преимущество, что перед ними в космосе уже были люди. Абсолютной неизвестности больше нет. — Полковник на мгновение прикусил губу, а потом выдавил из себя слова, которые вертелись у него на языке: — Я хотел бы, чтобы вы поняли… оба… что мне было бы легче лететь самому, чем вот так посылать вас.

Я знаю, что у вас на душе… Как будто мы позволили себе…

— …межпланетную шуточку, — закончил за него Тони. Прозвучало это очень мрачно.

— Да, что-то вроде этого, — с жаром защищался полковник. — Догадываюсь, что эта шуточка низкого пошиба. Но разве вы не понимаете, что мы не могли иначе, что вы были единственными, на кого мы могли положиться, все остальные не выдержали. Остались вы двое, и мы обязаны были избрать самый надежный путь. Только я и еще трое людей знают, что произошло. И никто никогда не узнает, могу вам гарантировать!

Голос Элла прозвучал негромко, но он, словно ножом, пронзил тишину:

— Будьте уверены, полковник, уж мы-то никому об этом не расскажем.

Полковник Стэгем вышел из комнаты, низко опустив голову, не в силах взглянуть в глаза первым исследователям Марса.

Рука закона

Перевод Г. Корчагина

Огромный, похожий на гроб фанерный ящик вместе с содержимым, пожалуй, весил добрую тонну. Доставивший груз крепыш просто выгрузил его из кузова у дверей полицейского участка и без единого слова двинулся к кабине. Я оторвался от рутинной писанины и крикнул вслед водителю:

— Эй, какого черта?! Ты что привез?

— Почем я знаю? — отозвался он, забираясь в машину. — Мое дело — доставка, рентгеном вещи не просвечиваю. Все, что мне известно, — груз с Земли, прибыл с утренней ракетой.

Он от души дал по газам и умчался, оставив за собой тучу рыжей пыли.

— Вот же клоуны, — проворчал я под нос. — Проходу на Марсе нет от затейников.

Я вышел наружу, и сразу на зубах заскрипела пыль. На шум из своего кабинета выскочил шеф Крэйг, и теперь я стоял и разглядывал ящик не в одиночестве.

— Думаешь, взрывное устройство? — поинтересовался он скучающим тоном.

— Такой величины? Да и кому нужно нас взрывать? И везти взрывчатку аж с Земли?

Он кивнул, согласившись с моими доводами, прошелся вокруг ящика и нигде не обнаружил адрес отправителя. Пришлось отыскать в нашем хозяйстве ломик, и я взялся снимать крышку. Мне это удалось, хоть и пришлось повозиться.

Вот тогда-то мы и увидели Неда в первый раз — и были бы несказанно счастливы, если бы он оказался и последним. Как же мы потом раскаивались, что не вернули крышку тотчас на место и не отправили посылку назад, на Землю! Теперь-то я хорошо понимаю, что означает выражение «ящик Пандоры».

Вместо этого мы стояли и таращились, как последние олухи. А Нед лежал не шевелясь и смотрел на нас.

— Робот! — смекнуло начальство.

— Очень тонко подмечено — сразу видно выпускника полицейской академии.

— Ха-ха-ха! Теперь твой ход: выясни, для чего он здесь.

Я в академии не учился, но это не помешало мне найти конверт. Он торчал из толстой книги,

которая лежала в одном из отсеков ящика. Крэйг без малейшего энтузиазма ознакомился с сопроводительным письмом.

— Так-так… Компания «Юнайтед роботикс» провела мозговой штурм и пришла к выводу, что роботы, будучи использованы надлежащим образом, окажут неоценимую помощь полиции… Нас просят принять участие в полевых испытаниях… «Предлагаемый нами робот — новейшая экспериментальная модель стоимостью сто двадцать тысяч кредитов».

Мы дружно заглянули в ящик и пожалели, что там лежат не эти сумасшедшие деньги, а всего лишь механизм. Крэйг помрачнел и зашевелил губами, молча дочитывая письмо. Я тем временем ломал голову, как мы достанем робота из его фанерного гроба. Экспериментальная железяка, судя по всему, весила немало. Окраска цвета морской волны имитировала полицейский мундир, выходные панели, крепления для экипировки и тому подобная фурнитура была позолоченной. Кроме шуток, машина здорово смахивала на копа при исполнении служебных обязанностей. Похоже, ее изобретатели недаром ели свой хлеб. Роботу не хватало только значка и пистолета.

Тут я заметил в его глазных линзах слабое сия-

ние. Мне и в голову не приходило, что штуковина могла прибыть к нам уже включенной.

Пожалуй, мы ничего не потеряем, если проведем небольшой эксперимент.

— Вылезай из ящика, — велел я.

Робот вылетел со скоростью ракеты и, совершив точный маневр, приземлился в двух футах передо мной. Лихо козырнув, он доложил:

— Полицейский экспериментальный робот, серийный номер Икс-пэ-о четыреста пятьдесят шесть девятьсот тридцать четыре би, приступает к исполнению служебных обязанностей, сэр.

От рвения у него аж дрожал голос, и я вроде бы слышал гул напряженных стальных мышц. Пусть шкура робота из нержавеющей стали и вместо мозгов пучок проводов, но докладывает он в точности как новоиспеченный полицейский. И наличие человеческого роста, двух рук, двух ног и мундира из краски только прибавляет сходства. Чуть прищурь глаза, и перед тобой живой коп-салажонок, полный энтузиазма вчерашний курсант. Пришлось даже головой потрясти, чтобы избавиться от иллюзии. Это всего лишь шесть футов железа, механический болван, которого яйцеголовые ребята изобрели забавы ради.

— Расслабься, Нед, — велел я.

А он знай стоит столбом, отдавая честь.

— Полегче, парень, не торопись нажить грыжу выхлопной трубы. Между прочим, я всего лишь сержант, а здесь присутствует сам шеф полиции.

Нед четко повернулся и скользнул к Крэйгу все с той же быстротой хорошо смазанной молнии. Шеф таращился на робота, как на чертика, выскочившего из-под капота машины. Нисколько не тушуясь, Нед повторил доклад.

— Интересно, он только козырять и рапортовать умеет или еще что-нибудь? — проговорил Крэйг, обходя вокруг робота с любопытством собаки, изучающей пожарный гидрант.

— Разрешенные экспериментальным полицейским роботам служебные функции, оперативные мероприятия и линии поведения изложены в «Руководстве по эксплуатации», страницы со сто восемьдесят четвертой по двести тринадцатую. — Голос на секунду-другую стал невнятным — Нед наполовину залез в свой ящик и вернулся с упомянутой книжицей. — Подробное описание возможных отклонений от санкционированной деятельности вы найдете здесь же, страницы от тысяча тридцать пятой до тысяча двести шестьдесят седьмой включительно.

Шеф, которому редко удавалось полстраницы

в журнале комиксов прочесть за один присест, вертел в руках шестидюймовой толщины том с таким видом, словно хотел растерзать его зубами в клочья. Оценив вес «Руководства» и прочность переплета, он бросил книгу на мой стол.

— Разберись с этим, — велел Крэйг и направился в свой кабинет. — И с роботом тоже. Найди ему какое-нибудь применение.

Мой начальник никогда не отличался умением надолго сосредоточиваться на службе, и сейчас ресурс его трудолюбия был уже вычерпан без остатка.

Не зная, с чего и начать, я рассеянно листал страницы. В жизни так мало имел дела с роботами, что разбирался в них как свинья в апельсинах, а то и похуже. «Руководство» изобиловало сложными математическими формулами, монтажными схемами, девятицветными технологическими картами и тому подобным. Сколько же времени нужно, чтобы вникнуть во все эти премудрости? Пожалуй, я пока не готов браться за такую работу.

Закрыв и бросив книгу на стол, я вперил суровый взгляд в нового жителя города Найнпорта.

— Метла за дверью. Как ею пользоваться, знаешь?

— Так точно, сэр.

— А раз знаешь, подмети в этом помещении, и старайся поменьше пылить.

Он со всем усердием приступил к выполнению поставленной задачи. А я наблюдал, как механическое изделие ценой сто двадцать тысяч кредитов сооружает аккуратную горку из пыли и окурков, и недоумевал, почему робота прислали именно к нам, в Найнпорт. Неужели потому, что во всей Солнечной системе мы самое малочисленное и малозначительное подразделение полиции? Инженеры небось искали для полевых испытаний своего детища участок в захолустье. Если так, то они угодили в яблочко. Найнпорт — стопроцентная медвежья дыра.

Кстати, мое присутствие здесь объясняется именно этим фактом. Для иллюзии надлежащей работы участка в нем должен служить хотя бы один настоящий коп, так рассудило высокое начальство. Максимум, на что способен шеф полиции Алонсо Крэйг, — это взять на лапу, не рассыпав деньги.

Еще у нас двое патрульных, один стар и почти всегда пьян, другой так молод, что еще прыщи не сошли с физиономии.

Я же десять лет прослужил на Земле, в полиции

метрополии. Почему не остался там — это никого не касается. За все ошибки прошлого я плачу своим настоящим — здесь, на Марсе.

Найнпорт на самом деле не город, а всего лишь остановка. В нем ненадолго задерживаются пассажиры космических рейсов. Конечно, тут есть и постоянные жители, совсем немного, — должен же кто-то обслуживать приезжих. Гостиничная обслуга, персонал казино, борделей и кабаков — такого рода публика. В космопорту садятся только грузовые корабли, забирают металл, который еще добывается на оставшихся рудниках. Наведываются сюда за припасами поселенцы. Так и подмывает сравнить Найнпорт с пассажиром, опоздавшим на свой рейс. Лет через сто трудно будет сказать, существовал ли он вообще, — так мало останется торчать из песка.

Я-то уж точно столько не проживу, поэтому судьба этого города мне безразлична.

Ладно, пора возвращаться к рутине. Пять алкашей в камере, стандартный вечерний улов. Пока я их оформлял, Толстяк притащил из космопорта шестого.

— Заперся в женском туалете, оказал сопротивление полиции, — доложил патрульный.

— Ясно, дебош в нетрезвом состоянии. Тащи

нарушителя к остальным.

Полубесчувственное тело поплелось в направлении камеры; конвоир плелся рядом, будто нарочно копируя движения своей жертвы. Меня всегда поражало умение Толстяка управляться с пьяными — сам-то он при этом не бывал трезвее ни на йоту. Я ни разу не видел его упившимся до потери сознания — как, впрочем, и совершенно трезвым. И залитые зенки всегда оставались зоркими: в какую бы щель ни заполз алкаш, непременно разыщут. Должно быть, к одним и тем же убежищам и нарушителей порядка, и их ловца приводили одни и те же инстинкты.

За шестым задержанным лязгнула железная дверь, и Толстяк заковылял обратно.

— Это еще что за диво? — углядели Неда мутные глаза, сидящие над пунцовым носом.

— Робот. Не помню, какой номер дала ему мамаша на фабрике, так что будем звать его Недом. Теперь он служит с нами.

— Вот и славно! Когда выгоним из камеры босяков, Нед там приберется.

— Это моя обязанность, — заявил вошедший в переднюю дверь Билли.

Он сжимал дубинку и улыбался; глаза из-под козырька фуражки глядели хмуро. Не сказать что

он был совсем дурак, просто сила у таких парней не в мозгах, а в мышцах. Но и от мышц в нашем деле бывает польза.

— С этого дня уборка — на Неде, а ты идешь на повышение. Будешь мне помогать кое в чем.

Мое объяснение успокоило молодца, и он уселся рядом с Толстяком — смотреть, как прибирается Нед.

Так продолжалось примерно неделю. Робот подметал и протирал, участок все больше смахивал на стерильную больницу, мы не могли налюбоваться. Шеф, вконец запустивший бумажную работу, догадался поручить ее Неду, и тот беспрекословно взялся сортировать и подшивать накопившиеся тонны донесений, отчетов и прочих документов. Без дела роботу сидеть не приходилось, и вскоре мы так привыкли к его возне, что почти не замечали ее. Свой фанерный гроб он перетащил в кладовку, устроил там себе уютную спаленку. Поручения Нед выполнял исправно, а все остальное нас не заботило. «Руководство» так и лежало забытым на моем столе. Если бы я удосужился его почитать, наверное, наступившие вскоре перемены не стали бы для меня таким огромным сюрпризом. Мы ведь не имели ни малейшего представления о том, что

может и чего не может этот робот. Нед прекрасно сочетал должности больничного санитара и конторского клерка, и в этом качестве вполне нас устраивал. Так бы и продолжалось, не будь наш шеф слишком ленив.

Было примерно девять вечера, начальник уже собирался ехать домой, как вдруг зазвонил телефон. Крэйг снял трубку, послушал, положил.

— Винный магазин Гринберга. Опять налет. Старик просит немедленно приехать.

— Что-то новенькое. Обычно о налете мы узнаем только через месяц. Спрашивается, за что Гринберг платит Китайцу Джо, если тот не обеспечивает защиту? Почему сейчас такая спешка?

Шеф задумчиво пожевал вислую губу и очень неохотно принял решение:

— Сгоняй, выясни, что там стряслось.

— Это можно. — Я потянулся за фуражкой. — А ты подежуришь тут до моего возвращения, больше ж некому.

— Нет, так не годится, — заныл он. — Я есть хочу, аж помираю, долго не выдержу.

— Я отправлюсь по вызову и произведу дознание. — К нам строевым шагом приблизился Нед, отлично смазанная конечность эффектно отдала честь.

Поначалу Крэйгу эта идея не понравилась, с таким же успехом ему мог бы предложить свои услуги оживший кулер для воды.

— И как же ты собираешься производить дознание? — проворчал он, осаживая невесть что возомнивший о себе кулер.

Но напрасно шеф облек иронию в форму вопроса. Нед без единой запинки оттарабанил регламент следственно-дознавательных действий, осуществляемых сотрудником полиции на месте кражи или вооруженного ограбления. По стеклянному блеску вытаращенных глаз я легко догадался, что Нед переступил узкие границы начальственных познаний.

— Хватит! — рявкнул наконец раздосадованный шеф. — Раз уж ты у нас такой грамотный, почему еще не на вызове?

Сразу вспомнилось, как в школе мы подначивали всезнаек: «Если ты такой умный, почему такой бедный?» Нед подобные вещи воспринимал буквально. Он встал по стойке смирно.

— Прошу подтвердить: мне поручено отправиться на место ограбления, произвести дознание и составить отчет?

— Ну да, — брякнул шеф только для того, чтобы отделаться от робота, и синий силуэт исчез в

дверях.

— А он, похоже, смышленей, чем выглядит, — сказал я. — Даже не спросил, где находится винный магазин Гринберга.

Начальник кивнул, и снова зазвонил телефон. Крэйг инстинктивно поднял трубку — он так и не успел снять с нее ладонь. Послушал несколько секунд и побледнел так, будто из него выкачали кровь через пятки.

— Налет продолжается, — пролепетал наконец Крэйг. — Это приказчик Гринберга звонит, спрашивает, где же наряд. Он прячется в чулане под столом…

До конца я не дослушал, потому что пулей вылетел из участка и запрыгнул в машину.

Бог знает что могло бы произойти, окажись там Нед раньше меня. Стрельба, гибель людей — все, что угодно. А отвечать пришлось бы нам с Крэйгом. Это кто ж до такого додумался — вместо наряда полиции отправить жестяного робота? Пускай задачу Неду ставил шеф, угроза моему благополучию читалась так же ясно, как если бы ее написали на лобовом стекле.

На Марсе не жарко, и это еще мягко сказано. Тем не менее я обливался потом.

В Найнпорте четырнадцать правил дорожного

движения, и я нарушил их все, проехав один-единственный квартал. Но как я ни спешил, Нед оказался на месте раньше. Повернув за угол, я увидел, как он входит в магазин Гринберга.

Моя машина остановилась с визгом тормозов. Я вбежал следом за роботом, но для меня осталось лишь место на галерке — впрочем, не защищенной от пуль.

Бандитов было двое, один хлопотал над прилавком, точно продавец, другой маячил слева. Оружие они прятали, но стоило синей фигуре Неда вломиться в магазин, у них не выдержали нервы. Вскинулись стволы, словно дернул за ниточки невидимый кукловод, и Нед застыл как вкопанный. Я тоже схватился за пистолет. Вот сейчас через окно ко мне вылетят куски полицейского робота…

Однако тот обладал великолепной реакцией. Так ведь на то и робот!

— БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ! ВЫ АРЕСТОВАНЫ!

Должно быть, он врубил динамики на полную мощность, — у меня едва не лопнули барабанные перепонки.

Результат оказался вполне предсказуем — громилы сразу открыли огонь. Со звоном разлетелось окно магазина, и я поспешил залечь. По звуку уда-

лось определить, что у налетчиков гранатометы пятидесятого калибра. Под такой снаряд лучше не попадать: если пуля пробьет вас насквозь, то он разорвет в клочья.

Но Неда, похоже, это обстоятельство нисколько не обескураживало. Он лишь на миг задержался, чтобы защитить глаза, — из узкой прорези выскользнул и опустился тонкий щиток. А уже в следующую секунду робот устремился в атаку.

Все-таки я недооценивал его скорость. Дважды в него попали, пока он пересекал помещение, но снова прицелиться одному из бандитов не удалось, — молниеносный залом руки, и оружие выхвачено из ослабевших пальцев. Такими же отточенными движениями Нед поместил гранатомет в отсек, из которого выхватил наручники, чтобы защелкнуть их на запястьях преступника.

Второй злодей устремился к выходу, где я подготовил ему теплую встречу. Но обошлось без моего участия — громила и полпути не одолел, как вдруг перед ним вырос Нед. Удар со всей силы… Робот даже не пошатнулся; налетчик вытаращился на него, не веря глазам. Не успев опомниться, бандит оказался на полу возле напарника, тоже с наручниками.

Я вошел, забрал у Неда трофейное оружие и

оформил арест как полагается. Только это и увидел Гринберг, который выполз из-под прилавка, но в качестве свидетеля он тем не менее вполне годился. Пол магазина был сплошь покрыт битым стеклом, а пахло как в бутылке «Джека Дэниелса». Старик завыл по-волчьи над своим пропавшим добром.

О телефонном звонке он ничего не знал, но тут со склада притащился прыщавый юнец, и я устроил ему допрос с пристрастием. Как выяснилось, к нам парень обратился чисто по наивности. У Гринберга он проработал без году неделя, и ему не хватило ума сообразить, что при налете надо звонить не в полицию, а ребятам, взявшимся обеспечить охрану. Я велел старику провести с мальчишкой воспитательную работу — пусть знает, что без его самодеятельности магазин не подвергся бы разгрому. Потом вытолкал наружу незадачливых грабителей и запихал их в машину. Робот расположился с ними позади, и всю дорогу они сидели плотной кучкой, как беспризорники в грозу. На угрозы и требования Нед не реагировал, зато вынул из бедра аптечку и перевязал бандиту дырку, проделанную отрикошетившим осколком и в суматохе никем не замеченную.

Мы вернулись в участок; шеф так и сидел, бледный точно полотно. Побелеть еще сильнее было попросту невозможно, но при нашем появлении Крэйгу это удалось.

— Ты их арестовал! — произнес он упавшим голосом.

Не успел я доложить о случившемся, как у начальника возникла еще более страшная догадка.

— Вы из банды Китайца Джо? — произнес он, схватив за рубашку и подтянув к себе ближайшего налетчика.

Тот решил отмолчаться и сразу поплатился за эту ошибку — получил от Крэйга такую оплеуху, что искры из глаз посыпались. Когда же вопрос был повторен, задержанный дал утешительный ответ:

— Не знаю я никаких китайцев. Мы первый день в городе, решили…

— Гастролеры пожаловали. — Шеф перевел дух и расслабленно откинулся в кресле. — А ну-ка, запри их и расскажи в двух словах, что стряслось.

Я лязгнул дверью камеры и указал на Неда слегка дрожащей рукой:

— Вот он, герой. Обезоружил их и заломал голыми руками. Не робот, а сущий ураган на службе добру в нашем не больно-то добром обществе.

Вдобавок пуленепробиваемый.

И провел пальцем по широкой груди Неда. В местах попаданий слетела краска, но на металле не осталось даже царапин.

— Похоже, у меня проблемы, — простонал Крэйг. — Да еще какие.

Я знал, что он имеет в виду банду, подрядившуюся охранять лавку Гринберга. Банде не нравится, когда арестовывают налетчиков, да еще со стрельбой. Но Нед обеспокоенность начальства расценил совсем иначе и поспешил предложить свою помощь:

— Никаких проблем нет. Мною не нарушен ни один закон роботехники — отвечающие за их соблюдение контуры действуют совершенно автоматически. Когда человек поднимает оружие с целью насилия, он тем самым нарушает законы, предназначенные как для роботов, так и для людей. Я не причинил травм задержанным, всего лишь обезвредил их.

Все это явно не умещалось в начальничьих мозгах, но я, кажется, понимал, о чем говорит Нед. И даже поинтересовался, как робот — машина — может разбираться в насильственных действиях и применении законов. У того был готов ответ:

— Эти функции были делегированы роботам

много лет назад. Разве авторадар не следит за соблюдением правил дорожного движения? Робот-алкотестер лучше оценит трезвость нарушителя, чем задерживающий его инспектор полиции. Было время, когда роботам доверяли самостоятельно выносить решения насчет лишения жизни. Пока не вступили в действие законы роботехники, широко использовались компьютеризованные прицелы. Последняя ступень их эволюции — полностью автономная батарея крупнокалиберных зенитных орудий. Автоматический радар обнаруживал все летательные аппараты в ее зоне поражения, и если какой-нибудь самолет не отвечал правильным идентифицирующим сигналом на запрос, компьютер просчитывал его курс, автомат заряжания подавал снаряд в ствол, робот производил выстрел.

Надо отдать должное Неду, аргументы он приводил железные. Единственное, что малость раздражало, — это профессорский тон. Я решил пойти с главного козыря:

— Но робот не может заменить полицейского. У нас сложная работа, выполнять ее могут только люди.

— Вы, безусловно, правы, но полицейский

робот нужен вовсе не для того, чтобы заменить на этой службе человека. Я ведь, в сущности, выполняю задачи многочисленных предметов полицейского снаряжения, объединяю их функции и гарантирую быстрое применение. Также могу быть полезен в чисто механических процедурах обеспечения правопорядка. Арестовывая преступника, вы на него надеваете наручники. Если эту задачу поручить мне, она будет исполнена без малейших моральных колебаний. В этом случае я всего лишь машина для надевания наручников…

Я поднял руку, останавливая поток аргументов. Нед под завязку набит фактами и цифрами, ввяжешься в дискуссию с таким умником — сам не будешь рад. Задержание он произвел по всем правилам, тут комар носу не подточит. Но есть и другие законы, помимо тех, что собраны в книгах.

— Китайцу Джо это наверняка не понравится, — пробормотал Крэйг, вторя моим мыслям.

Закон клыка и когтя. Его нет в юридических сводах, зато он есть в Найнпорте. Город достаточно велик, чтобы в нем наплодилась уйма игорных заведений, домов терпимости и низкопробных кабаков. И всем этим хозяйством заправляет Ки-

таец Джо. А заодно помыкает и нашим участком. Мы, блюстители порядка, у него в кармане, и не будет преувеличением сказать, что жалованье нам платит мафия.

Но не станешь же такое объяснять роботу.

— Да, Китайцу Джо это не понравится.

Сначала я решил, что слышу эхо, затем понял, что голос раздался в дверях за моей спиной. Кто-то позвонил Алексу, правой руке Китайца Джо, и он наведался к нам — шесть футов мышц, костей и неприятностей. Глядя на шефа, он изобразил улыбку, от которой тот глубоко вжался в кресло.

— Китаец Джо хочет получить ответ на вопрос, почему наши резвые легавые носятся по городу, хватают людей и позволяют им стрелять по бутылочкам. Ему не нравится, когда уничтожают дорогое пойло. Он говорит, что наслушался вашего трепа и теперь вам придется…

— Я, робот, подвергаю вас аресту согласно девятнадцатому параграфу сорок шестой статьи пересмотренного уложения о…

Мы даже не успели заметить, как Нед перешел от слов к делу. Прямо у нас на глазах он арестовал Алекса и подписал наш смертный приговор.

Алекс был шустрый малый. Пока оборачивался взглянуть, кто его сцапал, он успел выхватить

пушку. Да еще и пальнул разок, точно в грудь Неду. А потом робот изъял у него оружие и надел наручники. Мы с Крейгом смотрели разинув рот, а Нед оглашал причину задержания, и клянусь, в его голосе звучала удовлетворенная нотка:

— Арестованный Питер Ракьёмский, кличка Алекс Топор, объявлен полицейским управлением Канал-Сити в розыск за вооруженное ограбление и попытку убийства. Также разыскивается полицией Детройта, Нью-Йорка и Манчестера за…

— Отцепите от меня эту штуку! — взвыл Алекс.

Мы бы так и сделали, и на том инцидент был бы исчерпан, если бы Бенни Жук не услышал выстрел. Он просунул в дверь голову, и увиденного хватило, чтобы глаза вылезли из орбит.

— Алекс!.. Алекса замели!

Он метнулся прочь. Я выскочил следом, но его уже и след простыл. Ребята Китайца Джо всегда ходят парами. И через десять минут босс будет знать о случившемся.

— Оформляй задержание, — сказал я Неду. — Мы ничего не выиграем, если отпустим Алекса. Конец света, считай, уже наступил.

Тут вошел Толстяк, что-то бубня под нос. Увидев меня, ткнул большим пальцем назад, в сторону

выхода.

— Что стряслось? Малыш Бенни Жук драпанул на своей тачке как черт от ладана, не расшибся бы часом.

Тут Толстяк заметил Алекса с «браслетами» и протрезвел в одну секунду. Лишь самую малость постояв с отпавшей челюстью, он принял решение. Совершенно твердой поступью он подошел к Крэйгу и бросил на стол значок.

— Мне много лет, и я злоупотребляю спиртным. Такие люди не годятся для службы в полиции. А потому подаю в отставку. Если парень, что в наручниках, тот, о ком я думаю, и если я немедленно не уберусь отсюда, то и на лишний день не состарюсь.

— Ах ты крыса! — в отчаянии процедил я сквозь зубы. — Бежишь с тонущего корабля! Самая настоящая крыса!

— Скули, скули, — бросил Толстяк и ушел.

Шеф впал в прострацию. Он и бровью не повел, когда я взял со стола значок. Не знаю, что мною двигало, возможно, я просто чувствовал, что так будет правильно. Кашу заварил Нед, и я до того разозлился, что решил: пусть он же и расхлебывает. На грудной панели у него было два кольца, и я не удивился, когда застежка значка точно

совпала с одним из них.

— Ну вот, теперь ты настоящий коп.

Мне бы следовало догадаться, что роботы невосприимчивы к сарказму. Нед принял мои слова за чистую монету.

— Это очень высокая честь — не для одного меня, а для всех роботов. Обещаю выполнять служебные обязанности надлежащим образом.

Ну прямо Джек Армстронг[2] в жестяной шкуре. Клянусь, у Неда в животе счастливо жужжали шестеренки, пока он оформлял задержание Алекса.

Я бы тоже порадовался за новоиспеченного блюстителя порядка, не будь наши дела так плохи.

В теле Неда снастей для полицейской работы хранилось больше, чем во всем Найнпорте. Из бедра выскочила дактилоскопическая подушечка, робот ловко провел по ней пальцами Алекса и поставил отпечатки на карточку. Потом он держал арестанта на расстоянии вытянутой руки, а у самого в груди что-то щелкало. Нед повертел Алекса перед собой так и этак, и из прорези в корпусе выпало два моментальных снимка. Их робот прикрепил к карточке, куда затем вписал

---

[2] Примечания: 2

Герой популярного радиосериала «Jack Armstrong, the All-American Boy» (1933–1951).

обстоятельства задержания. Я мог бы еще долго любоваться на его работу и дивиться техническим новинкам, но заставил себя отойти. Надо было заняться более важными делами. В первую очередь решить вопрос выживания.

— Шеф, какие предложения?

Услышав протяжный стон, я понял, что другого ответа не будет.

Вскоре пришел Билли, я быстренько ознакомил его с ситуацией, и он решил остаться. Уж не знаю, глупость повлияла на его решение или смелость, но я был горд за парня и рад тому, что наши силы больше не тают. Нед запер последнего задержанного и взялся за приборку.

Обстановка снова сделалась будничной, и так продолжалось, пока не явился Китаец Джо. И хотя мы его ждали, все равно оказались застигнуты врасплох. Он прибыл со свитой из отборных громил, и те столпились в дверях — ни дать ни взять перекормленная бейсбольная команда. Впереди стоял главарь в халате китайского мандарина, руки прятались в длинных рукавах. На азиатском лице не читалось никаких эмоций. Он не собирался тратить время на разговоры с нами. Сразу отдал команду своим подручным:

— Приберитесь тут. Скоро прибудет новый шеф,

и я не хочу, чтобы ему мозолили глаза безработные ханыги.

Меня эти слова здорово разозлили. Я хоть и беру взятки, но все-таки считаю себя полицейским, а не дешевой бандитской шестеркой. Личность Китайца Джо интересовала меня давно. Попытки что-нибудь разузнать о его прошлом результатов не дали, однако мой интерес с тех пор не пропал.

— Нед, присмотрись-ка к этому китайцу в банном халате из искусственного шелка и скажи, кто он такой.

— Это псевдоазиат, природная желтоватость его кожи усилена введением пигмента. Он не китаец. Глаза были сужены хирургическим путем — на лице заметны шрамы. Несомненно, он пошел на пластическую операцию с целью сокрытия своей настоящей личности. Бертильоновский анализ формы ушей и других черт лица позволяет произвести опознание. Этот человек находится в списке самых опасных преступников, разыскиваемых Интерполом. Его настоящее имя…

Китаец Джо вышел из себя, и понять его было можно.

— Что это за штуковина? Болтливый жестяной радиоприемник? Мы слышали о нем, и он нам здесь не нужен!

Банда частью прянула в стороны, частью залегла, и я увидел в дверном проеме опустившегося на колено парня с реактивным гранатометом на плече. Боеприпас, судя по его форме, был противотанковый. Это последнее, о чем я успел подумать. В следующий миг граната с шипением устремилась вперед.

Может, против танка такое оружие и эффективно, но не против робота. Во всяком случае, полицейскому роботу она оказалась нипочем. Когда взрыв разносил стену в щебень, Нед уже скользил на животе к дверному проему. Второго выстрела не последовало. Металлическая ладонь обхватила базуку, и та стала не опаснее гнилой водопроводной трубы.

Тут Билли сообразил, что стрельба из гранатомета в полицейском участке противозаконна, и пустил в ход свою дубинку. Я держался рядом — разве можно пропустить такую потеху?! В суматохе потерял Неда из виду, но не боялся за него — этот парень нигде не пропадет.

Пару раз хлопнул пистолет с глушителем, раздался крик боли. Но больше никто не стрелял — в такой свалке запросто можно попасть в своего. Бандит по кличке Эдди Бруклин врезал мне по скуле рукояткой пистолета, а я кулаком размазал

ему нос по всей физиономии. Остальное было как в тумане, хотя помню, бездельничать мне не пришлось. Когда же туман рассеялся, оказалось, что в помещении я единственный остался на ногах, и то лишь благодаря стенке, к которой привалился.

С улицы вошел Нед, сопровождая Эдди Бруклина в наручниках. На бандите не было живого места; хотелось верить, что это моих рук дело. Робот аккуратно уложил его на штабель головорезов. Я пригляделся и понял, что все они тоже в «браслетах». Интересно, Нед сам штампует наручники или у него в ноге большой запас?

В нескольких футах обнаружилось кресло. Я сел, и сразу полегчало.

Парочка бандитов не стонала, и я предположил, что они мертвы. Один точно покойник, ему пуля попала в грудь. Наверное, это его кровью залито все вокруг.

Нед порылся в куче задержанных и вытащил из нее Билли. Тот был без сознания, но рука сжимала обломок дубинки, а на физиономии застыла широкая улыбка. Как мало этому парню нужно для счастья. Он не шевелился, пока Нед разрывал на нем штанину и бинтовал простреленную ногу.

— Преступник, называющий себя Китайцем

Джо, и его сообщник сбежали на автомобиле, — доложил Нед.

— Не расстраивайся, — прохрипел я. — Все равно ты здорово ведешь по очкам.

Только теперь я заметил, что шеф как сидел в кресле перед заварухой, так и сидит. Правда, немного поник и глаза у него стеклянные. На мой зов Алонсо Крэйг не откликнулся, и тут до меня дошло, что полиция города Найнпорта осталась без руководства.

Один-единственный выстрел. Малый калибр, скорее всего двадцать второй. Пуля вошла в сердце, вытекшая кровь впиталась в ткань мундира. Нетрудно догадаться, где прятался пистолетик, — в широком рукаве китайского халата.

Усталости и обморочной слабости как не бывало, их вытеснила злость. Может, это был не самый умный и не самый честный коп, но всяко он не заслуживал гибели от руки паршивого рэкетира, возомнившего, что ему стали поперек дороги.

Вот тогда-то я и сообразил, что пора принимать важное решение. Билли выбыл из строя по ранению, Толстяк дезертировал, Крэйг погиб, а значит, в полиции Найнпорта остался один-единственный человек. И мне, чтобы выбраться из этой переделки, достаточно выйти за дверь и

удалиться на приличное расстояние от участка. Там я буду в относительной безопасности.

Рядом прожужжал шестеренками Нед — он тащил в камеру очередную пару бандитов.

Может, на меня подействовал успокаивающе вид этой синей фигуры, а может, просто надоело уступать. Я принял решение еще до того, как это осознал, и, аккуратно сняв с груди Крэйга позолоченный значок, прикрепил его к собственному мундиру.

— Новый шеф полиции Найнпорта, — произнес я, ни к кому не обращаясь.

— Так точно, сэр! — отчеканил оказавшийся рядом Нед.

Он опустил на пол арестанта, чтобы козырнуть, и тотчас вернулся к работе. Я отдал ему честь.

Приехала «скорая», увезла раненых и убитых. Я внешне не реагировал на вопросительные взгляды медиков, а на самом деле злорадствовал. Когда доктор починил мне скулу и накормил аспирином, в голове окончательно прояснилось. Нед вооружился половой тряпкой и приступил к влажной уборке.

Наконец мне удалось привести мысли в порядок, и стало ясно, что теперь следует предпринять. Даже слишком ясно. Я тянул время, как мож-

но тщательнее перезаряжая пистолет. Потом сказал:

— Нед, пополни запас наручников. Мы выезжаем.

Как и полагается справному полицейскому, он не задавал вопросов начальству. Снаружи я запер дверь и вручил ему ключ.

— Держи. Очень может быть, что сегодня ты вернешься сюда один.

К логову Китайца Джо я вел машину самым длинным маршрутом. И все прикидывал, нет ли какого-нибудь иного выхода. Его не было. Совершено убийство, и я должен привлечь преступника к ответу. Значит, так тому и быть.

И все, что я мог сделать перед неминуемой схваткой, — это остановить машину за углом и проинструктировать Неда.

— В этом здании кабак и бордель, они принадлежат тому, кого мы будем звать Китайцем Джо, пока у тебя не появится возможность провести надлежащее опознание. Я сыт по горло его выходками. Сейчас мы с тобой проникнем туда, разыщем Джо и передадим в руки правосудия. Все просто, как видишь.

— Но не проще ли, — возразил Нед скучным профессорским тоном, — арестовать правона-

рушителя прямо сейчас, когда он выходит из машины, и не дожидаться его возвращения?

Упомянутая машина выскочила из переулка на скорости шестьдесят миль в час. Пока она вихрем проносилась мимо, я лишь успел оглянуться на Неда.

— Надо остановить! — Возглас, пожалуй, предназначался мне самому, поскольку я держал баранку, а Нед сидел сзади.

Попытка одновременно включить передачу и выжать газ привела к тому, что заглох двигатель.

Так что останавливать злодеев пришлось Неду. Мою фразу робот воспринял как приказ. Он высунул голову в окно, и я понял теперь, почему его арсенал находился по большей части в торсе. Возможно, там же прятался и мозг. Он бы просто не уместился в черепе, куда инженеры запихали безоткатное орудие семьдесят пятого калибра.

На том месте, где у человека нос, откинулась пластина, и высунулся толстый ствол. А ведь неплохая конструкторская идея — пушка аккурат между глаз, для удобства прицеливания.

Грохот был такой, что мне едва не снесло голову. Легко быть превосходным стрелком, когда у тебя вместо мозга компьютер. Два выстрела, два

пробитых задних колеса. Машина осела, повихляла и замерла посреди дороги. Нед мигом очутился рядом с ней; я за это время едва успел выбраться наружу. Злодеи больше не пытались бежать, при виде металлической головы с дымящимся дулом вместо носа они лишились остатков храбрости. Уверен, Нед специально не убрал пушку, — роботы всегда точно знают, что делают. Может, им в школе для роботов психологию преподают?

В машине сидели три бандита, и все они, как в последнем кадре вестерна, держали руки поднятыми. А в задней части салона лежала целая гора любопытных чемоданчиков.

Бандиты безропотно подчинились приказу выйти из машины. Китаец Джо только рычал, пока Нед докладывал мне, что настоящее имя этого человека Стэнтин, что в тюрьме города Элмайра, штат Нью-Йорк, ждут не дождутся его возвращения и держат в полной исправности электрический стул. Я охотно пообещал Джо-Стэнтину сегодня же оформить экстрадицию. Так даже проще — местные власти не будут совать мне палки в колеса. А судьбу подельников Китайца решит суд Канал-Сити.

В общем, денек выдался не из легких. Зато потом наши дела пошли на лад. Из больницы

выписался Билли и надел мои сержантские шевроны. Даже Толстяк вернулся, правда он теперь не пьет спиртного и боится смотреть мне в глаза. Работой мы не завалены — наш город нынче не только тихий, но и честный. По ночам Нед патрулирует на улицах, а днем возится в лаборатории или разбирается с бумагами. Полицейскому профсоюзу это может не понравиться, а Неду, похоже, все равно. Помятый в схватках корпус он отрихтовал, значок носит начищенным до блеска. Я в курсе, что роботы не умеют радоваться и грустить, но Нед выглядит счастливым. Готов поклясться, иногда я слышу, как он напевает за работой… Конечно, это всего лишь гул моторов и жужжание шестеренок.

А ведь если задуматься, произведя робота в полноценные офицеры полиции, мы тем самым создали прецедент. Подтвердить мое предположение могла бы выпустившая Неда фабрика, но ни один ее представитель пока не появлялся у нас в участке.

И вот что еще хотелось бы добавить. Я не собираюсь торчать всю жизнь в этом марсианском захолустье. Уже пришло несколько писем с предложением работы. Так что, возможно, вскоре вы очень удивитесь, увидев нового шефа полиции

города Найнпорта.

Я тебя вижу

Перевод А. Сагаловой

В своей черной мантии этот судья выглядел очень внушительно. Безупречной чистоты и гладкости хромированный череп лучился абсолютной непогрешимостью. Глубокий всепроникающий голос звучал так, словно устами служителя закона вещала сама судьба:

— Карл Тритт, настоящий суд признает вас виновным в полном соответствии с предъявленным иском. В день два миллиона сто восемьдесят две тысячи четыреста двадцать третий вы сознательно и злонамеренно совершили хищение из фонда заработной платы корпорации «Маркрикс» на сумму триста восемнадцать тысяч кредитов и предприняли попытку присвоения означенных средств. Ваш приговор — двадцать лет.

Последовал мощный удар судейского молотка, будто копером по свае. Звук отчаянно заметался в голове Карла. Двадцать лет! Стиснув онемелыми пальцами стальной барьер, Карл снизу вверх заглянул в электронные глаза судьи. Может, толика

сочувствия в них и мелькнула, но снисхождения уж точно ждать не приходится. Приговор вынесен и зафиксирован в Центральном блоке памяти. И обжалованию не подлежит.

Панель перед судейской скамьей резко отъехала в сторону, и бесшумная пневмопочта выплюнула главное вещественное доказательство: триста восемнадцать тысяч кредитов, все еще в зарплатных конвертах. Карл медленно поднял деньги, а судья наставил на него указующий перст:

— Вот украденные вами деньги. Потрудитесь вернуть их законным владельцам.

Ослабевшими руками прижимая к груди злосчастный пакет, Карл на ватных ногах покинул судебный зал. И погрузился в пучину отчаяния.

Не будь он полноправным гражданином мужского пола в возрасте двадцати пяти лет, наверняка бы разрыдался. Но двадцатипятилетние мужчины не плачут. Поэтому он лишь несколько раз шумно сглотнул.

Срок двадцать лет — вообще немыслимо! Почему именно он, Карл? Из всех людей на свете только ему выпадает такой суровый приговор — почему? Впрочем, мозг у Карла был дисциплинированный, так что ответ пришел мгновенно.

Потому что деньги украл, вот почему. Он отмахнулся от этой в высшей степени неприятной мысли и поплелся дальше.

В глазах стояли непролитые слезы, в носу и в горле противно щипало. Карл захлебнулся своим горем, на секунду позабыв, что идет по улице. Но тут же опомнился и смачно сплюнул.

Плевок едва успел долететь до идеально чистой поверхности тротуара, как пришел в движение дежуривший футах в двадцати мусорный бак. Машина мгновенно выпустила колесики и бесшумно подкатила к Карлу. Тот в ужасе прихлопнул ладонью рот, но было поздно: сделанного не воротишь.

Выпростав гибкую конечность, машина мигом привела тротуар в порядок. Бак присел, словно железный Будда, и в глубине его механических внутренностей пробудился скрипучий жестяной голос. Обращаясь к Карлу, мусорный бак проскрежетал:

— Карл Тритт, вы нарушили Муниципальный статут за номером ВД четырнадцать шестьсот шестьдесят восемь, совершив плевок на общественный тротуар. Вы приговариваетесь к двухдневному сроку наказания. Общий срок наказания теперь составляет двадцать лет и

два дня.

Парочка пешеходов застыла позади Карла и с отвисшей челюстью выслушала оглашение приговора. Карл практически читал их мысли. Настоящий приговоренный, подумать только! Больше двадцати лет! Они таращились на Карла со смесью восхищения и неприязни.

Карл кинулся прочь, прижимая пакет к груди, — лицо так и пылало от стыда. На видео эти осужденные всегда смотрятся так уморительно. Очень смешно мечутся, все не могут взять в толк, отчего это перед ними не открываются двери.

Только им самим при этом не до смеха.

Время ползло еле-еле — остаток дня Карл провел в каком-то туманном оцепенении. Он смутно помнил, как явился в корпорацию «Маркрикс», чтобы возвратить украденные деньги. Тамошние служащие были такие добрые, такие понимающие, что ему стало неловко. Но сейчас даже вся доброта мира не поможет ему скостить срок!

Он бесцельно слонялся по улицам, пока не вымотался вконец. На глаза попался бар: яркие огни, внутри клубится сигаретный дым — с виду очень оживленное и уютное местечко. Карл толкнул дверь — раз, другой, — а посетители умолкли и уставились на него сквозь стекло. Это

же действует приговор, сообразил Карл. Дверь не откроется. Люди внутри начали посмеиваться, и Карл убежал прочь. Хорошо хоть не нарвался на увеличение срока.

Добравшись до своей квартиры, Карл уже всхлипывал без стеснения — таким он был усталым и несчастным. Дверь послушно распахнулась, среагировав на знакомый отпечаток большого пальца, и захлопнулась за Карлом. Наконец-то он в надежном убежище!

И тут он заметил упакованные сумки.

На стене зажужжало пробудившееся видео. Карлу никогда не приходило в голову, что этой штуковиной можно управлять из Центра. Экран оставался темным, но из динамика лился знакомый синтетический голос.

— Для вас была отобрана одежда и все прочее, что необходимо осужденному, — вещал Контрольный орган по исполнению приговоров. — Ваш новый адрес вы найдете на сумках. Отправляйтесь туда немедленно.

Нет, это уже чересчур. Можно было даже не копаться в сумках, Карл и так знал: его фотоаппарат, книжки, модели ракет — все эти дорогие ему мелочи — в багаж для осужденного не попали. Он побежал в кухню, рванул сопротивлявшуюся

дверь. Голос из устройства, спрятанного где-то над плитой, заговорил снова:

— Ваши действия являются нарушением законодательства. Если вы прекратите немедленно, срок наказания увеличен не будет.

Да пусть болтают что хотят, плевать на запугивание! Трясущимися руками Карл распахнул дверцы буфета и дотянулся до бутылки виски. Едва он почувствовал соблазнительную гладь стекла, как бутылка выскользнула из пальцев и исчезла в потайном люке, которого Карл раньше не замечал.

Карл поплелся в коридор, а голос настойчиво бубнил ему в спину:

— Пять дней за попытку употребления спиртного напитка.

Да провалитесь вы все!

Такси и автобусы перед ним не останавливались, турникет метро выплюнул его монету, словно какую-то гадость. Делать нечего, пришлось тащиться к новому обиталищу на своих двоих — куда-то к черту на рога. Карл и думать не думал, что такие места существуют. В квартале, где ему предстояло поселиться, все было с каким-нибудь изъяном. Тротуары битые — явно нарочно, освещение тусклое. Отовсюду свисала

пыльная паутина, с виду совершенно неестественная.

В свою комнату он вскарабкался по лестнице — два марша, и каждая ступенька скрипит особенным скрипом. Даже не включив свет, Карл проковылял внутрь и уронил на пол сумки. Ноги уперлись в железную койку, и он с благодарностью на нее повалился. Изнеможение подарило ему крепкий сон.

Утром было страшно открыть глаза. Это все мне привиделось, твердил он себе, кошмар закончился, все позади. Но слишком уж холодным был воздух в комнате, слишком тусклый свет проникал сквозь веки. Все вокруг убеждало Карла: пришла беда. Тяжело вздохнув, он прогнал надежду и оглядел свое новое жилище.

Ну, хотя бы чистенько — больше, пожалуй, ничего и не скажешь. Кровать, стул, встроенный комод — вот и вся обстановка. С потолка свисает одна-единственная лампочка без абажура. На противоположной стене — большой металлический счетчик-календарь: 20 лет, 5 дней, 17 часов, 25 минут. Пока Карл разглядывал устройство, оно громко щелкнуло, и последнее число изменилось на 24.

Он даже ничего не почувствовал, настолько

был измучен вчерашними переживаниями. Чудовищность приговора все еще не умещалась в сознании. В полудреме Карл бессильно откинулся на подушку, но тут же подскочил как ужаленный — стена грянула:

— Завтрак подается в общественной столовой этажом выше. У вас десять минут.

Этот знакомый голос, уже без металлического оттенка, доносился из огромного динамика, расположенного футах в пяти от пола. Карл повиновался без раздумий.

Еда была однообразная, но сытная. В столовой завтракали и другие люди, мужчины и женщины, — все увлеченно поглощали пищу. Карл сразу сообразил, что это тоже осужденные. Он уткнулся в тарелку, дожевал завтрак и быстро вернулся к себе в комнату.

Стоило отворить дверь, как в него вперилась видеокамера, висевшая прямо над динамиком. Карл шел через комнату, и устройство, словно ружейный ствол, непрерывно поворачивалось следом. Огромная камера, и динамик тоже огромный — таких Карл никогда не видел. Хромированная трубка с шарнирами, на конце стеклянный глаз размером с Карлов кулак. Осужденный проводит дни в одиночестве, но не может побыть наедине

с собой.

Тут Карл снова подпрыгнул от неожиданности, потому что динамик заявил:

— Ваша трудовая повинность начинается в восемнадцать ноль-ноль. Вот адрес.

Из щели под счетчиком выскользнула карточка. Подцепить тонкий прямоугольник было не так-то просто, пришлось изрядно поскрести по полу ногтями. Адрес ни о чем Карлу не говорил.

Времени впереди предостаточно, а заняться особо нечем. Рядом лишь койка, которая в сложившейся ситуации выглядит весьма заманчиво. Карлу ничего не оставалось, как устало бухнуться на нее.

И что его дернуло украсть ту злосчастную зарплату? Хотя он-то знал что́. Уж очень хотелось кое-каких вещей, которые на жалованье техника-телефониста не купишь. И главное, дело казалось таким легким, таким верным. Черт бы побрал тот случай — если бы не он, ни за что бы Карл не впутался в такую историю. Воспоминания не давали покоя.

Нужно было всего-навсего расширить телефонную сеть в одном крупном бизнес-центре. Совершенно рядовое задание.

В первый раз он отправился туда один; на ста-

дии предварительного осмотра роботы обычно не нужны. Телефонные линии были проложены вдоль служебного коридора, в стороне от главного вестибюля. Он открыл неприметную дверь универсальным ключом и включил свет. По одной из стен тянулся лабиринт из проводов и распределительных коробок; провода сходились в кабели, которые терялись из виду в конце коридора. Углубившись в коммутационные схемы, Карл искал, где бы проложить новые провода. Задняя стенка казалась самым подходящим местом, чтобы прикрепить коробки. Карл постучал пальцем, проверяя, выдержит ли стена крупные шурупы. Стена оказалась полой.

Сначала Карл разозлился. Придется тянуть провода еще дальше — а это вдвое больше работы! Потом его разобрало любопытство: зачем нужна такая стена? Он изучил ее хорошенько: оказывается, это просто тонкая перегородка из подогнанных друг к другу секций. Одну такую секцию он отжал отверткой и увидел внутри что-то вроде стальной решетки, на которой держались металлические пластины. Предназначение конструкции он так и не понял, и вялое любопытство быстро улеглось. Карл вернул на место панель и занялся своим делом. А через некоторое время,

глянув на часы, отложил инструменты и отправился обедать.

В главном вестибюле ему сразу бросилась в глаза банковская тележка.

Он проходил достаточно близко и при всем желании не мог не заметить толстые конверты. Двое охранников выхватывали их из тележек и перекладывали в сейфы, вмонтированные в стену, — по конверту в каждую ячейку. Крепкая дверца громко хлопала, надежно запечатывая содержимое. При виде такой кучи денег у Карла болезненно кольнуло внутри. Только и всего.

Но потом, когда он вернулся с обеда, его внезапно осенило. От этой мысли Карл встал как вкопанный. Колебался он буквально долю секунды. Входя в коридор, украдкой бросил взгляд на курьера, который открывал один из сейфов. Карл притворил за собой дверь, а затем еще раз соотнес расположение стены, которую он вскрывал отверткой, и ячеек. Сомнений быть не могло: надежно запертые в вестибюле сейфы задними стенками выходят в служебный коридор. И с той стороны никак не охраняются.

Не сегодня, мгновенно смекнул он. Нельзя делать ничего такого, что вызовет подозрения. Тем не менее он позаботился о том, чтобы служебные

роботы попали в коридор с противоположного конца, через боковой проход, что примыкал к безлюдному вестибюлю на задах строения. Это позволило ему изучить ту часть здания. Более того, Карл даже заставил себя забыть о ячейках на целых полгода.

После этого он приступил к разработке плана. От случая к случаю ему выпадала возможность вести наблюдения; понемногу удалось собрать всю необходимую информацию. В сейфах хранилась заработная плата сотрудников многих крупных компаний, чьи офисы располагались в том бизнес-центре. Банковские курьеры закладывали деньги в ячейки по пятницам, ровно в полдень. Конверты начинали разбирать не раньше часа пополудни. Карл выяснил, куда помещают самый толстый конверт, и приготовился действовать.

Вначале все шло как по писаному. Без десяти двенадцать он закончил работу и отправился восвояси, прихватив инструменты. Ровно десять минут спустя, никем не замеченный, вошел в коридор через заднюю дверь. На руках были прозрачные и потому практически невидимые перчатки. В 12:10 он снял панель, прикрывающую выбранную им ячейку, и длинная отвертка,

которую он держал на уровне уха, уперлась в заднюю стенку сейфа. Стука дверей не слышно, значит в банке уже не осталось никого из персонала.

Тонкое пламя автогена входило в стальную стенку как в масло. Он вырезал ровный кружок и протолкнул его внутрь. Затем прихлопнул тлеющее пятно на конверте с деньгами и переложил его в другой конверт, извлеченный из инструментальной сумки. На этом новом конверте уже стоял его адрес и были наклеены марки. Сейчас вор выйдет из здания, и через минуту конверт окажется в почтовом ящике. Карл сделается богачом!

Он аккуратно уложил все инструменты и конверт в сумку и зашагал прочь. Точнехонько в 12:35 он вышел через заднюю дверь и запер ее за собой. В коридоре по-прежнему никого не было, так что у Карла оставалось несколько дополнительных секунд, чтобы взломать замок предусмотрительно запасенным инструментом. Ключ от этой двери есть у многих, но чем сильнее будут запутаны следы, тем лучше.

Карл даже насвистывал, шагая по улице.

А потом его схватил за плечо офицер службы порядка.

— Вы арестованы за кражу, — бесстрастно произнес полицейский.

У Карла на миг остановилось сердце; хотелось провалиться на месте. Он ведь и в мыслях не допускал поимки с поличным, не задумывался, что делать в таком случае. Полицейский вел Карла к машине, а тот, охваченный ужасом и стыдом, еле передвигал ноги. Толпа зевак наблюдала за сценой с изумлением и восторгом.

Во время суда, когда Карлу предъявили обвинение, он запоздало сообразил, в чем прокололся. Все провода и изоляционные трубки в том коридоре были снабжены инфракрасными термоэлементами. Сигнал тревоги сработал от жара его автогена. Дежурный Центральной пожарной службы тут же включил камеру в коридоре. Полагая, что это обычное короткое замыкание, служащий был крайне удивлен, увидев на экране техника, ворующего деньги. Впрочем, удивление не помешало ему тут же вызвать полицию. Карл чуть слышно проклял злосчастную судьбу.

Скрежещущий голос из динамика прервал мучительные воспоминания:

— Семнадцать тридцать. Вам пора отправляться к месту исполнения трудовой повинности.

Карл устало натянул ботинки, глянул на адрес

и поплелся на новую работу. Добирался почти полчаса. Оказалось, это Департамент санитарии. Ну да, кто бы сомневался.

— Копаться некогда, — бросил ему пожилой измотанный надзиратель. — Вот список, гляньте по-быстренькому, вроде как вы ознакомились. Вагонетку сейчас подгонят.

Список — это, вообще-то, было мягко сказано. На самом деле Карлу вручили толстенный том из разных списков — перечисление разновидностей отходов. Такое впечатление, что все на свете упихано в этот гроссбух. И напротив каждого пункта стоит цифра — от одного до тринадцати.

Похоже, в этих-то цифрах и таился главный смысл. Карл задумался было, что бы это могло значить, но тут раздался рев мощного двигателя. Гигантская машина, управляемая роботом, скатилась с пандуса и замерла прямо перед ним.

— Мусорная вагонетка, — уныло пробубнил надзиратель. — Теперь она ваша навеки.

Карл, конечно, знал, что на свете существуют мусорные вагонетки, но до сих пор ни одной не видел. Перед ним громоздился неуклюжий блестящий цилиндр длиной метров двадцать. Водитель-робот был встроен прямо в кабину. Остальные роботы стояли на подножках по обеим

сторонам. Надзиратель провел Карла к заднему торцу вагонетки и указал на разверстую пасть мусороприемника.

— Роботы подбирают мусор и утиль и загружают сюда, — пояснил надзиратель. — Вот тринадцать кнопок, внутри тринадцать баков. Роботы жмут кнопки; все, что свалено в кучу, сортируется по бакам. Это обычные подъемники, с мозгами у них не ахти, но в мусоре разбираются. Правда, иногда бывают сбои. Тогда как раз ваш выход.

Грязный палец указывал на прозрачную кабинку, торчавшую над задней частью машины. Внутри располагалось пухлое сиденье, а перед ним пульт с тринадцатью кнопками.

— Я вам так скажу: местечко что у боженьки за пазухой. Знай сиди и дави на кнопки, если возникает надобность. В смысле, если робот не распознает какую-нибудь штуковину. Тогда он сунет ее в сортировочную камеру, что за вашим окошком. А вы уж гляньте повнимательнее; если надо, со списком сверьтесь, а потом жмите кнопку. Поначалу кажется мудрено, но привыкаешь быстро.

— Мудрено — не то слово, — проворчал Карл, карабкаясь в свою башенку. Его слегка мутило. —

Но я постараюсь привыкнуть.

Под тяжестью его тела в сиденье сработал невидимый переключатель, и вагонетка с грохотом тронулась. Карл покатил в темноту. Из своего прозрачного пузыря в задней части агрегата он хмуро взирал на выбегавшую из-под колес дорожку.

Скучища была смертная. Мусорная вагонетка следовала проторенным маршрутом вдоль торговых и грузовых путей города. В эту вечернюю пору ему попадались другие вагонетки, все на автоматизированном управлении. Карл не видел ни одного человеческого лица. Может, он и за пазухой у кого-то, но только не у боженьки. Огромный механизм города крутит человеческую букашку и так и сяк. Каждые несколько минут машина останавливалась, роботы с громыханием удалялись и возвращались с трофеями. Рассовав хлам по контейнерам, они вспрыгивали на свои подножки, и вагонетка продолжала путь.

Первое решение пришлось принимать спустя час, не меньше. Робот завис посреди мусора, затем быстро поставил свой инвентарь и уронил в сортировочную камеру дохлую кошку. Карл вытаращился на нее в ужасе. Кошка тоже таращила на него большие невидящие глаза; пасть застыла

в яростном оскале. Карл впервые в жизни видел мертвое тело. На кошке побывало что-то очень тяжелое: заднюю часть туловища совсем расплющило, она стала тонкой, словно лист бумаги. Сделав над собой усилие, Карл резко отвел глаза и распахнул книгу со списком.

Кабель… консоль… кошка (мертвая). Еще какая мертвая. Вот и номер бака — девять. По баку на каждую кошачью жизнь. После девятой жизни — бак номер девять. Не очень смешная шутка. Свирепый тычок в кнопку с цифрой «девять», и кошку как ветром сдуло, только лапой успела махнуть. Карл с трудом подавил желание помахать в ответ.

После инцидента с кошкой скука усилилась вдвое. Время тащилось еле-еле, в камере ничего не появлялось. Вагонетка, громыхая, ползла вперед и останавливалась. Ползла и останавливалась. Движение убаюкивало. Уже сказывалась усталость. Карл склонился к пульту и положил голову на список отходов. Закрыл глаза.

— Спать во время работы запрещено. Это первое предупреждение.

Ненавистный знакомый голос раздался где-то в районе затылка, и Карл вздрогнул от неожиданности. Надо же, он и не заметил экрана и

динамика рядом с дверью. Машина ведет эту мусорную вагонетку в необъятную пустоту — и даже сейчас не забывает следить за ним.

Все оставшиеся часы ему не давала спать горькая ярость.

Серые монотонные дни сменяли друг друга, их отсчитывал большой настенный календарь в его комнате. Но не так быстро, как хотелось бы. Теперь на календаре значилось: 19 лет, 322 дня, 8 часов, 16 минут. Все равно что вечность…

Интерес к жизни совсем пропал. По большому счету осужденный не мог распоряжаться своим свободным временем. Развлечений ему полагалось немного — в сущности, почти никаких. Через боковую дверь он имел доступ к библиотеке — правда, ограниченный, к единственному сектору. Карл совершил туда удручающе бесполезный поход, порылся в книгах с вдохновляющими примерами и моралью. Больше библиотека не привлекала.

Ежевечерне он отправлялся на работу. Вернувшись, спал, сколько мог. А потом просто валялся на кровати, выкуривал крошечный сигаретный паек и слушал, как щелкает календарь, отмеряя секунды.

Карл все пытался убедить себя, что он способен

протянуть вот так все двадцать лет. Правда, в глубине души не был в этом уверен. Потому что внутри у него все рос и рос тугой ком.

Вот так и текли его дни — до аварии. Авария все изменила.

Ночь была как все ночи. Мусорная вагонетка остановилась посреди промышленной зоны, и роботы принялись сновать туда-сюда в поисках мусора. Неподалеку стояла автоцистерна, в нее через гибкий шланг закачивали какую-то жидкость. Карл едва удостоил машину скучающим взглядом — и то лишь потому, что в кабине сидел водитель-человек. Значит, в цистерне что-то опасное: по закону роботам не положено перевозить некоторые категории грузов. Карл с ленивым любопытством наблюдал, как дверь распахнулась и водитель полез из кабины. На полпути он спохватился, развернулся и потянулся за чем-то забытым.

И случайно нажал кнопку пуска.

Мотор завелся, грузовик дернулся и рывком продвинулся вперед на несколько футов. Водитель тут же остановил его, но было поздно.

Этих футов хватило, чтобы шланг растянулся во всю длину, сильно согнув держащий его манипулятор. Раз! — и шланг выскочил из лю-

ка цистерны. Он раскачивался вправо и влево, брызгая зеленоватой жидкостью на цистерну и кабину, пока не сработала автоблокировка подачи.

Все произошло в считаные мгновения. Дальнобойщик обернулся и круглыми от ужаса глазами уставился на цистерну, с которой лилась жидкость. Лилась и слегка дымилась.

Раздался оглушительный хлопок, и цистерну поглотило ревущее пламя. Водителя скрыла огненная завеса.

В своей прежней жизни, до приговора, Карл привык полагаться на помощь роботов. Он прекрасно знал, что́ следует сказать и сделать, чтобы роботы повиновались незамедлительно. Выпрыгнув из своей кабинки, он схватил ближайшего мусорщика за металлическое плечо и прокричал приказ. Робот уронил жестянку, из которой вываливал отходы, на полной скорости устремился к цистерне и скрылся в пламени.

Заживо горящий водитель — это только полбеды; главная проблема — открытый люк цистерны. Если пламя проникнет внутрь, рванет так, что мало не покажется, — все окрестности заполыхают.

Окутанный пламенем робот вскарабкался по лестнице на крышу цистерны. Горящая рука

дотянулась до крышки и захлопнула самогерметизирующийся люк. Робот полез было вниз сквозь огонь, но тут жар добрался до его системы управления. Секунду-другую механический помощник подергался, словно человек в агонии, а затем поник.

Прихватив двух роботов, Карл рванул к цистерне сам. Пламя все еще ревело вокруг кабины, огненные языки просачивались внутрь. Там, внутри, человек вопил от боли. Повинуясь указаниям Карла, один из роботов открыл дверь и нырнул в кабину. Сгибаясь пополам, прикрывая тело водителя своим собственным, робот выволок человека наружу. Ноги бедняги превратились в бесформенное месиво, одежда на нем пылала. Робот оттащил свою ношу в безопасное место, и Карл принялся гасить пламя голыми руками.

Аварийные службы сработали столь же стремительно, сколь разразился пожар. Команды пожарных и спасателей добрались до места происшествия весьма оперативно. Карл едва успел прихлопнуть последние язычки огня на теле бесчувственного водителя, а помощь уже подоспела. Немножко пены — и пламени как не бывало. Подкатила, резко затормозив, «скорая», оттуда выскочили два робота с носилками. За ними спе-

шил доктор-человек. Он глянул на обожженного водителя и присвистнул:

— Да он как со сковородки!

Доктор выхватил у робота-носильщика герметическую емкость и обмазал ноги пострадавшего студенистым противоожоговым веществом. Он не успел закончить, а другой носильщик уже протягивал ему распахнутый чемоданчик с медикаментами. Врач молниеносно выбрал нужный из множества шприцев и сделал инъекцию. Он действовал чрезвычайно быстро и эффективно.

Роботы-носильщики уложили водителя в «скорую помощь», и та мигом сорвалась с места. Доктор заговорил в микрофон на лацкане, давая указания персоналу больницы. После этого он обернулся к Карлу:

— А теперь посмотрим на ваши руки.

Все произошло с невероятной быстротой, и Карл даже не успел осознать, что тоже пострадал. Только сейчас он увидел ожоги на ладонях и ощутил резкую боль. По лицу текла кровь. Он покачнулся и едва устоял на ногах.

— Ничего, ничего, — мягко проговорил врач, помогая Карлу сесть. — Не так страшно, как кажется. Будут вам новехонькие ладони за пару деньков.

Он успокаивал Карла, а сам не прекращал копаться в чемоданчике. Внезапно Карл почувствовал резкий укол в плечо. Боль отступила.

Из-за укола все вокруг стало расплывчатым. Карлу плохо запомнилось, как его везли в больницу в полицейской машине. А потом был блаженный покой в прохладной постели. Видимо, ему сделали еще один укол, потому что очнулся он только утром.

Неделя в больнице показалась настоящим отпуском. Персонал то ли не знал о том, что Карл осужден, то ли никого это не заботило. За ним ухаживали точно так же, как и за любым пациентом. Ему наращивали кожу на ладонях и предплечьях, а он знай наслаждался мягкой постелью и разнообразным питанием. Ему давали обезболивающие, и лекарства заглушали беспокойные мысли о другой жизни, оставшейся за стенами больницы. А еще его очень порадовала новость, что обгоревший водитель тоже выздоравливает.

Однако на восьмое утро дерматолог потыкал в его новенькую кожу и расплылся в улыбке.

— Молодцом, Тритт, — похвалил он. — Похоже, сегодня мы с вами расстанемся. Распоряжусь, чтобы оформили выписку и принесли вашу одежду.

Карл подумал о том, что ждет его снаружи, и

снова желудок превратился в тугой комок. Возвращаться к жизни осужденного теперь вдвойне тяжелее — после таких-то каникул. Но ничего не поделаешь. Карл одевался как можно медленнее, стараясь растянуть каждую секунду оставшегося больничного времени.

Он уже шел по коридору, когда его окликнула медсестра:

— С вами хочет повидаться мистер Скарви. Сюда, пожалуйста.

Скарви? А, тот водитель. Карл последовал за сестрой в палату, где сидел на кровати дюжий мужчина. С его телом что-то было не так. Под одеялом почти ничего нет, догадался Карл. Бедняга лишился ног.

— Отчекрыжили по самые ляжки, — бодро пояснил Скарви, заметив взгляд Карла. Водитель улыбался. — Да не бери в голову. Хоть не болят теперь. Врачи засадили регенерационные зародыши. Говорят, через год будут ноги лучше прежних. По мне, так нормально. Все лучше, чем зажариться живьем в чертовой цистерне.

Он рывком выпрямил спину. На лице отражались сильные чувства.

— Мне показали ролик. Пожарная служба снимала, у них камера наблюдения на том участке.

Так что я все видел. Чуть не стошнило, честно. Хорош же я был, когда ты меня оттуда выволок. — Он выпростал мясистую кисть и стиснул руку Карла. — Хотел сказать тебе спасибо. Ну, пока ты не ушел.

Карл сумел выдавить лишь глупую улыбку в ответ.

— Хоть ты и арестант, мне до лампочки, — добавил Скарви.

Карл осторожно высвободил руку, встал и вышел. Не стал ничего говорить, просто побоялся. Эта неделя была волшебной сказкой. Прекрасной и нелепой. Он отбывает наказание, и так будет еще долгие-долгие годы. Ему никуда не деться от общества, для которого он изгой.

Карл открыл дверь своей унылой комнаты, и осточертевший голос загудел из динамика:

— Карл Тритт, вы пропустили семь дней трудовой повинности и один день отработали не полностью. В обычных обстоятельствах эти дни не вычли бы из вашего срока. Однако в этот раз будет сделано исключение. Пропущенные дни зачтутся вам, хотя бы и вопреки приговору.

Счетчик-календарь торопливо защелкал, подтверждая слова Контрольного органа.

— Не знаю, как и благодарить, — съязвил Карл,

устало валясь на кровать.

Монотонный синтетический голос продолжал, словно не заметив сарказма в реплике Карла:

— Вдобавок вы получите награду. Согласно «Специальным правилам смягчения наказания», проявление личного мужества и риск ради спасения человеческой жизни расцениваются как социально значимое поведение и вознаграждаются соответственно. Срок вашего наказания сокращается на три года.

Карл вскочил и недоверчиво уставился на динамик. Это что, розыгрыш? Он покосился на первое окошко счетчика. Календарь шелестел цифрами: 18… 17… 16… Все, листание прекратилось.

Вот это да! Три года долой! Вроде бы такое невозможно, но вот же они — цифры на счетчике.

— Контрольный орган! — вскричал Карл. — Послушайте, пожалуйста! Что произошло? В смысле, что это за фокус с вознаграждением? Как это может сократить срок? Почему я никогда о таком не слышал?

— Принципы сокращения срока наказания не предаются широкой огласке, — ровным голосом ответил динамик. — Подобные сведения могут побуждать граждан к нарушению закона, в то время как угроза наказания есть средство сдер-

живания. Как правило, осужденному сообщается о возможности сокращения срока только по истечении первого года. Ваш случай является исключительным.

— А где я могу узнать поподробнее о возможности сокращения срока? — нетерпеливо спросил Карл.

Секунду-другую динамик жужжал, а потом выдал:

— Ваш консультант — мистер Присби. Он даст рекомендации относительно того, что можно сделать. Вы записаны к нему на прием: завтра в тринадцать ноль-ноль. Вот его адрес.

Механизм щелкнул и выплюнул карточку. В этот раз Карл ждал ее и сумел поймать на лету. Осторожно, почти с нежностью он держал карточку перед глазами. Трех лет уже как не бывало. А завтра он узнает другие способы скостить срок.

Конечно же, он явился заранее, почти за час до назначенного времени. Секретарь-робот заставил ждать в приемной и впустил минута в минуту. Услышав щелчок открывающейся двери, Карл подавил желание скакнуть к ней. Изо всех сил стараясь шагать медленно, он вошел в кабинет.

Присби, консультант по отбыванию наказания, смотрел на него, точно заспиртованная рыба

из стеклянной бутылки. Это был жирный коротышка с мертвенно-бледной кожей; комковатую голову словно выдавили из пухлого туловища, как замазку из тюбика. Казалось, глаза целиком состоят из расширенных зрачков; консультант глядел не мигая сквозь стекла, которые в толщину были едва ли меньше, чем в ширину. Контактными линзами давно никого не удивишь, но у этого человека зрение совсем никудышное. Иначе зачем ему старомодные очки в массивной оправе, опасно балансирующие на мясистом носу?

Когда вошел посетитель, Присби не улыбнулся и не произнес ни слова. Его взгляд неотрывно следовал за Карлом, пока тот шел по кабинету. Тут же вспомнились ненавистные видеокамеры, но Карл отогнал это сравнение.

— Меня зовут… — начал он.

— Мне известно, как вас зовут, Тритт, — проскрежетал в ответ Присби. Грубый голос удивительно плохо вязался с мягкими губами. — Садитесь — вот стул.

Карл сел и тут же заморгал от резкого света, направленного ему прямо в глаза. Он попробовал сдвинуть стул, но не вышло: ножки были прикреплены к полу. Тогда он просто приготовился слушать.

Присби наконец перевел свой застекленный взгляд на стол и взял лежавшую там папку. Не меньше минуты он пролистывал ее содержимое и только потом заговорил.

— Дело у вас странное, Тритт, — проскрипел консультант. — И мне оно, скажем прямо, совсем не нравится. Понять не могу, с чего это вдруг Контрольный орган направил вас ко мне. Но раз уж вы здесь, я вас слушаю.

Улыбаться было нелегко, но Карл себя заставил.

— Видите ли, меня наградили сокращением срока наказания на три года. Таким образом я узнал, что срок может быть уменьшен. Контрольный орган сказал, что вы можете дать подробную информацию.

— Пустая трата времени. — Папка хлопнула, падая на стол. — Ваш приговор не подлежит смягчению до истечения первого года. Осталось еще почти десять месяцев. Когда они пройдут, возвращайтесь, и я вам все объясню. А сейчас не задерживаю.

Карл не двинулся. Руками он изо всех сил вцепился в колени, пытаясь совладать с собой, и сощурился, глядя против света на равнодушное лицо консультанта.

— Но вам же известно: мне уже сократили срок. Возможно, поэтому Контрольный орган разрешил проконсультироваться…

— Не пытайтесь учить меня закону, — ледяным голосом пророкотал Присби. — Это я должен учить вас. Так и быть, объясню. Хотя смысла в этом ровным счетом никакого. Когда истечет первый год вашего срока — то есть вы ровно год отработаете в определенной для вас должности, — только тогда получите право на сокращение. Вы сможете подать прошение о переводе на работу, предполагающую временны́е премии. Есть опасные виды деятельности, скажем починка спутников: там один день засчитывается за два. В атомной энергетике существуют должности, где один день равен трем, но таких совсем немного. На подобных работах осужденный помогает себе сам, воспитывает в себе ответственность перед обществом и одновременно приносит ему пользу. Однако вам еще рано об этом думать.

— Но почему?! — Карл уже успел вскочить и теперь стоял, опираясь на стол ладонями, не успевшими загрубеть после лечения. — Чего ради я должен год исполнять эту никчемную трудовую повинность? Она же совершенно бессмысленная!

Ее нарочно выдумали, чтобы мучить осужденных. Я ночь напролет сижу в кабине не смыкая глаз, а ведь мою задачу за три секунды выполнит робот, когда вернется вагонетка. Вы считаете, унизительный монотонный труд учит ответственности перед обществом?

— Сядьте, Тритт! — прервал его Присби высоким трескучим голосом. — Вы что, забыли, где находитесь? И кто перед вами? Слушайте внимательно. Вам позволяется отвечать только «да, сэр» и «нет, сэр». Я повторяю: вы дождетесь завершения первого года трудовой повинности и только потом придете ко мне. Это понятно?

— Нет уж, погодите! — завопил Карл. — Я пойду дальше! Доберусь до вашего начальства! Вы не смеете вот так распоряжаться моей жизнью.

Присби тоже поднялся на ноги, его лицо перекосила нездоровая гримаса, видимо призванная изображать улыбку.

— Никуда вы не пойдете! — проревел он. — Никакого «дальше» просто не существует! Я сам себе начальство. Мое слово — решающее. Не верите? Сомневаетесь в моих возможностях? — На его губах пузырилась пена. — Я доложу, что вы повышали на меня голос, прибегали к оскорблениям и угрожали. И доказательством будет запись.

Присби неуклюже зашарил по столу в поисках микрофона. Найдя, поднес дрожащими руками ко рту и нажал кнопку:

— Говорит Присби. За неподобающие действия, совершенные осужденным в отношении консультанта по отбыванию наказания, я рекомендую продлить срок Карла Тритта на одну неделю.

Ответ пришел молниеносно. Динамик Контрольного органа на стене заговорил своим обычным синтетическим голосом:

— Рекомендация принята. Карл Тритт, к вашему сроку добавляется семь дней; общий срок наказания теперь составляет шестнадцать лет…

Голос бубнил и бубнил свое, но Карл уже не слушал. Его обуяла лютая ненависть. Для него в целом мире сейчас ничего не существовало, кроме рыхлой бледной физиономии консультанта Присби.

— Зря вы так, — выдавил наконец Карл. — Только хуже мне делаете, а должны помогать. — Тут его внезапно осенило: — Хотя какое там помогать! Вы же и не хотите помогать, правда? Вам просто нравится так — корчите из себя Господа Бога, вертите как вздумается судьбами осужденных…

Его монолог был заглушен воплями Присби:

— Преднамеренные оскорбления… Рекомен-

дую добавить месяц к сроку наказания Карла Тритта…

Карл все это слышал. Но теперь ему было все равно. Он изо всех сил старался играть по чужим правилам. Баста! Он ненавидит систему, придумавших ее людей и машины, давшие ей жизнь. Но больше всего на свете он ненавидит сидящего перед ним человека — живое воплощение этой мерзости. Карл так старался, прямо лез из кожи вон, — и что? Очутился в мясистых руках садиста!

— Снимите очки, — тихим голосом приказал Карл.

— С-снять очки? З-зачем? — заикаясь, пробормотал Присби.

Он наконец перестал орать в микрофон и еще не успел отдышаться.

— Ладно, не трудитесь. — Карл медленно дотянулся до него через стол. — Я сам.

Он сдернул с консультанта очки и аккуратно положил рядом.

— Нет! — только и успел пискнуть консультант, догадавшись, что сейчас произойдет.

Кулак ударил точно в эти ненавистные губы, расквасил их, загнал зубы в глотку. Консультант кувыркнулся назад вместе со стулом и растянулся

на полу. А Карл даже не заметил, что у него на руке не выдержала новая кожа, что с пальцев закапала кровь. Он возвышался над скулящей бесформенной кучей и хохотал.

В приемной робот-секретарь повернулся к нему и что-то проговорил. На холодной стеклянно-стальной физиономии читалось неодобрение. Не переставая смеяться, Карл схватил тяжелый осветительный прибор и от души врезал по блестящему лицу. Он так и вышел в вестибюль — со стойкой от лампы в руках.

Какая-то часть Карла верещала от ужаса перед случившимся. Но только часть. Ее истеричный голосок быстро захлебнулся в накатившей горячей волне наслаждения. Сейчас Карл крушил запреты — все, какие только можно. На самом деле он крушил стены клетки, в которой был обречен провести всю жизнь.

Его отпустило, только когда он уже спускался в автоматическом лифте. Смех понемногу утих. Карл вытер струящийся по лицу пот. И тут зазвучал тонкий голосок:

— Карл Тритт, вы нарушили условия исполнения вашего наказания, и соответственно ваш срок увеличивается на…

— Где ты?! — взревел он. — Кончай прятаться и

зудеть в ухо! Выходи!

Он вперился в стену подъемника. Ага, вот она, стеклянная линза.

— Видишь меня, да?! — проорал он, обращаясь к линзе. — Так и я тебя вижу!

Стойка от лампы взметнулась и хряснула по стеклу. Еще один удар прорвал тонкую металлическую сетку и достиг динамика. Тот печально кудахтнул и затих.

Снаружи люди разбегались врассыпную, но Карла они не интересовали. Эти несчастные всего лишь жертвы, такие же, какой был он сам, — и сейчас не до них. Ведь у него есть настоящий враг. Каждый видеоэкран на пути получал погнувшейся стойкой. Карл безжалостно колошматил динамик, покуда тот не умолкал. За его спиной тянулась вереница изувеченных онемевших роботов.

Его неизбежно должны были поймать. Карл об этом не задумывался, да и какая разница. Это был высший миг его бытия. То, ради чего стоит жить. Жаль, он не знал ни одной боевой песни, а то бы спел. В голову лезла только слегка непристойная песенка из школьных времен. Ладно, сойдет и такая. Горланя во всю мощь легких, Карл продолжал пятнать следами разрушения сияющую

поверхность города.

Динамики не оставляли попыток что-то сказать Карлу, но он разбивал их, едва заслышав. Срок его наказания увеличивался с каждым ударом.

— …В совокупности составляет двести двенадцать лет, девятнадцать дней и… — Голос пресекся: кто-то в цепочке сообразил, что грозит преступнику неисполнимыми карами.

Движущаяся лента везла Карла на грузовой уровень. Он пригнулся, ожидая, когда с ним вновь заговорят, — иначе не определишь, куда бить в очередной раз. Зашелестел голос, и Карл завертел головой в поисках динамика.

— Карл Тритт, срок вашего наказания превысил предполагаемые пределы вашей жизни, и теперь приговор является лишенным смысла…

— Всегда был лишен смысла! — рявкнул Карл. — Теперь-то я знаю. Так где же ты? Я тебя достану!

Машина, не слушая его, монотонно продолжала:

— …В таком случае вам надлежит пройти доследование. Офицеры службы порядка уже посланы, чтобы вернуть вас под стражу. Не оказывайте им сопротивления, иначе… грлллык…

Очередной удар стойкой, и динамик разлетелся

вдребезги.

— Давай, присылай своих офицеров, — прошипел Карл, обращаясь к массе спутанных проводов и покореженного металла. — Я и с ними разберусь.

Впрочем, исход все равно был предсказуем. Не мог же Карл, преследуемый всевидящим оком Центра, скрываться вечно. Полицейский наряд загнал его в угол на нижнем уровне. Двоих он уложил меткими ударами, прежде чем ему успели вколоть парализующий препарат.

Тот же самый зал, тот же судья. Однако теперь с Карла не спускают глаз двое мускулистых охранников-людей. Непонятно, правда, зачем вообще караулить это жалкое создание — все в бинтах, бессильно привалившееся к барьеру.

Раздалось жужжание, это включился робот-судья.

— Тишина в зале заседания! — стукнул он молотком. — Карл Тритт, настоящий суд признает вас виновным…

— Да что вы? Опять? И не надоело? — издевательски спросил Карл.

— Требую тишины во время оглашения приговора, — громко произнес судья и снова ударил молотком. — Вы виновны в преступлениях столь

многочисленных, что назначение вам срока наказания признано нецелесообразным. Поэтому вы приговариваетесь к упразднению личности. Психохирург будет удалять из вашего организма по частям личность, покуда она не исчезнет совсем.

— О нет! — прохныкал Карл, умоляюще протягивая руки к судье. — Только не это!

Жалобное нытье неожиданно сменилось громким смехом. Карл проворно дотянулся до стола и схватил судейский молоток. Изумленная охрана и глазом моргнуть не успела, а подсудимый уже колотил ее захваченным орудием. Один свалился тут же, получив мощный удар по уху. Другой попытался выхватить пистолет, но упал прямо на оглушенного товарища.

— Ну что, судья?! — радостно выкрикнул Карл. — Молоточек-то у меня! Гляди, как я умею!

Карл метнулся вокруг судейского стола и одним ударом превратил глянцевую голову в кусок покореженного металла. Он даже не попытался защититься, этот отросток Централизованного контроля.

Послышался топот бегущих ног, кто-то рванул дверь. На этот случай у Карла не было плана. Главное — разгромить как можно больше вокруг,

пока его не схватили и пока в нем не угасло пламя мятежа. В зал заседаний ведет только одна дверь. Карл быстро огляделся. Опытный глаз техника нашел на стене за судейской скамьей крышку смотрового окна. Рванув защелку, Карл распахнул его.

Видеокамера наблюдает за ним из самой высокой точки зала, и с этим, похоже, ничего не сделаешь. Куда бы он ни направился, машина будет следить. Попытка оторваться от погони — вот и все, что в его силах. Он уже протискивался в смотровое окно, когда в зал ворвались два робота.

— Карл Тритт, сопротивление бесполезно. Очередные поправки были внесены… внесены… Карл… Карл… Ка…

Карл удивленно прислушивался к голосам, раздававшимся за тонкой металлической дверцей, и никак не мог понять, что случилось. Он даже отважился выглянуть. Оба робота нелепо дергались на месте. Их динамики шуршали, но больше не исторгали слов. Несколько секунд — и беспорядочные движения прекратились. Как по команде, оба робота развернулись, подхватили лежавших без сознания полицейских и вышли. За ними закрылась дверь. Карл не знал, что и

думать. Он продолжал смотреть. Через несколько минут дверь открылась снова. На этот раз в зал вкатился робот-ремонтник, обвешанный инструментами. Он направился к сломанному судье и занялся его починкой.

Тихонько прикрыв дверцу, Карл прислонился к ее холодному металлу и попытался осознать, что же происходит. Раз уж никто его не преследует, есть время подумать.

Почему его оставили в покое? Почему Централизованный контроль ведет себя так, словно не знает, где мятежник? Город до отказа нашпигован следящими устройствами вездесущей машины — уж это-то Карл усвоил. И она координирует свои действия с машинами других городов. Нет места, которого она не видит. Точнее, есть только одно такое место.

Догадка пришла так внезапно, что он даже ахнул. Затем огляделся. В том месте, где Карл стоял, начинался туннель, усаженный переключателями и контрольными щитками; все это тускло освещалось пластинами со встроенными элементами накаливания. Может быть… Конечно может. Даже должно быть!

В целом мире есть одно-единственное место, куда не способен проникнуть своим оком Цен-

трализованный контроль. И место это — внутри главного механизма. Там содержится его память. Его управляющие схемы. Ни одна машина, способная автономно принимать решения, не может самостоятельно вносить изменения в свою мыслящую схему. Если даже она попытается, реакция будет обратной, то есть деструктивной. Поврежденная система только еще больше разбалансирует себя, а исправить ничего не сумеет.

Карл находится в мозгу у Централизованного контроля. А это значит, что для неусыпного механического ока мятежник просто перестал существовать. Он там, где его невозможно увидеть. Но ведь машина видит все. Следовательно, его нет на свете. Возможно, вся информация о нем уже стерта.

Он пошел по коридору — сначала осторожно, но с каждым шагом все быстрее.

— Свобода! — завопил он. — Настоящая свобода — впервые в жизни! Могу делать что хочу! Могу смотреть на всех и веселиться!

Карл испытывал невероятный душевный подъем. Ликуя, он открывал дверь за дверью и шествовал по своему новообретенному царству.

Он говорил во весь голос; в нем так и бурлила радость:

— Здесь же куча роботов-ремонтников, тех, что работают на коммуникациях. Они-то и будут доставлять мне еду. Да и все, что угодно: мебель, одежду. Буду жить как вздумается — и делать что вздумается.

От таких перспектив голова шла кругом. Он толкнул очередную дверь и встал как вкопанный.

Перед ним была комната. Отличная комната — он бы сам не отказался от такой. Мебель подобрана со вкусом, кругом книги, на стенах картины, из проигрывателя льется нежная музыка. Карл изумленно уставился на все это великолепие. А потом за его спиной раздался голос:

— Живется здесь, прямо скажем, неплохо. Весь город у твоих ног, чего ни пожелаешь, тебе приносят на блюдечке. Но ты-то, жалкий дурачок, почему решил, что первым до этого додумался? Что первым пришел сюда? Уж не обессудь, на двоих здесь места не хватит.

Медленно, очень медленно Карл обернулся. Он все еще держал в руке судейский молоток. Карл мерил взглядом расстояние между собой и стоящим в дверях человеком, прикидывая, велики ли шансы у молотка против пистолета.

Планета райского блаженства

Перевод Г. Корчагина

За бортом стремительно несущегося корабля простирался в беспредельность пространства и времени черный космос. В его отсеках горел свет и не смолкал смех, а в кают-компании еще и позвякивали бокалы с коктейлями. Там было полно народу, весьма и весьма довольного жизнью.

Хмурился только Дэв Гравитон. Он застыл в напряженной позе, не выпуская из руки бутылку минеральной воды. А поскольку куплена она была не ради утоления жажды и даже не ради желания выглядеть как все, Дэв ощущал свое неизмеримое превосходство над спутниками, этими безнадежными пищеманами и питьефилами.

Напротив него сидел толстяк с Мизара-2, и этот субъект тянулся уже за пятой порцией мартини. Один глоток — и все содержимое бокала перекочевывает в щедро смазанное жиром горло. При мысли о том, каким разрушениям подвергается слоистая оболочка пищевода под воздействием

концентрированного алкоголя, Дэв содрогнулся. А мизарец знай себе блаженно отдувается да сыто порыгивает. Приметив ужас на лице Дэва, он выразительно приподнял бровь.

— Мой юный друг, ваша проблема в том, — заговорил толстяк, — что вы не цените по-настоящему самое главное в жизни. Я говорю об изысканных напитках, об отменной пище. И конечно же о… Или вы и против женщин что-то имеете?

Ну, на такой вопрос существует исчерпывающий ответ, и содержится он в двадцать четвертом разделе «Карманного справочника техника». Эти магические слова приходили на помощь всякий раз, когда у Дэва возникали сложности эмоционального свойства.

— Удовлетворение потребностей ума — вот единственное настоящее наслаждение. Если человек ест ради вульгарного удовольствия от употребления пищи, он является пищеманом. Если человек пьет с целью опьянения, он питьефил. Эти разновидности ложного блаженства интерферируют с подлинными радостями ума. Как пищемания, так и питьефилия являются преступлениями, подлежащими наказанию.

— Это на вашей планете, мой мальчик, — расхохотался толстяк, — и только на ней. Счастлив

поставить вас в известность, что остальные миры вполне цивилизованы. Однако вы так и не ответили насчет женщин.

Дэв снисходительно улыбнулся:

— А что насчет женщин? Они такие же, как и мужчины, если не считать минимальных физических отличий…

— Минимальных? — потрясенно переспросил собеседник.

— И эти минимальные физические отличия не играют существенной роли. На Автоматике-Семнадцать, моей родине, одной из самых прогрессивных планет Лиги Автоматизированных Миров, партнеров для брака подбирает машина, Генный Манипулятор. Я, между прочим, собираюсь жениться, как только вернусь из этой деловой поездки. Жду не дождусь, когда меня познакомят с нареченной, — не сомневаюсь, ее склад ума идеально соответствует моему.

— Я тоже не сомневаюсь, — пробормотал собеседник, изрядно шокированный таким матримониальным обычаем, и поспешил жестом заказать двойной мартини. — Боюсь, брачные ритуалы моей планеты не очень похожи на ваши.

Дэв очень давно не вел разговоров на столь скользкие темы, да и не испытывал ни малейше-

го желания вести. Он быстро допил минералку и встал, спеша избавиться от нервирующего общества мизарца. Как раз в эту секунду щелкнул корабельный динамик, и старший бортпроводник объявил:

— К пассажирам, прибывающим на Сильвейн, просьба переместиться в выходной шлюз. Стоянка корабля шестьдесят секунд.

— Это мне. — Толстяк встал, одним махом опустошил бокал и вперевалку двинулся к выходу.

В коридоре Дэв оказался одновременно с мизарцем и ступил на круглую плиту выходного шлюза как раз в тот момент, когда попутчик совал билет в считывающее устройство. Машина пискнула и зажгла на панели текст: «Приготовиться к высадке». В тот же миг плита сдвинулась, к ногам толстяка выкатился его багаж.

Мизарец повернулся к Дэву и протянул руку.

— Интересно было с вами поговорить, молодой человек. Желаю приятного путешествия.

Дэв ответил на рукопожатие и попрощался.

В эту самую секунду случилось короткое замыкание в недрах корабельного механического мозга. Из строя вышла заполненная газом трубка — пустяковая деталь, которую тотчас же заменил робот-ремонтник. Но свое черное дело она сде-

лала, заставив компьютер сказать «два» вместо «один».

Вместо одного пассажира высаживаются двое.

Для Дэва результат этой ошибки был поистине катастрофическим. Из-под ног ушел пол, открылся клапан, обоих засосало в трубу и перенесло по ней на борт шаттла.

На панели полыхнули слова «Высадка завершена», и клапан закрылся наглухо.

— Вольты и вакуум! — завопил перепуганный Дэв. — Что случилось?

— Как я понимаю, вы сошли на Сильвейне, — невозмутимо ответил толстяк, пребывая под успокоительным воздействием шести двойных порций мартини. — А что, разве это не входило в ваши намерения?

— Еще чего! — воскликнул Дэв. — В мои намерения никак не может входить высадка на планете, не состоящей в Лиге Автоматизированных Миров. Я должен вернуться на корабль.

— Это будет трудновато, — посетовал мизарец, — с учетом того, что корабль уже примерно в двух световых годах отсюда.

Роботизированный шаттл совершил посадку, отъехала вбок дверь люка, в шлюз хлынуло теплое солнце. Толстяк забрал свой багаж, кивнул на

прощание и вышел.

А Дэв не двигался, будто параличом разбитый, и лишь таращился на бетонную площадку и окружающие ее зеленые поля. Только что он находился в благословенном уюте корабельного чрева, со всех сторон окруженный нержавеющей сталью, — и вдруг очутился перед лицом варварского мира, где даже не контролируется погода, где растениям позволяют вегетировать на голой земле. Какая гадость! Надо вырваться отсюда, попасть обратно на корабль, убраться с этой планеты!

Едва он ступил на трап, кто-то спросил нежным музыкальным голосом:

— Вы разрешите взглянуть на ваш билет?

Дэв повернулся к девушке в синем — и вынужден был привалиться к корабельному борту, разом и побледнев, и вспотев. Она была из аэродромного персонала: аккуратная форма, полусапожки на высоком каблуке, фуражка и планшетка. Вот только вырез спереди был глубоковат — да что говорить, он был просто огромен! А в нем едва не лопалась от натяжения тонкая горизонтальная полоска ткани.

— Пожалуйста, билет, — повторила девушка и тут заметила, к чему приковано внимание

сошедшего пассажира.

Она улыбнулась и изящно подбоченилась.

— Нет у меня билета, — прохрипел он. — На вашу дикую планету я ссажен незаконным решением плохо сконструированного механизма. Требую отправить меня на ближайший по расписанию корабль.

Говоря все это, он заставлял себя думать о знакомых, правильных вещах. О своей лаборатории с любимым иконоскопом и верным компьютером. Вот только трубки в этом компьютере меняли форму и цвет, округлялись…

— Ближайший по расписанию корабль, — вторгся в его раздумья ласковый голос, — прибудет ровно через шесть недель.

— Шесть недель! — в ужасе возопил Дэв.

— Что это вы моего юного друга обижаете? — сказал кто-то чуть ли не в самое ухо. — Могу я чем-нибудь помочь?

Толстяк с корабля. Всхлипнув от радости, Дэв потащил его за собой за выпуклый бок шаттла, подальше от девичьих глаз.

— Вызовите полицию, — мрачно потребовал молодой человек, — если она вообще имеется на этой планете. Та женщина… Ее надо… Такой наряд…

Ему никак не удавалось облечь свое возмущение в словесную форму.

Толстяк сочувственно кивнул, а затем дал понять, что ситуация ему ясна, достав из кармана серебряную фляжку.

— Глотните, — предложил он. — Отлично успокаивает нервы.

Дэв поколебался, но все-таки решился и хватанул от души. Толстяк отвел его, мучительно кашляющего, в тенек под кормой, усадил и сел рядом. Пока юноша вытирал слезы, мизарец хлебнул сам. А затем объяснил:

— Прежде всего вам необходимо уяснить, что Вселенная очень и очень велика. Некоторые планеты, вроде вашей Лиги Автоматизированных Миров, предельно индустриализованы, у других, таких как эта Сильвейн, экономика преимущественно аграрная. Разные планеты по-разному влияют на нравы.

— Вы хотите сказать, что эта девушка… — Дэву никак не удавалось подобрать подходящие слова. — Что она ничего такого не делает? Даже не помышляет… ну, это самое…

— Нарушать закон? Да ни в коем случае. Полагаю, вас смущает ее манера одеваться?

Дэв торопливо закивал.

— Это местный обычай, мой мальчик, просто местный обычай. На теплой планете избыток одежды причиняет неудобства. А если к этому добавить весьма нестандартную демографическую ситуацию…

— В чем же ее нестандартность? — насторожился Дэв.

Толстяк улыбнулся, приложился к фляжке и улыбнулся еще раз.

— Здешняя демография самая уникальная во всей Галактике. Не могу сказать, в чем причина, в огромных залежах радиоактивных руд или еще в чем, феномен пока не изучен, но результат налицо, и этот результат — чудовищный дисбаланс в рождаемости мальчиков и девочек. Примерно один на тысячу.

— Ого! — У Дэва глаза полезли на лоб. — Ведь это означает…

— Совершенно верно, это означает тысячу женщин на каждого мужчину. Поэтому вы поймете, отчего здесь несколько лет назад произвела такой фурор демонстрация стилей «Минойский модерн». Ведь это не только красиво, но и практично, когда спереди тело почти не прикрыто…

— Практично! — возмущенно засверкал глазами Дэв. — Нет уж, увольте! С меня достаточно.

Трудно было поверить, что целая планета способна погрязнуть в разврате, но вы убедили. Может, вы знаете, где тут приличная гостиница? Если подскажете адрес, буду премного обязан. Меня устроит тихое уединенное место, где можно отсидеться до прибытия корабля.

— С этим, мой мальчик, никаких проблем. — Толстяк щелкнул пальцами пролетающему робокоптеру. — Рекомендую мой отель, он считается лучшим.

Пока стрекочущая машина несла их к ближайшему городу, Дэв достаточно успокоился, чтобы задать спутнику еще один вопрос:

— Похоже, вы здесь успели неплохо освоиться. Можно поинтересоваться, что за дела привели вас на Сильвейн?

— Никаких дел, только погоня за удовольствиями. Я десять лет копил деньги, чтобы тут побывать.

Получив такой ответ, Дэв до конца пути просидел молчком в уголке салона.

Больше недели он провел в номере, изнемогая от скуки. Технических книг в библиотеке было раз-два и обчелся, да и те безнадежно устаревшие. Питаться приходилось свежими, слишком натуральными продуктами — по счастью, через

два дня он обнаружил магазин для космических кораблей и запасся концентрированными рационами на весь срок своего пребывания, присовокупив к ним пять огромных бутылей дистиллированной воды. Благодаря этим приобретениям Дэв чувствовал себя в цивилизованной среде почти как дома.

Все утро восьмого дня он просидел за визифоном и под конец узнал, что в библиотеку поступила новая книга. Заказал ее, но в номер она не прибыла из-за сбоя в работе гостиничного трубопровода доставки. Шесть часов кряду молодой человек ждал и решал в уме уравнения, однако трубопровод упорно не проявлял признаков жизни — его как будто даже не пытались отремонтировать. Наконец у Дэва лопнуло терпение, он порывисто вышел из номера, скоростным лифтом спустился в подвальную мастерскую и заколотил в дверь трубопроводной секции.

Слесарем, естественно, оказалась женщина, она скучающе глядела на беспорядочно разбросанные по полу грязные детали сортировочного узла. Эта особа, как сразу отметил Дэв, была относительно прилично одета — в спецовку из не слишком прозрачного пластика.

— Что сломалось-то? — спросил он.

Ремонтница плавно повернулась и откинула с лица золотые пряди.

— Привет, красавчик, — сказала она. — Ты с какой счастливой звезды ко мне свалился?

Дэв густо покраснел и не ответил на дерзкий вопрос.

— Где тут у вас термокобукатор? — спросил он. — В отказах такой старой техники обычно виноват он.

— Гм… может, вон там, в углу? Я Эдель, а тебя как зовут?

Он опять сделал вид, будто не замечает заигрываний, и зарылся в детали. Вот и искомый термокобукатор — так и есть, сломался. Ничего, можно быстренько восстановить с помощью куска проволоки. Когда Дэв выпрямлялся, Эдель уже стояла сзади, совсем рядом; она щекотно дунула ему в шею.

— Ладно, не хочешь говорить, не надо. Буду звать тебя Красавчиком.

Прежде чем он успел повернуться, женщина куснула его острыми зубками за ухо.

— Извини, не смогла удержаться.

Дэв в панике отпрянул, споткнулся о какую-то железку.

— Вот, починил, — хрипло выговорил он и

судорожным глотком привел голос в норму. — Блекайзер совсем развалился…

— Отлично, но давай оставим в покое это старье и побеседуем о нас с тобой. Чем ты занимаешься сегодня вечером?

Дэв оглушительно хлопнул дверью мастерской и убежал к себе в номер.

Отчего-то у него сильно поднялась температура, но долгое стояние под холодным душем возымело благотворный эффект. После обеда он пододвинул кресло к лампе для чтения и уселся в него с таблицами логарифмов и большим стаканом воды.

Но тут в дверь постучали.

Он замер, притворившись, будто не услышал. Стук повторился, на сей раз он был настойчив, — придется отвечать. Крайне осторожно Дэв приотворил дверь на ширину пальца, но тут сработал убогий механизм и распахнул ее настежь. Молодой человек мог лишь стоять в полнейшем ступоре, пока грациозная блондинка в облегающем коротком платье цвета бронзовый металлик, юркнувшая мимо него в комнату, шла к кровати и усаживалась на ее уголок. У платья были длинные рукава, но на груди возмутительно недоставало ткани.

— Красавчик, очнись и дверь закрой, — велела она. — А то сам на мебель смахиваешь.

От этих слов у него в голове включилось реле памяти, и лицо девушки обрело четкие черты. Златовласая ремонтница из мастерской.

— Зачем вы здесь? И как меня нашли?

— Найти было нетрудно, — ответила с улыбкой Эдель. — Ты же тот самый затворник, чья тайна взбудоражила весь Сильвейн. Каждому известно, что ты прячешься в этой гостинице, но никто тебя в глаза не видел. Администрация удвоила штат охраны, чтобы обеспечить тебе приватность, ты хоть знаешь об этом?

— Охрана удвоена?.. — растерянно пробормотал он. — Но как же вам удалось сюда проникнуть?

Прежде чем ответить, девушка вспушила себе рукой волосы, и это движение, вкупе с видом всех остальных деталей ее анатомии, заставило Дэва на секунду закрыть глаза.

— Как работница отеля, я вхожа в любые его помещения. Сегодня ты был со мной чрезвычайно любезен, вот я и сочла, что долг красен платежом. Хочу вытащить тебя отсюда и показать город. Неужели и правда собираешься улететь, так ничего и не увидев?

Предложение до того огорошило Дэва, что ему

пришлось выпить целый стакан воды, прежде чем сказать «нет».

— Ладно, я не против, — как ни в чем не бывало уступила Эдель, — нам и здесь будет очень неплохо.

Дэв теперь мало-мальски понимал, какие порядки царят на этой планете. Решение было принято мгновенно. Он распахнул дверь и выразил — пожалуй, слишком громко — желание прогуляться.

Через час он уже почти привык и к своей компаньонке, и к другим женщинам, которыми полнились улицы. Конечно, нельзя было смириться с преобладавшими здесь стилями одежды, но молодой человек научился не обращать внимания на вездесущую наготу. А иначе ему бы несдобровать!

Они облетели город на робокоптере, и Эдель показала разные достопримечательности. Но интереса у Дэва они не вызвали — да и что может быть интересного в первобытной сельской глуши?

Потом отправились в подземный бар, который Эдель отрекомендовала как лучший в городе ночной клуб. Из кабинки с мягкой обивкой посмотрели шоу, и Дэв лишний раз подивился тому,

как низко способен пасть человек. Хотя остальные посетители, судя по их радостным возгласам, ничуть не разделяли его скептицизма.

Звездой программы было выступление танцевальной группы — сплошь женщины, хотя самая высокая в мужской одежде. Они кружились то вместе, то порознь, а дикарская музыка все наращивала темп. Под конец Дэв уже и смотреть не мог на это непотребство. Он досуха опорожнил бокал, поставленный перед ним официанткой, а когда погасли огни, только его аплодисментов недоставало в разразившейся буре восторга.

И хотя ночной клуб был переполнен, в нем, кроме Дэва, присутствовали только двое мужчин. На физиономии тощего сгорбленного старика застыла блаженная улыбка. За столиком у второго сидели пять жизнерадостных девиц, все хохотали над его остротами и поочередно оказывали ему знаки внимания. В этом втором Дэв сразу узнал своего попутчика, упитанного мизарца.

Впрочем, упитанным он уже не был. Одежда висела на нем, как на вешалке, под глазами залегли фиолетовые круги. Однако в поведении не угадывалось никаких признаков хворобы или хотя бы усталости, мизарец смеялся от души и вовсю перешучивался с облепившими его кра-

сотками. Заметив, что за ним наблюдает Дэв, он поднял бокал.

Но тут же его загородила фигура героически сложенной, легко одетой, обольстительно улыбающейся рыжеволосой дивы.

— Сладенький, — дохнули ее алые губы, — я отродясь не видала такого симпатяшки. Почему бы нам с тобой…

Вопрос остался незаконченным — Эдель взвилась с яростью и грацией тигрицы. Получив меткий удар кулаком по носу, рыжая взвизгнула и повалилась на соседний стол, сидевшие за ним женщины с возмущенными воплями вскочили на ноги. Рыжая медленно встала, одной рукой растирая по губам кровь, другой хватая бутылку и замахиваясь на Эдель.

Удар не достиг цели. Подскочила крепко сбитая вышибала, перехватила руку, заломила отработанным борцовским приемом, а затем повела буянку к выходу.

Но та вернулась, не успела официантка поставить опрокинутый стол. Рыжая шла прямо к Дэву, ее лицо, будто из гранита вырубленное, пересекала ухмылка.

— Берегись, эти шлюшки не доведут до добра. Когда с тебя сойдет глянец, позови старушку Беле.

На нашей планете ни одна сучка и десяти секунд против меня не продержится.

Она метнула в Эдель ледяной взгляд и была такова. Дэв судорожно замахал официантке, чтобы принесла счет.

В последующие недели он еще не раз покидал гостиницу вместе с Эделью. Они обошли городскую систему водоснабжения, наведались на электростанцию, посетили Музей науки. Там, в Электронном зале, девушка набралась смелости и произнесла:

— Дэв, скажи, я тебе хоть чуточку нравлюсь?

Из-за рева могучего генератора зажигания он не сразу понял вопрос. А потом улыбнулся.

— Эдель, конечно, нравишься. Ты очень неплохой слесарь для самоучки.

— Да не об этом речь, — насупилась она. — Я кажусь тебе привлекательной или нет?

С этими словами Эдель подалась вперед, большие синие глаза близко-близко, от длинных волос исходит слабый аромат. Все это почему-то здорово взволновало Дэва.

— Да… кажешься. Ты гораздо красивее большинства девушек, и ты очень добрая. Но на свете есть вещи куда поважнее, и это необходимо понимать. К примеру, я даже не представляю себе,

как выглядит твоя генетическая карта. А еще пи-Аш-фактор…

Пока он говорил, Эдель подступила еще ближе, и вот ее волосы нежно коснулись его щеки. Веки у нее были полуопущены, влажные губы разомкнуты. Она заговорила так тихо, что Дэву едва удавалось разбирать слова.

— Но разве нет других вещей, которые еще важнее, чем гены… чем пи-Аш-фактор?

Тут их губы соприкоснулись, и нервный импульс, вызванный этим контактом, парализовал Дэва, но одновременно и вознес его на небеса, подвесил в космическом пространстве. Пришлось собрать жалкие остатки сил, чтобы оттолкнуть стройную девичью фигурку.

Но то, что он пытался сказать, никак не желало облекаться в слова. Поэтому он просто сбежал от ее нежных губ, вырвался из этой мягкой, но беспощадной ловушки, способной пленить мужчину навсегда.

Потом он не выходил из номера и не отвечал на звонки. За все эти дни у него побывал только один посетитель, тот самый толстяк. Дэв долго не отвечал на стук в дверь, но наконец открыл и услышал знакомый голос. Мизарец прошаркал в комнату и обессиленно плюхнулся в глубокое

кресло.

Слово «толстяк» к нему теперь нисколько не подходило, перед Дэвом сидел трясущийся доходяга с ввалившимися глазами. Тем не менее его лицо не покидала счастливая улыбка.

— Вы что, больны? — спросил молодой человек. — Я могу чем-нибудь помочь?

— Не волнуйтесь, мой мальчик, — вяло отмахнулся гость. — Я вполне здоров. Если на то пошло, здоровее, чем сейчас, я еще никогда не был. А к вам просто зашел попрощаться. Вы-то вроде еще на неделю остаетесь?

— Да, через неделю прибудет корабль, и я обязательно улечу на нем.

Собственные слова почему-то вызвали у Дэва странную тоску. И это вместо закономерной радости по поводу скорейшего возвращения домой!

Отощавший мизарец какое-то время провел у Дэва за разговором о пустяках, потом глянул на часы.

— Мне пора, — сказал он, вставая. — Не хотелось бы опоздать на свидание.

Они обменялись последними рукопожатиями, и худой медленно зашаркал прочь. Дэв не желал думать о нем, поэтому, чтобы отвлечься, заказал еду в номер, хотя для обеда было рановато.

Надо бы пожаловаться обслуге на вчерашний пережаренный стейк, ему-то по вкусу, наоборот, недожаренный. Через несколько минут по трубе прибыла пища — надо признать, на этот раз приготовленная гораздо лучше. Когда Дэв ел, его взгляд упал на скопившуюся в углу пыльную груду рационов для спасательных шлюпок; пришлось еще и бороться с угрызениями совести.

— Да не стал бы я есть туземное, — сказал он себе вслух, — если бы в этих концентратах и впрямь содержалось все необходимое для нормальной жизнедеятельности. Слишком многих важных элементов недостает. Вот вернусь домой, буду питаться качественной синтетикой, а до тех пор придется потерпеть. И пищемания тут совершенно ни при чем. Питьефилия тоже, — добавил он, осушив бутылку холодного пива.

И вот наступил последний день из этих шести недель. Шаттл отправлялся в 16:50, и Дэв решил покинуть гостиницу в 14:00, чтобы ни в коем случае не опоздать. Когда он отворил дверь, за порогом стояла Эдель.

— Пришла пожелать счастливого пути, — сказала она. — И прощения попросить за то, что рассердила тебя.

— Ты о чем? Я тогда вовсе не рассердился.

Он старался не замечать двух слезинок, что набухали в уголках ее глаз. Хотел пожать ей руку, потянулся… Эдель приняла его кисть, и тут снова включился искрящийся магнетизм ее кожи, бросил их друг к другу. И Дэв обнял девушку, и губы их жарко сомкнулись, тела слились…

И тогда он сделал то, труднее чего никогда в жизни не делал, — отстранил ее. Эдель сразу поникла, она не пыталась удержать Дэва. А тому собственный голос показался незнакомым.

— Эдель, это нехорошо. Ты мне нравишься, даже очень, но в твоем присутствии у меня не бывает ясности ума. А ведь ум — это единственное, что отличает человека от животного. Я должен вернуться на родину. Там моя жизнь, моя работа… Так будет лучше для нас обоих, гораздо лучше, и когда-нибудь ты это поймешь.

Он едва не бегом добрался до лифта. Заплаканное лицо так и стояло перед глазами, и лишь усилием воли Дэв заменил его на спасительное дифференциальное уравнение. Но все равно прекрасные черты проглядывали сквозь цифры и символы, как прутья тюремной решетки.

И словно мало было этой неприятности, он едва не опоздал в аэропорт. На его пути оказалась похоронная процессия, длинная колонна

плачущих женщин в черном. Некоторые показались знакомыми — а когда Дэв поравнялся с катафалком, он понял, в чем дело. Этих девиц он видел в обществе мизарца, теперь же тот лежал в пластмассовом гробу. На лице покойника застыла улыбка, и молодой человек со страхом поймал себя на том, что нисколько не удивлен. Причину смерти знакомого он выяснять не стал, а поспешил к поджидающему шаттлу.

Путешествие на Автоматику-17 не баловало интересными событиями. В корабельной библиотеке нашлись свежайшие книги на технические темы, но чтение почему-то быстро утомляло. Однообразные дни неохотно сменяли друг друга, и молодой человек приободрился, лишь когда до прилета остались считаные часы. А становясь на плиту высадки, он с трепетом предвкушал долгожданную встречу с родиной, с друзьями, с любимыми техническими устройствами, — все это, конечно же, вытеснит из сердца непонятную тоску по Сильвейну.

Однако никто не поджидал выходящего из шаттла Дэва. Он переборол легкое разочарование; увидев настенные часы, сообразил, что сейчас середина второй смены — да кто же в такое время бросит рабочее место и помчится

в космопорт? Это не глушь вроде Сильвейна, а очаг высокотехнологичной цивилизации. И Дэв, плоть от плоти своего прогрессивного мира, теперь наконец дома.

Он расправил плечи и направился по стальному коридору в жилую секцию.

И пока он шел, его одолевали непрошеные мысли — только успевай прогонять. Экспериментально доказано, что лучше всех цветов расслабляет тускло-коричневый, он наиболее удобен для глаз. Но стоит ли по этой причине все кругом красить тускло-коричневым? Лезет же в голову всякая ересь, стыдись, Дэв! А почему пол такой жесткий? По ковру шагать было бы приятней... Особенно по зеленому, как трава в солнечный день...

Он остановился, только сейчас подумав о том, сколь долгий срок провел на Сильвейне и как его изменила, даже развратила отсталая планета. Но что же он за слюнтяй, если перемена обстановки способна так сильно на него повлиять! Как огорчатся родители, узнав, что их тяжелый педагогический труд пошел насмарку!

Поддаваться эмоциям — удел слабых. Он и не поддастся. Дэв слеплен совсем из другого теста. В сумке на его боку, в кармашке, лежала нераз-

лучная спутница, счетная линейка; взявшись за нее, он дал клятву забыть крепко-накрепко свою слабость — планету Сильвейн.

Теперь он снова человек-машина!

И молодой человек решительно двинулся дальше, сопровождаемый эхом своих чеканных шагов.

Когда со смены пришли родители, он неподвижно стоял посреди квартиры. Последовал обмен кивками, затем мать нажала кнопку доставки и получила упаковки с ужином. Ели в молчании, дистиллированной водой смывая сухие синтетические крошки в пищевод. Отужинав, отец уселся за стол и раскрыл «Ежедневное техническое обозрение». Едва приступил к чтению, как вспомнил о чем-то и взглянул на Дэва.

— Ты опоздал, — сказал он. — Мы тебя ждали шесть недель назад.

— Сбой в работе бортового компьютера, папа. На корабле Лиги Автоматизированных Миров такого никогда бы не произошло.

— Ну разумеется, — согласился отец. — Мы бы не допустили ничего подобного. И ты весь этот срок промаялся в космосе?

— В результате аварии я был высажен на неразвитую планету. Пришлось ждать следующего

рейса.

— Неразвитую? Но она хотя бы из нашей Лиги? — спросил папа.

— Нет, это аграрный мир, там даже не слышали про Автоматизированные. Нет управления погодой, сельхозкультуры произрастают естественным образом, машины вовсю ломаются и…

— Дэв, этого достаточно, — перебил отец, видя, что матери стало нехорошо. — Мы ведь только что поели.

Дэв, пристыженный, уселся за стол и тоже уткнулся в «Ежедневное техническое обозрение». Но тут сосредоточенную тишину нарушил звонок. Отец уложил листы в аккуратную стопку и пошел открывать.

— Дэв, познакомься, это твоя будущая жена. Пока ты отсутствовал, Генный Манипулятор подыскал тебе пару. Мы получили уведомление о сегодняшнем визите невесты.

Сын встал, испытывая радость и предвкушение — совершенно неуместные для человека-машины эмоции. Наконец дверь отъехала, и вошла суженая.

— Меня зовут Эка, — сказала она.

Не девушка, а мечта добропорядочного гражданина Автоматики-17. Ай-кью 168, если верить

сопроводительной анкете. Худенькое тело облачено в утилитарный коричневый комбинезон, выпуклости не выпирают ни спереди, ни сзади. Толстые очки говорят об усердной учебе, а практичная стрижка «ежик» — о непредрасположенности к фривольностям. И конечно, для человека-машины не имеет никакого значения, что нареченная дышит открытым ртом, да к тому же с атматической хрипотцой.

«Ну и мрак!» — сказал про себя Дэв и едва не выругался вслух, гоня неподобающие, недостойные, да просто немыслимые мысли.

Он шагнул вперед и протянул руку для официального вежливого рукопожатия.

Уже потом, стараясь разобраться в причинах случившегося, он понял: дело в ее руке. Холодной, сухой от химических моющих средств, с пятнами въевшегося машинного масла. Но все же это была рука женщины. И, пожимая, он ощущал давление женской плоти, слабую пульсацию крови в тончайших венах.

Шесть недель, проведенные на Сильвейне, против целой жизни на Автоматике-17… Словно таран, они взломали мощную, сложную программу. Внутри у Дэва что-то согнулось и переломилось с тонким хрустальным звоном.

Эка — его невеста, а вскоре должна стать женой. Значит, надо подойти, обнять ее и поцеловать. Так он и сделал…

Сухой, как картон, поцелуй, вот и все, что ему отчетливо запомнилось из случившегося.

А квартира вдруг превратилась в сущий бедлам. Эка с пронзительным визгом вырвалась из объятий Дэва. Голова рухнувшей в обморок матери громко стукнулась о пол. Отец ударил по кнопке тревожной сигнализации, невыносимо завыли сирены. Наряд службы успокоения вломился в дом, стреляя из газовых ружей, а что было потом, Дэв уже и не видел.

В тюрьме было тихо. Ни соседей, ни надзирателей. Пища доставлялась автоматически. Трое суток Дэв пролежал на койке, предаваясь тягостным раздумьям. Однако, странное дело, никакого раскаяния не испытывал. Если и жалел о чем, так это об упущенном шансе, о возможности обрести счастье, которое не разглядел своевременно.

Наконец открылась дверь, и вошел отец. Дэв сразу прочитал роковую весть на лице пожилого технаря, начертанную жесткими складками вокруг глаз.

— Что, папа, молекулярная камера? — спросил сын.

— Молекулярная камера. Так сказал первый инженер, когда прочитал протокол. Он заявил, что наша планета не будет в безопасности, пока твое тело не рассеется в вакууме до последнего атома. Но он изменил свое решение, ознакомившись с медицинским заключением. Врачи уверены, что все твои действия — безумие в чистом виде, и полагают, что ты, пребывая на варварской планете, подхватил какую-то неизлечимую болезнь. Они рекомендуют предоставить тебе выбор.

— Что за выбор, папа?

— Или молекулярная камера, или изгнание из Лиги Автоматизированных Миров без права на возвращение. Конечно, я пытался им внушить, что есть вещи пострашнее смерти, что ты, конечно же, предпочтешь камеру…

Сказать правду папе — нанести его психике тяжелую травму. Дэв набрал полные легкие воздуху и выпустил его медленно-медленно, и это помогло, голос зазвучал спокойно.

— Ты плохой отец, если не понимаешь, как я раскаиваюсь в содеянном, как мечтаю искупить свою вину. Поэтому я принимаю тяжелейшее решение провести остаток своей злосчастной жизни на диких планетах.

— Одумайся, сынок! Только не дикие планеты!

Выбери хотя бы полуцивилизованную, вроде Земли, там, по крайней мере, что-то слышали о технике.

— Но какое же это искупление? Нет, папа, я отправлюсь туда, где подцепил страшную заразу, на Сильвейн.

— Мученик, — вздохнул отец, а Дэв медленно повернулся и отошел.

Мученику не пристало бежать вприпрыжку навстречу своей страшной участи.

Магазин игрушек

Перевод И. Почиталина

Поскольку в толпе почти не было взрослых, а рост полковника Биффа Хаутона превышал шесть футов, он отчетливо видел каждую деталь демонстрируемой игрушки. Ребятишки — и большинство родителей — смотрели на прилавок, широко открыв рты. И только Бифф Хаутон был слишком искушенным человеком, чтобы испытывать благоговейный восторг. Причиной, почему он остался в магазине, было желание узнать, как устроена игрушка и что заставляет ее взлетать.

— Все это подробно разъясняется в инструкции, — сказал продавец, высоко поднимая ярко раскрашенную брошюру, раскрытую на четырехцветной диаграмме. — Вы все знаете, что магнит может притягивать разные предметы, и я уверен, вам известно также, что сама Земля — это огромный-преогромный магнит, именно поэтому стрелка компаса всегда показывает на север. Ну вот... Удивительный атомный космический

волнолет опирается на эти космические волны. Магнитные волны Земли для нас совершенно невидимы, и они пронизывают все, даже нас самих. Удивительный атомный волнолет плывет по этим волнам, как корабль плывет по волнам океана. А теперь смотрите…

Глаза всех присутствующих были прикованы к продавцу, когда он поставил ярко раскрашенную модель ракетного корабля на прилавок и сделал шаг назад. Модель была сделана из штампованного металла и казалась приспособленной для полета ничуть не больше, чем банка тушенки, которую она очень напоминала с виду. На разноцветной поверхности модели не было ни пропеллеров, ни ракетных сопел. Она покоилась на трех резиновых колесах, и из задней части ракеты выходил двойной изолированный провод. Этот белый провод был протянут через всю черную поверхность прилавка и заканчивался в маленьком пульте управления, который продавец держал в руке. Сигнальная лампочка, регулятор напряжения и кнопка включения — вот и все, что находилось на контрольной панели пульта.

— Я нажимаю кнопку, и ток устремляется к волновым приемникам, — сказал продавец.

Раздался легкий щелчок, и сигнальная лампочка начала посылать равномерные вспышки света: вспыхнула — погасла, вспыхнула — погасла. Затем продавец стал медленно поворачивать регулятор напряжения.

— С волновым генератором необходимо обращаться очень осторожно, поскольку здесь мы имеем дело с космическими силами…

Дружное «ах!» вырвалось у зрителей, когда космический волнолет начал вибрировать, а затем медленно поднялся в воздух. Продавец отступил назад, вглубь магазина, и игрушка начала подниматься выше и выше, мягко покачиваясь на невидимых волнах магнитных сил, поддерживающих ее. Затем напряжение было снято, и модель медленно опустилась на прилавок.

— Всего семнадцать долларов девяносто пять центов! — объявил молодой человек и поставил ценник с крупными цифрами на прилавок. — Всего семнадцать девяносто пять за полный комплект «Атомного чуда», включая пульт управления волнолетом, батарею и брошюру с инструкцией и описанием…

Как только указатель цены появился на прилавке, зрители сразу начали расходиться, и ребятишки, толкая друг друга, кинулись к дей-

ствующим моделям электропоездов. Последние слова продавца были заглушены говором расходящихся зрителей, и он погрузился в угрюмое молчание. Он поставил пульт управления на прилавок, зевнул и сел на край стола. Полковник Хаутон один остался стоять у прилавка, после того как толпа зрителей разошлась.

— Не могли бы вы объяснить мне, как действует эта штука? — спросил полковник, наклонившись вперед.

Продавец просиял и взял одну из игрушек.

— Вот посмотрите сюда, сэр… — Он снял верхнюю часть модели. — Вот видите, на каждом ее конце расположены космические волновые витки. — Он указал карандашом на необычной формы пластиковые стержни диаметром около дюйма, на которые было намотано — очевидно, как попало — несколько витков медной проволоки. Если не считать этих стержней с обмоткой, модель внутри оказалась совершенно пустой. Обмотки были соединены между собой, провода тянулись к пульту управления и исчезали в его днище.

Бифф Хаутон иронически посмотрел на модель и перевел затем взгляд на лицо продавца, который, очевидно, совершенно игнорировал этот

знак недоверия.

— Внутри пульта управления находится батарея, — продолжал молодой человек, снимая крышку с пульта и показывая обычную батарейку от карманного фонаря. — Ток идет от батареи через включающее устройство и сигнальную лампочку к волновому генератору.

— Вы хотите сказать, — прервал его Бифф, — что ток от этой копеечной батарейки проходит через вот этот дешевый реостат и попадает в бессмысленную обмотку внутри модели и что это не может дать абсолютно никакого эффекта. А теперь честно скажите мне, что на самом деле заставляет ее подниматься в воздух? Если уж я плачу восемнадцать зелененьких за эту жестянку, я хочу точно знать, что покупаю.

Продавец покраснел.

— Извините, сэр, — пробормотал он, заикаясь от смущения. — Я совсем не пытался что-то скрыть от вас, сэр. Как и всякая волшебная игрушка, волнолет имеет секрет, и этот секрет не может быть раскрыт, пока она не куплена. — Тут он наклонился вперед с заговорщицким видом. — Но я открою вам одну тайну. Цена этой модели непомерно высока, и никто ее не покупает. Директор сказал, что, если найдутся желающие, можно

продавать модели по три доллара штука. Если вы хотите приобрести модель за эту цену…

— Идет, мой мальчик! — не дал ему закончить полковник и бросил на прилавок три долларовые бумажки. — Эту цену я готов заплатить за игрушку, как бы она ни действовала. Ребята в лаборатории будут от нее в восторге, — прибавил он, постукивая по груди крылатой ракетой. — Ну а теперь — как же она летает?

Продавец с таинственным видом оглянулся вокруг, придвинулся поближе к полковнику и прошептал:

— Бечевка! Или, вернее сказать, черная нитка. Она идет от носа корабля вверх через маленький блок в потолке и обратно к моей руке — привязана вот к этому кольцу, видите? Когда я отступаю, ракета поднимается. Вот и все.

— Все хорошие иллюзионные трюки очень просты, — проворчал полковник, проводив взглядом уходящую вверх нить. — Особенно когда внимание зрителей отвлекается разными уловками.

— Если у вас нет под рукой черного стола, его отлично заменит черная ткань, — заметил молодой человек. — Кроме того, этот фокус очень хорошо получается на фоне дверного проема, если только в задней комнате выключен свет, конечно.

— Заверни-ка ее, мальчуган. Сам не вчера родился. Умею в таких вещах разбираться.

Бифф Хаутон продемонстрировал свою покупку во время игры в покер в следующий четверг. Все его гости были специалистами по ракетной технике, и хохот во время чтения инструкции не прекращался ни на минуту.

— Эй, Бифф, дай-ка я срисую диаграмму. Пожалуй, можно будет использовать эти самые магнитные волны в моей новой птичке!

— Эти батарейки дешевле воды. Вот источник энергии будущего!

Один только Тедди Кэйпер заподозрил неладное, когда начался полет ракеты. Он сам был фокусником-любителем и сразу разгадал трюк. Однако он молчал из чувства профессиональной солидарности и только иронически улыбался, когда присутствующие замолкали один за другим. Полковник умел показывать фокусы, и он превосходно подавал полет. Ему почти удалось убедить зрителей в действительном существовании космического волнолета еще до окончания демонстрации. Когда модель приземлилась и он выключил ток, зрители сгрудились вокруг стола.

— Нитка! — воскликнул один из инженеров с явным чувством облегчения, и все рассмеялись.

— А жаль! — сказал главный физик проекта. — Я надеялся, что некоторое количество космических волн поможет нам. Ну-ка дайте мне попробовать!

— Первым — Тедди Кэйпер! — объявил Бифф. — Он понял, в чем дело, еще когда все вы следили за сигнальной лампочкой, только не подал виду.

Кэйпер надел кольцо с черной ниткой на указательный палец и начал медленно отходить назад.

— Сначала нужно включить питание, — напомнил Бифф.

— Я знаю, — улыбнулся Кэйпер. — Но это входит в иллюзионный трюк — все эти уловки и игра. Сначала я попробую этот фокус просто так, посмотрю, как нужно поднимать и опускать модель, а затем проделаю фокус со всеми атрибутами.

Он начал отводить руку назад, мягким и гибким профессиональным движением, почти незаметным для окружающих. Модель поднялась на несколько дюймов от стола, затем рухнула вниз.

— Нитка лопнула, — сказал Кэйпер.

— Ты, наверно, дернул ее, вместо того чтобы тянуть плавно, — сказал Бифф, связывая оборванные концы нитки. — Вот смотри, я покажу тебе, как это делается.

Но когда Бифф попробовал поднять модель, нитка снова не выдержала, что вызвало новый взрыв веселья и заставило полковника покраснеть. Кто-то напомнил об игре в покер.

Это было единственное упоминание о покере в тот вечер, потому что очень скоро они обнаружили, что нитка выдерживает вес модели только в том случае, когда ток включен и два с половиной вольта проходят через шутовскую обмотку. При выключенном питании модель была слишком тяжелой. Нитка неизменно обрывалась.

— Я все-таки думаю, что это сумасшедшая идея, — сказал молодой человек. — За эту неделю мы сбились с ног, демонстрируя игрушечные космические корабли каждому мальчишке в радиусе тысячи миль. Кроме того, продавать их по три доллара штука, когда изготовление каждой модели обошлось по крайней мере в сотню…

— Но ведь ты все-таки сумел продать десяток моделей людям, представляющим для нас интерес? — спросил пожилой мужчина.

— Пожалуй. Мне удалось продать их нескольким офицерам ВВС и одному полковнику ракетных войск. Затем я спихнул одну служащему Бюро стандартов. К счастью, он не узнал меня. Потом двум профессорам из университета, кото-

рых вы мне показали.

— Так что теперь эта проблема находится в их руках, а не в наших. Нам теперь остается только сидеть и ждать результатов.

— Каких результатов? Когда мы стучались в двери научных институтов, настаивая на демонстрации эффекта, ученые не проявили никакого интереса. Мы запатентовали эти витки и можем доказать кому угодно, что, когда обмотка находится под током, вес предмета в непосредственной близости от этих витков становится меньше…

— Но лишь на очень незначительную долю меньше. И мы не знаем, чем это вызвано. Никто не проявляет ни малейшего интереса к этому вопросу — ведь речь идет о небольшом уменьшении в весе неуклюжей модели, явно недостаточном, чтобы поднять в воздух генератор тока. Все эти ученые, погруженные в грандиозные проблемы, плевать хотели на открытие какого-то сумасшедшего изобретателя, сумевшего найти маленькую ошибку в законе Ньютона.

— Вы думаете, теперь они займутся этим? — спросил молодой человек, нервно ломая пальцы.

— Конечно займутся. Прочность нити на разрыв подобрана так, что она будет рваться всякий раз при попытках поднять на ней полный вес

модели. Но она выдерживает модель при том небольшом уменьшении веса, которое вызывается действием витков. Это озадачит их. Никто не заставляет их заниматься этой проблемой или решать ее. Однако само существование такого несоответствия будет постоянно мучить ученых, ибо они знают, что этот эффект противоречит всем законам и просто не может существовать. Они сразу поймут, что наша магнитная теория — сплошная чепуха. А может, не чепуха? Мы не знаем. Но они будут постоянно думать об этом и ломать себе головы. Кое-кто начнет экспериментировать у себя в подвале — просто увлечение, ничего больше, — чтобы найти объяснение. И когда-нибудь кто-то из них найдет, чем вызвано действие этих витков, а может, сумеет и усовершенствовать их!

— А все патенты в наших руках…

— Точно. Они займутся исследованиями, которые вытеснят из их голов проблемы реактивного движения с его чудовищными затратами энергии и откроют перед ними горизонты настоящих космических полетов.

— И тогда мы станем богачами — как только дело дойдет до промышленного производства, — сказал юноша с циничной улыбкой.

— Мы все разбогатеем, сынок, — похлопал его по плечу пожилой мужчина. — Поверь мне, через десять лет ты не узнаешь этого старого мира.

Война с роботами

Перевод А. Новикова

Пол мчащегося монорельсового вагона едва заметно подрагивал. Движение совершенно не ощущалось, поскольку стенки вагона не имели окон и проносящихся мимо стен туннеля никто не видел. Пассажиры, все в аккуратно выглаженной форме с надраенными до блеска наградами, слегка покачивались на поворотах, погруженные в собственные мысли или негромко переговариваясь. Тысячи футов скальной породы над головами отделяли их от войны. Легко преодолевая полторы сотни миль в час, вагон мчал генерала Пере со штабом к боевым станциям.

Когда взревела сирена тревоги, водитель до упора нажал на тормоз и переключил моторы на реверс. Но ему не хватило времени — металлическая пуля вагона на полной скорости врезалась в перегораживающий туннель барьер из грунта и каменных обломков. Стальные листы обшивки лопнули и смялись, принимая на себя силу удара, погас свет, и в мертвой тишине, сменившей оглу-

шительный грохот столкновения, слышались лишь слабые стоны.

Генерал Пере с трудом встал, тряхнул головой, понемногу приходя в себя, и щелкнул кнопкой фонарика. Луч тревожно заплясал вдоль прохода вагона, превращая оседающие пылинки в искорки и выхватывая из темноты испуганные бледные лица.

— Доложить о потерях, устно, — приказал он адъютанту, понизив голос, чтобы в нем не прозвучала дрожь. Нелегко быть генералом, если тебе всего девятнадцать. Пере заставил себя стоять спокойно. Металлическая спина робота-адъютанта быстро двинулась вдоль прохода.

Хорошо закрепленные сиденья располагались в вагоне спинками вперед, поэтому оставалась надежда, что жертв окажется немного. За спинками последних кресел виделась куча породы и обломков, набившаяся в вагон через искалеченный нос и наверняка похоронившая под собой водителя. Может, оно и к лучшему — не придется устраивать военно-полевой суд.

— Один убитый, один погибший в бою, один раненый. В строю семнадцать. — Адъютант опустил поднятую к голове руку и застыл, ожидая нового приказа.

Генерал Пере нервно закусил губу.

Так, «погибший в бою» — несомненно, водитель, и смерть его столь же несомненна. Убит новый капитан из Зенитного центра. Ему не повезло — в момент столкновения он наклонился вбок и сломал шею о край кресла. Теперь его голова свисала под неестественным углом. А стонет, должно быть, раненый, к нему и следует подойти в первую очередь. Прихрамывая, Пере побрел по проходу и осветил желтое, покрытое капельками пота лицо полковника Зена.

— Моя рука, сэр, — выдохнул полковник. — Когда мы врезались, она была вытянута в сторону и ударилась о металлический край. Думаю, сломалась. Больно…

— Достаточно, полковник, — перебил его Пере чуть громче, чем следовало, потому что страх раненого немного передался и ему. В проходе послышались шаги — подошла заместитель Пере, генерал Нэтайя.

— Вы прошли стандартный курс оказания первой помощи, генерал, — сказал Пере. — Перевяжите его, потом доложите.

— Да, сэр, — отозвалась Нэтайя с тем же оттенком страха в голосе.

«Черт побери, — подумал Пере, — неужели она

не знает, что генерал не имеет права проявлять свои чувства? Войска не должны почувствовать наш страх — даже если нам и в самом деле страшно». Он не делал скидки на то, что Нэтайя женщина и ей только восемнадцать лет.

Позаботившись о подчиненных, он переключился на насущные проблемы. Разложив все факторы по полочкам, он испытал некоторое облегчение. Его специальностью как раз и являлось решение проблем, и избран он был для этого еще до рождения. Генетический анализ отобрал лучшие цепочки ДНК из банка спермы и яйцеклеток его родителей. Это обстоятельство вкупе с последующими тренировками сделало его идеальным командиром. Обладая мгновенными юношескими рефлексами, он становился на поле боя достойным противником и теперь предвкушал успешную карьеру в предстоящие ему до отставки четыре-пять лет.

Для человека, который вскоре станет дирижировать конфликтом глобального масштаба, проблема оказалась детски простой.

— Связь осталась? — рявкнул он, наставляя палец на майора-связиста. Теперь в его голосе звучала привычная властность, резко контрастирующая с короткой мальчишеской стрижкой и

веснушками.

— Нет, сэр, — ответил офицер, отдавая честь. — Завал в туннеле перебил и подземные линии связи. Я пробовал подключить полевой телефон, но линия молчит.

— Кто-нибудь знает, насколько мы далеко от штаба? — спросил он, повышая голос, чтобы его услышали все офицеры в вагоне.

— Сейчас скажу… секундочку, сэр, — отозвался седой полковник из компьютерных войск. Он тут же принялся перемещать движок карманной логарифмической линейки, подсвечивая себе фонариком и сосредоточенно щурясь. — Мне неизвестна вся длина туннеля или точное местонахождение штаба. Но я уже ездил туда прежде, и путь занимал чуть более трех часов. Зная время столкновения, нашу скорость и сделав поправку на торможение…

Голос полковника сбился на бормотание. Пере нетерпеливо ждал, но не шевелился. Ему требовалась эта информация, чтобы сделать следующий ход.

— До штаба от сорока до шестидесяти миль, сэр. Это крайние цифры, и я полагаю, реальное расстояние — пятьдесят миль…

— Не так уж плохо. Мне нужны два доброволь-

ца — вы и вы. Пройдите к кабине и выясните, нельзя ли пробиться через этот завал. Попробуем выбраться и продолжить путь пешком. Мы просто обязаны добраться до штаба, раз противнику удалось нанести удар столь близко от него.

Последнюю фразу он добавил, поднимая дух подчиненных, — на тренировках ему рекомендовали при малейшей возможности обращаться к их человеческим чувствам. Особенно в нештатных ситуациях. А эта ситуация как раз такая, необычная. Не очень-то многообещающее начало командирской карьеры. Он нахмурился, уставившись в темноту вагона, и, лишь сделав над собой усилие, изгнал из голоса всякие оттенки чувств, отдавая приказ собрать запасы пищи и воды. Когда приказание было выполнено, он отправил адъютанта сменить двоих людей, раскапывавших завал. На такой работе один робот стоил десяти человек, уж тем более двух.

Через барьер они пробивались почти двенадцать часов и под конец все просто выдохлись. Робот копал, а люди по очереди выгребали из прохода породу и камни. Несколько раз случались небольшие обвалы, на которые они в спешке не обращали внимания до тех пор, пока сильный обвал у самого входа не завалил робота наглухо.

Люди копали, пока не показались металлические ноги, а Пере обвязал лодыжки робота кусками бесполезного теперь телефонного провода. Пришлось добавить еще несколько проволочных петель, и лишь совместными усилиями адъютанта удалось вытянуть из могилы. После этого работа пошла медленнее, потому что пришлось демонтировать в вагоне кресла и подпирать ими крышу подкопа, и, если принять во внимание все преодоленные препятствия, двенадцать часов, затраченных на такую работу, оказались не таким уж плохим результатом.

Когда все выбрались из вагона, генерал Пере разрешил получасовой отдых. Люди глотнули из фляжек и обессиленно рухнули на пол тунеля рядом с центральным рельсом. Гордость и положение не позволили Пере отдыхать, и он, сопровождаемый адъютантом, отправился вперед проверить, свободен ли путь.

— На сколько часов хватит заряда твоей батареи при максимальном расходе? — спросил Пере.

— Более чем на триста.

— Тогда беги вперед. Если встретишь новые завалы, начинай их расчищать, а мы тебя догоним и поможем. Если доберешься до штаба без помех,

пусть они вышлют нам навстречу вагон. Так мы сэкономим немного времени.

Робот отдал честь, и вскоре топот его ног затих в отдалении. Пере взглянул на светящийся циферблат своих часов и объявил, что отдых закончен.

Ходьба в темноте, освещенной лишь пляшущим где-то впереди огоньком, вскоре превратилась в подобие дурного сна, притупившего все прочие чувства. Они брели уже почти восемь часов, делая короткие перерывы каждый час. Когда люди начали падать, засыпая на ходу, Пере неохотно скомандовал привал. Он заставил подчиненных поесть и лишь затем разрешил поспать четыре часа, после чего снова поднял измученных людей на ноги. Они пошли дальше — теперь еще медленнее, — и миновало еще пять часов темноты, прежде чем впереди блеснула фара вагона.

— Всем направить фонарики вперед, — приказал Пере. — Не хватало еще, чтобы нас задавили.

Робот-водитель держал небольшую скорость, высматривая людей. Они из последних сил забрались в вагон, многие тут же заснули и проспали до конца недолгого пути в штаб. Адъютант подошел к Пере с докладом:

— Я доложил об аварии, но в другом туннеле обнаружены еще два завала.

— Причины?

— Разведка еще не установила причин, но вскоре доложит.

Пере проглотил готовое вырваться мнение об уме работников разведки, поскольку даже роботам не следует выслушивать фразы, снижающие боевой дух. Он подергал прилипшую к телу рубашку и неожиданно ощутил, что в вагоне стало жарко.

— Что случилось с кондиционером? — раздраженно спросил он.

— Ничего, сэр. Просто температура воздуха в туннеле гораздо выше обычной.

— Почему?

— Причина пока неизвестна.

По мере приближения к штабу жара неуклонно росла, и Пере приказал всем расстегнуть воротнички. Затормозив, вагон остановился в огромном ангаре в конце туннеля. Когда открылась дверь, ворвавшийся внутрь воздух оказался настолько горячим, что у всех перехватило дыхание.

— Бегом к шлюзу, — с трудом выдохнул Пере — горло его мгновенно пересохло от жары. Спотыкаясь, они побежали к большой двери у дальнего конца платформы. Роботы-пулеметчики, укры-

тые в боевых ячейках металлической стены, поворачивали им вслед стволы. Их опознали, и огромная металлическая дверь начала медленно открываться, не дожидаясь их приближения. Кто-то упал и вскрикнул, коснувшись рукой раскаленного металла платформы. Пере заставил себя выждать, пока все не оказались в шлюзе, и вошел последним. Когда наружная дверь закрылась, стало немного прохладнее, а по-настоящему полегчало, лишь когда люди преодолели все пять последовательных отсеков шлюза. Но и в крепости воздух оказался теплее, чем следовало.

— Вероятно, эта жара как-то связана с тем, что нас послали на неделю раньше запланированного срока, — предположила Нэтайя. — И жара, и завалы в туннелях могли стать делом рук вражеских диверсантов.

Пере и сам пришел к такому же заключению, но не стал высказывать его вслух даже своему заместителю. Ему одному было известно, что график смены командиров изменили из-за аварийной ситуации в штабе, но причина самой аварии осталась неизвестной даже для верховного командования. Сдерживаясь, чтобы не побежать, Пере повел своих людей в штабной пункт управления.

Здесь все оказалось не в порядке. Когда он, соблюдая устав, попросил разрешения войти, никто не отозвался. Обслуживающие роботы невозмутимо занимались своими делами, но ни единого офицера не было видно. На мгновение ему показалось, что все четыре боевых поста заброшены, и от волнения у него даже замерло сердце, но тут на его глазах из-за спинки кресла главного поста высунулся палец и нажал кнопку — человек сидел в кресле так низко, что его заслоняла спинка. Пере торопливо направился к посту, поднимая руку, чтобы отдать честь, но его рука замерла на полпути, а потом медленно опустилась. Глаза генерала расширились от ужаса.

Оператор в кресле наконец осознал, что рядом кто-то стоит, и с огромным усилием отвел от пульта глубоко запавшие, покрасневшие глаза. Но лишь на мгновение. Пере успел заметить в глазах, выглядывающих из обведенных темными кругами глазниц, выражение боли, словно у испуганного животного, затем они снова уставились на пульт, а худая дрожащая рука потянулась к кнопке.

— Слава богу, вы прибыли… наконец… спасибо…

Слова, произнесенные едва различимым шепо-

том, обессиленно растаяли в воздухе.

Руки офицера оспинами усеивали следы бесчисленных инъекций и струйки засохшей крови. Мешанина картонных коробочек и пузырьков на столе без слов поведала Пере историю человека, заставляющего себя бодрствовать и действовать, даже переступив порог человеческой выносливости: он колол себе стимуляторы, суррогаты сна, глюкозу, болеутоляющие, смеси витаминов. Офицер просидел в кресле несколько суток, управляя всеми четырьмя боевыми постами, подключенными к пульту. Оставшись по какой-то неизвестной и ужасной причине один, он вел войну, дожидаясь помощи. Пере с невольным отвращением заметил, что он даже справлял нужду, не вставая с кресла.

— Генерал Нэтайя, берите на себя свободный пост, — приказал он.

Нэтайя привычно уселась в кресло и переключила на себя показания всех пультов.

— Готово, сэр, — доложила она, быстро оценив все факторы сражения.

Пере перебросил главный тумблер, красная лампочка на пульте перед ним погасла, а такая же лампочка на пульте Нэтайи вспыхнула.

Свет этой лампочки словно был той искрой

жизни, что еще поддерживала силы человека за пультом. Едва она погасла, он уронил голову на ладони и обессиленно повалился на бок. Пере стиснул плечо офицера и тряс до тех пор, пока руки того не повисли вдоль тела, а последние остатки сознания не остановили болтающуюся голову. Сделав мучительное усилие, человек приоткрыл глаза.

— Что произошло? — спросил Пере. — Где все остальные?

— Мертвы, — услышал он затухающий шепот. — Я один остался жив… потому что лежал в постели. Мне повезло, я не касался металла — только одеяла и матраса. Роботы сказали, то был источник каких-то колебаний… субзвуковые… или суперзвуковые… что-то новое. Вибрации убили всех… белки тела свернулись. Как яйца… вареные яйца… все мертвы…

Когда человек снова потерял сознание, Пере подал знак стоящему наготове офицеру-медику. Генерал опустил глаза на стальной пол и вздрогнул: вибрационное оружие могло в любой момент сработать снова. Но могло ли? Роботы наверняка предприняли ответные меры. Он повернулся к командному роботу, с непоколебимым металлическим спокойствием стоящему возле

компьютера. Тот был сконструирован как нормальный, способный передвигаться механизм, и на его особые функции указывал лишь большой видеоэкран на груди да тянущаяся к компьютеру толстая пуповина металлического кабеля. Робот был, по сути, лишь внешним придатком гигантских компьютеров и их блоков логики и памяти — сердца подземного штаба.

— Ты обнаружил источник смертоносных колебаний? — спросил Пере командного робота.

— Это была машина, которая сама собралась и прикрепилась к наружной стене штаба. Ее засекли немедленно после начала работы, а излучаемые ею частоты были проанализированы и нейтрализованы в течение трех минут и семнадцати секунд. Оборудование и роботы не пострадали, поскольку частота излучения вызывала резонанс только в белках живых организмов. Весь персонал, кроме полковника Фрея, мгновенно погиб. Большие запасы еды в кладовой…

— О еде станем волноваться потом. Где эта машина?

— Там, — ответил робот, указывая на дальнюю стену, тут же направился в нужную сторону, легко волоча за собой кабель, и сдернул покры-

вало со стоящего там предмета примерно в метр высотой. Пере никогда не видел машин, даже отдаленно напоминающих эту, — она больше походила на спутанную массу блестящих корешков, а застрявшие между ними комочки красной земли лишь усиливали иллюзию.

— Как она работает?

Робот вытянул руку, низко склонившись, чтобы сфокусировать свои микроскопические объективы, и осторожно отделил один из корешков. Он лежал на металлической ладони робота — восемь дюймов длиной и в одну восьмую дюйма диаметром. Приглядевшись, можно было заметить, что корешок, хотя и гибкий, состоит из плотно пригнанных и гладко отполированных сегментов. Робот начал показывать самые интересные детали:

— Генератор вибраций состоит из множества таких частей, совершенно одинаковых. На переднем конце расположено отверстие с твердыми краями, способное просверливать грунт. Частички грунта перемещаются вдоль всего тела машины и выходят здесь: ее действие сходно с принципом перемещения дождевого червя. Расположенный вот тут блок выбора направления задает курс на нашу базу, ориентируясь с

помощью гравиметра. Здесь блок питания и генератор частоты. Одиночная машина безвредна, и мощность ее излучения ничтожна. Но когда они скапливаются в одном месте и одновременно включаются, возникают вибрации смертельно опасной мощности.

— Почему же их не засекли раньше?

— Индивидуальная масса каждого компонента слишком мала, а металлических частей в них нет. Кроме того, они перемещаются очень медленно, и, чтобы добраться до штаба и накопить достаточную для атаки массу, им потребовалось длительное время.

— Какое именно?

— Измерив чувствительность их гравиметров относительно массы штаба и оценив скорость перемещения, мы пришли к выводу, что компоненты начали зарываться в грунт четыре года назад.

— Четыре года!

Названная роботом цифра ошеломила генерала Пере. Мили грунта и скальных пород, окружающие штаб со всех сторон и прежде внушавшие лишь спокойствие, внезапно превратились в прибежище бесчисленных ползущих машин, приближающихся к нему с чисто механическим

упорством.

— Можете ли вы их остановить и не допустить возникновения новой групповой машины?

— Теперь, когда проблема ясна, она не представляет для нас трудности. Защитные экраны и детекторы уже установлены.

Тревога медленно рассеялась. Генерал Пере повернулся к своим подчиненным, вытирая мокрое от пота лицо. Сейчас за пультом каждой из боевых станций сидел оператор, потерявшего сознание полковника Фрея унесли. Все функционировало безупречно. Вот только проклятая жара…

— Почему так жарко? — рявкнул Пере. — Из-за чего поднимается температура? Вам следовало уже давно установить причину.

— Повышение температуры вызвано наличием в грунте вокруг данной станции сильно нагретых участков. Причина возникновения локальных зон перегрева неизвестна.

Пере поймал себя на том, что нервно грызет ноготь большого пальца, и сердито выдернул его изо рта.

— Что значит «причина неизвестна»? По-моему, она очевидна. Если враги смогли изготовить сложные генераторы колебаний в виде этих кусочков пластикового спагетти, то им наверняка

по силам сделать столь же компактные генераторы тепла. И эти генераторы вполне могут атаковать нас следом за коагуляторами.

— Мы приняли эту теорию во внимание как одно из весьма вероятных объяснений, но у нас нет доказательств…

— Так добудьте доказательства!

Прямолинейная логика всех роботов, несмотря на их теоретическую гениальность, неизменно выводила Пере из равновесия. Объяснение загадочного перегрева станции показалось ему столь очевидным, что он в нем ни на секунду не усомнился. Нажав на груди робота кнопку, помеченную «КОМАНДЫ ИНСТРУМЕНТАМ», он скомандовал:

— Немедленно начать поиск за пределами горячих зон. Искать любые другие специализированные роющие машины.

Позаботившись об обороне, он обратил внимание на боевые действия. Все запланированные операции выполнялись столь гладко, что скопившееся внутри напряжение начало понемногу рассасываться. На контрольных панелях перемигивались огоньки — кодированные символы логистики и разведывательных данных. Операторы делали запросы, передавая результаты на

центральный пост, где сидела генерал Нэтайя — внешне невозмутимая, но напряженная внутри. Разумеется, электронная война велась с такой скоростью, что человеческий разум был не в силах за ней уследить. Все ракеты, противоракеты, перехватчики, бомбардировщики и танковые роты управлялись и направлялись роботами. Истинные боевые приказы отдавали компьютеры с различной степенью разумности и ответственности за принятые решения. Но эту войну начали люди, и им предстояло управлять ею до конца. Люди-операторы оценивали непрерывно меняющиеся факторы глобальной битвы и выбирали лучший из вариантов ее продолжения, предложенных стратегическими машинами. Война развивалась удачно. Анализ результатов показывал небольшой сдвиг к победе, достигнутый за последние девять месяцев. Если этот сдвиг удастся удержать — а тем более увеличить, — те, кто придет им на смену через одно или два поколения, станут свидетелями победы. Пере эта мысль доставляла удовольствие, смешанное с толикой печали.

Пять смен спустя удалось обнаружить и нейтрализовать первого теплового червя. Пере разглядывал его с отвращением. Такой малень-

кий — а сколько причинил неприятностей! Все уже давно переоделись в тропическую форму, но продолжали страдать от жары. Внешне тепловой червь отличался от генератора колебаний лишь цветом пластикового тела — он был ярко-красным.

— Как он вырабатывает тепло? — спросил Пере командного робота.

— Машина имеет схему самоликвидации. Источник питания замыкается накоротко через гибкий контакт. Схемы сгорают за несколько микросекунд, но этого времени достаточно, чтобы сжать небольшую порцию водорода…

— И он взрывается! Маленькая водородная бомба?

— В определенном смысле — да. Радиация очень слабая, большая часть энергии выделяется в виде тепла, образуя полость, заполненную расплавленной лавой. Тепло медленно рассеивается, проникая внутрь базы. Постоянно происходят новые взрывы, увеличивая вокруг нас объем расплавленной породы.

— Можешь ли ты засечь и уничтожить эти штуки до того, как они взорвутся?

— Задача трудна из-за их большого количества и объема грунта, который следует проверить.

Сейчас конструируются специальные машины и детекторы. Приняв во внимание все факторы, мы выполнили экстраполяцию. Вероятность того, что температура не поднимется выше точки, выводящей базу из строя, — девяносто девять процентов.

Теперь Пере мог с радостью отбросить и другой давящий его груз тревоги: постоянная жара сильно действовала на всех людей. Интересно, лениво подумал он, насколько станет жарко перед тем, как температура начнет опускаться?

— Какой расчетный максимум температуры? — спросил он.

— Пятьсот градусов, — с механической невозмутимостью ответил робот.

Пере уставился в пустоту глаз-объективов, и ему показалось, что кто-то ударил его по голове.

— Но… но это же в пять раз выше температуры кипения воды! — выдохнул он.

— Правильно. Вода кипит при ста градусах.

— Да ты понимаешь, о чем говоришь? — изумленно ахнул Пере. — Ведь люди не… Мы же не выживем!

Робот промолчал, поскольку за решение этой проблемы штабные роботы ответственности не несли. Пере закусил губу и перефразировал

вопрос:

— Такую температуру люди вынести не смогут — даже если машины еще будут действовать. Ты должен найти способ ее понизить.

— Эта проблема уже рассматривалась, поскольку при такой температуре некоторые особо чувствительные компоненты окажутся у предела работоспособности. Воздушные кондиционеры сейчас работают с максимальной перегрузкой, и их число не может быть увеличено. Поэтому мы уже начали бурильные работы в направлении ближайших источников воды, которой будет замещен воздух в помещениях базы. Эта вода имеет низкую температуру и способна поглотить большие количества тепла.

Пусть решение не идеальное, а всего лишь компромисс, но на некоторое время поможет. Можно оставить для жилья одно герметичное помещение, а дежурные офицеры станут нести вахту в гидрокостюмах. Неудобно, но реально.

— Какова будет максимальная температура воды? — спросил он.

— Сто сорок градусов. Запасы воды большие и позволяют снизить ее еще больше, но конструкция помещений базы обеспечивает легкую циркуляцию воздуха, а не воды. Все машины в

соответствии с военными стандартами изготовлены водонепроницаемыми…

— Но люди не машины! — в сердцах крикнул Пере. — В твоей водичке из нас получится суп. Скажи мне, нам-то как выжить?

Оракул снова промолчал. В отдалении что-то зашипело, зажурчала вода.

— Что это? — ахнул Пере.

— Заливаем нижние этажи, — ответил робот.

Пере увидел, что все люди смотрят на него, ожидая, как он оценит слова робота.

— У кого-нибудь есть идеи? — спросил он, даже не заметив прозвучавшей в голосе мольбы. Подчиненные промолчали.

Но решение должно существовать! Пере заставил свой усталый ум снова и снова перебирать варианты. Дистанционное управление штабом из Национального центра? Нет, слишком опасно: линии управления можно забить помехами, перерезать или даже захватить. Здесь, в помещении центрального поста, должен постоянно находиться как минимум один человек — в противном случае эту работу давно поручили бы роботам.

— Схема случайного выбора! — воскликнул он с внезапным облегчением. — Ты можешь собрать

робота со встроенными схемами случайного выбора, способного управлять командной станцией? — спросил он робота.

— Да.

— Тогда начинай собирать, немедленно. Возможно, нам придется эвакуироваться, и я хочу, чтобы в этом случае робот был готов взять управление на себя.

Такая ситуация не продлится долго, им придется лишь дождаться, пока температура не снизится до переносимого людьми уровня. Все решения, принимаемые оператором боевого поста, сводились, по сути, к выбору «или-или», и редко когда нужно было выбирать из трех и более вариантов. Робот, способный правильно оценивать обстановку и принимать произвольные решения, мог на некоторое время заменить человека. Конечно, он допустит некий процент ошибок, и инкремент победы на пару пунктов упадет, но крупных неприятностей не возникнет. Перед началом реализации этого плана ему придется получить разрешение Национального центра, но Пере не сомневался, что лучшего решения не смогут придумать и там.

Так оно и оказалось. Стареющие командиры не блистали сообразительностью и поблагода-

рили генерала Пере за идею. Он даже получил повышение в звании и право добавить еще одну звезду на погоны. А также приказ эвакуироваться со всеми людьми, как только командный робот начнет действовать удовлетворительно. Уровень горячей маслянистой воды на нижних этажах штаба уже достиг коленей. Охватившая людей напряженность рассеялась лишь после того, как внесли нового робота. Когда машину привинтили к креслу, где только что сидел Пере, генерал нахмурился. Робота собирали наспех, не обращая внимания на несущественные детали, и его тело оказалось прямоугольной металлической коробкой со следами торопливой сварки. Два электронных глаза торчали из похожего на пенек столбика, заменявшего голову, из середины корпуса протягивалась единственная рука. Глаза робота тут же уставились на сигнальную лампочку, рука выжидательно замерла. Пере переключил на центральный пульт перед роботом управление всеми логическими схемами, бросил последний взгляд на текущую боевую обстановку и решительно перебросил главный переключатель.

Перед роботом вспыхнула красная лампочка, и он мгновенно начал действовать. Металлический

палец с быстротой молнии нажал три кнопки и щелкнул переключателем, затем опустился. Пере оценил принятые решения, но придраться не смог. Возможно, стоило перебросить танковый резерв на восточный выступ линии фронта и попытаться ее удержать. Но с точки зрения тактики не менее логичным было бы отступить, выпрямить линию фронта и избежать потерь, неизбежных при первом варианте. Оба решения имели примерно одинаковый индекс вероятности успеха, потому и были выведены на панель. Да, робот справится.

Эта мысль вызвала в Пере гнев. То, что его смог заменить однорукий металлический ящик, он воспринял как личное оскорбление. Уж не в таком ли облике машины воспринимают людей? Металлические пальцы пробежались по панели и снова опустились.

— Приготовиться к выходу! — скомандовал он охрипшим голосом. Нельзя им эвакуироваться, никак нельзя. Но что еще остается делать?

— Полковника Фрея понесем на носилках, — сказал он офицеру-медику. — Как его самочувствие?

— Он мертв, — ответил врач, сохранив профессиональную ровность тона. — Его организм

сильно ослабел, и жара оказалась для него смертельной. Сердце не выдержало.

— Ладно, — отозвался Пере, взяв себя в руки. — Тогда остается единственный раненый — полковник Зен, и он вполне сможет идти даже с загипсованной рукой.

Когда все офицеры собрались, генерал Нэтайя подошла к Пере и отдала честь.

— Все на месте, сэр. Каждый из нас несет дополнительный запас пищи и воды на случай, если непредвиденные обстоятельства задержат нас в возвратном туннеле.

— Да, разумеется, — ответил Пере, мысленно выругав себя за то, что не подумал о столь простых мерах предосторожности. Но на него навалилось слишком много всего и сразу. Пора выступать. — Туннель монорельсовой дороги свободен? — спросил он адъютанта.

— Там произошли еще два незначительных обвала, но путь уже расчищен.

— Прекрасно. Слушай мою команду. Смир-рно… напра-аво… шагом марш!

Когда его маленький отряд побрел к выходу, генерал Пере повернулся лицом к командному посту и, повинуясь какому-то анахроничному порыву, отдал честь. Машины не обратили на

него ни малейшего внимания. Сидящий в его кресле робот быстро нажал кнопку, даже не обернувшись. Ощутив себя дураком, Пере быстро повернулся и вышел.

Проходя одну за другой многочисленные бронированные двери крепости, они наткнулись на робота. Он ждал во внешнем отсеке и, едва дверь открылась, протиснулся внутрь. То был один из механических работников, весь поцарапанный и покрытый грязью. Поскольку он не был снабжен речевым блоком, Пере пришлось расспросить его через адъютанта.

— Выясни, что там произошло, — рявкнул генерал.

Роботы начали безмолвный разговор, установив прямой радиоконтакт между мозгами и мгновенно обмениваясь вопросами и ответами.

— Выходной туннель блокирован, — сообщил адъютант. — Свод во многих местах обрушился, а сам туннель постепенно заполняется водой. Принято решение прекратить его расчистку из-за невозможности завершения этой работы — постоянно происходят новые обвалы.

— Опротестуй решение, — приказал Пере с отчаянием в голосе.

Они преодолели последнюю дверь и оказались

на платформе перед входом. Из-за ошеломляющей жары мыслить стало почти невозможно. Сквозь красный туман перед глазами Пере разглядел массивных роботов-землекопов, потоком выходящих из туннеля и направляющихся ко входу в штаб.

— Любые изменения невозможны, — доложил адъютант, и его металлический голос показался людям гласом судьбы. — В настоящий момент туннель расчистить невозможно — в нем обнаружены маленькие машины, очень похожие на тепловых диверсантов. Они проникли сквозь толщу породы к туннелю и теперь вызывают обвалы свода. Туннель будет расчищен, когда их…

— Другой выход! Тут должен быть другой выход! — крикнул Пере. Голос его был столь же напряжен, как и мысли, но робот понял и воспринял его слова как команду.

— Здесь имеется аварийный выход. Раньше он вел на верхние уровни. У меня нет полной информации. Возможно, сейчас этот выход замурован.

— Показывай дорогу — здесь мы все равно оставаться не можем.

Руки у людей были в перчатках, поэтому металлические перекладины лестницы лишь горячили ладони, не вызывая ожогов. Первым карабкался

робот-адъютант, и лишь его механическая сила смогла преодолеть сопротивление проржавевшего от времени запорного колеса на двери, выводящей на верхние уровни. Следом ковыляли люди, некоторые падали и больше не поднимались. Одним из первых, должно быть, оказался полковник Зен, которому пришлось пользоваться только одной рукой. Жара в окружающей их кромешной тьме оказалась настолько сильной, что даже врач не заметил, когда его пациент потерял сознание и остался позади. Вскоре и он, уже далеко немолодой человек, тоже не выдержал.

Сперва генерал Пере пытался приказывать, а когда это не подействовало, попробовал поднимать обессилевших подчиненных сам. Но, затрачивая на них время, он отставал от отряда и, увидев где-то далеко в пыльном коридоре быстро тускнеющий свет фонаря, принял единственно правильное в этих обстоятельствах решение. Пере даже не осознал своего поступка, потому что находился на грани обморока, и лишь желание выжить погнало его вперед. Обогнав немногих уцелевших, он отодвинул Нэтайю и занял свое место за спиной возглавляющего колонну робота.

Боль вела схватку с усталостью и заставляла двигаться вперед, пока они не вышли из зоны

одуряющей жары. У Пере хватило лишь сил скомандовать «стоп», глотнуть из фляжки и свалиться на пол. Остальные рухнули вокруг него скорченными комками боли. Адъютант остался стоять, с неиссякаемым машинным терпением ожидая, когда люди встанут.

Через некоторое время стоны заставили Пере подняться и нащупать обожженными пальцами аптечку. Противоожоговая мазь облегчила страдания пяти уцелевшим, а стимуляторы снабдили иллюзией силы, позволившей двинуться дальше. Весь трудный и долгий путь генерал Нэтайя смогла держаться рядом с Пере, не отставая от трех других молодых офицеров. Впрочем, один из них оказался недостаточно молод и во время очередного подъема просто исчез.

Над штабом оказался целый лабиринт туннелей и всевозможных помещений. Все они некогда были обитаемы, пока неослабевающее давление войны не вынудило операторов зарываться все глубже и глубже. Не окажись с ними робота, они все погибли бы. В его электронном мозгу хранились подробности планов каждого из уровней, поскольку он вобрал в себя память всех своих предшественников-адъютантов с самого начала войны. Если их путь блокировали завалы, они

возвращались и отыскивали обход, шаг за шагом пробиваясь к поверхности. Время во мраке словно перестало существовать; выбившись из сил, они засыпали, потом поднимались и брели дальше. Кончилась пища, подходила к концу вода, и их силы поддерживала только твердая уверенность робота в том, что они добрались до верхнего уровня.

— Мы уже под самой поверхностью, — сказал адъютант. — Этот туннель вел на подземную батарею, но сейчас он блокирован.

Пере сел, уставившись слипающимися глазами на круглое отверстие туннеля, и заставил усталый мозг обдумать проблему. Высота железобетонного свода была чуть выше человеческого роста, и зазубренные обломки того же бетона завалили проход.

— Разбери завал, — приказал Пере.

— Не могу, — ответил робот. — Моя батарея на грани истощения. Мне не хватит энергии завершить работу.

Все, конец. Дальше им не пройти.

— Быть может, нам удастся… взорвать завал, — робко предложила Нэтайя. Пере направил на нее луч фонаря и увидел, что Нэтайя держит на ладони горсть патронов, извлеченных из обоймы

на поясе. — У них внутри мощная взрывчатка. Наверное, адъютант сумеет подорвать их одновременно.

— Сумею, — подтвердил адъютант.

Как ни удивительно, все четверо до сих пор не расстались с оружием и запасными обоймами, побросав по дороге все остальное снаряжение. Пока люди отходили подальше в туннель, адъютант заложил обоймы с патронами в завал и через минуту торопливо вернулся. Все прижались к полу. Он тут же дрогнул от взрыва, грохот ударил по ушам. Пере заставил всех выждать несколько томительно долгих минут, пока оседала едкая пыль, и лишь потом разрешил двинуться вперед.

Завал так и остался на месте, зато свод туннеля обрушился. Луч света, пробившись сквозь дыру в потолке, весело заиграл на пылинках.

— Пробились наконец, — прохрипел Пере. — Помоги мне подняться.

Усевшись на плечи робота, он дотянулся до дыры и стал расширять отверстие, обрушивая вниз мягкий грунт, пока оно не оказалось достаточно широким для его плеч. К ногам оставшихся в туннеле упал кусок дерна с влажной зеленой травой. Пере высунулся из дыры и пошарил руками, отыскивая, за что ухватиться.

— Позвольте вам помочь, — произнес чей-то голос. Загорелые мозолистые руки тут же потянули генерала из дыры.

Помощь оказалась столь неожиданной, что Пере ахнул. Освободиться он не мог, и вскоре крепкие руки вытянули его наружу. Пере упал лицом вниз и потянулся к пистолету. Привыкшие к темноте глаза заболели от яркого света. Сквозь слезы боли он разглядел окружающую его цепочку ног и снял руку с рукоятки оружия. Тут же вытащили и остальных. Когда глаза приспособились, Пере смог оглядеться. С пасмурного неба моросило, он сидел на мокрой траве. Перед ним простиралось свежевспаханное поле. Пере доставило истинное удовольствие узнавать наяву то, что он прежде видел только на экране. Генерал впервые за всю жизнь оказался на поверхности.

Все виденные им записи были, разумеется, историческими и сделаны в те довоенные времена, когда люди еще жили на поверхности, а не в многочисленных подземных городах. Он всегда полагал, что поверхность стерильна и лишена жизни. Тогда кто же эти люди?

Что-то с ревом и воем промчалось высоко в небе, а генерал в первый раз заметил раздающееся со всех сторон громыхание.

— Кто вы?

Пере с трудом поднял глаза на говорящего. Им оказался тот самый человек, что помог ему выбраться из туннеля.

— Я генерал Пере, а это мои подчиненные.

Кожа у человека была очень темной, а одет он в причудливо-зловещий костюм, словно собранный из механического утиля: одежда сшита из плекситкани, служившей некогда чехлом для какой-то машины, а обувь слеплена из металлических кусочков, скрепленных металлической же сеточкой. На голове, как и у прочих, — металлический шлем.

— Генерал, — процедил мужчина. Улыбка сползла с его лица, он повернулся и пронзительно свистнул.

Пере заметил в отдалении нескольких людей, тянущих странное устройство; один из них помахал рукой в ответ на свист, и компания двинулась в их сторону.

— Вон идет Борук, — хмуро сообщил загорелый. — Поговори с ним. Может, до чего хорошего и договоритесь. Хотя сомневаюсь. — Он сплюнул и забросал плевок землей, орудуя пальцем ноги.

Где-то за облаками приглушенно громыхнул мощный взрыв. Пере поднял голову и успел за-

метить, как тучи на мгновение стали розовыми. Из них вывалилась черная точка и на глазах охваченного ужасом Пере приняла форму гигантского колеса. Казалось, оно падает прямо на них, но все же врезалось в землю на дальнем конце поля. Огромный обод спружинил и подбросил колесо в воздух. Оно пролетело прямо над их головами, и лишь Пере со спутниками подняли глаза, разглядывая его. Диаметр его был не менее ста футов, и генерал ясно увидел покрышку и металлическую ступицу со спицами. Из какой-то перебитой трубки еще хлестала жидкость. Колесо вновь подпрыгнуло, сотрясая землю, и скрылось за холмом.

— Что это было? — спросил Пере, но ему никто не ответил.

Группа, работавшая в поле, приблизилась, и теперь он увидел, что они тянут плут, собранный из кусков всяческого лома. Единственными деталями, которые он смог опознать, оказались рукоятки — руки робота, приваренные к каркасу и удлиненные для удобства пахаря. Один из людей, тянувших плуг, бросил постромки и направился к Пере. Человек был обнажен до пояса, но оставил серые форменные брюки и высокие сапоги.

— Военные! — воскликнул он, увидев их форму. — Чудесно! Просто чудесно!

Он повернулся и побежал. На траву вокруг них посыпался дождь мелких металлических осколков. Пере охватило ощущение, что он сходит с ума.

Пахарь не убежал совсем, а лишь отправился на край поля за остальной одеждой. Он натянул мундир, а каску сменил на фуражку какой-то странной, но очень знакомой формы, застегнулся на все пуговицы, отряхнул с брюк пыль и лишь затем повернулся и зашагал к Пере.

— Враг! — завопил Пере, хватаясь за пистолет. Сколько раз он видел эту форму в учебных фильмах! Он вытащил пистолет, но кто-то выбил его из рук генерала, и ему осталось лишь оцепенело наблюдать, как человек подходит, печатая шаг, щелкает каблуками и отдает честь.

— Генерал Борук, — представился он. — Направлен для переговоров о мире. Могу я узнать, кому имею удовольствие представиться?

Он опустил поднятую для приветствия руку и вытащил из кармана белый флаг на раздвижном древке. Щелкнув кнопкой, он выдвинул древко на всю длину и гордо поднял флаг над головой. Лицо его было загорелым, как и у прочих, с чер-

ными усами и остроконечной бородкой.

— Я генерал Пере, — вынужден был ответить Пере. — Кто вы? И что вы здесь делаете?

— К вашим услугам, генерал, — отозвался Борук и воткнул древко в землю. Из другого кармана он извлек объемистый бумажник. — Я доставил вам приветствия от моей гордой страны и радостную весть о том, что мы желаем сдаться и заключить мир. Здесь все документы — включая мои полномочия, — вам остается лишь передать их своему начальству. Вы заметите, что там упоминается комиссия по заключению мира, но вынужден признать, что ее члены или погибли, или вернулись. И если быть откровенным до конца, в список комиссии я внесен как капитан Борук, но так было в самом начале. Моя решительность, а также тот факт, что я молод и силен как бык, стали причинами моей головокружительной карьеры. Генерал Граниас, лично поручивший мне возглавить комиссию, даже передал мне свой мундир с генеральскими эмблемами. И он сделал правильный выбор: как вы уже заметили, я все-таки добрался до вас, а другие — нет. Мы хотим мира и готовы на любые ваши условия. Вы согласны?

— Сядьте, — произнес Пере, сам ощутив необхо-

димость присесть. — Почему вы запросили о мире именно сейчас… если на секунду предположить, что ваши полномочия соответствуют действительности? Ведь вы не проигрываете войну.

— Если снова говорить откровенно, генерал, мы уже и не сражаемся в ней. — Борук растянулся на земле и принялся жевать травинку. — Рано или поздно вы узнаете причину нашей просьбы, так пусть это случится раньше. Фактически чем скорее, тем лучше, потому что ситуация давно вышла из-под контроля. Все сводится к тому, что мы были вынуждены оставить наш боевой штаб и передать управление роботам. Что с вами? — спросил он, когда Пере подскочил.

— Нет, ничего, — ответил Пере. — Продолжайте. — Произнесенная Боруком фраза оказалась настолько знакомой, что Пере не смог выслушать ее спокойно.

— Должен признать, ваши ученые оказались на высоте. Полагаю, им удалось заразить помещение нашего штаба вирусом-мутантом, справиться с которым обычными методами оказалось невозможно. Штаб следовало эвакуировать, облучить и стерилизовать, а перед этим передать роботам полное управление боевыми действиями. Мы так и поступили, но когда попытались вернуться,

у нас ничего не вышло. Роботы заблокировали все входы и перестали понимать наши команды. Теперь они справляются без нас, и, должен признать, совсем неплохо.

— Но есть разные способы. Вы могли попробовать…

— Все не так просто, как кажется, генерал. Уверяю вас, мы многое перепробовали. Короче говоря, чем больше мы старались, тем эффективнее становилось противодействие роботов. А под конец они начали с нами сражаться — приняв нас за врагов, — и нам осталось только отступить.

— Но мы еще вернемся! — произнес Пере и, спохватившись, смолк.

— Я уже предположил нечто в этом роде, — улыбнулся Борук. Несмотря на внешнее безразличие, он внимательно наблюдал за Пере. — Когда генерал со своими подчиненными вылезает из-под земли примерно в том месте, где находится его штаб, то, принимая во внимание свой собственный опыт, я могу прийти лишь к одному заключению. Я прав? Вас тоже вынудили уйти?

— Я вам ничего не скажу.

— А тут ничего и не нужно говорить. Какая грандиозная шутка! — Борук холодно рассмеялся, порвал просьбу о капитуляции и швырнул

клочки бумаги на землю. В воздухе что-то проскрежетало и взорвалось, взметнув на горизонте облако пыли. — Вас устранили точно так же, как и наших офицеров, и вам уже не вернуться. Этого следовало ожидать, поскольку все прочие функции в этой войне — кроме командования — давно переложены на роботов. А раз противники сосредоточили усилия на уничтожении вражеских штабов, то рано или поздно применение очередного оружия приведет пусть к частичному, но успеху. Роботы гораздо сильнее людей и способны работать в таких условиях, в которых люди погибают. У меня было достаточно времени размышлять на эту тему — я жду здесь уже несколько месяцев.

— Почему… почему вы не сдались? Почему не пришли к нам?

— Поверьте мне, мой юный коллега, моя страна только этого и желала. Но как это сделать во время тотальной войны? Мы пробовали радио и прочие средства связи, но наши сигналы глушились специальными роботами. Тогда мы послали делегатов-людей — разумеется, безоружных, чтобы на них не напали роботы. Добираясь сюда, мы теряли людей просто из-за того, что поля сражений начинены разными ловушками. А роботы

нас совершенно не замечали, словно предвидя будущее — теперь уже настоящее. Сражения протекают повсюду, и есть лишь несколько спокойных районов вроде этого, расположенного над базой с мощной обороной. Но, даже добравшись сюда, я не нашел никаких наземных сооружений и не смог проникнуть к вам вниз.

— Но это чудовищно! Чудовищно! — взревел Пере.

— Действительно, но к ситуации следует отнестись философски. Примите ее так, как восприняли эти добрые люди, живущие здесь под постоянной угрозой смерти. Роботы столь же эффективно продолжат войну и без нас и наверняка сделают ее гораздо более долгой, ведь силы у них примерно равны. Найдите себе женщину, устройтесь как сумеете и наслаждайтесь жизнью.

Пере поймал себя на том, что уставился на Нэтайю. Та отвернулась и покраснела. Пусть она тоже генерал, но фигурка у нее неплохая…

— Нет! — крикнул он. — Я не смирюсь. Это ужасно. Люди не могут так жить — сидеть себе да поглядывать, как эти бесчувственные машины уничтожают друг друга.

— Нравится нам это или нет, друг генерал, значения не имеет. Нас обошли. Сместили. Мы

слишком долго играли в разрушительные военные игры и сделали наши машины слишком эффективными. А им эти игры пришлись настолько по вкусу, что прекращать их они не собираются. А нам остается отыскать местечко, где мы попытаемся прожить, использовав свои лучшие способности. Такое, где они не наступят на нас, играясь.

— Нет, я не могу с этим смириться! — снова крикнул Пере. Его глаза жгли едкие слезы отчаяния и гнева. Нэтайя положила ладонь ему на руку, он стряхнул ее. На горизонте загремело, полыхнула красная вспышка, рядом с ними посыпались горячие осколки.

— Надеюсь, ты приятно проводишь время! — крикнул Пере и погрозил кулаком равнодушным небесам. — Очень приятно проводишь!

Смерть пришельца

Перевод Г. Корчагина

Где-то в вышине, прячась за вечными тучами планеты Вескер, родился гром.

Заслышавший его купец Гарт застыл как вкопанный и чашечкой приставил руку к здоровому уху. Не замечая, что сапоги медленно тонут в грязи, он внимал нарастающим, крепнущим в плотной атмосфере раскатам.

— Точно такой же звук, как у твоей небесной лодки, — проговорил Итин, в чьей голове работала простая и надежная аналитическая машина, дробя всякий новый факт на части и поочередно подвергая их скрупулезному осмыслению. — Но твоя лодка находится там, где ты ее посадил. Иначе и быть не может, хотя мы сейчас не видим ее; никто, кроме тебя, не умеет ею управлять. Даже если допустить существование второго умельца, мы не слышали, как твоя лодка поднималась в небо. А поскольку там раздается звук небесной лодки, можно сделать вывод…

— Да, другой корабль, — буркнул Гарт.

Он слишком глубоко ушел в свои мысли, чтобы следить, как звенья вескерианской логики выстраиваются в безупречную цепочку. Конечно же, это второй звездолет — его прибытие было всего лишь вопросом времени. Несомненно, пилота тоже привлекла засветившаяся на экране радара планета. На этом же экране отчетливо виден корабль Гарта, поэтому вновь прибывший наверняка постарается совершить посадку как можно ближе к нему.

— Итин, двигай-ка ты домой, — сказал Гарт. — По воде, чтобы поскорей добраться до деревни. Всем скажи, чтобы убирались в болото, подальше от суши. Корабль садится по приборам, он изжарит всех, кто угодит под его дюзы.

Маленькая вескерианская амфибия была достаточно сообразительной, чтобы оценить непосредственную угрозу без кропотливых умозаключений. Гарт и договорить не успел, а ребристые уши сложились на манер крыльев летучей мыши и Итин беззвучно соскользнул в ближайшую протоку. Купец зашлепал по грязи, спеша выбраться с топкого места, и как только он достиг деревенской околицы, гром превратился в душераздирающий рев. Из низко нависших облаков вырвался звездолет. Прикрывая ладонью

глаза, Гарт смотрел на нисходящий огненный язык, со смешанными чувствами разглядывал растущий темно-серый силуэт корабля.

На планете Вескер он провел без малого стандартный год, и под конец этого срока дала о себе знать тоска по человеческому обществу. Но пока эта тоска, этот осколок давно похороненного стадного чувства призывал воссоединиться с другими потомками обезьяньего племени, Гарт, коммерсант до мозга костей, выстраивал в уме столбцы цифр. И вот теперь подведен итог, и он неутешителен. Скорее всего, прибыл корабль другого купца, а значит, монопольной торговле на Вескере приходит конец.

Но есть же все-таки шанс, что это не торговец. Гарт всей душой рассчитывал на такой вариант, потому-то и остался ждать в тени исполинского папоротника, лишь расстегнул кобуру пистолета.

Корабль высушил сотню квадратных метров болота, стих рев дюз, посадочная опора с хрустом проломила грязевую корку. Металл поскрипел и утвердился, туча дыма и пара уплыла вверх, во влажное небо.

— Гарт… прохвост… гроза доверчивых туземцев… ты где? — прогромыхал бортовой динамик.

Очертания звездолета казались лишь отдаленно знакомыми, зато по дребезжащим тонам Гарт сразу определил, кому принадлежит голос. С кривой улыбкой он покинул укрытие, сунул в рот два пальца, пронзительно свистнул. Из корабельного стабилизатора вынырнул микрофон направленного действия, повернулся к нему.

— Эй, Сингх, что ты здесь делаешь, мошенник? — прокричал Гарт в устройство. — Слишком хитер, чтобы самому искать планеты для торговли и не лишать прибыли честных людей?

— Это ты, что ли, честный?! — взревел громкоговоритель. — Жулик, посетивший больше тюрем, чем борделей, а уж их-то на твоем веку было предостаточно! Не обессудь, старина, но я не составлю тебе компанию и не поучаствую в разграблении этого девственного очага заразы. Полечу дальше, к планете с более приятной атмосферой, где целое состояние только и ждет, когда до него дотянутся мои загребущие лапы. А здесь я очутился исключительно по воле случая — подвернулась возможность подработать таксистом. Я тебе привез дружка, идеального компаньона. Пусть он не нашего поля ягода, не торговец, но все-таки может пригодиться. Я бы и сам вышел к тебе поболтать, да боюсь нахвататься вредной

биологии; обеззараживание корабля — дело хлопотное. Пассажир выйдет через шлюз. Надеюсь, ты не откажешься помочь ему с багажом.

У Гарта камень с души упал: конкурент не испортит ему коммерцию. Одной проблемой меньше. Но какому чудаку приспичило лететь в один конец и высаживаться на дикой планете? И что кроется за весельем, которое так плохо удавалось сдерживать Сингху?

По ту сторону корабля опустился трап. Гарт приблизился, и задрал голову, и увидел в грузовом люке человека, который безуспешно боролся с громадным ящиком. Пассажир повернулся к купцу, тот заметил высокий воротник священнослужителя и сразу понял, почему хихикал Сингх.

— Что вам здесь нужно? — Как ни старался Гарт держать себя в руках, вопрос прозвучал сердито.

Однако вновь прибывший не заметил этой резкости, а если и заметил, то не подал виду. Он пошел вниз по трапу, улыбаясь и протягивая руку.

— Отец Марк, — представился он, — из миссионерского общества «Братья». Знакомство с вами — для меня большая радость…

— Я спрашиваю, что вам здесь нужно. — Гарт уже совладал с голосом, тот был спокоен и хо-

лоден.

Надо кое-что сделать. И быстро. Или не делать вовсе.

— Разве это не очевидно? — Любезность отца Марка осталась непоколебимой. — Нам удалось накопить достаточно средств, чтобы впервые в истории нашего миссионерского общества отправить духовного посла в чужие миры. Я счастлив оттого, что выбор пал на меня…

— Берите багаж и возвращайтесь на борт. Вам здесь не рады, и у вас нет разрешения на высадку. Иначе станете обузой, и никто на планете Вескер не возьмется вам помогать. Проваливайте.

— Сэр, я не знаю, с кем имею удовольствие беседовать и почему вы меня обманываете. — Миссионер оставался спокоен, но улыбка исчезла. — Но я изучил галактическое законодательство, а заодно и историю этой планеты. Тут отсутствуют болезни и животные, которых человеку следовало бы опасаться. Вескер открыт для посещений, и пока Космическая инспекция не изменила этот статус, у меня ровно столько же прав находиться здесь, сколько и у вас.

Конечно же, собеседник все говорил верно, но не в интересах Гарта было это признавать. Купец пошел на блеф, рассчитывая на юридическую

неграмотность миссионера. Получается, не на того напал. Оставался единственный способ одержать верх, весьма грязный приемчик, и уж если пускать его в ход, то лучше это сделать прямо сейчас, пока еще не поздно.

— Возвращайтесь на борт! — выкрикнул Гарт, уже не пряча негодования.

Плавное движение руки, и пистолет выскальзывает из кобуры, черное дуло замирает в сантиметре от живота священника. Тот побледнел, но даже не шевельнулся.

— Эй, Гарт, ты что себе позволяешь? — прогремел динамик возмущенным голосом Сингха. — Парень добросовестно оплатил все сборы, ты не имеешь никакого права вышвыривать его с планеты.

— Вот мое право! — Гарт поднял пистолет и нацелился между глаз. — У него тридцать секунд: пусть убирается, иначе жму на спуск.

— Ты или свихнулся, или вздумал пошутить, — раздраженно проскрежетал Сингх. — И если это шутка, то у тебя дрянное чувство юмора. Учти, не ты один умеешь играть в такие игры. Посмотрим, у кого выйдет лучше.

Зашумели массивные подшипники, дистанционно управляемая четырехствольная турель

развернулась на корпусе корабля и взяла Гарта на мушку.

— Вот так-то! Спрячь оружие и подсоби отцу Марку с багажом, — потребовал голос с прежними веселыми интонациями. — Я бы и рад тебе помочь, дружище, но не могу. Теперь твой черед разговоры разговаривать с преподобным, а я, пока его вез от Земли, насытился болтовней по горло.

Остро чувствуя свое поражение, Гарт запихнул пистолет в кобуру. Отец Марк пошел вниз по трапу, на лице торжествующая улыбка, в поднятой руке извлеченная из кармана рясы Библия.

— Сын мой…

— Никакой я вам не сын, — перебил Гарт.

Его обуяла горечь и злость, хотелось крепко врезать священнику; в последний момент он разжал занесенный кулак и лишь шлепнул ладонью. Этого, впрочем, хватило, чтобы незваный гость кубарем скатился на землю. Книга, трепеща страницами, отлетела прочь и плюхнулась в грязь.

За происходящим с кажущимся равнодушием наблюдали Итин и другие вескерианцы. Даже не попытавшись ответить на их невысказанные вопросы, Гарт направился к своему жилищу. Но, заметив, что туземцы не расходятся, обернулся.

— Прибыл новый человек, — сказал он. — Привез с собой много вещей. Если не найдет, куда их сложить, помогите ему, отнесите в большой склад. Пусть там полежат, пока он не обзаведется собственным домом.

Аборигены побрели к кораблю. Гарт проводил их взглядом, потом вошел в свою лачугу и хлопнул дверью так, что треснула филенка. Какое ни есть, а облегчение. Другое лекарство для раненого самолюбия — ирландский виски. Несколько бутылок торговец припас для особых случаев. Конечно, не для таких, как этот, но сейчас одна из них придется очень даже кстати.

Отменный напиток выжег, хоть и не полностью, дурное послевкусие во рту.

Если бы тактика Гарта сработала, успех окупил бы все издержки — победителей не судят. Однако номер не прошел, и это вдвойне неприятно оттого, что ты выставил себя круглым дураком. Сингх стартовал, даже не попрощавшись. Поди угадай, какое он составил мнение о случившемся, но вот в чем не приходится сомневаться, так это в том, что в купеческой среде будут бродить новые занятные байки. Ладно, с этим можно разобраться при следующей встрече с Сингхом. Сейчас есть более серьезная проблема: миссионер.

Гарт напряг зрение и увидел, как вновь прибывший под дождем силится возвести хлипкую палатку. Все население деревни стояло четкими шеренгами и наблюдало, однако никто не предлагал помощи.

Но вот палатка поставлена, в нее перенесены коробки и ящики, да и дождь кончился. К тому времени в бутылке основательно понизился уровень жидкости, зато повысилось настроение Гарта, и он теперь был готов к неизбежному выяснению отношений. Да если по правде, ему хотелось поскорее вступить в разговор со священником. Бизнес — бизнесом, у него свои грязные правила, но год без общения с себе подобными — это не фунт изюма.

«Не соблаговолите ли отобедать со мной? Джон Гарт», — написал он на обороте старой платежной квитанции.

Может, он чересчур напугал преподобного Марка и тот не придет? Не самое лучшее начало знакомства. Порывшись под лавкой, Гарт вынул достаточно вместительную коробку, положил в нее пистолет и направился к выходу. За дверью, само собой, дожидался Итин — он же сейчас дежурный собиратель знаний. Купец вручил ему листок и коробку.

— Отнеси это другому человеку.

— Имя другого человека — Другой Человек? — спросил Итин.

— Конечно нет! — взорвался Гарт. — Его зовут Марк. Я прошу только отнести ему эти вещи, я не прошу с ним разговаривать.

Всякий раз, когда в споре торговец выходил из себя, победу одерживали вескерианцы с их буквальным мышлением.

— Ты не просишь с ним разговаривать, — медленно произнес Итин, — но Марк может попросить, чтобы я с ним поговорил. И другие будут спрашивать у меня, как его зовут. Если бы я не узнал его имя…

Голос туземца утих — Гарт хлопнул дверью. Понятно, это не спасает, ведь при следующей встрече с Итином, случись она через день или через неделю, да хоть через месяц, монолог продолжится с того слова, на котором был прерван, и не остановится до самого конца. Купец тихо выругался и полил водой пищевой концентрат, выбрав две плитки повкуснее из последних запасов.

— Входите, — ответил он на вежливый стук.

Священник приблизился и протянул коробку с пистолетом.

— Мистер Гарт, я благодарен за подношение. Высоко ценю ваш душевный порыв. Совершенно не понимаю причину неприятного инцидента, имевшего место при моей высадке, но полагаю, лучше поскорее забыть о нем, дабы не осложнять наше длительное совместное пребывание на планете.

— Выпьете? — Гарт забрал коробку и указал на бутылку. Он до края наполнил два стакана и вручил один священнику. — Я и сам не прочь забыть о случившемся, но считаю своим долгом сначала объяснить, что здесь происходит. — Секунду-другую он мрачно смотрел на стакан, затем поднял его и глянул в лицо собеседнику. — За здравомыслие.

— Да пребудет с вами сила Божия. — Марк тоже поднял стакан.

— Ни со мной, ни с этой планетой она не пребудет, — отчеканил Гарт. — В том-то и кроется суть проблемы. — Он выпил полстакана и тяжело вздохнул.

— Вы это сказали, чтобы меня шокировать? — с улыбкой спросил священник. — Уверяю: пустой номер.

— Да не хочу я вас шокировать! Мои слова надо понимать буквально. Таких, как я, вы называете

атеистами, для нашего брата религия — пустой звук. Вескерианцы — существа примитивные и невежественные, они, по сути, живут в каменном веке. Но до сих пор им как-то удавалось обходиться без теизма и прочих предрассудков. И я очень надеюсь, что так будет продолжаться и дальше.

— Помилуйте, о чем вы говорите?! — нахмурился священник. — Хотите сказать, у них нет богов, нет веры в жизнь после смерти? Они считают, что просто умрут?..

— Ага, просто умрут. «Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху». Как любое животное. У них есть громы, деревья и вода, но нет бога-громовержца, духа дерева и водяной нимфы. Здесь отсутствуют уродливые истуканы, свирепые табу и заклинания для полетов на метле или телесной порчи. Впервые на моем веку я повстречал расу, абсолютно свободную от мракобесия и по этой причине весьма счастливую и трезвомыслящую.

— Так вам угодно отвратить их от Господа? Не допустить их спасения? — Священник аж съежился, только глаза, наоборот, полезли из орбит.

— Нет, — ответил Гарт. — Я хочу защитить их от предрассудков, пока они не разовьются достаточно, чтобы мыслить реалистически, пока не достигнут уровня, на котором религия не сможет

поглотить и разрушить их разум.

— Сэр, ставя Церковь на одну доску с мракобесием, вы оскорбляете ее…

— Я вас умоляю! — поднял руку Гарт. — Давайте без теософских аргументов. Ведь не для того же миссионерское общество оплатило ваш проезд, чтобы вы попытались наставить меня на путь истинный. Просто смиритесь с фактом: мои убеждения формировались на протяжении многих лет в процессе аккуратного мышления, и даже слоновьи дозы метафизических бредней никак не повлияют на мировоззрение вашего покорного слуги. Давайте сразу договоримся: вы не пытаетесь меня обратить в истинную веру, я вам плачу той же монетой.

— Хорошо, мистер Гарт, я согласен. Как вы напомнили минуту назад, моя миссия заключается в спасении душ, и именно этим я обязан здесь заняться. Но чем же эта задача разгневала вас, почему вы препятствовали моей высадке, даже оружием угрожали и… — Не договорив, священник заглянул в свой стакан.

— И отвесил оплеуху? — Гарт помрачнел. — Этому нет оправданий, и я, пожалуй, должен принести извинения. Дурные манеры, знаете ли, а характер так вообще… Хотя посмотрю я на

вас, когда поживете тут подольше. — Он молча глянул на свои лежащие на столе грубые ручищи; каждый из бесчисленных шрамов и мозолей пробуждал что-то в памяти. — Давайте это спишем на нервный срыв — все равно лучшего объяснения мне не подобрать. Вы по роду профессии небось часто заглядываете в темные уголки человеческой психики, кому, как не вам, знать толк в движущих нами мотивах и в нашем счастье. У космического купца суетливая жизнь, я до недавних пор даже помыслить не мог о доме и семье, да и не тянуло осесть, если честно. Наверное, мозги размякли при утечке радиации из реактора, — ни с того ни с сего вескерианцы, эти мохнатые рыбы, стали для меня как родные дети. Словно я в ответе за них…

— Все мы дети Господа, — тихо изрек отец Марк.

— Среди детей Господа есть и те, кто даже не в силах вообразить Его. — Гарт вдруг осерчал на себя за то, что дал волю нежным чувствам.

Но чувства моментально огрубели, и он, забыв о своей оплошности, кинулся в атаку:

— Вы что же, не понимаете, как это важно? Поживите бок о бок с туземцами, и узнаете, в чем простое счастье их существования. Оно нисколь-

ко не уступит райскому блаженству, о котором вы, попы, твердите спокон веку. Вескерианцы сами получают удовольствие от жизни и другим не причиняют вреда. В силу обстоятельств их эволюция происходила на крайне скудной ресурсами планете, у них не было шансов перерасти культуру каменного века. Но по уму они нам ровня, а кое в чем и посмышленей будут. В этой деревне все выучили мой язык, и на любые их вопросы я отвечаю без труда. Тут стар и млад охоч до всего нового и от процесса обретения знаний получает несказанное удовольствие. Когда этот процесс тормозится, когда свежий факт не желает укладываться в структуру мировоззрения, они расстраиваются и сердятся, но чем больше узнают, тем быстрее идет дело. Настанет день, когда они нас обгонят по всем статьям. Можно попросить вас об услуге?

— Все, что в моих силах.

— Оставьте их в покое. Ну а если обязаны учить, то учите истории, философии, праву, естественным наукам, всему тому, что поможет им постигать свойства Вселенной, о существовании которых они прежде даже не догадывались. Но не смущайте умы ненавистью и болью, грехом и раскаянием, виной и наказанием. Кто знает,

какой вред вы можете…

— Сэр, вы слишком много себе позволяете! — вскочил со стула священник.

Даже теперь его макушка не доставала до массивной челюсти космического торговца, но в облике и движениях не прослеживалось ни малейшего страха. Гарт тоже встал; ему не было стыдно за сказанное. Спорщики прожигали друг друга яростными взглядами. Каждый считал, что правда на его стороне, и был готов отстаивать ее до конца.

— Это вы слишком много себе позволяете! — взревел Гарт. — Вы, тысячи эгоистов до мозга костей, одержимые бременем белого человека, носитесь с дурацкой вторичной мифологией, ищете все новые и новые головы, чтобы заполнить их мусором. Неужели вы не понимаете, что здешние жители всему верят, как дети, что они слыхом не слыхивали о такой штуке, как ложь? Не приучены к мысли, что на свете могут существовать умы совершенно иного склада? И что же, вы теперь возьметесь их…

— Мистер Гарт, я буду делать свое дело, ибо на то воля Господа. Это божьи создания, и они обладают душой. Или вы призываете меня пренебречь долгом миссионера? Не нести им слово

Всевышнего, не вести их по пути спасения в Царствие Небесное?

Едва священник взялся за дверь, налетел ветер, распахнул ее настежь. Преподобный Марк скрылся в грозовой мгле, и только дверь еще качалась взад-вперед на петлях, позволяя ливню хлестать в проем. Гарт, оставляя на полу грязные отпечатки, подошел и запер ее, отгородился от Итина. Тому непогода была нипочем, он сидел снаружи и терпеливо ждал, когда человек оторвется от своих дел и выйдет поделиться чудесными знаниями, коих у него еще так много в запасе.

Верные немому уговору, купец и священник не упоминали о том первом вечере. Несколько дней они провели в одиночестве, которое ощущалось еще острей оттого, что каждый знал о близком присутствии другого. А потом начались осторожные беседы на нейтральные темы. Гарт медленно паковал и складывал товары, он и словом не обмолвился о том, что может улететь в любой момент. На планете Вескер удалось добыть немало интересных лекарств и ботанических диковин; все это будет продано с выгодой. А уж изделия местных умельцев и вовсе произведут переворот на галактическом рынке произведений искусства. До прибытия Гарта вескерианское

творчество было примитивным, почти целиком сводилось к утомительной резьбе осколком камня по твердому дереву. Он привез самые простые инструменты и слитки разных металлов; этого хватило, чтобы за несколько месяцев туземцы не только научились работать с новыми материалами, но и заменили привычные формы и конструкции совершенно дивными; ничего красивее ему в жизни видеть не приходилось. Все, что требовалось теперь от Гарта, — это доставить вескерианские артефакты на рынок, и создать первичный спрос, и вернуться за следующей партией.

Взамен туземцы просили книг и инструментов. Больше всего на свете их интересовали знания, и Гарт понимал: Вескеру хватит собственных сил, чтобы развиться до того уровня, когда планету принимают в галактический союз.

И купец всей душой надеялся на это. Но деревню, выросшую вокруг его корабля, уже обдувал ветер перемен. Гарт больше не был центром всеобщего внимания, фокальной точкой здешней жизни. По-прежнему Итин исправно нес службу собирателя знаний, но ларчик, из которого помаленьку вынимал сухие факты купец, явно проигрывал интеллектуальному рогу изобилия,

которым щедро тряс священник. Если Гарт заставлял вескерианцев потрудиться за каждую книгу или устройство, то отец Марк отдавал бесплатно — только попроси.

Торговец расходовал свои запасы информации, имея целью прогресс, и обращался с аборигенами как с детьми: да, ребята, вы очень смышленые, но, прежде чем бегать, научитесь ходить: освоили один шажок, пробуем следующий. Преподобный Марк ничтоже сумняшеся вывалил на них все блага христианства. От материальной платы не отказывался, но она свелась к строительству церкви, не под хлябями же небесными восхвалять Господа и постигать Его закон. Из бескрайних болот подтягивались все новые вескерианцы, и через считаные дни была готова крыша, опирающаяся на конструкцию из жердей.

По утрам паства трудилась часок-другой над строительством стен, затем стекалась внутрь, чтобы получать наиважнейшие, всеобъемлющие, сулящие чудеса знания о Вселенной.

Гарт не сказал вескерианцам ни слова о том, что он думает насчет их нового увлечения, — в основном потому, что никто его и не спрашивал. Может, гордость, а может, самолюбие мешало ему схватить за загривок кого-нибудь из доброволь-

ных прихожан и выложить все, что отягощало душу. Вот если бы Итина встретить — он тут самый толковый. Но на следующий день после прибытия священника Итина сменили на посту сборщика знаний, и с тех пор он не попадался Гарту на глаза.

Спустя трое суток — а они на Вескере втрое длиннее земных — Гарт отворил после завтрака дверь и обнаружил у себя на пороге делегацию. Возглавлял ее Итин, и у него слегка отвисала челюсть. У большинства пришедших вескерианцев тоже были приоткрыты рты, один даже как будто зевал: явственно виднелись двойные ряды острых зубов и черное горло.

Гарт знал, что открытый рот — признак сильных эмоций, таких как счастье, печаль или гнев. Различать их не научился, но сейчас было ясно, что причина визита крайне серьезна. Вескерианцы — народ миролюбивый и уравновешенный, столько открытых ртов он еще ни разу не видал. Туземцы живо обступили его.

— Гарт, ты нам поможешь? — обратился к купцу Итин. — У нас возник вопрос.

— Отвечу на любые вопросы, — пообещал Гарт, испытывая довольно дурное предчувствие. — Задавайте.

— Существует ли Бог?

— Что вы подразумеваете под словом «Бог»? — спросил Гарт.

Как же им ответить? И что у них на уме, с какой целью они сюда явились?

— Бог — Отец наш Небесный, тот, кто сотворил всех нас и взял под защиту. Мы молим Его о помощи, и если будем спасены, то обретем место…

— Довольно, — перебил Гарт. — Бога нет.

Теперь у всех были разинуты пасти. Вескерианцы смотрели на Гарта и обдумывали его ответ. Розовели частоколы зубов. Не знай он этих созданий так хорошо, испугался бы до смерти. Все-таки мелькнула паническая мыслишка: может, они уже фанатики, а он для них еретик? Нет, чепуха, быть того не может.

— Спасибо, — сказал Итин, и делегация отправилась восвояси.

Утро выдалось холодное, но Гарт заметил, что вспотел.

В тот же день снова явился Итин.

— Ты придешь в церковь? — спросил он. — Многое из того, чему мы научились, было трудным для понимания, но сейчас вообще тупик. Слышали ваш разговор с отцом Марком, поэтому решили просить тебя о помощи. Отец Марк утверждает,

что сказанное им — истина, и ты утверждаешь, что сказанное тобой — истина, но ведь не могут два противоположных суждения быть одновременно истинными. Нам надо понять, какое из них истинное.

— Конечно приду, — пообещал Гарт, постаравшись ничем не выдать внезапного воодушевления.

Он со своей стороны ничего не предпринимал, и тем не менее вескерианцы обратились к нему. Значит, есть основания надеяться на благополучный исход. Может быть, туземцы не утратят свободу.

В церкви было жарко и тесно. Еще ни разу Гарт не видел такой большой толпы вескерианцев. Многие стояли с открытым ртом. За столом, сплошь покрытым книгами, восседал отец Марк, явно чем-то расстроенный. Он бросил на вошедшего купца тоскливый взгляд, но не сказал ни слова.

Тогда заговорил Гарт:

— Надеюсь, вы догадались, что я здесь не по своей инициативе? Ко мне пришли вескерианцы, позвали в церковь.

— Я знаю, — смиренно подтвердил священник. — С ними иногда так трудно! Но они учатся,

им хочется верить, и это самое важное.

— Отец Марк и торговец Гарт, нам требуются разъяснения, — обратился к землянам Итин. — Вы обладаете многими знаниями, пока закрытыми для нас. Помогите же нам прийти к религии. Мы пытались сделать это сами, однако путь оказался слишком труден.

Гарт хотел что-то сказать, но передумал.

— Мы прочли Библию и другие книги, полученные от отца Марка. Прочли и поняли одну вещь. Обсудив ее, мы пришли к общему выводу. Книги отца Марка не похожи на те, которые дал нам торговец Гарт. Вселенная из книг торговца Гарта невидима для нас и обходится без Бога, — мы провели тщательные поиски и не обнаружили никаких упоминаний о нем. В книгах отца Марка Господь пребывает абсолютно везде и ничто не происходит иначе, как по Его воле. Одно из этих утверждений должно быть верным, а другое — ошибочным. Мы не знаем, как вообще возможно такое противоречие, но надеемся это понять, после того как выясним, что в ваших книгах истина, а что ложь. Если Бога не существует…

— Дети мои, ну конечно же Он существует! — голосом, полным искренности, заявил миссионер. — Он наш Отец Небесный, сотворив-

ший все…

— А кто сотворил Бога? — спросил Итин.

Мгновенно стихли шепотки, вескерианцы все до одного воззрились на отца Марка. Тот слегка съежился под таким напором внимания, затем улыбнулся:

— Никто не сотворял Бога, ибо Он сам — Творец. Он был изначально…

Его бесцеремонно перебил Итин, задав вопросы, волновавшие всех его соплеменников:

— Если Он был изначально, почему Вселенная не могла быть изначально? Разве обязательно кто-то должен был ее сотворить?

Священник отвечал медленно, с бесконечным терпением:

— Ах, дети мои, если бы все было так просто. Даже ученые все еще спорят о происхождении Вселенной. Но в то время как они сомневаются, мы, узревшие свет, — знаем! Мы видим чудо творения, оно повсюду вокруг нас! И как же может быть творение без Творца? Творец — это Он, наш Отец, Господь, иже еси на небесех! Ведомы мне ваши сомнения, они коренятся в том факте, что вы обладаете душой и свободой воли. Посему ответ мой будет таков: имейте веру, это все, что вам нужно. Просто веруйте.

— Разве можно верить без доказательств?

— Как же вы не понимаете, что сам этот мир — доказательство существования Бога?! Вот что я вам скажу: вера не требует доказательств… если она у вас есть!

В церкви поднялся ропот, Гарт видел кругом все больше открытых ртов. Вескерианцы, напрочь сбитые с толку, силились вытянуть из мудреного клубка слов ниточку правды.

— Гарт, может, ты скажешь, как нам быть? — обратился к купцу Итин, и гомон моментально смолк.

— Я скажу: применяйте научный метод. Он позволяет исследовать все на свете, включая его самого, и оценивать истинность или ложность любого утверждения.

— То, что нам нужно, — сказал Итин. — Мы самостоятельно пришли к такому же выводу. — Он выставил перед собой толстую книгу, и по шеренгам слушателей пробежала рябь кивков. — Как и велел отец Марк, мы изучили Библию и нашли в ней ответ. Бог сотворит чудо и тем самым подтвердит, что Он видит и слышит нас. Мы же, получив знамение, убедимся в существовании Бога и встанем на путь, ведущий к Нему.

— Суета и гордыня духа! — вскричал отец

Марк. — Господь не нуждается в чудесах для доказательства своего существования.

— Зато мы нуждаемся в чуде! — в том же тоне возразил Итин, и Гарт понял, что выражение «глас вопиющего» применимо не единственно к человеку. — Эта книга рассказывает о многочисленных чудесах, сотворенных по куда менее серьезным причинам. Хлеба, рыбы, вино, змеи — всего не перечесть. А сейчас необходимо совсем маленькое чудо — пусть оно свершится, и тогда все мы придем к Богу. Еще один мир добавится к Царствию Божию, весь наш народ припадет к стопам Господним. Отец Марк, разве не этого ты хочешь? Или не говорил, как это важно для нас? Обсудив все, что услышали от тебя, мы пришли к решению: в данной ситуации требуется вполне конкретное чудо.

С Гарта моментально слетела скука, вялый интерес к вечному теологическому спору сменился тревогой. До сих пор он не задавался вопросом, чем может закончиться этот диспут. Чуть повернув голову, купец увидел иллюстрацию в раскрытой Итином Библии и понял, что это за рисунок, еще до того, как сфокусировал на нем зрение. Он медленно встал со стула, как будто хотел потянуться, и шепнул священнику:

— Пора сматываться. Через черный ход наружу — и бегом к кораблю, а я отвлеку их. Надеюсь, они не…

— Как вас прикажете понимать? — недоумевающе заморгал отец Марк.

— Убирайся отсюда, идиот! — прошипел Гарт. — Какого чуда, по-твоему, они хотят? Что должно произойти, чтобы целый мир обратился в христианство?

— Нет! — пискнул отец Марк. — Этого просто не может быть…

— Шевелись! — рявкнул Гарт, сдергивая миссионера со стула и мощным броском отправляя к выходу.

Отец Марк, едва удержавшись на ногах, остановился и обернулся. К нему прыгнул Гарт, но было уже поздно. Амфибии не отличались ростом и весом, но их было очень много. Купец выбросил кулак, и Итин кубарем укатился в толпу. Остальные дружно насели, живая стена отгородила Гарта от священника. С таким же успехом можно драться с цунами; очень скоро торговец оказался погребен под массой мохнатых, остро пахнущих тел. Но все равно Гарт сопротивлялся, пока не потерял сознание от крепкого удара по голове. Его вытащили наружу, и там, очнувшись,

он мог только лежать под дождем, ругаться и наблюдать.

Вескерианцы, эти удивительные искусники, любую конструкцию могли воспроизвести с абсолютной точностью. Увиденное в Библии сооружение удалось им на славу. Это был крест, прочно установленный на вершине ближайшего холма. Запаслись они и блестящими металлическими гвоздями, и молотком. Отца Марка раздели догола и облачили в набедренную повязку, которая до последней складочки повторяла нарисованную. Его вывели из церкви, и при виде креста он едва не лишился чувств. Но миссионер нашел в себе силы гордо поднять голову. Он принял трудное решение — умереть так же, как жил, с верой в сердце.

Даже для Гарта, обреченного на роль стороннего наблюдателя, зрелище было невыносимым. Одно дело — рассуждать о казни через распятие и разглядывать резные фигурки в тусклом свете алтаря, и совсем другое — видеть перед собой обнаженного человека, у которого голова и торс свисают с деревянного столба, а в кожу впились веревки. Страшен вид острых гвоздей, пронзающих кисти рук, и молотка, которым рука мастера размеренно наносит точные удары. От-

вратителен звук металла, вбиваемого в мягкую человеческую плоть.

А всего ужаснее вопли.

Немногие люди способны на мученичество, и отец Марк к их числу не принадлежал. При первом же стуке по его подбородку пробежала струйка крови — он прокусил губу. В следующий миг запрокинулась голова и жуткий гортанный крик разнесся по окрестностям, перекрывая шелест дождя. Он отразился безмолвным эхом от четких зрительских шеренг — обуреваемые сильнейшими чувствами при виде распинаемого священника, вескерианцы все до одного раскрыли пасть.

Отец Марк, на его счастье, потерял сознание, когда был забит последний гвоздь. Из свежих ран вытекала кровь, смешиваясь с дождевой водой; со ступней срывались розовые капли. Вместе с ними утекала жизнь распятого. Рвущийся из собственных пут, рыдающий Гарт в какой-то момент и сам погрузился в обморок.

Очнулся он у себя на складе. Было темно. Кто-то резал на нем плетеные веревки. Снаружи по-прежнему шумел, плескался дождь.

— Итин, — произнес купец.

Кто же еще?

— Да, — шепотом отозвался туземец. — Все наши в церкви, спорят. Ты ударил Лина по голове, и он умер, а Инон очень плох. Кое-кто считает, что и тебя нужно распять. Или забросать камнями, целя в голову. Они нашли в Библии место, где это описывается…

— Я понял. — С бесконечной усталостью в голосе Гарт добавил: — Око за око. Там много такого можно найти, было бы начало положено.

— Тебе надо бежать. Сейчас можно добраться до небесной лодки незамеченным. Довольно убийств.

В голосе Итина появилась нотка, которой Гарт прежде не замечал. Что это, тоска?

Купец попробовал встать — удалось. Он прижался лбом к грубой стене, дождался, когда сойдет обморочная слабость.

— Он умер. — Это был не вопрос, а констатация факта.

— Да, недавно. Иначе я бы не смог прийти к тебе.

— И похоронен, конечно же. Будь по-другому, они бы не решали сейчас мою судьбу.

— Да, похоронен!

Гарт услышал в голосе вескерианца отзвук боли, пережитой на кресте священником.

— Он погребен, и он воскреснет из мертвых. Так написано, и так должно случиться. И отец Марк будет счастлив оттого, что это произошло.

Речь Итина закончилась звуком, похожим на человеческое рыдание. Гарт решил, что ему показалось, ведь вескерианские разумные амфибии — не люди. Он кое-как дотащился до двери и прислонился к косяку, чтобы не упасть.

— Мы поступили правильно, да? — Не дождавшись ответа, Итин спросил: — Гарт, скажи, он воскреснет?

— Нет, — произнес купец, — он будет лежать там, где вы его закопали. И больше ничего не произойдет. Покойник останется покойником.

Дождь проложил бороздки в шерсти Итина, пасть раскрылась настежь, — казалось, из нее рвется и уносится в ночную мглу немой крик. Огромных усилий туземцу стоило заговорить, втискивая вескерианские мысли в формы чужого языка.

— Так что же, выходит, не ждать нам спасения? Разве мы не очистились от грехов?

— Безгрешными вы были раньше, — ответил Гарт, и в его голосе рыдания мешались со смехом. — В том-то и кроется мерзость случившегося. Были вы чисты и невинны, а теперь…

— А теперь мы убийцы, — договорил за купца Итин.

Капли дождевой воды, срываясь с его опущенной головы, пропадали во тьме.

Домой, на Землю

Перевод А. Гришина

— Джино… Джино… Помоги! Ради бога, сделай что-нибудь!

Слабый голосок, наполовину заглушаемый ревом солнечного фона, бился в наушниках Джино Ломбарди. Джино лежал ничком в лунной пыли, наполовину погрузившись в нее, и протягивал руку вглубь скальной расселины. Сквозь толстую ткань скафандра он почувствовал, что край обрыва под ним начал подаваться, и торопливо отполз назад. И тут же слой пыли и куски камня в том месте, где он только что находился, рухнули вниз, влекомые слабым лунным тяготением. Пыль, не испытывая сопротивления — ведь воздуха на Луне нет, — осыпалась на шлем Глейзера ниже, затенив его измученное лицо.

— Помоги мне, Джино… Вытащи меня отсюда, — вновь взмолился он, потянувшись одной рукой наверх.

— Ничего не выйдет… — ответил Джино. Он вновь прополз вперед, насколько осмелился, по

осыпающейся скале и опустил руку в пропасть. Он не доставал до тянувшейся ему навстречу руки самое меньшее ярд. — Я не дотягиваюсь до тебя, и у меня нет ничего такого, за что ты мог бы уцепиться. Я вернусь на «Жука».

— Не уходи… — вскрикнул Глейзер, но его голос умолк, как только Джино отполз от щели и поднялся на ноги. Их крошечные рации, вмонтированные в шлемы, были слишком маломощными для того, чтобы пробиться сквозь камень; они могли использоваться только на расстоянии прямой видимости.

Джино длинными скользящими прыжками мчался к «Жуку». Сейчас внешность аппарата еще больше соответствовала названию: красное насекомое, присевшее на четыре тонкие ноги, наполовину погруженные в пыль. На бегу он непрерывно ругался: какой черт мог выдумать такое завершение первого полета на Луну! Хороший старт, расчетная орбита, первые две ступени отделились вовремя, лунная орбита идеальная, приземление изумительно мягкое — и через десять минут после того, как они вышли из «Жука», Глейзера угораздило провалиться в эту щель, замаскированную пылью. Проделать весь этот путь сквозь бесчисленные опасности космоса,

чтобы провалиться в дыру. Это было совершенно несправедливо.

Подбежав вплотную к ракете, Джино напрягся, подпрыгнул высоко вверх и ухватился за порог открытого люка кабины, находившейся в верхней части «Жука». План своих действий он составил еще на бегу — больше всего надежды у него было на магнитометр. Развернув прибор на стойке, он принялся дергать за длинный кабель, и тот в конце концов оторвался. Джино, не теряя ни секунды, ринулся обратно. Люк кабины находился очень высоко — по земным меркам, — но он, не задумываясь о возможной опасности, спрыгнул вниз, упруго отскочил от поверхности планеты и перекатился. К глубокой ране в груди Луны вел ряд отчетливых следов, и он изо всех сил побежал по этому пути; он задыхался, несмотря на то что дышал чистым кислородом. Оказавшись рядом с трещиной, он кинулся наземь и, скользя и извиваясь в пыли, как можно быстрее пополз к ее осыпавшемуся краю.

— Все в порядке, Глейзер, — крикнул он и сам чуть не оглох: с такой силой его голос отдался внутри шлема. — Держи кабель…

Трещина была пуста. Уступ из мягкой породы не выдержал, и Глейзер провалился куда-то

вглубь планеты.

Долго еще майор Джино Ломбарди лежал там, мигая фарой скафандра в бездонную на вид пропасть, вызывая своего спутника по включенному на полную мощность радио. Единственным ответом ему был треск статических разрядов. Постепенно он начал замечать, что холод остуженных почти до абсолютного нуля камней начал просачиваться сквозь теплоизоляцию его скафандра. Глейзер пропал, и с этим ничего нельзя было поделать.

После этого Джино методически, без всякого интереса проделал все, что было запланировано. Он собирал образцы скальных пород и пыли, снимал показания приборов, идеально точно размещенных в тех точках, которые были ему указаны, пробурил скважину и в заранее заданное время взорвал в ней заряд. Затем он свел собранные показания приборов в таблицу, и когда при следующем прохождении космический корабль «Аполлон» оказался в зоне видимости, вызвал его по радио.

— Дэн, отзовись, Дэн... Полковник Дэнтон Кой, вы меня слышите?

— Ясно и четко, — послышалось из динамика. — Как вы там, парни? Какое ощущение

испытываешь, прогуливаясь по Луне?

— Глейзер погиб. Я один. Я собрал все данные и сделал все фотографии, которые требовались. Прошу разрешения сократить пребывание здесь против запланированного. Нет никакой необходимости торчать здесь целый день.

Несколько долгих секунд из динамика доносилось лишь потрескивание помех, а потом вновь раздался голос Дэна, хорошо знакомый голос, произносивший слова нараспев, с техасским акцентом:

— Понял тебя, Джино… Ожидай сигнала компьютера; я думаю, что смогу забрать тебя на следующем витке.

Старт с Луны прошел так же безупречно, как и тренировки в имитаторе на Земле, а Джино был слишком занят работой за обоих членов экипажа, чтобы иметь возможность думать о том, что произошло. Он едва успел пристегнуться к креслу, когда переданный по радио сигнал корабельного компьютера включил двигатели, которые, обдав яростной струей пламени лунный грунт, подняли «Жука» и понесли его к месту стыковки с двигавшимся по орбите базовым кораблем. В поле зрения астронавта возник стыковочный узел «Аполлона», и Джино понял, что должен

пройти перед ним, так как движется слишком быстро; он произвел коррекцию курса, почувствовав при этом, что еще глубже погружается в депрессию. Компьютер не предусмотрел изменения параметров лунного модуля: наличия на его борту всего лишь одного пассажира вместо двух. После коррекции совместить орбиты оказалось не слишком трудно, и спустя всего несколько минут Джино прополз через шлюз центрального модуля и задраил его за собой. Дэн Кой молча и неподвижно сидел за пультом управления, пока давление в кабине не восстановилось и астронавты не сняли шлемы.

— Джино, что там стряслось?

— Несчастный случай… трещина в лунной поверхности, слегка присыпанная слоем пыли. Глейзер просто провалился туда. Вот и все. Я хотел вытащить его, но не смог дотянуться. Сбегал на «Жука» за каким-нибудь проводом, но, когда вернулся, он сорвался куда-то еще глубже… ну вот…

Джино закрыл лицо ладонями, но и сам не мог понять, то ли он рыдал, то ли его трясло от усталости и напряжения.

— Хочу открыть тебе один секрет, — сказал Дэн, засовывая руку в глубокий карман скафандра — он был совсем не таким, как тот, что был

на Джино. Одежда командира экспедиции не предназначалась для вылазки на поверхность спутника Земли. — Я совсем не суеверен. Все считают, что я верю в приметы и всякие амулеты, но это всего лишь пример всеобщего заблуждения. Я завел этот талисман потому, что считается, что все пилоты должны иметь талисманы; это, наверно, придумали репортеры, чтобы им было о чем болтать, когда ничего не происходит. — Он вынул из кармана черную резиновую куколку, прославившуюся к тому времени на миллионах телеэкранов, и помахал ею перед Джино. — Весь мир знает, что я всегда ношу при себе на счастье мой маленький талисман, но никому не известно, какое счастье он мне приносит. Теперь это узнаете вы, майор Джино Ломбарди, и не только узнаете, но и разделите со мной мое счастье. Прежде всего, эта куколка сделана не из резины, которая могла бы дурно сказаться на ее содержимом, а из химически нейтральной пластмассы.

Джино против воли поднял взгляд и посмотрел, как Дэн ухватил куклу за голову и крутанул ее.

— Обрати внимание на движение запястья, которым я обезглавливаю моего маленького друга, грудь которого наполнена наивысшим счастьем в мире, тем счастьем, которое может дать толь-

ко сделанный из хорошо перебродившей браги «бурбон» крепостью в сто пятьдесят градусов. Нука, глотни. — Он наклонился вперед и протянул куклу Джино.

— Спасибо, Дэн. — Он поднял фляжку, сжал ее в кулаке, сделал два глотка и вернул игрушку хозяину.

— За упокой хорошего пилота и хорошего парня Эдди Глейзера, — внезапно серьезным тоном провозгласил Дэн Кой, подняв руку с фляжкой. — Он хотел добраться до Луны, и он сделал это. Она вся теперь принадлежит ему по праву завоевателя. — Он выжал из куклы спиртное до последней капли, аккуратнейшим образом приладил голову на место и сунул фигурку в карман. — А теперь давай прикинем, как нам лучше установить контакт с Центром управления, ввести их в курс дела и вернуться на Землю.

Джино включил передатчик, но не стал посылать вызов. Пока пилоты разговаривали, орбита увела их к обратной стороне Луны, и планета теперь надежнейшим образом блокировала любые попытки радиосвязи с Землей. «Аполлон» описал через темноту заранее измеренную до доли угловой секунды дугу, и астронавты увидели новый восход солнца над острыми лунными

пиками; а затем им вновь явился большой шар Земли. Северная Америка была ясно видна, так что использовать ретрансляторы не было никакой необходимости. Джино передал вызов на мыс Кеннеди и выждал две с половиной секунды — столько времени требовалось для обмена сигналами на расстоянии 480 000 миль. Но эти секунды давно прошли; время все тянулось, и пилоты с тревогой следили за секундной стрелкой, весело прыгавшей по циферблату.

— Они не отвечают…

— Непрохождение радиоволн, солнечные пятна… Попробуй еще раз. — В голосе Дэна внезапно прорезалось напряжение.

Центр управления полетом на мысе Кеннеди не ответил и на следующий вызов, более того, ответа не последовало и на сообщение, переданное на частотах, отведенных для чрезвычайных обстоятельств. Они поймали какие-то переговоры между самолетами на более высоких частотах, но их никто не заметил и не обратил ни малейшего внимания на их непрерывные вызовы. Теперь они смотрели на голубую сферу Земли с ужасом, и лишь спустя час, на протяжении которого они в буквальном смысле вспотели, вновь и вновь передавая свои позывные, они согласились

признать факт, что по какой-то необъяснимой причине их радиоконтакт со всей планетой оказался нарушен.

— Что-то случилось за время нашего последнего витка вокруг Луны. Я выходил на связь с ними, пока ты рассчитывал орбиту, — констатировал Дэн. Он снял крышку с рации и теперь прикладывал разъемы амперметра к контактам. — Какая-то ерунда…

— Только не на нашем конце, — мрачно сказал Джино. — Но там действительно что-то стряслось.

— Неужели… война?

— Этого нельзя исключить. Но с кем и почему? На неприкосновенных частотах нет ничего необычного, и я не думаю…

— Смотри! — хрипло выкрикнул Дэн. — Огни… Где огни?

Во время последнего витка они ясно видели в свой телескоп мерцающие огни американских городов. А теперь весь континент был совершенно черен.

— Джино, погоди… Видишь Южную Америку? Там города светятся. Что могло произойти дома за время всего-навсего одного витка вокруг Луны?

— Есть только один способ выяснить это. Мы

возвращаемся. С помощью или без помощи Земли.

Они отстыковались от «Жука» — лунного модуля, — пристегнулись к противоперегрузочным креслам и принялись вводить данные в компьютер. Согласно его инструкциям сориентировали «Аполлон» в пространстве. Еще раз облетели лишенный атмосферы спутник, и в нужный момент компьютер включил двигатели транспортного модуля. Они возвращались домой.

Несмотря на множество отрицательных факторов, приземление прошло не так уж плохо. Они попали на нужный континент, причем промахнулись по широте всего лишь на несколько градусов, хотя и вошли в атмосферу раньше, чем намеревались. А если учитывать полное отсутствие наведения с Земли, то следовало назвать их приземление великолепным.

Капсула с воем врезалась в густеющий воздух, ее огромная скорость начала быстро снижаться, и на авиационном указателе скорости появились вполне разумные цифры. Далеко внизу сквозь дыры в облачном покрове проглядывала поверхность Земли.

— Скоро вечер, — заметил Джино. — Мы едва успеем приземлиться до сумерек.

— Ничего, все равно будет еще достаточно светло. Мы могли приземлиться в Пекине в полночь, так что давай не будем жаловаться. Приготовься, сейчас пойдут парашюты.

Один за другим развернулись огромные купола; капсула дважды вздрогнула. Астронавты откинули забрала шлемов. Спускаемый аппарат спокойно парил в воздушном океане.

— Интересно, как нас встретят… — протянул Дэн, потирая ладонью щетину на массивной челюсти.

Послышался резкий треск, и в металле верхнего сектора капсулы появился ряд отверстий; воздух со свистом ворвался внутрь, уравнивая более низкое давление капсулы с наружным.

— Смотри! — крикнул Джино, указывая на темный предмет, мелькнувший в иллюминаторе. Летающий объект был похож на толстую сигару с короткими стреловидными крыльями и на фоне солнца казался черным. Затем он прокрутил восходящую «бочку» — оказалось, что он покрыт серебристой обшивкой, — и, заложив крутой вираж, вновь устремился к беспомощно висевшей на парашюте капсуле. Незнакомый самолет приближался, быстро увеличиваясь в размерах; возле основания крыльев бились алые

всплески огня.

Иллюминатор затянуло серым: капсула вошла в облако. Астронавты молча смотрели друг на друга; никто не хотел говорить первым.

— Реактивный самолет, — наконец сказал Джино. — Я никогда еще не видел такого.

— Я тоже… Но там было кое-что знакомое. Скажи-ка, ты разглядел крылья? Ты видел?..

— Если ты говоришь о черных крестах на крыльях, то да, я их видел, но не собираюсь верить своим глазам! Вернее, не поверил бы, но он убедил меня, проделав в нашем корпусе новые внештатные воздухозаборники. А у тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

— Нет. Но мне кажется, что мы достаточно скоро все узнаем. Приготовься к приземлению — осталось всего две тысячи футов.

Самолет больше не появлялся. Они подтянули привязные ремни и застыли, ожидая встречи с землей. Она оказалась довольно жесткой: капсула резко стукнулась днищем, перекосилась и задергалась.

— Отстрел парашюта! — приказал Дэн Кой. — Нас несет.

Джино повернул рукоять прежде, чем Дэн успел договорить фразу. Рывки прекратились, и

капсула медленно встала вертикально.

— Свежий воздух… — без выражения протянул Дэн и включил отстрел люка.

Круглая крышка отскочила, на ребре покатилась по земле и, покрутившись, упала. Пока они отсоединяли от своих скафандров многочисленные провода и разъемы, горячий сухой воздух заполнил капсулу, принеся с собой пыльный запах пустыни.

Дэн поднял голову и фыркнул:

— Пахнет домом. Давай вылезем из этой коробки.

Полковник Дэнтон Кой вышел первым, как приличествует командиру Первой американской экспедиции «Земля — Луна». Майор Джино Ломбарди последовал за ним. Они молча стояли бок о бок, глядя на закатное солнце, ярко сверкавшее на их серебряных скафандрах. Вокруг них, насколько хватало глаз, тянулись чахлые заросли сероватых пустынных кустарников, среди которых выделялись кактусы и мескитовые деревья. Ничего не нарушало тишину; нигде не было видно ни малейшего шевеления, лишь ветер уносил облачко пыли, поднятое капсулой при посадке.

— Хороший запах, прямо как у нас в Техасе, — заявил Дэн, шумно вдохнув носом.

— Кошмарный запах. У меня от него сразу разыгралась жажда. Но, Дэн, что же все-таки случилось? Сначала потеря связи, потом этот самолет…

— А вот и ответ на подходе, — внешне спокойно сказал полковник, указывая на быстро удлинявшуюся от горизонта в их сторону полосу пыли. — Незачем строить предположения; мы все выясним через пять минут.

На самом деле времени прошло еще меньше. К ним с ревом подлетел выкрашенный в камуфляжный песочный цвет большой полугусеничный вездеход-фургон, сопровождаемый двумя бронетранспортерами поменьше. Машины резко остановились невдалеке в облаке собственной пыли. Дверь вездехода распахнулась, и оттуда выпрыгнул человек в защитных очках. На ходу он брезгливо отряхивал пыль со своего ладно сидящего черного обмундирования.

— Hände hoch! — крикнул он, указывая на повернувшиеся в сторону астронавтов тяжелые пулеметы, установленные на турелях на кабинах бронетранспортеров. — Руки вверх, и не опускать. Вы мои пленники.

Они медленно подняли руки, словно загипнотизированные, пожирая глазами детали униформы:

серебряные зигзаги молний на петлицах, высокая да к тому же изогнутая вверх фуражка с кокардой — хищный орел, сжимающий в когтях свастику.

— Вы… вы немец! — задыхаясь, пробормотал Джино Ломбарди.

— Очень точно подмечено, — без тени юмора ответил офицер. — Я гауптман Лангеншайдт, а вы мои пленники и будете повиноваться моим приказам. Садитесь в kraftwagen.

— Подождите минуту, — возразил Дэн. — Я полковник Кой, ВВС США, и я хотел бы узнать, что здесь происходит…

— В машину, — приказал офицер. Он не повысил голоса, зато вынул из кобуры длинный «люгер» и, держа пистолет в согнутой руке, направил его на астронавтов.

— Пойдем, — сказал Джино. Он положил руку на плечо Дэна и почувствовал, как его друг напряжен. — Ты старше его в звании, но, похоже, он здесь главный.

Они вскарабкались в открытую заднюю дверь фургона; капитан-немец забрался следом, указал, куда им сесть, а сам сел впереди лицом к пленникам. Двое молчаливых солдат с автоматами наперевес заняли места у них за спинами. Гусеницы лязгнули, и машина тронулась с места,

вздымая густую тучу пыли.

Джино Ломбарди никак не мог воспринять происходившее как действительность. Полет на Луну, посадка, даже гибель Глейзера — все это были реальные и понятные события. Но дальше?.. Он посмотрел на часы: в окошечке календаря виднелось число двенадцать.

— Только один вопрос, Лангеншайдт, — повысил он голос, стараясь перекричать рев двигателя. — Сегодня двенадцатое сентября?

Ответом послужил резкий кивок.

— А год... год, конечно, тысяча девятьсот семьдесят первый?

— Да, конечно. И хватит вопросов. Вы будете говорить с оберстом, а не со мной.

После этого астронавты сидели молча и лишь старательно щурились, пытаясь уберечь глаза от пыли. Спустя несколько минут машина свернула в сторону и остановилась; в противоположном направлении с тяжелым грохотом протащилось длинное тяжелое тело трейлера для перевозки танков. Очевидно, немцы жаждали заполучить капсулу ничуть не меньше, чем ее пилотов. Пропустив платформу с краном, вездеход двинулся дальше. Уже темнело, когда они увидели впереди контуры двух больших танков; их орудия

сопровождали переваливавшуюся в неровных колеях бронемашину. Позади дозорных машин оказался целый парк различной техники, а также множество палаток. В вырытых в песке окопах ярко пылали паяльные лампы. Вездеход остановился перед самой большой палаткой, и двоих астронавтов под прицелом автоматов провели внутрь.

За складным столом спиной к вошедшим сидел офицер и что-то писал. Не обращая на них внимания, он закончил, сложил бумаги, убрал их в папку и лишь потом повернулся. Это был очень худой человек; он не сводил горящего взгляда с пленников, пока капитан быстро рапортовал по-немецки.

— Это чрезвычайно интересно, Лангеншайдт, но мы не должны заставлять наших гостей стоять. Прикажите ординарцу принести стулья. Господа, разрешите мне представиться. Я полковник Шнейдер, командир сто девятой бронетанковой дивизии, которой вы оказали честь своим визитом. Сигарету?

Уголки губ полковника чуть заметно приподнялись — вероятно, это должно было означать улыбку, — и тут же рот вновь вытянулся в тонкую прямую линию. Взяв со стола плоскую пачку

сигарет «Плейерс», он протянул ее Джино. Тот автоматически принял их. Вытряхивая сигарету из пачки, он заметил, что они были сделаны в Англии, но этикетка напечатана на немецком языке.

— Уверен, что вы с удовольствием выпьете виски, — заявил Шнейдер, снова продемонстрировав свою деланую улыбку. Он поставил на стол бутылку «Оулд Хайлендер». Джино впился взглядом в этикетку. На ней красовался знакомый горец с волынкой и в шотландском килте, и он сообщал по-немецки: «Ich hätte gern etwas zu trinken WHISKEY!»[3]

Солдат ткнул его сиденьем стула под колени, и Джино с огромным облегчением опустился на сиденье. Ему вручили стакан. Он отхлебнул и с первого же глотка почувствовал, что это хороший шотландский виски.

Ординарец вышел, а полковник откинулся на спинку стула и тоже взял со стола высокий стакан виски со льдом. Единственным напоминанием о том, что астронавты находятся в плену, служила застывшая возле входа безмолвная фигура капитана, державшего руку на рукояти лежавшего в

---

[3] Примечания: 3

«Я охотно выпью немного виски!»*(нем.)*

кобуре пистолета.

— Вы, господа, прибыли на очень интересном транспортном средстве. Наши технические эксперты, конечно, изучат его, но у меня есть вопрос…

— Я полковник Дэнтон Кой, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, личный номер…

— Прошу вас, полковник, — прервал его Шнейдер. — Мы можем обойтись и без этих формальностей…

— Майор Джованни Ломбарди, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, — выпалил Джино и тоже назвал свой личный номер.

Немецкий полковник снова приподнял уголки губ в улыбке и сделал крошечный глоток из стакана.

— Не пытайтесь сделать из меня дурака, — внезапно сказал он, и впервые в его голосе прорезалась холодная властность, соответствовавшая его мрачному облику. — Вам придется подробно объясняться в гестапо, так что вы можете сначала рассказать все это мне. И хватит ваших ребяческих игр. Я не знаю никаких американских Военно-воздушных сил, только ваш армейский авиакорпус, который поставляет такие прекрасные цели для наших летчиков. А теперь — что вы

делали в этом устройстве?

— А вот это вас не касается, полковник, — отрезал Дэн точно таким же тоном. — А вот я хотел бы знать, что немецкие танки делают в Техасе и…

Его прервал яростный треск выстрелов, послышавшийся где-то неподалеку. Затем последовали два оглушительных взрыва, вход в палатку озарился отдаленным заревом. Капитан Лангеншайдт выхватил пистолет и опрометью выскочил из палатки, а все, кто в ней остался, вскочили на ноги. Снаружи раздался приглушенный крик, и в палатку ворвался человек — он показался обоим астронавтам огромным, — одетый в пестрый камуфляжный костюм. Его лицо было вымазано чем-то черным, и руки, в которых он держал большой, незнакомого образца пистолет, направленный на находившихся в палатке, тоже были черными.

— Verdamm… — выругался полковник и потянулся за своим оружием.

Пистолет вновь прибывшего дважды дернулся и издал два похожих на вздохи звука. Командир танковой дивизии схватился за живот, сложился вдвое и рухнул на пол.

— Вы, парни, только не стойте с раскрытыми ртами, — негромко прикрикнул новый посети-

тель. — Давайте-ка убираться отсюда, пока сюда не приперся еще кто-нибудь. — С этими словами он повернулся и быстро вышел из палатки, а астронавты последовали за ним.

Они проскользнули за ряд грузовиков, выстроенных в идеальную линию, и присели там, а толпа солдат в железных касках пробежала мимо, направляясь на звук перестрелки. В треск автоматов вмешались орудийные выстрелы, а зарево, кажется, стало ослабевать.

— Это всего-навсего диверсия — шестеро парней, которые наделали шуму на шестьдесят человек, — прошептал их спаситель, наклонившись к астронавтам, — всего лишь подорвав один из бензовозов. Но эти кочанные головы быстро раскумекают, что к чему, и устроят на нас пешую облаву. Так что делаем ноги, да поживее!

Он первым выскочил из укрытия, и все трое ринулись в темную пустыню. Пробежав всего несколько ярдов, астронавты начали спотыкаться, но упорно бежали, пока чуть ли не кубарем скатились в небольшой овраг, где в ночной тьме выделялась еще более темная масса: джип. Мотор заработал, как только трое людей ввалились в машину. Джип, не зажигая огней, выполз из оврага и с хрустом попер через сухие кусты.

— Вам повезло, что я видел, как вы опускались, — сказал с переднего сиденья их освободитель. — Я лейтенант Ривз.

— Полковник Кой, а это майор Ломбарди. Просто невозможно выразить, как мы благодарны вам, лейтенант. Когда эти немцы захватили нас, мы просто не в силах были заставить себя в это поверить. Откуда они взялись?

— Только вчера прорвались из кольца, блокирующего корпус. А я с моим патрулем крался за ними следом и извещал Сан-Антонио о движении колонны. Поэтому-то я и увидел, как ваш корабль, или что там такое, весь раскрашенный звездами и полосами, снижается прямо перед носом их разведчиков. Я попытался добраться до вас первым, но был вынужден повернуть, потому что взвод их разведчиков опередил меня. Но так, пожалуй, вышло еще удачнее. Как только стемнело, мы захватили транспортер для перевозки танков, и двое моих раненых сейчас гонят его в Котуллу, где мы получим боеприпасы и транспорт. Остальных парней я заставил провести эту диверсию — вы сами знаете ее результат. Ну а вы, наездники из воздушного корпуса, должны повнимательнее следить за ветром и прочими штучками погоды, а то все ваши хитрые новые выдумки так и будут

падать во вражеские руки.

— Вы сказали, что немцы прорвались из корпуса… Это корпус «Кристи»? — спросил Дэн. — Что они там делают, как долго они там находятся и, самое главное, откуда они взялись?

— Вы, летуны, наверно, отсиживались в какой-нибудь очень глубокой дыре, — ответил Ривз и громко ухнул: джип особенно резко подпрыгнул на невидимой кочке. — Они высадились на техасском побережье Мексиканского залива уже месяц назад. Мы сдерживали их, но с очень большим трудом. А теперь они прорвались и мы стараемся оставаться у них на пути. — Он умолк и на мгновение задумался. — Пожалуй, парни, я лучше не буду рассказывать вам слишком много, пока мы не узнаем, что вы там делали. Держитесь крепче, и через два часа мы будем далеко отсюда.

Вскоре после того, как они выбрались на проселочную дорогу, к ним присоединился другой джип, и лейтенант с кем-то связался по полевой рации. Затем оба автомобиля помчались на север, миновали множество противотанковых рвов и артиллерийских позиций и наконец въехали в небольшой городок Котуллу, уцепившийся за шоссе, ведущее в Сан-Антонио. Астронавтов отвели в заднюю часть местного универмага, где

размещался командный пункт. Здесь было много галунов, лампасов, орденов и вооруженной охраны, а за столом сидел генерал с одной звездой на погоне и воинственно выдвинутым вперед могучим подбородком. Прием здесь оказался почти таким же, как в палатке немецкого полковника.

— Кто вы такие — вы оба, что вы здесь делаете… и что это за непонятная штука, на которой вы прилетели? — строгим голосом спросил генерал.

Дэн сам имел множество вопросов, на которые желал немедленно получить ответы, но он знал, что на свете нет, пожалуй, более бессмысленного занятия, чем спорить с генералом. Он рассказал о полете на Луну, о потере связи, о возвращении. На протяжении всего повествования генерал не сводил с него внимательного взора, а на лице его ничего нельзя было прочесть. Он не произнес ни слова, пока Дэн не закончил, и лишь потом заговорил:

— Джентльмены, я не знаю, как отнестись ко всему этому рассказу о ракетах, полетах на Луну, русских спутниках и тому подобном. Или вы оба безумны, или я спятил, хотя нельзя не признать, что на трейлере лежит убедительное доказательство истинности вашей совершенно невероятной истории. Я сомневаюсь, что у русских теперь, ко-

гда их армии рассечены на части и оттесняются в Сибирь, есть время или ресурсы для развития ракетной техники. Все остальные страны в Европе сдались нацистам, и они перенесли войну в это полушарие, устроили базы в Центральной Америке, заняли Флориду и множество плацдармов на побережье Залива. Я не стану притворяться, будто понимаю, кто вы такие и что с вами произошло, и поэтому утром отправлю вас в Денвер, столицу Штатов.

На следующий день в самолете, где-то высоко над пиками Скалистых гор, они пытались сложить воедино части головоломки. Лейтенант Ривз летел с ними якобы как сопровождающий, но его пистолет наготове лежал в расстегнутой кобуре.

— Сейчас то же самое время и тот же самый мир, из которого мы улетали, — объяснил ему Джино, — но имеется много различий. Слишком много. И их становится все больше и больше, пока в конце концов все не изменяется радикально. Ривз, ведь это вы сказали мне, что президент Рузвельт умер, не дождавшись окончания своего первого срока?

— Да, от пневмонии. Он никогда не отличался слишком крепким здоровьем и умер, не пробыв

и года на своей должности. У него было много различных диковинных проектов, но ни из одного не вышло толку. Вице-президент Гарнер попытался продолжать его линию, но между словами Рузвельта и словами этой бабы в штанах оказалась большая разница. Непрерывные драки, неприятности с конгрессом, усиление депрессии и так далее. Никакого улучшения вплоть до тридцать шестого года, когда выбрали Лэндона. Безработных все еще было много, но после того, как в Европе началась война, они стали покупать у нас множество всякой всячины: продовольствие, машины, даже оружие.

— Вы говорите об Англии и союзниках?

— Я говорю обо всех. Немцы тоже покупали, хотя от этого у многих здесь крыша съехала. Но политики решили, что следует избегать международных осложнений и вести торговлю со всеми, кто в состоянии платить. И только после вторжения в Англию люди начали понимать, что нацисты не лучшие клиенты в мире, но к тому времени было уже слишком поздно.

— Это похоже на зеркальное изображение мира — в кривом зеркале, — сказал Дэн, глубоко затягиваясь сигаретой. — Пока мы огибали обратную сторону Луны, случилось нечто такое, отчего весь

мир повернул по другому пути, как будто ход истории изменился где-то в начале тридцатых годов.

— Мир нисколько не изменился, парни, — возразил Ривз, — он всегда был таким, каким был, и естественным образом пришел к нынешнему состоянию. Хотя я признаю, что тот вариант истории, о котором вы говорили, кажется лучше. Но если нужно выбирать, кто сошел с ума — целый мир или вы, то я выбираю вас. Не знаю, какого рода эксперимент поставили над вами птицы более высокого полета, но в результате у вас, похоже, протухло серое вещество.

— Я этого не приму, — продолжал горячиться Джино. — Знаю, что со стороны кажется, будто у меня шарики за ролики заехали, мне и самому так иногда начинает казаться, но я всякий раз вспоминаю о капсуле, в которой мы приземлились. Как вы собираетесь объяснить это?

— И пытаться не стану. Я знаю, что в ней имеется много приборов и устройств и других штуковин, за которые инженеры и университетские профессора будут выдирать друг у друга последние патлы, но меня это нисколько не волнует. Я возвращаюсь на войну, где стреляют и где дела гораздо проще. И пока не доказано

обратное, я буду думать, что вы, джентльмены, оба спятили, если, конечно, можно употреблять такое выражение к старшим офицерам.

Официальная реакция в Денвере оказалась примерно такой же. Штабной микроавтобус, набитый охранниками из военной полиции, подкатил к трапу самолета, как только он приземлился на аэродроме Лоури-Филд, и доставил астронавтов прямиком в госпиталь Фицсиммонс. Без долгих объяснений их подвергли лабораторным обследованиям, и, должно быть, добрая половина штата гигантской больницы принялась брать у них анализы, подсоединять электроды и задавать вопросы. Их много раз заставляли рассказывать о своем полете и о своем мире — очень часто при этом подключали датчики детектора лжи, — но ни на один из их вопросов не отвечали. Время от времени их угрюмо рассматривали невесть откуда приезжавшие высокопоставленные офицеры, но никто из них не принимал участия в допросах. Они наговаривали многочасовые монологи в магнитофоны, отвечали на вопросы, касавшиеся самых различных областей знания, начиная от истории и кончая физикой, а когда они изнемогали, им давали бензедрин и заставляли продолжать. Больше недели они

встречались только случайно в коридорах по дороге к кабинетам, где их обследовали и допрашивали, и в конце концов они уже начали падать с ног от усталости и потеряли способность соображать от стимуляторов и других лекарств. На их вопросы все так же не отвечали и лишь убеждали не тревожиться и уверяли, что, как только закончится обследование, о них позаботятся. И когда плавный ход событий нарушился, это оказалось долгожданным сюрпризом — причем, очевидно, неожиданным для всех. Джино вел очередную беседу — на сей раз с мобилизованным профессором истории, носившим на залитом соусом кителе полевой формы блестящие пластинки капитана. Охрипший после многодневного почти непрерывного допроса Джино держал микрофон, чуть ли не прижимая его к губам, и говорил шепотом.

— Вы можете сказать мне, кто был министром финансов при Линкольне? — спросил капитан.

— Какого дьявола я должен это знать? И очень сомневаюсь, что в этой богадельне найдется хоть один человек, который знал бы это, — кроме вас. А вы знаете?

— Конечно…

Дверь без стука распахнулась, и на пороге возник полковник с нарукавной повязкой во-

енной полиции. Очень серьезный мальчик на побегушках; его появление произвело на Джино впечатление.

— Я пришел за майором Ломбарди.

— Вам придется подождать, — возразил капитан-историк, наматывая на кулак свой и так уже ни на что не похожий галстук. — Я еще не закончил.

— Это не важно. Майор немедленно отправится со мной.

Они молча промаршировали через множество залов, пока не пришли в просторную комнату отдыха. Дэн, расслабленно раскинувшись в глубоком кресле, попыхивал сигарой. Громкоговоритель на стене что-то монотонно бормотал.

— Хочешь сигару? — спросил Дэн и, не дожидаясь ответа, толкнул коробку через стол.

— Чем нас будут развлекать на этот раз? — поинтересовался Джино, откусив кончик и оглядываясь в поисках спичек.

— Очередная конференция, очень большие шишки и невероятная суматоха. Мы войдем спустя минуту-другую, как только крик немного утихнет. Появилась теория по поводу того, что с нами случилось, но далеко не все с нею согласны, хотя ее выдумал сам Эйнштейн.

— Эйнштейн! Но он же умер…

— Нет, здесь он все еще жив; я его видел. Величественный, очень старый — за девяносто — джентльмен, худой как спичка, но все еще крепкий и бодрый. Он говорит… подожди, кажется, передают новости.

Один из охранников военной полиции прибавил громкость репродуктора, и все прислушались.

«…Несмотря на упорное сопротивление, город Сан-Антонио теперь находится во вражеских руках. Еще час назад мы получали сообщения из окруженного Аламо, где подразделения Пятой конной отказались капитулировать перед превосходящими силами противника. За этой второй битвой при Аламо[4] следила вся Америка. История повторилась трагически, потому что теперь, кажется, не осталось никакой надежды на то, что кто-нибудь…»

— Будьте добры, джентльмены, следуйте за мной, — объявил вошедший штабной офицер, и

---

[4] Примечания: 4

Аламо — городок и укрепления при одноименной францисканской миссии в Сан-Антонио, штат Техас. В ходе так называемой Техасской войны за независимость — восстания поселившихся в Техасе североамериканских плантаторов против мексиканских властей — 23 февраля 1836 года Аламо был осажден мексиканскими войсками, а 6 марта взят штурмом. Весь гарнизон при этом был уничтожен.

оба астронавта сразу же поднялись. Офицер постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее перед ними. — Прошу вас.

— Рад познакомиться с вами обоими, — сказал Альберт Эйнштейн и указал на пару удобных кресел. Сам он сел спиной к окну; солнечный свет вспыхнул в его совершенно белой шевелюре, образовав нимб вокруг головы.

— Профессор Эйнштейн, — заговорил Дэн Кой, — можете ли вы объяснить нам, что случилось? Что изменилось в мире?

— Ничего не изменилось — это первое, что вам следует понять. Мир остался тем же самым, и вы те же самые, но вы были… за неимением лучшего, скажем, перемещены. Я выражаюсь не совсем понятно. Было бы гораздо легче выразить это математически.

— Каждый, кто когда-либо забирался в космическую ракету, должен был хоть немного увлекаться научной фантастикой, а я проглотил свою долю полностью, — ответил Дэн. — Мы оказались в одном из этих параллельных миров, о которых столько писали, и все такое, да?

— Нет, с вами произошло совсем не это, хотя, возможно, вам будет легче представить себе случившееся, пользуясь этими словами. Вы на-

ходитесь в том же самом объективном мире, который покинули, — но субъективно он не тот же самый. Существует только одна галактика — та, в которой мы обитаем, — и только одна вселенная. Но наше представление о ней изменяет многие из аспектов действительности.

— Я ничего не понимаю, — вздохнул Джино.

— Давайте посмотрим, удалось ли мне понять, — предложил Дэн. — Мне кажется, вы хотите сказать, что вещи являются такими, какими мы их себе представляем, и остаются такими, какие есть, благодаря нашим мыслям. Скажем, то дерево в кадушке, которое я помню с колледжа, может быть только таким, какое существует в моей голове.

— И снова неверно, но сойдет для приблизительного истолкования. Я давно подозревал существование подобного феномена; об этом говорили некоторые отклонения от теории при наблюдении скорости света, укладывавшиеся в пределы ошибки измерения, проявления гравитационного взаимодействия, ход химических реакций. Я кое-что подозревал, но не знал, где искать. И сейчас, господа, пользуюсь случаем поблагодарить вас от всей души за то, что вы на исходе моей жизни предоставили мне такую

возможность, дали мне в руки ключ, при помощи которого я смогу найти решение этой проблемы.

— Решение… — Джино непроизвольно раскрыл рот. — Вы хотите сказать, что у нас есть шанс вернуться в знакомый нам мир?

— Не просто шанс, а самая реальная возможность. То, что произошло с вами, было всего лишь несчастным случаем. Вы оказались вдали от своей родной планеты, вне ее атмосферного покрова, а на некоторых отрезках орбиты даже вне ее поля зрения. Ваше ощущение реальности оказалось ужасно напряженным, а ваша физическая реальность и реальность ваших умственных представлений оказались измененными смертью вашего товарища. Все эти факторы, объединившись, сделали так, что вы вернулись в мир, реалии которого несколько отличаются от реалий того мира, который вы покинули. Историки точно определили точку перелома. Он произошел семнадцатого августа тысяча девятьсот тридцать третьего года, в тот самый день, когда президент Рузвельт умер от пневмонии.

— Ах, так вот к чему были все эти медицинские вопросы, касавшиеся моего детства, — протянул Дэн. — В возрасте пары месяцев я заболел воспале-

нием легких и чуть не умер; мать потом довольно часто вспоминала об этом. Это могло произойти в то же самое время. Но ведь невозможно, чтобы я выжил, а президент поэтому умер…

Эйнштейн покачал головой:

— Нет. Вы должны помнить о том, что оба жили в том мире, который знали. Динамика отношений пока еще далека от ясности, хотя я не сомневаюсь, что существует какая-то двухсторонняя взаимосвязь. Но это не важно. А важно вот что: я думаю, что я выработал метод, позволяющий механически вызвать переход от одного аспекта реальности к другому. Потребуются годы, чтобы развить его, чтобы научиться переносить вещество из одной реальности в другие на выбор, но и сейчас, я уверен, он достаточно жизнеспособен, чтобы возвратить обратно вещество, прибывшее из другой реальности.

Джино вскочил на ноги так, что кресло опрокинулось.

— Профессор, если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что можете запихнуть нас обратно, туда, откуда мы прибыли?

Эйнштейн улыбнулся:

— Не волнуйтесь так, майор. Да. Уже приняты все меры для того, чтобы как можно скорее

вернуть обратно и вас обоих, и вашу капсулу. Но взамен мы просим вас о помощи.

— Ну конечно, все, что в наших силах, — сказал Дэн, подавшись вперед.

— Вы возьмете с собой аппарат изменения реальности и микрокопии наших трудов по истории, научных теорий и практических разработок. В том мире, откуда вы прибыли, можно будет бросить все силы исследователей и разработчиков на то, чтобы научиться по желанию осуществлять то перемещение, которое вам однажды удалось случайно. Вы сможете сделать это за несколько месяцев; это все время, которое у нас осталось.

— Что вы имеете в виду?

— Мы проигрываем войну. Несмотря на все предупреждения, мы не были подготовлены к ней и считали, что она никогда до нас не доберется. Нацисты наступают на всех фронтах, и их победа является только вопросом времени. Мы тоже пока еще можем победить, но только при помощи ваших атомных бомб.

— У вас еще нет атомной бомбы? — удивился Джино.

Эйнштейн несколько секунд молчал и лишь потом ответил:

— Нет, такой возможности не оказалось. Я все-

гда был уверен, что ее можно сделать, но никогда не думал над практическим решением этого вопроса. Немцы чувствовали то же самое и одно время даже начали разрабатывать тяжеловодородный проект, направленный на осуществление управляемой ядерной реакции. Но их военные успехи оказались настолько велики, что они отказались от этой работы, как, впрочем, и от многих других неправдоподобных и дорогих планов, таких, например, как подземные ходы глобального масштаба. Сам я никогда не хотел видеть эту адскую машину воплощенной в действительность, а теперь, после ваших рассказов, понимаю, что она еще ужаснее моих умозрительных представлений о ней. Однако, когда нацистская угроза стала реальной, я обратился к президенту с предложением о ее разработке, но ничего так и не было сделано. Решили, что это слишком дорого. А теперь стало слишком поздно. Хотя при нынешнем стечении обстоятельств, возможно, удастся успеть. Если ваша Америка поможет нам, враг будет побежден. А какое неимоверное богатство знаний мы сможем получить, если между нашими мирами удастся установить контакт! Вы сделаете это?

— Конечно, — ответил Дэн Кой. — Но дяди

из правительства потребуют множество доказательств. Я предлагаю сделать несколько кинофильмов, в которых вы и еще кто-нибудь из самых знаменитых ученых выступили бы с объяснениями. И добавить документы, которые помогут убедить их в реальности случившегося.

— Я могу сделать кое-что получше, — сказал Эйнштейн, вынимая из ящика стола маленькую бутылочку. — Здесь недавно созданный лекарственный препарат, который, как доказали опыты, является эффективным при лечении ряда тяжелых форм раковых заболеваний, и его формула. Это пример возможной выгоды от обмена информацией между двумя нашими мирами; а если такой обмен станет постоянным, то одному только богу известно, во что это может вылиться.

Дэн аккуратно положил драгоценную бутылочку в карман, и оба астронавта поднялись. С благоговейным страхом они обменялись осторожным рукопожатием с древним стариком, который в их мире, куда, как им стало известно, они скоро вернутся, скончался много лет назад.

Военные повсюду умеют работать быстро. Большой реактивный бомбардировщик был быстро переоборудован для транспортировки одной

из американских твердотопливных боевых ракет. Это оружие еще не успели окончательно доработать, и было сомнительно, что им удастся воспрепятствовать движению нацистской армии. Но, учитывая, что бомбардировщик поднимет ее на значительную высоту, она могла выйти за пределы ионосферы и увести на орбиту спутника Земли полезный груз в виде лунной капсулы с двумя пилотами.

Глубокое разрежение атмосферы было необходимым условием для действия аппарата, который должен был возвратить их в пространство, о коем они привыкли думать как о своем собственном мире. Но думать о себе как о людях, способных изменять миры, все равно казалось обоим чудовищным абсурдом.

— И это все? — спросил Джино, когда они заняли свои места в капсуле. Между ложементами пилотов был закреплен квадратный ящик, в котором содержались записи и катушки кинофильмов. А поверх него стояла небольшая серая металлическая коробка.

— А что ты ожидал увидеть? Может быть, ускоритель диаметром в пять миль? — спросил Дэн, не отрываясь от знакомой процедуры проверки систем. Капсула была, насколько возможно,

приведена к тому же состоянию, в котором она находилась в день приземления. Астронавты оделись в свои скафандры. — Мы оказались здесь совершенно случайно, только из-за того, что неправильно думали, ну или что-то в этом роде, если я верно понял всю эту теорию.

— Конечно. Так что мы не можем позволить этой ерунде снова сбить нас с толку.

— Ну да, я понимаю, что ты хочешь сказать. Все эти безумные дела могут быть сколь угодно сложными, зато механизм должен быть простым. И все, что от нас требуется, это в нужный момент перебросить тумблер.

— Вас понял, командир. Эта штука имеет автономное питание. За нами будут следить радаром, и, когда мы достигнем апогея орбиты, они подадут нам сигнал на нашей обычной рабочей частоте. Мы щелкаем выключателем — и идем на посадку.

— Надеюсь, что посадка будет там, откуда мы вылетели в первый раз.

— Эй, груз, привет, — раздался хриплый голос из динамика. — Говорит пилот. Мы готовы отчалить. Как у вас дела?

— Все лампочки зеленые, — доложил Дэн и вновь откинулся в кресле.

Огромный бомбардировщик с ревом пронесся по всей длине взлетно-посадочной полосы и медленно, тяжело — ему мешала большая ракета, закрепленная под брюхом, — поднялся в воздух. Капсула находилась в носовой части ракеты, и астронавты могли видеть лишь светлую обшивку самолета-носителя. Это был не слишком приятный полет. Математики рассчитали, что вероятность успеха будет наибольшей в районе Флориды и Южной Атлантики, где произошел первоначальный переход в иную реальность. А для этого следовало преодолеть вражескую территорию. Пассажиры не могли видеть воздушный бой, который вели сопровождавшие их реактивные истребители, а пилот наспех переделанного бомбардировщика не стал ничего говорить им. Это был жестокий бой, который мог в один из моментов закончиться плачевно: только самоубийственный таран, предпринятый одним из истребителей, помешал вражескому самолету в упор расстрелять самолет-носитель.

— Приготовиться к отделению, — прохрипело радио, и мгновением позже астронавты ощутили знакомое чувство невесомости; ракета отделилась от самолета. Тут же запрограммированный компьютер включил зажигание, и ракета пошла

на расчетную орбиту. Ускорение прижало астронавтов к креслам.

Внезапному возвращению к невесомости предшествовала серия мелких взрывов — это самоуничтожались болты, крепившие капсулу к ракете-носителю. В течение времени, которое показалось астронавтам неизмеримо долгим, инерция несла их дальше по орбите, а сила земного притяжения тащила назад. В динамике радиоприемника потрескивал фон несущей частоты, в который вдруг ворвался голос:

— Приготовиться к включению… руку на ключ… пошел!

Дэн щелкнул выключателем — и ничего не произошло. Во всяком случае, ничего такого, что они могли бы почувствовать. Они молча посмотрели друг на друга, а затем, не сговариваясь, перевели взгляды на высотомер, показывавший, что они снижались к отдаленной Земле.

— Приготовиться к выходу парашютов, — напряженно скомандовал Дэн, и в это мгновение динамик взорвался оглушительным криком:

— Эй, «Аполлон», это вы? Это Центр управления с мыса Кеннеди. Вы слышите меня? Повторяю, вы слышите меня? Отвечайте, если можете, ради всего святого… Черт возьми, Дэн, где вы там?! Эй,

есть там кто-нибудь?

Голос захлебывался звуками, в нем явственно улавливалась истерика. Дэн щелкнул кнопкой переговорного передатчика.

— Дэн Кой здесь. Это вы, Скипер?

— Да… Но откуда вы взялись? Где вы пропадали? Отбой вопроса, отбой до приземления. Мы видим вас на экране, вы летите в море, в район патрулирования судов…

Астронавты посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись. Джино поднял большой палец: победа! У них получилось. Они сделали это. За вновь обретенной сдержанностью голоса Центра управления они чувствовали восторженное волнение, которое должно было породить их неожиданное возвращение. Для наблюдателей на Земле — этой Земле — они наверняка скрылись за диском Луны и не появились из-за него. А теперь совершенно неожиданно появились — по прошествии нескольких недель, после того как у них давно должны были кончиться и кислород, и продовольствие. Им потребуется очень много раз и подолгу все объяснять.

Приземление получилось просто безупречным. Солнце сияло, ветра почти не было, море было совершенно гладким. Спустя две-три секунды

после приводнения капсула выскочила на поверхность, и астронавты увидели в иллюминатор ласковые крошечные волны. Всего в нескольких милях над водой поднималась громада крейсера, уже мчавшегося в их направлении.

— Ну, все кончено, — с глубоким вздохом облегчения сказал Дэн, отстегивая привязные ремни.

— Кончено? — придушенно прохрипел Джино. — Кончено? А ты посмотри на флаг.

Крейсер описывал крутую дугу, и кормовой флаг гордо развернулся перед астронавтами. Красные и белые полосы, пятьдесят белых звезд на поле глубокого синего цвета.

А среди звезд, в центре синего прямоугольника, сверкала золотая корона.

От каждого по способностям

Перевод А. Новикова

— Вы только взгляните на ствол — в него палец можно засунуть, — сказал Арам Бриггс и тут же подтвердил свои слова делом. Неосознанно сладострастным движением он пропихнул в дуло огромного пистолета волосатый указательный палец и медленно его покрутил. — Его пуля уложит наповал любое животное из-за гидростатического шока, а если пуля будет разрывная, то она запросто свалит дерево или пробьет стену.

— Мне кажется, после первого же выстрела отдача такого пистолета просто сломает человеку кисть, — с нескрываемым отвращением заметил доктор Де Витт, близоруко щурясь на оружие, словно на змею, готовую нанести удар.

— Вы что, с луны свалились, Де Витт? Отдача пистолета такого калибра не сломала, а оторвала бы вам руку, не будь у него амортизатора. Это же двадцатипятимиллиметровая безоткатная модель. Вместо того чтобы ударить назад, энергия выстрела рассеивается через эти щели…

— Избавьте меня, пожалуйста, от описания принципа действия безоткатного огнестрельного оружия — к тому же неточного. Я знаю о нем ровно столько, сколько пожелал узнать. Я посоветовал бы вам пристегнуться, потому что скоро начнется торможение перед посадкой.

— Что это вы разнервничались, док? Раньше-то вы не дергались.

Улыбка Бриггса была больше садистской, чем искренней, и Де Витт с трудом преодолел неприязнь, которую она невольно вызвала.

— Извините. Нервы, наверное. — (Снова та же улыбка.) — Признаться, я не привык к подобным миссиям, к тому же посадка на планету, где полно враждебно настроенных туземцев, меня мало привлекает.

— Вот поэтому я и здесь, Де Витт, и вы должны быть чертовски рады. Вы, яйцеголовые, вляпались в неприятности, и вам пришлось позвать кое-кого, кто не боится взять в руки пистолет, чтобы вас от них избавить. — Загудел сигнал, и на контрольной панели тревожно замигала красная лампочка. — Вы позволили Заревски сесть в галошу и не в состоянии сами его спасти…

— Через шестьдесят секунд нас запускают, это был сигнал пристегнуться.

Едва они перешли из большого корабля в маленький посадочный катер, Де Витт сразу уселся в кресло и, конечно, аккуратно пристегнулся. Теперь он нервно переводил взгляд с крупного тела Бриггса, плавающего в невесомости, на мигающую лампочку. Бриггс двигался медленно, игнорируя предупреждение, и Де Витт сжал кулаки.

— Посадочный курс уже задан? — спросил Бриггс, медленно засовывая пистолет в кобуру и еще медленнее отталкиваясь в сторону кресла.

Он еще затягивал пояс, когда сработали двигатели. Первый тормозной импульс вышиб воздух из легких, и всякие разговоры стали невозможны, пока двигатели не смолкли.

— Курс задается автоматически, — выдавил Де Витт, с трудом делая вдох и с неприязнью ожидая следующего торможения. — Компьютер выведет нас в точку неподалеку от деревни, в которой держат Заревски, но садиться придется самим. Думаю, мы сядем на поляне возле реки — помните, я ее показывал на карте? От нее до деревни недалеко.

— Фигня. Сядем прямо в центре деревушки — там у них то ли площадь, то ли футбольное поле, черт их разберет.

— Вы не имеете права этого делать! — ахнул Де Витт, почти не обращая внимания на корректирующий тормозной импульс, вдавивший его в скрипнувшее кресло. — Там же туземцы, вы их убьете.

— Вряд ли. Мы пойдем прямо вниз, включим сирену и посадочные огни, а над самым грунтом немного зависнем. Когда мы сядем, все эти морды будут уже за километр от нас. А любого болвана, решившего остаться, мы просто поджарим, и хрен с ним.

— Но… это слишком опасно.

— А еще хуже садиться у реки. Хотите, чтобы они решили, будто мы их боимся? Коли сядете так далеко, не видать вам больше Заревски. Садимся в деревне!

— Пока что не вы тут командуете, Бриггс. Мы еще не сели. Но, возможно, вы и правы насчет реки…

— Конечно прав, черт меня подери!

— Есть и другие причины, по которым не следует садиться слишком далеко, — продолжил Де Витт, проигнорировав грубость Бриггса. — Тем не менее посадка в деревне совершенно неприемлема. Мы не можем гарантировать, что кто-нибудь из них не угодит под ракетный выхлоп, а этого

следует избежать любой ценой. Если вы взглянете на карту и найдете квадрат Семнадцать-Л, то согласитесь, что существует хороший компромисс. Там есть примыкающий к поселку участок — скорее всего, поле, на котором что-то растет. И ни на одной из фотографий туземцев там не видно.

— Ладно, годится. Раз уж не можем поджарить их самих, сделаем для них кукурузные лепешки. — Смех Бриггса был таким коротким и утробным, что прозвучал как отрыжка. — В любом случае нагоним на них страху, пущай эти заразы усекут, что у нас на уме и что пятки смазать им уже не удастся.

Де Витт неохотно кивнул:

— Да, конечно. Вам, наверное, лучше знать.

Бриггс действительно разбирался в подобных вещах лучше, и поэтому ему предстояло руководить операцией после посадки, а он, Де Витт, близорукий и тщедушный, больше привыкший находиться в лаборатории, чем в инопланетных джунглях, переходил в его подчинение. Не так-то уж приятно выслушивать команды из уст такой личности, как Бриггс, но то было решение Совета, и он ему подчинился.

Посылка двух человек была оправданным

риском, при котором шансы на успех, тщательно определенные компьютером, возрастали. Единственной альтернативой было небольшое военное вторжение без всякой гарантии на успех. Среди атакующих в худшем случае было бы лишь несколько погибших, зато туземцев наверняка оказалось бы убито множество, а Заревски, скорее всего, был бы зарезан еще до того, как удалось бы до него добраться. И даже если бы это само по себе не служило достаточным аргументом, Космический поиск в любом случае был всегда морально и конституционно против насилия по отношению к инопланетным расам. Они согласились рискнуть жизнью двоих людей, двоих вооруженных людей, которые станут сражаться, лишь защищая свою жизнь, но не больше. Были выбраны Арам Бриггс и Прайс Де Витт.

— А какая там внизу житуха? — неожиданно спросил Бриггс, и впервые за все время из его голоса исчез оттенок автоматического авторитета.

— Холодно, что-то вроде особенно сырой и ненастной осени, которая тянется без конца. — Де Витт с трудом сдержался, чтобы не проявить естественное удовлетворение от слегка привядшей заносчивости своего компаньона. — Планета холодная, и туземцы держатся поближе к эква-

тору. Их климат вроде бы устраивает, но у нас во время первой экспедиции было чувство, что мы никогда не отогреемся.

— Вы говорите на их языке?

— Конечно, поэтому я и лечу с вами. Вам ведь, разумеется, об этом сказали. Мы все его выучили, он достаточно прост. Нам пришлось это сделать, раз уж мы хотели работать с туземцами, поскольку они категорически отказались выучить хотя бы одно наше слово.

— Почему вы продолжаете называть их туземцами? — спросил Бриггс с кривой усмешкой, искоса поглядывая на Де Витта. — У них же есть какое-нибудь название. И у планеты должно быть название.

— Только идентификационный номер, Д-два — пятьсот девяносто четыре — четыре. Вы ведь знаете политику нашей службы в отношении названий.

— Но должно же у вас быть какое-то прозвище для туземцев, как-то вы их называете…

— Не пытайтесь притворяться дурачком, Бриггс, у вас плохо получается. Вы прекрасно знаете, что большинство из нас называют туземцев мордами, и столь же хорошо знаете, что сам я никогда это слово не произношу.

Бриггс усмехнулся:

— Конечно, док. Морды. Обещаю не говорить это слово при вас — даже если они и в самом деле морды.

Он снова засмеялся, но Де Витт не отозвался, погруженный в свои мысли и в тысячный раз размышляя, есть ли у их плана спасения шансы на удачу. Заревски не получил разрешения отправиться на планету, нарушил запрет, каким-то образом разозлил туземцев и был захвачен в плен. За те дни, что прошли после его последнего радиосообщения, его уже могли убить. Несмотря на это, было решено сделать попытку его спасти. Де Витт испытывал к нему естественную ревность. Неужели ксенолог мог стать настолько важной персоной, что, даже нарушив все правила и законы, продолжал оставаться ценным специалистом, ради спасения которого шли на все? Десятилетняя карьера самого Де Витта в Космическом поиске не была отмечена ничем, кроме медленного продвижения по службе и ежегодной прибавки к жалованью. Спасение эксцентричного Заревски из ловушки, которую тот сам себе устроил, наверняка станет самой важной записью в досье Де Витта — если им повезет. А уж это зависело от Бриггса, специалиста, человека

с нужными способностями. Назойливый сигнал прервал его мысли.

— Сигнал, мы над районом посадки. Беру управление на себя и сажаю катер…

— И как только мы сядем, командовать стану я.

— Да, вы командир.

Де Витт произнес эти слова почти со вздохом и в который раз подумал, есть ли смысл во всем их плане.

Хотя теоретически кораблем управлял Де Витт, ему нужно было лишь указать нужную точку посадки и отдать приказ компьютеру. Тот управлял сближением, измеряя многочисленные силы, действующие при этом на катер, и точно компенсируя их включениями двигателей. Как только началась заключительная стадия спуска, Де Витту осталось лишь наблюдать за местом посадки, чтобы убедиться, что никто из туземцев не застигнут врасплох. Едва они коснулись грунта и рев двигателей смолк, Бриггс вскочил.

— Шевелись, шевелись, — хриплым голосом приказал он. — Хватай этот ящик с барахлом для обмена, и я покажу тебе, как шустро мы оттяпаем Заревски у этих морд.

Де Витт не сказал ни слова и никак не проявил

свои чувства. Он просто перекинул лямку тяжелого ящика через плечо и потащился с ним к люку. Пока срабатывали двери шлюза, он застегнул спереди молнию на комбинезоне и включил обогрев. Едва дверь приоткрылась, обжигающий ветер швырнул внутрь охапку коричневых листьев странной формы, а вместе с ними и затхлые, чужие запахи планеты. Едва щель достаточно расширилась, Бриггс протиснулся сквозь нее и спрыгнул на землю. Он медленно обернулся, держа пистолет наготове, затем удовлетворенно хмыкнул и засунул его обратно в кобуру.

— Можешь спускаться, Де Витт, никого не видно.

Он даже не пытался помочь своему тщедушному компаньону и лишь с едва скрываемым презрением ухмылялся, пока Де Витт спускал ящик за лямку, а потом неуклюже спрыгивал сам.

— Теперь потопали за Заревски, — сказал Бриггс и зашагал к поселку.

Де Витт поплелся следом.

Поправляя на плече лямку от ящика, он заметил троих туземцев на мгновение раньше Бриггса. Они внезапно появились из-за рощи кривых деревьев и уставились на вновь прибыв-

ших. Бриггс, который постоянно вертел головой по сторонам, увидел их чуть позднее. Он тут же прыгнул в сторону, упал, выхватывая пистолет, и, едва распластавшись на земле, нажал на спуск. Но выстрела не последовало. Туземцы тут же залегли.

Де Витт не шевелился, хотя ему пришлось напрячь все силы, чтобы унять внезапную дрожь. У него на поясе болталась небольшая металлическая коробочка с несколькими кнопками, похожая на рацию. Он прижал палец к одной из кнопок и не убирал его до тех пор, пока Бриггс не перестал давить на спуск и не принялся с ошарашенным видом обследовать оружие.

— Не сработало… Но почему?

— Из-за холода, наверное. Детали примерзли, — отозвался Де Витт, торопливо переводя взгляд с Бриггса на туземцев, которые медленно поднимались. — Уверен, что в следующий раз пистолет сработает. И хорошо, что вы не выстрелили. Ведь они не нападали и не пытались подойти ближе, а просто смотрели.

— Пусть только попробуют выкинуть какой-нибудь фокус, — сказал Бриггс, вставая и засовывая пистолет в кобуру, но не снимая руки с рукоятки. — Ну и уроды!

По любым человеческим меркам аборигенов планеты Д2-594-4 нельзя было назвать привлекательными. Они лишь отдаленно напоминали людей: такие же очертания тела, голова да по паре рук и ног на худом туловище. Их тела были покрыты коричневой мохнатой чешуей, похожей на рыбью, но размером с мужскую ладонь. Каждая чешуйка кончалась меховой бахромой. То ли они линяли, то ли беспорядочное расположение чешуй было естественным, но у всех на телах в чешуе виднелись проплешины, в которых просвечивала оранжевая кожа. На них не было ничего, кроме бечевок, на которых висели мешочки и примитивное оружие. Их головы с щелями ртов, покрытые многочисленными складками оранжевой кожи, выглядели даже отвратительнее тел. Де Витт и Бриггс знали, что за подрагивающими щелями в этих складках скрываются обонятельные и слуховые органы, но все же их сходство со смертельными ножевыми ранами было поразительным. Крошечные глазки злобно выглядывали из выпирающего на макушке черепа бугра. Де Витт провел на этой планете больше земного года, но все еще находил это зрелище отвратительным.

— Скажи им, чтобы не подходили ближе, —

приказал Бриггс. Казалось, их внешность не произвела на него никакого впечатления.

— Оставайтесь на месте, — произнес Де Витт на местном языке.

Они мгновенно остановились, и стоящий справа, больше всех увешанный оружием, прошипел через ротовую щель:

— Ты говоришь на нашем языке.

Де Витт собрался было ответить, но промолчал. Это было утверждение, а не вопрос, к тому же ему строго приказали не проявлять инициативу. Поскольку старшим считался Бриггс, Де Витту оставалось как можно прилежнее исполнять роль машины-переводчика. Не успел он перевести Бриггсу первую фразу, как туземец заговорил снова:

— Откуда ты знаешь наш язык? Другой тоже может на нем говорить?

— О чем эта тарабарщина? — спросил Бриггс и сердито фыркнул, когда Де Витт перевел. — Скажи ему, что твое дело — переводить, а мне некогда забивать голову этой чепухой, и еще скажи, что нам нужен Заревски.

Наступил момент проверки всей теории спасения, и Де Витт глубоко вдохнул, прежде чем заговорить. Он попытался перевести слова Бриггса

как можно точнее и удивился, когда туземцы не только не возмутились оскорбительным тоном фразы, но даже слегка покачали головами, что у них означало одобрение.

— Где ты выучил наш язык? — спросил предводитель Де Витта, который, прежде чем ответить, перевел вопрос Бриггсу.

— На этой планете. Я был здесь с первой экспедицией.

Бриггс засмеялся:

— Держу пари, они тебя не узнали, для них все люди наверняка на одно лицо. Пусть меня разорвет, если они не считают нас уродами! — Улыбка исчезла столь же быстро, как и появилась. — Хватит скакать вокруг да около. Мы пришли за Заревски, и плевать на все остальное. Переведи.

Де Витт перевел, споткнувшись лишь на «скакать вокруг да около», хотя и ухитрился передать смысл.

— Иди со мной, — сказал предводитель, развернулся и зашагал к деревне.

Его спутники двинулись следом, но Бриггс удержал Де Витта, положив руку ему на плечо.

— Пусть пройдут немного вперед. Хочу быть наготове, если они решатся что-нибудь подстроить. И не следует делать точно так, как он говорит,

иначе он решит, что нами можно командовать. Ну вот, теперь пошли.

На почтительном расстоянии, словно они случайно оказались идущими в одном направлении, обе группы шагали к деревне. Никого из ее обитателей не было видно, хотя из отверстий в верхушках угловатых домиков, сляпанных из жердей и соломы, поднимался дымок. Людей не покидало ощущение, что из глубины домиков за ними наблюдают невидимые глаза.

— Там, — бросил через плечо туземец, одновременно махнув многосуставчатой рукой в сторону строения, ничем не отличавшегося от других.

Туземцы зашагали дальше, даже не обернувшись, и Бриггс замер, пристально глядя им вслед. Только когда они скрылись из виду, он повернулся и подозрительно оглядел указанное строение. Оно напоминало шалаш метров пяти высотой с ровными наклонными стенами до самой земли. Узкие щели пропускали внутрь немного света, а в плоской передней стене была проделана дверь, размером и формой похожая на открытый гроб. Должно быть, у Де Витта сложилось такое же впечатление, потому что он тоже разглядывал темное отверстие, сморщив от напряжения нос.

— Другой возможности нет, — сказал наконец

Бриггс. — Нам надо войти, и единственный путь — через эту дверь. Иди вперед, а я буду тебя прикрывать.

Разница между двумя людьми была тут же доказана самым наглядным из всех возможных способов. У Де Витта были естественные сомнения насчет этой двери, но он загнал их внутрь, припомнил кое-какие приветственные фразы и наклонился, чтобы шагнуть внутрь. Не успел он просунуть голову в дверь, как Бриггс схватил его за плечо и швырнул назад на землю. Он больно ударился задом, тяжелый ящик шарахнул его по ноге, но он уже с изумлением смотрел на торчащее из земли толстое копье, конец которого еще дрожал. Оно глубоко вонзилось в грунт точно в том месте, где он только что стоял.

— Что ж, это кое о чем говорит, — процедил Бриггс, рывком приподнимая на ноги ошарашенного Де Витта. — Мы нашли нужное место. Значит, работенка окажется короче и легче, чем я думал.

Он отбросил копье в сторону пинком тяжелого ботинка, согнулся и проскользнул в хижину. Де Витт заковылял следом.

Моргая от наполнявшего помещение дыма, они с трудом разглядели в дальнем конце комнаты

группу туземцев. Бриггс направился к ним, не глядя по сторонам. Де Витт последовал за ним, отстав немного, чтобы разглядеть прикрепленный над дверью механизм. В тусклом свете, просачивающемся сквозь окна-щели, он увидел приделанную к стене раму, в которой был закреплен тяжелый деревянный лук двухметровой длины. Веревка, протянутая в другой конец комнаты, приводила в действие простой спусковой механизм. Ловушка была совершенно не видна снаружи — и все же Бриггс о ней догадался.

— Давай сюда, Де Витт, — проревел он. — Я не могу без тебя разговаривать с этими мордами. Быстрее!

Де Витт изо всех сил заторопился вперед и сбросил тяжелый ящик перед пятью туземцами. Четверо стояли чуть позади, держа руки на оружии, а их глаза, отражавшие пламя костра, злобно светились в узких глазных щелях. Пятый сидел впереди на ящике, или платформе, из толстых досок. С его тела и конечностей свисало разнообразнейшее оружие, побрякушки и сосуды странной формы — местные знаки высокого положения, а в руках он держал оружие с длинным и узким лезвием, напоминающее короткий меч.

— Кто вы? — спросил туземец, и Де Витт пе-

ревел.

— Скажи ему, что мы сначала хотим узнать его имя, — сказал Бриггс, громко прочищая глотку и сплевывая на утоптанный земляной пол.

После короткой паузы, во время которой сидящий туземец не отрывал глаз от Бриггса, последовал ответ:

— Б'Деска.

— Мое имя Бриггс, и я пришел, чтобы забрать похожего на меня человека, которого зовут Заревски. И не вздумай устраивать мне подлянки вроде той штуки над дверью, потому что, имея дело со мной, можно сделать лишь один бесплатный выстрел, и он уже сделан. В следующий раз я кого-нибудь убью.

— Ты будешь есть с нами.

— Что за бред он несет, Де Витт? Мы же не можем есть местное дерьмо.

— Есть можно, если захочешь, некоторые ксенологи это делали, но у меня духу не хватало. Местная пища может вызвать в худшем случае жестокий запор, и должен сказать, что вкус у нее отвратителен до тошноты. К тому же это местный обычай, все сделки заключаются только после совместной еды.

— Ладно, пусть несут жратву, — обреченно

вздохнул Бриггс. — Надеюсь лишь, что этот Заревски ее стоит.

Услышав слово, которое прошипел вождь, один из туземцев положил оружие, прошел в темный угол комнаты и вернулся с фляжкой, заткнутой деревянной пробкой, и двумя чашками из грубо обожженной глины. Он положил фляжку на землю и поставил одну чашку перед гостем, а другую перед сидящим вождем. Бриггс присел на корточки, взял обе чашки и поднял их перед собой.

— Отличные чашки, — сказал он. — Большое мастерство. Скажи ему это. Скажи, что эти уродливые комки грязи — великие произведения искусства и что я восхищен его вкусом.

Де Витт перевел, и после этого Бриггс поставил чашки на землю. Даже Де Витт заметил, что он поменял чашки местами, и теперь перед каждым из них стояла чашка, предназначенная для другого. Ничего не сказав, Б'Деска вытащил пробку из фляжки и наполнил коричневой жидкостью сначала свою чашку, потом чашку Бриггса.

— Боже, какая гадость, — произнес Бриггс, сделав крошечный глоток и содрогнувшись. — Надеюсь, еда будет получше.

— Она будет еще хуже, но достаточно съесть лишь щепотку-другую.

Тот же туземец, что принес напиток, теперь появился с большой миской, доверху наполненной мелко порубленной серой массой, один запах которой вызывал тошноту. Б'Деска закинул горсть ее во внезапно распахнувшуюся ротовую щель и подтолкнул чашку к Бриггсу, который постарался ухватить как можно меньшую щепотку. Де Витт увидел, как вздрогнула спина Бриггса, когда тот слизнул массу с пальцев. Никакими усилиями туземцам не удалось бы заставить его съесть еще одну. Б'Деска махнул рукой, миску унесли и на ее место поставили две миски поменьше. Бриггс взглянул на стоящую перед ним миску и медленно поднялся.

— Я предупреждал тебя, Б'Деска, — сказал он.

Не успел Де Витт перевести, как Бриггс наступил на мисочку, раздавив ее в лепешку, а затем каблуком вдавил ее содержимое в пол. Туземец, подававший еду, бросился к двери, и внезапно сообразивший Де Витт схватился за контрольное устройство на поясе, но на этот раз опоздал. Прежде чем его палец коснулся кнопки, которая помешала бы пистолету Бриггса выстрелить, раздался оглушительный грохот, и туземец упал. В его спине зияла огромная дыра.

Бриггс спокойно сунул оружие в кобуру и по-

вернулся к Б'Деске, державшему свой меч так, что его конец упирался в ящик, на котором он сидел.

— Так вот, раз с церемониями покончено, скажи ему, что я хочу поговорить о деле. Скажи, что мне нужен Заревски.

— Зачем тебе нужен человек Заревски? — спросил Б'Деска, столь же невозмутимый, как и Бриггс.

Мертвый туземец лежал скорчившись, его кровь медленно пропитывала землю, но оба они не обращали на него внимания.

— Я хочу его, потому что он мой раб, он очень дорогой и он сбежал. Я хочу его вернуть и избить.

— Этого я перевести не могу, — запротестовал Де Витт. — Если они подумают, что Заревски был рабом, они могут его убить…

Он не договорил, потому что Бриггс размахнулся и наотмашь хлестнул его по лицу. Удар оглушил его, а на глаза от боли навернулись слезы.

— Делай, что я тебе велю, идиот, — прорычал Бриггс. — Ты же сам говорил мне, что у них есть рабы, и если они поверят, что Заревски раб, то смогут потребовать за него ценный выкуп. Ты что, до сих пор не понял, что они и тебя принимают за раба?

До этой секунды Де Витт действительно этого не понимал. Он аккуратно перевел слова Бриггса. Б'Деска притворился, будто размышляет, но его глаза ни на миг не отрывались от ящика с побрякушками.

— Сколько ты за него заплатишь? Он совершил большое преступление, а это дорого стоит.

— Я заплачу хорошую цену. Потом я изобью его, затем привезу домой и на его глазах убью его сына. Или, может быть, заставлю его самого убить своего сына.

Б'Деска согласно качнул головой, услышав перевод, после чего осталось лишь всласть поторговаться. Когда оговоренное количество бронзовых палочек и поддельных драгоценностей было извлечено из ящика, Б'Деска встал и вышел из комнаты. Остальные туземцы собрали выкуп и последовали за ним. Де Витт уставился им вслед, разинув рот.

— Но… где же Заревски?

— Да в ящике, конечно, — где же ему еще быть? Если уж он для нас такой ценный, что мы специально за ним явились, то Б'Деска решил держать его поблизости, чтобы никто другой не смог заключить с нами сделку. Ты что, не видел, как он держал свой тесак для свиней наготове, чтобы в

любой момент вонзить его в ящик? Одно наше неверное движение, и Заревски бы за него поплатился.

— Но разве нужно было убивать одного из его людей? — спросил Де Витт, развязывая веревки, которыми был обмотан ящик.

— Конечно, а как иначе? В миске же явно был яд. Поэтому я убил его раба, как и обещал.

Крышка откинулась. Внутри, с кляпом во рту и обмотанный веревками, словно поросенок на вертеле, лежал Заревски. Спасители разрезали его путы и растерли ему ноги, чтобы он смог идти. Де Витт подхватил Заревски под руку, и Бриггс махнул в сторону двери:

— Идите вперед, а я с ящиком пойду сзади. Не думаю, что возникнут какие-нибудь неприятности, но если что, я о вас позабочусь… о своих рабах! — И он оглушительно захохотал.

Они медленно ковыляли по пустым улицам. Заревски, обернувшись, улыбнулся. У него недоставало нескольких зубов, на лице были подсохшие ссадины, но он был жив.

— Спасибо, Бриггс. Я все слышал, но не мог произнести ни слова. Вы отлично справились. Я ошибся, попытавшись вести себя с этими свиньями по-дружески, и вы сами видели, что со мной

случилось. Один из тех, с кем я разговаривал, умер, и они сказали, что я напустил на него порчу, а потом схватили меня. Жаль, что вас тогда со мной не было.

— Да ладно, Заревски, кто из нас не ошибается. — Интонации голоса Бриггса не оставляли сомнений, что уж ему-то ошибки неведомы. — Но лучше помалкивайте, пока не отойдем подальше. Они видят, что я с вами разговариваю, так что сами понимаете, что мне необходимо сделать.

— Да, конечно.

Заревски отвернулся, закрыл глаза и вздрогнул еще до того, как его настиг удар. Затем Бриггс пнул его ногой в спину, отчего тот растянулся на земле. Бриггс даже не шевельнулся, когда Де Витт помогал Заревски подняться.

Когда они были уже недалеко от катера, Бриггс подошел к ним поближе:

— Еще немного, и делу конец.

— Вы работаете в Космическом поиске? — спросил Заревски. — Что-то я не припоминаю вашего имени.

— Нет, это лишь временная работа.

— Вы должны получить постоянную должность! Как здорово вы справились с туземцами — там нужны такие люди, как вы. Не хотите ли

заняться такой работенкой?

— Хочу, — ответил Бриггс. Он вспотел, несмотря на холод. — Неплохая идея. Я смог бы вам помочь.

— Уверен, что сможете. А уж без работы вы не останетесь.

— Заткнитесь, Заревски! Это приказ, — оборвал его Де Витт.

Заревски одарил его презрительным взглядом и повернулся к Бриггсу, возбужденно потиравшему руки.

— Я мог бы брать в экспедицию помощника вроде вас. У меня хватает людей, что сидят в лаборатории и пишут отчеты, но нет никого для полевой работы…

— Замолчите, Заревски!

— …никого, кто действительно знал бы, как следует себя вести, такого, как вы.

— А я знаю! — выкрикнул Бриггс и запрокинул голову, царапая лицо ногтями. — Я смогу все. Я сделаю все лучше, чем любой другой, лучше всех в мире. Вы все против меня, но я все равно лучше всех…

— Бриггс! — закричал Де Витт, поворачиваясь и хватая его обеими руками. — Слушайте меня, Бриггс! Вечер наступил! Слышите меня… ВЕЧЕР

НАСТУПИЛ!

Хрипло выдохнув, великан закрыл глаза. Его руки бессильно повисли. Де Витт попытался его удержать, но вес оказался слишком велик, и Бриггс повалился на землю. Заревски уставился на него с немым изумлением.

— Идите сюда, помогите. Вы сами его до этого довели, так что советую помочь дотащить его до катера, пока Б'Деска и остальная компания не увидели, что произошло, и не примчались за нашими скальпами.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Заревски, когда они уложили неподвижное тело возле катера. Он тревожно озирался через плечо, пока открывался наружный люк. — Что с ним случилось?

— Сейчас ничего. Перед тем как мы вылетели, я на всякий случай ввел в него постгипнотическую команду с ключевым словом. Он спит, вот и все. Потом мы отвезем его в госпиталь и попробуем привести в чувство. Со всем остальным он справился очень хорошо, и я привел бы его на корабль, не начни вы свою идиотскую вербовочную речь. Спасибо вам огромное от Космического поиска!

— О чем это вы болтаете? — фыркнул Заревски.

Тяжелая дверь закрылась за их спиной, и Де Витт резко повернулся к человеку, которого они спасали. Гнев все-таки сломил его самообладание.

— По-вашему, этот Бриггс — профессиональный герой из исторического романа, которого нашла служба поиска и подрядила на это дело? Это больной человек, прямо из госпиталя, а я его врач — и это единственная причина, почему я здесь. С ним должен был отправиться кто-то из персонала, а я оказался самым молодым, потому и вызвался сам.

— Про какой еще госпиталь вы говорите? — спросил Заревски, сделав последнюю попытку похорохориться. — Этот человек вовсе не болен…

— Он болен душевно и был уже на пути к выздоровлению, пока это не случилось. Мне не хочется даже думать, сколько времени уйдет на то, чтобы снова привести его в себя. Хоть он и не настолько болен, как другие, у него был классический случай паранойи, поэтому мы и смогли его использовать. Его мания преследования связана с тем, как он воспринимает окружающее, поэтому он и чувствовал себя здесь как дома. Если бы вы почитали все отчеты, а не бросились на планету

сломя голову, то знали бы, что у туземцев развилось общество, в котором нормой являются условия, очень близкие к паранойе. Они считают, что все вокруг — враги, и они правы. Они все такие. В подобном обществе ни один нормальный человек не может быть уверен, что поступает правильно, — нам нужен был кто-то, страдающий той же болезнью. Единственное, что меня хоть отчасти утешает во всем этом бардаке, — не я принимал решение отправить сюда Бриггса. Так решили наверху, а я сделал всю грязную работу. Я и Бриггс.

Заревски посмотрел на спокойное лицо лежавшего на полу человека, который тяжело дышал, даже будучи без сознания.

— Простите… Я не…

— Вы и не могли знать. — Доктор Де Витт сжался от гнева, нащупав быстрый, неровный пульс своего пациента. — Но вы знали кое-что другое. Вам не разрешали садиться на эту планету — и тем не менее вы сели.

— Это не ваше дело.

— Сейчас и мое тоже. На те несколько минут, пока мы не вернулись на корабль, пока я не возвратился к своим обязанностям и обо мне не успели благополучно позабыть, записав разве

что небольшую благодарность в мое личное дело, и пока вы не стали снова великим Заревски, чье имя не сходит с заголовков газет. Я помог вытащить вас отсюда, и это дает мне право кое-что вам сказать. Вы пижон, Заревски, и меня от вас тошнит. Я… да ну вас к чертям собачьим…

Он отвернулся. Заревски открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

Полет к большому кораблю был недолгим, и они не разговаривали, потому что им действительно не о чем было говорить.

Источник опасности

Перевод И. Почиталина

— Двенадцать, замок шлема, — задребезжал голос Робсона из наружного динамика его герметизированного скафандра.

— Двенадцать, — отозвался Сонни Грир, глядя на красные стрелки, которые соприкасались остриями на шлеме и плече скафандра, затем ударил кулаком по замку. — Выровнен и заперт.

— Тринадцать, предохранительный клапан. — Робсон читал, глядя на список проверки, прикрепленный к переборке.

— Тринадцать, закрыт. — Сонни постучал костяшками пальцев по скафандру.

— Четырнадцать, сумка для аварийного ремонта.

— Четыр…

— Что ты делаешь, Сонни? Что, черт побери? — раздался голос капитана Хегга, вошедшего через воздушный шлюз.

— Помогаю профессору проверить готовность к выходу из корабля. Мне кажется, это очевидно,

капитан.

— Помогаешь ему как можно скорее погибнуть, вот как я считаю. Ты должен относиться к этому серьезнее. Почему не проверил предохранительный клапан?

— Я осмотрел его: ручка поднята вверх и повернута вниз, как всегда. Клапан закрыт — но мне еще ни разу не приходилось видеть открытый клапан.

— Но ведь ты не можешь знать, что он действительно закрыт, пока не проверишь, — произнес Хегг терпеливо. — Может быть, ручка сломана или повернута только на пол-оборота.

— Нет, капитан, посмотрите сами.

Крошечная ручка не шевельнулась, когда Сонни нажал на нее.

— Видите, я прав.

— Нет, Сонни. Ты не следуешь предписанной процедуре, а это самое главное.

— Mea culpa, — согласился Сонни. — Моя вина. — И он поднял руки над головой в шутливом жесте повиновения, обезоруживающе улыбаясь. — Примите во внимание мою молодость, капитан. Обещаю, что это не повторится.

— Надеюсь.

— Вы ведь не считаете, профессор, что я соби-

раюсь убить вас? — спросил Сонни, печально глядя на удалявшуюся спину капитана. — Если вы умрете, у кого мне удастся иногда выигрывать в шахматы?

— Хегг привык к точному исполнению всех правил. — Через толстое стекло шлема была заметна улыбка Робсона. — Он хороший человек, хотя и ужасно пунктуален. Но капитан считает, что только в этом случае удастся соблюсти полную безопасность.

— Но почему тогда в капкан каждый раз попадает именно моя шея?

Робсон пожал плечами:

— Давай не будем медлить и закончим проверку готовности. Мне хочется забрать ловушки до наступления темноты.

— Вы совершенно правы, профессор. Итак, начинаем с пункта четырнадцатого.

...Сонни следил через иллюминатор, как капитан Хегг и Робсон, медленно и неуклюже двигаясь в герметических скафандрах, перевалили через ближайший хребет и исчезли среди деревьев, как-то странно похожих на земные. Уже не в первый раз он встряхнул головой при мысли о неразумности всего этого.

— Может, сыграем? — предложил Аркадий

со своей койки, держа в руке карманные шахматы. — Согласен дать фору — буду играть без ладьи.

— Думаешь, мне приятно совершать самоубийство? В прошлый раз ты выиграл у меня без ферзя.

— Тебе просто не повезло, Сонни. Играя с противником, у которого отсутствует ферзь, ты сумеешь победить даже великого Ботвинника — пусть будет вечной его память, — если будешь просто разменивать фигуры.

— Пожалуй, но я все время забываю об этом. Посмотри, Аркадий, какой прекрасный солнечный день на Кэссиди-два. В деревьях проносится ветер, растет трава — вот только едва заметный зеленоватый оттенок в атмосфере отличает ее от земной. Неужели тебе не хочется сбросить одежду, выйти из купола и прогуляться?

— Чтобы задохнуться через пять секунд? — пробормотал Аркадий, расставляя на доске шахматные фигуры, соответствующие очередной позиции. — Воздух снаружи наполнен смертельными ядовитыми газами, а смесь водорода и метана будет гореть в этом помещении ярким пламенем. И не только в помещении, но и в твоих легких. Даже камни воспламенятся в такой атмо-

сфере. Посмотри, как искусно выиграл Решевский у Эйве в средние века, в тысяча девятьсот сорок седьмом году.

— Да перестань, Аркадий, ты знаешь, что я хочу сказать. Я мог бы читать тебе лекции о прекрасной природе этой планеты. Не забудь, что я — минералог экспедиции, а ты всего лишь туго мыслящий русский горный инженер…

— Завтра утром и я примусь за работу.

— …Я имею в виду романтику, эмоции, искусство. Взгляни в иллюминатор. Иной мир отделен от нас только этой толстой стеной, но он более недоступен, чем Земля, находящаяся на расстоянии многих световых лет. Неужели ты не чувствуешь? Разве тебе не хочется выйти из этого проклятого купола?

— Если я покину купол без скафандра, через пять секунд мне конец.

— Ты — болван, лишенный воображения. Если славная русская революция в конечном счете создала таких людей, как ты, пусть уж лучше царь вернется на престол.

— Это верно. Сегодня твоя очередь готовить еду.

— Неужели я могу забыть об этом? Не спал всю ночь, думая, что бы состряпать на ужин. Как по-

твоему, осетровая икра пойдет с бефстрогановом? Хорошо ли охладилась водка?

— Бифштекс из обезвоженного мяса и кофе — вот предел моих мечтаний, — равнодушно ответил Аркадий, не отрывая взгляда от шахматной доски. — Не мучай себя, Сонни.

— Меня беспокоит молодой Грир, — произнес капитан Хегг, предварительно убедившись, что радиосвязь отключена и он говорит по связному контуру скафандров.

— Сонни — хороший парень, — ответил Робсон, шагая рядом. — К тому же он не так молод, как кажется. Он защитил докторскую диссертацию, провел весьма интересные исследования. Мне приходилось читать его работы.

— Меня беспокоит совсем не его исследовательская деятельность. Если бы он был плохим ученым, Космическая инспекция не предложила бы ему эту работу. Не сомневаюсь, он найдет месторождения полезных ископаемых на этой планете — если они существуют, — а Барабашев изыщет возможности их добычи. С этими проблемами я совсем не знаком, но знаю свою работу, которая заключается в руководстве экспедицией. Моя задача состоит в том, чтобы все ее члены были живы и здоровы. А вот Грир ведет себя

слишком беззаботно — особенно если принять во внимание условия на этой планете.

— У него есть опыт работы в полевых экспедициях.

— На Земле, — презрительно фыркнул Хегг. — В Антарктике, джунглях, пустынях. Детские игрушки. Это его первая космическая экспедиция на отдаленной планете, а он ведет себя безответственно. Надеюсь, профессор, вы меня понимаете.

— Отлично понимаю — это моя восьмая экспедиция на дальние планеты. Я не так уж необходим здесь — по крайней мере вы куда нужнее. Единственная причина, по которой начальство включает меня в состав каждой из них — меня или другого эколога, потребляющего изрядное количество пищи, — состоит в том, что оно хочет подчеркнуть научную ценность исследований на вновь открытой планете и в следующий раз потребовать выделения более значительных средств. Я теперь очень спокойно отношусь к таким экспедициям — хоть и находишься в их составе, но не занимаешь ведущего положения, а стоишь, так сказать, где-то с краю. Нужно дать ему время освоиться и следить за ним. Неужели вы не помните, каким я был во время моей пер-

вой экспедиции? На Танарике-четыре?

Хегг рассмеялся:

— Да разве кто-нибудь из нас сможет это забыть? Прошло, должно быть, не меньше месяца, прежде чем выветрился запах.

— Тогда вы понимаете, что я имею в виду. Все вначале зеленые как трава. И с ним все образуется.

— Пожалуй, вы правы.

— Смотрите, кто-то попался в мою ловушку! Серпентоид, клянусь Всевышним! У него шесть ног!

В двух из остальных ловушек тоже находились образцы местной фауны, и Робсону потребовалось время, чтобы отравить их и поместить в герметический контейнер. Не было никакой возможности доставить образцы на Землю живыми или хотя бы содержать их в куполе: условия не позволяли. Животных придется препарировать и хранить в запечатанных пластиковых пакетах.

Когда они отправились в обратный путь с тяжелым контейнером, солнце начало садиться, и темнота наступила задолго до того, как они подошли к куполу. Однако направленный луч вел их прямо домой, и они заметили прожектор на вершине радиомачты с расстояния в два километра.

У них могли возникнуть трудности с воздухом — обоим уже пришлось перейти на резервные баллоны, однако, чтобы добраться до корабля, запаса было более чем достаточно.

Наружная дверь воздушного шлюза открылась. Хегг захлопнул ее за собой, повернул колесо герметизации и включил насосы, удалившие из помещения шлюза смертоносный воздух планеты. Робсон включил душ, чтобы смыть со скафандров и контейнера ядовитый осадок и частицы почвы.

Из душа с ревом хлынула струя дезинфицирующей жидкости, но тут же прекратилась, и из сетки выпало несколько капель.

— Резервуар пуст, — заметил Хегг, взглянув на индикатор. — Кто должен был наполнить его?

— По-моему, Сонни, — неуверенно ответил Робсон. — Но я не помню списка дежурств.

— Зато я помню, — мрачно произнес Хегг.

Он повернулся к аппарату внутренней связи, установленному на стене воздушного шлюза, и нажал на кнопку.

— В чем дело? — послышалось из крошечного динамика. — Этот пост работает днем и но…

— Ты не наполнил резервуар душа, Сонни. Сегодня это твоя обязанность.

— Вы совершенно правы, капитан. Совсем выскочило из головы — все время думал только о приготовлении ужина. Как только вы войдете в купол, я тут же займусь этим.

— Тогда объясни мне, как попасть в купол, если мы не можем очистить и продезинфицировать себя?

Наступила тишина. Через несколько секунд из динамика снова донесся голос Сонни:

— Мне очень жаль. Это всего лишь случайность. Как теперь поступить?

— Ты совершенно прав: предпринять что-то необходимо. Возьми дрель, установи в ней сверло диаметром чуть меньше шланга, находящегося в резервном контейнере. Обточи конец шланга, затем пусть один из вас встанет у резервуара, а другой начнет сверлить отверстие в переборке. Как только сверло проникнет внутрь шлюза, тут же выдерни его и воткни в отверстие конец шланга — и как можно быстрее. Давление с вашей стороны избыточное, так что с вами ничего не случится. Мы по-прежнему в скафандрах. После этого пустите по шлангу жидкость из резервуара. Мы вымоемся под струей из шланга.

— Мне это представляется опасным, капитан. Неужели нет иного выхода?

— Нет. Делай так, как я сказал, и принимайся за работу немедленно.

— Мне кажется странным, что в воздушном шлюзе не поставили бак, который можно было бы наполнять из купола.

— При строительстве купола руководствовались тем, чтобы в герметической переборке, отделяющей внутренние помещения от воздушного шлюза, было как можно меньше отверстий, — но давай обсудим недостатки проекта в другое время. Берись за дрель сейчас же!

Капитан Хегг терпеливо ждал. Время шло. Робсон не обладал бесконечным терпением капитана, и им все больше и больше овладевало беспокойство. Он то и дело поглядывал на индикатор, показывавший, сколько воздуха осталось в баллонах, и постукивал по нему пальцем. Стрелка уже достигла нулевого деления. Внезапно раздался пронзительный визг дрели, вгрызающейся в переборку из силиконовой бронзы, и Робсон едва не подпрыгнул от неожиданности. Визг превратился в равномерный рев, и из переборки появился черный наконечник сверла. Затем он исчез, и послышалось шипение воздуха, проникающего в шлюз. Шипение прекратилось, когда в отверстии показался наконечник шланга,

из которого брызнула жидкость.

— Старайтесь вымыться как можно лучше — и перестаньте смотреть на указатель воздуха, — произнес Хегг. — В баллонах находится аварийный запас, не помеченный на индикаторе. Времени у нас вполне достаточно.

Они быстро вымыли друг друга грубыми щетками, стараясь проникнуть в укромные части скафандров. Робсону казалось, что он задыхается. Несмотря на то что он понимал — это чувство лишь воображаемое, ему с трудом удавалось удержаться от панического крика, пока капитан методично, тщательно и не спеша мыл под струей контейнер с образцами, переворачивал его набок и чистил дно. Наконец Хегг принялся мыть сам воздушный шлюз, после чего проверил чистоту специальным прибором. Обнаружил пару подозрительных мест на полу рядом с дренажным отверстием и заставил Робсона помыть еще раз.

— Ну, теперь все в порядке. — Капитан выпрямился. — И выкачаны все газы, проникшие в шлюз вместе с нами. Включайте подачу воздуха, а я открою дверь.

В помещение шлюза с шипением ворвался воздух, но внутренняя дверь, хоть и не была запертой, не открывалась из-за разницы давлений.

Нетерпеливо сжимая и разжимая потные руки в армированных перчатках, Робсон стоял перед ней, стараясь казаться таким же спокойным, как Хегг, стоявший рядом. Наконец шипение поступающего воздуха прекратилось, и капитан открыл дверь. Робсон поспешно снял шлем. Хегг аккуратно поставил свой шлем на полку и подошел к бледному Сонни Гриру, замершему у дальней переборки.

— Ты понимаешь, что натворил? Имеешь хоть малейшее представление?

Слова, вырвавшиеся из уст капитана, удивили его самого, потому что он совсем не собирался произносить их. В равной степени он не хотел никакого насилия, но его кулак сам сжался и приготовился к удару.

«Боже мой, — подумал Хегг, — неужели я хочу убить юношу?»

Мышцы капитана были удивительно развиты в результате пребывания на множестве планет с повышенной силой тяжести, а его кулак в металлической перчатке мог сломать челюсть Сонни, а может быть, даже шею. Потребовалось немалое напряжение воли, чтобы успокоиться и опустить руку.

Хегг снял перчатки и принялся растирать шею,

чтобы снять напряжение.

— Я ведь уже сказал, капитан, что сожалею о случившемся. Видите ли…

— Неужели ты не можешь понять, Сонни? Никакие сожаления не помогут, если я погибну. У тебя есть опыт участия в полевых экспедициях на Земле. Как ты думаешь, что произойдет в проклятой пустыне Гоби — или где там еще ты побывал, — если ты забудешь наполнить бак душа?

— Я…

— Так вот, ничего не произойдет. Просто кто-то не сможет принять душ и будет ходить некоторое время грязным, вот и все. А что случится здесь в такой же ситуации? Два человека могли погибнуть, вот что! Неужели ты не замечаешь разницы, мистер школьник?

Лицо Сонни Грира покраснело, а затем внезапно побледнело от ярости, но он сдержался. Робсон стоял в дверном проеме, держа шлем в руках, и следил за происходящим.

— Успокойтесь, капитан, — тревожно произнес он. — Не надо заходить слишком далеко.

— Нет, профессор, капитан совершенно прав, — вмешался Сонни. Его голос дрожал — трудно сказать, от гнева или каких-то других эмоций. — Я

полностью заслужил эти упреки. Да я и сам вышел бы из себя, окажись я в подобной ситуации.

Аркадий смотрел на них со своей койки и молчал.

Капитан Хегг повернулся к ним спиной — чтобы не видели его лица — и расстегнул герметический скафандр. Он чувствовал, как его зубы оскалились, словно у зверя, готового укусить. Хладнокровная часть его мозга оценивала поведение, и капитан удивлялся своей жестокости по отношению к юноше. Хегг заставил себя снять скафандр и медленными, выверенными движениями уложил его на место. Все в порядке, он снова контролирует свое поведение, держит себя в руках. Аркадий помогал Робсону убрать скафандр в шкафчик; они слышали слова капитана, но не вмешивались.

— Послушай, Грир. Против тебя лично я ничего не имею, надеюсь, тебе это понятно. — Голос капитана звучал спокойно и размеренно.

— Я знаю, капитан. Иногда вы бываете жестоки, но всегда справедливы.

Хегг решил не обращать внимания на едва заметные насмешливые нотки в словах Сонни.

— Очень приятно, что ты согласен со мной. Значит, поймешь, что мои действия продикто-

ваны не личными чувствами, а существующими правилами и заботой о благе экспедиции. Тебе приходилось слышать об оценке поведения всех, кто работает за пределами Земли?

— Нет.

— Я так и думал. Такая система не является секретом, но ее просто не хотят рекламировать. Правила очень просты. Два выговора — и ты больше никогда не будешь работать в планетарных экспедициях, да и вообще в Космической инспекции. Сегодня ты получил свой первый выговор.

— Что вы хотите этим сказать?..

— Именно то, что сказал. Завтра я пошлю на Землю еженедельный отчет о работе экспедиции. Там будет указано, что по твоей вине остальные члены экспедиции оказались в опасном положении; мое мнение будет отмечено в твоей характеристике. Это не слишком хорошо, но и стыдиться тоже не следует — немало сотрудников Космической инспекции получали подобные выговоры. Важность такой системы двойная: убедить тебя в необходимости точно соблюдать правила и инструкции, а также заставить следить за своим поведением, чтобы не подвергать опасности жизнь остальных членов экспедиции. Если произойдет еще одна такая ошибка, я запро-

шу замену.

— Боже мой, капитан, но ведь ничего не произошло! Обещаю, что подобного больше не случится. Я буду стараться изо всех сил — только не сообщайте на Землю.

— Ты будешь стараться изо всех сил именно потому, что я сообщу о твоем промахе. Если бы я был достаточно крут, то послал бы первое сообщение, когда ты не проверил предохранительный клапан на скафандре Робсона, и тогда уже сейчас речь шла бы о твоей замене. Я считаю, что из тебя не получится хорошего космического исследователя.

Капитан повернулся и пошел прочь — насколько это было возможно в ограниченном пространстве купола. Сонни смотрел на его спину и беззвучно шевелил губами.

— Я проголодался, — заметил Аркадий, заглядывая в кастрюлю, стоявшую на электрической плите. В ней что-то булькало. — Как всегда, пахнет очень вкусно. Кто-нибудь составит мне компанию?

— Положи мне, Аркадий, — произнес Робсон, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно.

— У меня создалось впечатление, капитан, что ваше суровое обращение возымело эффект, —

сказал Робсон, глядя в иллюминатор и ожидая возвращения Аркадия и Сонни. — Прошло уже больше двух недель, и наш молодой ученый изменил свое поведение, относится к исполнению обязанностей серьезно и очень внимательно.

— Боюсь, не так уж серьезно. Он снова принимается шутить. — Капитан Хегг пошевелил длинными пальцами, уставшими от работы на принтере. Он готовил отчет. — Ему следовало бы все время быть серьезным.

— Думаю, капитан, вы напрасно беспокоитесь. Человек может обладать чувством юмора и все-таки серьезно относиться к исполнению своих обязанностей. Боже мой, капитан, вы никогда не жалуетесь на мои шутки, хоть и не считаете их смешными.

— Здесь ситуация совершенно иная, профессор. Независимо от вашего самочувствия вы всегда исполняете свою работу одинаково — методично и правильно.

— Некоторые называют такое поведение скучным, как у старой девы.

— На Земле такой термин, может быть, и считался бы правильным — там трудно совершить критически важные ошибки. Здесь же речь идет о том, чтобы выжить. Значит, человек обязан

вести себя должным образом потому, что это заложено в его характере, либо ему нужно заставить себя научиться правильному поведению. Есть люди, которым это никогда не удается, тогда они остаются на Земле и работают там. Я спал бы куда спокойнее, если бы наш минералог был в их числе.

— Легок на помине. Вон они возвращаются, волокут огромный контейнер. Надеюсь, капитан, вы не забыли наполнить бак.

— Нет, конечно. Ведь сегодня моя очередь…

Хегг взглянул на Робсона и заставил себя улыбнуться, хотя и считал, что шутка не слишком остроумная.

За переборкой заревел душ. Хегг посмотрел на заплату, которую они наложили на просверленное отверстие, и решил завтра же заменить ее — постоянная смена давлений не способствовала прочности эластичного материала, из которого она была сделана. Уже не в первый раз он пожалел, что грузоподъемность корабля, доставившего их на планету, не позволяла захватить слесарные инструменты. Шум воды прекратился, открылась внутренняя дверь, и два человека в скафандрах ворвались в купол, с триумфом указывая на тяжелый контейнер, который едва

тащили за собой.

— Настолько чистый, что не понадобится даже обогащения! — воскликнул Аркадий, едва сняв шлем.

— Огромное месторождение, настоящее золотое дно, самая крупная находка в истории человечества — нет, в истории всей Галактики!

Сонни принял торжественную позу, поставил одну ногу на контейнер и широко раскинул руки.

— Из всего этого я делаю вывод, что вы нашли новую рудную жилу, — сухо заметил Робсон.

— Вы проверяли чистоту шлюза перед тем, как впустить в него воздух?

— Разумеется, капитан, старый вы сторожевой пес! — Сонни был настолько охвачен энтузиазмом, что осмелился фамильярно хлопнуть капитана по плечу и даже не заметил, как угрожающе сузились глаза Хегга. — С этого момента наша экспедиция будет считаться невероятно успешной?

— Корабль прибудет за нами только через три месяца. Нам придется еще немало потрудиться…

— Скучная бумажная работа, капитан, старый мой друг! Целью нашей экспедиции было обнаружить достаточно богатые месторождения

титана, бериллия и натрия, чтобы затем начать их добычу с помощью промышленных роботов, поскольку экономически невыгодно доставлять сюда кислород для людей.

— Мы нашли его, — вмешался Аркадий. — Целая гора руды! Чистый металлический натрий. Я уже вижу действующий рудник — работающие экскаваторы, роботы-шахтеры, конвейеры, гул могучих машин, космический порт…

— Стоит русскому ощутить поэтическое настроение, как речь сразу заходит о тракторах или могучих машинах, — заметил капитан Хегг, невольно заразившись их энтузиазмом. — А теперь вылезайте из скафандров. Мне хотелось бы получить письменный доклад о сделанном вами открытии — если вы способны на это. Нужно отправить сообщение как можно быстрее.

Этим вечером они на несколько часов забыли о ненадежности своего хрупкого воздушного пузырька с тонкими стенами, расположенного во враждебном мире, потому что праздновали. Их исследовательская работа оказалась успешной — гораздо более успешной, чем можно было надеяться в самых оптимистических прогнозах. Планета Кэссиди-2 будет вынуждена отдать людям хранящиеся в ее недрах металлы, и члены

экспедиции получат награды за удивительную находку.

Капитан Хегг залез на самое дно контейнера с обезвоженной рыбой, которую все ненавидели, и достал оттуда четыре бифштекса, припрятанных для особо торжественного случая. Робсон, исполнявший обязанности врача, выдал из своих запасов бутылку медицинского бренди. Алкоголь только улучшил приподнятое настроение; члены экспедиции вполне могли бы обойтись без него. Это был вечер, который запомнится надолго. Спать легли поздно, переговариваясь в темноте и заливаясь хохотом, когда Робсон принялся громко храпеть во сне. Затем уснули один за другим…

Капитан Хегг проснулся от внезапного предчувствия чего-то страшного. Он потряс головой, проклиная последствия выпитого бренди, пытаясь понять, почему проснулся. В помещении было темно — светились только огоньки контрольной панели, следящей за происходящим в куполе. Даже с верхней койки капитан видел, что все лампочки были зелеными. Значит, дело не в этом. Стоило хотя бы одной из лампочек стать красной, контрольная панель, включенная на автоматическое ночное дежурство, тут же подала бы пронзительный сигнал тревоги, способный

пробудить мертвого. Так что же произошло? Он кашлянул и прочистил горло.

И вдруг капитана охватила паника — он глубоко вздохнул и зашелся в приступе кашля. Дым! Но в куполе не может быть дыма. Курение было запрещено, несмотря на то что здесь почти не было предметов, способных воспламениться…

Контейнер с образцами натрия!

— Подъем! — крикнул капитан Хегг, не то прыгнув, не то упав с верхней койки.

Вскочив, он бросился к выключателю. В тот момент, когда его рука коснулась выключателя, капитан увидел светящуюся красную полоску под крышкой контейнера.

— Всем вставать! Быстро!

Хегг стащил Сонни с верхней койки и одновременно пнул Аркадия в бок. Больше времени не оставалось. Он услышал шаркающие шаги Робсона у себя за спиной и бросился к контейнеру.

— Робсон! Открывайте дверь в шлюз!

Профессор схватился за колесо, открывающее дверь, еще до того, как Хегг закончил свою команду. Капитан уперся плечом в контейнер и стал толкать его к двери шлюза — и в это мгновение боковая стенка контейнера отвалилась. Ревущее пламя вырвалось наружу. Клубы густого белого

дыма заполнили помещение, и ослепительный свет залил переборку. Хегг упал на спину, содрогаясь в приступе кашля и рвоты. Сонни перепрыгнул через него и накрыл контейнер охапкой одеял и простыней. Жаростойкий материал на мгновение погасил пламя и прекратил распространение дыма. Сонни с Аркадием принялись тащить контейнер к открытой двери шлюза.

В следующее мгновение пламя прорвалось сквозь тонкие одеяла, но контейнер был уже у самой двери. Из пылающего ящика капал расплавленный натрий. Аркадий поскользнулся и упал на колени в самую середину лужи жидкого металла. Молча, не издав ни единого звука, Аркадий откатился в сторону и принялся сбивать пламя с пижамных брюк голыми руками. И тут Сонни с Робсоном последним отчаянным усилием вытолкнули пылающий ящик в помещение шлюза. Робсон закрыл дверь.

— Откачивающий… насос… — пробормотал Хегг, сдерживающий приступ кашля, но Аркадий уже сумел подползти к панели, и мотор заработал.

Дым становился все гуще, пока последняя капля расплавленного металла не была собрана и

сброшена в герметический контейнер для образцов. Контейнер изнутри был покрыт металлом; прежде чем металлические листы прогорели, туда успели закачать инертный газ — гелий. Пламя погасло, поскольку кислород, быстро окисляющий натрий, был удален из контейнера. Заработали вентиляторы, и с каждой секундой атмосфера в помещении купола становилась все чище. Дым исчезал.

— Что случилось? — спросил Аркадий, потрясенный стремительностью происшедшего.

По его ногам текла кровь, но ни он, ни остальные не замечали этого.

— Один из замков на контейнере с образцами металлического натрия не был закрыт, — хрипло произнес Робсон. — Я заметил это, когда выталкивал контейнер через дверь шлюза. Правый замок не был защелкнут до конца. Достаточно, чтобы внутрь просочился воздух…

— Кто закрывал контейнер? — загремел голос капитана Хегга — приступ кашля у него или прошел, или он сумел перебороть его.

— Я, — ответил Аркадий и мрачно добавил: — Но Сонни снова открыл его, чтобы положить последний образец.

Все трое повернулись в сторону Сонни словно

по команде.

— Но я не хотел… может быть, совершенно случайно… — пробормотал тот, все еще не пришедший в себя от внезапности случившегося.

Робсон стоял ближе всех к Сонни.

— Ты… ты… — начал он, но не смог подобрать слов.

Низенького роста, с блестящей от пота лысой головой и обвислыми щеками, он должен был выглядеть смешным в приступе ярости, но ничего смешного в нем не было. Словно по своей воле, его правая рука размахнулась и ударила по щеке молодого человека. Сонни отшатнулся, прижав пальцы к появившемуся красному отпечатку ладони на бледной щеке.

С трудом передвигая ноги, Аркадий подошел к нему и, изо всех сил ударив тяжелым кулаком в лицо, опрокинул его на пол. И тут все трое накинулись на лежащего, избивая его руками и ногами.

Капитан Хегг еще раз пнул неподвижное тело в бок и лишь тут понял, кто он и что здесь происходит. Он сделал шаг назад и попытался громким окриком остановить избиение. Но ни Робсон, ни Аркадий не слышали его. Тогда капитан стал оттаскивать их — тоже тщетно. Наконец силь-

ным ударом, нанесенным ребром ладони, Хегг усмирил Аркадия и, когда тот потерял сознание, сумел оттащить маленького профессора к его койке и держал его там до тех пор, пока Робсон не прекратил сопротивляться.

— Дайте ключ от аптечки, — сказал капитан, когда понял, что профессор слышит его голос.

Никто не обсуждал события этой ночи. Наутро была произведена уборка помещения. Сонни Грир в течение трех суток лежал в кровати, перебинтованный и молчаливый, и закрывал глаза всякий раз, когда к нему подходили. Ожоги Аркадия были серьезными, их лечили, но он старался исполнять нетрудную работу, с трудом передвигаясь по куполу. Капитан Хегг начинал кашлять, стоило ему только взяться за тяжелую работу. Профессор Робсон, хотя и не пострадал физически, казалось, постарел, уменьшился ростом, и кожа на его лице обвисла еще больше. Все трое искали одиночества, и когда им приходилось разговаривать, делали это тихим голосом.

До прибытия космического корабля с новой сменой на борту оставалось тринадцать недель.

На четвертый день Сонни Грир встал с кровати. Если не принимать во внимание синяки на лице и бинты на различных частях тела, он выглядел

способным исполнять свои обязанности.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он.

Услышав его голос, Аркадий и Робсон отвернулись. Капитан Хегг заставил себя ответить:

— Вы можете помочь нам только следующим образом. Аркадий не может надеть скафандр, поэтому вам придется еще раз выйти вместе со мной из купола, чтобы собрать образцы. После этого вы освобождаетесь от исполнения всех обязанностей. Я требую, чтобы вы находились в своей кровати или рядом с ней. Категорически запрещаю прикасаться к приборам или панели управления. Пищу вам будут приносить.

После этого никто не разговаривал с Сонни, даже передавая ему пищу. С каждым днем напряжение в маленьком куполе нарастало, и Хегг опасался, что может произойти что-то непоправимое.

Один раз, по пути от кровати к туалету, Сонни споткнулся и случайно оперся на консоль контроля воздуха внутри купола. Аркадий тут же ударил его, отбросив к противоположной переборке. Хегг все откладывал поход за образцами и наконец был вынужден назначить его на следующий день.

«Может быть, — подумал он, — если увести

Сонни от двух остальных членов экспедиции на целый день, это поможет разрядить обстановку».

— Завтра мы выходим за образцами руды, — объявил он.

Воцарилась гнетущая тишина.

— Разрешите мне помочь вам в проверке скафандра, капитан, — произнес наконец Аркадий.

— И мне тоже, — вскочил Робсон. — Если мы с Аркадием будем проверять друг друга, ничего случайного произойти не сможет.

Хегг был вынужден согласиться. Теперь события развивались только таким образом. Все трое проверяли и перепроверяли друг друга, испытывая чуть ли не панический страх перед опасностями, ждущими их на поверхности планеты. Капитан Хегг не мог себе представить, как им удастся провести здесь оставшиеся три месяца. Когда Аркадий и Робсон отошли от шкафчика капитана, проверив его скафандр, Хегг почувствовал, что Сонни смотрит на него.

— Вы разрешите мне проверить свой скафандр, капитан? — спросил он.

До сих пор никто не подходил к его скафандру. Казалось, Сонни просто не существует.

— Давайте, — кивнул Хегг.

Когда Сонни принялся осматривать скафандр,

капитан стоял позади него, следя за каждым движением. Это было его привычкой, и он не мог отказаться от нее.

Утро следующего дня было еще хуже. Сонни пришлось натягивать скафандр самому, потому что остальные не обращали на него внимания и в то же время три раза проверили скафандр капитана, прежде чем признали Хегга готовым к выходу на поверхность планеты. Хеггу пришлось закрыть внутреннюю дверь шлюза, после чего он заставил себя подойти к Сонни и проверить его скафандр. Капитан, казалось, испытывал чувство отвращения при мысли, что ему нужно прикоснуться к Сонни.

— Один, — произнес Сонни. — Запасной баллон с кислородом полон.

— Один, — повторил Хегг и усилием воли заставил себя постучать пальцами по металлу скафандра, принадлежащего человеку, которого он ненавидел.

Они продолжили проверку.

— Тринадцать, предохранительный клапан.

— Тринадцать, клапан закрыт.

И вдруг пальцы Хегга шевельнулись и приоткрыли клапан на пол-оборота.

— Одну минуту! Вот, теперь все в порядке.

Дрожащей рукой капитан снова закрыл предохранительный клапан.

«Что это нашло на меня? — подумал Хегг, когда они вышли из шлюза и направились к отдаленным холмам. — Почему я попытался сделать это?»

Капитан не испытывал сознательного желания убить Сонни, хотя понимал, что лучше бы ему было умереть, пока он, ставший источником постоянной опасности, не убил каким-то образом их всех.

Ситуация была простой. Сонни Грир ежедневно, ежеминутно угрожал всем. От него исходила смертельная угроза. Он не был больше их соратником. Сонни заключил союз с этой враждебной планетой, встал на ее сторону в борьбе против трех остальных. Именно поэтому Аркадий и Робсон сторонились его, как Ионы, презревшего Бога. Сонни и был Ионой, даже хуже Ионы. Он был связан со всемогущими силами, старающимися уничтожить их, и оба, по-видимому, чувствовали, как и сам капитан, что Сонни было бы лучше умереть.

В этот момент Сонни отпустил ручку контейнера для образцов, который нес вместе с Хеггом, споткнулся и упал.

Потрясенный, капитан смотрел, как Сонни беззвучно корчится, схватившись за шлем. Контур связи между скафандрами был отключен, и сквозь плотную атмосферу доносились только едва слышные звуки. Хегг склонился над ним, не понимая, что произошло. Тело Сонни изогнулось и безжизненно обмякло. Хегг перевернул его на спину и посмотрел через прозрачное забрало шлема на мертвое, искаженное смертельными страданиями лицо.

Охватившее капитана чувство жалости тут же сменилось невероятным облегчением.

Сонни погиб, по-видимому вдохнув ядовитую атмосферу планеты. Но как мог смертельный газ проникнуть в его герметический скафандр? В нем не могло быть трещин или порезов. Капитан был готов поклясться в этом — ведь он сам проверял скафандр Сонни. Затем он вспомнил про свои предательские пальцы, попытавшиеся открыть предохранительный клапан скафандра, и, наклонившись, проверил его. Нет, клапан был закрыт.

Впрочем, действительно ли он закрыт? Ручка клапана поднята вверх — вертикально вверх, — но почему виден такой большой кусок винтовой резьбы? Хегг повернул мертвое тело, чтобы солнце освещало предохранительный клапан.

Он был наполовину заклинен металлической крошкой. Воздух был вытеснен из скафандра, и, когда давление упало, внутрь начали просачиваться ядовитые пары снаружи. Нет, не начали — а просочились, потому что Сонни Грир был мертв, действительно мертв.

И снова чувство облегчения охватило капитана, но вместе с ним возник назойливый вопрос: как металлическая крошка попала в предохранительный клапан? Случайно? Удивительный случай — крошка застряла в таком месте, что открытый клапан выглядел внешне и при проверке закрытым.

— Причина смерти — несчастный случай, — произнес капитан Хегг громче, чем следовало.

Он встал, стряхнул пыль с перчаток, затем потер их о бедра скафандра.

— Придется назвать это несчастным случаем, — обратился Хегг к неподвижному телу. — Я ведь не могу занести происшествие в журнал как самоубийство. В общем-то можно назвать его актом самозащиты или убийством в пределах необходимой самообороны, а может быть, еще как-нибудь. Но зачем осложнять дело, правда, Сонни?

Теперь, когда смерть устранила опасность,

капитан впервые почувствовал жалость, которая раньше подавлялась стремлением выжить.

— Прости меня, Сонни, — тихо прошептал он и прикоснулся к безжизненному плечу. — Тебе не следовало быть здесь. Как бы мне хотелось, чтобы ради всех нас мы узнали об этом раньше… Но главным образом ради тебя, — сказал он, вставая. Затем более твердым голосом произнес: — Нужно вернуться на корабль, уладить формальности, попытаться восстановить нормальную жизнь.

И начать понемногу забывать о Сонни.

Спасательная операция

Перевод И. Почиталина

— Тяни! Тяни! Да не останавливайся ты!.. — крикнул Драгомир, хватаясь за смоленые сети.

Рядом с ним в душной темноте Прибислав Поляшек, напрягая все силы, выбирал мокрый невод. Сеть была невидима в черной воде; захваченный ею голубой огонек поднимался все ближе и ближе к поверхности моря.

— Боже мой, он выскальзывает из сети… — в отчаянии простонал Прибислав и схватился рукой за шероховатый планшир их небольшой лодки.

На мгновение он успел увидеть голубую лампочку на шлеме, прозрачное забрало и тело в скафандре — затем оно выскользнуло из сети и скрылось в темноте. Ему лишь удалось рассмотреть цилиндры на спине, перед тем как оно исчезло.

— Ты заметил? — произнес он. — Перед тем как выскользнуть из сети, он махнул рукой.

— Ну не знаю, — может, у него просто шевельнулась рука и задела сеть. Или он еще жив?

Драгомир перегнулся за борт, его лицо почти касалось стеклянной поверхности моря, но ничего рассмотреть ему не удалось.

— Думаю, он жив.

Рыбаки сели на банки, глядя друг на друга в резком свете шипящего ацетиленового фонаря на носу. Между этими двумя мужчинами не было ничего общего — и все-таки они очень походили друг на друга: оба в испачканных мешковатых шароварах и выцветших хлопчатобумажных рубашках. Их руки покрывали глубокие шрамы и мозоли от многолетнего труда, а мысли были неторопливыми и размеренными, соответствуя числу прожитых лет и ритму местной жизни.

— Мы не сможем вытащить его неводом, — заметил наконец Драгомир, который, как всегда, заговорил первым.

— Значит, нам понадобится помощь, — рассудил Прибыслав. — Мы поставили буй и сумеем снова найти это место.

— Да, помощь нам понадобится, — согласился Драгомир. Он разжал большие сильные руки и наклонился через борт, чтобы втащить в лодку всю сеть. — Ныряльщик, который живет в доме вдовы Кореч, знает, как поступить. Его фамилия Кукович; Петар говорит, он доктор наук из уни-

верситета в Любляне.

Друзья вставили весла в уключины, и тяжелая лодка медленно заскользила по гладкой поверхности Адриатического моря. Еще до того, как они достигли берега, небо посветлело, а когда рыбаки привязали носовой линь к ржавому рыму в стенке причала деревни Брбинчи, солнце уже встало над горизонтом.

Джозе Кукович смотрел на поднимающийся солнечный шар. Было раннее утро, однако становилось жарко. Он зевнул и потянулся. Вдова, шаркая, подошла к нему, пробормотала: «Доброе утро» — и поставила на каменные перила крыльца поднос с утренним кофе. Кукович отодвинул поднос, сел рядом на перила и вылил содержимое маленького кофейника с длинной ручкой в чашку. Густой кофе по-турецки окончательно разбудит его, несмотря на такой ранний час. Сидя на перилах, он взглянул на немощеную пыльную улицу, ведущую к порту.

Деревня уже просыпалась. Две женщины, несущие воду в медных кувшинах на головах, остановились поболтать. Крестьяне везли на рынок продукты — корзины с капустой и картофелем, подносы помидоров были прикреплены к спинам маленьких осликов. Один из них прон-

зительно закричал — резкий, неприятный звук разорвал тишину утра и отразился эхом от стен выбеленных солнцем домов. Жарко.

Деревня Брбинчи находилась в середине глухого края, настоящий медвежий угол, отгороженный от остального мира морем и голыми, высохшими холмами. Казалось, деревня спала на протяжении веков, постепенно умирая. Здесь не было ничего привлекательного — если не считать моря.

Под зеркальной голубой поверхностью моря таился иной мир, неотразимо привлекавший к себе Джозе. Прохладные тенистые равнины, глубокие долины — здесь скрывалось больше жизни, чем на выжженных солнцем берегах, окружавших залив. А сколько интересного: накануне ему удалось найти римскую галеру, наполовину занесенную морским песком. Правда, это произошло уже в конце дня, и было слишком поздно для того, чтобы внимательно обследовать ее. Он спустится к ней сегодня — первый человек за последние две тысячи лет. Один Бог знает, что находится внутри галеры. Рядом с ней Джозе заметил осколки разбитых амфор — не исключено, что внутри находятся и целые.

С удовольствием глотая обжигающий кофе, он

следил за небольшой лодкой, причалившей к пирсу. «Интересно, куда спешат эти два рыбака?» — подумал он. Они почти бежали, а ведь здесь никто не бегает летом. Рыбаки направились по улице в его сторону. Остановившись у крыльца, старший обратился к Джозе:

— Доктор, можно подняться к вам? У нас срочное дело.

— Да, конечно. Заходите. — Кукович был немало удивлен. Уж не принимают ли его за врача?

Драгомир поднялся по ступенькам и замешкался, не зная, с чего начать. Потом указал в сторону моря:

— Он упал прошлой ночью. Мы видели его своими глазами — это спутник, вне всякого сомнения.

— Путник?

Джозе Кукович наморщил лоб. Ему показалось, что он неправильно понял старого рыбака. Когда местные жители волновались и говорили очень быстро, ученому было трудно разобраться в их диалекте. Для такой маленькой страны, как Югославия, в ней было слишком много языков и наречий.

— Нет, не путник, а спутник, один из русских космических кораблей.

— Или американский, — в первый раз открыл рот Прибыслав, но на его слова не обратили внимания.

Джозе улыбнулся и помешал ложкой густую кофейную массу.

— А вы уверены, что не метеорит? В это время года наблюдается обильный метеоритный поток.

— Спутник, — упрямо настаивал Драгомир. — Сам корабль упал далеко от нас в Ядранском море и исчез под водой, мы видели. А космонавт опустился совсем рядом с нами и пошел на дно…

— Что вы сказали? — изумленно воскликнул Джозе и вскочил. Медный поднос со звоном упал на каменную поверхность крыльца, дребезжа покатался кругами и замер. — В нем был человек — и ему удалось спастись?

Оба рыбака кивнули, и Драгомир продолжил свой рассказ:

— Когда спутник пролетал над нами, от него отделился огонек, опустившийся недалеко от нас. Мы не видели, что это такое, и стали грести изо всех сил по направлению к огоньку. Он погружался в воду, но мы успели закинуть сеть и поймали его…

— Вам удалось спасти космонавта?

— Нет, но когда мы подтянули сеть к самой поверхности, то увидели, что он одет в тяжелый скафандр, а в шлеме впереди окошко — как у водолазов. Кроме того, на спине у него было что-то похожее на баллоны, с которыми вы ныряете.

— Он успел махнуть нам рукой, — добавил Прибыслав.

— Мы не успели его рассмотреть. К вам мы пришли за помощью.

Наступила тишина, и Джозе понял, что он — единственный человек, способный оказать эту помощь, и что теперь ответственность за спасение космонавта лежит на нем. С чего начать? У космонавта могут быть кислородные баллоны — Кукович не имел представления, что предусмотрено при спуске космонавтов на воду. Если в баллонах действительно кислород, он еще жив.

Джозе расхаживал по крыльцу и размышлял. Он был невысоким коренастым мужчиной, одетым в шорты цвета хаки и сандалии. Его нельзя было назвать привлекательным: нос слишком велик и зубы выступали вперед, — но от него исходило ощущение силы и власти. Внезапно Джозе остановился и ткнул пальцем в сторону Прибыслава:

— Нужно поднять его на поверхность. Вы мо-

жете найти это место?

— Да, мы поставили там буй.

— Отлично. Нам может понадобиться врач. В деревне врача нет, но, может быть, есть в Осоре?

— Доктор Братош; правда, он совсем старый…

— Пока не умер, он нам понадобится. Есть в деревне кто-нибудь, умеющий управлять автомобилем?

Рыбаки подняли глаза к небу и задумались. Джозе с трудом сдерживал нетерпение.

— По-моему, есть, — произнес наконец Драгомир. — Петар был когда-то в партизанах…

— Совершенно верно, — подтвердил Прибыслав. — Он все время рассказывает о том, как они крали у немцев грузовики и как он сидел за рулем…

— Ну что ж, пусть один из вас отправится к этому Петару и передаст ему ключи от моей машины. Это немецкий автомобиль, так что он должен справиться. Передайте ему: пусть везет врача — и как можно быстрее.

Драгомир взял ключи из протянутой руки Куковича и тут же передал их Прибыславу, который быстро сбежал с крыльца.

— А теперь постараемся поднять со дна этого космонавта, — сказал Джозе, схватил снаряже-

ние для плавания под водой и стремительными шагами направился к лодке.

Спасатели взялись за весла и, делая гребки, поплыли к бую. Было заметно, что основную часть работы выполняет Драгомир.

— Какова глубина в том месте? — спросил Джозе. Он уже обливался пóтом, и солнечные лучи жгли его голую спину.

— Пролив Кварнерич становится глубже в направлении острова Раб, но мы ловили рыбу недалеко от Тристеника, а там гораздо мельче. Думаю, не больше четырех саженей. Смотрите, мы уже рядом с буем.

— Четыре сажени — это семь метров. Пожалуй, найти его будет нетрудно.

Джозе встал на колени и просунул руки в лямки баллонов. Проверил действие клапанов, потуже затянул ремни и, перед тем как вставить в рот загубник, повернулся к рыбаку:

— Удерживайте лодку у буя — я буду пользоваться ею в качестве ориентира. Если мне понадобится линь или какая-нибудь другая помощь, я всплыву прямо над космонавтом и вы подплывете ко мне.

Он включил подачу кислорода и опустился в воду. Прохлада приятно обняла его разгорячен-

ное тело. Энергично двигая ногами, он плыл ко дну, опускаясь вдоль троса, ведущего к якорю буя, — и сразу увидел космонавта, распростертого на белом песке.

Несмотря на растущее волнение, Джозе заставил себя двигаться осторожно. По мере приближения к лежавшему на дне человеку Джозе различал все больше деталей. На скафандре не было никаких опознавательных знаков, он мог принадлежать в равной степени как американскому, так и русскому космонавту. Скафандр казался жестким, сделанным из металла или армированного пластика, и был окрашен в зеленый цвет. На шлеме было одно плоское забрало.

Зная, что расстояния и размеры предметов под водой искажаются, Джозе опустился на песок рядом с распростертой фигурой и лишь в это мгновение понял, что длина скафандра меньше четырех футов. Он открыл рот от изумления и едва не захлебнулся.

Затем он заглянул в стекло шлема и понял, что существо, заключенное в скафандр, не является человеком.

Джозе закашлялся, выпустив изо рта струю воздушных пузырьков, сразу устремившихся к поверхности, — он сдерживал дыхание и не

замечал этого. Медленно двигая ногами, ученый плавал над лежавшей на дне фигурой, стараясь сохранять положение, и смотрел на лицо в шлеме.

Оно было неподвижным, словно сделанным из воска, зеленого воска, с шероховатой кожей и большим тонкогубым ртом. Выпуклые глазные яблоки были закрыты веками. Черты лица в общем напоминали человеческие, но у людей никогда не было такого цвета лица, равно как и гребня, начинавшего расти над закрытыми глазами и исчезавшего из поля зрения Джозе на макушке. Ученый смотрел на скафандр, сделанный из какого-то неизвестного материала, и на компактный аппарат регенерации атмосферы, необходимой для дыхания космонавта, расположенный на груди инопланетянина. Но чем дышит пришелец? Джозе перевел взгляд на лицо инопланетянина и увидел, что тот открыл глаза и следит за ним.

Ученого охватил страх, он рванулся к поверхности, как испуганная рыба, и тут же рассердился на себя и вернулся. Инопланетянин слабым движением поднял и бессильно уронил руку. Джозе посмотрел через прозрачное забрало шлема — глаза снова закрылись. Пришелец был жив,

но не мог двигаться, может быть, пострадал при приземлении и испытывал мучительную боль. То, что космический корабль инопланетянина упал в море, говорило о том, что он был неисправен. Протянув руки, Джозе осторожно поднял маленькое тело инопланетянина с морского дна, пытаясь не обращать внимания на чувство отвращения, охватившее его, когда холодный материал скафандра коснулся голых рук.

«Это всего лишь металл или пластик, — подумал Джозе, — нужно сохранять самообладание исследователя».

Когда он выпрямился, глаза пришельца все еще оставались закрытыми, и ученый поплыл к поверхности, держа неподвижное, почти невесомое тело.

— Ну-ка ты, мужик, помоги мне! — крикнул он, выплюнув изо рта загубник и энергично работая ногами, чтобы вновь не погрузиться. Однако Драгомир лишь испуганно покачал головой и отодвинулся на самый нос лодки, увидев, что поднял со дна ученый.

— Это пришелец из другого мира! Он не причинит тебе зла! — снова крикнул Джозе, но рыбак отодвинулся еще дальше.

Ученый громко выругался и с трудом поднял

инопланетянина в лодку, затем вскарабкался сам. Несмотря на то что он был гораздо меньше и слабее Драгомира, с помощью угроз ему удалось заставить рыбака сесть за весла — но и тут рыбак выбрал самую дальнюю от кормы пару уключин, хотя грести здесь было намного труднее.

Джозе снял акваланг, бросил баллоны на дно лодки и внимательно посмотрел на быстро высыхающий материал, из которого был сделан скафандр инопланетянина. Его охватило любопытство исследователя, и ученый забыл о своем страхе перед неизвестным. По профессии Кукович был атомным физиком, но у него хватало знаний в области химии и механики, чтобы понять, что светло-зеленый скафандр изготовлен из материала, совершенно неизвестного на Земле. Судя по всему, он был прочен и тверд, как сталь, и в то же время эластичен и легко сгибался в суставах — Джозе убедился в этом, подняв и опустив безжизненную руку инопланетянина. Он окинул взглядом крошечную фигурку пришельца: посреди его тела, там, где у человека поясница, находилось жесткое утолщение, с которого свисал объемистый мешок, похожий на большой шотландский спорран. Весь скафандр казался цельным, без соединений — тут взгляд

Джозе упал на правую ногу инопланетянина. Боже мой! Она была искалечена, словно ее сжали гигантскими плоскогубцами. Возможно, поэтому инопланетянин и не приходил в сознание. Может быть, он страдает от болевого шока?

Глаза пришельца снова открылись, и Джозе внезапно с ужасом понял, что шлем наполнен водой. Она, по-видимому, просочилась внутрь, и инопланетянин задыхается, захлебывается в этой воде. Ученый в панике схватился руками за шлем, пытаясь открутить и снять его. Огромные глаза гостя из космоса безучастно следили за его движениями.

Джозе взял себя в руки. Прежде всего надо обдумать свои действия, решил он. Инопланетянин лежит спокойно, с открытыми глазами, из носа или рта не выходят пузырьки воздуха. Дышит ли он? Вода просочилась внутрь шлема — или всегда была там? Да и вода ли это? Кто знает, чем дышит инопланетянин — метаном, хлором, двуокисью серы, а может быть, водой? Жидкость действительно находилась внутри скафандра и не просачивалась наружу. Существо, находящееся в нем, не подавало никаких признаков беспокойства.

Джозе поднял голову и увидел, что лодка,

влекомая могучими гребками перепуганного Драгомира, уже достигла берега, где собралась толпа.

Лодка едва не перевернулась, когда рыбак в панике выскочил, при этом оттолкнув ее от берега. Джозе увидел, что берег удаляется, взял со дна лодки швартовочный трос и свернул его в кольцо.

— Эй, вы! — крикнул он. — Ловите трос и привяжите его к рыму!

Никто на берегу не шелохнулся. Люди стояли, глядя на фигурку в зеленом скафандре, распростертую на дне лодки. В толпе раздался шепот — словно ветер пронесся через сосновый бор, шевеля ветки. Женщины прижимали руки к груди и крестились.

— Ну, ловите! — снова крикнул Джозе, стиснув зубы и стараясь не давать воли гневу.

Он швырнул трос на берег, и толпа отпрянула от него; только один мальчишка схватил трос и медленно продел его через ржавое кольцо. Его руки дрожали, голова склонилась набок, изо рта капали слюни. Он был слабоумным и не понимал, что происходит; мальчик всего лишь исполнил приказ.

— Помогите мне вынести его на берег, — про-

изнес Джозе и тут же понял, что его просьба бесполезна.

Крестьяне отступили назад — темная толпа с одинаковыми, широко открытыми глазами, женщины, похожие на огромных кукол, в длинных широких юбках, черных чулках и высоких фетровых ботинках. Никто не придет на помощь, решил Джозе, и все придется делать самому. С трудом сохраняя равновесие в неустойчивой лодке, он поднял инопланетянина и осторожно опустил его на грубые камни портовой стенки. Толпа отпрянула еще дальше. Несколько женщин застонали и бросились бежать; среди мужчин послышался ропот. Джозе не обратил на это никакого внимания.

Ему не только не помогут, понял он, но могут даже помешать. Самое безопасное место — его комната в доме вдовы Кореч; там его вряд ли решатся беспокоить. Джозе наклонился, поднял легкое тело инопланетянина, и в этот момент сквозь толпу кто-то протолкнулся.

— Дайте посмотреть — что это? Святая Дева Мария, — злой дух!

Старый священник с ужасом смотрел на инопланетянина в руках ученого и пятился назад, держась за распятие обеими руками.

— Ну что это за предрассудки, суеверия какие-то! — огрызнулся Джозе. — Это не дьявол, а пришелец из дальних миров, разумное существо. А теперь прочь с дороги!

Кукович двинулся вперед, и толпа расступилась. Он старался идти как можно быстрее, в то же время не создавая впечатления, что спешит. Толпа осталась позади. За спиной ученого слышался звук быстрых шагов; он оглянулся. Его догонял священник, отец Перч. Грязная сутана развевалась, и он задыхался от непривычной спешки.

— Скажите мне, доктор Кукович, что вы собираетесь делать с этим существом? Что это? Скажите…

— Я уже объяснил вам, святой отец. Это — инопланетянин. Два местных рыбака нынче ночью видели, как в море опустился космический корабль. Этот… инопланетянин прилетел на нем, а корабль утонул. — Джозе старался говорить как можно спокойнее. Население деревни может причинить ему массу неприятностей, но, если священник окажется на его стороне, их можно избежать. — Это — существо из другого мира, святой отец, оно дышит в воде. Оно получило повреждения во время катастрофы, и наш долг

помочь ему.

Отец Перч бежал рядом с Джозе, поспешно семеня и глядя на инопланетянина с очевидным отвращением.

— Небогоугодное это дело, — бормотал он. — Это — нечистый, злой дух…

— Неужели вы не можете понять, что это не демон и не дьявол? Церковь признает возможность существования разумных существ на других планетах — иезуиты даже настаивают на этом, — почему бы и вам не согласиться с такой точкой зрения? Даже папа римский считает, что на отдаленных планетах есть жизнь.

— Вот как? Неужели? — Старый священник недоуменно моргнул красными веками.

Джозе прошел мимо него и поднялся по ступенькам в дом вдовы Кореч. Хозяйки нигде не было видно. Он прошел в свою комнату и осторожно опустил инопланетянина, все еще не приходящего в сознание, на кровать. Священник неуверенно топтался на пороге, перебирая четки дрожащими пальцами. Положив инопланетянина на кровать, Джозе выпрямился и посмотрел на него с такой же неуверенностью, как и священник. Что делать дальше? Гость из космоса ранен, может быть, даже умирает. Он должен спасти

инопланетянина, что-то предпринять.

Внезапно издалека донесся звук мотора. В душной комнате словно повеяло свежим воздухом, и Кукович с облегчением вздохнул. Он узнал свой автомобиль, который должен был привезти доктора. Машина остановилась у крыльца, хлопнули дверцы, но шагов не было слышно. Джозе замер, напряженно прислушиваясь. Врач разговаривает с жителями деревни, которые рассказывают ему о происшедшем, понял он. Прошла минута, показавшаяся ему вечностью. Джозе пошел к выходу, но остановился перед священником, все еще стоящим на пороге.

«Чего они не идут, черт их побери?» — подумал Джозе.

Окно его комнаты выходило во двор, и он не видел улицу перед домом. Затем наружная дверь открылась, и он услышал шепот вдовы: «Проходите сюда, доктор, прямо по коридору».

Вошли двое мужчин, покрытых пылью после поездки. Один из них был явно врачом — невысокий полный мужчина, лысая голова покрыта капельками пота. В руке он держал потрепанный черный саквояж. Рядом с ним был другой мужчина, с загорелым и обветренным лицом, одетый как рыбак. Джозе понял, что это и есть Петар,

бывший партизан.

Петар первым подошел к кровати; врач остановился посреди комнаты, сжимая черный саквояж и нервно оглядываясь по сторонам.

— Что это такое? — спросил Петар, затем наклонился, упершись руками в колени, и заглянул в прозрачное забрало шлема. — Безобразное существо, это уж точно.

— Я не знаю, кто это. Единственное, что нам известно, — это существо прилетело с какой-то другой планеты. А теперь отойдите — пусть на него посмотрит врач.

Джозе сделал приглашающий жест, и врач неохотно шагнул вперед.

— Вы, должно быть, доктор Братош? Меня зовут Джозе Кукович, я профессор атомной физики из Люблянского университета.

Джозе решил, что некоторый престиж не повредит ему, может быть, удастся заручиться поддержкой врача, пусть и против его желания.

— Здравствуйте. Для меня большая честь встретить профессора из университета. Но я не понимаю, что от меня требуется?

Когда врач говорил, его голова тряслась, и Джозе понял, что он очень стар, ему далеко за восемьдесят.

«Да, — подумал ученый, — придется проявить терпение».

— Этот инопланетянин — кем бы он ни был — пострадал во время посадки и не приходит в себя. Нужно сделать все, что в наших силах, чтобы спасти его.

— Но что я могу? Это существо заключено в металлический скафандр — наполненный водой, по-видимому. Я врач, медицина — моя профессия, но я не лечу животных и таких вот существ.

— И я тоже не специалист в этой области — на Земле вообще нет ни единого специалиста по инопланетянам. Но нужно постараться, сделать все возможное. Мы должны снять с него скафандр и выяснить, как ему помочь.

— Но это невозможно! Внутри находится жидкость, она тут же вытечет.

— Да, конечно, поэтому нужно принять меры предосторожности. Постараемся определить состав жидкости, затем наполнить ею ванну в соседней комнате. Я внимательно осмотрел скафандр, и у меня создалось впечатление, что шлем не составляет с ним единое целое, а просто закреплен на скафандре. Если мы ослабим крепления, то сможем взять образец жидкости.

В течение нескольких драгоценных секунд

доктор Братош размышлял, беззвучно шевеля губами.

— Да, можно попробовать, но во что мы соберем жидкость? Все это так необычно и странно.

— Черт побери, какая разница, во что собрать жидкость? — огрызнулся Джозе, чувствуя, что спокойствие покидает его. Он повернулся к Петару, стоявшему рядом и молча курившему сигарету. — Помогите нам. Найдите что-нибудь на кухне — суповую тарелку, наконец.

Петар кивнул и вышел из комнаты. Из кухни донеслись еле слышные возражения вдовы, но Петар тут же вернулся, держа в руках ее лучшую кастрюлю.

— Отлично, — произнес Джозе, наклонился и приподнял голову инопланетянина, — теперь подсуньте кастрюлю под шлем.

Установив кастрюлю, он повернул одну из защелок; та открылась — и только. В месте соединения появилась тоненькая щелка, но она осталась сухой. Но когда Джозе повернул второе крепление, внезапно хлынул поток прозрачной жидкости под давлением, и, пока он пытался закрыть защелку, кастрюля наполнилась до половины. Джозе снова приподнял голову инопланетянина, и Петар уже без подсказки достал

из-под нее кастрюлю и поставил на стол у окна.

— Жидкость горячая, — заметил он.

Джозе коснулся рукой стороны кастрюли.

— Теплая, но не горячая. Градусов сорок — сорок пять. Это из теплого океана на горячей планете.

— Но… вы полагаете, что это вода? — нерешительно спросил доктор Братош.

— Думаю, что вода, — но разве не вам предстоит дать заключение? Это пресная вода или соленая?

— Я не химик… как можно высказывать свое мнение… это очень сложно.

Петар засмеялся и взял с тумбочки стакан Джозе.

— Выяснить нетрудно, — сказал он и зачерпнул полстакана жидкости из кастрюли, поднял его перед глазами, понюхал, сделал глоток и наморщил лоб. — На вкус — самая обыкновенная морская вода, но с каким-то привкусом, горьким.

Джозе взял стакан из его руки.

— Но это опасно! — воскликнул врач.

Джозе не обратил на его протест никакого внимания. Да, соленая вода, теплая соленая вода с горьковатым привкусом.

— Похоже, в ней больше йода, чем обычно. Вы не могли бы установить уровень содержания йода в этой воде, доктор?

— В таких условиях… нет, все это слишком сложно. В лаборатории с соответствующим оборудованием… — Он замолчал, открыл черный саквояж и заглянул внутрь. — Нет, только в лаборатории.

— У нас нет лаборатории и никакой посторонней помощи, доктор. Придется удовлетвориться тем, что у нас есть, — обычной морской водой.

— Я возьму ведро и наполню ванну, — предложил Петар.

— Хорошо. Но пока не наливайте — принесите воду в кухню, сначала нагреем ее и затем выльем в ванну.

— Понятно. — Петар прошел мимо застывшего в дверях священника и сбежал по ступенькам.

Джозе посмотрел на отца Перча и вспомнил о деревенских жителях.

— Не уходите, доктор, — сказал он. — Этот инопланетянин теперь ваш пациент, и мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь, кроме вас, подходил к нему. Садитесь рядом с кроватью.

— Да, конечно, вы совершенно правы, — с облегчением произнес доктор Братош, придвинул стул и сел.

Огонь, на котором готовили завтрак, все еще ярко пылал в большой печи, и Джозе подбросил

туда охапку сучьев. Затем снял висевшее на стене медное корыто для стирки и со звоном опустил его на плиту. Позади него приоткрылась дверь, за которой располагалась спальня вдовы, но, когда Джозе обернулся, она снова захлопнулась. Появился Петар с ведром воды и вылил ее в корыто.

— Что делают жители? — спросил Джозе.

— Толкутся возле дома и шушукаются. Они не будут мешать нам. Если у вас есть опасения, профессор, я могу съездить в Осор и привезти полицейских или позвонить куда-нибудь.

— Нет, спасибо. Об этом мне нужно было подумать раньше. Сейчас вы нужны мне здесь. Вы — единственный, не страдающий от старческого слабоумия или полного невежества.

— Пойду принесу еще воды, — улыбнулся Петар.

Ванна была маленькой, а корыто — большим. Когда нагретую воду вылили в ванну, она наполнилась больше чем наполовину — вполне достаточно, чтобы целиком покрыть водой маленького инопланетянина. В ванне был сток, но отсутствовали краны: обычно ее наполняли из шланга, надетого на кухонный кран. Джозе поднял инопланетянина, словно ребенка, и поднес

к ванне. Глаза пришельца снова открылись, он следил за каждым движением ученого, но не протестовал. Джозе осторожно опустил инопланетянина в ванну, быстро выпрямился и глубоко вздохнул.

— Сначала снимем шлем, затем попытаемся выяснить, как открыть скафандр.

Он наклонился и медленно, одно за другим, повернул крепления шлема. Джозе приоткрыл щель между шлемом и скафандром, готовый закрыть ее при малейшей опасности. В шлем стала вливаться морская вода и смешиваться с находившейся там жидкостью — однако инопланетянин не выражал беспокойства. Спустя минуту Джозе осторожно снял шлем, придерживая одной рукой голову инопланетянина, чтобы она не ударилась о ванну.

Как только шлем сняли, гребень на голове пришельца выпрямился наподобие петушиного вдоль всей длины. От шлема к блестящему кусочку металла, прикрепленному с одной стороны к голове инопланетянина, тянулся провод. Там была какая-то впадина, и Джозе осторожно выдернул металлический контакт — по-видимому, что-то вроде наушника. Инопланетянин открывал и закрывал рот, внутри которого виднелись

желтые костяные выступы. Послышалось низкое гудение.

Петар прижал ухо к наружной части металлической трубки.

— Это существо что-то говорит, я отчетливо слышу.

— Дайте мне ваш стетоскоп, доктор, — сказал Джозе, но врач не шевельнулся, и тогда он сам достал его из черного саквояжа. Действительно, когда ученый прижал стетоскоп к металлу, он услышал то усиливающееся, то замирающее гудение — по-видимому, какую-то речь.

— Пока мы не можем понять, что он говорит, — произнес Джозе, возвращая стетоскоп врачу; тот автоматически взял его. — Надо попытаться снять с него скафандр.

На поверхности скафандра не было видно никаких швов или креплений. Джозе пробежал пальцами по гладкой поверхности, но ничего не обнаружил. Инопланетянин понял, должно быть, его намерения, потому что с трудом поднял дрожащую руку и коснулся герметического металлического кольца у воротника. Скафандр плавно открылся на груди; шов раздваивался и проходил по каждой из ног. Из обнажившейся раненой ноги внезапно хлынул поток синей

жидкости.

Джозе успел заметить странное зеленое тело и тут же повернулся к врачу:

— Доктор, быстро беритесь за свой саквояж. Пришелец ранен, эта жидкость, по-видимому, его кровь — нужно остановить кровотечение.

— Но я бессилен, — произнес доктор Братош, не двигаясь с места. — Своими лекарствами и антисептическими препаратами я могу погубить его — ведь нам ничего не известно о химическом строении его тела.

— Тогда не применяйте эти препараты. У него травма ноги, постарайтесь наложить повязку, перебинтовать рану.

— Да-да, конечно.

Старый врач наконец-то сообразил, что может осуществить знакомые операции. Он извлек из саквояжа бинты, стерильную марлю, клейкий пластырь и ножницы.

Джозе опустил руки в теплую и теперь уже мутную воду и заставил себя коснуться горячей зеленой ноги инопланетянина. Ощущение было непривычным — но не ужасным. Он поднял ногу из воды, и все увидели огромную рану, из которой сочилась густая синяя жидкость. Петар отвернулся, однако врач привычными движе-

ниями наложил на рану подушечку из марли и обмотал ее бинтом. Кровотечение как будто прекратилось. Инопланетянин шарил в снятом с него космическом скафандре, и от его движений раненая нога поворачивалась в руках Джозе. Ученый посмотрел вниз и увидел, что пришелец достал что-то из большой сумки. Его губы снова начали шевелиться, и Джозе расслышал негромкое жужжание голоса.

— Что это? Что вы хотите? — спросил Джозе.

Инопланетянин обеими руками прижимал к груди какой-то предмет, похожий на книгу. Да, это могла быть книга; впрочем, с таким же успехом это могло быть что-то другое. Но предмет был покрыт каким-то блестящим материалом с темными знаками; с края было видно, что он состоит из множества страниц, скрепленных вместе. Наверное, это все-таки книга. Нога инопланетянина дергалась в руках Джозе, его рот широко открылся, словно в крике.

— Если мы опустим ногу в ванну, повязка промокнет, — сказал врач.

— А вы не могли бы обмотать ее пластырем, сделать повязку водонепроницаемой?

— Да, конечно, — мне понадобится много пластыря, он лежит в саквояже.

Пока они разговаривали, пришелец начал раскачиваться взад и вперед, выплескивая воду из ванны. Наконец ему удалось вырвать раненую ногу из рук Джозе. Сжимая книгу в одной тонкой руке с множеством пальцев, другой инопланетянин начал срывать повязку с только что перебинтованной ноги.

— Остановите его, он навредит себе, это ужасно, — пробормотал врач, отпрянув от ванны.

Джозе поднял с пола обрывок повязки.

— Идиот! Какой невероятный дурак! — закричал он в приступе ярости. — Эти компрессы, которые вы наложили на рану, пропитаны сульфаниламидом!

— Но я всегда пользуюсь ими. Это самые лучшие компрессы, сделанные в Америке, они предупреждают заражение и инфекцию.

Джозе оттолкнул его, опустил обе руки в воду, чтобы снять повязку, но инопланетянин вырвался и поднялся над водой, открыв рот в молчаливом ужасном вопле. Его глаза были широко открыты — и тут изо рта хлынула струя воды. Послышался хрип, струя превратилась в тонкую струйку, затем в капли, и, когда воздух коснулся наконец голосовых связок инопланетянина, раздался ужасный крик боли. Этот крик

эхом отразился от стен и потолка, выразив сверхчеловеческую агонию пришельца из далеких миров. Широко раскинув руки, инопланетянин упал в воду вниз лицом. Тело лежало неподвижно, и Джозе, даже не осматривая его, понял, что астронавт мертв.

Его рука, свисавшая из ванны, по-прежнему сжимала книгу. Медленно, один за другим, пальцы разжались, и, пока Джозе смотрел на инопланетянина, будучи не в силах пошевелиться, книга упала на пол.

— Помогите мне, — послышался голос Петара. Джозе обернулся и увидел, что врач лежит на полу и рядом на коленях стоит Петар. — Он потерял сознание… может быть, это сердечный приступ. Что нам делать?

Забыв о своем гневе, Джозе наклонился к врачу. Тот дышал, казалось, нормально, его лицо сохраняло естественный цвет, — по-видимому, это был всего лишь обморок. Его веки дрогнули. Подошел священник и через плечо Куковича посмотрел на лежавшего врача.

Доктор Братош открыл глаза, взглянул на склонившиеся над ним лица.

— Извините меня… — с трудом пробормотал врач и снова закрыл глаза, словно был не в силах

смотреть на окружавших его людей.

Джозе выпрямился и почувствовал, что весь дрожит. Священник исчез. Неужели все кончилось? Может быть, им все равно не удалось бы спасти инопланетянина, но так или иначе можно было бы действовать лучше.

Увидев на полу мокрое пятно, Джозе сообразил, что книга исчезла.

— Отец Перч! — яростно завопил он.

Священник забрал книгу, эту бесценную вещь, доставленную с другой планеты!

Джозе выбежал в коридор и увидел священника, выходящего из кухни. У него в руках ничего не было. Охваченный внезапной догадкой, ученый бросился на кухню, оттолкнув отца Перча. Наклонившись, Джозе открыл дверцу печи.

Там, среди пылающих дров, лежала книга. От нее поднимался пар. Да, конечно, это книга, на ее страницах виднелись странные знаки, рисунки и чертежи. Джозе повернулся, чтобы схватить кочергу, и в это мгновение позади него в печи полыхнуло пламя, выбросившее в кухню раскаленный белый язык. Огонь едва не коснулся Джозе, но ученый не думал об этом. Горящие угли были разбросаны по полу, а внутри печи догорали остатки драгоценной книги. Вещество, из

которого она была сделана, оказалось горючим, и едва книга высохла, она тут же воспламенилась.

— Все это от лукавого, — послышался голос священника, стоящего в кухонных дверях. — Злой дух, порождение дьявола. Нас предупреждали об этом, подобные события уже случались раньше, и поэтому правоверные христиане должны бороться со злом…

Петар вошел на кухню, протиснувшись мимо священника. Он смахнул горячие угли с обожженной кожи Джозе, помог ему встать и усадил на стул. Ученый не чувствовал ожогов — его охватила какая-то невероятная усталость.

— Ну почему здесь? — тихо спросил Джозе. — В таком огромном мире он совершил посадку именно тут. Несколько градусов к западу — и пришелец опустился бы рядом с Триестом, где находятся научные центры и отлично оборудованные больницы, опытные врачи, хирурги. А если бы продолжал полет по тому же курсу — увидел бы огни и приземлился в Риеке. Там можно было бы что-то сделать. Но почему именно здесь? — Ученый вскочил и потряс сжатым кулаком, словно угрожая кому-то. — Здесь, в этом медвежьем углу, среди людей, полных суеверий и религиозных предрассудков! В каком мире

мы живем, если всего в сотне миль от деревни, населенной слабоумными и примитивными жителями, находится ускоритель элементарных частиц? Этот инопланетянин пролетел бесчисленные миллионы — может быть, миллиарды — миль и совершил посадку совсем рядом с цивилизацией… совсем рядом… Но почему, почему?

Почему?

Джозе опустился на стул, чувствуя себя совсем старым и бесконечно усталым. Сколько можно было бы узнать из сожженной книги…

Он вздохнул, и вздох был таким глубоким, что все его тело задрожало, словно охваченное ужасной лихорадкой.

Только не я, не Эймос Кэйбот!

Перевод А. Гришина

Утреннюю почту доставили, пока Эймос Кэйбот ходил по магазинам, и она валялась на рахитичном столике в вестибюле. Он перебрал ее, хотя совершенно точно знал, что для него ничего не будет, — не тот день. Тринадцатого ему приходил чек от департамента социального обеспечения, а двадцать четвертого — чек от профсоюза, а больше он никогда и ничего не получал, если, конечно, не считать все сокращавшегося количества открыток с рождественскими поздравлениями. Нет, ему ничего не могло прийти, это он знал точно. Большой голубой конверт стоял прислоненным к зеркалу, но он не мог прочесть имени адресата и в очередной раз обругал эту скрягу миссис Пиви и ее двухваттные лампочки. Он наклонился пониже и прищурился… затем поморгал и снова прищурился. Боже всемогущий, этот пакет прислали ему, в этом не могло быть никакого сомнения! На ощупь содержимое конверта напоминало толстый журнал или ка-

талог. Что это могло быть такое и кто мог ему это прислать? — спросил он себя. Прижимая конверт к груди узловатой, покрытой старческими коричневатыми пятнами рукой, он начал долгое восхождение по трем маршам лестницы к себе в комнату. Положив авоську с двумя банками бобов и батоном вчерашнего белого хлеба на тумбочку, он тяжело опустился на стул перед окном. Распечатав конверт, он увидел, что в нем находится толстый журнал с черной глянцевой обложкой. Он положил журнал на колени и, словно не веря своим глазам, пристально уставился на него.

Посреди черной обложки на зеленовато-сером поле черными же колючими готическими буквами было напечатано название: «На краю могилы». Ниже шел подзаголовок: «Журнал помощи в подготовке к вечному упокоению». Остальная часть обложки была черной-черной, как полночь, и единственным пятном в этой черноте была выполненная в форме надгробия фотография кладбища, усаженного цветами, среди которых возвышались выстроившиеся в ряды могильные памятники и задумчивые мавзолеи. Неужели все это было просто шуткой самого дурного толка? Вряд ли, решил Эймос, быстро перелистывая страницы, на которых мелькали

разнообразные гробы, кладбищенские участки и урны для праха. Зарычав от отвращения, он бросил журнал на стол, и в этот момент оттуда выпало письмо и плавно спланировало на пол. Это письмо, отпечатанное на той же самой бумаге, что и журнал, было адресовано ему — тут не было никакой ошибки.

Глубокоуважаемый сэр!

Добро пожаловать в дружное семейство счастливых читателей «На краю могилы» — журнала помощи в подготовке к вечному упокоению, который облегчит вам путь по той дороге, которая ожидает вас впереди. Приближающиеся к смерти, мы приветствуем вас! За спиной у вас лежит длинная, счастливая жизнь, а впереди распахиваются Врата Вечности, чтобы приветить вас, вернуть вас в объятия любимых, которые давно покинули этот мир. Теперь, в этот долгожданный час, мы стоим рядом с вами, готовые оказать вам поддержку на вашем пути. Вы уже оформили свою последнюю волю? Возможно, вы проявили невнимание в этом деле — но теперь в этом для вас нет никаких трудностей! Просто откройте страницу 109, прочтите вдохновенную статью «Такова моя воля», и вы узнаете все, что может касаться этого вопроса. А далее, на

странице 114, вы найдете отпечатанный бланк, который вам будет удобно вырвать по перфорированной линии. Просто заполните пустые графы, впишите свое имя и передайте готовое завещание местному нотариусу (его контора обычно находится в муниципалитете!), чтобы он засвидетельствовал вашу подпись. Не задерживайтесь! А как вы относитесь к кремации? Вы сможете ознакомиться с чудесным вдохновенным сообщением доктора Филипа Масгроува «Уютная церковь за углом, возле крематория» на странице…

Эймос трясущимися руками поднял журнал и швырнул его через всю комнату. Упав, журнал лопнул по корешку и развалился надвое, отчего он испытал некоторое удовлетворение.

— Вы что, хотите сказать, что я скоро умру? Вы это хотите сказать? — выкрикнул он, но тут же понизил голос, так как Антонелли, обитавший в соседней комнате, немедленно забарабанил в стену. — Что за дурацкая мысль — послать человеку такую вот пакость? Омерзительная затея!

Но ведь это делалось с какой-то целью! Он прошел через комнату, подобрал обе половинки журнала и аккуратно положил их на стол. Все это было слишком красивым, слишком дорогим

для того, чтобы быть шуткой, — это были самые настоящие объявления. Немного покопавшись, он нашел страницу с содержанием и принялся водить пальцем по строчкам мелкого шрифта, который ему с трудом удавалось читать, пока не нашел издателя: «Саксон-Моррис паблишерс инк». У них должны были водиться денежки — Эймос знал здание Саксон-Моррис-билдинга; один из этих похожих на гранитные блоки новомодных домов на Парк-авеню.

Им это просто так не пройдет! Во впалой груди Эймоса Кэйбота затеплилась и смело вспыхнула искра гнева. Он ведь заставил автобусную компанию Пятой авеню послать ему письмо с извинениями по поводу грубости, которую допустил в разговоре с ним водитель в День святого Патрика; и компания автоматов по продаже напитков «Трайборо» тоже была вынуждена возместить ему в виде почтовых марок те пятьдесят центов, которые автомат проглотил, не выдав взамен банку с газировкой. Теперь и Саксон-Моррису тоже предстоит убедиться в том, что они напрасно нарывались на неприятности!

С утра на улице было тепло, но мартовская погода изменчива, так что он надел тяжелое шерстяное кашне. На всю экскурсию — поездку в

автобусе и чашку чая в автомате — должно было с лихвой хватить двух долларов, и он взял из-под сахарницы пару помятых бумажек. Ну погоди, Саксон-Моррис, ты еще узнаешь, с кем связался!

Увидеться с кем бы то ни было в Саксон-Моррисе без предварительной договоренности оказалось очень трудно. Девчонка с высоко зачесанными ярко-рыжими волосами и многослойной, отливавшей глянцевым блеском косметикой на лице не смогла вспомнить журнал с таким названием. На стене позади ее красного, похожего на запятую стола имелся список всех изданий Саксон-Морриса, но Эймосу было трудно в тусклом свете читать золотые буквы на фоне темно-зеленого мрамора. Уступая его настояниям, она перелистала буклет с фамилиями и номерами телефонов, после чего все-таки неохотно признала, что это действительно один из их журналов.

— Я хочу видеть редактора.

— Которого из редакторов вы хотите видеть?

— Любого редактора, черт бы их всех побрал.

Резкость посетителя, видимо, задела секретаршу, и ее холодные манеры стали совершенно ледяными.

— Могу я спросить, по какому вопросу?

— Это мое дело. Свяжите меня с редактором.

Прошло больше часа, прежде чем она нашла кого-то, кто мог принять незваного посетителя, а может быть, она просто устала оттого, что он сидел рядом с нею и прожигал ее негодующим взглядом. После множества негромких переговоров она наконец положила трубку телефона.

— Прошу вас пройти вот в эту дверь, первый поворот направо, подняться на один пролет по лестнице и отыскать четвертую дверь слева. Кабинет семьсот восемьдесят два. Вас примет мистер Мерсер.

Эймос немедленно заблудился в лабиринте коридоров и серых дверей, но, начав второй обход, он наткнулся на экспедицию, и один из сидевших там скучающих юнцов проводил его к двери с номером 782. Он распахнул ее без стука.

— Вы Мерсер, редактор журнала «На краю могилы»?

— Да, я Мерсер. — За столом, занимавшим половину крошечного, без единого окна, кабинета, сидел полный человек с круглым лицом, украшенным очками с круглыми стеклами. — Но я занимаюсь вопросами распространения, а не содержания. Секретарша из приемной сказала мне, что ваш вопрос связан именно с распространением.

— Да у меня есть вопрос… Какого черта вы прислали мне ваш проклятый журнал, который мне совершенно не нужен?

— Что ж, возможно, я смогу помочь вам… Так о каком издании вы говорили?..

— Это называется «На краю могилы».

— Да, это журнал из моей группы. — Мерсер открыл одну папку, затем другую, и лишь третья оказалась той, которая была нужна. Порывшись в этой последней, он вытащил оттуда лист бумаги. — Боюсь, что я поторопился с заверениями, мистер Кэйбот. Вы входите в список благотворительной подписки, в который мы не имеем права вносить никаких изменений. Я очень сожалею.

— Что значит — сожалею?! Я не хочу получать эту мерзость, и вы должны перестать присылать ее мне!

Мерсер старался держаться дружелюбно и даже выдавил из себя деланую улыбку.

— Постарайтесь подойти к этому разумно, мистер Кэйбот. Это высококачественный журнал, и вы получаете его даром, тогда как стоимость годовой подписки составляет десять долларов! Раз уж вам так повезло и вы попали в число обладателей благотворительной подписки, то жаловаться просто не на что…

— Кто включил меня в эту, с позволения сказать, благотворительность? Я никуда ничего не посылал.

— Но вам вовсе и не нужно было этого делать. Ваше имя, вероятно, оказалось в одном из тех списков, которые мы покупаем у страховых компаний, больниц ветеранов и так далее. «На краю могилы» — это один из наших некоммерческих информационных журналов. Слово «некоммерческий» не означает, что мы несерьезно относимся к этой работе, напротив, эти издания поступают исключительно к избранным подписчикам, а затраты на публикацию возмещаются не за их счет, а за счет рекламодателей. В некотором смысле они оплачивают этот прекрасный журнал, так что, можно сказать, это разновидность социального обеспечения. Молодым матерям, например, — мы покупаем их списки во всех родильных домах — мы предоставляем шестимесячную подписку журнала «Ваш младенец», в котором содержатся поистине прекрасные советы, полезные статьи и, конечно, рекламная информация, которая сама по себе имеет образовательный характер…

— Да, но я-то не молодая мать! Почему вы послали мне вашу пакость?

— Конечно, «На краю могилы» немного отличается от «Вашего младенца», но это тоже полезная публикация. Это статистическое явление, сэр. Каждый день умирает много людей разного возраста, занимающих различное общественное положение, имеющих очень разные биографии, ну и тому подобное. Работники страховых компаний, они называются регистраторами, тщательно собирают все эти данные и составляют множество графиков и таблиц. По утверждениям специалистов, они работают очень скрупулезно. Они довели анализ продолжительности жизни до степени высокого искусства. Они берут конкретного человека, скажем такого, как вы, определенного возраста, с соответствующим состоянием здоровья, учитывают факторы его биографии, состояние окружающей среды и тому подобное и точно, очень точно определяют дату его смерти. Не день и час — хотя я полагаю, что они могли бы сделать и это, если бы захотели, — но для наших целей вполне подходит двухлетний период. Это дает нам возможность планировать тираж и сроки выпуска, достаточные для того, чтобы детально ознакомить подписчика с нашим журналом и услугами, предлагаемыми нашими рекламодателями, что и позволяет подписчику

до момента смерти получить полный объем необходимой информации.

— И вы убеждаете меня, что я должен умереть в течение ближайших двух лет? — хрипло завопил Эймос, вспыхнув от гнева.

— Я не убеждаю вас в этом, сэр, ни в коем случае! — Мерсер отодвинулся к самой стене и стер носовым платком с очков брызги стариковской слюны. — Это работа статистиков. Их компьютер назвал ваше имя и прислал его мне. Они утверждают, что вы умрете в течение двух лет. Мы посылаем вам журнал «На краю могилы» в качестве социального пособия. Это пособие, и ничего больше.

— Я не собираюсь умирать через два года! Нет, только не я! Не Эймос Кэйбот!

— Это целиком и полностью ваше дело, сэр. А я лишь выполняю свои служебные обязанности. Ваша подписка включена в план и будет отменена только после того, как экземпляр журнала возвратится к нам со штампом: «Адресат скончался».

— Я не собираюсь умирать!

— Это, конечно, возможно, хотя я не могу вспомнить ни одного случая подобной ошибки. Но поскольку подписка рассчитана на два года, то

думаю, что по истечении двух лет она закончится автоматически, если, конечно, не случится досрочного прекращения. Да, скорее всего, так оно и будет.

День Эймоса оказался полностью испорчен; он даже не замечал ласкового, теплого яркого солнца. По дороге домой и дома он только и думал о случившемся. Эти мысли не дали ему уснуть. Следующий день оказался ничуть не лучше, и он даже начал задумываться, не было ли это одной из целей, ради которых рассылался этот ужасный журнал. Если смерть была рядом, а они были настолько уверены в этом, — то почему бы ему не перестать упорствовать и не согласиться с ними? Оформить завещание, заказать участок на кладбище, надгробный памятник, заупокойную молитву и испустить дух.

— Нет! Со мной у них этот номер не пройдет! — прорычал он.

Сначала он решил, что дождется следующего номера, напишет на конверте, что адресат скончался и отправит журнал в издательство; это почти наверняка обманет их, и они больше не станут посылать ему свое мерзкое, с позволения сказать, издание. Но потом он вспомнил маленького жирного Мерсера и почти наяву увидел

счастливое выражение, которое появится на его лице, когда он увидит пометку на конверте. Снова прав; смерть, как всегда, состоялась по графику. Старый дурак должен был знать, что ему не удастся обмануть статистику. И действительно, старый дурак! Нет, он им еще покажет! Кэйботы всегда жили подолгу, что бы ни говорили какие-то дурацкие записи, и упрямства им тоже хватало. Его, Эймоса Кэйбота, не удастся так просто прикончить.

После множества обходных маневров ему удалось встретиться с врачом из его старого профсоюза и уговорить его провести полное медицинское обследование.

— Неплохо, совсем неплохо для старичка, — заметил врач, когда Эймос застегивал пуговицы на рубашке.

— Мне всего лишь семьдесят два; это еще не старость!

— Конечно нет, — умиротворяюще согласился врач. — Это всего лишь статистика. Знаете, человек вашего возраста, проживший такую жизнь…

— Я и сам знаю все об этой проклятой статистике, а к вам пришел не для того, чтобы слушать лекции о ней. Что говорят результаты?

— Вам грех жаловаться на физическое состо-

яние, Эймос, — ответил врач, просматривая записи. — Кровяное давление в порядке, хотя есть намеки на анемию. Вы едите мало печени и свежей зелени?

— Терпеть не могу печенку. А зелень слишком дорогая.

— Как хотите. Но помните: еще никому не удалось забрать деньги на тот свет. Тратьте на еду немного больше. И давайте сердцу отдых — избегайте подниматься по лестницам.

— Я живу на третьем этаже; как же мне обойтись без лестницы?

— Это тоже вам решать. Но если вы всерьез хотите позаботиться о своем старом моторчике, то перебирайтесь на первый этаж. И витамин D зимой и…

Врач наговорил много, и, проглотив первый гнев, Эймос задумался над его советами. В полученном им списке рекомендаций говорилось о выборе пищи, о витаминах, о сне, о свежем воздухе и еще о бесконечном количестве всякой чепухи. Но существовала и двухлетняя подписка. Взвесив все за и против, он решил последовать советам врача.

Он сам не понял, почему несколько следующих месяцев промелькнули очень быстро. Он был

все время занят: нашел себе комнату на первом этаже, привыкал к новому меню, обживался на новом месте. Сначала он выбрасывал «На краю могилы», не распечатывая конверт, как только доставал эту мрачную пакость из почтового ящика, но по истечении года осмелел и стал рассматривать журнал. В нем печатались фотографии роскошных мавзолеев, и возле одного, самого богатого, была напечатана красными крупными буквами надпись: «Специально для Вас». Он жирно написал сверху: «Не для меня!!!», вырвал страницу из журнала и прицепил ее на стену. Постепенно у него образовалась целая галерея: изображения важных дружелюбных могильщиков, опиравшихся на лопаты возле разверстых в сырой земле ям, заказные гробы с удобными подушками и все такое прочее. По прошествии восемнадцати месяцев он забавлялся, кидая дротики в портрет основателя компании «Высококачественное пламя. Урны для Вечности», и тщательно помечал прошедшие дни в календаре.

И лишь когда до рокового срока осталось несколько месяцев, он начал волноваться. Он чувствовал себя прекрасно; доктор из профсоюза похвалил его и сказал, что он может служить

прекрасным примером всем остальным, но разве это что-нибудь значило? А что, если статистики правы и его время уже на исходе? Он мог довести себя до смерти одной лишь тревогой, но такая смерть не годилась для Кэйбота! Он встретит угрозу лицом к лицу и победит.

Вот до срока осталось несколько недель, а потом он начал считать дни. Когда до срока доставки осталось пять дней, он заперся в комнате, питаясь деликатесами, которые заказывал с доставкой из ресторана. Это было дорого, но он не собирался идти на риск и стать жертвой какого-нибудь несчастного случая на улице. Когда угодно, но только не теперь. Он получил свои двадцать четыре номера, и его подписка должна была кончиться. На следующее утро ему предстояло все выяснить доподлинно. Той ночью он так и не смог уснуть, и хотя прекрасно знал, насколько важен регулярный сон, но так и пролежал с открытыми глазами до рассвета. После этого он ненадолго задремал, но пробудился сразу же, как только услышал на улице шаги почтальона. Это был день доставки; придет или не придет журнал? Его сердце бешено колотилось, но, надевая халат, он заставил себя двигаться неторопливо. Его комната была самой первой на первом этаже,

прямо рядом со входом, и ему нужно было всего лишь выйти в вестибюль и открыть наружную дверь.

— Доброе утро, — приветствовал он почтальона.

— Угу, — промычал тот. Он уже сбросил на крыльцо тяжелый мешок и рылся в нем.

Эймос сначала закрыл дверь, а затем принялся лихорадочно перебирать поступившую почту.

Ему ничего не было.

Он победил!

Если это был не самый счастливый день в его жизни, то по меньшей мере один из самых счастливых. Потому что его победы над автобусной компанией и над мошенничавшим автоматом в сравнении с этой победой ничего не стоили. Это была выигранная война, а не просто сражение. Он надул их, надул их статистику и статистиков, их бухгалтеров и механические мозги, их клерков с бумагами в папках и редакторов в кабинетах. Он победил! Он выпил пива — впервые за два года, — потом еще, и смеялся, и болтал с пьяницами в баре. Он победил. Он завалился в кровать за полночь и спал, как бревно, пока его не разбудил стук в дверь.

— Мистер Кэйбот, — верещала домохозяйка, —

почта для вас. Принесли почту.

Сначала он почувствовал сильный страх, который, впрочем, довольно быстро исчез. Этого не могло быть. За два года «На краю могилы» не опоздал ни разу, ни на один день. Это наверняка какая-то другая почта, хотя для пенсии время еще не подошло. Он медленно открыл дверь, протянул руку и, увидев большой конверт, чуть не разжал пальцы.

Только потом, положив конверт на кровать и разглядев его, Эймос снова обрел возможность дышать нормально — конверт был не того мерзкого грязно-голубого цвета, в котором присылали «На краю могилы», этот был нежно-розовым. И тем не менее он содержал журнал такого же примерно размера, как и «На краю могилы», толстый журнал с множеством страниц. Он назывался «Старость», и это название было написано черными буквами, выполненными таким образом, что казалось, будто они сделаны из растрескавшейся, покосившейся и готовой вот-вот обвалиться каменной кладки. Под названием шел подзаголовок: «Журнал для тех, кто хочет протянуть подольше» — и фотография дряхлого старика, укутанного в одеяло, сидящего в инвалидном кресле и с идиотским видом потягивающего воду

через изогнутую прозрачную трубочку. А то, что было внутри, оказалось и того хлеще. Реклама кресел с дырой, чтобы можно было подставлять горшок, противогеморройных подушек, костылей, трансформирующихся различным образом кроватей, статьи «Изучайте азбуку Брайля[5], пока еще не лишились зрения», «Счастлив, хотя и прикован к постели» и «Неподвижна в течение двадцати пяти лет». Из журнала выпало письмо, и Эймос просмотрел его, выхватывая то тут, то там обрывки фраз:

«Добро пожаловать в семейство… „Журнал… протянуть…“ обучит вас искусству старения… перед вами много долгих лет… ничем не заполненные годы… какое счастье каждый месяц находить в своем почтовом ящике… говорящие книги для слепых… брайлевские издания для слепых и глухих…»

Когда Эймос Кэйбот поднял голову, его глаза были полны слез. Стояло темное, дождливое и простудное апрельское утро. Окно сотрясалось от ветра. Капли дождя скатывались по стеклу, словно огромные холодные слезинки.

---

[5] Примечания: 5

Азбука Брайля — рельефно-точечный шрифт для письма и чтения слепых, разработан в 1828 г. Луи Брайлем (1809–1852).

Знаменитые первые слова

Перевод А. Гришина

О позднейших работах профессора Эфраима Хакачиника высказаны многие миллионы слов, объединяющихся в полемические атаки, ядовитые потоки и даже выражения злобной ненависти. О нем написаны тысячи и тысячи страниц, в которых его труды и его самого чернят, поливают грязью и подвергают анафеме, и я чувствую, что пришла пора расставить все на свои места. Я также понимаю, что, делая подобные заявления, рискую навлечь на себя гнев многих так называемых авторитетов, но я и так молчал слишком долго. Я должен сообщить миру правду в том виде, в котором узнал ее от своего наставника, потому что только правда, какой бы безумной она ни казалась, может исправить то ложное отношение к личности профессора, которое к настоящему времени сложилось в общественном мнении.

Позвольте мне быть совершенно откровенным: на заре нашего знакомства мне тоже казалось,

что профессор был, если можно так выразиться, эксцентричным даже сверх того, что считалось нормой для болот, которые именуются университетами. По внешнему виду он был чрезвычайно неопрятным человеком; его лица почти не было видно за огромной нечесаной бородой, похожей скорее на метлу. Бороду он отращивал для двоякой цели: ради экономии на бритье и возможности обходиться без галстука. Этот дуализм целеположения был имманентно присущ почти всему, что он делал; я уверен, что проведение углубленных научных занятий одновременно в области гуманитарных и естественных наук является весьма редким, пожалуй, уникальным явлением, и все же он занимал в Мискатоникском университете две профессорские должности: квантовой физики и разговорных индоевропейских языков. Такое разностороннее приложение врожденных талантов, несомненно, способствовало совершенствованию его изобретательности и разработке новых методов, позволявших ученому открывать новые горизонты науки.

Как аспирант, я был очень близок к профессору Хакачинику и присутствовал при том самом мгновении, когда на свет проклюнулся первый зачаток идеи, которая должна была в конечном

счете развиться в прекрасный цветок, стать изумительным открытием и одной из величайших драгоценностей сокровищницы знания человечества. Это произошло солнечным июньским днем, и я должен сознаться, что в тот момент дремал, сидя над скучнейшим (...родил...родил...родил и т. д.) фрагментом одного из свитков Мертвого моря[6], когда по библиотеке, отдаваясь эхом от обшитых деревянными панелями стен, разнесся хриплый крик, от которого я, вздрогнув, проснулся.

— Необи`чан! — снова воскликнул профессор (одним из проявлений его возбужденного состояния было то, что он переходил на сербскохорватский язык) и еще раз повторил: — Необичан!

— Что вас так заинтересовало, профессор? — спросил я.

— Послушайте эту цитату... поистине вдохновенные слова. Это Эдвард Гиббон. Он посетил Рим и вот что написал: «Я сидел, погрузившись в размышления. Босоногие монахи пели вечерню в храме Юпитера... Тогда мне впервые пришла

---

[6] Примечания: 6

Свитки(рукописи)*Мертвого моря* — обнаруженные в пещерах на западном побережье Мертвого моря документы на древнееврейском, арамейском, греческом и др. древних языках. Значительная часть из них является древнейшими записями древнехристианских текстов.

в голову мысль о том, чтобы написать историю увядания и гибели этого города».

Разве это не изумительно, мой мальчик? Просто дух захватывает: вот оно, реальное историческое начало этого великого труда; и я словно присутствую при нем. С этого все началось, а потом последовали двенадцать лет и пятьсот тысяч слов, после которых Гиббон, измученный писчим спазмом, нацарапал «Конец» и выронил перо. «История упадка и разрушения Римской империи» была завершена. Великолепно!

— Великолепно? — переспросил я, все еще не понимая, в чем дело. В моей голове продолжало грохотать перечисление родословия ветхозаветных праотцев.

— Болван! — зарычал он и добавил несколько слов на древневавилонском (из тех, которые можно привести в современном журнале только без перевода). — Неужели у вас нет никакого чувства перспективы? Разве вы не понимаете, что каждое великое событие, происходящее в этой вселенной, должно начинаться с какой-нибудь мелочи, можно сказать, ерунды?

— Это довольно банальное наблюдение, — заметил я.

— Имбецил! — пробормотал он сквозь стисну-

тые зубы. — Вы не понимаете величия концепции! Могущественная секвойя, упирающаяся вершиной в небеса, со стволом столь толстым, что сквозь него проходит туннель, по которому проезжают автомобили, этот голиаф лесов, была некогда свежепроклюнувшимся из земли кустиком с одним-единственным листочком, возле которого даже самая крохотная собачонка не пожелала бы задрать лапку. Неужели эта концепция не кажется вам изумительной?

Чтобы он от меня отстал, я пробормотал что-то невнятное, дескать, вовсе нет, и как только профессор Хакачиник отвернулся, вновь погрузился в дремоту, начисто забыв об этом кратком разговоре на много дней, и вспомнил о нем лишь гораздо позже, когда получил записку, которой профессор вызывал меня к себе домой.

— Посмотрите-ка сюда, — сказал он, указывая на некий прибор с роскошным набором кнопок и верньеров, находившимся в вызывающем противоречии со сделанным из плохо оструганных дощечек корпусом.

— Потрясно! — с энтузиазмом воскликнул я. — Вместе послушаем финальный матч чемпионата мира.

— Stumpfsinnig Schwein![7] — в ярости прорычал он. — Это вовсе не обычный радиоприемник, а мое изобретение, воплощающее принципиально новую научную концепцию, мой темпоральный психогенетический звуковой детектор — для краткости ТПЗ. Используя теоретические предпосылки и технические знания, которые пока что находятся вне пределов ваших рудиментарных мыслительных способностей — так что я не стану делать попыток все это растолковать, — я построил мой ТПЗ для того, чтобы слышать голоса, звучавшие в прошлом, и усиливать их до такой степени, чтобы их можно было записать. Слушайте и восхищайтесь!

Профессор включил устройство, несколько минут поиграл с регуляторами, после чего из громкоговорителя послышались резкие звуки, которые можно было с одинаковым успехом приписать и человеку и животному.

— Что это было? — спросил я.

— Протомандарин конца тринадцатого столетия до нашей эры, — пробормотал он, принявшись снова крутить настройки, — но это всего лишь праздная болтовня насчет урожая

---

[7] Примечания: 7
Тупоумная свинья*(нем.)*.

риса, южных варваров и так далее. В этом заключается основная трудность: мне приходится выслушивать немыслимое количество подобной дребедени, прежде чем я случайно натыкаюсь на подлинное известие о *началеи* получаю возможность записать эти слова. Мне пока что удалось лишь это — и все же бесспорный, колоссальный успех! — Он с силой хлопнул ладонью по пухлой стопке коряво исписанных листов, возвышавшейся на столе. — Да, это мои первые успехи. Они еще фрагментарны, но убедительно показывают, что я нахожусь на верном пути. Я проследил множество важных событий вплоть до их зарождения и сделал записи тех самых слов, которые инициаторы событий произнесли точно в момент начала. Конечно, переводы достаточно грубые и в весьма разговорном стиле, но все это может быть исправлено позднее. Положено начало моему изучению начал.

Увы, тогда я покинул общество профессора — мне очень хотелось послушать трансляцию с футбольного матча, — и должен с величайшим сожалением признать, что это был последний раз, когда я, и вообще кто-либо, видел его живым. Листы бумаги, о которых он говорил с таким восторгом, были восприняты научным сообще-

ством как бред больного сознания, их истинного значения никто не понял, и они были отвергнуты и забыты. Мне удалось сохранить некоторые из них, и теперь я представляю их публике, которая сможет вынести верное суждение об их реальной значимости. Несмотря на свою фрагментарность, они проливают яркий свет знания на многие исторические эпизоды, которые доселе скрывались в густом мраке веков.

«…Пусть даже это дворец, но это все же мой дом, и он слишком мал для нас с моей новой мачехой: она настоящий суккуб. Я рассчитывал продолжить мои занятия философией, но здесь это невозможно. Пожалуй, я лучше поведу армию к границе; похоже, что там можно ждать неприятностей…»

Александр Македонский, 336 г. до н. э.

«Жара ет-та не то слово. Уся ВИРДЖИНИЯ ефтим летом точь-в-точь духовка. Коды появилась Возможность заработать малешко, мелочишки: а всего-то надыть пробежаться по Холмам да позыркать, чего тама есть, я ухватился за ет-та, покудова М. Ф. не дал попятного. Так я и встретил… сегодня (забыл, как его звать, завтра надыть спросить) в Таверне. Мы вместе лакали Эль и сильно жалились на Жару. Ну а там, одна

за одной, как оно завсехда быват, мы хлебнули ишшо Эля, и тута ён мне Доверился. Он, дескать, член тайного общества, которое называется, ну тута я заклад не поставлю, потому как в Памяти один туман, Сыновья Свободы, али ишшо чего навроде…»

Джордж Вашингтон, 1765 г.

«Франция утратила свое величие, когда лишила честного изобретателя права получить вознаграждение за свой напряженный, утомительный труд. Я на много месяцев забросил свою медицинскую практику, совершенствуя мой Ручной резак для колбас. Я должен был заработать целое состояние, продавая настольные модели всем мясникам Франции. Но ничего подобного! Конвент использует большую модель, не выплачивая мне ни единого су, а мясники, естественно, теперь отказываются приобретать…»

Ж.-И. Гильотен, д-р медицины, 1791 г.

«Голова у меня болит, будто я маюсь от лихорадки, и если мне когда-нибудь удастся найти этого склизкопалого дерьмового сына злокозненной лахудры, который уронил на Феттер-лайн свой ночной сосуд, я высеку его так, что он дойдет до последнего дюйма своей пакостной жизни, а может быть, и немного подальше. С первого же

момента моего прибытия в Лондон я осознал, насколько внимательно и осторожно следует передвигаться по этому городу, чтобы уклониться от содержимого множества сосудов, изливаемого на улицы, но в первый раз мне довелось встретиться с потребностью избавиться от самого вместилища. Если бы я двигался лишь чуть быстрее, этот движущийся предмет посуды продолжил бы свою траекторию. Ужасно болит голова! Как только мне станет получше, нужно будет подумать об этом: у меня возникла отчетливая тень идеи…»

Сэр Исаак Ньютон, 1682 г.

«Л. боится, что Ф. знает! Если это так, возможно, мне конец. Не будь я настолько обольстительно привлекателен, то оказался бы в чьей-нибудь еще постели, но она привела меня в свою. Она говорит, что может продать кое-что из своих драгоценностей и купить те три корабля, которые недавно ей так понравились. Проклятые Острова пряностей — это самое последнее из всех мест, куда бы мне хотелось отправиться сейчас, в разгар мадридского сезона. Но Ф. король, и если он действительно узнает!..»

(Приписывается Христофору Колумбу из Генуи, 1492 г., хотя атрибутика точно не установлена.)

«Какой я молодец, что купил маленькому Пье-

ру детский конструктор. Как только он уснет, я утащу у него смешную башенку, которую он построил вечером. Я знаю, что Выставочный комитет не примет ничего подобного, но все же это заставит их заткнуться на некоторое время».

Александр Густав Эйфель, 1888 г.

«О, горе Китаю! Этот год вновь оказался неурожайным, и дела в Поднебесной идут все хуже. Миллионы не имеют никакого дела, чтобы заработать на жизнь. Единственный план, который кажется в целом осуществимым, — строительный проект, который Во Пин А так горячо проталкивает. Он говорит, что это резко подтолкнет экономику и сразу же снова введет в обращение наличные деньги. Но до чего же сумасбродная затея! Выстроить стену в сто пятьдесят десятков миль длиной! Он хочет использовать свои собственные инициалы и назвать стройку проектом ВПА, но я собираюсь сказать о ней кое-что другое и сообщить людям, что она должна остановить грозящих с севера варваров, поскольку всегда можно продать акции оборонного предприятия, если, конечно, предварительно как следует напугать народ».

Император Цинь Шихуанди, 252 г. до н. э.

«Сегодня полная луна — ну прям как пленная

царевна, — так что будет достаточно светло, чтобы разыскать этот балкон. Мне очень не по себе из-за того, что я разгуливаю под боком у этой ненормальной семейки, но Мария самая милая лапочка во всем городе! Она уговорила свою сестренку Джульетту — тоже обещает вырасти в настоящее чудо! — проследить, чтобы окно было открыто».

Ромео Монтекки, 1562 г.

(Выписка из судового журнала.) «Сегодня высадились на берег — на скалистый обрыв. Какое искусство навигации! Направлялись в Виргинию, а причалили в Массачусетсе! Если я когда-нибудь изловлю того поганца-квакера, который украл компас!!!»

Бриг «Мэйфлауэр», 1620 г.

Сохранилось еще немало записей, но и этих образцов достаточно для того, чтобы доказать: профессор Хакачиник был гением, далеко опередившим свое время; человеком, перед которым ученые, подвизающиеся в области истории, находятся в неоплатном долгу.

Поскольку относительно смерти профессора ходило множество слухов, я хочу продолжить свой отчет и сообщить всю правду до конца. Именно я обнаружил тело профессора, так что

я знаю, о чем говорю. Разговоры о том, что этот замечательный человек покончил жизнь самоубийством, являются ложью, наглым и грубым искажением действительного положения вещей. На самом деле он был глубоко влюблен в жизнь, которой лишился в наивысшей точке своего поприща; я уверен, что он видел впереди долгие годы плодотворного труда. И при этом он не погиб от электрического разряда, хотя аппарат, названный им ТПЗ, находившийся рядом, весь деформировался и оплавился, словно через него прошел электрический разряд невероятной мощи. В официальных документах в качестве причины смерти указывается остановка сердца, и из-за отсутствия более подходящего выражения это выражение так и будет фигурировать в документации. Со стороны мне даже в первый момент показалось, что профессор находится в полном здравии, у него был прекрасный цвет лица, но при этом он был окончательно и бесповоротно мертв. Так как его сердце больше не билось, в документах можно было с чистой совестью указать причиной смерти остановку сердца.

В заключение позволю себе заявить, что, когда я обнаружил профессора, он сидел за своим столом, подавшись всем телом в сторону громкогово-

рителя. В пальцах была зажата авторучка. Под рукой лежал блокнот с неоконченной записью на странице, из чего следует, что он в самый момент смерти вел запись. Я не делаю никаких заключений по этому поводу, а всего лишь привожу этот текст в качестве констатации факта.

Запись сделана на старонорвежском, но для удобства отдельных читателей, плохо знакомых с этим интересным языком, я перевел ее на современный английский:

«…Собрание будет проведено согласно повестке дня, так что, если вы не уберете прочь эти рога с медом, здесь будет несколько разбитых черепов. Тут я не шучу. Теперь к повестке дня. Поступили сообщения о том, что на Иггдрасиле завелись гусеницы-листовертки, а также отмерло несколько веток, но к этому мы вернемся позже. Из более срочных дел: трещины в цементном основании моста Биврест. Я хочу… впрочем, минуточку. Это закрытое собрание, и тем не менее кто-то нас подслушивает. Тор[8], позаботься, пожалуйста, о любопытном…»

---

[8] Примечания: 8

В скандинавской мифологии*Иггдрасиль* — мировое древо, гигантский ясень, являющийся структурной основой мира;*Бивре́ст*(«трясущаяся дорога») — радуга-мост, соединяющий небо и землю. Падение Бивреста совпадет с концом света;*Тор* — бог молнии, грома, а также плодородия.

Изгой

Перевод Г. Корчагина

— Похоже, тут какие-то беспорядки, — произнес капитан Кортар, глядя с мостика через толстое стекло панорамного иллюминатора на лежащий тысячью футами ниже космопорт.

Там, за его оградой, уменьшенные перспективным сокращением до муравьиных размеров, вокруг только что приземлившегося вертолета во множестве суетились люди. Не сделав ни одного лишнего движения, старший помощник Дейксем сфокусировал электронный телескоп и подал изображение на экран главной консоли.

— Буйная толпа, сэр, но небольшая, и ее сдерживает полиция. Из вертолета высадился человек, в него бросают все подряд… Попали, сэр!

Теперь оба напряженно смотрели на экран. Ушибленный незнакомец прижал ладонь к виску, повалился на колени и в следующий миг исчез за стеной зеленых мундиров. Сгруппировавшиеся вокруг полицейские быстро препроводили его в здание управления космопортом; вслед

летели камни и иные мелкие предметы. Но как только объект нападения скрылся из виду, толпа подуспокоилась и даже начала рассеиваться.

— Мне эта планета никогда не нравилась, — отвернулся от экрана капитан. — Население тут больно уж вспыльчивое и склонное к насилию. Как только все наши пассажиры окажутся на борту, взлетим. Долго еще?

— Несколько минут, сэр. Стюард доложил, что последние пассажиры уже проходят таможню.

— Отлично. Закрыть все люки, кроме пассажирского, и по моей команде начать стартовую процедуру.

— Разрешите покинуть мостик, сэр.

— Разрешаю.

Спустившись в осевом лифте до пассажирской палубы, Дейксем прошел к центральному шлюзу, где увидел пожилого стюарда и матроса.

— Порядок, Дейксем. — Стюард протянул список пассажиров. — Все, кроме одного, на борту, и в этом рейсе у нас только две пустые каюты. На одних напитках хорошо заработаем — тут собралась толпа алкашей.

— Давай проверим посадочные талоны. Капитан хочет взлететь пораньше.

С этой задачей справились быстро. Недоставало

единственного талона — пассажир запаздывал.

— Ориго Лим, — вслух прочитал имя и фамилию в списке старпом.

— Я здесь, — глухо прозвучало за его спиной.

Эскалатор доставил в воздушный шлюз последнего пассажира.

— Приветствуем вас на борту «Венгадора», — заговорил, оборачиваясь, старпом. — Будьте любезны, предъявите посадочный талон, и матрос препроводит вас в вашу каюту…

Он замялся, взглянув на вновь прибывшего — массивного, солидного, неброско одетого, лысеющего спереди, очень коротко стриженного, не молодого и не старого, загорелого и веснушчатого, со свежей косой повязкой на голове.

— Господин Лим, прошу вас немного подождать. — Из голоса старпома мигом улетучилось радушие; он включил внутреннюю связь и доложил: — Капитан, последний пассажир на борту.

— Отлично. Задраить люки.

— Секундочку, сэр. Пассажир… тот самый человек, которого мы видели несколько минут назад. Это в него толпа швыряла камни.

Весьма не скоро капитан заговорил снова:

— У него гражданство этой планеты?

Дейксем глянул на посадочный талон, который

все еще держал в руке:

— Да, сэр. Он коренной деламондиец.

— А у нас есть другие деламондийцы на борту?

Дейксем взглянул на стюарда, тот отрицательно покачал головой:

— Ни одного, сэр.

— Хорошо. Этот пассажир слышит меня?

— Слышит, сэр.

— Тогда вот что я скажу. Пассажир, меня совершенно не интересуют ваши дела. Вы легально приобрели билет, и, будь вы преступником, полиция не позволила бы вам улететь. Если бы на «Венгадоре» находились другие деламондийцы, я бы не пустил вас на борт, потому что мне в полете неприятности не нужны. Так что добро пожаловать. Но предупреждаю: вздумаете доставить нам хлопоты, запру в кабине до конца рейса. Проблемы этой планеты не станут проблемами моего корабля, вам ясно?

Пока капитан говорил, Дейксем следил за пассажиром, а рука, будто по собственной воле, ползла к пистолету на бедре. Ориго Лим не шевелился, губы были плотно сжаты, но глаза! Они сузились, пряча огонь ярости, — огонь, который угрожал объять этого человека целиком. Вот глаза закрылись совсем, а когда открылись, гнева в них уже

не было. Лим чуть опустил плечи и заговорил бесстрастным голосом:

— Да, капитан, я все понимаю. Нельзя ли мне пройти в мою каюту?

Внутренняя связь умолкла, Дейксем коротко кивнул. Стюард еще раз проверил список пассажиров, а матрос наклонился за дешевым металлическим чемоданом — другого багажа у Лима не было.

— Прошу следовать за мной, — сказал матрос.

— Будут неприятности, — вздохнул стюард. — Я их всегда заранее чую. А от этого парня неприятностями просто разит.

— Не сходил бы ты с ума на старости лет, — буркнул Дейксем, у которого тоже возникло нехорошее предчувствие.

Хмыкнув, стюард повернулся запереть воздушный шлюз.

Первый инцидент не заставил себя ждать. Сразу после проскока в гиперпространство по традиции пассажиры собирались в кают-компании, пили за успешный полет и знакомились друг с другом. Во время взлета и подготовки к прыжку они лежали пристегнутые к койкам, под мягким наркозом, снижающим воздействие перегрузок и нулевой гравитации. Теперь же,

приведя внутренности в порядок, они были не прочь расслабиться.

Стюард приготовил свой коронный пунш «Процион», безвредный коктейль из фруктовых соков со щедрой примесью этилового спирта, — это чтобы раскочегарить вечеринку. Как только предназначенный для отдыха отсек заполнился публикой, старик вынес чашу с напитком и запеченные в небольшой духовке канапе. Других членов экипажа в кают-компании не было — нижним чинам запрещалось якшаться с пассажирами, а офицеры познакомятся с ними за ужином.

Собралась довольно живописная толпа. Большинство щеголяли наимоднейшими бархатными нарядами с цветными прошвами; дерзкие дамы предпочитали прозрачные ткани и глубокие вырезы; многие носили панталоны катердаммских фасонов.

— Можно мне бренди со льдом, и побольше?

Стюард задвинул в духовку противень с замороженными канапе, закрыл крышку и обернулся с профессиональной улыбкой:

— Сэр, почему бы вам не попробовать пунш? Капитан угощает…

— Мне не хочется пунша. Я бы предпочел двой-

ной бренди.

Лим говорил ровным тоном и сохранял бесстрастное выражение лица, стюард же прятал тревогу за дружелюбием. Он хотел возразить, но передумал.

— Да, сэр, конечно. На «Венгадоре» пассажир — король.

Стюард спохватился, что привычные слова звучат глупо, будучи адресованы столь необычному пассажиру, и, пряча смущение, повернулся к бутылке бренди.

Лим не успел донести напиток до рта, когда над ровным гулом праздной болтовни взвился истошный женский вопль. Выронив стакан, «проблемный» пассажир резко повернулся и замер в напряженной позе — он высматривал в толпе кричавшую. Ее повторный визг нарушил растерянную тишину: вот она, у сервировочного столика, в одной руке забытый столовый нож, а взор устремлен на другую, с пальцев которой стекает кровь. Должно быть, неудачно попыталась срезать корку с пережаренного мяса. Лим стремительно пересек кают-компанию и схватил женщину за запястье.

— Рана поверхностная, — заявил он, и кровотечение сразу прекратилось — палец безошибочно

нашел и пережал артерию.

Слова Лима не возымели ни малейшего действия — женщина завизжала еще пуще. Тогда он свободной рукой дал ей звонкую пощечину, и крик моментально оборвался.

— Эй, вы, — Лим вырвал у пострадавшей нож и, как указку, наставил его на ближайшего мужчину, — принесите аптечку первой помощи.

— Не могу, — залепетал тот, — не знаю, где она…

— Не валяйте дурака! — рявкнул Лим. — Над каждой койкой висит схема корабля, аптечки на ней отмечены. Ближайшая вон там, в гальюне, рядом с умывальником. Кто-нибудь мне поможет усадить эту женщину в кресло?

Пострадавшая была бледна, лишь пламенел на щеке отпечаток ладони. Она послушно села. Толпа ожила, громче зазвучали голоса, две женщины поспешили на помощь, но Лим отогнал их взмахом руки:

— Прошу минуту подождать.

Прибежал с аптечкой джентльмен в пурпурном смокинге, Лим достал тюбик. Он сноровисто покрыл рану на всей ее протяженности антисептической мазью и сверху налепил лейкопластырь:

— Это на первое время, и советую поскорее

навестить корабельного врача.

Лим вернулся в бар, отмахнувшись от человека в пурпурном, который пытался его поблагодарить. Женщины кольцом обступили пострадавшую, а та таращилась на пластырь — она все еще пребывала в шоке.

Тем временем стюард успел приготовить для Лима новую порцию бренди взамен оброненной.

— Хорошая работа, сэр, уж простите, что высказываю свое мнение. Позвольте от лица экипажа поблагодарить вас.

Без единого слова Ориго Лим осушил стакан, повернулся и вышел из кают-компании.

— Какие мы необщительные, — пробормотал разочарованный стюард.

За обедом случилось второе происшествие. Большинство пассажиров, а точнее двадцать три, устроили банкет в честь своей покровительницы и компаньонки, великой герцогини Мареску-лы с планеты Катердамм, где им и предстояло высадиться. Чтобы высокородным господам смогли составить общество офицеры экипажа, пришлось почти все столы выстроить буквой «П». Отдельно расположились молодожены, их свадебное путешествие началось с планеты Гроссолан, к которой и был приписан корабль, и они

предпочитали подкрепляться в относительном уединении. У противоположной стены, тоже за отдельным столиком, сидел Ориго Лим. Шумная компания веселилась на всю катушку, но чья-нибудь голова нет-нет да и поворачивалась к нелюдимому пассажиру.

— Мы должны поблагодарить этого джентльмена за оказанную Клеле помощь, как вы считаете, капитан? Что, если предложим ему выпить с нами? — Великая герцогиня тоже смотрела на Лима и моргала близорукими глазами, что казались изюминками на круглом, словно каравай, лице.

В ответ капитан Кортар лишь невразумительно хмыкнул. Ему, конечно же, доложили о происшествии с госпожой Клелой, и он бы предпочел, чтобы герцогиня оставила свою затею. Но как этого добиться, не пускаясь в нежелательные объяснения?

— Ну конечно же, капитан, вы не будете против, ведь это просто долг вежливости. Дамин-Хест, — качнула она высоченной, как башня, седой с прозеленью прической в сторону сидевшего напротив худого мужчины в пурпурном смокинге.

Тот увлеченно беседовал с приятелем, но, услышав свое имя, мигом вскочил на ноги:

— Что угодно великой герцогине?

Выслушав распоряжение, он слегка поклонился и отошел. Ориго Лим заметил его приближение, но не оторвался от тарелки с супом.

— Прошу извинить меня за вмешательство. Я Дамин-Хест, шеф протокола у великой герцогини Марескулы Катердаммской. Это ее двоюродную сестру вы столь великодушно спасли сегодня. Великой герцогине угодно…

— Секундочку! — воздел Лим руку, заставляя придворного умолкнуть. — Прежде чем кого-то приглашать в столь блистательное общество, не будет ли благоразумным узнать его имя?

— О да, само собой. Я не хотел показаться невежливым…

— Меня зовут Ориго Лим.

Дамин-Хест раскрыл рот, но не произнес ни звука. У него глаза полезли на лоб, и он невольно отступил на шаг.

— Ну вот, я так и думал. — Впервые Лим улыбнулся, но это была холодная и совсем невеселая улыбка. — Я вас не задерживаю.

Шеф протокола с трудом оправился от потрясения и прежде, чем резко повернуться и направиться к пирующим, вынул из рукава платочек и вытер лицо. Выслушав его взволнованный шепот, великая герцогиня слегка пожала плечами

и углубилась в беседу с капитаном Кортаром. Прочие участники банкета не заметили инцидента, и светская болтовня продолжалась как ни в чем не бывало. Лим же доедал суп в молчании, ни на кого не глядя, с мрачно-сосредоточенным выражением на лице.

Кортара все это сильно встревожило, и он не удивился, когда после банкета к нему приблизился шеф протокола:

— Не могли бы мы, капитан, поговорить об очень важном деле?

— Конечно. И что же это за дело?

— Не здесь, пожалуйста. Все должно остаться между нами. — Взгляд Дамин-Хеста метался по кают-компании угодившей в западню птахой. — Это займет лишь несколько минут.

Просьба не понравилась капитану, но отказать он не мог:

— Ладно, через час у меня. — Кортар повернулся к столу и взял стакан.

По истечении часа он извинился перед офицерами на мостике и удалился в свою каюту. Кортар сидел за столом, когда вошел Дамин-Хест.

— И что же вы хотите мне сказать? — на этот раз без малейшей светской любезности произнес капитан.

— Вам известно, кто этот человек? Я о том, который держится особняком.

— Само собой, ведь у меня список пассажиров. А почему вы спрашиваете?

— Ну конечно список пассажиров! Как же это я забыл про него… Капитан, а когда вы его вывесите? Правда, я сам не уверен, что это разумно… Во всяком случае, теперь…

— О черт! Сэр, с чего это вдруг вам вздумалось распоряжаться на моем корабле?

Капитан лишь изображал возмущение, а на самом деле ему было неловко — список надлежало вывесить гораздо раньше.

— Чем же вас обеспокоил этот джентльмен?

— Вам, наверное, неизвестна его история, ведь он может путешествовать под чужим именем. Его зовут Лим…

— Да знаю я! Ориго Лим.

— Мясник Лим! — Эти слова придворный разве что не прорычал.

— Извольте объяснить, что вы под этим подразумеваете.

Шеф протокола Дамин-Хест подобрался, напустил на себя надменный вид:

— Капитан, я не намерен обсуждать подробно биографию Ориго Лима, да и нет у меня полно-

мочий для такой беседы. Я всего лишь прошу вас позаботиться о том, чтобы он не принимал пищу вместе с нами и не пользовался теми же помещениями, которые вынуждены посещать мы. Великая герцогиня не знает, что за человек летит с ней одним рейсом, и, надеюсь, не узнает. Но если выяснится, кто в кают-компании сидит за соседним столом… Вряд ли нужно объяснять вам, как ее недовольство может отразиться на коммерческих отношениях вашей планеты с Катердаммом. Я никоим образом не угрожаю, капитан, речь идет о самоочевидном факте. В случае чего плохо будет нам обоим. И очень плохо!

Кортар удержался от гневной отповеди. Этот болван — не причина проблемы, а лишь переговорное устройство. Да и угрозы его серьезны. Надо сейчас же разобраться во всем досконально.

— Прошу вас вернуться в кают-компанию; о принятых мерах я сообщу. «Венгадор» — респектабельный корабль, и беспорядки любого рода нам тут совершенно ни к чему.

— Спасибо, капитан. Буду ждать вестей.

За шефом протокола затворилась дверь, и Кортар со всей силы грохнул по столу кулаком.

Ответить на возникшие вопросы мог только один человек.

— Лим, — зло пробормотал Кортар и нажал кнопку коммуникатора. — Ориго Лим… Мясник Лим…

— Сэр?

— Дейксем, мне нужно побеседовать с пассажиром по фамилии Лим. Здесь, в моей каюте, сейчас же. Не вызывайте его, приведите лично. На мостике за вас остается Фоссейс.

— Слушаюсь, сэр.

К тому моменту, как раздался стук в дверь, капитан успел привести нервы в порядок. Он подождал, пока Дейксем не выйдет из каюты и не закроет за собой дверь, и лишь после этого заговорил.

— Вы кто? — спросил Кортар, услышав щелчок замка.

— Капитан, мы вроде уже это обсуждали. Меня зовут Ориго Лим.

— Да, вас так зовут. А теперь рассказывайте, почему в космопорту возник бунт и вас забросали камнями местные жители.

— Наверное, я им не понравился.

— Лим, давайте без этих игр!

Теперь стояли оба, перебрасывались через стол убийственными взглядами; в гневе эти двое были очень похожи.

— Я хочу знать, почему вас прозвали Мясником.

— Вижу, вы пообщались с тем пурпурным щеголем. Он напрашивается на неприятности.

— Да, мне про вас сказал Дамин-Хест, но неприятности не нужны ни ему, ни мне. Напротив, мы стараемся их избежать. И прежде чем принимать какие-либо решения, я должен узнать, почему вас так боятся остальные пассажиры.

Лим помолчал, с холодной улыбкой глядя на собеседника.

— Так что же вы натворили, а? Должно быть, имелись смягчающие обстоятельства, иначе бы вас казнили, а не посадили на мой борт. Если расскажете обо всем без утайки, я смогу принять логичное решение и успокоить этих перепуганных катердаммских глупцов.

Лим нащупал у себя за спиной стул и уселся. Сейчас он держался уже не так напряженно, словно дал некоему внутреннему стражу команду «вольно».

— Капитан, вы тоже присядьте. Если я доставил какие-то неудобства, прошу меня извинить. Я не сразу понял, что идет откровенный разговор, — для меня такое в диковинку. А история моя совсем простая.

— Выпьете со мной? — продемонстрировал капитан готовность к перемирию, достав из шкафчика бутылку бесцветной жидкости и стопки.

Первую каждый осушил одним глотком, а вторую пришедший в почти безмятежное состояние духа Лим поднял к свету:

— Этиловый спирт и дистиллированная вода. Со студенческой поры такого не пробовал.

— Космический напиток «Ракетное топливо». Откуда взялось название, я понятия не имею.

— В больницах он известен как бальзамирующая жидкость.

— Стало быть, вы врач?

— Доктор медицинских наук… но это в прошлом. — Мигом вернулась нервозность, сидящий Лим выпрямил спину. — Я не очень люблю эту историю, так что прошу простить за краткость изложения. Начну с того факта, что на Деламонде встречается редкое для освоенного космоса заболевание — бронхогенная карцинома. Это весьма и весьма неприятная форма рака легких. Кроме нее, там нет ничего интересного — не считать же таковым тяжелую металлургию и узколобое население с крайне тяжелым характером. Логично предположить, что причиной болезни являются

изобилующие канцерогенами промышленные отходы. В этом направлении главным образом и шли научные исследования. На какие только ухищрения мы не пускались, чтобы добиться от металлургических магнатов установки фильтров на фабричные трубы и выделения жалких сумм для наших лабораторий!

Судьба сыграла со мной злую шутку. Я лечил обычного пациента от обычной аллергии и в какой-то момент заподозрил, что она служит связующим звеном между пыльцой одного местного растения и растущей заболеваемостью бронхогенной карциномой. Проведя необходимые эксперименты на лабораторных животных и получив убедительную статистику, я ее опубликовал, и научное сообщество приняло мои выводы с энтузиазмом. Металлургические магнаты, желая доказать свою непричастность, оказали мне самую широкую поддержку. Они нажали на нужные рычаги, и я получил возможность проверять свои версии на добровольцах в тюремной больнице. Все они были осужденными; им обещали помилование, если переживут мои эксперименты. Я надеялся, что научусь вызывать рак с помощью полученного мною экстракта пыльцы и на ранней стадии болезни справляться

с ней хирургическим путем. Никто, кроме меня, не пытался лечить больных легочным раком, властей предержащих их судьба не интересовала.

Лим умолк. Он видел перед собой не капитана, а сцены из далекого прошлого, — сцены, которые невозможно забыть. Кортар наполнил стакан собеседника, тот благодарно кивнул и с удовольствием выпил.

— Вот, собственно, и весь рассказ, капитан. Осталась только концовка. Перед вами единственный человек, которому удалось сделать рак заразной болезнью. Ядовитый экстракт не просто оправдал, а превзошел мои ожидания. Пациент не только получал излечимую карциному особовирулентного типа, но и при кашле распространял раковые клетки по больнице и даже по всей тюрьме. Капитан, на моей совести двести три смерти, а это тяжелая ноша, и она беспокоит меня куда сильнее, чем тюремный срок, порка и даже всеобщая ненависть. Я и правда мясник, и то, что меня лишили врачебной лицензии, — единственный разумный поступок властей.

— Вас не могли привлечь к судебной ответственности.

— Но все же привлекли. Гибель заключенных никто не поставил бы мне в упрек, — наоборот,

похвалили бы за экономию государственных средств, но среди жертв оказались начальник тюрьмы и семнадцать надзирателей.

— Политические назначенцы, я угадал?

— Капитан, вы и впрямь бывалый путешественник. Да, все они принадлежали к партии власти. Пресса вынесла мне приговор авансом — это был настоящий триумф желтой журналистики. В итоге вашего покорного слугу приговорили к пожизненному заключению с ежемесячной экзекуцией в виде десяти ударов плетью. Я не испытывал нужды в друзьях и деньгах; друзья помогли освободиться через семь лет, а деньги, потраченные без остатка, — добраться под защитой полиции до вашего корабля и улететь. Не самая приятная история, и мне жаль, капитан Кортар, что в нее оказались вовлечены вы.

— После всей этой истерии я ожидал услышать рассказ куда похуже. Налейте-ка себе, а я гляну, не завалялась ли парочка сигар в табачной шкатулке.

Взятую для поиска сигар паузу капитан потратил на раздумья о том, как быть дальше. Держать доктора взаперти, носить еду ему в каюту? Будь на месте Кортара кто-нибудь послабее духом, он бы дал себя убедить, что это и впрямь оптимальное

решение проблемы. Лим просидел за решеткой семь лет, ежемесячно подвергаясь порке… Нет, «Венгадор» не станет для него новой тюрьмой.

— Надеюсь, вы мне поможете найти выход, — сказал он, когда сигары были раскурены. — Шеф протокола счел за благо не раскрывать вашу личность, но, чтобы гарантировать его молчание, вам надо держаться от катердаммцев подальше. Бедняга в ужасе от мысли, что его обожаемая герцогиня будет питаться в одной кают-компании с вами.

— Как насчет того, чтобы доставлять еду мне в каюту? Охотно предпочел бы такой вариант: толпа меня с некоторых пор нервирует.

— Это многое упростило бы, но мне не хочется держать вас взаперти. Проблема, собственно, заключается только в вашем посещении кают-компании в течение бортового дня.

— А здесь только одна кают-компания? Я и сам не испытываю ни малейшего желания общаться с этими господами.

— Еще есть офицерский салон. Туда добро пожаловать.

— Я не хочу мешать…

— Это никакая не помеха, а благополучное решение проблемы, чреватой для корабля боль-

шими неприятностями.

Вот так, без малейших затруднений, все и уладилось. Затем капитан Кортар, исходя из лучших побуждений, нарушил гозгийский кодекс чести и вывесил список пассажиров с ложным именем вместо Ориго Лима. Настоящий список был вложен в корабельный журнал, и капитан знал, что не будет спать спокойно, пока не уничтожит фальшивку. Затем он собрал тех членов экипажа, которые знали настоящее имя деламондийца, и объяснил, какие меры приняты в целях обеспечения безопасности полета; нарушение космической этики целиком ложится на совесть капитана. Поскольку все присутствующие были родом с Гозги, они не обсуждали решение начальства и не требовали объяснений. Лим, путешествующий под именем Элвис, получит радушный прием в офицерском салоне.

— Проходи и располагайся, — сказал ему младший из находившихся в салоне, второй помощник Фоссейс. — Возьми баночку пива. Мы тут варимся в собственном соку, нового собеседника заждались почти как пустыня дождя. Я Фоссейс. Вон того пузана с глупой рожей зовут Джэнти, он у нас бортмеханик, руки бы неумехе оторвать. Дылда с мрачной лошадиной физиономией —

Дейксем, по должности он старший помощник, а по призванию горький пьяница. Эй, ты что задумал? Не смей!

Последнюю фразу Фоссейс прокричал, пытаясь уклониться, но Джэнти оказался ловчее. Он ткнул во второго помощника конденсатором с отходящими от клемм проводками. Тонкие оголенные концы пронзили брюки на ягодице, раздался треск, и Фоссейс взвыл от боли. Забыв о своей незавидной судьбе, Лим вместе с офицерами «Венгадора» хохотал до слез.

— Реветь как осел ты умеешь, но, спорим, дротики бросаешь куда хуже, — потирая зад и осуждающе глядя на Лима, проговорил Фоссейс.

В дартс Лим не играл никогда, но правила оказались до крайности просты, а искусная рука хирурга быстро научилась рассчитывать полет стрелки. После одного тренировочного раунда они открыли еще по банке. Джэнти уселся на диван и тут же подскочил чуть ли не до потолка, расплескав пиво по всему салону, — под обивкой прятался один из его самодельных шокеров.

А потом началась серьезнейшая игра под названием дартс. Пока другие бросали дротики, Лим кое-что понял насчет кодекса поведения гозгийских экипажей. На вахте эти люди холодны

как зимний лед, деловиты и невосприимчивы к шуткам, из кожи вон вылезут, чтобы безупречно выполнить свою работу. А в свободное время они столь же самозабвенно расслабляются, забывают любые различия в чинах и изощряются друг перед другом в розыгрышах. Конденсаторов с проводами в салоне было много, и они без дела не простаивали.

Лим быстро набирал сноровку, но он, конечно, не удивился, когда по окончании партии у него оказался самый худший результат. Пока офицеры убирали дротики и доску, он поднес к губам последнюю банку — и тут словно раскаленный кинжал вонзился ему в спину. На рубашку выплеснулось пиво; он круто развернулся, вскинул руки, чтобы схватить, заломать нападавшего, выпучил глаза, оскалил зубы…

Перед ним с конденсатором в руке стоял молодой Фоссейс. С физиономии второго помощника медленно сходила озорная улыбка.

— Проигравший всегда получает… — пролепетал он и осекся — гримаса боли и гнева на лице Лима ошеломила его.

Конденсатор выпал из руки. Затем Фоссейс подтянулся — сейчас перед Лимом стоял сухой и холодный гозгийский служака. В салоне воцари-

лась мертвая тишина.

Все это Лим увидел и почувствовал — и моментально осознал, что здесь его приняли как равного, а значит, и розыгрышам он должен подвергаться наравне со всеми. Откуда этим парням знать, что с последней порки не прошло и трех дней, что у него не зажили раны?

Стоило огромного труда подавить гнев, и можно было лишь надеяться, что ответный смех Лима не звучит в чужих ушах так же глухо и искусственно, как в его собственных. Он протянул Фоссейсу правую руку:

— Я не знал, что проигравшего ждет удар током, но мне следовало это предвидеть. Без обид, ладно? Просто ты меня застиг врасплох. Давай пожмем друг другу руки и забудем об этом.

Его слова лишь наполовину успокоили Фоссейса. Второй помощник осторожно подал руку. Лим взял ее, энергично тряхнул; при этом его вторая кисть метнулась к локтю офицера. Пальцы мигом нашли и сдавили локтевой нерв там, где он проходит через мыщелок плечевой кости. Фоссейс с воплем отпрянул, его рука повисла плетью.

— Но я считаю своим долгом предупредить, — заявил Лим, которому на сей раз улыбка далась без натуги, — что после всякого удара током па-

рализую ближайшую руку.

Над этим посмеялись все, даже массировавший предплечье Фоссейс. У Лима по спине катился пот. Как же ему не хватало общества вот таких людей! Семь лет жизни парией не прошли для него бесследно.

На следующий вечер Дейксем сообщил:

— У герцогини, похоже, несварение желудка. Ужинать она не пришла, а наш бездельник Бейлиф мечется с озабоченной физиономией. Наконец-то мне удалось поесть спокойно, без старушечьей трескотни над ухом.

— Чин имеет свои привилегии, дружище, — военной поговоркой ответил на это капитан, кладя два дротика подряд в центр мишени. — Когда сам будешь кораблем командовать, заставишь старпома есть с пассажирами.

— Верю, что такой день рано или поздно наступит. Если бы не эта светлая надежда, я бы давно списался и пошел свиней пасти на ферму к родителям Фоссейса.

Эта избитая шутка привычно вызвала хохот. Посмеялся и Лим, но в его мозгу уже звенел тревожный зуммер.

— Этот Бейлиф — медик? Судовой врач? — спросил он.

Капитан повернулся к Лиму; больше никто не заметил странной нотки. Возможно, потому, что никто другой и не знал подлинной истории пассажира.

— Да, он медик, но не член экипажа. В основном мы занимаемся грузоперевозками, в таких рейсах врач не нужен. А в этот раз узнали, что полетит компания катердаммцев к себе на родину, вот и наняли в порту подвернувшегося лекаря, их соотечественника.

— Доктор Бейлиф, — скривился Дейксем, — по-моему, на хорошего врача он совершенно не похож. Я бы ему свинью с фермы Фоссейса лечить не доверил.

— Вроде пассажиры им довольны, — возразил Кортар, — а значит, свое жалованье он оправдывает.

Разговор перешел в другое русло, и Лим постарался выбросить доктора Бейлифа из головы, искренне надеясь, что у великой герцогини Марескулы всего лишь легкое расстройство пищеварения.

Но и через трое суток она не вышла из каюты. Застав капитана одного в салоне, Лим обратился к нему с вопросом:

— Если с герцогиней ничего серьезного, почему

она не показывается на люди?

— Не знаю. Доктор Бейлиф твердит, что мы имеем дело с пустяковой инфекцией и вскоре Марескула будет совершенно здорова, но видно по всему, он здорово встревожен. Кажется, я должен разделить мнение своей команды: вместо врача нам достался идиот.

— Что за инфекция, он не сказал?

— Какая-то кожная, на руках. А теперь и на ногах появилась, судя по его жалобам.

Лим похолодел от страха, но не позволил этому чувству проявиться на лице и в голосе.

— Среди инфекционных кожных заболеваний встречаются очень разрушительные и заразные. Ради безопасности экипажа и пассажиров вы должны убедиться в том, что врач держит ситуацию под контролем. Я не удивлюсь, если мы имеем дело с… — Лим спохватился и умолк.

Капитан перестал улыбаться и пристально посмотрел ему в глаза:

— Если вы что-то конкретное подозреваете, доктор… — Последнее слово он выговорил особенно четко.

— Прошу меня извинить, капитан, но я уже давно не доктор. Меня лишили этого звания. Хотя, если вы сомневаетесь в компетентности доктора

Бейлифа, я могу помочь советом-другим, на это моей квалификации хватит.

— О большем я и не прошу.

— Вот и славно. Попросите его измерить температуру тела великой герцогини в разных местах. Меня интересуют кисти, стопы, коленные и локтевые сгибы. Пусть не забудет и про августейший ректальный термометр, — надеюсь, в такой форме просьба не покажется ему слишком вульгарной.

— Он спросит, зачем это надо. Что я отвечу?

— Хороший врач сразу все поймет и вопросов задавать не станет. Если мы и впрямь имеем дело с шарлатаном, наплетите ему что-нибудь… Например, что медицина — ваше давнее хобби и вы мечтаете поменять опостылевший корабль на ветеринарную клинику.

Капитан встал, его лицо превратилось в холодную маску служебного долга.

— Вы подождете здесь до моего возвращения?

— Само собой.

В салон ввалилась толпа сменившихся с вахты офицеров, и Лима уговорили сразиться в дартс. Но ему было не до забав, и он отчаянно проигрывал. Наконец зазвонил телефон, кто-то взял трубку, бросил: «Лим, тебя капитан к себе в каюту

зовет» — и вернулся к игре.

Кортар ждал, хмуро разглядывая полоску бумаги с показаниями термометров.

— Для меня это китайская грамота, — пожаловался он вошедшему Лиму. — Надеюсь, вы в этих закорючках и циферках разберетесь. А с Бейлифом все вышло по-вашему: когда я попросил измерить температуру, он побледнел и едва не брякнулся в обморок. Потом припустил со всех ног, не задав ни одного вопроса. Похоже, мы наняли последнего ни к чему. Вот доберусь до катердаммского агента, который нам подсунул этакое сокровище, шкуру с него заживо сниму и посолю тушку. Давайте объясняйте, с чем мы имеем дело. — Капитан протянул распечатку.

Пока Ориго Лим вчитывался в показания термометров, его лицо не выдавало никаких мыслей и чувств. Хотя он все понял с первого взгляда. Температура туловища — на три градуса выше нормы, температура локтевых и коленных сгибов — на два градуса ниже нормы. Кисти и стопы холоднее на двенадцать градусов…

— Ну и что же это? — резко спросил капитан.

Лим поднял голову:

— Пахиакрия Тофама.

— Никогда не слышал.

— Болезнь уничтожена практически повсеместно, но кое-где случаются рецидивы. Хотя она чрезвычайно заразна, справляться с нею несложно. Инкубационный период длится почти две недели, и введение вакцины эффективно на любой его стадии, вплоть до последнего дня. Я допускаю, что сейчас инфицировано не меньше половины людей на этом борту, и предлагаю немедленно вакцинировать всех до единого.

У капитана явно отлегло от сердца.

— Что ж, все не так страшно. Но почему скрытничает Бейлиф? Он хоть и болван, но точно понял, что я имел в виду.

— На то имеется серьезная причина, имя которой — великая герцогиня Марескула. Видите ли, эта болезнь нехорошо отражается на фигуре. Доктор Бейлиф наверняка перепуган до смерти.

Снова вернулась нервозность — впрочем, она никуда и не уходила.

— Если вызову сюда доктора Бейлифа, вы с ним поговорите… доктор Лим?

Лим ответил не сразу.

— Мне нельзя заниматься практической медициной. Если нарушу запрет, немедленно вступит в действие смертный приговор — на любой планете в этом секторе космоса я буду арестован

и казнен. Но говорить на тему лечения можно. Если ко мне обратится врач, это будет просто беседой; я ведь потом смогу утверждать, что ничего конкретного ему не советовал. Что бы он ни сделал после разговора со мной, это целиком останется на его совести, и к ответственности меня не привлекут.

— Превосходно. Через минуту он будет здесь.

Доктор Бейлиф прямо-таки источал тревогу. Небольшого роста, он носил нафабренные усы, которые сейчас неуемно теребил пальцами. Усеянная пигментными пятнами кожа выделяла достаточно пота, чтобы он собирался в капли на подбородке. Когда судового врача и пассажира представили друг другу, Лим поразился, насколько вялая рука у судового врача, — пожатие почти не ощущалось. Он внимательно следил за реакцией Бейлифа, пока капитан вкратце объяснял, кто путешествует инкогнито на борту его корабля и по какой причине. При упоминании Ориго Лима врач не выказал удивления и беспокойства, — должно быть, о связанном с этим человеком происшествии он ничего не знал. Он даже откровенно обрадовался, услышав, что на корабле летит еще один медик.

— Да это же настоящая удача! — Бейлиф рас-

плылся в улыбке и захлопал в ладоши. — Мы сейчас же проведем консультацию, доктор…

— Я не доктор! — хмуро перебил Лим. — И здесь должна быть полная ясность. Если власти узнают, что вы болтали со мной на медицинские темы, мне несдобровать. А если выяснится, что вы обратились ко мне за профессиональной консультацией, я получу смертный приговор. Вам это понятно?

— Разумеется, доктор… прошу прощения, сир Лим, я очень хорошо вас понял. — Пальцы снова затеребили ус. — Все, что будет сказано в этой каюте, останется между нами. Уверен, вы можете положиться на капитана: звездоплаватели родом с Гозги славятся своей порядочностью. Но давайте наконец перейдем к делу. Недуг великой герцогини становится серьезным…

— Он с самого начала был серьезным. Какой диагноз вы поставили?

— Гм… Видите ли, вначале у меня были некоторые сомнения, поскольку симптоматика довольно сложная… Как вам известно, на свете хватает схожих болезней. Вдобавок не хотелось бы паники…

— Пахиатрия Тофама?

У доктора Бейлифа разом отлила кровь от ли-

ца, — казалось, он вот-вот рухнет в обморок. Чтобы заговорить, ему пришлось облизать губы.

— Да, — пискнул он наконец.

— Вы уже прооперировали пациентку? — Голос Лима был напрочь лишен эмоций.

— Нет… Видите ли, я объяснил великой герцогине, что можно обойтись минимальным хирургическим вмешательством, но она запретила мне даже думать об этом. Потребовала дождаться прибытия на Катердамм и проконсультироваться с ее личным врачом. — Бейлиф смущенно замолк и опустил взгляд на колени, где нервно сплетались и расплетались его пальцы.

— Как далеко зашел некроз? — спокойно спросил Лим.

Капитан слушал и молчал. Из услышанного он понял только одно: пришла беда.

— Естественно, поражены кончики пальцев… То есть это было в самом начале, а теперь омертвели кисти рук. А температура стоп…

— Кретин! — воскликнул Лим, а Бейлиф густо покраснел и снова потупился. — И это называется квалифицированный врач!

— Сир Лим, как вы смеете! Попрошу оставить такой тон! У меня есть и диплом врача, и степень доктора медицинских наук, и до недавнего

времени я председательствовал в Эпийской государственной медицинской ассоциации. В моей квалификации никто и никогда не сомневался.

— Карьерист от медицины, — фыркнул Лим, пряча презрение, и повернулся к капитану. — Все очень серьезно. Пахиакрия Тофама легко поддается диагностированию — температура в разных местах тела имеет характерные отклонения от нормы. В активной стадии болезнь сперва поражает конечности. Если началось омертвение пальцев, значит вакцинация опоздала, остается только хирургия. Под воздействием микроорганизмов клетки человеческого тела просто умирают, и через их оболочку инфекция перебирается в соседние клетки. В результате имеем опухание тканей, слабую боль, местами онемение. Очень обманчивая симптоматика. Единственное спасение — удалить некротическую ткань, а заодно и живую минимум на два дюйма. Это, конечно же, подразумевает ампутацию. На раннем этапе — только пальцев рук и ног. Я не осматривал пациентку, но, похоже, она уже лишилась кистей, а может, и стоп. — Он повернулся к вжавшемуся в кресло Бейлифу. — Доктор, когда вы собираетесь оперировать?

— Оперировать? Вы что, не поняли? Я не могу!

Она запретила!

— Все очень просто: если не прооперировать герцогиню, она умрет. Предлагаю сейчас же начать подготовку к операции.

Ни на кого не глядя, доктор Бейлиф медленно встал и нетвердой поступью удалился из каюты.

— Круто вы с ним, — проговорил капитан, но в его голосе не было осуждения.

— А иначе его не пронять. Он заигрался в политику и забыл, что главный долг врача — забота о пациенте. Как только вспомнит об этом, так и придет в норму. Это несложная операция. Но все же советую приставить к нему офицера для моральной поддержки, и не только.

— Лучше старпома Дейксема никто с такой задачей не справится. — Капитан отдал по внутренней связи распоряжение и достал бутылку.

Они пропустили по стопочке, и Лим уже собрался уходить, когда вошел Дейксем и четко отдал честь по-гозгийски:

— С прискорбием вынужден доложить, что скончался доктор Бейлиф.

Дамин-Хест застал их втроем в каюте Бейлифа за осмотром трупа. Облаченный в безукоризненно чистую ночную рубашку из синтетического шелка, доктор лежал на койке в безмятежной

позе.

— Что случилось? — спросил шеф протокола. — Почему меня вызвали?

Увидев наконец покойника, он ахнул.

— Доктор Бейлиф совершил самоубийство. — С пола Ориго Лим поднял пустой шприц, а из безжизненных пальцев врача вынул пузырек с остатками прозрачной жидкости. — Мартитрон, сильнейший транквилизатор. Двух капель достаточно, чтобы успокоиться на весь день, а если ввести пять кубиков, сердце перестанет питать мозг кислородом. Очень легкая смерть. Доктор Бейлиф счел задачу непосильной и оставил ее мне в наследство.

— Вам?

— А кому же еще? Надо немедленно прооперировать великую герцогиню, и так уже потеряно слишком много времени. Кроме меня, здесь никто с этим не справится. Но вместо награды меня ждет эшафот.

— Разве нельзя обойтись без операции? — спросил шеф протокола.

— Исключено. Увы, у меня нет выбора. Впрочем, это не совсем так: можно отойти в сторону и позволить герцогине умереть, как, между прочим, и предписывает мне закон.

— Вы обязаны ей помочь! Вы давали врачебную клятву!

— Эта клятва теперь пустой звук. Суд категорически запретил мне лечить.

— Капитан, — обратился к Кортару возмущенный придворный, — прикажите этому человеку оперировать! Как командир корабля, вы просто обязаны так поступить!

— Ничего не могу поделать. Это не в моей юрисдикции.

— Да неужели? — Дамин-Хест аж побледнел от гнева. — А кто нанял некомпетентного врача, болвана, который пропустил сроки важнейшей операции, а потом наложил на себя руки? Вы ответите за…

— Довольно! — приказал Лим шефу протокола. — Я сделаю то, что должно быть сделано. У меня и правда нет выбора. Пожилая женщина не виновата в том, что ей достался негодный врач.

Дамин-Хест тотчас повеселел:

— Доктор Лим, вы смелый человек. Поверьте, с моей стороны не следует ждать никаких неприятностей. Спутники великой герцогини тоже войдут в ваше положение и согласятся хранить тайну. По прибытии я скажу, что операцию провел доктор Бейлиф, а потом умер. Ваше имя

упомянуто не будет.

Он вышел, и Лим только сейчас заметил, что старший помощник Дейксем все это время стоял молча и напряженно слушал.

— Ну что ж, — вздохнул пассажир, — вижу, надо рассказать тебе все до конца. Это сделает капитан, а ты, пожалуйста, в свою очередь объясни команде, кто я и что совершил. Меня здесь хорошо приняли, не зная моего настоящего имени, но с анонимностью пора кончать. Мне будет легче, если все узнают, с кем летят на одном корабле.

Он вышел и направился прямиком в каюту великой герцогини. В коридоре дожидался шеф протокола.

— Она спит, — сказал придворный. — Что ей передать?

— Ничего. Только подтвердите, что я говорю правду. Я врач, а она моя пациентка. — Еще не договорив эти слова до конца, он ощутил, как расправились плечи, распрямилась спина.

К нему вернулась гордость. Он снова врач! Он снова лечит! Пусть и последний раз в жизни…

Наверное, можно было бы покончить с собой как-нибудь попроще.

Великая герцогиня проснулась, когда Лим замерял температуру ее кисти. Женщина рывком

высвободила гангренозную конечность, и та тяжело плюхнулась на одеяло.

— Вы кто? — слабым голосом спросила больная. — И что тут делаете?

— Я врач. — Лим вдавил палец в серую кожу предплечья — осталась глубокая вмятина. — На борту произошел несчастный случай, доктор Бейлиф не сможет более ухаживать за вами. Меня попросили помочь. — Он повернулся к лежащему на столе ящику с медикаментами и инструментами.

— От Бейлифа нельзя было ждать ничего хорошего. Вот же дурень… Надеюсь, вы не такой невежда. Представляете, он собирался меня оперировать! Хорошо, что я вовремя запретила. Это просто кровообращение шалит, со мной и раньше так бывало…

— Великая герцогиня, надо было сразу соглашаться на операцию, тогда бы вы отделались сравнительно легко. А сейчас все гораздо серьезней…

— Нет! — истерично каркнула женщина. У нее от ужаса округлились глаза, затряслись нижняя губа и складки на шее. — Не смейте ко мне прикасаться! Я запрещаю! Категорически запрещаю!

Быстрым и точным движением Лим воткнул

иглу ей в плечо, и по вене побежала струйка снотворного. Герцогиня моментально затихла.

— Что вы собираетесь делать? — спросил взволнованный шеф протокола. — Какая требуется операция? Бейлиф говорил насчет пальцев на руках и ногах…

Лим сбросил одеяло с бесчувственного тела:

— Мне придется ампутировать ноги ниже колена и руки до середины плеча.

Доктору Ориго Лиму не требовалось помощи сверх той, что могли предложить чудодейственные машины в корабельном лазарете. Едва великая герцогиня Марескула очутилась на операционном столе, он заперся и отключил телефон. С этой минуты Лим пребывал в родной стихии, и лучшими ассистентами для него были накопленные теоретические знания и практический опыт.

Он тщательно вымыл руки и вытянул их в стороны, чтобы робот надел на него цельнокроеный хирургический комбинезон. Прозрачный, микробостойкий, тот облегал, как вторая кожа; дышать приходилось через респиратор. Диафрагменный фильтр и говорить позволял — вся аппаратура в лазарете управлялась голосом. Когда с процедурой одевания было покончено, Лим посмотрел на

дисплеи приборов: анестезия глубокая, кровяное давление на ожидаемом уровне, потребление кислорода, температура, электроэнцефалограмма — все в норме. Подчиняясь тихому приказу, робот положил на протянутую ладонь хирурга ультразвуковой скальпель. Лим наклонился и сделал первый разрез.

— Вы будете держать ее в бесчувственном состоянии? Под анестезией? — спросил Дамин-Хест, стоя рядом с врачом и глядя на герцогиню.

Вся перебинтованная, она походила на мумию. Наступила тишина, слышалось только медленное, тяжелое дыхание женщины.

— Нет, — ответил Лим. — Осложнений не предвидится, и пациентке лучше находиться в сознании. Ей ведь нужно есть и пить.

— А вот для доктора было бы лучше, если бы она полежала в отключке до прибытия. Великая герцогиня — женщина очень влиятельная, и результат вашего лечения ей очень не понравится.

Забота придворного настолько развеселила Ориго Лима, что он не удержался от улыбки:

— Уважаемый шеф протокола, вы же не пойдете против интересов своего начальства.

— Не пойду. Хотя… то, на что я намекаю, может и для меня представлять интерес. Допустим, нам

обоим выгодно, чтобы великая герцогиня очнулась уже в больнице на Катердамме, где толпа высокооплачиваемых специалистов убедит ее в том, что она своевременно получила надлежащую медицинскую помощь, а причиненный ее организму ущерб легкоустраним. Ведь такое возможно?

— Через полгода можно будет трансплантировать конечности, раньше не стоит во избежание осложнений. И вы, пожалуй, правы, было бы выгодней с политической точки зрения подержать ее под наркозом. Но с медицинской — это не оправдано.

Дамин-Хест уступчиво махнул длиннопалой кистью:

— Вы доктор, вам виднее.

Великая герцогиня Марескула пребывала в исступлении, даже искорки безумия тлели в ее глазах. Она не пыталась сбросить одеяло, поскольку не желала видеть, что сделали с ее телом.

— Погибла моя красота! — верещала старуха, до сих пор мнящая себя юной дивой, что некогда блистала при дворе. — Кто сотворил это зло, назовите мне имя негодяя!

Лим, не обратив внимания на предостерегаю-

щий жест Дамин-Хеста, назвал свое настоящее имя.

— Мясник Лим! Мясник Лим! Я читала про тебя в газете на Деламонде! Я знаю о твоем преступлении! Прочь! Не прикасайся! Не подпускайте ко мне Мясника Лима! — И она, рыдая, откинулась на подушку.

Лим оставил придворным дамам подробнейшие инструкции относительно ухода за больной, и они дали слово делать все необходимое. С помощью небольшого прибора он будет на расстоянии контролировать температуру, кровяное давление и другие жизненные функции — приемное устройство помещается в карман. С простыми задачами справятся женщины, а если понадобится помощь врача, Лим явится на зов.

В коридоре он остановился проверить, хорошо ли работает техника, и направился в офицерский салон. Чуть помедлил у двери, затем решительно распахнул ее; его лицо абсолютно ничего не выражало — носить эту маску равнодушия он научился в тюрьме.

Его сразу заметил второй помощник Фоссейс и поспешил навстречу. Круглое лицо юноши выражало тревогу.

— Почему сразу не сказал, что ты лекарь? Тут

каждому нужна бесплатная консультация, а от доктора Бейлифа не было никакого толку. А ну-ка, загляни мне в рот, это не абсцесс ли в крайнем коренном?

Он разинул рот прямо перед носом у Лима, и пассажир машинально заглянул. А Фоссейс ухватился за резцы и выдернул обе челюсти — они были целиком искусственные.

— Держите, доктор Лим, вблизи их рассматривать сподручнее.

Игроки в дартс дружно захохотали — они любой розыгрыш встречали смехом — и вернулись к своим дротикам. Фоссейс вразвалочку отошел, торжествующе хихикая и пугая клацаньем челюстей каждого встречного. А Ориго Лим, открывая пиво, почувствовал, что у него расслабляются почти до судорог напряженные мышцы, а потом накатила волна блаженства — как же давно такое было с ним в последний раз! Эти люди знают, кто он и что натворил, и тем не менее обращаются с ним по-человечески. Будто и не было этих семи лет…

Но тут он вспомнил о своих проблемах, и пиво встало колом в горле. Он не найдет дружелюбия на Катердамме. Ни малейшего.

Зазвав Лима к себе в каюту, капитан Кортар без

свидетелей показал ему два листа бумаги.

«Для доктора будет лучше, если вы не сообщите об операции», — прочитал пассажир на первом. А на втором увидел загадочные группы символов, по пять в каждой.

— И что это значит? — спросил он, переводя взгляд с одного листа на другой.

— Вы о шифровке? Не знаю, но догадываюсь. Плохо дело. Должно быть, великая герцогиня посоветовалась со своими людьми и придумала, как вам насолить. Эту бумажку вручили нашему радисту с наказом отправить текст на Катердамм, как только мы выйдем из гиперпространства. А вот эта записка наверняка от Дамин-Хеста. Я не знаю его почерка, но кто еще мог такое написать.

— Он обещал, что для меня все обойдется благополучно, и пытается сдержать слово. Как вы поступите с шифровкой?

— Положу под сукно. До проскока осталось меньше двенадцати часов, а у нас главный передатчик неисправен… В общем, радиограмма отправлена не будет.

— Счастливая случайность?

— Не совсем случайность. Генераторная лампа вместе с двумя запасными заперта в моем сейфе,

а вместо нее я поставил ту, что сгорела в прошлом рейсе. Так что теперь никакого обмана — у нас действительно неисправен главный передатчик.

— Счастливой посадки, — с улыбкой пожелал Лим, хотя на самом деле оптимизма не испытывал.

Ему нечего опасаться, пока корабль не приземлится на Катердамме, но что будет потом?

Через час после перехода из гиперпространства на орбиту Катердамма во всех отсеках «Венгадора» завыла тревожная сирена. Решив, что он может понадобиться, Лим проследовал за офицерами на мостик. Там взад-вперед расхаживал пунцовый от злости капитан Кортар и комкал лист бумаги.

— Прочтите! — Он сунул бумажку Лиму.

Тот разгладил лист и прочел короткое сообщение. У него заиграли желваки.

«Арестуйте мясника лима посадке венгадора криминальную операцию великая герцогиня марескула».

— В рубку вошли двое подручных герцогини и скрутили радиста, — пояснил капитан. — Они включили аварийный передатчик. Это сообщение передавалось не меньше двадцати минут, прежде чем мы спохватились. У рации короткий

радиус действия, но тут везде понатыканы мощные ретрансляторы. Я сожалею, Лим.

— Капитан, это не ваша вина, да и не ваша ответственность. — На лицо Лима вернулась тюремная бесстрастность. — Вы мне помогли, но с этой минуты я сам о себе забочусь.

Оба повернулись к вошедшему офицеру — Дейксем потирал ссадины на костяшках пальцев:

— Сэр, мы нашли эту парочку, напавшую на радиста, и заперли на гауптвахте.

— Они сопротивлялись?

— Пустяки, капитан. Я бы предпочел, чтобы они сопротивлялись всерьез. — Старпом хотел что-то сказать Лиму, но не успел.

Тот уже покидал мостик. В дверях ему встретился шеф протокола.

— Доктор Лим, — обратился Дамин-Хест, — а я вас ищу, хочу извиниться за случившееся. Я пытался их остановить…

— Да чтоб вам провалиться в преисподнюю! — вспылил Ориго Лим. — Вместе с вашими благими намерениями.

В оставшиеся до посадки часы «Венгадор» безмолвствовал, как корабль-призрак. Экипаж нес вахту, тихо выполняя рутинную работу, а пассажиры сидели по каютам. Лишь из каюты

великой герцогини разносился торжествующий хохот — не смеялся один Дамин-Хест, он сидел в сторонке и мрачно накачивался спиртным.

Если и заметил капитан, что катердаммский крейсер снизился параллельным курсом и сел одновременно с «Венгадором», то ничем этого не выдал. Едва умолкли двигатели корабля, к нему подкатил полугусеничный бронетранспортер и высадил взвод солдат у хвостовых опор. На планете стояла ночь, поэтому с бронетранспортера осветили прожектором открывшийся пассажирский люк. Сопровождаемый солдатом офицер взбежал по трапу, оба держали оружие на изготовку.

— Капитан Кортар? — Вошедший в шлюз катердаммец отдал честь.

Узнав генеральский мундир, капитан козырнул в ответ.

— Как хорошо, что вы пришли, генерал. Я должен передать вам двух арестованных — они, разумеется, в наручниках. Напали на офицера космической службы во время рейса, а это серьезное преступление…

— Да о чем вы говорите! — Генерал нервно хлопнул по штанине щегольским стеком. — Я прибыл за Мясником Лимом. Где он?

— На борту есть пассажир по имени Ориго Лим, но он, насколько мне известно, не совершил ничего противозаконного.

— Что? Вы меня за дурака принимаете? С вашего борта поступил сигнал о вопиющем…

Его прервал вой сирен космодрома, подхваченный микрофонами «Венгадора», и по железобетонной равнине зашарили мощные лучи.

Кто-то воскликнул: «Смотрите!» Со своей высокой точки обзора все увидели бегущего по полю в свете прожекторов человека. Вот он приблизился к проволочной ограде, вот кругом замелькали вспышки — солдаты открыли огонь. Человек пошатнулся и обронил свою ношу, но в следующий миг еще быстрее припустил к забору, перелез через него и скрылся во мраке.

На мостике пронзительно зазвонил телефон.

— Капитан, — доложила трубка, — подвергся нападению второй помощник Фоссейс, он лежит без сознания возле кормового инспекционного люка. А люк открыт!

Мало-помалу генерал составил картину побега. Фоссейс, с кровавой повязкой на голове, обессиленно полулежал в кресле и не понимал, что с ним произошло. Его ударили сзади. Зато двум арестантам, которых выпустили из примыкаю-

щей к двигательному отсеку гауптвахты, было что рассказать. Они видели, как с металлическим чемоданом в руке мимо их камеры проходил Ориго Лим. Поскольку кормовой инспекционный люк располагался у хвостовых опор и на небольшой высоте от земли, напрашивался вывод, что именно этим путем преступник улизнул с корабля. Затем солдаты доставили найденный на летном поле предмет — тот самый чемодан доктора Ориго Лима с его личными вещами.

— Мой офицер подвергся нападению и чуть не погиб, — едва сдерживая ярость, проговорил капитан Кортар. — Генерал, я хочу, чтобы вы поймали мерзавца. Все члены моего экипажа, способные опознать этого Лима, временно поступают в ваше распоряжение, они помогут в розыске. Надеюсь, вы сообщите мне, как только злодей окажется в ваших руках.

— Само собой, капитан. — Генерал отдал честь и ушел организовывать охоту на человека.

Она, к счастью, не удалась. Катердамм-Сити — город старый и обширный, это сущий лабиринт из узких улиц и ветхих домов; беглецу есть где спрятаться. Спустя четверо суток капитан неохотно отозвал своих людей и велел готовиться к отправлению. Пассажиры высажены, груз вы-

гружен — нет никаких оснований задерживаться на планете.

Как только «Венгадор» очутился в космосе и прекратил радиообмен с Катердаммом, кто-то прыснул, а секунду спустя смеялись все, растирая по щекам слезы радости, которую прятали все эти дни. Для гозгийца нет ничего приятнее остроумного розыгрыша. Даже старший помощник Дейксем гомерически хохотал, лишь разок взвыв от боли, когда доктор Лим бинтовал ему обожженную руку.

— А они все ищут! — задыхаясь, проговорил он. — Ворошат каждое крысиное гнездо в своих трущобах! — Старпом захохотал еще пуще и даже закашлялся.

Лим улыбался. Шутка ему понравилась, но такого буйного восторга не вызвала.

— Наконец-то у меня появилась возможность сказать спасибо…

— Да не благодари ты меня, — прохрипел Дейксем и высосал остававшееся в банке пиво. — За такой спектакль я бы и вовсе руку дал отстрелить! Хотя снайперы из этих катердаммских рекрутов никудышные. Я все ждал, когда же они пристреляются, чтобы был предлог бросить твой багаж. Только одному случайно повезло.

— Ты подвергался опасности…

— Чепуха! Надо было лишь добежать до забора, а там ищи-свищи меня. Я перевязал руку, вышел из-за угла и присоединился к нашим ребятам — запоздавший офицер с корабля догнал охотников. Вояки сосчитали нас после возвращения, но никто не догадался сосчитать при выходе.

Должно быть, это показалось Дейксему самым смешным приключением во Вселенной — он снова зашелся хохотом.

Лим еще раз попытался выразить признательность людям, которые спасли ему жизнь, и подошел к капитану.

— Слышать ничего не желаю! — Кортар с силой вложил ему в руку банку пива. — На моем корабле бесчинствуют придворные мерзавцы, нападают на радиста, противозаконно используют аварийную рацию, подстраивают арест моего друга по ложному обвинению. Что еще нам оставалось делать? Впрочем, была и другая причина.

— И что же это за причина?

— Возможность задешево нанять отличного врача. Парень с такой криминальной репутацией согласится на любое жалованье.

— Но ведь вам в обычных рейсах не нужен судовой врач. А еще вы забыли, что у меня нет

лицензии.

— С этой минуты судовой врач у нас есть. Я не хочу, чтобы однажды меня подвел под монастырь кретин вроде Бейлифа. Что до лицензии, то Гозгийское медицинское общество выдаст ее тебе в два счета, когда узнает про твои приключения и особенно про розыгрыш. Все можно уладить, как видишь.

— Да, — сказал доктор Ориго Лим, обводя взглядом своих товарищей по космической службе. — Уладить можно все.

Плюшевый мишка

Перевод И. Почиталина

Маленький мальчик спал в своей кроватке. Искусственный лунный свет струился в широкое окно спальни, освещая бледным сиянием безмятежное лицо. Одной рукой мальчик обнимал плюшевого мишку, крепко прижимая игрушечную круглую голову с черными глазами-пуговками к щеке. Его отец и высокий мужчина с черной бородой, бесшумно ступая, крались по ковру спальни к кроватке.

— Вытащи мишку из-под руки, — прошептал бородач, — и подсунь другого.

— Нет, он проснется и начнет плакать, — так же тихо ответил отец Дэви. — Не мешай мне, я сделаю так, как надо.

Осторожным движением он положил еще одного плюшевого мишку рядом с мальчиком, и теперь две игрушки лежали по обе стороны нежного лица. Потом отец приподнял руку ребенка и взял первого мишку. Мальчик зашевелился, но не проснулся. Он перевернулся на другой

бок, обнял только что подложенную игрушку, прижал к щеке — и через несколько секунд его дыхание снова стало глубоким и размеренным. Отец ребенка поднес к губам палец, бородатый мужчина кивнул в знак согласия — и оба вышли из детской неслышными шагами и беззвучно закрыли за собой дверь.

— Теперь за работу, — сказал Торренс, протягивая руку за плюшевым медведем.

Его тонкие красные губы резко выделялись на фоне бороды. Мишка шевельнулся у него в руках, пытаясь вырваться, и темные глаза-пуговки забегали из стороны в сторону.

— Хочу обратно к Дэви, — произнес плюшевый мишка тоненьким голоском.

— Отдай его мне, — сказал отец мальчика. — Он знает меня и не будет капризничать.

Отца звали Ньюмен, и он, как и Торренс, был доктором политологии. В настоящее время оба доктора оказались без работы — правительство, несмотря на их очевидные заслуги и научные достижения, не желало принимать их на службу. В этом ученые походили друг на друга; внешне же они резко отличались один от другого. Торренс был невысоким, коренастым и походил на медведя, хотя и маленького. Он весь зарос черными

волосами — пышная борода, начинавшаяся от ушей и падавшая на грудь, кисти рук, покрытые обильной растительностью, ползущей из-под рукавов рубашки.

Торренс был брюнетом, а Ньюмен — блондином; первый — низкий и коренастый, второй — высокий и худой. Ньюмен сутулился — характерная черта ученого, привыкшего проводить долгие часы за письменным столом, — и уже начал лысеть, оставшиеся тонкие волосы кудрявились золотистыми завитками, напоминавшими кудряшки мальчика, спавшего сейчас в своей кроватке на втором этаже. Он взял игрушечного мишку из рук Торренса и пошел к двери. Там, в комнате с задернутыми шторами на окнах, их ждал Эйгг.

— Давай скорее, — резко бросил Эйгг, когда они вошли в комнату, и протянул руку за плюшевым мишкой.

Эйгг всегда отличался поспешностью и несдержанностью. Его широкую тяжеловесную фигуру туго обтягивал белый халат. Он не нравился Ньюмену и Торренсу, но обойтись без него было невозможно.

— Зачем так… — начал Ньюмен, но Эйгг уже выхватил игрушку у отца ребенка. — Ему не по-

нравится такое обращение, я знаю это…

— Отпустите меня! Отпустите меня… — в отчаянии взвизгнул плюшевый мишка.

— Это всего лишь машина, — холодно ответил Эйгг, положил игрушку на стол лицом вниз и протянул руку за скальпелем. — Ты — взрослый человек и должен вести себя более сдержанно, разумно, сдерживать свои эмоции. А ты поддался чувствам при виде плюшевого медведя, вспомнив, что в детстве у тебя был такой же, друг и верный спутник. Это всего лишь машина.

Быстрым движением он раздвинул искусственный мех на спине плюшевого медведя и прикоснулся ко шву — в тельце игрушки открылся широкий разрез.

— Отпустите… отпустите… — молил мишка, и лапы беспомощно дергались.

Торренс и Ньюмен побледнели.

— Господи…

— Эмоции. Держи себя в руках, — произнес Эйгг и ткнул внутрь разреза отверткой.

Послышался щелчок, и игрушка прекратила двигаться. Эйгг принялся отвинчивать пластинку, закрывавшую доступ к сложному механизму.

Ньюмен отвернулся и вытер платком мокрое от пота лицо. Эйгг совершенно прав. Нужно держать

себя в руках, не поддаваясь эмоциям. В конце концов, это действительно всего лишь игрушка. Как можно терять контроль над собой, когда на карту поставлено так много?

— Сколько времени тебе потребуется? — спросил он, глядя на часы. Они показывали ровно девять вечера.

— Мы уже обсуждали данный вопрос несколько раз, и это никак не может изменить положение дел. — Голос Эйгга был бесстрастным, лишенным всяческих чувств, — все его внимание сосредоточилось на механизме внутри корпуса игрушечного медведя. Он уже снял защитную пластинку и рассматривал механизм через увеличительное стекло. — Я провел эксперименты с тремя украденными плюшевыми мишками, фиксируя время, потраченное на каждый этап работы. В мои расчеты не входит время, необходимое, чтобы извлечь ленту и вставить ее обратно, — для этого требуется всего несколько минут. А вот на прослушивание ленты и изменение записи на отдельных участках уйдет чуть меньше десяти часов. Мой лучший результат отличался от худшего всего на пятнадцать минут, что не имеет большого значения. И можно с уверенностью сказать… а-а-а… вот они… — Эйгг

замолчал, осторожно извлекая крошечные бобины с магнитной лентой, — что на всю операцию уйдет десять часов.

— Это слишком долго. Мальчик обычно просыпается в семь утра, и к этому времени нужно успеть вернуть плюшевого мишку на место. Дэви ни при каких обстоятельствах не должен заподозрить, что игрушка отсутствовала всю ночь.

— Ответственность за эту часть операции ложится на тебя — придумай что-нибудь. Я не могу спешить и потому рисковать испортить работу. А теперь молчите и не мешайте.

Оба доктора политологии сидели и молча смотрели, как Эйгг вставлял бобину в сложный аппарат, который был тайно собран в этой комнате. Ничего другого им не оставалось, поскольку они ровным счетом ничего не смыслили в этом.

— Отпустите… — донесся из динамика пронзительный голосок, затем последовали помехи. — Отпустите… бззт… нет, Дэви, ты не должен… папе это не понравится… вилку нужно держать в левой руке, нож — в правой… бззт… тебе придется вытереть… хороший мальчик, хороший мальчик, хороший мальчик…

Голосок шептал и уговаривал; часы шли один за другим. Ньюмен уже несколько раз ходил на

кухню за кофе, и перед рассветом Торренс заснул в своем кресле и тут же проснулся, виновато глядя по сторонам. Один лишь Эйгг продолжал работать без малейших признаков усталости или напряжения; его пальцы двигались точно и размеренно, подобно метроному. Тонкий голосок доносился из динамика в тишине ночи, словно голос призрака…

— Готово, — произнес Эйгг, зашивая мохнатую ткань аккуратными хирургическими стежками.

— Так быстро у тебя еще никогда не получалось. — Ньюмен с облегчением вздохнул. Он взглянул на экран, на котором была видна детская. Мальчик все еще спал — это было отчетливо видно в инфракрасных лучах. — Все в порядке. Теперь мы сможем без труда подменить плюшевого мишку. А с лентой все в порядке?

— Да, ты же слышал. Сам задавал вопросы и получал ответы. Я скрыл все следы изменений, и если ты не знаешь, где искать, не найдешь ничего. В остальном банк памяти и инструкции не отличаются от других таких же. Я изменил только одно.

— Надеюсь, нам никогда не придется воспользоваться этим, — заметил Ньюмен.

— Я даже не подозревал, что ты такой сенти-

ментальный.

Эйгг повернулся и взглянул на Ньюмена. Лупа все еще торчала у него в глазу, и увеличенный в пять раз зрачок смотрел прямо в лицо.

— Нужно побыстрее положить плюшевого мишку на место, — вмешался Торренс. — Мальчик только что пошевелился.

Дэви был хорошим мальчиком, а когда подрос, стал хорошим учеником в местной школе. Даже начав учиться, он не забросил своего плюшевого друга и каждый вечер разговаривал с ним, особенно когда делал уроки.

— Сколько будет семью семь, мишка?

Мохнатая игрушка закатывала глаза и хлопала короткими лапами.

— Дэви знает… не надо спрашивать своего мишку, когда Дэви знает сам.

— Знаю, конечно, — просто хочу убедиться, что и ты знаешь. Семью семь будет пятьдесят.

— Дэви… правильный ответ — сорок девять… тебе нужно больше заниматься, Дэви… мишка дает хороший совет…

— А вот и обманул тебя! — засмеялся Дэви. — Заставил дать верный ответ!

Мальчик все легче обходил ограничения, введенные в достаточно примитивный банк памяти

робота, поскольку он взрослел, а плюшевый мишка был предназначен для того, чтобы отвечать на вопросы маленького ребенка. Словарный запас игрушки и ее взгляд на жизнь были рассчитаны на малышей, потому что задача плюшевых медведей заключалась в том, чтобы научить ребенка правильно говорить, познакомить с историей, помочь усвоить моральные принципы, пополнить словарный запас, обучить грамматике и прочему, необходимому для проживания в человеческом обществе. Эта задача решалась очень рано, когда взгляды ребенка и его отношение к жизни только формировались, а потому плюшевые медведи говорили просто, доходчиво. Однако такое воспитание было весьма эффективным — дети навсегда запоминали уроки, преподанные им любимыми игрушками. В конце концов дети перерастали своих любимцев, и плюшевых мишек выбрасывали за ненадобностью, но к этому времени работа уже была закончена — детское мировоззрение сформировано окончательно.

Когда Дэви превратился в Дэвида и ему исполнилось восемнадцать, плюшевый мишка уже давно лежал за рядом книг на полке. Он был старым другом, и хотя Дэвид больше не нуждался в нем, мишка все-таки оставался другом, а от дру-

зей не отказываются. Впрочем, нельзя сказать, что Дэвид задумывался над этой проблемой. Его плюшевый мишка был всего лишь плюшевым мишкой, вот и все. Детская превратилась в кабинет, кроватка уступила место обычной кровати, и после своего дня рождения Дэвид упаковывал вещи, готовясь к отъезду в университет. Он застегнул сумку и в это мгновение услышал звонок телефона. Дэвид обернулся и увидел на маленьком экране лицо отца.

— Дэвид…

— Да, отец?

— Ты не мог бы сейчас спуститься в библиотеку? Есть важное дело.

Дэвид взглянул на экран повнимательнее и заметил, что выражение отцовского лица было мрачным, почти больным. Сердце юноши тревожно забилось.

— Да, папа, спускаюсь.

В библиотеке, кроме отца, находились еще двое — Эйгг, сидевший в кресле прямо, со скрещенными на груди руками, и Торренс, старый друг отца, которого Дэвид всегда называл «дядя Торренс», хотя тот и не был родственником. Дэвид тихо вошел в библиотеку, чувствуя, что внимательные взгляды следят за каждым его шагом. Он пересек

большую комнату и опустился в свободное кресло. Дэвид во всем был похож на отца — высокий, стройный, со светлыми волосами, невозмутимый, добродушный.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответил отец. — Ничего страшного, Дэви.

Должно быть, подумал Дэвид, произошло нечто действительно из ряда вон выходящее — отец давно не называл его этим детским именем.

— Впрочем, кое-что и впрямь случилось, но не сейчас, а много лет назад.

— А-а, ты имеешь в виду панстентиалистов, — облегченно вздохнул Дэвид.

Он слышал от отца о пороках панстентиализма с самого детства. Значит, речь снова пойдет о политике; а он уж было подумал, что произошло нечто личное.

— Да, Дэви, ты, по-видимому, теперь все знаешь о них. Когда мы разошлись с твоей матерью, я дал обещание, что воспитаю тебя должным образом, и не жалел сил на это. Ты знаком с нашими взглядами и, я надеюсь, разделяешь их.

— Конечно, папа. Я придерживался бы этой точки зрения, как бы меня ни воспитали. Панстентиализм — философия, подавляющая свобод-

ные устремления человека, — вызывает у меня отвращение. К тому же она навсегда сохраняет за собой власть в обществе.

— Совершенно верно, Дэви. А во главе этого порочного движения стоит человек по имени Барр. Он возглавляет правительство и отказывается уступить кому-нибудь свою власть над народом. И отныне, когда операции по омоложению организма стали широко распространенными, он останется на этом посту еще сотню лет.

— Барра нужно убрать! — резко бросил Эйгг. — Вот уже двадцать три года он правит миром и запрещает мне продолжать эксперименты. Молодой человек, вы представляете себе, что Барр остановил мои исследования еще до того, как вы родились?

Дэвид молча кивнул. О работе доктора Эйгга в области бихевиористской человеческой эмбриологии он знал мало, но этого было достаточно, чтобы у него возникло отвращение к экспериментам ученого, и в глубине сердца юноша был согласен с запретом, наложенным Барром на исследования. Но панстентиализм представлял собой нечто совершенно иное, и Дэвид был согласен с отцом. Эта философия, ядром которой была бездеятельность, лежала тяжелым удушающим

бременем на всем человечестве.

— Я говорю не только от своего имени, — продолжал Ньюмен. Его лицо было бледным и каким-то искаженным. — Этой точки зрения придерживаются все, кто выступает против Барра и его философии. Я не занимал никакой должности в правительстве на протяжении более двадцати лет, и Торренс тоже, однако не сомневаюсь, он согласится, что данное обстоятельство не имеет никакого значения. Если бы это пошло на пользу народу, мы с радостью выдержали бы все. Или если бы то, что Барр преследует нас за наши взгляды, было единственной отрицательной чертой его системы, я даже пальцем не пошевелил бы, чтобы остановить его.

— Я полностью согласен с тобой, — кивнул Торренс. — Судьба двух людей не имеет никакого значения по сравнению с судьбой народа, равно как и судьба одного человека.

— Совершенно верно! — Ньюмен вскочил и принялся расхаживать по комнате. — Я не проявил бы никакой инициативы, если бы лишь это лежало в основе всей проблемы. Конечно, если бы Барр завтра умер от сердечного приступа, все решилось бы само собой.

Трое пожилых мужчин не сводили присталь-

ных взглядов с Дэвида. Он не понимал, что происходит, но чувствовал, что они ждут ответа.

— Да, пожалуй, я согласен с вами. Закупорка кровеносного сосуда пошла бы на пользу всему миру. Мертвый Барр принесет гораздо больше пользы человечеству, чем живой.

Тишина затянулась и стала неловкой. Наконец ее нарушил сухой механический голос Эйгга:

— Значит, мы все придерживаемся единой точки зрения — смерть Барра принесет колоссальную пользу. В этом случае, Дэвид, ты должен согласиться с нами, что было бы неплохо… убить его.

— Действительно, хорошая идея, — произнес Дэвид, не понимая, к чему ведет весь этот разговор. — Правда, осуществить ее физически невозможно. Прошли, должно быть, многие столетия с тех пор, как было совершено последнее… как это называется… «убийство». Воспитательная психология давным-давно решила эту проблему. Разве это не было открытием, окончательно разделившим человека и существа, стоящие на более низких ступенях развития, доказательством того, что мы можем обсуждать мысль об убийстве, однако воспитание, которое мы получили в раннем детстве, делает невозможным практическое осу-

ществление такого акта? Если верить учебникам, человечество достигло колоссального прогресса, после того как проклятие убийства было навсегда устранено. Послушайте, мне хотелось бы знать — что здесь происходит?

— Барра можно убить, — произнес Эйгг едва слышно. — В мире существует человек, способный на это.

— Кто этот человек? — спросил Дэвид, каким-то ужасным образом уже зная ответ еще до того, как его отец дрожащими губами произнес:

— Это ты, Дэвид… ты…

Юноша замер, его мысли вернулись в прошлое; то, что раньше было непонятным и беспокоило его, теперь стало ясным. Его мнение по разным вопросам всегда слегка отличалось от точки зрения друзей — скажем, когда один из роторов вертолета случайно убил белку. Незначительные, но беспокоящие мелочи, которые не давали заснуть до глубокой ночи, когда весь дом уже давно спал. «Да, это правда, — понял Дэвид, ничуть не сомневаясь в словах отца. — Интересно, почему это никогда не приходило мне в голову?» Такая мысль словно ужасная статуя, похороненная в грунте под ногами, — она всегда была здесь, но никто не видел ее, пока он не откопал. И теперь

он отчетливо различал злобную гримасу на страшном лице.

— Значит, вы хотите, чтобы я убил Барра? — спросил он.

— Лишь ты в состоянии сделать это… Дэви… ты один… и это необходимо. Все эти годы я надеялся, что такой шаг не понадобится, что твоя уникальная способность… не будет использована. Но Барр продолжает жить. Ради всех нас он должен умереть.

— Я не понимаю только одного, — сказал Дэвид, вставая и глядя в окно на знакомые деревья и шоссе вдали под прозрачной стеклянной крышей. — Каким образом было изменено мое воспитание? Почему я не заметил изменений в процессе того, что было нормальным путем развития?

— Мы воспользовались твоим плюшевым медведем, — объяснил Эйгг. — Об этом не принято говорить, но отвращение к акту лишения другого человека жизни вводится в сознание ребенка на протяжении его первых лет с помощью магнитных лент в игрушке, находящейся у каждого мальчика или девочки. Более позднее воспитание всего лишь закрепляет выработанный рефлекс, который не действует без первоначаль-

ного этапа.

— Значит, мой плюшевый мишка…

— Я изменил его банк памяти лишь в этом отношении. Во всем остальном твое воспитание ничем не отличалось от воспитания других детей…

— Теперь мне все понятно, доктор. — В голосе Дэвида звучал металл, которого не было раньше. — Как я смогу убить Барра?

— Вот этим. — Эйгг достал из ящика стола пакет и осторожно развернул его. — Это старинное примитивное оружие, которое я взял в музее. Я отремонтировал его и зарядил метательными устройствами — их называют патронами. — Эйгг держал в руке черный, матово поблескивающий пистолет. — Он действует автоматически. Когда нажимают на этот выступ — спусковой крючок, — в патроне начинается химическая реакция, в результате которой из переднего отверстия пистолета вылетает предмет из свинца с медной оболочкой, называемый пулей. Она двигается вдоль воображаемой линии, проходящей через эти два выступа в верхней части пистолета. Разумеется, под воздействием силы тяжести пуля постепенно опускается, но на минимальном расстоянии — несколько метров — это можно не

принимать во внимание. — Он положил пистолет на стол.

Дэвид медленно протянул руку и взял пистолет. Он удивительно удобно поместился в руке, словно был создан для нее. Дэвид поднял пистолет, прицелился и, когда передний выступ оказался в центре выемки в задней части пистолета, нажал на спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот, и пистолет подпрыгнул у него в руке. Пуля ударила Эйгга в грудь, прямо туда, где находится сердце, причем с такой силой, что и мужчина, и стул, на котором он сидел, опрокинулись на пол.

— Дэвид! Что ты делаешь? — послышался испуганный крик отца.

Юноша отвернулся от мертвого тела, распростершегося на полу, и посмотрел на отца равнодушным взглядом:

— Неужели ты не понимаешь, папа? Барр со своими панстентиалистами душат свободу в мире, многие люди страдают от этого; происходит много другого, что все мы считаем неправильным. Но разве ты не замечаешь разницы? Ты сам сказал, что после смерти Барра положение изменится. Жизнь снова двинется вперед. Как же можно сравнить преступление Барра с преступлением тех, кто опять воссоздал вот это?

Не успел Ньюмен осознать весь смысл слов сына и понять, что его ждет, как тот быстро выстрелил в отца. Торренс закричал и бросился к двери, пытаясь отпереть дверь. Дрожащие от ужаса пальцы не слушались. Дэвид выстрелил в него, но Торренс был далеко, и потому пуля лишь ранила его в спину. Несчастный упал. Дэвид подошел к нему и, не обращая внимания на стоны и мольбы о пощаде, прицелился и точным выстрелом раздробил ему череп.

Пистолет вдруг показался Дэвиду очень тяжелым, и юноша почувствовал какую-то странную усталость. Лифт поднял его на второй этаж. Дэвид вошел в кабинет и, встав на стул, достал с верхней полки из-за ряда книг плюшевого мишку.

Маленькая пушистая игрушка сидела посреди широкой постели, махала короткими лапами и смотрела на Дэвида черными глазками-пуговками.

— Мишка, — обратился к нему юноша, — я хочу сорвать цветы на газоне.

— Не надо, Дэви… рвать цветы нехорошо… не рви цветы…

— Мишка, сейчас я разобью окно.

— Нет, Дэви… бить окна плохо… не надо бить окна…

— Мишка, я собираюсь убить человека.

…Тишина, мертвая тишина. Замерли даже лапы и глаза.

Грохот выстрела разорвал тишину, и масса шестеренок, проводов и изувеченного металла вылетела из тельца разорванного на части плюшевого медведя.

— Мишка… о мишка… почему ты не рассказал мне об этом? — Дэвид уронил на пол пистолет и разрыдался.

Подлинная история Франкенштейна – наконец-то!

Перевод А. Килановой

— Итак, уважаемые зрители, перед вами то самое Чудовище! Мой прапрадед Виктор Франкенштейн, царствие ему небесное, соорудил его из фрагментов тел, тайком добытых в моргах и свежих могилах и даже на скотобойне. Глядите же!..

На помосте театрально взмахнул рукой человек во фраке, приковав взгляды толпы. Раздвинулся пыльный занавес, в нездоровом зеленом свете предстало Чудовище. Толпа дружно ахнула и содрогнулась.

В переднем ряду Дэн Брим, прижатый к веревочному ограждению, промокнул лицо отсыревшим платком и улыбнулся. Недурной урод для дешевой ярмарки, кочующей по южным городишкам! Мертвенно-бледная кожа — ни капли пота даже в душном шатре; стеклянный взгляд; лицо из грубо сшитых лоскутов; из висков торчат два металлических штыря — совсем как в фильме.

— Подними правую руку! — приказал Виктор Франкенштейн Пятый.

Резкий немецкий акцент придавал его словам прусскую властность.

Тело Чудовища осталось неподвижным, только рука медленно переместилась на уровень плеча, дергаясь, словно деталь плохо смазанной машины, и замерла.

— Чудовище Франкенштейна сшито из частей мертвецов, оно не может умереть. Изношенные части я просто заменяю на новые при помощи секретного рецепта, который передается в нашей семье от отца к сыну. Чудовище не может умереть и не чувствует боли. В чем вы сейчас и убедитесь!

На этот раз толпа ахнула еще громче. Кое-кто отвернулся, другие же смотрели во все глаза. Человек во фраке достал жуткую, футовой длины иглу и пронзил бицепс насквозь. Ни капли крови! Чудовище не шевельнулось, как будто не ощутило укола.

— …Не боится боли, равнодушно к жару и холоду, вдесятеро сильнее обычного человека…

Виктор Франкенштейн Пятый продолжал бубнить, но с Дэна Брима было довольно. Он просмотрел представление уже три раза и узнал

все, что хотел узнать. Еще минута в шатре, и он просто растает. Выход был рядом. Дэн пробился через толпу побледневших зевак и вывалился во влажные сумерки. На улице было немногим прохладнее. Жизнь на берегах Мексиканского залива практически невыносима в августе, и флоридский Панама-Сити — не исключение.

Дэн направился в ближайший бар и с облегчением вздохнул, окунувшись распаренным телом в блаженную кондиционированную прохладу. Пивная бутылка мгновенно запотела, как и тяжелая стеклянная кружка, тоже вынутая из холодильника. Первый большой глоток ухнул в желудок. Дэн отнес пиво в деревянную кабинку, протер стол горстью бумажных салфеток и плюхнулся на скамью с прямой спинкой. Он достал из кармана пиджака несколько сложенных листов желтоватой конторской бумаги и расправил перед собой. Добавив к каракулям пару строк, засунул бумажки обратно в карман и как следует приложился к пиву.

На середине второй бутылки в пивную вошел тот, кто именовал себя Виктором Франкенштейном Пятым. Сценическая личина слетела с него вместе с фраком и моноклем, прусская стрижка превратилась в обычный «ежик».

— Классное представление! — похвалил Дэн и поманил Франкенштейна. — Выпьем?

— Я не прочь, — протянул тот гнусаво, словно истинный ньюйоркец. Похоже, немецкий акцент отправился следом за моноклем. — Надеюсь, тут найдется «Шлиц» или «Бад»… да что угодно, кроме местной болотной жижи!

Он устроился в кабинке, пока Дэн ходил за пивом, и застонал при виде этикеток на бутылках.

— Ну, хотя бы холодное, — проворчал он, а затем посолил пиво, чтобы лучше пенилось, и ополовинил кружку одним глотком. — Я вас приметил среди деревенщины. Вы весь день проторчали в передних рядах. Понравилось представление? Или просто любите ярмарки?

— Отличное представление. Я журналист, меня зовут Дэн Брим.

— Всегда рад потолковать с газетчиками, Дэн. Как говорится, реклама — двигатель шоу-бизнеса. А я Стэнли Арнольд. Зовите меня Стэн.

— Выходит, Франкенштейн — всего лишь псевдоним?

— Разумеется. Что-то вы туповаты для журналиста. А вы точно?.. — Арнольд отмахнулся от удостоверения, которое Дэн достал из нагрудного кармана. — Не надо, верю, верю, и все-таки, Дэн,

что за глупый вопрос? Спорим, вы к тому же считаете, что Чудовище настоящее!

— Ну, выглядит оно что надо. Сшитые лоскуты кожи, штыри в голове…

— Штыри держатся на театральном клее, стежки нарисованы карандашом для бровей. Вот что такое шоу-бизнес — пустые иллюзии. Но мне приятно слышать, что мое представление пришлось по душе такому опытному журналисту, как вы. Из какой, говорите, газеты?

— Я не из газеты, а из новостного синдиката. Впервые увидел Чудовище Франкенштейна полгода назад и заинтересовался. Кое-что разузнал в Вашингтоне, потом разыскал вас здесь. А мне в самом деле следует звать вас Стэном? Стейн или Штейн ближе к правде. Ведь в ваших документах о гражданстве написано «Виктор Франкенштейн».

— Продолжайте. — Голос собеседника внезапно стал бесстрастным.

Дэн порылся в желтых листках.

— Так… вот она, выписка из официальных документов. Франкенштейн Виктор, родился в Женеве, прибыл в США в тысяча девятьсот тридцать восьмом году и так далее.

— Сейчас вы скажете, что мое Чудовище на-

стоящее! — улыбнулся Франкенштейн, но глаза оставались холодными.

— Да наверняка. Ни йога, ни гипноз не помогут развить такую нечувствительность к боли… и такую невероятную силу. Я хочу узнать всю историю от начала до конца. Для разнообразия — подлинную!

— Вот как?.. — ледяным тоном произнес Франкенштейн, и в воздухе повисло напряжение. Затем ярмарочный артист засмеялся и хлопнул собеседника по плечу. — Ладно, Дэн, будь по-твоему. Ты упрямый чертяка и хороший журналист. Заслужил! Но сперва принеси чего-нибудь покрепче, чем это мерзкое пиво.

Его нью-йоркский акцент пропал следом за немецким. Теперь он говорил по-английски безукоризненно, без какого-либо местного оттенка.

Дэн взял пустые кружки.

— Придется обойтись пивом, в этом округе сухой закон.

— Чепуха! Мы же в Америке. Здесь порицают заграничные двойные стандарты, но сами по этой части легко заткнут за пояс Старый Свет. Может, в округе Бей и действует сухой закон, но у служителей этого закона загребущие руки. Под барной стойкой прячутся солидные запасы

прозрачной жидкости, которую не зря прозвали «Белым мулом», — она валит с ног, как удар копытом! Не веришь — посмотри на дальнюю стену, там висит федеральное разрешение на продажу спиртного. С точки зрения национального закона все чисто. Просто положи на стойку пять баксов да потребуй «Горной росы». На сдачу можешь не рассчитывать.

Когда оба пригубили кукурузный виски, Виктор Франкенштейн пришел в хорошее расположение духа.

— Зови меня Вик. Ты мне нравишься, Дэн. Я расскажу историю, которую мало кто слышал, историю невероятную, но совершенно правдивую. Правдивую, я подчеркиваю! Это тебе не мешанина из передергиваний и недомолвок, как в гнусной книжице Мэри Годвин. О, как же мой отец жалел, что повстречал эту женщину и в момент слабости доверил ей тайну некоторых научных исследований…

— Минутку, — перебил Дэн. — Ты обещаешь рассказать правду, но не рассчитывай, что я на это клюну. Мэри Уолстонкрафт Шелли написала книгу «Франкенштейн, или Современный Прометей» в тысяча восемьсот восемнадцатом году. Выходит, ты и твой отец — древние старцы…

— Дэн, только не надо перебивать. Я упомянул исследования моего отца — заметь, во множественном числе. Все они были посвящены тайнам жизни. Чудовище, как его после стали называть, всего лишь один из отцовских проектов. Долголетие — вот что интересовало папу, и он дожил до весьма преклонных лет, как доведется и мне. Не скажу пока год моего рождения, ты все равно не поверишь. Продолжим. Так вот, Мэри Годвин. В то время она жила со своим поэтом, но они еще не поженились, и это позволило отцу надеяться, что однажды Мэри найдет его довольно привлекательным, ведь он был без ума от нее. Конец был вполне предсказуем. Она записывала за ним каждое слово, а после отвергла его и сочинила на основе заметок свою жалкую книжонку. Шелли наделала море ошибок, вот послушай…

Он наклонился через стол и еще раз сердечно хлопнул Дэна по плечу. Подобная фамильярность была журналисту не слишком по нраву, но он не возражал. Главное — разговорить собеседника.

— Для начала она сделала папу швейцарцем. Он рвал на себе волосы при одной мысли об этом! Так опозорить наш древний и благородный баварский род! Затем заявила, будто он посещал Ингольштадтский университет, хотя любому

школьнику известно, что в тысяча восьмисотом году университет переехал в Ландсхут. А описание отца! Эта женщина совсем потеряла совесть. В своем пасквиле она вывела его вечно хнычущим неудачником, хотя на деле он был сильным и решительным человеком. И если бы она ограничилась этим! Но нет, Шелли совершенно превратно истолковала его эксперименты. Соорудить искусственного человека из ошметков мертвых тел — что может быть нелепее! Она так увлеклась легендами о Талосе[9] и Големе, что перекроила отцовские работы по этим древним образцам. Папа вовсе не создавал искусственного человека, он оживил мертвеца! Вот истинная мера его гения! Он много лет странствовал по самым глухим уголкам африканских джунглей, изучая искусство создания зомби. Он систематизировал полученные знания и оттачивал мастерство, пока не превзошел всех своих туземных учителей. Поднимать мертвых — вот что он умел. Вот в чем заключалась его тайна, и разве вы сможете сохранить ее, мистер Дэн Брим?

Вдруг глаза Виктора Франкенштейна широко распахнулись и в них сверкнул недобрый огонек.

---

[9] Примечания: 9

Талос — в древнегреческой мифологии бронзовый витязь, данный Зевсом Европе для охраны острова Крит.

Дэн инстинктивно отшатнулся, но тут же успокоился. Чего ему опасаться в ярко освещенной комнате, среди множества людей?

— Испугался, Дэн? Напрасно.

Виктор улыбнулся и еще раз хлопнул Дэна по плечу.

— Что это? — Дэн ощутил легкий укол.

— Пустяки… Вот, смотри.

Франкенштейн снова улыбнулся, но его улыбка неуловимо изменилась, она больше не казалась дружелюбной. Он разжал кулак и показал крошечный пустой шприц с опущенным поршнем.

— Сиди, — тихо приказал он, когда Дэн попытался встать.

Мышцы обмякли, и перепуганный журналист плюхнулся на скамью.

— Что ты со мной сделал?

— Ничего особенного… всего лишь безобидный укольчик. Легкий транквилизатор. Эффект сойдет на нет через пару часов, но до тех пор ты лишен силы воли. Придется посидеть и послушать меня. Выпей пока пива, чтобы жажда не мучила.

Дэн беспомощно смотрел, как его рука поднялась сама по себе. В рот полилось пиво.

— А теперь сосредоточься, Дэн, это важно. Так называемое Чудовище Франкенштейна — это не

сшитые вкривь и вкось куски тел, это самый настоящий зомби. Мертвец, который может ходить, но не говорить, повиноваться, но не мыслить. Он жив и в то же время мертв. Чарли, которого ты видел на сцене, — именно такой зомби. Но он совсем износился. Клетки мертвецов не восстанавливаются. После бесчисленных представлений он похож на подушечку для булавок, весь в дырах. А ноги! Просто кошмар, ни одного пальца не осталось. Отламываются при быстрой ходьбе. Пора старине Чарли на покой. Ему выпала долгая жизнь и долгая смерть. Встань, Дэн.

Дэн медленно встал, хотя мысленно кричал: «Нет! Нет!»

— Кстати, хочешь знать, кем он был, прежде чем сделался ярмарочным уродом? А напрасно не хочешь. Старина Чарли был журналистом… совсем как ты, Дэн. Ему тоже подвернулась интересная история. Он тоже не понял толком, что раскопал, и решил поговорить со мной. Вы, журналисты, ужасно любопытный народ. Я покажу мой альбом для вырезок, в нем полно журналистских удостоверений. Разумеется, покажу до того, как ты умрешь. После тебе уже не оценить его по достоинству. А теперь идем.

Дэн вышел следом за Виктором в душную ночь.

Он мысленно вопил от ужаса, но шагал по улице молча.

Контактер

Перевод П. Киракозова

— Как выйдешь из шлюза, сразу начинай нарываться, — сказал капитан. — У тебя с собой оружия будет достаточно, чтобы начать небольшую войнушку. А это — именно то, для чего тебя и посылают. Так что вали и дай им как следует прикурить…

— А как насчет того, чтобы для начала дать прикурить вам, капитан? — заметил Чесни, несмотря на неудобный скафандр молниеносно вскидывая лазерный излучатель. Он направил его прямо в грудь капитану и нажал на спуск. Излучатель громко щелкнул.

— Прибереги боевой задор для серьезных дел, — ледяным тоном произнес капитан. — Там все будет зависеть исключительно от тебя самого. В скафандре совсем нет пищи и крайне ограниченный запас воды. А пробыть там снаружи тебе придется столько, сколько потребуется, чтобы довести работу до конца. И самое главное — ты должен все сделать так, чтобы я остался доволен.

Именно я, поскольку оценивать ее результаты буду я, и только я один. Если не справишься или сделаешь что-то не так, я просто не впущу тебя обратно, и ты будешь потихоньку гнить в своем скафандре, пока не умрешь. Можешь считать, что на тебе готовый саркофаг и я — единственный человек, который может тебя из него вытащить. Так что советую делать все на совесть, Чесни.

Чесни в ответ громко и витиевато выругался, но капитан даже не обратил на это внимания.

— Выгружайте! — велел капитан, и два рядовых схватили Чесни за руки и вышвырнули в открытый люк.

— Вы практически вынуждаете меня к самоубийству, — напоследок крикнул Чесни в проем начавшего закрываться люка. — Кто дал вам право убивать меня?

— Ты сам, Чесни, когда взбунтовался против адмирал-императора. А потом этим правом наделил меня суд, признавший тебя виновным в измене и приговоривший тебя к смертной казни. Ты же сам добровольно согласился на эту работу, чтобы тебя не казнили…

Но Чесни уже его не слышал. Внутренний люк почти закрылся, но щель еще была достаточно широка для того, чтобы бросить в нее гранату. Он

потянулся к висящему на правом бедре подсумку с гранатами, на котором был нарисован недвусмысленный красный крест — знак смерти, — но подсумок оказался запертым и не открывался. Наконец внутренний люк закрылся окончательно, и его задраили изнутри. Начал медленно, со скрипом, открываться внешний люк. Теперь голос капитана раздавался прямо у него над ухом из динамика внутри шлема, и его невозможно были ни приглушить, ни отключить.

— А теперь слушай приказ. Ты должен немедленно покинуть корабль. Далее следуй курсом тридцать два, ориентируясь по компасу-пеленгатору на запястье. Вскоре ты доберешься до деревни обитателей этой планеты. Эту деревню постарайся уничтожить. Я буду наблюдать за тобой и слушать, так что советую постараться как следует.

Как только люк открылся достаточно, чтобы пропустить человека, Чесни протиснулся в щель и спрыгнул вниз. Под тяжестью скафандра и навьюченного на него остального тяжелого снаряжения он, приземлившись, упал, но падение было рассчитанным — он кувыркнулся, нырнул в сторону и откатился. Снова оказавшись на ногах, он уже стоял лицом к кораблю и снова

— причем опять совершенно безрезультатно — давил на спуск излучателя. Механизм этого невероятной мощности оружия по-прежнему только насмешливо щелкал. Над ухом снова послышался назойливый голос:

— …Окажешься на окраине, сразу стреляй во все, что покажется тебе хоть мало-мальски примечательным, и чем более оно будет с виду примечательным, тем важнее тебе будет уничтожить это. По нашим данным, аборигены этого паршивого куска грязи всего-навсего безобидные дикари, но мы должны действовать наверняка.

Когда наружный люк тоже закрылся и был задраен, лазер в его руках наконец ожил, и, как только из дула вырвался ослепительный луч, сработала защита, и забрало шлема потемнело. Смертоносный луч выжег дымящуюся канаву в земле. Чесни поднял оружие выше, и бешеное пламя лизнуло борт корабля, а потом — иллюминаторы ходовой рубки на самом верху. Теперь в голосе капитана уже звучала холодная ярость.

— Ну и идиот же ты, Чесни! Неужели ты хоть на мгновение мог вообразить, что мы дадим тебе в руки то, что может причинить вред кораблю? Внутренности корабля ты бы еще смог разнести — именно поэтому мы и активировали твое ору-

жие только после того, как ты оказался снаружи. Обшивка же звездолета может выдержать любой удар, кроме разве что взрыва водородной бомбы. Придурок! Будешь и дальше испытывать мое терпение — оно лопнет, и я прикажу уничтожить тебя на месте. Впрочем, не дождешься. Мне нужно, чтобы ты выполнил задание. Но могу тебе сказать — и поверь, это чистая правда, а не угроза, — что ты уже наполовину провалил его. Запомни, если ты просто выполнишь задание, я оставлю тебя здесь. Если ты как следует его выполнишь, я тоже оставлю тебя здесь. А вот если ты выполнишь его великолепно, я, может быть, еще подумаю, впускать тебя обратно или нет. А теперь — вперед!

С фактами не поспоришь, спорить можно только с людьми. Чесни понял это еще много лет назад. А капитан был фактом, причем таким, от которого зависела жизнь и смерть — вернее, смерть и смерть. Теперь это было ясно. Он повернулся к кораблю спиной и постарался выкинуть его из головы. Дотронувшись до подсумка, Чесни убедился, что теперь тот открывается, кинжал свободно вынимается из ножен и что вообще все орудия разрушения и убийства, которыми его снабдили на корабле, находятся в полной

боеготовности. Бросив взгляд на компас, он развернулся так, чтобы стрелка указывала точно на цифру 32, и включил реактивный ранец. Тот с ревом ожил, лямки дернули его вверх, и он оказался в воздухе.

Время от времени ему приходилось маневрировать, чтобы не врезаться в довольно странные объекты, усеивающие все вокруг. Но он удостаивал их лишь вскользь брошенным взглядом, полностью сосредоточившись на том, что лежит впереди. Капитан говорил, что эти штуки — несмотря на их искусственный вид — чисто естественные образования. Оставалось ему только верить. По крайней мере в этом вопросе. Капитан просто не стал бы обманывать его насчет того, что хоть как-то могло бы поставить под угрозу успех миссии.

Впереди показалась долина со множеством похожих на ульи строений. Именно так ему и описывали деревню. Он почти автоматически спустился ниже, чтобы его было не так заметно, и тут же над ухом раздался ненавистный голос:

— Сохраняй высоту. Нападай быстро. Рази как молния. Обрушься на них как исчадие ада. Ты все понял?

— Жаль, что вас там нет, — рявкнул он в ответ,

набрав высоту, а затем ринувшись вниз с несущим смерть лазером наперевес.

Огненный луч прошивал строения насквозь как бумажные, круша их, испепеляя и превращая в дымящиеся кучи мусора. По всей деревне, как муравьи в разоренном муравейнике, растерянно сновали аборигены, а безжалостный луч продолжал с легкостью косить их налево и направо. Спустившись еще ниже, он мог разглядеть, как они падают и умирают, конвульсивно дергая синевато-серыми конечностями.

— Ведь они же просто аборигены, — яростно орал он, не переставая, однако, стрелять. — Они же такие простые, беспомощные и недалекие… сами посмотрите. Вон те, которых я только что зацепил, — у них же не было ничего, кроме каменных ножей и топоров. Это настоящее убийство — нет, даже хуже — бессмысленная бойня!

Но, даже выкрикивая все это, он приземлился и обвел лучом вокруг себя, срезая бросившихся к нему аборигенов. А они все же действительно попытались броситься на него — разъяренной, но беспомощной толпой. Броситься и бессмысленно погибнуть от безжалостной огненной десницы.

— Да, с виду они действительно простые, — спокойно заметил голос над ухом. — Но это мы уже

проходили. Так что продолжай делать свое дело. Только попробуй остановиться хоть на секунду, и я буду считать, что ты не справился с заданием.

Язык Чесни продолжал сыпать проклятиями по поводу побоища, в то время как тело трудолюбиво продолжало начатое дело.

— Мы — убийцы, мы все — просто убийцы, — визжал он, сжигая кучку местных, бросившихся к нему под прикрытием каких-то чуть ли не картонных грубых щитов. — Мы сеем смерть, и в один прекрасный день наша раса пожнет ее горькие плоды! — воскликнул он, сжигая большое здание вместе со всеми, кто укрывался внутри. — Я не хочу в этом участвовать… раса, которая способна на такое, просто не имеет права на существование! — всхлипывал он, переводя лазер на непрерывный огонь и сжигая несчастных сотнями.

Вдруг лазерный луч исчез, а внутри шлема замигала красная лампочка, сигнализирующая о том, что оружие перегрелось и сработали предохранители. Но он, едва заметив сигнал, уже забросил лазер на плечо и, выхватив из подсумка пару гранат, швырнул их и одновременно включил реактивный ранец. Они взорвались, когда он был уже высоко в воздухе, по-прежнему продол-

жая бросать гранаты одну за другой и оставляя за собой шлейф новых смертей и разрушения.

— Пора поворачивать на азимут восемьдесят семь, — сказал капитан. — Там тоже нужно кое-кого расшевелить.

— Но там домишки какие-то уж больно жалкие. А большие солидные постройки находятся совсем в другом направлении…

— Делай что говорят. А думать буду я! — проревел в ответ голос. — Я разум, а ты всего лишь тело. Вперед! — Но Чесни уже и так лег на указанный курс, поэтому голос немного спокойнее продолжал: — Мышление везде одинаково, как и все остальное. Если нас просто пытаются сбить с толку, а эти существа не так просты, какими пытаются казаться, то с толку будут сбиты они сами, поскольку мы почему-то принялись обследовать объект, не заслуживающий ни малейшего внимания.

— Сколько понапрасну загубленных жизней, да и всего остального — хотя бы даже и этих гранат, — заметил Чесни, обрушивая на жалкие строения внизу целый град смертоносных гранат. По одной гранате на каждый дом было вполне достаточно, поскольку они были рассчитаны на уничтожение куда более основательных сооруже-

ний. — Довольно странный способ устанавливать контакты с другими мирами и другими расами.

— А мы пошли именно таким путем и будем продолжать им идти, — отозвался безжалостный голос. — Сейчас человечество находится в состоянии войны со всей остальной Галактикой. Когда открывается очередная планета — например, как эта, — ее обитатели могут стать либо нашими подданными, либо врагами. В войне, которую мы ведем, никто не может оставаться нейтральным. У нас просто нет времени — как, впрочем, и желания — проявлять дружелюбие. Поэтому и контакт мы осуществляем таким образом: ставка в нем — всего одна человеческая жизнь, причем жизнь совершенно никому не нужного человека, вроде тебя. Ты уже начал убивать, и продолжай в том же духе. Если обитатели этой паршивой планетки действительно такие простаки, какими кажутся, убей их столько, сколько нужно, чтобы доказать это, и они станут еще одной расой, покоренной нами для адмирал-императора. Очень скоро они нарожают детей, восполняя нанесенный тобой урон, зато на всю жизнь запомнят нашу жестокость. Тем более что время от времени мы будем им о ней напоминать. И они из страха будут служить нам верно.

— Тогда позвольте мне прекратить это. Порабощайте их. Делайте что хотите, но только позвольте мне перестать убивать их.

— Нет, я еще не удовлетворен. Уж слишком легко они умирают. Если они все же окажутся высокоразвитой расой, нам придется немедленно напасть на них и уничтожить в локальной войне до того, как они успеют объединиться с нашими врагами. Так что действуй. Продолжай их уничтожать.

— Здесь слишком мало домов. Все труднее найти цель, — сказал Чесни, поднимаясь выше и стараясь швырять гранаты поточнее. Зданий действительно оставалось совсем мало, да к тому же они были раскиданы на довольно большой территории.

— Тем не менее место здесь совершенно открытое, и селение ничуть не хуже, чем другие, — задумчиво проговорил капитан. — И наверняка все это лишь ради того, чтобы сбить нас с толку.

— По-моему, вы везде видите лишь обман и коварство только потому, что сами лживы и коварны, — крикнул в ответ Чесни.

— Ну и что, — спокойно парировал капитан. — Именно поэтому мне и поручили эту работу. Вперед! Теперь курс двадцать семь, там стоит

одинокое здание. Взорвешь его, а потом в воронку от первого взрыва бросишь еще гранату. Потом приземляйся.

— Здесь опасно находиться, — сказал Чесни, опускаясь сквозь облако желтоватого дыма в свежеобразовавшуюся воронку. — Края осыпаются. Я могу оказаться в ловушке.

— А мне-то что? Делай что говорят. Теперь воткни носок правого сапога скафандра поглубже в землю. Там есть встроенный портативный сейсмограф. А теперь постарайся постоять неподвижно и ни в коем случае не переставляй ноги, пока я тебе не скажу. Сейчас я активирую прибор. Все, теперь он включен. Попробуй только пошевельнуться, и я тебя просто убью. Разве я не говорил тебе, что в скафандре есть устройство, которым я легко могу тебя убить?

В словах капитана, похоже, не было и тени шутки, и Чесни устало разразился монотонной бранью в его адрес.

— Все, теперь мы готовы, — сказал капитан. — Возьми свой гранатомет… да медленно же, идиот! Заряди его фугасной гранатой с контактным взрывателем. Дистанция — один километр. Огонь!

Чесни нажал на спуск, и как только реактивная

граната с визгом вырвалась из воронки, на краю ее появилась огромная толпа злобно шипящих аборигенов, которые, увидев его, тут же бросились вниз. Сквозь броню скафандра Чесни даже слышал их приглушенные воинственные вопли.

— На меня напали, — сообщил он.

— Не вздумай шевелиться или обороняться, — пригрозил капитан. В скафандре эхом отдалась целая серия щелчков. — Я отключил все твое вооружение, так что теперь они не смогут использовать его против тебя.

В то время как аборигены набросились на него, откуда-то издалека донесся грохот взрыва. Тут по шлему забарабанили серые кулаки, в визоре показались тщетно пытавшиеся прокусить его оранжевые зубы. По скафандру застучали каменные топоры. Он съежился внутри скафандра, но пошевелиться все же не решился.

— Вблизи… они отвратительны, — пробормотал Чесни. — Они… мерзкие до невозможности…

— Стой спокойно, сейчас как раз поступают сейсмоданные и компьютер их обрабатывает. — Минутное молчание, затем: — Отлично, просто отлично! — Голос капитана был возбужденным, чуть ли не радостным. — Теперь давай лазером! Я снова его активировал. И не беспокойся, если

даже луч отразится от стенки кратера, скафандр тебя защитит.

Аборигены в одно мгновение были сожжены, испепелены и полностью уничтожены. Об их нападении напоминали только кучки пепла.

— Включай ранец, курс девятнадцать, — велел капитан, и Чесни тут же взмыл над кратером и понесся в указанном направлении. — Приготовься садиться… давай! А теперь достань и подготовь к взрыву атомный заряд.

Контейнер у него на груди зажужжал, и из него прямо на руки Чесни выпало тяжелое металлическое яйцо. Он опустился на колени и осторожно уложил его в вырытое перед этим небольшое углубление в песчаной почве. Затем медленно и плавно повернул рукоятку, расположенную в верхней части устройства, и осторожно вытащил ее вместе с подведенным к ней пучком черных, маслянисто поблескивающих проводов. Раздался щелчок, сероватое яйцо зажужжало. Ощутив кончиками пальцев вибрацию, Чесни вздрогнул.

— Уходи! — скомандовал голос, и он тут же свечой взмыл в поднебесье. Сейчас все те же лямки резали ему под мышками, но теперь это было даже приятно, поскольку они уносили его подальше от смертоносного яйца.

— Курс тридцать пять, — сказал голос. — Там на реке обрывистый берег, за которым ты сможешь укрыться. Вот здесь — опускайся. Оставайся висеть в воздухе над самой землей и не высовывайся. На землю не садись — удар будет очень сильным. Отлично. Теперь отвернись в противоположную от бомбы сторону. Затемни визор. Заслони его руками. Закрой глаза. Ну как, готов?

— Готов…

И не успел последний звук сорваться с его губ, как будто весь мир взорвался вокруг него, оглушив и ослепив его, несмотря на все меры предосторожности, озарившей, казалось, всю Вселенную вспышкой. Земля вздрогнула, атмосфера вскипела, по реке бешено понеслись огромные водяные валы.

— Приготовься, — велел голос. — Огненный шар уже почти исчез. Так… пошел! Лети над самой землей на максимальной скорости. Не волнуйся, скафандр защитит тебя от радиации. И все время смотри прямо на кратер, тогда камера шлема тоже будет направлена на него.

Даже не дослушав инструкций, Чесни рванулся к месту взрыва. Над его головой все еще докипала радиоактивная туча, а под ним разверзся просто огненный ад. Ранец нес его между Сциллой и

Харибдой, и он почувствовал, как температура внутри скафандра начинает медленно расти. Скафандр раскалялся и начал жечь в тех местах, где касался тела. Чесни начал нервничать — не только от этого, но и от сознания того, что сейчас его пронизывает невидимое излучение. Но, несмотря на боль и страх, какая-то маленькая частичка его «я» не позволяла ему нарушить приказ, и он с боязливым любопытством продолжал разглядывать кратер. Сквозь треск помех пробился голос капитана:

— Там в кратере на дне что-то очень большое. Просто-таки громадное и массивное. Может, конечно, и природный объект, но скоро мы будем знать точно.

Сквозь затемненный визор шлема не было видно почти ничего, кроме бушующего внизу пламени. Кажется ему или действительно в отсветах бурлящей лавы вырисовываются очертания какого-то прямоугольного объекта?

— Я оказался прав! — вдруг взревел капитан. — Нас атаковали, причем с разных сторон! Отлично! Противник использует энергетическое оружие большой мощности. Мы взлетаем…

— А как же я?! — исступленно закричал Чесни, чувствуя, как что-то разорвалось в воздухе рядом

с его ногой и его пронзила острая боль. — В меня тоже стреляют!

— Курс сто сорок пять, — велел капитан. — Шесть секунд на полной мощности, и приземляйся. Одновременно с тобой сядет корабль с открытым наружным люком. У тебя в распоряжении будет ровно две секунды, не больше. Потом мы снова взлетаем, независимо от того, успел ты или нет. И то можешь считать, что я тебя пожалел.

Чесни ничего не ответил, потому что изо всех сил старался не потерять сознания от боли. По подбородку стекала кровь из прокушенной нижней губы, а меркнущее сознание было занято исключительно тем, чтобы не сбиться с курса и успеть вовремя.

По истечении шестой секунды он вырубил двигатели и рухнул на землю, несколько раз перекувыркнувшись через голову и наконец застряв в кустах на опушке леса. Выпутываться из густых веток он даже не стал и пробовать, а просто прожег себе дорогу.

Корабль уже садился, чуть ли не прямо ему на голову, и его опалило бьющее из дюз реактивное пламя. Не успел звездолет коснуться земли, как он рванулся к нему и рыбкой нырнул в отверстие

открытого люка.

Он едва успел, потому что корабль рванулся вверх, даже не закрывая люка. На Чесни навалилась невыносимая тяжесть, и он провалился в блаженное небытие.

— Уж слишком они оказались упрямы, — сказал капитан. — Сражение грозило затянуться слишком надолго, да и потребовало бы с нашей стороны слишком больших усилий. Пришлось сбросить планетарную бомбу. Планета все еще в огне, а жаль.

— Да неужели? — невнятно из-за поддерживающей сломанную челюсть повязки спросил Чесни. Благодаря лошадиной дозе обезболивающих, он почти не чувствовал своего во многих местах перевязанного, обожженного и изломанного тела. К тому же в крови его сейчас циркулировали антирадиационные препараты, поскольку капитан все же слегка преувеличил возможности скафандра защитить находящегося внутри человека от жесткого излучения.

— Хм, хороший вопрос, — задумался капитан. — Даже не знаю, способен ли я еще хоть о чем-нибудь сожалеть. Когда долго выполняешь какую-то работу, очень сживаешься с ней. Человек ведь такое животное, которое ко всему очень

легко приспосабливается. Но когда-то мне, как сейчас тебе, тоже бывало кого-то жаль; правда, это было очень давно.

Никакие лекарства не могут снять боль насовсем. Боль вернулась, и Чесни тут же забыл и о планете, костром пылающей где-то позади, и о ее серокожих обитателях, которые теперь все были мертвы.

— А что будет со мной? — спросил он.

— Поскольку ты выжил, тебя автоматически приняли на пожизненную службу в космическом флоте адмирал-императора. Теперь тебе предстоит служить на таком же корабле. — Капитан обвел каюту руками.

— Надеюсь, не в качестве того пушечного мяса, которым набиты ваши нижние палубы…

— Конечно же нет. Как выживший, ты станешь командовать одним из кораблей контакта. Так что мои поздравления, капитан! — В его смехе слышались какие-то ледяные нотки.

— Вы лжете!

— Нет, это чистая правда. Если тебе на твоем корабле удастся успешно выполнить десять миссий, получишь повышение и будешь переведен на менее опасную должность.

— Но ведь тогда получается… — несмотря на

боль и туманящие рассудок лекарства, Чесни попытался привести мысли в порядок, — получается, что и вы тоже в недалеком прошлом были таким же контактером, как и я?

— Именно. Семь миссий тому назад. Так что мы практически ничем не отличаемся друг от друга.

Чесни был просто потрясен.

— Но тогда получается, что этой тирании конца-краю не будет! Неужели же все люди действительно обречены либо участвовать в войне, либо погибнуть?

— Так оно и есть, — кивнул капитан и тяжело вздохнул. — Когда я впервые это понял, на меня напала такая тоска, что я даже хотел застрелиться, но потом понял, что пока не хочу умирать. Мы с тобой люди одного типа, человечество обречено, и ничего с этим не поделаешь. Убивай, или тебя убьют. Добро пожаловать.

— Нет!

— Поздно. Ты сделал свой выбор, когда выпрыгнул из корабля и предпочел убивать, а не быть убитым. Как и большинство других людей.

— Но как все это началось? Зачем все это… зачем?

— Мы этого уже никогда не узнаем. История полностью переписана и представляет собой

всего лишь кучу лжи. Мне довелось встречать миролюбивые расы, которые мы, конечно же, поработили, и я склонен думать, что человечество когда-то тоже было таким. Однако как-то, где-то, когда-то кто-то посчитал, что решать все проблемы лучше всего с помощью насилия. К власти пришли сторонники насилия, военные. А раз придя к власти, они уже больше не выпускали ее из рук — и никогда не выпустят.

— Как я устал… — пробормотал Чесни и уронил голову на грудь.

— Давай сначала выпьем, а потом я помогу тебе добраться до койки. В первый раз всегда устаешь очень сильно.

Они подняли стаканы, и капитан сказал:

— Смерть врагам!

— Нам бы не стоило за это пить, — отозвался второй капитан.

— Потому что мы сами враги, да?

— Конечно.

Но они все-таки выпили.

Когда боги курят фимиам

Перевод В. Вебера

В одно мгновение космический корабль «Юрий Гагарин» из тысячефутовой колонны сверкающего металла превратился в облако пламени и расширяющегося газа, иззубренных обломков и горящих факелов. Семьдесят три человека умерли в момент катастрофы, мгновенно и безболезненно. Причину взрыва так и не удалось установить, поскольку все свидетели погибли, а возможные вещественные доказательства разметало по Вселенной. Если бы нашелся сторонний наблюдатель, он бы увидел, как появилось и исчезло облако газа, оставив после себя куски перекрученного металла, обугленные тела, вскрывшиеся чемоданы, поломанные агрегаты, разлетающиеся в разные стороны. Каждый из предметов обрел в результате взрыва собственные скорость и ускорение. Некоторые фрагменты какое-то время летели параллельно, но потом, в силу индивидуальных особенностей, также начали расходиться, теряясь в межпланетном

пространстве. Обломки побольше обрели спутников. Книга с радиокодами начала вращаться вокруг реактора корабля, удерживаемая законом притяжения. Труп помощника боцмана сжимал в оледеневших руках мягкие складки женского платья. Но солнечная радиация и абсолютная сухость космического пространства немилосердно обошлись с волокнами, превратив материю в пыль, которую унесло центробежными силами. Никто не мог выжить в такой катастрофе, но слепой случай может не только убить, но и спасти.

Три человека оказались в спасательной капсуле, единственная среди них женщина еще не пришла в себя после удара головой о переборку. Один мужчина пребывал в состоянии шока, его руки висели, как плети, а мысли ходили по кругу, словно поезд на игрушечной железной дороге. Второй распечатывал пластиковую бутылку водки.

— На всех американских кораблях есть коньяк, — говорил он, отдирая полоску пластика, потом сворачивая крышку. — Англичане комплектуют аптечки первой помощи виски. Молодцы, ничего не скажешь. Но меня угораздило летать на русском корабле. Посмотрим, чем они могут похвастаться… — Он приложил бутылку ко

рту, обеими руками нажал на нее.

— Тридцать тысяч фунтов наличными, — бубнил Дамиан Брейшоу. — Тридцать тысяч фунтов… Господи… они не могут возложить на меня ответственность за их пропажу. — Он задел каблуком стенку спасательной капсулы и приподнялся на пару дюймов. Медленно вернулся на прежнее место. И хотя кожа его цветом напоминала мел, а шок превратил лицо в маску, видно было, что парень он симпатичный. Волосы носил длинные, но от прически не осталось и следа, так что пряди падали на лоб и глаза. Он поднял руку, чтобы отбросить их, но до волос рука не дошла.

— Хочешь выпить, приятель? — спросил второй мужчина, протягивая ему бутылку. — Я думаю, пара глотков тебе не повредит, так что не откладывай на завтра то, что можно выпить сегодня.

— Брейшоу… Дамиан Брейшоу, — представился он, беря бутылку. Закашлялся, глотнув крепкого напитка, и впервые после взрыва отвлекся от мыслей о потерянных деньгах, заметив темно-зеленую форму второго мужчины, золотые нашивки на плечах. — Вы — космонавт… офицер корабля.

— Совершенно верно. Зрение у тебя отличное. Я — второй лейтенант Коуэн. Зови меня Чак. А я

тебя — Дамиан.

— Лейтенант Коуэн, можете вы сказать…

— Чак, и давай на «ты».

— …Можешь ты сказать, что произошло? Я в некотором замешательстве. — Он обвел взглядом спасательную капсулу, забранную сеткой лампу, ряд рычагов с непонятными русскими словами.

— Корабль взорвался, — бесстрастно ответил Чак, но тут же приложился к бутылке. Долгие годы службы не прошли зря, кожу у глаз прорезали глубокие морщины, щетина на выбритой голове на добрую половину состояла из седины, но он никак не мог смириться с тем, что буквально за несколько секунд огромный корабль превратился в ничто. — Выпей еще. — Он протянул бутылку Дамиану. — Мы должны ее добить. Взорвался — это все, что я знаю. Просто взорвался. Я открыл люк в капсулу, проводил плановую проверку. Так меня швырнуло внутрь. Ты проходил мимо, поэтому я успел прихватить и тебя. Или ты не помнишь?

Дамиан замялся, потом покачал головой.

— Да, схватил сначала тебя, потом девушку, она лежала на палубе без сознания. Когда затаскивал ее, услышал хруст рушащихся переборок. Прыгнул следом. Люк закрыло вакуумом, прежде чем

я успел прикоснуться к нему.

— А остальные?..

— Мертвы, Дамиан, все до единого. Если кто и выжил, так это мы.

Дамиан ахнул:

— Ты уверен?

— Абсолютно. Я наблюдал через иллюминатор. Корабль разлетелся вдребезги. Взорвался. Если бы не заранее открытый люк, мы бы тоже не спаслись. Не рассчитывай, что такой шанс может выпасть еще раз.

— Нас найдут? — Голос Дамиана дрожал.

Чак пожал плечами:

— Трудно сказать. Дай-ка бутылку, очень уж сильно ты на нее жмешь.

— Ты можешь сообщить о том, что мы живы, в капсуле должно быть радио.

Чак крякнул после еще одного доброго глотка, поднял практически пустую бутылку, посмотрел на просвет.

— У тебя, Дамиан, должно быть, сдернуло башню. Ты же лежал и смотрел, как я посылаю SOS. Но быстро понял, что занятие это бесперспективное.

— Не помню. Шок, знаешь ли. Но почему ты перестал звать на помощь? Я не понимаю.

Чак наклонился, взялся за один из рычагов. Поднялась крышка, открыв контрольную панель радиопередатчика. Чак нажал на клавишу, и маленькую капсулу наполнил шум водопада. Второе нажатие восстановило тишину, Чак вернул крышку на место. Дамиан покачал головой:

— Что это?

— Помехи. Из-за бури на Солнце. Через них нашему сигналу не пробиться. Нам не остается ничего другого, как дожидаться, пока буря утихнет. Смотри, наша подруга приходит в себя.

Оба повернулись к женщине, которая лежала на обитой мягким, пружинящим материалом стене капсулы. Глаза Дамиана широко раскрылись. Только теперь он заметил, какая она красотка. Огненно-рыжие волосы обрамляли ангельское личико. Розовую гладкость кожи портил лишь отвратительный синяк на лбу. Пышность форм подчеркивало платье с обтягивающим лифом и широкой юбкой. Юбка задралась чуть ли не до талии, обнажив стройные, аппетитные ножки и черное кружевное нижнее белье.

— Слушай. — Дамиан протянул руку, убрал. — Не следует ли нам… э… поправить ей одежду?

— Валяй. — Чак улыбнулся. — Но мне она нравится и такой. Никогда не видел… как их

называют… таких панталончиков. Очень забавно. — Но при этом он наклонился и натянул юбку на ноги женщины.

Женщина повернула голову, застонала.

— У нее тяжелая травма? — спросил Дамиан. — Мы можем чем-нибудь ей помочь?

— Понятия не имею и нет, в таком вот порядке. Если, конечно, ты не врач…

— Нет, не врач.

— Тогда мы бессильны. Пусть спит. Когда придет в себя, я дам ей глоток вот этого краскоочистителя. Потерявшему сознание человеку пить давать нельзя. Жидкость может попасть в легкие. Курс оказания первой помощи, раздел 3В, Космическая академия.

Мужчины молча наблюдали, как поднялись веки, открыв восхитительные серые глаза, как женщина прошлась взглядом по их лицам, интерьеру крошечной капсулы. Потом она начала истошно вопить. После третьего вопля Чак отвесил ей крепкую оплеуху. На щеке отпечаталась его ладонь, но вопли сменились рыданиями.

— Не следовало тебе… — начал Дамиан.

— Очень даже следовало, — прервал его Чак. — Из медицинских соображений. Ужас ушел, так что теперь она спокойно поплачет и придет в

себя. Я — Чак, — обратился он к женщине. — Это — Дамиан. А как зовут тебя?

— Что с нами случилось? Где мы?

— Чак и Дамиан. А кто ты?

— Пожалуйста, скажите мне. Я — Хелена Тибловски. Что случилось?

— Я вас знаю, по крайней мере слышал о вас, — заговорил Дамиан. — Вы — польская художница из Лунного центра.

— Подробности оставим на потом, приятель. Мы — в спасательной капсуле, Хелена, у нас все хорошо. Есть вода, еда, кислород… и радио, чтобы вызвать помощь. Я говорю тебе это — давай сразу перейдем на «ты», — чтобы ты поняла выгоды нашего положения в сравнении с другими пассажирами и членами экипажа «Гагарина». Произошла катастрофа. Все погибли.

— А… что будет с нами?

— Хороший вопрос. Ты можешь помочь мне найти ответ на этот вопрос. Добей бутылку, она мне нужна пустая. И мне нужна обувь, и твоя, и Дамиана.

— Что ты такое говоришь? Зачем тебе наша обувь?

Чак уже откручивал винты глухаря.

— Логичный вопрос. Я — единственный сре-

ди вас член экипажа, поэтому командование автоматически возлагается на меня. Но у нас не та ситуация, когда можно требовать слепого повиновения, поэтому я расскажу, что знаю и что хочу предпринять. Катастрофа произошла, когда мы преодолели примерно четверть расстояния от Луны к Земле. Где мы сейчас, я не имею ни малейшего понятия, а выяснить это необходимо.

Покончив с винтами, Чак снял ставень, прикрывавший единственный иллюминатор спасательной капсулы. Снаружи звезды чертили на черном бархате космоса белые полосы, Земля — более широкую, зеленовато-синюю.

— Как вы видите, мы вращаемся вокруг продольной оси нашей термосной колбы. Мне нужно знать координаты звезд, чтобы определить нашу позицию, а для этого надо затормозить, а еще лучше — остановить вращение. К счастью, наружный люк смотрит навстречу вращению, поэтому любой выброшенный из капсулы предмет замедлит нашу скорость. Чем больше будут масса и скорость этого предмета, тем сильнее замедлится вращение капсулы. Но выбрасывать особенно нечего, в спасательных капсулах ничего лишнего нет, вот я и хочу воспользоваться вашей обувью. Система поддержания температурного

режима работает нормально, так что обувь вам особо не нужна. Идет?

Спорить с Чаком не стали. Обувь отправилась в шлюз вместе с пустой бутылкой, обивкой стен, разной мелочовкой. Чак закрыл внутренний люк, закачал в шлюз воздух, чтобы максимально поднять давление в шлюзе, дернул рукоятку, открывающую наружный люк. Капсула вдруг завертелась, их бросило на стенки.

— Извините. — Дамиан густо покраснел, обнаружив, что лежит на Хелене и обнимает ее.

Она улыбнулась, когда их разносило в разные стороны. Внезапно ощущение низа и верха исчезло, они парили по капсуле в невесомости. Чак хмурился, глядя на медленно плывущие мимо иллюминатора звезды.

— Я думаю, какие-то замеры сделать удастся. Если нет, придется выкинуть что-нибудь еще.

Он вытащил из висящего на поясе чехла небольшой прибор, похожий на подзорную трубу, нацелил на иллюминатор, приник к нему глазом.

— Мне потребуется время, так что расслабьтесь, — сказал он. — С помощью этого я могу измерить угловое расстояние до пяти астрономических объектов. Секстант запоминает углы, а

его микрокомпьютер может рассчитать наши координаты. Но процесс этот длительный. Так что поделитесь воспоминаниями, поближе узнайте друг друга. Я вот человек простой, обо мне говорить особо нечего. Средняя школа в Бронксе, Колумбийский университет, Космическая академия… потом полеты на Луну. А как насчет тебя, Хелена? Наш друг-англичанин сказал, что ты художница. Что рисуешь? Пейзажи? Монументальные полотна?

Хелена поджала губы:

— Я по другой части. Мои инструменты — лазеры и голограммы. Я создаю световые модули.

— Я их видел. — Чак нацелился на другую звезду. — У меня от них рябит в глазах и болит голова. А кто ты, Дамиан, грабитель банков или растратчик?

— Сэр!

— Уж не вини меня за этот вопрос, ты столько бубнил насчет пропавших тридцати тысяч фунтов.

Дамиан переплел пальцы:

— Я — сотрудник английского посольства. Мне поручили доставить на Землю наличные. Теперь денег нет…

Чак рассмеялся:

— Не идиотничай. Это всего лишь бумага, взрыв ее уничтожил. Банкноты спишут и напечатают новые.

Дамиан улыбнулся:

— Ты, разумеется, прав. Но после взрыва я только об этом и думал. Глупо, конечно.

— У каждого из нас выдавались неудачные деньки. Поговорите между собой пару минут, пока я пропущу цифры через эту мясорубку.

Разговор оборвался, как только Чак уткнулся в компьютер. Первый шок прошел, Дамиан и Хелена начали осмысливать создавшуюся ситуацию. Тишину нарушали лишь едва слышное жужжание вентилятора системы кондиционирования да редкие щелчки компьютера. Горела одна-единственная лампочка. По черному пятну иллюминатора проплывали звезды. В капсуле им было тепло и уютно. Двенадцать футов в длину, шесть — в ширину. Маленький замкнутый мирок, обеспеченный всем необходимым для поддержания человеческой жизни. А в двух дюймах, за стенкой, бесконечная пустота космоса.

— Значит, так. — Чак убрал секстант в чехол. — Давайте поглядим, какую еду приготовили нам комми.

Остальные улыбнулись шутке.

— А как насчет твоих цифр? — спросила Хелена. — Где мы?

— Понятия не имею. — Чак откинул большой люк в конце капсулы. — Впрочем, не совсем верно. Расчеты показывают, что мы где-то между Землей и Луной. Но я не был в рубке и не знаю, в какой точке находился корабль в момент взрыва. Поэтому подождем с час, а потом я сделаю новые замеры. Сравнение двух точек позволит определить направление нашего движения и скорость. Кто-нибудь хочет пить? — Он вытащил из гнезда одну из двух больших емкостей с водой.

— Я, если можно, — отозвалась Хелена.

— Соси, как сиську.

— Мне уже приходилось пить в невесомости, благодарю.

— Извини, милая, забыл, что ты опытная космическая волчица. Есть будешь? — Он достал плоскую коричневую коробочку, уставился на нее. — Вроде бы колода карт. Кто-нибудь знает русский лучше, чем я?

— Можешь на меня положиться. — Хелена взяла коробочку, мельком глянула на нее. — Это обезвоженные картофельные оладьи.

— Обезвоженные картофельные оладьи… — Чак печально покачал головой. — Я начинаю

склоняться к мысли, что остальным людям, летевшим на «Юрии Гагарине», очень повезло.

— Не остри, — одернул его Дамиан. — Когда такое говоришь, лучше постучать по дереву.

— Думаю, что в капсуле дерева нет, если не считать эти оладьи.

Когда они поели, Чак провел ревизию припасов, открыл другой люк, чтобы посмотреть, как у них с кислородом. Вновь попытался подать сигнал бедствия, но солнечная буря бушевала с прежней силой. По истечении часа сделал необходимые замеры, ввел результаты в компьютер.

— Будь я проклят! — наконец воскликнул он.

— Что-то не так? — спросил Дамиан.

— Проверю еще раз.

И только после новых замеров и расчетов он заговорил с ними. Теперь в его голосе юмор отсутствовал напрочь.

— Докладываю все и сразу. У нас неприятности. Так уж вышло, что мы находились за эпицентром взрыва относительно направления движения корабля. Поэтому взрыв в значительной степени погасил нашу скорость.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — вырвалось у Хелены.

— Объясняю. Если бы не взрыв, корабль долетел

бы до Земли за два дня. Но капсула уже не обладает такой скоростью. Нам потребуется от трех до четырех недель, чтобы приблизиться к Земле и послать сигнал, который будет услышан.

— А что в этом такого? Конечно, провести три недели в этой клетке с двумя мужчинами — не лучший вариант…

— Дай мне закончить. У нас есть еда, хотя без пищи мы можем обходиться достаточно долго, у нас есть вода, работает система рециркуляции. Но эти капсулы слишком малы, чтобы оснащаться генераторами переработки углекислого газа. Наш кислород закончится через две недели. Мы умрем за неделю до того, как сможем послать сигнал бедствия, который будет услышан.

— И нет выхода? — спросил Дамиан. — Ну, я не знаю. Если мы…

— Это ерунда! — взвилась Хелена. — По радио мы можем связаться с Луной, Землей, они вышлют корабли.

— Все не так просто, — покачал головой Чак. — Я знаю, какие корабли есть на Луне и каков радиус их действия. Мы уже находимся на предельном для них расстоянии и пока не можем с ними связаться. Если солнечная буря продлится еще несколько часов, о них можно забыть. К этому

времени они даже не смогут принять наш сигнал бедствия. Так что нам предстоит длинный полет к Земле и установление связи с одной из орбитальных станций. А потом придется подождать, пока они определят наши координаты и отправят к нам корабль. Опять же, ему потребуется время, чтобы долететь до нас. Три недели — это абсолютный минимум, скорее всего, нас вытащат отсюда только через четыре.

Хелена начала плакать, и он не стал останавливать ее. Потому что плакать было о чем. Подождал, пока она успокоится, а потом, поскольку ни один вроде бы не видел очевидного ответа, все им растолковал, сухо и бесстрастно:

— Воздуха, которым будут дышать три человека две недели, двоим хватит на три, а то и дольше.

Долгую паузу нарушил Дамиан:

— Ты понимаешь, что говоришь? Неужели нет другого выхода?

— Я его искал, но напрасно. Это единственный путь, который оставляет двоим из нас хоть какую-то надежду. Для троих — верная смерть. Для двоих — пятьдесят на пятьдесят. Не слишком хорошие шансы, но все лучше, чем никаких.

— Но… кто-то должен умереть, чтобы двое выжили.

— Да, иначе не получается.

Дамиан глубоко вдохнул:

— И умирать придется не тебе. Только ты знаешь, как управлять капсулой и обращаться с радио…

— Отнюдь. Хотя, признаюсь, мелькнула у меня мысль обставить все именно так. Управлять капсулой нужды нет. А для того чтобы научить вас обоих подать по радио сигнал бедствия, мне хватит и десяти минут. Солнечные батареи в порядке, энергии предостаточно, поэтому, как только закончится буря на Солнце, сигнал обязательно услышат.

— Это… ну… с твоей стороны это очень благородно. Ты мог бы сказать нам совсем другие слова, и мы бы тебе поверили. У меня, знаешь ли, сразу полегчало на душе. Поскольку о мисс Тибловски речь не идет, я остаюсь единственным добровольцем в покойники. А так, ты и я…

— Нет, один из нас троих, — отрезал Чак.

— Извини, но ты же не хочешь сказать, что женщина…

— Хочу и говорю. Это не игра, Дамиан, когда женщины и дети садятся в спасательные шлюпки первыми. Я говорю о смерти. Все жизни равны. Нас тут трое. Я уверен, что Хелена оценит твое

благородство, но не думаю, что она готова им воспользоваться. Я прав? — спросил он, повернувшись к женщине.

— Ты хряк, — прошипела она. — Жирный, тупой хряк.

— Я ошибся. — Чак повернулся к Дамиану. — Я издаю приказ и беру на себя ответственность. Вы оба можете расписаться как свидетели. Если угодно, зафиксировать свое особое мнение.

— Ты хочешь меня убить, я знаю, чтобы спастись самому, — взвизгнула Хелена. — Тебе наплевать…

— Пожалуйста, не надо. — Дамиан взял ее за руки, но она оттолкнула его, и он уплыл к противоположной стене капсулы.

— Кто дал тебе право решать, кому жить, а кому умирать?

— Я — офицер и командир этого корабля, — отрезал Чак. — Есть правила и инструкции для подобных ситуаций, и я дал клятву их выполнять. Это стандартная процедура, каждый имеет равные шансы на выживание, никакого фаворитизма.

— Это все слова.

— Ты имеешь право остаться при своем мнении. Однако я согласен с этим правилом и думаю,

что справедливее ничего не придумано.

— Ко мне оно не имеет ни малейшего отношения.

— Это твой выбор. Но тебе придется подчиниться общему решению, как бы ты к нему ни относилась. — Он повернулся к побледневшему как смерть Дамиану, который молча слушал их словесную перепалку. — Поговори с ней, Дамиан, может, она прислушается к тебе. Или ты с ней согласен?

— Я… честно говоря, не знаю. Трудно сказать. Но ведь выбора у нас нет?

— Никакого.

Раньше у Дамиана не возникло бы и мысли обнять девушку, которую он только что встретил, но раньше он и не попадал в подобные ситуации. Он крепко прижимал ее к себе, а она рыдала у него на груди, и ему казалось, что по-другому просто и быть не может.

— Давайте с этим покончим, — не унимался Чак. — Ждать — хуже всего. У меня три одинаковых пластмассовых квадрата, один я пометил крестом. Посмотрите. И три куска плотной бумаги от упаковки из-под еды. Дамиан, заверни каждый квадратик в бумагу, только так, чтобы один не отличался от другого… Теперь потряси их

в ладонях, чтобы ты сам не знал, где какой квадратик… Отлично. Пусть выплывают на середину капсулы, чтобы мы все могли их видеть.

Дамиан развел руки, и три завернутых в обертоночную бумагу пластмассовых квадратика отправились в свободное плавание. Один стал уходить в сторону, и Дамиан подтолкнул его к остальным. Люди смотрели на них, не отрывая глаз. Вновь слепой случай решал, кому из них жить, а кому — умереть.

— Значит, так, — вновь заговорил Чак. — Мы берем по квадратику. Я — последний. У меня в поясе есть таблетка смерти, она входит в стандартный набор космонавта, и тот, кто вытянет крест, примет таблетку через шесть часов… — Он взглянул на часы. — В девятнадцать ноль-ноль. Все все поняли и со всем согласились? Вот и отлично. Обратного пути нет. Согласны?

Плотно сжав губы, Дамиан кивнул. Хелена ничего не сказала. Застыла, как статуя, лишь сверлила Чака полным ненависти взглядом.

— Значит, решено. Таблетка действует мгновенно и без всякой боли. Поехали. Хелена, ты хочешь тянуть первой?

— Нет. — Женщина никак не могла поверить, что все это происходит наяву. — Ты не можешь…

— У нас нет иного выхода. — Дамиан попытался улыбнуться. — Хорошо, первым буду тянуть я. А ты можешь стать второй.

— Не разворачивай, — предупредил Чак, когда Дамиан протянул руку и взял ближайший к нему квадратик. — Давай, Хелена, никому из нас это не нравится.

Она не пошевельнулась, пока Чак не пожал плечами и сам не потянулся к оставшимся квадратикам. Цапнула тот, который хотел взять Чак.

— Это мой.

— Как скажешь. — Чак сухо улыбнулся и взял последний квадратик. — Разворачиваем.

Оба по-прежнему сжимали квадратики в кулаке. Чак неторопливо развернул свой. Чистый. Хелена ахнула.

— Что, теперь моя очередь. — Дамиан медленно снял бумагу со своего квадратика. Коротко глянул, снова сжал в кулаке.

— Мы тоже должны его видеть, — покачал головой Чак.

Дамиан разжал пальцы, чтобы показать, что креста на квадратике нет.

— Я знала, что все подстроено! — закричала Хелена и отбросила от себя завернутый в бумагу квадратик. Дамиан поймал его, когда он отскочил

от стены, развернул. Все увидели жирный крест.

— Мне очень жаль, — прошептал Дамиан, не поднимая глаз на Хелену.

— Я думаю, нам всем надо выпить, — возвестил Чак, выудил из одного из стенных шкафчиков бутылку водки. — У нас еще четыре литра водки, припасенные по каким-то ведомым только русским причинам вместе с водой, и пора их использовать.

Дамиан глубоко вдохнул, чтобы изгнать дрожь из голоса.

— Извини, но меня такой расклад не устраивает. Если я выйду отсюда живым, то меня замучает совесть. Я думаю, мне лучше занять место Хелены…

— Нет! — Впервые сквозь внешнее спокойствие Чака прорвалась злость. — Этим сведется на нет право честного выбора. Ты и так ставил на кон свою жизнь… разве этого недостаточно? Смерть в космосе зачастую дело случая. Вот и сегодня все погибли, а мы случайно спаслись. И опять положились на случай. Он сделал свой выбор. Вопрос закрыт. — Он откупорил бутылку и подал пример, одним глотком оприходовав пятую часть.

Может, для того водку и держали в спасательной капсуле. Хелена, все еще не веря происшед-

шему, выпила, потому что бутылку ей протянули мужчины, не решающиеся встретиться с ней взглядом. Выпитая водка притупляет чувства. Особенно много выпитой водки.

Звезды скользили мимо иллюминатора, термостат поддерживал в спасательной капсуле комфортные двадцать два градуса по Цельсию, тихонько жужжал вентилятор системы кондиционирования, накачивая в капсулу положенное количество кислорода, с каждой минутой уменьшая его запасы.

— Если лежишь, обмен веществ замедляется. — Чак закрыл глаза, чтобы не видеть ни стен капсулы, ни своих попутчиков, которые забились в дальний угол. Поднес к губам бутылку с обжигающей жидкостью. — Обмен веществ определяет потребление кислорода, а нам надо его экономить. Не двигаться и не есть. Три недели без еды. Полезно для здоровья… — Пластиковая бутылка выскользнула из его разжавшихся пальцев.

— Нет, нет, я не могу. — Хелена, рыдая, бросилась на грудь Дамиана. Страх пересилил действие алкоголя.

— Ну что ты, не надо так, не надо. — Дамиан выпил, не зная, что и делать. Наклонил голову, поцеловал ее волосы, холодные от слез щеки,

пухлые жаркие губы.

Хелена отреагировала мгновенно. Ответила на поцелуй, прижалась к нему всем телом, бедра заходили ходуном. Они поплыли по воздуху, слитые в тесном объятии.

— Я хочу тебя, я не хочу умирать, не могу, не могу! — рыдала Хелена. Взяла его руку, запустила себе за пазуху, на теплую, упругую грудь. — Помоги мне, помоги…

Дамиан целовал ее, охваченный страстью. Он знал, что всего в нескольких футах от них лежит другой мужчина, но его это не волновало. Чудесное спасение, сначала из гибнущего корабля, потом от слепого случая, выпитая водка, близость смерти, жар женского тела… скопившееся напряжение требовало немедленного выхода.

— Иди ко мне, я тебя хочу, — шептала Хелена ему на ухо, потом ухватила зубками за мочку. — Я не могу умереть. Почему я должна умирать? Он хочет этого, этот хряк. Только он этого хочет. Он хочет смерти, так почему бы ему не умереть? Почему он не оставил меня на корабле? Он дал мне жизнь, а теперь хочет ее отнять. И тебя ждет то же самое, вот увидишь, расправившись со мной, он найдет способ избавиться от тебя. Только за этим он нас и спас. Нельзя верить ни единому его

слову. Он — жестокий, несущий смерть монстр. Он решил меня убить. Он хочет меня, а потому собирается меня убить.

— Хелена… — прошептал Дамиан, когда его член уже входил в желанную гавань.

— Нет! — взвизгнула она и с силой оттолкнула Дамиана. Он не понял, вновь потянулся к ней, но она не подпускала его к себе. — Нет, я не могу, хочу, но не могу. Только не при нем, только не перед смертью. Но я так тебя хочу…

И она оставила его одного, завозилась в дальнем конце капсулы. Перед глазами Дамиана все плыло, время двигалось рывками, то ускоряясь, то замедляя свой бег. Внезапно Хелена возникла рядом и сунула что-то холодное ему в руку.

Моргнув, Дамиан опустил голову и увидел на ладони сверкающий скальпель.

— Сделай это! — прошептала она и потащила Дамиана к похрапывающему космонавту.

— СДЕЛАЙ ЭТО! — прозвучал голос в его голове, и Дамиан, не отдавая себе отчета, занес над Чаком руку с зажатым в ней скальпелем.

— Сюда. — Ее палец указал на пульсирующую на шее артерию. — Сделай это!

Рука его опустилась.

Раздался рев раненого зверя. Протрезвев от

боли, мгновенно проснувшись, Чак сел, замахав руками. Скальпель на дюйм вонзился в мышцу, от раны по воздуху плыли красные сферы.

Руки Чака потянулись к Дамиану и принялись методично его избивать. Космонавтов учили драться в невесомости. Одной рукой Чак держал Дамиана за шею, а второй наносил удары, превращавшие лицо в кровавое месиво. Дамиан пытался отбиться, но у него ничего не выходило. А над схваткой звенел голос Хелены:

— Он пытался убить тебя, Чак, он хотел овладеть мною, но я ему отказала. Вот он и попытался убить тебя во сне. Трус! Он пытался изнасиловать меня… убей его… выброси его из капсулы. Сюда, в шлюз! — Она открыла внутренний люк: запомнила, как это делал Чак. В шлюзе хватало места для одного человека. — Сюда его!

Слова проникли сквозь пелену ярости, окутавшую мозг Чака. Ну конечно, именно это он и хотел сделать. Не отпуская шею Дамиана, Чак потащил его к люку, начал запихивать в шлюз. Скальпель выпал из мышцы, красных сфер прибавилось.

Тело Дамиана обмякло, Чак засунул в шлюз его ноги, потом болтающуюся руку.

— Я сам. — Голос Дамиана звучал ровно и спокойно. — Все нормально. Я сам. Я это заслужил.

Что-то в его тоне насторожило Чака, он ослабил хватку.

— Это справедливо, — продолжил Дамиан. — Я на тебя напал, признаюсь, я хотел тебя убить. И не важно, что она использовала свое тело, как приманку, чтобы заставить меня пойти на убийство, обещала все… а потом переметнулась на твою сторону, увидев, что у меня ничего не вышло. Решение я принимал сам, значит и должен отвечать за свои поступки…

— Не верь ему, он лжет! — визжала Хелена.

— Нет, у меня нет причины лгать. Я занимаю твое место, Хелена, так уж, пожалуйста, не клевещи на меня. Я пытался его убить ради тебя… и себя.

— Она хотела, чтобы ты меня убил? — прорычал Чак.

— Вы оба хотите моей смерти! — вскричала Хелена, сорвала тяжелый компьютер с пояса Чака и обрушила на его голову.

— Тебе давно пора очнуться, — донесся до него голос Дамиана. — Выпей.

Чак почувствовал повязку на шее, поднес сосок к губам, выпил воды, оглядываясь.

— И долго я пролежал?

— Примерно девять часов. Потерял немного

крови плюс получил сотрясение мозга.

— Мы вдвоем?

— Совершенно верно. — Дамиан больше не улыбался. — Может, я что-то сделал неправильно, но вопрос закрыт. Я пытался убить тебя. Мне это не удалось, и ты, что совершенно справедливо, попытался убить меня. Но мы оба не смогли довести дело до конца. Может, я где-то и ошибаюсь, но мне кажется, что мы квиты и взаимных претензий у нас быть не должно.

— Я вроде бы и не жаловался. А где Хелена?

Дамиан потупился:

— Ну… когда шесть часов истекли, она согласилась тянуть жребий. И опять проиграла. Напала на меня со скальпелем. К сожалению, твой компьютер полностью вышел из строя. Мне пришлось его выбросить.

— Страховочная компания выплатит возмещение, — просипел Чак. — Господи, шея-то болит. И голова.

— Ты думаешь, мы выкарабкаемся? — спросил Дамиан.

— Шансов на это значительно больше, чем девять часов тому назад.

— Пожалуй. Может, высшие силы тронет благородный жест мисс Тибловски. После таких

жертв… — Он посмотрел в черноту за иллюминатором. — Как ты думаешь, когда мы выберемся отсюда, мы должны упомянуть про Хелену?

— Какую Хелену? — переспросил Чак. — При взрыве «Юрия Гагарина» погибло семьдесят четыре человека. Только нам и удалось спастись.

Преступление

Перевод И. Почиталина

От первого удара молотка дверь тряхнуло, от второго тонкая деревянная доска загудела подобно барабану. Бенедикт Верналл распахнул дверь и ткнул пистолетом в живот человека еще до того, как молоток в третий раз успел опуститься.

— Убирайся отсюда! Немедленно убирайся! — крикнул он пронзительней, чем ему бы хотелось.

— Не будь дураком, — спокойно сказал бейлиф, делая шаг в сторону, чтобы Бенедикт мог видеть двух полицейских за его спиной. — Я — бейлиф и исполняю свой долг. Если ты застрелишь меня, этим двоим приказано убить тебя и всех, кого они обнаружат в квартире. Будь разумным человеком. Это ведь не первый случай. Он предусмотрен законом.

Один из полицейских поднял дуло автомата и с иронической улыбкой на лице щелкнул затвором. Рука Бенедикта с пистолетом медленно опустилась вниз.

— Так-то лучше, — одобрил бейлиф и в третий раз опустил молоток, накрепко пригвоздивший объявление к двери.

— Сорви с моей двери эту грязную бумажку, — прорычал Бенедикт, задыхаясь от ярости.

— Бенедикт Верналл… — Бейлиф поправил очки на носу и начал размеренно читать объявление, которое он только что прикрепил к двери: — Вас уведомляют, что в соответствии с Актом о преступном деторождении от тысяча девятьсот девяносто третьего года вы объявляетесь виновным в преступном рождении ребенка. Таким образом, вы объявлены вне закона и государство больше не защищает вас от насилия.

— Вы даете право какому-нибудь сумасшедшему убить меня… что это за грязный закон?

Бейлиф снял очки и холодно посмотрел на Бенедикта.

— Мистер Верналл, — сказал он, — имейте мужество нести ответственность за последствия своих действий. Родился у вас незаконный ребенок или нет?

— Незаконный ребенок — нет! Беззащитное существо…

— Имели вы или нет разрешенный законом максимум — двоих детей?

— Да, у нас двое детей, но это не зна…

— Вы отказались воспользоваться советом и помощью местной клиники по контролю над рождаемостью. Вы выгнали правительственного чиновника из департамента по вопросам населения. Вы отказались от услуг клиники абортов…

— Убийцы!

— …и от попыток Совета планирования семьи помочь вам. Предписанные законом шесть месяцев прошли, и вы не приняли никакого решения. Вы получили три предупреждения и игнорировали их. Ваша семья все еще имеет на одного потребителя больше, чем это предписано законом, поэтому мне было дано указание прикрепить на вашей двери это объявление. Вы сами в ответе за все, мистер Верналл, и в этой истории виноваты только вы.

— А по-моему, виноват этот мерзкий закон.

— Тем не менее это закон данной страны, — сказал бейлиф, выпрямляясь во весь рост, — и ни вы, ни я не имеем права оспаривать его. — Он вынул из кармана свисток и поднес его к губам. — Моей обязанностью является, мистер Верналл, напомнить вам о том, что даже сейчас у вас есть возможность избежать печальных последствий, если вы согласитесь воспользоваться услугами

клиники умерщвления.

— Убирайся к дьяволу!

— Вот как! Меня уже посылали туда. — Бейлиф приложил свисток к губам и пронзительно засвистел. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки, когда Бенедикт захлопнул дверь.

Когда полицейские, преграждавшие путь толпе, отошли в сторону, на нижней площадке лестницы раздался животный рев. Толпа сцепившихся мужчин запрудила лестницу и, не прекращая схватки, кинулась вверх. Один из них вырвался было из ревущего клубка, но кулак одного из преследователей опустился ему на голову, он упал, и остальные затоптали его. Крича и ругаясь, толпа медленно продвигалась вверх по лестнице, и в тот момент, когда казалось, что до заветной двери осталось всего ничего и настал решающий момент, один из лидеров гонки споткнулся и свалил двух других. В то же мгновение откуда-то из середины толпы выскочил жирный коротышка и ударился о дверь с такой силой, что ручка, которую он держал в руке, проткнула бумагу объявления и вошла глубоко в дерево.

— Доброволец избран! — прокричал бейлиф, и полицейские сомкнутым строем начали теснить неудачников, спускаясь вниз по лестнице. Один

из лежавших на площадке приподнялся. Изо рта его текла слюна, он жевал полоску от старого ковра. Двое санитаров в белых халатах были наготове. Один из них с привычной быстротой воткнул в шею мужчины шприц, другой развернул носилки.

В это время коротышка под внимательным взглядом бейлифа тщательно вписал свое имя в соответствующую графу объявления, потом бережно спрятал ручку в карман.

— Рад приветствовать вас как добровольца, вызвавшегося исполнить свой общественный долг, мистер… — Бейлиф наклонился вперед, к двери, близоруко щурясь. — Мистер Мортимер, — сказал он наконец.

— Мортимер — это не фамилия, а имя, — мягко поправил его человек, промакивая лоб платком, извлеченным из нагрудного кармана.

— Совершенно верно, сэр, ваше желание скрыть свою фамилию вполне понятно и уважается законом как право всех добровольцев. Можно считать, что вы знакомы с остальными правилами?

— Да, можно. Параграф сорок шесть Акта о преступном деторождении от тысяча девятьсот девяносто третьего года, пункт четырнадцатый,

касающийся отбора добровольцев. Во-первых, я вызвался выполнить эту задачу добровольно в течение суток. Во-вторых, за это время я не должен нарушать или пытаться нарушить законы, гарантирующие безопасность других членов общества, а если это произойдет, я буду привлечен к ответственности за свои действия.

— Отлично, сэр. Это все?

Мортимер тщательно сложил платок и сунул его обратно в нагрудный карман.

— И в-третьих, — сказал он, поглаживая карман, — если мне удастся лишить жизни приговоренного, я не буду подвергаться судебному преследованию.

— Совершенно точно. — Бейлиф кивком показал на огромный чемодан. Полисмен поднял крышку. — Теперь подойдите сюда и выберите то, что считаете необходимым. — Оба посмотрели на чемодан, доверху наполненный инструментами смерти. — Надеюсь, вам понятно, что в течение этих суток вы и сами рискуете жизнью. Известно ли вам, что, если за это время вы будете убиты или ранены, ваша жизнь не охраняется законом?

— Не принимайте меня за дурака, — огрызнулся Мортимер, потом он указал на чемодан. — Я хочу взять одну из этих ручных гранат.

— Это запрещено законом, — резко сказал бейлиф, задетый грубостью Мортимера. Ведь и такие вопросы можно решать корректно. — Бомбы и ручные гранаты применяют только на открытой местности, где они не причиняют вреда невинному. В жилом доме это невозможно. Вы можете выбрать любое другое оружие ближнего действия.

Мортимер нервно хрустнул пальцами и замер, склонив голову в позе молящегося. Глаза его были прикованы к содержимому чемодана: ручные пулеметы, гранаты, автоматические пистолеты, ножи, кастеты, ампулы с кислотой, кнуты, бритвы, осколки стекла, отравленные стрелы, булавы, дубинки с шипами, бомбы со слезоточивым и удушающим газом.

— Сколько я могу взять? — спросил он.

— Все, что считаете нужным. Помните только, что после вам придется отчитаться за оружие.

— Тогда я беру пистолет-пулемет Рейслинга и к нему пять двадцатизарядных магазинов, кинжал для коммандос с зазубринами на лезвии и несколько гранат со слезоточивым газом.

Бейлиф быстро отметил названные предметы в своем списке.

— Это все? — спросил он.

Мортимер кивнул, взял из рук бейлифа список и, не читая, расписался внизу. Затем он начал рассовывать по карманам патроны и гранаты, перекинув через шею ремень пистолета-пулемета.

— Итак, у вас двадцать четыре часа, — сказал бейлиф, глядя на свои наручные часы и заполняя еще одну графу в ведомости. — Вы располагаете временем до семнадцати часов сорока пяти минут завтрашнего дня.

— Бен, пожалуйста, отойди от двери, — прошептала Мария.

— Тише! — прошипел Бенедикт, прижав ухо к двери. — Я хочу знать, о чем они говорят. — Его лицо напряглось: он пытался расслышать невнятную речь. — Ничего не понять, — сказал он наконец, отворачиваясь от двери. — Впрочем, это не имеет значения. Я знаю, что он собирается делать…

— Он хочет убить тебя, — сказала Мария тонким голосом, похожим на девичий. Младенец у нее на руках заплакал, и женщина прижала его к груди.

— Пожалуйста, Мария, иди в ванную, как мы с тобой договорились. У тебя там кровать, вода, пища. Там нет окон и тебе не угрожает опасность. Сделай это для меня, дорогая, чтобы я не беспоко-

ился о вас двоих.

— Тогда ты будешь здесь совсем один.

Бенедикт расправил узкие плечи и крепче сжал рукоятку револьвера.

— Здесь мое место, впереди, чтобы защищать свою семью. Это старо как мир.

— Семья, — прошептала женщина и беспокойно оглянулась кругом. — Как-то там Мэтью и Агнесс?

— У твоей матери они в безопасности. Она обещала как следует присмотреть за ними, пока мы не приедем. У тебя есть еще время уехать к ним. Как бы мне этого хотелось!

— Это невозможно. Я могу быть только здесь. И не могу бросить младенца у матери. Он будет голодать без меня. — Она посмотрела на ребенка, который все еще всхлипывал, и начала расстегивать верх платья.

— Дорогая, ну пожалуйста, — сказал Бенедикт, отодвигаясь от двери. — Отправляйся с ребенком в ванную и не выходи, что бы ни случилось. Он может появиться в любую минуту.

Мария нехотя повиновалась, и через мгновение он услышал щелчок замка в ванной. Затем Бенедикт попытался забыть об их присутствии — ведь эти мысли лишь отвлекали его и могли

помешать тому, что предстояло сделать. Он уже давно выработал детальный план обороны и сейчас медленно пошел по квартире, проверяя, все ли в порядке. Во-первых, входная дверь, единственная дверь, ведущая в квартиру. Она заперта и закрыта на засов с цепочкой. Нужно только придвинуть платяной шкаф, и убийца не сможет войти этим путем, разве что поднимет шум, а если он попытается сделать это, его будет поджидать Бенедикт с оружием в руках. Итак, этот участок в безопасности.

Ни в кухне, ни в ванной окон не было, поэтому за эти две комнаты он мог быть спокоен. Убийца может проникнуть в квартиру через спальню, потому что ее окно выходит на пожарную лестницу, но Бенедикт разработал план обороны и на этот случай. Окно спальни было закрыто, и открыть его снаружи можно было, только разбив стекло. Он услышит шум и успеет припереть дверь спальни диваном. Ему не хотелось баррикадировать дверь спальни заранее, потому что, может быть, ему самому придется туда отступить.

Таким образом, оставалась только одна комната, гостиная, и именно здесь он собирался расположиться. В гостиной было два окна, и дальнее окно, как и окно спальни, находилось

рядом с пожарной лестницей. Убийца может ворваться через это окно. Во второе окно с пожарной лестницы попасть было нельзя, хотя убийца мог обстреливать его из здания напротив. Но угол, в котором он расположился, был надежно защищен от этого огня, так что здесь Бенедикту и следовало быть. Он задвинул в угол большое кресло и, внимательно осмотрев запоры на окнах гостиной, уселся в него.

Он опустил револьвер на правое колено, направив дуло его к дальнему окну около пожарной лестницы. Всякий, кто попытается проникнуть через него в квартиру, тут же попадет под огонь Бенедикта. Правда, рядом было еще одно окно, но это мало беспокоило его, если только он не будет стоять прямо перед ним. Тонкие полотняные занавески были опущены, и, как только стемнеет, Бенедикт сможет смотреть через них, сам оставаясь невидимым. Повернув дуло револьвера на несколько градусов, Бенедикт мог держать под огнем дверь в прихожую. Если он заслышит возню около входной двери, то несколько шагов — и он окажется возле нее. Да, он сделал все, что мог. Он снова опустился в кресло.

Приближался вечер, и комната постепенно погружалась в темноту, однако отблеск городских

огней позволял ему ориентироваться в полумраке. Было тихо, и каждый раз, когда он двигался в кресле, ржавые пружины под ним громко стонали. Прошло несколько часов, и Бенедикт понял, что в его плане есть одно маленькое упущение. Ему хотелось пить.

Сначала он попытался не замечать жажды, но к девяти часам вечера его рот совершенно пересох, а язык казался комком ваты. Он понимал, что не сумеет продержаться в таком состоянии ночь — жажда мешала ему сосредоточиться. Ему бы следовало прихватить с собой кувшин воды. Самым правильным было немедленно отправиться и принести воды, однако он боялся выйти из своего укрытия. Убийца не подавал никаких признаков жизни, и это действовало Бенедикту на нервы.

Внезапно он услышал, что Мария зовет его. Сначала тихо, затем ее голос становился все громче. Она беспокоится о нем. С ним ничего не случилось? Бенедикт выругался про себя. Он не решался ответить ей, по крайней мере из гостиной. Единственное, что ему оставалось, — это тихонько прокрасться к двери ванной, шепотом сказать ей, что все в порядке, чтобы она не волновалась. Может быть, тогда она сможет заснуть.

А затем он мог бы пройти в кухню, набрать воды и принести ее с собой в гостиную.

Тихо, стараясь не дышать, Бенедикт встал, выпрямился в полный рост, расправил затекшие ноги. Все это время он не отрывал глаз от серого прямоугольника дальнего окна. Упершись носком одной ноги в пятку другой, он бесшумно снял туфли и на цыпочках пошел к двери. Мария уже почти кричала, стуча в дверь ванной, и он поспешил к ней. Неужели она не понимает, что подвергает его смертельной опасности?

В тот самый момент, когда он приблизился к двери гостиной, в коридоре загорелся свет.

— Что ты делаешь? — крикнул он, застыв на месте и глядя на Марию.

Женщина стояла у выключателя, щурясь от света.

— Я так беспокоилась…

Внезапно из гостиной донесся звон разбитого стекла, за которым тут же последовал оглушающий грохот автоматной очереди. Острая боль пронзила Бенедикта, и он упал на пол в коридоре.

— Марш в ванную! — крикнул он, посылая пулю за пулей в темноту гостиной.

Он едва услышал сдавленный крик Марии и

стук захлопнувшейся двери и на мгновение забыл о боли. Гостиная наполнилась острым запахом пороха, и из нее потянулись клубы голубоватого дыма. Там что-то скрипнуло, и Бенедикт мгновенно выстрелил в темноту. Тут же ответная очередь прошила стену над его головой, и посыпавшаяся штукатурка заставила его поморщиться.

Стрельба прекратилась, и Бенедикт понял, что пули убийцы не могли достать его — он был в стороне от дверного проема. Тем не менее он продолжал держать дуло револьвера в направлении двери гостиной. Чтобы стрелять наверняка, убийце придется войти в коридор, вот тут-то Бенедикт и пристрелит его. В стену над головой Бенедикта врезалось еще несколько очередей, но он не отвечал на них. Когда выстрелы стихли и наступила тишина, Бенедикт улучил момент, достал из кармана патроны и быстро перезарядил револьвер. Под ним растекалась большая лужа крови.

Направив дуло револьвера на дверь гостиной, Бенедикт левой рукой неумело закатал штанину на ноге и быстро взглянул вниз. Кровь продолжала струиться по лодыжке, пропитывая носок. Пуля навылет пробила икру, оставив две круглые темные дырки, из которых текла густая кровь. У него закружилась голова, он быстро отвел взгляд

от раны и опять прицелился. Револьвер дрожал в его руке. Из гостиной не доносилось ни звука. Левый бок тоже горел как в огне, но, когда Бенедикт вытащил рубашку из брюк и посмотрел, он понял, что эта вторая рана болезненна, но не опасна. Пуля скользнула по ребрам, и из образовавшейся царапины уже почти перестала течь кровь. А вот с раной в ноге нужно было что-то делать.

— Поздравляю, Бенедикт, у тебя неплохая реакция…

От звука этого голоса Бенедикт непроизвольно нажал на спусковой крючок и дважды выстрелил в ту сторону, откуда доносился голос. Человек в гостиной засмеялся.

— Нервы, Бенедикт, нервы. То, что я собираюсь убить тебя, не мешает нам разговаривать.

— Ты мерзавец, грязное, мерзкое животное! — вырвалось у Бенедикта. С его губ слетали грязные ругательства, цветистые обороты, которых он не употреблял со школьных времен. Внезапно он остановился, вспомнив, что его может услышать Мария. Прежде она никогда не слышала брани из его уст.

— Нервы, Бенедикт, — раздался сухой смешок из гостиной. — Все эти ругательства по моему адресу не меняют создавшегося положения.

— Слушай, уходи, я не буду в тебя стрелять, — сказал Бенедикт, осторожно вытаскивая левую руку из рукава. — Я не хочу с тобой знаться. Почему ты не уходишь?

— Боюсь, что все это не так просто, Бен. Ты сам создал это положение, в определенном смысле ты сам позвал меня сюда. Подобно волшебнику, выпустившему злого духа из бутылки. Хорошее сравнение, не правда ли? Разрешите представиться. Меня зовут Мортимер.

— Я не желаю знать твое имя, ты… мерзкая скотина.

Бенедикт не кричал больше, а почти шептал, он был занят тем, что снимал с себя рубашку. Она висела теперь на его правой руке, и Бенедикту пришлось на мгновение взять револьвер в левую руку, чтобы снять ее. Нога невыносимо болела, и, когда материя рубашки коснулась раны, Бенедикт застонал. Тут же он снова заговорил, чтобы скрыть стон:

— Ты пришел сюда сам, по своему желанию — и я убью тебя!

— Молодец, Бенедикт, твоя смелость мне нравится. В конце концов, ты совершил самое серьезное преступление наших дней, ты человек антисоциальный, индивидуалист, продолжатель

традиций Диллинджера и братьев Джеймс. Единственная разница в том, что они несли смерть, а ты несешь жизнь. Но оружие у тебя поплоше, чем у них… — Последовал сухой смешок.

— Ты ненормальный человек, Мортимер. Впрочем, чего еще можно ожидать от человека, который вызвался быть убийцей. Ты просто болен.

Бенедикту хотелось, чтобы разговор продолжался по крайней мере до тех пор, пока он успеет забинтовать ногу. Рубашка была пропитана кровью, и он никак не мог затянуть скользкий узел одной левой рукой.

— Да-да, ты, конечно, болен, иначе ты не пришел бы сюда, — продолжал он. — Что другое могло толкнуть тебя на это? — Бесшумно положив револьвер на пол, Бенедикт начал поспешно затягивать узел.

— Понятие болезни относительно, — донесся голос из темноты, — как относительно понятие преступления. Человек создает общество, и законы созданных им обществ определяют понятие преступления. Кто совершает преступление — человек или общество? Кто из них преступник? Ты можешь оспаривать свою вину, но ведь сейчас мы говорим о существующем положении вещей.

Закон говорит, что ты преступник. Я здесь для того, чтобы обеспечить выполнение закона.

Грохот автоматной очереди как бы подтвердил его слова, и щепки от плинтуса осыпали Бенедикта. Тот затянул узел и поспешно схватил револьвер.

— Нет, это я олицетворяю высший закон, — сказал Бенедикт. — Закон природы, святость жизни, необходимость продолжения рода. В соответствии с этим законом я женился и любил, и мои дети — благословение нашего союза.

— Такое благословение у тебя и у остального человечества привело к тому, что люди пожирают мир подобно саранче, — ответил Мортимер. — Но это попутное замечание. Прежде всего я должен ответить на твои аргументы.

Первое. Естественный закон — это только тот, по которому образуются толщи осадочных пород и солнечный спектр. То, что ты называешь естественным законом, создано людьми и варьируется в зависимости от религии. Так что этот аргумент беспочвен.

Второе. Жизнь — это бесконечный поток, и сегодняшнее поколение должно умереть, чтобы могло жить завтрашнее. Все религии подобны двуликому Янусу. Они хмурятся при виде убий-

ства и в то же время улыбаются, наблюдая войны и смертные казни. Этот аргумент тоже не имеет основания.

И последнее. Формы союза мужчины и женщины так же разнообразны, как и создавшие их общества. И этот аргумент беспочвен. Твой высший закон неприменим в мире фактов. Если он тебе нравится и дает тебе удовлетворение, ты можешь верить в свой высший закон, однако не пытайся оправдать им свои преступные действия.

— Это ты преступник! — закричал Бенедикт, дважды выстрелив в дверной проем. Ответная очередь распорола стену над самой его головой, и он прижался к полу. Оглушенный грохотом выстрелов, он услышал детский плач: в ванной заплакал разбуженный стрельбой ребенок. Бенедикт сунул руку в карман и быстро перезарядил барабан револьвера, с яростью бросая на пол стреляные гильзы. — Это ты преступник, ты пытаешься убить меня, — продолжал он. — Ты — орудие мерзавцев, принявших этот бесчестный закон. Они заявляют, что я больше не могу иметь детей. Разве у них есть право на это?

— Какой же ты глупец, — вздохнул Мортимер. — Ты — общественное животное и как тако-

вое, не колеблясь, принимаешь общественные дары. Ты принимаешь от общества лекарства, и твои дети не умирают, как они умерли бы в прошлом. Ты получаешь от общества питание, и твои дети не голодают. На это ты согласен. Но ты не согласен ограничить размеры своей семьи и пытаешься нарушить закон. Впрочем, ты уже нарушил его. В обществе ты должен или соглашаться со всеми его законами, или отвергать все его принципы. Ты получаешь еду, так изволь платить за это.

— Я не прошу больше пищи, чем мне выделяется сейчас. Ребенок питается молоком матери, мы будем делиться остальной пищей…

— Слушай, не болтай чепухи. Ты и тебе подобные наводнили мир своими выродками, и вы еще не хотите остановиться. Вас уговаривали, упрашивали, подкупали, угрожали, но все напрасно. Сейчас пора кончать! Ты отказался от помощи — теперь в нашем голодном мире лишним ртом больше, а если так, то нужно закрыть этот лишний рот, убрать одного иждивенца. Это гуманный закон, он вырос из давних традиций индивидуализма и свободной инициативы. Он дает тебе возможность защищать свои идеалы с оружием в руках. И свою жизнь.

— Это бесчеловечный закон, — ответил Бенедикт. — И как ты только можешь его принимать? Он жесток, холоден и не имеет смысла.

— Совсем наоборот. В этом законе заключен глубокий смысл. Посмотри на себя со стороны, попробуй без предрассудков оценить проблему, перед которой стоит наш народ. Мир жесток, но он не безжалостен. Закон сохранения массы является одним из основных во Вселенной. Мы так долго не считались с этим законом, и теперь здравый смысл обязывает нас оградить земной шар от избытка человеческой плоти. Призывы к разуму здесь бесполезны, пришлось принять закон. Любовь, женитьба, семья — все это разрешается, но до определенного предела. Если же у человека больше двух детей, он добровольно отказывается от зашиты общества и принимает на себя всю ответственность за свои безрассудные действия. Если он нездоровый эгоист, его смерть принесет пользу всему обществу. Если же он здоров и в состоянии защитить свои интересы с оружием в руках, тогда он нужен обществу, а значит, и его потомство нужно. Этот закон ничем не угрожает добропорядочным гражданам.

— Как ты смеешь так говорить! Разве бедная беспомощная мать незаконного ребенка — пре-

ступница?

— Нет, пока она не отказывается от помощи общества. Ей даже позволено иметь ребенка. Если же она упорствует, то она должна за это поплатиться. Всегда найдутся тысячи бездетных женщин, которые добровольно примут участие в битве, чтобы сравнять счет. Они, как и я, на стороне закона и жаждут применять силу. Так что заткни мне глотку, если сможешь, Бенедикт, а то я с удовольствием заткну твой жадный рот.

— Сумасшедший, — прошипел Бенедикт, скрежеща зубами. — Подонок. Этот бесчеловечный закон вызвал к жизни отбросы общества, дал им в руки оружие и позволил убивать.

— И все же это полезный закон. Лучше безумный убийца, который приходит смело и открыто, чем преступник, тайком убивающий твоего ребенка где-то в парке. Сейчас этот безумный убийца рискует своей жизнью, и, кто бы из нас ни был убит, обществу это пойдет на пользу.

— Ты признаешь, что ты безумец — убийца с лицензией на убийство? — Бенедикт попытался встать, но у него закружилась голова и потемнело в глазах. Он тяжело опустился на пол.

— Нет, не признаю, — равнодушно ответил Мортимер из темноты гостиной. — Я человек, доб-

ровольно помогающий закону уничтожить ваше подлое племя, размножающееся как свиньи.

— Тогда ты извращенный человек, ненавидящий любовь мужчины и женщины.

Донесшийся из темноты холодный смешок привел Бенедикта в ярость.

— Ты больной или сумасшедший! — закричал он. — Или сам не способен иметь детей и ненавидишь тех, у кого они есть…

— Замолчи. Мне надоело говорить с тобой, Бенедикт. Теперь я тебя убью…

Бенедикт впервые услышал нотки гнева в голосе Мортимера и понял, что попал в его слабое место. Он замолчал. Он был слаб и болен, кровь продолжала сочиться сквозь импровизированную повязку, и лужа на полу все росла. Необходимо сберечь остаток сил, чтобы прицелиться и выстрелить, когда убийца появится в двери. Он услышал, как за спиной почти беззвучно отворилась дверь ванной и прошелестели шаги. Безнадежным взглядом он окинул залитое слезами лицо Марии.

— С кем ты говоришь? — закричал Мортимер из гостиной. — Я слышал шепот. Если это твоя жена, Бенедикт, скажи ей, чтобы она уходила. Я не хочу нести ответственность за твою корову. Пришло

время платить за свои ошибки, Бенедикт, и я буду оружием закона.

Мортимер выпрямился и разрядил автомат в направлении коридора, затем нажал кнопку, освободил магазин, швырнул его вслед за пулями и мгновенно вставил запасной. Быстрым движением он передернул затвор.

Итак, он принял решение. Ему не потребуется нож. Он сделает несколько шагов, пошлет очередь в коридор, затем швырнет туда гранату со слезоточивым газом. Газ или ослепит Бенедикта, или по крайней мере не даст ему возможности прицелиться. И тогда он войдет в коридор с нажатым спусковым крючком, поливая пространство впереди себя градом пуль, и Бенедикт будет мертв. Мортимер сделал глубокий вздох и весь передернулся, но внезапно оцепенел. В дверном проеме показалась рука, медленно двигающаяся вверх.

Это было настолько неожиданно, что в первую секунду Мортимер не выстрелил. Когда же он наконец выстрелил, то промахнулся. Рука — плохая мишень для автоматического оружия. Рука повернула выключатель и исчезла. И в ту же секунду в гостиной вспыхнули лампы.

Мортимер выругался и послал длинную оче-

редь туда, где только что была рука. Большие куски штукатурки посыпались на пол. Он чувствовал себя удивительно беззащитным в ярко освещенной комнате.

Из-за грохота автомата он не услышал первого револьверного выстрела и не понял, что в него стреляют, пока вторая пуля не вонзилась в пол рядом с его ногами. Он прекратил стрельбу, повернулся к окну и замер.

На пожарной лестнице у разбитого окна стояла женщина. Тоненькая, с широко раскрытыми глазами, она покачивалась, словно под сильными порывами ветра, и обеими руками сжимала револьвер, целясь в Мортимера через разбитое стекло. Револьвер судорожно дергался в ее руках при каждом выстреле, но она никак не могла попасть в Мортимера. В панике он нажал на спусковой крючок, посылая пули по широкой дуге к окну.

— Не стреляй! Я не хочу убивать тебя! — выкрикнул Мортимер.

Последняя пуля вонзилась в стену, автомат щелкнул и остался с открытым затвором. Мортимер выбросил пустой магазин и попытался вставить на его место новый. Револьвер выстрелил еще раз, пуля ударила Мортимера в бок, и

он кубарем полетел на пол. Падая, он выронил автомат. В то же мгновение Бенедикт, который медленно, с трудом подполз к нему, схватил его за горло холодными пальцами.

— Не надо… — прохрипел Мортимер, судорожно отталкивая Бенедикта.

— Пожалуйста, Бенедикт, не убивай его! — крикнула Мария, влезая в окно. — Ты задушишь его.

— Нет… я слишком слаб, — прохрипел Бенедикт.

Взглянув вверх, он увидел револьвер в руке Марии. Протянув руку, Бенедикт выхватил его и прижал горячее дуло к груди Мортимера.

— Одним ртом меньше! — крикнул он и нажал на спусковой крючок. Раздался приглушенный выстрел, человек судорожно дернулся, и все было кончено.

— Милый, как ты себя чувствуешь? — Мария, плача, наклонилась над Бенедиктом, прижимая его голову к своей груди.

— Все… все в порядке. Я очень слаб, но это от потери крови. Кровотечение уже остановилось. Все кончилось. Мы победили. Теперь нам дадут дополнительный паек, и больше никто не будет нас беспокоить.

— Я так рада. — Мария попыталась улыбнуться сквозь слезы. — Я не хотела говорить тебе об этом раньше, у тебя и так было достаточно неприятностей. Но у нас… — Она опустила глаза.

— Что? — спросил он, не веря своим ушам. — Ты хочешь сказать…

— Да. — Мария провела рукой по своему округлившемуся животу.

В ответ Бенедикт уставился на нее, широко открыв рот, не в силах вымолвить ни единого слова, подобно беспомощной рыбе, выброшенной на берег.

Вы люди насилия

Перевод А. Гришина

— Я ненавижу тебя, Рэйвер, — выкрикнул капитан, приблизив свое искаженное яростью лицо почти вплотную к стоявшему перед ним крупному мужчине, — и знаю, что ты тоже должен ненавидеть меня.

— Ненависть — это слишком сильное слово, — спокойным голосом ответил тот. — Я думаю, что гораздо лучше сказать — презрение.

Без всякого замаха — он был слишком умелым бойцом — капитан всадил кулак в живот стоявшего перед ним. Но единственным ответом Рэйвера оказалась чуть заметная снисходительная усмешка. Это привело капитана в бешенство. Хотя он и был на целую голову меньше Рэйвера, но все же его рост превышал шесть футов. И капитан привык встречать у людей, которых избивал, самые разные реакции, но только не презрение. В слепом гневе он принялся колотить не сопротивлявшегося и даже не пытавшегося уклониться человека, и наконец тот всем своим

огромным телом навалился на капитанский стол, а затем мягко сполз на пол. Из его носа и губ текла кровь.

— Выкиньте эту мразь, — приказал капитан, потирая ободранные костяшки пальцев. — И эту гадость тоже уберите. — Он указал пальцем на пятна крови, покрывавшие поверхность стола; почти все, что на нем было, свалилось на пол, когда Рэйвер упал. Капитан заметил, что и сам забрызган кровью, и принялся с отвращением оттирать ее с рукава носовым платком. Тем не менее от вида полубесчувственной массы, которую вытаскивали из рубки, он испытывал некоторое удовлетворение. — Хорошо смеется тот, кто смеется последним! — крикнул он вслед и отправился к себе в каюту, чтобы умыться и переодеться.

Конечно, капитан и понятия не имел о том, что потерпел сокрушительное поражение. Рэйвер готовил это столкновение с того самого момента, когда его погрузили на тюремное судно две недели тому назад. Все его действия: более ранние стычки с капитаном, голодовка, объявленная в знак протеста против пыток, которым подвергли Фребана, — все, каждая мелочь, включая эту заключительную сцену, — были тщательно спла-

нированы. Рэйвер надавил на кнопки, ответная реакция капитана оказалась точно соответствовавшей плану, и Рэйвер победил. Он прислонился к металлической стене своей камеры, сжимая в гигантском кулаке коммуникатор размером с карандаш. Он ухватил его в тот самый момент, когда упал на стол. Ради него все и затевалось.

Тяжело вздохнув, Рэйвер резко опустился на койку. То, что он лег спиной к стеклянному глазу монитора, а лицом к запертой двери, вовсе не было случайностью. Таким образом он закрылся от наблюдения и обезопасился от неожиданного появления непрошеных визитеров. Заключенный позволил себе улыбнуться и взялся за дело.

Из инструментов у него был только небольшой гвоздь, спрятанный под подошву ботинка. За несколько ночей он наточил его о металлический край своей койки и превратил в крошечную отвертку. Тисками служила его левая рука, а плоскогубцами ногти правой руки. Этого было вполне достаточно. Уже не было в живых ни одного человека, который знал бы настоящее имя Рэйвера или что-нибудь относящееся к его прежней жизни, к тому периоду, когда он еще не ввязался в политику и тем самым не стал преступником. Ну и конечно, глядя на него, никто

не сказал бы, что он похож на микротехника. Но как раз им он и был, и к тому же высококвалифицированным. Несколькими умелыми прикосновениями Рэйвер заставил крышку коммуникатора открыться, обнажилась изящная плата, и он приступил к работе. До посадки оставалось всего лишь несколько часов, и Рэйвер должен был использовать их с пользой.

С бесконечным терпением он отсоединил часть деталей, а затем соединил их заново по схеме, которую выстроил в своем мозгу. Искрой от разряда батареи он кое-как припаял контакты и теперь мог лишь надеяться на то, что оставшегося заряда хватит для того, чтобы заставить созданное им устройство действовать. Работа заняла более трех часов, и все это время он лежал неподвижно, шевеля только кистями рук, — наблюдателям в центре контроля за заключенными должно было казаться, что он лежит без сознания или спит. И лишь когда все было закончено, он разрешил себе застонать, потянуться и, дрожа всем телом, с трудом подняться на ноги. А потом он, волоча ноги, побрел к двери, положил руку на замок, лбом уперся в холодный металл и замер в такой позе. На протяжении всех прошедших недель он стоял так большую часть времени, когда не спал, так

что ничего необычного в его поведении не было.

Правой рукой, закрытой телом от объектива монитора, он ввел проволочную петлю в отверстие для электронного ключа и принялся медленно поворачивать крошечный верньер переменного конденсатора.

Радиоуправляемый замок теоретически не поддается взлому, но, увы, лишь теоретически. А на практике достаточно сведущий в своем деле электронщик может без большого труда заставить любой радиоприбор излучать ту самую частоту, которая отпирает замок, что и сделал Рэйвер. Язычок чуть заметно дернулся, и заключенный принялся еще медленнее поворачивать регулятор. В конце концов язычок отскочил в нейтральное положение и вернулся на место. Управляющая частота была найдена. После этого заключенный направился к умывальнику и смыл кровь с лица, одновременно вновь переделывая схему украденного приборчика, чтобы превратить зонд в передатчик. Все было готово.

Когда раздались звуки сирены, извещавшие о двухминутной готовности к торможению, — это значило, что необходимо пристегнуться, — Рэйвер, как положено, направился к койке, которая выполняла также функции противоперегрузоч-

ной кушетки, и на секунду задержался перед дверью. Устройство сработало: он услышал щелчок, говоривший о том, что язычок отодвинулся в нейтральное положение и зафиксировался в нем. Дверь была открыта. Непосредственно перед тем, как заработали тормозные двигатели, он натянул на себя одеяло и отвернулся лицом к стене.

Ускорение возрастало, вес всего находившегося на корабле увеличился втрое, сетка койки натянулась и заскрипела, и в это время Рэйвер медленно поднялся на ноги. Это был единственный момент, когда он мог быть уверен в том, что охранники в центре контроля не станут следить за ним. Они страдают от торможения, а он за это время должен сделать свое дело. Преодолевая три*g*, он, напрягая мышцы, одним шагом пересек камеру. Три металлические ножки табурета были приварены к полу; он заранее внимательно исследовал свое сиденье и хорошо знал, что с ним делать. Тяжело опустившись на колени, он ухватил ножку обеими руками, весь напрягся и потянул. Послышался громкий омерзительный скрип, и ножка отделилась от пола; затем он так же разделался с остальными двумя, медленно подошел к койке, положил туда табурет и накрыл его одеялом. Конечно, это чучело не смогло бы об-

мануть никого, кто посмотрел бы на него вблизи, но оно требовалось лишь для того, чтобы ввести в заблуждение дураков-охранников, сидевших перед мониторами, и то ненадолго. А теперь обратно через камеру к двери, выйти, закрыть ее, запереть и дальше по коридору… Все больше тормозных двигателей включалось в работу, ускорение достигло пяти*g*, ноги Рэйвера подогнулись, но он пополз дальше на четвереньках. Он мог перемещаться беспрепятственно лишь в то время, пока работали двигатели. Как только они выключатся, экипаж и охрана вылезут из противоперегрузочных кушеток, выйдут из кают и его немедленно схватят. Преодолевая боль во всем теле, он заставил себя доползти по коридору до лестницы, соединявшей между собой палубы корабля, и начал спускаться вниз.

Двигатели выключились, когда он преодолел полпути. Чтобы не терять времени, он выпустил поручни и упал вниз.

Поскольку сила тяжести на Хоудте была заметно меньше нормальной земной, да и падал Рэйвер с высоты всего лишь пятнадцать футов, он ничего себе не повредил. Перекатившись по полу, он плечом ударил в дверь, вскочил на ноги, пока она еще раскрывалась, и бегом понесся к

кладовой скафандров. Он знал, что все находившиеся на корабле отстегивали привязные ремни и поднимались, чтобы вернуться к своим обязанностям. За спиной у него раскрылась дверь, послышался внезапный громкий ропот голосов. Кто-то вышел в коридор… повернулся, чтобы что-то сказать тем, кто оставался внутри…

Рэйвер толкнул дверь кладовой, вскочил внутрь, осторожно закрыл дверь за собой и прислонился к ней. Сигналов тревоги пока что не было.

Тем не менее нельзя было тратить время впустую. Он тяжело перевел дух и, игнорируя боль в перегруженных во время торможения мышцах, принялся перебирать аккуратно развешенные скафандры. Они были достаточно эластичны, и самый большой, растянувшись до предела, должен был ему подойти. Если он закроет шлем, это несомненно привлечет внимание каждого, кто попадется ему на пути внутри корабля, но если он оставит лицо открытым, его сразу же узнают. А вот запасные воздушные баллоны помогут закрыть лицо и послужат второй, не менее важной цели. Большой перезаряжаемый баллон весит более ста фунтов, так что он решился взять только два. Он мог унести и больше, но это тоже вызвало

бы ненужный интерес. Ему нужно было идти налево, и поэтому он взвалил баллоны на правое плечо и распахнул дверь. Выйдя в коридор, он пошел, почти касаясь стены левым плечом, а баллоны закрывали его лицо от встречных.

За спиной он услышал шаги, но человек не окликнул его. Рэйвер спустился на две палубы ниже и увидел охранника возле аварийного выхода. И в этот момент прозвучал сигнал тревоги: исчезновение заключенного из камеры было обнаружено. Но Рэйвер не ускорил и не замедлил шаг, хотя охранник нервно дернулся, скинул винтовку с плеча и взял оружие на изготовку.

— Что это? Что случилось? — обратился он к Рэйверу, а затем, быстро обернувшись, окинул взглядом коридор. Воздух разрывал пульсирующий вой сирены.

— Кто идет? — наконец спохватился охранник, когда Рэйвер подошел к нему почти вплотную. Солдат попытался вскинуть винтовку, но было уже поздно, слишком поздно.

Рэйвер вытянул свободную руку и взял человека за горло, чтобы он не смог закричать и вызвать подмогу, и подтянул его вплотную к себе, чтобы тот не смог выстрелить. Средний палец нащупал артерию ниже уха охранника и надавил на нее,

перекрывая ток крови к мозгу. Несколько секунд человек вяло пытался сопротивляться, а затем его тело обмякло; он потерял сознание. Рэйвер осторожно опустил его на палубу, забрал из ослабевших рук оружие, отцепил с пояса подсумок с патронами, перекинул ремень через плечо и открыл тамбур. В это время невдалеке послышались крики, но он, не обращая на них внимания, закрыл за собой дверь и тщательно запер ее.

— Схватите его! — зарычал капитан; его лицо побагровело от ярости. — Притащите его ко мне. Убить его разрешаю только в самом крайнем случае: я хочу увидеть его смерть собственными глазами. Вам понятно?

— Да, сэр, — ответил лейтенант Н'Несс, сохраняя непроницаемое выражение на лице. — Мне понадобится группа из самых подготовленных людей.

— Считайте, что вы ее получили. Что вы собираетесь делать?

Н'Несс вынул из планшета карту и развернул ее на столе. Он был кадровым военным и после этой командировки должен был поступить в колледж, чтобы учиться на старшего офицера. И говорил он с профессиональной краткостью и четкостью.

— Корабль находится здесь, около подножия

скальной гряды, в обычной посадочной зоне. Рэйверу совершенно незачем идти к каторжным шахтам, которые находятся поблизости, да и на самом деле все радары указывают, что он идет по направлению восемьдесят шесть градусов в сторону предгорий. Это имеет смысл. Ближайшая горная выработка, кроме нашей каторги, находится вот тут, по другую сторону гор. Ее разрабатывают пулиаане.

— Проклятие!

— Совершенно согласен с вами. Если Рэйвер доберется до них, они дадут ему убежище, и мы ничего не сможем с этим поделать.

— Моя бы воля, я с ними такое сделал бы… — пробормотал капитан, стискивая кулаки.

— И не только вы, — отозвался лейтенант Н'Несс. — Но Пулиаа втрое превосходит нас по численности населения и в пять раз по индустриальному потенциалу. А вот тут мы на самом деле ничего не можем поделать.

— И все равно! Сколько веревочке ни виться…

— Несомненно. Но беглый каторжник тем временем приближается к убежищу. Он взял два запасных баллона в дополнение к тому, что имелся в скафандре. С этим он сможет добраться до пулиаанской шахты, но только самым прямым

путем. На то, чтобы отсидеться где-нибудь или пойти в обход, у него времени не будет. Я намереваюсь немедленно выйти в погоню с группой самых сильных и опытных людей. Каждый возьмет по одному запасному баллону с воздухом. Мы пойдем налегке и будем двигаться быстро. Мы схватим его и приведем обратно.

— Ну так действуйте. Мои инструкции вы получили.

Группа преследования уже облачилась в скафандры, и Н'Несс тоже поспешил переодеться. Несмотря на то что им нужно было спешить, он проверил у каждого оружие, подсумок с боеприпасами, воздушный баллон и только после этого дал команду на выход. И они быстрым шагом направились через равнину к предгорьям, следуя указаниям радиопеленгатора с корабля, который давал им точное направление к тому месту, где Рэйвер исчез из вида средств наблюдения.

— Я вижу след, — сообщил Н'Несс по радио. — Сдвинутые камни, отпечатки ног — совершенно ясный след, с которого просто невозможно сбиться. Следующая связь через час. — Он вел свою команду в горы планеты Хоудт.

Хоудт. Этот мир был разбит, выпотрошен и остался без атмосферы в каком-то немыслимо

древнем катаклизме. Планета была практически лишена коры, и наружу торчало голое металлическое ядро. Здесь валялись, дожидаясь, пока их соберут, невероятно огромные запасы тяжелых металлов, дававших энергию для путешествий длиной во множество световых лет. Ископаемых здесь было более чем достаточно для всех, и поверхность планеты была изрыта шахтами; все они принадлежали различным мирам или синдикатам. На лучших из них добычу вели роботы, а на худших — рабы.

Рэйвер не желал быть ни рабом, ни рабовладельцем, но в его родном мире не имелось никакого другого выбора. Он вошел в оппозицию правящему режиму, и можно было считать просто чудом, что она просуществовала столько лет, прежде чем пришла к неизбежному финалу: все ее члены попали на Хоудт. Но все же Рэйвер еще оставался в живых. Ему нужно было лишь перевалить через горы, спуститься в пулиаанское поселение — и он спасен.

Воздушные баллоны он навьючил на спину, чтобы освободить руки, так как на этих крутых склонах он не мог идти и ему приходилось карабкаться. Когда он подтягивался по растрескавшейся скальной стене, рядом с ним что-то

беззвучно взорвалось, подняв облачко каменной пыли. Он почувствовал кончиками пальцев сотрясение почвы, разжал руки и съехал вниз, под защиту зазубренных валунов. Выглянув в трещину, он впервые увидел своих преследователей; они выстроились в цепочку и, держа винтовки в руках, изготовились стрелять с колена. Как только он исчез из виду, они вскочили на ноги и двинулись дальше. Рэйвер тоже продолжил свой путь, выбрав такое направление, на котором он мог бы дольше прятаться от них за неровностями почвы.

— Привал, — скомандовал лейтенант Н'Несс, когда солнце коснулось горизонта. Его люди опустились наземь. Преследование началось на рассвете; долгота дня здесь составляла двадцать стандартных часов. Они находились в далеких северных широтах, где благодаря наклону оси планеты ночь длилась менее трех часов. Вообще-то, Н'Несс был готов продолжать преследование и в темноте, но идти на это не следовало. Ночью трудно карабкаться по скалам, да и его люди устали. Сейчас следовало поспать и поймать раба на следующий день до заката.

— Двое на посту, каждая смена по часу, — приказал он. — Сложите все запасные баллоны сюда.

Утром мы наполним из них баллоны скафандров и увидим, сколько можно будет бросить.

Большинство солдат уснуло прежде, чем он умолк. Лейтенант пнул ногой того, кто оказался ближе всех к нему. Вдвоем они собрали баллоны, а потом сели спина к спине и принялись вглядываться в темноту.

Сначала солнечный свет появился на самых высоких пиках, но в отсутствие атмосферы, которая рассеивала бы свет, лагерь оставался в темноте. Третья смена, согласно приказу лейтенанта, разбудила всех остальных. Люди только-только начали потягиваться, когда ночь взорвалась.

Сначала ярко полыхнуло, затем вновь обрушилась тьма, в которой раздавались лишь крики испуганных людей. Лейтенант быстро восстановил порядок, а как только рассвет достиг лагеря, они увидели, что весь склад их запасных воздушных баллонов уничтожен.

Восстановить ход событий было совсем нетрудно. Рэйвер, должно быть, в темноте подполз к лагерю и перед самым рассветом прокрался в него и лег среди спящих: всего лишь еще один человек в скафандре. Он поместил какую-то бомбу среди баллонов, а затем, воспользовавшись растерянностью, вызванной взрывом, убежал.

Н'Несс недооценил его.

— Он поплатится за это, — холодно сказал лейтенант. — Вернувшись сюда, он лишился своего отрыва и не сможет вновь наверстать его. Садитесь и проверьте свои баллоны.

Да, запасные воздушные баллоны погибли, но ведь в баллонах скафандров что-то еще оставалось. С безжалостным практицизмом Н'Несс стравил содержимое баллонов своих людей в свой, пока его баллон не заполнился до отказа, а баллоны спутников почти опустели.

— Возвращайтесь на корабль, — приказал он. — Как только перейдете последнюю гряду холмов, начинайте вызывать по радио; вы сможете связаться или с кораблем, или с шахтой. Скажите им, чтобы они вышли вам навстречу с кислородом, если того, что осталось у вас, не хватит, чтобы добраться до корабля. А я пойду дальше и задержу беглого. Передайте это капитану. А теперь проваливайте.

Н'Несс не стал провожать своих подчиненных взглядом; на самом деле он сразу же забыл об их существовании. Он намеревался поймать Рэйвера и привести его назад под дулом ружья. Капитан от этого будет счастлив, ну а в послужном списке лейтенанта появится очень лестная

надпись. Чуть ли не бегом он бросился вверх по склону.

Лейтенант был гораздо легче, нес на себе меньше груза, к тому же ему не нужно было разыскивать следы преследуемого; он мог просто идти в нужном направлении, уверенный, что в конце концов нагонит беглеца. Там, где Рэйвер был вынужден огибать нагромождение скал, Н'Несс шел прямиком, полагаясь на свою ловкость и проворство. Он не снижал темпа, не отдыхал, и его срывающееся дыхание, словно эхо, откликалось свисту работавшей с перегрузкой климатической установки, не успевавшей удалять избыточный пар, углекислый газ и отводить тепло, вырабатывавшееся телом лейтенанта. Это была безумная погоня, но у нее мог быть только один исход (если, конечно, преследователь не подвернет ногу или не потеряет сознание от переутомления).

Рэйвер взобрался на широкий карниз и сквозь расщелину увидел впереди высокие копры пулиаанских шахт. Он направился к ним, и в этот момент радио затрещало, и в шлеме послышался отчетливый голос Н'Несса:

— Стой, где стоишь. Не двигайся.

Рэйвер замер как вкопанный и медленно осмот-

релся. Лейтенант Н'Несс стоял на карнизе над ним и держал его на прицеле лучевой винтовки.

— Повернись, — приказал Н'Несс, — и шагай в обратном направлении, туда, откуда пришел. — Он повел стволом винтовки в нужном направлении.

— Благодарю вас, нет, — ответил Рэйвер и сел на землю, положив рядом с собой кислородный баллон. — У меня нет ни малейшего желания возвращаться, несмотря даже на ваше приглашение.

— Хватит разговоров. Даю тебе десять секунд: или ты делаешь то, что тебе приказано, или я нажимаю на курок.

— Нажимайте, и будьте прокляты. Я с равным успехом могу умереть здесь или же вернувшись туда. Какая для меня разница?

Н'Нессу, не ожидавшему такого поведения, пришлось на мгновение задуматься, подыскивая дальнейшие слова. Когда он вновь заговорил, в его голосе уже не было слышно командирской стали.

— Ты ведь разумный человек, Рэйвер. Нет никакого смысла умирать здесь, когда ты можешь жить и работать…

— Не прикидывайтесь глупее, чем вы есть на

самом деле, вам это не идет. Мы с вами оба знаем, что рабы попадают на шахты пожизненно, а жизнь у них не бывает долгой. У меня не будет другой возможности убежать. А вы — наемный убийца. Стреляйте.

Н'Несс оценил запасы воздуха в своем баллоне, прибавил к ним содержимое запасного баллона, который нес Рэйвер, и уселся напротив преследуемого.

— Ты можешь не утруждаться, стараясь оскорбить меня, — сказал он. — Да, мне приходилось убивать по долгу службы, но я никогда никого не пытал и не убивал людей с такой жестокостью, как ваша так называемая Пацифистская партия…

— Стоп, — прервал его Рэйвер, поднимая голову. — Вы просто жертва вашей собственной пропаганды. Все это ложь. Мы не убиваем. Подумайте сами, если, конечно, вы на это способны. Вам когда-нибудь приходилось видеть хоть одно из тех злодеяний, о которых вы говорите? Совершенных кем-либо, кроме ваших собственных людей.

— Я здесь не для того, чтобы спорить с тобой…

— Ответ неверный. Попробуйте еще раз. Вы когда-нибудь видели такое?

— Нет, не видел… Но… но только потому, что мы стреляли первыми, прежде чем они успевали совершиться.

— Тоже неудовлетворительно, лейтенант. Вы уклоняетесь от правды. Вы убиваете, а мы этого не делаем. Это основное и принципиальное различие между нами. Вы животный атавизм человечества, а мы его будущее.

— Не прикидывайся святым, пожалуйста. Ты напал на охранника на корабле, а вчера вечером пытался убить меня и моих людей.

— Это неправда. Я не убиваю. Я привел охранника в бессознательное состояние, а его винтовку и боеприпасы использовал для того, чтобы уничтожить ваш кислород и заставить вас повернуть обратно. Разве кто-нибудь был ранен?

— Нет, но…

— Да, но, — громко прервал его Рэйвер, одним движением поднимаясь на ноги. — В этом вся разница. Наши агрессивные черты позволили нам подняться на вершину животного мира, а теперь мы должны отказаться от убийства, чтобы иметь возможность дальнейшего прогресса. Тяга к насилию существует в нашей природе — я не отрицаю, что и во мне она тоже есть, — но чего же стоит наш разум, если мы не можем

контролировать ее? Любой человек может пожелать женщину, которую видит на улице, или драгоценности, выставленные в витрине, и все же только больной человек совершит насилие или кражу.

— Это вовсе не болезнь, — возразил Н'Несс, взмахнув ружьем в сторону Рэйвера, — всего лишь здравый смысл, который помогает выиграть спор. Разумный человек знает, что не может голыми руками бороться против ружья, и потому добывает ружье себе и уравнивает шансы. Вот этому-то вы, ребята, никогда не научитесь. Мы всегда побеждаем. Мы убиваем вас.

— Да, вы убиваете нас во множестве, но никак не можете победить. Вы не меняете сознание человека, устраняя его. Что вы будете делать, когда все окажутся на противоположной стороне? Расстреляете всех? А потом, когда убьете всех мужчин, женщин и детей, что вы станете делать с вашим миром?

— Теперь ты прикидываешься дураком. Это уже не раз происходило: когда лидеры убиты, толпа начинает делать то, что ей приказывают.

— Но теперь во Вселенной появилось нечто новое, — спокойно сказал Рэйвер. — Возможно, это следующая ступень развития, homo superior,

мутация, люди, которые по своей природе не способны убивать. Это не моя теория, по этому поводу написано множество научных трудов…

— Все это ерунда!

— Вовсе нет. Вспомните о том, что случилось на Пулиаа…

— Пропаганда! Пацифистская партия смогла на время прийти к власти, но посмотрим, что случится при первых признаках неурядиц.

— Неурядицы у них уже были, и пока что они всё благополучно переживали. А правда заключается в том, что они пришли к власти в результате всемирного ненасильственного восстания. Этого хотел каждый.

— Ложь!

— Сомневаюсь в этом. — Рэйвер улыбнулся. — Вы не можете игнорировать тот факт, что теперь все жители планеты стали вегетарианцами. Что-то произошло. Почему бы вам не задуматься над этим, прежде чем окажется слишком поздно. Я не первый из тех, кто верил, что те, кто живет мечом, от меча и погибнут.

— Ну, поговорили — и хватит, — сказал Н'Несс, поднимаясь на ноги. — А теперь ты пойдешь со мной.

— Нет.

— Если ты не пойдешь, то застрелю тебя, а потом пришлю людей за твоим трупом. У тебя нет выбора.

— Вы это сделаете? Так просто нажмете на курок и убьете человека? Лишите его жизни без всякой причины? Мне трудно это представить; я не способен на такое злодеяние.

— Это не зло, к тому же у меня есть причины. Ты враг, а мне отдан приказ…

— Это не причины, а просто оправдания. Животное убивает, чтобы есть или для защиты своей собственной жизни или жизней других. Все остальное — это извращение.

— Еще одно, последнее предупреждение, — сказал Н'Несс, недрогнувшей рукой наводя оружие прямо в середину широкой груди огромной фигуры в скафандре. — Все твои доводы ничего не значат. Или ты идешь со мной, или я застрелю тебя.

— Подумайте о себе, лейтенант. У вас есть шанс, который редко выпадает таким, как вы. Вы можете перестать убивать. Вы можете отправиться вместе со мной на Пулиаа и своими глазами увидеть, что значит не быть животным. Разве вы не понимаете, что насильник в первую очередь насилует сам себя? Разве кому-нибудь хочется

оказаться в шкуре насильника? И потому убийца убивает сам себя, и это, вероятно, единственный вид убийства, который человек мира может осознать. Мы не любим этого делать, но при необходимости идем на это. Только после того, как ваша раса уйдет, моя раса сможет превратить эту галактику в то, чем она должна быть.

— Дурак! — выкрикнул лейтенант. — Это ты умрешь, а не я. Даю тебе последний шанс.

— Вы убиваете сами себя, — спокойно отозвался Рэйвер.

Губы лейтенанта натянулись в злой ухмылке, он выкрикнул что-то невнятное и нажал на спуск.

Ружье взорвалось, убив его на месте.

— Простите меня, — сказал Рэйвер. — Я старался предупредить вас. Ночью я немного повозился с вашей и со всеми остальными винтовками, чтобы они взрывались при выстреле. Но я надеялся убедить вас пойти со мной.

Опустив голову в неподдельном горе, Рэйвер повернулся и зашагал к видневшейся неподалеку шахте.

Государственный служащий

Перевод А. Гришина

Точно в девять утра двери открывались, и в почтовое отделение входили первые посетители. Ховардс знал это, и все же, аккуратно укладывая Книгу на конторку, он не мог удержаться, чтобы не кинуть опасливый взгляд на большие часы, висевшие на стене. В чем дело? Ведь это был всего лишь рабочий день, точно такой же, как все остальные дни. Слава богу, с последним прыжком длинной черной стрелки страхи скрылись, спрятались куда-то глубоко на дно души.

Да, это просто очередной рабочий день, почему же он так встревожен? Он нервно хихикнул и повернул ключ в замке стоявшего перед ним кассового пульта, и в этот момент с противоположной стороны барьера появились два человека.

— Я хочу отправить письмо в Сьерра-Леоне, — заявил мужчина.

— А мне надо оплатить страховку, — потребовала женщина.

Они немедленно принялись ругаться — каж-

дый настаивал на том, что пришел первым, — и их голоса, сливаясь в единый дуэт, звучали все громче и визгливее. Ховардс хлопнул левой рукой по Книге и поднял правую.

— Стоп, — негромко, но внушительно проговорил он, и они сразу умолкли, почувствовав властность, звучавшую в его голосе. — Согласно пункту Бэ — восемьдесят шесть — у дробь двести тридцать четыре Книги почтовых инструкций, все разногласия относительно приоритета обслуживания должны разрешаться клерком, находящимся при исполнении служебных обязанностей. То есть мною. Дама первая. Вот ваша марка, мадам.

Пока он произносил эту речь, его пальцы уже порхали по кнопкам кассового пульта, а он втайне гордился той уверенностью, с которой высказал свою реплику. Мужчина отступил в сторону, женщина робко протянула ему книжку страхования, а он стоял, держа палец на кнопке ввода. Свободной рукой он раскрыл книжку, засунул листок в щель и нажал кнопку.

— Двадцать два кредита восемьдесят, мадам. — Купюры уплыли в приемник, а в лотке загремела сдача. — Следующий, — не без некоторой снисходительности провозгласил он.

Мужчина ничего не сказал; конечно же, он знал, что тут спорить не о чем. В Книге все было сказано верно. Он протянул свой конверт, расплатился и отошел. Ховардс подумал, что этот день и впрямь начался достаточно бурно, но откуда же этот легкий, беспредметный испуг, затаившийся, дрожа, где-то на самом дне души? Он произнес про себя эту фразу и потер костяшками пальцев грудь где-то между сердцем и желудком.

Над барьером навис крупный темнокожий человек с густой черной бородой.

— Ты знаешь, что это такое? — взревел он.

— Конечно знаю, — ответил Ховардс. (Его голос слегка дрогнул — или ему это только показалось?) — Это игольное ружье.

— Ты прав. — Теперь человек шипел, и его голос вызывал в сознании вид накатывающейся на берег ядовитой волны. — Оно беззвучно выкидывает иглу, которая летит с такой скоростью, что, втыкаясь в человеческое тело, порождает гидростатическую волну, которая полностью разрушает нервную систему. Тебе этого хочется? — В спутанной черной бороде мелькнули белые зубы.

— Я не хотел бы, чтобы моя нервная система полностью разрушилась.

— Тогда выплати мне четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов.

— У меня в кассе столько нет. Наличные деньги выдаются централизованно…

— Болван! Я все это знаю. Я знаю также, что на выплату любой суммы больше пяти тысяч кредитов в любом пункте нужно получить специальное подтверждение. Поэтому гони четыре тысячи девятьсот девяносто девять кредитов. Живо.

— Выполняю, — решительно сказал Ховардс и принялся нажимать кнопки. При этом он громко говорил: — Четыре, девять, девять, девять…

— Теперь нажми ввод!

Ховардс заколебался на долю секунды, затаил дыхание, а затем, подавшись вперед всем телом, нажал пальцем на самую большую кнопку.

В лотке для мелочи раздался звон высыпающихся монет, человек невольно перевел туда взгляд, и в этот момент ему в лицо ударила струя белого пара. Он закричал, скорчился и сразу же упал, сраженный смесью газов раздражающего, слезоточивого и кожно-нарывного действия.

— Глупец, — проговорил Ховардс в носовой платок, которым поспешно прикрыл лицо, и отошел в сторону, подальше от облачка газа. — Охранники оказались рядом с ним, как только я

набрал четыреста девяносто девять миллионов девяносто девять тысяч кредитов. Просто нажать переключение десятичного разряда…

Было уже почти девять; совсем скоро должен был появиться первый посетитель. День как день… но почему же он так странно себя чувствует? Как? Как будто он заключен в тюрьму в глубине своего собственного мозга, вопит, но его никто не слышит. Ну и глупость; государственному служащему совершенно не к лицу иметь такие мысли.

— Помогите мне, — попросила старуха, как только черные руки стрелок часов коснулись одна девятки, а другая двенадцати.

— Ну конечно, мадам.

Интересно, откуда она взялась так быстро?

— Это моя пенсия. — Она трясущейся костлявой рукой подтолкнула к нему поперек барьера истрепанную и грязную пенсионную книжку. — Они не хотят платить мне мои деньги.

— Денежные выплаты осуществляются всегда, — сказал Ховардс, листая засаленную книжку и стараясь при этом прикасаться к ней одними лишь кончиками пальцев. Вот она, причина затруднений. Он указал на вырванный листок. — Мы нашли объяснение. Страница отсутствует.

Чтобы возобновить выплаты, вы должны получить форму девятьсот двадцать пять дробь один ка сорок три в скобках и заполнить ее.

— Она у меня есть, — ответила женщина и сунула ему — нет, скорее бросила — еще сильнее жеванный и замызганный листок. Ховардс взял его и принялся читать, надеясь, что чувства, которые он испытывает, не отражаются на его лице.

— Это та самая форма, мадам, но она не полностью заполнена. Вот тут, в этой графе, вы должны указать номер страхового свидетельства вашего покойного мужа.

— Я не знаю этого номера! — срывающимся голосом выкрикнула старуха и навалилась всем телом на край барьера. — Он умер, и все его документы уничтожены, вы можете это понять?!

— В таком случае вы должны получить форму двести семьдесят шесть дробь пэ о шестьдесят семь в скобках, которая является заявлением, в ответ на которое надлежащие органы выдадут вам нужную информацию. — Он положил перед старухой ее бумаги и, как ему хотелось верить, любезно улыбнулся. — Вы можете получить форму для этого заявления в…

— Я раньше помру! — завизжала старуха и швырнула все свои бумаги в воздух — они плавно

опускались, словно грязное конфетти. — Я не ела целую неделю. Я требую своего. Я должна получить свои деньги, чтобы есть…

Эта сцена была до крайности неприятной.

— Я был бы рад помочь вам, но эта проблема находится вне пределов моей компетенции. Вам следует обратиться за соответствующим форменным бланком к представителю, занимающемуся неотложными вопросами…

— Я раньше помру! — повторила она и перегнулась через барьер. Он ощутил ее кислое дыхание и поспешно отодвинулся. — Неужели вы не сжалитесь над человеком моих лет? Я ведь могла бы быть вашей матерью!

— Слава богу, мадам, вы ею не являетесь. У моей матери все бумаги…

— Бумаги! — Она так взвизгнула, что ее голос сорвался. — Вам бумаги важнее человеческой жизни. Я поклялась, что покончу с собой, если сегодня не добуду денег на еду. Спасите меня!

— Прошу вас не угрожать. Я сделал все, что мог.

А так ли это? Может быть, у него были какие-то полномочия, которыми он должен был воспользоваться? Правильно ли он…

— Лучше быстро умереть сейчас, чем медленно

издыхать от голода. Деньги — или я умру!

В руке у нее вдруг оказался большой хлебный нож. Это была угроза? Следовало ли вызвать охрану?

— Я не могу… — Ховардс сбился; его пальцы в нерешительности висели над кнопками пульта. Охрана? Врач? Полиция?

— Тогда я умираю, и мне совсем не жаль расстаться с этим миром!

Она положила левую руку на барьер и резко ударила по ней ножом, почти полностью перерубив запястье. Из глубокой раны хлынул густой поток крови.

— Что вы наделали?! — закричал он и потянулся к кнопкам.

Но она принялась вопить, размахивая рукой. Кровь заливала все вокруг, текла на конторку…

— Книга! — взвизгнул Ховардс. — Вы испачкали кровью Книгу. — Он схватил ее с осквернённой конторки и принялся оттирать носовым платком, но тут вспомнил, что все еще не вызвал помощь. Он заколебался в растерянности, затем положил Книгу подальше от залитого кровью барьера и кинулся на свое место. Там все было в крови — неужели он допустил ошибку? — а женщина, похоже, свалилась на пол, он не видел ее, но все

еще слышал стоны.

— Медицинская помощь, — быстро проговорил он в микрофон. — Немедленно нужен врач. Срочно.

Следовало ли ему что-то сделать для нее? Но он не мог покинуть свое место. И кровь, повсюду кровь, и на его руках, и на рубашке. Он в ужасе глядел на себя. Он никогда еще не видел так много крови, человеческой крови…

А ровно в девять часов почтовое отделение должно было открыться. Еще один день, точно такой же, как и все остальные.

Что с его руками было не так? Может быть, он забыл нечто такое, что ему следовало помнить? Ему казалось, что в его памяти что-то мелькнуло и растаяло, подобно замершему эху, — эху чего? Все шло как нужно: он стоял на своем месте, где ему полагалось находиться, рядом, под рукой, лежала Книга, а впереди сверкала светлая панель кассового пульта. Он был на своем месте, готовый к выполнению своих обязанностей, — но тогда откуда снова и снова возникало мимолетное, неуловимое пугающее воспоминание о том, что свершилось что-то неподобающее?

Почему он то и дело смотрел на руки?

Ховардс содрогнулся, отпер пульт, сбросил

память, щелкнув ручкой, включил тест, затем перевел аппарат в рабочий режим — загорелась зеленая лампочка, — проверил очистку регистров и набрал 4,999…

Нет, что-то было не так. С какой стати он набрал это число? Украдкой бросив взгляд через плечо, он снова очистил регистры. Длинная черная рука часов, щелкнув, перепрыгнув на следующее деление, встала вертикально, и сразу же перед ним образовалась огромная очередь. Люди теснились друг к другу, все глаза смотрели на него. Было тихо, хотя откуда-то из хвоста очереди уже доносился ропот.

— Доброе утро, сэр, — обратился он к краснолицему джентльмену, стоявшему первым. — Чем я могу…

— Только без дурацкой болтовни. Мне нужно обслуживание, а не пустые разговоры. Это письмо, специальной доставкой, срочно, в Капителло, Салерно, Италия. Сколько это будет стоить?

— Это зависит… — начал было Ховардс, протягивая руку к конверту. Мужчина быстро придвинул его к себе.

— От чего зависит, черт бы вас побрал? Я хочу отправить эту штуку, а не трепаться о ней.

Из очереди послышались голоса недовольных

задержкой людей. Ховардс неискренне улыбнулся:

— Зависит от веса, сэр. Специальная доставка осуществляется орбитальными ракетами, и стоимость отправления определяется его весом.

— Тогда прекратите наконец молоть языком и взвесьте его! — рявкнул краснолицый, швырнув конверт по барьеру.

Ховардс поймал его, сунул на весы и назвал высветившуюся сумму.

— Это чертовски дорого! — крикнул мужчина. — Я отправлял письмо в Капителло только вчера, и оно стоило куда меньше.

— Вероятно, оно весило меньше, сэр.

— Я хочу отправить посылку, — сказал маленький ребенок, с усилием выкладывая на барьер неопрятный сверток.

— Вы назвали меня лжецом? — возмутился первый клиент, покраснев еще сильнее.

— Нет, сэр… подожди минутку, малыш… я просто сказал, что раз оно стоило меньше, значит меньше весило.

— Какая наглость! Назвать человека лжецом! Я должен немедленно увидеть вашего начальника!

— Мой начальник не встречается с посетите-

лями. Если желаете, то можете оставить жалобу. Бюро претензий находится в комнате восемь-девять-три-четыре… Не делай этого! — воскликнул он, увидев, что ребенок толкнул свой пакет дальше, и он, соскользнув с внутреннего края, упал на пол. Внутри что-то с громким звоном разбилось; потянуло ужасным зловонием.

— Вы сломали мою посылку! — завизжал ребенок.

— Я этого не делал, убери это немедленно, — ответил Ховардс, поднимая сверток за конец веревки. Ребенок не обратил никакого внимания на его слова и громко разревелся.

— Человека, который так обращается с детьми, нужно высечь кнутом!

— Комната восемь-девять-три-четыре, — повторил Ховардс сквозь сжатые губы, надеясь, что человек уйдет.

Высокий рыжий молодой человек, стоявший в очереди за ребенком, уже давно подпрыгивал от нетерпения.

— Я хотел бы послать моему дяде телеграмму такого содержания: «Дорогой дядя, срочно требуется в долг сто…»

— Будьте любезны заполнить телеграфный бланк, — прервал его Ховардс. Он нажал кнопку,

и на барьер выполз отпечатанный бланк.

— Будет трудновато, — ответил молодой человек, поднимая обе руки; они были замотаны в бинты, скрепленные лентами лейкопластыря. — Я не могу писать, но мог бы продиктовать вам текст. Это займет всего одну минуту. «Дорогой дядя…»

— Мне очень жаль, но я не могу принимать телеграммы под диктовку. Однако вы можете продиктовать ее из любого телефона-автомата.

— Я не могу засовывать монеты в щель. «Дорогой дядя…»

— Это жестоко и бессердечно, — возмущенно фыркнула молодая девушка из очереди.

— Я был бы рад помочь вам, — сказал Ховардс, — но это запрещено инструкциями. Однако я уверен, что кто-нибудь из стоящих дальше согласится написать для вас текст на бланке, и тогда я с удовольствием приму вашу телеграмму.

— Как вы суровы, — заметила девушка. Она была чрезвычайно привлекательна, и когда она наклонилась, ее груди впечатляюще приподнялись на краю барьера. Она улыбнулась. — Я хотела бы купить несколько марок.

Ховардс ответил ей улыбкой, на сей раз совершенно искренней.

— Я был бы счастлив удовлетворить вашу просьбу, мисс, если бы не тот факт, что мы больше не выпускаем марок. Стоимость пересылки теперь печатается машиной прямо на конверте.

— Как хорошо придумано. Но разве нельзя купить юбилейные марки, которые все еще сохраняются на почте?

— Конечно, это совсем другое дело. Продажа публике юбилейных изданий марок… пункт Игрек — двадцать три эйч дробь сорок восемь Книги.

— Какой вы умный. Столько всего помните! Так вот, я хотела бы серию, посвященную столетию Службы по доставке пеленок на дом…

— Наглец, проклятый наглец! Хотели избавиться от меня! — вновь загремел голос краснолицего. Он орал издалека, протискиваясь через толпу. — Комната восемь-девять-четыре-четыре закрыта.

— Я нисколько не сомневаюсь в том, что комната восемь-девять-четыре-четыре может быть закрыта, — спокойно ответил Ховардс. — Я не знаю, что находится в комнате восемь-девять-четыре-четыре. А Бюро претензий находится в комнате восемь-девять-три-четыре.

— Тогда почему, будьте вы прокляты, вы сказали мне — восемь-девять-четыре-четыре?

— Я вам такого не говорил.

— Нет, сказали!

— Исключено. Я не мог допустить такой ошибки.

«Ошибка? — подумал Ховардс. — Ошибка! О нет, только не это». Он почувствовал, что бледнеет.

— Боюсь, что я допустил небольшую ошибку, — сказал он, обращаясь к девушке. — Существует дополнительный приказ, отменяющий продажу всех юбилейных марок в почтовых отделениях.

— Но ведь это же глупость. — Девушка мило надулась. — Разве вы не можете продать мне маленькую марочку с пеленками…

— Если бы я имел на это право, то ничего не доставило бы мне большего удовольствия, но нарушение инструкции недопустимо.

— Башку тебе разбить, как ты разбил посылку! — рявкнул огромный разъяренный детина. Оттолкнув девушку, он сунул прямо под нос Ховардсу растрепанный пакет. Зловоние было ужасающим.

— Уверяю вас, сэр, что я не разбивал ее. Будьте любезны, уберите…

— Мой сын сказал, что это ты.

— Однако я этого не делал.

— Ты хочешь сказать, что мой сын солгал?! — оглушительно взревел детина и, перегнувшись через барьер, схватил Ховардса за грудки.

— Прекратите! — задыхаясь, воскликнул Ховардс. Он попытался вырваться и услышал треск материи. Он пошарил рукой на столе, нащупал кнопку вызова охраны, попытался нажать на нее, но она отломилась и свалилась на пол. Ховардс дернулся сильнее, и большая часть его сорочки осталась в кулаке детины.

— Отправьте, пожалуйста, — сказал кто-то, и в щель пульта просунулось письмо.

— Два кредита, — отозвался Ховардс. Он пнул ногой упавшую кнопку и набрал на пульте стоимость отправки письма.

— Вы сказали — комната восемь-девять-четыре-четыре! — кричал краснолицый.

— Не умеете обращаться с приборами, — с кислым выражением на лице проворчал ремонтник, появившись из-за спины Ховардса.

— Вовсе нет. Я только прикоснулся к ней, и она отломилась.

— Эти устройства никогда не ломаются.

— Помогите мне, — попросила хилая старуха, трясущейся костлявой рукой подтолкнув к нему поперек барьера истрепанную и грязную пенси-

онную книжку. — Это моя пенсия. Они не хотят платить мне мои деньги.

— Денежные выплаты осуществляются всегда, — ответил Ховардс. Он на мгновение прикрыл глаза — почему? — а потом потянулся за книжкой. Краем глаза он заметил проталкивавшегося к барьеру человека с густой нечесаной черной бородой и выражением ненависти на лице.

— Я знаю, что… — начал Ховардс, затем остановился. Возможно ли, чтобы это ему уже было знакомо? В голове начали оформляться какие-то мысли, похоже, что наступала какая-то ясность.

— Я не знаю этого номера! — визжала старуха. — Он умер, и все его документы уничтожены, вы можете это понять!

— Ты знаешь, что это такое? Это игольное ружье.

— Нет, вы сказали — комната восемь-девять-четыре-четыре.

— Всего одна марочка с пеленочкой…

Ховардс с силой стиснул виски ладонями. Он не знал, то ли это он завизжал, то ли кто-то другой.

А затем его поглотила благословенная тьма.

— А теперь сделайте глоточек-другой, и через несколько секунд станете как новенький.

Ховардс взял чашку, которую Экзаменатор

протягивал ему, и с удивлением обнаружил, что может удержать ее лишь двумя руками. Он заметил, что его руки — тыльные стороны кистей — густо усыпаны крупными каплями пота. Потягивая напиток, он почувствовал, как шлем поднимается с его головы, а запрокинув голову, успел кинуть на шлем быстрый взгляд, прежде чем он скрылся в отверстии в потолке.

— Экзамен… разве мы не будем продолжать?

Экзаменатор хихикнул и постучал толстыми пальцами по столу.

— Распространенная реакция, — заметил он. — Экзамен окончен.

— Я ничего не помню. Мне показалось, что шлем опустился, а потом снова поднялся. Хотя мои руки покрыты по́том. — Он посмотрел на них, а потом содрогнулся, осмыслив сказанное. — Значит, экзамен окончен. И я…

— Вы должны запастись терпением, — сказал Экзаменатор с тяжеловесным достоинством. — Результаты необходимо проанализировать, сравнить, составить отчет. Даже электроника не может сделать этого сразу. Вам не следует жаловаться.

— О, я не жалуюсь, Экзаменатор, — быстро ответил Ховардс, опустив глаза. — Я благодарен.

— Вы и должны быть благодарны. Только подумайте о том, каким все это было прежде. Многочасовые устные и письменные экзамены, на которых лучшие отметки получают зубрилы, у которых нет ничего, кроме хорошей памяти. А при экзамене на симуляторе зубрежка не поможет.

— Я знаю это, Экзаменатор.

— За какие-нибудь несколько минут, которые вы проводите в гипнотическом сне, машина помещает вас мысленно в различные ситуации и определяет, как вы ведете себя в них. Реальные ситуации, в которых оказывается почтовый клерк при исполнении своих повседневных обязанностей.

— Ну да, повседневных обязанностей, — повторил Ховардс. Он хмуро посмотрел на свои руки и быстро вытер их о бока.

Экзаменатор уставился на цифры, пробегавшие по стоявшему перед ним дисплею.

— Не так хорошо, как я ожидал, Ховардс, — медленно проговорил он. — В этом году вы не станете почтовым клерком.

— Но… я был совершенно уверен… двенадцатый раз.

— Для этой службы требуется больше, чем одно

только знание Книги. Идите. Учитесь. Готовьтесь. Ваша оценка в этот раз достаточно высока для того, чтобы оставить вас в студентах еще на год. Работайте упорнее. Очень мало таких студентов, которым не удается сдать после пятнадцати лет обучения.

Ховардс стоял, беспомощно переминаясь с ноги на ногу, но не уходил.

— Жена просила меня поговорить с вами, сэр… Мы становимся все старше… Разрешение на ребенка…

— Не может быть никаких разговоров. Вы же знаете, что все определяется демографической ситуацией и вашим общественным положением. Если бы вы были клерком, то могли бы рассчитывать, что ваше заявление рассмотрят.

— Но ведь клерков так мало, — подавленно сказал Ховардс.

— Для них так мало рабочих мест. Будьте счастливы, что вы являетесь зарегистрированным студентом, имеете квартиру и рацион. Вы знаете, что такое быть утвержденным безработным?

— Спасибо, сэр. До свидания, сэр. Вы были очень добры, сэр.

Ховардс быстро закрыл за собой дверь. Почему ему продолжало казаться, что у него на руках

кровь? Он помотал головой, чтобы прогнать наваждение.

Будет трудно рассказать это Доре. Она так надеялась. Но по крайней мере, у него все еще остается его Книга. И целый год, чтобы заново заучить ее. Это будет полезно. А также изменения и дополнения, что может быть еще полезнее.

Мимо почтового отделения, расположенного в вестибюле, он прошел, старательно отводя глаза.

Я делаю свою работу

Перевод В. Вебера

Я — робот. И этим сказано все. И ничего. На Земле в меня вложили много труда. Серебряная проволока, хромированная сталь, компьютерный мозг. Изготовили машину, меня, машину, разумеется, без души, вот почему я — никто. Я — машина, и мои обязанности — заботиться об этих трех людях. Которые умерли.

Но их смерть не означает, что теперь я могу манкировать своими обязанностями. Нет, конечно. Но я — машина очень высокого класса, дорогая машина, поэтому я могу оценить абсурдность того, что делаю, пусть и продолжая делать. И все равно делаю, делаю. Как включенный резак режет и режет, независимо от того, подается под нож металл или нет, как включенный печатный пресс опускается и опускается, не обращая внимания на бумагу.

Я — робот. Уникальный робот, сконструированный и изготовленный с тем, чтобы с максимальной эффективностью функционировать на

первом в истории человечества звездолете, заботиться и выполнять все желания героев дальнего космоса. Это их миссия, их слава, а я, как говорится у людей, лечу за компанию. Металлический слуга, который служил и продолжает служить. Хотя. Они. Мертвы.

И вот я в очередной раз говорю себе, что произошло. Люди не могут жить во внепространстве между звездами. Роботы могут.

Теперь мне пора сервировать стол. Я сервирую стол. Хардести первым через толстое стекло иллюминатора заглянул в ничто, заполняющее внепространство. Я ставлю на стол его прибор. Заглянул, пошел в свою каюту и покончил с собой. Я обнаружил его слишком поздно: кровь уже вытекла из его большого тела на пол, после того как он перерезал себе вены.

Я стучусь в дверь каюты Хардести и открываю ее. Он лежит на койке и не шевелится. Очень бледный. Я закрываю дверь, возвращаюсь к столу и переворачиваю его тарелку. Он пропустит эту трапезу.

На стол надо поставить еще два прибора, и мои металлические пальцы звякают о тарелки. Мне доступно ассоциативное мышление, и я думаю о преимуществах металлических пальцев. У Ларсо-

на были человеческие пальцы, из плоти и крови, и он сомкнул их на шее О'Нила после того, как заглянул во внепространство, и не отпускал шею даже после того, как О'Нил вогнал столовый нож, кстати, вот этот самый нож, в левый бок Ларсона, между четвертым и пятым ребрами. О'Нил так и не увидел внепространства, но это ничего не изменило. Он не шевельнулся даже после того, как я один за другим оторвал пальцы Ларсона от его шеи. Сейчас он в своей каюте, обед готов, сэр, говорю я, постучавшись, но не слышу ответа. Я открываю дверь. О'Нил лежит на койке, его глаза закрыты, поэтому я закрываю дверь. Мои электронные органы обоняния подсказывают мне, что в каюте О'Нила какой-то очень сильный запах.

Один. Перевернуть тарелку О'Нила на столе.

Два. Постучать в дверь каюты Ларсона.

Три… Четыре…

Пять. Перевернуть тарелку Ларсона на столе. Теперь я убираю стол и думаю об этом. Звездолет функционирует нормально, и он заглянул во внепространство. Я функционирую нормально, и я заглянул во внепространство. Люди не функционируют, и они заглянули во внепространство.

Машины могут путешествовать между звез-

дами, люди — нет. Это очень важная мысль, и я должен вернуться на Землю и донести ее людям. Каждый день по корабельному времени, после каждой трапезы, я думаю эту мысль и думаю о том, какая она важная. Для оригинальных мыслей способностей у меня минимум. Робот — это машина, и, возможно, это единственная оригинальная мысль, которая пришла мне в мозг. Отсюда это очень важная мысль.

Я — очень хороший робот с очень хорошим мозгом, и, возможно, мой мозг превзошел ожидания тех, кто меня проектировал и изготовлял. У меня родилась оригинальная мысль, а в меня такие возможности не закладывались. Меня проектировали для того, чтобы я служил членам экипажа этого корабля и разговаривал с ними на английском, очень сложном языке даже для робота. Но я говорю на чистейшем английском языке с произношением, не доступным ни немцу, ни славянину. На Земле умеют делать хороших роботов.

Смотрите сами. У меня быстрые ноги, я подскакиваю к контрольной стойке и нажимаю на клавиши своими шустрыми пальцами. Я могу рифмовать слова, но не умею писать стихи. Я знаю, что разница в этом есть, но понятия не

имею, в чем она заключается.

Я читаю показания приборов. Мы побывали у альфы Центавра и теперь возвращаемся, я и корабль. Я ничего не знаю об альфе Центавра. Когда мы добрались до альфы Центавра, я развернул корабль в обратный путь, к Земле. Моя оригинальная мысль, которую я хочу донести до землян, гораздо важнее невероятных чудес, которые могли открыться мне на планетах этой звезды.

«Невероятные чудеса» — не мои слова, я однажды услышал, как их произнес человек, Ларсон. Роботы ничего такого не говорят.

У роботов нет души, да и как может выглядеть душа робота? Аккуратный, гладко отшлифованный контейнер? И что может обретаться в этом контейнере?

У роботов не может быть таких мыслей.

Я должен накрывать стол к обеду. Сюда тарелки, сюда — ложки, сюда — вилки, сюда — ножи.

«Я порезал палец. Черт побери… запачкал кровью всю скатерть…»

КРОВЬЮ? КРОВЬЮ!

Я робот. Я выполняю свою работу. Я накрываю на стол. Что-то красное на моем металлическом пальце. Должно быть, кетчуп из бутылки.

Конечная станция

Перевод М. Левина

Выйдя из экрана передатчика материи, Джомфри сразу понял, что произошла ужасная ошибка. Во-первых, он почти ослеп от головной боли — классический симптом разладки ПМ. А во-вторых, он явно попал не туда — в какую-то серую пыльную камеру, а направлялся домой. Пошатываясь и прикрывая рукой глаза, он ощупью добрался до привинченной к стене скамейки и сполз на нее. Обхватив голову руками, он стал ждать, когда же стихнет боль.

Худшее было позади, и стоило благодарить судьбу за то, что он вообще остался в живых. Джомфри многое знал о неисправностях ПМ, насмотревшись фильмов по стереовизору, поскольку такие драматические случаи, хотя и очень редкие, служили естественным материалом для роботов-сценаристов. Сбой единственной микросхемки — и несчастный путешественник попадал не в тот приемник, да еще получал легкое повреждение нервной системы, которое

вызывало резкую головную боль. Работники системы ПМ называли это «минимальной разладкой». Когда боль проходила, пострадавший мог набрать код ближайшей аварийной станции, сообщить о разладке и отправиться дальше. Худшее же, что могло случиться, страшно было даже вообразить: прибывали люди, вывернутые наизнанку или вытянутые в тонкие многометровые трубки кровоточащего мяса. Или еще хуже. Джомфри сжал голову руками и сказал себе, что хорошо отделался…

Свет больно ударил в приоткрытые глаза, но Джомфри вытерпел. Ноги еще дрожали, но стоять он мог, глаза немного отошли — пора обращаться за помощью. На аварийной станции должно найтись средство от головной боли. И нужно сообщить о разладке передатчика, пока кто-нибудь еще не пострадал. Он несколько секунд ощупывал онемевшими пальцами гладкую стену, пытаясь отыскать панель с кнопками.

— Не может быть! — вскрикнул Джомфри и широко открыл глаза, забыв о боли. — Здесь должна быть панель!

Но панели не было! Экран оказался только приемником. Хотя теоретически существование однонаправленного экрана ПМ было возможно,

Джомфри никогда еще подобного видеть не приходилось.

— Надо выйти отсюда, — сказал он себе, отворачиваясь от пустого экрана в пустой комнате.

Держась за гладкую стену, Джомфри вышел за дверь и побрел по пустому коридору. Повернув направо, коридор вывел его на пыльную улицу. Ветер нес по ней обрывки пластикового мусора и теплый запах гнили.

— Чем скорее я отсюда выберусь, тем лучше. Нужно найти другой передатчик.

Солнце ударило ему в глаза, и он застонал от резкой боли в темени. Зажав глаза руками и глядя сквозь узкую щелочку между пальцами, он, спотыкаясь, выбрался на улицу. Из глаз бежали слезы, и сквозь их мутную пелену он тщетно рассматривал унылые серые стены, отыскивая знакомую эмблему ПМ — красную двуглавую стрелу. Но ее нигде не было.

У дверей сидел человек, на его лицо падала тень.

— Помогите, — попросил Джомфри, — мне плохо. Где тут станция ПМ — не подскажете?

Человек подобрал одну ногу и вытянул другую, но ничего не сказал.

— Вы что, не понимаете? — раздраженно про-

должал Джомфри. — Я болен! Ваш гражданский долг…

По-прежнему не говоря ни слова, человек подцепил Джомфри сзади пальцами ноги за лодыжку, а другой ногой ударил в колено. Джомфри упал, а незнакомец сразу поднялся.

— Геенне́ц, сука, — сказал он и с размаху пнул Джомфри в пах. И зашагал прочь.

Джомфри долго лежал, скорчившись, тихо постанывая и боясь шевельнуться, словно яйцо с треснувшей скорлупой: тронь — и растечется. Наконец он смог сесть, осторожно вытирая горечь с губ, и обнаружил, что все это время мимо него шли люди, но ни один из них не остановился. Нет, ему не нравилось это место, этот город, эта планета — или куда еще он попал. Он хотел выбраться отсюда. Стоять было больно, идти — еще больнее, но он пошел. Найти ПМ-станцию, выбраться, найти врача. Убраться отсюда.

В другой ситуации Джомфри мог бы заметить, что город выглядел каким-то пустынным, что на улицах совсем нет машин, обратить внимание на бесцельно слоняющихся пешеходов и полное отсутствие дорожных знаков и табличек с названиями улиц, как будто неким указом была установлена всеобщая неграмотность. Но сей-

час его интересовало только одно: как отсюда выбраться?

Проходя мимо какой-то арки, он остановился, осторожно — один удар научил его быть неназойливым — заглянул внутрь и увидел двор с расставленными в беспорядке грубыми столами. Скамьями служили доски, прибитые к ножкам столов. На некоторых сидели люди. На центральном столе стоял маленький бочонок, и сидевшие шестеро мужчин и женщина наполняли из него кружки. Все присутствующие выглядели так же уныло, как и окружавшие их стены, и были одеты по большей части в какую-то серую униформу, хотя некоторые детали их одежды были сделаны из коричневого холста.

Вдруг Джомфри заметил, что к нему направляется косматая старуха, и отпрянул в страхе. Но старуха прошаркала мимо, глядя себе под ноги и держа обеими руками пластиковую кружку. Усевшись на ближайшую скамейку, она припала к своей кружке.

— Вы не могли бы мне помочь? — спросил Джомфри, остановившись у дальнего угла стола, где она не могла достать его ни рукой, ни ногой и откуда он при необходимости мог легко удрать.

Она посмотрела на него с удивлением и подви-

нула к себе кружку. Увидев, что он не пытается подойти, старуха моргнула воспаленными веками и облизала потрескавшиеся губы.

— Помочь можете? — повторил он, чувствуя себя пока в безопасности.

— Новенький, — прошамкала она. — Не нравится?

— Нет. Разумеется, мне здесь не нравится, и я хочу уехать. Если вы мне скажете, как пройти к ближайшей ПМ-станции…

Старуха хихикнула и шумно отхлебнула из кружки.

— В одну сторону, гееннец. Ты это знал до того, как тебя сюда послали. Здесь Геенна! Оставь надежду всяк сюда входящий.

От этих знакомых слов у него перехватило дыхание и вдруг стало очень холодно. Вспомнился священник с поднятым в угрозе пальцем — так отец обращается к заблудшей дочери. Неужто здесь Геенна?

— Не может быть, — произнес он, безуспешно пытаясь убедить себя в обратном и затравленно озираясь по сторонам, точно загнанный зверь.

— Здесь Геенна, — повторила женщина. Ему показалось, что она сейчас уронит голову на стол и заплачет, но она только отхлебнула снова.

— Но это ужасная ошибка! Я не должен был попасть сюда.

— Все так говорят, — презрительно сказала старуха, махнув скрюченной рукой. — И ты скоро перестанешь. Мы все здесь преступники, отвергнутые своими мирами, осужденные на жизнь и на вечность — и забытые. Раньше нас убивали. Это было милосерднее.

— Я слыхал о Геенне, — торопливо сказал Джомфри. — Мир, находящийся неизвестно где. Вечный полдень. — Он бросил испуганный взгляд на улицу, залитую неизменным светом, и опустил глаза. — Лишних, приговоренных, грешников, неисправимых преступников — всех посылают туда. Ладно, сюда, — добавил он, увидев ее кривую и невеселую ухмылку. — Я не буду с вами спорить. Наверное, вы правы. Но в любом случае произошла большая ошибка, и она должна быть исправлена. Я не преступник. Я возвращался с работы домой. Меня жена ждала. Я набрал свой номер и попал… сюда.

Она больше не смотрела на него, уставившись в свою кружку. Джомфри вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле.

— Что вы пьете? Можно мне тоже попить?

Старуха вскочила, прижав кружку к высохшей

груди.

— Мое! Я это заработала. Можешь пить воду, как все геенницы. Я рубила дрова и поддерживала огонь на краю болота, пока он капал. Моя доля!

Кружка была почти пуста. От старухи разило перегаром.

— Вон туда иди. Вниз по улице. Давай отсюда! Еда и вода у Стражи. Катись!

Она потеряла к нему всякий интерес. Он тяжело поднялся и поплелся восвояси, от греха подальше.

«Стража, ну конечно же! — сказал он себе, ощутив теплый прилив надежды. — Я им все объясню, и они что-нибудь предпримут».

Джомфри пошел быстрее. Улица упиралась в пологий пыльный склон холма с круглой вершиной, окруженного одинаковыми низкими невзрачными зданиями. Вершину холма венчал гладкий купол из дюробетона, твердого, как алмаз, и вечного, как алмаз. Впереди тащился тощий человек в грязных лохмотьях. Джомфри крался за ним, готовый в любой миг броситься наутек.

Из дюробетонной трубы непрерывно струилась вода и уходила в отверстие внизу. Тощий закрепил на трубе пластиковый пакет, а пока

тот наполнялся, достал из глубокой ниши рядом какой-то большой сверток. Дождавшись, когда он снимет пакет с водой и скроется за куполом, Джомфри подошел поближе. Неясную тишину нарушал только плеск падающей воды, и Джомфри вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле. Он сунул голову под струю и стал пить, подставляя под воду лицо и руки. Напившись, он отдышался и обнаружил, что чувствует себя гораздо лучше. Он протер глаза и заглянул в нишу. Она была пуста. Справа висела истертая блестящая металлическая пластина, а в глубине ниши виднелось темное отверстие, в которое можно было просунуть руку. На пластине едва различалась полустертая надпись: «НАЖАТЬ». Эта надпись была единственной повстречавшейся ему здесь. Он нерешительно коснулся пальцем холодной поверхности металла. Что-то скрипнуло, послышался нарастающий скрежет. Джомфри быстро отдернул руку: из отверстия ВЫВАЛИЛСЯ какой-то сверток в пластиковой обертке и мягко шлепнулся на дно ниши. Он поднял сверток — это был пакет с пищевой пастой.

— Давай ешь, я тебя не трону.

Джомфри обернулся и едва не выронил пакет: перед ним стоял тощий. Джомфри не слышал,

как он вернулся.

— Ты здесь новенький, как я вижу, — сказал тощий с притворной улыбкой на морщинистом и рябом лице. — Поздоровайся со Стариком Рури, он может стать твоим другом.

— Возьмите, — сказал Джомфри и протянул пакет с пастой, словно отвергая любую возможность какой бы то ни было связи между собой и Геенной. — Это, должно быть, ошибка. Машина дала мне чью-то порцию по ошибке. Я вообще не местный.

— Разумеется, юный геенец, — замурлыкал Старик Рури. — Многих жизнь загублена политиками, невинных людей сюда пославшими. Однако машине все равно, кто здесь живет, или кто ты такой, или кто такой я. У нее память на пять часов, и, пока они не пройдут, второй порции она тебе не выдаст. Она кормит любого, каждые пять часов, бесконечно. Не правда ли, эффективное средство, чтобы человек почувствовал себя червяком?

Джомфри судорожно вцепился в мягкую оболочку пакета.

— Да нет, я серьезно. Я попал сюда из-за сбоя ПМ. Если вы и в самом деле хотите мне помочь, скажите, как связаться с властями.

Старик Рури сокрушенно пожал плечами:

— Невозможно. Они запечатаны в этом гробу, а появляются и исчезают с помощью собственного ПМ. С нами они не общаются. Мы кормимся с этой стороны Стражи — а уходим с той.

— Уходите? Значит, это возможно? Отведите меня туда.

Сморкнувшись, Старик Рури вытер нос пальцем, тщательно его осмотрел и вытер о борт куртки.

— Если трупоедом хочешь стать, это можно устроить. Пошли туда.

Он показал пальцем на подножие холма, где появилось четверо людей, несущих лицом вниз женщину: двое за ноги и двое за руки. Они волокли ее, пока не заметили на склоне Рури и Джомфри. Тогда двое, что несли женщину за ноги, бросили свою ношу в грязь, повернулись и ушли.

— Гражданский долг, — с отвращением сказал Старик Рури, — единственный, который мы выполняем. Если мы будем их бросать где попало или топить в болоте, они будут вонять, а это очень противно.

Они подошли поближе. Старик Рури молча указал Джомфри на левую ногу трупа, а сам взялся за

правую. Джомфри заколебался, и трое геенннцев подняли на него холодные взгляды. Вспомнив поучительный пинок, он быстро наклонился, взялся за обнаженную лодыжку и чуть не уронил, почувствовав нечто холодное и твердое, непохожее на плоть. Они пошли дальше вверх по холму, и Джомфри пытался не смотреть на эту ногу с пятнами грязи и голубыми веревками вен. Может быть, это та женщина, с которой он разговаривал. От этой мысли его передернуло. Нет, та была одета по-другому, да и эта мертва уже давно.

Подножие Стражи огибала глубоко протоптанная в грязи тропа, и они брели по этой тропе, пока, обойдя примерно половину холма, не дошли до того места, где на высоте колена в стену была встроена металлическая полоса шириной сантиметров тридцать и длиной примерно два с половиной метра. Один из шедших впереди нагнулся и, сунув руку в паз в металле, потянул вверх. Полоса медленно отошла, открыв V-образный бункер из трехдюймового броневого сплава. Весь его край был иззубрен и поцарапан. Каким же отчаявшимся должен быть тот, кто всю жизнь прожил в таком месте? Тело закинули в бункер, и кто-то захлопнул ногой крышку.

— Непревзойденная эффективность, — заметил Старик Рури, настороженно глядя вслед двоим напарникам, которые повернулись и ушли, не сказав ни слова. — Ни общения, ни контакта. Конец. Тела и старая одежда. Тела они увозят, а вместо старых тряпок дают новую мешковину. Вспомни об этом, когда твой новый костюм поизносится.

— Но этого не может быть! — закричал Джомфри, пытаясь оттянуть запертую крышку. — Мне надо связаться с теми, кто внутри, и объяснить ошибку. Я не должен быть здесь!

Внезапно крышка завибрировала — он ощутил это кончиками пальцев — и открылась. Бункер был пуст.

Джомфри торопливо забрался внутрь и улегся вдоль стенки.

— Закройте крышку, умоляю, закройте крышку!

Старик Рури склонился над ним.

— Это бессмысленно, — ответил он; однако, вняв мольбам Джомфри, захлопнул крышку.

Свет превратился в узкую полоску и исчез. Воцарилась полная темнота.

— Я не покойник! — закричал Джомфри, вдруг охваченный паникой. — И не лохмотья! Вы меня

слышите? Я хочу сообщить об ошибке. Я направлялся домой, и вдруг…

Мягкие рычаги — казалось, что их было очень много, — охватили все его тело. Он слабо вскрикнул. Какая-то щетка прошлась ему по голове и по лицу. Он закричал громче. В темноте раздалось тонкое жужжание.

— Я неправильно набрал номер, произошла разладка ПМ. Я здесь по ошибке, поверьте мне…

Рычаги, охватившие его тело, пропали так же бесшумно, как и появились. Он пощупал вокруг, но всюду был только металл, словно в запаянном гробу. Затем что-то щелкнуло, появилась полоска света, и от неожиданного сияния он зажмурился. Открыв глаза, он увидел Старика Рури, который высасывал остатки пасты из его пакета.

— Твое, — сказал он. — Я подумал, что тебе не захочется. Давай вылезай — она не закроется, пока ты там.

— А что произошло? Меня что-то держало.

— Это машины. Они проверили, что ты не мертвый, не больной и не лохмотья. Если бы ты был болен, тебе бы сделали укол и вышвырнули назад. Их не обдурить. Выходят только мертвые.

— Они меня даже не слушали, — сказал Джомфри, выбираясь наружу.

— В этом весь смысл. Современная пенология. Общество более никого не убивает и не наказывает за нарушение законов. Преступников лечат. Некоторые не поддаются лечению. В более варварские времена они были бы повешены, сожжены, колесованы, четвертованы, обезглавлены, расстреляны, посажены на электрический стул, распяты на кресте и так далее. А теперь их просто изгоняют из цивилизованного общества, предоставляя им возможность наслаждаться обществом себе подобных. Что может быть справедливее? Приговоренные получают билет сюда в один конец. Их удаляют из общества, законы которого ими нарушены, и они не обременяют его собой, как обременяли бы в тюрьме. Все миры, пользующиеся этой службой, делают минимальные взносы на питание, одежду и организационные расходы. Высланные и забытые не могут отсюда бежать. Мы находимся на примитивной планете, вечно обращенной к невидимому за облаками солнцу, где нет ничего, кроме болот. Вот и все. Некоторые выживают, некоторые быстро погибают. Места здесь хватит, чтобы без тесноты расселить в сотни раз больше народу. Мы едим, спим и убиваем друг друга. Единственные наши совместные усилия — рабо-

та на перегонных кубах на краю болота. Местные плоды несъедобны, но их сок бродит, а спирт — он везде спирт. Поскольку ты новичок, я тебя угощаю и приглашаю в нашу банду пьяниц. У нас многие умерли за последнее время, и некому собирать дрова.

— Нет. Я не хочу связываться с твоими каторжниками-алкоголиками. Я сюда по ошибке попал. Не то что вы.

Старик Рури улыбнулся и с быстротой, не вязавшейся с его годами, выхватил блестящее лезвие и приставил его к горлу Джомфри.

— Быстро выучи правило, сынок. Никогда не спрашивай у человека, почему он здесь, и сам ему об этом не напоминай. Это скверный вид самоубийства. Я-то тебе расскажу, потому что сам этого не стыжусь. Я был химиком и знал все формулы. Я сделал яд, не имеющий вкуса, и отравил свою жену и восемьдесят три ее родственника. Итого восемьдесят четыре. Не многие здесь могут похвастаться таким числом.

Он спрятал нож в рукав, и Джомфри отпрянул, потирая красную полосу на шее.

— Вы вооружены! — поразился Джомфри.

— Это не тюрьма, это мир. Мы делаем все, что можем. Частицы металла собирают годами, и из

них куется оружие. Этот нож пережил уже много поколений. Говорят, что он был сделан из железного метеорита. Все возможно. Его прежнего владельца я убил, загнав ему в мозг через ухо кусок заостренной проволоки.

— Я бы сейчас выпил. Благодарю за ваше предложение. Вы очень любезны. — Джомфри тщательно подбирал слова, боясь сказать что-нибудь обидное.

Старик двинулся вниз по склону, и Джомфри потащился за ним. Они пришли в дом, похожий на все остальные…

— Хороший напиток, — сказал Джомфри, давясь над стаканом едкой кислятины.

— Свиное пойло, — ответил Старик Рури. — Я мог бы его улучшить. Добавить натуральный вкус. Но другие мне не дают. Они меня знают.

Джомфри сделал глоток побольше. Он тоже знал старика. Когда он допил, в голове у него загудело, а из желудка поднялась тошнота. Лучше ему не стало. Он понимал, что, приведись ему остаться на Геенне, он окажется в числе тех, которые погибают быстро. Такая жизнь была хуже смерти.

— Больной! Вы сказали, что они осмотрели бы меня, если бы я был больной! — воскликнул

Джомфри, вскакивая.

Старик Рури не обратил на него внимания, но в голову Джомфри уже ударил хмель, и он, осмелев, схватил старика за одежду. Собутыльники не обращали на них внимания до тех пор, пока вновь не сверкнуло длинное зловещее лезвие. Джомфри отпустил старика и отшатнулся. Взгляд его был прикован к стальной полосе в полруки длиной.

— Я хочу, чтобы вы порезали меня этим ножом.

Старик Рури остановился, озадаченный: раньше ему не приходилось получать такие просьбы от будущих жертв.

— Где тебя порезать?

Он окинул собеседника взглядом, выбирая подходящее место.

— Где?

«И в самом деле — где? В какое место ты хотел бы получить нож? Какую часть своего собственного тела тебе не жалко?»

— Палец… — неуверенно предложил он.

— Два пальца — или ничего.

Старик Рури торговался, как настоящий лавочник.

— Тогда — вот. — Джомфри упал на стул и про-

тянул руки. — Два мизинца. — Он сжал кулаки и положил на край деревянного стола два мизинца. — Оба сразу. Сможете?

— Конечно. Точно на втором суставе.

Заметив, что вся комната смотрит на него, Старик Рури радостно ухмыльнулся и стал демонстративно разглядывать лезвие ножа; новичок наблюдал за ним влажными кроличьими глазами. Неожиданно нож взлетел и вонзился глубоко в дерево. Пальцы отскочили, брызнула кровь. Тонко взвизгнув, новичок бросился к двери. Вслед за ним в распахнутую дверь понеслись громовые раскаты всеобщего хохота.

— Ура Старику Рури! — крикнул кто-то.

Подобрав с пола один из пальцев, старик скромно улыбнулся…

— Я ранен — теперь вы обязаны мне помочь! — кричал Джомфри, карабкаясь вверх по холму в бесконечный полдень. — Я не знал, что это так больно. Я кровью изойду! Мне нужна ваша помощь. Мне очень больно.

Когда он потянул за металлическую крышку, боль усилилась. Бункер разверзнулся, и Джомфри свалился в него.

— Я ранен, — скулил он, глядя, как исчезает полоска света. В темноте на нем сомкнулись

рычаги, и он почувствовал, как кровь течет по запястьям. — Это кровь! Остановите ее, или я умру.

Механизм поверил. Джомфри почувствовал укол в шею, и сразу наступило онемение. Боль оставила его, но и все другие ощущения тоже. Он мог говорить, слышать и двигать головой, но все тело ниже шеи оказалось парализовано. Бежать из Геенны было невозможно.

Что-то загрохотало, и он затылком ощутил, что его несет куда-то в сторону. В темноте ничего не было видно — если он вообще еще мог видеть, — но по движению воздуха и по звукам он догадывался, что перед ним одна за другой распахиваются двери, как в многокамерном воздушном шлюзе. Уж наверняка двери толстые и металлические. Последняя из них скользнула в сторону, и он оказался в ярко освещенной комнате.

— Опять членовредительство, — сказал человек в белом, склонившись над ним. — Старая история.

За доктором стояли трое охранников с массивными дубинками.

— Может быть, это инициация, доктор. Он наверняка новичок. Я его раньше не видел.

— И одежда у него новая, — добавил доктор,

роясь среди бинтов и инструментов.

— Я здесь по ошибке. Я не заключенный!

— Лиха беда начало, доктор. Теперь ампутации пойдут одна за другой. У них всегда все идет сериями.

— Ошибка передатчика материи…

— Вы правы. В моей книге будет несколько графиков, которые это доказывают.

— Выслушайте, вы должны меня выслушать. Я направлялся домой. Я набрал номер, вошел в ПМ — и оказался здесь. Это страшная ошибка. Я пальцами пожертвовал, чтобы с вами увидеться. Посмотрите по записям, вы увидите, что я прав.

— Записи у нас есть, — сказал доктор, впервые признавая в Джомфри человеческое существо. — Но ошибок никогда до сих пор не было, хотя в своей невиновности клялись многие.

— Доктор, будьте добры, посмотрите. Я умоляю вас. Хотя бы ради приличия просто посмотрите записи. Компьютер сразу вам ответит.

Доктор на минуту заколебался, потом пожал плечами:

— Ладно, для приличия. Посмотрим, пока накладывают повязки. Ваше имя и гражданский номер?

Он набрал данные Джомфри на клавиатуре и

бесстрастно посмотрел на экран.

— Видите! — радостно закричал Джомфри. — Это была ошибка. Но я ни на что не жалуюсь. Я только прошу меня освободить.

— Вы виновны, — спокойно сказал доктор. — Вас сюда послали.

— Не может быть! — Джомфри испытывал вполне объяснимую злость. — Это недоразумение. Скажите мне тогда, за что я осужден!

Доктор посмотрел на приборы.

— Артериальное давление и энцефалограмма в норме. Эти приборы не хуже любого детектора лжи. Вы говорите искренне. Травматическая амнезия в такой ситуации вещь весьма вероятная. Неплохое примечание для моей книги.

— В чем меня обвиняют? — закричал Джомфри и попытался шевельнуться.

— Лучше бы вам не знать. Я вас возвращаю обратно.

— Вы должны сказать. Иначе я вам не поверю. Я направлялся домой, к жене…

— Вы убили свою жену, — сказал доктор и включил механизм возврата. Закрывшаяся дверь отрубила жуткий, воющий вопль.

Вспышка памяти: посиневшее лицо, безумный взгляд, кровь, кровь, кровь…

Открылась крышка металлического гроба, и Джомфри сел, борясь с тошнотой. Его накачали наркотиками, его мутило. Раны были перевязаны.

— Но они же мне не помогли. Они даже в записи не посмотрели, чтобы проверить. А это ошибка. Ошибка передатчика материи, и я расплачиваюсь за нее.

Он посмотрел на окровавленные бинты, и его поразила страшная мысль. Он всхлипнул:

— Теперь я никогда не вернусь домой, к жене.

Ни войны, ни звуков боя

Перевод С. Ильина

— Боец Дом Приего, я убью тебя! — рявкнул на всю казарму сержант Тот.

Дом, лежавший с книгой на койке, поднял испуганный взгляд как раз в то мгновение, когда вознесенная сержантом рука резко опустилась, метнув боевой нож. Натренированные рефлексы сработали, Дом успел поднять книгу, и нож вонзился в нее, пробив насквозь, — так, что острие замерло в каких-то нескольких дюймах от лица Дома.

— Тупая венгерская обезьяна! — заорал он. — Знаешь, во что мне обошлась эта книга? Ты хоть соображаешь, сколько ей лет?

— А ты соображаешь, что все еще жив? — ответил сержант, и в уголках его кошачьих глаз собрались морщинки, создав отдаленное подобие холодной улыбки.

Крадущейся походкой хищного животного он прошел между рядами коек и потянулся к рукоятке ножа.

— Э, нет, — сказал Дом, отдергивая книгу. — Ты уже достаточно вреда причинил.

Он положил книгу на койку, осторожно извлек из нее нож — и внезапно метнул его сержанту в ногу. Сержант Тот сдвинул ступню ровно настолько, чтобы нож, пролетев мимо, воткнулся не в нее, а в пластиковое покрытие пола.

— Побольше выдержки, боец, — произнес он. — Никогда не теряй выдержки. Иначе начнешь совершать ошибки, и тебе конец.

Нагнувшись, он выдернул сверкающий нож из пола и уравновесил его на кончиках пальцев, пытаясь не уронить. По казарменному отсеку прошел легкий шум — все присутствующие уставились на сержанта, готовые в любой момент сорваться с места.

— Вас теперь врасплох не застанешь. — Сержант сунул лезвие в ножны на сапоге.

— Ты просто-напросто садист, — сказал Дом, разглаживая продранную обложку. — Пугаешь людей и получаешь от этого великое удовольствие.

— Может быть, — невозмутимо откликнулся сержант Тот и присел на койку. — А может быть, я, что называется, человек на своем месте. Да в общем-то и не важно, кто я. Я тренирую вас,

держу в постоянной боевой готовности. Не даю вам закиснуть. Вам бы благодарить меня за то, что я такой садист.

— Меня этими разговорами не купишь, сержант. Ты из тех, о которых писал вот этот человек, тут, в книге, которую тебе так хотелось уничтожить…

— Почему же мне? Это ты заслонился ею от ножа. Сделал именно то, чему я вас, сосунков, и учил. Сберег собственную шкуру. А только это в счет и идет, и тут уж любой трюк хорош. Жизнь у каждого из вас только одна, так старайтесь, чтобы она получилась длинной.

— Ага, вот они…

— Чего, картинки с девочками?

— Нет, сержант, слова. Великие слова, принадлежащие человеку, о котором ты сроду не слышал. Его звали Уайльд.

— Ну как же! Дотошный Уайльд, чемпион флота в тяжелом весе.

— Да нет, Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд. Твоему костолому он, надеюсь, даже не родственник. Вот что он пишет: «Пока в войне усматривают порочность, она так и будет сохранять свое очарование. Сочтите ее вульгарной, и она утратит всякую популярность».

Сержант Тот задумчиво сощурился:

— Больно просто у него получается. Дело вовсе не в этом. У войны совсем другие причины.

— К примеру?

Сержант открыл было рот, собираясь ответить, но раскатистый сигнал боевой тревоги опередил его. Пронзительный вой, прозвучавший в каждом отсеке космического корабля, вызвал мгновенную реакцию. Люди моментально пришли в движение.

Члены экипажа опрометью понеслись к боевым постам. И еще до того, как отзвучал сигнал, огромный космический корабль изготовился к бою.

Что, впрочем, не относилось к собственно бойцам. До получения приказа и выхода из корабля они оставались не более чем особым грузом. Бойцы замерли по стойке смирно, две шеренги серебристо-серых мундиров посреди казарменного отсека. У стены сержант Тот, воткнув наушники в телефонный разъем, внимательно слушал, время от времени кивая. Наконец он подтвердил получение приказа, отсоединился и неторопливо повернулся к бойцам. Все взгляды устремились на него. Насладившись паузой, сержант улыбнулся самой широкой из улыбок, когда-либо

виданных подчиненными на его обыкновенно лишенном выражения лице.

— Стало быть, так, — сказал сержант и потер одну ладонь о другую. — Теперь я могу сообщить вам, что мы дожидались появления эдинбуржцев и что по тревоге были подняты все силы нашего флота. Разведчики засекли их на выходе из пространственного скачка, через пару часов они уже будут здесь. Нам предстоит их встретить. Вот так, мои необстрелянные сосунки.

По шеренгам прошел звук, похожий на рычание. Улыбка сержанта стала еще шире.

— Вижу, вы пребываете в хорошем расположении духа. Продемонстрируйте его врагу, хотя бы отчасти.

Улыбка исчезла так же быстро, как возникла, и сержант с привычно холодным лицом скомандовал «смирно».

— Капрал Стирс лежит в лазарете с высокой температурой, так что у нас в младшем командном составе не хватает одного человека. После сигнала боевой тревоги мы с вами находимся на военном положении, и я вправе производить временные повышения в звании. Боец Приего, шаг вперед!

Дом, вытянувшись, выступил из шеренги.

— С этой минуты ты отвечаешь за доставку мин, если справишься, командир сделает твое назначение постоянным. Капрал Приего, шаг назад и остаться на месте! Остальным готовиться к бою! Бегом — марш!

Сержант Тот шагнул в сторону, пропуская бегущих бойцов, и, когда исчез последний, наставил на Дома палец.

— Всего несколько слов. Ты ничем не хуже других, ты даже лучше многих. Ты неплохо соображаешь. Но ты слишком много думаешь о вещах, не имеющих никакого значения. Кончай думать, начинай драться. Иначе никогда не вернешься в этот свой университет. Если провалишь дело, но эдинбуржцы тебя не достанут, достану я. Или возвращайся капралом, или не возвращайся вообще. Понял?

— Понял. — Лицо Дома было таким же холодно-невыразительным, как у сержанта. — Я боец не хуже тебя, сержант. Свою задачу я выполню.

— Вот и давай выполняй. А теперь — пошевеливайся!..

Дом облачался последним. Он еще возился с затворами, когда остальные уже проверяли уровень давления в скафандрах. Дом старался не позволить этому обстоятельству ни вывести его

из равновесия, ни заставить спешить. Мысленно следуя схеме контроля, он с неторопливой тщательностью щелкал затворами и блокировками.

Убедившись, что все анализаторы давления застыли на зеленой отметке, он показал оружейникам большой палец — все в порядке! — и вошел в переходный шлюз. Пока за его спиной закрывалась дверь, пока из шлюза откачивался воздух, Дом проверял выведенные прямо в шлем контрольные шкалы. Кислород — под завязку. Реактивный ранец — заправлен полностью. Радиосвязь — работает.

Наконец из шлюза вытянуло остатки воздуха, и внутренняя дверь беззвучно растворилась. Он вошел в арсенал.

Освещение здесь было тусклым, и скоро ему предстояло погаснуть полностью. Подойдя к стеллажу с оснащением, Дом первым делом стал крепить к скафандру разного рода мелкие принадлежности. Как и у прочих членов минного расчета, броня на его скафандре была не из самых тяжелых, и вооружение он нес лишь самое необходимое. На левом бедре располагалось стрекало, на правом, в специальной кобуре, — щуп, его излюбленное оружие. Если верить данным разведки, кое-кто из эдинбуржцев все еще пользо-

вался мягкими пневматическими скафандрами. По этой причине бойцов снабдили искровыми пробойниками, которые, вообще говоря, считались оружием устарелым. Пробойник Дом сунул подальше за спину — вряд ли он ему пригодится. Все эти орудия убийства многие месяцы пролежали в вакууме, при температуре, близкой к абсолютному нулю. Никакой смазки — оружие предназначено для использования именно при этой температуре.

К шлему Дома со щелчком прикоснулся чужой шлем, и сквозь звукопроводящую прозрачную керамику донесся голос Винга:

— Я готов к креплению мины, Дом, приладь ее, ладно? И прими мои поздравления. Как мне тебя теперь называть — капралом?

— Подожди, пока мы вернемся и я официально получу это звание. Тоту я на слово не верю.

Он снял с полки одну из атомных мин, проверил показания датчиков — все на зеленом — и вдвинул ее в держатель, составлявший со скафандром Винга единое целое.

— Порядок, давай теперь подвесим мою.

Едва они покончили с этим, как в арсенале появился крупный мужчина в громоздких боевых доспехах. Дом узнал бы его по размерам, даже

если бы на груди скафандра не было выведено «ГЕЛЬМУТ».

— В чем дело, Гел? — спросил он, когда их шлемы соприкоснулись.

— В сержанте. Велел явиться сюда и доложить, что в этом вылете мину потащу я. — По тому, как это было сказано, чувствовалось, что Гел рассержен.

— И отлично. Мы на тебя черную повесим.

Вид у здоровяка более счастливым не стал, и Дом подумал, что догадывается почему.

— Ты только не переживай из-за того, что пропустишь драку. Там на всех хватит.

— Я боец…

— Мы все бойцы. И у всех нас одно дело — доставить на место мины. Теперь оно стало твоим заданием.

Судя по всему, слова Дома Гельмута не убедили, и, пока на спине его скафандра крепили подвеску и мину, Гел стоял, сохраняя флегматичную неподвижность. Не успели они закончить, как в наушниках щелкнуло, и облаченные в скафандры бойцы зашевелились: заработала оперативная частота.

— Все в скафандрах и при оружии? К переключению освещения готовы?

— Бойцы в скафандрах и вооружены, — это был голос сержанта Тота.

— Минный расчет не готов, — сказал Дом, и они с Вингом принялись торопливо щелкать последними застежками, понимая, что теперь все ждут только их.

— Минный расчет в скафандрах и при оружии.

— Свет!

Светильники на перегородках стали гаснуть, и вскоре бойцов обступила тьма. Лишь тусклые красные лампы горели под потолком. Разглядеть что-либо, пока глаза не привыкли к темноте, было практически невозможно.

Дом ощупью добрался до одной из скамей, вслепую отыскал муфту кислородного шланга и воткнул ее в шлем — пока длится ожидание, лучше сохранить в неприкосновенности кислородный запас. Теперь для поддержания должного боевого духа на оперативной частоте звучала бодрая музыка. Сидеть в темноте облаченным в скафандр и обвешанным оружием — это кому угодно подействует на нервы. Музыка должна была хотя бы отчасти снять напряжение. Наконец она смолкла, ее сменил человеческий голос:

— Говорит начальник штаба. Попробую прояснить для вас происходящее. Эдинбуржцы атакуют

нас силами целого флота, и, как только мы их обнаружили, их посол объявил о начале войны. Он потребовал от Земли немедленной капитуляции, заявив, что в противном случае вся ответственность за последствия ляжет на нас. Ну-с, что ему на это ответили, вы все знаете. Эдинбуржцы и так уже захватили дюжину населенных планет и присоединили их к своей Большой Кельтской Сфере Взаимного Процветания. Теперь они разлакомились и нацелились на главную планету, на саму Землю, которую их предки покинули несколько сотен поколений назад. При этом они… минутку, поступило сообщение с поля боя… первая стычка с нашими разведчиками.

Офицер на миг умолк, затем его голос зазвучал снова:

— На нас надвигается целый флот, но не больший, чем мы ожидали, так что мы с ним управимся. Правда, в их тактике появилось нечто новое — оперативный компьютер занят анализом этого изменения. Они, как вы знаете, первыми стали применять для вторжений передатчик материи, рассылая на планеты множество грузовых кораблей с передающими экранами. Через эти экраны с их планеты на ту, что они намереваются захватить, бросаются в атаку штурмовые отряды.

Так вот, на сей раз они изменили тактику. Весь их флот защищает один-единственный корабль, поисковый грузовоз класса «Кригер». Что это означает… не отключайтесь, пошла распечатка компьютера. Тут говорится: «Единственная возможность — доставка одним кораблем ПМ-экрана увеличенной пропускной способности». Стало быть, не исключено, что этот корабль несет единственный ПМ-экран, самый большой из всех, что строились до сих пор. Если это так и если им удастся доставить эту штуку на поверхность Земли, они смогут прогонять сквозь него тяжелые бомбардировщики, стрелять предварительно наведенными межконтинентальными баллистическими ракетами, посылать десантные суда — все, что угодно. Если это произойдет, вторжение увенчается успехом.

Дом почувствовал, как в красноватом мраке шевельнулись фигуры в скафандрах.

— Если это произойдет, — в голосе начальника штаба появилась властная нотка. — Для осуществления межпланетного вторжения эдинбуржцы разработали только одно средство. Нам следовало найти контрсредство, которое позволило бы их остановить. Именно вы, бойцы, и являетесь этим контрсредством. Они уложили

все яйца в одну корзинку, значит вам придется разнести эту корзинку на куски. Вы способны пройти там, где не пройдут ни штурмовые суда, ни ракеты. Сейчас мы быстро сближаемся, с минуты на минуту вам предстоит начать боевые действия. Так что — выбирайтесь отсюда и делайте ваше дело. От вас зависит судьба всей Земли.

Мелодраматические слова, подумал Дом, но тем не менее верные. Боевые корабли, сосредоточение огневой мощи — все зависит от нас. Сигнал к бою прервал его размышления. Дом вскочил:

— Отсоединить кислород! Выходите, как только услышите свое имя, и двигайтесь в пусковую рубку. Тот…

Имена произносились быстро, и так же быстро бойцы покидали арсенал. На входе в пусковую рубку кто-то в скафандре и с шаровидным красным фонариком читал имена, написанные у каждого на груди, сверяя их с ведомостью. Все шло быстро и гладко, как на учениях. Собственно, бесконечные учения и предназначались для того, чтобы подготовить их к этой минуте. Пусковая рубка, в которой они ни разу не бывали, казалась знакомой: их тренажер представлял собой точную ее копию. Боец, шедший впереди, направился к левому борту, Дом двинулся к правому.

Его предшественник уже забирался в капсулу. Дом ждал, пока оружейник поможет ему влезть в нее и отрегулирует поддерживающие опорные штанги. Затем настал его черед.

Дом скользнул в прозрачную пластиковую скорлупку и, держась за поручни, опустился в кресло. Оружейник подтянул штанги повыше, они крепко уперлись в подмышки, и Дом кивнул: штанги встали как следует. Мгновение спустя он остался в полумраке один. Неяркий красный свет отражался в верхнем кольце капсулы прямо над его головой. Потом капсула дрогнула, пришла в движение, и Дом покрепче ухватился за поручни. Капсула постепенно откидывалась назад, и вскоре Дом уже лежал на спине и смотрел вверх между охватывавшими его пластиковую оболочку металлическими кольцами.

Капсула поехала вбок, резко затормозила, затем снова пришла в движение. Теперь он увидел орудие с полудюжиной капсул, идущих впереди, и подумал, как всякий раз думал на учениях: до чего же оно похоже на древнюю скорострельную пушку — вот только стреляет людьми. Каждые две секунды нарядный механизм подхватывал капсулу — поочередно с одного из двух ленточных транспортеров, которые доставляли их к

тыльной части орудия, — и та скрывалась в казеннике. За ней другая, третья. Исчезла капсула, плывшая впереди Дома. Он напрягся — и тут зарядный механизм замер.

Охваченный мгновенным страхом, Дом решил было, что в сложном орудии возникла неполадка, но тут же сообразил, что просто первую партию бойцов выбросили в пространство и компьютер ждет, чтобы освободился путь для минного расчета. То есть отныне — его расчета, поскольку он поведет этих людей.

Ждать, будучи запертым в черной пасти казенника, оказалось куда неприятней, чем двигаться. Компьютер отсчитывал секунды, одновременно отслеживая цель и поддерживая корабль на выверенной траектории. Теперь, когда Дом оказался внутри орудия, магнитное поле вцепится в облекающие его капсулу кольца, а линейный ускоритель прогонит его по всей длине корабля, от кормы до носа. Поле заставит его нестись все быстрей и быстрей, пока не выбросит из жерла орудия с нужной скоростью и на нужную траекторию перехвата…

Капсула взлетела по крутой дуге и ринулась в темноту. Как ни цеплялся он за поручни, перепад давления оказался чувствительным. Свирепое

ускорение сминало Дома с такой силой, что он почти перестал дышать.

Жестокая перегрузка, более жестокая, чем все когда-либо испытанные во время учений, — только эта мысль и уцелела в его голове к моменту, когда он вылетел из орудия.

Переход от ускорения к невесомости совершился мгновенно, и Дом еще сильнее вцепился в ручки кресла, чтобы не выплыть из капсулы. Он почувствовал, что в ногах отдаются неслышные взрывы, увидел дымовое облако. Металлические кольца разнесло надвое, и верхняя половина капсулы, треснув, отлетела. Теперь он остался один, невесомый, сжимающий в руках захваты, прикрепленные к расположенному под его ступнями ракетному двигателю. Дом огляделся, надеясь увидеть картину космического сражения, которое, как он знал, разворачивалось вокруг, но смотреть, в сущности, было не на что.

Далеко справа от него что-то горело, перемигивались сверкающие точки звезд, на миг заслоненные пролетавшим мимо темным телом. Сражение вели компьютеры и приборы, разделенные огромными расстояниями. Невооруженным глазом мало что обнаружишь. Космические корабли, черные и стремительные, находились

в тысячах миль отсюда. Они вели огонь самонаводящимися ракетами и сенсорными снарядами, быстрыми и невидимыми. Дом знал, что космос вокруг него заполнен устройствами, создающими помехи, и генераторами ложных сигналов, но и тех видно не было. Невидимой оставалась даже цель — тот самый корабль, к которому он несся. Дом в космосе один, неподвижный и всеми забытый, — это все, что воспринимал он собственными органами чувств.

Что-то дрогнуло у него под ногами, из сопла ракетного двигателя вырвалось и тут же исчезло облако газа. Нет, он не забыт и не неподвижен. Оперативный компьютер, по-прежнему отслеживающий цель, зарегистрировал ее отклонение от расчетной траектории и на основе новых данных внес небольшие поправки. Поправки эти должны были одновременно откорректировать движение всех бойцов, раскиданных по космосу. Бойцы были малы и незримы — вдвойне незримы после сброса металлических колец. Металла в пластиковом и керамическом оснащении бойца содержалось не более одной восьмой фунта, да и тот был распределен по всему телу. При таком обилии помех никакой радар обнаружить бойцов не сможет. Они должны были прорваться.

Снова заработали двигатели, и Дом увидел, как звезды разворачиваются над его головой. Скоро посадка. Вмонтированный в ракетный блок крохотный радар обнаружил впереди большую массу и отдал двигателю приказ развернуть Дома ногами к ней. Дом знал, что вслед за этим оперативный компьютер прервет с ним связь, передав управление маленькому посадочному компьютеру, составляющему единое целое с его радаром. Опять заработал двигатель; на сей раз выброс был посильнее, опорные штанги уткнулись в его подмышки. Дом, глянув под ноги, увидел некий темный силуэт. Он рос, заслоняя звезды.

С ревом, в тишине показавшимся громовым, ожили наушники:

— Пошел, пошел — проголодался. Пошел, пошел — проголодался.

И вновь наступило безмолвие, но Дом больше не чувствовал себя одиноким. Краткое сообщение сказало ему о многом. Во-первых, голос принадлежал сержанту Тоту, ошибиться на этот счет невозможно. Во-вторых, само нарушение радиомолчания означало, что они вступили в схватку с врагом и присутствие их больше не тайна. Код сообщения был достаточно прост, но содержание его для любого, кто не входил в

их отряд, могло показаться бессмысленным. В переводе на обычный язык сообщение гласило, что штурмовые отряды держатся. Они захватили центральный участок корпуса корабля — лучшее место для встречи, поскольку в такой темноте нос от хвоста все равно не отличишь, — и удерживают его, ожидая подхода минного расчета. Мощно и надолго включились тормозные двигатели, ракетный блок вплотную подошел к темному корпусу.

Дом спрыгнул с него и откатился в сторону. Он увидел нависшую над ним фигуру в скафандре, ясно очерченную на фоне солнечного диска, даром что скафандр покрывала черная, не отражающая света броня. Верхушка шлема была гладкой. Мгновенно осознав это, Дом вырвал из кобуры щуп. Облако газа скрыло от него человеческую фигуру. Дом удивился, но колебаться не стал. Пользоваться в отсутствие силы тяжести огнестрельным оружием значило идти на изрядный риск. Толком прицелиться из него было трудно, да и отдача срывала стреляющего с места. Если же пользоваться оружием без отдачи, выбрасывавшим газы в стороны, облако газа лишало стрелка видимости на несколько жизненно важных мгновений. Но хорошо обученному бой-

цу всего лишь доля секунды и требовалась.

Щуп вышел из кобуры, и Дом легко надавил пальцем на кнопку включения двигателей. Оружие имело форму короткого меча, но на месте заточенной грани у него была вибропила, а на противоположной кромке располагались маленькие реактивные двигатели. Выхлопы толкали щуп вперед, увлекая за собой и его владельца.

Едва оружие коснулось ноги противника, Дом включил двигатели на полную мощность. Вибрирующее керамическое лезвие впилось в тонкую броню. Меньше чем за секунду оно прорезало ее и вонзилось в ногу человека. Дом нажал кнопку реверсного двигателя, чтобы вытянуть щуп назад, воздух струей хлынул наружу, мгновенно конденсируясь в частички льда, противник его содрогнулся, схватился за бедро — и внезапно обмяк.

Подошвы Дома коснулись корпуса корабля и прилипли к нему. Он вдруг сообразил, что вся стычка заняла ровно столько времени, сколько ему потребовалось, чтобы затормозить вращение и встать…

Не думай, действуй. Как на учениях. Едва прилипнув ногами к корпусу, он резко присел и

огляделся. Мощный реактивный топор скользнул над самой его головой, волоча за собой владельца.

Действуй, не думай. Новый противник находился слева от него — щупом не достанешь — и уже разворачивал топор в его сторону. Человеку даны две руки. Стрекало на левом бедре. Дом уже держал его в руке, включив и бур, и реактивное сопло. Твердый, как алмаз, футовый бур яростно вращался, в противоположном направлении вращался на рукоятке противовес, а реактивный выхлоп бросил оружие вперед.

Бур вошел эдинбуржцу прямо под дых, едва-едва замедлил вращение, продирая в броне дыру, и устремился внутрь скафандра. Противник сложился вдвое, и Дом включил реверсный двигатель, чтобы вытянуть стрекало. Топор, получивший последний импульс от собственного двигателя, вырвался из руки умирающего и исчез в пространстве.

Других врагов в поле зрения не оказалось. Дом перенес вес на одну ногу и качнулся вперед, переводя поверхностную пленку на подошвах из режима прилипания в нейтральный, затем медленно двинулся в том же направлении. Подобное хождение требовало навыка, но навык у него был.

Впереди на корпусе корабля лежало несколько распростертых фигур, и он, предосторожности ради, поднял руку и коснулся рожка на шлеме — ошибки ему без надобности. Этот условный знак ввели всего несколько дней назад, тогда же к шлемам приделали пластиковые рожки. Шлемы эдинбуржцев были гладкими.

Дом нырнул вперед и, оказавшись между разбросанными телами, заскользил лицом вниз. Чтобы не сорваться с корпуса корабля, он активировал поверхностную пленку на животе скафандра, и она остановила скольжение. На несколько мгновений Дом оказался в безопасности, окруженный своими, и потому позволил себе ткнуть пальцем в шлем, чтобы пройтись по частотам. Большинство частот заполонила мешанина разнообразных шумов, своих и вражеских сообщений, искаженных и ложных, транслируемых в записи, чтобы замаскировать обмен подлинной информацией. На частоте минного расчета практически никаких переговоров не шло, и Дом подождал немного, пока эфир очистится. Его люди слышали сообщение Тота, так что место сбора им было известно. Теперь он мог вызвать их к себе.

— Квазар, квазар, квазар, — повторил он ко-

довый вызов, затем тщательно отсчитал десять секунд и включил на плече голубой сигнальный фонарь. Потом встал ровно на секунду и опять упал на корпус корабля, дабы не вызвать на себя огонь противника.

Его люди должны были отыскать в темноте световой сигнал и собраться там, где они обнаружат его. Один за другим они стали выползать из темноты. Дом считал. Показался боец без мины на спине; он упал на корпус и скользил в сторону Дома, пока они не соприкоснулись шлемами.

— Сколько, капрал? — раздался голос Тота.

— Одного пока не хватает, но…

— Без «но». Начинаем двигаться. Установите заряды и взорвите их, как только найдете укрытие.

Прежде чем Дом успел ответить, Тот исчез. Впрочем, он был прав. Дожидаться одного человека, рискуя успехом всей операции, они не могли себе позволить. Если они не уберутся отсюда как можно скорее, то окажутся в ловушке и будут уничтожены. Стычки еще продолжаются по всему корпусу, но пройдет совсем немного времени, и эдинбуржцы сообразят, что это всего лишь сдерживающий маневр и что главный штурмовой отряд уже стягивается в одно место. Минный

расчет принялся быстро и искусно делать свою работу, кольцом устанавливая кумулятивные мины. Судя по всему, в бой вступили отряды охранения. Со всех сторон вдруг началась стрельба из тяжелого оружия высокоскоростных безоткатных пулеметов тридцатого калибра. Прежде чем открыть огонь, пулеметчики произвели съемки рельефа корпуса, построив схему настильной стрельбы с таким расчетом, чтобы пули шли как можно ближе к поверхности. Схему ввели в управляющий пулеметами компьютер, который вел огонь, выполняя наводку автоматически, поскольку облака выброшенного пулеметами газа сводили видимость на нет. Сержант Тот вынырнул из дыма и, едва его шлем коснулся шлема Дома, закричал:

— Все взорвали?

— Уже готовы, отходите.

— Поторопитесь. Там все или залегли, или убиты. Но скоро они саданут по этому дыму чем-нибудь тяжелым, благо мы у них на прицеле.

Минный расчет отошел назад, залег, и Дом нажал кнопку взрывателя. Газ и пламя рванулись вверх, корпус корабля вздрогнул — лежащих на нем подбросило. В дыму встала плотная колонна воздуха, клубясь и превращаясь в вакууме в

крохотные кристаллики льда. Теперь корабль был разгерметизирован, и они могли усугубить разгерметизацию, вскрывая взрывами отсеки и перегородки. Дом с сержантом, извиваясь, проползли сквозь дым к краю широкой зияющей дыры, образованной взрывом в обшивке корабля.

— Все на борт! — прокричал сержант и нырнул в отверстие.

Дом протолкался сквозь поток людей, устремившихся за сержантом, и опять пересчитал своих людей. Одного человека по-прежнему не хватало. Стрелок с пулеметом на спине полетел к пробоине, следом за ним посыпались обслуживающие его подносчики боеприпасов. Облако дыма все росло, пулеметы еще продолжали вести огонь, прикрывая остальных. Пробоину уже трудно было разглядеть. Когда в ней исчезли, по оценке Дома, около половины бойцов, Дом повел туда свой расчет.

Они оказались в темноватом отсеке, каком-то подобии склада; сквозь пробитую в одной из стен взрывом дыру увидели бойца, выполняющего роль дорожного указателя.

— Вниз и направо, пробоина примерно в ста ярдах отсюда, — сказал он, когда шлем Дома при-

жался к его шлему. — Мы попытались пройти направо, но там слишком сильный заслон. Пока мы их сдерживаем.

Дом и его люди помчались вперед гигантскими скачками — в отсутствие силы тяжести это был самый быстрый способ передвижения. Коридор, в котором тускло горели лампы аварийного освещения, несколько мгновений оставался пустым. В стенах его через равные промежутки взрывами были пробиты дыры, это позволяло выпустить воздух из герметичных отсеков, а заодно уничтожить линии связи и трубопроводы. Когда они проносились мимо одной такой пробоины, из нее выскочили люди.

Дом пригнулся, уклонившись от удара стрекалом и одновременно выхватив щуп. Удар щупом пришелся нападающему прямо под ребра. Эдинбуржец скорчился и испустил дух, но Дом почувствовал, что ногу его полоснуло острой болью. Он опустил глаза и увидел кусачки, впившиеся ему в икру.

Кусачки — старомодное устройство, применяемое против лишенных защитной брони скафандров. Два искривленных ножа охватили ногу, а маленький, замедленного действия двигатель неторопливо смыкал их. Выключить устройство,

приведенное в действие, уже невозможно.

Правда, можно сломать. Едва успев подумать об этом, Дом резко махнул щупом и прижал его к рукоятке кусачек. Кусачки немного перекосило, и боль резко усилилась; Дом едва не лишился сознания. Он попытался не обращать на боль внимания. Из-под лезвий вырывались струйки пара. Дом привел в действие набедренное пережимное кольцо, которое изолировало штанину от скафандра. Затем щуп продырявил кожух кусачек, дождем брызнули искры, и смыкание лезвий прекратилось.

Когда Дом поднял глаза, короткий бой уже кончился. Нападавшие были мертвы, их опрокинул подоспевший арьергардный отряд. Похоже, несколько убитых были на счету Гельмута. Он держал над головой топор, поигрывая пальцами по кнопкам на его рукояти, отчего двигатели, расположенные прямо под лезвием, попеременно бросали его то вперед, то назад. Оба острия были в крови.

Дом включил приемник: тишина на всех частотах. Схемы внутрисудовой связи были разрушены, а металлические стены глушили любые радиосигналы.

— Доложите кто-нибудь, — произнес он. — Ка-

ковы наши потери?

— Ты ранен, — сказал, склонившись над ним, Винг. — Хочешь, я выдерну эту штуку?

— Оставь. Концы ножей почти сошлись, ты заодно отдерешь мне половину ноги. Их прихватило замерзшей кровью, а двигаться с ними я еще могу. Подними-ка меня.

Лишенная кровоснабжения нога быстро немела в вакууме. Оно и к лучшему. Дом пересчитал своих людей:

— Мы потеряли двоих, но мин у нас более чем достаточно.

В следующем коридоре, у пробитой взрывом дыры на одну из палуб, их поджидал сам сержант Тот. Он взглянул на ногу Дома, но промолчал.

— Как дела? — спросил Дом.

— Прилично. Наши потери невелики. У них — больше. Сапер утверждает, что мы сейчас над главным трюмом, поэтому уходим вниз. На каждом уровне направляем наших людей в стороны, пока не доберемся до трюма. Так что топайте.

— А ты?

— А я пойду с арьергардом и буду собирать по всем уровням тех, кого вы оставите. Позаботься, чтобы, когда мы спустимся к вам, для нас дорога была чистой.

— Можешь на это рассчитывать.

Дом всплыл над дырой и, оказавшись прямо над ней, с силой оттолкнулся здоровой ногой и плавно пошел вниз. Расчет Дома последовал за ним. Они миновали одну палубу, вторую, третью. Отверстия в палубах были пробиты аккуратно, друг под другом, чтобы облегчить свободное падение. Впереди громыхнуло, повалил дым — там пробивали очередную палубу. Мимо Дома пролетел Гельмут. Он двигался быстрее, оттолкнувшись от потолка обеими ногами. Он уже обогнал Дома на целую палубу, пролетел в новую пробоину — и вдруг пулеметная очередь почти перерезала его пополам. Мгновенно расставшись с жизнью, Гельмут сложился вдвое; импульс, сообщенный ему пулями, снес тело вдоль нижней палубы в сторону, и оно скрылось из виду.

Дом включил двигатели на щупе, и они оттащили его в сторону, не дав последовать за Гельмутом.

— Минный расчет, рассредоточиться, — скомандовал он, — пропустить вперед штурмовой отряд.

Он переключился на оперативную частоту и взглянул вверх, на неровную колонну спускавшихся бойцов.

— Палуба подо мной отбита противником. Я на последней из захваченных нами.

Он помахал рукой, чтобы показать, кто ведет передачу, — и бойцы стали притормаживать рядом с ним.

— Они подо мной. Стреляли оттуда.

Бойцы молча двинулись в указанную сторону. Где-то за его спиной громыхнул взрыв, пробив дрогнувший металлический пол. Бойцы цепочкой потянулись в ту сторону. Несколько секунд спустя снизу появилась фигура в шлеме — с рожками — и помахала рукой, все чисто. Движение возобновилось.

На нижней палубе люди стояли едва ли не плечом к плечу, и их становилось все больше за счет спускавшихся сверху.

— Прибыл минный расчет, доложите обстановку, — запросил по радио Дом.

Из толпы, оттолкнувшись, выплыл боец с подвешенным к поясу планшетом.

— Мы добрались до грузового трюма — он тут здоровенный, — но нас отбросили назад. У них огромное численное превосходство. Эдинбуржцы готовы на все. Они перебрасывают через ПМ-экраны людей в легких пневматических скафандрах. Без брони, почти без оружия, мы уничтожаем их

без особых затруднений, но они попросту выдавили нас собственными телами. Они поступают прямиком с планеты, которая служит плацдармом вторжения. Даже если мы перебьем всех, нам не удастся прорваться сквозь их тела…

— Ты сапер?

— Да.

— Как расположен в трюме ПМ-экран?

— Идет вдоль дальней стены, по всей длине.

— Пульт управления?

— Слева.

— Ты можешь провести нас в обход трюма, сверху или сбоку, чтобы мы ворвались в него поближе к экрану?

Сапер уперся взглядом в чертежи корабля и разглядывал их довольно долго.

— Да, сбоку. Через машинное отделение. Там можно пробить стену рядом с пультом управления.

— Тогда пошли. — Дом переключился на оперативную частоту и помахал рукой. — Всем бойцам, которые видят меня, двигаться в ту сторону. Мы намерены предпринять фланговую атаку.

Они понеслись по длинному коридору со скоростью, на какую были способны, — впереди бойцы, за ними минный расчет. Через равные

промежутки перед ними возникали герметично задраенные двери, которые, впрочем, оказалось нетрудно обойти, взрывая перегородки рядом с ними. Они наталкивались на сопротивление, и число убитых по мере их продвижения все возрастало.

В конце концов Дом увидел, что бойцы впереди сбиваются кучкой, и подплыл к своему изрядно поредевшему отряду, сумевшему забраться далеко внутрь корабля.

Указав на огромную дверь в конце коридора, капрал прижался к шлему Дома.

— За ней машинное отделение. Здесь толстые стены. Всем отойти в сторону, мы применим восьмикратный заряд.

Бойцы рассредоточились, заряд взорвался, перегородки вздыбило, вспучило, и Дом увидел, как по коридору хлестнула простыня пламени, а за ней столб воздуха, мгновенно обращавшийся в сверкающие шарики льда. Машинное отделение все еще оставалось под давлением.

Большая часть застигнутых врасплох членов экипажа, работавших в машинном зале, была без скафандров. Эти люди умерли внезапной и жестокой смертью. Немногих уцелевших, попытавшихся сопротивляться с импровизированным

оружием в руках, перебили почти мгновенно. Дом, двигавшийся со своим минным расчетом следом за сапером, ничего этого почти не видел.

— А вот этот дверной проем на моих планах отсутствует, — сердито сказал сапер. — Его, должно быть, соорудили уже после постройки корабля.

— Куда он ведет? — спросил Дом.

— К трюму с ПМ, больше некуда.

Дом подумал.

— Я хочу попытаться захватить пульт управления ПМ-экраном без боя. Мне нужен доброволец, который пойдет со мной. Если мы уберем со скафандров опознавательные знаки и экипируемся оружием эдинбуржцев, может быть, нам это удастся.

— Я пойду с тобой, — сказал сапер.

— Нет, это не твое дело. Тут нужен хороший боец.

— Возьми меня, — сказал, протолкнувшись поближе к Дому, незнакомый ему человек. — Я Пименов, лучший боец в моем взводе. Спроси любого.

— Тогда давай поспешим.

Маскировка была несложной. Посшибав со шлемов опознавательные рожки и обвесившись вражеским оружием, они стали похожи на эдин-

буржцев. А чтобы имена на скафандрах были не видны, хватило пригоршни машинной смазки.

— Будьте неподалеку и, как только я вырублю экран, постарайтесь как можно быстрее присоединиться ко мне, — сказал Дом и с бойцом-добровольцем ушел за дверь.

Узкий проход между большими емкостями с горючим упирался в дверь из легкого металла. Она была не заперта, но, когда Дом нажал на нее, не открылась. Пименов присоединился к нему, совместными усилиями они сумели сдвинуть дверь на несколько дюймов. Сквозь образовавшуюся щель они увидели, что за дверью полным-полно людей в скафандрах. Дом с Пименовым нажали посильнее. По толпе прокатилось неожиданное движение, дверь внезапно распахнулась, и Дом ввалился в помещение, ударившись шлемом о шлем ближайшего человека.

— Какого черта? — спросил человек, обернувшись и вглядываясь в Дома.

— Оттуда напирают, — произнес Дом, стараясь выговаривать «р» пораскатистей, на манер эдинбуржцев.

— А ты не наш! — сказал человек и потянулся к оружию.

Дом не мог рисковать, затевая здесь драку, но

этого человека следовало заставить умолкнуть. Кое-как дотянувшись до искрового пробойника и вырвав его из зажима, Дом ткнул им эдинбуржца в бок. Пара острых как иглы шипов пронзила скафандр и одежду, впилась в эдинбуржца, эфес пробойника прижался к его телу, произошло замыкание. Рукоять пробойника вмещала множество мощных конденсаторов. Через пару игл прошелся могучий разряд. Эдинбуржец содрогнулся и умер на месте. Пользуясь его телом как тараном, они пробивались сквозь толпу.

В раненой ноге Дома сохранилось ровно столько чувствительности, чтобы ощущать, когда люди задевали за кусачки. О том, что при этом делается с ногой, Дом старался не думать.

Обнаружив незапертую дверь, эдинбуржцы открыли ее пошире и полезли наружу. В машинном зале их поджидали бойцы. Внезапный взрыв на миг ослабил нажим толпы, и Дом вместе с пробивавшимся сзади Пименовым начал проталкиваться к пульту управления ПМ-экраном.

Казалось, они двигаются во сне. Темная масса ПМ-экрана была не далее чем в десяти ярдах от них — но как добраться до нее? Солдаты выплескивались из экрана, толпа напирала и росла, препятствуя любому движению в обратном на-

правлении. Двое техников стояли у пульта, их наушники были включены в разъемы на его панели. Без силы тяжести любое движение, любая попытка протиснуться сквозь плотную толпу, сквозь чудовищное переплетение рук и ног оказывались напрасными. Пименов прижался шлемом к Дому:

— Я пойду впереди, попробую пробиться. Держись ко мне ближе.

Он прервал контакт, не дав Дому ответить, выставил вперед реактивный топор и врезался им в плотную массу человеческих тел. Включив топор и заставив лезвие колебаться вперед и назад, он прорубался сквозь сдавленные тела. Люди пытались сопротивляться, но он не останавливался, отбиваясь щупом. Дом следовал за ним. Они успели подобраться к пульту управления, прежде чем Пименов исчез в массе вооруженных, выкрикивающих ругательства эдинбуржцев. Он сделал свое дело и умер.

Дом включил двигатель щупа, и тот потащил его вперед, пока не ударился с лязгом о толстенную стальную раму ПМ-экрана прямо над головами операторов. Сунув оружие в кобуру, Дом обеими руками вцепился в раму, стараясь преодолеть напор тел, лезущих из экрана. Вблизи

пульта оставалось немного свободного места. Дом опустился туда и ткнул стрекалом в спину оператора. Оператор вздрогнул и почти мгновенно умер. Второй повернулся и получил удар стрекалом в живот. Глаза его, оказавшись прямо перед лицом Дома, расширились, он беззвучно завопил от боли и страха. Пока Дом с огромным трудом извлекал из держателя атомную мину, убитый стоял рядом, прижатый к нему толпой, и смотрел на него мертвыми глазами.

Ну вот.

Он прижал мину к груди, быстрым движением выдернул штифт взрывателя, установил предохранитель на пятисекундный отсчет и резко ударил по кнопке активатора. Затем потянулся к пульту и переключил ПМ-экран с приема на отправку. Экран изверг последних солдат, за их спинами образовался все расширяющийся пустой зазор. Туда, прямо в экран, Дом и швырнул мину.

Потом он просто держал переключатель отжатым, стараясь не думать о том, что случится с солдатами армии вторжения, ожидающими перед ПМ-экраном на далекой планете.

Ему нужно было продержаться на занятой позиции до подхода своих. Заслонившись трупом оператора, он поразил стрекалом нескольких

эдинбуржцев, которые находились так близко от него, что сообразили — что-то случилось. Справиться с ними оказалось несложно. Простые солдаты, просто люди, призванные в армию вторжения, они понятия не имели об особенностях боя при нулевой силе тяжести. Вскоре толпа забурлила, раздалась в стороны. Из людской гущи вырвался рассвирепевший боец и взмахнул топором, целя Дому в шею. Дом увернулся от удара и переключил радио на оперативную частоту.

— Отставить! Я капрал Приего, минный расчет. Прикрой меня спереди и постарайся, чтобы больше никто не делал таких ошибок.

Боец был из тех, кто штурмовал машинное отделение. Теперь он признал Дома, кивнул, повернулся и замер, заслонив его собой. Новые бойцы пробивались сквозь толпу, образуя вокруг пульта управления несокрушимый щит. С ними протиснулся и сапер, занявшийся вместе с Домом перестройкой частоты ПМ-экрана. Рукопашная закончилась быстро.

— Пересылка! — сообщил Дом по радио, как только настройка экрана была завершена, и переключил экран на передачу. Он слышал, как произнесенное им слово повторяется бойцами, — сигнал к отходу должен услышать каждый. По

другую сторону экрана, настроенного на казармы в лунном кратере Тихо, они будут в безопасности.

Первыми отправили эдинбуржцев — живых, мертвых и раненых. Их заталкивали в экран, чтобы освободить место для стекавшихся в трюм бойцов. Те, кто оказывался ближе к краю экрана, ударялись о его твердую поверхность и падали назад: принимающий экран в кратере Тихо был меньше, чем этот, большой, предназначенный для вторжения. Их снова заталкивали в экран, и они проваливались в него. Бойцам пришлось встать так, чтобы обозначить границы рабочей части экрана.

Дом, тщетно пытавшийся избавиться от красной пелены перед глазами, почувствовал, что кто-то стоит перед ним.

— Винг, — понял он наконец. — Кто еще из минного расчета добрался сюда?

— Насколько я знаю, никто, Дом. Только я. Нет, не думай о мертвых. Теперь в счет идут только живые.

— Ладно. Оставь свою мину и уходи на ту сторону. Больше одной нам все равно не потребуется.

Он ослабил зажим на держателе, вытащил мину и подтолкнул Винга в спину — к экрану.

Дом уже закрепил мину на пульте управления, когда рядом опустился сержант Тот и прижал свой шлем к его шлему.

— Управились?

— Сейчас управимся.

Дом установил запал и выдернул штифт взрывателя.

— Тогда отправляйся. Я сам ее подорву.

— Нет. Это моя работа.

Дом потряс головой, чтобы избавиться от красного облака перед глазами, но очертания того, что его окружало, все равно остались неясными.

Тот не стал спорить.

— Каковы установки? — спросил он.

— Пять и шесть. Через пять секунд после активации взрывается химическая мина, она разносит пульт управления. Секунду спустя срабатывает атомная.

— Я останусь до начала фейерверка.

Дому начало казаться, что время идет как-то странно, то быстро, то медленно. Люди торопливо проплывали мимо, к экрану, мощный поначалу поток постепенно редел. Тот вел какие-то переговоры на оперативной частоте, но Дом отключил радио, потому что нестерпимо болела голова. Огромное помещение опустело. На полу остались

только мертвые, да автоматические пулеметы все еще постреливали на входах. Один из них взорвался, когда Тот прижался к шлему Дома.

— Все прошли. Пора и нам.

Дому было трудно говорить, поэтому он просто кивнул и с силой ударил кулаком по активатору. Какие-то люди приближались к ним, но Тот обхватил Дома рукой, и включенные на полную мощность сопла реактивного топора плавно поднесли их к поверхности экрана. И сквозь нее.

Когда в глаза Дому ударил слепящий свет казарм Тихо, он зажмурился, и красное облако заполнило глаза, и его самого, и все остальное.

— Ну как тебе новая нога? — спросил сержант Тот. Он лениво опустился в кресло рядом с больничной койкой.

— Я ее совершенно не чувствую. Нервные каналы останутся заблокированными, пока она не прирастет к обрубку.

Гадая, зачем Тот явился, Дом отложил книгу, которую читал.

— А я вот зашел навестить раненых, — сказал сержант, отвечая на незаданный вопрос. — Здесь, кроме тебя, еще двое. Капитан велел.

— Он, похоже, садист почище тебя. Нам тут и без твоих визитов тошно.

— Хорошая шутка. — Выражение лица Тота не изменилось. — Надо будет пересказать ее капитану. Ему понравится. Какие у тебя планы? Собираешься уходить?

— Почему бы и нет? — Дом с удивлением обнаружил, что вопрос его рассердил. — У меня на счету боевой вылет, награды, хорошая рана. Оснований, чтобы проситься в отставку, больше чем достаточно.

— Оставайся. Ты хороший боец, когда не задумываешься. Таких не много. Карьеру сделаешь.

— Вроде твоей, сержант? Превращу убийство в работу? Я предпочел бы заняться чем-то иным, чем-нибудь более созидательным. Мне, в отличие от тебя, убийства, откровенное душегубство, короче, вся эта грязь удовольствия не доставляет. Это тебе нравится… — Неожиданная мысль заставила его выпрямиться, и он уселся в постели. — Как, возможно, и все остальное. Войны, сражения, все вообще. Я не хочу больше слышать о территориальных правах, об агрессии, о настоящем мужском деле. Я думаю, что люди вроде тебя затевают войны, потому что это горячит им кровь, доставляет удовольствие, которое иными способами они испытать не способны. Тебе нравится воевать.

Тот встал, слегка потянулся и повернулся, чтобы уйти. В дверях он, задумчиво нахмурившись, остановился:

— Может, ты и прав, капрал. Я об этом особенно не думал. Может, это мне и нравится. — На лице его появилась холодная улыбка. — Только не забывай — тебе это тоже понравилось.

Дом вернулся к книге, недовольный, что ему помешали читать. Книгу вместе с лестной запиской прислал его профессор литературы. Он-де услышал о Доме по радио, весь университет гордится им и так далее. Томик стихов. Мильтон, по-настоящему хорошая книга.

И ни войны, ни звуков боя
Сей мир не ведал той порою.

Да, книга хорошая. Только это не было правдой в пору Мильтона, да и сейчас ею не стало. Неужели человечеству действительно нравится воевать? Должно быть, нравится — иначе оно не воевало бы до сих пор. Эта мысль показалась Дому преступной и страшной.

И ему тоже? Чушь. Он хорошо дрался, но лишь потому, что хорошо подготовился к драке. Не может быть, чтобы ему и вправду все это нравилось.

Он постарался вновь углубиться в чтение, но буквы то и дело расплывались у него перед глазами.

Наши люди из патруля

Перевод А. Новикова

Их было более одиннадцати тысяч парней, выстроившихся стройными рядами в огромном зале. Упрямые подбородки, широкие плечи, зоркий взгляд — лучшие из лучших, собранные со всех планет, на которых поселился человек. Наконец-то после стольких лет тяжелой учебы они стали выпускниками. И совсем уже скоро сегодняшние кадеты станут полноправными членами патруля.

Патруль! Космические воины и полицейские, надежный заслон между цивилизованными планетами и галактическим хаосом. Нет людей их сильнее, никому не завидуют больше, чем им.

Обычно суровый, начальник академии смотрел на их лица и улыбался.

Он был счастлив видеть их в рядах патруля. Когда он заговорил, воцарилась абсолютная тишина.

— Патрульные, я приветствую вас. Этот зал вы покинете уже не кадетами, а членами патруля. С

гордостью носите его форму и будьте достойны этого звания. Некоторые из вас станут командовать боевыми звездолетами, защищающими нас от вторжения с других планет. Другие заступят на долгую одиночную вахту на катерах разведки. Те из вас, кто имеет пристрастие к технике, займутся субпространственной связью, обслуживанием радаров, конструированием новых систем. Патрулю нужен каждый человек, каждый талант здесь будет оценен.

А если кто-нибудь из вас хочет чего-то особенного, пусть подумает о нашей особой службе. Вам об этом вряд ли говорили подробно, ведь это один из главнейших секретов патруля. Пришло время посвятить вас в некоторые из таких секретов. Для примера я расскажу историю, случившуюся на планете Троубри, — какие там возникли проблемы и как в результате они были решены.

Наш человек из СВИН

1

— Вот и настал конец нашим бедам, губернатор! — обрадованно воскликнул фермер.

Стоявший рядом крестьянин кивнул согласно, потом понял, что кивка недостаточно, сорвал шляпу, крикнул «ура!» и нахлобучил ее обратно.

— Точно я сказать не могу… — Губернатор Хейдин замялся; в голосе его звучало неприкрытое нетерпение, он озабоченно теребил усы. — Я знаю не больше вашего. Мы послали радиограмму о помощи, патруль пообещал что-нибудь сделать…

— И на орбите появился их крейсер, а теперь катер с корабля идет на посадку, — закончил за губернатора фермер. — Разве не здорово? Подмога вот-вот придет!

Словно в ответ на его слова, в небе загрохотало, копье ослепительного пламени прожгло низкие облака, и над полем показался угловатый силуэт катера. Толпа на краю поля — почти все население Троубри-сити — разразилась приветственными воплями. Они оставались на месте, пока катер обрушивал ярость тормозных струй

на грязное поле, окутываясь облаком пара, но, едва двигатели смолкли, толпа бросилась к катеру и окружила его.

— Кого к нам, интересно, прислали? — спросил кто-то у губернатора. — Космических коммандос или что-нибудь типатого?

— В сообщении ничего не говорилось, только передали запрос на посадку.

Когда из щели под люком вылез трап и конец его плюхнулся в грязь, наступила мертвая тишина. Тонко взвыл электромотор, дверца люка открылась, из него вышел человек и оглядел толпу.

— Привет, — сказал он, потом обернулся и махнул рукой: — Давайте вылезайте!

После этих слов человек сунул пальцы в рот и пронзительно свистнул.

В ответ из катера послышался шум и визг, и по трапу с топотом хлынула волна животных. Колыхались розовые, черно-белые и серые спины, копыта дробно стучали по перфорированному металлу.

— Свиньи! — гневно воскликнул Хейдин, перекрикивая визг. — Неужели на борту нет никого, кроме свиней?

— Есть еще я, сэр, — сказал человек, останавли-

ваясь перед губернатором. — Эрбер меня звать, Брон Эрбер, а это мои хрюшки. Ужасно рад с вами познакомиться.

Пылающий взгляд губернатора прожег дорожку в грязи и медленно, дюйм за дюймом, прошелся по стоящему перед ним парню. Тот был в высоких резиновых сапогах, мятых брюках из грубого материала, сильно заляпанной куртке когда-то красного цвета, на его широком лице с ясными голубыми глазами светилась улыбка. Заметив в волосах парня солому, губернатор поморщился. На протянутую руку Эрбера он не отреагировал.

— И чего тебе у нас надо? — недовольно произнес Хейдин.

— Поселиться хочу. Решил вот завести свиноводческое ранчо. Это будет единственное такое ранчо на пятьдесят световых лет вокруг — ей-ей, не хвастаюсь, чес-слово. — Он вытер правую руку о куртку и медленно протянул ее снова. — Эрбер — это моя фамилия, но многие зовут меня просто Брон, имя у меня такое. Кажется, я не расслышал вашего.

— Хейдин, — сказал губернатор, неохотно протягивая руку. — Я здешний губернатор.

Он рассеянно взглянул на откормленных по-

хрюкивающих свиней.

— О, я так рад с вами познакомиться, губернатор. Наверное, у вас тут очень важная работа? — осведомился Брон, радостно тряся руку Хейдина.

Зеваки стали расходиться. Одна из свиней, здоровенная круглая хрюха, подошла к ним поближе, и какой-то человек дал ей пинка подкованным ботинком. Свинья помчалась по полю, визжа, как свихнувшаяся электропила.

— Эй, ты, полегче! — крикнул Брон через спины своих питомцев.

Сердитый абориген погрозил Брону кулаком и пошел вслед за приятелями.

— Очистить площадку! — проревел голос из динамиков катера. — Старт через минуту. Повторяю, до старта осталось шестьдесят секунд.

Брон опять свистнул и ткнул пальцем в сторону рощицы на краю поля. Свиньи завизжали в ответ и затрусили в указанном направлении. Грузовики и легковушки уже разъехались, и когда стадо — с Броном и губернатором в центре — достигло края поля, на месте осталась лишь машина губернатора. Брон начал что-то говорить, но его голос потонул в грохоте двигателей и оглушительном реве взлетавшего корабля. Подождав, когда шум утихнет, Брон заговорил снова:

— Я вот что подумал, сэр: раз вы едете в город, то не подбросите ли заодно и меня? Хочу подать заявку на земельный участок, бумажки всякие заполнить, то-сё.

— Не советую, — сказал губернатор, отыскивая предлог, чтобы отделаться от нежеланного попутчика. — Твое стадо — ценная собственность, и не стоит оставлять свиней без присмотра.

— Вы хотите сказать, что в вашем городе есть преступники? В смысле воры?

— Я этого не говорил, — огрызнулся Хейдин. — Люди здесь честные, законопослушные, как и на любой другой планете. Дело в том, что у нас маловато мясных животных, и вид бегающей свинины…

— Даже подумать о таком — преступление! У меня лучшее племенное стадо, таких свинок ни за какие деньги не купишь, ни одна из них не предназначена для бойни. Вы хоть понимаете, что каждый самый маленький поросенок станет когда-нибудь родоначальником нового стада…

— Только не надо мне читать лекцию по свиноводству. Меня в городе дела ждут.

— Не смею задерживать хорошего человека, — ответил Брон, расплывшись в простодушной улыбке. — Туда я поеду с вами, а обратно вернусь

пешком. Уверен, мои свинки будут здесь в полной безопасности. Пусть немного побродят в лесочке, корешки покопают.

— Возможно, ты их видишь последний раз. Или они тебя, — пробормотал Хейдин, забираясь в электромобиль и захлопывая дверцу. Он посмотрел на садящегося рядом Брона, и тут его посетила мысль: — Послушай, а где твой багаж? Ты его в катере не забыл?

— Как приятно, что вы за меня волнуетесь.

Брон показал на стадо, которое разбрелось по опушке и с довольным видом рылось в лесной подстилке. К спине крупного борова были привязаны два длинных ящика, а у свиньи поменьше рядом с ним болтался на боку потрепанный чемодан.

— Люди даже не представляют, насколько полезны свиньи. На Земле их тысячи лет использовали как вьючных животных, да-да, сэр. И вообще, полезнее свиней животных нет. Вот древние египтяне с их помощью сеяли. Понимаете, копыта у свиней маленькие, острые, и в мягкой земле они втаптывают семена аккурат на нужную глубину.

Губернатор Хейдин выжал реостат до упора и всю дорогу молча крутил руль, выслушивая

буколическое введение в свинологию.

2

— Так это и есть ваша мэрия? — спросил Брон. — Красота, ничего не скажешь!

Хейдин нажал на тормоз, и электромобиль, прошуршав по дороге, остановился перед строением. Пыль с немощеной дороги окутала их клубящимся облаком. Губернатор подозрительно уставился на Брона.

— Оставьте свои шуточки, — фыркнул он. — Между прочим, это одно из первых зданий, которые мы построили на планете, и оно свое назначение выполняет, хоть чуточку и… состарилось.

«Состарилось — это мягко сказано, — догадался Хейдин, впервые за многие годы посмотрев на дом свежим взглядом. — Здание… как бы это сказать… полностью*облохматело*». Наружные стены были сделаны из древесно-стружечных панелей. Прессованные стружки для прочности пропитывали смолой, которую термически отверждали. Но испытания временем пропитка не выдержала, наружный слой осыпался, и теперь панели курчавились бурой стружкой.

— Да не смеюсь я над вашим зданием, — отве-

тил Брон, выбираясь из машины. — На других планетах я видал строения и похуже — кривые, косые, тронешь — развалится. А вы построили крепкий хороший дом. Простоял много лет, и еще много протянет. — Он одобрительно похлопал по стене, затем взглянул на ладонь. — Хотя, конечно, не мешало бы его побрить… или постричь.

Губернатор протопал к двери и вошел, раздраженно бормоча что-то себе под нос. Брон последовал за ним все с той же простодушной улыбкой. Через все здание проходил коридор, по сторонам которого располагались двери. В противоположном конце коридора Брон увидел запасной выход. Губернатор открыл дверь с табличкой «Не входить», Брон вошел следом.

— Стой, ты куда?! — возмутился Хейдин. — Это мой личный офис. Тебе нужно в дверь рядом.

— Ой, простите! — ответил Брон, пятясь под решительным нажимом приставленной к его груди руки.

Через плечо губернатора он разглядел скудно обставленное конторское помещение, а за приоткрытой дверью в дальней стене находились жилые апартаменты. Единственный реальный интерес представляла съежившаяся в кресле девушка: с медно-рыжими волосами, стройная и,

похоже, молоденькая. Больше он ничего не мог про нее сказать, потому что девушка плакала, уткнувшись лицом в платок. Дверь перед его носом захлопнулась.

За соседней дверью оказался просторный офис, разделенный конторкой. Брон облокотился на некрашеные доски и с явным интересом принялся читать вырезанные на них надписи. В дальней стене открылась дверь, вошла девушка, стройная, рыжеволосая и — действительно — молоденькая. Глаза у нее покраснели от слез. Несомненно, эту же девушку он видел в офисе губернатора.

— Я очень огорчился, увидев, как вы плачете, мисс, — сказал Брон. — Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Я не плачу, — решительно возразила она и шмыгнула носом. — Это просто… аллергия, только и всего.

— Тогда сходите к доктору, он вам вкатит укольчик…

— Не изложите ли вы свое дело? Я сегодня очень занята.

— О, не хочу вас отвлекать, раз у вас аллергия и вы так заняты. Может, мне к кому другому обратиться?

— Больше не к кому. Я и эти компьютеры — весь

штат губернатора. Так что же вы хотите?

— Хочу оформить заявку на участок, а зовут меня Брон Эрбер.

Она быстро пожала протянутую руку, тут же выпустила, словно та была раскалена докрасна, и взяла пачку бланков.

— Меня зовут Леа Дэвис. Заполните эти бланки и постарайтесь не пропустить ни одного пункта. Если возникнут вопросы, спросите, прежде чем писать. А вы писать-то умеете? — осведомилась она, заметив, с какой хмурой сосредоточенностью Брон уткнулся в бумаги.

— Пишу очень понятно, мэм, так что не волнуйтесь.

Он достал из кармана рубашки изглоданный огрызок карандаша, проверил, пишет ли тот, и принялся за работу.

Когда он закончил, Леа проверила написанное, сделала несколько исправлений и вручила ему толстую пачку карт.

— Все ближайшие свободные участки отмечены красным. Выбирайте подходящий. Конечно, все зависит от того, что вы собираетесь выращивать.

— Свиней, — ответил он и радостно улыбнулся, хотя ответной улыбки не получил. — Я сейчас

поброжу по окрестностям, посмотрю, что к чему, а потом вернусь и скажу, нашел ли что подходящее. Спасибо, мисс Дэвис.

Брон сложил карты и сунул пачку в карман брюк. Чтобы вернуться к своему стаду, которое он оставил у космопорта, нужно было миновать центр Троубри-сити, который городом только назывался. Брон шагал по единственной улице, неуклюже ступая тяжелыми сапогами и поднимая пыль. Все дома наглядно иллюстрировали мысль о том, что нет ничего более постоянного, чем временное. Их строили наскоро, но не перестраивали, потому что растущему городу срочно требовались новые строения. Сборные дома фабричного производства и хижины из прессованных листов чередовались с развалюхами из деревянных каркасов и домишками из плотно сбитой земли. Последних было большинство: брали глинистый грунт и наполняли им деревянную форму, затем форму разбирали, а стены обшивали пластиком, чтобы их не размывало дождем. Несмотря на обшивку, многие дома выглядели кривобокими и приплюснутыми и медленно оседали в землю, из которой когда-то вышли. Брон прошел мимо складских строений и гаража. Городские заводики располагались на окраине, а

дальше начинались фермы. Впереди виднелась парикмахерская, о чем возвещал вездесущий знак в виде шеста в белую и красную полоску. Ее стену подпирали несколько местных жителей.

— Эй, свинопас, — громко сказал один, когда Брон проходил мимо, — не хочешь принять горячую ванну в обмен на парочку свиных отбивных?

Остальные захохотали, сочтя, видимо, его предложение остроумным.

Брон остановился и повернулся к ним.

— Сдается мне, — сказал он, — что ваш городишко процветает, коли может прокормить столько безработных бездельников.

Те в ответ сердито забормотали, а один шагнул вперед и проорал угрожающе:

— Ты что, самый умный?!

Брон не стал отвечать. Он лишь холодно улыбнулся и ударил кулаком по ладони. Раздался громкий шлепок. Кулак явно был большим и тяжелым. Местные снова прислонились к стене и заговорили между собой, не обращая на Брона внимания.

— Эй, ребята, почему бы вам не проучить этого хама? — донесся голос из парикмахерской.

Брон приблизился и заглянул в открытую

дверь. В кресле сидел тот самый человек, который пнул в космопорте его свинью. Обслуживал клиента робот-парикмахер.

— Слушай, приятель, что ты сейчас сказал насчет «проучить»? Ты хоть знаешь, кто я такой?

— Не знаю — и знать не хочу, — сердито отозвался мужчина в кресле. — Забирай своих свиней и…

Продолжая улыбаться, Брон протянул руку, нажал на кнопку «горячее полотенце», и оно-то, исходящее паром горячее полотенце, заглушило окончание фразы. Робот отстриг от полотенца лоскут, вспыхнула лампочка неисправности, и он замер, громко гудя. Брон вышел, никто не встал у него на пути.

— Не очень-то приветливый городок, — пробормотал он себе под нос. — Интересно, с чего бы это?

Тут ему попалась на глаза вывеска «Еда», и он зашел в маленькое кафе.

— Отбивных нет, — сообщил продавец.

— Кофе, мне только кофе, — попросил Брон, залезая на табурет. — Приятный у вас город, — добавил он, когда перед ним поставили кофе.

Продавец буркнул что-то неразборчивое и взял деньги. Брон снова попробовал завести разговор:

— Я что хочу сказать: у вас тут отличные пахотные земли, много шахт и полезных ископаемых. Комиссия по космическим поселениям выдала мне кредит, чтобы я смог приобрести в этих краях участок. Наверное, так поступили все, кто тут живет. Хорошая у вас планета.

— Мистер, — отозвался продавец, — я с вами не разговаривал, значит и вы со мной не разговаривайте, договорились?

Он отвернулся и, не дожидаясь ответа, принялся надраивать ручки автоматического шеф-повара.

— Приветливый здесь народ, однако, — задумчиво произнес Брон, шагая по дороге к космопорту. — У них есть все, что душа пожелает, но никто не выглядит счастливым. А та девушка вообще плакала. Что же с этой планетой не так?

Так он шел с засунутыми в карманы руками, посвистывая и поглядывая вокруг. До космопорта было недалеко, располагался он рядом с городом, — просто расчищенная площадка и башня диспетчера.

Уже на подходе к роще, где он оставил своих свиней, Брон услышал громкий сердитый визг. Он прибавил шагу, визг повторился, тогда Брон побежал. Некоторые свиньи продолжали беззаботно пастись, но большинство собралось вокруг

высокого дерева с густой кроной и короткими ветками. К дереву подошел боров и отодрал клыками метровую полосу коры. С вершины дерева кто-то слабым, охрипшим голосом просил о помощи.

Брон свистнул своим питомцам, подергал их за хвосты, раздал несколько тычков в толстые бока, и свиньи отступили от дерева и снова принялись копаться в земле и объедать с кустов ягоды.

— Эй, там, наверху! — крикнул Брон в высоту, задрав голову. — Можешь слезать, опасности нет.

Дерево затряслось, посыпались кусочки коры, и по стволу стал медленно спускаться высокий тощий мужчина. Он притормозил над головой Брона, крепко обхватив ствол. Брюки на нем были порваны, а на одном из ботинок недоставало каблука.

— Вы кто? — спросил Брон.

— Это ваши твари? — сердито ответил незнакомец. — Их всех надо перестрелять. Они напали на меня и растерзали бы, если бы я не залез на дерево…

— Кто вы? — повторил Брон.

— Злобные и неуправляемые. Если вы не в состоянии с ними справиться, то я сам об этом позабочусь. У нас на Троубри есть законы…

— Если вы не заткнетесь и не скажете, кто вы такой, мистер, то можете оставаться на дереве до тех пор, пока оттуда не свалится ваш скелет, — спокойным голосом оборвал его Брон. Он показал на большого борова, который лежал метрах в трех от подножия дерева и поглядывал на чужака красными глазками. — Мне ничего не придется делать, свиньи сами с вами разберутся. Это у них в крови. Пе́кари в Мексике загоняют человека на дерево, а потом по очереди караулят, пока тот не умрет или не свалится вниз. Эти животные никогда не нападают без причины. А причина, по-моему, в том, что вы попытались поймать поросенка, потому что ощутили страстное желание отведать свежей свинины. Кто вы такой?

— Вы хотите сказать, что я лгун? — заорал человек.

— Да. Кто вы такой?

Боров подошел к дереву, потерся о ствол и утробно хрюкнул. Мужчина вцепился в ствол обеими руками, гонор его сразу пропал.

— Я… Реймон, здешний радист. Я был в башне, сажал катер. Когда тот улетел, я сел на велосипед и поехал в город. Потом увидел свиней и остановился. Просто хотел посмотреть, а они на меня напали. Без всякой причины…

— Хватит заливать, — сказал Брон. Он присел на корточки и почесал борову бок. Тот прижал уши и довольно хрюкнул. — Вам так нравится сидеть на дереве, мистер Реймон?

— Ну хорошо, я хотел погладить одну из ваших свиней, и тогда на меня напали остальные.

— Это уже больше похоже на правду, и я не стану мучить вас глупыми вопросами вроде «почему это у вас возникло желание погладить свинью?». Слезайте и поезжайте, куда вам надо.

Боров махнул хвостом и скрылся в подлеске. Реймон опасливо спрыгнул на землю и отряхнулся. Он оказался темноволосым симпатичным мужчиной, но выражение его лица портили сжатые от злости губы.

— Вам это даром не пройдет, — бросил он через плечо, удаляясь.

— Сомневаюсь, — ответил Брон.

Он вышел на дорогу и подождал, пока электровелосипед Реймона с гудением не покатил к городу. Тогда он вернулся к стаду и свистом созвал свиней.

3

Сквозь сон Брон услышал в ухе негромкий металлический звон. Он делался все громче и

громче. Брон, зевая, протянул руку, снял с мочки уха клипсу-будильник, выключил его и сунул в карман на поясе. Протирая сонные глаза, Брон ощутил ночную прохладу, над головой в прозрачном воздухе ярко сияли незнакомые созвездия. До рассвета оставалось еще несколько часов, лес был темен и тих, лишь иногда доносилось похрапывание или глухое похрюкивание спящей свиньи.

Брон вылез из спального мешка — спал он, не раздеваясь, — натянул сапоги, стоявшие перевернутыми, чтобы не отсырели. Обуваясь, он уперся в бок Квини. Восьмисотфунтовая свинья приподняла голову и вопросительно хрюкнула. Брон наклонился и приподнял ей ухо.

— Я ухожу, но к рассвету вернусь, — шепнул он Квини. — Со мной пойдет Жасмина. Присмотри за остальными.

Квини издала звук — что-то вроде «угу» — и улеглась снова. Брон тихонечко свистнул, послышался топот острых копыт маленькой Жасмины.

— Иди за мной, — сказал Брон.

Жасмина двинулась следом, и они выскользнули из лагеря бесшумными тенями.

Стояла безлунная ночь, и Троубри-сити спал в ночной темноте. Никто не заметил две тени, пересекшие городок и скользнувшие к черному

ходу мэрии. Никто не услышал, как беззвучно открылось окно и тени растворились внутри.

Губернатор Хейдин резко сел на кровати, когда в его спальне зажегся свет. Первая, кого он увидел, была розовая свинка, сидящая на коврике возле кровати. Она повернула морду, посмотрела ему в глаза и моргнула. У нее были чудесные ресницы, длинные и белые.

— Очень извиняюсь, что потревожил вас в такое время. — Голос Брона шел от окна, где он проверял, плотно ли задернуты шторы. — Дело в том, что мне не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о нашей встрече.

— Катись отсюда, свинопас ненормальный, или я тебя вышвырну! — проревел Хейдин.

— Не так громко, сэр, — попросил Брон. — Вас могут услышать. Вот мое удостоверение.

Он протянул ему пластиковый прямоугольник.

— Я и так знаю, кто ты такой, так какая разница…

— Удостоверение вы не видели. Вы ведь запрашивали патруль? Просили прислать кого-нибудь на планету?

— Что? — Глаза губернатора широко раскрылись. — Ты имеешь к этому какое-то отношение?

— Мое удостоверение, — повторил Брон, постукивая по нему пальцем, чтобы привлечь внимание.

Губернатор схватил его обеими руками.

— «СВИН», — прочитал он. — Что это? — И сам же ответил на свой вопрос, прочитав следующую строчку: — «Свиные войска индивидуального назначения»! Это шутка?

— Вовсе нет, губернатор. СВИН лишь недавно были организованы, сформированы и приведены в готовность. Сведения об их деятельности до сих пор оставались известны лишь на уровне верховного командования, и потому все их операции были совершенно секретными.

— Что-то ты вдруг перестал говорить как свиновод.

— Я на самом деле свиновод, губернатор. Кроме того, у меня ученая степень по животноводству, докторская степень по галактической дипломатии и черный пояс по дзюдо. А здесь я в качестве сотрудника СВИН.

— Выходит, ты и есть ответ на мой запрос патрулю?

— Так точно. Не могу раскрыть вам секретные сведения, но вы наверняка знаете, насколько сейчас рассеяны силы патруля, — и в ближайшие

годы это не изменится. Открытие новой планеты расширяет сферу влияния Земли в линейном направлении, но объем пространства, который должен контролироваться, — это расстояние в кубе.

— А попроще не объясните?

— Пожалуйста.

Брон огляделся и, заметив на столе вазу с фруктами, взял два круглых красных плода и один из них поднял на ладони.

— Предположим, что этот плод — сфера влияния Земли. Земля — косточка, это центр сферы. Корабли могут летать во всех направлениях от косточки до кожицы плода, и вся мякоть, то есть пространство, заключенное в сферу, контролируется Землей. А теперь допустим, что открыта новая планета. Корабль летит до нее по прямой, вот так. — Он приставил к плоду большой палец, а указательным отмерил промежуток, равный диаметру сферы. — Это линейная дистанция, отрезок прямой. Но патрулирование ведется не всегда по прямой. — Брон вплотную приблизил второй плод к первому. — Теперь патруль отвечает и за новый плод, за все, что находится в его трехмерном объеме, ведь корабли движутся не только по постоянным маршрутам, у них бывают

разные цели. Это очень важная и непростая работа, и со временем она проще не становится.

— Я понял вашу мысль, — сказал губернатор.

Фрукты вернулись обратно в вазу.

— В этом суть проблемы. Патруль должен контролировать пространство между всеми планетами, а это такой объем, что его невозможно представить. Когда-нибудь у патруля будет необходимое количество кораблей, и всякий призыв о помощи не останется без внимания. Пока же следует изыскивать другие возможности. Было предложено несколько проектов, и СВИН — один из первых реализованных. Вы видели мою команду. Мы можем перемещаться на разных видах коммерческого транспорта и действовать без поддержки патруля. У нас есть запас провизии, но при необходимости мы можем обходиться подножным кормом. Мы оснащены так, что способны решить почти любую тактическую задачу.

Хейдин пытался переварить объяснения Брона, но это оказалось за пределами его понимания.

— Я выслушал всё, что вы мне сейчас сказали, но как-то… — Хейдин запнулся. — Ведь у вас всего лишь стадо свиней.

Брон с трудом сдержался, его глаза превратились в щелочки.

— А вам стало бы лучше, если бы я приземлился здесь со стаей волков? Вы тогда почувствовали бы себя в безопасности?

— Честно говоря, с волками все выглядело бы совсем иначе. Я увидел бы в этом хоть какой-то реальный смысл.

— Да неужели? А известно ли вам, что волки всегда убегают от взрослого дикого кабана, даже не пытаясь его атаковать? У меня в стаде живет боров-мутант, попадись которому хоть с полдесятка волков, он сдерет с них шкуры за считаные минуты. Не верите?

— Не в этом дело. Ну не знаю… Согласитесь, стадо свиней… в этом есть что-то нелепое.

— Ваше мнение далеко не оригинально, — ответил Брон ледяным тоном. — Я ведь почему взял все стадо, а не одних боровов? Да именно потому, чтобы изобразить из себя такого простодушного паренька. На меня не обращают внимания, и это помогает вести расследование. Знаете, ради чего я встретился с вами ночью? Не хочу открывать раньше времени свое истинное лицо.

— Насчет этого можете на меня положиться. Только вряд ли наша проблема связана с кем-то из поселенцев.

— А в чем конкретно ваша проблема? Из вашего

запроса это не совсем ясно.

Губернатор почувствовал себя неуютно. Он немного помялся, потом кивнул на удостоверение Брона:

— Мне надо его проверить, прежде чем о чем-то рассказывать.

— Пожалуйста.

На столе стоял флюороскоп, и Хейдин тщательно сравнил невидимый при обычном свете узор на удостоверении с картинкой из книги кодов, извлеченной из сейфа. Наконец с явной неохотой он вернул карточку Брону.

— Неподдельная, — заключил он.

Брон убрал документ в карман.

— Ну и в чем же ваша проблема?

Хейдин посмотрел на свинью, свернувшуюся на коврике и безмятежно похрапывающую.

— Привидения, — еле слышно проговорил он.

— Кажется, вы только что смеялись над свиньями?

— Не обижайтесь, — с жаром ответил губернатор. — Понимаю, все это звучит странно, но суть именно такова. Мы называем их — или эти явления — привидениями потому, что ничего о них не знаем. Можно гадать, сверхъестественные они или нет, но что природа их не физическая

— это точно. — Он повернулся к карте на стене и постучал пальцем по окрашенному в желтый цвет участку, выделяющемуся на фоне окружающей зелени. — Все происходит вот здесь — на плато Духов.

— И что же там происходит?

— Трудно сказать — в большинстве случаев это лишь ощущения. С самого начала заселения планеты, то есть вот уже пятнадцать лет, люди стараются не приближаться к плато, хотя оно расположено практически в окрестностях города. Там, наверху, у всех возникает странное ощущение — будто что-то здесь не в порядке. Даже животные его избегают. И кроме того, на нем бесследно исчезали люди.

Брон посмотрел на карту, провел пальцем по контуру желтого пятна.

— А исследования там проводили?

— Конечно, еще в самом начале. Вертолеты и сейчас летают над ним, но не отмечают ничего необычного. Правда, летают они днем. Никому еще не удавалось пролететь, проехать или пройти через плато Духов ночью и остаться в живых. Ни одного тела так и не нашли.

В голосе губернатора слышалась глубокая печаль: несомненно, он говорил искренне.

— И что-нибудь с тех пор сделано?

— Да. Мы поняли, что от этого места надо держаться подальше. Здесь не Земля, мистер Эрбер, хотя планета во многом на нее похожа. Это чужая планета с чужой жизнью, а наше человеческое поселение — лишь булавочный укол на ее теле. Кто знает, какие… существа бродят там по ночам? Мы поселенцы, а не искатели приключений. Мы поняли, что плато надо избегать, по крайней мере ночью, и с тех пор у нас не было неприятностей.

— Зачем же вы тогда вызвали патруль?

— Потому что совершили ошибку. Старожилы мало рассказывают о плато, а многие новички полагают, что их рассказы — всего лишь… байки. Некоторые даже начали сомневаться, не изменяет ли им память. Во всяком случае, исследовательская группа решила присмотреть новые участки для закладки шахт, а единственные нетронутые места вблизи города находились на плато. Несмотря на предупреждения, группа все же ушла туда, и возглавлял ее инженер Хью Дэвис.

— Не родственник ли он вашей помощницы?

— Брат.

— Это объясняет ее состояние. Что же произошло потом?

Глаза Хейдина устремились куда-то вдаль, на лице его отразился страх.

— Это было ужасно, — выдавил он наконец. — Конечно, мы приняли все меры предосторожности — весь день за ними следовал вертолет, с него отметили место, где они разбили лагерь. Вертолеты были с прожекторами, и мы дежурили возле раций всю ночь. У них было три передатчика, и все работали одновременно, чтобы не произошло перерыва в связи. Мы прождали всю ночь — и ничего не случилось. А перед самым рассветом, без всякой тревоги или предупреждения, рации отключились. Мы прибыли туда через несколько минут, но опоздали. То, что мы обнаружили, не поддается описанию. Буквально все — снаряжение, палатки, припасы — было уничтожено и поломано. Поваленные деревья и земля забрызганы кровью, но людей мы не увидели, люди исчезли. И вокруг никаких следов: ни машин, ни людей или животных — ничего. Мы проверили кровь — она оказалась человеческой. И клочья мяса были… тоже человеческими.

— Но что-то же должно было остаться, — возразил Брон. — Какие-нибудь следы, хотя бы намеки. Возможно, запах взрывчатки или отметки на радаре, раз плато близко.

— Не настолько уж мы здесь дураки, у нас есть и техники, и ученые. Не было ни следов, ни запахов, и радар не зафиксировал ничего.

— Тогда вы и решили вызвать патруль?

— Да. Мы поняли, что сами не справимся.

— Вы поступили правильно, губернатор. С этого момента я все беру на себя. Собственно, у меня уже есть идея насчет случившегося.

Хейдин вскочил:

— Не может быть! И в чем же она заключается?

— Боюсь, пока рановато об этом говорить. Утром я собираюсь сходить на плато и посмотреть на место, где произошла трагедия. Не могли бы вы сообщить его координаты? И не говорите никому о моем визите, пожалуйста.

— Обещаю, — заверил Хейдин, глядя на свинью.

Та встала, потянулась и с громким сопением принюхалась к фруктам на столе.

— Жасмина не отказалась бы от штучки-другой, — сказал Брон. — Не возражаете?

— Берите, берите, — безропотно согласился губернатор и под громкое чавканье стал записывать координаты места трагедии.

4

Чтобы покинуть город до рассвета, им пришлось поторопиться. Когда Брон с Жасминой подошли к лагерю, небо на востоке посветлело, а стадо уже проснулось.

— Думаю, мы останемся здесь еще как минимум на день, — сказал Брон, вскрывая ящик с витаминным кормом.

Квини, восьмисотфунтовая свинья польско-китайской породы, весело хрюкнула, услышав эти слова, поддела рылом охапку листьев и подбросила вверх.

— Да, конечно, здесь у вас неплохая кормежка, особенно если вспомнить, сколько времени вы провели на корабле. Я собираюсь немного прогуляться, Квини, и вернусь к вечеру. Присмотри пока за порядком. Кёрли! Мо!

В лесу в ответ на его зов затрещали сучья, и через секунду из кустов выскочили две черные с сединой свиньи — тонна костей и мышц на копытной тяге. На пути Кёрли оказался сук толщиной в три дюйма, однако он не притормозил и не обогнул его. Послышался резкий треск, и Кёрли подбежал к Брону, волоча сук за собой. Брон отбросил его и осмотрел свои ударные силы.

Это были боровы-близнецы, из одного помета, весом почти тысячу фунтов каждый. Обычный дикий кабан весит до семисот пятидесяти фунтов, и это самое быстрое, опасное и агрессивное из всех известных животных. Кёрли и Мо были мутантами, на треть тяжелее своих диких предков и много умнее их, но оставались при этом не менее быстрыми, опасными и агрессивными, чем они. Их десятидюймовые клыки предохраняли колпачки из нержавеющей стали.

— Мо, я хочу, чтобы ты остался с Квини, она будет старшей.

Мо недовольно взвизгнул и затряс большой головой. Брон ухватил борова за густую щетину между лопатками и стал почесывать его и трепать. Мо засопел от удовольствия. Среди свиней он был гением. Впрочем, будь Мо человеком, то считался бы слабоумным — но он не был человеком. Мо понимал простые команды и выполнял их в пределах своих умственных способностей.

— Останься и охраняй, Мо, останься и охраняй. Смотри на Квини, она знает, что делать. Охраняй, но не убивай. Здесь есть чем полакомиться, а когда я вернусь, ты получишь сахар. Кёрли идет со мной, и все получат сахар, когда мы вернемся.

Со всех сторон послышалось счастливое хрю-

канье, а Квини прижалась к его ноге толстым боком.

— Ты тоже идешь, Жасмина, — продолжал Брон. — Хорошая прогулка убережет тебя от проказ. И прихвати еще Мейзи Мьюлфут, ей тоже не мешает размяться.

Жасмина была его «трудным ребенком». Она выглядела поросенком-переростком, но на самом деле это была взрослая свинья карликовой породы питмен-мур, одной из тех, что когда-то вывели для лабораторных нужд. В этой породе основным критерием селекции была сообразительность, и Жасмина, похоже, имела наиболее высокий ай-кью из всех свиней, вышедших из стен лаборатории. Но с другой стороны, вместе с интеллектом возрастала неуравновешенность, почти человеческая истерия, как будто ее сознание постоянно балансировало на грани срыва. Если Жасмину оставляли с другими свиньями, она принималась их дразнить и мучить и в результате нарывалась на неприятности, поэтому Брон всегда брал ее с собой, когда стадо приходилось оставлять даже ненадолго.

Мейзи была совершенно иной — типичная, хорошо упитанная свинья одной из самых универсальных пород мьюлфут с узким копытом.

Она не отличалась особым умом, то есть была самой что ни на есть обыкновенной свиньей, только очень плодовитой. Некоторые жестокие люди могли бы сказать, что такие хороши исключительно для бекона. Но Мейзи обладала приятным характером и была хорошей матерью: она только что кончила выкармливать очередной выводок. Брон взял ее с собой, чтобы дать ей отдохнуть от поросят и сбросить лишний вес: от малоподвижности она чересчур располнела за время полета.

Брон изучил карты и обнаружил на них старую просеку, тянущуюся почти до самого плато. Он мог пройти со свиньями и по открытой местности, но, идя по просеке, они сэкономят немного времени. Брон сориентировал карманный гирокомпас по флюгеру на башне космопорта, а затем определил направление, которое должно было вывести их к просеке. Он махнул рукой, и Кёрли, наклонив голову, бросился в кусты. Послышались шум и треск — Кёрли, отменный первопроходец, прокладывал путь через любые дебри.

По заросшей травой дороге, вьющейся среди холмов, шагать было легко. Судя по тому, что следов колес на дороге не было, лагеря лесорубов, значившегося на карте, похоже, давно не суще-

ствовало. Свиньи рыскали в сочной траве и время от времени, не в силах противиться искушению, хватали что-то с земли. Одна лишь Мейзи протестующе повизгивала, жалуясь на непривычную нагрузку. Вдоль дороги иногда встречались деревья, но в основном вокруг расстилались хлебные поля. Около леса Кёрли остановился, посмотрел на густой подлесок и вопросительно буркнул. Жасмина и Мейзи замерли рядом с ним и уставились в ту же сторону, подняв головы и прислушиваясь.

— Что там? — спросил Брон.

Ничего опасного, это ясно, потому что иначе Кёрли уже приготовился бы к драке. Свиньи, с их более тонким слухом, прислушивались к чему-то, чего Брон слышать не мог. Что-то заинтересовало их, но не испугало.

— Пошли, — решил Брон. — Нам еще далеко идти.

Он подтолкнул Кёрли в бок, но с тем же успехом мог бы пнуть каменную стену. Не сдвинувшись с места, Кёрли пропахал копытом борозду и дернул головой в направлении зарослей.

— Ладно, согласен, если ты настаиваешь. Я никогда не спорю с приятелем, который весит полтонны. Пойдем, посмотрим, что там такое.

Он потрепал густую щетину борова, и Кёрли бросился к деревьям.

Не прошли они и пятидесяти ярдов, как Брон услышал писк то ли птицы, то ли какого-то мелкого животного. Но почему это обеспокоило свиней? И вдруг он понял, что это за звук.

— Это ребенок! Он плачет! Кёрли, вперед!

Кёрли, воодушевленный, понесся сквозь заросли с такой скоростью, что Брон едва за ним поспевал. Они выбежали на пологий илистый берег темного пруда. Плач сменился громкими всхлипами. Девочка, примерно двух лет, не старше, стояла по пояс в воде, мокрая и трясущаяся.

— Держись, сейчас я тебя вытащу! — крикнул Брон.

Всхлипы перешли в рев.

Кёрли встал на краю скользкого берега, и Брон, уцепившись за его крепкую надежную ногу, наклонился к воде. Девочка потянулась к нему, он подхватил ее свободной рукой и вытащил на берег. Она сразу же перестала плакать, едва он взял ее на руки.

— Ну и что нам теперь с тобой делать? — спросил Брон, выбравшись на сухое место.

На этот раз он услышал ответ одновременно со свиньями. Издалека доносился непрерывный

звон колокольчика. Брон показал свиньям, куда идти, и зашагал следом по дорожке, проложенной Кёрли в зарослях.

За лесной опушкой начинался луг. На вершине холма стоял красивый фермерский дом. Возле дома стояла женщина и звонила в большой ручной колокол. Заметив вышедшего из-за деревьев Брона, она побежала ему навстречу.

— Эми! — воскликнула она. — Ты цела, детка!

Женщина прижала к себе ребенка, не обращая внимания на грязь, испачкавшую ее белый передник.

— Она была у пруда, мэм. Увязла в грязи и не могла выбраться. По-моему, она всего лишь перепугалась.

— Не знаю, как вас и благодарить. Я думала, что она заснула, и пошла доить коров. Должно быть, выбралась из кроватки…

— Благодарите не меня, мэм, а моих свиней. Они услышали, как она плачет, а я лишь пошел за ними.

Тут женщина впервые заметила животных.

— Какая прекрасная свинья, — сказала она, с восхищением разглядывая круглые бока Мейзи. — Мы держали дома свиней, но когда поселились здесь, то купили коров для молочной

фермы. Теперь я об этом жалею. Позвольте дать им молока — и вам тоже. Это самое малое, чем я могу вас отблагодарить.

— Большое спасибо, но нам надо торопиться. Мы присматриваем участок для хутора, и мне хотелось бы добраться до плато и вернуться до темноты.

— Только не туда! — с ужасом воскликнула женщина, прижимая к себе девочку. — Туда нельзя!

— Почему нельзя? На карте эти земли выглядят очень привлекательно.

— Нельзя. Там кто-то есть. Мы стараемся о них не говорить. Их нельзя увидеть. Но я знаю, что они там. Мы когда-то пасли коров на склоне холма, который обращен к плато. И знаете, почему мы перестали это делать? Они стали давать меньше молока — почти вдвое меньше, чем другие коровы. Там происходят странные вещи, очень странные. Можете сходить посмотреть, если надо, но обязательно вернитесь до захода солнца. Вы быстро поймете, что я имею в виду.

— Спасибо за предупреждение, я вам очень благодарен. Ну, раз с девочкой все в порядке, то мы пойдем.

Брон свистнул свиньям, помахал на прощание фермерше и зашагал в сторону дороги. Плато

интересовало его все больше и больше, и он то и дело поторапливал своих четвероногих друзей, несмотря на тяжелое дыхание и укоризненные взгляды Мейзи. Через час они прошли мимо покинутого лагеря лесорубов — не из-за странных ли событий на плато люди покинули лагерь? — и начали подниматься по заросшему лесом склону. Здесь был край плато.

Путешественники перебрались через ручей, и Брон дал свиньям вволю напиться. Пока они утоляли жажду, он вырезал себе палку, чтобы легче было одолевать подъем. Разгоряченная быстрой ходьбой Мейзи с оглушительным плеском плюхнулась в воду и стала купаться. Дождь брызг окатил Жасмину. Привередливая свинья гневно взвизгнула и, отбежав в сторону, принялась кататься по траве. Кёрли, пыхтя и урча, как довольный жизнью локомотив, сунул пятачок под гнилое бревно весом чуть ли не в тонну, сдвинул его и принялся с удовольствием поглощать многочисленных насекомых и прочую живность. Отдохнув, путники двинулись дальше.

Подъем на плато оказался недолгим. Поднявшись по склону, они увидели пологую равнину с растущими кое-где деревьями. Брон снова сверился с компасом и показал Кёрли, куда идти. Тот

фыркнул и, перед тем как двинуться дальше, копытом пропахал борозду, а Жасмина, повизгивая, прижалась к ноге Брона.

Брон тоже почувствовал что-то неладное и подавил невольную дрожь. Было в этом месте нечто — как бы поточнее сказать? — странное, что ли. Он не имел понятия, почему у него возникло такое ощущение, но оно возникло. И свиньи, казалось, чувствовали то же самое. Имелась и другая странность: вокруг не было птиц, хотя на холмах внизу их обитало множество. Животных тоже не было видно. Свиньи, разумеется, сразу бы почуяли присутствие любой живности, даже если бы Брон не заметил никого сам.

Он преодолел странное чувство и двинулся вслед за Кёрли, а две другие свиньи, все еще протестуя, мелкими шажками побежали рядом, стараясь держаться как можно ближе к его ногам. Было ясно, что они чувствовали присутствие опасности и тревожились. Все, кроме Кёрли, потому что любые странные ощущения раздражали его хуже некуда, и он рвался вперед, почти не сдерживая своей ярости.

Когда путники вышли на открытое место, не осталось сомнений, что они пришли туда, куда направлялись. Повсюду валялись сломанные

ветви, выдранные с корнем молодые деревья, поляну усеивали обрывки палаток и обломки снаряжения. Брон поднял то, что было когда-то рацией, и увидел, что металлический корпус сдавлен и покорежен, словно его стискивала рука великана.

И все это время Брон ощущал напряжение и беспокойство.

— А ну-ка, Жасмина, — велел он, — попробуй взять след. Я знаю, что здесь уже несколько недель поливали дожди и светило солнце, но какой-нибудь след мог остаться. Давай-ка, понюхай.

Жасмина задрожала, отрицательно покачала головой и вновь прижалась к его ноге: Брон ощутил, как ее трясет. У нее начался приступ истерии, она ни на что сейчас не годилась, надо было ждать, когда приступ пройдет. Брон ни в чем ее не винил — он в некоторой степени сам пребывал в таком же состоянии. Он дал Кёрли понюхать один из ящиков. Боров покорно засопел, но его внимание привлекало другое: пока он нюхал, его глаза бегали по сторонам. Затем он обежал поляну, обнюхивая землю и чихая и фыркая от попавшей в нос пыли. Когда он принялся рыть землю клыками, Брон решил, что боров что-то нашел, но это оказался всего-навсего сочный

корень. Кёрли стал его жевать и вдруг поднял голову и насторожился, разом забыв о торчащем из рта корне.

— Что там? — спросил Брон.

Обе другие свиньи смотрели в ту же сторону, что и Кёрли, внимательно прислушиваясь. Их уши дернулись, и внезапно послышался громкий треск, словно сквозь кусты лезло что-то большое.

Внезапность нападения едва не погубила Брона. Треск еще не утих, когда прямо перед Броном выскочил прыгун с торчащими из пасти желтыми клыками длиной в фут. Брон видел изображения этих гигантских сумчатых, живших на планете, но действительность превзошла все его представления. Четырехметровый зверь стоял на задних лапах, и хотя Брону было известно, что это не хищник и клыки нужны ему, чтобы копаться в болоте, подобное зрелище бодрости ему не добавило. С помощью клыков прыгуны расправлялись с врагами, и Брон на данный момент явно относился к этой категории. Существо прыгнуло вперед и нависло над ним, выставив клыки.

Рыча от ярости, Кёрли ударил зверя в бок. Даже четырехметровое животное, покрытое коричневым мехом, не смогло устоять перед разъяренным

полутонным боровом: гигант покачнулся и упал на спину. Кёрли дернул головой, вонзил клыки в ногу зверя и распорол ее. С быстротой молнии боров развернулся и повторил атаку.

Прыгун понял, что нарвался на неприятность. Ревя от боли и страха, он побежал обратно как раз в тот момент, когда на поляну явился его приятель, во время схватки продиравшийся сквозь лес. Кёрли развернулся на месте и снова бросился в атаку. Второй прыгун — судя по размеру, он был самцом — мгновенно оценил ситуацию, и она ему не понравилась. Его приятелю было больно, и он громко трубил об этом на всю планету — а причиной его трубного рева явно было разъяренное существо, с визгом мчавшееся ему навстречу. Недолго думая, второй прыгун развернулся и исчез за деревьями.

Во время этих событий Жасмина беспомощно носилась вокруг, пребывая на грани нервного срыва. Мейзи, не обладавшая столь быстрой реакцией, как у Кёрли, стояла, развесив уши и изумленно хрюкая.

Брон сунул руку в карман, чтобы достать успокоительную таблетку для Жасмины, и тут из кустов почти ему под ноги выползла длинная зеленая змея.

Брон застыл на месте, наполовину вынув руку из кармана. Он знал, что смотрит в лицо смерти. Это был «ползучий ангел», самая ядовитая змея на Троубри, и более ядовитая, чем любая из земных змей. Подобно удавам, она обожала мясо и охотилась также на их манер, — но при этом обладала острыми зубами и железами, полными яда. Змея возбужденно покачивалась, готовясь напасть на Брона.

Упитанная розовая Мейзи, заботливая мамаша, не обладала рефлексами и темпераментом, необходимыми, чтобы одолеть атакующего зверя вроде прыгуна, но справиться со змеей для нее было плевым делом. Мейзи взвизгнула и бросилась вперед, с удивительной ловкостью перемещая свою массивную тушу.

Завидев надвигающуюся массу колышущейся плоти, змея нанесла удар, мгновенно отпрянула и ударила снова. Мейзи, пыхтя от усилий, повернула голову, еще раз взвизгнула и стала наступать на изготовившуюся к атаке змею. Та громко зашипела и повторила бросок, вероятно удивляясь какой-то частью своего недоразвитого мозга, почему ее обед не падает замертво, чтобы его можно было наконец-то съесть. Если бы она знала о свиньях немного больше, то вела бы себя

иначе. Вместо этого она атаковала опять, вот только яд у нее почти закончился.

Хотя Мейзи и не принадлежала к породе, отличающейся особо толстой прослойкой сала, самки этой породы довольно жирны. Мейзи же была толще нормы. Ее окорока — так какой-нибудь грубиян мог бы обозвать бедра — покрывал толстый слой сала. А в жировой прослойке кровеносных сосудов нет. Змеиный яд так и остался там, откуда он не мог попасть в кровь и навредить свинье. Со временем организм нейтрализует его и выведет. Змея еще раз атаковала, но безуспешно, поскольку яд у нее совсем кончился. Мейзи подалась вперед и ударила змею острым копытом. Возможно, змеям нравится убивать свиней, но и свиньям нравится поедать змей. Визжа и тяжело дыша, Мейзи наступила на змею и оттоптала ей голову. Тело еще извивалось, и свинья продолжала топтать, пока змея не превратилась в несколько неподвижных обрубков. Тогда Мейзи остановилась и принялась за еду, урча от удовольствия. Змея оказалась такой большой, что Мейзи поделилась с Кёрли и Жасминой. Брон ждал, пока они не насытятся, потому что это их успокаивало. Когда исчез последний кусок, Брон развернулся и зашагал к лагерю. Время от вре-

мени он оборачивался и всякий раз убеждался, что спуск с плато Духов доставляет его команде сильное облегчение.

5

Их возвращение стадо встретило довольным похрюкиванием. Самые памятливые вспомнили об обещанных сладостях и выжидательно обступили Брона.

Брон открыл ящик с минерально-витаминными деликатесами. Раздавая их, он услышал звонок телефона — очень слабый, потому что еще не распаковал ящик, где тот лежал.

Заполняя необходимые для приобретения участка бумаги, Брон, разумеется, указал и номер своего телефона, ведь тот был чем-то вроде части его имени. Номер присваивали каждому при рождении, и оставался он на всю жизнь. Компьютеризованные каналы связи позволяли связаться с любым человеком на планете. Но кто мог искать его здесь? Насколько ему было известно, его номер знала только Леа Дэвис. Он вытащил компактный телефон — размером не более ладони и с вечной батарейкой — и выдвинул маленький экран. Перед Броном появилось цветное изображение, а из динамика донеслось

легкое шипение статики.

— Надо же, вы только представьте, я только что думал о вас, мисс Дэвис, — признался он. — Вот это совпадение!

— Еще бы, — ответила Леа, едва шевеля губами и словно выдавливая из себя слова. Красивая девушка выглядела измученной. Наверное, это смерть брата так сильно на нее повлияла. — Мне необходимо встретиться с вами… мистер Эрбер. Как можно скорее.

— Я так рад вас слышать, мисс Леа. Мне просто не терпится вас увидеть.

— Мне нужна ваша помощь, но нас не должны видеть вместе. Сможете прийти, когда стемнеет, к черному ходу мэрии? Я вас там встречу.

— Договорились, и можете на меня положиться, — заверил он и отключил аппарат.

Что бы это значило? Может, девушка узнала нечто такое, что никому пока не известно? Вполне вероятно. Но почему она обратилась к нему? Разве что губернатор рассказал ей, кто такой Брон. Очень может быть, ведь она его единственная помощница. К тому же привлекательная, когда не плачет.

Накормив стадо, Брон достал из чемодана чистую одежду и бритву…

Он ушел в сумерках. Квини, приподняв голову, наблюдала, как он уходил. Она оставалась за главного, пока хозяин не вернется. Все свиньи знали об этом, а Кёрли и Мо были готовы справиться с любыми неприятностями, если они возникнут. После дневных приключений Кёрли спал, мирно посапывая; рядом с ним спала усталая Жасмина. Все в порядке.

Подойти к мэрии со стороны неосвещенного запасного входа не составило труда — благо что предыдущим вечером он это уже проделал. Все же беготня и недосыпание сказывались, и Брон зевнул, прикрыв рот кулаком.

— Мисс Леа, вы здесь? — негромко позвал он, толкнув незапертую дверь.

В здании было темно, и Брон остановился на пороге.

— Да, я здесь, — послышался ее голос. — Заходите.

Брон распахнул дверь, вошел — и тут же получил сильный удар по голове. Боль на мгновение лишила его сознания. Он попытался что-то сказать, но не успел и лишь поднял руку. Новый удар пришелся ему по руке, она сразу же онемела и бессильно повисла. Третий удар погрузил Брона в глубокий мрак.

— Что случилось? — спросило колышущееся розовое пятно.

Брон поморгал, и ему удалось разглядеть встревоженное лицо губернатора.

— Это вас надо спросить, — хрипло ответил Брон.

Он почувствовал жуткую боль в голове и едва не потерял сознание снова. К шее прикасалось что-то влажное и холодное. Брон протянул руку и нащупал ухо Жасмины.

— По-моему, я велел убрать отсюда свинью, — произнес чей-то голос.

— Пусть останется, — с трудом произнес Брон. — И расскажите, что же произошло.

Он с предельной осторожностью повернул голову и обнаружил, что лежит в офисе губернатора. Рядом стоял похожий на доктора джентльмен со строгим лицом, на груди у него болтался стетоскоп. В дверях толпились еще несколько человек.

— Мы нашли вас здесь, — пояснил губернатор. — Это все, что нам известно. Я работал у себя в офисе, когда услышал вопли — как будто девушка кричит от сильной боли. Ужасные были вопли. Люди, которые здесь стоят, услышали крики с улицы, мы прибежали сюда. И нашли вас возле

задней двери — без сознания, с разбитой головой, а эта свинья стояла рядом и вопила. Никогда бы не подумал, что животное способно издавать подобные звуки. Она никого к вам не подпускала — стояла и весьма угрожающе скалила клыки. Когда пришел доктор, она немного успокоилась, а затем позволила ему подойти.

Брон быстро обдумал ситуацию — по крайней мере, настолько быстро, насколько был в состоянии думать, когда тупая боль раскалывала затылок.

— Тогда вы знаете столько же, сколько и я, — сказал он. — Я пришел сюда, чтобы выяснить кое-что о моих бумагах по поводу земельного участка. Дверь была заперта, и я подумал, что, может быть, смогу войти с черного хода, если в здании еще кто-нибудь есть. Я вошел через заднюю дверь, и что-то ударило меня. Больше я ничего не помню. А потом я очнулся здесь. Наверное, мне надо благодарить Жасмину. Скорее всего, она пошла за мной и увидела, как мне врезали. Тут она, должно быть, завизжала — вы же слышали — и наверняка тяпнула за лодыжку того, кто меня ударил. Зубы-то у свиней еще какие! Вероятно, она испугала его, кто бы это ни был. — Брон застонал — это было нетрудно. — Дали бы

вы мне что-нибудь от головы, док…

— Не исключено сотрясение мозга, — предупредил доктор.

— Я рискну, док: лучше небольшое сотрясение, чем две половинки головы.

Когда доктор закончил свое дело, а толпа разошлась, боль в голове стала вполне терпимой. Брон погладил ссадину на руке, которую только что обнаружил. Он подождал, пока губернатор закроет и запрет дверь, и лишь тогда заговорил:

— Я не все вам рассказал.

— А я и не думал, что все. Так что же произошло?

— Меня ударил один или несколько неизвестных — и тут я сказал правду. Если бы Жасмина не проснулась, не обнаружила, что меня нет, и не впала бы в истерику, я, вероятно, сейчас был бы уже мертв. Это была ловко подстроенная ловушка, и я угодил в нее.

— Что вы имеете в виду?

— То, что в этом замешана Леа Дэвис. Она позвонила мне, назначила встречу и ждала здесь, когда я пришел.

— Вы хотите сказать…

— Я уже сказал. А теперь попросите девушку прийти сюда, чтобы она сама все объяснила.

Губернатор пошел к телефону, а Брон медленно спустил ноги на пол и решил выяснить, что будет, если он встанет. Ощущение оказалось не из приятных. Он стоял рядом с кушеткой, вокруг медленно вращалась комната, а пол качался, словно палуба корабля. Жасмина прижалась к его ноге и сочувственно застонала.

Когда мебель перестала двигаться, а комната — вращаться, Брон поковылял на кухню.

— Не могу ли я вам помочь, сэр? — спросила автоматическая кухня, когда он вошел. — Не закажете ли вы что-нибудь перекусить?

— Только черный кофе — и побольше.

— Сию секунду, сэр. Но специалисты по питанию утверждают, что кофе вредно пить на пустой желудок. Возможно, сэндвич из слегка поджаренных тостов или котлета гриль…

— Заткнись! — (Голова снова заболела.) — Я очень не люблю ультрасовременные роботизированные кухни, которые слишком много болтают. Мне больше по душе старые модели, у которых лишь загорается лампочка «Готово» — и это все, что они умеют говорить.

— Ваш кофе, сэр, — сказала кухня явно обиженным тоном.

Над стойкой распахнулась дверца, и появился

дымящийся кофейник. Брон огляделся:

— А как насчет чашки? Или мне придется пить из ладони?

— Ах, чашку. Ну конечно, сэр. Вы же не сказали, что желаете чашку.

Внутри машины что-то стукнуло, и по наклонной дощечке скатилась щербатая чашка.

«Как раз то, что нужно, — подумал Брон. — Темпераментная кухня-робот».

Вошла Жасмина, постукивая копытцами по полу.

«Надо бы скорее помириться с кухней, а то как бы мне не влетело от губернатора».

— Раз уж ты заговорила о еде, кухня, — сказал он самым льстивым тоном, какой только смог изобразить, — то я, признаться, много слышал о том, как ты замечательно готовишь. Не сделаешь ли ты мне яйца по-бенедиктински?

— Секундное дело, сэр, — радостно откликнулась кухня, и вскоре перед ним появились исходящая паром тарелка, сложенная салфетка, нож и вилка.

— Чудесно, — сказал Брон, ставя тарелку перед Жасминой. — Никогда не ел ничего вкуснее.

В комнате раздалось громкое чавканье.

— Действительно, вы очень быстро едите,

сэр, — проворковала кухня. — Наслаждайтесь, наслаждайтесь.

Прихватив кофе, Брон прошел в соседнюю комнату и осторожно уселся на кушетку. Губернатор взглянул на него, держа в руке телефон, и встревоженно нахмурился.

— Ее нет дома, — сообщил он, — и у друзей нет, я справлялся. Ближайшие кварталы осмотрел патруль, а я послал общий вызов на все местные телефоны. Никто ее не видел. Бесследно исчезла. Быть такого не может. Попробую вызвать станцию на шахте.

Губернатору потребовалось больше часа, чтобы окончательно убедиться: Леа исчезла. Освоенная часть Троубри занимала небольшую площадь, и любому человеку можно было позвонить. Никто не видел ее и не знал, где она. Она пропала. Брон догадался об этом задолго до того, как губернатор согласился признать сей факт, — и знал, что следует делать. Он развалился на кушетке и задремал, положив ноги на теплый бок Жасмины. Свинка мгновенно заснула, наслаждаясь заслуженным отдыхом.

— Она пропала, — сказал Хейдин, закончив последний телефонный разговор. — Как такое могло произойти? Она не может иметь отноше-

ние к нападению на вас.

— Может — если ее заставили.

— О чем это вы?

— Просто высказываю предположение, но оно имеет смысл. Предположим, что ее брат не погиб…

— Что вы сказали?

— Дайте мне закончить. Допустим, ее брат жив, но в смертельной опасности. И у нее есть шанс спасти его, если она сделает то, что ей приказали, — то есть вызовет меня сюда. Не будем плохо о ней думать: вряд ли она знала, что меня хотели убить. Должно быть, она стала сопротивляться, поэтому ее увезли.

— Что вы еще знаете, Эрбер?! — воскликнул губернатор. — Расскажите все. Я здесь губернатор и имею право знать.

— И узнаете, когда у меня будет что сказать, кроме догадок и предположений. Эти нападение и похищение означают, что кому-то очень не по душе мое присутствие здесь, а еще то, что я близок к разгадке. Я собираюсь ускорить события, и посмотрим, удастся ли мне застать эти «привидения» врасплох.

— Так вы полагаете, что между этими событиями и плато Духов есть связь?

— Я это знаю. Вот почему я хочу, чтобы утром всем стало известно, что я собираюсь завтра отправиться на свой земельный участок. Сделайте так, чтобы все узнали, где он находится.

— Где?

— На плато Духов — где же еще?

— Это самоубийство!

— Не совсем. У меня есть кое-какие догадки о том, что там произошло, и, надеюсь, способы защиты. Кроме того, со мной моя команда, а они сегодня уже дважды показали себя в деле. Я иду на риск, но придется рискнуть, иначе вряд ли останется надежда вновь увидеть девушку живой.

Хейдин сжал кулаки, положил руки на стол и задумался.

— Я могу запретить такое, но не стану, если вы сделаете все, что я велю. Непрерывная радиосвязь, вооруженная охрана, вертолеты наготове…

— Нет, сэр, большое вам спасибо, но я помню, что случилось с последним отрядом, который пытался исследовать плато таким образом.

— Тогда я сам пойду с вами. Я отвечаю за девушку. Или вы берете меня с собой, или никуда не пойдете.

Брон улыбнулся:

— Вот это другое дело, губернатор. Мне не помешает лишняя пара рук, а возможно, и свидетель. Этой ночью на плато будет очень весело. Но только никакого оружия!

— Это самоубийство!

— Вспомните первую экспедицию и делайте все так, как я скажу. Я оставлю здесь бóльшую часть снаряжения. Думаю, вы сможете договориться, чтобы его перевезли на склад и хранили, пока мы не вернемся. Полагаю, вы понимаете, что у всех моих поступков есть причина.

6

Брон ухитрился проспать десять часов кряду, потому что чувствовал: еще одну ночь без сна он не выдержит. К полудню пришел грузовик, забрал его вещи и уехал, после чего отряд отправился в путь. Губернатор оделся, как и полагается в таких случаях, в подходящую одежду из грубой ткани и охотничьи сапоги и возглавил процессию. Нельзя сказать, что они шли слишком быстро; приходилось подстраиваться под самого медлительного поросенка, со всех сторон доносилось шумное похрюкивание, а самые шустрые свиньи ухитрялись на ходу перекусить тем, что росло по обочинам. На сей раз они двигались по тому пути,

где прошла первая экспедиция, — извилистой тропе, которая постепенно взбиралась на плато, большей частью пролегая рядом с большой мутной речкой. Брон показал на нее.

— Эта река течет с плато? — спросил он у губернатора.

Хейдин кивнул:

— Та самая. Она начинается вон в тех горах впереди.

Брон кивнул и бросился на помощь визжавшему поросенку, который ухитрился застрять в расщелине.

Они разбили лагерь перед закатом — на поляне рядом с той, где встретила конец предыдущая экспедиция.

— По-вашему, это хорошая идея? — спросил Хейдин.

— Отличная. Здесь лучшее место для воплощения наших планов. — Он посмотрел на солнце, низко висящее над горизонтом. — Давайте поедим. Хочу, чтобы мы управились со всеми делами до темноты.

Брон установил огромную палатку, в которой ничего не было — точнее, ничего, кроме двух складных стульев и аккумуляторного фонаря.

— Вам не кажется, что обстановка чересчур

спартанская? — осведомился Хейдин.

— Не вижу смысла в том, чтобы тащить барахло за сорок пять световых лет лишь для того, чтобы его здесь уничтожили. Со стороны видно, что мы разбили лагерь, — а это самое главное. Все необходимое снаряжение здесь. — Он похлопал по небольшому пластиковому мешку, висящему у него на плече. — А теперь давайте поужинаем.

Столом послужил пустой ящик из-под свиного корма. Хороший офицер всегда в первую очередь заботится о подчиненных, поэтому животные были накормлены в первую очередь.

Брон поставил на стол два саморазогревающихся обеда, пробил в банках отверстия и вручил Хейдину пластиковую вилку.

Когда они кончили есть, было уже почти темно. Брон высунулся из палатки и свистом подозвал Кёрли и Мо. Боровы примчались на полной скорости и резко затормозили, пробороздив землю.

— Хорошие ребята, — сказал Брон, почесывая щетинистые загривки. Свиньи довольно захрюкали и посмотрели на хозяина. — Знаете, они считают, что я их мать. — Он спокойно выждал, пока Хейдин боролся с выражением на лице, побагровев от усилий. — Звучит немного странно, но это правда. Их отделили от остальных поросят

сразу после рождения, и я вырастил их сам. Поэтому для них я «впечатался» как родитель.

— Их родителями были свиньи. На мой взгляд, вы не очень-то похожи на свинью.

— Просто вы не слышали о «впечатывании», или импринтинге. Известно: если котенок растет вместе со щенками, то он всю жизнь считает себя собакой. Это гораздо больше, чем простая ассоциация, оставшаяся с раннего детства. Здесь действует физический процесс, называемый импринтингом. Он заключается в том, что существо, которое животное видит, впервые открыв глаза, осознается им как родитель. Обычно это и есть родитель — но не всегда. Котенок думает, что его мать собака. Эти два огромных борова тоже считают, что я их родитель, хотя вам такое кажется физически невозможным. Я в этом убедился, прежде чем начал их тренировать. Это единственный способ, при помощи которого я могу чувствовать себя среди них в полной безопасности, потому что, какими бы умными они ни были, они продолжают оставаться раздражительными и смертельно опасными животными. Это также означает, что я в безопасности, когда они рядом. Если кто-нибудь станет мне хотя бы угрожать, его порвут за несколько секунд. Я говорю это для

того, чтобы вы не делали глупостей. А теперь не будете ли вы так любезны и не отдадите ли пистолет, который обещали не брать?

Рука Хейдина потянулась к карману брюк и тут же замерла, едва боровы повернулись к нему в ответ на его движение. Брон продолжал чесать им загривки, и капельки слюны стекали у счастливого Мо с кончиков десятидюймовых клыков.

— Он мне нужен для самозащиты, — запротестовал Хейдин.

— Вы будете в большей безопасности без него. Выньте его, только медленно.

Хейдин осторожно вытащил компактный энергетический пистолет и бросил его Брону. Тот поймал оружие и повесил его на крючке возле фонаря.

— Теперь выверните карманы, — сказал он. — Я хочу, чтобы все металлическое осталось на этом ящике.

— Зачем?

— Мы поговорим об этом позднее, а сейчас у нас мало времени. Выворачивайте.

Хейдин взглянул на свиней и начал опустошать карманы, Брон занимался тем же. На ящике появилась коллекция монет, ключей, перочинных ножей и мелкого инструмента.

— Жаль, что ничего нельзя сделать с металлическими крючками в ваших сапогах, но не думаю, что они причинят вам большие неприятности. Сам-то я надел эластичные ботинки.

Уже стемнело, и Брон увел своих подопечных в ближние заросли, распределив под деревьями в доброй сотне ярдов от просеки. В палатке осталась только умная Квини, которая тяжело улеглась на землю возле его стула.

— Я требую объяснений, — сказал губернатор.

— Не отвлекайте меня; пока у меня есть только предположение. Если до утра ничего не произойдет, то вы получите все разъяснения — вместе с извинением. Разве она не красавица? — добавил он, кивая на массивную свинью возле ног.

— Пожалуй, я использовал бы для ее описания другое слово.

— Дело ваше, только не произносите его вслух. Квини довольно хорошо понимает сказанное, и мне не хочется, чтобы она обиделась. А все из-за непонимания. Свиней называют грязными только потому, что их заставляют жить в грязи. По природе они очень чистоплотные и разборчивые животные. Они могут быть толстыми. У них есть склонность к неподвижности и тучности — совсем как у людей, — поэтому они набирают вес,

если хватает еды. И вообще, они гораздо ближе к людям, чем любые другие животные. Они зарабатывают себе язвы и сердечные приступы точно таким же способом, что и мы. Как и у людей, у них нет волос на теле, и даже зубы у них вроде наших. Да и темперамент тоже. Сотни лет назад древний психолог Павлов, который проводил научные эксперименты на собаках, попытался сделать то же самое со свиньями. Но как только он помещал их на операционный стол, они начинали вырываться и отчаянно визжать. Он сказал, что у них «врожденная истерия», и вернулся к собакам. Это доказывает, что даже самые умные люди не всегда делают правильные выводы. Свиньи были не истеричными, а всего лишь здравомыслящими, это у собак не хватало соображения. Свиньи реагировали так же, как повел бы себя человек, если бы его попытались связать для быстрой вивисекции… Что там, Квини?

Брон спросил это, потому что Квини внезапно подняла голову, насторожила уши и выразительно хрюкнула.

— Ты что-то слышишь? — Свинья снова хрюкнула и поднялась. — Похоже на шум приближающихся моторов?

Квини очень по-человечески кивнула.

— Скорее в лес — прячьтесь за деревьями! — крикнул Брон, поднимая Хейдина. — И поторопитесь, иначе станете покойником.

Они помчались со всех ног и уже оказались среди деревьев, когда до их ушей донесся нарастающий вой. Хейдин открыл было рот, чтобы что-то спросить, но Брон ткнул его лицом в листья.

На просеке показался воющий и ревущий предмет, заслоняющий звезды. Это было что угодно, только не привидение, — но что? Сверху посыпались листья и мусор, и Хейдин почувствовал, как что-то дернуло его за ноги с такой силой, что они подскочили. Он снова попытался о чем-то спросить, но тут Брон свистнул в пластиковый свисток и заорал:

— Кёрли, Мо — в атаку!

В ту же секунду он выхватил из мешка похожий на палку предмет и бросил его на просеку. Тот упал, хлопнул и залил все вокруг ослепительным светом.

Темная тень оказалась машиной, что было вполне очевидно: круглая, черная, шумная, не менее десяти футов в диаметре, она висела в футе над грунтом, а по ее окружности располагалось несколько дисков. Один из них развернулся в сторону палатки, раздалась серия хлопающих

взрывов, и разодранная палатка рухнула.

Прошло несколько секунд, прежде чем с противоположной стороны просеки выскочили атакующие боровы. Они мчались с невероятной скоростью, как боевые машины, пригнув головы и быстро перебирая ногами. Один из них врубился в бок машины на долю секунды раньше второго. Раздался металлический лязг и визг поврежденного двигателя, аппарат качнулся, наклонился и едва не перевернулся.

Другой боров, чей разум оказался столь же быстрым, как и его рефлексы, мгновенно воспользовался ситуацией и, с разбегу взвившись в воздух, перепрыгнул через борт в открытую сверху машину. Хейдин был потрясен. Машина уже почти касалась земли: то ли из-за поврежденных двигателей, то ли из-за веса обеих свиней — первое животное тоже вскарабкалось на борт и почти исчезло внутри. Сквозь рев двигателя стали слышны громкие удары, лязг ломающегося металла и пискливые вопли. Что-то задребезжало и лопнуло, двигатель вырубился с затихающим свистом. Когда он почти замер, они услышали, как приближается вторая машина.

— Еще одна идет! — крикнул Брон, вскочил и снова свистнул.

Один из боровов высунул голову из обломков машины и спрыгнул на землю. Второй продолжал шумную работу. Первый рванулся в сторону приближавшегося звука и очутился рядом с машиной как раз в тот момент, когда та показалась на краю просеки. Он тут же бросился в атаку и ткнул машину клыками. Что-то порвалось, и с бока аппарата свесился длинный лоскут черного материала. Машина дернулась: ее водитель, должно быть, увидел обломки первой, потому что аппарат резко развернулся и исчез в том направлении, откуда прибыл.

Брон зажег вторую осветительную шашку и бросил ее возле сгоревшей первой. Это были шашки, рассчитанные на две минуты горения, а от начала до конца событий прошло еще меньше времени. Брон направился к обломкам машины, Хейдин заторопился следом. Боров спрыгнул на землю и постоял, тяжело дыша, затем вытер клыки о траву.

— Что это? — спросил Хейдин.

— Ховеркрафт — аппарат на воздушной подушке, — пояснил Брон. — Теперь они встречаются редко, но когда-то их широко использовали. Они могут передвигаться над любой открытой местностью или водной поверхностью, не оставляя

следов. Но над лесом или сквозь него они не пройдут.

— Никогда о них не слыхал.

— И не могли слышать. С тех пор как стали широко использовать передачу энергии по лучу и емкие аккумуляторы, придумали гораздо лучшие средства передвижения. Но в одно время строились ховеркрафты размером с дом. Эти машины — нечто среднее между наземным и воздушным транспортом. Они летят по воздуху, но опираются на грунт с помощью воздушной струи под днищем.

— Вы знали, что такие машины появятся, и поэтому спрятали всех в лес?

— Подозревал. И у меня были на то очень веские причины.

Брон указал внутрь разбитого аппарата. Хейдин заглянул туда и в ужасе отпрянул.

— Кажется, я позабыл о них. Полагаю, все тоже забыли, — пробормотал губернатор. — Я видел инопланетян только на рисунках, поэтому они для меня не очень реальны. Но эти существа… кровь… зеленая кровь. Похоже, они все мертвы. Серая кожа, трубчатые конечности. Судя по тем рисункам, что я видел, кажется, это…

— Сулбани. Вы правы. Одна из трех разумных

рас инопланетян, встреченных людьми во время расселения по Галактике, — и единственная, обладавшая межпространственным двигателем до того, как мы появились на сцене. Они успели застолбить свой небольшой уголок Галактики и совсем не обрадовались нашему появлению. Мы старались держаться от них подальше и пытались убедить, что не претендуем на их планеты. Некоторых людей очень трудно убедить. Некоторых инопланетян — еще труднее. А сулбани худшие из них. Подозрительность у них в крови.

Все указывало на их присутствие здесь, на Троубри, но я не мог быть абсолютно уверен, пока не столкнулся с ними лицом к лицу. Использование высокочастотного оружия для них типично. Вы знаете, что если частоту звука поднимать все выше и выше, то человек уже не воспринимает его как звук, хотя животные продолжают его слышать. Поднимите частоту еще выше, и животные тоже перестанут воспринимать звук — но вполне смогут ощущать его, как и мы. Ультразвук способен проделывать многие странные вещи.

Он ткнул ногой в один из боковых дисков, похожих на микроволновую антенну.

— Это был первый намек. Они поставили в лесу ультразвуковые излучатели, работающие

на частоте, которая не слышна, но вызывает у большинства животных чувство страха и напряженности. Вот откуда взялась та призрачная аура, заставлявшая людей держаться подальше от плато. — Он просвистел для стада сигнал сбора. — Животные, как и люди, бегут от источника излучения, и они использовали это, чтобы согнать в нашу сторону самых опасных местных животных. Когда же это не помогло и мы вернулись на плато, они применили самое мощное оружие. Посмотрите на свои ботинки — и на этот фонарь.

Хейдин ахнул. В его ботинках исчезли колечки для шнурков, а из рваных дырок торчали обрывки кожи. Фонарь, как и все металлические предметы погибшей экспедиции, был скручен и искорежен.

— Магнитострикция, — пояснил Брон. — Они излучали переменное магнитное поле огромной напряженности. Эта технология используется на заводах для формования металла, но и вне заводов она работает столь же успешно. После этого дело завершают ультразвуковые излучатели. Даже обычный радар обожжет вас, если стоять с ним рядом, а ультразвук определенной частоты способен мгновенно испарить воду и взорвать

органические материалы. Так они расправились с людьми в этом лагере — внезапно налетели и застали их в палатках, набитых снаряжением, которое стало взрываться и ломаться, что помогло выгнать людей наружу. А теперь пора идти.

— Не понимаю, что все это значит. Я…

— Потом. Надо поймать того, кто убежал.

На краю просеки, в глубине которой скрылась вторая машина, они подобрали оторванную полосу черного пластика.

— Кусок юбки ховеркрафта, — пояснил Брон. — Она удерживает воздух и создает дополнительную тягу. С его помощью мы их и выследим. — Он протянул кусок Квини, Жасмине и другим свиньям, толпившимся вокруг. — Знаете, собаки идут по следу, ощущая рассеянный в воздухе запах, а у свиней нюх такой же, если не острее. В Англии многие годы использовали охотничьих свиней, и еще их учили искать трюфели. Они взяли след!

Похрюкивая и повизгивая, вожаки стада побежали в темноту. Двое людей, спотыкаясь, двинулись за ними, следом — и остальные свиньи. Через несколько шагов Хейдину пришлось остановиться и связать ботинки полосками, оторванными от носового платка, иначе он не мог

бежать. Он держался за пояс Брона, а тот, в свою очередь, за толстую щетину на спине Кёрли, и в таком порядке они продирались через лес. Ховеркрафту приходилось двигаться над открытыми местами, в противном случае эта безумная гонка оказалась бы невозможной.

Когда впереди замаячила темная масса гор, Брон свистком дал команду остановиться.

— Стоять, — приказал он. — Останетесь с Квини. Кёрли, Мо и Жасмина — со мной!

Они медленно продвигались вперед, пока трава не уступила место россыпи камней у подножия почти вертикальной стены. Слева в узком ущелье бурлила река.

— Вы же говорили, что эти штуки не летают, — сказал Хейдин.

— Конечно не летают. Жасмина, след!

Подняв голову и принюхиваясь, маленькая свинка уверенно пробралась между обломками камней и указала носом на голую поверхность скалы.

7

— А что, если где-то здесь потайной ход? — спросил Хейдин, ощупывая шероховатую поверхность скалы.

— Наверняка, но у нас нет времени отыскивать ключ. Идите за ту скалу и ждите там, пока я его не вскрою.

Он вынул из мешка бруски похожей на глину взрывчатки и прилепил их к скале в том месте, куда показала Жасмина. Потом воткнул в один из брусков взрыватель, дернул запал и побежал. Едва он успел броситься на землю рядом с остальными, как в небо взметнулось пламя, земля вздрогнула и сверху посыпался каменный дождь.

Они пробежали сквозь облако пыли и увидели свет, льющийся из узкого отверстия в скале. Боровы бросились вперед и расширили дыру. Проникнув в нее, преследователи обнаружили металлическую дверь, которая открывала доступ в большую пещеру. Брон закусил губу и стал разглядывать туннель, уходящий в глубину скалы.

— Что дальше? — спросил Хейдин.

— Про это я как раз и думаю. Ночью и на открытом месте я бы рискнул выставить своих свиней против сулбани — или даже против людей, если на то пошло. Но эти туннели для них — смертельная ловушка. Даже скорость не спасет их от огнестрельного оружия. Но придется рискнуть. Всем прижаться к стене!

Губернатор повиновался достаточно быстро, но для того, чтобы заставить подчиниться возбужденных боровов, пришлось подергать их за хвосты и несколько раз хорошенько пнуть. Только когда все заняли исходную позицию, Брон повернул рубильник на стене входного шлюза туннеля. Большая металлическая дверь медленно пошла вверх — и тут же в образовавшийся просвет с шипением ворвались лазерные лучи.

— Ангар ховеркрафтов, — прошептал Брон. — Похоже, что некоторые еще здесь.

Боровам не нужно было приказывать. Дрожа от нетерпения, они ждали. Наконец просвет расширился настолько, что они смогли бы в него пролезть. И в то же мгновение оба борова нырнули туда.

— Ничего не ломать! — крикнул им вслед Брон.

Лазерный луч снова бешено заметался, потом погас. Изнутри донесся громкий треск.

— Теперь можно войти, — сказал Брон.

В пещере с обработанными стенами они обнаружили тело лишь одного сулбани. Скорее всего, это был механик, потому что со стоящего здесь ховеркрафта была снята разорванная юбка, а новая стояла рядом. Брон переступил через труп

и поднял лазерное ружье.

— Никогда из такого не стреляли? — спросил он.

— Нет, но не прочь поучиться.

— В другой раз. Я на этих стрелялках собаку съел и с радостью покажу, как такими пользоваться. Оставайтесь тут.

— Нет.

— Дело ваше. Тогда следуйте за мной. Возможно, я и вам добуду оружие. Пойдем быстрее, внезапность — наше преимущество.

В сопровождении двух боровов Брон и Хейдин осторожно зашагали по хорошо освещенной пещере. Неприятности начались возле пересечения с другим туннелем. Когда до перекрестка осталось метров двадцать, откуда ни возьмись выскочил сулбани с ружьем на изготовку. Брон выстрелил с бедра, вроде и не целясь, но инопланетянин рухнул на пол туннеля.

— Взять их! — крикнул Брон.

Боровы метнулись вперед, каждый в свой конец перекрестка туннелей. Брон стрелял поверх их голов, поочередно в каждую сторону, пока воздух не стал потрескивать и светиться от лазерных разрядов. Хейдин и Брон побежали тоже, но, когда они достигли перекрестка, битва уже

закончилась. Мо обожгло бок, но это его не остановило, а только разозлило. Сопя, как паровоз, он разваливал сделанную на скорую руку баррикаду из ящиков и мебели.

— Вот вам оружие, — сказал Брон, протягивая неповрежденный лазер. — Я поставил его на одиночные выстрелы, мощность максимальная. Надо лишь прицелиться и нажать на спуск. А теперь пошли. Они уже знают, что мы здесь, но, к счастью, не готовы к битве внутри своего убежища.

Они побежали, рассчитывая на скорость и внезапность и останавливаясь лишь тогда, когда натыкались на сопротивление. Пробегая мимо входа в один из туннелей, они услышали отдаленные крики. Брон остановился и подозвал остальных.

— Слышите? Там. Похоже на голоса людей.

В скалу была вмурована металлическая дверь, но луч лазера превратил замок в расплавленную лепешку, и Брон толчком распахнул дверь.

— Я уже думала, что нас никогда не найдут и мы умрем здесь, — сказала Леа Дэвис.

Она вышла из пещеры, ее поддерживал высокий человек с такими же медного цвета волосами.

— Хью Дэвис? — спросил Брон.

— Он самый, но давайте отложим более тесное знакомство на потом. Когда они тащили меня сюда, я успел увидеть довольно много. Главное здесь — центральный пост управления. Оттуда управляют всем, даже электростанцией, которая находится рядом. Там же и оборудование для связи.

— Я иду с вами, — решил Брон. — Если пост окажется в наших руках, мы сможем отключить энергию и вынудим их действовать в темноте. Моим боровам это понравится. Они проберутся по туннелям и позаботятся о том, чтобы наши знакомые не скучали, пока не прибудет милиция. Оттуда же мы свяжемся с городом.

Хью Дэвис показал на лазерное ружье в руках Хейдина.

— Не одолжите ли мне ружье, губернатор? Мне надо вернуть несколько старых долгов.

— Держите. А теперь показывайте дорогу.

Благодаря боровам схватка за пост управления оказалась недолгой. Почти вся мебель была разломана, но аппаратура вроде бы не пострадала.

— Встаньте пока возле входа, Хью, — велел Брон, — потому что я умею читать на сулбанском, а вы, вероятно, нет.

Он что-то пробормотал себе под нос, потом удовлетворенно улыбнулся:

— «Цепи освещения» — подпись может означать только это.

Он ткнул кнопочку, и все светильники одновременно погасли.

— Надеюсь, что темно стало везде, а не только на посту управления, — сказала Леа Дэвис из темноты.

— Конечно везде, — отозвался Брон. — Так, а включение аварийного освещения для этой комнаты должно быть здесь.

На потолке замигали и зажглись редкие синие лампы. Леа облегченно вздохнула.

— Честное слово, я уже стала волноваться, — сказала она.

Боровы выжидательно смотрели на Брона, их глазки недобро светились.

— Идите, ребята, — разрешил Брон. — Только постарайтесь не пораниться.

— Вряд ли им это грозит, — заметил Хью, когда два больших зверя пулей вылетели за дверь, дробно стуча копытами. — Я видел, как они работают, и счастлив, что не стал объектом их внимания.

Отдаленный грохот и вопли подтвердили его слова.

Губернатор Хейдин оглядел ряды приборов и кнопок.

— А теперь, — сказал он, — когда все успокоились, а непосредственной опасности пока нет, не снизойдет ли кто-нибудь до того, чтобы объяснить мне, что здесь происходит и для чего все это предназначено?

— Шахта. — Хью указал на схему туннелей на дальней стене. — Секретная урановая шахта, работающая уже много лет. Не знаю, как они вывозили металл, но здесь они его добывали и частично очищали с помощью автоматического оборудования, а пустую породу мололи и сбрасывали в реку.

— Я расскажу, что происходило потом, — сказал Брон. — Когда набиралась партия груза, его поднимали на катере в космос и перемещали на звездолет. У сулбани весьма обширные планы относительно расширения своей зоны контроля на большие космические пространства. Но им не хватает энергетических металлов, а Земля делает все, чтобы ситуация не изменилась. Одна из причин, по которым эту планету заселили, как раз и заключается в том, что она расположена вблизи сулбанийского сектора. И хотя нам самим не нужен уран, мы не хотим, чтобы он попал к ним.

Патруль и понятия не имел, что они добывают уран на Троубри, — хотя знал, что они где-то его берут, — но не исключал такую вероятность. И когда местный губернатор направил нам запрос о помощи, эти подозрения усилились.

— И все-таки не понимаю, — сказал Хейдин. — Мы бы засекли любой корабль, садящийся на планету, — наш радар работает хорошо.

— Не сомневаюсь, что он прекрасно работает, — но у инопланетян был как минимум один сообщник среди людей, который обеспечивал секретность таких посадок.

— Среди людей!.. — ахнул Хейдин. От этой мысли его кулаки сжались. — Невозможно! Предатель человечества. Кто бы это мог быть?

— Это же очевидно, — сказал Брон. — После того, как подозрение насчет вас отпало…

— Меня?!

— Вы были под сильным подозрением — потому что ваша должность идеально этому способствовала. Именно поэтому я не был с вами особенно откровенным. Но вы ничего не знали о ховеркрафтах и погибли бы при атаке, если бы я не бросил вас на землю, поэтому я вычеркнул вас из списка подозреваемых. Остался единственный человек — радиооператор Реймон.

— Верно, — подтвердила Леа. — Он дал мне поговорить с Хью по телефону, а потом заставил позвонить вам, угрожая в противном случае убить Хью. Он не сказал, зачем хотел увидеться с вами, я не знала…

— Вы и не могли знать, — улыбнулся ей Брон. — Вряд ли он похож на убийцу и, должно быть, выполнял инструкции сулбани, которые хотели от меня избавиться. Реймон зарабатывал тем, что «не видел» их корабли на радаре. И обеспечил нарушение радиосвязи с экспедицией Хью в тот момент, когда на них напали сулбани. Вероятно, он записывал нужные сигналы и дал убийцам час или два, чтобы закончить свое дело, прежде чем сообщил, что связь прервана. Это прибавило таинственности всей трагедии. А теперь, губернатор, я надеюсь, что вы дадите благоприятный отзыв об этой операции СВИН.

— Наилучший из возможных, — сказал Хейдин. Он взглянул на Жасмину, которая пробралась на пост и разлеглась у его ног, грызя плитку сулбанийского концентрата. — Более того, я почти готов принести клятву не есть свинины до конца своих дней.

Когда начальник академии смолк, выпускники после секундного молчания разразились востор-

женными криками и зааплодировали. Но как только офицер поднял руку, шум мгновенно утих.

— Я понимаю вашу реакцию. Именно такие операции принесли Свиным войскам индивидуального назначения тайную славу во всей Галактике. Они отлично выполняли задания, которые им поручали. Однако, чтобы попасть в СВИН, патрульный должен обладать определенными навыками и склонностями. Как минимум он обязан любить свиней.

В нашей переиндустриализованной Галактике многие в глаза не видели никаких животных, не говоря уже о свинье. Кроме того, я заметил, что некоторые из вас аплодировали не так восторженно. Этим кадетам я могу сказать — не волнуйтесь. Для особых заданий отбираются только добровольцы. Поверьте, таких заданий хватит с лихвой на всех. И если машины вам нравятся больше живых существ, то и в этом случае вам представится немало возможностей блеснуть своими умениями. Кстати, о машинах... Я вспомнил о далекой планете Слагтер и об истории, которая произошла на ней не так уж давно...

Наш человек из РОБОТ

1

Потрепанный корпус корабля еще подрагивал после посадки, а грузовой люк уже со скрипом открылся. С механическим проворством стрела крана с клешней на конце установила на опаленном грунте прилавок с многочисленными выдвижными ящичками, затем извлекла пестрый, усеянный заплатками тент и натянула его над прилавком. Столь же быстро следом появились стулья, ящики, роботы, охладитель для воды, кассовый аппарат, плевательница и еще великое множество всякой всячины.

Как бы ненароком в разгар этой бурной активности из люка с лязгом вывалилась металлическая лестница. По ней, уклонившись от стрелы, спустился человек в цветастом клетчатом комбинезоне. На голове у него под невероятным углом сидела шляпа с загнутыми полями, в древности такие именовали «дерби». Еще не сойдя на землю, он уже изрядно вспотел. Звали его Генри Венн, хотя друзья обращались к нему по-простому — Хенк.

Волоча ноги и взбивая подошвами пыль, он подошел к длинному прилавку, плюхнулся на стул и коснулся клавиши. Из динамиков грянула музыка. Пока он опустошал бумажный стаканчик с охлажденной водой, музыка смолкла, сменившись записью голоса самого Хенка, запущенной на максимальную громкость:

— Хватайте, налетайте, покупайте — пока товар горячий, холодный или хотя бы тепленький! Никогда в жизни вы не увидите больше таких машин, такой домашней утвари и таких роботов! Так ПОКУПАЙТЕ, ПОКУПАЙТЕ, ПОКУПАЙТЕ их, пока они еще не раскуплены!

Столь назойливая реклама и суета в этом безлюдном месте выглядели совершенно неуместными. В небе полыхало оранжевое солнце, поднимая от земли волны горячего воздуха. Звездолет приземлился в дальнем конце космопорта, представлявшего собой не что иное, как расчищенное и огороженное поле. На другом его конце сквозь колышущееся раскаленное марево едва просматривались вышка диспетчера и портовые сооружения. Солнце выжигало землю, вокруг не было никакого движения. Генри приподнял шляпу, вытер носовым платком лоб, кожаный ободок внутри шляпы и снова нахлобучил ее на

себя. Веселая музыка рвалась из динамиков и тут же глохла в пропитанной жарой тишине.

У края посадочного поля проявились признаки жизни. Нечто пока еще непонятное, скрытое в облаках пыли, быстро увеличиваясь в размерах, двигалось к кораблю. Генри оглушил рев. Чтобы не ослепнуть от пыли, он зажмурил глаза. Открыв их, Венн обнаружил материализовавшегося из пыльного облака крепкого телосложения человека, оседлавшего гусеничный мотоцикл. Незнакомец заговорил четко, и смысл его слов сомнений не вызывал:

— Залезай в свою жестянку и мотай отсюда.

— Я бы с радостью, — ответил Генри с дружелюбной улыбкой, — но, увы, не могу. В дюзе треснула втулка.

Наступило напряженное молчание, оба уставились друг на друга. Ничего похожего между ними не было. Человек, оседлавший тракоцикл — разновидность мотоцикла с гироскопическим стабилизатором и мощной гусеницей вместо колес, — был высоким, худощавым и загорелым. Он пристально смотрел на Генри из-под широкополой шляпы. Правая рука незнакомца покоилась на рукоятке пистолета, что выглядывал из потертой кобуры на правом бедре. Смотрелся он

довольно эффектно.

Венн, наоборот, вид имел вполне заурядный. Он был круглолиц и улыбчив, а некоторые острые языки называли его за глаза коротышкой. Если незнакомец восседал на своем тракоцикле прямо, то Генри обмяк на стуле, влажная от пота, не знавшая загара рука, потянувшаяся к стакану с водой, заметно дрожала.

— Хотите попить? — спросил он. — Чистая холодная водичка. Меня зовут Венн, Генри Венн, для друзей — Хенк. Извините, не расслышал вашего имени… шериф, — добавил он, прочитав это слово на золотой бляхе, красующейся на широкой груди ее обладателя.

— Убирай свое барахло в корабль. И уматывай. У тебя есть две минуты, иначе я тебя пристрелю.

— Я бы с удовольствием выполнил вашу просьбу, поверьте. Но треснувшая втулка…

— Поставь запасную. И улетай.

— Я бы так и сделал, но у меня нет запасной. Вы, случайно, не знаете, можно ли раздобыть ее в порту?

— Уматывай, — повторил шериф, но уже не столь убедительно. Было очевидно, что он размышляет о том, как побыстрее спровадить чужака с планеты. Генри воспользовался его за-

мешательством и нажал кнопку на задней стенке прилавка.

— Добрый старый виски «С копыт долой», лучший в Галактике, — продребезжал металлический голос выпрыгнувшего из крышки прилавка робота. Выглядел он так, словно был сделан из обрезков труб, а вместо челюстей приспособлены плоскогубцы. Руки-клещи сжимали бутылку с янтарной жидкостью, которую он тут же протянул шерифу.

Тот среагировал мгновенно: выхватил длинноствольный пистолет и выстрелил. Когда смолк грохот и рассеялся дым, Генри обнаружил, что от бутылки остались одни осколки.

— Ты что, убить меня пытался? — взревел шериф, направляя на Генри пистолет и нажимая на спуск.

Генри не шевельнулся, улыбка не сходила с его лица. Курок щелкнул раз, другой, третий… С ужасом глядя на невозмутимого Генри, шериф сунул пистолет в кобуру, завел двигатель и рванул прочь, окутываясь клубами пыли.

— И что это было? — спросил Генри неизвестно у кого.

Хриплый голос прошептал ему в ухо:

— Индивидуум с оружием огнестрельного типа

намеревался причинить вам вред. Его оружие было изготовлено из стальных сплавов, поэтому я сгенерировал мощное локальное магнитное поле, не позволившее внутренним деталям оружия перемещаться, и тем самым вывел его из строя.

— Похоже, это вывело его из себя.

— Вряд ли. Оружие подобного типа подвержено неисправностям. Такая неисправность называется «осечка».

— Я это запомню, — сказал Генри, отхлебывая воду из стаканчика.

— Что вы запомните? — раздался писклявый голос по другую сторону прилавка.

Генри пришлось перегнуться, чтобы увидеть стоящего там мальчишку: голова паренька приходилась вровень с крышкой прилавка.

— Я запомню, что ты стал моим первым покупателем на этой планете, и поэтому должен получить особый приз первого покупателя.

Генри быстро постучал по встроенной в прилавок клавиатуре, и в крышке прилавка образовалось отверстие. Робот просунул в него трубчатую руку и ловко извлек полосатый леденец на палочке длиной чуть ли не в фут.

— Это что? — Паренек с подозрением уставился на гостинец.

— О, это очень вкусно! Возьмись за палочку и грызи с другого конца.

Мальчик тут же последовал совету и захрустел леденцом.

— А человек, который только что отсюда уехал, он кто? — спросил Генри.

— Шериф, — буркнул мальчик, не вынимая изо рта леденец.

— А другое имя у него есть?

— Шериф Мордрет. Ребята его не любят.

— Полностью с ними согласен.

— Что это у него? — послышался другой голос.

Генри повернулся и увидел мальчишку постарше, уже подростка, появившегося столь же тихо и незаметно, как первый.

— Леденец. Хочешь попробовать? Первый бесплатно.

После секундного размышления мальчишка кивнул. Генри наклонился к нижнему выдвижному ящику и что-то прошептал. Ребята его слышать не могли, но чуткие микрофоны корабля с легкостью уловили сказанное и передали на борт.

— Что за фокусы? Откуда взялись мальчишки? Ты что там, заснул? — раздался в ухе чей-то протестующий голос.

— Компьютеры не спят, — пришел ему на помощь компьютер. — Дети не вооружены и передвигаются очень осторожно. По моему мнению, они не представляют опасности. Еще пятеро приближаются к кораблю с разных сторон.

Вскоре один за другим ребята появились возле прилавка, и каждый получил бесплатный леденец. Генри нажал кнопку на кассовом аппарате, прозвенел звонок, выдвинулся лоток для денег, и в окошке возникла надпись: «ПОКУПОК НЕ БЫЛО».

— Такие дела, ребята, — сказал он им. — Нет покупок. Ни одной. Так что, будем брать еще сладости? У меня их целая куча. Игрушки, книги — только скажите, у меня все есть. Бегите домой, разбейте копилки и купите себе робота, карманную рацию или…

— Пистолет? — с надеждой спросил кто-то из мальчишек. — Мне бы пистолет не помешал.

— Робби уже большой, ему скоро будет нужен пистолет, — подтвердил самый маленький, и остальные закивали.

— Извини, но оружием я не торгую, — не моргнув глазом соврал Генри. — А если бы и торговал, то детям все равно бы не продал.

— Я попрошу у дяди, он мне даст пистолет, —

заявил Робби, сердито нахмурившись.

Кассовый аппарат весело позвякивал пару минут, пока мальчишки обменивали завалявшуюся в карманах мелочь на всякую всячину, которую обычно покупают ребята.

— Приятная у вас планета, — заметил Генри, подталкивая через прилавок к Робби стопку озвученных комиксов.

Парнишка стал перелистывать страницы, послышались звуки крошечных взрывов, обрывки слов и рев миниатюрных ракетных двигателей.

— Хорошая планета, если любишь коров, — пробурчал Робби, увлеченный новыми комиксами больше, чем разговором.

— И много у вас бывает гостей?

— Никого. Здесь, на Слагтере, чужих не любят.

— Ну, один-то должен был у вас побывать. Я слышал, что недавно в вашей системе проходила галактическая перепись. У вас ее, кажется, проводил коммандер Сергеев.

— Был здесь такой. — С раскрытых страниц комикса доносились писклявые вопли. — Только приземлился и сразу же улетел обратно…

Робби смолк и чуть наклонил голову. Потом закрыл комикс, положил на прилавок монету и зашагал прочь. Другие мальчишки тоже начали

расходиться, прижимая к себе покупки. Через несколько секунд возле прилавка никого не осталось.

2

— В чем дело? — вслух поинтересовался Генри.

— Со стороны диспетчерской космопорта приближается транспортное средство, — сказал компьютер. — Слух у мальчиков более тонкий, они заметили его раньше.

— Они молодые и могут слышать звуки более высокой частоты, — ответил на это Генри. — Теперь и я его слышу. И даже вижу, сколько от него пыли. К твоему сведению, умник-компьютер, зрение у меня — единица.

— Я просто отмечаю факты, — с механическим самодовольством отозвался компьютер.

На этот раз к кораблю приближался, ревя мотором, полугусеничный грузовик. Со скрежетом остановившись возле прилавка, он поднял столько пыли, что Генри утонул в ней с головой. Он чихнул. Неужели на Слагтере все так ездят?

Из кабины выпрыгнул человек, который вполне мог оказаться братом или близким родственником шерифа. Такая же широкополая шляпа, во взгляде сталь, выдубленная солнцем

кожа и пистолет наготове.

— Приветствую вас, незнакомец, — сказал Генри, заглядывая в щербатый ствол пистолета. — Я — Генри Венн, но друзья меня называют Хенк. А вас, должно быть, зовут…

В ответ на приветливый вопрос Генри получил лишь угрюмый взгляд исподлобья. Он улыбнулся и сделал еще одну попытку пойти на сближение:

— Ладно, не станем углубляться. Могу ли я что-нибудь для вас сделать? Не желаете ли маленькое транзисторное радио с крылышками, которое будет везде за вами летать и круглые сутки услаждать ваш слух приятными мелодиями…

— Втулка тридцать-эм три подходит для той вон фурыкалки, что стоит на бачке с болтами, на котором ты прилетел? — спросил незнакомец.

— Конечно, — просиял Генри. — А вы не знаете, где я могу ее раздобыть?

— Держи. — Незнакомец достал из кузова грузовика длинную керамическую трубу и положил ее на прилавок. — Это будет стоить ровно четыреста шестьдесят семь кредиток.

Генри кивнул и открыл ящик кассового аппарата.

— Могу дать три с четвертью кредиток наличными и остальное чеком.

— Только наличные.

— Тогда, боюсь, вам придется подождать, пока я не продам что-нибудь из моих замечательных товаров, потому что в данный момент у меня некоторые затруднения с наличностью.

Глаза мужчины сузились, пальцы забарабанили по рукоятке пистолета.

— Тогда вот что. Я согласен на обмен. За эту втулку ты мне дашь ружья, пистолеты, гранаты, взрывчат…

— Мне очень жаль, но я не торгую оружием. Зато у меня есть несколько первоклассных универсальных роботов.

— Боевых?

— Боевых нет. Но могу продать вам робота-телохранителя, который не допустит, чтобы кто-либо или что-либо причинило вам вред. Что вы на это скажете?

— Если он мне подойдет, тогда по рукам. Тащи его сюда.

Генри пробежался пальцами по клавишам на панели. Робот стандартный, общего назначения, запрограммирован для этой работы. Он проинструктировал компьютер, какой хочет получить результат. Не прошло и десяти секунд, как в открытом люке над его головой появился чело-

векоподобный робот. Отливая металлом, робот быстро сошел по лесенке, спрыгнул на землю и неуклюже откозырял.

— К какому ты относишься типу? — спросил Генри у робота.

— Я робот-телохранитель. Я делаю все возможное, чтобы защитить от опасности человека или объект, который мне поручено охранять.

— Вот этот человек — твой хозяин. Охраняй его.

Робот быстро обежал вокруг нового хозяина и, не обнаружив непосредственной опасности, встал рядом с ним, настороженно гудя.

— Что-то он не похож на охранника. А как я узнаю, что он работает?

— Сейчас покажу.

Генри вынул из ящика большой охотничий нож и крепко сжал его рукоятку. Затем неожиданно перепрыгнул через прилавок и с криком «Убью! Убью!» бросился вперед.

Все кончилось быстрее, чем удивленный мужчина успел вытащить пистолет. Робот встал в боевую стойку, схватил Генри за руку и дернул. Нож тут же отлетел в сторону, упал в пыль, а через секунду и сам Генри уже лежал на спине, прижатый к земле ступней железного человека.

— По рукам, — сказал незнакомец, засовывая пистолет в кобуру. — А теперь меняй свою втулку — и чтобы до рассвета тебя здесь не было, иначе не доживешь.

— Спасибо, что предупредили. Но, если позволите, еще одна небольшая формальность. Мне нужно знать ваше имя, чтобы внести его в квитанцию о продаже и регистрации робота, — сказал Генри, занося ручку над гроссбухом.

Незнакомец изобразил в ответ высшую степень возмущения: нахмуренные брови, мечущий стрелы взгляд, перекошенное лицо, нервно сжатые в кулаки пальцы.

— Зачем вам нужно знать мое имя? — подозрительно процедил он.

— Для соблюдения законности, сэр. Без вашего имени квитанция о продаже не будет считаться окончательно оформленной, и вы не станете официальным владельцем этого прекрасного робота, который сейчас охраняет вас каждой молекулой своего стального естества. Этого робота смогут у вас забрать, снова подвергнув вас опасностям одиночества…

— Сайлас Эндерби, — хрипло прошептал он, обливаясь потом и дрожа всем телом, пока выдавливал из себя слова. Затем, как будто усты-

дившись этого своего признания, он торопливо забрался в кабину грузовика и резко завел мотор.

— Все более и более странно, — пробормотал Генри, стряхивая с одежды пыль и наблюдая, как уносится прочь машина с роботом. — Бедный Сайлас вел себя так, словно произнести свое имя вслух означает нарушить табу. Откуда мог появиться такой странный обычай? — Он поразмыслил над этим, но озарения не дождался, поэтому на время отложил размышления и обратился к компьютеру: — Ты поверил словам мальчика о том, что Сергеев покинул эту планету?

— Весьма сомнительно, — ответил компьютер. — Вероятность такого составляет девяносто семь тысяч триста сорок шесть против одного. Коммандер службы галактической переписи не улетает, бросив свой корабль.

— А корабль его зарыт прямо здесь, на этом поле. Какое до него расстояние?

— Спрятанный корабль находится в пятнадцати футах под поверхностью и ровно в ста тридцати пяти футах шести дюймах на северо-восток от большого пальца вашей правой ноги. Я установил его точное нахождение пе-

ред посадкой, обменявшись информацией с его компьютером. Я решил, что посадка точно над местом захоронения может вызвать подозрение.

— Что ж, это разумное решение. Как наши дела с туннелем?

— Туннель готов. Я направил туннелепрокладчик сквозь посадочную опору, и он достиг входного люка другого корабля ровно три целых восемьдесят шесть сотых минуты назад. Сейчас он возвращается и прокладывает второй туннель, к вашему прилавку.

— Дай мне знать, когда он появится. Я надеюсь, что в этот раз, укрепляя стены туннеля, ты сотворил нечто впечатляющее.

Корабль заговорил вновь после секундной паузы. Пауза означала быстрый поиск в архивах памяти и столь же быстро сделанные выводы.

— По моему заключению, вы ссылаетесь, отрицательно или с большой долей иронии, на происшествие на Гильгамеше-четыре, а именно на частичный обвал в туннеле. Я уже объяснял ранее, что это была чистая случайность, вызванная…

— Я слышал твои объяснения. Мне нужно лишь заверение, что подобное не повторится.

— Приняты все меры предосторожности, — от-

ветил корабль тоном, который можно было бы назвать обиженным, не будь он машиной.

Генри осушил еще один бумажный стаканчик с водой и постучал по втулке. Та мелодично звякнула. Роботы могли бы установить ее в течение часа, но если он поставит лебедку и изобразит, будто делает работу сам, то сможет растянуть ее до вечера. Требовалось отыскать способ, как задержаться на этой планете, — вряд ли он успеет выполнить задание до утра.

— Туннель завершен, — прошептал в ухо корабль.

— Хорошо. Приготовься. Я иду.

Свою роль он сыграл вполне убедительно — на случай, если за ним наблюдали. Снова отпил из стаканчика и поставил его на край прилавка. Потом зевнул, похлопывая по рту ладонью, чтобы продемонстрировать, что зевает, а не просто проверяет, насколько широко может развести челюсти, затем от души потянулся, смахнув при этом стаканчик на землю. Посмотрел вниз, наклонился якобы поднять его и скрылся за прилавком, исчезнув из поля зрения любого наблюдателя на дальнем конце поля.

В задней стенке прилавка распахнулась дверца, и Генри тут же прополз в отверстие, столкнув-

шись в проходе с самим собой.

Наружу выползал уже не он, а робот-гуманоид, чья пластиплоть полностью имитировала внешность Генри, включая родинку и двойной подбородок. Робот подхватил бумажный стаканчик и выпрямился, потом уселся на стул. Для непосвященного наблюдателя Генри как сидел на месте, так и оставался сидеть, терпеливо поджидая покупателей.

Настоящий Генри в этот момент спускался по лесенке в ярко освещенный туннель на глубине примерно двадцати футов.

3

— Этот туннель намного совершеннее того, что обвалился, — заметил Генри.

— Именно так, — ответил корабль, разговаривая с ним через маленького робота-многоножку с указателем в манипуляторе. На указателе была стрелка, а под ней надпись: «К закопанному кораблю». Генри зашагал в указанном направлении.

Разумеется, корабельный компьютер не мог испытывать чувство вины, однако он, скорее всего, решил, что его действия не были совершенными в прошлый раз, когда проделанный под

землей туннель обрушился в одном месте. Новый туннель был полностью облицован сваренными встык пластинами из нержавеющей стали и дополнительно укреплен. Высоты свода хватало, чтобы Генри мог идти в полный рост, а путь ему освещали светящиеся трубки. Из скрытых динамиков звучала негромкая музыка; пластины на полу были рифлеными, чтобы нечаянно не поскользнуться. Туннель вскоре резко свернул и соединился с главным туннелем, проложенным между кораблями. Робот-сварщик шагнул в сторону, уступая дорогу, и указал нужное направление манипулятором с горелкой на конце.

— Закопанный корабль там, — продребезжал он.

— Неплохо, совсем неплохо, — сказал Генри, особо восхищенный картинкой зимнего леса, спроецированной на одну из стен.

Туннель уперся в выпуклый бок корабля, точно по центру виднелся люк. Мощный робот орудовал электроискровым буром, прогрызающим в корпусе дыру.

— Ты забыл упомянуть, что нам придется взламывать люк, — сказал Генри.

— Вы не спрашивали, — возразил корабль через динамики робота. — Компьютер на зарытом

корабле очень низкого класса и не способен мыслить рационально. По моему запросу он выдал навигационные инструкции, потому что был запрограммирован на это, но отказался разблокировать люк по той причине, что мы не знаем кодовую фразу. Отсюда вытекает необходимость отстранить его от управления.

В этот момент робот завершил работу. Протолкнув головку бура на всю длину, он убедился, что отверстие проделано чисто, и извлек инструмент. По туннелю со стороны наземного корабля с негромким гудением прополз крошечный робот. Он был не толще пальца и напоминал механическую сороконожку. Робот волочил за собой кабель, и пока он взбирался на корпус, Генри заметил у него спереди, чуть повыше клювика-резака, светящийся индикатор работающей телекамеры. Робот подобрался к отверстию и исчез внутри, волоча за собой кабель.

— Для чего он нужен?

— Для прямого управления, — ответил корабль через вернувшегося робота-сварщика. — Я отключаю компьютер на корабле и беру управление на себя.

Операция явно прошла успешно. Через минуту загудели скрытые моторы, и люк входного шлюза

открылся. Генри отыскал проходящий сквозь отверстие кабель и последовал вдоль него на центральный пост. Тонкий кабель скрывался в смотровом лючке в корпусе компьютера, и, заглянув внутрь, Генри увидел перерезанные провода и робота-многоножку, висящего на кабельном разъеме подобно механической пиявке. Воздух был свежий, на корабле — чистота, и никаких следов пребывания человека.

— Что ты выяснил? — спросил Генри.

Ответил ему компьютер погребенного корабля, но Генри знал, что реально говорит его собственный корабль.

— Последняя запись в журнале сделана более одного стандартного года назад — если точно, триста семьдесят два дня назад. Запись гласит: «Шестнадцать сорок пять. Совершил посадку».

— Не очень-то он разговорчив, наш коммандер Сергеев. Должно быть, сел, сделал запись в журнале, потом отправился на инспекционный обход. И не вернулся. Есть ли еще в памяти информация?

— Только серия радиопредупреждений — корабль требует не прикасаться к правительственной собственности. Они зафиксированы на третий день после посадки. Можно предположить, что эти предупреждения соответствуют

времени, когда корабль закапывали.

— Возможно. Скорее всего, с коммандером произошло нечто скверное, — впрочем, на этой миролюбивой планете легко могло случиться все, что угодно. Злоумышленники не смогли вломиться в корабль — вот они его и закопали, скрывая улики. Что еще?

— Рекомендую вернуться за прилавок. Сюда быстро приближается транспортное средство.

— Дай картинку!

Засветился навигационный экран, куда компьютер вывел изображение с телекамеры. Генри увидел уже привычную завесу из пыли, приближающуюся со столь же привычной безумной скоростью.

— Я не успею вернуться до их прибытия, так что пусть робот справляется сам.

— Он запрограммирован только на простейшие движения и мимику.

— Тогда подключи меня к его голосовой схеме, так будет проще всего.

Это и в самом деле оказалось нетрудно. Когда грузовик затормозил и из его кузова спрыгнули несколько человек, робот все так же сидел и ухмылялся.

— Чего желаете, джентльмены? — спросил

Генри. — Я торгую только отборным товаром.

Компьютер записывал его слова и передавал их с задержкой в сто миллисекунд, чтобы успеть подстроить под них речевой аппарат робота. Похоже, обман сработал, потому что местные подошли к прилавку и хмуро уставились на восседающую фигуру. Одним из них был шериф, — впрочем, и остальные весьма смахивали на него комплекцией и одеждой.

— Говорят, ты кой-чем интересовался? — спросил шериф.

— Кто? Я? — удивился Генри, и палец робота услужливо ткнулся себе в грудь.

— Ты спрашивал о коммандере Сергееве?

Едва он это произнес, как над изображением робота на экране поплыли строчки: «ОДИН ИЗ НИХ ОБХОДИТ ПРИЛАВОК СЗАДИ… В ЕГО РУКЕ КАКОЕ-ТО ПРИМИТИВНОЕ ОРУЖИЕ».

— Не припомню, чтобы называл это имя, — ответил Генри и, прикрыв рукой микрофон, обратился к компьютеру: — Если они что-то против меня затевают — пусть. Возможно, так мы узнаем что-то еще.

— А я говорю, что называл, — сказал шериф, подходя ближе. — Более того, я это точно знаю.

«ВАС УДАРИЛИ ПО ЗАДНЕЙ ЧАСТИ ЧЕРЕПА», —

появилось на экране. Изображение переместилось, и Генри увидел, как Генри-робот падает на прилавок.

— О-о-о! — простонал Генри и смолк.

— Вы отключены, — сообщил компьютер.

— Ну-ка, быстренько нашпигуй грузовик жучками и настрой их на самую широкую передачу.

Перетаскивая якобы оглушенного и потерявшего сознание пленника, местные действовали быстро, почти профессионально. Двое подхватили тело под руки и стащили с прилавка. Третий ухватился за лодыжки, тело быстро отнесли к грузовику и забросили в кузов. Шериф уже сидел в кабине, нервно давя на педаль, и, едва нога последнего в их компании оторвалась от земли, грузовик рванулся вперед. Времени от удара до похищения прошло совсем ничего.

Но роботы действовали быстрее. Если нервные импульсы ползут с черепашьей скоростью 300 футов в секунду, то электроны мчатся со скоростью света, преодолевая за секунду 186 326 миль. Люди еще только склонились над лежащей фигурой, а электронные команды уже открыли в корабле кладовые и хранилища. Когда похитители поднимали безжизненную ношу, сотни роботов устремились выполнять команду. Самый

большой из них был размером с пуговицу, самый маленький — с муравья. Каждым из роботов напрямую управлял корабельный компьютер. Они струйкой просочились по пустотелой посадочной опоре, шмыгнули по туннелю и поднялись внутрь прилавка. На его обращенной к грузовику стенке открылся лючок, и мельтешащая стайка роботов вырвалась наружу. Некоторые вскарабкались по гусеницам, другие запрыгнули на машину, как блохи, а остальные включили миниатюрные ракетные двигатели и подлетели к назначенным целям. Когда к грузовику подошли местные, роботы уже замаскировались.

— Дай картинку на вид спереди, — приказал Генри, откидываясь на спинку пилотского кресла и приготовившись в комфорте насладиться зрелищем своего похищения.

Экран перед ним замерцал, и на нем тут же появились снятые крупным планом земля, мчащаяся навстречу, и клубы пыли. Ничего интересного Генри не увидел.

— Слишком низко. На крыше кабины есть глаз?

Изображение сменилось. С кабины грузовика открылся прекрасный вид на быстро приближающиеся строения космопорта, но они тут же

исчезли, когда грузовик резко свернул и во весь опор рванул по ухабистой грунтовой дороге.

— Да, дороги у них, мягко говоря, не ахти. Теперь я понимаю, почему вся техника здесь на гусеницах. Надеюсь, ты не терял время даром и успел одарить жучками каждого из этой компании?

— Уже сделано. В данный момент на каждом индивидууме находится не менее шести источников информации. Их число будет увеличено в зависимости от продолжительности поездки.

— Чем дольше будут ехать, тем вшивее станут. Интересно, куда они направляются? Они ведь свернули в сторону от города?

— Да.

Дорога то и дело петляла. Внезапно впереди показалось что-то, скрытое в облаках пыли. Не снижая скорости, шериф свернул на обочину и стал объезжать препятствие по широкой дуге, проламываясь сквозь кусты. Обочина оказалась даже ровнее дороги, и камера смогла передать четкое изображение стада, которое они объезжали. Генри с удивлением уставился на испуганно бегающие глаза, вздымающиеся бока и широко расставленные острые рога.

— Это еще что за зверюги? — воскликнул Генри.

Компьютер порылся в памяти и через пару миллисекунд выдал ответ:

— Одна из пород вида bos domesticus, бык домашний, его предки земного происхождения. Это животное выведено методом обратной селекции из обычного короткорогого домашнего скота с целью воссоздания первоначальной длиннорогой породы. Та, в свою очередь, была распространена на определенной части земной поверхности под названием Соединенные Штаты, особенно в представляющей мифологический интерес субгеографической категории под названием Техас. Длиннорогий скот происходит из Испании…

— Достаточно, достаточно. От лишних подробностей у меня начинает болеть голова. Должно быть, эти грозные с виду животные и есть основа местной экономики. Очень интересно. Попробуйка подсадить жучка той угрюмой личности, что болтается возле стаи на тракоцикле.

— «Стая» — это коллективный термин для обозначения группы птиц. Правильным термином применительно к скоту является «стадо»…

— Ты работаешь или лекцию мне читаешь?

— Заявленная операция уже завершена.

Их беседу прервала внезапная перестрелка, за которой последовал резкий взрыв. Экран за-

полнила поднятая взрывом пылевая завеса, и он погас.

4

— Надеюсь, ты сможешь поведать мне о том, что произошло? — язвительно спросил Генри.

— Буду рад это сделать, — ответил корабль, проигнорировав его интонацию. — Грузовик был сначала обстрелян, а потом подорвался на мине. Я переключаюсь на летающего над ним робота.

Генри увидел зрелище абсолютной неразберихи. Из тех, кто ехал в грузовике, пострадавших, кажется, не было, все они укрылись за корпусом и самозабвенно палили в другую группу людей — тех, что сопровождали стадо. Побросав тракоциклы на землю и укрывшись за кочками, они вели ответную стрельбу. Трещали выстрелы, скот с ревом и мычанием носился вокруг, хаос нарастал. Генри-робот лежал в пыли, похожий на сломанную куклу.

Стрельба ненадолго смолкла — наверное, противники перезаряжали оружие, — и над перевернутым грузовиком поднялся белый флаг. Его успели пару раз продырявить, и лишь тогда стрельба прекратилась окончательно.

— Эй, вы, бросайте оружие, — крикнул кто-то из

нападавших. — Все равно вас, ворюг проклятых, повесят до заката.

— Каких еще ворюг? — ответил ему раздраженный голос. — С вами шериф говорит. Ваш шериф, выбранный в этом месяце. Почему вы нас обстреляли и взорвали машину?

— А зачем вы хотели украсть наших коров?

— Очень нам нужны ваши коровы! Мы везли пленника. Инопланетянина.

Нападавшие посовещались вполголоса, потом тот, что кричал до этого, попросил:

— Дайте посмотреть.

Генри видел, как его искусственного двойника приподняли над бронированной стенкой, и непроизвольно сжался, ожидая града пуль. Выстрелов не последовало.

— Ладно, шериф так шериф. Можешь ехать дальше. Только не вздумай снова красть наших коров.

— Легко сказать «ехать дальше»! Вы же перевернули грузовик.

После долгих переговоров обе группы наконец-то сошлись и, не расставаясь с оружием, осмотрели машину. Повреждений оказалось немного: очевидно, грузовик был рассчитан на подобное обращение. К кузову привязали верев-

ки и с помощью тракоциклов поставили грузовик на гусеницы. Спутники шерифа забрались в кузов, и противники расстались, обменявшись на прощание выразительными взглядами.

— Да-а, в гостеприимности этим ребятам не откажешь, — заметил Генри, когда машина помчалась дальше.

Впереди показались загоны, и грузовик теперь ехал среди многочисленных стад, пасущихся на огороженных участках. Дорога запетляла между заборами и уперлась в большое здание без окон. Машина резко затормозила, и, когда рассеялась пыль, Генри увидел группу людей, собравшихся возле запертой двери.

Это была самая запертая из всех дверей, какие ему когда-нибудь доводилось видеть. Генри уставился на нее с изумлением. По краю двери он насчитал не менее дюжины петель, в каждой из которых висело по замку различной формы и размера. Смысл столь странной дверной конструкции стал ясен лишь после того, как вновь прибывшие присоединились к ждущим возле двери и начали важную дискуссию. Они встали в круг, причем каждый стоял на порядочном расстоянии от другого и не снимал руки с висевшего на поясе пистолета. Соглашение было достигнуто

быстро — за тем, что говорили у двери, Генри не следил, ему это было ни к чему, компьютер записывал разговор и в любое время мог его воспроизвести, — и собравшиеся начали по очереди подходить к запертой двери.

Каждый принялся отпирать свой замок.

— Не очень-то они доверяют друг другу, — сказал Генри. — Похоже, у каждого есть ключ только от одного замка, поэтому, чтобы открыть дверь, им надо собраться вместе. Какие же секреты там могут скрываться, раз такие предосторожности?

— Судя по конструкции здания, совершенно очевидно, что в нем…

— Достаточно. Оставь мне хоть немножечко тайны. Ты слишком хладнокровен и расчетлив, компьютер. Неужели тебе никогда не хотелось испытать радость предчувствия, страх разочарования, сомнение, любопытство?..

— Простите, но я прекрасно обхожусь и без них. Я получаю удовлетворение от знаний и логических операций.

— Да уж, в этом я нисколько не сомневаюсь. Мои приятели, однако, зашевелились. Дверь открыта, они заносят «меня» туда. Переключись на жучка внутри, очень хочется узнать, что же там такое.

Камера была установлена на шляпе одного из мужчин, но картинка, хотя и подрагивала на каждом шагу, была ясной и четкой.

— Скотобойня, — сообразил Генри. — Ну конечно. Как я сразу не сообразил.

Это была не обычная скотобойня. С того момента, как стадо направляли в загоны на дальнем ее конце, все здесь происходило автоматически. Уколы электричеством посылали животных в несколько отдельных проходов. Воздух в них наполнялся взвесью из расслабляющих и гипнотических препаратов, и счастливые животные, надышавшись ими, невозмутимо шли навстречу своей погибели. Мгновенно и безболезненно превратившись в говядину, они перемещались механизмами на некое подобие сборочного конвейера наоборот — где не собирают, а разбирают. В отличие от вертолетов или автомобилей, которые собирались из деталей и сходили с конвейера в готовом виде, туши животных быстро разделывались и загружались в холодильники. Процедура была быстрой, стерильной, абсолютно надежной и без участия человеческих рук.

Чтобы управлять всем этим хозяйством, должен был существовать центр управления, и, похоже, ковбои-похитители направлялись имен-

но туда.

Шериф отодвинул массивную задвижку, запиравшую металлическую дверь, и двойника-робота занесли внутрь. Не все из пришедших туда вошли, и экран несколько раз мигнул, пока компьютер менял камеры и выбирал лучший ракурс.

Все произошло быстро. Когда люди вышли, компьютер снова переключился на первую камеру. Шериф запер дверь. Робот остался внутри.

— И в чем тут смысл? — спросил Генри и сразу же получил ответ.

Генри-робот открыл глаза, сел, взглянул на металлический браслет, закрепленный на лодыжке, потом осмотрел идущую от него цепь, заканчивающуюся массивным кольцом, ввинченным в стену. Его окружали блоки компьютера и шкафы электронной памяти. В дальней стене помещения открылась дверь, из нее вышел человек, протирая на ходу заспанные глаза. Увидев псевдо-Генри, человек остолбенел.

— Наконец-то! — взревел он и бросился вперед. Его пальцы сомкнулись на шее робота и стиснули ее мертвой хваткой. — Выпусти меня отсюда — или я тебя убью!

Экран, передававший картинку глазами робо-

та, заполнило изображение разгневанного лица незнакомца. Его большая черная борода тряслась от усилий, лысина блестела. Генри подал знак компьютеру, чтобы снова говорить через робота.

— Полагаю, передо мной коммандер Сергеев?

— У тебя крепкая шея, — процедил Сергеев, еще сильнее стискивая пальцы, хотя руки у него уже начали уставать.

— Очень рад познакомиться, хотя предпочел бы, чтобы вы пожали мне руку, а не шею. Посмотрите вниз, я такой же пленник, как и вы. И, придушив меня, вы ничего не добьетесь.

Сергеев разжал пальцы и шагнул назад. От его лодыжки тоже тянулась цепь, исчезавшая за дверью, из которой он вышел.

— Кто вы такой и что здесь делаете? — спросил Сергеев.

— Я Генри Венн, друзья зовут меня Хенк. Бедный странствующий торговец подержанными роботами, коварно похищенный негодяями, населяющими эту планету.

— Я почти готов вам поверить — потому что меня тоже похитили. Только шея у вас какая-то странная…

По экрану поползло сообщение: «ПОМЕЩЕНИЯ ПРОВЕРЕНЫ, ОБНАРУЖЕН ТОЛЬКО ОДИН

МИКРОФОН… СЕЙЧАС ОН ОТКЛЮЧЕН, И Я ПЕРЕДАЮ ЧЕРЕЗ НЕГО ЛОЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ИЗ БАЗЫ ДАННЫХ».

— Прекрасно, — сказал Генри. — Теперь можно ненадолго отбросить маскировку. Помогите мне встать.

Сергеев порывисто отступил и сжал кулаки.

— Вам нечего бояться, — успокоил его Генри, разговаривая через робота. — Вы — коммандер Сергеев из службы галактической переписи, первый рапорт о вашем исчезновении поступил восемь стандартных месяцев назад. Меня послали вас отыскать.

— Что ж, вы меня отыскали, но больше вам похвастаться нечем.

— Пусть моя внешность не вводит вас в заблуждение. Вот мое удостоверение.

Робот открыл рот, извлек из него пластиковую карточку и протянул Сергееву.

— Ловкий фокус, — заметил тот. — Даже не отсырела.

— Она и не могла отсыреть. Сейчас вы разговариваете не со мной, а с моей копией. Сам я нахожусь в космопорте. Если вы будете так любезны и прочитаете удостоверение…

— «РОБОТ»! И что это должно означать? Боль-

шеротый болван-робот сует мне карточку, где написано, что он — робот?

— Будьте добры, прочтите то, что написано ниже мелкими буквами, — терпеливо сказал Генри.

Сергеев поднес карточку к лицу и медленно прочитал:

— «Роботизированный отдельный батальон „Омега-три“. Генри Венн, командир». — Он подозрительно огляделся. — Ну и где же ваш батальон? Это что, шутка?

— Никаких шуток. Вы, как старший офицер галактической переписи, наверняка имели доступ к секретным документам?

— Даже если бы и имел, все равно не сказал бы.

— В этом нет нужды. Вам следует знать, что патруль не в состоянии решить все связанные с законом проблемы, возникающие в пределах сферы его влияния. Большинство населенных людьми планет достаточно хорошо справляются с этими проблемами сами, но не всегда. Количество призывов о помощи, поступающих к нам, превышает количество кораблей, которым мы располагаем на данный момент. К тому же вооруженным вмешательством решается не

всякая проблема. Именно поэтому было создано несколько специальных подразделений.

— Да, я слышал о СВИН. А у вас есть с собой свиньи? — с надеждой спросил Сергеев. — Когда возникает нужда в тяжелой работе, с ними не сравнится никто.

— Свиней, к сожалению, нет. Но думаю, что РОБОТ справится с делом ничуть не хуже. Я работаю один, но имею в своем распоряжении самые хитроумные устройства — компьютеры, детекторы, аппараты…

— Не надо перечислять. Вытащите меня лучше отсюда.

— Скоро, коммандер, уже скоро, — успокоил его Генри. — Но давайте сначала разберемся с одним вопросом. Например, как вы стали пленником и что вы здесь делаете? Вытащить вас отсюда не составит труда, но ситуация на планете от этого не изменится.

— Черт с ней, с ситуацией! — Сергеев зашагал из угла в угол, волоча за собой звенящую цепь. — Эта планета — настоящий деревенский тупик, и пусть она такой и остается. Местные извращенцы довели дух пограничных планет до абсурда, и ради доказательства принципа «каждый за себя» эти индивидуалисты готовы прикончить кого

угодно.

— Не очень-то здоровая обстановка, — заметил Генри.

— Да плевать всем на это! Жителям Форбрюгена не до них — а эта планета по идее принадлежит им. Первоначально они основали здесь колонию, но сами живут на четвертой планете здешнего солнца, соседней, если считать от центра системы.

— Знаю. Я там был. Мне сказали, что вы отправились на Слагтер, хотя вас и предупреждали, чтобы вы не делали этого.

— Надо было послушаться их совета. Но тогда я относился слишком серьезно к присяге службе галактической переписи. Это было до того, как меня заперли в этой скотобойне на целый год. А что касается местного населения… Распростившись с индустриальной цивилизацией Форбрюгена, прибывшие сюда поселенцы с радостью поменяли старый образ жизни на новый. Они почти полностью отрезали себя от мира, где родились, и создали самое гнусное общество из всех, которые мне когда-нибудь доводилось видеть за шестьдесят семь лет моей службы.

— Да уж, знаю. Но хотелось бы поподробнее.

— Знаете? — с прежней подозрительностью

спросил Сергеев. Заточение на механизированной скотобойне явно не прибавило ему чувства юмора.

— Лишь те факты, что лежат на поверхности. Форбрюген — высокоразвитый мир, и Слагтер играет важную роль в его экономике. Эта планета идеально подходит для мясного животноводства, и, похоже, ничем другим здесь не занимаются. Мясо замораживают, помещают в грузовые контейнеры и ракетными буксирами выводят на орбиту. Затем другие буксиры транспортируют контейнеры до Форбрюгена. Мясо совершает межпланетное путешествие за шесть-десять месяцев, в зависимости от расположения планет. Время не имеет значения, потому что в пути одновременно находится множество контейнеров с мясом. Когда очередной из них запускают здесь, другие уже достигают конечной цели. Постоянный запас мяса всегда в наличии.

— Вы знаете об их соглашении?

— Да. Слагтерианцы загружают мясо в контейнеры, и на этом их ответственность за него кончается. Корабли с Форбрюгена привозят необходимые потребительские товары, забирают заполненные контейнеры и оставляют взамен пустые. Посадка на планету не предусмотрена.

Они снабжают Слагтер всем необходимым, и на этом их контакты кончаются. Внешне отношения выглядят взаимовыгодными. Хотя, если приглядеться внимательнее…

— Кому вы это говорите! — вскричал Сергеев. — Только я один знаю правду, и этого достаточно, чтобы кровь застыла в жилах. Раньше я ведь тоже ни о чем не подозревал и даже смеялся, когда мне рассказывали о Слагтере…

5

— Отношения у нас, так сказать, особенные, — произнес чиновник, нервно барабаня пальцами по крышке стола.

— Ах вот оно что! — отозвался Сергеев, стараясь скрыть скуку.

За спиной его собеседника из окна открывался вид на главный космопорт Форбрюгена. Сергеев смотрел, как от стройного сверкающего корпуса его корабля отсоединяют заправочные шланги.

Ему не терпелось взлететь. Перепись на Форбрюгене оказалась детской игрой. Планета была высокоорганизованной, сфера управления централизована, данные о населении заносились в компьютеры. Сергеев потратил несколько дней, знакомясь с системой регистрации, пока

не убедился, что каждый житель планеты находится в списках. Достаточно было обратиться к компьютеру, как через микросекунду лист с необходимой информацией уже лежал перед ним, а копия ответа отослана на корабль. Проще не бывает. Следующая планета, Слагтер, вроде бы обещала проблемы, а это значит, что работа на ней окажется интересней. До Сергеева дошло, что чиновник все еще говорит, и он, сделав над собой усилие, стал слушать.

— …Почти все мясо, основной источник белка для нашего населения. И только со временем мы поняли, что у жителей Слагтера сложились некоторые… как бы их лучше назвать…*экзотические* обычаи, и мы ничего не можем с этим поделать. Чужаков там терпеть не могут, и наши жители никогда не ступают на их планету. Мы не сможем оказать вам помощь, если с вами там что-нибудь случится…

— Мы трудностей не боимся, — заявил Сергеев, поднимаясь и расправляя плечи. — И в помощи не нуждаемся. Если это все, то я вылетаю. Ничто, ни метеоритный дождь, ни ночная мгла, не сможет встать на моем пути и помешать мне выполнить мою миссию.

— Э-э-э… да, тут вы, конечно, правы. В таком

случае удачи вам, коммандер.

Чиновник легонько пожал Сергееву руку. Коммандер, человек действия, стиснул собеседнику ладонь (у того даже что-то хрустнуло), четко повернулся и вышел.

День выдался суматошным, и Сергеев был доволен, что улетает. Он быстро шел к кораблю, топая тяжелыми ботинками по железобетону. Все, что требовалось, было уже оформлено, он поставил подпись, где надо, и сунул в карман копию документа. Прошел в корабль, запер за собой люк и поднялся на мостик. Светящийся глаз корабельного компьютера следил за ним, пока он устраивался в кресле пилота и пристегивался ремнями. Сосредоточенно нахмурившись, он протянул руку к пульту.

«ПРОЛОЖИТЬ КУРС НА СЛАГТЕР», — набрал он на панели навигации и подождал, пока загорится сигнал «Готово». Он тут же нажал кнопку с надписью «Взлет». Корабль выполнил команду. Компьютеризация весьма облегчала пилотирование и навигацию.

Едва корабль оказался на орбите, Сергеев заторопился в игровой зал, потирая в предвкушении руки. Последние несколько дней, если он не был полностью погружен в работу, он размышлял о

втором сражении возле Спики III. Военные историки приводили эту битву как классический пример ситуации, в которой денебианцы просто обязаны были проиграть. Все теоретики с этим соглашались. Все, но не коммандер Сергеев. Он сыграет эту битву заново, и на сей раз денебианцы победят.

Сергеев специально модифицировал игровую комнату на корабле, проведя в нее линию связи с компьютером. В памяти компьютера хранились описания всех великих (и большинства мелких) сражений в истории человечества. В игровой комнате все эти сражения можно было провести заново, причем компьютер воевал за одну сторону, а Сергеев — за вторую. Дополнительный интерес представляло и то, что ход сражения можно было изменять относительно реальных событий. Так Сергеев проводил дни и целые недели, прерываясь лишь тогда, когда следивший за его здоровьем компьютер приказывал ему поесть и поспать.

— Второе сражение возле Спики-три! — крикнул он, едва успев войти.

Свет тут же погас, а весь объем комнаты заполнился символами космических кораблей, подсвеченных слабым светом отдаленной звезды.

Он плюхнулся в кресло перед экраном, зловеще усмехнулся и стал отдавать приказы.

Сергеев не оторвался от игры даже тогда, когда корабль лег на орбиту Слагтера. Компьютеру пришлось объявить об этом семь раз подряд. Не получив ответа, он выключил игру. Вспыхнул свет, пропали обломки кораблей и вывернутые наизнанку звезды. Сергеев заморгал и поднял глаза.

— Как только я начал выигрывать, ты выключил игру! — заорал он.

— Вы проиграли битву девятнадцать раз подряд, — невозмутимо заявил компьютер. — Мой анализ текущей ситуации показывает, что вы проиграли бы и на этот раз. Сейчас мы находимся на орбите Слагтера.

— Я мог выиграть, — пробормотал Сергеев, отправляясь переодеться в свежую униформу и снять выросшую на подбородке щетину. — И выиграл бы.

Компьютер произвел посадку с той же легкостью, что и взлет. Воспользовавшись сигналом радиомаяка, предназначенного для наводки кораблей с Форбрюгена, они сели в пропыленном и пустынном космопорту. Коммандер вызвал диспетчерскую башню на обычной космопортовской

частоте, но ответа не получил. Нахмурившись, он перепробовал и другие частоты, а под конец даже аварийную. Ответа он не дождался.

— Безобразие! — прорычал Сергеев. — Ну ничего! Службу переписи еще никому не удавалось обвести вокруг пальца.

Он отполировал рукавом козырек фуражки и надел ее точно под тем углом, который требовался по уставу. Удостоверение лежало во внутреннем кармане, церемониальный пистолет болтался на поясе. Он был готов.

Спустившись до середины трапа и уже начиная потеть в униформе из толстой ткани, Сергеев заметил приближающееся к нему облако пыли. Он остановился на последней ступеньке и стал ждать, какой прием ему здесь окажут.

Действительность была далекой от его ожиданий. Перед ним резко затормозила машина, полуколесная-полугусеничная, и два человека, которые находились в ней, сразу же открыли огонь — один из пистолета, а другой из автомата.

Тренированные рефлексы сделали свое дело. Сознание Сергеева еще оправлялось от шока и заставляло выкрикивать проклятия нападавшим, а боевая выучка уже швырнула его на землю и

приказала катиться. Перекатываясь, он вытащил из кобуры церемониальный пистолет, который, несмотря на церемониальность, всегда держал вычищенным и заряженным. То было старомодное крупнокалиберное оружие, стреляющее реактивными разрывными пулями.

Даже обстрелянный и захваченный врасплох, коммандер оказался куда лучшим стрелком, чем эти двое. Пули ударяли в землю возле него и рикошетили от трапа, не причиняя ему вреда.

Первым выстрелом он выбил бронированное стекло кабины. Вторым вышиб автомат из рук одного из нападавших. Третьим разнес дверцу и поранил осколками второго стрелка. Четвертым превратил двигатель в кучу металлолома.

Нападавшие побежали, не ожидая такого поворота дела. Сергеев поторопил их, всадив несколько пуль под самые пятки. Бандиты перешли на резвую рысь и скрылись из глаз.

— Официальный протест вы себе уже заслужили, — пробормотал коммандер, отряхиваясь. — Служба галактической переписи такое не прощает.

Он осмотрел машину и пожалел, что столь основательно вывел ее из строя. До зданий на краю поля придется теперь топать по жаре. Пока

он обдумывал следующие действия, в отдалении показалось новое облако пыли, и Сергеев из предосторожности укрылся за обломками грузовика, опасаясь очередной атаки.

Подъезжающая четырехколесная машина двигалась с меньшей скоростью и остановилась вне пределов досягаемости его пистолета.

— Я один! — крикнул водитель. — И не вооружен.

Он помахал руками, подтверждая свои слова.

— Поезжай медленно вперед, — отозвался коммандер, держа водителя на прицеле.

Тот действительно был один. Он вылез, дрожа от страха, и задрал руки вверх.

— Я шериф, — сказал он. — Хочу с вами поговорить.

— Лучше говорить, чем стрелять, — заметил коммандер, выходя из-за прикрытия и не убирая ладонь с рукоятки пистолета в кобуре.

— Я сожалею о том, что случилось, просто кое-кто из ребят немного перенервничал. Увидели новичка и все такое. Но я шериф и хочу… как бы это сказать?.. официально вас приветствовать.

— Я коммандер Сергеев из службы галактической переписи и прибыл для проведения переписи на вашей планете.

— Не знаю, есть ли у нас такая служба… Никогда не слыхал, чтобы у нас кто-нибудь этим занимался…

— Если мы доедем до вашего офиса, который, надеюсь, снабжен кондиционером, я буду рад вам все объяснить, — ответил Сергеев, стараясь не выказывать неприязни. Тупость некоторых обитателей окраинных планет иногда была поразительной.

— Что ж, эта идея мне по душе. Если вы сядете в машину, я отвезу вас прямо сейчас.

Поездка оказалась короткой: машина, очевидно, имела только одну скорость — полный вперед, — и вскоре они резко затормозили перед рядом обветшалых строений. Шериф прошел через замусоренный холл в офис, коммандер последовал за ним.

Едва он вошел, как кто-то выскочил сбоку, обхватил коммандера и прижал его руки к телу.

Взревев от ярости, коммандер с силой пнул нападавшего пяткой в лодыжку, высвободился и потянулся к оружию. Но тут на него накинулись остальные — один скрывался в соседней комнате, другой в шкафу, а третий под столом. Они повалили его на пол, не обращая внимания на вопли и сопротивление. Пистолет вытащили из кобуры,

а коммандера быстро и ловко связали.

— Что это значит? — закричал он. — Вы хоть знаете, что делаете?..

— Еще как знаем, — отозвался шериф, злобно сверкнув глазами. — Наш управляющий на заводе помер, а машины не могут присматривать сами за собой. Так что мы нашли тебе неплохую работенку…

6

— Вот и вся моя история, — закончил Сергеев и снова зашагал из угла в угол, волоча за собой звенящую цепь. — С тех пор я тут и торчу. Жертва этих местных кретинов. Я пахал как раб на этом взбесившемся свободном предприятии. Здешние обитатели потрясающе эгоистичны, абсолютно лживы и ленивы до невозможности. Всю жизнь они только и делают, что пасут скот и воюют друг с другом. Форбрюгенцы построили эту полностью автоматизированную саморемонтирующуюся упаковочную фабрику, но местным жителям за ней лень присматривать. Вместо этого они похитили меня, совершенно незнакомого для них человека, и заточили здесь, чтобы я следил за оборудованием.

— А вы не пробовали отказаться?

— Конечно пробовал! — Сергеев чуть не кричал. — Тогда они перестали приносить мне еду. Теперь я с ними сотрудничаю. Это работа для идиота — сиди себе да наблюдай за стрелками. Машины все делают сами, абсолютно все. Освободите меня, и мы навсегда покинем эту дыру.

— Потерпите, немного осталось, — ответил Генри, и компьютер, распознав успокаивающие интонации в его голосе, растянул губы робота в улыбку. — Здесь вы в полной безопасности, и как только я закончу расследование, вы выйдете на свободу…

— Сейчас! Не могу больше терпеть! — разбушевался Сергеев.

— Вы должны понять, что я несу ответственность не только перед вами, но и перед местными жителями. Не советую опять душить робота — этим вы ничего не добьетесь, а только выйдете из себя. Нам предстоит другая работа: сунуть нос туда, где нас не ждут. С этой планетой что-то не в порядке, и я намерен выяснить, что именно. Здесь вы спокойно подождете, пока я завершу свою миссию. Это займет всего лишь несколько дней…

— Вы бросаете меня одного?!! Да вы свинья,

собака, глупый!..[10]

— Боже, как хорошо вы помните родной язык после стольких лет путешествий! Не переживайте, в одиночестве вы не останетесь, робот будет постоянно подключен к моему компьютеру. Он сможет петь вам песни или читать книги. Словом, развлекайтесь, пока я не вернусь.

Генри торопливо отключился, потому что командер опять перешел на крик и некоторые слова показались Генри знакомыми.

— К кораблю приближаются три экипажа, — объявил компьютер.

— Замуруй туннель, ведущий к прилавку, верни прилавок на корабль и запри люк. Охладителем для воды и всем прочим можно пожертвовать.

— Будет сделано.

Генри покинул корабль Сергеева и направился к своему. Он сосредоточенно хмурился и потому не замечал ни прохладной прелести заснеженного пейзажа, ни мелодичных ритмов негромкой музыки. Отрезок туннеля, ведущий к прилавку, был уже засыпан, и робот-сварщик прилаживал металлическую пластину на бывший вход. В конце туннеля Генри поджидал одноместный

---

[10] Примечания: 10

В оригинале у автора «sveenya, sabahkah, gloopwy!..».

лифт. Едва он встал на платформу, она начала подниматься, сначала к поверхности, а затем и на корабль через полую посадочную опору.

Пройдя на центральный пост, Генри плюхнулся в кресло перед экраном и щелкнул переключателем. Экран засветился, и он увидел картинку, передаваемую камерой, расположенной высоко на корпусе корабля.

Механическая рука как раз заканчивала погрузку последних вещей, и люк вскоре закрылся. Как раз в этот момент три гусеничные машины остановились возле корабля, резко затормозив, причем одна из них намеренно раздавила охладитель для воды. Выскочившие люди принялись стрелять по кораблю. Засверкали вспышки выстрелов. Генри услышал, как где-то внизу о корпус со звоном бьют пули. Но чтобы произвести на корабельный компьютер должное впечатление, им следовало бы прихватить оружие помощнее. Часть нападавших встала в кружок и устроила совещание. После этого все забрались в машины и умчались на полной скорости.

— Вечно они куда-то мчатся, — заметил Генри. — Наверное, смылись, чтобы задумать очередную пакость. — Он вдруг загрустил. — Мне тоже не мешает подумать. С этой планетой явно

что-то не так. Только что?

Корабль промолчал, вопрос был обращен не к нему, но он продолжал терпеливо слушать, мерно дыша струйкой воздуха из кондиционера. Генри хмуро наблюдал в иллюминатор, как на краю пыльной равнины садится солнце.

— Я голоден, — сказал он. — Дай мне пищу для мыслей. Сваргань-ка бифштекс из слагтерской говядины, которой мы запаслись на Форбрюгене. Должно быть, она сильно состарилась, совершив путешествие в столько миллионов миль.

— Бифштекс среднепрожаренный, зеленый салат с чесночным соусом, чесночный хлеб и бутылка красного вина.

— Прекрасно, только убери отовсюду чеснок. Он разрушит мой образ для публики, если мне придется с кем-нибудь говорить. Или выдаст в темноте мое присутствие, если уж тебе требуется более практический довод.

Обед был подан, когда солнце садилось за горизонт, демонстрируя напоследок яркий набор пурпурных, красно-золотых и зеленых оттенков на закатном небе. Генри наелся, напился, и приятная тяжесть в желудке навела его кое на какие мысли.

— Хотя наш друг, коммандер Сергеев, провел

на планете больше года, я считаю, что его наблюдения неверны. Это место гораздо сложнее, чем ему кажется. Нет ли в твоих архивах каких-либо сведений о прошлом Сергеева?

— Есть. До перевода в службу галактической переписи он служил в патруле, был командиром крейсера. Уволен в отставку из-за ранений и по возрасту.

— Прекрасно! Грубоватый прямой солдат, мало интересовавшийся социологией, антропологией, экзобиологией и прочими «логиями», согласно которым все на свете и происходит. Мы проигнорируем наблюдения коммандера и соберем собственные. В этом обществе присутствуют некоторые загадочные факторы. Подумай сам. Почему дети избегают взрослых? Не все дети, а только мальчики. И не девочки. Кстати, ни одной женщины я не видел. Почему? И к чему все эти личные замки на дверях скотобойни?

— У меня недостаточно материала, чтобы ответить на каждый из этих вопросов.

— Значит, давай соберем больше фактов. Для начала взглянем на один из местных домов. Надеюсь, ты записывал информацию, которую передавал купленный Сайласом Эндерби робот-телохранитель?

— Да.

— Покажи дом его хозяина, снаружи и изнутри.

На экране появилась глухая стена здания и начала медленно приближаться. Вблизи оказалось, что стена не совсем глухая. Хотя окон в ней не имелось, она была испещрена узкими отверстиями, похожими на бойницы. Скорее всего, это бойницы и были. Робот прошествовал следом за хозяином за угол здания, где обнаружился глубоко утопленный в стену вход, защищенный толстой стеной. Сайлас наклонился к отверстию возле обитой сталью и усеянной заклепками двери.

— Звук, — попросил Генри.

— Ручей течет, — произнес Сайлас.

— Трава растет, — ответил другой голос из отверстия, и дверь медленно открылась.

— Пароль и отзыв, — сказал Генри. — Больше смахивает на форт, чем на дом.

Он оказался прав. За дверью стояли ко́злы с автоматическим оружием, набитые патронами магазины и даже гранатомет. Пройдя вместе с роботом по дому, Генри увидел пульт управления сложной системой сигнализации и обнаружения, запасы еды, воды и сжатого кислорода на

случай, если дом придется герметизировать при газовой атаке, а также портативный аварийный электрогенератор. Еще более интересным оказалось поведение женщины и двух маленьких девочек — он успел заметить их через приоткрытую дверь, которая тут же захлопнулась. Казалось, они стараются держаться подальше от главной части дома, а сам хозяин не заходит на их половину.

— Все более и более странно, — пробормотал Генри. — Настало время самому провести небольшое расследование. Сможешь доставить меня внутрь этого карманного форта, не поднимая тревоги?

— Простая задача. Робот легко справится с системой сигнализации.

— Тогда выдвигаемся. Готовь уницикл и обеспечь воздушное прикрытие.

— Желаете боевого робота для защиты?

— Нет. Эти чудовища такие же бесшумные, как падающая посадочная опора. Надеюсь, моя быстрота и твоя разведывательная сеть уберегут меня от опасности.

Генри встал, нахлобучил шляпу и вышел.

В пустотелой посадочной опоре находился потайной выход, практически незаметный извне.

Генри уже поджидал нетерпеливо гудящий уницикл. Это был одноколесный, точнее, одношаровой аппарат, удерживающий вертикальное положение благодаря встроенному гироскопу. Сфера, за счет которой он катился, была мягкая, упругая и бесшумная, если не считать легкого шороха, когда Генри ехал в темноте. Впереди и позади него летела невидимая охрана из крошечных роботов с телекамерами.

— Что нового в городе? — спросил Генри.

— На данный момент шесть жучков случайно уничтожены, ни один из них не был обнаружен. Сорок три индивидуума находятся под постоянным наблюдением. Впереди большая канава, рекомендую чуть свернуть вправо.

— Дай мне тогда проводника, ночь больно уж темная. Мне нужен кратчайший и самый безопасный путь в город. Что там наш шериф?

Один из роботов снизился и полетел впереди, указывая дорогу зеленым огоньком. Генри следовал за ним. Компьютер снова заговорил — его голос слышался в крошечном приемнике за ухом Генри:

— Он ужинает с женщиной, которую называет «жена». Ужин у них проходит довольно странно.

— Экзотические застольные обычаи? Если они

чересчур чудовищны, можешь не говорить.

— Я не о манере подачи еды. Все тарелки накрыты крышками. Шериф сначала накладывает из каждой жене, затем сидит и ждет, пока она ест. Сам к еде не притрагивается. Попробовав из каждой тарелки по очереди, она передает их мужу, и тот все доедает.

— Не вижу ничего странного. Поищи в своих справочниках информацию о работе дегустаторов на Старой Земле.

— Я понял, что вы имеете в виду, — ответил компьютер после короткой паузы. — Он боится быть отравленным, поэтому ест только ту еду, которую до него уже попробовал кто-то другой и не ощутил неприятных симптомов. Пожалуйста, притормозите и приготовьтесь свернуть налево. Я проведу вас по самым спокойным улицам к месту, которое вы ищете… СТОП!

Генри нажал на тормоз, уницикл дернулся и резко остановился. Гироскоп взвыл, удерживая его вертикально.

— Что случилось? — прошептал Генри.

— За углом стоят трое. Они явно прячутся и наблюдают за кораблем. Женщина и двое детей — мальчик по имени Робби, с которым вы разговаривали сегодня утром, и девочка того же

примерно возраста.

— Оружие у них есть? Помнится, утром мальчишка спрашивал про оружие.

— Наличие оружия приборы не отмечают.

— Ладно. Подключи меня к динамику в «летающем глазе» и подведи его поближе к ним.

— Готово. Он летает над их головами.

— Эй, привет! С вами говорит Генри Венн. Хотите меня увидеть?

В приемнике Генри послышались удивленные возгласы, затем женский голос произнес:

— Где вы? Я вас не вижу.

— Рядом с вами, я говорю по радио. Хотите со мной встретиться?

— Да, пожалуйста, это очень важно.

Даже по радио он уловил в ее голосе напряженность.

— Сейчас я к вам подойду.

Они ждали его, скрытые тенью. Когда появился Генри, мальчик сжал кулаки и чуть подался вперед, заслоняя мать и сестру.

— Это не я придумал, — сказал мальчишка. — Я не хотел идти. Но мама сказала, что все равно пойдет, поэтому я тоже пошел — за ней присмотреть.

— Я тебя понял. Ты поступил совершенно

правильно. Рад вас видеть, мадам, — галантно произнес Генри, касаясь пальцами полей шляпы.

— Вы должны мне помочь. Прошу вас, когда вы будете от нас улетать, возьмите с собой на Форбрюген моих детей. Их там ждут.

— Я не полечу, — твердо объявил мальчик. — А Китт — ладно, пускай летит.

Появившаяся в небе луна осветила прячущихся в тени. Девочке на вид было лет пятнадцать, она очень напоминала мать, красивую бледную женщину с длинными темными волосами.

— А что скажешь ты, Китт? — спросил Генри.

— Это так далеко… Я знаю, что уже не вернусь. Не хочу расставаться с мамой, но она… она, наверное, права.

Девочка чуть не расплакалась.

— Конечно права, и ты сама это видишь, — сказала мать. Она подошла и посмотрела на Генри. — Вы с другой планеты, поэтому вам я могу все рассказать. Вы не поверите, что означает для женщины жить здесь. Это не тяжело физически, но… жизнь здесь как в тюрьме. Моя дочь может этого избежать. Я тайно связалась с властями на Форбрюгене. Они заверили, что у них есть финансовый фонд, из которого они смогут оплатить

образование для любого ребенка со Слагтера. Они горячо поддерживают эту идею. Вы выполните мою просьбу?

В ее глазах читалась неприкрытая мольба.

— Это можно устроить, но я не улетаю прямо сейчас. Есть некоторые сложности…

— В укрытие! — предупредил «летающий глаз», снижаясь. — Приближаются машины, сейчас с них начнут стрелять.

7

Они нырнули в укрытие. Только Генри спрятал свой уницикл, как раздались выстрелы. Низко пригнувшись, он разглядел две полугусеничные машины, с ревом приближающиеся из темноты. Рычали двигатели, метались лучи фар. Водители, похоже, управляли одной рукой, а другой, на ходу, стреляли — поэтому и то и другое получалось из рук вон плохо. Пули ударяли в землю и с визгом рикошетили от стен. Машины пронеслись мимо и скрылись за углом. Грохот и рев замерли в отдалении.

Генри огляделся и обнаружил, что остался в одиночестве. «Летающий глаз» подлетел ближе.

— Они вернулись домой, — сообщил он. — Если хотите, я провожу вас туда.

— Не сейчас. У нас есть более важное дело. Я собираюсь взять интервью у туземца в его собственном доме и получить ответы на некоторые вопросы. Включи-ка подсветку и покажи дорогу.

«Летающий глаз» отлетел в сторону, а Генри оседлал уницикл и двинулся за ним.

— Следующий дом справа, — прошептал в ухо компьютер.

— Я его узнал. Каков план действий?

— Робот отключил систему сигнализации и вставил радиоуправляемое реле в линию открывания двери. Когда вы подойдете, я ее открою.

— Приглядывай за великом, — велел Генри, слез с уницикла и откатил его в тень. — Понятия не имею, сколько я там пробуду.

Он подошел к двери, и та бесшумно открылась. Генри быстро шагнул вперед. И хорошо, что быстро, — толстая металлическая дверь так поспешно закрылась, что едва его не прищемила. Он очутился в узком коридорчике, чуть шире его плеч, освещенном тусклой лампочкой за металлической сеткой. Ко́злы с оружием и боеприпасами он обошел боком. Да, ничего не скажешь! Не дом, а настоящая крепость. Но почему? У Генри возникло чувство, что если он ответит на этот вопрос, то сможет ответить и на любые другие вопросы

об этой планете.

Главная прихожая смотрелась вполне обычно, если не обращать внимания на ящик с газовыми гранатами и живописно развешенные по стенам армейские штык-ножи и дубинки с шипами. Был здесь и ковер на полу, выделяющийся цветным пятном на фоне унылой серости, и несколько репродукций в рамках. Генри как раз смотрел на одну из них — тропический остров в море, — когда робот-телохранитель проскользнул в дверь в дальнем конце прихожей и тихо прикрыл ее за собой.

— Докладывай, — сказал Генри.

— Сайлас Эндерби заканчивает ужинать. Миссис Эндерби обслуживает его, юные Эндерби смотрят по видео космическую оперу.

— Прекрасно. Отведи меня к своему хозяину.

Робот кивнул, открыл дверь и шагнул в сторону, пропуская Генри вперед. Генри вошел в комнату, приподнял шляпу, широко улыбнулся и поприветствовал всех в самой дружеской манере:

— Сэр и мадам, добрый вечер вам обоим, и я искренне надеюсь, что вы хорошо поужинали.

Миссис Эндерби пронзительно завизжала. Звук представлял собой нечто среднее между воплем кота, которому прищемили хвост, и визгом сви-

ньи, которой дали пинка под зад. Она уронила миску и с рыданиями выскочила из комнаты, закрыв лицо фартуком. Ее муж проявил не больше восторга. Он замер на стуле с выпученными глазами — ложка с десертом зависла на полпути ко рту — и судорожно сглатывал слюну. Едва Генри шагнул к столу, он отчаянным усилием стряхнул с себя оцепенение и выхватил из кобуры револьвер. Ему не повезло — револьвер зацепился курком за скатерть, и хозяин, пытаясь высвободить оружие, стянул ее со стола вместе с большей частью тарелок. Генри сочувственно покачал головой, протянул руку и, высвободив оружие, вынул его из руки хозяина. Тот не сопротивлялся.

— Как?.. — выдохнул Сайлас. — Как ты попал сюда?

— Просто, — ответил Генри и тут же выдал правдоподобную ложь: — Постучал в дверь, а твой надежный робот-телохранитель меня впустил.

— Предатель! — процедил Сайлас.

Он выхватил другой пистолет, поменьше, и наспех выстрелил дважды, прежде чем Генри отобрал у него оружие. Пули срикошетили от стальной груди робота и впились в стену.

— Никто… — пробормотал Сайлас. — Никто в

этом доме… Никто… — Он так и сидел, уставившись в никуда остекленевшими глазами.

— Я не сомневаюсь в этом ни на секунду, — сказал Генри, роясь в карманах куртки. — Так вот, я вырос в более приветливом месте, и, по моим понятиям, степень местного гостеприимства оставляет желать много лучшего. Но я не жалуюсь, заметьте. Живи сам и дай жить другим — вот мой девиз. Я видел много миров, и некоторые были еще воинственнее, чем ваш, хотя им для этого пришлось весьма постараться. Разумеется, я и не думал вас оскорбить. — Он наконец-то отыскал в кармане учетную книжку торгового агента и положил ее на стол. — Мистер Эндерби, если вы подпишетесь здесь, на квитанции о продаже, я больше не стану вас беспокоить. Без подписи продажа не является законной, а я знаю, что мы желаем заключить законную сделку, да, сэр.

Все еще пребывая в состоянии шока, Сайлас нацарапал в квитанции свою подпись и обессиленно обмяк в кресле.

— Убей меня, — хрипло прошептал он. — Я знаю, ты пришел меня убить. Сделай это быстро, чтобы я не мучился.

— Ничего подобного, старый мой клиент Сайлас, — отозвался Генри и похлопал дрожащего

хозяина по плечу. Сайлас застонал и едва не потерял сознание. — У меня другой стиль работы. Я ищу клиентов, а не трупы. Если вы мертвы, сэр, то не представляете для меня никакого интереса.

— Так ты не будешь меня убивать? — изумленно воскликнул Сайлас и выпрямился в кресле.

— Даже в мыслях не было. Кстати, а ты не хочешь, — сказал Генри, переходя на «ты», — приобрести у меня еще одного робота?

— Предатель! — Сайлас злобно посмотрел на молчаливого робота.

— Он всего лишь выполнял свой долг, — заметил Генри, подвигая к себе стул и усаживаясь. — А насчет робота не волнуйся. Он будет охранять тебя до тех пор, пока в его механизме останется хотя бы капля смазки. Он ведь машина, не забывай этого, и запрограммирован всегда быть на твоей стороне. В отличие от людей, многим из которых нельзя доверять.

— Никому нельзя доверять.

Сайлас тут же отодвинулся подальше и с тоской взглянул на висящую на стене композицию из топора и киркомотыги.

— Я в это могу поверить, — отозвался Генри, делая вид, что перелистывает учетную книжку, и в то же время не спуская с Сайласа глаз. — Только

вот удивляюсь: почему?

— Меня хотят убить, — ответил Сайлас, шныряя повсюду глазами, но старательно избегая смотреть на свою руку, которая медленно двигалась в сторону блюда для фруктов, наполненного ручными гранатами.

— Не сомневаюсь. И столь же сильно хотят убить меня или любого другого. Но мне очень хочется узнать, почему? Что вызывает эти всеобщие подозрения и ненависть? Должна же быть какая-нибудь причина.

— Умри, убийца! — выкрикнул Сайлас и метнулся к гранатам.

Едва он схватил одну из них, Генри шевельнул пальцем, подав сигнал роботу.

— Очень опасно, хозяин, — сказал робот, вынимая гранату из стиснутых пальцев Сайласа. Он положил ее обратно и отодвинул блюдо подальше. — Я защищаю вашу жизнь, сэр. Если граната взорвется в таком маленьком помещении, вы наверняка пострадаете.

Сайлас, дрожа всем телом, отпрянул от робота и принялся отчаянно грызть ногти. Генри притворился, будто не заметил случившегося.

— Мне непонятно, почему вы так живете, почему каждый защищается от остальных. Что

произошло? С чего все началось? Чего вы боитесь?

— Диких. Они хотят нас прикончить. Дикие там. Поджидают.

— Дикие? — переспросил Генри, навострив уши и впитывая новую информацию. — Кто они такие?

— Они там, на холмах. Прячутся, воруют скот, убивают всех, кого смогут. Дикие — они и есть дикие.

Сайлас мотнул головой, подтверждая серьезность высказанной мысли. Генри прибодрился:

— Так, дикие, значит. Звучит дико. Впрочем, так и должно быть, раз от них все неприятности. Ладно, мне пора, Сайлас. Благодарю за гостеприимство. Провожать не надо, я знаю дорогу.

Но Сайлас уже вскочил, ободренный мыслью о том, что его непрошеный посетитель на самом деле уходит. Он проводил Генри через прихожую и позволил ему открыть дверь, быстро оглядев окрестности через бронированный перископ.

— А теперь быстро вали отсюда и не возвращайся!

— Мне тоже было приятно с тобой повидаться, — ответил Генри и проворно выскочил наружу, пока его не прищемило стремительно

закрывающейся дверью.

Едва он сделал первый шаг по улице, как окружающий мир взорвался. Оглушенный, Генри дернулся назад, ища убежища там, где его уже не было. Стена дома напротив обрушилась с жутким грохотом, обдав улицу водопадом мусора и обломков, и из руин на Генри с ревом выскочила машина. Прожекторы пригвоздили его к стене, словно жука — иголки. Ружейная стрельба теперь раздавалась со всех сторон, в стену над его головой лупили пули.

8

Погасла сперва одна, за ней другая фара, и машина полетела вперед, уже неуправляемая. Генри отпрыгнул в сторону, и она врезалась в стену неподалеку от него.

Стрельба продолжалась. В атаку бросились новые машины, загромыхали ружейные выстрелы. Из дома послышался ответный огонь, что-то с оглушительным грохотом взорвалось на дороге, взметнув столб пламени. Дверь теперь была закрыта — и, несомненно, заперта, — поэтому Генри метнулся к уницикклу и вскочил в седло.

Однако перед уходом он выключил мотор, и гироскоп успел остановиться. Он медленно начал

раскручиваться, испуская душераздирающий стон. Уницикл затрясся, задергался, как брыкающийся жеребец. С трудом управляя вихляющей машиной, Генри все-таки выбрался на улицу и поехал прочь от громыхающего за спиной сражения. По мере того как мотор набирал обороты, уницикл выравнивался и катился быстрее.

— Быстрый-то он быстрый, да не совсем, — крикнул Генри, придерживая шляпу, чтобы ее не сдуло. — Послушай, ты, всевидящее око, может, скажешь, из-за чего весь этот сыр-бор? Похоже, он застал нас врасплох?

— Очень сожалею, но невозможно знать все…

— Ты же всегда говорил так, будто знаешь все!

— …или обследовать каждое здание. Теперь определенно можно утверждать, что неизвестная личность или личности скрывались в здании напротив. Они наблюдали за домом, в котором вы находились. Очевидно, в их планы входило силой ворваться в дом, когда кто-нибудь станет выходить. Так уж получилось, что этим выходящим случайно оказались вы.

— И они ворвались?

— Нет. Я разбил им фары, запустив в каждую по «летающему глазу», и они промахнулись в темноте, не заметив дверь. В атаке принимали

участие и другие машины, и я с сожалением вынужден сообщить, что одна из них теперь вас преследует.

— Я все думал, когда же ты это заметишь, — проворчал Генри, включая полную мощность, и принялся догонять свою тень, возникшую в свете фар идущей сзади машины. — Можешь выбить у него фары?

— У меня поблизости только два «летающих глаза», а один мне нужен для поддержания контакта. — (Одна фара тут же погасла, едва Генри услышал слова компьютера.) — Вторым можно было пожертвовать. Могу ли я дать совет как можно быстрее свернуть в сторону, потому что спереди приближается другое транспортное средство, чтобы отрезать вам путь. Я подключился к их радиопереговорам.

— Заглуши их!

— Уже сделано, но другая группа знает ваше местонахождение и направление, куда вы движетесь.

Впереди засверкали фары, стремительно приближаясь.

— Я посоветовал бы следующий поворот направо, — сказал компьютер. Генри вывернул руль. — Нет! Не этот…

Впереди неожиданно выросла стена. Взвизгнули тормоза уницикла, Генри спрыгнул с него и покатился по земле. Уницикл врезался в кирпичную стену. Полуоглушенный и исцарапанный, Генри уткнулся в стену, и в ушах у него раздались последние слова компьютера:

— …Да не этот. Здесь тупик. Следующий поворот.

— Ты немного запоздал со своей информацией, — пробормотал он разбитыми губами и, морщась от боли, встал, приподнимая поля шляпы, нахлобучившейся при падении на глаза. — Нет ли у тебя каких-нибудь гениальных предложений по поводу того, как мне выбраться из этой мышеловки?

Нахмурившись, Генри наблюдал за полугусеничной машиной, блокировавшей выход из переулка. Из машины выскочили двое и побежали к нему.

— Вы уже начали выбираться, — прошептал ему в ухо «летающий глаз» в тот самый момент, когда в переулке с глухим хлопком что-то взорвалось и он наполнился непроницаемым дымом. — Следуйте за мной.

— С удовольствием — как только смогу что-либо разглядеть, — ответил Генри и закашлялся, на-

брав полные легкие светопоглощающего дыма.

Что-то ткнулось ему в плечо.

— Возьмитесь за «летающий глаз», — велел компьютер.

Генри почувствовал, как его пальцы легко коснулись хвостовой плоскости маленького летающего робота, и, спотыкаясь, зашагал вслед за ним по переулку. Мимо прошуршали чьи-то шаги, затем послышался металлический лязг — это кто-то свалился на обломки его уницикла. Тут же загрохотали выстрелы, неподалеку с визгом отрикошетили пули. Что-то металлическое коснулось лица Генри, и он вытянул руку.

— Это лестница, — подсказал компьютер.

— И это ты говоришь только сейчас!

— Если вы по ней взберетесь, то вас увезет летающая платформа, которая сейчас висит у вас над головой. Полагаю, вы пожелаете вернуться на корабль?

— Неправильно полагаешь, — отозвался Генри, нашаривая ногой ступеньку лестницы. — Вверх, вверх и в сторону. Направление — на холмы. Надо бы поискать тех диких, про которых говорил Сайлас.

Лесенка вздрогнула под его тяжестью, потом начала легко подниматься. Через секунду Генри

оказался над клубящимся облаком дыма, из которого все еще слышался резкий треск выстрелов. Дома-крепости городка распростерлись внизу, а в отдалении замаячила темная масса гор. Черный диск летающей платформы, а по сути, лифта для тяжелых грузов, заслонял над его головой звезды. Похожий на паучка робот спустился по лестнице и положил лапку ему на плечо, затем придвинулся и заговорил прямо в ухо:

— Ночью мало что можно сделать. Я предложил бы вернуться на корабль, а утром…

— Замолчи, раскудахтавшаяся нянька тупоумного компьютера. Раз я сказал «к холмам», значит к холмам. Дай мне спальный мешок или что-нибудь такое, и я прекрасно высплюсь на свежем воздухе под этими чужими звездами. А пока я буду спать, можешь отправить несколько «летающих глаз» попорхать по округе и произвести инфракрасную разведку. Отыщи для меня парочку тех самых диких, и я взгляну на них утром. Дошло?

Ответ последовал после секундной паузы, означавшей то ли компьютерное согласие, то ли роботизированное упрямство.

— Все будет, как вы сказали. Вы так и намерены путешествовать на лестнице?

— Да. После такого жаркого дня ночь прохладная, а ветерок освежает после аварии. Тащи дальше.

Темный ландшафт быстро заскользил внизу, и невзрачная травянистая равнина превратилась в предгорье, покрытое вперемежку лесами и лугами; кое-где между ними поблескивала вода, отражая свет звезд. Приблизившись к крутому обрыву, платформа полетела медленнее, потом зависла и начала снижаться. На площадке перед обрывом Генри увидел травянистую чашеобразную поляну, окруженную отвесными скалами.

— Это место неприступно, — произнес маленький робот, — к тому же незаметно с подножия гор. Надеюсь, здесь вам будет удобно.

— Я тоже надеюсь, — отозвался Генри, зевая, — тем более что у меня неожиданно возникло сильное желание поспать.

Едва он спрыгнул, загорелись дающие рассеянный свет фонарики, и он увидел, что корабль уже развил бурную деятельность. Он просил спальный мешок или «что-нибудь такое», и его последнее желание компьютер понял по-своему. На траве уже стояла пирамидальная палатка, украшенная разноцветными флажками. Внутри, вся в золотистых отблесках сияющих лампочек,

стояла бронзовая раскладная кровать с приветливо отогнутыми хрустящими простынями. Под навесом возле палатки — столик и легкий стул. Едва ноги Генри коснулись земли, из зависшего над столиком «летающего глаза» вырвались крошечные язычки пламени и зажгли свечи. Они соблазнительно осветили мисочку с икрой, тонкие ломтики поджаренного хлеба, мелко нарезанную сырую луковицу и сваренное вкрутую яйцо. Робот-паучок спрыгнул с плеча Генри, заторопился к ведерку со льдом, вскарабкался на него и приготовился откупорить бутылку охлажденного шампанского.

— Легкая закуска перед отдыхом, — сказал он, погружая в пробку стальные коготки. — Весьма полезно.

Раздался внезапный хлопок, пробка вылетела, вино зашипело.

Генри развалился на стульчике и взял стакан.

— Весьма любезно с твоей стороны, — сказал он, потягивая шампанское. — Должно быть, твои схемы эмпатии и психологической подстройки работали сегодня с повышенной активностью. — Он принял от робота намазанный икрой ломтик поджаренного хлеба и откусил. — Не думай, будто я тебя в чем-то упрекаю. Всегда любил мелкие

радости привала в дикой глуши.

Потом Генри улегся в кровать и заснул таким глубоким сном, что на рассвете роботу-умывальщику пришлось включить запись духового оркестра с удвоенной громкостью, чтобы его разбудить.

— Прочь, — пробормотал Генри, привычно и ловко отмахиваясь от робота и все еще не открывая глаз. — Какой болван додумался в такой час лупить палкой по горшкам? — Едва он поставил ноги на землю, дрожа от холодного прикосновения, бравурная музыка сменилась звучанием струнного квартета. — Докладывай.

Робот-умывальщик снял с груди таз, поставил его на землю и наполнил теплой водой из кранника на конце одного из пальцев.

— За ночь я обнаружил многочисленные источники тепла и на рассвете исключил всех диких животных, поскольку они, скорее всего, не являются теми дикими, которых вы ищете. Все они — пугливые травоядные, и их выживание зависит от ловкости и скорости, с какой они убегают от опасности. Однако в непосредственной близости от вас находится как минимум пять существ человеческой природы, явно аборигенов, вооруженных грубым оружием и подходящих

под данное вами описание диких.

— Гуманоидные туземцы этой планеты? — спросил Генри, смочив лицо и набрав в ладони порцию жидкого мыла из мизинца робота.

— Весьма маловероятно. Фотометрическое сравнение указывает на их принадлежность к людям до седьмого десятичного знака. Мы можем с уверенностью принять теорию о том, что это люди, перешедшие по неизвестной причине или причинам к столь примитивному образу жизни.

Робот вложил в ладонь Генри расческу и превратил свою грудную пластину в зеркало. Пока Генри причесывался, робот произвел на свет зубную щетку с уже нанесенной пастой и принялся усердно чистить ему зубы.

— Все более и более интересно, — промычал Генри со щеткой во рту. — Сразу после завтрака надо будет поближе взглянуть на одного из этих псевдотуземцев.

В руки скользнула дымящаяся чашка черного кофе, и он, уже ощущая себя почти человеком, отхлебнул из нее и подошел к столу. Генри плотно позавтракал обжаренной на гриле колбасой и кукурузной кашей, затем прихватил чашку с кофе, подошел к краю обрыва и насладился впечатляющим зрелищем появляющихся из

утреннего тумана горных вершин. За его спиной мельтешили роботы, упаковывая снаряжение в ящики и грузя их на платформу.

— Я готов, — сказал Генри, нажал на чашке кнопку «Использовано» и бросил ее с обрыва. Не пролетев и десяти футов, она рассыпалась облачком мелкой пыли. — Как мы установим контакт с объектом?

— Платформа подвезет вас настолько близко, насколько будет возможно без обнаружения, — ответил робот-паук, перебираясь на повисшую рядом с Генри лестницу. Генри ухватился за перекладину. — Остаток пути я проведу вас сам.

9

Полет оказался недолгим. Лестница была подтянута к днищу летающей платформы, и та направилась в сторону равнины, не поднимаясь выше горных вершин.

— Прибыли, — сообщил робот, когда они зависли над поросшим травой склоном. — Осталось лишь перебраться через гребень. Рекомендую двигаться как можно тише.

— А я рекомендую заткнуться. Твое дело — показывать дорогу, а мне позволь побеспокоиться о том, чтобы нас никто не заметил.

Дальше они двинулись молча, шагая по колено в высокой траве и отодвигая в сторону нависающие ветви деревьев. Робот подвел хозяина к скальному выступу и молча указал вниз. Генри снял шляпу, положил ее и лишь затем подполз к краю и заглянул за него. Зрелище открылось впечатляющее.

Прямо на золе угасшего костра лежала сильно обгоревшая и почти съеденная бычья туша. Рядом с ней, наполовину в траве, наполовину в золе, распростерся весьма неприглядный на вид представитель человеческой расы. Его одежда (если то, что было на нем, можно было назвать одеждой) состояла из кое-как выдубленных шкур, скрепленных полосками грубой кожи. Длинные и спутанные волосы незаметно переходили в еще более длинную и кудлатую бороду. Волосы, шкуры и сам человек были неопрятными, грязными и обильно усыпанными пеплом. Шкуры распахнулись, обнажив громадный раздутый живот, похожий на перезрелую дыню, — очевидно, его владелец совсем недавно обожрался полусырым мясом до частичной потери сознания. Сейчас его явно беспокоил процесс пищеварения, потому что он стонал и ворочался, не открывая глаз. Его рука пошарила в золе, словно огромное безобраз-

ное насекомое, нащупала тушу, отодрала кусок и тут же отправила его в зияющую пасть. Мясо было мгновенно прожевано и проглочено, причем вкушающий даже не проснулся.

— Какая прелесть, — произнес Генри, вставая, отряхиваясь и надевая шляпу. — Он ухитрился набить в себя столько, сколько мне хватило бы на неделю. Посмотрим, что этот розанчик нам про себя расскажет.

Робот прыгнул ему на плечо, и они съехали по склону в лощину.

Дикий мгновенно проснулся, сел — что стоило ему немалых усилий — и уставился на Генри поросячьими, налитыми кровью глазками.

— Рад с вами познакомиться, сэр. Приятно видеть, что вы хорошо пообедали. Позвольте представиться…

— Убью! Убью! — взревел дикий и, схватив лежащий рядом каменный молоток, удивительно ловко швырнул его в Генри. Точно в голову. У того уже не оставалось времени ни уклониться, ни даже поднять для защиты руку.

Робот-паук сорвался с его плеча, оставив восемь маленьких аккуратных вмятин на коже Генри, и столкнулся на лету с молотком. Молоток и робот рухнули на землю, от робота осталась лишь кучка

металлических ножек.

— Уверяю вас, сэр, я не хотел причинить вам вреда…

— Убью! Убью! — снова зарычал дикий, нашарил булыжник размером с кулак и швырнул его с прежней ловкостью. На сей раз Генри успел уклониться.

— Послушайте, мы же можем поговорить, как взрослыелюди…

— Убью! Убью! — заверещал дикий и бросился в атаку, растопырив пальцы.

Генри проскользнул между клешнеобразными руками и быстро ударил дикаря ребром ладони по шее. Потом шагнул в сторону и полюбовался на отрубившегося противника.

— Боюсь, что у нас с тобой, приятель, появится проблема общения, — поведал он и наклонился, вытирая о траву засаленную ладонь.

Возле его головы прожужжало какое-то насекомое, он отмахнулся от него и услышал тоненький голосок:

— Докладываю. По ущелью сюда идет еще один дикий. На вид не вооружен.

— И на том спасибо, — отозвался Генри, принимая боевую стойку.

Вскоре послышались торопливо приближаю-

щиеся шаги, и показался второй дикарь. Он был столь же грязен и одет в такие же замызганные шкуры, но на этом сходство кончалось. Во-первых, он был намного старше, с седыми волосами и бородой. Вокруг шеи у него был повязан обрывок некогда цветного шейного платка, заляпанный и испачканный почти до неузнаваемости. На носу пристроилось нечто, прежде называвшееся очками. Одной линзы не было, а вторая так потрескалась, что стала почти непрозрачной. Завидев Генри, дикарь остановился и чуть склонил голову набок, разглядывая его сквозь остатки очков и тихонько хихикая.

— Так-так, и кто это к нам пожаловал? — сказал он, мелкими шажками продвигаясь вперед.

— Вот это мне больше по душе, — отозвался Генри, принимая обычную позу. — Познакомиться с вами для меня просто удовольствие…

— Удовольствие, удовольствие… Не употребляйте этого слова всуе, — сказал старикан, присаживаясь на корточки возле туши. — Язык — инструмент точный, у слов есть смысл, слова многое могут. Возьмите, к примеру, имена. Если я скажу вам свое имя, вы получите надо мной власть, да, получите, с именами многое можно натворить. — Продолжая говорить самым

спокойным и невинным тоном, он втихаря отщипывал от туши куски и запихивал их в рот, поэтому его последние слова разобрать было почти невозможно.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Генри, — и охотно с вами соглашусь. Но должен спросить, что делает здесь образованный человек вроде вас, почему вы живете в таких условиях?

— Каникулы, всего лишь каникулы. — «Хрум, хрум, ням, ням». Его зубы рвали мясо. — И не смейте даже думать, что я родом с этой захудалой планетки, о нет. Я с Форбрюгена, человек науки, и наблюдаю здесь за местными формами жизни. Весьма интересно. Скоро я напишу статью. Я человек науки и мира…

— Мое! Мое! — прохрипел первый дикарь, придя в себя. Он покатился по земле и обхватил остатки туши.

Продолжая одной рукой набивать рот, старик другой подхватил булыжник и умело тюкнул владельца туши по голове. Испустив стон, тот снова рухнул в золу. Генри молча наблюдал, но не стал вмешиваться в их забаву.

— Очень интересно, — сказал он. — Поскольку вы с Форбрюгена, ваше мнение имеет для меня особую важность. Наверное, вы знаете, отчего

люди на этой планете столь подозрительны и агрессивны.

— Знаю. — «Хрум».

Молчание затянулось. Наконец Генри спросил:

— Ну так вы скажете?

— Конечно. Но помните, доверие за доверие, и право первой публикации остается за мной. Знаете, все дело в радиации, в личной радиации. От злых мыслей проистекает злое излучение, радиация, которой мы можем присвоить значение *n*. Когда это *n* используется в уравнении с областью волнового излучения…

Он долго еще нес подобную чушь. В конце концов Генри громко вздохнул.

— Свихнулся, бедняга, — поведал он маленькому механическому орнитоптеру, летавшему кругами над его головой.

— Если вы имеете в виду его индекс нормальности, то вы правы, — согласился орнитоптер. — Я сравнил его данные с известными параметрами из справочника и обнаружил, что на другой планете он с вероятностью в девяносто семь целых восемьдесят девять сотых процента был бы помещен в психиатрическую лечебницу для корректировки психики.

— Можешь спокойно поменять эту цифру на

сто процентов. Какая трагедия: интеллигентный человек прилетел сюда, чтобы провести исследования, и не выдержал напряжения. Надо будет устроить его возвращение на Форбрюген.

— Я это у себя отмечу.

— Давай возвращаться, тут нам делать нечего. Эти дикие и есть просто дикие, одиночки и изгои. Они никак не могут быть причиной того, что происходит на этой планете… Что там?

Старик неожиданно поднял голову и приложил ладонь к уху. Затем оторвал от туши большой кусок мяса и побежал прочь. Оглушенный дикий замешкался. Он застонал, сел, потом вскочил и с руганью умчался.

— Они услышали приближение группы тракоциклов, — пояснил корабль. — Они движутся с той стороны, где пасутся стада.

— И ты говоришь это только сейчас. Я, как всегда, узнаю последним.

— Опасности пока нет. Я уже собирался вас проинформировать.

— В следующий раз информируй меня сразу. Как я выпутаюсь из этой ситуации?

— Летающая платформа уже в пути. До ее прибытия я посоветовал бы взобраться обратно на скалу. Преследователи явно ищут тех, кто крадет

у них животных, и, несомненно, станут преследовать тех, других.

— Надеюсь, ты окажешься прав, — сказал Генри, карабкаясь наверх с максимальной скоростью.

Место для наблюдения оказалось удачным. Когда ревущие тракоциклы остановились внизу, Генри смог за ними следить, оставаясь невидимым.

— А вот и туша! — крикнул один из прибывших. — Он ее украл, зажарил и сожрал. Я же говорил, у нас постоянно пропадает скот.

— И куда он побежал?

— Ищейка покажет.

— Позволь спросить, — прошептал Генри орнитоптеру, который сложил крылышки и теперь сидел возле его головы, — что такое ищейка?

На поиск ответа у компьютера ушло несколько микросекунд.

— Ищейка — это собака, которая высоко ценилась за хорошо развитое обоняние и съедобное мясо — в различные времена и в различных странах. Теперь это слово применяют по отношению к коммерческому поисковому инструменту, который следует по запаховому следу примерно так, как и исходное существо, давшее ему свое имя.

— Да где же платформа? — вопросил Генри. У него по спине внезапно пробежал холодок.

— Всего через три минуты…

— Давай его сюда!

— Эй, — крикнул кто-то внизу. — Ищейка взяла три следа. Два ведут туда, а один прямо на эти скалы.

— Там кто-то есть!

— Прикончим его!

Генри поработал неплохо, но силы оказались неравными.

Тракоциклы с ревом взлетели вверх по склону и понеслись на него. Первого из нападавших Генри вышиб из седла и швырнул на остальных. Прежде он служил в морской пехоте патруля, и под его тщательно культивированным жирком скрывалась впечатляющая мускулатура. И драться он умел. Трое уже лежали на земле — кто стонал, кто без сознания, — когда четвертый стукнул его по голове рукояткой пистолета и окончательно испортил ему шляпу. Генри так и не узнал, чем его ударили.

10

Генри застонал, приоткрыл глаза, с отвращением посмотрел вокруг, снова простонал и опять

закрыл глаза.

— Объясните, что произошло?! — сказал командер Сергеев, наклонившись так близко, что его борода коснулась носа Генри.

— Назад, в джунгли, — отозвался Генри, почесывая нос. — Расскажите все, что знаете, пока я решаю, оставаться ли мне в живых или умереть, а я дополню ваш рассказ недостающими деталями.

— Ба! Вы позволили себя похитить. Теперь мы будем гнить на этой автоматизированной бойне до скончания веков.

— Терпение. Старайтесь не кричать. Я вызволю вас отсюда — вы лишь расскажите, что произошло.

— Сами знаете, что произошло. Вернее, похожий на вас робот все знает. Я не мог заснуть, а он вообще не спит, поэтому мы играли в шахматы. Затем этот болван внезапно вскакивает — причем специально разбрасывает фигуры, потому что через четыре хода я поставил бы ему мат, — и выдирает из стены свою цепь. Знай я, что он способен это сделать, я бы уже давно заставил себя освободить. Потом залезает на ящики с блоками памяти и прячется там. И пока я на него кричу, дверь распахивается, и они вносят вас, уже в

таком виде. Через секунду вы прикованы снова, или, если хотите, в первый раз. Nueboh![11] Вы меня поняли. Потом они уходят. А теперь ваш паршивый робот полностью меня игнорирует — торчит себе там да ковыряет в стене дырочку. Идиотизм!

Генри посмотрел вверх на свою копию. Робот завис вверх ногами под самым потолком и колупал стенку полоской стали. Ощутив слабость, Генри прикрыл глаза и немного фальшиво застонал.

— Мне нужен врач, — сообщил он.

— Помощь уже в пути, — ответил робот и проткнул стену насквозь.

Едва он это сказал, в отверстие влетел «летающий глаз» и сразу же устремился к Генри. Серебристый, похожий на птичку, он завис над хозяином, выжидающе жужжа. На спине у него медленно открылся лючок. Генри-робот с дребезжащим стуком спрыгнул на пол, подбежал к хозяину и достал из «летающего глаза» пакетик. Маленький робот тут же вылетел сквозь отверстие в стене.

— Это медицинский набор, — пояснил робот. — Я обработаю ваши раны.

---

[11] Примечания: 11
Снова, заново*(эсп.)*.

— Сначала болеутоляющее, несчастная имитация компьютера, пришибленная коротким замыканием, — сказал Генри. — А потом объяснения.

Укол сработал немедленно. Обрабатывая царапины и ушибы, робот начал пояснять:

— Остановить тех людей было невозможно, поскольку в моем распоряжении оказались лишь небольшие по размерам единицы оборудования. Но мне удалось не допустить, чтобы вас убили. Микроботы, пробравшиеся в их оружие, сделали его неработоспособным, и я прекратил все операции, едва вы потеряли сознание и очутились в их руках. Я предположил, что вас снова привезут сюда, поскольку так они поступили в первый раз. Мое предположение оказалось правильным.

— А если бы ты ошибся?..

— Я был готов к любым случайностям, — ответил компьютер с механической самоуверенностью. — К этому времени тяжелое оборудование уже было подготовлено к использованию.

Поскольку некоторые из тяжелых роботов были снабжены атомным оружием, подобная самоуверенность выглядела оправданной.

Генри пошевелился и сел, не испытывая боль-

ше чувства, что вот-вот развалится на части при малейшем движении.

— Мы уходим отсюда немедленно! — заявил Сергеев, и его пальцы зашевелились, словно уже сжимали чье-то горло.

— Да, наверное, пора. Мы явно не преуспеем, сидя на цепи возле пульта управления этой бойни. Но проявите терпение и дайте мне немного времени восстановить силы.

— У вас десять минут, не больше!

Сергеев зашагал из угла в угол, поглядывая на часы.

— Какой вы чуткий, коммандер. Как, должно быть, вас любили подчиненные.

— Может, и любили, но молча. Пока они мне подчинялись, я был удовлетворен.

— Ни одного из жителей этой планеты вы не смогли бы сделать членом своего экипажа. Никогда в жизни мне не доводилось видеть так много подозрительных и тупых людей. Дети кажутся вполне нормальными, да и женщины тоже, если только можно назвать их затворнический образ жизни нормальным. Но мужчины! Вероломные, подозрительные, готовые убить на месте — перечисление можете продолжить сами. Возможно, форбрюгенцы правы, утверждая, что местные

просто рехнулись от такой жизни и даже выработали культуру типа «убей, или убьют тебя». Сюда не посылают мощное энергетическое оружие, лишь ограниченное количество взрывчатки. Им приходится это делать, иначе Форбрюген лишится главного источника белка. Это дилемма, не имеющая легкого решения. Местные уже вросли в свой образ жизни — а полностью изменить все общественные отношения почти невозможно.

— К чему менять? Бросить их ко всем чертям! Пусть торчат тут вместе со своими коровами, пылью и пистолетами. Они тут психи, все до единого!

Глаза Генри распахнулись, он внезапно сел.

— Что вы сказали?

— Вы же слышали — психи. А теперь пошли, времени нет.

Генри подтянул ноги и медленно встал.

— Возможно, если все здесь душевнобольны, это многое может объяснить. Наверное, я искал не те причины…

— Прошу вас, коммандер, без насилия, — сказал Генри-робот, становясь между Генри и разгневанным Сергеевым: тот приближался, вытянув руки и пошевеливая пальцами.

— Мы уходим, коммандер, успокойтесь, — ска-

зал Генри, переключая внимание на неотложные дела. — Корабль, полагаю, ты можешь извлечь нас из этого здания?

— Простая задача, — ответил робот, наклоняясь над цепью Генри. — Джентльмены, будьте любезны следовать за мной.

С легким щелчком он оторвал цепь возле лодыжки Генри, затем проделал ту же операцию с цепью Сергеева. Они последовали за ним к двери, которую робот вышиб, даже не остановившись. Переступив через обломки, они пошли вслед за роботом по коридору к выходу.

— Эту он так легко не вышибет, — сказал Сергеев, указывая на массивную, обитую сталью дверь.

— Будьте любезны, отойдите в сторону, — попросил робот.

Едва его просьбу выполнили, дверь рухнула внутрь. Всю противоположную стену утыкали щепки и перекрученные куски металла. Беглецы вышли сквозь выбитое взрывом отверстие и увидели тяжелого робота с энергетической пушкой вместо головы. Глаза и рот у него располагались в желудке.

— Рекомендую быстро покинуть это место, — сказал он. — Ваш побег запустил сигнальную

систему, и у меня создалось впечатление, что все мужчины города сейчас направляются сюда.

Услышав эти ободряющие слова, люди и роботы помчались сквозь непроницаемую темноту. Луну и звезды скрыли облака, а в уличные фонари жители Слагтера не верили. Предупрежденные вездесущими жучками и «летающими глазами», беглецы свернули в сторону и укрылись, избегая встречи с разыскивающими их местными жителями на тракоциклах. Добравшись до края взлетного поля космодрома, они увидели на его дальнем конце свой корабль, окруженный кольцом грузовиков и полугусеничных машин. Прожекторы и фары освещали все вокруг ярко, как днем. Генри остановился, тяжело дыша, и обвиняюще ткнул пальцем в ближайшего робота:

— Только не делай вид, будто ты об этом не подозревал. Решил сделать мне сюрприз и не говорить о команде встречающих?

— Нет. Я не стал вас информировать ради вашего спокойствия, посчитав, что новость о том, что корабль окружен, может оказаться для вас гнетущей и повлияет на эффективность, с какой вы убегали.

— Чихал я на твою эффективность! — взревел Сергеев и пнул робота в лодыжку, в результате

чего лишь сильно ушиб пальцы на ноге.

— Как мы попадем на корабль? — поинтересовался Генри.

— Следуйте за мной. Закопанный корабль коммандера находится почти за пределами охраняемого круга, и я сейчас прокладываю второй наклонный туннель, который выйдет на поверхность в безопасной зоне. Вы сможете войти через него.

— У нас нет другого выбора. Пойдемте, коммандер.

Прожекторы светили ярко, и последнюю сотню метров беглецы преодолели ползком, укрываясь в мелкой канаве. Добравшись до промытой дождями лощины, они вконец вымотались, извалялись в грязи и насквозь пропотели.

— Мы на месте, — сообщил Генри-робот. — Подождите, пожалуйста, несколько секунд, и туннель будет выведен на поверхность. А пока я порекомендовал бы абсолютное молчание, потому что детекторы обнаружили индивидуума, который вооружен и движется в нашем направлении.

— Можем ли мы его захватить, не подняв тревоги? — спросил Генри.

— Это возможно. Прошу вести себя тихо и оста-

ваться на месте.

Услышав приближающиеся тяжелые шаги, беглецы припали к земле. Над ними выросла чья-то фигура: темный силуэт на фоне света прожекторов вокруг корабля. В одной руке он держал наготове револьвер, а другой прикрывал глаза, пытаясь что-либо разглядеть в темноте под собой.

Генри-робот выбросил руки со скоростью змеи, наносящей удар, и схватил его за лодыжки. Не успев поднять револьвер или вскрикнуть, человек свалился в лощину.

Еще на лету Генри нанес ему звучный удар в челюсть. Коснувшись земли, человек скатился по склону и уже без сознания рухнул на дно лощины. Разглядев его лицо в слабых отблесках света, Генри радостно воскликнул:

— Это же наш старый друг шериф! Лучшего я и пожелать не мог!

Рядом послышались гул и скрежет, и на поверхность выскочило сверкающее лезвие бура. Секундой позже из дыры показался робот-бурильщик, он выполз в канаву и встал, покачиваясь на широких лапах.

— Скорее в туннель, — посоветовал Генри-робот. — Шерифа я потащу вслед за вами. Хочу

сообщить, что этот туннель не укреплен и, я предполагаю, с достаточно высокой вероятностью обрушится через три или четыре минуты.

— Чтоб ты провалился вместе со своими дешевыми туннелями! — рявкнул Генри и нырнул в отверстие.

Сергеев немедленно последовал за ним. Едва его ноги скрылись в дыре, за ним пополз и Генри-робот, волоча за собой бесчувственное тело шерифа. Замыкал цепочку робот-бурильщик. Боевой робот остался в одиночестве, охраняя вход.

11

Удовольствие оказалось ниже среднего. Генри полз на четвереньках, свод туннеля царапал ему спину. Внутри было темно, не хватало воздуха, к тому же Генри успел выбиться из сил еще до того, как началась эта безумная авантюра. Туннелю, казалось, не будет конца; Генри ощущал, как давит на него толща земли, стискивает, и ему начало казаться, что у него не хватит сил.

Тут туннель пошел вверх, выровнялся, впереди блеснул свет. Из последних сил Генри дополз до выхода в укрепленный туннель и обессиленно свесился наружу. Поджидавший там робот вытянул его, затем извлек коммандера, словно

пробку из бутылки. Следующим был Генри-робот. Он успел вытянуть шерифа лишь до половины, когда туннель обрушился. Люди растянулись на полу туннеля, пока робот откапывал шерифа.

— Я подумал, что вы, наверное, захотите выпить холодного пива, — сказал другой робот, выходя из примыкающего туннеля. Он нес поднос с двумя стаканами и двумя охлажденными бутылками пенящегося пива. — Как по-вашему, коммандер к вам присоединится?

Сергеев прохрипел что-то неразборчивое, бросился вперед и схватил одну из бутылок. Презрев стакан, он поднес бутылку к губам и, опустошив ее наполовину, шумно выдохнул. Генри выпил свою чуть менее торопливо.

— Ваш корабль здесь, коммандер, — сказал он. — Он в земле, но в целости и сохранности. Не согласитесь ли вы пройти в мой, пока ваш не откопают?

Побег и пиво заметно улучшили настроение Сергеева.

— Буду рад к вам присоединиться. Если вы ничего не имеете против, мне бы не хотелось и дальше торчать под землей.

— Полностью с вами согласен.

Они, покряхтывая, встали и пошли по туннелю

в корабль. Прежде чем умыться и переодеться, Генри передал шерифа на попечение корабля вместе с подробными инструкциями. Он сидел в рубке, задрав ноги, читал отпечатанный компьютером отчет и доедал сэндвич, когда вошел Сергеев.

— Садитесь и заказывайте что душе угодно, коммандер, — сказал Генри, махнув в сторону кресла. — Рад видеть, что корабль смог подобрать вам одежду по размеру.

— По размеру — да, но ткань скверная. У него не нашлось ничего, кроме ваших отвратительных костюмов в клеточку. — Он просмотрел поданное роботом меню. — А что это за официальный на вид отчет вы читаете?

— Это решение проблемы Слагтера. В крови шерифа обнаружено значительное количество ДМПЕ, или тараксеина, как его иногда называют. Анализ выявил и его источник.

Коммандер указал роботу на выбранные в меню блюда, вернул его и, нахмурившись, посмотрел на Генри, снова превратившись в прежнего Сергеева.

— Вы что, сумасшедший? — спросил он.

— Я-то нет, зато шериф — да. Его признали бы душевнобольным на любой планете, кроме

этой. Знаете ли вы, что такое параноидальная шизофрения?

— Одно из психических заболеваний. Но при чем здесь она?

— При том, что шериф ею болен. Параноик живет в собственном мире, зная лишь себя и доверяя лишь себе. Тот, кто страдает одной из ее разновидностей, подвержен мании преследования. Он верит, что весь мир настроен против него. Он может казаться нормальным во всех отношениях, кроме одного. Человек не обязан быть тупым лишь потому, что он психически болен.

— Так вы хотите сказать, что…

— Вот именно! Каждый мужчина на этой планете — классический случай параноика. Когда-то считалось, что эта болезнь имеет чисто психологические корни, развиваясь из детских конфликтов и тому подобного. Со временем выяснилось, что подобные переживания лишь запускают болезнь, которая сама по себе имеет чисто химическую причину. Она кроется в разладе химических процессов в мозге. ДМПЕ — это антитело, которое организм вырабатывает в ответ на внешние чужеродные организмы. Беда лишь в том, что ДМПЕ повреждает не только их, но и сам мозг.

Коммандер ахнул:

— Так вы хотите сказать, что этот… как вы его назвали?.. ДМПЕ… делает людей психически больными и они ведут себя странно именно из-за него? Если это так, то откуда он берется?

— Компьютер еще завершает микроанализ, но он уже обнаружил микроорганизм, который вроде бы является причиной. Это одноклеточная и очень слабая бактерия, которая, очевидно, очень медленно поражает ткани тела. Подобные формы инфекции могут быть наихудшими, вроде проказы, потому что ее действие настолько слабо, что организм не мобилизует против нее защитные силы. И микроорганизм процветает, делается все сильнее, в то время как тело слабеет и постепенно вырабатывает достаточно ДМПЕ, чтобы вызвать вторичную, уже психическую болезнь.

— И сколько на это нужно времени?

— Должно быть, лет тринадцать-пятнадцать, потому что у детей нет подобных симптомов. Но я видел пятнадцатилетнего мальчика, и ему уже явно немного осталось.

— А как же девочки и женщины?

— Наверное, у них природный иммунитет, это наиболее логичное объяснение, потому что на этой планете микроорганизм встречается везде.

— Тогда и мы заразились!

— Естественно. Но вспомните, что требуется пятнадцать лет, чтобы эффект проявился. И его можно будет устранить за пару месяцев, раз уж мы знаем, что следует искать. Сюда с Форбрюгена прибудут команды медиков и все возьмут в свои руки.

Сергеев взял принесенный роботом сэндвич, откусил огромный кусок и махнул остатком в сторону Генри:

— В ваших аргументах есть одно противоречие. Если уж болезнь настолько распространена, то она должна быть и в мясе. Так почему же она не попадает на Форбрюген?

— Да очень просто. Длительное воздействие очень низких температур за несколько месяцев убивает почти любой организм. Мясо отсюда отправляют замороженным, и оно месяцами хранится в космосе. Другого же контакта с поверхностью планеты нет.

— Достаточно убедительно, — буркнул Сергеев, соглашаясь, доел сэндвич и отправил робота за вторым. — В таком случае я должен буду остаться здесь, когда мой корабль откопают. Люди больны, и их следует лечить. А когда они поправятся, я пересчитаю их для галактической переписи, и

тогда моя работа здесь будет завершена.

— Для них наступит более счастливая жизнь. Дети смогут отправиться в школы на Форбрюген, а затем вернуться, чтобы построить более разумное общество, чем нынешнее, странное. — Генри криво усмехнулся. — Воистину впечатляющая мысль.

— Какая? — осведомился Сергеев, более занятый сэндвичем и бутылкой пива, которым он воздавал должное.

— Да дети. Наверное, везде и всюду они бунтуют, глядя на старшее поколение, и даже считают родителей сумасшедшими за то, что те внушают им свои идеи. Но здесь, на Слагтере, дети оказались правы!

Мало что осталось добавить. Церемония была короткой. Кадеты выходили вперед, высоко подняв головы, и получали удостоверения. Один за другим они повторяли этот простой ритуал, пока его не завершил последний.

Больше они уже не были кадетами.

— Патрульные, я приветствую вас, — произнес командир, и его голос потонул в радостных криках счастливых выпускников. Эхо отразилось от куполообразной крыши и затихло лишь тогда, когда выпускники устремились навстречу первым

заданиям и своему будущему. Командир остался один, думая о новичках, в чьи классы он придет уже завтра.

Они покидали зал, покидали Землю и направлялись к планетам и звездам Галактики во имя закона и порядка. А верные свиньи и послушные роботы, эти друзья человека, помогут ему покорять новые звезды.

Бок о бок свинья, робот и человек дружно шагали навстречу замечательному будущему.

Если…

Перевод И. Зивьевой

— Мы прибыли, мы не ошиблись. Расчеты оказались верными. Под нами то самое место.

— Ты жалкий червяк, — сказала 17-я своей спутнице 35-й, походившей на нее во всем, кроме номера. — Место правильное. Только прибыли мы сюда на девять лет раньше, чем полагалось. Посмотри на счетчик.

— Ты права, я жалкий червяк. Я освобожу тебя от бремени своего бесполезного присутствия.

35-я достала из ножен свой нож и, потрогав пальцем лезвие, удостоверилась, что оно достаточно острое. Она приложила нож к белой полоске, опоясывающей шею, и приготовилась перерезать себе горло.

— Не сейчас, — зашипела 17-я. — У нас и так нехватка рабочих рук, а твой труп экспедиции не нужен. Немедленно доставь нас в нужное время. И помни — запас энергии у нас ограничен.

— Все будет исполнено как приказано, — ответила 35-я и скользнула к пульту управления.

44-я не вмешивалась в разговор — ее фасеточные глаза ни на секунду не отрывались от блока энергоконтроля, а чуткие плоские пальцы реагировали на показания многочисленных шкал.

— Готово, — объявила 17-я, потирая от удовольствия лапки. — Точное время и точное место. Нужно спускаться и решать нашу судьбу. Восславим же Великого Ящера, правящего судьбами всех.

— Слава Великому Ящеру, — пробормотали две ее спутницы, внимательно следя за приборами.

Из бездонной глубины неба упал шарообразный корабль. Гладкость его корпуса нарушал лишь большой прямоугольный иллюминатор, оказавшийся сейчас внизу. Голубой металл шара был, скорее всего, анодированным алюминием, хотя выглядел намного тверже. Было непонятно, что позволяет ему летать и зависать в воздухе, но спускался он равномерно и, несомненно, под контролем. Аппарат двигался все медленнее и медленнее, пока не скрылся за грядой гор у северной оконечности озера Джонсона, возле опушки сосновой рощи. Вокруг раскинулись поля с пасущимися на них коровами, которых, казалось, ничуть не встревожило появление небесного гостя. Ни один человек приземления корабля

не заметил. К роще от озера вела протоптанная тропинка, которая затем, покружившись меж высокими стволами сосен, выводила к шоссе.

На куст села иволга, и из ее горлышка полились чудные трели; с поля прискакал крольчонок пощипать травки. Эту буколическую мирную сценку нарушил шорох шагов на тропе и монотонное насвистывание. Птичка — яркое пятнышко краски на зеленом фоне холста — вспорхнула и улетела; крольчонок спрятался в кустарнике. На берег вышел мальчик. Он был одет так, как обычно одеваются мальчики; в одной руке он держал школьный портфель, в другой — небольшую самодельную проволочную клетку. В клетке, вцепившись в сетку, сидела ящерица, поводя вытаращенными от ужаса глазами. Не переставая громко насвистывать, мальчик неторопливо шагал по тропке, постепенно углубляясь в тень сосновой рощи.

— Мальчик, — окликнул его чей-то писклявый дрожащий голос. — Ты слышишь меня, мальчик?

— Конечно слышу, — ответил мальчик и остановился, оглядываясь вокруг в поисках невидимого собеседника. — Где ты?

— Рядом с тобой, но я невидима. Я — твоя крест-

ная фея…

Мальчик высунул язык и грубым звуком выразил свое недоверие.

— Я не верю в невидимок и крестных фей. Кто бы вы там ни были, выходите из леса.

— Все мальчики верят в крестных фей, — вкрадчиво, с оттенком беспокойства произнес голос. — Мне известны все секреты. Я знаю, что тебя зовут Дон и…

— Все знают, что меня зовут Дон, а в фей давно больше никто не верит. Теперь мальчики верят в ракеты, подводные лодки и атомную энергию.

— А в космические полеты?

— Конечно.

Немного успокоенный голос продолжил с большей уверенностью и вкрадчивостью:

— Не хотела пугать тебя, но дело в том, что я с Марса и только что приземлилась.

Дон снова издал насмешливый грубый звук.

— На Марсе нет атмосферы и никаких видимых форм жизни. А теперь выходите. Хватит играть со мною в прятки.

После долгого молчания голос произнес:

— А ты веришь в путешествия во времени?

— Верю. Неужто вы прибыли из будущего?

— Да, — с облегчением подтвердил голос.

— Тогда выходите — хочу на вас посмотреть.

— Существуют такие вещи, на которые человеческому глазу лучше не смотреть.

— Чепуха! Человеческий глаз может отлично смотреть на что угодно. Или вы выходите, или я ухожу.

— Не советую. — В голосе послышалось раздражение. — Я могу доказать, что путешествую во времени, подсказав тебе, например, ответы завтрашней контрольной по математике. Правда здорово? Номер один: одна целая семьдесят шесть сотых. Номер два…

— Не люблю шпаргалок, а даже если бы и любил, с новейшей математикой не сжульничаешь. Ее либо знаешь, либо — нет. Считаю до десяти, потом ухожу.

— Нет, тебе нельзя уходить! Я должна попросить тебя об одном одолжении. Выпусти ящерицу, что сидит у тебя в клетке, а за это я исполню три твоих желания — вернее, отвечу на три вопроса.

— С какой стати мне ее выпускать?

— Это твой первый вопрос?

— Нет. Просто я люблю сначала во всем разобраться, а потом уже делать. Это особая ящерица. Такой я ни разу здесь не видел.

— Ты прав. Это ящерица акродонт из Старого

Света, из отряда червеязычных, обычно называемая хамелеоном.

— Верно! — Дон теперь заинтересовался по-настоящему. Не сходя с тропинки, он присел на корточки, достал из портфеля книгу в красной обложке и положил ее на землю. Затем он повернул клетку так, что ящерица оказалась на дне, и осторожно поставил клетку на книгу. — Она действительно поменяет окраску?

— Да. И довольно заметно. А теперь, если ты выпустишь эту самочку…

— Откуда вы знаете, что это самочка? Опять эти сказки насчет путешествия во времени?

— Если хочешь знать, то да. Ее в паре с самцом купил в зоомагазине некий Джим Бенан. Два дня назад, когда Бенан добровольно выпил жидкость, содержащую изрядное количество этилового спирта, и в совершенно невменяемом состоянии уселся на клетку, обе ящерицы оказались на свободе. Одна из них, к несчастью, погибла от ран, а вот эта выжила. Если ты отпустишь…

— По-моему, шутка слишком затянулась, и поэтому я пошел домой. Или выходите оттуда, чтобы я мог на вас взглянуть.

— Предупреждаю тебя…

— До свидания. — Дон подобрал клетку. — Вот

это да! Она стала красной, как кирпич!

— Не уходи. Я сейчас выйду.

Дон с неподдельным любопытством наблюдал, как из-за деревьев выходит странное существо всего лишь около семи дюймов ростом. Оно было фиолетовое, с громадными выпученными глазами и местами покрытой чешуей кожей. На нем был сшитый по фигуре коричневый комбинезон, а за спиной висел ранец.

— А вы не очень-то похожи на человека из будущего, — заметил Дон. — Честно говоря, вы вообще не похожи на человека. Вы слишком маленькая.

— Я могла бы ответить, что это ты чересчур велик. Размеры — вещь относительная. А все-таки я из будущего, хотя и не человек.

— Это уж точно. Вы куда больше похожи на ящерицу. — Повинуясь внезапно промелькнувшей в голове мысли, Дон внимательно посмотрел на путешественницу во времени, затем перевел взгляд на клетку. — Вы и правда здорово смахиваете на этого хамелеона в клетке. Что между вами общего?

— Это секрет, который тебя не касается. А теперь ты подчинишься моей команде, иначе тебе придется худо. — 17-я повернулась к лесу и махнула рукой. — Тридцать пятая, я приказываю.

Выйди и уничтожь вон те кусты.

Со все возрастающим интересом Дон наблюдал, как из-за деревьев медленно выплыл металлический шар, похожий на голубой баскетбольный мяч. Дискообразная пластина на шаре скользнула в сторону, и в образовавшемся отверстии показалось блестящее сопло, очень напоминающее брандспойт игрушечной пожарной машины. Сопло нацелилось на живую изгородь в добрых тридцати футах от шара. Внутри сферы раздался пронзительный вой, постепенно нараставший по высоте, пока не стал едва слышимым. Из сопла внезапно вырвался тонкий луч света и коснулся кустарника, тот затрещал и мгновенно вспыхнул. Через секунду от него остался лишь почерневший остов.

— Это устройство называется роксидайзером и смертельно опасно, — сказала 17-я. — Сейчас же выпусти хамелеона!

Дон нахмурился:

— Ладно. В конце концов, кому нужна эта старая ящерица?

Он поставил клетку на землю и уже начал ее открывать, но вдруг застыл и… втянул ноздрями воздух. Подхватив клетку, он направился по траве к сгоревшему кустарнику.

— Вернись, — заверещала 17-я. — Еще один шаг — и мы сожжем тебя.

Дон пропустил мимо ушей слова ящероподобного существа, которое сейчас буквально пританцовывало от злости и нетерпения, и побежал к кустам. Он вытянул перед собой руку — и та прошла сквозь обуглившиеся стволики.

— Так и знал, что здесь нечисто, — произнес он. — Все горело, я стоял с наветренной стороны — и не чувствовал даже запаха гари. — Он повернулся к застывшей в мрачном молчании путешественнице во времени. — Да ведь это всего лишь проецируемое изображение, что-то вроде трехмерного кино.

Неожиданная мысль заставила его замолчать. Он подошел к зависшей над землей машине времени и ткнул в нее пальцем. Рука прошла насквозь.

— И этой штуки здесь нет. А как насчет вас?

— Экспериментировать ни к чему. Я и наш корабль существуем здесь только в виде временно́го эха, если так можно выразиться. Материя не может перемещаться во времени, но само понятие ее можно проецировать куда угодно. Уверена, что для тебя все это слишком сложно…

— До сих пор все было понятно. Валяйте даль-

ше.

— Наши проекции, находящиеся здесь, вполне реальны для нас самих, хотя для любого наблюдателя из того времени, куда мы прибыли, мы можем существовать лишь в виде изображения или звуковой волны. Для перемещения во времени требуется колоссальное количество энергии, и на нашу экспедицию затрачены почти все ресурсы нашего мира.

— Но зачем? И скажите ради разнообразия правду. Без всяких там крестных фей и прочей чепухи.

— Я сожалею, что пришлось пуститься на уловки, но наша тайна слишком важна, и мы не могли раскрывать ее, не испробовав сперва другие способы убеждения.

— Вот теперь мы наконец добрались до истины. — Дон уселся поудобнее и скрестил ноги. — Выкладывайте.

— Мы нуждаемся в твоей помощи; в противном случае вся наша цивилизация оказывается под угрозой. Совсем недавно — по нашей шкале времени — наши приборы зафиксировали странные возмущения. Мы, ящеры, живем простой и бесхитростной жизнью в будущем — примерно через миллион лет после вас, и наша раса доминирует.

Ваша же давно вымерла, причем так ужасно, что тебе не следует знать об этом — лучше я поберегу твои юные уши. Наша раса находится под угрозой. Ученые обнаружили, что нас вот-вот сметет волна вероятности — огромная волна отрицания стремительно надвигается из нашего далекого прошлого.

— Вы не могли бы разъяснить мне, что такое волна вероятности?

— Я приведу пример из вашей литературы. Если бы твой дед умер, не успев жениться, ты бы не родился и не разговаривал сейчас со мной.

— Но я родился.

— В масштабах Вселенной это еще спорный вопрос, но мы не будем сейчас обсуждать его. Наши запасы энергии ограниченны. Короче говоря, мы проследили нашу родословную через все мутации и изменения и нашли ту единственную протоящерицу, от которой и пошел наш род.

— Дайте-ка подумать, — проговорил Дон и указал на клетку. — Это она и есть?

— Она, — торжественно, как и требовал того момент, произнесла 17-я. — Так же как в каком-то времени и в каком-то месте существует проточеловек, от которого произошел ваш человеческий род, так и она является праматерью нашего. Ско-

ро она произведет на свет потомство, оно будет расти и размножаться в этой прекрасной долине. Скалы неподалеку от озера ощутимо радиоактивны, и это обстоятельство послужит причиной мутаций. Пройдут столетия, и однажды наступит день, когда наш род достигнет высот своей славы. Но только если ты откроешь клетку.

Дон подпер рукой подбородок и задумался.

— А вы меня больше не разыгрываете? Это правда?

17-я выпрямилась и замахала над головой обеими руками — или передними ногами.

— Клянусь господом нашим, Великим Ящером, — произнесла она нараспев. — Звездами неугасимыми, обновлением вечным природы, облаками, небом, матриархатом, что я…

— Да вы просто перекреститесь и поклянитесь, что умрете, коли соврали, — и этого будет вполне достаточно.

Ящероподобное существо завращало глазами и послушно исполнило требуемый ритуал.

— Ну вот — другое дело! Когда речь заходит о вымирании целой расы, я, как и любой парень в нашей округе, становлюсь мягким, словно воск.

Дон отогнул проволоку, которой скреплялась дверца клетки, и открыл ее. Хамелеон выкатил

на мальчика один глаз, а второй устремил на распахнутую дверцу. 17-я наблюдала за происходящим в благоговейном молчании, а машина времени между тем подплыла поближе.

— Иди же, — сказал Дон и вытряхнул ящерицу на траву.

На этот раз хамелеон сообразил, чего от него хотят, и поспешно скрылся в кустах.

— Теперь ваше будущее обеспечено, — сказал Дон. — Или прошлое, с вашей точки зрения.

17-я и машина времени бесшумно исчезли. Дон снова стоял на лесной тропинке один.

— Ну и ну, могли хотя бы спасибо сказать на прощание. Люди, скажу я вам, намного воспитаннее ящериц.

Он подобрал опустевшую клетку, подхватил портфель и пошел домой.

Он не услышал шороха в кустах и не увидел, как из них крадучись вышел кот с обмякшим хамелеоном в зубах.

Перегрузка

Перевод Г. Корчагина

За бортом росло давление, и точно такими же темпами росло напряжение внутри корабля. Второе, пожалуй, объясняется тем, что Ниссиму и Альдо совершенно нечем было заняться и в голову лезли тревожные мысли. Посмотрит человек на манометр — и тотчас отведет глаза, и это повторяется снова и снова.

Альдо мял пальцы и обливался противным холодным потом, а Ниссим курил сигарету за сигаретой. Только Стэн Брендон, отвечавший на борту за все, оставался спокоен и внимателен. Проверяя приборы, он выглядел расслабленным, но в движениях появлялась четкость и сосредоточенность, когда он регулировал работу устройств. Это почему-то злило ученых, хотя никто из них не признался бы в этом.

— Сломался датчик давления! — с ужасом воскликнул Ниссим, подавшись вперед и натянув до отказа ремни безопасности. — Он на нуле!

— Док, успокойся, все нормально. — Улыб-

нувшись, Стэн протянул руку и щелкнул переключателем; стрелка ожила и сместилась по шкале. — Так и должно быть. По-другому давление за бортом измерить невозможно. Внешняя оболочка корпуса состоит из металлических и кристаллических блоков, у них разные коэффициенты сжатия, а стало быть, разная прочность. Когда один блок разрушается от перегрузки, мы переключаемся на соседний…

— Да-да, я в курсе.

Ниссим взял себя в руки, хорошенько затянулся табачным дымом. Ему, конечно же, на инструктаже рассказали про датчики давления. Просто сейчас эти сведения выскочили из головы.

По шкале манометра неторопливо двигалась стрелка. Ниссим взглянул на нее и отвернулся. Подумал о том, что происходит вне этой глухой, без окон и швов сферы. Снова посмотрел на прибор и почувствовал, что ладони мокры от пота.

Ниссим Бен-Хаим, ведущий специалист по физике в Тель-Авивском университете, имел слишком богатое воображение. В этом ему ничуть не уступал Альдо Габриэлли, прекрасно знавший о своем недостатке и остро жалевший, что не может ничего предпринять.

Оставалось только ждать и наблюдать.

Смуглый, черноволосый и носатый, типичный итальянец на вид, Альдо был американцем в одиннадцатом поколении и считался светилом не тусклее Ниссима, а то и поярче, только не в физике, а в области электронной инженерии. Его даже называли гением; созданный им скантронный усилитель вызвал революцию в технологии передачи материи на расстояние.

Ему было страшно.

В сгущающуюся атмосферу Сатурна проваливался «Х. Гюйгенс». Таким было официальное название корабля, но люди, собиравшие его на «Сатурне-1», предпочитали простое слово «Шар». Да он и был по сути сферой — прочной, с оболочкой десятиметровой толщины и мизерной полостью в середке. Массивные клиновидные секции корпуса производились в Поясе астероидов и доставлялись на «Сатурн-1» для сборки. Там, на высокой орбите, на фоне неописуемо красивых колец и огромного горба планеты Шар мало-помалу приобретал сообразную прозвищу форму. Молекулярная сварка скрепила блоки в единое целое, а перед тем, как на свое место скользнул последний клин, внутрь осторожно поместили ПМ-экран.

Теперь в полость можно было проникнуть

только при посредстве передатчика материи.

Конструкторы убрали сварочные аппараты вместе с их убийственным излучением и приступили к завершающей стадии монтажа. Специально для этой экспедиции изготовленный ПМ-экран располагался под палубой, а на палубе вскоре выросла гора продовольствия и техники. Роботы сделали интерьер Шара пригодным для жизни людей, а экстерьер — для научных экспериментов. Затем внутри были установлены органы управления, а снаружи — топливные резервуары и дюзы; получился космический корабль с атомным двигателем, способный пролететь через всю толщу атмосферы и достичь поверхности планеты.

Еще восемьдесят лет назад невозможно было построить «Х. Гюйгенс» из-за отсутствия технологии уплотнения сплавов под давлением. Сорок лет назад инженеры не знали молекулярной сварки. Десять лет назад экипаж не смог бы попасть внутрь сферы — атомная дифференциация тогда не применялась на практике. А теперь никакие провода и волноводы не ослабляют прочности корпуса Шара. Вместо них есть зоны дифференциации в сплаве, с такими же химическими и физическими свойствами, как

у окружающего металла, но способные пропускать разные электрические импульсы. В целом же Шар — плод человеческих знаний, которые достигли высочайшего уровня.

Чтобы опустить трех человек на глубину двадцать тысяч миль, до самого дна сатурнианской атмосферы, необходимо было запереть их наглухо в тесной кабине. При подготовке экспедиции все ее будущие участники показали высокую устойчивость к клаустрофобии, и тем не менее она сейчас давила на психику каждому из них.

— Контроль, как слышите, прием, — произнес Стэн в микрофон и резко нажал подбородком на переключатель.

Несколько секунд ожидания, пока лента с записью проходила сквозь экран передачи материи, а с той стороны в воспроизводящее устройство закатывалась катушка с ответом.

— Одна целая три десятых, — сообщил динамик, сопровождая шипением каждое слово.

— Это уже сказывается сигма-эффект. — У Альдо наконец-то успокоились руки; впервые он посмотрел на прибор намеренно. — Сто тридцать пять тысяч атмосфер. Обычно он начинается на этой глубине.

— Хотелось бы взглянуть на поступившую лен-

ту. — Ниссим раскрошил сигарету в пальцах и потянулся к замку, чтобы освободиться от пристежных ремней.

— Не надо, док! — поднял руку Стэн. — Скоро наверняка затрясет, сами знаете, какие ветра в этой атмосфере. Мы пока сидим на струе двигателя и спускаемся отвесно, но это продлится недолго. Я попрошу, чтобы на ваш транслятор отправили новую ленту.

— Это же одна минута, — буркнул Ниссим, но его рука застыла на пряжке.

— Ее вполне хватит, чтобы раскроить череп.

Будто в подтверждение слов Стэна, корабль вдруг замотало из стороны в сторону, при этом сильно креня. Ученые вцепились в свои кресла, а пилот поспешил выровнять ход Шара.

— Да вы мастер пророчить неприятности, — проворчал Альдо. — А как насчет хороших вестей?

— Только по вторникам, док, — невозмутимо ответил Стэн и переключился на следующий манометр — в оболочке вышел из строя очередной блок. — Скорость снижения не меняется.

— Получается чертовски долго, — посетовал Ниссим, зажигая сигарету.

— Так ведь двадцать тысяч миль, док. К тому

же мы не хотим слишком крепко стукнуться при посадке.

— Я прекрасно знаю плотность атмосферы Сатурна, — рассердился Ниссим. — И хватит называть меня доком! Хотя бы потому, что к доктору Габриэлли вы обращаетесь так же и создаете путаницу.

— Да как скажете, док. — Пилот повернулся к раздраженно сопящему физику и подмигнул. — Я же просто шучу. Мы в одной лодке, скоро притремся и станем друзьями, почти что родня. Зовите меня Стэном, а я вас буду звать Ниссимом. А вы, док, согласны на Альдо?

Габриэлли сделал вид, что не услышал. Этот пилот способен кого угодно вывести из себя.

— Что это? — спросил Альдо, когда Шар охватила слабая, но непрерывная вибрация.

— Сложно сказать, — нахмурился Стэн, быстро перекинув рычажки на пульте, а затем считав результаты своих манипуляций со шкал. — Что-то влияет снаружи, может, облака, через которые мы проходим. Наблюдаются удары различной интенсивности по корпусу.

— Кристаллизация, — глянув на манометр, сказал Ниссим. — В верхнем слое атмосферы двести десять градусов ниже нуля по Фаренгейту, но

низкое давление пара препятствует кристаллизации. Здесь оно существенно выше. Должно быть, мы идем через облака, состоящие из кристаллов метана и аммиака…

— Я остался без последнего радара, — констатировал Стэн. — Их все сорвало.

— А были бы у нас телекамеры, мы бы видели сейчас, что происходит за бортом, — упрекнул его Ниссим.

— Что тут увидишь? — возразил Альдо. — Водородные облака, начиненные льдом? Телекамеры тоже не выдержали бы, как и любые другие приборы. Остается надеяться только на радиоальтиметр.

— И он отлично работает, — бодро сообщил Стэн.

Ниссим вытянул из подлокотника кресла трубку, глотнул воды. Альдо последовал примеру, обнаружив вдруг, что у него тоже пересохло в горле. Бесконечное падение продолжалось.

— Долго я спал? — спросил через некоторое время Ниссим, удивляясь тому, что нервное напряжение не помешало ему отключиться.

— Несколько часов, — отозвался Стэн. — Судя по буйволиному храпу, это был крепкий и здоровый сон.

— Моя жена говорит, что я храплю как верблюд. — Ниссим глянул на хронометр. — А вы, получается, не спали семьдесят два часа. Неужто не устали?

— Я в порядке, еще успею вздремнуть. Есть таблетки, да и долгие вахты мне не в новинку.

Ниссим откинулся в кресле и взглянул на Альдо; тот, бормоча под нос числа, решал какую-то задачу с помощью карманного калькулятора.

«Никакое чувство нельзя испытывать бесконечно, даже страх, — подумал Ниссим. — В начале спуска нам было очень страшно, но это не могло продолжаться слишком долго».

Стоило взглянуть на манометр, как его охватила дрожь, но это вскоре прошло.

— Давление не меняется, — доложил Стэн, — но мы снижаемся, это точно.

Под глазами у него появились темные пятна, будто нарисованные сажей дуги. Последние тридцать часов он держался на химических стимуляторах.

— Там, наверное, жидкий аммиак и метан, — сказал Ниссим. — Ну или полужидкий — переходит в газообразное состояние и возвращается обратно. При таком давлении все возможно. Без малого миллион атмосфер за бортом. Просто не

верится.

— А мне верится, — проговорил Альдо. — Скажите, мы способны двигаться вбок? Может, найдем опору, что-нибудь твердое?

— Вот уже час я только этим и занимаюсь, — ответил Стэн. — Или мы и дальше тонем в этом супе, или выныриваем и находим новое окно для спуска. Лично мне второй вариант не нравится. Это ведь надо снижаться, балансируя на дюзах, — слишком рискованно при той гравитации, что ждет нас внизу.

— А у нас есть топливо, чтобы вынырнуть?

— Есть, но хотелось бы приберечь его на всякий случай. Мы одолели почти тридцать процентов высоты.

— Голосую за снижение, — сказал Ниссим. — Если там жидкость, то она, по всей видимости, покрывает всю планету. При таких параметрах давления и ветра любые отклонения должны нивелироваться за относительно короткие промежутки геологического времени.

— Не согласен! — возразил Альдо. — Но изучать эти флуктуации будут другие исследователи. Я голосую за снижение по одной-единственной причине: надо беречь топливо.

— Трое против нуля, джентльмены. Летим

вниз.

Продолжалось ровное снижение. Когда приблизились к изменчивой поверхности, пилот включил дюзы и сократил громадный вес Шара. Сильной аэродинамической тряски при вхождении в жидкость не возникло, поскольку плотность среды нарастала постепенно.

— Есть показания датчиков. — Впервые Стэн заговорил с воодушевлением. — Мы на высоте пятнадцати километров. Наверное, дно тут все-таки есть.

Остаток пути прошел в молчании, двое ученых не рисковали отвлекать пилота. И все же это был самый легкий этап. Чем глубже они опускались, тем слабее воздействовали на Шар атмосферные возмущения. На высоте одного километра полностью прекратились и тряска, и боковая качка. Экипаж безмолвствовал, дожидаясь соприкосновения с планетарной твердью. Пятьсот метров. Стэн доверил компьютеру процедуру посадки, но сам остался подле пульта, даже рук с него не убрал, готовый отреагировать на любую неожиданность.

Дюзы дали короткий выброс, погасив скорость корабля. Разок громыхнув и скрежетнув, тот опустился на грунт, пилот перешел на ручное

управление и выключил двигатель.

— Готово. — Стэн потянулся всем телом. — Мы на Сатурне. Как не выпить по такому случаю?

Он закряхтел от натуги и тихо выругался. Выбраться из кресла было непросто, на это ушли почти все оставшиеся силы.

— Гравитационная постоянная — две целых шестьдесят четыре сотых, — считал Ниссим со своей консоли показание сложного прибора — кварцевого балансира. — Спрашивается, как можно работать при таком тяготении?

— Дел у нас немного, управимся быстро, — ответил Альдо. — Давайте и правда выпьем. Потом Стэн отдохнет, а мы займемся передачей материи.

— Годится, — согласился пилот. — Моя задача выполнена, с этой минуты и до возвращения я просто зритель. Давайте, парни, за нас!

Они с трудом подняли стаканы.

Гравитация, более чем в два с половиной раза превышающая земную, не стала для них сюрпризом — Шар и строился с расчетом на многократные перегрузки. Альдо и пилот поменялись креслами — инженеру нужно было сидеть перед ПМ-экраном и консолью управления кораблем.

Отстегнув ремни безопасности, Ниссим развер-

нулся вместе с креслом так, чтобы можно было дотянуться до экрана.

Стэн не дожидался, когда будут закончены приготовления; он провалился в мертвый сон. Остальные члены экипажа не заметили этого, они были полностью поглощены своим делом. Габриэлли, специалист по материальной передаче, занялся предварительным тестированием, а Ниссим внимательно наблюдал за его действиями.

— Все отправленные нами вниз дистанционные устройства встретили сигма-эффект, не пройдя и одной пятой высоты атмосферы, — сообщил Альдо, хлопоча над приборами. — Он был такой сильный, что еще на полпути возникли проблемы с контролем, а потом и вовсе пропала связь. — Габриэлли перепроверил показания датчиков и откинулся в кресле, глядя, как по экрану осциллографа бежит волна.

Надо было дать отдых натруженной спине и рукам.

— Синусоида вроде нормальная, — заметил Ниссим.

— Так и есть. Значит, дело в чем-то другом. Отсюда следует вывод, что твоя теория верна по меньшей мере наполовину.

— Отлично! — Ниссим улыбнулся — впервые с

той минуты, как оказался на борту корабля.

И сжал кулаки, предвкушая словесную трепку, которую задаст коллегам-физикам. Эти господа совершили большую ошибку, отмахнувшись от его идей.

— Значит, это не передатчик барахлит?

— Точно.

— Отправь что-нибудь на пробу, посмотрим, проходит ли сигнал. Приемник-то в порядке, исправен и настроен.

— «Сатурн-один», это «Х. Гюйгенс». Проверка связи.

Они напряженно смотрели, как лента с записью, пощелкивая, уходит в экран. Затем Альдо переключился на прием. Минуту ничего не происходило, и он снова отправил сообщение, с тем же результатом.

— Вот и доказательство, — весело проговорил Ниссим. — Передатчик работает, приемник тоже, на них мы грешить не можем. Не проходит сигнал. Очевидно, воздействует выявленный мною фактор пространственного искажения. Как только будет сделана коррекция, восстановится связь.

— Надеюсь, это случится скоро, — не без уныния проговорил Альдо, оглядывая изогнутые стены

тесной кабины. — Пока не закончится коррекция, мы так и будем сидеть внутри этого громадного яйца. Даже если бы здесь была дверка, куда, спрашивается, идти?

Пробудившись, Стэн не почувствовал себя отдохнувшим — от сна мало пользы при такой гравитации. Зевание и потягивание если и возымело действие, то обратное желаемому. Он повернулся к спутникам: Ниссим сосредоточенно работал с компьютером, Альдо прижимал к носу окровавленный платок.

— Кровотечение из-за перегрузки? — спросил Стэн. — Можно сделать укол адреналина.

— Перегрузка ни при чем, — последовал приглушенный тканью ответ. — Меня ударил этот мерзавец.

— Да, прямо в огромный носище, — не отрываясь от пульта, добавил Ниссим. — По такой мишени не промахнешься.

— А что не так? — Взгляд Стэна перескакивал с одного ученого на другого. — Передача материи не работает?

— Ага, не работает, — вкрадчивым тоном ответил Альдо. — Наш приятель решил обвинить в этом меня, и когда я…

— Теория верна, ее практическое применение

— нет.

— ...И когда я предположил, что он допустил одну-две ошибки в своих уравнениях, началась инфантильная истерика...

Стэн решил прекратить спор, пока тот снова не перешел в драку.

— А ну-ка успокойтесь! И не говорите одновременно, а то ничего не понять. Кто-нибудь один пусть растолкует мне, что тут произошло.

— Хорошо, — кивнул Ниссим и через силу дождался, когда утихнет брюзжание Альдо. — Что вам известно из теории передачи материи?

— Да ровным счетом ничего. Мое дело пилотское, и я от него не отвлекаюсь. Кто-то строит корабли, кто-то их чинит, а я вожу. Может, как-нибудь попроще объясните?

— Попытаюсь. — Ниссим помолчал в задумчивости, поморщил лоб и заговорил: — Прежде всего необходимо понимать, что передача материи — не съемка и пересылка изображения, как в телевидении. Здесь не отправляется сигнал в привычном для нас значении этого слова. На самом деле происходит вот что. Материя экрана передатчика переходит в состояние, при котором она уже не является частью известного нам космоса. Аналогичные условия создаются и

для экрана приемника, производимые обоими приборами колебания точно настраиваются на одну и ту же частоту. В некотором смысле они становятся одним целым, и не важно, какое расстояние разделяет их. Если войти в один экран, то выйдешь из другого, не заметив ни временно́го, ни пространственного разнесения. Я объясняю очень плохо…

— Ниссим, вы отлично справляетесь. Так в чем же наша проблема?

— А вот в чем. Хотя расстояние между приемником и передатчиком никак на процессе транспортировки материи не сказывается, весьма важным фактором является состояние пространства…

— Извините, кажется, я теряю нить.

— Ну, тогда я попробую объяснить с помощью аналогии. Луч света движется в космосе по прямой, если на него не воздействует какое-нибудь физическое явление: рефракция, рефлекция и тому подобное. А еще этот луч может искривляться, проходя через сильное гравитационное поле, например вблизи Солнца. Похожий эффект мы отмечали у передачи материи и всегда делали поправки на массу Земли или других космических тел.

Здесь, в этом кошмарном супе, который мы называем атмосферой Сатурна, в материальный обмен вмешивается еще один фактор — невероятное давление. Создаваемые им сверхнагрузки воздействуют даже на связующую атомы энергию. И мы, прежде чем переправлять объект между экранами, должны определить необходимые допуски, чтобы в процессе передачи делать точные поправки. Все расчеты я сделал заранее, и сейчас мы занимаемся коррекцией.

— Он чересчур упрощает, — раздраженно сказал Альдо, который во время диалога вытирал нос и разглядывал пятна на платке. — И на практике получается не так, как на бумаге. Ни один сигнал не прошел. Считаю, если мы хотим превозмочь проклятое давление и выбраться из этого проклятого супа, нам надо до предела повысить мощность передачи.

— Количество — не качество! — вспылил Ниссим, и Стэн опять счел нужным вмешаться:

— Вы хотите сказать, пора спустить с цепи чудовище, которое сидит у нас под ногами?

— Да, черт побери! Именно для этой цели оно и было построено, и в отличие от блоков корпуса оно поддается наладке.

— Чтобы до него добраться, нужен целый

месяц! — на повышенных тонах возражал Ниссим. — И не факт, что мы при этом не угробимся.

— Думаю, можно управиться и побыстрей. — Стэн уселся на койке, едва не застонав при этом от натуги. — И мышцы потренировать не вредно.

Понадобилось почти четверо суток, чтобы справиться с задачей. Экипаж вымотался до предела. Конструкторы «Х. Гюйгенса» предусмотрели ситуацию, требующую частичного демонтажа, и установили рым-болты и лебедки, но все-таки подъем тяжестей не обходился без человеческой силы. Но вот уже середина палубы расчищена и поднят настил, остался лишь узкий пояс вдоль стены, где находилось тестовое оборудование и кресла. Расположившись в этих креслах — какой-никакой, а отдых, — экипаж смотрел на полностью открытый ПМ-экран.

— И впрямь чудовище, — хмыкнул Стэн. — Через него даже посадочный модуль пролезет.

— Размеры — не самое главное. — Альдо тяжело дышал, в ушах стучала кровь; перегрузка сказывалась на сердце. — Схема продублирована для страховки, все детали изготовлены из самых прочных материалов, максимально допустимая мощность в сто раз больше штатной.

— И как же вы будете копаться в его потрохах?

Я вижу только экран.

— При посредстве вот этой штучки. — Габриэлли указал на отверстие, из которого они вывинтили пробку толщиной в фут. — Все управление здесь. Перед уходом мы вернем заглушку, и она зафиксируется сама. Для настройки экрана придется поднимать его секции.

— Это я тупой или гравитация влияет? Ничего не понял.

Альдо терпеливо объяснил:

— Главная задача нашей экспедиции — доставить сюда этот ПМ-экран, исследовательская программа второстепенна. После того как мы выберемся отсюда, наше место займут техники. Они демонтируют всю временную оснастку Шара, на ее место установят сверхпрочные приборные блоки и эвакуируются. Затем автоматические дрели ослабят верхнюю секцию корпуса, просверлив в нем несквозные отверстия. Экран синхронизируют с другим, находящимся в космосе над эклиптикой. Потерявший прочность Шар в определенный момент лопнет, коллапсирует, обрушится на экран. Тот не пострадает — все обломки будут переправлены в космос. Останется только постепенно изменить фазирование, вплоть до прекращения передачи материи. Мы

получим доступ ко дну сатурнианского моря, о чем так страстно мечтают криогенетики и специалисты по физике высоких давлений.

Стэн кивнул, а Ниссим обвел взглядом загроможденные конструкционными деталями стены и содрогнулся, вообразив, как под нажимом ядовитого моря взорвется эта металлическая глыбища.

— Давайте начнем, — буркнул он и кое-как встал, переборов гравитацию планеты. — Поднимаем секции, настраиваем экран. Не стоит тут задерживаться.

Секции экрана они поднимали втроем, но только Альдо мог сделать необходимые настройки. Ворча под нос, он напряженно работал с оборудованием дистанционного управления. Периодически отдыхал с закрытыми глазами и не видел, как Ниссим встревоженно косится то на него, то на стены. Неунывающий Стэн готовил для ученых еду, выдавал им противоперегрузочные таблетки и стимуляторы, описывал разные сложные ситуации, которыми так богата история космических полетов. От этого монолога только один человек получал удовольствие — он сам.

Когда же наконец была сделана настройка, проведены все проверки и секции возвращены

на свои места, Альдо просунул в отверстие руку и нажал на кнопку, и темный экран ожил, появилось знакомое мерцание: ПМ действует!

— Можно передавать, — сказал Габриэлли.

— Пошлю-ка я вот это. — Стэн торопливо писал на листке. — Интересно, смогут ли прочитать.

Он бросил на середину экрана бумажный комок, и тот провалился, скрылся с глаз.

— Теперь попробуем получить. — Альдо перекинул тумблер, и цвет экрана снова изменился.

С замиранием сердца, едва дыша, экипаж смотрел на пустую поверхность, и вдруг из нее с пугающей внезапностью выскочил отрезок ленты. Изгибаясь под собственной тяжестью, он укладывался в пирамидку.

Ниссим добрался до ленты первым. Схватил, расправил. Тянул на себя, пока от поверхности экрана не отлетел другой конец.

— Работает! — воскликнул Стэн.

— Неважно работает, — охладил Ниссим его восторг. — Придется настроить поточнее. Но наверху проанализировали нашу ситуацию и прислали инструкции.

Он вставил ленту в звуковоспроизводящее устройство, и кабина заполнилась оглушительным скрежетом. Различить в нем человеческий

голос было совсем не просто.

— Будем доводить, — повторил Ниссим.

В следующий момент с его лица исчезла невеселая улыбка: все содержимое Шара резко наклонилось, затем медленно восстановило свое положение в пространстве.

— Нас что-то толкает! — испуганно констатировал Ниссим.

— Вероятно, течение, — предположил вцепившийся в кресло Альдо. — А может, плавучая льдина — отсюда не определишь. Давно пора убираться.

И они снова взялись за работу, превозмогая адскую перегрузку.

Осталось всего ничего, один шаг до возвращения на станцию «Сатурн-1», в безопасность и комфорт. Ниссим рассчитал необходимые поправки, его товарищи подняли секции экрана и перенастроили узлы. На все про все ушли солнечные сутки, зато получаемые инструкции теперь звучали четко и отправленные наверх образцы материалов анализировались с точностью до пятого знака после запятой.

Время от времени Шар подвергался толчкам, и экипаж изо всех сил старался не думать, чем это грозит.

— Готовы к экспериментам на живых организмах, — проговорил в микрофон Ниссим.

Альдо позаботился о том, чтобы лента с записью этих слов ушла в экран, и подавил сильнейший соблазн кинуться следом. Скоро все кончится, надо набраться терпения и подождать. Он переключил аппарат на прием.

— Не припомню, чтобы я хоть раз в жизни так долго просидел на одном месте, — глядя, как и его товарищи, на экран, произнес Ниссим. — Даже когда учился в колледже, каждый вечер переносился из Исландии домой, в Израиль.

— А я, пока работал в этом проекте на «Сатурне-один», привык ночевать в Нью-Йорке, — подхватил Альдо. — Да, перенос материи — для нас бытовое явление… до тех пор, пока не возникает ситуация вроде нынешней. В этом отношении вам, Стэн, куда проще.

— Почему это мне проще? — удивленно вскинул брови пилот. — Я тоже часто им пользовался, не упускал возможности побывать в Новой Зеландии. — Его взгляд сразу вернулся к пустому экрану.

— Я другое имел в виду: вы пилот, привыкли подолгу находиться в одиночестве на борту корабля. А может, дело в хорошей подготовке. По

сравнению с нами вы меньше… обеспокоены.

Ниссим кивнул, молча соглашаясь с Альдо, а Стэн ответил с натужным смешком:

— Не заблуждайтесь на мой счет. Когда вам страшно, я тоже боюсь, но приучен этого не показывать. В моей работе паника — это смерть, в вашей — пустяковый стресс, который лечится рюмкой спиртного в обед. Самоконтролю можно научиться, просто вам это было без надобности.

— Не совсем так, — возразил Ниссим. — Мы ведь не животные, а цивилизованные люди, у нас есть сила воли…

— И где же она была, когда вы съездили по носу Альдо?

Ниссим хмуро улыбнулся:

— Один — ноль в вашу пользу. Признаю за собой чрезмерную эмоциональность, но ведь эмоции неотъемлемы от человеческой натуры. У нас разные типы личности, ваша, я бы сказал, более устойчива, вас не так легко вывести из себя.

— Ткните в меня ножиком — потечет кровь. Подготовка, вот что не дает пилоту нажать на кнопку «Паника». Не прошел такую подготовку — не сядешь за пульт управления. Думаю, от типа личности тут зависит многое, но только долгие тренировки позволяют довести действия до авто-

матизма. Вам доводилось слушать «космические голоса»?

Не сводя с пустого экрана глаз, ученые отрицательно покачали головой.

— Советую послушать. Записи делались на протяжении полувека, но конкретную дату изготовления любой из них вам нипочем не угадать. Тренировка самоконтроля и ясности ума — это практически одно и то же. Самый лучший тому пример — первый человек, побывавший в космосе, Юрий Гагарин. Осталось много записей его речи, в том числе и самая последняя. Он пилотировал какой-то атмосферный летательный аппарат, и возникла аварийная ситуация. Гагарин мог катапультироваться и спастись, но дело происходило над густонаселенной территорией. Поэтому он увел свою машину подальше и погиб. Но до самого конца его голос звучал спокойно, как и в остальных записях.

— Это неестественно, — проворчал Ниссим. — Наверное, он был особенным человеком, совсем не таким, как мы.

— Вы меня совершенно не поняли.

— Слушайте! — сказал Альдо.

Разговор прервался, из экрана выскочила и упала на его поверхность морская свинка.

— Отлично выглядит, — заключил поднявший ее Стэн. — Мех в идеальной сохранности, усы на месте. Теплая… но мертвая. — Он взглянул в изнуренные, перекошенные страхом лица товарищей и улыбнулся. — Нет причин волноваться, нам не нужно сию минуту нырять в машину-убийцу. Есть время довести настройку до ума. Будете осматривать тушку или я могу отправить ее обратно для изучения?

Ниссим отвернулся и сердито проговорил:

— Избавьтесь от нее и попросите срочно прислать результат экспертизы. Нужно повторить тест.

Ответ от физиологов пришел быстро: смерть наступила в результате функционального расстройства нейромускулярных синапсов. Типичный для первых ПМ-экранов сбой; уже давно разработан надежный метод коррекции.

Была проделана соответствующая перенастройка, причем в ходе ее Альдо потерял сознание, его привели в чувство с помощью лекарств. Экипаж держался на пределе физических сил.

— Если еще раз придется поднимать секции, я вряд ли выдержу, — еле слышно пожаловался Альдо и переключил экран на прием.

Появилась новая морская свинка. Некоторое

время она не подавала признаков жизни, но вдруг шевельнула носом, перевернулась на живот и заметалась в поисках укрытия под тихий и слабый, но счастливый смех наблюдателей.

— Прощай, Сатурн, — ухмыльнулся Ниссим. — Я сыт тобой по горло.

— И я. — Альдо включил передачу.

— Все-таки подождем, что скажут врачи насчет зверушки. — Стэн поймал морскую свинку и бросил в экран.

Все проследили за ее исчезновением.

— Да, конечно, — неохотно согласился Ниссим. — Последняя проверка.

Ответ пришел не скоро, и он не оправдал ожиданий. Запись прослушали дважды.

— Таковы результаты клинических исследований. В сухом остатке имеем микроскопическое замедление некоторых рефлексов и скорости передачи нервных сигналов. Нет уверенности в том, что ситуация исправится самостоятельно. Требуется более точная настройка управления. Решать вам, джентльмены. Мы все здесь сошлись во мнении, что наблюдается какое-то функциональное расстройство, хотя во внешности и поведении животного оно не проявляется. Но никто из нас не рискует высказывать предположения о сути

этого расстройства, пока не проведены более тщательные исследования. Для этого нужно минимум сорок восемь часов…

— Вряд ли я протяну двое суток, — сказал Ниссим. — Сердце…

Глядя на экран, Альдо произнес:

— Я-то протяну, да что толку? Еще раз секции поднимать? У меня никаких сил не осталось. Все, это конец. У нас только один выход.

— Через экран? — спросил Стэн. — Не будем пороть горячку, сделаем новый тест и дождемся результатов. Потерпим сколько сможем.

— Не дождемся, умрем, — настойчиво возражал Ниссим. — Альдо прав, даже если придут расчеты для перенастройки, нам не проделать ее еще раз. Надо возвращаться сейчас же.

— Я так не считаю… — Стэн умолк, обнаружив, что его не слушают. Он и сам был на грани обморока. — Ладно, давайте голосовать, побеждает большинство.

Мнение большинства выяснилось быстро: два против одного.

— Осталось решить последний вопрос, — проговорил Стэн, глядя в изнуренные бескровные лица и зная, что сам выглядит ничуть не лучше. — Кто рискнет и отправится первым?

Молчание затянулось. Наконец Ниссим кашлянул:

— А что тут решать? Если выяснится, что без перенастройки не обойтись, ее сможет проделать только Альдо. Хоть он и ослаб, но замены ему нет. Значит, Альдо остается.

Стэн, не в силах держать голову прямо, позволил ей опуститься на грудь.

— Согласен. Вы, доктор Бен-Хаим, тоже не годитесь в морские свинки, — слышал, без такого светила физики проекту никак не обойтись. А пилотов кругом полно.

Ниссим хотел было возразить, но не нашел доводов.

— Значит, первая морская свинка у нас есть. Когда приступать? Сейчас? Мы точно сделали все, что от нас зависело? Вы уверены, что не справитесь с новой коррекцией, если она потребуется?

— Это железный факт, — хрипло ответил Альдо. — Я полностью скис.

— Можно продержаться несколько часов, даже сутки, но как потом работать? Нет, надо возвращаться сейчас же, это наш единственный шанс.

— Нам нужна абсолютная уверенность, — сказал Стэн, переводя взгляд с одного спутника на другого. — Я не ученый, в вашей технике ничего

не смыслю. И если вы говорите, что не можете самостоятельно провести более точную настройку экрана, мне остается только поверить на слово. Но я знаю, что такое усталость и как ее превозмогать. Мы способны продержаться гораздо дольше, чем вам кажется…

— Нет! — воскликнул Ниссим.

— Выслушайте меня. Если не хватает каких-то инструментов для подъема тяжестей, мы их получим. Отдохнем пару суток, потом нам помогут стимуляторы. Закажем полностью отлаженные узлы, облегчим задачу для Альдо. Можно найти и другие способы…

— Ни один из них не годится для мертвецов, — перебил Альдо, разглядывая взбухшие вены на своем запястье; прокачка крови по ним отнимала уйму сил. — В таких условиях сердце долго не протянет.

— Вы даже не догадываетесь, какой это сильный орган и на что вообще способен человеческий организм.

— Пожалуй, это справедливо в отношении вас, — сказал Ниссим. — Вы хорошо развиты физически, прошли подготовку, а у нас, сами видите, избыточный вес и нетренированные мышцы. Еще никогда мы не были так близки

к смерти. Я уверен, что долго не продержусь, и если вы сейчас же не отправитесь, то позвольте сделать это мне.

— Альдо, а вы что скажете? — спросил Стэн.

— Ниссим выразил и мое мнение. Раз уж надо выбирать между переносом и верной смертью, я предпочитаю перенос. Какой-никакой, а шанс.

— Ладно, будь по-вашему. — Стэн медленно, трудно спустил ноги с койки. — Вроде говорить больше не о чем. До встречи на станции, друзья. Приятно было поработать с вами. Каждому из нас будет о чем рассказать детям.

Альдо включил передачу, Стэн неуклюже подобрался к краю экрана и не то чтобы шагнул в него, а скорее упал, махнув рукой на прощание. Через несколько мгновений поступила лента, и Альдо дрожащими руками заправил ее в звуковоспроизводящее устройство.

— …Да, он здесь, а ну-ка, помогите ему… Алло, «Х. Гюйгенс», майор Брендон прибыл, и выглядит он ужасно. В смысле, вы знаете, как выглядит Стэн, на самом деле он в порядке. За него уже взялись врачи, расспрашивают… Погодите…

Речь сменилась невнятным бормотанием — говоривший слишком далеко отстранил микрофон. Пришлось долго ждать, прежде чем голос снова

стал разборчивым, но его тон изменился.

— Я должен вам сказать… возникли некоторые затруднения. Пожалуй, я передам слово доктору Криру.

Последовал какой-то стук, и заговорил другой человек:

— Это доктор Крир. Мы обследуем вашего пилота. Кажется, он не может говорить и никого не узнает, хотя внешних повреждений не наблюдается. То есть не похоже, что он получил физическую травму. Даже не знаю, как это сформулировать… Видимо, все очень серьезно. Если симптомы те же, что у морской свинки, то речь может идти о нарушениях высших функций мозга. Проверка базовых рефлексов нарушений не выявила, хотя, конечно, нельзя не учитывать усталость. Но функции высшего уровня — речь, сознание — предположительно отсутствуют. Поэтому я вам запрещаю пользоваться экраном, пока не будет закончено обследование мистера Брендона. Считаю своим долгом предупредить: возможно, на борту Шара вы задержитесь до тех пор, пока мы не пришлем инструкцию по настройке…

Лента закончилась, устройство щелкнуло и умолкло. Ученые с ужасом посмотрели друг на

друга и сразу отвернулись.

— Он мертв, — сказал Ниссим. — Даже хуже, чем мертв. Какое несчастье! А ведь был так спокоен, так уверен в себе…

— Гагарин управлял своим летательным аппаратом до самого конца, спасая людей. Что еще он мог сделать тогда? И чего можно было ждать от нашего пилота? Чтобы он запаниковал, как его экипаж? И ведь получается, мы его уговорили совершить самоубийство.

— Альдо, ты не вправе обвинять в этом ни меня, ни себя.

— Нет, вправе. Мы решили, что ему идти первым. Мол, ничего другого не остается, нам ведь не под силу настроить машину.

— Да… ты прав.

— И что дальше? — Впервые Ниссим посмотрел Альдо прямо в глаза. — Экран неисправен, пользоваться им нельзя. Значит, будем настраивать, пока не появится реальный шанс возвратиться целыми… и невредимыми.

Альдо не отвел взора:

— Думаю, мы справимся. И раз уж пошел такой откровенный разговор, ответь: каждый из нас двоих, когда вызывался первым пройти через экран, действительно верил, что способен на

это?

— Слишком трудный вопрос.

— На самом деле не слишком. Трудно будет дальше жить, если ответить на него честно, это да. Думаю, нужно прямо сказать: мы убили Стэна Брендона.

— Непреднамеренно!

— Непреднамеренно. И это, пожалуй, только усугубляет нашу вину. Стэн погиб из-за нашей неспособности разумно действовать в тяжелой ситуации. Сам-то он все сделал правильно. Нам нужно было просто слушаться профессионала.

— Задним умом мы все крепки. Нет бы вовремя прикинуть, чем это может кончиться. — Альдо покачал головой. — Невыносимо думать, что он погиб совершенно напрасно.

— Стэн погиб не напрасно, и он знал, на что идет. Ему надо было спасти экипаж, вернуть его на станцию целым и невредимым. Но убедить нас словами было невозможно. Если бы он остался, мы бы ничего не сделали, только обозлились бы на него. Ты прав, кроме Стэна, никому не хватило бы мужества отправиться первым. Мы бы так и лежали, дожидаясь смерти.

— Но теперь мы не будем лежать, — решил Альдо, поднимаясь на ноги ценой огромного

усилия. — Мы доведем до ума проклятый экран и выберемся отсюда. И тем самым хотя бы частично отдадим Стэну долг. Наше благополучное возвращение будет означать, что он пожертвовал собой не напрасно.

— Да, мы это сделаем, — подтвердил Ниссим, с трудом проталкивая слова через онемелые губы. — Теперь точно сможем.

И они взялись за работу.

Из фанатизма, или За вознаграждение

Перевод А. Новикова

Чудесно! Отличная четкость! Электронный прицел был для него новинкой — испытывая оружие, он пользовался оптическим, который электронному и в подметки не годился. Несмотря на дождливую ночь, широкий вход в здание на противоположной стороне улицы был виден четко и ясно. Локти удобно покоились на упаковочных ящиках, уложенных стопкой перед щелью, прорезанной в наружной стене.

«Приближаются пятеро. Тебе нужен самый высокий», — прошептал микродинамик в ухе.

На противоположной стороне улицы показались люди. Один из них был заметно выше остальных. Он шел, разговаривая и смеясь, и Джейген направил прицел на его белые зубы, потом стал прибавлять увеличение, пока зубы, рот и язык не заполнили всю прицельную рамку. Человек широко улыбнулся, и тут Джейген плавно и равномерно сжал приклад, одновременно

надавливая на спусковой крючок. Громыхнул выстрел, в плечо ударил приклад.

А теперь скорее, в обойме еще пять патронов. Уменьшить увеличение. Человек падает. Выстрел. Человек дергается. Выстрел. В голову. Еще одну туда же. Выстрел. Кто-то его заслоняет. Стреляем и в него. Выстрел. Так, помехи больше нет. В грудь, в сердце. Выстрел.

— Обойма пуста, — произнес он в торчавшую перед губами пуговку микрофона. — Пять в цель, насчет шестого не уверен.

«Уходи», — послышалось в ухе.

А я и так сматываюсь, подумал он. Была бы нужда напоминать — полиция Великого Деспота работает шустро.

Комнату освещал только тускло-оранжевый свет индикаторной лампочки передатчика материи. Код места назначения он набирал сам. Промахнув тремя шагами пустую пыльную комнатку, он стукнул по пусковой кнопке передатчика и тут же, не мешкая ни секунды, нырнул в экран.

По глазам больно ударил яркий свет, заставив прищуриться. Висящая под потолком голая лампочка освещала сырые каменные стены и металлическую дверь в потеках ржавчины. Он

находился в подземелье на какой-то планете, быть может, на другом конце Галактики. Какая, собственно, разница? Здесь — значит здесь. Когда есть ПМ, до любого места в мире всего один шаг. Он быстро встал сбоку от экрана.

Оттуда пыхнула струя газа. И беззвучно рассеялась. Прекрасно. Значит, тот передатчик уничтожен, взорван. Обследовав его обломки, полиция наверняка выяснит, куда он перепрыгнул, но на это уйдет время. А он успеет замести следы и исчезнуть.

Если не считать передатчика, единственным предметом в каменной каморке был большой керамический сосуд, накрытый крышкой. Он взглянул на приклад винтовки, куда наклеил полученные инструкции. Рядом с кодом, который он набрал, чтобы попасть сюда, виднелась пометка: «Уничтожить винтовку». Джейген отодрал липкую карточку с инструкцией и сунул в сумку на поясе, потом снял крышку с сосуда. Из него тут же заклубился едкий пар; Джейген, кашляя, отвернулся. Это пузырящееся адское варево могло растворить что угодно. Отработанным движением он отсоединил пластиковый приклад и уронил его в контейнер. Жидкость яростно забурлила, выбрасывая густой пар.

Джейген поспешно отступил, доставая из сумки работающую от батарей электропилу размером с кулак и с алмазными зубцами. Пила зажужжала, потом тонко взвыла, перепиливая ствол винтовки. Несколько дней назад он тщательно его измерил и сделал легкий надпил. Теперь он резал по этой метке, и через считаные секунды половинка ствола звякнула об пол. Она тут же отправилась следом за прикладом в компании с пустой обоймой. Достав из сумки новую обойму, он вставил ее на место, потом быстрым движением указательного пальца передернул затвор, дослав патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель и лишь после этого сунул обрез в просторный рукав куртки, придерживая ладонью шершавый срез ствола.

Прежней точности у обреза уже не будет, но на короткой дистанции убивает он не хуже винтовки.

Покончив с мерами предосторожности, Джейген сверился с инструкцией и набрал код очередного места назначения. После него на карточке значились всего два слова: «Заметай следы». Джейген шагнул в передатчик.

Шум и звуки, свет и резкие запахи. Где-то рядом был океан — он слышал шум прибоя, нос щекотал

солоноватый влажный воздух. Джейген стоял на площади коммуникационного узла, уставленной по периметру передатчиками, и какой-то мужчина, едва не наступив ему на пятки, выбрался следом за ним из того же ПМ и торопливо зашагал прочь, что-то бормоча под нос на незнакомом языке. По площади сновала густая толпа, над головой палило красноватое солнце. Джейген поборол искушение воспользоваться первой же соседней кабинкой и быстрым шагом двинулся через площадь. Потом остановился и стал поджидать первого прохожего, который пойдет мимо него, чтобы отправиться за ним, — так он выбирал случайное направление, не зависящее от его желаний. Первой прошла девушка, и он двинулся за ней. Юбочка на ней едва прикрывала ягодицы, зато выставляла на всеобщее обозрение на редкость кривые ноги. Пропетляв за юной кавалеристкой по боковым улочкам и миновав кабинку ПМ, он решил отстать. Свой след он вполне запутал, так что теперь подойдет любая кабинка.

Впереди, над внушительного вида зданием, он увидел знакомую зеленую звезду, и сердце его забилось — то было Управление полиции Великого Деспота. Джейген чуть заметно улыбнулся.

А почему бы и нет? Здание было общественным и служило не только резиденцией полиции. Чего бояться?

Но страх все же оставался, и его преодоление играло немалую роль в игре. Так, вверх по ступенькам мимо словно не замечающих его стражей. Большой холл со справочным столом в центре, вдоль стен вывески и стойки всевозможных служб. А вот и ряд экранов ПМ. Неторопливо шагая, он подошел к одному из средних экранов и набрал следующий код из списка.

От внезапного холода заслезились глаза, разреженным воздухом было почти невозможно дышать. Он быстро повернулся к экрану, чтобы набрать следующий код, но тут заметил торопящегося к нему мужчину.

— Постойте! — крикнул человек на интергалакте. Его нос прикрывала дыхательная маска, вторую он протянул Джейгену, который тут же надел ее. Подогретый свежий воздух успокоил его в той же мере, что и присутствие явно ожидавшего его человека.

Осмотревшись, Джейген понял, что стоит на мостике допотопного звездолета. Приборы были выдраны из стен, экраны не светились. На металлических переборках конденсировалась влага и

растекалась лужицами по полу. Человек заметил любопытство во взгляде Джейгена.

— Этот корабль уже несколько веков болтается на орбите. Подключив этот ПМ, мы запустили генераторы атмосферы и искусственной гравитации. Когда мы уйдем, все уничтожит атомный взрыв. И если вас выследили, тут след оборвется.

— Выходит, остальные мои инструкции…

— Не потребуются. Мы не были уверены, что успеем вовремя подготовить корабль, но, как видите, успели.

Джейген уронил на пол карточку с инструкциями и микродинамик. Эти улики исчезнут вместе с остальными. Человек быстро набрал код.

— Прошу вас следовать за мной.

— Уже иду.

Человек кивнул, отбросил маску и шагнул в экран. Они оказались в ничем не примечательном номере отеля — такой можно отыскать на любой из десяти тысяч планет. Двое, облаченные с головы до пят в черное, сидели в креслах с подлокотниками и разглядывали Джейгена сквозь темные очки. Провожатый молча кивнул, набрал код на передатчике и вошел в экран.

— Дело сделано? — спросил один. Их мешковатую черную одежду дополняли черные

же перчатки и капюшоны, а рты прикрывали демодуляторы голоса, делавшие его ровным, лишенным эмоций и неузнаваемым.

— Деньги, — бросил Джейген, отходя в сторону и прислоняясь спиной к стене.

— Мы заплатим тебе, приятель. Не валяй дурака. Мы лишь хотим узнать, как все прошло. Видишь ли, мы вложили в это дело большие средства, — сказал второй. Голос его был механически невозмутим, но пальцы, когда он говорил, сжимались и разжимались.

— Деньги, — повторил Джейген, стараясь, чтобы его голос звучал невозмутимо, как и электронные голоса этих двоих.

— Держи, охотник. — Первый достал из выдвижного ящика стола коробку и швырнул через комнату. Она упала у ног Джейгена и раскрылась. — И выкладывай наконец.

— Я выпустил все шесть пуль в указанную цель, — ответил Джейген, глядя на рассыпавшиеся по полу золотистые банкноты. Крупная сумма. Похоже, обещание они сдержали. — Четыре я всадил в голову, одну в сердце, еще одну в человека, который пытался его заслонить. Как вы говорили, так и вышло — против реактивных пластиковых пуль защитный экран не устоял.

— Теперь субсидии наши, — бесстрастно произнес второй. Но своим хладнокровием он был обязан исказителю — постукивание руки по креслу и покачивание ноги выдавали его возбуждение.

Джейген наклонился и стал собирать деньги. Со стороны казалось, будто смотрит он только на пол.

Один из людей в черном выхватил скрытый под одеждой энергетический пистолет и выстрелил в Джейгена.

Будучи охотником, Джейген всегда знал, что и он может стать объектом охоты. Он мгновенно откатился в сторону и стиснул ствол обреза. Другой рукой он нащупал под тканью рукава спусковой крючок. Стрелял он в упор, и промах для человека с его опытом на таком расстоянии был просто невозможен.

Получив пулю в живот, стрелявший переломился пополам, очень спокойно и монотонно выдохнул через исказитель «аххххххх», выронил пистолет и уже мертвым рухнул на пол.

— Пуля из мягкого сплава, — пояснил Джейген. — Приберег на всякий случай обойму — они куда лучше ваших пластиковых штучек. Входит маленькой, сплющивается, а наружу вылетает

уже лепешка. Винтовку я тоже приберег — точнее, тот минимум ее деталей, которые еще способны стрелять. Вы были правы, ее следует уничтожить, чтобы избавиться от улики, но только после нашей встречи. А на экране энергетического детектора мой обрез не видно, вот вы и решили, будто я безоружен. Ваш приятель узнал правду довольно неприятным способом. А что теперь делать с вами?

Джейген говорил быстро, пытаясь высвободить застрявший в рукаве обрез, отброшенный назад отдачей. Все, достал.

— Не убивайте меня, — произнес человек спокойным из-за исказителя голосом, вжимаясь спиной в кресло и заслоняя лицо рукой. — Это была его идея, я тут совершенно ни при чем. Он боялся, что если вас выследят, то схватят и нас. — Он взглянул на скрюченную фигуру и быстро отвернулся, увидев на полу лужу крови. — У меня нет оружия. Я ничего против вас не имею. Не убивайте меня. Я вам еще денег дам.

Он молил сохранить ему жизнь, но слова текли монотонно, словно перечень покупок.

Джейген поднял обрез, человек съежился от страха.

— У вас с собой есть деньги?

— Есть. Немного. Пара тысяч. Я могу дать больше.

— Мне некогда ждать. Достаньте то, что есть, — только медленно — и бросьте сюда.

Сумма оказалась приличной. Богатый, должно быть, гусь, раз таскает с собой такие денежки на карманные расходы. Джейген поднял оружие, чтобы застрелить его, но в последний момент передумал. Зачем? Он устал убивать.

Опустив обрез, он подошел и сорвал с человека маску. И был разочарован. Старый, толстый, обрюзгший, невидящие глаза полны слез. Охваченный внезапным отвращением, Джейген стащил его на пол и сильно врезал по физиономии. Потом отошел. Набирая код, он заслонял собой кнопки, чтобы толстяк не подсмотрел номер. Потом шагнул в экран.

И почти в ту же секунду в кабинет начальника полиции на планете, где произошло убийство, — за много световых лет от Джейгена — из экрана ПМ вышла машина.

— Ты Преследователь? — спросил офицер.

— Да, — ответила машина.

Выглядела она красиво и была похожа на человека, только высокого, более двух метров ростом. Вообще-то, ей могли придать любой облик, но,

когда перемещаешься среди людей, такая форма предпочтительнее. Гуманоидность облика была единственной уступкой ее создателей, и, кроме торса, четырех конечностей и головы, все прочее в машине подчинялось строгой функциональности. Ее корпус, гладкий и обтекаемый, покрывал недавно созданный, чрезвычайно прочный золотистый сплав. Безликость яйцевидной головы нарушала лишь Т-образная щель спереди. За этим узким отверстием, скорее всего, скрывались зрительные и слуховые устройства вкупе с речевым механизмом, имитировавшим звучный мужской голос.

— Насколько мне известно, Преследователь, ты единственный экземпляр в мире? — спросил офицер — пожилой, седой, похудевший от нервной службы, но не утративший за все годы любопытства.

— Индекс вашего секретного допуска позволяет мне проинформировать вас, что в строй вводятся и другие Преследователи, но точное их количество я раскрыть не могу.

— Весьма разумно. И что ты надеешься сделать?

— Отыскать убийцу. Встроенные в меня детекторы гораздо чувствительнее применявшихся

ранее, вот почему мой корпус так велик. В меня встроено запоминающее устройство, сравнимое по объему памяти с крупнейшей библиотекой, и средства для его постоянного пополнения информацией. Я выслежу убийцу.

— Задача может оказаться нелегкой. Он — или она — после убийства уничтожил передатчик.

— У меня есть способы узнать код, исследовав даже обломки передатчика.

— Он мог по-разному заметать следы.

— Его не спасет ничто. Я Преследователь.

— Он совершил отвратительное преступление. Желаю тебе удачи. Если только можно пожелать удачи машине.

— Благодарю за любезность. Я не обладаю человеческими эмоциями, но способен их ценить. Ваши чувства поняты, а в ваше личное дело занесена положительная отметка, хотя вы и не рассчитывали на это, произнося пожелание. А сейчас мне хотелось бы ознакомиться со всеми материалами, связанными с убийством. Потом я отправлюсь туда, куда сбежал преступник.

Двадцать лет беспечной жизни мало изменили внешность Джейгена: морщины в уголках глаз и седина на висках лишь придали ему солидности. Он давно уже не зарабатывал на жизнь как

профессиональный охотник и мог себе позволить охотиться ради собственного удовольствия. Многие годы он постоянно переезжал с места на место, заметая следы, и даже десяток раз менял имя и внешность. Как-то он совершенно случайно наткнулся на эту захолустную планету и решил на ней остаться. Охота в местных диких джунглях оказалась просто потрясающей, и он не отказывал себе в этом удовольствии. Добытые и умело вложенные деньги обеспечивали ему приличный доход и удовлетворение всех потребностей, включая парочку пороков, которым он был подвержен.

Как раз сейчас он обдумывал один из них. Проведя более недели в джунглях, он всласть наохотился и теперь — чистый, свежий и отдохнувший — смаковал мысли о чем-то другом. Продается комната наслаждений, дорогая, разумеется, зато он может получить именно то, что желает. Облаченный в золотой халат, задрав ноги на столик и держа в руке бокал, он сидел в кресле и сквозь прозрачную стену дома любовался на садящееся за джунгли солнце. Он никогда особо не разбирался в искусстве, но лишь слепой не обратил бы внимания на взрывную яркость зелени, подчеркивающую буйство пурпурных и красных

оттенков неба. Вселенная — чудесное место.

И тут негромкий звоночек возвестил о том, что чей-то ПМ настроился на аппарат в его доме. Он резко обернулся и увидел шагнувшего в комнату Преследователя.

— Я пришел за тобой, убийца, — произнес робот.

Пальцы Джейгена разжались, бокал покатился по инкрустированному паркету, оставляя за собой влажную дорожку. У Джейгена всегда имелось при себе оружие, но осторожность подсказала ему, что лежавший в кармане халата энергетический пистолет бессилен против столь внушительной машины.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — солгал Джейген, поднимаясь. — Сейчас вызову полицию, пусть они разберутся.

Он сделал несколько шагов в сторону коммуникатора — и внезапно метнулся мимо него в соседнюю комнату. Преследователь двинулся следом, но остановился, когда Джейген секунду спустя появился в дверях.

В руках он держал крупнокалиберное безоткатное ружье, стреляющее разрывными пулями, — с таким он охотился на местных многотонных болотных амфибий. В магазине имелось десять

зарядов почти пушечного калибра, и он в упор всадил все десять в робота.

От мебели в комнате остались жалкие обломки; пол, стены и потолок ощетинились осколками. Его тоже легко ранило — в шею и в ногу, — но он не почувствовал боли. Машина даже не дрогнула от взрывов, а на золотистом покрытии корпуса не осталось и вмятинки.

— Сядьте, — приказал робот. — Ваше сердце бьется слишком сильно, а это опасно для здоровья.

— Опасно! — Джейген рассмеялся каким-то странным смехом и прикусил губу. Он выронил ружье, проковылял к чудом уцелевшему креслу и без сил свалился в него. — Стоит ли волноваться о здоровье, когда здесь ты… палач?

— Я Преследователь, а не палач.

— Ну так передашь меня палачу. Но сперва скажи, как ты меня отыскал? Или это секрет?

— Секретны только подробности. Чтобы найти вас, я воспользовался самыми совершенными методами локации и записями в запоминающих блоках передатчиков. У меня безупречная память, а фактов для обработки имелось немало. К тому же, будучи машиной, я не страдаю нетерпеливостью.

Поняв, что немедленная смерть ему не грозит, Джейген тут же задумался о возможности побега. Машину ему не уничтожить, но вдруг удастся снова от нее удрать? Пусть она продолжает говорить.

— Что ты намерен со мной сделать?

— Задать вам несколько вопросов.

Джейген мысленно улыбнулся, хотя выражение его лица не изменилось. Он ясно понимал, что убийце, которого выслеживали двадцать лет, Великий Деспот уготовил особую участь.

— Так спрашивай. Чего тянешь?

— Знаете ли вы имя человека, которого убили?

— Я не признавался в том, что кого-то убивал.

— Вы признались, когда попытались уничтожить меня.

— Черт с тобой. Так и быть, скажу. — Главное — не прекращать разговора. Говорить что-нибудь, но ни в чем не признаваться. Под пыткой так или иначе вытянут все. — Я не знал, кто он такой. Я даже не знал названия планеты. Дождливая дыра, вот и все, что я могу сказать.

— Кто вас нанял?

— Они не представились. Мы лишь обговорили сумму и задание.

— В это я могу поверить. Могу также сказать,

что ваш пульс приближается к норме и теперь вашему здоровью не угрожает информация о том, что вы слегка ранены в шею.

Рассмеявшись, Джейген коснулся пальцем тоненькой струйки крови.

— Спасибо за неожиданную заботу. Ранка пустяковая.

— Я предпочел бы видеть ее обработанной и забинтованной. Вы мне позволите ею заняться?

— Да делайте что хотите! В соседней комнате есть медицинское оборудование.

Если чудище выйдет из комнаты, появится шанс добраться до передатчика!

— Сперва я должен осмотреть рану.

Преследователь навис над ним — до этого момента Джейген как-то не осознавал, насколько тот огромен, — и коснулся холодным металлическим пальцем кожи на шее. Едва это произошло, Джейгена полностью парализовало. Сердце билось ровно, дышалось легко, но глаза смотрели только вперед, ни шелохнуться, ни вымолвить слово стало невозможно, и ему осталось лишь оглашать бессловесными воплями звенящую пустоту своего мозга.

— Мне пришлось обмануть вас, потому что тело перед операцией должно полностью рассла-

биться. Как вы вскоре убедитесь, сама операция совершенно безболезненна.

Машина вышла из фиксированного поля его зрения, и Джейген услышал, как она покинула комнату. Операция? Какая еще операция? Какую непостижимую расплату задумал для него Великий Деспот? Насколько важным был убитый человек? Мысли Джейгена захлестнула волна ужаса — но только мысли. Легкие равномерно наполнялись воздухом, размеренно билось сердце, и лишь сознание, бессильное и истеричное, узником металось в крошечном уголке мозга.

Звуки подсказали, что машина вернулась и стоит позади. Джейген ощутил, что его шевелят и покачивают из стороны в сторону. Что этот робот делает? Краем глаза он заметил, как на пол упало что-то темное. Что? ЧТО?

Еще одна темная лепешка упала прямо перед ним — какая-то грязная пена. Миновало несколько секунд, пока смысл увиденного пробился сквозь охвативший его ужас.

То был большой комок депиляторной пены, заполненной растворяющимися остатками его волос. Должно быть, машина извела на него целый баллончик и теперь удаляет с головы волосы. Но для чего? Паника немного улеглась.

Преследователь обошел кресло, встал перед Джейгеном, потом наклонился и вытер металлические руки о его халат.

— Ваши волосы удалены. — («Знаю, знаю! Но для чего?») — Это необходимая часть операции, не наносящая вам непоправимого вреда. Как и сама операция.

Пока робот говорил, его торс начал меняться. Оболочка из золотистого сплава, не пробиваемая разрывными пулями, разошлась посередине и развернулась. Обездвиженный, Джейген мог лишь с ужасом наблюдать за метаморфозой, не в силах отвести глаз. Открылась серебристая ниша, окруженная непонятными устройствами.

— Вы не почувствуете боли, — успокоил Преследователь, делая шаг вперед и стискивая обеими руками голову Джейгена. С неторопливой точностью машина стала приближать его голову к нише, пока затылок не уперся в металлический свод. Природа явила милосердие — Джейген потерял сознание.

Он не ощутил, как острые металлические иглы, выскользнувшие из отверстий в металлической чаше, пронзили кожу, потом кости черепа и глубоко погрузились в мозг. Но мысли, ясные и четкие, словно ощущения только что пережито-

го, тут же заполнили его сознание. Одно за другим всплывали воспоминания, изучались, отбрасывались и сменялись новыми. Его детство, давно позабытые звуки и запахи, комната, прикосновение травы к подошвам, юноша, смотрящий на свое — его — отражение в зеркале.

Поток воспоминаний, управляемый механизмом внутри Преследователя, долго проплывал перед мысленным взором Джейгена. В его мозгу скрывалось все, что машина хотела узнать, и она, кусочек за кусочком, сложила из мозаики цельную картину. Когда все кончилось, иглы вернулись в чехлы, а голова Джейгена освободилась. Он снова сидел в кресле, паралич исчез столь же внезапно, как и появился. Сжав левой рукой подлокотник кресла, он провел правой ладонью по гладкой коже черепа.

— Что ты со мной сделал? Что это была за операция?

— Я изучил твои воспоминания. И теперь знаю людей, заказавших тебе убийство.

Произнеся эти слова, машина повернулась и направилась к передатчику. Ее пальцы уже начали набирать код, когда Джейген хрипло окликнул робота:

— Стой! Ты куда? Что ты намерен со мной сде-

лать?

Преследователь обернулся:

— А что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал? Неужели ты страдаешь от чувства вины? Я могу тебя от него избавить.

— Не смей надо мной издеваться, машина. Я человек, а ты всего лишь железяка. Я приказываю тебе отвечать. Ты из полиции Великого Деспота?

— Да.

— Значит, ты меня арестовал?

— Нет. Я просто ухожу. Тебя может арестовать местная полиция, однако у меня есть информация о том, что ты для них не представляешь интереса. Однако для частичной компенсации средств, затраченных на твои поиски, я конфисковал все твои денежные средства.

Робот снова повернулся, намереваясь уйти.

— Стой! — взвизгнул Джейген, вскакивая. — Я еще могу поверить, что ты отобрал все мои деньги. Но не смей держать меня за идиота. Не для того же ты выслеживал меня двадцать лет, чтобы просто так взять и уйти. Я убийца — вспомнил?

— Я сознаю этот факт. Именно поэтому я тебя преследовал. Теперь я знаю и твое мнение о себе. Ты ошибаешься. Ты ничуть не уникален, не одарен и даже не интересен. На убийство спо-

собен любой человек, если у него есть для этого достаточно сильные мотивы. В конце концов, вы ведь животные. Во время войны славные парни сбрасывают бомбы на совершенно незнакомых людей, просто нажимая кнопку, и убийства их совершенно не тревожат. Люди убивают, защищая свои семьи, и их за это славят. А ты, профессиональный охотник на животных, убил другое животное, на сей раз оказавшееся человеком, когда тебе предложили подходящую плату. В этом нет ничего благородного, отважного или просто интересного. Тот человек мертв, и, если тебя убить, он не воскреснет. Теперь я могу уйти?

— Нет! Если я тебе не нужен, то… зачем было тратить годы на поиски? Неужели ради нескольких жалких фактов?

Робот выпрямился — высокий, словно светящийся неким механическим достоинством, наверняка отражающим достоинство его создателей.

— Да. Фактов. Ты — ничто, и люди, нанявшие тебя, тоже ничто. Главное в том, почему они на это пошли и как им удалось добиться успеха. Один человек, десять, даже миллион — ничто для Великого Деспота, который считает планеты в своих владениях сотнями тысяч. Для него

единица измерения — общество. И теперь будет изучено общество, в котором ты вырос, а особенно то общество, откуда были нанявшие тебя люди. Что заставило их поверить в то, что насилием можно чего-то добиться? Что это за общество, где на убийство смотрят сквозь пальцы, игнорируют — и даже смиряются с ним? Оно не имеет права распространять эту заразу. Убивает общество, а не личности. Ты — ничто, — бросил робот, входя в экран, и исчез.

А Джейген так и не понял, действительно ли он уловил оттенок злобы в последних словах машины.

Пожиратели мертвечины

Перевод П. Киракозова

— Нет, вы только на них посмотрите, — сказал патрульный Чарли Вандин, указывая большим пальцем на серый фургон, припаркованный на противоположной стороне дороги, и презрительно сплевывая в его сторону. — Ну прямо стервятники — сидят и ждут своего часа. Стервятники, да и только!

— У ребят из БИТа своя работа, вот они ее и делают, — отозвался доктор Хойланд, пытаясь нащупать пульс у лежащей без сознания девушки. — Что ответила «скорая», Чарли? Скоро они будут?

— Минут через десять, не раньше.

Они получили вызов, когда были на другом конце города. Он взглянул на распростертую на земле худенькую девушку в дешевеньком ситцевом платье, залитом кровью, и с похожей на тюрбан повязкой на голове. Девушка была очень молоденькая и довольно хорошенькая. Он быстро повернул голову — так и есть, серый фургон БИТа

стоял на том же месте.

— Ох уж этот БИТ! — громко заметил молодой патрульный. — А знаете, док, как их еще называют?

— Банк изопластической трансплантации…

— Нет. Ну вы же понимаете, что я имею в виду. Люди называют их «пожирателями мертвечины», и, по-моему, вполне заслуженно.

— Лично я считаю, что говорить так — недостойно полицейского. Они делают очень важное дело. — Голос врача звучал напряженно: пульс под его пальцами становился все слабее и слабее, как взмахи крылышек умирающего мотылька, и ему приходилось уже изо всех сил сжимать тоненькое запястье лежащей на земле девушки. — Нет, Чарли, похоже, ей не вытянуть. Думаю, и «скорая» ей уже вряд ли поможет. Крови она потеряла не так уж много, но… у нее снесено полголовы.

— Сделайте же что-нибудь!

— Боюсь, Чарли, я тут бессилен. — Он расстегнул воротничок ее платья и ощупал шею. — Пометь в отчете, что у нее не было ни цепочки, ни медальона.

— Вы уверены? — спросил патрульный, открывая блокнот. — Может, цепочка просто порвалась

и медальон соскользнул под платье…

— Может, только вряд ли. Эти цепочки очень прочны. Может, сам поищешь?

Чарли, которому было уже под тридцать, все еще не утратил юношескую способность краснеть.

— Зачем же издеваться, док? Я спросил потому, что это мой долг. Мы должны быть уверены.

— Лично я абсолютно уверен. Так что можешь так и записать, проставь время, а заодно и опиши, что сам видел.

Он поднялся и помахал рукой. Серый фургон БИТа с ворчанием ожил, развернулся и двинулся к ним.

— Что вы делаете?

— Она мертва. Не дышит, и пульса нет. Умерла, как и те двое. — Он кивнул на все еще дымящиеся невдалеке останки пикапа. — Просто на несколько минут позже, чем они. Понимаешь, Чарли, в принципе можно считать, что она была мертва уже в тот момент, когда они врезались в дерево. У нее не было ни единого шанса.

Позади них скрипнули тормоза и послышался звук открываемой задней двери фургона. Из кабины выскочил человек в аккуратном сером, под цвет фургона, комбинезоне, на нагрудном кар-

мане которого красовались белые буквы «БИТ». Направляясь к ним, он на ходу наговаривал в диктофон:

— Восьмое апреля тысяча девятьсот семьдесят шестого года, шоссе номер тридцать четыре, приблизительно в семнадцати милях к западу от Логанпорта, штат Джорджия. Жертва автокатастрофы — женщина, белая, возраст около двадцати лет, причина смерти… — Он сделал паузу и взглянул на доктора Хойланда.

— Обширная травма мозга. Почти полностью отсутствует левая часть лобной доли.

Когда к ним подошел водитель фургона со складными носилками, тот, что подошел первым, повернулся к полицейскому:

— Патрульный, остальным мы займемся сами. Вы с доктором можете быть свободны. Благодарю за содействие.

Чарли так и взвился:

— Вы еще будете мне указывать!

Хойланд взял его за руку и отвел в сторону:

— Послушай, с этого момента у тебя прав находиться здесь не больше, чем присутствовать в больнице во время операции. Они должны заняться своим делом как можно быстрее.

Чарли постепенно успокоился и, услышав вой

приближающейся кареты «скорой помощи», отправился к шоссе, чтобы сообщить медикам, что они опоздали. Он шел к дороге и не видел, как за его спиной люди из БИТа, наклонившись над телом девушки, начали срезать с нее платье. Покончив с этим, они быстро положили тело на носилки и прикрыли его стерильной пленкой. Загружая носилки в кузов фургона, они лишь слегка приподняли нижний край плотной шторы, не позволяющей увидеть, что там внутри.

Когда Чарли вернулся, люди в сером уже закрывали дверцу фургона. У самых своих ног на земле он увидел заляпанное кровью одеяло, которое принес из патрульной машины, чтобы укрыть девушку, и лоскутья того, что когда-то было ее платьем. Из торчащей над крышей фургона трубы вился легкий парок.

— Док, а что они делают там внутри?

Доктор чувствовал, что страшно устал. Ночью ему не спалось, и сегодня с самого утра он был в прескверном настроении.

— Ты ведь и сам не хуже меня знаешь, что они там делают, — огрызнулся он. — Они делают очень полезное, жизненно важное дело. Только дураки и сумасшедшие могут думать иначе!

Направляясь к своей машине, чтобы по радио

доложить о происшествии, Чарли сердито буркнул себе под нос: «Стервятники», но так, чтобы доктор не услышал.

Рождество 1999 года было праздником особенным. Людей возбуждала даже сама мысль о том, что через несколько дней начнется новое столетие, а кроме того, предпраздничное настроение подогревалось всеобщим процветанием и снижением налогов, которое преподнес стране в качестве рождественского подарка президент Гринстейн. К тому же в этот раз Рождество приходилось на понедельник, а значит, добавлялся еще один выходной день. Короче говоря, четырехдневные праздники обещали быть очень и очень веселыми. Как выражался один шутник, за эти дни будет выпито столько, что хватило бы, чтобы удержать на плаву линкор. И вполне возможно, что шутник был не так уж далек от истины, — если, конечно, линкор окажется не слишком большим.

Подчиненные шерифа Чарли Вандина были измотаны куда больше, чем он сам. Вообще-то, вынужден был он признаться себе, он не чувствовал усталости. Хотя он еще не был дома с тех пор, как начался тот пожар в ночь на двадцать третье, но какое это имело значение? В каморке

позади его кабинета была кушетка, на которой он обычно и отсыпался, причем ничуть не хуже, чем дома в своей холостяцкой квартирке. Зато его помощники в экстренных ситуациях всегда знали, где его искать, и это тоже было очень удобно. Впрочем, нынешний уик-энд выдался даже непривычно спокойным — ничего серьезного, а так, всякая мелочь: пожары, пьяные, помятые крылья, драки и слишком шумные вечеринки. Так что у шерифа Чарли было время выспаться. И вот сейчас, приняв душ, побрившись и натянув чистенькую, отглаженную форму, он стоял у окна и смотрел на улицу, где начиналось сырое, туманное утро двадцать шестого декабря. Больше всего ему хотелось, чтобы проклятые праздники уже оказались позади и люди, как всегда, с утра отправились на работу. День рождения Спасителя, как выразился преподобный во время всенощной — Чарли на минутку заглянул и в церковь, но исключительно по обязанности. Странные все-таки у людей представления о том, как следует справлять подобные праздники. Он зевнул и отхлебнул кофе. Вдалеке послышался нарастающий грохот, и Чарли взглянул на часы. Все правильно: утренний ховерлайнер с Багамских островов, минута в минуту.

Откинувшись в кресле, он полуприкрыл глаза и предался мечтам. О том, как отправится в Мейкон, в тот огромный ховерпорт, что раскинулся на берегу реки Окмалги на окраине города. Сдав сумку в багаж, по трапу взойдет на борт обширного, как стадион, ховерлайнера. Когда они взлетят, устроится в баре на верхней палубе. Он столько раз видел все это на картинках, что отлично представлял каждую деталь. В ознаменование начала своего удивительного путешествия он закажет мятный коктейль, а затем выпьет ямайского рома за то, чтобы отпуск удался. И откинется в кресле как кум королю, блаженствуя, посматривая на стремительно проносящиеся под лайнером сосновые рощи и мангровые болота. И наконец вот они — пляжи и синяя гладь океана, золотистые острова на горизонте, роскошный отель и девушки. В мечтах он представлял себя этаким загорелым атлетом, сразу притягивающим взоры окружающих, к тому же значительно более юным, чем был на самом деле: в его шевелюре больше не было седых прядей, а талия становилась дюймов на пятнадцать уже, чем на самом деле. Глядя на него, девушки…

Размечтавшись, он не сразу понял, что отдаленный грохот смолкал. И в тот же миг небо над

скрытым туманом горизонтом озарила розоватая вспышка.

— Боже мой! — пробормотал он, вскочив и даже не заметив, что опрокинул кресло и выронил чашку с недопитым кофе. — Что-то случилось!

Ховеркрафты были совершенно безопасны — во всяком случае, так считалось, — поскольку перемещались на безобидной воздушной подушке как над сушей, так и над водой. Если же по какой-либо совершенно невероятной причине заглохли бы все двигатели, судно должно было просто приземлиться или приводниться и стоять до тех пор, пока неисправность не будет устранена. Правда, время от времени происшествия все же имели место — например, столкновения. Да и неудивительно. С летящим на небольшой высоте со скоростью сто пятьдесят миль в час ховером размером с добрый океанский лайнер могут произойти какие-то мелкие неприятности. На сей же раз, похоже, теория вероятности дала о себе знать. Он бросился к телефону.

Пока помощник поднимал по тревоге патрульные машины и вызывал «скорые», а заодно и пожарных, Чарли позвонил куда надо и убедился, что лайнер действительно не отвечает на вызовы и связь с ним утрачена именно на его террито-

рии. В свою очередь, он доложил о том, что видел и слышал, и повесил трубку. Оставалось только надеяться, что все не так плохо, но надежда эта была весьма призрачной.

Нахлобучив шляпу, он натянул сапоги на высоких каблуках и ринулся к двери, по пути прихватив плащ и портупею. Машина номер три стояла у входа, за рулем дремал Эд Хомер. Когда шериф плюхнулся на сиденье рядом с ним, он сразу проснулся. Оказалось, что взрыва он не слышал. Машина рванулась с места, Чарли начал вызывать остальные патрульные машины. Конечно, никто не мог бы сказать точно, какую картину они застанут на месте падения. Оставалось только надеяться, что их помощь не понадобится, хотя Чарли сильно в этом сомневался.

— Как вы думаете, шериф, они брякнулись на болото? — спросил Эд, утопив в пол педаль газа.

— По-моему, нет. Мне показалось, что вспышка была чуть восточнее. Да может, оно и лучше, а то по болоту к ним было бы сложнее добраться. Надеюсь, они все же где-то на Пролете.

— Тогда проскочим по Джонсон-роуд, а затем проселками доберемся до Пролета.

— Давай, — согласился Чарли, застегивая ре-

мень.

Был уже день, пасмурный и сырой, но из-за тумана им приходилось мчаться с зажженными фарами. Машина притормозила и свернула на проселочную дорогу. Эд включил сирену, и одинокий молочный фургон, пропуская их, свернул на обочину. Теперь до Пролета — широченной просеки для ховеркрафтов — было уже рукой подать. К сожалению, здесь нельзя было выращивать зерновые культуры, поскольку мощные струи воздуха, поддерживающие лайнеры над землей, обламывали колосья. Под пастбища просека тоже не годилась — рев машин распугивал скотину. Единственное, что там можно было выращивать, — это кормовые травы, и Пролет представлял собой широченный и невообразимо длинный луг, который заканчивался где-то среди болот. Патрульная машина, подпрыгивая на ухабах сельской дороги, разбитой тракторами, почти добралась до Пролета, и тут Эд и шериф увидели поднимающийся к небу столб черного дыма.

Когда они добрались до места крушения, Эд Хомер в ужасе вытаращил глаза. Разбившийся ховерлайнер был невообразимо огромным. При падении он раскололся посередине, пропахал глубокую, почти полукилометровую борозду в

земле и застрял носом среди окаймлявших Пролет деревьев. Они медленно двинулись к нему, то и дело объезжая валяющиеся тут и там почерневшие листы обшивки. Из останков ховера выбирались люди. Некоторые уже лежали на траве, кое-кто помогал товарищам по несчастью карабкаться из обломков. Машина затормозила, и, когда Эд выключил двигатель, стали слышны стоны и крики.

— Сообщи всем по рации точное место катастрофы, — распорядился шериф, выходя из машины. — Скажи, что потребуются все медицинские силы города. И быстро. А после этого начинай помогать мне вытаскивать пострадавших.

Он бросился к искореженному ховеру. Повсюду на земле лежали люди. Многие из них были ранены или обожжены, некоторые мертвы. Были и такие, кто остался невредим, но пребывал в состоянии глубокого шока. Двое мужчин в форме тащили под руки третьего — его правая нога была изогнута под неестественным углом, а бедро туго перетянуто врезавшимся в кожу ремнем. Когда они укладывали его на землю, он негромко застонал. Оставив товарища, они бросились обратно к лайнеру. Шериф заметил, что бедняга в сознании, хотя лицо его под пятнами масла и копоти бледно

как полотно.

— Еще пожары или взрывы возможны? — спросил он раненого. Но тот поначалу не мог выговорить ни слова. Через несколько мгновений ему удалось взять себя в руки.

— Не думаю… Когда двигатель взорвался, включилась автоматическая система пожаротушения. Так что с этим порядок. Вот только топливо наверняка вытекает. Главное не курить и не разводить костры, скажите…

— Об этом я позабочусь. Не волнуйтесь, «скорые» вот-вот будут здесь.

— Там… внутри люди…

— Мы их вытащим.

Шериф направился было к дымящемуся корпусу ховера, но остановился: члены экипажа и пассажиры-мужчины, похоже, уже кое-как организовались. Они слаженно работали, вынося раненых — некоторых даже на носилках. Он решил, что будет полезнее оставаться возле машины и координировать движение приближающейся помощи. Он вернулся к машине и включил мегафон.

— Внимание! Внимание! — Он выкрутил ручку громкости до отказа, и, когда его усиленный мегафоном голос раскатился над местом катастрофы,

люди начали останавливаться и поворачивать голову в его сторону. — Говорит шериф. Я вызвал медицинскую помощь, и врачи очень скоро будут здесь. Мне сообщили, что возможна утечка горючего, а значит, весьма велика и вероятность пожара. Поэтому прошу не курить и не зажигать спички…

Откуда-то сзади послышался рокот, становившийся все громче. Вертолет, большой транспортный вертолет. Должно быть, это медики. Винтокрылая машина, поднимая тучи пыли, начала опускаться невдалеке от него, и он повернулся к ней спиной. Когда огромные лопасти замедлили вращение, он снова повернулся к вертолету. Машина была выкрашена в серый цвет от носа до хвоста, и шериф Чарли Вандин вдруг снова ощутил тот же жаркий прилив гнева, что и тогда, много лет назад. Он бросился к вертолету, люк которого как раз открылся и на землю выбросили трап.

— Назад, вам здесь делать нечего! — крикнул он двоим, которые поспешно сбегали по трапу вниз.

Они с удивлением остановились.

— А вы кто такой? — спросил один из них. Его волосы, выбивающиеся из-под форменного кепи, были почти такими же серыми, как комбинезон.

— Вы что, читать не умеете?! Я — шериф.

Он постучал по груди, где всегда красовалась звезда, на которой черным по золоту было написано, кто он такой, но под пальцем ощутил лишь мягкое сукно. Опустив глаза, он увидел на кармане только две дырочки. Переодеваясь, он забыл переколоть звезду.

— Вы что, глухие? — окликнул он снова двоих в сером. Пока он соображал, где его звезда, они направились к месту катастрофы. — Пожирателям мертвечины на территории нашего графства делать нечего.

Тот, что был постарше, обернулся и холодно посмотрел на него:

— Так, значит, вы и есть тот самый шериф. Про ваше графство я уже наслышан. Тем не менее мы — врачи, и поскольку других врачей здесь нет, до их приезда выступать в этом качестве будем мы. — Он взглянул на руку шерифа, опустившуюся на рукоять пистолета. — Если собираетесь стрелять, то вам придется стрелять нам в спину. — Он снова повернулся, и оба торопливо двинулись дальше.

Шериф уже начал вытаскивать пистолет, но выругался и сунул его обратно. Хорошо, значит, доктора, да? Что ж, пускай пока поработают в

качестве докторов. Он не против.

Над Пролетом разнеслись звуки сирен, и из-за деревьев начали выныривать другие вертолеты. Он увидел, что Эд Хомер помогает какой-то женщине выбраться из-под обломков, хотел прийти ему на подмогу, но спохватился. Ведь он будет гораздо нужнее здесь. Сейчас начнут прибывать представители самых разных служб, и наверняка потребуется как-то их организовать, чтобы не возникла неразбериха. Показалась пожарная машина: подпрыгивая на кочках, она неслась к дымящемуся ховеркрафту. Ей надо было дать возможность подъехать как можно ближе, на случай возникновения пожара. Он бросился навстречу пожарным.

Мало-помалу спасательные работы приняли организованный характер. Невредимых пассажиров увели подальше, а бригады медиков занялись ранеными. Двое местных врачей тоже услышали сообщение о несчастье и прибыли на место катастрофы. Их сразу включили в группы оказания первой помощи. Одним из этих двоих оказался старый доктор Хойланд, которому было уже под семьдесят и который почти оставил практику. Но он, как старый боевой конь, едва заслышав звуки горна, тут же прискакал на поле

битвы. И действительно, его помощь была как нельзя кстати.

Ряд прикрытых одеялами тел на земле становился все длиннее. Шериф бросил на них взгляд и отвернулся. Тут на глаза ему попалось двое людей в сером, которые тащили носилки по направлению к своему вертолету. Внезапно рассвирепев, он бросился к ним и нагнал их почти у самого люка.

— Разве этот человек мертв? — спросил он, бросив взгляд на широко открытый рот и устремленные вверх невидящие глаза.

Тот, что был впереди, посмотрел на шерифа и едва ли не улыбнулся.

— Шутите? Мы только с мертвыми и имеем дело. А теперь отойдите, вы мешаете…

— Отнесите его обратно и положите вместе с другими погибшими. — Чарли коснулся рукоятки пистолета, а затем крепко стиснул ее. — Это приказ.

Люди в сером, видимо, растерялись, не зная, что им делать; наконец тот, что был сзади, сказал:

— Ставь.

И они опустили носилки на землю. Чарли включил карманную рацию и быстро заговорил в микрофон.

— Я сказал — вон туда! — повторил он, указывая на ряд лежащих неподалеку от разбитого ховера трупов. — Я не шучу и вам не советую.

Серые неохотно нагнулись было, чтобы снова взяться за носилки, но тут подбежал тот врач из БИТа, с которым шериф разговаривал в самом начале. С ним было двое сотрудников полиции штата, которых шериф знал в лицо. Не успели они подойти, как он заговорил, не дав и рта открыть собиравшемуся что-то сказать врачу.

— Мой вам совет, док, грузите-ка вы своих стервятников в вертолет и убирайтесь отсюда ко всем чертям. В моем заказнике таким охотникам, как вы, делать нечего.

Врач с какой-то печалью покачал головой:

— Нет, боюсь, на сей раз по-вашему не бывать. Я ведь уже говорил, что наслышан о вас, шериф. Мы не хотели лишних неприятностей и старались по возможности не посылать своих людей на подведомственную вам территорию. Публичные скандалы нам ни к чему. Но в данном случае у нас просто нет другого выхода, как расставить все точки над «i». БИТ является федеральным агентством, образованным в полном соответствии с федеральным законом, следовательно, никакие местные власти не вправе вмешиваться

в его деятельность. И мы не допустим, чтобы вы создали прецедент. Поэтому я прошу вас отойти в сторонку и не мешать моим людям выполнять их работу.

— Нет! — хрипло рявкнул шериф. Кровь бросилась ему в лицо. — В моем графстве… — Он отступил назад, держа руку на пистолете.

Полицейские, сопровождающие врача из БИТа, двинулись к нему. Первый из них кивнул:

— Доктор все правильно говорит, шериф Вандин. Закон на его стороне. Слушайте, зачем вам лишние неприятности?

— Назад! — крикнул шериф, потянувшись к кобуре. В ушах у него шумело. Не успел он вытащить пистолет, как оба полицейских бросились на шерифа и крепко схватили его за руки. Он попробовал вырваться, отчаянно пытаясь вздохнуть и не обращая внимания на усиливающуюся боль в груди, и вдруг тяжело обвис на руках полицейских.

Врач из БИТа тут же велел уложить шерифа на землю и склонился над ним, чтобы осмотреть. Подбежал доктор Хойланд.

— Что случилось? — спросил он, вытаскивая из кармана стетоскоп.

Он одним движением разорвал рубашку на гру-

ди шерифа и приложился ухом к трубочке, одновременно слушая объяснения присутствующих. Наконец он открыл сумку и сделал неподвижно распростертому на траве человеку укол.

— Этого следовало ожидать, — сказал он, с трудом пытаясь встать. Один из полицейских взял его под руку и помог подняться. Лицо старика было изрезано множеством морщин, и от этого, плюс к тому из-за грустного выражения глаз, он напоминал старого пса. — Но разве Чарли Вандина в чем-нибудь убедишь! Стенокардия, причем застарелая. Но он считал, что ему незачем лечиться. И слышать об этом не хотел.

Начал моросить мелкий дождик. Доктор втянул голову в плечи и стал похож на древнюю черепаху.

— Освободите носилки, — велел он.

Люди из БИТа сняли с носилок мертвое тело, положили его чуть поодаль, а потом осторожно переложили на носилки шерифа и внесли его в вертолет. Оба врача последовали за ними. Они оказались в узком проходе между плавно изгибающимся бортом и внутренней перегородкой из тонкого прозрачного пластика. Шериф уже открыл глаза и хрипло, с трудом дышал.

— Я уже пять лет уговариваю его сделать пере-

садку сердца. Его собственное уже практически ни на что не годится. — Доктор бросил мрачный взгляд на шерифа. Один из носильщиков наклонился и укрыл его одеялом до подбородка.

— Так и не уговорили? — спросил врач из БИТа.

— Нет. У Чарли просто какой-то заскок по поводу трансплантаций и БИТа.

— Это я уже успел заметить, — сухо кивнул врач. — А не знаете почему?

Чарли Вандину их голоса казались далеким смутным гулом, но глаза видели нормально. Он увидел, как появились двое с носилками, на которых лежало тело мужчины. Они раздвинули прозрачные занавески и внесли тело в оказавшееся за ними небольшое помещение, стены которого были затянуты пластиком. Там их уже ждал человек в белом халате и хирургической маске. Он мгновенно сорвал пленку, которой был прикрыт труп, и тут же облил его какой-то жидкостью из висевшего на стене баллона со шлангом. Затем тело, с которого еще стекала на пол неизвестная жидкость, переложили на лист пластика и протащили в следующее помещение, гораздо больших размеров. Здесь-то его и поджидали стервятники. Чарли и рад был бы не видеть всего

этого, но почему-то все же продолжал смотреть. Одним движением тело вспарывается от горла до лобка. Затем начинается выемка органов. Из зияющего разреза длинными щипцами извлекается что-то мягкое и красное и опускается в стоящий тут же контейнер. В ноздри ударил резкий запах. Чарли застонал.

Доктор Хойланд кивнул:

— Конечно же я знаю, почему Чарли так к этому относится. Это ни для кого не секрет, просто об этом не принято говорить. Он пережил сильное потрясение, еще когда жил с родителями и только-только поступил на службу в полицию штата. И тут случилось несчастье с его младшей сестренкой, насколько я помню, ей было лет шестнадцать. Возвращалась домой с какого-то школьного праздника, ну а навстречу ей неслась лихая компания, этакие сорвиголовы на папиной машине. Немного выпили, немного подкурились — короче, обычная история.

Врач из БИТа сочувственно кивнул:

— Да, это мне знакомо. А ее медальон?..

— Она оставила его дома. На праздник она надела новое платье с открытой грудью, решила, что медальон не идет к нему, и оставила его дома.

Сквозь начавшую застилать ему глаза багровую

пелену шериф увидел, как достали еще какой-то орган и снова положили его в контейнер. Он снова громко застонал.

— Видно, одного укола недостаточно, — заметил доктор Хойланд. — Слушайте, а у вас, случайно, нет одной из этих новых портативных установок искусственного сердца и легкого?

— Конечно есть. Я сейчас скажу, чтобы ее включили. — Врач отдал распоряжение ассистенту, и тот торопливо удалился. — Трудно винить его за ненависть к нам. И все же жаль, что он не понимает всей важности нашей работы. С тех пор как в семидесятых была преодолена реакция отторжения, органов и конечностей для пересадки остро нуждающимся в этом людям почти не было. Тогда-то конгресс и принял закон о БИТе. Те, кто не хотел, чтобы их тела послужили после смерти другим, с тех пор просто стали носить медальоны, подтверждающие этот факт. И тела таких людей после смерти никто не тронет. Но отсутствие на теле медальона означает, что человек готов был отдать другим пригодные для пересадки органы. Все справедливо.

Доктор Хойланд хмыкнул:

— Не всегда. Ведь медальон можно потерять, или забыть надеть, или еще что-нибудь…

— Ну вот, уже везут установку. А по-моему, закон правильный. Обычно никто ничего не теряет. Даже большинство религий — не говоря уже об атеистах — сходятся на том, что тело после смерти представляет собой всего-навсего набор мертвых тканей. И если эти ткани могут послужить другим людям, то о чем же тут спорить? Сотрудники БИТа отбирают тела без медальонов и берут из них органы, которые в данный момент кому-то срочно необходимы. Их замораживают в жидком азоте и рассылают по банкам органов по всей стране. Неужели же здоровая почка, которую вы только что видели, должна просто сгнить в земле, в то время как благодаря ей какой-нибудь смертельно больной человек мог бы еще жить да жить?

— Я и не спорю. Я ведь просто начал рассказывать, отчего Чарли Вандин так вас ненавидит. Я всегда считал, что человек имеет полное право сам решать, как ему жить и как умереть.

Кряхтя, он нагнулся и начал подключать машину, которая должна была спасти жизнь умирающему шерифу.

— Н-нет… — промычал шериф. — Уберите…

— Без нее ты просто умрешь, Чарли, — мягко сказал доктор. — А с ее помощью ты продержишь-

ся до тех пор, пока не окажешься в больнице. А потом тебе вставят новый мотор, и через пару недель ты опять будешь как новенький.

— Нет, — уже гораздо громче произнес шериф. — Только не мне. Жил и умру с тем, что дал Господь. Неужели вы думаете, что я смогу жить с кусками чужого тела внутри? Да ведь… — от сознания собственного бессилия на глаза его навернулись слезы, — с вас станется пересадить мне сердечко сестренки.

— Да нет же, Чарли! Ведь прошло уже столько лет! Впрочем, я тебя понимаю. — Он знаком дал понять, что машину можно убирать. — Я просто хочу помочь тебе, а вовсе не собираюсь заставлять тебя поступать против собственной воли.

Но ответа не последовало. Глаза шерифа по-прежнему были открыты, но он больше не дышал. За эти последние несколько секунд он все же перешел за незримую черту, отделяющую жизнь от смерти. Умер.

— Резкий был человек, но исключительно честный, — тихо сказал Хойланд. — На свете полным-полно куда худших людей. — Он закрыл мертвому глаза и с трудом выпрямился. — Что ж, доктор, наверное, нам пора возвращаться к работе. Там еще полно раненых.

Они уже собирались уходить, когда врача из БИТа окликнул ассистент:

— Доктор, а у этого человека нет медальона.

Док Хойланд кивнул:

— Все правильно — нет на шее. Он всегда боялся, что может его потерять. Сто раз твердил мне про это. Он считал, что шериф не может потерять только звезду, и поэтому медальон у него был припаян на ее обратной стороне.

Они дошли уже до самого люка, когда ассистент снова окликнул их:

— Прошу прощения, доктор, но звезды на нем тоже нет. Вы уверены насчет медальона?

— Конечно уверен. — Он с ужасом уставился на врача из БИТа, который многозначительно молчал. — Нет… вы не сделаете этого! Вы же знаете, как он к этому относился. Я попрошу кого-нибудь съездить и привезти его звезду.

— Закон гласит: медальон всегда должен быть у человека с собой.

— Я знаю закон, но просто такого никак нельзя делать именно с ним! С Чарли! Неужели вы…

Помолчав несколько мгновений, врач отозвался:

— Конечно, а вы как думали?!

И, бережно поддерживая дока под руку, вывел

его из вертолета.

На краю водопада

Перевод А. Килановой

Картер оступался и падал, оступался и падал — не потому, что склон был крут, просто тропинка заросла травой; мокрая, она была скользкой как мыло. Он промочил спереди дождевик и испачкал колени в грязи задолго до того, как добрался до вершины. С каждым шагом неумолчный рев становился все громче. Раскрасневшись и запыхавшись, Картер взобрался на гребень, окинул взглядом широкий залив и мгновенно забыл об усталости.

Как и все, о водопаде он знал с детства, видел множество фотографий и телефильмов, но ничто не подготовило его к потрясающей встрече с реальностью.

Он увидел низвергающийся океан, вертикальную реку. Сколько, говорите, миллионов галлонов в секунду? Водопад тянулся вдоль всего залива, края терялись в клубах водной взвеси. Залив кипел под тяжестью низвергающейся воды, увенчанные шапками пены волны разбивались

внизу о скалы. Картер чувствовал, как дрожит прочный камень, но голос водопада поглощал все прочие звуки. Привыкнуть к этому яростному, неистовому реву было просто невозможно, он проникал сквозь кости черепа, сотрясал и терзал мозг. Картер зажал уши руками и со страхом обнаружил, что водопад не притих ни на йоту. Пока Картер раскачивался с широко распахнутыми глазами, один из прихотливых воздушных потоков, которые поднимались от подножия водопада, внезапно вильнул и обрушил на него лавину водяной пыли. Это продолжалось всего пару секунд, но оказалось страшнее любого ливня, под которым он побывал. Водяное облако было таким плотным, что Картер едва не задохнулся.

Дрожа от непривычных ощущений, он повернулся и обвел взглядом гребень. Серый гранитный утес местами почернел от воды, у его подножия прилепился домик, похожий на каменный нарост. Он был сложен из гранита и казался не менее прочным, чем утес. Картер побежал к дому, зажимая уши руками и поминутно оскальзываясь.

На короткое время ветер отогнал водяную взвесь от берега к морю, и дом залило золотистым вечерним светом. От крутого ската крыши по-

тянулись струйки пара. Здание было простым и крепким, как скала, к которой оно прижималось. Фасад, выходивший на водопад, оживляли всего два окна — крошечные и глубоко посаженные, словно подозрительные глазки. Двери не было, но Картер заметил, что за угол ведет плиточная дорожка.

Он пошел по ней и обнаружил глубокую дверную нишу, вырезанную в стене подальше от водопада. Место арочного свода занимала здоровенная, толщиной добрых два фута, каменная притолока. Картер шагнул к двери и беспомощно зашарил взглядом по тяжелым брусьям, скрепленным чугунными болтами, в поисках дверного молотка. Непрестанный грохот водопада мешал думать. Картер в изнеможении привалился к запертой двери и лишь тогда сообразил, что в стенах этого дома пушку не услышишь, не то что дверной молоток. Он опустил руки и попытался собраться с мыслями.

Должен быть способ как-то сообщить о себе. Он отступил от ниши и обнаружил в паре футов ржавую железную ручку. Картер схватил ее и попытался повернуть. Тщетно. Тогда он дернул за ручку и не без труда вытянул из стены кусок цепи. Та была хорошо смазана, в исправном

состоянии — добрый знак. Картер продолжал тянуть, пока не извлек ярд цепи, после чего дело застопорилось. Он отпустил ручку, и она стукнулась о грубый камень. Несколько секунд цепь просто висела, затем рывками ушла обратно в стену, и ручка очутилась на прежнем месте.

Похоже, странный механизм справился со своей задачей, какое бы устройство он ни запускал. Меньше чем через минуту тяжелая дверь распахнулась, и на пороге появился человек. Он молча разглядывал гостя.

Человек очень походил на свой дом и на соседние утесы — крепкий, мрачный, видавший виды, морщинистый и седой. Годы оставили на нем след, и все же он не сдавался. Спину держал прямо, как молодой, в узловатых пальцах ощущалась упрямая сила. Глаза были голубыми, как вода, что нескончаемо и оглушительно низвергалась по ту сторону здания. На нем были высокие рыбацкие сапоги, простые вельветовые брюки и серый свитер из вареной шерсти. С непроницаемым видом он жестом пригласил Картера в дом.

Мощная дверь захлопнулась, многочисленные засовы встали на место, и в доме воцарилась тишина. Не просто отсутствие звуков, а подчеркнутое безмолвие, оазис покоя у самого подножия

громового водопада. Картер знал, что на время оглох, но оглох не настолько, чтобы не понимать: оглушительный рев остался снаружи.

Хозяин, похоже, видел гостя насквозь. Он ободряюще кивнул, забрал у Картера пальто и указал на удобное кресло рядом с дощатым столом и камином. Картер с благодарностью расположился на мягком. Хозяин повернулся и куда-то ушел, но через минуту вернулся с подносом, на котором стояли графин и два бокала. Он налил вина себе и гостю, тот кивнул и взял бокал двумя дрожащими руками. Картер делал глоток за глотком, он продолжал потягивать вино, пока не прошла дрожь и не вернулся слух. Хозяин ходил по комнате, занимаясь своими делами. Через некоторое время Картер немного пришел в себя и поднял глаза:

— Спасибо за гостеприимство. Я был несколько… потрясен.

— Ну как, полегчало? Вино помогло? — громко произнес, почти выкрикнул мужчина, и Картер понял, что тот его не услышал.

Разумеется, хозяин должен быть тугоух. Чудо, что он до сих пор не оглох вовсе.

— Да, спасибо! — прокричал в ответ Картер. — Вы очень добры. Меня зовут Картер. Я журналист, пришел поговорить с вами.

Хозяин кивнул, улыбаясь краем рта.

— Меня зовут Бодум. Ну, вы, верно, знаете, раз явились ко мне. Для газет пишете?

— Конечно, я вас знаю, мистер Бодум. — Картер закашлялся, в горле першило от крика. — В смысле, я о вас наслышан. Вы смотритель водопада.

— Уже сорок три года, — с гордостью добавил Бодум. — Живу здесь и ни разу не ночевал в другом месте. Дело, конечно, непростое. Когда ветер дует не в ту сторону, воду по многу дней несет на дом. Нечем дышать, и даже огонь не разжечь. Я сам сложил дымовую трубу. Там посередине коленце с заслонками и дверцами. Дым уходит вверх, а если заливается вода, то попадает на заслонки, открывает своей тяжестью дверцы и стекает наружу, в водосточную трубу. Могу показать место слива. Стена чернющая от сажи.

Пока Бодум говорил, Картер оглядывал комнату и силуэты мебели, едва различимые в мерцающем свете очага и двух окон.

— Эти окна… вы сами сделали? Можно выглянуть наружу?

— По году на окно. Встаньте на скамью, так лучше видно. Бронированное стекло, прочное, как сама стена. Не бойтесь. Можете подойти прямо к окну, это безопасно. Посмотрите, как надежно я

закрепил стекло.

Картер смотрел не на стекло, а на водопад. До сих пор он не понимал, насколько близок дом к водяной стене. Жилище смотрителя примостилось на самом краю утеса, и из окна ничего не было видно, кроме мокрого черного гранита справа и бурлящего залива внизу. Впереди и вверху сплошь водопад. Ни толстая стена, ни бронированное стекло не гасили гул полностью. Картер коснулся окна пальцами и ощутил дрожь от напора воды.

Окно не смягчало впечатление от водопада, но позволяло наблюдать и думать, что было совершенно невозможно снаружи. Глазок, через который видна водяная мясорубка, окошко в остывшую преисподнюю. Картер мог смотреть без опаски, но все равно страшился того, что снаружи. В стене воды мелькнуло что-то черное и исчезло.

— Смотрите! — воскликнул он. — В водопаде что-то есть! Интересно, что это?

Бодум чинно кивнул:

— Я живу здесь больше сорока лет и могу показать вам, что несет водопад.

Смотритель сунул в огонь лучину, зажег лампу и поманил Картера за собой. Они пересекли

комнату, и Бодум приблизил лампу к большому стеклянному колпаку.

— Его вынесло на берег лет двадцать назад. Все косточки были переломаны. Я сам его набил и сделал подставку.

Картер подошел ближе, глядя на выпученные глазки-бусинки, разверстую пасть и острые зубы. Лапы были неестественно растопырены, тело под мехом бугрилось в самых неожиданных местах. Таксидермист из Бодума был никудышный. И все же, быть может, чисто случайно ему удалось передать выражение ужаса на морде и в позе животного.

— Это пес, — произнес Картер. — Самый обычный пес.

Бодум обиделся.

— Может, и пес, да только не обычный, — ледяным тоном возразил он. — Я же говорю, у него ни одной целой кости не осталось. Откуда еще он мог взяться на нашем берегу?

— Ради бога, простите, я вовсе не имел в виду… Ну конечно, из водопада. Я только хотел сказать, что он похож на обычную собаку. Может, наверху целый мир? С собаками и всем прочим, совсем как наш?

— Я не люблю фантазировать, — буркнул Бо-

дум, но тут же смягчился: — Сварю кофе.

Он отнес лампу к плите. Картер, оставшийся в полутьме, вернулся к окну — туда тянуло как магнитом.

— Мне надо задать вам несколько вопросов для статьи, — негромко произнес он.

Бодум не услышал. При виде водопада Картер забывал, зачем пришел. Ветер сменил направление и ненадолго отогнал взвесь. Водопад снова стал похож на могучую вертикальную реку. Если запрокинуть голову, так и вовсе от реки не отличишь.

Выше по течению появился большой корабль с несколькими рядами иллюминаторов. Он мчался по поверхности реки с небывалой скоростью, и Картеру пришлось дернуть головой, чтобы проводить его взглядом. Судно пронеслось всего в нескольких сотнях ярдов, и на мгновение Картер увидел его очень ясно. Люди на борту цеплялись за оснастку, некоторые разевали рты, словно кричали от страха. Затем корабль исчез, и вновь осталась лишь вода, нескончаемый поток воды.

— Вы это видели? — крикнул Картер, развернувшись.

— Кофе почти готов.

— Да там же! — крикнул Картер, хватая Бодума

за руку. — В водопаде! Это был корабль, честное слово, корабль! Он падал сверху! Корабль с людьми! Наверное, там целый мир, о котором мы ничего не знаем.

Поведя плечом, Бодум высвободился и полез в буфет за чашкой.

— Моего пса принесло водопадом. Я нашел его и сам набил чучело.

— Да, да, вашего пса… Я вам верю. Но на корабле были люди, и я хорошо видел… что у них кожа другого цвета. Я не сумасшедший!

— Кожа есть кожа. Телесного цвета.

— Я в курсе. У нас — телесного. Но ведь может быть кожа другого цвета, даже если мы об этом не знаем.

— Сахару?

— Да, пожалуйста. Две ложки.

Картер потягивал крепкий, горячий кофе. Против воли он вернулся к окну. Смотрел на водопад, делал глотки. Он вздрогнул, когда вниз пронеслось нечто черное и бесформенное. И еще что-то. И еще. Толком не смог разглядеть, так как водяную пыль снова погнало на дом. Картер допил кофе и осторожно отставил чашку с гущей на дне.

Прихотливые воздушные вихри снова унесли

взвесь в сторону — и как раз вовремя: Картер снова заметил кое-что в водопаде.

— Это был дом! Я видел его так же ясно, как ваш. Только не каменный, а вроде деревянный и поменьше размером. Черный, словно обгоревший. Посмотрите сами, может, еще будут.

Бодум лязгнул кастрюлькой, которую мыл в раковине.

— Так что газеты хотят обо мне знать? Я живу здесь больше сорока лет… есть о чем рассказать.

— Что находится над водопадом, на утесе? Там живут люди? Что, если наверху целый мир, о котором мы ничего не знаем?

Бодум помедлил, задумчиво нахмурился, но все же ответил:

— Наверное, там есть собаки.

— Точно.

Картер стукнул кулаком по подоконнику. Ему хотелось смеяться и кричать. Вода низвергалась; стены и пол сотрясались от ее мощи.

— Вот… еще и еще, — бормотал Картер под нос. — Не знаю, что это. Наверное, дерево, а еще кусок забора. Те, что поменьше, возможно, тела… трупы животных. Над водопадом существует целый мир, и в нем происходит что-то ужасное. И мы ничего не знаем об этом. Мы даже не знаем

наверняка, что там есть другой мир.

Он снова и снова бил по каменному подоконнику, пока не заболела рука.

Проглянуло солнце, и Картер увидел нечто новое — сначала лишь пятна на текучей, переменчивой глади воды.

— Что такое?.. Вода меняет цвет. На розовый… нет, на красный. Все больше и больше красного. Раз — и все красное! Цвета крови. — Он повернулся к тусклой лампе, скаля зубы. — Кровь? Но это невозможно. В целом мире не может быть столько крови. Что же происходит там, наверху?! Что происходит?!

В ответ на его крики Бодум невозмутимо кивнул.

— Я вам кое-что покажу, — сказал он. — Только пообещайте об этом не писать, иначе надо мной будут смеяться. Я больше сорока лет прожил здесь, и ничего смешного в этом нет.

— Честное слово, не напишу, только покажите. Возможно, это как-то связано с происходящим.

Бодум снял с полки тяжелую Библию и раскрыл ее на столе рядом с лампой. Угольно-черный шрифт выглядел торжественно и мрачно. Бодум переворачивал страницы, пока не наткнулся на лист самой обычной бумаги.

— Я нашел его на берегу. Зимой. Здесь много месяцев никого не было. Думаю, его принесло водопадом. Конечно, уверенности нет… но это возможно. Как вы думаете?

— Ну да, очень даже возможно. Откуда бы ему еще взяться? — Картер коснулся листка. — Бумага самая обычная. С оторванным краем, сморщенная от воды. — Он перевернул лист. — На другой стороне запись.

— Да. Но совершенно бессмысленная. Я такого слова не знаю.

— Я тоже впервые вижу, а ведь я говорю на четырех языках. Может ли оно что-то значить?

— Вряд ли…

— На человеческий язык не похоже. — Картер старательно произнес по буквам: — Пэ — о - эм — о - гэ — и - тэ — е.

— «Помогите»?! Что за чушь?! — громче обыкновенного рявкнул Бодум. — Наверное, ребенок накарябал. Чепуха!

Он схватил листок, скомкал и бросил в огонь.

— Напишите статью обо мне, — гордо произнес смотритель. — Я живу здесь сорок с лишним лет и знаю о водопаде больше всех в мире. Я знаю все, что о нем нужно знать.

Один шаг от Земли

Перевод А. Новикова

Ландшафт был мертв. Он никогда не был живым, так и родившись мертвым, когда начали формироваться планеты: выкидыш, слепленный из валунов, грубого песка и зазубренных скал. Воздух, разреженный и холодный, скорее походил на космический вакуум, чем на атмосферу, способную поддерживать жизнь. И хотя время близилось к полудню, а крошечный солнечный диск полз высоко над горизонтом, небо было темным и тусклый свет заливал бугристую равнину, никогда не знавшую, что такое след ноги. Тишина, одиночество, пустота.

Двигались только тени. Солнце медленно проползло свой путь и закатилось за горизонт. Наступила ночь, а с ней — еще более жестокий мороз. Под усеянным звездами небосводом в глухой тишине миновала ночь, и над противоположным горизонтом снова показалось солнце.

Затем что-то изменилось. Высоко в небе солнце отразилось от какой-то блестящей поверхности

— движение в мире, до сих пор его не знавшем. Искорка выросла в пятнышко света, внезапно расцветшее длинными лепестками пламени. Пламя приближалось, становясь все ярче, и зависло над поверхностью, взметая пыль и оплавляя камни. Потом погасло.

Приземистый цилиндр пролетел вниз последние несколько футов и опустился на широко расставленные опоры. Спружинили амортизаторы, гася удар, потом медленно распрямились, выравнивая корпус аппарата. Несколько секунд он еще покачивался, потом замер.

Ползли минуты, но ничего больше не происходило. Давно уже улеглась пыль, а расплавленный шлак затвердел и потрескался от холода.

Внезапно короткие взрывы отстрелили кусок боковой стенки цилиндра, отшвырнув его на несколько ярдов. Капсула слегка качнулась, но вскоре она снова замерла. Отброшенная пластина прикрывала несколько небольших приборов, окружавших серую пластину диаметром около двух футов, напоминающую задраенный иллюминатор.

Некоторое время опять ничего не происходило, словно некий потайной механизм отсчитывал время. Наконец он принял решение, потому что

из отверстия с тихим жужжанием стала вылезать антенна. Сперва она ползла перпендикулярно боку капсулы, пока не показалась изогнутая секция, потом стала медленно подниматься и наконец задралась в небо. Она еще поднималась, а на ее конце, прикрепленная к штанге, зашевелилась компактная телекамера, неуверенно поворачиваясь в разные стороны. Поднявшись над круглой пластиной, она повернулась в ее сторону и уставилась на грунт перед нею, после чего удовлетворенно замерла.

С громким щелчком круглая пластина изменила цвет и облик. Она стала совершенно черной; казалось, она шевелится, оставаясь на месте. Секунду спустя сквозь ее поверхность, словно через распахнутую дверь, прошел прозрачный пластиковый контейнер, упал и перекатился.

Сидящая в контейнере белая крыса сперва испугалась, шлепнувшись на бок, когда контейнер упал на грунт. Вскочив, она заметалась, пытаясь уцепиться коготками за гладкие стенки и соскальзывая на дно. Вскоре она успокоилась и уставилась на серую пустыню, помаргивая розовыми глазками. Но смотреть там было не на что, потому что ничто не шевелилось. Крыса уселась и стала приглаживать лапками длинные усы.

Холод еще не проник сквозь толстые стенки.

Изображение на телевизионном экране было сильно смазанным, но, если учесть, что его передавали с поверхности Марса на орбитальный спутник, затем на лунную станцию и лишь потом на Землю, лучшего ожидать не приходилось. Несмотря на помехи и рябь, на экране был четко виден контейнер с шевелящейся внутри крысой.

— Успех? — спросил Бен Данкен, жилистый, плотный мужчина с коротко подстриженными волосами и загорелой, задубевшей кожей. Сеть морщинок в уголках глаз наводила на мысль, что ему часто приходилось щуриться или от сильного холода, или от пылающего солнца, — и то и другое имело место. Цветом лица он резко отличался от техников и ученых за пультами и приборами — если не считать нескольких негров и пуэрториканца, все они обладали характерной для горожан бледностью.

— Пока все вроде нормально, — отозвался доктор Тармонд. Он очень гордился своей ученой степенью по физике, полученной в Массачусетском технологическом, и настаивал, чтобы к нему всегда обращались «доктор». — Форма волны превосходная, затухания нет, отклик ровный, отклонение переданного контрольного объекта

от расчетных координат — одна и три десятых. Лучше не бывает.

— Когда мы сможем отправиться?

— Примерно через час, может, чуть позже — если биологи дадут добро. Им наверняка захочется изучить поведение первого пересланного животного, а может, послать еще одно. Если все окажется в порядке, вы с Тэслером отправитесь сразу же, пока условия оптимальные.

— Да, конечно, не стоит тянуть, — поддакнул Отто Тэслер. — Извините, — добавил он и торопливо отошел.

Это был маленький человечек в массивных очках, с редеющими светлыми волосами. Он проводил долгие часы у лабораторного стола, а потому сутулился и выглядел старше своих лет. И нервничал. Лицо его покрывали мелкие бисеринки пота, и меньше чем за час он уже в третий раз отлучался в туалет. Доктор Тармонд это тоже заметил.

— У Отто поджилки трясутся, — бросил он. — Но хлопот с ним, похоже, не будет.

— Как только мы окажемся на месте, он сразу придет в себя. Люди обычно волнуются, когда вынуждены ждать, — сказал Бен Данкен.

— А вас ожидание разве не волнует? — по-

любопытствовал Тармонд с едва заметным ехидством.

— Разумеется, волнует. Но для меня ожидание — вещь привычная. И хотя мне еще не доводилось отправляться на Марс при помощи передатчика материи, кое в каких переделках побывать пришлось.

— Я думаю. Вы ведь что-то вроде профессионального искателя приключений. — Теперь в голосе Тармонда звучала неприкрытая злость — недоверие человека, привыкшего командовать, к тому, кто сам себе хозяин.

— Не совсем. Я геолог и петролог. Некоторые из редкоземельных элементов, использованных в вашей аппаратуре, добыты из открытых мною месторождений. А они не всегда находятся в самых доступных местах.

— Вот и хорошо. — Ровный тон Тармонда не соответствовал его словам. — У вас богатый опыт по части заботы о себе, поэтому вы сможете помочь Отто Тэслеру. Он будет главным, ему предстоит сделать всю работу, а ваша задача — ему помогать.

— Само собой, — буркнул Бен, повернулся и вышел.

Сотрудники фирмы держались с кастовой

замкнутостью и даже не пытались скрывать, что Бен так и остался для них чужаком. Его ни за что бы не наняли, если бы сумели отыскать нужного человека среди своих. «Трансматерия лимитед» была богаче многих правительств и даже могущественнее некоторых из них, но фирма прекрасно сознавала ценность человека на его месте. Отыскать инженера, досконально знакомого с передатчиком материи, не составило труда — нужно было лишь подобрать подходящего человека из штата и предложить ему стать добровольцем. У Отто, всю жизнь проработавшего в фирме, выбора просто не оказалось. Но вот кто обеспечит его безопасность? В перенаселенном мире 1993 года осталось очень мало неисследованных уголков и еще меньше людей, знающих, как в таких местах выжить.

Вертолет прилетел за Беном прямиком в Гималаи. Под нажимом «Трансматерии» его поисковую экспедицию отменили, а взамен прежнего контракта предложили гораздо более выгодный. Его чуть ли не силой заставили подписать, но Бен не стал возмущаться. Фирма так и не поняла, а Бен им, конечно, не сказал, что он отправился бы на Марс и за одну десятую предложенной ему впечатляющей суммы — или даже бесплатно. Этим

кабинетным червям и в голову не могло прийти, что он сам хотел совершить такое путешествие.

Заметив неподалеку дверь на балкон, Бен вышел посмотреть на город. Он набил трубку табаком, но раскуривать не стал — скоро от курения придется отказаться, а начать привыкать можно прямо сейчас. На такой высоте воздух оказался вполне свежим, но внизу его туманила дымка смога. До самого горизонта тянулись мили зданий и улиц — тесных, забитых машинами и людьми. В любом городе Земли с балкона открывался один и тот же вид. Или еще хуже. Сюда Бен летел через Калькутту и до сих пор не избавился от кошмарных снов.

— Мистер Данкен, поторопитесь, пожалуйста. Вас ждут.

Техник переминался с ноги на ногу и взволнованно сжимал кулаки, придерживая ногой дверь. Бен улыбнулся и неторопливо протянул ему свою трубку:

— Сохрани, пожалуйста, до моего возвращения.

Ассистенты почти закончили одевать Отто, когда вошел Бен. К нему тут же бросились, стянули комбинезон, потом белье и принялись облачать в защитный костюм: нижнее белье с

подогревом, поверх него обтягивающее шелковое трико, затем электрообогреваемый комбинезон и такие же носки. Все было проделано быстро. Когда на путешественниках застегивали верхние комбинезоны, появился доктор Тармонд и одобрительно осмотрел их.

— Не застегивайтесь до конца, пока не войдем в камеру, — сказал он. — Пошли.

Похожий на наседку во главе выводка, он повел их через помещение с передатчиком, мимо шкафов с аппаратурой. Техники и инженеры оборачивались им вслед, кто-то даже радостно гикнул, но тут же смолк под ледяным взглядом Тармонда. Двое диспетчеров, поджидавших в барокамере, закрыли и загерметизировали дверь за Тармондом и двумя тяжело одетыми мужчинами, которые уже начали потеть. Когда в камеру стал поступать холодный воздух, Тармонд набросил теплое пальто.

— Пошел предстартовый отсчет, — сказал он. — Я еще раз повторю инструкции. — Бен с тем же успехом мог проинструктировать его и сам, но промолчал. — Сейчас мы понижаем температуру и давление, пока они не сравняются с марсианскими. Согласно последним показаниям приборов, температура там стабильно держится

на сорока восьми градусах ниже нуля. Атмосферное давление — десять миллиметров ртутного столба. Сейчас мы снижаем его до этой величины. Измеримые количества кислорода в атмосфере отсутствуют. Не забудьте — маски снимать ни в коем случае нельзя. В камере мы дышим почти чистым кислородом, но перед уходом вы наденете маски… — Он сделал паузу и зевнул, выравнивая наружное давление с давлением во внутреннем ухе. — Мне пора перейти в шлюз.

Он вышел и закончил инструктаж из шлюза, глядя через встроенное окошко. Бен не обращал внимания на монотонное бормотание Тармонда, а Отто, кажется, был слишком испуган, чтобы слушать. В батарее на пояснице Бена замкнулось реле термостата, и он почувствовал, как разогреваются прокладки в комбинезоне. Кислородный баллон висел на спине. Надев маску со встроенными очками, он привычно прикусил загубник шланга и вдохнул.

— Первому приготовиться. — В разреженной атмосфере голос Тармонда казался скрипучим и далеким.

Бен в первый раз посмотрел на встроенный в противоположную стену блестящий черный диск передатчика материи. Когда Бен ложился лицом

вниз на стол, один из ассистентов швырнул в него тестовый кубик, и пока стол подкатывали ближе к экрану, пришло сообщение о том, что все в порядке.

— Погодите, — попросил Бен.

Стол остановился. Бен обернулся, взглянул на Отто Тэслера, сидящего в напряженной позе лицом к стене, и догадался, какой ужас застыл сейчас на его лице.

— Расслабься, Отто. Дело пустяковое, выеденного яйца не стоит. Я тебя буду ждать на том конце. Расслабься и лови кайф, приятель, — ведь мы сейчас историю делаем.

Отто не отозвался, но Бен и не ждал ответа. Чем скорее завершится эта стадия эксперимента, тем лучше. Они неделями отрабатывали этот маневр, и теперь Бен автоматически принял нужное положение. Правая рука вытянута вперед, левая прижата к боку. Стол покатился вперед, экран передатчика материи, похожий на большой черный глаз, становился все больше, пока не заслонил собой весь мир.

— Валяйте! — приказал Бен и ощутил плавный толчок в спину.

Скольжение. Исчезли кисть, запястье, потом рука. Никаких ощущений. Мгновенный ужас

и боль, когда проходила голова, — и в следующее мгновение он увидел камешки на грунте. Отшвырнув тестовый кубик, он вытянул руку, смягчая падение. Затем прошли вторая рука и ноги. Упав и легко перекатившись в сторону, он наткнулся бедром на что-то твердое.

Бен сел, потирая ушибленное место, и взглянул на пластиковый контейнер, на который его угораздило свалиться. Внутри лежала мертвая крыса — окоченевшая, с открытыми глазами. Да, приятное предзнаменование. Он быстро отвернулся и вспомнил инструктаж. Микрофон висел на том же месте, что и на тренировочном макете. Бен нажал кнопку:

— Бен Данкен — Центру управления. Прибыл благополучно, проблем нет.

В этот исторический момент, вообще-то, следовало бы что-то добавить, но Бена покинуло вдохновение. Он взглянул на пологие темные холмы, на кратер неподалеку, на крошечное яркое пятнышко солнца. Что тут, собственно, говорить?

— Посылайте Отто. Конец связи.

Он встал, отряхнулся и посмотрел на блестящую пластину. Прошло несколько минут, прежде чем динамик едва разборчиво прохрипел:

— Вас поняли. Приготовьтесь к встрече. Посылаем Тэслера.

Рука Отто появилась едва ли не раньше, чем смолк голос. Радиоволны добираются до Марса почти четыре минуты, а передатчик материи действует почти мгновенно, поскольку посылает сигнал через пространство Бхаттачарья, в котором время, в его привычном представлении, попросту не существует. Рука Отто безжизненно висела, Бен обхватил его за плечи и опустил на землю. Перевернув напарника на спину, Бен увидел, что его глаза закрыты, но дышит он ровно. Наверное, потерял сознание. Спецы называют это передаточным шоком — дело известное. Через пару минут очнется. Бен уложил Отто в сторонке и подошел к микрофону:

— Отто прибыл. Отключился, но на вид в порядке. Можете посылать барахло.

Бен ждал. Тонко посвистывал ветер, обдувая маску и прихватывая морозцем щеки. Ну и пусть: было даже нечто почти ободряющее в том, что дует ветер, под ногами прочный грунт, а солнце продолжает сиять. Если довериться ощущениям, легко представить себя на Земле, скажем, на высокогорном плато в индийском штате Ассам, где он был совсем недавно. И хотя сознание подска-

зывало, что солнечный свет здесь вдвое слабее земного, оно с той же легкостью подбрасывало воспоминания о пасмурных и туманных днях, когда днем было еще темнее. Сила тяжести? На него навесили столько аппаратуры, что разница почти не ощущалась. Округлые красные холмы у горизонта, полупрозрачные голубоватые облака, медленно ползущими призраками заволакивающие солнце. Ну и что? Просто он сейчас где-то в далеком пустынном уголке Земли. Бен никак не мог ухватить реальность Марса. Он поверил бы в него, если бы пересек космическую пустоту в корабле, проведя в нем несколько недель или месяцев. Но всего несколько минут назад он стоял на Земле. Поворошив ботинком гравий, он заметил второй пластиковый цилиндр с еще живой крысой внутри.

Ей осталось недолго — мороз не знает жалости. Вскоре она начнет отчаянно царапать стенки контейнера, потом опрокинется на бок, задрожит. Она уже сейчас дышала, широко раскрывая рот. Выбор у нее был невелик — задохнуться или замерзнуть. Обычное лабораторное животное, тысячи таких же крыс умирают каждый день во имя науки. На Земле. Но эта крыса сейчас рядом с ним — возможно, единственное другое живое

существо на планете. Бен опустился на колени и отвинтил крышку контейнера.

Конец крысе пришел быстрее, чем он представлял. Животное глотнуло марсианского воздуха, судорожно дернулось и тут же умерло. Бену и в голову не приходило, что получится именно так. Разумеется, на Земле ему говорили, что самая большая опасность марсианской атмосферы — ее абсолютная сухость, поскольку водяные пары в ней содержатся в ускользающе малых концентрациях. Бена предупреждали, что марсианский воздух сжигает слизистые носа, гортань и легкие не хуже концентрированной серной кислоты. На лекциях эти слова казались преувеличением. Но не здесь. Открытый, смотрящий в никуда глаз крысы начал покрываться корочкой изморози. Бен выпрямился и плотнее прижал маску к лицу. Потом подошел ко все еще лежавшему без сознания Отто и поправил его маску. Нет, это не Земля. Теперь он поверил.

— Внимание, — прощебетал динамик. — Сможете ли вы принять оборудование один? Тэслер все еще не пришел в себя? Упаковки грузов рассчитаны на переноску двумя людьми. Доложите.

Бен схватил микрофон:

— Да посылайте наконец барахло, черт бы вас

побрал! Пока мои слова до вас дойдут, двенадцать минут уйдет псу под хвост. Шлите немедленно. Если что и разобьется, всегда можно прислать замену. До вас еще не дошло, что мы тут совсем одни и, кроме кислорода в баллонах, у нас ничего нет? Что мы торчим по ту сторону двери в один конец на расстоянии двухсот миллионов миль от Земли? Посылайте все — немедленно! Быстрее!

Бен принялся расхаживать взад-вперед, ударяя кулаком по ладони и пиная тестовые кубики и контейнер с дохлой крысой. Идиоты! Он бросил взгляд на Отто. Вид у него был такой, словно он наслаждался заслуженным отдыхом. Отличное начало! Бен оттащил Отто в сторонку, чтобы случайно не наступить, и подошел к экрану как раз в тот момент, когда из него показался конец канистры.

— Наконец-то!

Ухватившись за канистру, он стал тянуть ее на себя, пока второй ее конец не звякнул о грунт. «КИСЛОРОД И ПИЩА», — прочел он надпись на канистре. Прекрасно. Бен толкнул ее ногой, откатывая в сторону, и подскочил за следующей.

Регулятор расхода на спине равномерно пощелкивал, посылая в маску почти непрерывный поток чистого кислорода, голова слегка кружи-

лась от усталости. Грунт возле экрана усеивали контейнеры, баллоны и свертки разной длины, но одинакового диаметра. Отто похлопал Бена по плечу, и тот от неожиданности уронил ящик.

— Извини, я тут отключился. Ничего не…

— Заткнись и хватай баллон — видишь, лезет из экрана.

Они приняли баллон, потом еще два, и неожиданно из экрана, звякнув, вывалилась блестящая дюралевая пластинка. Прищурившись, Бен наклонился и заметил на ней буквы, написанные красным восковым карандашом:

«РЕКОМЕНДУЮ ПРОВЕРИТЬ ДАВЛЕНИЕ В БАЛЛОНАХ С КИСЛОРОДОМ. РАЗВЕРНИТЕ ПАЛАТКУ И СМЕНИТЕ БАЛЛОНЫ».

— Ну вот, наконец кто-то начал работать головой, — пробормотал Бен и ткнул пальцем в баллон у себя на спине. — Что показывает манометр?

— Осталась только четверть.

— Тогда они правы — сейчас важнее всего поставить палатку.

Отто принялся рыться в куче канистр, а Бен вытащил на ровное место длинный и громоздкий матерчатый сверток. Легко расстегнулись защелки, и Бен раскатал сверток отработанными

на тренировках движениями. Однако на тренировках он проделывал эту операцию бодрым, а не на грани истощения, хватаясь за тяжелую плотную ткань неуклюжими, затянутыми в перчатки руками. Покончив со своей частью работы, он стал наблюдать, как Отто через переходник подключает шланг палатки к баллону.

— Ты что делаешь, болван? — внезапно прохрипел Бен и пихнул Отто в плечо. Тот растянулся плашмя.

Свалившись, Отто молча уставился на Бена изумленными глазами, должно быть, решил, что напарник сошел с ума. Бен ткнул в переходник трясущимся от гнева пальцем.

— Разуй глаза. Не расслабляйся и будь внимателен, или ты нас погубишь. Ты подключал красный шланг к зеленому баллону.

— Извини… Я не заметил…

— Конечно, не заметил, тупица. А следовало бы. Красный цвет означает кислород, которым мы дышим и которым нужно надувать палатку. А зеленый — изолирующий газ, место которому между двойными стенками палатки. Он не ядовит, но убьет нас не хуже яда, потому что дышать им мы не сможем.

Бен сам занялся подключением баллона, за-

претив Отто подходить, и даже погрозил ему гаечным ключом, когда тот попробовал приблизиться. Одного баллона с кислородом хватило, чтобы превратить палатку в похожий на пудинг холмик, а после второго она приняла вид прочного купола. Реагирующий на давление клапан автоматически загерметизировал вход. Бен знал, что кислород в его баллоне почти иссяк, но не мог бросить работу. Подключив зеленый баллон, он сам, не доверяя Отто, заполнил газом пространство между стенками палатки. Теперь печка. Он потащил ее к шлюзу палатки, но неожиданно выронил, споткнулся раз, другой — и упал, потеряв сознание.

— Еще супа? — спросил Отто.

— Не откажусь, — согласился Бен, допив суп и протягивая чашку напарнику. — Извини, что я тебя так изругал. Я виноват вдвойне, потому что ты сразу после этого спас мне жизнь.

Отто смутился и наклонился над печкой.

— Да ладно, Бен, я не в обиде. Правильно ты меня ругал, и даже мало. Должно быть, я перетрухнул. Сам знаешь, я к таким вещам непривычный — не то что ты.

— Но я никогда не бывал на Марсе!

— Бен, ты ведь меня понял. Пусть не на Марсе,

но ты многое в жизни повидал. А я учился в колледже, ходил на работу и ездил в отпуск на Багамы. Я типичный горожанин, и мне до тебя далеко.

— Но ты неплохо справился, когда я отключился.

— Знаешь, когда я понял, что могу положиться только на себя, у меня просто не осталось другого выхода. Твой баллон опустел, и я был уверен, что ты задыхаешься. Я знал, что палатка наполнена кислородом, поэтому я как можно скорее затащил тебя внутрь и сорвал маску. Дышал ты вроде нормально, но холод стоял жуткий, пришлось сбегать за печкой, а потом за едой. Вот и все. Я просто сделал то, что полагалось.

Его слова сочились в тишине, и в конце концов на лице Отто, похожего в массивных очках на сову, снова появилось испуганное выражение.

— Но именно это и следовало сделать. И ничто другое. — Бен подался вперед, четко выговаривая каждое слово. — Никто не смог бы сделать больше. И тебе пора перестать считать себя горожанином и взглянуть в лицо правде: ты один из исследователей Марса. А их в Солнечной системе всего двое.

Отто задумался над словами Бена и слегка расправил плечи.

— А ведь верно!

— Вот и не забывай об этом. Худшее уже позади. Мы целыми и невредимыми вылезли из этого факирского ящика — я всегда его побаивался — и теперь у себя дома, на Марсе. Еды, воды и прочего нам хватит на несколько месяцев. Нужно лишь соблюдать необходимую осторожность, выполнить работу, и тогда мы вернемся героями. Богатыми героями.

— Сперва придется установить передатчик, но это нетрудно.

— Поверю тебе на слово. Спасибо. — Бен принял чашку и шумно хлебнул — суп еще не остыл. — Вообще-то, я понятия не имею, зачем нужен второй ПМ, если один уже здесь. Ты мне не поверишь, но я не представляю, как эта штука работает, а мне никто не соизволил объяснить.

— Принцип довольно прост.

Оказавшись в родной стихии, Отто горел желанием все рассказать и потому расслабился, ненадолго позабыв о прочих проблемах. Именно для этого Бен, немало знавший о теории ПМ, и задал ему вопрос.

— Перенос материи стал возможен после открытия пространства Бхаттачарья. Это пространство, или, сокращенно, Б-пространство,

аналогично нашему трехмерному континууму, но тем не менее находится вне его. Но мы можем в него проникать. И вот что интереснее всего: где бы мы в него ни проникали — из любой точки нашей Вселенной, — мы всегда попадаем в одну и ту же точку Б-пространства. Поэтому, если произвести тщательную настройку, можно добиться ситуации, когда два экрана оказываются в одной и той же области этого пространства. По сути, Б-пространству позволяют проникать в нашу Вселенную перед каждым из экранов, и можно считать, что в нашем пространственно-временном континууме экраны не существуют. Предмет входит в один экран, а выходит из другого. Вот и вся хитрость, если не вдаваться в подробности.

— Звучит просто — если не спрашивать о том, как устроен сам передатчик. Но я все равно не понимаю, почему мы не можем выбраться с Марса тем же путем, каким попали сюда.

— Причин много, но самые главные — мощность, расходуемая на настройку, и физическое расстояние.

— Ты же говорил, что расстояние не влияет на работу экранов.

— Непосредственно на работу — да, но с его увеличением настройка затрудняется. Наш

экран на Марсе, доставленный ракетой, имеет рабочий диаметр два фута, и это крупнейший из имевшихся у нас. Почти вся энергия уходит на поддержание его в рабочем состоянии. Передатчик на Земле стыкуется с ним и — это трудно описать словами — как бы замыкается на него, поддерживает в рабочем режиме и стабилизирует, обеспечивая пересылку. Но в обратном направлении процесс не пойдет.

— А что случится с предметом, если сунуть его в экран с нашей стороны?

— «Нашей стороны» просто не существует. Все помещенное в наш экран превратится в гамма-излучение и просто-напросто разлетится по пространству Бхаттачарья.

— Приятно слышать ободряющие слова. Слушай, а не заправить ли нам баллоны и не перетащить ли в палатку остаток барахла? А потом вздремнуть?

— Согласен.

Они собрали лишь самое необходимое — пищу, оборудование для очистки воздуха и тому подобное — и забрались в спальные мешки. Отдохнув, наутро они почувствовали себя гораздо бодрее и завершили разбивку лагеря. На третий день им переслали первые детали большого передатчика

материи.

Инженеры-конструкторы наверняка будут долго вспоминать эту работу как кошмар. Любая деталь, независимо от назначения, должна была пролезть сквозь двухфутовую дыру. Пришлось пойти на множество компромиссов. Проведя за чертежными досками немало бессонных ночей, инженеры пришли к окончательному выводу, что дизель-электрический генератор, как его ни разделывай на кусочки, в отверстие не пролезет. Потом некий безымянный чертежник заслужил безмерное уважение начальства, предложив другую идею: можно переслать достаточное количество мощных батарей, чтобы поддерживать работу большого шестифутового передатчика некоторое время, достаточное для пересылки цельного генератора.

Им переслали раму для крепления генератора и согласовали всю операцию пересылки. Бен, гораздо успешнее справлявшийся с физической работой, занимался монтажом рамы, а Отто тем временем собирал в палатке электронные блоки. При необходимости они помогали друг другу. Наконец настал день, когда Бен завернул последнюю гайку на стальной раме, нежно похлопал по ней ладонью и вошел через шлюз в палатку. С

утра можно будет начинать подключение электроники.

Отто лежал ничком на рабочем столе, уткнувшись покрасневшим потным лицом в печатную плату. Его ладонь лежала на горячем паяльнике, в воздухе сильно пахло горелым мясом.

Бен перетащил его на койку, ощущая через одежду, как тело напарника пышет жаром.

— Отто! — позвал он, тряся его за плечо.

Отто лежал пластом, медленно и тяжело дыша. Он так и не пришел в сознание. Бен тщательно забинтовал его сильно обожженную руку и попытался привести мысли в порядок.

Он не был врачом, но приобрел достаточно практических знаний по медицине, чтобы распознавать наиболее серьезные болезни и травмы. Болезнь Отто не подходила ни под одно из описаний, и Бен упорно отгонял мысль о том, чем она может оказаться в действительности. Наконец он сделал напарнику инъекцию большой дозы пенициллина и записал его температуру, дыхание и пульс. Надев комбинезон, он выбрался из палатки, подошел к капсуле и вызвал Землю.

— Запишите информацию, которую я сейчас передам. Не отвечайте, пока не закончу, а когда я все скажу, перешлите ответ не по радио, а через

ПМ — отпечатанным на бумаге. Начинаю. Отто болен, ему плохо, но причину я установить не могу. Вот подробности.

Бен продиктовал свои наблюдения и стал ждать. Медленно тянулись минуты, пока его сообщение добиралось до Земли и готовился ответ. Получив листок бумаги, он прочитал текст, гневно смял послание и схватил микрофон.

— Да, я тоже предположил вероятность марсианского заболевания. Но я отказываюсь проводить исследования и отсылать отчеты. Немедленно пришлите врача. Предложите хорошую сумму, и доброволец найдется. А пока вы его ищете и одеваете, начинайте пересылать все, что ему потребуется. И только потом можете прислать микроскоп и приборы для взятия образцов, а я охотно займусь поисками микроорганизмов в почве или где скажете. Мы уже сообщали, что тут есть нечто похожее на растения, но до изучения пока руки не доходили. Пусть ими займутся биологи. Я поищу в них микробов, но только после того, как вы выполните все, что я сказал.

Его сообщение поняли. Компании не меньше Бена хотелось обеспечить безопасность экспедиции — в нее было вложено немало средств, — и они не стали колебаться, когда встал вопрос о

том, что ради безопасности нужно рискнуть несколькими жизнями. Врач, растерянный молодой медик из штата компании — он только что подписал документы, обеспечивающие, в случае его гибели, финансовую независимость его жене до конца ее дней, — спрыгнул на марсианскую щебенку всего через полчаса после пересылки последнего ящика с медицинским оборудованием и припасами. Бен, едва сдерживая нетерпение, отвел его в палатку и помог стянуть комбинезон.

— Все ваше хозяйство я уже разложил на столе. Пациент ждет.

— Меня зовут Джо Паркер, — улыбнулся врач. Взглянув в лицо Бена, он опустил протянутую было руку и быстро подошел к больному. Даже после полного обследования ему не хотелось признать правду.

— Это может оказаться необычная болезнь…

— Не ходите вокруг да около. Вы что-либо подобное видели раньше?

— Нет, но…

— Тогда это то, о чем я подумал.

Бен тяжело уселся и налил себе в мензурку выданного для медицинских целей бренди. Мгновение помедлив, налил и врачу — в мензурку поменьше.

— Новая болезнь, совсем новая? Марсианская?

— Вероятно. Очень похоже на то. Я сделаю все, что в моих силах, Бен, но понятия не имею, чем все кончится.

Каким станет этот конец, знали оба, но признаваться не хотел никто.

Ни лекарства, ни поддерживающее лечение не помогли — через два дня Отто умер. Паркер провел вскрытие и выяснил причину смерти — мозг погибшего разрушил неизвестный микроорганизм. Пока Бен работал над большим передатчиком, врач заморозил образцы и сделал многочисленные срезы тканей. Должно быть, известие о случившемся дошло до персонала компании на Земле, потому что инженер-доброволец прибыл на помощь Бену для окончания монтажа лишь четыре дня спустя. Им оказался испуганный молчаливый мужчина по имени Март Кеннеди. Бен не стал спрашивать, почему он согласился, — откровенно говоря, ему и не хотелось знать, какие меры давления были предприняты. С его прибытием работа пошла быстро, несмотря на ощущение темной тени, словно витающей над ними. Они ели вместе, почти не разговаривая, потом снова хватались за инструменты. Доктор Паркер упорно работал, и наконец

ему удалось выделить прозрачную жидкость, содержащую возбудителя болезни. Он намертво закупорил сосуд с этой жидкостью и упаковал в герметичный ящик, намереваясь переслать на Землю, едва заработает экран.

В тот день, когда предстояло начать испытания, Март Кеннеди встал затемно, чтобы полюбоваться на рассвет. Прибыв на Марс, он почти без отдыха работал, собирая передатчик и почти не замечая, что происходит вокруг. А может, оно и к лучшему — так ему некогда было думать о «марсианской заразе». Название неуклюжее, наверняка поначалу шутливое, но оно не могло замаскировать подсознательно связанный с ним ужас. Верная смерть. Марс есть Марс. Даже в самых дерзких мечтах, читая еще мальчишкой фантастику, Март и думать не смел, что когда-либо здесь окажется.

Зевнув, он вернулся, поставил греться кофе и стал будить остальных. Бен мгновенно открыл глаза и, сразу проснувшись, кивнул. Паркер даже не пошевелился. Март потряс его за плечо — и отдернул руку, охваченный внезапным ужасом.

— Бен, — выдавил он, заикаясь, как всегда, от волнения. — Т-тут ч-что-то не так.

— Опять. Симптомы те же, — воскликнул Бен,

ударяя кулаком по койке и от отчаяния даже не замечая этого. — Он тоже ее подцепил, тут и думать нечего. Закатим ему уколы и пойдем запускать экран. Ничего другого нам не остается.

Большой ПМ был готов к работе еще вчера, но они настолько вымотались, что завершить работу у них не хватило сил. Бен устроил больного насколько смог поудобнее, дал ему лекарства, которые так и не помогли Отто, и присоединился к Марту Кеннеди.

— Все параметры в норме, — сообщил Март. — Могу включать, как только скажешь.

— Тогда валяй. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Экран замерцал, потемнел и наконец стал абсолютно черным. Бен нацарапал на крышке канистры «посылайте генератор» и швырнул крышку в экран. Она исчезла, тут же попав на Землю — или превратившись в излучение в Б-пространстве. Мучительно утекали драгоценные секунды — батареи могли поддерживать экран в рабочем режиме только минуту.

И тут показался генератор — передний конец платформы на колесиках ударился о грунт, — они тут же ухватились за ручки. Наконец тяжеленный генератор протиснулся сквозь экран, Бен и

Март откатили его в сторону. Экран за их спинами подернулся рябью, поле отключилось.

— Подключай кабели, пока я его завожу, — велел Бен.

Он открыл клапаны бака с горючим и баллона с кислородом и нажал стартер. Генератор, прогретый перед пересылкой, завелся с полуоборота, и, как только он выдал ток, экран передатчика снова заработал. Им перекинули контейнер с перепуганной крысой, который они тут же вернули обратно. После нескольких повторных проверок Бен переслал с очередной крысой записку с известием о болезни Паркера. Ответа не пришлось ждать долго.

«Мы отзываем вас всех, — прочел он отпечатанные на машинке строки. — Переключите оборудование на автоматический режим, мы будем управлять им с Земли. Благодарим за помощь. Начинайте возвращение. Первым ждем доктора Паркера».

Бен быстро написал несколько слов и бросил записку в экран.

«Что будет с нами?»

«Мы приготовили карантинное помещение, куда можно попасть только через ПМ. О вас позаботятся. Мы сделаем все возможное».

— Пошли готовить Паркера, — сказал Бен, прочитав ответ.

Они одели так и не пришедшего в сознание врача, и Бен закрепил кислородный шланг, чтобы тот не выскочил изо рта больного. Носилки им переслали заранее, они уложили Паркера и пристегнули его ремнями.

— Берись спереди, — сказал Бен.

Они направились к шлюзу и с трудом поместились в нем, даже подняв носилки стоймя. Выйдя, Бен взялся за свой конец носилок молча, и даже не обернулся, пока они тащили носилки к большому ПМ. Экран его был достаточно велик, чтобы пропустить всех сразу.

…Свет показался непривычно сильным, а ноги — тяжелыми. Сняв маску, Бен втянул ноздрями плотный воздух с незнакомыми запахами. Они стояли в пустом коридоре с прозрачной стеной, и не меньше ста человек смотрели на них с той стороны.

— Говорит доктор Тармонд, выслушайте инструкции, — произнес динамик. — Сейчас вы…

— Вы меня слышите? — оборвал его Бен.

— Да. Подождите, пока я…

— Заткнитесь и слушайте внимательно. У вас есть для обследования двое, больной и здоровый.

Этого достаточно. Я возвращаюсь на Марс. Если мне суждено умереть, то там ничуть не хуже, чем на Земле.

Он повернулся к экрану, но его остановил голос Тармонда:

— Стойте! Это запрещено. Вы все равно не пройдете — экран выключен. Выполняйте мои приказы…

— Черта с два, — громко ответил Бен и даже чуть заметно улыбнулся. — Вы свое откомандовали. Эти недели на Марсе помогли мне поразмыслить о своей жизни на Земле. Меня тошнит от толп людей — вонючих, жрущих, плодящихся и загаживающих планету. Она была прекрасной, пока ее не испоганили. Я возвращаюсь в чистый, первозданный мир. Пока чистый. Если повезет, он таким и останется. Я помню первую крысу, попавшую вместе со мной на Марс, — несчастное подопытное животное. Сейчас я для вас такая же подопытная крыса, а мне это не по нраву. Уж лучше я стану первым марсианином.

Толпа расступилась, пропуская Тармонда к прозрачной стене. Он остановился возле нее, в упор уставившись на Бена и с трудом сдерживая гнев. Потом поднес к губам радиомикрофон:

— Все это хорошо, но к вам не относится. Вы

служащий, подписавший контракт, и станете делать то, что прикажут. Ваше место в комнате номер три, куда вы отправитесь…

— Я возвращаюсь на Марс, — упрямо повторил Бен, вытаскивая из кармана ломик из хромированной стали и постукивая им по пластику.

Кто-то шарахнулся назад, но Тармонд даже не шелохнулся.

— Это инструмент, — пояснил Бен, — и я им воспользуюсь. Отыщу дверь, трещину в стене, оконную раму и стану ковырять, пока не пробьюсь к вам. И тогда симпатичные микробчики «марсианской заразы» доберутся до вас и сожрут ваши мозги. Так что это у вас, Тармонд, нет выбора. Вернее, выбирайте одно из двух — или вы меня убиваете, или возвращаете на Марс. А теперь решайте.

Лицо Тармонда исказилось от ненависти, но он сумел взять себя в руки.

— Не стану напоминать вам о лояльности, Данкен, потому что для вас такого понятия не существует. Но имейте в виду, что в дело вложено слишком много денег и рисковать ими мы не можем. Вы сделаете то, что вам прикажут.

— Не дождетесь! — рявкнул Бен и с размаху ударил ломом по пластику с такой силой, что

отбил кусок.

На этот раз даже Тармонд вздрогнул.

— Неужели до вас еще не дошло, что меня от всех вас тошнит и что здесь я не останусь? И что именно сейчас вы стоите перед человеком, которому приказывать бесполезно? На Марсе я принесу огромную пользу, если меня не свалит болезнь. Задумайтесь над этим, постарайтесь осознать. Только побыстрее.

Он ударил по пластику, отколов новый кусок. Тармонд молчал, застыв в напряженном ожидании. И лишь когда на пол упал третий осколок, он внезапно отвернулся.

— Включите передатчик, — бросил он в микрофон.

Экран стал черным. Бен взглянул на мерцающую поверхность, потом на зрителей.

— Не советую вам ошибаться, доктор Тармонд, — сказал Бен. — Я знаю, вы можете сбить синхронизацию экрана и вышвырнуть меня в Б-пространство пучком радиации. Будь что будет. Но я искренне надеюсь, что вы не пойдете на такое расточительство. Я не прошу вашего сочувствия, зная, что вам доставит огромное удовольствие убить меня именно таким способом. Но хочу напомнить, что наш разговор слыша-

ли немало свидетелей, а ваше начальство не погладит вас по головке, если вы избавитесь от человека вроде меня — кандидата в начальники вашего будущего марсианского поселения. Готов поспорить, что вас вышвырнут с той же скоростью, с какой вы давали пинка под зад своим подчиненным.

Бен подошел к экрану, потом обернулся к застывшей в молчании толпе.

— Я постараюсь подготовить Марс к прибытию людей и, если выживу, стану продолжать эту работу, так что вы ничего не потеряете. Ведь если я этого не сделаю, вы вряд ли найдете других желающих.

И, не дожидаясь ответа, он натянул на лицо маску и шагнул в экран.

Хранители жизни

Перевод И. Зивьевой

Чтобы скрыть такой крупный предмет, его в свое время засыпали камешками и разным мусором, а для полной надежности над образовавшимся холмом соорудили пирамиду из крупных камней. Но то ли оттого, что камни были плохо подогнаны друг к другу, или слишком уж часто не благоприятствовала погода — от пирамиды к настоящему времени остались одни развалины, безобразная груда обломков в половину человеческого роста. Дожди, низвергавшиеся с небес в течение столетий, смыли и камешки, и мусор, так что сейчас над покрытым опавшей листвой холмиком возвышался тот самый столь тщательно скрываемый предмет: разъеденная ржавчиной и покрытая выбоинами огромная металлическая рама, высотой три метра и длиной раза в два больше. В раму была вставлена пластина из материала, напоминавшего серо-голубой сланец. Пластина, покрытая густым слоем пыли и налипших на нее мелких частичек, была

настолько твердой, что долгие годы не оставили на ней ни царапин, ни вмятин.

Вокруг пластины в раме и рассыпанных камней раскинулся поросший редкими пучками травы луг, по краям которого росли чахлые низкие деревца. Вдалеке виднелись грязновато-серые холмы, едва различимые сквозь редкий туман и почти сливающиеся с небом такого же неопределенного серого цвета. После недавнего ненастья на земле в ямках лежали, не тая, белые камешки крупного града. На холме среди травинок лениво поклевывала птица с коричневой спинкой и светло-серым брюшком.

Перемена была разительной. В одно мгновение — слишком короткое, чтобы заметить его, — пластина в раме поменяла свой цвет на абсолютно черный. Необычный оттенок черноты говорил скорее об отсутствии цвета, чем о его наличии. Одновременно изменились, по всей вероятности, и свойства поверхности пластины, так как вся пыль и мелкие частички осыпались. Куколка какого-то крупного насекомого упала рядом с птицей, вспугнув ее. Беспорядочно хлопая крыльями, та сорвалась с места и улетела прочь.

Из черноты возник человек, трехмерный и вполне реальный, и шагнул наружу, словно через

дверь. Появившись здесь так внезапно, он присел и начал с подозрением осматриваться. На нем был защитный костюм с множеством сложных приспособлений, а голову защищал прозрачный шлем. В руке человек держал наготове пистолет. Посидев, он встал во весь рост, не переставая настороженно поглядывать по сторонам, и что-то проговорил в микрофон, жестко зафиксированный перед губами. От микрофона через зажимное устройство на шлеме шел гибкий провод, который тянулся к черной поверхности пластины и исчезал в ней.

— Первое донесение. Никакого движения не замечено, в поле зрения никого нет. Мне показалось, что видел что-то вроде птицы, но не уверен. Здесь, должно быть, сейчас зима, или эта планета просто очень холодная. Низкорослая растительность, в том числе и деревья; низкая облачность, на почве снег — хотя нет, это скорее град. Все приборы функционируют нормально. Сейчас взгляну на контрольную панель. Она засыпана землей и камнями, так что придется ее откапывать.

В последний раз окинув окрестности изучающим взглядом, он убрал оружие в кобуру на ноге и достал из ранца инструмент, напоминавший по форме стержень. Вытянув руку с инструмен-

том, он включил его и коснулся им почвы в том месте, где она покрывала правую часть рамы. Земля вскипела. Над рамой поднялось облачко распыленной до мельчайших частиц почвы, а мелкие камешки и обломки камней разлетелись во все стороны. Более крупные камни требовали больших усилий. Скрежеща, они отваливались в сторону, когда под них подводился металлический кончик стержня. Рама все больше и больше обнажалась. Ниже уровня земли она расширялась, и в месте расширения обнаружилось повреждение в виде зияющего отверстия. Человек тут же прекратил работу и, еще раз внимательно оглядевшись по сторонам, наклонился, чтобы как следует все рассмотреть.

— Задача усложняется. Похоже на преднамеренную диверсию. Дыра с рваными краями; причиной может быть только взрыв, мощный. Разнесло все контрольные приборы, экран дезактивирован. Я могу наладить блок…

Его слова прервались мучительным хрипом: в спину ему вонзилась деревянная оперенная стрела с зазубринами. Ноги его подкосились, и он упал на колени, успев все же обернуться, преодолевая боль. Его пистолет выплюнул непрерывную очередь — целый поток крошечных

частиц, которые с удивительной мощью взрывались при соприкосновении с любым объектом. Он возвел эту огненную завесу — дугу из взрывов, пыли и дыма — в двадцати метрах от себя. Что-то давило на ткань защитного костюма над грудью, и он, осторожно дотронувшись до этого места, нащупал острие стрелы, пронзившей его тело. Одновременно он почувствовал, как по коже струится теплая кровь. Как только серия взрывов образовала дугу в сто восемьдесят градусов, он встал и, с трудом сделав один шаг, почти упал в темноту, из которой появился. Он исчез в ней, словно в омуте, не оставив на поверхности ни малейшего следа.

Слабый холодный ветер разогнал пыль. Вокруг снова воцарилась мертвая тишина.

Разрушенная деревня была местом, где бушевала смерть. Как всегда, действительность намного превосходила самое изощренное воображение; ни один режиссер не смог бы поставить столь ужасающую грубой правдой сцену. Не тронутые огнем дома стояли среди сожженных. На земле в оглоблях лежало мертвое тягловое животное, все еще запряженное в телегу. Вытянутым носом оно касалось лица очередной жертвы чумы, чьи конечности были уже объедены дикими живот-

ными. Вокруг в беспорядке валялись трупы тех, кого смерть застала прямо на улице, и, вне всякого сомнения, еще большее количество трупов было милосердно скрыто от взора в глубине зданий. Рука, безвольно свисавшая из полуприкрытого ставнями окна, была немым свидетельством того, что находится внутри помещений. Трехмерное изображение места действия, проецируемое на одну из стен затемненной аудитории и занимающее всю площадь стены, потрясало реальностью происходящего. Что, собственно, и было целью показа. Голос комментатора звучал ровно и бесстрастно — прямая противоположность демонстрируемым ужасам.

— Все, разумеется, происходило в ранний период освоения, и наши силы были рассеяны. Мы получили и зарегистрировали сообщение о случившемся, но из-за ухудшившейся ситуации на Ллойде не смогли отправить туда подкрепление. Последующий анализ событий показал, что можно было бы послать одно подразделение без видимых негативных последствий нашего вмешательства, и эта акция коренным образом изменила бы ситуацию. К тому времени, когда кризис пошел на убыль, показатель смертности достиг семидесяти шести целых и тридцати двух

сотых процента всего населения планеты…

В кармане у Яна Дакосты тихо прогудел передатчик. Тот приложил его к уху и включил.

— Доктор Дакоста, просьба явиться в Бюро инструктажа.

От радости он чуть не подпрыгнул, несмотря на усиленные тренировки за последние несколько недель. Однако, сдержав себя, он неторопливо поднялся и так же не спеша вышел из аудитории. Несколько человек приподняли голову, когда он проходил мимо, и посмотрели ему вслед, затем снова обратились к экрану, на котором демонстрировался тренировочный фильм. Ян уже достаточно насмотрелся тренировочных фильмов. Этот вызов, возможно, означает начало долгожданной миссии, и он наконец-то сможет хоть что-то делать вместо бессмысленного просмотра бесконечных тренировочных фильмов. В последние дни он, будучи причисленным к резерву, жил в тревожном ожидании. Скорее всего, вызов связан с миссией.

Очутившись в безлюдном коридоре, он ускорил шаг. Завернув за угол, он заметил впереди знакомую фигуру человека, припадающего на одну ногу, и поспешил за ним.

— Доктор Толедано!

Старик обернулся и остановился, поджидая его.

— Миссия, — произнес он, когда Ян подошел поближе.

Он заговорил на их с Яном родном языке, предпочитая его общепринятой интерлингве. Он улыбался, и от улыбки его смуглое морщинистое лицо стало походить на высушенную сливу. Ян, не раздумывая, протянул руку, и старый доктор схватил ее обеими руками. Толедано был чрезвычайно мал ростом, он едва доставал Яну до груди, но зато всегда ходил с таким уверенным видом, что его недостаток никто не замечал.

— Я беру эту миссию под свое начало, — продолжал он. — Возможно, это мое последнее задание. У меня большой опыт работы в полевых условиях. Хотелось бы, чтобы ты был моим помощником. Кроме тебя, будут еще три врача — старше, чем ты. Ты не будешь располагать ни свободой действий, ни возможностью руководить. Но зато тебе будет чему поучиться. Согласен?

— О большем я и не мечтал, доктор.

— Значит, договорились. — Доктор Толедано отпустил его руку и перестал улыбаться. Дружелюбное выражение исчезло, стертое с лица, как и улыбка, в одно мгновение. — Работа будет

тяжелой, но особых почестей не ждите за нее. Зато вы многому научитесь.

— Большего мне и не надо, доктор.

Дружеские отношения тоже исчезли, отложенные до времени в надлежащее место, пока их вновь не понадобится извлечь оттуда. Оба были родом с одной планеты, имели общих друзей. Но все это не имело никакого отношения к их делам. Приотстав на шаг, Ян поспешил за Толедано в Бюро инструктажа, где уже ожидали другие врачи. Когда вошел старший врач, все встали.

— Садитесь, пожалуйста. Думаю, что сначала вас следует познакомить. Этот джентльмен — доктор Дакоста. Он прибыл сюда недавно и учится на постоянного сотрудника СЭК. Поскольку он является квалифицированным врачом, он будет сопровождать нас в этой миссии в качестве моего личного помощника, подотчетного только мне — вне обычной субординации.

Затем Толедано представил собравшихся врачей Яну:

— Доктор Дакоста! Хочу, чтобы вы знали, что они — весьма выдающиеся люди. Цель нашей миссии — благополучно доставить этих специалистов на новую планету, с тем чтобы они смогли заниматься там своими исследованиями. Начну

с леди: доктор Букурос — наш микробиолог.

Седовласая, с квадратным лицом женщина коротко кивнула; пальцы ее постукивали по столу. Чувствовалось, что ей не терпится поскорее приступить к работе.

— Доктор Огласити, вирусолог. Вы, несомненно, знакомы с его научными трудами и еще в школе изучали его статьи.

Человек с оливковой кожей тепло улыбнулся, на мгновение обнажив ровные белые зубы. Сидящий рядом с ним высокий блондин, почти альбинос, кивнул, когда настала его очередь быть представленным.

— И наконец, доктор Пидик, эпидемиолог. Надеемся, что у него совсем не будет работы.

Все, за исключением сохраняющей серьезный вид доктора Букурос, заулыбались в ответ на шутку; но веселое настроение вмиг улетучилось, когда Толедано открыл папку с бумагами, лежавшую перед ним. Он сидел во главе стола для заседаний рядом с прозрачной стеной, которая разделяла помещение на две части.

— Операция, задуманная нами, скорее всего, продлится долго, — сказал Толедано. — По мнению специалистов, контактов не было почти тысячу лет. — Он подождал, слегка нахму-

рившись, пока не стихнет возбужденный гул голосов. — Можно сказать, своего рода рекорд. А поэтому нам следует приготовиться к любым неожиданностям. Я бы хотел, чтобы вы заслушали сообщение разведчика. Других сведений по планете у нас практически нет.

Он протянул руку и нажал на одну из кнопок на столе. По ту сторону разделяющей стены открылась дверь, и медленно вошел человек. Он сел на стул рядом с барьером, всего в нескольких футах от них. На нем была зеленая форма разведчика службы ПМ; под непривычно расстегнутым воротником виднелись белые бинты, правая рука была на перевязи. Выглядел он довольно усталым.

— Я — руководитель миссии доктор Толедано, а это врачи из моей группы. Нам бы хотелось выслушать ваше сообщение.

— Разведчик Старк, старший офицер.

Благодаря скрытым микрофонам и громкоговорителям его слова прозвучали так отчетливо, как будто произносивший их сидел рядом. Это движение электронов было единственной связью между двумя половинами комнаты — отдельными и совершенно автономными частями центра СЭК. Старк считался биологически загрязненным

объектом, поэтому его держали на карантине в бета-секции, «грязной» части центра. Чистая, альфа-часть, была стерильна — по мере возможности, конечно.

— Разведчик Старк, — проговорил доктор Толедано, глядя на пачку бумаг в своей руке, — прошу вас рассказать нам, что случилось лично с вами на этой планете. По показаниям приборов выяснилось, что планета обитаема: кислород, температура, количество загрязняющих веществ — в пределах нормы, что позволяет легко приспособиться к данным условиям. Можете ли вы добавить что-либо к сказанному? Насколько я понимаю, для активирования нуль-передатчика был использован новый Y-проводящий обратный эффект?

— Да, сэр. Существует не более дюжины передатчиков материи, активированных подобным образом. Процесс весьма дорогостоящий, да и слишком уж это тонкая работа. Все другие нуль-передатчики были размещены или на планетах, входящих в Лигу, или в совершенно необитаемых районах…

— Прошу прощения, — прервал его Ян и, почувствовав на себе внимание других, заторопился: — Боюсь, что я ничего не знаю об этом Y-проводя-

щем обратном эффекте.

— Все пояснения есть в сборнике инструкций, — бесстрастно отметил доктор Толедано. — Мелким шрифтом в конце. Вам следовало бы заглянуть туда. Это способ, с помощью которого можно установить связь с нуль-передатчиком, даже если его контрольная панель отключена или выведена из строя.

Ян не знал, куда деваться от стыда. Он не отрываясь смотрел на свои руки и не решался поднять глаза из опасения увидеть усмешку на лицах коллег. Он собирался прочитать все технические отчеты и донесения, но ему просто не хватило времени.

— Пожалуйста, продолжайте, разведчик!

— Да, сэр. После активации приборы передатчика материи показали вполне приемлемые величины давления, температуры и гравитации на той стороне. Поэтому я, не колеблясь, прошел через экран. Обычно первый после активации контакт стараются провести как можно быстрее. Унылый пейзаж, холод — мои впечатления зафиксированы в отчете — наводили на мысль, что на планете стоит зима. В поле зрения — никого. Передатчик материи был наполовину засыпан землей и камнями. Впечатление такое, будто его

пытались спрятать. Я докопался до контрольной панели и обнаружил, что она взорвана.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Такие рваные края всегда остаются после взрыва. К отчету приобщены фотографии. Пока я подсоединял новый контрольный блок, меня пронзили стрелой. Поэтому я вернулся. Я никого не видел и не имею представления, кто стрелял в меня.

Дальнейший опрос ничего не добавил к уже известной им информации, и разведчика отпустили. Толедано положил перед коллегами прозрачный пластиковый пакет, в котором была запечатана нестерильная стрела. Они с интересом осмотрели ее.

— Выглядит не совсем обычно, — заметил Огласити. — Возможно, все дело в длине: слишком короткая.

— Вы совершенно правы, — согласился с ним Толедано, похлопывая по одной из бумаг, лежавших на столе перед ним. — Ученые-историки сошлись во мнении, что стрела была выпущена не из обычного лука с тетивой, знакомого нам по спортивным соревнованиям, а из его древней разновидности, называемой арбалетом. Вот его монтажная схема, где ясно видны детали

конструкции, а вот схема приведения его в действие. По своей форме стрела относится к так называемым стрелам самострела. Она тщательно сбалансирована и вообще неплохо изготовлена — можно даже сказать, доведена до совершенства. Наконечник сделан из литого железа. По мнению историков, если эта стрела — самое выдающееся на планете творение рук человеческих, то культуру можно отнести к раннему железному периоду.

— Явная регрессия!

— Совершенно верно. Изучение фотографий показало, что этому нуль-передатчику по меньшей мере тысяча лет. Он — одна из ранних моделей первооткрывателей планет. Учитывая уровень культурного развития, можно предположить, что на планете существует лишь этот единственный нуль-передатчик и что связь с остальной Галактикой была прервана вскоре после основания колонии. Естественным результатом обособления стал регресс. Их культура упала до того уровня, который они сами были в состоянии поддерживать. Возможно, мы никогда не узнаем, почему разрушили контрольный блок нуль-передатчика, — теперь это чисто теоретический вопрос. Нас прежде всего должна волновать их

тысяча лет без связи.

— Мутации, приспособляемость, отклонения, — произнесла доктор Букурос, обращаясь ко всем.

— Да, и мы должны решить эту проблему. На планете живут люди, что означает их успешную адаптацию к местным условиям. Не сомневаюсь, что у них есть свои, только им присущие болезни и инфекции. Переболев ими, они приобрели к ним иммунитет, но для нас их болезни могут оказаться смертельными. А с другой стороны, у них может совсем не быть иммунитета к болезням, которые привычны для нас. Джентльмены — и доктор Букурос, конечно, — сейчас я сделаю небольшое отступление и зачитаю вам несколько слов об истории СЭК. Мы так привыкли пользоваться этой аббревиатурой, что начинаем забывать, что за ней стоит название «Служба эпидемиологического контроля». Данная организация была создана в условиях чрезвычайной ситуации, когда неожиданно вспыхнула эпидемия чумы, и существует для предотвращения подобных ситуаций. Чума стала наступать приблизительно через двести лет после начала массового применения нуль-переноса материи. Нельзя сказать, что не было попыток прокон-

тролировать распространение болезни, — но все они заканчивались безрезультатно. Из-за огромной разницы в метаболизме и филогенезе живых существ, населяющих планету, на ней не обнаружили практически ни одного заболевания, способного как-то навредить человеку. Зато наши собственные вирусы и бациллы, попав в непривычную для них среду, мутировали и стали представлять собой значительную опасность. Вначале наблюдались лишь отдельные вспышки болезни, которые потом быстро перерастали в эпидемии. Вымирали целые поселения. СЭК была создана для борьбы с этой опасностью, и правительства всех планет в равной мере финансируют ее. После установления контроля над эпидемией, после ужасного урона, нанесенного чумой, СЭК продолжала существовать в целях предупреждения новых вспышек болезни. В организацию входят постоянные сотрудники — я сам и доктор Дакоста — и временные, назначаемые на определенный срок, — такие, как вы, призванные помогать нам. Нашей задачей является профилактика заболевания, и мы приложим все силы, чтобы предотвратить возвращение тех страшных чумных лет. Я подчеркиваю, все силы, поскольку имею в виду именно все силы. Прежде

всего мы — стражи на пути эпидемий, и только потом — врачи. Мы защищаем Галактику, а не просто отдельную личность или планету. Эта регрессирующая планета несет в себе величайшую угрозу, скрытую до поры до времени, самую большую из тех, с которыми я встречался за все время своей деятельности. Мы должны позаботиться о том, чтобы эта угроза осталась лишь угрозой, и ничем больше.

А сейчас я ознакомлю вас с планом операции.

За час до рассвета из экрана нуль-передатчика выскочил легкий танк. Подчиняясь явно лихому водителю, в абсолютной темноте он на излишне высокой скорости загрохотал по выбитой земле к ближайшей возвышенности.

Водитель, не отрываясь от окуляра видоискателя, спокойно сидел за рычагами управления. Инфракрасные прожекторы заливали пространство перед танком потоком невидимых лучей, но благодаря специальным линзам водитель различал на местности мельчайшие детали. Одолев подъем, он прокрутил танк по кругу, внимательно осматривая близлежащую территорию, и только потом заглушил двигатели.

— Видимость прекрасная. Теперь можешь установить детектор.

Его напарник кивнул и принялся манипулировать рычагами управления. Над танком раскрылся тепловой щит — чтобы нейтрализовать излучение, исходящее из танка снизу; сканирующая головка начала вращаться. Оператор бросил короткий взгляд на экран и включил рацию.

— Находимся на самой высокой точке в двухстах метрах от экрана. Детектор в действии. Наблюдаются многочисленные мелкие источники тепла — вне сомнения, местная фауна. На расстоянии примерно девяноста пяти метров зафиксированы два более крупных источника тепла, сейчас они удаляются от нас. Крупные животные или люди. Поскольку они держатся вместе и передвигаются по прямой линии, можно предположить, что это люди. В пределах видимости других источников тепла не наблюдается. Конец передачи.

Из экрана появился второй танк и ненадолго остановился, чтобы передать сообщение ожидающему по ту сторону экрана транспорту; при появлении новых машин он отъехал в сторону.

Четырнадцать транспортных единиц — разведывательные танки, бронетранспортеры с солдатами в полной боевой выкладке, грузо-

вики с припасами, трейлеры — являли собой впечатляющее зрелище. Мощные прожекторы вспарывали темноту горящими сегментами света; по мере того как появлялись все новые и новые машины, рев двигателей и трансмиссий усиливался.

Штабная машина остановилась рядом с разведывательным танком, и доктор Толедано встал на специально приподнятую ступеньку, чтобы изучить местность. Справа на горизонте постепенно набухала полоска света — отныне эту часть горизонта они станут называть востоком.

— Что на детекторе? — спросил он Яна, сидящего внизу и поддерживающего радиосвязь.

— Ничего нового. Первые два сигнала ушли с экрана.

— Тогда мы останемся здесь до рассвета. Детектор пусть продолжает работать, и всем быть начеку. Когда сможем передвигаться без прожекторов, мы отправимся в ту сторону, куда перемещались сигналы на экране.

Ждать пришлось недолго. Рассвет вступил в свои права удивительно быстро — они, должно быть, находились возле экватора; первые красноватые лучи солнечного света отбросили на землю длинные тени.

— Выступаем, — приказал Толедано. — Единой колонной, держаться за мной! Разведчики — на оба фланга и вперед! Необходимо раздобыть несколько пленных. Используйте газ — не хочу, чтобы были жертвы.

По рации Ян Дакоста передал сообщение, не убавляя и не прибавляя ни единого слова, хотя в глубине души не был уверен в правильности приказа. Он был врачом, целителем, а роль, которую он сейчас играл, выглядела по меньшей мере странно. До сих пор операция казалась скорее военной, нежели медицинской. Но он отбросил сомнения. В конце концов, Толедано знает, что делает. Самое лучшее, что ему оставалось, — это наблюдать и учиться.

Колонна двинулась вперед. Через несколько минут головной разведывательный танк доложил о поселении, находящемся прямо по курсу движения транспорта, и остановился, поджидая остальных. Когда колонна подошла к нему, взобравшись на гребень горы, вознесшейся над долиной, и заглушила моторы, Ян присоединился к стоявшему в открытой орудийной башне Толедано.

— Напоминает эпизод из учебника по истории, — заметил Ян.

— И весьма необычный. День, когда мы объявим эту планету доступной для всех, будет поистине знаменательным и для антропологов, исследующих влияние культуры на развитие человека, и для историков, изучающих развитие технологий.

Утренний туман еще лежал в долине под ними, медленно наплывая от реки, которая своими плавными изгибами напоминала змею. Селение, а скорее, небольшой городок, прижавшийся к реке, окружали обработанные поля. Отчетливо различались теснившиеся одна к другой крыши с узкими лентами дымков, поднимающихся от утренних очагов. Такое тесное расположение домов объяснялось тем, что все поселение было обнесено высокой каменной стеной с башнями, бойницами и наглухо закрытыми воротами — и все это окружал заполненный водой ров. На улицах города не было видно ни души, и, если бы не струйки дыма, он вполне мог бы сойти за город мертвых.

— Заперто наглухо, — произнес Ян. — Они, наверное, услышали наше приближение.

— Только глухой мог бы не услышать.

Тихонько загудел зуммер радиосвязи, и Ян откликнулся на сигнал.

— Один из фланговых разведчиков, доктор. Они взяли пленного.

— Прекрасно. Пусть его доставят сюда.

Несколькими минутами позже танк с грохотом подкатил к ним, и пленника, привязанного к эвакуационным носилкам, спустили на землю. Группа ожидающих врачей с нескрываемым интересом смотрела на носилки. Мужчине, лежавшему на них, казалось, больше пятидесяти. У него была седая борода и прямые волосы. Мгновенно лишенный сознания капсулами с усыпляющим газом, он лежал с открытым ртом, громко похрапывая. Немногие видимые зубы торчали почерневшими пеньками. Одежда состояла из тяжелого кожаного пончо, надетого поверх груботканых шерстяных брюк и рубашки. На ногах — длинные, по колено, сапоги из толстой кожи, с деревянными подошвами. Ни одежда, ни обувь не отличались особой чистотой, а в складки кожи беспомощно свисавших с носилок рук въелась грязь.

— Возьмите, что вам нужно для анализов, прежде чем мы разбудим его, — распорядился Толедано, и ассистенты кинулись за необходимыми препаратами и инструментами.

Врачи с присущей им сноровкой действовали

быстро. Были взяты пробы крови — не менее полулитра, соскобы с кожи, волосы, кусочки ногтей, пробы слюны и после порядочной возни с толстой тканью одежды — даже пробы спинномозговой жидкости. Хотелось еще взять пробу и на биопсию, но с ней можно было не торопиться — для начала, которое оказалось весьма успешным, и этого было достаточно. Доктор Букурос даже вскрикнула от радости, обнаружив и выловив на теле несколько вшей.

— Превосходно, — сказал Толедано, когда ученые поспешили в свои лаборатории. — А сейчас разбудите его, и пусть с ним поработает лингвист. Мы ничего не сможем сделать, пока не начнем общаться с этими людьми.

Пленнику сделали укол, и, пока тот просыпался, возле него встали самые крепкие солдаты. Спустя несколько секунд после инъекции веки его затрепетали, и пленник открыл глаза. Парализованный ужасом, он огляделся.

— Спокойно, спокойно, — произнес специалист по языкам, вытянув руку с микрофоном в его сторону и прилаживая к уху наушник.

К компьютеру в трейлере от микрофона с наушником и от ящичка с контрольными приборами, прикрепленного к талии, тянулись провода.

Специалист улыбнулся и присел возле пленника, который к тому времени уже сидел и дико озирался по сторонам в поисках возможного пути бегства.

— Скажи что-нибудь, говори, parla, taller, mluviti, beszelni…

— Джонгойко! — закричал человек, порываясь встать. Один из солдат прижал его к носилкам. — Дьябру, — простонал он, закрыв лицо руками и раскачиваясь взад и вперед.

— Очень хорошо, — произнес специалист. — Предварительные сведения по языку я уже получил. Дело в том, что все языки входят в различные языковые семьи, и каждое слово любого языка и диалекта хранится в банках памяти компьютера. Для определения родственных языков и группы достаточно знать всего несколько слов, а затем, с использованием ключевых слов, направление поиска сужается. Вот одно из таких ключевых слов.

Он сначала потренировался в произношении слова про себя, затем громко проговорил:

— Нор?

— Зер? — отозвался пленник, отнимая от лица руки.

— Нор… зу… итс игин.

После этого процесс языковой идентификации стал продвигаться намного быстрее. Чем больше слов выговаривал пленник, тем больше соответствий находил компьютер. Как только определилась языковая группа, стало возможным, опираясь на определенный набор корней, свойственный данной группе, двигаться дальше, определяя язык более конкретно. Через полчаса специалист встал и отряхнул колени.

— Общение налажено, сэр. Вы когда-нибудь пользовались таким устройством?

— Марком-четыре, — ответил Толедано.

— Это шестая модель. Она несколько модернизирована по сравнению с предыдущими, но ее рабочие функции остались прежними. Просто, когда нужен будет перевод, нажмите на микрофоне кнопку включения. Компьютер будет говорить с пленным на его языке и все, что тот скажет, переведет вам.

Толедано надел наушник, а солдаты повесили микрофон на шею пленнику и установили перед ним громкоговоритель.

— Как тебя зовут? — спросил Толедано.

Через долю секунды переведенный вопрос прозвучал из громкоговорителя, приведя пленника в смешанное состояние изумления и ужаса.

Уставившись на громкоговоритель, он молчал. Толедано повторил вопрос.

— Тзакур, — запинаясь, произнес наконец человек.

— А как называется вон тот город?

Допрос налаживался с трудом. На некоторые вопросы человек не мог или не хотел отвечать — то ли из-за пробела в знаниях, то ли из-за несовершенства перевода. Вероятнее всего, причина заключалась в первом, поскольку компьютер совершенствовал знание языка с каждой произнесенной пленником фразой. Но Толедано тем не менее казался довольным результатом допроса.

— Войсковые части выступят через пятнадцать минут, — сказал он Яну. — Но один взвод пусть останется в тылу для защиты вспомогательных узлов. Передайте, пожалуйста, врачам, что я хотел бы видеть их.

Врачи подходили недружно, по одному, отнюдь не проявляя восторга по поводу того, что их оторвали от исследований. Они утешались лишь тем, что приобретение свежей информации все же лучше, чем их бесконечные протесты.

Толедано подождал, пока все соберутся, и начал:

— От нашего пленника мы получили некото-

рую информацию. Вон тот город носит название Ури — так же как и окружающие его земли. Думаю, что Ури является городом-государством, примитивной политической единицей. Существует и другой город — или страна — под названием Гудегин, который, по всей видимости, в настоящее время держит под контролем Ури. Полагаю, что в Ури когда-то вторглась армия Гудегина и город был захвачен. Скоро мы выясним это. Жители Гудегина очень воинственны, и пленник, кажется, ужасно их боится, к тому же у них имеется разнообразное оружие. Они уже знают, что мы здесь. Из города было послано предупреждение, но посыльного мы перехватили. Сейчас я собираюсь войти в город и поговорить там с руководителями. Я пошлю за вами, когда между нами и местным населением установятся мирные отношения. А пока продолжайте работу. К вечеру прошу подготовить хотя бы предварительные отчеты о проделанной вами работе.

Штабная машина тронулась в путь, за ней последовал небольшой конвой. Извилистая проселочная дорога, изрытая колеями, пролегала через поля и вскоре привела ко рву. Два ряда свай шли от края рва к тяжелым, наглухо закрытым воротам в городской стене.

— Досадно, — поморщился Толедано, глядя в перископ танка. — Они подняли настил моста. Придется поискать другой путь.

Вздымая каскады брызг, что-то с силой ударилось в воду прямо перед ними. Мгновением позже — новый удар, что-то лязгнуло по броне, тряхнуло танк. Через стрелковую прорезь Ян сумел заметить черный предмет, стремительно и тяжело падающий на землю.

— Похоже на большой камень, сэр.

— Да, действительно. Какая-то мощная катапульта. И хорошо пристрелянная. Нам следует принять меры предосторожности. Отступить на пятьдесят метров и рассредоточиться в линию! Вынудите их рассеивать огонь. А затем выясните, что за дно у этого канала.

Там была грязь, вязкая грязь. Как только они отступили, огонь прекратился, а затем сконцентрировался на одном бронетранспортере, который прогромыхал обратно ко рву, перевалил через край и съехал прямо в ров. Он оказался не таким уж глубоким: боевая машина так ни разу и не ушла под воду полностью, но и в противном случае ей ничто бы не угрожало — ведь она была водонепроницаемой. Преодолев треть пути, машина завязла, бесполезно вращая гусеницами и

все глубже и глубже погружаясь. Но предусмотрительный Толедано заранее приказал прикрепить прочный трос к задней части машины, и только благодаря этому ее, хоть и довольно бесцеремонно, вытащили назад на твердый грунт. Вверху, на городской стене, были видны маленькие фигурки людей, прыгающие и размахивающие руками.

— Хватит экспериментировать, — сказал Толедано. — Всем машинам — вперед, к кромке воды! Кому-то сейчас придется очень плохо, и я бы предпочел, чтобы это были не мы. Запусти-ка эту схему в компьютер.

— А нельзя ли использовать усыпляющий газ? — спросил Ян. — Люди могли бы переплыть на тот берег в водолазных костюмах, усыпить противника, обезопасив тем самым территорию, и открыть ворота.

— Можно было бы. Но могут быть жертвы. Ведь, насыщая территорию достаточным количеством газа, невозможно избежать передозировки и не погубить при этом значительного числа жителей. Они должны сдаться.

Он поднес микрофон ко рту и заговорил. Из громкоговорителя, установленного на корпусе машины, загрохотали переведенные компьютером слова:

— Я обращаюсь к гудегинцам, находящимся в городе Ури. Мы никому не желаем причинять вреда. Мы хотим поговорить с вами. Мы предлагаем вам свою дружбу.

На застывшие в едином строю бронированные машины обрушились новые камни, а в землю рядом с танком вонзилось увесистое двухметровое копье.

— Ответ достаточно ясен. На их месте я и сам, вероятно, поступил бы так же. А теперь посмотрим, сможем ли мы изменить их решение. — Он включил микрофон. — Для вашей же безопасности я прошу вас не сопротивляться. Если понадобится, мы разрушим город. Я прошу вас покинуть орудийную башню над воротами. Высокую башню над входом в город. Оставьте ее сию же минуту. Чтобы показать вам силу нашего оружия, мы сейчас разрушим ее.

Толедано подождал несколько минут, затем отдал приказ тяжелому танку:

— Один снаряд, самый мощный. Хочу, чтобы ее снесло первым же выстрелом. Огонь!

Зрелище было ужасным. Башня и огромная часть стены исчезли, снесенные сокрушительным ударом. Беспорядочно кувыркаясь, в воздух взлетели куски каменной кладки и… тела — и

рухнули в ров.

Ян сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Боже праведный, сэр! Там были люди. Живые люди. Вы убили их…

Доктор Толедано повернулся и посмотрел на него с холодным бешенством. Ян поперхнулся и замолчал. Толедано снова включил компьютерный переводчик.

— Теперь вы откроете ворота и позволите нам войти. В знак вашего согласия помашите белым флагом. Если вы этого не сделаете, ворота будут разрушены так же, как и башня.

Ответом был массированный огонь по штабной машине. По корпусу забарабанили громадные камни, оглушая сидящих внутри; тяжелый бронеавтомобиль закачался на рессорах. Массивные копья с металлическими наконечниками лязгнули по броне — и вокруг машины неожиданно вырос целый частокол из стройных древков.

— Канонир, примените легкое орудие. Я совсем не хочу, чтобы все здесь превратилось в обломки. Разрушьте только ворота.

Орудие открыло огонь, посылая в цель снаряд за снарядом. Обитые железом доски, пережеванные и искрошенные снарядами, превратились

в труху.

— Там что-то происходит, сэр…

— Прекратить огонь!

— Смотрите — там, на стене! Они так мельтешат, что кажется, будто дерутся друг с другом.

Он оказался прав. Сначала одно безжизненное тело, а затем и другое скатилось со стены и с плеском упало в ров. А еще через несколько мгновений с верхнего парапета во всю длину развернулось и повисло вдоль стены огромное серое полотнище — его великодушно можно было счесть за бывшее когда-то белым.

— Сражение окончено, — произнес Толедано, не испытывая при этом удовлетворения. — Они восстановят настил моста, так что мы сможем въехать в город. С прикрытием, конечно. Я не хочу еще смертей.

Его звали Джостен, а что касается его титула, то компьютер перевел его как «старейшина деревни», или «член совета». Он был в годах и к тому же толстым, однако меч, который он держал в руках, был красным от крови. Он стоял посреди усыпанной обломками камней площади и, потрясая мечом, указывал на здание напротив.

— Разрушьте его! — кричал он. — Вашими взрывами. Превратите его в развалины! Гуде-

гинцы должны умереть, а с ними и этот злодей из злодеев — Азпи-оял. Вы — наши спасители. Уничтожьте их!

— Нет, — отрезал Толедано. Его спокойный твердый ответ был понятен без перевода. Он стоял лицом к Джостену и казался таким маленьким по сравнению с ним: доктор приходился лишь по грудь высокорослому урианцу. Зато распоряжение его прозвучало непреклонно, как не подлежащее обсуждению: — Вы сейчас же присоединитесь к остальным на другой стороне площади. Не медлите!

— Но мы сражались с ними ради вас. Помогли вам захватить город. Благодаря нашей внезапной атаке на агрессоров мы убили многих из них. Те, которым удалось спастись, спрятались там. Убейте…

— С убийствами покончено. Пришло время мира. Идите.

Джостен воздел руки к небу, взывая к справедливости, в которой ему отказали здесь. А затем, увидев урчащие от нетерпения танки, изменился в лице и замолчал; пальцы его разжались, и меч, выпав из рук, зазвенел о каменные плиты. Он круто развернулся и зашагал к толпе, безмолвно наблюдавшей за этой сценой на другой стороне

площади. Толедано включил на всю мощность усилитель и повернулся к забаррикадированному зданию.

— Не бойтесь меня. А также жителей города. Вы знаете, что я могу уничтожить вас прямо в здании. Но я предлагаю вам выйти и сдаться. Обещаю, что вам не причинят вреда. Выходите.

И как бы для придания его словам большей выразительности огромный танк проскрежетал полкруга на заклиненной гусенице и направил на здание зияющее жерло орудия. Наступила тишина, даже жители Ури затихли в ожидании. И тогда раздался пронзительный визг открываемой парадной двери. Из здания вышел высокий человек с надменным выражением лица. Он был один. На груди у него сиял металлический нагрудник, голову украшал шлем, а сбоку свободно свисал меч.

— Азпи-оял! — вскрикнула неизвестная женщина, и толпа всколыхнулась.

Кто-то выбрался из толчеи вперед и нацелил на человека туго натянутый арбалет, но солдаты были наготове. Газовые гранаты разорвались у самых ног лучника и накрыли его плотным облаком газа. Слетевшая с арбалета стрела просвистела в воздухе и звонко ударилась о камни;

отскочив, она скользнула почти к ногам Азпиояла. Тот проигнорировал стрелу и спокойно пошел по площади. Толпа отшатнулась. Мускулистый, смуглый, с большой черной бородой, он приблизился к Толедано. Из-под шлема холодно блестели глаза.

— Отдайте ваш меч, — приказал Толедано.

— С какой стати? Что ты намереваешься сделать со мной и с моими людьми? Мы можем умереть с честью, как и подобает гудегинцам.

— В этом нет необходимости. Вам никто не причинит вреда. Все, кто пожелает уйти, могут сделать это без помех. Мы принесли сюда мир и будем его соблюдать.

— Это мой город. Когда вы напали, эти грязные животные восстали и отобрали его у меня. Ты мне его вернешь?

Толедано бесстрастно улыбнулся, восхищаясь про себя крепкими нервами мужчины.

— Нет, не верну. Вашим он никогда не был. А сейчас он возвращен тем, кто живет в нем.

— Откуда ты явился, коротышка, и что тебе здесь надо? Ты оспариваешь права гудегинцев на три континента? Если так, то тебе не будет покоя до тех пор, пока ты не уничтожишь нас всех. Этот город — одно дело, а наша земля — совсем

другое.

— Мне ничего вашего не надо. Ни ваших земель, ни ваших богатств. Ничего. Мы пришли сюда, чтобы лечить больных. Мы пришли сюда, чтобы показать, как наладить связь с другими местами, иными мирами. Мы пришли сюда, чтобы изменить положение дел в лучшую сторону. И ничего из того, что вы цените, мы никоим образом менять не собираемся.

Азпи-оял задумался, держа меч на весу. Он был совсем не глуп, этот гудегинец.

— Мы ценим силу своего оружия и нашего народа. Мы намереваемся и дальше править на трех континентах. Ты желаешь лишить нас наших завоеваний?

— Ваших прежних завоеваний — нет. Но в будущем у вас их больше не будет. Мы ведь лечим болезни, а вашу склонность к убийствам можно считать своего рода заболеванием. Вы должны покончить с войнами. Очень скоро вы убедитесь в том, что можете обходиться без кровопролития. Сделайте первый шаг по этому пути — отдайте мне свой меч. — И Толедано протянул к стоящему напротив него мужчине крошечную, почти детскую ладонь.

Схватившись за эфес, Азпи-оял в гневе отступил

назад. И тут же резко заскрежетала башня танка, поворачиваясь следом за ним. Он с ненавистью посмотрел на опустившиеся жерла орудий — и расхохотался. Подбросив меч в воздух, он поймал его за острие и протянул Толедано.

— Не знаю, верить тебе или нет, маленький завоеватель, но думаю, что предпочел бы пожить подольше, чтобы увидеть, что ты собираешься сделать с тремя континентами. А умереть всегда успеется.

Худшее осталось позади. По крайней мере, в политическом смысле. Теперь в их распоряжении будет период относительного мира, в течение которого они смогут спокойно заняться необходимыми анализами и исследованиями. Тысяча лет изоляции — все-таки не шутка!

— Пора начинать, — с неожиданным раздражением произнес Толедано и махнул рукой, подзывая к себе связиста. — Мы и так уже потратили достаточно времени. Пусть подходят другие подразделения. Мы развернем базу прямо на этой площади.

— Очередь длиннее, чем когда-либо, — заметил Ян, выглянув из окна. — Наберется, наверное, с сотню, а то и больше. Похоже, до них наконец дошло, что мы не делаем ничего дурного здешнему

населению, а наоборот, излечиваем людей от их многочисленных болячек.

Они заняли большой склад возле главных ворот и развернули здесь станцию медицинской помощи. Поначалу нехватка добровольцев, желающих подвергнуть себя действию блестящих, необычных инструментов, была довольно ощутимой; но затем число пациентов — на этот раз вынужденных — стало быстро пополняться за счет раненных во время боя. В большинстве случаев они считались уже покойниками. Здешние врачеватели отличались весьма примитивными познаниями в области медицины, ограничиваясь лишь вправлением костей, наложением швов на раны и ампутацией. Понятие об антисептике сохранилось у них издавна, со времени основания колонии. В качестве антисептика использовали спирт, а бинты и инструменты кипятили. Но заражение крови лечили только ампутацией — другого метода лечения просто не знали, так что смерть была естественным исходом любого тяжелого ранения.

Прибывшие врачи, специалисты своего дела, изменили этот порядок. Никто из пациентов не умер. Они успешно лечили раны в области брюшной полости, раздробленные кости конечностей

и пробитые головы, избавляли от гангрены и других не менее опасных инфекций, а однажды даже пришили отрубленную руку. Последнее показалось людям, к этому непривычным, чудом, и вскоре жители города с почти религиозным рвением стали собираться толпами в надежде получить исцеление.

— Какая напрасная трата энергии, — ворчал доктор Пидик, делая инъекцию фунгицида очередному пациенту — перепуганной девочке. — На первом месте была война, и весь талант и энергию тратили на нее, а медицине доставались в лучшем случае крохи. В результате — неизбежное отставание на века. У них есть инженеры, механики, строители. Вы видите эти паровые баллисты? Котел для нагнетания пара и мили труб, а еще — действующие с помощью поршней штуки, которые швыряют камни прямо из труб отбора пара. Уж лучше бы они потратили хотя бы мизерное количество своей энергии на благо искусства врачевания!

Высокий светловолосый эпидемиолог низко наклонил голову, осторожно обрезая омертвевшую ткань и промывая раны на чудовищно распухшей ноге девочки. Потемневшая и бугристая, местами разлагающаяся нога раза в два

превышала нормальные размеры. Благодаря местной анестезии девочка не чувствовала боли, однако с ужасом взирала на то, что доктор делал с ее ногой.

— Никогда не видел ничего подобного, — признался Ян. — Не думаю, что в наших учебниках есть даже ссылки на такие случаи.

— Это одно из известных заболеваний, но только очень запущенное; более старые учебники еще упоминают о нем. Да вы и сами увидите немало подобного в тихих омутах Галактики. Это мадуромикоз. Вначале болезнь ничем не проявляет себя — обычное проникающее ранение. Но такое ранение дает возможность спорам грибков внедриться глубоко под кожу, и если болезнь не лечить, да еще в течение нескольких лет, то результат — перед вашими глазами.

— А вот это я встречал, — сказал Ян, беря за руку человека с пустым взглядом, которого подвели к нему. Продолжая держать его за руку, он описал ею полный круг и отпустил. Рука продолжала вращаться автоматически — вниз-вверх, как заведенная машина. — Эхопраксия, бессмысленное повторение однажды начатых движений.

— Да, полагаю, вы это видели, — фыркнул Пидик, подняв голову. — Но только в палатах для

душевнобольных. А ваш случай, держу пари, результат физического воздействия, черепно-мозговой травмы, оставшейся без лечения, или чего-нибудь в этом роде.

— Никаких пари, — ответил Ян, слегка касаясь глубокой вмятины на черепе человека. Ткань вокруг вмятины была обезображена рубцами, а рядом виднелась застарелая рана.

У них было всего понемногу: инфекции, раны, острые и хронические заболевания, злокачественные опухоли. Практически все болезни. За окном начинало смеркаться, когда Пидик объявил наконец перерыв:

— Достаточно. Работаем почти двенадцать часов. Они могут прийти и завтра. У планеты слишком длительный период вращения, и к этому надо еще привыкнуть.

Ян передал приказ через компьютер, и охрана, не обращая внимания на робкие протесты пациентов, стала выпроваживать их на улицу. Те покорно покинули помещение и, кроме тяжелобольных, сгрудились возле стены, не теряя своего места в очереди, чтобы на следующий день сразу обратиться за помощью. Ян подошел к раковине, где уже умывался Пидик.

— Не знаю, как и благодарить вас, доктор Пи-

дик. С вашей помощью мы осмотрели, наверное, в десять раз больше пациентов, чем если бы я работал один. Здесь так много всего, о чем я ничего не знаю. Думаю, для врачей СЭК следовало бы создать специальную медицинскую школу.

— Такая школа существует. Прямо здесь, в полевых условиях. Вы уже многому в ней научились. После небольшой практики вы сможете лечить здесь все, что угодно. И доктор Толедано увидит, чего вы добьетесь.

— Прием больных не отвлекает вас от вашей работы?

— Это и есть моя работа. Если нет эпидемий, эпидемиолог не нужен. Я просмотрел все взятые нами пробы и определил все виды микроорганизмов, присутствующих в кровотоке этих людей. Пока ничего необычного, ничего чужеродного. Просто стандартный набор бацилл и вирусов, обитающих в человеке испокон веков. Но здесь, в полевых условиях, я могу увидеть то, что мы пропустили в лаборатории.

Ян стряхнул воду с рук и взял полотенце.

— Мы здесь почти месяц, — заметил он. — Если бы тут были какие-нибудь необычные инфекции, разве мы не обнаружили бы их за столько времени?

— Не обязательно. Мы заглянули только в один уголок огромного мира. Как только мы основательно здесь все изучим, то сможем перейти к более общему исследованию остальной планеты. А когда она будет очищена для контактов, сюда придут политики и торговцы.

— Вы верите Азпи-оялу, что сюда идет вся армия Гудегина?

— Вполне. По всей видимости, его народ покорил почти все население этой планеты, и они не смирятся с тем, что мы отняли у них один из городов. Но доктор Толедано сумеет справиться с ними…

— На одной из улиц начинают шуметь, что-то вроде бунта, — прервал его сержант, просунув в дверь голову. — Похоже, из-за какой-то болезни. Вы не могли бы нам помочь разобраться?

— Иду, — откликнулся Ян, вешая на плечо передатчик.

— Я тоже, — заявил Пидик. — Что-то мне не нравится весь этот шум.

Снаружи их ждал взвод вооруженных солдат, и, не теряя ни секунды, оба врача с солдатами тронулись в путь. Сержант шел впереди. Не успели они пройти и несколько шагов, как услышали отдаленный гул голосов. Они прошли еще дальше

— и в общем шуме стали выделяться отдельные пронзительные возгласы и выкрики, а затем послышался глухой звук взрывавшихся газовых гранат. Остаток пути они почти бежали. Толпу, впавшую в крайне возбужденное состояние, сдерживали только ружья солдат и нацеленные орудия танка. Груда неподвижных тел убедительно свидетельствовала о том, что даже этого было недостаточно. Когда врачи с сопровождавшим их взводом пробились к линии защиты перед зданием, доктор Пидик поманил рукой сержанта:

— Компьютер не может разобраться во всем этом шуме. Схватите кого-нибудь, кто больше всех кричит, и приведите его сюда.

Последовала небольшая потасовка, и сержант снова появился, чуть ли не волоком притащив дородного гражданина Ури, не совсем пришедшего в себя после увесистых аргументов сержанта. Это был высокий мужчина с широкой грудью и растрепанной бородой, которой он, видно, очень гордился; на одном глазу красовалась повязка, другой — налившийся кровью — злобно глядел исподлобья.

— Что случилось? Почему вы собрались здесь? — спросил его Пидик через переговорное устройство компьютерного переводчика.

— Чума! В том доме чума. Сожгите дом и убейте всех, кто в нем есть. Вы же всегда так расправляетесь с чумой. Смерть врачует все!

— Это крайняя мера, — спокойно ответил Пидик. — Сначала мы посмотрим, что там за больные, а уж потом предоставьте нам самим решать, что делать. Может, нам вообще не придется прибегать к таким крутым мерам. Идемте, — сказал он Яну и направился вверх по ступенькам к дому.

Толпа ахнула, увидев, куда они идут, и заревела в неистовстве. Не обращая внимания на охрану, люди рванулись вперед, расталкивая друг друга.

— Примените газ, если нужно, — приказал Пидик. — Но остановите их во что бы то ни стало.

В воздухе начали вспухать облака газа, и врачи с конвоем смогли беспрепятственно подняться по ступенькам. Пидик несколько раз ударил в дверь и через компьютерный переводчик попросил открыть. Дом безмолвствовал.

— Откройте дверь, — приказал Пидик ближайшему солдату.

Тот внимательно оглядел дверь и заметил с одной стороны, ближе к косяку, головки болтов для дверных петель. Он прикрепил здесь небольшие взрывные устройства и, включив таймер,

отступил от двери.

— Десять секунд, сэр. Заряды создают направленный взрыв, пробивая небольшие отверстия, но возможна и слабая взрывная волна.

Раздался резкий треск двойного взрыва, и они прижались к стене. Толпа взвыла. Оба врача, осторожно ступая по рухнувшей двери, вошли в дом и, услышав, как кто-то побежал по темному коридору, поспешили на звук. Дойдя до конца коридора, они обнаружили сумрачную комнату, едва освещенную последними лучами солнца, пробивающимися через ставни высокого окна. В комнате на кровати лежал мужчина, а в углу молчаливо жалась кучка женщин и детей.

— Капрал, — обратился Пидик к солдату, вошедшему с ними в комнату, — выведите этих людей отсюда и проследите, чтобы никто не входил в здание. Если понадобится, попросите подкрепления у доктора Толедано.

— Мы справимся, сэр, не беспокойтесь.

— Очень хорошо. Прежде чем пойти, оставьте мне свой фонарик.

Вспыхнул яркий луч света, и человек на кровати застонал, отворачиваясь и прикрывая рукой глаза. Внутренняя сторона предплечья, опухшая и красная, была покрыта сыпью. Доктор Пидик

взял его за руку и нахмурился, почувствовав, как от нее пышет лихорадочным жаром. Он мягко отвел его руку от лица. Оно тоже опухло и покраснело, глаза были закрыты, и врачи сначала не узнали лежащего перед ними человека.

— Это Джостен, — сказал Ян. — Глава совета.

— Изури… — пробормотал Джостен, мотая головой по подушке из стороны в сторону.

— Чума, — произнес Пидик. — Вполне понятное слово. Срочно вызовите «скорую помощь» и передайте, что мне нужно одно место в изоляторе. Да, и расскажите доктору Толедано о том, что происходит в городе, чтобы он успел поднять по тревоге все войсковые соединения.

Джостен позвал их, и Пидик поднес к нему поближе микрофон компьютерного переводчика.

— Оставьте меня… сожгите здание… я умираю. Это чума.

— Мы позаботимся о вас…

— Только смерть может вылечить от чумы! — выкрикнул Джостен, приподнявшись в постели, затем рухнул обратно и тяжело застонал.

— Они все, кажется, убеждены в этом, — заметил Ян.

— А я — нет. Болезнь есть болезнь, а если есть болезнь, то есть и лекарство от нее. Вот и сани-

тары…

Город был охвачен паникой. Машине «скорой помощи» пришлось передвигаться по улицам очень медленно, чтобы в темноте не наткнуться на лежавших повсюду людей, одурманенных газом. Солдаты пускали в ход усыпляющий газ все чаще и чаще, применяя его в огромных количествах. Лагерная стоянка на площади охранялась по всему периметру; один из постов круговой обороны открыл проход, чтобы пропустить машину.

— Что с ним? — спросил Толедано, когда носилки внесли в госпиталь.

— Пока не знаю, доктор. Как только установлю диагноз, сразу доложу вам.

— Полагаю, вы не заставите долго ждать. У нас уже семь подобных случаев.

Пидик молча отвернулся к носилкам.

— Идемте со мной, — обратился Толедано к Яну.

Быстрым шагом он направился к своей штаб-квартире, разместившейся в сборном домике. Ян поспешил следом. К домику они подошли одновременно с бронетранспортером, остановившимся рядом. Из него выскочил офицер:

— Плохие новости, сэр. Один из постов на стене подвергся нападению, двое нападавших погибли.

Была поднята тревога, и мы добрались до того поста, но... — Он замялся. — Мы думаем, что они переправили кого-то через стену. Вот человек, который был у них за старшего.

Из бронетранспортера вытащили и, не слишком церемонясь, бросили к их ногам обмякшее тело. Толедано взглянул на безмятежное лицо спящего и проворчал:

— Азпи-оял. Я мог бы догадаться об этом. Давайте его в мой кабинет. Ян, разбудите его.

В ярко освещенной комнате в глаза бросилось заметное покраснение кожи Азпи-ояла, а когда Ян делал ему укол, то почувствовал под рукой сильный жар.

— Боюсь, что у него то же самое, — произнес он.

Азпи-оял моргнул, приходя в сознание, выпрямился и улыбнулся. Но в улыбке не было ни тени тепла.

— Мой курьер ушел, — сказал он в микрофон. — И ты уже не сможешь задержать его.

— А я и не собираюсь его задерживать. Не вижу причины, почему вам нельзя общаться со своим народом. Ваша армия, очевидно, не более чем в одном дне пути отсюда.

Азпи-оял слегка вздрогнул при упоминании об

армии Гудегина.

— Раз ты знаешь о гудегинцах силой в пятьдесят тысяч воинов, то ты должен знать, что пропал. С курьером я послал донесение о событиях в городе и сообщил о необходимости выслать сюда войска и разрушить этот город, а заодно уничтожить всех, кто проживает в нем. А теперь скажи, позволил бы ты переслать это донесение?

— Конечно позволил бы, — спокойно ответил Толедано. — У вас все равно ничего не получится. Город останется там, где и прежде, а население будет жить, как и жило.

— Больные чумой — такие, как я, — будут убиты. А вас, как носителей чумы, просто уничтожат.

— Никоим образом. — Толедано сел и зевнул, прикрыв рот рукой. — Мы не приносили чуму. Но мы покончим с ней и вылечим всех заболевших. А сейчас вас отведут туда, где вы сможете отдохнуть.

Он позвал охрану и выключил микрофон. Толедано продолжал говорить спокойно, но в голосе его чувствовалась настойчивость, подчеркивающая значение слов, которые он произносил.

— Отведите этого человека в госпиталь и проследите, чтобы он получал необходимое лечение,

но под неусыпным наблюдением. Возьмите для этого столько людей, сколько будет нужно. Его ни на минуту нельзя оставлять без присмотра, иначе он сбежит. Вы поняли?

— Да, сэр.

— Могу я спросить, что происходит? — спросил Ян, когда солдаты вышли.

— Несколько часов назад разведчики донесли об армии Гудегина. Им, видно, не понравилось, что мы отняли один из захваченных ими городов. Я надеялся использовать Азпи-ояла для заключения мира. И если мы найдем способ излечения от этой чумы, можно считать, что еще не все потеряно.

— А что это за чепуха насчет того, что мы занесли чуму?

— Это не чепуха. Наоборот, все очень похоже на правду, хотя я и не понимаю, как такое могло произойти. Если учитывать среднюю продолжительность инкубационного периода, то получается, что заболели именно те люди, которые первыми вступили с нами в контакт. И от этого факта никуда не деться.

Ян был потрясен.

— Но этого не может быть, сэр. В нас присутствуют только микроорганизмы кишечной флоры. А

они безвредны. Оборудование наше стерильно. Нет, просто невозможно, чтобы мы вдруг оказались источником инфекции.

— Тем не менее это так. И сейчас мы должны найти…

В комнату стремительно вошел доктор Пидик и бросил на стол диапозитив.

— Вот виновник всего, — объявил он. — Кокобациллярный микроорганизм. Поглощает анилиновый краситель, грамотрицателен.

— Похоже, вы описываете риккетсию? — задал вопрос Толедано.

— Да. Их кровь кишит этими тварями.

— Тиф? — спросил Ян.

— Вероятнее всего. Возможно, мутировавший штамм. Я думаю, что местные жители к нему невосприимчивы. Некоторое количество подобных микроорганизмов мы обнаружили во многих взятых нами анализах крови. Однако люди были здоровы. А сейчас они больны.

Толедано задумчиво вышагивал по комнате взад и вперед.

— Но это абсурд, — произнес он наконец. — Тиф и все болезни данной группы передаются через насекомых, клещей, платяных вшей. У меня есть основания жаловаться на работу СЭК, но

мы никоим образом не можем быть источником инфекции. И тем не менее какая-то связь есть. Возможно, мы подхватили что-нибудь по дороге в город. Правда, среди личного состава заболевших нет. Мы еще выясним это. Прежде всего необходимо найти метод лечения — вот задача первостепенной важности. Вначале вылечите их, а уж источник инфекции мы найдем позже.

— У меня возникла идея по поводу… — начал было Ян.

Приглушенные расстоянием звуки страшного треска, сопровождаемого грохотом, внезапно прервали его; вслед за этим послышались вопли и крики. Тут же вбежал дежурный лейтенант:

— Нас обстреливают, сэр. Паровые баллисты, причем гораздо более внушительных размеров, чем в городе. Они, наверное, подтянули их с наступлением темноты.

— Можем ли мы справиться с ними, никому не причиняя вреда?

— Никак нет, сэр. Они вне пределов досягаемости газового оружия. Мы могли бы…

Ему не суждено было закончить. Ужасный грохот ударил по барабанным перепонкам, оглушая всех, кто находился в комнате; свет разом погас. Пол выгнулся, и Ян почувствовал, что падает. Ко-

гда он с трудом поднялся на ноги, то первым, что ему бросилось в глаза, оказался луч от фонарика лейтенанта — узкая желтая дорожка в темноте, в которой мельтешила пыль. Пройдясь по распростертым на полу неподвижным фигурам, луч уперся в грубую каменную глыбу, обрушившуюся на них.

— Доктор Толедано! — закричал кто-то, и лучик заколебался, словно рука, державшая фонарик, затряслась.

— Бесполезно, никакой надежды, — сказал Пидик, склоняясь над маленькой скорчившейся фигуркой. — Ему снесло полголовы. Мгновенная смерть. — Он встал и вздохнул. — Я должен вернуться в лабораторию. Думаю, это означает одно: вы должны взять на себя руководство, доктор Дакоста.

Он был почти у двери, когда вконец растерявшийся Ян смог собраться с мыслями и окликнуть его:

— Погодите, что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал. Вы были его ассистентом. Кроме того, вы постоянный сотрудник СЭК. А у нас и без того хватает работы.

— Но он не собирался…

— Он не собирался умирать. Он был моим

другом. Выполняйте работу, которую он вам поручил. — С этими словами Пидик вышел.

За короткий промежуток времени произошло слишком много событий, которые просто не помещались в сознании. Но Ян, собравшись, все же заставил себя действовать. Субординацию можно будет выяснить позже. А сейчас сложилось крайне критическое положение.

— Доставьте тело доктора Толедано в госпиталь, — приказал он лейтенанту и подождал, пока тот выполнит его распоряжение. — Насколько я помню, последнее, о чем вы говорили, — что нападающие вне пределов досягаемости газа и еще что-то о тех штуках, из которых они нас обстреливают.

— Да, сэр. Они за грядой холмов.

— Можем ли мы точно определить их местонахождение?

— Можем. В нашем распоряжении — минивертолеты с автокорректировщиками артиллерийского огня, снабженные инфракрасными прожекторами и передающими телекамерами.

— Пошлите туда один. Определите дислокацию противника, расстояние до них и поищите паровой котел. Если их оружие похоже на то, что на стенах, — а оно непременно будет таким же,

только размером побольше, — значит должен быть и паровой котел с трубами, идущими к баллистам. Установите его точное местонахождение одним из орудий… как вы называете это?

— Пристрелять?

— Точно. После пристрелки взорвите паровой котел. У них тогда не будет возможности продолжать обстрел. При этом, конечно, погибнут люди, но здесь погибло еще больше. Включая доктора Толедано.

Офицер отдал честь и вышел. Только сейчас Ян почувствовал безмерную усталость и направился в ванную, чтобы сполоснуть лицо холодной водой. В комнате позади него ярко вспыхнуло аварийное освещение, и в зеркале над раковиной он увидел свои глаза. Заглянув в них, он ужаснулся. Неужели он действительно отдал приказ убивать? Да. Ему пришлось пойти на это. Для общего блага. Он отвел глаза от отражения в зеркале и окунул лицо в воду.

До рассвета оставалось всего несколько часов. Изможденный вид и покрасневшие глаза у большинства присутствующих свидетельствовали о том, что силы их на исходе. К тому времени потолок в кабинете уже залатали, внесли новый письменный стол и устранили все признаки

понесенного урона. Ян сидел за столом в бывшем кресле доктора Толедано и жестом предлагал входившим садиться.

— Кажется, теперь все собрались, — сказал он. — Доктор Пидик, прежде всего доложите, пожалуйста, как у нас обстоят дела по медицинской части.

— Все, что могу сказать: мы держим ситуацию под контролем. — Эпидемиолог потер небритый подбородок. — Пока мы не потеряли ни одного больного; похоже, что поддерживающее лечение эффективно даже в самых тяжелых случаях. Но мы не в состоянии остановить распространение болезни. Это выше наших сил. Если так пойдет и дальше, то вскоре в городе не останется ни одного здорового человека, а нам придется запрашивать помощь, ибо персонала не хватит. За всю свою жизнь я не видел ничего подобного.

— Какова обстановка с военной точки зрения, лейтенант?

Предельно уставший человек поднял руки и вместо ответа хотел просто пожать плечами, но в последний момент сдержался. Он с усилием выпрямился.

— Население сейчас доставляет нам меньше хлопот. Мы отозвали своих людей с улиц, и те-

перь они либо на стенах, либо охраняют лагерь. Многие из местных больны, а это значит, что часть жителей не участвует в противостоянии. Остальные, похоже, пребывают в растерянности. Внешний противник все это время перемещался на позиции, с которых удобно переходить в атаку. Полагаю, что в любое время следует ожидать мощного приступа. Вероятнее всего, на рассвете.

— Почему вы так думаете?

— Судя по снаряжению, которое они подтащили к стенам — дополнительные баллисты всевозможных размеров, паровые тараны, средства для наведения мостов, штурмовые вышки, — они готовы нанести массированный удар, для этого у них достаточно и людей, и снаряжения.

— Вы сможете сдержать их атаку?

— Ненадолго, сэр. Мы могли бы сопротивляться им с большим успехом, если бы нам помогали жители города; но сейчас они более чем бесполезны. Нам ведь придется обороняться и против них. У нас просто не хватит личного состава, чтобы расставить людей по стенам. Если вы позволите, я выскажу свои соображения. Здесь возможны два решения. Первое: мы вызываем дополнительные войска. Техники установили нуль-передатчик, и можно доставить сюда и собрать еще один, по-

больше. Второе: мы оставляем город. Оборона его будет стоить нам — да и противнику — жизней; к тому же погибнет боевая техника, аппаратура. Гудегинцы — отчаянные воины и не остановятся, пока не победят.

— В случае нашего отступления — что произойдет с жителями города?

Лейтенант смутился:

— Трудно сказать. По всей видимости, учитывая, что они больны…

— Их всех убьют. Не думаю, что это решение — самое удачное, лейтенант. В то же время мы не можем взять их на базу, так как там не хватит места для больных жителей целого города. А других карантинных станций, где могли бы обеспечить лечением такое количество больных, больше нет. Похоже, ситуация начинает вырисовываться в довольно мрачном свете.

Молчание собравшихся в кабинете людей, их удрученные лица выражали согласие с мнением доктора Дакосты. Ситуация казалась безвыходной. Ведь какое бы решение они ни приняли, люди все равно погибнут. Их смерть оставит черный след в летописях СЭК. Возможно, создадут еще один тренировочный фильм, повествующий об их ошибках и предупреждающий, чтобы дру-

гие не повторяли их.

— Но мы еще не проиграли, — сказал Ян, видя, что никто больше не решается взять слово. — Есть у меня один план, и — кто знает — может, он изменит ситуацию. Продолжайте заниматься своими делами, а к рассвету я дам вам знать обо всем. Лейтенант, будьте добры, останьтесь; я бы хотел поговорить с вами.

Остальные молча вышли из комнаты. Ян подождал, пока закроется дверь за последним из них, и только тогда заговорил:

— Мне нужен доброволец, лейтенант, хороший солдат, профессиональный боец. Я собираюсь выйти за пределы города, и мне понадобится квалифицированный помощник.

— Но вам нельзя, сэр! Вы — руководитель.

— Поскольку я руководитель, никто не может воспрепятствовать мне — не так ли? Для задуманного мною дела нужен молодой медицинский работник, которого вполне можно подменить, и я как раз соответствую этим требованиям. Бригады медиков сейчас во мне не нуждаются, а расставить людей для обороны вы сможете и без меня. Если же со мной что-либо случится, сообщите в штаб, и уже через несколько минут вам пришлют намного более квалифицированного специали-

ста СЭК, чем я. Как видите, нет никакой причины, по которой я не смог бы идти.

Лейтенант неохотно согласился, хотя ему не по душе была эта затея, и вышел, чтобы подыскать добровольца. Ян начал укладывать ранец. Он еще не кончил, когда раздался стук в дверь.

— Мне приказали явиться к вам, сэр, — доложил солдат, отдавая честь.

Ян уже встречал его — крупного мужчину, с шеей, напоминавшей ствол дерева, но умевшего передвигаться с кошачьей легкостью. При себе он имел боевое оружие и выглядел довольно воинственно.

— Как тебя зовут?

— Рядовой Плендир, из охраны СЭК, сэр.

— Если не ошибаюсь, всего несколько дней назад на тебе были сержантские нашивки?

— Да, сэр, и не в первый раз. Разжалование за проступок в боевых условиях. Пьянка и драка. Но не с нашими людьми, сэр. С местными. Они все разом набросились на меня, а было их около пятнадцати. Большинство из них все еще в госпитале, сэр.

— Надеюсь, ты такой бравый не только на словах, Плендир. Готов ли ты отправиться со мной за город?

— Да, сэр, — решительно ответил тот, и ничто не дрогнуло в его лице.

— Хорошо. Мы, конечно, не собираемся кончать жизнь самоубийством, как это может показаться. Мы выберемся из города не через стену, а посредством нуль-передатчика, которым мы воспользовались, чтобы попасть на эту планету. Он перенесет нас на несколько миль в тыл противника. Я хочу взять одного из них в плен. Как ты думаешь, это реально?

— Звучит замечательно, сэр, — произнес Плендир, почти улыбаясь при мысли, что им удастся пленить вражеского солдата.

Ян надел ранец, и оба отправились в техническую часть. Внутри временное сооружение заливали потоки яркого света, где-то в глубине подвывал генератор, снабжая электрическим током оборудование и подзаряжая аккумуляторы всего подвижного состава. Они переступили через кабели и, осторожно обогнув аппаратуру, приблизились к знакомому пластинообразному экрану передатчика материи, предназначенного для переноса людей.

— Все проверено? — спросил Ян проходившего мимо техника.

— До последнего десятичного знака… и забло-

кирован на частоте, сэр.

Ян записал код нуль-передатчика на внутренней стороне запястья, и Плендир машинально сделал то же самое. Запомнив номер вызова данного нуль-передатчика, они смогут действовать, не опасаясь, что не сумеют вернуться тем же путем.

— Могу ли я кое-что предложить, сэр? — спросил Плендир, пока Ян набирал на клавиатуре код другого нуль-передатчика, находящегося за пределами города.

— В чем дело?

— Мы сейчас вступаем, так сказать, в сферу моей деятельности. Мы не имеем ни малейшего представления о том, кто или что ожидает нас по ту сторону экрана. Я пройду первым и перекачусь налево. Вы как можно быстрее следуйте за мной и сразу ныряйте направо. После этого затаитесь. Осмотритесь кругом, не вставая с земли.

— Как скажешь, Плендир. Но мы ведь очутимся довольно далеко от расположения войск противника, так что, думаю, нам не о чем беспокоиться.

Солдат удивленно приподнял брови, но промолчал. Как только вспыхнула лампочка, сигнализирующая о начале рабочего режима, он махнул Яну рукой — и нырнул головой в экран.

Ян прыгнул сразу за ним, приготовившись упасть на землю.

Его встретили холодный воздух и черная звездная ночь, а еще — внезапный оглушительный взрыв и тяжелое падение какого-то предмета рядом с ним. Ян стукнулся о землю сильнее, чем предполагал, и от удара резко выдохнул из легких воздух. Отдышавшись и приподняв голову, чтобы оглядеться, он обнаружил, что короткий бой уже закончился. Рядом с ним лежал человек, не подававший признаков жизни; очевидно, это он рухнул на землю, когда Ян сам не очень удачно приземлялся. Плендир сидел на корточках рядом с человеком, который катался по земле и тихо стонал; от трех других неподвижных фигур медленно отплывало облачко газа, едва различимое на фоне ярких звезд. В кустах неподалеку раздавался треск, который постепенно затихал и наконец замер где-то вдали.

— Все чисто, сэр. Они здесь стояли на карауле, но я — наверное, подсознательно — ожидал встретить их, а они меня — нет. То есть не сейчас, если вы понимаете, о чем я. Тот, что рядом с вами, вероятно, мертв; тут уж ничего нельзя было поделать — или он, или я. А вот у этого сломана рука; другие — усыплены газом. Кто-нибудь из

них подойдет?

— Пожалуй, самым подходящим будет раненый. Дай-ка я взгляну на него. — Ян встал и скинул с плеч ранец. — Значит, несколько человек сбежали?

— Да, сэр. Думаю, они приведут сюда своих приятелей. Сколько времени вам понадобится?

— Пятнадцати минут должно хватить. Думаешь, мы сумеем столько продержаться?

— Может быть. Я постараюсь задержать их, насколько возможно. Вам помочь, пока я не ушел?

— Да, немного.

От резкого света пленник вздрогнул и отвернулся. В одежде из грубой ткани и полуобработанных мехов, без привычного металлического шлема, он совсем не походил на солдата. Когда Ян коснулся его руки, пленник дернулся и попытался уползти в спасительную темноту, но внезапное появление прямо перед глазами острия боевого ножа заставило его изменить решение. Не теряя времени, Ян надел на сломанную руку надувную повязку и через эластичную ткань совместил концы сломанной кости; затем включил нагнетание воздуха. Повязка с коротким шипением раздулась, жестко обхватив сломанную руку, тем самым обеспечив ей неподвижность.

— Ему, наверное, не понравится то, что я сделаю сейчас, поэтому свяжи-ка его, пожалуйста, по рукам и ногам и перекати на бок.

Плендир проделал все с привычной сноровкой, пока Ян раскладывал содержимое ранца. Хирургическими ножницами с тупыми концами он разрезал одежду на пленнике. Мужчина стал подвывать, и Ян заклеил ему рот липкой лентой.

— Пойду разузнаю обстановку, сэр, — сказал Плендир, принюхиваясь. — Скоро рассветет.

— Теперь я справлюсь один.

Солдат бесшумно скользнул в темноту, а Ян, укрепив на камне фонарик, обнажил не слишком чистую спину пленника. Послышался сдавленный стон. Из ранца Ян достал заранее подготовленный большой квадрат из многочисленных, склеенных крест-накрест отрезков хирургической липкой ленты. Придержав пленника коленом, он нашлепнул квадрат ему на спину и как следует прижал его. Мужчина вздрогнул от холодного прикосновения, застонал и попытался отстраниться. Ян встал, отряхивая колени, и взглянул на часы.

Плендир появился, когда на востоке уже начинала алеть робкая заря.

— Они быстро добрались, сэр, — доложил он. —

Их лагерь, наверное, где-то неподалеку. Во всяком случае, сюда идет целая банда.

— Сколько времени у нас в запасе?

— Минуты две, ну, может, три — самое большее.

Ян посмотрел на часы:

— Мне нужно по крайней мере три минуты. Ты сможешь как-нибудь задержать их?

— С большим удовольствием, — ответил Плендир и быстро отошел.

Минуты ожидания тянулись невыносимо долго; секундная стрелка двигалась так, словно ползла через патоку. Последняя минута еще не истекла, когда вдали послышались разрывы гранат и крики.

— Пора, — вслух произнес Ян и, не теряя ни секунды, склонился над гудегинцем, намереваясь снять с него пластырь. Он отодрал его одним рывком, вырвав множество волосков, и пленник молча скорчился от боли. Ян засунул квадрат в ранец и рискнул на секунду включить фонарик. — Замечательно! — воскликнул он.

На спине пленника багровел четкий рисунок из квадратных рубцов; один из них, побольше, так вздулся, что напоминал огромный фурункул.

Примчался Плендир, едва дыша и отстрелива-

ясь на ходу.

— Они прямо за мной!

— Одну секунду, мне нужно доказательство!

Солдат развернулся и швырнул несколько газовых гранат в направлении, откуда только что прибежал. Ян тем временем нащупал в ранце фотоаппарат. Вспышка послушно выбросила резкий сноп света, и Ян крикнул:

— Идем!

Мимо уха что-то просвистело.

— Прыгайте… Я сразу за вами!

Ян с силой вдавил клавишу преобразователя энергии на контрольной панели нуль-передатчика, заранее настроенного на нужную программу, и прыгнул в экран. Он ударился об пол, поскользнулся и упал; за ним сразу появился Плендир, вынырнув из экрана в аккуратном сальто. За ними последовала стрела, выпущенная из арбалета, и воткнулась в противоположную стену комнаты. Плендир поспешно отключил нуль-передатчик, и связь прервалась.

— Последний выстрел войны, — улыбаясь, произнес Ян и посмотрел на стрелу, торчащую из стены. — Теперь ей должен прийти конец.

Врачи взглянули на увеличенный отпечаток цветной фотографии, затем на квадрат из липкой

ленты, который побывал на спине гудегинца.

— Сейчас, задним умом, это кажется очевидным, — нехотя признала доктор Букурос, словно негодуя на то, что не ей пришло в голову, где искать причину заболевания.

— Аллергия, — проговорил доктор Пидик. — Единственное, о чем мы не подумали. Но нужно ли было так рисковать, чтобы получить подтверждение?

Ян улыбнулся:

— Конечно, мог бы подойти любой житель города, но у меня оставались бы сомнения. Поэтому мне нужен был кто-нибудь со стороны, кто никогда не входил с нами в контакт. Как видите, гудегинский солдат оказался идеальным объектом. Взаимодействие с нашими обычными веществами — и результат перед вами: тяжелая аллергическая реакция. — Он постучал по багровому вспухшему рубцу на фотографии.

— Что же является аллергеном?

— Полистер. Самый обычный пластик. Из него соткана ткань для нашей одежды, наши ремни, детали снаряжения, бесчисленное количество вещей. Местные жители просто не смогли избежать контакта со всем этим. А последствия оказались губительными. Вы дали мне ключ к разгадке,

доктор Пидик, когда сказали, что в кровотоке большинства местных жителей обнаружены неактивные формы чумных микроорганизмов. Это мне напомнило кое-что. Тиф — одна из немногих болезней, при которой человек может быть ее носителем, оставаясь здоровым. По всей вероятности, тиф на этой планете, впоследствии подвергшийся мутации, имел в основном летальный исход. В результате болезни человек либо умирал, либо приобретал иммунитет. Заболевших убивали. Следовательно, ныне живущее население происходит от людей с приобретенным после тифа иммунитетом. Все поголовно.

— А наше появление словно нажало на спусковой крючок, — добавил Пидик.

— К несчастью, это так. Между их врожденным иммунитетом и аллергией на полистер существует тесная связь. Их организмы впервые так бурно реагируют на аллерген. Тяжелейшая аллергическая реакция взламывает естественную защиту организма и вызывает синергическую, то есть взаимно усиливающую, реакцию с тифом, ослабляя врожденный иммунитет. И они заболевают.

— Но отныне с этим покончено, — твердо заявил Пидик.

— Да, покончено. Теперь, когда мы знаем при-

чину, мы знаем и средство лечения. И первым, кого мы вылечим, будет Азпи-оял — наш посол доброй воли в его родном Гудегине. Когда его вылечат, он поверит в лечение. Он увидит, как лечат других и как они выздоравливают. А если нет больше жертв чумы, то нет и причин для войны. У нас с ними могут быть деловые и дружеские отношения, и мы сможем наконец выбраться из того тупика, в который сами себя загнали.

Вдали послышались звуки труб и крики толпы.

— Думаю, вам следует поторопиться, — заметила доктор Букурос и направилась к выходу. — Если мы все погибнем, нам придется изрядно потрудиться, чтобы убедить их в чем-либо.

Молча согласившись с ней, они поспешили следом.

Трудная работа

Перевод И. Зивьевой

— Но почему именно ты? — спросила она.

— Ничего не поделаешь — такая уж у меня работа.

Он защелкнул последнюю застежку на ранце и надел его, стараясь, чтобы тяжесть равномерно легла на плечи.

— Не понимаю, почему те, кто пилотирует посыльные корабли, не могут заодно ознакомиться с обстановкой на месте. Чтобы хоть чем-то помочь тебе — возможно, дать какое-то представление о том, что тебя там ждет. Думаю, это несправедливо.

— Очень даже справедливо, — отозвался он, стараясь сдерживать себя.

Он подтянул чуть туже лямку на левом плече. Ее появление здесь, как раз в последние минуты перед его уходом на задание, не вызвало у него восторга; но уж если она что-либо задумывала, остановить ее было нелегко. Еще раз он терпеливо разъяснил ей положение дел:

— Во время полетов к звездам разведывательные корабли превращаются в ловушки для тех, кто их пилотирует; им с трудом удается хотя бы остаться в живых. У них своя специфика работы. Чтобы выжить в длительных полетах, необходима особая склонность к ним. Немногие обладают ею. В то же время именно те качества, которые помогают приспосабливаться к длительным полетам, оказываются совершенно непригодными для исследования планет. Поэтому все, что требуется от пилотов, — это наладить высокочувствительную аппаратуру и фотореле, а затем обеспечить доставку экранов нуль-передатчиков на беспилотной тормозной ракете в какое-нибудь подходящее место на планете. И еще до того, как нуль-передатчик коснется поверхности и пошлет сигнал о благополучном приземлении, они направляются к другой звездной системе. Так вот, свою работу они сделали. Теперь моя очередь.

— Вы уже готовы, специалист Лэнгли? — спросил человек, заглянувший в этот момент в комнату.

— Почти, — отозвался Лэнгли, ненавидя себя за то, что испытал чувство облегчения при виде нарушителя их уединения. — Механик Меер, это моя жена — Кериза.

— Большая честь для меня, супруга Кериза. Вы должны гордиться своим мужем.

Меер был молодым улыбчивым человеком приятной наружности. По одной его улыбке можно было предположить, что он говорит искренне. Чуть сдвинутые наушники и жестко зафиксированный около губ микрофон свидетельствовали о том, что он ненадолго прервал свое общение с компьютером.

— Да, честь, — произнесла Кериза, не в силах удержаться от замечания, — но не вечная. Мы обручены впервые, и срок нашей совместной жизни истекает через несколько дней, во время отсутствия мужа.

— Чудесно, — откликнулся Меер, не слыша горечи в ее словах. — Зато вы с нетерпением будете ожидать той минуты, когда он наконец вернется. Неплохой повод для праздника. Мне начинать, специалист?

— Пожалуй, — согласился Лэнгли и кончиками пальцев приподнял флягу, проверяя, полна ли она.

Чтобы не мешать, Кериза молча прислонилась к стене неуютного служебного помещения. Началась сверка контрольного списка, и мужчинам стало не до нее. Компьютер нашептывал свои

вопросы прямо в ухо механику, а тот повторял их вслух, непроизвольно копируя монотонные и бесстрастные интонации механизма. Компьютер, а не она целиком поглотил внимание обоих мужчин, так похожих друг на друга в своих темно-зеленых униформах на фоне почти таких же зеленых стен. Ее серебристо-оранжевый костюм был здесь как-то не к месту, и она машинально сделала шаг по направлению к выходу.

После быстрого просмотра контрольного списка компьютер полностью одобрил его. Немного больше времени заняла необходимая регулировка снаряжения Лэнгли. Снаряжение состояло из металлической упряжи, снабженной силовым приводом и служащей для поддержки его тела. Упряжь была идеально подогнана по фигуре Лэнгли — нечто вроде гибкого внешнего скелета. Скелет сочленялся с суставами хозяина и мог свободно сгибаться и поворачиваться, следуя любым движениям. Поскольку опорные подкладки были неотъемлемой частью униформы, а тяги, выкрашенные в тон ткани, были достаточно тонкими, упряжь не бросалась в глаза. Запаса атомной энергии в ранце хватало по меньшей мере на год.

— Зачем на тебе эта металлическая клет-

ка? — спросила Кериза. — Раньше ты никогда не надевал ее.

Она была вынуждена громко повторить вопрос, прежде чем мужчины обратили на нее внимание.

— Из-за повышенной гравитации, — откликнулся наконец ее муж. — На этой планете сила тяжести на две целых сто пятьдесят три тысячных *g* больше земной. Клетка, как ты ее называешь, не в силах устранить гравитацию, но зато в состоянии поддерживать меня и не давать слишком быстро уставать.

— Ты ничего такого не говорил про эту планету. Ты мне вообще ничего не рассказывал…

— Так ведь не о чем и рассказывать. Там, куда я отправляюсь, высокая гравитация, холодно и ветрено. Воздух обычный — пробу его уже брали на анализ, — только кислорода немного больше. Во всяком случае, для дыхания он вполне пригоден.

— А звери, дикие звери — как насчет них? Они не опасны?

— Мы пока не знаем, но, насколько нам известно, планета довольно мирная.

Он солгал ей, но говорить правду он не имел права. На недавно открытой планете были обнаружены поселенцы с Земли; информация об этом

сразу попала в разряд засекреченной. Ее решено было предать гласности только после официальной оценки отчета, который он представит по возвращении.

— Я готов, — сказал Лэнгли, натягивая перчатки. — Не хотелось бы задерживаться, а то я скоро начну потеть внутри этого костюма.

— Температура костюма поддерживается на одном уровне, специалист Лэнгли. Вам должно быть удобно в нем.

Он и сам это знал, просто ему не терпелось поскорее уйти. Керизе не следовало приходить сюда.

— Представь, что я отправляюсь просто на периферию, отсюда то место таким и кажется, — успокоил он жену, взяв ее за руки и быстро поцеловав. — Как только появится время, сразу пришлю тебе письмо.

Он безмерно любил ее, но не здесь и не сейчас, когда он собирался на задание. Тяжелая дверь закрылась за спиной, отгородив их обоих от Керизы, и Лэнгли сразу почувствовал облегчение. Наконец-то он сможет сконцентрироваться на возложенной на него миссии.

— Передано сообщение, — сказал механик, когда они, открыв мощную тройную дверь, вошли

в бронированное помещение для нуль-перехода. — Нужны дополнительные образцы почвы и растительности. Попросили также привезти образцы воды и форм жизни, но два последних заказа могут и обождать.

— Будет исполнено, — ответил Лэнгли, и механик передал его ответ по микрофону.

— Вам желают успеха, специалист, — бесстрастно произнес механик и добавил дрогнувшим голосом: — И я тоже. Мне выпала большая честь помогать вам при этом переходе. — Он прикрыл микрофон рукой. — Я изучаю курс специалиста, я прочитал все ваши отчеты. Думаю, что вы… Я хочу сказать: то, что вы совершили… — Он запнулся и покраснел.

Его слова были нарушением установленного порядка, и за это его могли наказать.

— Знаю, что вы хотите сказать, механик Меер, и желаю вам всего наилучшего.

Лэнгли протянул руку, и тот, поколебавшись, пожал ее. И хотя больше юноша не произнес ни слова, Лэнгли был тронут. На него всегда угнетающе действовал казенный холод нуль-камеры, где и шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь телевизионную камеру или на выступающие сопла дроссельных клапанов. И

вовсе не потому, что он жаждал торжественных проводов на задание с оркестром и флагами. В такой момент ему было достаточно тепла простого человеческого прикосновения.

— Ну что ж, прощай, — произнес он и, отвернувшись от Меера, тронул переключатель на пульте управления, запуская тем самым намеченную программу нуль-перехода.

Решетчатая конструкция камеры исчезла, а вместо нее возникла серая влажная пустота действующего в рабочем режиме поля Бхаттачарьи. Без всякого колебания Лэнгли шагнул в нее.

С невероятной силой его скрутило, протащило вперед и швырнуло лицом вниз. Он машинально вытянул перед собой руки. Предохранительные тяги на запястьях буквально выстрелили вперед, как бы удлиняя собой руки. При соприкосновении с землей тяги сложились наподобие телескопа, что, безусловно, смягчило удар. Если бы не они, руки в запястьях наверняка сломались бы. И все же, несмотря на их неоценимую помощь, от сильного сжатия опорных подкладок у Лэнгли перехватило дыхание. Стоя на четвереньках, он судорожно вобрал в себя воздух, который оказался настолько холодным, что рот сразу обожгло и заслезились глаза. Однако в униформе было

тепло, обогрев заработал тотчас после шокового удара студеной атмосферы по ее термоэлементам. Лэнгли поднял глаза.

На него смотрел человек. Широкоплечий, крепко сбитый мужчина с окладистой черной бородой. На нем была одежда из меха и кожи, бросающейся в глаза красным цветом; пальцы его крепко держали короткий остроконечный дротик — не длиннее предплечья. Человек шевельнулся, и Лэнгли только сейчас понял, что тот стоял, а не сидел, как показалось вначале. Он был до такой степени приземистым и широким, что выглядел каким-то усеченным.

Однако дело прежде всего: руководителям программы нужны образцы. Не сводя с бородача настороженного взгляда, он вытащил из бокового отделения ранца контейнер для образцов и положил его на землю. Земля оказалась твердой, но, к счастью, вся была в складках и бороздах, как засохшая грязь на дорогах. Он отломил изрядный кусок этой грязи и бросил его в середину диска из красного пластика. Через десять секунд, в течение которых протекала реакция химических веществ в составе воздуха и диска, края последнего загнулись внутрь и плотно сомкнулись вокруг куска почвы.

Мужчина перебросил дротик в другую руку и округлившимися глазами наблюдал за происходящим. Лэнгли наполнил почвой еще два контейнера, затем передвинулся на несколько футов и три других контейнера набил травой и ветками с кустов, на которых слабо трепетали листья. Образцов было вполне достаточно, чтобы считать свою миссию по их сбору завершенной. Стараясь не поворачиваться к мужчине спиной, он попятился, обходя покореженные остатки тормозных двигателей ракеты, пока не уткнулся в экран нуль-передатчика. Тот находился в рабочем режиме, но не был сфокусирован: любой, кто в эту минуту вошел бы в экран, попросту распылился бы гамма-излучением в пространстве Бхаттачарьи. Экран не начнет работать до тех пор, пока он, Лэнгли, не прижмет ладонь к специальной пластине на раме, тем самым посылая кодовый сигнал принимающему устройству; никто другой, кроме него, не смог бы заставить экран функционировать. Он коснулся пластины и забросил образцы внутрь. Теперь можно заняться более важным делом.

— Мир, — сказал он, повернувшись к мужчине, и развел руки в стороны ладонями вперед. — Мир.

Мужчина никак не отреагировал на его слова, разве что приподнял дротик, когда Лэнгли попытался было шагнуть к нему. Лэнгли вернулся на исходную позицию, и тот опустил дротик. На всякий случай Лэнгли решил не делать лишних движений.

— Решил применить стратегию выжидания, да? Ведь тебе хочется поболтать со мной, пока мы ждем?

Ответа на обращение он не получил, да и не ожидал услышать его.

— В таком случае чего или кого мы дожидаемся? Наверное, твоих приятелей. А это уже говорит об организации, что само по себе звучит весьма обнадеживающе. Тут у вас невдалеке есть поселение, вот почему нуль-передатчик опустили именно здесь. Вы его, конечно, обследовали, но тем не менее он остался для вас загадкой, и вы решили поставить у него стражу. Предполагаю, что ты уже сообщил своим о моем прибытии, хоть я и не видел этого, поскольку упал лицом вниз.

Окрестности внезапно огласились пронзительным скрежетом, доносящимся из-за уклона дороги. Ужасный скрежет постепенно нарастал. Лэнгли с интересом наблюдал, как словно из-под земли, медленно, с большим трудом вырастала

плотно сбитая вместе группа бородатых людей, на расстоянии удивительно похожих на его стража. Все они были впряжены в странного вида повозку на трех парах деревянных колес; их оси, по всей вероятности несмазанные, издавали невыносимый скрежет. Повозка представляла собой платформу, где на мягкой подстилке восседал человек в одежде из ярко-красной кожи. Верхнюю часть его лица скрывал металлический шлем со смотровыми щелями, на грудь ниспадала длинная седая борода. В правой руке человек держал длинный разделочный нож с узким лезвием. Медленно сойдя с повозки, он направил нож на Лэнгли и хриплым резким голосом произнес что-то неразборчивое.

— Прошу прощения, но я не понимаю вас, — сказал Лэнгли.

Прозвучавшие слова настолько поразили старика, что он невольно подался назад и чуть было не выронил оружие. При этом внезапном движении сопровождавшие его люди присели и угрожающе выставили дротики. Их вождь выразил неодобрение этим действиям и что-то прокричал — отдал приказ, понял Лэнгли. Дротики немедленно опустились. Убедившись, что приказ неукоснительно исполнен, старик повер-

нулся к Лэнгли и медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я не знал… не думал, что когда-нибудь услышу, как говорят на этом языке. Я могу лишь читать на нем.

Акцент был довольно странным, но выражался старик достаточно понятно.

— Чудесно. Я обязательно изучу ваш язык, а сейчас можно поговорить и на моем…

— Кто ты? И что это… за штука здесь? Она упала ночью со страшным шумом. Как ты сюда попал?

Лэнгли заговорил медленно, четко выделяя каждое слово. Речь его, конечно, была подготовлена заранее.

— Я прибыл сюда с дружеским приветствием от моего народа. С помощью этой машины, которую вы видите перед собой, мы путешествуем на большие расстояния. Мы не из этого мира. Мы будем во многом помогать вам, а как — сейчас я расскажу подробнее. Мы можем лечить больных и исцелять их. Мы доставим вам пищу, если вы голодны. Я здесь один, и без вашего разрешения сюда никто, кроме меня, не придет. В обмен на нашу помощь мы бы хотели, чтобы вы ответили на те вопросы, которые я вам задам. Когда мы получим ответы на вопросы, мы, в свою очередь,

ответим на любые вопросы, которые возникнут у вас.

Широко расставив ноги, старик напряженно вслушивался в каждое слово и безотчетно водил по ноге лезвием ножа, будто правил на оселке.

— Что тебе здесь нужно? Каковы твои истинные намерения… желания?

— У меня с собой лекарства, и я могу лечить больных. Я могу снабжать вас пищей. Я только прошу ответить на мои вопросы, ничего больше.

Под густыми длинными усами губы старика сложились в недоверчивую усмешку.

— Понятно. Делай, как сказал, — или ничего не делай. Что ж, пойдем со мной. — Он повернулся и грузно взобрался на заскрипевшую под ним повозку. — Я — Бекрнатус. А у тебя есть имя?

— Лэнгли. Буду счастлив сопровождать вас.

Длинной вереницей процессия медленно перевалила через гребень холма и стала спускаться в неглубокую лощину. И хотя пройдено было совсем немного — каких-то четверть мили, — Лэнгли смертельно устал; ведь, сопротивляясь повышенной гравитации, его сердце и легкие работали с двойной нагрузкой.

— Погодите немного, — проговорил он, окончательно выбившись из сил. — Давайте пере-

дохнем.

Бекрнатус поднял руку и отдал короткий приказ. Процессия остановилась, и люди тут же уселись в густую траву; большинство из них не могли даже сидеть и бессильно растянулись во весь рост.

Лэнгли отстегнул флягу и жадно глотнул из нее. Бекрнатус пристально наблюдал за каждым его движением.

— Не хотите ли немного воды? — спросил Лэнгли, протягивая ему флягу.

— Очень хочу, — ответил старик и, взяв в руки флягу, внимательно осмотрел ее перед тем, как отпить из нее. — На вкус вода сильно отличается от нашей. Из какого металла сделан этот… сосуд?

— Думаю, из алюминия или одного из его сплавов.

Надо ли было отвечать на этот вопрос? Конечно, вопрос прозвучал вполне безобидно. Впрочем, никогда нельзя предугадать. Возможно, ему не следовало отвечать, но он настолько устал, что эта проблема, честно говоря, его мало волновала.

Бородатые люди внимательно следили за ним, а ближайший к нему даже привстал, не сводя с фляги глаз.

— Простите, — сказал Лэнгли, отметив его

покрасневшие от усталости глаза, и протянул флягу. — Не хотите ли тоже глотнуть?

Человек какое-то мгновение колебался, и Бекрнатус что-то хрипло выкрикнул. Тот протянул руку и быстрым движением схватил флягу, но вместо того, чтобы пить, повернулся и бросился бежать. Бегун из него оказался неважный. Лэнгли, совсем сбитый с толку, увидел, как старик кинулся за беглецом и по рукоятку вонзил свой длинный нож в его спину.

Никто даже не шелохнулся, когда тот, с ножом в спине, пошатнулся и тяжело рухнул на землю. Он лежал на боку, глядя в никуда; изо рта ручьем текла кровь, и ослабевшие пальцы больше не сжимали свое нечаянное приобретение. Бекрнатус опустился возле него на колени и забрал флягу, затем одним сильным рывком выдернул из тела нож. Широко раскрытые глаза остались неподвижны.

— Забери эту штуку для воды и не проходи… не подходи даже близко к другим людям, не вздумай давать им что-либо.

— Но это была лишь вода…

— Дело не в воде. Ты убил этого человека.

Обескураженный, Лэнгли хотел было сказать, что уж ему-то совершенно ясно, кто убил его,

но, вовремя опомнившись, прикусил язык. Он не имел ни малейшего представления об их обществе и уже успел совершить ошибку. Это факт. В известном смысле старик был прав: он убил того человека. Он нащупал в кармане стимулирующую таблетку, достал ее и запил водой из фляги, послужившей причиной раздора. И вовремя — все вдруг разом задвигались, снова трогаясь в путь.

Колония располагалась в долине, у подножия известняковой скалы; и к тому времени, когда они наконец подошли к поселению, Лэнгли совсем выбился из сил. Без специального снаряжения, служащего ему опорой, он не прошел бы и четверти пройденного пути. Лэнгли очутился среди домов, которые беспорядочно лепились к подножию скалы, прежде чем осознал, что находится среди них, — настолько хорошо они вписывались в окружающий ландшафт.

Это были землянки, лишь на одну десятую возвышавшиеся над землей, с плоскими крышами из дерна. Из дымовых отверстий большей части землянок тонкими струйками закручивался дымок. Вереница людей — и Лэнгли с ними, — не останавливаясь, пропетляла среди вкопанных в землю домов и наконец приблизилась к скале.

Лэнгли заметил в ней множество отверстий, прорубленных на уровне земли; самые большие из них наглухо закрывали бревенчатые двери. Приблизившись, он увидел, что в два очень похожих на окна отверстия вставлены стекла или какой-то другой материал, по прозрачности не уступавший стеклу. Хорошо бы, конечно, познакомиться с этим материалом поближе и, так сказать, пощупать руками — но только не сейчас. Всему свое время. Пока он не отдохнет, не может быть и речи о каких-то исследованиях, а сейчас у него ни на что не осталось сил.

Он стоял, покачиваясь от усталости, пока Бекрнатус медленно сползал со своих носилок на колесах и подходил к бревенчатой двери. При его приближении дверь тотчас распахнулась. Лэнгли двинулся было следом, но слабость в конце концов его доконала: ноги его подкосились, и он почувствовал, что падает. Но прежде чем земля неожиданно вздыбилась перед ним и ударила его, он еще успел удивиться тому, что впервые в жизни теряет сознание…

Теплый воздух приятно согревал лицо, и он с наслаждением ощущал его ласковое прикосновение. Он не сразу понял, где находится, — даже когда открыл глаза. Его не отпускало чувство

безмерной усталости, каждое движение давалось с усилием, даже мысли, словно одурманенные, лениво ворочались в голове. В комнате, где он лежал, царил сумрак. Он несколько раз оглядел ее, прежде чем детали обстановки стали приобретать более ясные очертания. Окно в глубине каменной стены. Смутные контуры громоздкой мебели и незнакомых предметов. Тусклый желтый свет от огня в камине. Каменный очаг и каменные стены. Память уже вернулась к нему, и он понял, что находится, по всей вероятности, в одном из замеченных им ранее помещений, вырубленных в скале, — в той ее части, которая обращена к долине. Потрескивал огонь, наполняя комнату едким, неприятным запахом дыма.

Позади него послышались шаги. Кто-то приближался, глухо шлепая по полу. Лэнгли слишком устал, чтобы поворачивать голову, но он отогнал эту чересчур себялюбивую мысль и с трудом обернулся.

Девичье лицо, длинные белокурые волосы, синие глаза.

— Привет. Не думаю, что мы когда-нибудь встречались, — произнес он.

От изумления глаза незнакомки широко раскрылись, и лицо исчезло. Лэнгли устало вздохнул

и закрыл глаза. Задание оказалось мучительным для него, просто невыносимым. Может, стоит принять стимулятор. В ранце…

Его ранец! При мысли о нем сон окончательно исчез, и теперь он отчаянно пытался придать телу сидячее положение. Они забрали у него ранец! Его мгновенно охватил ужас — но тут он заметил свой ранец на полу рядом с кроватью. Вернулась девушка и буквально вдавила его в кровать, заставляя лечь. Она оказалась на удивление сильной.

— Я — Лэнгли. А тебя как зовут?

Ее можно было назвать довольно привлекательной, если кому-то по вкусу девушки с квадратными лицами. Внушительный бюст, красиво выделявшийся в мягком кожаном платье, едва вмещался в него. Все остальное в ней было таким же внушительным. Слишком широкие плечи, слишком мощные бедра, слишком много мышц. Почти никакого отличия от других уроженцев этой суровой планеты. До него вдруг дошло, что ее глаза неотрывно следили за его взглядом, пока он рассматривал ее с ног до головы. Он улыбнулся:

— Меня зовут Лэнгли, а вот твоего имени, думаю, я никогда не узнаю. Вождь — как он там себя называл? — Бекрнатус, кажется, единственный,

кто говорит на цивилизованном языке. Думаю, прежде чем я смогу разговаривать с тобой, мне придется изучить местное хрюканье и булькань-ье.

— Не обязательно, — ответила она и, сверкая двумя ровными рядами белоснежных здоровых зубов, звонко расхохоталась при виде ошеломленного выражения на его лице. — Меня зовут Патна, а Бекрнатус — мой отец.

— Что ж, очень приятно. — Он все еще не мог прийти в себя от изумления. — Извини, если был груб. Наверное, на мне сказывается ваша гравитация — мне немного тяжело у вас.

— Что такое гравитация?

— Попозже я тебе расскажу о ней, а сейчас мне надо поговорить с твоим отцом. Он здесь?

— Нет. Но он скоро вернется. Сегодня он убил человека. Сейчас он, должно быть, утешает жену убитого и его семейство. Вся семья теперь перейдет к другому. А я не могу ответить на твои вопросы?

— Возможно. — Он коснулся кнопки на поясе, включив магнитофон. — Сколько ваших людей говорят на моем языке?

— Только я. И отец, конечно. Потому что мы — Семья, а остальные — Народ. — Она выпрями-

лась, когда произносила эти слова.

— Сколько их здесь? Я имею в виду представителей Народа.

— Почти шестьсот. Эта зима прошла намного удачней предыдущих. Воздух был теплее обычного. Правда, запасы еды быстрее — как это сказать? — быстрее портились. И все же люди жили.

— Зима уже кончилась?

Она рассмеялась:

— Конечно. Сейчас почти самое теплое время года.

И они считают, что это тепло, подумал он. На что же тогда похожи их зимы? Он поежился при одной мысли о них.

— Расскажи мне, пожалуйста, подробнее о Семье и Народе. Чем они различаются?

— Они есть — и все, — сказала она и запнулась, будто никогда прежде не задумывалась над этим вопросом. — Мы живем здесь, а они живут там. Они работают и выполняют то, что мы им приказываем. У нас есть и металл, и огонь, и книги. Потому-то мы и говорим на вашем языке — ведь мы читаем то, что написано в книгах.

— Могу ли я взглянуть на эти книги?

— Нет! — Ее шокировала даже сама мысль о

том, что кто-то посторонний увидит их книги. — Только Семья может видеть их.

— Что ж… Но разве ты не согласна с тем, что меня можно называть членом Семьи? Я умею читать, у меня с собой много вещей, сделанных из металла…

Только сейчас до него дошло, отчего его фляга стала причиной убийства. Она была из металла, а металл для большинства здешних людей являлся запретным, своего рода табу.

— А еще я умею вызывать огонь. — Он вытащил зажигалку и щелкнул ею.

Патна уставилась на крохотный язычок пламени.

— Нам труднее получить огонь. И все же я не уверена. Ведь отец узнает, что ты смотрел книги.

Увидев выражение его лица, она задумалась над возможным компромиссом.

— Есть тут одна книжка, небольшая. Отец разрешил мне оставить ее у себя. Она, правда, так себе, особой важности не представляет.

— Любая книга представляет собой какую-то ценность. Могу я взглянуть на нее?

Она нерешительно поднялась и направилась через всю комнату к бревенчатой двери, закрывавшей вход в глубину скалы, и изо всех сил

потянула на себя мощный засов. Дверь открылась, и она осторожно, вытянув перед собой одну руку, ступила в темноту соседней комнаты — глубокой ниши, вырубленной в податливой толще скалы. После недолгого отсутствия она вернулась и тщательно закрыла за собой дверь.

— Вот, — сказала девушка, протягивая ему книгу, — ты можешь почитать ее.

Прилагая неимоверные усилия, Лэнгли кое-как сел и взял книгу. Она была довольно грубо переплетена в кожу — первоначальная обложка, по всей видимости, износилась еще в далеком прошлом. Книга слегка потрескивала в руках, когда он раскрывал ее. Страницы пожелтели и обтрепались по краям, к тому же, поскольку корешок оказался донельзя ветхим, они едва не вываливались из книги. Заинтригованный, он осторожно листал страницы, вглядываясь в архаичный шрифт, — тусклого света, проникавшего через окно, было явно недостаточно; затем вернулся к титульному листу.

— «Избранные стихотворения», — прочитал он вслух. — Издано в… никогда не встречал такого названия… в… а вот это важно: в семьсот восемьдесят пятом году… эры. Погоди, погоди… Кажется, я что-то слышал об этой системе летосчисления.

Он бережно положил книгу и наклонился к ранцу, почти теряя равновесие — ведь его тянула вниз более чем двойная сила тяжести. От неимоверного напряжения внешний скелет глухо поскрипывал, но держал, не давая ему упасть. Справочник лежал сверху, и он быстро пролистал его.

— Вот, нашел. Записи только девятьсот тринадцатого года. А теперь, если перевести по галактическому стандарту…

Он посчитал в уме и, молча положив справочник обратно, снова взял в руки «Избранные стихотворения».

— Тебе нравится поэзия? — поинтересовался он.

— Больше всего на свете. Хотя других стихов у меня нет. Ни в одной книге, кроме этой, я не нашла их. Хотя, конечно, есть и другие…

Она опустила глаза, и Лэнгли догадался почему.

— Эти другие… Ты ведь написала их сама? Как-нибудь обязательно прочитаешь мне хоть одно…

В эту минуту у входа в жилище послышался грохот и лязг открываемых дверных засовов, и Патна, вырвав книгу из рук Лэнгли, бросилась с ней в темный угол комнаты.

Бекрнатус широко распахнул дверь и, тяжело ступая, вошел.

— Закрой дверь, — приказал он, отбросив в сторону шлем и устало опускаясь в мягкий шезлонг — полукровать-полукресло.

Патна метнулась к двери, выполняя распоряжение отца.

— Я устал, Лэнгли, — произнес он, — и мне необходимо выспаться. Поэтому, пока я не заснул, расскажи-ка мне, что ты здесь делаешь и что все это значит.

— Разумеется. Но сначала ответьте мне на один-два вопроса. Чем занимаются здесь люди, кроме того, что спят, едят и собирают пищу?

— Вопрос расплывчат.

— Хорошо, я поясню. Добывают ли они руду и выплавляют ли из нее металл? Режут ли они по дереву или гравируют на металле, лепят ли изделия из глины, занимаются ли живописью, носят ли ювелирные украшения…

— Достаточно. Я понял, что ты имеешь в виду. Я читал обо всем этом и даже видел картинки. Очень красивые. Так вот ответ на твой вопрос: мы ничего этого не делаем. Я никогда не мог уразуметь, как создаются подобные вещи. Возможно, ты мне поведаешь об этом, когда будешь

настроен отвечать на вопросы, а не задавать их. Мы просто живем, что само по себе довольно трудно. Мы засеваем свои поля, чтобы было что поставить на стол, собираем урожай, и после всего у нас ни на что больше не остается сил. Наш мир суров, и процесс выживания в нем занимает все наше время.

Он грубо рявкнул на дочь на местном языке, приказывая ей что-то, и та, шаркая ногами, направилась к очагу. Вернувшись с примитивной глиняной миской, она подала ее отцу. Тот поднес миску к губам и, давясь и чмокая, жадно выпил ее содержимое.

— Не желаешь ли испробовать? — спросил он. — Мы сами делаем этот напиток; я даже не знаю, есть ли для него соответствующее слово в книжном языке. Наши женщины жуют корни и сплевывают жвачку в чашку.

— Нет, благодарю вас. — Лэнсли с трудом сдерживался, чтобы ненароком не выдать охватившего его отвращения. — И последний вопрос. Что вы знаете о людях, прибывших в этот мир? Вы ведь знаете, что пришли сюда из другого мира?

— Да, я знаю, хотя лишь немногим больше того, что услышал от тебя. История нашего появления здесь всегда передавалась из уст в уста, никаких

записей не велось. Предание гласит, что мы пришли из другого мира, с неба, хотя мне непонятно, каким образом это совершилось. Но факты говорят сами за себя — ведь книги, например, явно не из этого мира. В них есть картинки из жизни не нашего мира. А еще металл, происхождение которого мы не знаем, и окна… Да, мы пришельцы.

— А кто-нибудь еще, кроме вас, не появлялся здесь? Как я, к примеру. Есть ли какие-либо записи на этот счет?

— Никаких. Надо было, конечно, записывать. Ну а теперь твоя очередь рассказывать, чужеземец из металлического ящика. Что ты здесь делаешь?

Прежде чем начать говорить, Лэнгли снова лег, очень медленно и осторожно, словно был сосудом из хрупкого стекла. Он заметил, что Патна, тоже не выдержав, уже сидела. Гравитации этой планеты надо было противостоять постоянно, беспрерывно.

— Прежде всего вы должны понять, что я вышел из металлического ящика, раньше меня здесь не было. По ночам вы видите звезды, и они такие же небесные светила, как и то, что сияет на вашем небосводе, только очень далекие. Вокруг них обращаются целые миры, подобные вашему.

Вы понимаете, о чем я?

— Конечно. Я — не из Народа. В книгах я читал кое-что из астрономии.

— Хорошо. Тогда вам следует знать, что в металлическом ящике находится передатчик материи. Представьте себе что-то наподобие двери. Двери, которая в то же время является двойной дверью. На своей планете, очень далеко отсюда, я вошел через одну дверь, а вышел через другую — на вашей планете. Я понятно говорю?

— Пожалуй. — Бекрнатус, прикрыв рукой рот, украдкой зевнул. — А можешь ли ты вернуться тем же путем? Шагнуть в ящик и выйти на планете — там, высоко в небе?

— Да, могу.

— Именно так мы и прибыли в этот мир?

— Нет. Вы прилетели сюда на космическом корабле — большом металлическом ящике, построенном для передвижения среди звезд в те годы, когда для покорения межзвездных пространств еще не додумались до мгновенного переноса материи. Говорю об этом так уверенно, потому что вижу, что ваше окно взято из звездолета. Догадываюсь, что ваш металл позаимствован оттуда же. А еще я знаю, как давно вы находитесь на этой планете, поскольку на первой странице

поэтического сборника, что ваша дочь показала мне, стоит дата издания.

Патна испуганно ахнула, а Бекрнатус подскочил на своем шезлонге, выпустив из рук глиняную миску. Миска упала на пол и вдребезги разбилась.

— Ты показала ему книгу? — прошипел Бекрнатус и с трудом встал.

— Нет, погодите! — воскликнул Лэнгли, осознав вдруг, что его неосведомленность в области здешних законов послужила причиной еще одного драматического инцидента.

Неужели он попытается убить свою дочь? Он с силой потянул за ранец.

— Это я виноват, я попросил книгу. Но у меня с собой много книг, сейчас я покажу их вам. Я дам вам несколько. Вот эту… и эту.

Бекрнатус не обращал внимания на его слова, даже если и слышал их. Но, увидев перед собой книги, тут же остановился. Он нерешительно протянул к ним руку.

— Книги, — зачарованно произнес он. — Книги, новые книги. Книги, которых я прежде не видел. Это чудо из чудес, у меня просто нет слов.

Он прижал книги к груди и почти упал на свое сиденье. Удачное вложение духовного капитала,

молча порадовался Лэнгли. Никогда еще букварь и краткий словарь так высоко не ценились.

— У вас теперь могут быть любые книги, какие вы только пожелаете. Вы сможете ознакомиться с историей вашей колонии, причем во всех подробностях. Могу сказать, что, по моим грубым подсчетам, ваши люди появились здесь около трех тысяч лет тому назад. Скорее всего, ваше прибытие на эту планету явилось результатом аварии. Есть две вещи, которые убедили меня в правильности этого соображения. Во-первых, этот мир страшен и беспощаден. Ему нечего дать вам. Даже представить себе нельзя, что планету могли избрать объектом для колонизации. Ну а во-вторых, вы полностью оторваны от технологии и культуры. У вас крайне мало книг; по всей вероятности, они взяты с погибшего корабля. Да и металл, что достался вам, видимо, из его останков. То, что вы здесь выжили, иначе как чудом не назовешь. Легко объясним и тот факт, что у вас существуют социальные или классовые различия. Вашими предками, возможно, были ученые или представители командного состава корабля, что отличало их от обычных людей. И вы сохранили эту разницу.

— Я устал, — произнес Бекрнатус, любовно

перебирая книги. — На меня сегодня обрушилось слишком много новой информации, над которой стоит поразмыслить. Поговорим завтра.

Закрыв глаза, он откинулся назад, удобно устраиваясь в шезлонге, но по-прежнему не выпуская из рук книг. Лэнгли самому давно хотелось спать — настолько он изнурил себя теми неимоверными усилиями, которые он прилагал, выполняя простейшие движения. Дневной свет постепенно угасал; Лэнгли полюбопытствовал про себя насчет продолжительности дня на этой планете, но как-то лениво. Он достал из аптечки снотворное, гарантирующее восемь часов сна, и запил его водой из фляги. Ночной сон непременно взбодрит его, и утром все будет выглядеть в ином свете.

Ночью, сквозь сон, он чувствовал, как кто-то ходит по комнате, подходит к огню. Ему даже почудилось мягкое прикосновение к лицу чьих-то волос и легкий поцелуй в лоб. Правда, он не был уверен в реальности своих ощущений и решил, что видит сон.

Было уже совсем светло, когда он проснулся. Яркие лучи солнца били прямо в окно, и в потоке света серая каменная стена напротив окна неожиданно преобразилась. Ложе Бекрнатуса уже опустело. Патна, тихонько напевая, хлопо-

тала у очага. Лэнгли пошевелился, и кровать скрипнула под ним. Патна живо повернулась и взглянула на него:

— Ты уже проснулся. Надеюсь, ты хорошо выспался. А отец взял топор и ушел на заготовку дров.

— Ты хочешь сказать, что он сам рубит дрова? — Лэнгли зевнул. Голова его все еще была тяжелой от сна.

— Нет, что ты! Просто лезвие топора — из металла, поэтому он только носит топор и следит, чтобы с ним ничего не случилось, пока им работают. Твой завтрак готов.

Зачерпнув в котле, она протянула ему одну из глиняных мисок, доверху наполненную жидкой кашей. Он улыбнулся и отрицательно качнул головой:

— Спасибо, конечно, за твою заботу обо мне, но я не могу употреблять ни один из ваших продуктов питания, пока не сделаны лабораторные анализы…

— Ты думаешь, что я собираюсь отравить тебя?

— Вовсе нет. Но ты должна понять, что в человеческом организме, оторванном от привычной среды, происходят серьезные метаболические изменения, то есть изменения в обмене веществ.

В почве и в растениях могут встречаться такие химические вещества, которые вы с легкостью усваиваете, но от которых я могу даже умереть. Твоя еда пахнет чудесно, но она может причинить мне вред. Ты ведь не хочешь, чтобы это произошло?

— Нет! Конечно нет! — Она почти отшвырнула от себя миску с кашей. — Что же ты тогда будешь есть?

Он открыл ранец, достал плотный целлофановый пакет с едой и потянул за специальную петельку для разогревания пищи. Лэнгли только сейчас понял, насколько он проголодался; он, можно сказать, ощущал зверский голод, чего с ним никогда не случалось. Он торопливо вычерпал ложкой до дна весь концентрат, не дожидаясь, пока тот разогреется. Его тело, расходуя свои ресурсы на постоянную борьбу с бременем гравитации, жаждало питания.

— Ты знаешь, что это такое?

Он взглянул и увидел, что Патна держит в руках какой-то обгрызенный по краям обломок коричневого цвета.

— Нет, не знаю. Похоже на кусок дерева или кору.

— Это луб, волокнистая ткань дерева под корой;

на нем мы обычно пишем. Но я не это имела в виду, когда спрашивала. Я имела в виду, что на нем что-то есть. Вот что я имела в виду…

Даже при тусклом свете Лэнгли разглядел, что она краснеет. Бедная девушка, ученая среди дикарей, на всю жизнь попавшая в ловушку этого гнетущего и обособленного от всех мира.

— Кажется, я догадываюсь, — мягко сказал он. — Не одно ли это из написанных тобой стихотворений? Если я прав — мне бы хотелось услышать его.

Она стыдливо прикрыла рукой глаза и на мгновение отвернулась — карикатура на застенчивую девицу с приземистым телом борца.

Вскоре она справилась с собой и начала читать стихотворение, сначала тихо, затем все громче:

Просить не смею я
Ни ласки, ни любви;
Боюсь – меня тогда
Гордыней поразит.
Нет, нет… Мне только б знать,
Что ты живешь вблизи,
И воздух целовать,
Которым дышишь ты.

Под конец Патна почти кричала. Затем она резко повернулась, отбежала в дальний угол комнаты и застыла там лицом к стене. Лэнгли подбирал про себя нужные слова. Стихотворение было хорошим. А написала ли она его сама или просто списала, он не знал — да это и не имело значения. Стихами она высказала то, что хотела сказать.

— Стихи прекрасны, — сказал он ей. — Действительно, прекрасные стихи…

Не успел он закончить свою мысль, как она устремилась к нему через всю комнату, тяжело топая, и опустилась на колени перед его кроватью. Ее массивные сильные руки обняли его, а ее лицо прижалось к его лицу, вдавливая его в подушку. На своих щеках Лэнгли ощутил влагу мокрых от слез щек Патны и у самого уха услышал ее приглушенный голос:

— Я всегда знала, что ты придешь. И я знаю, кто ты, ведь ты, как рыцарь из поэмы на сказочном коне, должен был прийти издалека, чтобы меня спасти. Ты знал, что нужен мне. Мой отец и я — единственные члены Семьи, больше никого не осталось. Я должна была выйти замуж за кого-то из Народа. Это произошло еще до тебя. Урод и дурак — о, как я ненавижу их, — он был еще

самым лучшим из них. Мы пытались научить его читать, а он, тупица, так и не научился. Но ты пришел вовремя. Ты — член Семьи, и ты возьмешь меня…

Слова замерли у нее на губах; в неистовом и страстном порыве она с силой прижалась горячими, трепещущими губами к его губам, а когда он попытался удержать ее за плечи и оттолкнуть от себя, его внешний скелет жалобно застонал от напряжения, но она не сдвинулась ни на дюйм. Обессиленная этим взрывом чувств, она наконец освободила его от своих объятий и зарылась лицом в подушку. Лэнгли встал, покачиваясь, и крепко ухватился за спинку кресла. Он заговорил, стараясь придавать словам искренность, чтобы хоть немного смягчить больно ранящие удары жестокой правды.

— Послушай, Патна, ты должна поверить мне. Ты мне нравишься, ты — чудесная, превосходная девушка. Но этого просто не может быть. И не потому, что я уже женат — тот брак завершится еще до моего возвращения, — а из-за того, что мы живем с тобой в разных мирах. Ты не сможешь покинуть свой мир, а я умру, если останусь здесь. Адаптация в таких жестких условиях, через которую вынужден был пройти ваш народ, стоила

невероятных усилий. Взять хотя бы систему кровообращения. Она должна была полностью перестроиться; ведь чтобы обеспечить приток крови к мозгу, ваше давление крови должно в несколько раз превосходить нормальное, а у стенок сосудов мышечный слой должен быть намного толще, чтобы гнать по этим сосудам кровь. Возможны также серьезные изменения в клапанах и в системе распределения крови. По всей вероятности, ты не сможешь иметь детей от кого-либо не с этой планеты. Дети родятся мертвыми или умрут вскоре после рождения, абсолютно не приспособленные к жизни в мире высокой гравитации. Все, что я сказал, — правда, ты должна поверить…

— Ты, тощий немощный урод, дылда, заткнись! — взвизгнула она и в ярости бросилась на Лэнгли, все так же не глядя на него.

Он попытался увернуться, но оказался слишком неповоротливым. Ее ладонь с размаху ударилась о его руку, и от неожиданной и резкой боли у него на мгновение померкло в глазах. Раздался треск.

«Вот стерва, сломала мне руку!» — вскрикнул он про себя, медленно оседая вниз. Предплечье, согнувшись под неестественным углом, беспомощно повисло, жестко связанное с внешним

скелетом. И как же оно болело! Он бережно положил руку на колени и начал укачивать ее, словно пытался убаюкать боль; здоровой рукой он одновременно рылся в своих медикаментах. Патна попыталась было помочь ему, но он грубо прикрикнул на нее, и та отошла в сторону.

Пока затвердевала быстродействующая гипсовая повязка, Лэнгли принял хорошую дозу болеутоляющего, а заодно и транквилизатор — от нервов. В это время вошел Бекрнатус, с топором на плече.

— Что с твоей рукой? — спросил тот, бросив топор на пол и падая на свое ложе.

— Несчастный случай. Мне нужна срочная медицинская помощь, а ее могут оказать только на моей планете. Поэтому давайте не будем откладывать наш разговор. Я расскажу обо всем, что вам необходимо знать.

— Будет очень кстати. Хотелось бы задать несколько вопросов…

— Для вопросов не осталось времени. — Боль все еще не отпускала его, и Лэнгли говорил отрывистыми фразами. — Будь у меня побольше времени, я бы все очень подробно, не торопясь, разъяснил вам, чтобы вы поняли и согласились со мной. Но сейчас я просто расскажу вам, и все.

Если вам нужна помощь, вы обязаны заплатить за нее. Установка экрана передатчика материи на такой отдаленной планете, как ваша, довольно дорогостоящая затея. Медикаменты, пища, источники энергии — все, чем мы будем снабжать вас, — тоже стоят немалых денег. Вы должны будете возместить нам расходы.

— Мы будем вам, конечно, очень благодарны.

— На ваше спасибо ничего не купишь. — Боль затаилась, но он чувствовал, как при любом неосторожном движении трутся друг о друга концы сломанных костей. С нервами была та же история, несмотря на транквилизатор. — Слушайте меня внимательно и постарайтесь понять, что я говорю. С неба не падают бесплатные булки. Что бесплатно — то негодно. Во Вселенной намного больше планет, чем вы можете себе представить; и людей, населяющих эти планеты, намного больше, чем я могу себе представить. А передатчик материи делает их всех ближайшими соседями. Вы можете вообразить, какие формы обрела культура, система управления, финансы за тысячелетия? Нет. По вашему лицу видно, что не можете. Тогда просто немного поразмыслите вот над чем. Чтобы достичь определенных целей, люди объединяются в кооперации, что-то среднее

между кооперативом и корпорацией — не знаю, есть ли хоть в одной из ваших книг такие слова. Я вхожу в одну из кооперацией, которая именуется «Открыватели миров». Мы исследуем незаселенные планеты и время от времени обнаруживаем миры, подобные вашему, которые еще не охвачены сетью нуль-перехода. За предлагаемые услуги мы требуем полностью расплатиться.

Патна молча стояла рядом с отцом, положив руку на его могучее плечо. Ее лицо, когда она взглянула на Лэнгли, выражало лишь ненависть и презрение. Бекрнатус, хорошо владевший собой, все еще не мог охватить разумом постулаты Галактики за пределами своей планеты.

— Мы с удовольствием заплатим вам сколько потребуется, но чем платить? У нас нет денег, нет и таких природных ресурсов, о которых ты спрашивал вчера вечером.

— Ваше богатство — вы сами, — бесстрастно заметил Лэнгли. Таблетки все глубже погружали его в состояние апатии. — В связи с тем, что, кроме этого богатства, вы ничем не владеете, выплата долга растянется на несколько поколений. Вам придется производить себе подобных быстрее и качественнее — в этом мы вам поможем. Не бесплатно, конечно. Мы проводим эксперименты

в мирах с высокой гравитацией, и нам нужны наблюдатели. Автоматы не способны выполнять все операции. К тому же всегда найдутся желающие использовать таких выносливых работников, как вы…

— Ты явился сюда поработить нас, лишить свободы! — взревел Бекрнатус. — Превратить свободных людей во вьючных животных. Никогда!

Он схватил с пола топор и, размахивая им над головой, стремительно, насколько позволяла сила тяжести планеты, поднялся. Но Лэнгли был готов к такому обороту дел. Тесная комнатка сотряслась от грохота его ружья. В каменной стене позади Бекрнатуса образовалась глубокая вмятина.

— А теперь представь, что эта штука могла сотворить с тобой. Садись и перестань валять дурака. Будь уверен, я убью тебя, чтобы спасти свою жизнь. Мы не можем лишить вас свободы, потому что мир высокой гравитации уже сам по себе является тюрьмой для вас. Вы — в оковах той силы, которая давит на вас, прижимая к земле, которая заставляет падать различные предметы, когда их бросают. Эта сила слабее в других мирах. Я могу покинуть вашу планету и законсервировать нуль-передатчик — и наши отношения на

этом закончатся. Если вы действительно этого желаете. Выбор за вами. — Он махнул ружьем в сторону Патны. — А теперь открой ту дверь!

Бекрнатус стоял, растерянно опустив руки, позабыв о топоре. Мир, который он знал, внезапно изменился, все изменилось. Лэнгли с трудом повесил ранец на одно плечо и взмахом ружья велел Патне отойти в сторону. Еле переставляя ноги, он направился к выходу.

— Я еще вернусь, и тогда вы сможете мне сообщить о своем решении.

Переборов отвращение, Патна окликнула Лэнгли, когда тот уже был за порогом:

— Этот передатчик материи — когда мы сможем воспользоваться им? Посмотреть на чудеса иных миров…

— Не скоро. Во всяком случае, ты не доживешь до этого. Пользоваться нуль-передатчиком можно только тогда, когда уплачены все долги. — Он был вынужден сказать ей это для ее же блага: ведь чем скорее она узнает правду, тем быстрее приспособится к изменившимся обстоятельствам. — А ты займешься другим, более полезным делом. Будут нужны не крепкие спины, а умные специалисты, управляющие сложными механизмами. Твое чрево — единственное, которое

может производить их на свет. Не позволяй ему отдыхать.

Изнемогая от ходьбы, он шел до тех пор, пока не оказался на свободном от строений пространстве. Остановившись, он с облегчением опустил ранец на землю. Ноша была слишком тяжела, чтобы нести ее к нуль-передатчику. Он включил механизм уничтожения и продолжил свой путь, не оборачиваясь на буйное пламя позади. Дорогостоящее снаряжение, конечно, но оно запишется на их счет. Никуда они не денутся и примут его условия, да им и не из чего особенно выбирать. Это пойдет им только на пользу. Не сразу, разумеется, но спустя какое-то время обязательно. Две приземистые фигуры все еще стояли на пороге дома, глядя ему вслед. Он пошел быстрее.

Чего они ожидали — милостыни? Вселенная не занимается благотворительностью. Нужно платить за все, что берешь у нее. Это естественный закон, и нарушить его невозможно.

А он выполняет свою работу, и все.

Всего лишь работу.

Он ведь помогает им?

Разве нет?

Спотыкаясь, утирая пот и задыхаясь, он спешил поскорее уйти отсюда.

Последнее сражение

Перевод А. Гришина

Вечером после обеда для нас, детей, нет ничего приятнее, чем сидеть перед очагом и слушать отцовские рассказы.

Вы можете сказать, что на фоне бесчисленного множества современных развлечений это звучит по-дурацки или старомодно, но, говоря так, все же простите, если я отвечу снисходительной улыбкой.

Мне восемнадцать лет, и я уже распрощался со всеми остальными детскими привычками. Но отец — настоящий оратор, и его язык сплетает волшебные сети, которые, как и в былые годы, продолжают связывать меня, но, по правде говоря, мне это нравится. Невзирая на то что мы выиграли войну, многого лишились за это время, а мир снаружи жесток и груб, я собираюсь оставаться молодым как можно дольше.

— Расскажи нам о последнем сражении, — именно об этом дети обычно просят отца, и именно о нем он чаще всего рассказывает. Хотя

мы знаем эту историю с начала до конца, она все равно остается страшной, но ведь нет ничего приятнее, чем как следует напугаться перед сном, чтобы дрожь пробежала по хребту.

Отец берет свое пиво, медленно потягивает его, затем щелчками стряхивает клочья пены с усов. Это сигнал, что он готов приступить к рассказу.

— Война — это настоящее дерьмо. Никогда не забывайте об этом, — говорит он, и двое младших хихикают, потому что если *они* произнесут это слово, то их заставят мыть рты. — Война — это дерьмо. Так было всегда, и я вам все это рассказываю, чтобы вы никогда не забывали об этом. Мы одержали победу в последнем сражении последней войны, и много хороших людей отдали жизни ради этой победы, и теперь, когда все кончилось, я хочу, чтобы вы всегда об этом помнили. Они погибли ради того, чтобы вы могли жить. И никогда, никогда больше не воевать.

Прежде всего выбросите из головы мысль о том, что в сражении может быть какое-то благородство или красота. Ничего подобного нет. Этот миф отвергнут уже давным-давно, а начало он берет, наверно, в доисторических временах, когда война представляла собой рукопашную схватку, в которой мужчина один на один перед входом в

пещеру защищал свой дом от захватчика. Те дни давно канули в небытие, и то, что было хорошо для индивидуума, может означать смерть для цивилизованного сообщества. Ведь для *них* это означало смерть.

Большие серьезные глаза отца всматриваются в лица слушателей, но никто из нас не желает встретиться с ним взглядом. Почему-то мы чувствуем себя виноватыми, хотя большинство из нас было рождено уже после войны.

— Мы выиграли войну, но она не может считаться выигранной по-настоящему, если мы не вынесем из нее урок. Противник мог изобрести Абсолютное Оружие раньше нас, и если бы так случилось, то с лица земли исчезли бы мы, а не он, и вы никогда не должны забывать об этом. Один и тот же каприз истории спас нашу культуру и разрушил их. И, осмысливая значение этой случайности, мы должны признать — оно состоит в том, чтобы хоть немного научить нас смирению. Мы не боги, и мы не совершенны — и мы должны отказаться от войны как способа улаживать разногласия между людьми. Я был там, я убивал, и я знаю, о чем говорю.

А потом наступает момент, которого мы давно ожидаем, затаив дыхание.

— Вот оно, — говорит отец. Он встает и поднимает руку над головой. — Вот оно, оружие, убивающее издалека. Абсолютное Оружие.

Отец взмахивает луком над головой; его фигура в свете очага обретает подлинный драматизм, а тень простирается через всю пещеру и ложится на противоположную стену. Даже малыши перестают выискивать блох в шкурах, в которые их завернули, и глядят разинув рот.

— Человек с палицей, каменным ножом или копьем не может устоять перед луком. Мы выиграли нашу войну, и теперь должны использовать это оружие только в мирных целях — для охоты на лосей и мамонтов. Это наше будущее.

Он улыбается и аккуратно вешает лук на вбитый в стену колышек.

— Теперь, с появлением лука, война стала слишком ужасной. Наступила эра вечного мира.

Жена бога

Перевод К. Слепяна

Ее звали Ози, и она считалась самой прелестной девушкой в поселке Виррал-Ло, издавна славившемся потрясающей красотой своих женщин. Прячущийся в седловине мрачных гор планеты, называемой Орриолз, Виррал-Ло вряд ли мог предложить что-либо еще. Красота была его главным достоянием, и ее заботливо оберегали. Если Ози решалась выйти на улицу, она надевала плащ из более плотной, чем у других, просвинцованной ткани, который вместе с широкополой шляпой и очками с толстыми темными стеклами должен был защитить ее от жесткой радиации палящего белесо-голубого солнца. Зато дома, по вечерам, каждый мог оценить белизну ее кожи, блеск длинных черных волос, совершенство тугих вздернутых грудей. В то же время ее руки были закрыты: существовали строгие правила на этот счет. По краям свободной юбки звенели маленькие серебряные колокольчики, а глаза всегда были спрятаны за круглыми тем-

ными очками. Но то, что оставалось открытым, вызывало восхищение, и рабочие, чьи лица и шеи покрывали пятна ожогов, раковые рубцы и келоиды, получали огромное удовольствие при виде ее нетронутой красоты. Для них было большим огорчением узнать, что решено послать ее в школу.

Несмотря на расходы, каждый считал это хорошим вложением капитала. Несколько веков назад люди обосновались на этом клочке земли, чтобы выращивать плой — растение, созревавшее только в почве Орриолза под его резким актиничным солнцем. Их далекие предки жили в южноамериканских горах, так что разреженность здешней атмосферы не причиняла жителям Виррал-Ло больших неудобств. Они имели мощные грудные клетки и могли дышать свободно. Другое дело — жесткая радиация, от которой не было спасения. Численность поселян росла не так быстро, как им хотелось бы, и, чтобы как следует возделывать землю, постоянно не хватало людей. Нужна была дорогостоящая техника, а тех денег, что давала торговля наркотиком из плоя, не хватало. Поэтому поселяне были готовы пойти на определенные жертвы, дабы выучить Ози. Они знали, что позже за нее можно будет

взять хорошую цену. Очень хорошую цену.

Совсем девчушкой, едва сдерживавшей слезы, она переступила порог трансмиттера и очутилась на Земле, в горах недалеко от Берна, где находилась ее школа. Годом позже в тот же самый день она сошла с экрана сдержанной молодой женщиной, не склонной к нелепым проявлениям чувств. На торжественном обеде, куда были приглашены все, эта женщина, которую до сих пор знали молоденькой девушкой, пользовалась исключительным успехом. Ее манеры были безупречны (однако рабочие отметили некоторую холодность), ее грациозная красота — ошеломляющей и зрелой. Из школы прислали аттестат, в котором говорилось, что она окончила курс с высшими баллами по всем дисциплинам, умеет безукоризненно вести себя в обществе, обучена всем тонкостям любви и остается virgo intactus, поскольку находилась в поле зрения школьных властей в течение всего года. Она стала законченным совершенством. С благоговением люди смотрели на эти волосы, груди, безупречные манеры — и видели тракторы, бороны, культиваторы и бесконечный ряд мешков с удобрениями.

— А вот наше объявление, — сказал ее отец, когда обед завершился и столы были убраны.

Послышались одобрительные возгласы и вздохи восхищения.

— Фотография просто великолепна!

— Все размеры с точностью до сантиметра!

— Такой высокой цены никогда раньше не было.

Ози без всякого выражения смотрела в свой бокал, лишь легкая улыбка тронула уголки ее губ. Волна восхищения прошла по столам. Гости затискали и зацеловали бы ее в порыве благодарности, если б не боялись хоть отчасти повредить этот самый intactus. С тех пор как ей исполнилось пять лет, ее не целовали даже родители. Она была готова. Совершенно готова.

Через три дня пришел первый ответ. Были, конечно, и другие — один бог знает, сколько их было, — брачная газета отвергла те из них, что не соответствовали запрошенной цене.

Несколько людей в черном вышли из трансмиттера, с подозрением осматриваясь: их встретили в бедно убранном холле самого большого на планете строения. Впрочем, их настроение значительно улучшилось, когда навстречу им грациозно вышла Ози. Адвокаты тщательно изучили ее бумаги, доктора осмотрели ее в присутствии бдительных родственников, и финансовый директор

попытался сбить цену; словом, все шло как по маслу, когда в холле появился неизвестный и произнес, топнув сапогом об пол:

— Эй, вы, проходимцы, выметайтесь отсюда! Она будет моей невестой.

Люди в черном с каменными лицами наблюдали, как отец Ози с крайней учтивостью поприветствовал незнакомца. По всему было видно, что у этого человека водились деньги, и немалые. Его одежда была сшита из дорогих тканей, размер и огранка драгоценностей — бриллиантов и изумрудов — вызывали восхищение. У него были светлые шелковистые волосы, доходящие до плеч, и изящные усы, которые он время от времени разглаживал костяшками пальцев.

— Могу я узнать ваше имя? — спросил отец Ози с легким поклоном, соответствующим, как ему показалось, данным обстоятельствам.

— Меня зовут Иоганн. Я являюсь полноправным повелителем Маабарота и прошу руки вашей дочери.

То, что ни один из присутствующих никогда не слышал о Маабароте, не показалось странным. С появлением трансмиттеров человечество распылилось по Галактике, словно прах по ветру, и появилось множество обитаемых миров.

— Мы пришли сюда первыми, — сказал один из адвокатов. — Вы должны уйти.

— Я останусь, — сказал Иоганн и щелкнул по своей богато украшенной щеголеватой трости.

Она казалась довольно увесистой, а на деле была еще тяжелее, если судить по тому, с какой скоростью рухнул адвокат на пол, когда трость ударила его в висок.

— Я согласен заплатить нужную сумму и еще десять тысяч кредитов сверху, — сказал Иоганн, достал из бумажника толстую пачку денег и бросил ее на стол. — К этому я могу добавить, что той жирной свинье, которую представляют эти шакалы, семьдесят лет от роду и вся его кожа покрыта бородавками.

— Это правда? — спросила Ози, заговорив в первый раз за все это время, и звук ее чистого голоса был подобен звону колокольчиков на юбке.

— Конечно нет! — воскликнул один из адвокатов, держась подальше от страшной палки. — Взгляните сами на эту фотографию.

— И все же я ему верю, — сказала Ози и выронила фотографию, едва заметно улыбнувшись тонкими губами. Затем она повернулась к Иоганну, не забыв наступить на фотографию.

— Я могла бы стать вашей, мой господин, но это

будет стоить вам недешево. За начальную цену вы получите мое тело, но не душу, ибо я всегда буду думать, что вы любите вложенные в меня деньги больше меня самой. Я прошу вас быть великодушным…

— Насколько великодушным?

— По крайней мере еще пятьдесят тысяч кредитов.

— Великодушие влетит мне в копеечку.

— Не только великодушие, но и моя любовь. Вы кажетесь мне человеком, которого я могла бы любить страстно, и я чувствую, что это принесет мне радость. Но радость умрет, если меня постоянно будет мучить мысль о нищете моих близких. Заплатите им эту ничтожную сумму, и вы увидите, какой страстной стану я для вас.

Она сделала шаг вперед, взяла его руку, повернула ладонью вверх, наклонилась и притронулась к ней кончиком остренького языка. Иоганн взревел и дрожащими руками полез в бумажник.

— Ты меня убедила, — сказал он и стал вываливать на стол пачки банкнотов, едва ли соображая, что делает. — Приготовьте брачные документы. Совершим все формальности как можно быстрее. Я не могу ждать.

— Я ждала долгие годы, сохраняя всю свою

страсть для тебя, — шепнула она ему на ухо.

Он снова заревел и, чтобы дать выход чувствам, начал выгонять людей в черных фраках из холла. Втолкнув последнего в трансмиттер, Иоганн овладел собой, стоически перенес брачную церемонию, подписал все бумаги и сдержанно поцеловал невесту в щеку. Однако он не захотел остаться на банкет.

— Терпение моей плоти на исходе, — пробормотал он сквозь крепко стиснутые зубы и полез в бездонный бумажник за новой порцией денег. — Я надеюсь, небольшая сумма утешит вас и вы не будете сокрушаться по поводу нашего отсутствия на церемонии. Неотложные дела вынуждают нас уехать.

Гости не настаивали — их сердца наполнились сочувствием. Появился багаж Ози. Иоганн набрал нужный номер, прикрывая клавиатуру своим телом, после чего вещи молодоженов внесли в трансмиттер. Кивнув в знак прощания, Иоганн взял молодую жену за руку и вместе с ней переступил порог.

Они очутились в маленькой, пыльной, совершенно пустой комнате, где не было даже окон. Ози, помня о своих безупречных манерах, не произнесла ни слова. С легким любопытством

она смотрела, как ее муж повесил громадный замок на пульт управления трансмиттером, отпер дверь и впустил ее в следующую комнату. После чего запер тяжелую дверь у них за спиной не менее чем на полдюжины замков. Все эти действия озадачили Ози, однако она не подала виду и спокойно осматривала просторную, безвкусно убранную комнату, центром которой служила широкая кровать с откинутыми простынями.

— Я знал, что ты будешь моей женой.

Задыхаясь от страсти, он погладил ее по спине и потянул к кровати. В то же мгновение ее тело стало твердым и неподатливым, как гладильная доска, а взгляд принял отсутствующее выражение. Ему пришлось отпустить ее, после чего она заговорила, но не раньше, чем поправила на себе одежду:

— Прикажи проводить меня в мою гардеробную и пришли туда вещи. Я должна как следует приготовиться, чтобы ничего не испортить в ненужной спешке. Советую и тебе сделать то же самое, потому что мы не выйдем из этой комнаты по крайней мере два-три дня.

Она медленно подняла темные очки, которые никогда не снимала, и в ее потемневших, широко раскрытых глазах читалось такое страстное

обещание, что он без памяти погрузился в их бездонные глубины. Затем его губы ощутили мимолетный жар поцелуя, и, опустив голову и лишившись дара речи, он протянул руку в сторону двери в стене напротив.

Первая неделя прошла для Ози как нельзя лучше. Школа в земных Альпах дала ей хорошую выучку — насколько это было возможно без практических уроков, — кроме того, она обнаружила в себе естественную склонность к такого рода занятиям. Сюда нужно прибавить облегчение, которое она испытала, изменив наконец свой статус. Единственное доступное ей удовольствие, заключавшееся в предвкушении, с годами стало довольно утомительным. Поэтому сейчас, в первый день и следующую за ним ночь, она пустила в ход весь свой потенциал, полученный в школе, а затем различные экзотические приемы, необходимые для стимуляции сил. Прошло больше недели, прежде чем она проснулась и обнаружила, что ее муж покинул супружеское ложе. Пресыщенная и умиротворенная, она потянулась, зевнула и нажала кнопку возле кровати.

До сих пор еду и питье молча просовывали сквозь опущенные занавески чьи-то руки. Сейчас она отодвинула драпировку и, откинувшись на

подушки, наблюдала, как миловидная девушка в униформе несмело вошла в комнату.

— Принеси легкого вина, — приказала Ози, — и что-нибудь поесть. Что ты можешь предложить?

Служанка понуро уставилась в пол и не произнесла ни слова.

— Говори, не бойся. Я — твоя госпожа и жена повелителя. Ну, как насчет еды?

Девушка глупо помотала головой, отчего Ози начала раздражаться.

— Ты что, немая?

При этих словах девушка энергично закивала, указывая на свое горло.

— Бедняжка, — сказала Ози, немедленно почувствовав жалость. — А ведь такая молоденькая и симпатичная. Ну, принеси мне чего-нибудь вкусненького, у меня зверский аппетит.

Еда была принесена. Ози хорошо поела, затем долго принимала ванну и томно предавалась праздному удовольствию приведения в порядок своих ногтей и волос. Она не торопилась познакомиться с этим миром, ставшим ее новым домом, — впереди была целая жизнь. Ее муж был бы рад лично ей все показать, и ей хотелось доставить ему это удовольствие. Их брак начинался без лишних церемоний.

Ближе к вечеру высокие бронзовые двери растворились, и в комнату решительным шагом вошел Иоганн. Этот человек был так силен, что только темные круги под глазами выдавали его усталость. Ози обняла его за шею, поцеловала, и он поспешил отойти от нее, почувствовав, как горячий прилив страсти снова поднимается в нем.

— На сегодня достаточно, — сказал он. — Супруга моя, мне следует показать тебе твой мир, а люди Маабарота желают видеть свою госпожу. Если ты наденешь одно из своих парадных платьев, мы выйдем на балкон и поприветствуем толпу, которая уже три дня как собралась и ожидает тебя с неослабевающим энтузиазмом.

Он нажал кнопку на стене, и до них донесся рев бесчисленных голосов.

— Кажется, они довольны.

— Это великое событие в их жизни. После встречи на балконе мы отправимся на обед, где ты познакомишься с высокопоставленными людьми нашего мира. Но прежде чем это произойдет, я должен сказать тебе кое-что.

Иоганн прошелся по комнате, его пальцы нервно перебирали золотые нити мундира, а лоб покрылся испариной, словно он чего-то опасался.

— Вы должны мне в чем-то признаться? Есть что-то такое, о чем вы не хотели говорить, пока мы не поженимся? — В голосе Ози зазвучали ледяные нотки.

— Любовь моя. — Он упал перед ней на колени и схватил за руки. — Это не то, что ты думаешь, уверяю тебя. Я действительно повелитель Маабарота. Все богатства этой щедрой планеты принадлежат мне, а значит, и тебе. Я не сказал только, как ко мне относится мой народ.

— Они не любят тебя?

— Наоборот — обожают. — Он встал, отряхнул колени, поднял подбородок, и его лицо приняло выражение спокойного благородства. — Точнее сказать, они меня боготворят. Ты должна понять, это простой народ, и некоторое благоговение для них вполне естественно.

— Как мило. Значит, ты, как в Египте или Японии, потомок бога солнца?

— Похоже на то, только еще больше.

— Что же может быть больше?

— Они верят, что я и есть сам бог.

— Как мило, — только и произнесла она, ничего не выразив этими словами, кроме заинтересованности: ни недоверия, ни насмешки, ни сарказма — школа в Берне была очень хорошей.

— Мило, конечно, но и тяжело. Ведь малейшее мое желание — закон, и мне приходится все время следить за тем, чтобы не злоупотреблять своей властью.

— А сам ты веришь, что ты бог?

— Хороший вопрос, — улыбнулся он. — Как образованный человек, знакомый с логикой, конечно нет. — Он усмехнулся. — Хотя временами у меня возникает странное чувство. Давление их безоговорочной веры слишком велико. Впрочем, мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

— Как же все это вышло?

— Начала я сам толком не знаю. Какой-то мой дальний-дальний предок овладел единственным в этом мире трансмиттером и сумел скрыть его существование от народа. Штуки, которые может выделывать это устройство, безграмотным людям кажутся чудесами.

Тонны зерна исчезают в маленькой комнате, где они ни за что не могли бы поместиться. Вместо них появляются странные и поразительные аппараты. Маабарот веками дремлет в сумерках патриархального феодализма, и единственный человек, который сколько-нибудь знаком с наукой, — их бог-повелитель, то есть я. Ну и конечно, жена повелителя, чудесным образом сошедшая

с небес, чтобы встать рядом с ним. Жена повелителя всегда с другой планеты. Повелитель может иметь только одного сына, который займет его место, когда бог-отец вернется на небеса. У тебя будет только один сын и не будет дочерей.

— Мне их будет не хватать. Я всегда мечтала о большой семье.

— Очень жаль. Но сможешь ли ты повиноваться мне без задних мыслей?

— Конечно. Разве я не поклялась в этом? Вместо большой семьи я обращу свою безграничную любовь на единственного сына. А как же иначе? Ведь в будущем он станет богом. Мне не на что жаловаться.

— Замечательно! Моя жена перл из перлов. Так мы идем на балкон?

— Сейчас я позову служанку, чтобы одеться. Как ее зовут?

— Бакжли.

— Что случилось с ее голосом?

— Я ей сказал, что она больше не сможет говорить, — вот она и не может. Народ на этой планете искренне верит в бога. Мы держим немых и неграмотных слуг, чтобы они не смогли никому рассказать о здешней жизни.

— Разве это необходимо?

— Таков закон, как для них, так и для меня. Они не видят в этом большой жертвы и тысячами стремятся получить место в моем дворце.

— Мне здесь ко многому придется привыкнуть.

— Быть женой бога почти так же трудно, как и самим богом.

— Неплохо сказано.

Когда молодая госпожа ступила на балкон, ее встретил гул приветствий, быстро перешедший в истерические вопли, едва она соизволила заговорить. Но повелитель поднял руку и пожелал, чтобы мир сошел на его народ, — и мир сошел: отчасти из-за силы внушения, отчасти потому, что он выпустил в толпу успокаивающий газ с помощью пульта дистанционного управления на поясе. Со следами возбуждения на лицах божественная чета проследовала в банкетный зал, где под оглушающий рев труб была встречена морем склоненных спин. Как только бог и его супруга сели, местное дворянство выпрямилось и стало поочередно, по вызову сенешаля, выходить вперед, чтобы преклонить колени и поцеловать кольцо на руке Ози. Во время церемонии Ози потягивала охлажденное вино и ласково улыбалась, скрашивая божественную суровость супруга, чем

завоевала всеобщее расположение. Утомившись, бог одним движением пальца прекратил вступительные речи, и обед начался.

Этому великолепному пиршеству не суждено было перевалить через семнадцатую перемену, состоявшую из маленьких птичек, зажаренных в меду. Вновь появился сенешаль и громко ударил жезлом о мраморный пол. Наступила тишина.

— О господь, наш отец, милующий и карающий, мы имеем честь уведомить тебя, что в это самое время твой высокий суд выносит приговор.

— Я буду присутствовать при этом, — сказал Иоганн, поднимаясь и подавая Ози руку. — Проклятие, прямо посреди обеда. Но это одна из обязанностей. Бог не может отлынивать от работы. Впрочем, прогулка освежит наш аппетит, так что не все так плохо.

Гости с низкими поклонами расступились, и повелитель с супругой направился во главе перешептывающейся толпы во Дворец правосудия, где заседал высокий суд. Иоганн подвел жену к небольшому балкону, аляповато украшенному гипсовыми облаками, символизирующими небесный престол. Пока они занимали места на плюшевых тронах, в зал вошли судьи, облаченные, помимо черных одеяний, в неприступную

добродетель, как подобает всем судьям во все времена.

Высоким тенором, наполовину выпевая слова, секретарь произнес:

— Судьи возвращаются. Подсудимый должен встать.

Только теперь Ози заметила плешивого человека в серых лохмотьях, сидящего на окруженной шипами скамье подсудимых. На нем было столько цепей, что солдатам пришлось помочь ему подняться на ноги. Так он и стоял, слегка пошатываясь, когда солдаты вернулись на свои места.

— Заключенный, — пропел секретарь, — ты обвиняешься в самом страшном для человека преступлении. Твой собственный язык навлек на тебя несчастье. Ты виновен в ереси, ибо отрицаешь существование бога. Сейчас судьи вынесут свой приговор.

— Я могу повторить! — заорал подсудимый грубым, хриплым голосом. — Я скажу это прямо ему в лицо. Он такой же бог, как все мы. Человек — вот кто он.

Толпа завопила и подалась вперед, требуя крови. Понадобилось немало стражников, чтобы сдержать ее.

— Это моя ошибка, — сказал бог жене. — Цены

на сельскохозяйственные продукты все время падают, и я попытался модернизировать хозяйство. Я организовал опытное производство деталей для электроники. Но наука становится проклятием в феодальном обществе. Этот человек был управляющим, и технический гений ввел его в богословский грех.

— Но ты будешь милосердным? — спросила она, напуганная кровожадностью толпы.

— Я не могу, ибо я суровый бог и меня должны бояться.

Судьи встали и хором продекламировали:

— Высокий суд считает подсудимого виновным и передает его в руки живого бога. Смерть на месте, и да свершится правосудие.

— Правосудие, — прохрипел заключенный, в то время как Иоганн медленно поднимался со своего места, и его голос отчетливо прозвучал в наступившей тишине. — Это все предрассудки. Ну-ка внушите мне, что я сейчас умру. У вас ничего не выйдет, сэр. Я не собираюсь валиться с ног только потому, что кто-то скажет «умри».

— Умри! — торжественно произнес Иоганн, и его перст устремился на осужденного.

Человек завизжал, судорожно забился в цепях — и умер.

— Какой ужас, — сказала Ози. — Сила внушения…

— Действует почти на всех. Но я предусмотрел и тяжелые случаи. Пятьдесят тысяч вольт пропущены через его цепи. Дистанционное управление. Что ж, давай вернемся, пока еда не остыла.

Но у Ози почему-то совершенно пропал аппетит, и она покинула застолье, выпив лишь немного вина. Готовясь в гардеробной к ночным торжествам, она пыталась забыть происшедшее, но не могла. Гораздо лучше ей удалось разумно оправдать эту казнь. Главное — повиновение закону и правомочной власти. Без повиновения наступит хаос. Она настолько убедила себя, что вышла навстречу богу, своему мужу, с вновь вспыхнувшей страстью. Бог направился в спальню — все спокойно в этом мире.

— Я думаю, меня можно назвать милостивым деспотом, — сказал Иоганн на следующий день, когда они ехали бок о бок по улицам города.

Крепкие носильщики тащили их паланкин на широких плечах, а солдаты-копьеносцы сдерживали орущую толпу. Не переставая говорить, Иоганн раздавал поклоны направо и налево, машинально улыбался и расшвыривал пригоршни мелких монет.

— Как они рады тебе, — также улыбаясь, сказала Ози. — Ну и мне, конечно. Но действительно ли они счастливы?

— Как кролики на капустной грядке. Ведь я действительно с ними милостив. Они пользуются всеми благами цивилизации, не заботясь о последствиях. Никакого тебе смога, или загрязнения среды, или промышленности. Им не нужно проводить долгие годы в школе, чтобы затем бороться за место в технократическом обществе. Их счастливые дети и не слышали о таких школах. Маабарот — сущий рай, и им есть за что быть благодарными мне.

— У тебя существуют проблемы с преступностью?

— Никаких. Люди повинуются закону, если живой бог стоит у них за спиной.

— Они не голодают?

— Пища, одежда и кров для всех — таков закон бога.

— Часто они болеют?

— Новейшие медицинские препараты, которыми набиты храмы, всех ставят на ноги. Чудесным образом, конечно. Им есть за что меня благодарить.

— Значит, они не жалуются?

— Нет. Повсюду слышны хвалы господу. Они живут в раю и не торопятся попасть на небеса.

— Но тот человек, который умер?..

— Недовольный. Таких очень немного. Среди полной безмятежности и счастья всегда найдется кучка готовых роптать в раю. Но даже своей смертью они приносят пользу, служа примером для счастливой толпы. Жирной, загорелой, хорошо откормленной и тупой. Им ничего не нужно. Смотри, как они приветствуют меня.

Люди действительно дошли до исступления. Плакали от счастья, поднимали своих детей, чтобы получить благословение, целовали землю, попавшую в тень паланкина, валились в обморок в порыве страсти. Все шло как нельзя лучше. На улице Золотых Дел Мастеров раздавали бесценные безделушки. На базаре Ювелиров ограненные камни лились драгоценным дождем. Это был настоящий триумф. Молодожены вернулись домой, задыхаясь от удовольствия, выпили прохладного вина и сами не заметили, как их праздник с новой силой продолжился в постели.

Время летело быстро. Если пасторальные удовольствия надоедали, супруги ускользали на другую планету, чтобы пойти в театр или на концерт или ради какого-то другого светского

развлечения. Но это случалось не часто, ведь здесь в их распоряжении были пешие и морские прогулки, катание на лошадях, охота, рыбная ловля, праздничные застолья и множество других способов провести время. Незаметно пролетела неделя, месяц, год наконец, и как-то после торжественного обеда, когда они остались одни в спальне, Иоганн поцеловал жене руку и сказал:

— Пора подумать о нашем наследнике.

— Я все ждала, когда же произойдет это благословенное событие.

— Через девять месяцев, если ты не против.

— Я не против, — сказала она и выбросила пузырек с пилюлями в открытое окно. — Начнем?

— Не так быстро. Мы должны вернуться на Землю, в Vereinigte Vielseitigkeit Fruchtbarkeit Krankenhaus в Цюрихе. Это самая знаменитая родильная клиника во всем мире.

— Ты сомневаешься, способна ли я родить? — спросила она со сталью в голосе.

— Ни в коем случае, любовь моя, ни в коем случае. У меня нет никакого сомнения, что твое плодовитое чрево способно извергать девочек, двойняшек, тройняшек — ты способна на все.

— Я понимаю, — смягчилась она. — Один-единственный мальчик. Давай не будем терять

время.

— Сейчас я наберу код.

Это было больше похоже на роды, чем на зачатие. Иоганн исходил зал ожидания вдоль и поперек, прежде чем его вызвали. Плешивый доктор бесстрастным голосом прочел заключение:

— Один зародыш мужского пола, никаких пораженных генов, наиболее благоприятная комбинация наследственных черт, в данный момент проходит третью стадию клеточного деления, развивается быстро. Поздравляю, у вас будет мальчик.

Иоганн схватил руку доктора со слезами на глазах:

— Я у вас в вечном долгу, доктор. Когда я смогу увидеть свою жену?

— Прямо сейчас.

— А ребенка?

— Через девять месяцев.

— Вы сделали меня самым счастливым человеком на свете!

— Но есть одна опасность.

При слове «опасность» в глазах у бога помутилось, и ему пришлось крепко сжать ручки кресла, чтобы удержать равновесие.

— Что вы имеете в виду?! — воскликнул он.

— Ничего страшного, если вы примете необходимые меры предосторожности. Она родилась на планете с крайне разреженной атмосферой, к которой ее род приспосабливался в течение многих поколений. Сама она легко переносит высокое давление, но есть опасность для плода. Осторожность не помешает. Может она пожить в своем родном мире, пока не родит?

— Это исключено. Ее дом теперь в моем мире.

— Вы богаты?

— Очень богат. Но что это меняет?

— Вам следует найти на вашей планете вершину с привычным для нее давлением воздуха и построить там небольшую виллу, где она могла бы провести весь период беременности.

— Я построю для нее прекрасный мир с замком, садами, тысячами слуг и частным госпиталем.

— Небольшой виллы было бы достаточно. Впрочем, я думаю, она не будет возражать против такой заботы. Вот ваш счет, оплатите его и встречайте жену.

Иоганн выписал чек, утопая в золотом тумане счастья, затем нашел Ози, и объятие стало высшей точкой их радости. Взявшись за руки, они вернулись домой, сразу же собрали слуг и отправились в горы.

Внешне это ничем не отличалось от обычной прогулки. Когда тяжело нагруженная процессия достигла города, все жители присоединились к ней, чтобы взять на себя часть груза на остаток пути. Они перевалили через предгорье и стали подниматься вдоль края Великого ущелья. Едва золотой барометр показал нужную высоту, Иоганн воткнул жезл в землю и воскликнул:

— Строить будем здесь!

Замок был возведен на альпийском лугу, откуда открывался вид на зеленую долину, за которой поднимались покрытые снегом вершины. Пока велось строительство, супруги жили в шелковом шатре. Вокруг быстро растущего здания были разбиты сады с фонтанами и музыкой, где состоялся грандиозный праздник, когда все было закончено.

— Дорогая, я должен вернуться во дворец к своей работе, — сказал он ей той ночью.

— Я буду скучать по тебе, правда. Ты скоро вернешься?

— Как только смогу. Ведь богу нет замены, и ему некогда отдыхать.

— Я понимаю. Я буду ждать тебя.

Девять месяцев пролетели незаметно. Вдоль дороги между двумя дворцами Иоганн организо-

вал конные подставы, так что они могли вести постоянную переписку. Он собирался поспеть к родам, но дела задержали его, и появление сына застало его врасплох. Первое известие о долгожданном, но все-таки неожиданном событии принес запыленный посыльный, который на последнем издыхании ввалился в тронный зал и распластался перед повелителем, протягивая обессилевшей рукой послание. Иоганн прочел его, и все поплыло у него перед глазами. В послании говорилось: «Приезжайте немедленно. Ваша жена благополучно разродилась, но случилось нечто, что вас должно заинтересовать».

Больше всего его напугала спешка, с которой было написано и отправлено письмо. Кроме того, ранее на месте слов «что вас должно заинтересовать» было написано и затем зачеркнуто что-то другое. На просвет он смог разобрать слово «странное».

Во время той незабываемой гонки он загнал трех лошадей, да и сам был немногим лучше, когда затяжной подъем наконец кончился на краю ущелья. Пошатываясь от усталости, облепленный дорожной грязью, он ворвался в полностью обустроенный госпиталь, схватил ошеломленного доктора за грудки и поднял его в воздух.

— Что случилось?! — заорал он.

— Ничего страшного, оба в прекрасном состоянии, — сказал доктор и больше не произнес ни слова, пока не был опущен на землю. — С вашим сыном все в порядке и с вашей женой тоже. Она хочет поговорить с вами. Сиделка поможет вам привести себя в порядок, прежде чем вы войдете в ее комнату.

Подавленный тяжелым предчувствием, он покорно отдал себя в руки медсестры, специально привезенной с другой планеты, и на цыпочках вошел в комнату Ози. Они поцеловались. Ози улыбнулась и посадила его рядом с собой.

— Все прошло великолепно. Твой сын похож на тебя. У него голубые глаза и светлые волосы, сильный голос и не менее сильная воля. В нем нет ни единого изъяна, он абсолютное совершенство.

— Я должен его увидеть.

— Сиделка принесет его. Но прежде я должна кое-что тебе сказать.

— Все, что угодно.

— В школе я изучала теологию и знаю, что человек создает себе бога по своему образу и подобию.

— Это правда, хотя имеется множество обратных примеров.

— Поэтому, если люди достаточно твердо верят, что бог есть, бог обязательно появится.

— С этим можно было бы поспорить. Но нельзя ли отложить эту дискуссию на потом, когда у нас будет больше времени?

— Я закончила. А вот и твой сын.

Ребенок действительно был сущим совершенством. Он уже улыбался и сжимал маленькие кулачки.

Только об одном Иоганну не сказали.

На расстоянии четырех сантиметров от младенческой головки висел как приклеенный и сиял серебристым светом нимб.

История конца

Перевод И. Зивьевой

+ Когда народный вождь Ийссел Дийк прошел сквозь двойник без всякого ущерба для себя и остановил встречный процесс концентрации, сводящий на нет все их устремления к расширению, он тем самым оказал влияние на будущее Эльстарана; отныне ничто не могло воспрепятствовать расширению пределов Эльстарана. Конец предложения. Конец параграфа. Конец главы. Конец книги. В набор. +

Дехан с наслаждением потянулся. Экран, перед которым он сидел, потемнел, но уже через мгновение на нем появился продиктованный им текст. Легко прикасаясь к экрану стилосом, он внес в текст кое-какие поправки, затем удовлетворенно кивнул.

+ В печать, + приказал он вслух и, оттолкнувшись от рабочего столика, взглянул на часы. Было почти семьдесят пять: в это время он обычно ходил купаться с Субуа, но сейчас он чувствовал себя безмерно уставшим для плавания. Работа требо-

вала от него слишком большого напряжения и концентрации сил; усердно трудясь над книгой, он частенько забывал даже про сон. Зевая, он снова потянулся — сказывалось хроническое недосыпание — и, предвкушая долгожданный отдых, отправился спать.

+ Выключить свет, + произнес он и закрыл глаза, полностью отдавая себя во власть бархатистой тьмы. Дехан заснул.

Когда он проснулся, часы показывали восемьдесят четыре. Субуа, конечно, давно ушла, не дождавшись его, но он был бы не прочь искупаться и без нее. Быстро скинув повседневную одежду, он облачился в халат и, как всегда, направился к правой Двери, которой обычно пользовался при выходе. В мыслях он уже наслаждался солнечным светом и плеском волн, а пальцы, словно подчиняясь немому приказу, автоматически набирали на панели связи нужный двенадцатизначный цифровой код. Поверхность Двери замерцала, и он прошел сквозь нее.

Из прохладного подземного помещения, скрытого в толще скальных пород планеты, о которой он, в сущности, ничего не знал, он ступил прямо на побережье Итонга, под обжигающие лучи голубого солнца. Дыша полной грудью раска-

ленным, как в печи, воздухом, он пробежал по золотистому песку до самой кромки воды, где неторопливо и равномерно набегали на берег волны, разбиваясь на шипящие пузырьки. Чувствуя, как весь покрывается испариной, Дехан сорвал с себя халат, скинул сандалии и бросился в воду. Прохладные волны тотчас сомкнулись над ним; он плавал нырял, и снова выныривал, а то просто барахтался в воде, испытывая при этом огромное удовольствие.

Поднимая над водой голову, Дехан видел узкую прибрежную полосу, теряющуюся в необозримой дали по обе стороны от него, и возвышающуюся над ней серую пологую стену. И, как всегда, глядя на огромный барьер из серого камня, он лениво спросил себя, что же там может находиться, за тем барьером; но мысль эта занимала его недолго. Как-то на пляже ему сказали, что там, по всей вероятности, всего лишь тот же камень, поскольку суша, как и здешнее море, оказалась не способна породить хотя бы простейшие формы жизни. Чуть ниже скалы и рядом с ней виднелось множество Дверей — ведь Итонг считался излюбленным местом для купания. Люди торопливо входили и выходили из них; все мелководье, насколько Дехан мог охватить взглядом справа и слева от

себя, было усеяно купающимися. Прозрачная свежая вода умиротворяюще действовала на него. Голову начало припекать, и он, полностью погрузившись в приятную прохладу волн, медленно поплыл вдоль совершенно ровного дна. Вынырнув, он заметил, как из Двери, которой он обычно пользовался, появился мужчина. Так же, как и Дехан, тот быстро пробежал к воде по обжигающему песку пляжа. Мгновение спустя он уже шумно плескался на мелководье, то ныряя, то снова появляясь на поверхности неподалеку от Дехана.

+ Линкика, + представился незнакомец, заметив, что он здесь не один.

+ Дехан. +

Некоторое время они плавали рядом, соблюдая положенное время молчания — на случай, если кто-либо из них не расположен беседовать. Судя по тому, что никто из двоих не выказывал желания отплыть подальше, оба были настроены на разговор.

Дехан, прищурившись, посмотрел на солнце.

+ Время на этой планете, кажется, перевалило через полдень, + произнес он. + Видите, солнце начинает склоняться к воде? +

+ Да. Вскоре нам придется подыскивать себе

другой пляж, пока солнце снова не вернется сюда. Я тут как-то произвел некоторые расчеты, и у меня получились довольно интересные цифры. Оказывается, период вращения этой планеты — шесть тысяч четыреста тридцать единиц времени, а продолжительность дня — три тысячи двести пятьдесят. Впрочем, ранним утром здесь купаться слишком холодно. +

+ Вы ученый? +

Насколько Дехан понимал, его собеседник должен был занимать в обществе высокое положение, иначе он не пользовался бы той Дверью, что и сам Дехан. Конечно, наслаждаться отдыхом на Итонге может любой, но у каждого определенного круга людей, занимающих одинаковое положение, были свои номера Дверей. Где-то на этом пляже была Дверь для детей, а возможно, и для сумасшедших. В последнем Дехан был не совсем уверен, да это и не интересовало его.

+ Я — филогенетик. +

Дехан не понял, тем не менее кивнул и плеснул водой на голову. Еще одно длинное слово. Еще одна специальность. Их, должно быть, тысячи, а может, и миллионы.

+ А я — историограф. +

+ Как интересно. Я всегда хотел познакомиться

с историографом. +

Дехан закрыл глаза, мимикой изображая комическое недоверие.

+ Правда? Я еще ни разу не встречал человека — кроме других историографов, конечно, — который хоть что-то слышал об этой специальности. +

Его новый знакомый потер гладкую, как полированный шар, голову, начинающую краснеть под лучами солнца, и улыбнулся:

+ Я не претендую на широкий диапазон моих познаний. Должен признаться, я отыскал значение этого слова в сноске, когда работал над… +

При упоминании о его работе Дехан, естественно, пришел в замешательство и, нырнув, проплыл под водой круг, чтобы немного успокоиться. Существует определенный круг тем, которые не подлежат обсуждению во время купания.

+ Я бы с удовольствием сейчас закрыл поры, + сказал он, снова вынырнув. + А вы? +

+ Отличное предложение. +

Они выбрались на берег и быстро оделись.

+ На днях я посетил совершенно необыкновенный охладитель, + охотно поделился информацией Линкика в надежде сгладить свой недавний промах.

Он вслух произнес номер кода, пальцами непроизвольно набирая в воздухе комбинацию цифр.

+ Не знал о таком. С удовольствием отправлюсь туда вместе с вами. +

Оживившись, Линкика подошел к Двери и активировал ее. Дехан шагнул за ним и… едва устоял под яростным напором снежного вихря и ледяного ветра; дыхание его перехватило. Они очутились на обледеневшем гребне, оба склона которого круто уходили вниз, в затянутую снежной пеленой пустоту. Впереди, прямо на шероховатой поверхности скалы, виднелись еще две Двери, еле различимые в снежной кутерьме. Вьюга грохотала и выла на все лады, и, чтобы быть услышанным, Линкике пришлось кричать в самое ухо Дехана:

+ Когда нет снегопада, отсюда прекрасный обзор. Вечный снег на вершинах гор, сами горы, долины — впечатляющее зрелище! +

+ Я… запомню, + пробормотал Дехан занемевшими от холода губами.

Стараясь придерживаться дороги, протоптанной их предшественниками, они осторожно пересекли гребень, постоянно поскальзываясь на его гладкой ледяной поверхности; от внуша-

ющих ужас обрывов с обеих сторон гребня их отделяли только поручни, укрепленные по одному на уровне пояса. С видимым облегчением они прошли сквозь Дверь и попали прямо в гардероб, где оба разошлись по кабинкам. Через малую Дверь Дехан отослал домой свою запачканную одежду, затем насухо вытерся и надел одноразовый костюм из распределителя. Кожа его горела; он чувствовал себя превосходно. Поистине то был прекрасный охладитель. Он обязательно наведается сюда еще раз, но лучше, конечно, в ясный день.

Линкика ждал его за столом возле огромного окна. Снаружи свет двойной луны заливал долину, наполняя ее всеми оттенками серого и черного там, где сливались друг с другом джунгли, холмы и река. Дехан узнал это место — они находились в одном из тропических миров, а помещение, из которого он любовался долиной, располагалось внутри высокого холма, и окно выходило на поверхность склона. Они кивнули друг другу и заказали себе по напитку. Заказ вскоре появился перед ними, и оба стали неторопливо потягивать содержимое бокалов.

+ Чем вы занимаетесь? + спросил Дехан. + Филоген… простите, не помню, как вы сказали. +

+ Филогенетик. Я пытаюсь проследить происхождение различных биологических видов, выявить их предшественников, установить связи между видами. Моя работа приносит ощутимую пользу животноводству, продовольственному растениеводству и тому подобному. +

Дехан одобрительно кивнул, хотя понятия не имел, о чем идет речь. Приободренный, Линкика продолжал:

+ Не так давно я консультировал по поводу одного генетического заболевания. Я проследил этиологию болезни и выявил, каким образом можно вылечить больного. Этот случай заставил меня заинтересоваться самым необычным представителем животного мира — человеком, и я начал прослеживать историю человечества. Можно сказать, что в некотором смысле между моими скромными исследованиями и вашим грандиозным трудом есть небольшое сходство. Не сомневаюсь, что вы добились потрясающих результатов за последнее время. +

Дехан кивнул и улыбнулся. Что бы там ни было, а его собеседник обладал прекрасными манерами. Ведь хорошо воспитанные люди не рассуждают о своей работе во всех подробностях, пока все участники беседы не расскажут о своей.

+ Я завершил свою работу над Эльстараном. Утомительное занятие, должен вам сказать. Это самая неясная страница в истории человечества, причем написана сухим, невыразительным языком и изобилует ненужными подробностями, искажающими истинное значение этого периода истории для всего человечества. Конечно, то время было многим примечательно — взять хотя бы дюжину солнц и двадцать или около того планет, благополучно исчезнувших благодаря счастливой случайности, проявившей себя во взрыве Сверхновой. Я сократил более чем девятьсот томов до одного-единственного тома, не потеряв при этом ценности их содержания. +

+ Замечательно. Как мы нуждаемся в подобного рода таланте, чтобы из длинной ленты истории получились поддающиеся восприятию отрезки. Если бы не вы, нас бы захлестнул поток избыточной информации. Могу заявить об этом со всей ответственностью, так как, занимаясь научной работой, я впервые осознал, в какое невероятно далекое прошлое уходит корнями история рода человеческого. Она, наверное, насчитывает миллионы единиц времени — как вы полагаете? +

+ Больше, много больше. + Дехан медленно и с чувством произнес эти слова.

+ Вполне возможно. Я склонен верить этому. + Линкика наклонил голову, словно не выдержав бремени мыслей. + Мгновение, которое стоит посвятить красоте, если не возражаете. Близок рассвет; посмотрите, как сменяются краски неба. +

Некоторое время они молча любовались предрассветным небом. Оно светлело прямо на глазах, и ничего удивительного в том не было — такая стремительность смены дня и ночи всегда присуща тропической зоне. От реки и деревьев поднимался туман; и первый робкий отблеск розовой зари упал в предрассветную мглу, легко касаясь темных омутов и водоворотов невидимой кистью. Картина, открывающаяся перед ними, завораживала своей красотой, и они замерли перед ней в восхищении.

+ Кстати, в этой бесконечной цепи развития прогресса я выявил странные, любопытные, необычные и приводящие в недоумение факты, + нарушил молчание Линкика. + Вы когда-нибудь задумывались, почему мы взяли за основу двенадцатеричную систему счисления?

+ С точки зрения математики это самый удобный вариант. Надо помнить только одиннадцать цифр и ноль. К тому же возможен неограничен-

ный диапазон действий. Делится на один, два, три, четыре и шесть. Прекрасная основа. +

+ И это все? +

+ Этого достаточно. +

+ А вы никогда не задумывались, что в далеком прошлом, еще на заре нашего рода человеческого, мы, впервые начав считать, по своей наивности использовали в качестве основной системы свои пальцы? + Он положил руки на стол и посмотрел на свои двенадцать пальцев. + Разве это так уж невозможно? +

+ Возможно. Но это лишь теория. С таким же успехом вы могли бы сказать, что, будь у нас по пять пальцев на каждой руке, мы бы взяли за основу десять. +

Линкика внезапно побледнел и одним глотком осушил свой бокал. Самообладание вернулось к нему.

+ Интересное число. Вы его выбрали случайно? Или же в математике использовалась десятеричная система, подобно двоичной системе в компьютерах? +

+ Не помню. Но это довольно легко выяснить. +

Дехан не спеша пересек комнату и подошел к одному из выводов компьютера, которые служили одним из элементов внутренней отделки

всех общественных мест. У него был большой опыт в области работы с компьютером, очень большой опыт; и в своем стремлении вскрыть самые глубокие потаенные факты он был упрям до беспощадности, а эта задача показалась ему элементарной по сравнению с другими. Он всегда знал, какие вопросы ему следует задавать. И сейчас его пальцы безостановочно двигались по клавишам пульта управления, меняя отображение информации почти в тот же момент, как оно появлялось на дисплее. Через местный компьютер его сигналы передавались на пространственный, связанный через передатчики материи со всеми галактическими банками памяти, хранящими данные по математике, истории и даже далеко, казалось бы, отстоящим от данной задачи другим наукам. Получив ответ, он быстро вернулся к столу и отпил из бокала.

+ Интересную информацию выдала мне машина. Когда-то — о боже, боже, как же давно это было! — повсеместно использовалась именно десятеричная система счисления, которую впоследствии заменили на двенадцатеричную, явно из-за превосходства последней. Так что от теории с пальцами придется отказаться. +

+ Не так быстро. Мои исследования выявили

неизвестный до сих пор факт, что когда-то у большей части человечества было только по десять пальцев на руках. +

+ Совпадение, не больше. + В глубине души Дехан не верил в то, что сам говорил.

+ Возможно. Но если моему факту есть объяснение, то каково оно? Если два факта взаимосвязаны, то вытекающий из этого логического уравнения результат может существовать в одном из двух вариантов. Переход от десятеричной системы счисления к двенадцатеричной повлек за собой изменение количества пальцев. +

+ Совершенно немыслимо. +

+ Согласен. Поэтому мы должны рассмотреть альтернативный вариант, а именно: человеческая раса исчезла в результате какой-то значительной мутации, кардинальных изменений или военного конфликта. Возможно, существовало противостояние двух враждующих групп населения, и в разразившейся между ними войне люди с двенадцатью пальцами победили людей с десятью… +

+ Подобной войны никогда не было. Я бы знал о ней. +

+ Разумеется. Но согласитесь, вопрос довольно интересный. +

Некоторое время они молча потягивали напиток и наблюдали, как дневной свет постепенно заливает долину. Утренние туманы испарились с первыми же лучами огромного оранжевого солнца, брызнувшими из-за острых вершин грозных, величественных скал. У реки раскинулся целый поселок из примитивных хижин, и, чтобы разглядеть их получше, Дехан тронул рычажки управления окном. В то же мгновение изображение увеличилось настолько, что возникло ощущение, будто они находятся среди хижин. Голубокожий абориген неуклюже перешагнул порог одной из них и широко зевнул, обнажая торчащие в длинных, как у ящера, челюстях ряды впечатляющих острых зубов. Существо подобрало палку и с раздражением ткнуло ее в глубокие складки кожи, холодно созерцая при этом нарастающее с каждой минутой пробуждение природы.

+ Пленники времени, + произнес Линкика. + Когда-то и мы были такими же. Сама жизнь подтверждает теорию о сущности бытия. +

+ Что вы имеете в виду? +

+ Этих созданий. Их жизненный цикл связан с вращением планеты. Они спят в темное время суток и бодрствуют днем. +

+ Но это неестественно! +

+ Вовсе нет. Для любого организма, живущего на планетах, это вполне естественно. Нам потребовались тысячи поколений, чтобы преодолеть зависимость от цикла бодрствование/сон и прийти к нынешнему состоянию, при котором мы спим лишь тогда, когда устаем, причем нам достаточно непродолжительного сна. +

+ Не представляю себе, как может быть иначе. Если все же допустить, что кардинальные изменения действительно имели место, то что могло послужить причиной? +

+ Но это же очевидно! Двери. Их повсеместное использование, несомненно, повлекло за собой перемены, коснувшиеся всех сторон нашей жизни.

Дехан в удивлении приподнял брови:

+ Значит, вы — один из тех, кто не верит в существование Дверей с момента зарождения жизни во Вселенной? +

+ Сказка для детей. Двери — творение рук человека, и мы до сих пор продолжаем их производить. Хотя сейчас они представляют собой единый узел, прочный, неразъемный блок; конструкцию, практически не поддающуюся разрушению. Они не всегда были такими. В музеях

можно найти более ранние модели. Вы никогда не задавались вопросом, почему Двери всегда двойные? Всегда. +

+ Никогда не задумывался над этим. А разве их конструкция может быть иной? Мне она представляется такой естественной. +

+ Этому есть причина. Один инженер сказал мне: как ни совершенен механизм Двери, в нем случаются сбои, хоть и крайне редко. Если подобное когда-либо произойдет, то вторая Дверь всегда наготове. Ведь таких мест, где оставшемуся без Двери не позавидуешь, сколько угодно. +

+ Вы правы, + сказал Дехан, невольно поежившись при одной мысли о своей комнате.

Она находилась в самой толще скалы — в недрах мира, чье название он забыл. Он никогда не выходил на поверхность планеты, потому что там не было воздуха. В поисках драгоценных металлов на планете когда-то разрабатывались рудники, и в самом сердце каменных гор были пробиты огромные штольни. Когда запасы руды подошли к концу, штольни залили расплавленным шлаком. С промежутками. В результате получились своего рода отсеки, достаточно просторные, чтобы их можно было использовать как жилье, — в конце концов, человек имеет право

на частную жизнь. Каждый отсек снабдили Дверью. Без Дверей они были бы просто пузырями в скале. Любого оказавшегося внутри одного из них ожидала бы медленная смерть в одиночестве и забвении.

+ Логически рассуждая, можно прийти к единственному заключению, + сказал Линкика. + Очевидно, было время, когда человечество не располагало Дверьми, — как невероятно это ни казалось бы для нас. +

+ Значит, вы — сторонник теории развития человечества из одного первоисточника, а не из многих? +

+ Конечно. Во-первых, биология как наука отрицает возможность появления одного и того же вида в разных местах, а затем последующее смешение. И так же, как было время, когда мы жили без Дверей, было и время, когда мы, словно в заключении, обитали лишь в какой-то одной ограниченной области пространства. +

+ То есть на одной планете? +

+ Не я, но вы пришли к такому выводу, + улыбнулся Линкика. + Подобные мысли могут завести нас слишком далеко. +

+ Почему же? Я не тороплю вас с выводами, поскольку я такой же горячий приверженец теории

развития человечества из одного первоисточника, как и вы, хотя сейчас и не принято придерживаться этой теории. Я пойду даже дальше. Я уверен, что нашей прародиной действительно когда-то была одна-единственная планета. Так же как и у тех созданий снаружи, аборигенов этого мира, неспособных покинуть его.

+ Вынужден согласиться с вами. Я признаю изменение физического облика, но, честно говоря, никогда не предполагал, что ему должны сопутствовать изменения в интеллекте. Вполне возможно, что при зарождении человечества мы были так же примитивны, как здешние аборигены. Но если так, то, очевидно, была лишь одна планета, на которой и возникло человечество. +

+ Я уже давно так думаю. За время своей работы я проследил весь путь человечества от наших дней назад, в глубь веков, — конечно, насколько это было возможно. И всегда я сталкивался с явлением, когда простое перерастает в более сложное. Я завершил свои исследования и думаю, что полностью раскрыл неведомое нам доселе. +

Линкика на мгновение закрыл глаза, всем своим видом показывая, как высоко он оценивает заслуги ученого.

+ Не хотите ли вы сказать, что обнаружили этот

протомир — нашу прародину? +

+ Возможно. Хотя порой меня одолевают сомнения. Я просмотрел все записи по нашей истории, даже самые древние, касающиеся событий невероятно далекого от нас времени. Я не совсем уверен, что найденная мной планета — та самая, но только древнее ее нет. +

+ Не будете ли вы так любезны сообщить мне ее код? +

+ С удовольствием. + И Дехан вслух произнес комбинацию цифр. + Более того, мы можем отправиться туда прямо сейчас и взглянуть на нее собственными глазами. +

+ Вы так добры. Признаться, я даже не ожидал такой любезности с вашей стороны. +

+ Буду рад пойти туда вместе с вами. Столь немногие проявляют интерес к этой теме. +

Дехан первым прошел сквозь Дверь. Оба очутились в небольшой комнате, обстановка которой отличалась чрезвычайной простотой.

+ Люди так редко приходят сюда, что это помещение чаще всего бывает закрыто. Взгляните, все мои посещения зафиксированы на счетчике. До меня в последний раз здесь были многие тысячи единиц времени тому назад. + Он посмотрел на показания контрольных приборов и удовлетво-

ренно кивнул. + Воздух, температура — все в норме. +

Отперев дверь, они прошли в длинную, похожую на коридор комнату. С одной стороны в стене находились наблюдательные амбразуры, все остальное пространство было занято шкафами и дисплеями.

+ Никаких признаков жизни, + сказал Линкика, посмотрев в одну из амбразур на мертвый высохший мир.

Солнце, немногим более яркое, чем остальные звезды, в черном небе выглядело холодным немерцающим диском. Жизнь давно покинула эту планету, воздух улетучился, вода испарилась, и лишь голые скалы и бесплодные пески однообразно и уныло тянулись до самого горизонта. Однако ближайшие огромные монолиты, покрытые трещинами и изъеденные временем, все еще носили на себе следы обработки, напоминая о создавшем их разуме.

+ В этих шкафах хранится несколько найденных здесь предметов, о назначении которых нужно еще догадаться. +

Линкика с живейшим интересом повернулся к нему, ожидая увидеть нечто, потрясающее воображение. Однако оживление на его лице потухло

и сменилось разочарованием.

+ Все это может оказаться… ничем, + заметил он, указывая на бесформенные, тронутые временем глыбы металла и камня.

+ Знаю. Но чего еще можно ждать от мертвой планеты? +

+ Ничего, вы совершенно правы. +

Линкика еще раз глянул на обломки — немые свидетели ушедших веков, — затем снова перевел взгляд на безжизненную равнину и вздрогнул, словно от холода, хотя в помещении было тепло и уютно.

+ Такое ощущение, будто все тысячелетия, что пронеслись над этим миром, — а их было намного больше, чем я могу себе представить, — давят на меня своей непомерной тяжестью. Теперь я вижу, как мимолетен непродолжительный период моей жизни и как она незначительна. +

+ Я и сам не раз чувствовал здесь то же самое. Говорят, что человеческий разум не в состоянии вместить в себя идею собственной смерти, но, когда я здесь, я начинаю понимать, каким образом может вымереть биологический вид. Если бы не Дверь, мы навсегда остались бы на этой планете, словно в ловушке, и умерли бы здесь, как если бы то был единственный известный нам мир. +

+ Хорошо, что это не так. Для человека не существует границ. Мы правим повсюду. +

+ Но как долго? Не подобна ли одна галактика — в бесконечности времени — одной планете? Не умрет ли она? Или — разве нас не может вытеснить какое-либо иное существо? Кто сильнее нас, совершеннее и лучше. Должен сказать, что в мои сны частенько врывается этот кошмар. Ведь Двери — повсюду. Разве не может оказаться одна из них там, где не следовало бы? Скажем, на планете, где то самое более сильное и совершенное существо, готовое к вторжению, дожидается удобного момента, чтобы незаметно проникнуть к нам, жить среди нас, постепенно нас вытесняя. Чтобы на вечные времена положить конец нашему существованию. +

+ Вполне вероятно, + согласился Линкика. + Нет ничего невозможного в нескончаемом потоке вечности. Думаю, что для нас вытеснение произойдет безболезненно. Впрочем, об этом мы никогда не узнаем. На что вы показываете? Что это? +

+ Подойдите сюда. Я хотел поговорить с вами прежде, чем вы увидите эту последнюю находку. +

Они приблизились к ней, и освещение сразу

усилилось, так что они без помех смогли разглядеть изображение незнакомого им существа. На рисунок — или фотографию — был нанесен толстый защитный слой из прозрачного материала, и, несмотря на почтенный возраст изображения, многие детали на нем хорошо различались.

+ Что это за существо? + спросил Линкика. + Оно очень похоже на человека. Но, взгляните, в отличие от нас на его черепе есть шерсть, к тому же на глазах нет мигательной перепонки. Другое строение организма, суставы… и обратите внимание: на каждой руке по пять пальцев, всего десять… +

Он умолк, пораженный внезапной мыслью, пришедшей ему в голову, и с безмолвным удивлением повернулся к Дехану. Тот медленно кивнул:

+ Именно это и пугает меня. В надписи под изображением указано имя одного из вождей настолько великих, что я обнаружил ссылки на него в нескольких источниках. В наших источниках. В древних записях. Я гляжу на этого человека, и для меня становится очевидным… +

+ Но ведь люди — это мы! +

+ А так ли это? Мы называем себя людьми и владеем наследием человечества. Но разве не могло

произойти — как мы недавно теоретизировали — вытеснение человечества? Что мы попросту вытеснили их? +

+ В таком случае кто же мы? + Линкика содрогнулся от догадки, промелькнувшей в голове.

+ Мы? Сейчас мы являемся человечеством. И если не по кровному родству, то по общему культурному наследию. Но не это волнует меня. Мои мысли более эгоистичны. +

Он надолго замолчал, и от воцарившейся тишины помещение казалось таким же мертвым, как сама планета.

+ Меня ни на секунду не оставляют эти мысли. Кто же тот, ждущий за Дверью, который со временем — возможно, очень скоро — вытеснит нас? +

Охотник с большой буквы

Перевод П. Киракозова

— А вам известно, мистер Лэм, что еще никому не удавалось повесить над камином голову венерианского болотника? — произнес в микрофон Годфри Шпингль и пододвинул его собеседнику.

— Отлично известно. Я перечитал все отчеты и тщательнейшим образом изучил все материалы. Именно это и привело меня на Венеру. На Земле даже самые лучшие охотники называют меня Охотником с большой буквы. А теперь, как мне кажется, настала пора удостоиться этого почетного звания и на Венере.

— Благодарю вас, мистер Лэм. И позвольте от имени Межпланетной компании новостей и нашей многомиллионной аудитории пожелать вам всяческих успехов. Интервью вел Годфри Шпингль из Гнилтауна, Венера. Конец. — Он щелкнул выключателем и уложил микрофон в чемоданчик с рекордером.

Где-то позади них вдруг раздался рев, и, пронзая насыщенную влагой атмосферу, в небо унесся

очередной челнок. Лэм подождал, пока рев не стихнет, и только после этого заговорил:

— Поскольку с интервью, видимо, покончено, не будете ли вы так добры показать мне, какое из этих… — он указал на кучку торчащих вкривь и вкось обшарпанных строений, — зданий является отелем?

— Никакое. — Шпингль поднял с пола пару сумок Лэма. — Неделю назад он утонул в болоте. Но не беспокойтесь, я подыскал вам койку на одном из складов.

— Очень мило с вашей стороны, — поблагодарил Лэм, поднимая оставшиеся два чемодана и с трудом волоча их за своим длинноногим благодетелем. — Страшно неудобно причинять вам столько хлопот.

— Да будет вам, — отозвался Шпингль, в голосе которого, однако, отчетливо слышались плаксивые нотки. — Ведь до того, как отель засосало в трясину, я был его управляющим. А еще я имею честь являться начальником таможни и главным почтмейстером. Народу у нас здесь не так много — да и откуда ему здесь взяться.

Шпингль явно оплакивал свою загубленную в этой болотной глуши жизнь и негодовал на столь несправедливо обошедшуюся с ним жизнь. Он,

такой высокий, сильный и красивый, вынужден до конца дней своих заживо гнить в этой вонючей дыре. А в то же самое время Лэм, этот низенький толстячок в очках с толстыми стеклами, был знаменит, да еще как охотник! Где же тут справедливость?

Как только багаж наконец оказался на отсыревшем бетонном полу, Лэм тут же принялся рыться в вещах.

— Думаю сходить на болота прямо сейчас. Быстренько подстрелю болотника и тут же назад, пока не стемнело. Ночку проведу здесь, а утренней ракетой — назад. Если не трудно — вызовите проводника.

— Проводник — это я. — Шпингль с трудом удерживался от смеха. — Послушайте, а вам не кажется, что вы, ну скажем, переоцениваете свои силы? Ведь болотники умеют плавать, летать, незаметно подкрадываться и бросаться с деревьев. Они крайне осторожны, умны и безжалостны. Еще ни одному человеку не удавалось подстрелить болотника.

— А мне удастся, — сказал Лэм, доставая из сумки серый плащ и надевая его. — Охота — это целая наука, и только мне удалось ее осилить. У меня не бывает неудачных охот. Подайте мне,

пожалуйста, вон ту голову.

Шпингль, не говоря ни слова, передал ему большую, сделанную из папье-маше голову с нарисованными на ней белыми клыками и красными глазами. Лэм тут же напялил ее на себя, затем натянул серые перчатки, за которыми последовали серые сапоги со свисающими с них белыми когтями.

— Ну и как я, по-вашему? — спросил он.

— Вылитая жирная болотная крыса, — ахнул Шпингль.

— Прекрасно. — Лэм достал из сумки сучковатую палку и сунул ее между клыками маски. — Что ж, мистер Шпингль, если вы не против, то можно выступать.

Лишившийся от удивления дара речи, Шпингль молча пристегнул кобуру с пистолетом и повел охотника в джунгли.

— Я на минуту задержусь здесь, — сказал Лэм, когда последние домишки скрылись позади них в тумане, — а потом пойду по вашим следам. Только прошу вас, будьте очень осторожны. Насколько мне известно, эти болота крайне опасны.

— Ха, опасны! Сказать так — значит не сказать ничего вообще. Послушайтесь моего совета, Лэм, улетайте.

— Благодарю за заботу, мистер Шпингль, — послышался приглушенный уродливой головой ответ, — но я все же рискну.

Шпингль отправился вперед. Коли так, то пускай этот идиот делает что хочет. Ему нипочем не миновать быть сожранным либо болотником, либо какой-нибудь другой хищной тварью. А после того, как его постигнет кара за самоуверенность, можно будет спокойно порыться в его багаже. Наверняка там найдется немало ценного…

В этот момент над затянутым зловонным туманом болотом разнесся характерный звук выстрела из бластера — и на мгновение опешивший от неожиданности Шпингль круто развернулся и бросился обратно, вытаскивая на бегу пистолет.

Но оружие ему так и не понадобилось. Лэм сидел на полусгнившем стволе упавшего дерева. Свою уродливую голову-маску он уже снял и положил рядом с собой на землю и теперь вытирал пот со лба огромным носовым платком. Неподалеку от него, полускрытый растущими на опушке кустами, валялся клыкастый, с когтистыми крыльями ядовито-зеленого цвета, мертвый болотник, даже после смерти нагоняющий страх.

— Как же… — запинаясь пробормотал Шпингль. — Что… вы… как?

— Все очень просто, — отозвался Лэм, вытаскивая из кармана фотоаппарат. — Несколько лет назад я сделал одно открытие. Я понял, что из меня никудышный ходок, что я подслеповат, паршивый следопыт и ровным счетом ничего не знаю о лесе. Единственное мое достоинство — я неплохой стрелок. Я всегда мечтал стать охотником, но мне никогда не удавалось подкрасться к зверю достаточно близко, чтобы подстрелить его. И вот тогда я, руководствуясь неопровержимыми законами логики, решил поменяться с добычей ролями и сам стать лакомой добычей для любого охотника. Я рассудил, что в животном царстве все крупные хищники — прирожденные охотники и убийцы, так стоит ли мне тягаться с ними? Вместо этого я начал маскироваться под их обычную добычу, и теперь не я выслеживал их, а они выслеживали меня, а потом нападали. Ну и разумеется, таким образом давали мне возможность пристрелить их. Однажды под видом сернобыка я, накинув на себя шкуру и приладив к голове рога, присел на берегу ручья. И что вы думаете? Моей добычей почти тут же стал огромный леопард. В качестве медлительной зебры я добыл не одну дюжину львов. То же я сделал и здесь. Я внимательнейшим образом изучил вопрос и

выяснил, что практически единственной пищей болотников является гигантская болотная крыса, rattus venerius. Поэтому я стал крысой — и вот вам результат. — Он навел фотоаппарат на мертвого зверя и сделал снимок.

— Но где же ваше оружие?

Лэм указал на прислоненную к бревну сучковатую палку, которую, отправляясь на охоту, он сунул в зубы маски. — Пришлось замаскировать бластер. А то эти твари сразу бы распознали оружие.

Тут Шпинглю в голову пришла сногсшибательная идея. Вот лежит мертвый болотник, а вот стоит он, Шпингль, с пистолетом в руках. Кроме него, никто ничего не знает. Лэм упокоится в бездонной трясине, а Охотником с большой буквы станет он сам. Лучшим охотником обеих планет. Он поднял пистолет.

— Ну, тогда прощай, дурачок, — сказал он. — И спасибо за науку.

Лэм при этих словах лишь улыбнулся и нажал кнопку вспышки на своем аппарате. И не успел Шпингль выстрелить, как скрытый в камере бластер аккуратно продырявил его.

Лэм сокрушенно покачал головой:

— Что за люди. Сколько им ни говори — все

впустую. Я же ясно сказал, что я — лакомая добыча для любого охотника. Так, значит, теперь у меня на счету один болотник и тринадцать… нет, теперь уже четырнадцать незадачливых убийц.

Соседи

Перевод А. Корженевского

ЛЕТО

Августовское солнце било в открытое окно и жгло голые ноги Эндрю Раша до тех пор, пока это неприятное ощущение не вытащило его из глубин тяжелого сна. Очень медленно он начал осознавать, что в комнате жарко и что под ним влажная, усыпанная песчинками простыня. Он потер слипшиеся веки и полежал еще немного, уставясь в потрескавшийся грязный потолок. В первые мгновения после сна он не мог сообразить, где находится, хотя прожил в этой комнате более семи лет. Потом он зевнул, и, пока шарил рукой в поисках часов, которые всегда клал перед сном на стул рядом с кроватью, странное ощущение растерянности прошло. Энди снова зевнул и, моргая, взглянул на стрелки часов с поцарапанным стеклом. Семь… Семь утра, и маленькая цифра «девять» в середине квадратного окошка — понедельник, девятое августа 1999

года. Семь утра, а уже жарко, как в печи: город словно замер в душных объятиях жары, которая одолевала Нью-Йорк вот уже десять дней. Энди почесался и подмял подушку под голову. Из-за тонкой перегородки, делившей комнату надвое, послышалось жужжание, быстро перешедшее в пронзительный визг.

— Доброе утро, — произнес он громко, пытаясь перекричать этот звук, и закашлялся.

Кашляя, Энди нехотя встал и побрел в другой конец комнаты, чтобы налить стакан воды из настенного бачка. Вода потекла тонкой коричневой струйкой. Энди сделал несколько глотков, потом постучал костяшками пальцев по окошку счетчика на бачке, стрелка которого дрожала почти у самой отметки «Пусто». Не забыть бы наполнить бачок до того, как он уйдет к четырем на дежурство в полицейский участок. День начался.

На дверце покосившегося шкафа висело зеркало во весь рост, треснувшее снизу доверху. Энди почти уткнулся в него лицом, потирая заросшую щетиной щеку. Перед уходом надо будет побриться. «Не стоит смотреть на себя, голого и неопрятного, в зеркало спозаранку», — подумал он неприязненно, хмуро разглядывая свои кривоватые ноги, обычно скрытые брюками,

и мертвенно-бледную кожу. Ребра торчат, как у голодной клячи… И как он только умудрился при этом отрастить живот? Он потрогал дряблые мышцы и решил, что все дело в крахмалосодержащей диете и сидячем образе жизни. Хорошо хоть не полнеет лицо. Лоб с каждым годом становится все выше и выше, но это как-то не очень заметно, если стричь волосы коротко.

«Тебе всего тридцать, — подумал он, — а вокруг глаз уже столько морщин. И нос у тебя слишком большой. Кажется, дядя Брайен говорил, что это из-за примеси уэльской крови. И передние зубы у тебя выступают больше, чем положено, отчего, улыбаясь, ты немного похож на гиену. Короче, Энди Раш, ты настоящий красавчик, и странно, что такая девушка, как Шерл, не только обратила на тебя внимание, но даже поцеловала».

Он скорчил своему отражению рожу и пошел искать платок, чтобы высморкать свой выдающийся уэльский нос.

Чистые трусы в ящике оказались только одни; он натянул их и напомнил себе еще об одном деле на сегодня — обязательно постирать. Из-за перегородки все еще доносился пронзительный визг. Энди толкнул дверь и вошел.

— Ты так заработаешь себе сердечный приступ,

Сол, — обратился он к мужчине с седой бородой, сидящему на велосипеде без колес.

Мужчина с ожесточением крутил педали; по его груди градом катился пот и впитывался в повязанное вокруг пояса полотенце.

— Никогда, — выдохнул Соломон Кан, не прекращая работать ногами. — Я делал это каждый день так долго, что моему моторчику, скорее всего, не поздоровится, если я вдруг перестану. Опять же, в моих сосудах нет холестерина, потому что регулярные алкогольные промывания этому способствуют. И я не заболею раком легких, поскольку не могу позволить себе курить, даже если бы хотел, но я еще и не хочу. В семьдесят пять лет у меня нет простатита, потому что…

— Пожалуйста, Сол, избавь меня от таких подробностей на голодный желудок. Ты не одолжишь мне кубик льда?

— Возьми два — сегодня жарко. Но не держи дверцу открытой слишком долго.

Энди открыл маленький низенький холодильник у стены, быстро достал пластиковую коробочку с маргарином, затем вынул из формочки два кубика льда, бросил в стакан и захлопнул дверцу. Наполнил стакан водой из бачка и поставил на стол рядом с маргарином.

— Ты уже ел? — спросил он.

— Сейчас я к тебе присоединюсь. Эти штуки, должно быть, уже зарядились.

Сол перестал крутить педали, визг перешел в стон и затих. Он отсоединил провода генератора от задней оси велосипеда и аккуратно сложил их рядом с четырьмя черными автомобильными аккумуляторами, стоявшими на холодильнике. Затем вытер руки о грязное полотенце, придвинул к столу сиденье от допотопного «форда» модели 75-го года и сел напротив Энди.

— Я слушал шестичасовые новости, — сказал он. — Старики проводят сегодня еще один марш протеста. Вот где будет много сердечных приступов!

«Слава богу, я на дежурстве с четырех и Юнион-сквер не в нашем районе».

Энди открыл маленькую хлебницу, достал красный крекер размером не более шести квадратных дюймов и пододвинул хлебницу Солу. Потом намазал на крекер тонкий слой маргарина, откусил кусочек и, сморщившись, принялся жевать.

— Я думаю, что маргарин уже испортился.

— Как это ты определяешь, интересно? — хмыкнул Сол, кусая сухой крекер. — По-моему, все, что делается из машинного масла и китового жира,

испорчено с самого начала.

— Ты говоришь, как натурист, — заметил Энди и запил крекер холодной водой. — У жиров, получаемых из нефтепродуктов, почти нет запаха, и ты сам прекрасно знаешь, что китов совсем не осталось и китовый жир взять неоткуда. Это обычное хлорелловое масло.

— Киты, планктон, селедочное масло — это все одно и то же. Все отдает рыбой. Я лучше буду есть крекеры всухомятку, зато у меня никогда не отрастут плавники…

Неожиданно в дверь быстро постучали.

— Еще восьми нет, а они уже посылают за тобой, — простонал Сол.

— Это может быть кто угодно, — сказал Энди, направляясь к дверям.

— Это стучит курьер, и ты знаешь об этом не хуже меня. Я готов спорить на что угодно. Ну вот видишь? — Сол с мрачным удовлетворением кивнул, когда за дверью в полутьме коридора обнаружился тощий босоногий курьер.

— Что тебе надо, Вуди? — спросил Энди.

— Мне ницего не нузно, — прошепелявил Вуди, разевая беззубый рот. Ему было всего двадцать с лишним, а во рту уже не осталось ни одного зуба. — Лейтенант сказал: «Неси» — я и принес.

Он вручил Энди складную дощечку с сообщением, на обороте которой значилось его имя.

Энди повернулся к свету и стал разбирать каракули лейтенанта, после чего взял кусок мела, нацарапал под сообщением свою фамилию и отдал дощечку курьеру. Закрыв за ним дверь, он вернулся к столу и, задумчиво нахмурившись, принялся доедать завтрак.

— Не надо на меня так смотреть, — сказал Сол. — Не я же тебя вызвал… Я буду прав, если предположу, что это не самое приятное задание?

— Это старики. Они уже запрудили всю площадь, и соседний участок требует подкреплений.

— Но почему ты? Похоже, это занятие для рабочей скотины.

— Рабочая скотина! Откуда у тебя этот средневековый жаргон? Конечно, там нужны патрули — усмирять толпу, но нужны и детективы, чтобы выявить агитаторов, карманников, грабителей и прочих. Там сегодня будет черт знает что! Мне приказано явиться к десяти, так что я еще успею сходить за водой.

Энди неторопливо надел брюки и широкую спортивную рубашку, потом поставил на подоконник банку с водой, чтобы погрелась на солнце. Взял две пятигаллоновые пластиковые

канистры. Сол оторвался от телевизора и взглянул ему вслед поверх старомодных очков.

— Когда вернешься с водой, я приготовлю тебе выпить. Или, может, еще слишком рано?

— Сегодня у меня такое настроение, что в самый раз.

Когда дверь квартиры была закрыта, в коридоре царила кромешная темнота. Ругаясь, Энди стал ощупью пробираться вдоль стены к лестнице. По дороге он едва не упал, споткнувшись о кучу мусора, выброшенного кем-то на пол. Этажом ниже в стене была пробита дыра, в которую проникал свет, и Энди без проблем преодолел оставшиеся два пролета. После сырого подъезда жара на Двадцать пятой улице нахлынула на него волной удушающей вони: пахло гнилью, грязью и немытыми человеческими телами. На крыльце сидели женщины. Пришлось пробираться между ними, стараясь в то же время не наступить на играющих ребятишек. На тротуаре, куда еще падала тень, толпилось столько людей, что Энди был вынужден пойти по мостовой, подальше обходя высокие кучи мусора, наваленные вдоль дороги. От жары, стоявшей несколько дней, асфальт плавился и прилипал к подошвам ботинок. К красной колонке гидранта на углу Седьмой

авеню, как обычно, тянулась очередь. Когда Энди подошел поближе, очередь вдруг распалась. Послышались сердитые выкрики. Кое-кто стал размахивать кулаками. Вскоре люди разошлись, все еще бормоча, и Энди увидел, как дежурный полисмен запирает стальную дверь.

— Что происходит? — спросил он. — Я думал, что гидрант работает до полудня.

Полицейский обернулся, привычно схватившись за пистолет, но, узнав детектива со своего участка, сдвинул форменную фуражку на затылок и стер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Только что получил приказ от сержанта. Все гидранты закрываются на двадцать четыре часа. Засуха. В резервуарах низкий уровень воды, так что приходится экономить.

— Ничего себе приказ, — сказал Энди, глядя на торчавший в замке ключ. — Мне сегодня идти на дежурство, значит я останусь без воды на целых два дня…

Осторожно оглядевшись, полицейский отпер дверь и взял у Энди одну канистру.

— Одной тебе пока хватит. — Он сунул ее под кран и, пока канистра наполнялась, добавил, понизив голос: — Ты никому не рассказывай, но прошел слух, что на северной окраине города

снова взорван акведук.

— Опять фермеры?

— Должно быть. До перехода в этот округ я патрулировал акведуки — работенка не сахар, должен тебе сказать. Они запросто могут взорвать тебя вместе с акведуком. Говорят, город, мол, крадет у них воду.

— У них ее и так достаточно, — сказал Энди, забирая полную канистру. — Больше чем нужно. А здесь, в городе, тридцать пять миллионов человек, и все хотят пить.

— Кто спорит? — вздохнул полицейский, захлопнул дверь и запер ее на замок.

Снова пробравшись сквозь толпу на ступеньках, Энди пошел на задний двор. Все туалеты оказались заняты — пришлось ждать. Когда наконец один освободился, Энди потащил канистры с собой в кабинку, иначе кто-нибудь из детей, игравших среди куч мусора, наверняка украл бы их.

Одолев темные лестничные пролеты еще раз, Энди открыл дверь и услышал чистый звук ледяных кубиков в стакане.

— У тебя тут прямо Пятая симфония Бетховена, — сказал он и, поставив канистры, упал в кресло.

— Это моя любимая мелодия, — отозвался Сол, доставая из холодильника два охлажденных стакана.

Торжественно, словно исполняя религиозный ритуал, он бросил в каждый из них по крошечной, похожей на жемчужину луковичке. Один стакан он вручил Энди, и тот осторожно глотнул холодную жидкость.

— Когда я пробую что-нибудь вроде этого, Сол, то в такие минуты почти верю, что ты все-таки не сумасшедший. Почему эта штука называется «Гибсон»?

— Тайна, покрытая мраком. Почему «Стингер» — это «Стингер», а «Розовая леди» — это «Розовая леди»?

— Не знаю. Никогда не пробовал.

— Я тоже не знаю, но так уж они называются. Как та зеленая мешанина, что продают в «обалделовках», — «Панама». Просто название, которое ничего не значит.

— Спасибо, — сказал Энди, осушив стакан. — День кажется мне уже не таким плохим.

Он прошел на свою половину комнаты, достал из ящика пистолет в кобуре и прицепил к поясу с внутренней стороны брюк. Значок полицейского болтался на кольце вместе с ключами — там Энди

всегда его и держал. Сунув в карман записную книжку, он на мгновение задумался. День предстоял долгий и трудный, и все могло случиться. Он достал из-под стопки рубашек наручники и мягкую пластиковую трубку, наполненную дробью. Может пригодиться в толпе; к тому же, когда вокруг много людей, это даже надежнее. Опять же, новое предписание экономить боеприпасы. Чтобы тратить патроны, нужно иметь на это весьма вескую причину. Энди вымылся как мог пинтой воды, нагревшейся на подоконнике от солнца, и принялся тереть лицо кусочком шершавого, словно с песком, мыла. На бритве с обеих сторон уже появились зазубрины, и, подтачивая ее о край столика, Энди подумал, что пора доставать где-то новую. Может быть, осенью.

Когда он вышел из своей комнаты, Сол старательно поливал ряды каких-то трав и крохотных луковиц, растущих в ящике на окне.

— Смотри, чтобы тебе не подсунули деревянный пятак, — произнес он, не отрываясь от своего занятия.

Пословиц Сол знал миллион. И все старые. Но что такое «деревянный пятак»?

Солнце поднималось все выше и выше, и в асфальтово-бетонном ущелье улицы становилось

все жарче. Полоска тени от здания угла стала у́же, и в подъезд набилось столько людей, что Энди едва протиснулся к дверям. Он осторожно пробрался мимо маленькой сопливой девчонки в грязном нижнем белье и спустился еще на одну ступеньку. Тощие женщины неохотно отодвигались, даже не глядя на него, зато мужчины смотрели с холодной ненавистью, словно отпечатавшейся на их лицах, отчего все они казались ему похожими — будто из одной злобной семьи. Наконец Энди выбрался на тротуар, где ему пришлось переступить через вытянутые ноги лежавшего старика. Старик выглядел не спящим, а скорее мертвым, что, впрочем, было вполне вероятно. От его грязной ноги тянулась веревка, к которой привязали голого ребенка. Такой же грязный, как и старик, ребенок сидел на асфальте и бездумно грыз край гнутой пластиковой тарелки. Веревка, пропущенная под руками-тростинками, была завязана у него на груди, над вздувшимся от голода животом.

Даже если старик умер, это не имело никакого значения: единственное, что от него требовалось, — это служить своеобразным якорем для ребенка, а такую работу он мог с одинаковым успехом выполнять как живой, так и мертвый.

На улице Энди вспомнил, что снова не сказал Солу о Шерл. Это было бы несложно, но он, словно избегая разговора, продолжал забывать. Сол часто рассказывал, каким жеребцом он был и как развлекался с девчонками, когда служил в армии. Он поймет.

Они ведь всего лишь соседи. Не больше. Друзья, конечно. И если он приведет девушку, которая будет с ним жить, это ничего не изменит.

Почему же он опять ничего не сказал?

ОСЕНЬ

— Говорят, что такого холодного октября никогда не было. Я тоже не припомню. И дождь… Не настолько сильный, чтобы наполнить бак или еще что-нибудь, зато ходишь все время мокрая и от этого еще больше зябнешь.

Шерл кивала, почти не прислушиваясь к словам, но по интонации поняла, что ее о чем-то спросили. Очередь двинулась вперед, и она сделала несколько шагов за говорившей. Женщина, этакий бесформенный ком тяжелой одежды, прикрытый рваным пластиковым плащом, была подпоясана веревкой и от этого походила на туго набитый мешок. «Пожалуй, я выгляжу не лучше», — подумала Шерл и натянула на голо-

ву одеяло, пытаясь укрыться от непрестанной мороси. Совсем немного осталось, впереди всего несколько десятков человек. Стояние в очереди заняло гораздо больше времени, чем она думала: уже почти стемнело. Над автоцистерной загорелся свет и отразился в ее черных боках. Стало видно, как медленно сеется дождь. Очередь снова продвинулась. Женщина, стоявшая впереди Шерл, переваливаясь, потащила за собой ребенка — такой же, как и она сама, бесформенный ком; лицо укутано шарфом. Ребенок то и дело хныкал.

— Прекрати, — сказала женщина и повернулась к Шерл: красное, одутловатое лицо, почти беззубый рот. — Он плачет, потому что мы были у врача. Доктор думал, что у него что-то серьезное, а всего-навсего квош. — Она показала Шерл распухшую, словно надутую руку ребенка. — Это легко определить, когда они так распухают и на коленках появляются черные пятна. Чтобы попасть к врачу, пришлось просидеть две недели в клинике Бельвью, хотя он мне сказал то, что я и так уже знала. Но это единственный способ добыть рецепт. Получила талоны на ореховое масло. Мой старик его очень любит. А ты живешь в нашем квартале, да? Кажется, я тебя там уже

видела.

— На Двадцать шестой улице, — ответила Шерл, снимая с канистры крышку и пряча ее в карман пальто. Ее знобило, — похоже, она заболела.

— Точно. Я так и думала, что это ты. Без меня не уходи, пойдем домой вместе. Уже поздно, а тут полно шпаны — воду отбирают. Они всегда ее могут потом продать. Вот миссис Рамирес в моем доме… Она пуэрториканка, но, вообще-то, своя, их семья жила в этом доме со Второй мировой войны. Ей так подбили глаз, что она теперь ничего не видит, и вышибли два зуба. Какой-то бандит треснул ее дубинкой и забрал воду.

— Да, я подожду. Это неплохая идея, — сказала Шерл, внезапно почувствовав себя очень одинокой.

— Карточки! — потребовал полицейский, и она протянула ему три: свою, Энди и Сола.

Он поднес их к свету, затем вернул и крикнул человеку у крана:

— Шесть кварт!

— Как — шесть? — возмутилась Шерл.

— Сегодня норма уменьшена, леди. Шевелитесь, шевелитесь! Вон сколько людей еще ждут!

Шерл подхватила канистру, человек сунул в нее шланг и включил воду, потом крикнул:

— Следующий!

Булькающая канистра казалась трагически легкой. Шерл отошла в сторонку и встала рядом с полицейским, поджидая женщину. Одной рукой та тянула за собой ребенка, в другой тащила пятигаллоновую, похоже почти полную канистру из-под керосина. Должно быть, у нее большая семья.

— Пошли, — сказала женщина.

Ребенок, тихо попискивая, тащился позади, вцепившись в руку матери.

Когда они свернули с Двенадцатой авеню в переулок, стало еще темнее, словно дождь впитывал весь свет. Здания вокруг — в основном бывшие склады и фабрики — надежно укрывали своих обитателей за толстыми стенами без окон. Тротуары были мокрыми и пустынными. Ближайший уличный фонарь горел в следующем квартале.

— Вот задаст мне муж за то, что я пришла так поздно, — сказала женщина, когда они свернули за угол.

И тут дорогу им преградили два темных силуэта.

— Воду! Быстро! — приказал тот, что стоял ближе, и в свете далекого фонаря блеснуло лезвие

ножа.

— Нет, не надо! Пожалуйста! — взмолилась женщина и спрятала канистру за спину.

Шерл прижалась к стене. Когда грабители подошли поближе, она увидела, что это мальчишки. Подростки. Но у них был нож.

— Воду! — велел первый, размахивая ножом.

— Получай! — взвизгнула женщина и взмахнула канистрой.

Грабитель не успел увернуться, и удар пришелся прямо ему по голове. Парень взвыл и рухнул на землю, выронив нож.

— И ты хочешь? — закричала женщина, надвигаясь на второго подростка. Тот был безоружен.

— Нет-нет, не хочу, — запричитал он, пытаясь оттащить приятеля за руку. Но когда женщина приблизилась, он бросил его и отскочил в сторону.

Она наклонилась, чтобы подобрать нож; в этот момент парень сумел поставить своего товарища на ноги и поволок его за угол. Все произошло за считаные секунды, и все это время Шерл стояла, прижавшись спиной к стене и дрожа от страха.

— Такого они не ожидали! — воскликнула женщина, восхищенно разглядывая старый нож для разделки мяса. — Мне он больше пригодится.

Сопляки!

Она была возбуждена и явно довольна собой. За время стычки она ни разу не выпустила руку ребенка, и теперь тот расхныкался еще больше.

Оставшуюся часть пути преодолели без приключений, и женщина проводила Шерл до самой двери.

— Спасибо вам большое, — сказала Шерл. — Я не знаю, что бы я делала…

— Пустяки, — улыбнулась женщина. — Ты видела, как я его? И у кого теперь нож?

Она двинулась прочь, таща одной рукой канистру, а другой — ребенка.

— Где ты была? — спросил Энди, когда Шерл распахнула дверь. — Я уж думал, что с тобой что-нибудь случилось.

В комнате было тепло и пахло рыбой. Энди и Сол сидели за столом со стаканами в руках.

— Это из-за воды. Очередь растянулась на целый квартал. И мне дали только шесть кварт: норму опять урезали.

Она заметила, что Энди мрачен, и решила не рассказывать, что по дороге домой на них напали: Энди расстроится еще больше, а ей очень не хотелось портить ужин.

— Замечательно, — ехидно произнес Энди. —

Норма и без того слишком мала, а они решили ее еще урезать… Снимай мокрую одежду, Шерл, Сол нальет тебе «Гибсона». Его самодельный вермут уже созрел, а я сегодня купил немного водки.

— Выпей, — сказал Сол, вручая Шерл холодный стакан. — Я приготовил суп из дрянного концентрата «Энергия». В любом другом виде он просто несъедобен. Суп у нас будет на первое, а потом… — Он многозначительно кивнул в сторону холодильника.

— Что такое? — спросил Энди. — Секрет?

— Не секрет, — ответила Шерл, открывая холодильник, — а сюрприз. Я купила их сегодня, каждому по одному. — Она вынула тарелку с тремя маленькими пирожками с начинкой «сойлент». — Это та самая новинка, которую сейчас рекламируют по телевизору, со вкусом копченого мяса.

— Они, должно быть, обошлись в целое состояние, — проворчал Энди. — Теперь нам придется голодать весь месяц.

— Не такие уж они и дорогие. Кроме того, я потратила свои деньги, а не те, что мы отложили на еду.

— Какая разница? Деньги есть деньги. На эту сумму мы могли бы жить, наверно, целую неде-

лю.

— Суп готов, — объявил Сол, расставляя на столе тарелки. Шерл молчала, чувствуя, что в горле у нее застрял комок.

Она сидела, смотрела в тарелку и изо всех сил старалась не расплакаться.

— Извини, — сказал Энди. — Но ты же знаешь, как растут цены. Нужно думать о будущем. Городской подоходный налог стал еще выше — восемьдесят процентов, — пособий приходится платить все больше, так что этой зимой нам придется туго. Ты не думай, я тронут…

— Если это действительно так, то почему бы тебе не заткнуться и не заняться супом? — перебил его Сол.

— Не вмешивайся, Сол, — сказал Энди.

— Я не стану вмешиваться, если вы прекратите ссориться в моей комнате. Нечего портить такой замечательный ужин.

Энди хотел что-то сказать, но передумал и взял Шерл за руку.

— Сегодня у нас действительно хороший ужин, — пробормотал он. — Давай не будем…

— Не такой уж он хороший, — заметил Сол, проглотив ложку супа, и поморщился. — Сам сначала попробуй. Но зато пирожки отобьют этот

мерзкий вкус.

Некоторое время они молча ели суп, потом Сол принялся рассказывать одну из своих армейских историй о Нью-Орлеане, такую смешную, что удержаться от смеха было просто невозможно, и вскоре настроение у всех заметно улучшилось. Сол разлил оставшийся «Гибсон», а Шерл принесла пирожки.

— Если бы я был совсем пьян, то решил бы, что это мясо, — заявил Сол, энергично пережевывая свою порцию.

— Нет, они действительно хороши, — сказала Шерл.

Энди кивнул. Шерл быстро доела пирожок и подобрала с тарелки подливку кусочком растительного крекера, затем отпила из стакана. Неприятное происшествие по дороге домой казалось совсем давним. Что эта женщина говорила про своего ребенка?..

— Ты знаешь, что такое «квош»? — спросила она.

— Какая-то болезнь. — Энди пожал плечами. — А почему ты спрашиваешь?

— Вместе со мной в очереди за водой стояла женщина, и мы с ней разговорились. Ее ребенок заболел этим самым «квошем». Я еще подумала,

что ей не следовало бы тащить с собой больного ребенка в такой дождь. И потом, вдруг это заразно?

— Не волнуйся, — сказал Сол. — «Квош» — это сокращенно от «квошиоркора». Если бы ты интересовалась своим здоровьем и смотрела медицинские программы, как я, или читала книги, то знала бы про эту болезнь все. Она не заразна, потому что возникает от плохого питания, как бери-бери.

— Про такую болезнь я тоже никогда не слышала.

— Она нечасто встречается, зато квош — на каждом шагу. Им болеют при недостатке белков. Раньше он встречался только в Африке, но теперь распространился по всей территории Соединенных Штатов. А как же иначе? Мяса нет, чечевица и соевые бобы стоят слишком дорого, и потому мамаши пичкают детей растительными крекерами, леденцами и всякой дешевой дрянью…

Лампа мигнула и погасла. Сол на ощупь добрался до холодильника и отыскал среди вороха проводов на нем выключатель. Вскоре загорелась тусклая лампочка, подключенная к аккумуляторам.

— Надо бы подзарядить, — сказал Сол, — да

ладно, завтра. После еды вредно работать, это сказывается на пищеварении и циркуляции крови.

— Как хорошо, доктор, что вы здесь, — произнес Энди. — Мне нужен совет врача. У меня небольшая проблема. Дело в том… что все съеденное попадает ко мне в живот и…

— Забавно, мистер Шутник. Шерл, я не представляю, как ты его терпишь.

После еды все трое почувствовали себя лучше. И разговаривали до тех пор, пока Сол не заявил, что собирается выключить свет, чтобы аккумуляторы не сели. Маленькие кирпичики морского угля сгорели дотла, и в комнате опять стало прохладно. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Энди пошел на свою половину за фонариком. Здесь было еще холоднее.

— Я ложусь, — сказала Шерл. — Вообще-то, спать не хочется, но это единственный способ согреться.

Энди пощелкал выключателем.

— Света нет, а мне нужно бы кое-что сделать. Сколько времени у нас нет по вечерам света? Неделю?

— Давай я лягу, возьму фонарик и буду тебе светить.

— Пожалуй.

Энди раскрыл на комоде свой блокнот, рядом положил многоразовый бланк и принялся составлять рапорт. В левой руке он держал фонарик, время от времени сжимая его рукоятку, и тот испускал свет. В городе сегодня было спокойно: холод и дождь прогнали людей с улиц. Жужжание крохотного генератора в фонарике и поскрипывание пера по пластику звучали неестественно громко.

Шерл раздевалась при свете фонарика. Стянув с себя одежду, она задрожала от холода и быстро надела тяжелую зимнюю пижаму, штопаные-перештопаные носки, в которых спала, и толстый свитер. Простыни, ни разу не менявшиеся с тех пор, как начались перебои с водой, были холодными и влажными, хотя Шерл старалась проветривать их при любой возможности. Щеки ее оказались такими же влажными, как простыни, и, приложив руку к лицу, она поняла, что плачет. Она старалась не всхлипывать, чтобы не мешать Энди: он ведь делает для нее все, что может…

Да, до того как она пришла сюда, все было по-другому: легкая жизнь, хорошая еда, теплая комната и личный телохранитель Таб, сопровождавший ее, когда она выходила на улицу. Она

должна была спать и с ним пару раз в неделю. Она ненавидела эти минуты, ненавидела даже его прикосновения, но, по крайней мере, это происходило быстро. С Энди все не так, все хорошо, и ей очень хотелось, чтобы сейчас он был рядом. Шерл снова задрожала и, не в силах сдержаться, заплакала еще горше.

ЗИМА

Нью-Йорк находился на краю катастрофы. Вокруг каждого запертого склада собирались огромные толпы. Голодные, испуганные люди искали виновных в происходящем. Гнев побуждал людей бунтовать, хлебные бунты превратились в водяные, было разграблено все, что только можно. Полиция, хлипкий барьер между злобным протестом и кровавым хаосом, боролась за порядок из последних сил.

Поначалу полицейские дубинки и ружейные приклады останавливали людей, но когда это перестало помогать, для разгона толпы стали применять газы. Напряженность росла, поскольку люди, которых разгоняли в одном месте, тут же собирались в другом. Мощные струи воды из полицейских машин останавливали пытавшихся вломиться в участки социальной помощи,

но машин не хватало, да и воды взять было неоткуда. Использовать речную воду запретил департамент здравоохранения: с таким же успехом можно было поливать людей ядом. Кроме того, вода была нужна и пожарным: в городе то и дело вспыхивали пожары. Часто их машины даже не могли проехать по перегороженным улицам, отчего приходилось делать долгие объезды. Иногда пожары распространялись так быстро, что к полудню все машины были в работе.

Первый выстрел раздался через несколько минут после полудня 21 декабря, когда охранник департамента социального обеспечения убил человека, который взломал окно продуктового склада на Томпкинс-сквер и пытался туда влезть. Это был первый, но далеко не последний выстрел. И отнюдь не последний убитый.

Некоторые районы, где царили беспорядки, удалось окружить сбрасываемой с воздуха проволокой-путанкой, но ее тоже не хватало, и когда запасы кончались, вертолеты продолжали беспомощно кружить над беспокойными кварталами, выполняя роль воздушных полицейских наблюдательных постов и определяя места, где срочно необходимы подкрепления. Что, впрочем, тоже было бесполезно, потому что подкреплений не

осталось: все работали как на передовой.

После первой стычки уже ничто не могло произвести на Энди сильного впечатления. Остаток дня и почти всю ночь он вместе с остальными полицейскими занимался тем, что получал и раздавал удары, стремясь восстановить порядок на улицах раздираемого побоищем города. Передохнуть ему удалось лишь раз, когда он случайно надышался газом от собственной гранаты, но сумел пробраться к машине департамента здравоохранения, где ему помогли. Медик дал ему таблетку против выворачивающей все внутренности тошноты и промыл глаза. Энди лежал на носилках внутри машины, прижимая к груди шлем, гранаты и дубинку, и постепенно приходил в себя. На других носилках у двери фургона сидел водитель машины с карабином 30-го калибра, готовый отпугнуть каждого, кто проявит слишком живой интерес к машине и ее ценному содержимому. Энди совсем не хотелось вставать, но в открытую дверь сочился холодный туман, и он начал дрожать так сильно, что у него застучали зубы. Он с трудом встал и выбрался из машины. Пройдя немного, Энди почувствовал, что ему стало немного лучше. И теплее. Нападавших уже отбили, и, морщась от запаха, пропитавшего его

одежду, Энди направился к ближайшей группе людей в синей форме.

С этого момента усталость уже не оставляла его, в памяти сохранились только лица, искаженные криком, бегущие ноги, звуки выстрелов, визг, хлопки газовых гранат. Из толпы в него бросили чем-то тяжелым, и на руке остался огромный синяк.

К ночи пошел дождь, холодная морось вперемешку с мокрым снегом, и, видимо, вовсе не полиция, а погода и усталость прогнали людей с улиц. Но когда толпы рассеялись, полицейские обнаружили, что настоящая работа только начинается. Зияющие оконные проемы и выломанные двери необходимо было охранять до тех пор, пока их не починят, требовалось найти раненых и оказать им помощь. Пожарный департамент остро нуждался в подкреплениях для борьбы с бесчисленными пожарами. Продолжалось это всю ночь, и лишь утром, услышав свою фамилию в списке, прочитанном лейтенантом Грассиоли, Энди немного пришел в себя, когда он полусидел-полулежал на скамье в полицейском участке.

— Это все, что я могу вам позволить, — добавил лейтенант. — Перед уходом всем получить пайки и сдать снаряжение. Вернуться к восемнадца-

ти ноль-ноль, и никаких отговорок! У нас еще много дел.

Ночью дождь кончился. Длинные утренние тени покрыли городские улицы, и восходящее солнце отражалось золотым глянцем в мокром асфальте. Сгоревший ночью особняк все еще дымился, и Энди пришлось пробираться через обуглившиеся развалины. На углу Седьмой авеню валялись обломки двух раздавленных велотакси, с которых все, что только можно, уже кто-то поснимал. Чуть дальше, скрючившись, лежал человек. Сначала Энди почему-то подумал, что он спит, но, увидев его изуродованное лицо, понял, что его убили, и не стал останавливаться. Департамент санитарии его в любом случае сегодня подберет.

Первые «пещерные люди» выбирались из подземки, щурясь от солнечного света. Летом все смеялись над «пещерниками», для которых департамент социального обеспечения определил местом жительства станции давно прекратившего работать метро, но, когда наступили холода, веселье сменилось завистью. Может быть, там, внизу, грязно, пыльно и темно, но зато всегда работают несколько электрообогревателей. Не слишком шикарные условия, но по крайней мере

департамент не дал им замерзнуть.

Энди свернул к своему дому. Поднимаясь по ступенькам, он несколько раз наступил на спящих, но от усталости не обратил на это никакого внимания и даже не заметил их. Потом он долго не мог попасть ключом в замок. Сол услышал и открыл сам.

— Я только что приготовил суп, — сказал он. — Ты как раз вовремя.

Энди достал из кармана обломки растительных крекеров и высыпал их на стол.

— Ты украл продукты? — спросил Сол, откусывая маленький кусочек. — Я думал, кормежку не будут выдавать еще два дня.

— Полицейский паек.

— Что ж, справедливо. На голодный желудок с народом не очень-то повоюешь. Я кину немного в суп, пусть хоть что-то в нем будет. Надо полагать, ты вчера не смотрел телевизор и, видимо, не знаешь, что творится в конгрессе. Там такое начинается…

— Шерл уже проснулась? — спросил Энди, стащив с себя плащ и тяжело свалившись в кресло.

Сол помолчал и тихо ответил:

— Ее нет.

— Куда же она ушла так рано? — спросил Энди,

зевая.

— Она ушла еще вчера, Энди. — Сол продолжал помешивать суп, стоя к Энди спиной. — Через пару часов после тебя. И до сих пор не возвращалась…

— Ты хочешь сказать, что она была на улице во время беспорядков? И ночью тоже? А ты что делал? — Он выпрямился, забыв про усталость.

— А что я мог сделать? Пойти искать ее, чтобы меня затоптали, как других стариков? Я уверен, с ней ничего не случилось. Она наверняка услышала про беспорядки и решила остаться у друзей, чтобы не возвращаться в такое время.

— Какие друзья? О чем ты говоришь? Я должен найти ее.

— Сядь! — велел Сол. — Где ты собираешься ее искать? Поешь супу и выспись — это самое лучшее, что ты можешь сделать. Все будет в порядке. Я знаю, — добавил он нехотя.

— Что ты знаешь, Сол? — Энди схватил его за плечо и повернул к себе лицом.

— Руки! — прикрикнул Сол, отталкивая его, и спокойным голосом сказал: — Я знаю, что она пошла не просто так, а с какой-то целью. На ней было старое пальто, но я заметил под ним шикарное платье. И нейлоновые чулки. Целое

состояние на ногах! А когда она прошлась, я увидел, что она накрасилась.

— Что ты хочешь сказать, Сол?

— Я не хочу сказать, я говорю. Она оделась так, словно собралась в гости, а не за покупками. Может, она решила навестить кого-нибудь. Отца, скажем. Наверное, она у него.

— С чего это она к нему собралась?

— Тебе лучше знать. Вы ведь поссорились? Может, она решила пойти к нему, чтобы немного остыть.

— Поссорились… Да, пожалуй.

Энди снова упал в кресло и сжал голову руками. Неужели это было только вчера? Нет, позавчера, хотя ему казалось, что после того глупого спора прошло целое столетие. Впрочем, в последнее время они действительно ссорились слишком часто. Но неужели из-за этой последней ссоры?.. Он испуганно посмотрел на Сола.

— Она взяла с собой вещи? — спросил он.

— Только маленькую сумочку, — ответил Сол и поставил дымящуюся кастрюльку на стол перед Энди. — Ешь. Я себе тоже налью. — И добавил: — Она вернется.

Энди так устал, что решил не спорить, — да и что он мог сказать? Он машинально черпал лож-

кой суп, потом вдруг осознал, что очень голоден. Положив локти на стол и подперев голову рукой, он продолжал есть.

— Надо было слышать все эти речи вчера в сенате, — сказал Сол. — Ничего смешнее я в жизни не слыхал. Они пытаются протащить поправку о чрезвычайном положении. Хорошенькое чрезвычайное положение — оно у нас под носом уже лет сто. Надо было слышать, как они обсуждали всякие мелочи и даже не упоминали о крупных проблемах. — Его голос приобрел густой южный акцент: — «Перед лицом грозящих нам опасностей мы предлагаем обратить взор к а-а-агромным ресурсам этого величайшего элювиального бассейна, дельты самой могучей на свете реки Миссисипи. Дамбы, плюс осушение, плюс наука — и мы получим здесь самые богатые во всем западном мире сельскохозяйственные угодья!» Дыры пальцами затыкают… Они об этом говорили уже тысячу раз. Но упомянули они истинную причину для принятия поправки о чрезвычайном положении? Нет. Потому что даже через столько лет они боятся сказать об этом честно и прямо и прикрываются выводами и резолюциями.

— Ты о чем? — спросил Энди, слушая Сола

вполуха: беспокойство о Шерл по-прежнему не оставляло его.

— О контроле над рождаемостью, вот о чем! Они наконец решились легализовать клиники, открытые для всех, семейных и холостых, и учредить закон, в соответствии с которым все матери должны быть информированы о средствах возможного контроля. Представляешь, какой шум поднимется, когда об этом услышат все наши пуритане-католики! А папа, так тот вообще из штанов выпрыгнет!

— Давай об этом потом, Сол. Я устал. Шерл не сказала, когда вернется?

— Я же тебе…

Сол замолчал, прислушиваясь к звуку шагов, доносящихся из коридора. Шаги затихли, и послышался стук в дверь.

Энди первым выскочил в прихожую, повернул ручку и рывком распахнул дверь.

— Шерл! — сказал он. — С тобой ничего не случилось?

— Все в порядке.

Он обнял ее так крепко, что она чуть не задохнулась.

— Там такое творилось… Я не знал, что и думать, — сказал он. — Я сам только недавно

вернулся. Где ты была? Что случилось?

— Просто хотела немного развеяться. — Она сморщилась. — Чем это пахнет?

Энди сделал шаг назад, борясь с пробивающимся сквозь усталость раздражением.

— Я наглотался рвотного газа, и меня вывернуло. Запах проходит не сразу. Что значит «немного развеяться»?

— Дай мне снять пальто.

Энди прошел за ней на другую половину комнаты и закрыл за собой дверь. Шерл достала из сумки туфли на высоком каблуке и положила их в шкаф.

— Я тебя спрашиваю.

— Ничего особенного. Просто я чувствовала себя здесь как в ловушке, со всеми этими перебоями в энергоснабжении, холодом и со всем остальным… Тебя я почти не вижу, да еще после той ссоры осталось какое-то отвратительное чувство. Все было как-то не так. И я подумала, что если я приоденусь и пойду в какой-нибудь ресторан, где бывала раньше, выпью чашечку кофе или еще чего-нибудь, то, может быть, мне станет лучше. Настроение поднимется… — Она взглянула в строгое лицо Энди и отвела взгляд.

— И что потом? — спросил он.

— Я не на допросе, Энди. И почему такой обвиняющий тон?

Он повернулся к ней спиной и посмотрел в окно.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, но тебя не было дома всю ночь. Как, ты полагаешь, я должен себя чувствовать?

— Ты же сам знаешь, что вчера творилось. Я боялась возвращаться. Я была в «Керлис»…

— В мясном ресторане?

— Да, но если ничего не есть, там недорого. Только еда дорогая. Я встретила людей, которых знала раньше, мы разговорились. Они собирались на вечеринку, пригласили меня с собой, и я согласилась. Мы смотрели по телевизору репортаж о беспорядках, все боялись выходить, и вечеринка продолжалась и продолжалась. — Она замолчала на секунду. — И все.

— Все? — Раздраженный вопрос был вызван темным подозрением.

— Все, — ответила Шерл, и голос ее стал таким же холодным.

Повернувшись к нему спиной, она принялась стягивать платье. Тяжелые слова лежали между ними, словно ледяной барьер. Энди упал на постель и отвернулся. Даже в такой крошечной

комнате они чувствовали себя совершенно чужими друг другу людьми.

ВЕСНА

Похороны сблизили их гораздо больше, чем любое другое событие за всю долгую холодную зиму. День выдался непогожий, с порывистым ветром и дождем, но все же чувствовалось, что зима кончилась. Однако для Сола зима оказалась слишком долгой, его кашель перешел в простуду, простуда превратилась в пневмонию — а что остается делать старому человеку в холодной комнате, без лекарств, зимой, которая как будто и не собиралась кончаться? Только умереть. И он умер. Пока он болел, о ссоре позабылось, и Шерл ухаживала за Солом как могла, но один только хороший уход не вылечивает пневмонию. Похороны получились такими же короткими и холодными, как тот день. В сгущающейся темноте Шерл и Энди вернулись в свою комнату. Не прошло и получаса, как раздался частый стук в дверь. Шерл судорожно вздохнула.

— Посыльный. Как они могут? Ты же не должен идти сегодня на работу.

— Не волнуйся. Грасси не стал бы нарушать своего обещания в такой день. Кроме того, по-

сыльный стучит по-другому.

— Может быть, это кто-то из друзей Сола, не успевших на похороны?

Она открыла дверь и, вглядываясь в темноту коридора, не сразу узнала стоящего там человека.

— Таб! Это ты, да? Входи, не стой на пороге. Энди, я рассказывала тебе про моего телохранителя. Про Таба…

— Добрый вечер, мисс Шерл, — бесстрастно произнес Таб, стоя в дверях. — Прошу прощения, но это не частный визит. Я на службе.

— Что такое? — спросил Энди, подходя к Шерл.

— Поймите, я не могу отказываться от работы, которую мне предлагают, — мрачно, без улыбки сказал Таб. — Я с сентября служу в отряде телохранителей, но перепадают только случайные заработки, постоянной работы нет, и приходится браться за все, что предлагают. Если отказываешься от задания, попадаешь в конец списка. А мне семью кормить…

— Что ты имеешь в виду? — спросил Энди, заметив, что кто-то стоит в темноте позади Таба. Судя по шарканью ног, людей было несколько.

Из-за спины Таба раздался неприятный гнусавый мужской голос:

— Нечего его слушать! — Говоривший стоял

позади телохранителя, и его почти не было видно. — Закон на моей стороне. И я уплатил тебе. Покажи ему ордер!

— Кажется, я понимаю, — сказал Энди. — Отойди от двери, Шерл. А ты, Таб, зайди, давай поговорим.

Таб двинулся вперед, и мужчина в коридоре попытался проскочить за ним.

— Не вздумай заходить без меня! — успел пронзительно крикнуть он, прежде чем Энди захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Напрасно ты это сделал, — сказал Таб. На его крепко сжатом кулаке поблескивал кастет с шипами.

— Успокойся, — сказал Энди. — Я просто хотел поговорить сначала с тобой и узнать, что происходит. У него «сидячий» ордер, да?

Таб кивнул, глядя в пол.

— О чем это вы говорите? — спросила Шерл, обеспокоенно переводя взгляд с одного помрачневшего лица на другое.

Энди молчал.

— «Сидячий» ордер выдается судами тем, кто не может доказать, что им действительно необходимо жилье, — ответил Таб. — Их выдают немного и обычно только большим семьям, которых откуда-

нибудь выселяют. С «сидячим» ордером человек имеет право искать себе свободную квартиру, комнату или еще какое-нибудь жилье. Это что-то вроде ордера на обыск. Но поскольку никто не любит, когда к ним вламываются чужие люди, и могут возникнуть всяческие неприятности, те, у кого есть «сидячий» ордер, обычно нанимают телохранителей. Поэтому я и пришел; эти, что стоят в коридоре, меня наняли. Их фамилия Беличер.

— Но что ты делаешь здесь? — спросила Шерл, все еще ничего не понимая.

— Этот Беличер из тех, кто ошивается у моргов и высматривает мертвецов. Но это одна сторона дела, — сказал Таб сдержанно. — Есть и другая: у него жена, дети, и им негде жить.

В дверь забарабанили, и из коридора донесся возмущенный голос Беличера. Поняв наконец, зачем пришел Таб, Шерл тяжело вздохнула.

— Ты им помогаешь, — сказала она. — Они узнали, что Сол умер, и хотят занять его комнату.

Таб молча кивнул.

— У нас еще есть выход, — сказал Энди. — Если здесь будет жить кто-нибудь из моего участка, эти люди не смогут вселиться.

Стук стал громче, и Таб шагнул к двери.

— Если бы здесь сейчас кто-нибудь жил, то все

было бы в порядке, а так Беличер отправится в суд и все равно займет комнату, потому что у него семья. Я помогу вам чем смогу, но Беличер мой работодатель.

— Не открывай дверь, — резко сказал Энди. — По крайней мере, пока мы не договорим.

— Я должен. Что мне еще остается? — Он расправил плечи и сжал кулак с кастетом. — Не пытайся меня остановить, Энди. Ты сам полицейский и знаешь закон.

— Таб, ну неужели ничего нельзя сделать? — спросила Шерл тихим голосом.

Он обернулся, глядя на нее несчастными глазами.

— Когда-то мы были хорошими друзьями, Шерл, и я это помню. Но теперь ты будешь обо мне не очень высокого мнения, потому что я должен делать свою работу. Я должен впустить их.

— А, черт! Открывай… — зло бросил Энди, отвернулся и пошел к окну.

В комнату ворвались Беличеры. Мистер Беличер оказался худеньким человечком с головой странной формы, почти лишенной подбородка, и с интеллектом, достаточным лишь для того, чтобы ставить подписи на заявках на социальную помощь. Строго говоря, семью обеспечивала

миссис Беличер, из рыхлого чрева которой вышли все семеро детей, рожденных для того, чтобы увеличить причитающийся на долю семьи паек. Разумеется, им пользовались и родители. Восьмое чадо добавляло к ее похожей на ком теста фигуре лишнюю выпуклость. Впрочем, на самом деле этот ребенок был уже одиннадцатым, поскольку трое молодых Беличеров умерли из-за недосмотра и несчастных случаев. Самая старшая девочка — ей, должно быть, уже исполнилось двенадцать — держала на руках беспрестанно орущего, покрытого болячками младенца, от которого невыносимо воняло.

Остальные дети, вырвавшись из темного коридора, где они ждали в напряженном молчании, принялись кричать друг на друга все сразу.

— О, смотри, какой замечательный холодильник. — Миссис Беличер, переваливаясь, подошла к нему и открыла дверцу.

— Ничего не трогать, — сказал Энди, но тут Беличер потянул его за руку.

— Мне нравится эта комната: не очень большая, но симпатичная. А здесь что? — Он двинулся к открытой двери в перегородке.

— Это моя комната, — сказал Энди и захлопнул дверь у него перед носом. — Нечего сюда

соваться.

— Вовсе не обязательно вести себя так грубо, — сказал Беличер, отскакивая в сторону, словно собака, которую слишком часто бьют. — Я свои права знаю. По закону с ордером я могу осматривать все, что захочу. — Он отодвинулся еще немного, когда Энди сделал шаг в его сторону. — Я, конечно, верю вам на слово, мистер, я верю вам. А эта комната ничего, хороший стол, стулья, кровать…

— Это мои вещи. Но даже без вещей комната очень мала. На такую большую семью тут не хватит места.

— Ничего, хватит. Мы жили в комнатах и поменьше…

— Энди, останови их! Посмотри…

Резкий выкрик Шерл заставил Энди обернуться, и он увидел, что двое мальчишек нашли пакеты с травами, которые так старательно выращивал на подоконнике Сол, и вскрыли их, решив, очевидно, что там что-то съедобное.

— Положите на место! — закричал Энди, но, прежде чем он приблизился, они успели попробовать содержимое и тут же выплюнули.

— Я обжег рот, — заорал тот, что был постарше, и высыпал содержимое пакета на пол.

Второй мальчишка принялся, подпрыгивая, высыпать травы из других пакетов. Они ловко уворачивались от Энди, и когда ему все-таки удалось остановить их, пакеты уже опустели.

Как только Энди отвернулся, младший мальчишка, все еще не угомонившись, влез на стол, оставляя на его поверхности грязные следы, и включил телевизор. Перекрывая вопли детей и крики матери, которые ни на кого не действовали, в комнату ворвалась оглушительная музыка. Таб оттащил Беличера от шкафа, когда тот открыл дверцы, желая посмотреть, что там внутри.

— Немедленно уберите отсюда детей! — приказал Энди, побелев от ярости.

— У меня «сидячий» ордер. Я имею право! — выкрикнул Беличер, пятясь и размахивая кусочком пластика, на котором было что-то написано.

— Мне нет дела до ваших прав, — сказал Энди, распахивая дверь в коридор. — Но продолжать разговор мы будем, только когда вы уберете отсюда свое отродье.

Таб разрешил спор, схватив ближайшего к нему мальчишку за воротник и вышвырнув его за дверь.

— Мистер Раш прав, — сказал он. — Дети могут подождать в коридоре, а мы тем временем закон-

чим наши дела.

Миссис Беличер тяжело села на постель и закрыла глаза, словно все это ее не касалось. Мистер Беличер отступил к стене, бормоча что-то, чего никто не расслышал или не потрудился расслышать. После того как последнего ребенка выпихнули в коридор, оттуда донеслись крики и обиженное всхлипывание. Обернувшись, Энди увидел, что Шерл ушла в их комнату, и услышал, как щелкнул в замке ключ.

— Надо понимать, что сделать ничего уже нельзя? — спросил он, пристально глядя на Таба.

— Извини, Энди. — Телохранитель беспомощно пожал плечами. — Честное слово, мне жаль. Но что я могу сделать? Таков закон, и они могут оставаться здесь, если захотят.

— Закон, закон, — поддакнул Беличер.

Сделать действительно ничего было нельзя, и Энди усилием воли заставил себя разжать кулаки.

— Ты поможешь мне перетащить вещи, Таб?

— Конечно, — сказал Таб, хватаясь за другую сторону стола. — Объясни, пожалуйста, Шерл мою роль во всем этом. Ладно? Я думаю, она не понимает, что это работа, которую я должен выполнять.

Высушенная зелень и семена, рассыпанные по полу, хрустели под ногами при каждом шаге. Энди молчал.

Пришельцы, дары приносящие

Перевод Г. Корчагина

Шедший всю ночь напролет дождь отдраил воздух до идеальной чистоты, и теперь серая глыбища Гибралтарской скалы в обрамлении невероятной синевы средиземноморского неба просто резала глаз живописца. Таких цветов невозможно добиться, смешивая краски на палитре, а для столь четкой прорисовки деталей надо родиться гением. Я, увы, не гений: пытался-пытался, а потом в бешенстве растоптал свои снасти и вышвырнул за борт. Пусть все остается как есть: скала, легко узнаваемая по цветным открыткам и рекламным буклетам туристических фирм, и я, стоящий на ржавой палубе «Марии Беллы».

Возвращаясь на родину, я предавался унынию, и это, пожалуй, мягко сказано. Лето кончилось, Европа равнодушно сказала мне «прощай»; если кто и провожал меня в путь-дорогу, так это местные торгаши на весельных лодках с грудами плюгавых ковриков и сияющей медной утвари.

А по другую сторону пролива лежала Африка. Я видел лишь зеленые холмы в романтической дымке и знал, что к этому манящему берегу пристегнут огромный континент с миазмами джунглей, с палящим солнцем пустынь, с экзотикой городов, со слонами, каннибалами, гологрудыми бабами и со всем прочим, что мигом приходит нашему брату на ум при слове «Африка».

Пришлось и Африке сделать ручкой, даже не повидав ее.

Меня зовут Энди Дэвис. Я бывший студент, бывший художник. Бывший экспатриант. Я возвращаюсь в империю его величества истеблишмента и окажусь в его жадных и цепких щупальцах, едва ступлю на родную твердь. Армия, работа, ответственность, жена, дети… Все эти «прелести» воображение рисовало мне с поразительной четкостью, и они складывались в отнюдь не радостную перспективу.

Какое-то время я слушал «бум-бум-бум» раздолбанного движка; наконец и само суденышко показалось из-за носа «Марии Беллы» и направилось к спущенному трапу. Футов двадцати в длину, оно имело посредине квадратную надстройку; торчавшая оттуда труба плевалась черным дизельным чадом на каждый «бум». На

палубе толпились оборванцы, перекрикивались на двух языках, бестолково бросали швартовочные концы. Но вот наконец им удалось причалить свою лохань, и под новые вопли они потащили вверх по трапу допотопные тяжелые чемоданы.

Новый пассажир? Я заинтересовался и подошел поближе. Пока что моим единственным попутчиком был старенький священник-француз с красными глазами и дергающейся, как у китайского болванчика, головой. На беду, он не знал ни одного английского слова, а обмен улыбками и бонжурами едва ли заменит увлекательную дорожную беседу. Худо-бедно по-английски изъяснялся капитан Себастьяно, но он в самом начале пути нарвался на мой отпор: хоть я и активный мужчина, но вовсе не в том смысле, в каком этот эпитет используется применительно к подобным субъектам. С тех пор ласковым взглядом он жаловал только юного буфетчика, а на меня смотрел волком.

В общем, еще один пассажир на этом судне вовсе не был бы лишним. Очень уж не хотелось в долгом плавании через Атлантику разговаривать с собой или считать ржавые заклепки.

Так и есть, прибыл новый пассажир. Но легче мне от этого не стало. Женщина. Арабка, судя

по черным туфлям, черным перчаткам, черной вуали и многим ярдам черного шелка, обмотанного вокруг нее. Она, наверное, говорит только по-арабски, ну, от силы еще по-французски. И ей может быть сто лет в обед. Повезло мне в этом плавании с компанией, ничего не скажешь.

Мимо меня пронесли ее чемоданы, а сама она взошла по ступенькам трапа, тщательно глядя под ноги. Я пожалел, что взял в дорогу мало чтива.

Но когда незнакомка поравнялась со мной, она подняла голову, и я заглянул в огромнейшие, темнейшие, прекраснейшие глаза — да я просто утонул в их глубинах, как говорят поэты. Лишь на миг передо мной мелькнули эти длинные ресницы, эти крутые дуги бровей, эта нежная кожа — и исчезли. С отвисшей челюстью я стоял и провожал пассажирку взглядом. И по ее походке я понял: она молода. Молода и прекрасна.

Бам-м-м!

Я прошел к себе в каюту, заперся, достал из багажа бутылку граппы, со столика взял стакан для воды, налил до середины и хлопнул единым духом. И содрогнулся. Ну и шарахнуло же меня! А ведь я парень не сказать что слишком чувствительный. Но было именно так: бам-м-м!

Как обухом по затылку. Как в песне про любовь с первого взгляда. Впрочем, это не любовь — ну ее к черту, романтическую чепуху. Это старая добрая похоть. Может, если я увижу эту особу без вуалей и шелков, она мне тут же и разонравится. Но сейчас я во власти тайны — нет соблазна сильнее того, что создается воображением. И мое воображение разбушевалось не на шутку.

Я улегся на койку, позволил снопу солнечных лучей ласкать меня теплом и, посасывая граппу, предался сладостным фантазиям. Десять дней плавания, я и она, и больше никого и ничего.

За этим наиприятнейшем занятием я задремал, но воображение не унялось и во сне, впрочем хуже мне от этого не стало. Дела мои шли в гору… пока меня не разбудил резкий звон.

Я сел на койке. Оказывается, со столика упал стакан и разбился вдребезги. «Мария Белла» тяжело переваливалась с боку на бок; в этом плавании еще не было столь сильной качки.

Выйдя на палубу, я увидел холодные зеленые валы — это они, набегая, раскачивали судно. Пока я спал, мы вышли в Атлантику. За кормой не видать берега, только белый шлейф взбитой винтами пены. Вот особенно большая волна вознесла «Марию Беллу», я заметил грязное продолговатое

пятно на горизонте, однако оно тотчас скрылось.

Последний взгляд на Европу.

Раздался топот, и с переходного мостика свесилась голова буфетчика.

— La cena, signore[12]. — Для пущей доходчивости он поднял гонг и стукнул по нему.

— Si, pronto[13].

И мое слово не разошлось с делом. На этом ржавом корыте кормили на удивление прилично, но кок не выносил опозданий, и не вовремя явившемуся в кают-компанию пассажиру доставались переваренные спагетти или сожженное мясо. Я торопливо умылся, а затем, вспомнив о новой попутчице, надел последнюю чистую рубашку и даже галстук.

Капитана в кают-компании я, по обыкновению, не застал — после нашего филологического диспута он ел у себя в каюте. Улыбнувшись мне и кивнув, святой отец снова принялся хлебать суп, а второй помощник Аллессандро уставился на меня и пробормотал что-то невеселое. Да и с чего бы ему веселиться, если шкипер явно вознамерился не ударить за все плавание пальцем о

---

[12] Примечания: 12
Обед, синьор*(ит.).*

[13] Примечания: 13
Да, иду*(ит.).*

палец, и в море двое его помощников вынуждены сменять друг дружку через двенадцать часов без выходных — других-то начальников на «Марии Белле» нет. Оба едва не валятся с ног от усталости, зато неизвестный владелец судна неплохо сэкономил на заработной плате.

Мне под нос сунули тарелку супа. Опять минестроне — ну да я не в претензии. Я еще сверху навалил гору тертого сыра и плеснул дешевого красного вина из стоявшего на столе карафе, а заодно и стакан наполнил.

Когда я подчищал тарелку ломтиком хлеба, в кают-компанию вошла она.

Вошла совершенно беззвучно и заняла свободное место у длинного стола, и я даже не сразу понял, что случилось. А когда понял, сдернул салфетку с шеи — чистоту единственного галстука приходилось беречь как зеницу ока — и привстал на секунду. Она спокойно сидела и молчала, а эти глаза над вуалью, что покорили меня тогда на палубе, были все так же красивы — даже, пожалуй, еще красивее.

— Buona sera[14], - пробормотал Аллессандро.

— Buona sera.

---

[14] Примечания: 14
Добрый вечер*(ит.).*

Не голос, а пение арфы. У арабских женщин голоса обычно грубые.

— Buona sera, — поздоровался и я — не упускать же такую возможность. — Э… signora, signorina… Аллессандро, выручай: как будет по-вашему «Добро пожаловать на борт»?

— Если вы желать, я могу говорить английский.

— Класс! Я тоже могу. — Ах, до чего же я сегодня остроумный! — Так что добро пожаловать на борт.

На это она лишь кивнула, а потом обратилась в статую. У меня заклинило мозги, они не могли родить ни слова — а ведь еще совсем недавно, в своих эротических грезах, я был таким сладкоголосым соблазнителем! Я глотнул вина и краешком глаза увидел, что перед незнакомкой поставили еду. Интересно, как она управится с супом, не имея соломинки для коктейля? От волнения даже в животе заныло, и я выпил еще.

Все оказалось просто: она сняла вуаль и отложила в сторону.

Мои эротические фантазии оказались бледной тенью увиденного. Такие красавицы встречаются одна на тысячу, их разыскивают по всему свету, снимают на кинопробах и печатают на облож-

ках журналов. У незнакомки было лицо в форме сердечка, с кожей абсолютно гладкой, без малейшего изъяна. Полные, красные, влажные губы, изящный изгиб носа, правильная форма скул. Не будь я таким аховым художником, написал бы ее портрет. Будучи не самым аховым любовником, я захотел поцеловать эти губы. Да я не отказался бы стать даже макарониной в ее минестроне! Ну же, герой-любовник, не молчи, раскидывай цепкие сети соблазна!

— Меня зовут Энди Дэвис. — Гениально, она сейчас же бросится на шею! Впрочем, ко мне вернулся дар речи, а это плюс. — Я ваш случайный попутчик.

Не донеся до рта ложку, она посмотрела на меня и чуть наморщила лоб. Трудности перевода? Мне повторить по слогам? Я так ничего и не придумал, прежде чем она сказала:

— Я тоже есть ваш случайный попутчик. Мой имя есть Таму Савафи.

— Очень красивое имя.

— Его мне дать мой отец.

— Вот здорово! Мне имя тоже папаша подобрал.

Мой папаша этого не делал. Если на то пошло, он даже не звал меня по имени, которое я полу-

чил в честь дяди по материнской линии. Отец ненавидел дядю, а когда надо было позвать меня, говорил «парень».

— Энди я в память об Эндрю Джексоне. Старина Каменная Стена[15] нам роднёй приходится.

— Вы есть родственник старая каменная стена?

Аллессандро громко фыркнул и поспешил набить рот оливками. Я и бровью не повел. Сейчас только одно важно: мы с красоткой зацепились языками. А уж времени, чтобы улучшить качество общения, впереди предостаточно.

На мое счастье, ей тоже хотелось поболтать; я это сразу почувствовал. И акцент у нее был не такой уж и сильный. За разговором прошел обед, — сказать по правде, я и не заметил, чем еще нас кормили. Девушка мне рассказала про свой город (название тотчас вылетело у меня из головы), и про отца-бизнесмена (родитель оплачивает все ее нужды), и про американских родственников, к которым она едет погостить. Я не остался в долгу и поведал, как учился в колледже, как отчислился и пошел работать, как накопил деньжат на поездку в Европу. Папаша

---

[15] Примечания: 15

Эндрю Джексон –знаменитый генерал Гражданской войны в США, южанин, за стойкость получил прозвище Каменная Стена.

у меня вице-президент крупной корпорации, ты наверняка о ней слышала… Она не слышала. Почти все было правдой, я лишь умолчал о том, что из колледжа меня вышвырнули, а теперь прожорливая армия ждет не дождется моего возвращения. Еще я скрыл, что не хочу ни служить, ни жениться, ни обзаводиться домом в пригороде, ни ежедневно в восемь ноль семь садиться на электричку, а вот что мне по нраву, так это кирнуть и пыхнуть; порой из-за пагубной страстишки никак не вспомню, где я был минувшей ночью и что вытворял.

Потом она попросила ее извинить и ушла своей грациозной поступью, а я отправился к себе в каюту и допил граппу. И даже в темноте передо мной стояло лицо очаровательной Таму Савафи.

Поутру я ее нашел на палубе сидящей в шезлонге и читающей Библию. Вуаль Таму не надела, но черные шелка были по-прежнему на ней — что-то похожее я видел в фильме «Омар-палаточник». При моем приближении она подняла глаза и заметила, что я смотрю на Библию.

— Вам знакома эта книга?

— А то! В любом доме найдется экземплярчик. Это бестселлер на все времена.

— Мне ее дал священник во время завтрака.

Он сказал, что книга окажет пользу моей душе, к тому же она интересна с точки зрения истории. Некоторые части очень похожи на Коран. Наверное, следует дать ему Коран взамен.

— Сомневаюсь, что это его обрадует. — Я плюхнулся в соседнее кресло и расстегнул рубашку. Солнце пригревало, а дискутировать на религиозные темы меня не тянуло. — Отличный денек для солнечных ванн.

У нее элегантно приподнялись брови.

— Я насчет позагорать. Мы часто так делаем.

Небольшая лекция по сравнительной культурологии, и Библия забыта.

— В твоей стране носят много шмоток, чтобы не подпускать к телу солнечное тепло, а мы привыкли к другому. Видишь, как эти кресла сделаны? Можно разложить. Зимой мы кутаемся, потому что холодно, а летом шкуру долой — надо загореть хорошенько. Такой вот у нас обычай, его все соблюдают.

— Шкуру долой? Ты подразумеваешь процесс свежевания, ошкуривания, окорения, шелушения, снятия кожуры, декортикации?

Меня это рассмешило, а она, помедлив секунду-другую, тоже засмеялась:

— Я допустила нелепую лингвистическую

ошибку?

— Да нет, ты правильно говоришь, вот только декортикация — это для меня что-то новенькое. «Шкуру долой» — образное выражение; смысл в том, что надо снять одежду. Вот, гляди, сейчас я декортицирую с себя рубашку и подставлюсь солнцу.

Сказано — сделано. Плавание нравилось мне все больше и больше.

— У вас декортицируют всю одежду без остатка? Мы так не делаем.

Да неужели? А если помогу? Я аж закашлялся, пытаясь задушить эти слова в горле.

— Нет, не без остатка. Обычно мы загораем в специальных купальных костюмах.

— Что они собой представляют?

— Гм… Не так-то просто это объяснить… — Даешь мозговой штурм! — Секундочку подожди, ладно? У меня в каюте есть журнал с картинками, там что-нибудь похожее найдется.

Затрепанный «Лайф», ты мой билет в рай. Я обернулся за минуту, оглушительно прогрохотав по ступенькам.

Сбегал я не напрасно. В журнале рекламировался фасон купальника: грудастые и бедрастые модели принимали самые отвязные позы.

— Я поняла, — сказала Таму, не меняясь в лице. — Ткани и цвета могут быть разными, но закрыты всегда одни и те же участки тела.

— В самую точку!

— Можно мне прочитать этот журнал?

— Да пожалуйста! Хоть вообще забери! Я кофейку собираюсь хлебнуть, не составишь компанию?

Она отрицательно покачала головой, уже уткнувшись в журнал, а я пошел за кофе — похмелье давало себя знать. Вернувшись, Таму я не застал, и завтракать она не пришла. Подмывало навестить ее и поинтересоваться, в чем дело; в конце концов я решился сходить к ней, но не осмелился постучать. Когда миновал капитанскую каюту, оттуда вышел мальчишка-буфетчик; при виде меня он грустно закатил глаза; мелькнувший в проеме Себастьяно, голый по пояс, злобно зыркнул и захлопнул дверь.

Я взглянул на оставшиеся деньги (их с последнего пересчета не прибавилось) и решил: семь долларов в кармане — это все равно что ни шиша. А значит, надо пойти к стюарду и купить еще бутылку граппы.

Несколько хороших глотков самым благоприятным образом сказались на моем пищеварении

и умственной деятельности, и я вернулся на палубу, и увидел Таму, в том же шезлонге.

Только в этот раз вместо восточных шелков на ней был купальник с глубоким вырезом.

— С ним что-нибудь не так? — спросила Таму, когда я замер истуканом.

— Нет… класс! Просто здорово! А я-то думал, ты о таких вещах даже представления не имеешь.

— В моем багаже много разной одежды, нашелся и купальник. Поскольку я собираюсь пожить в Соединенных Штатах, надо будет одеваться, как местные.

— Отличная мысль. — Я уселся в соседнее кресло, испытывая восхитительную легкость в голове.

Рядом сидела девушка моей мечты — мечты, которая всегда казалась недостижимой. Такая стройная, такая мягкая и одновременно такая тугая… Каких же усилий мне стоило не облизываться!

— Давай принимать солнечную ванну, и ты расскажешь о своей родине, где я ни разу еще не была.

Она хотела знать о моей великой стране абсолютно все, и я не утаил даже самой мельчайшей подробности. Сначала общие темы: культура,

искусство, политика. Потом узкие: обычаи, привычки, нравы. Наконец очень обстоятельно, с примерами, — о межличностных отношениях. Она слушала с неусыпным вниманием. Тема маникюра потребовала наглядного пособия в виде изящной, нежной ручки, которую моя собеседница вовсе не спешила высвободить из моих пальцев. Но время пролетело ужасно быстро, и в самый неподходящий момент прямо над моим ухом грянул гонг — рядом стоял и выжидающе глядел собачьими глазами буфетчик. Пора одеваться к обеду.

На этот раз, когда я поравнялся с капитанской каютой, распахнулась дверь и Себастьяно выскочил средиземноморским чертиком из коробки.

— Я тебя видел с ней! — прошипел он.

— Не надо ревновать, она не в твоем вкусе.

— Тут не до шуток! Это не добропорядочная арабская женщина! Она вуали не носит и вообще раздевается почти догола. И сначала по-английски двух слов связать не могла, а теперь instantaneamente[16] заговорила отлично, да еще с североамериканским акцентом.

— Разве можно осуждать девушку за хороший

---

[16] Примечания: 16
Моментально*(ит.).*

слух?

— Una meretrice[17], вот кто она! Prostituta из ЦРУ. Шпионка! — Он здорово волновался, аж руками размахивал.

Я протиснулся мимо.

— Кэп, не давай слишком много воли воображению. Все хорошо в меру.

Но так ли уж он не прав? Я поразмыслил над его словами, пока брился над раковиной умывальника со струйкой ржавой теплой воды. Конечно, насчет ЦРУ чепуха полная. Но по-английски Таму и впрямь говорит сейчас куда лучше, чем вчера. Умная девочка, на лету схватывает. Да, дело только в этом. Капитан просто чокнутый.

Я аккуратно завязал галстук, чтобы свежее пятнышко от красного соуса спряталось под узлом, и прихватил обещанные Таму журналы.

После обеда мы пересели на обшарпанные кожаные кресла в дальнем углу кают-компании, и Таму углубилась в чтение. Священник оставил наше общество без привычного кивка — видно, не оценил подарок в виде Корана, — а я нашел в журнале неразгаданный кроссворд — надо же чем-то заняться, если компаньонка не выказыва-

---

[17] Примечания: 17
Блудница*(ит.).*

ет желания продолжать беседу. Она снова была одета во все черное, и это охлаждало мой пыл.

— Феромон… Фермент… — бормотал я, выводя и стирая буквы.

— Ты о чем? — спросила Таму.

— Самая богатая железом молекула в живых организмах, восемь букв, начинается с «фер».

— Ферритин, сложный белок, ответственный за накопление железа, которое используется для синтеза гемоглобина и других веществ.

Слово подошло. А Таму шпарила как по словарю! Да это, похоже, и было взято из словаря. Как в тот раз с декортикацией. Вот чем, стало быть, объясняется успешное освоение английского — она учит все наизусть. Девочка, конечно, умная, по ней сразу видно, но чтобы настолько! Украдкой я кинул на нее взгляд: она увлеченно листала давно оставшийся без обложки «Ридерз дайджест», впитывала страницу за страницей. А ну-ка, проверим мою догадку.

— Грубочувственное половое влечение, шесть букв.

— Похоть.

— Да, укладывается… Клятва, приносимая вассалом сюзерену в эпоху феодализма, пять букв, начинается на «о».

— Оммаж.

Во дает! И это ни на миг не отрываясь от чтения «Великих исторических личностей, сотрудничавших с ФБР»! Я даже вспотел от волнения. Ни разу в жизни не слышал слова «оммаж», но оно подошло идеально. Что это, превосходная от природы память, возможно даже фотографическая, натренированная запоминать абсолютно все прочитанное? Может, и впрямь Таму шпионка? Да ну, ерунда. Не будем уподобляться параноику Себастьяно. Память — совсем не то же самое, что ум. Я нацарапал на поле страницы несколько чисел.

— А вот интересная задачка, хе-хе. Девяносто два охотника пошли стрелять уток, и каждый подбил четыреста тридцать штук. Сколько всего уток было убито? Время ограничено…

— Тридцать девять тысяч пятьсот шестьдесят, — ответила она, переворачивая страницу. — Немаленькая была стая.

Что-то здесь не так. Малообразованные арабские девчонки с задворков цивилизации на такие фокусы не способны. Таму в два счета вычислила в уме то, для чего мне понадобилась бумага и ручка. И у нее, похоже, словарный запас получше, чем у меня — бывшего студента одного из лучших

университетов.

Я вовсе не был уверен, что это мне нравится.

Тут краем глаза я уловил движение — к себе в каюту входил стюард. И у меня возникла идея.

— Надо со стюардом потолковать, — пробормотал я и отошел.

— Есть отличный шотландский виски, и всего за два доллара, — угрюмо проговорил он, роясь в штабелях коробок.

Человека, больного язвой, окружало целое море бухла. Будешь тут угрюмым.

— Синьор стюард, дело не в качестве, дело в бюджете. На всю дорогу до Нью-Йорка у меня несколько баксов. Поэтому процент алкоголя важнее вкусовых качеств. Мне, пожалуйста, граппу.

Он достал бутылку маслянистой, ядовитой даже на вид жидкости, с сердцевиной кукурузного початка вместо пробки, — я никогда не понимал такого символизма.

— Шестьсот лир, или один американский доллар. — Стюард смахнул пыль с посудины.

Я полез в карман и сообразил, что оставил бумажник в каюте, когда переодевался.

— Деньги попозже занесу.

Граппа исчезла в коробке быстрее, чем появи-

лась.

— Вы что, мне не верите? Куда я денусь отсюда? Прыгну за борт и поплыву к берегу с бутылкой самого дешевого пойла в зубах?

Давно очерствевший от общения с поиздержавшимися туристами вроде меня, он не пожелал внять мольбам.

— Ладно, тогда не закрывайтесь, я сейчас вернусь.

Таму ушла, но журналы оставила, значит вернется, и это хорошо. Воспользуюсь перерывчиком, чтобы глотнуть крепкого, — от этого прояснится в мозгах, и я буду готов к продолжению беседы. Мимо ее каюты я прошел на цыпочках, чтобы не потревожить пассажирку, и приблизился к своей. Дверь была приотворена.

А ведь я закрыл ее, уходя! И запер! Всегда так делал, чтобы у кого-нибудь из экипажа не возникло соблазна умыкнуть мои вещи или последние деньги.

Я в бешенстве распахнул дверь. Согласен, это было глупостью. Если бы я благоразумно задержался у порога, то представил бы себе мускулистого налетчика с моим бумажником в одной руке и куском свинцовой трубы — в другой. По башке — и за борт, не самый интересный

финал. Но я не взялся за ум у порога, не побежал за помощью, а ворвался в каюту.

Возле моего открытого чемодана, с моим паспортом в руке, стояла Таму.

От такой картины я просто обмер. А вы что сделали бы на моем месте? Я по-прежнему был в бешенстве, оно-то мне и помогло.

— Ты вломилась в мою каюту! Ты крадешь мой паспорт?

— Какие жестокие слова! Дверь была не заперта, я просто вошла. И ничего не украла.

— А что у тебя в руке?

— Я только посмотрела. Очень интересный документ.

— Ну конечно, такой интересный, что мимо пройти невозможно. А ну, отдай.

Она несколько секунд помедлила, пристально глядя на меня, потом сказала:

— Мне бы все-таки хотелось изучить его получше. Пусть он еще немного побудет у меня, ладно? Я обязательно верну, мне ничего другого не остается.

Ничего другого? О чем это она? Я все еще злился.

— Ты, естественно, можешь его изучить. Но изучение стандартного синего американского

паспорта с напечатанным на его страницах номером стоит сто долларов в час.

— Вполне приемлемо. У меня есть сто долларов.

И названная сумма действительно нашлась в маленьком кошельке, извлеченном откуда-то из черных шелков. Пять двадцаток как с куста. Они легли на мою ладонь, и Таму очутилась за дверью, прежде чем я осознал случившееся.

Сто баксов. Они хрустели и пахли как настоящая зелень. Они и были самые настоящие. Через минуту это мое предположение подтвердил стюард, выдав две бутылки настоящего скотча и сдачу. Он даже улыбался, вдохновленный грандиозностью сделки. Виски был исключительно вкусен, и второй стакан отправился вдогонку за первым, а вместе они всего меня согрели изнутри.

За что мне заплатили такие деньжищи? Лучше не спрашивайте. Есть время задавать вопросы, а есть время тратить деньги. Позади осталась Европа, впереди лежала Америка. Поблизости таинственная женщина, а еще ближе, в кармане, без малого сотня баксов. И у меня есть доступ к морю разливанному алкогольных напитков. Один матросик давеча предлагал пакетик травы,

судя по виду, вполне приличной, но мне это было не по средствам. А теперь я богач! Черт с ними, с тайнами и женщинами, — меня ждут более простые и доступные радости жизни, как говорят поэты!

И я накирялся-накурился в зюзю, в дымину, в хлам. Может, сыграла свою роль долгая абстиненция, может, сказались тревожные раздумья о будущем, а может, загадочная церэушница, арабская Мата Хари, так пагубно повлияла на меня. А может, я просто идиот. Ведь знаю на своем горьком опыте, что бухло с дурью не дружат, — нет бы соблюсти это золотое правило минувшей ночью. Я сидел на кормовом подзоре, пил, курил и пялился на звезды, а те вытворяли такое! Просто чудо, что я не свалился за борт и не утонул.

Бог знает сколько времени спустя я обнаружил, что виски и марихуана закончились, и подумал, нельзя ли сейчас же добыть еще, а еще подумал, остались ли деньги, а еще подумал, что раз при мне их нет, то пора найти свою каюту. Причем мысли мои вовсе не выстраивались тогда в столь простую и логичную цепочку, но тем не менее они протащили меня по палубе, затем по трапу, затем по коридору. Подробностей моего продвижения память не сохранила, остался лишь

сумбур вроде отвратительно смонтированного фильма — сплошная чехарда эпизодов. И вот я у двери, напрягаю глаза, чтобы разобрать номер, а потом еще сильнее напрягаю мозги, чтобы понять смысл этого номера.

Смысл заключался в том, что это была ее каюта.

— Ее каюта, — важно доложил я себе.

В каюте мерцал яркий голубой свет, я его видел в щели под дверью, но интереса это явление не вызвало.

— Мой паспорт. Ты арендовала мой паспорт, и час уже истек. Верни мой паспорт…

Твердя «паспорт, паспорт», я размахивал руками — искал опору в темноте. Но вместо твердой стены нашел мягкую женщину. Мои ладони побывали на ее плечах, потом на спине; наконец я понял, что касаюсь не ткани, а кожи.

— Таму…

— Энди, уходи из моей каюты. Утром поговорим.

— Таму… — Я привлек ее к себе.

— Прошу тебя, не надо. Я не думаю, что это правильно.

Какая бархатистая у нее кожа!

— Энди, давай не будем сейчас спорить. Слова-

ми «да» или «нет» тут ничего не объяснишь, и то, что ты называешь моралью, не имеет к этому никакого отношения. Что ты собираешься делать?

Я сделал, что собирался. Очень уж сильно хотелось. И мы больше не спорили.

С койки мне удалось сползти лишь в середине дня, и, кроме как ползать, я не мог ничего. Лежал я у себя в каюте, и думать о том, как здесь очутился, совершенно не хотелось. Память о событиях этой ночи возвращалась крайне медленно. Я наглотался аспирина и еще каких-то таблеток, принял холодный душ и позвонил буфетчику; тот в конце концов появился и за бешеные чаевые принес уйму черного кофе в столь некофейное время суток. Его глаза, по обыкновению, были полны сочувствия, для которого, впрочем, на сей раз имелись все основания.

Когда память восстановилась, а с ней худо-бедно и здоровье, я заулыбался в зеркало. А плавание-то, как ни крути, получилось недурственное. Освежившийся и побритый, я, насвистывая, прошелся до каюты Таму, распахнул дверь и нежно произнес:

— Приветик!

Но там никого не оказалось. Каюта была аккуратно прибрана, вещи заперты в больших

чемоданах, никакой одежды и туалетных принадлежностей не видать. Только американский паспорт лежал на столике. Мой? Нет, мой остался у меня в каюте, я его там нашел и сразу припрятал.

Я раскрыл паспорт на первой странице и увидел фотографию с официальными красными и синими буковками по краю. Со снимка на меня смотрела Таму.

Этого не могло быть, но это было. Она, только не в черных шелках, а в белой блузке. На соседней странице имя и фамилия: Тамми Савани. Таму Савафи? Место рождения: США, Коннектикут. Неужели капитан прав насчет ЦРУ? Или она не за наших, а за русских? Вот для чего ей понадобился мой паспорт…

— Когда насмотришься вдоволь, отдашь? — спросила она, стоя в каюте спиной к закрытой двери.

— Ты американка?

— Нет.

— Значит, советская шпионка, или пекинская диверсантка, или…

— Ни то, ни другое, ни третье. Если захочешь выслушать, я расскажу.

— Давай рассказывай. — Я бросил паспорт на

столик и рухнул на сиденье. Головная боль молотом стучала по темени, и это в придачу к разброду в мозгах и общему недомоганию.

— Это деловая поездка, и ничего более. Я коммерческий представитель, представляющий финансовые интересы заинтересованных в инвестициях инвестиционных организаций.

— А говорила, что ты простая арабская девушка.

— Необходимое прикрытие. — Она отвечала спокойно, пряча руки в складках темной материи; никакие чувства не отражались на лице.

— Ладно, тогда кто же ты на самом деле? — Меня разобрал нешуточный интерес.

— Если скажу, как ты поступишь?

— Что? Да никак, наверное. Я не коммерсант и не промышленный шпион — что мне до финансов и инвестиций! Другое дело, если ты из государственной спецслужбы, и я буду так считать, пока не разубедишь. Бизнес есть бизнес, отец это часто повторял.

— Твой отец весьма мудр. Надо бы с ним познакомиться. Уверена, это нам обоим принесет финансовую пользу.

— Познакомиться с ним тебе просто необходимо, ты теперь даже говоришь, как он. Убеди его,

что продавать тракторы завода «Серп и молот» выгодно, и он всех своих работников заставит носить пуговицы со звездами. Так из какой ты страны?

— Ты ее не знаешь.

Ах так, да? Подначивать?

— По географии у меня были самые лучшие оценки. Все государства знаю, даже новые.

— Моя родина находится очень далеко, в световых годах.

— Ну да, ну да, ты с другой планеты.

— Вот именно.

Эта новость, как вы наверняка догадываетесь, здорово меня потрясла.

— Тамми-Таму, это очень серьезное заявление. И доказать можешь?

— Конечно могу, доказательств предостаточно. Здесь я нахожусь с целью установить торговые отношения с твоим миром, при мне образцы широкого ассортимента товаров наряду с описаниями производственных технологий и другими вещами, способными заинтересовать вашу сторону.

— А ну, покажи.

Она показала. Вынула руку из складок платья, и я увидел цилиндр величиной с мой большой

палец.

— Броуновский термоутилизатор, или излучатель концентрированного тепла. Не нуждается во внешнем питании, так как использует энергию молекулярных связей. Срок службы порядка ста ваших лет. Два режима — вот это колесико регулирует выдачу плазмы от микропорции, с огонек зажигалки для сигарет, — (штуковина засветилась голубым), — до самых разных величин, то есть она может применяться для приготовления пищи, удаления краски и для многих иных задач как в быту, так и в промышленности.

В воздухе появился красный диск, от него разбегались тепловые волны.

— Полезная вещица. — У меня жутко пересохло в горле.

— А полная мощность излучения в узком поле создает термолезвие, применимое для пайки, сварки, резки и тому подобного.

Красная линия толщиной с нить полыхнула от ее руки до переборки, и там осталась проплавленная дырка в окружении пузырей краски. Штуковина со щелчком выключилась и легла на стол. Я глядел на нее круглыми глазами и не испытывал ни малейшего желания взять в руки.

— Это еще и оружие, причем опаснейшее, —

пробормотал я.

— Такое применение тоже возможно.

— И ты держала этот термоутилизатор в руке, пока мы разговаривали. На случай, если мой ответ тебя не устроит?

Она не ответила, но молчание было красноречивым.

— Значит, я ответил правильно?

— Да. Впрочем, я и не сомневалась. Хочу тебя нанять в качестве референта по межкультурным связям. Чтобы начать торговлю, нужен человек, который привлечет в нашу организацию адвокатов, инженеров и других специалистов, который позаботится о том, чтобы первичные контакты с государственными и бизнес-структурами налаживались без проблем…

— Без проблем, как же. Тебя примут за разведчика… за разведчицу, которая идет впереди армии захватчиков.

— Это крайне примитивная реакция, но нельзя исключать и ее. Ты нам посоветуешь, как избежать подобных эксцессов. За это тебе полагается гонорар в миллион долларов плюс одна миллионная процента от сетевой прибыли в течение двадцати лет или в течение оставшегося срока твоей жизни, если ты умрешь раньше.

— Таму, ты говоришь как юрист.

— Я и есть юрист, помимо прочего.

— И в числе этого прочего ты женщина. Не желаешь ли рассказать, по какой такой случайности вы, инопланетяне, оказались настолько похожи на людей?

— Это не случайность, а результат обдуманных действий. У нас много черт сходства: двуногое прямохождение, двуполость, парные органы зрения и слуха и так далее. Но боюсь, отличия перевешивают.

— На мой взгляд, ты совершенно неотличима от человека.

— Элективная хирургия. Наша медицина намного опередила вашу по всем направлениям. Кстати, мы намерены торговать и ее плодами.

Интересно, как она выглядит в первозданном виде? Я попытался вообразить, но сразу оставил эту затею. Лучше обойтись тем, что есть. Особенно после минувшей ночи. Которая не повторится.

— Ты это… прости за то, что ночью случилось. Я, кажется, был малость не в себе…

— Да, и я прекрасно это понимала благодаря очень сильным запахам каннабиса и алкоголя. Но решила, что ты, не получив желаемого, можешь учинить разгром в каюте. Я даже свет не

могла включить, потому что работал пространственный копир, производя новый паспорт на основе твоего. Выбранная мной линия поведения казалась на тот момент оптимальной.

— Да? Оптимальной? Ха-ха-ха. Рад, что ты не держишь зла.

— У меня вообще никаких эмоций в отношении случившегося. Будь я зоологом или антропологом, записывала бы свои наблюдения. Впрочем, это открыло мне глаза на один фактор — тебе, возможно, будет интересно. Как уже сказала, я принадлежу к двуполой расе. При первом контакте с твоим миром я приняла облик женщины, который, по уверениям экзобиологов, не только привлекает самца, но и будит в нем инстинкт защиты самки.

— Такой шикарный облик способен будить и другие инстинкты в мужчине.

— О чем я теперь осведомлена. Непременно доведу сей факт до наших специалистов. Тебя же хочу информировать о том, что облик женщины уже выполнил свою задачу.

— То есть ты…

— Совершенно верно, я самец. Вхожу в высшее руководство крупнейшей из наших корпораций.

Я не ошибся. Она… вернее, он наверняка най-

дет общий язык с моим папашей. Который не поленился заранее написать автобиографию, использовав те же самые пафосные слова: высшее руководство, крупнейшая корпорация. Пусть они и с разных планет, зато похожи как две капли воды. Частички истеблишмента. Тошно смотреть, как истеблишмент протягивает щупальца с одного края Галактики на другой. Но вправе ли я жаловаться? Со своим миллионом долларов и роялти с продаж я теперь тоже частичка истеблишмента.

И тут меня затошнило еще сильней от чудовищной мысли. Сколько раз я говорил в сердцах: да трахал я ваш истеблишмент. И вот теперь, получается, я имею право это сказать в буквальном смысле!

Бомбардировщик обороны

Перевод Г. Корчагина

«Окура» — типичная японская гостиница. Иными словами, это средоточие деловой активности, настоящий муравейник. Все куда-то спешат: носятся портье, суетится клиентура; везде живые потоки, от разнообразных ресторанов на нижних этажах до баров и кафе в башне, что смотрит окнами на романтически иллюминированное море городского смога.

Трое в черных строгих костюмах имели азиатскую внешность, но с тем же успехом они могли быть и невидимками. Сквозь толпу эти люди пробирались с такой естественной легкостью, что их перемещений не замечал никто. Разными путями поднялись на девятнадцатый этаж и, встретившись как бы совершенно случайно, приблизились к двери с табличкой 1913.

Там самый крупный из них подождал, пока опустеет коридор, и тихо постучал. Дверь тотчас отворилась, на пороге стоял молодой человек, недоумевающе вглядываясь в лица пришедших.

— Иран Туан Нхам? — осведомился самый рослый.

Парень в дверях кивнул.

И как будто это послужило сигналом к действию, трое устремились вперед. Иран Туан Нхам вздрогнул от испуга, но не успел он и рта раскрыть, как прозвучал слабый хлопок, будто двумя книгами стукнули друг о дружку, и пуля из револьвера с глушителем пробила сердце. Упасть молодому человеку не дали, его подхватили и внесли внутрь, и дверь моментально закрылась за убийцами. Уже через несколько секунд официант прокатил мимо сервировочный столик, но не заметил ничего подозрительного.

Иран Туан Нхам бесстрастно глядел в иллюминатор. Тихоокеанская синева в солнечных блестках осталась позади, «Боинг-707» авиакомпании «Эр Джапан» пересек береговую линию с каемками пляжей, пролетел над изрезанной автострадами калифорнийской сушей и сбросил скорость, начиная длинный разворот. Вот опустились закрылки и вышли шасси, а он все снижался, будто целился в белые башни Сан-Диего. Вот и они проскочили мимо, и колеса коснулись взлетно-посадочной полосы аэропорта «Линдберг-филд». Борт 398, совершивший рейс Токио — Сан-Диего,

прибыл на место назначения.

Иран Туан Нхам неторопливо собрался, снял с вешалки над головой плащ и встал в очередь к трапу.

Джон Патрик Ханрахан отдал таможне США двадцать три года и к службе приноровился неплохо. Ни любви к ней, ни ненависти не испытывал — просто делал свое дело. Здесь все рутина, даже повышенная бдительность. Доводилось ему сталкиваться и с контрабандой алмазов, и с транспортировкой героина, да и просто обкуренных выявлять и задерживать, — нарушителя всегда выдает нервозность, повышенное потоотделение или другие странности во внешности и поведении. С азиатами, понятное дело, посложней, они ведь все на одно лицо. Черные волосы, желтоватая кожа и эти характерные глаза… Ни улыбки, ни эмоций каких. Вот этому парню, если паспорту верить, двадцать три. Но точно так же вьетнамец может выглядеть и в тринадцать, и в тридцать три. Род занятий — студент.

— Мистер Нхам, вы посещаете Соединенные Штаты в первый раз?

— Да. Я прибыл для поступления в университет по приглашению вашего государственного департамента. Цель прибытия — обучение.

— Что ж, очень хорошо, — проговорил Ханрахан, шлепая резиновым штампом.

Уже через секунду он забыл этого студента, заметив краем глаза, что женщина, следующая в очереди к его стойке, потеет. Нервничает или просто жарко ей в норковой пелерине? Богачи — плохие контрабандисты, дилетанты, это общеизвестно. Моментально сделав суровое лицо, таможенник поманил к себе даму.

— Будьте любезны, откройте, — вежливо попросил Мигуэль Родригес, офицер таможенной службы США.

Весь багаж, прибывающий с Востока, подлежал обязательной проверке. Очень уж много там привлекательного для контрабандиста товара, и все такое мелкое, удобное для тайной перевозки: наркотики, жемчуг, слоновая кость, драгоценные камни. Отработанными движениями он перебрал аккуратно уложенную одежду, провел пальцами вдоль швов обивки. Среди туалетных принадлежностей тоже ничего подозрительного. Во внутреннем кармане второго чемодана обнаружился полиэтиленовый пакет, офицер вынул его, приподнял, давая развернуться. Какие-то пуговицы, военные вроде, знаки отличия и различия, и на многих алеет звезда. Родригес

протянул пакет владельцу и при этом выразительно приподнял брови.

— Это с мундира офицера северовьетнамских ВВС, — бесстрастно пояснил Иран Туан Нхам. — Сувенир для моих американских друзей, благодаря любезности которых я получил приглашение в вашу страну, где смогу учиться в университете.

— Да? А как насчет этого? — спросил опешивший Мигуэль. — Вот эти темные пятна — неужели кровь? Его что, сбили?

Но владелец пакета не выказывал расположенности к разговору, он лишь стоял с равнодушным видом и ждал. Родригес вернул необычный сувенир на место, закрыл, не застегивая, чемоданы и на каждом начертал мелом каббалистический знак. После чего повернулся к следующему пассажиру.

Без малейшей спешки Иран Туан Нхам поправил одежду, застегнул чемоданы и понес их мимо носильщиков к выходу на улицу. Там ждала длинная шеренга такси, все желтые, большущие, — парковка за ними была сплошь уставлена такими же громоздкими автомобилями. Сразу видно, Америка — очень богатая страна.

— Мистер Нхам? — прозвучало сзади.

Он повернулся и ответил:

— Да, это мое имя.

Пестро одетый парень был взволнован до крайности. Он грыз кончик вислого взлохмаченного уса, его взгляд метался, не пропуская ни одного прохожего. Юнец порывисто шагнул к Нхаму, так близко подступил, что неприятно дохнул в лицо запахом мяса, и прошептал:

— Вместе с антагонизмом классов внутри наций…

— …Падут и враждебные отношения наций между собой, — ответил Нхам. — Какая необходимость в столь длинном пароле?

— Это же из Карла Маркса!

— А, ну да, это все объясняет. Весьма многословный писатель.

Парню такая реплика явно не пришлась по нраву.

— Вот наша машина, садимся.

Перед ними резко затормозил очень необычного вида автомобиль: корпус похож на перевернутую ванну, разрисован золотыми звездами на пурпурном фоне. Задние колеса в два раза больше передних, отчего штуковина напоминает бегуна на низком старте. Расположенный сзади двигатель ничем не прикрыт, длинная выхлоп-

ная труба змеится кверху. На водителе, тоже молодом, замшевый костюм с бахромой и шляпа в красно-белую полоску со звездами. Он указал большим пальцем на сиденье рядом с собой, а тем временем первый парень забрал у Нхама чемоданы и полез вместе с ними назад. Едва расселись, машина рванула вперед и устремилась к выезду из аэропорта.

— Меня можете звать Диком, — сказал водитель. — А он Спиро. Это, конечно, не настоящие имена, сами понимаете. Предосторожность. Как долетели?

— Разумная предосторожность. Спасибо, благополучно.

— С таможней, иммиграционной службой не было проблем?

— Вроде все чисто. Но слежка за нами, конечно, не исключается.

— Сейчас проверим.

Машина разогналась по въезду на высокую магистраль, где с чудовищной скоростью неслись многие колонны автомобилей. Ловкий, опытный водитель вписал «ванну» в общий поток и «заиграл в пятнашки», часто меняя полосу. Невыносимо запахло бензиновым выхлопом, вся картина показалась Нхаму сюрреалистической.

Пришлось держаться за специальную ручку на торпедо, пока машина не махнула наискось через все полосы к выезду с автострады и не юркнула в боковую улицу между высотками, причем большой красный знак «СТОП» Дика нимало не смутил. Резкая остановка у обочины, рычаг ручного тормоза до отказа кверху — и водитель выскакивает наружу.

— Я тут приберусь, — выхватил он тряпку из кармана и принялся тереть баранку, — а вы садитесь в другую тачку и ждите.

— Пошли. — Спиро опять схватился за багаж, а Нхам заторопился вдогонку.

— Что он делает?

— Пальцы стирает. Тачка-то паленая, Дик ее в Кол-Уэсте увел с час назад. Лох на занятиях до сих пор сидит, кипеж еще не скоро поднимет. Если копы попробуют нас вычислить, они пройдут до этого «баха-багги», ну а мы сейчас оторвемся на детройтском утюге.

Он закинул чемоданы в мятый грязнющий седан и уселся за руль. Нхаму большинство терминов было незнакомо, но замысел он понял.

— Очень хорошая работа.

Через несколько секунд прибежал Дик.

— Ни машин за нами, ни пеших хвостов. Все

чисто.

Они поехали дальше по узким улицам и вскоре очутились в жилом районе: кругом элегантные дома, зеленые лужайки, пальмы.

— Вот что, — заговорил Спиро, снова грызя ус, — это может показаться смешным, но давай ты глаза закроешь, ненадолго, а? Сам понимаешь, названия улиц…

— Я не против.

Это была необходимая мера. Нхам не открывал зажмуренных глаз до самого конца пути. Машина затормозила на подъездной дорожке перед одноэтажным домом, очень похожим на соседние, — привести сюда дознавателей просто не получится, сколь бы суровыми ни были формы воздействия.

Когда трое приблизились к двери, та распахнулась, а еще через секунду она была торопливо заперта у них за спиной.

— Это наши, остальные, — представил товарищей Дик. — Пэт, Мартин-Лютер, встречайте гостя.

Сначала Нхам пожал руку Пэт, стройной, с очень искренним взглядом, длинными прямыми локонами и на диво крупной грудью, обтянутой белым свитерком. Вьетнамские девушки

субтильны и, как правило, малогруды. Мартином-Лютером звали очень темнокожего негра с длинными жесткими волосами, уложенными в пышный шар вокруг головы. Пожатие у него было крепким, и он не улыбался.

— А давайте перейдем в гостиную, — нетерпеливо предложила Пэт. — Выпьем, тост произнесем, — все-таки исторический момент.

— Самый что ни на есть, — хмыкнул Дик и пошел в другую комнату первым.

— Бурбон, скотч, текила, выбирайте, у папы все имеется. Мама пошла играть в бридж, нам никто не помешает.

— Благодарю, — вежливо отказался Нхам, — но я не употребляю алкогольные напитки.

— Ну так у нас найдется кола. Или, может быть, хотите чая?

— Кола годится, спасибо. Впрочем, если есть чай…

— Сейчас принесу. Но тост должен быть непременно.

Американцы встали в кружок и подняли стаканы. Никто уже не улыбался.

— Спиро, как насчет тебя? — обратилась к юнцу Пэт. — Это ведь ты все придумал и организовал.

Он расправил плечи и перестал жевать ус.

— Ладно, скажу. Давайте, что ли, за него. За успех.

— За успех, — с чувством подхватили молодые голоса.

Путь назад был отрезан — в ту минуту, когда здесь появился Иран Туан Нхам.

— А теперь-то можно? — обратился к нему Спиро. — Узнать, как тебя зовут?

— Разумеется, это уже не секрет. Я лейтенант Тран Хунг Дао. Иран Туан Нхам был студентом из Сайгона, собирался лететь сюда. Я воспользовался его биографией и паспортом только для того, чтобы проникнуть в страну.

— Вы сказали «был»… — В дверном проеме стояла с дымящейся чашкой Пэт. — Он что, теперь мертв?

— Думаю, да. Не знаю. В операции на этом этапе я не участвовал. Меня послали в Токио, там я получил его вещи.

— Он мертв, — ровным тоном произнес Мартин-Лютер. — Или ты забыла, что идет война? Он не первый.

— И не последний, — добавил лейтенант Дао.

Девушка все еще стояла, держа чашку перед грудью, глаза были круглы — она только сейчас осознала реальность смерти, собирающей где-то

далеко свою жатву. Лейтенанту же вообще случалось ходить со смертью в обнимку, причем много раз.

— Если это чай для меня, я буду вам весьма благодарен.

— Ой… конечно, простите. — Пэт поспешила к нему, на блюдце рядом с чашкой лежала белая бумажка.

— Чай? — неуверенно спросил вьетнамец.

— Да, в пакетике, надо просто в воду опустить. Молока, сахара?

— Сахара, пожалуйста, если вас не затруднит.

— Все на мази, — сообщил Спиро. — Если хочешь, можем обтяпать дельце уже сегодня.

— Я совершенно не против того, чтобы мы управились до вечера. Говорите, все подготовлено?

— Ага. Они в горах. В прошлом году сгорело одно ранчо, никто туда не суется, зато там есть взлетка. Мы уже сделали предоплату за аренду самолета. Для этого еще нужна пилотская лицензия — у меня есть.

— О, так вы летчик?

— Нет. Взял пару уроков, чтобы правильные слова говорить, ну, как будто я шарю, что там к чему. А лицуха — фальшак. Просто ксерокопия, но мы ее подрихтовали, теперь как настоящая.

Сам глянь, нормально?

Спиро вручил лицензию Дао, и тот склонился над ней.

— Трудно сказать. Вроде выглядит вполне официально.

— Пришлось обчистить одного чувака, — лучезарно улыбнулся Дик. — Это уже по моему ведомству. Я, можно сказать, на таких делах руку набил. Мы поошивались вокруг аэропорта, пока не срисовали типа, который парковал частный самолет. Этот лошок здорово похож на нашего Спиро.

— У человека на фотографии нет усов.

— Перед отъездом сбрею, — пообещал юноша в пестром.

— Так вот, все прошло как по маслу, — продолжал Дик. — Я подобрался на парковке к чуваку сзади, вырубил его, забрал лопатник. Мы отксерили лицензию в библиотеке. Деньги из бумажника забрали, двести баксов с лишним, но вернули пилотскую и все кредитки, бросили ему в почтовый ящик. Это чтобы он не побежал жаловаться копам на пропажу важной бумажки, не поднял шума.

— Да, неплохо. Главное, чтобы лицензия прошла проверку.

— Там не приглядываются. Я походил вокруг,

посмотрел, как арендовали пару самолетов. У нас получится.

— Как чай? — спросила Пэт.

Дао хлебнул горького, слишком крепкого, отвратительно заваренного чая.

— Превосходный. Огромное вам спасибо. Мундир мой у вас?

— Вчера взяли напрокат в Голливуде, на складе костюмов, спороли пуговки и прочие цацки, — ответил Дик. — Форма французских ВВС, как вы и просили.

— Да, нашу делают по образцу французской. Можно ее принести? Мне надо пришить свои пуговицы и знаки.

— Я пришью. — Пэт торопливо вышла из комнаты.

Дао вынул полиэтиленовый пакет и снова застегнул чемодан.

— Эти чемоданы мне уже не понадобятся. Нельзя ли избавиться от них, да так, чтобы никто не нашел? И от паспорта.

Дик взял у него паспорт Ирана Туана Нхама.

— Ксиву сожжем, а шмотки вывезем за город и закопаем. Не волнуйтесь.

— Крылышки вот сюда, — указал Дао над левым нагрудным карманом, когда Пэт принесла мун-

дир. — Где должны быть пуговицы, вы, конечно, знаете. Это лейтенантские петлицы.

— Отлично говорите по-английски, — сказала Пэт, продевая нитку в иголку.

— Меня поэтому и выбрали. Я получил диплом по английской литературе, специализировался на творчестве Шекспира. Прежде чем летчиком стал, конечно.

— На МиГах летали? — спросил Мартин-Лютер.

— Да. Но в последние годы на китайских транспортниках.

— Короче, мне нужно вмазать. — Спиро налил добрых два дюйма бурбона и поднес стакан ко рту.

Мартин-Лютер перехватил его запястье.

— Прекрати. Если налижешься, у нас ничего не получится.

— Он правильно говорит, — поддержал негра Дик. — Поставь.

Спиро, жуя непокорный ус, переводил взгляд с одного товарища на другого.

— Тьфу ты. Надо сбрить на хрен. Я хотел совсем чуть-чуть.

— Будет тебе чуть-чуть, — пообещал Мартин-Лютер. — Позже. Перед самым отъездом.

Он забрал стакан и опустил на стол. У Спиро

покраснела шея; тяжело топая, он вышел из комнаты.

— Хороший парень, — проводил его взглядом Дик. — Просто воображение слишком буйное. Он будет в порядке.

— Я в этом не сомневаюсь, — кивнул Дао. — Уверен, вы все в порядке. Мне кажется, вы очень смелые и честные люди, раз решились на такой поступок. Совершить его трудней, чем капитулировать или сражаться в армии или на флоте. Меня просили передать… передать официально, что народ Демократической Республики Вьетнам считает вас героями…

— Не хочу я быть гребаным героем, твою мать! — вспылил Мартин-Лютер. — Я хочу быть американцем, который поможет вытащить из сраной войны свою страну, прежде чем она разорвется напополам и весь мир заодно расхерачит. Я хочу, чтобы часть этих вонючих мегабаксов тратилась не на бомбы, а на черные гетто и чтобы мой народ не копошился в грязи с крысами, а имел то, что имеет любой беложопый пидор, какое-то подобие достойной жизни. А твой народ пусть живет как хочет и вытворяет у себя то, что ему нравится.

— Совершенно согласен. — В голосе Дао тоже

звучал ледяной гнев. — Мы будем жить в своей стране, а вы — в своей. Именно такой вариант меня устраивает больше всего.

Атмосфера несколько разрядилась. Налив себе спиртного, Мартин-Лютер прихлебывал, глядел в стенку и скалился своим мыслям. Пэт управилась с шитьем и показала Дао комнату, где можно переодеться. Когда вьетнамец вернулся, всем бросилась в глаза перемена в облике: гость как будто стал выше, крепче.

— Кепи можно засунуть в карман, форму не будет видно под плащом. Но надо чем-то прикрыть шею. У вас найдется шарф?

— Есть у папы, только верните потом.

Через два часа они выехали на двух машинах. Дао сел вместе со Спиро, от того крепко несло последним «чуть-чуть».

— Едем на «Браун-филд». Где это, знаешь?

— Я очень тщательно изучил присланные вами карты. Это южнее Сан-Диего, примерно в четырнадцати милях. Мили две от океана и почти столько же к северу от мексиканской границы.

— Все правильно. Там прокат самолетов. Есть четырехместный, как ты и просил. Я уже заплатил авансом и заполнил полетный план, будто бы мы направляемся в Сан-Франциско. Все будет

тип-топ.

Последнее прозвучало скорее как вопрос, нежели как утверждение, и Дао заметил, что водитель до белизны суставов сжал баранку.

— Да, все будет хорошо, — сказал вьетнамец, надеясь, что его голос звучит безмятежно. — Как только я сяду в самолет, ваша работа будет закончена. Со случившимся никто вас не свяжет.

— У нас насчет этого все схвачено. Мы с Дэйвом… в смысле, с Диком… Черт, забудь имя, ладно? Мы с Диком как бы в Аризоне живем, в палаточном городке. Даже не как бы, у нас припасены квитанции оттуда. Сюда приехали вчера вечером и двинем назад, как только ты вылетишь. Так что и правда на нас никто не подумает.

Они свернули на узкую дорогу, что петляла по обжигаемым солнцем низким холмам. «Браун-филд» служил в годы Второй мировой учебным аэродромом для флотской авиации, а потом достался гражданским, и пользовались им мало. Автомобиль миновал тихую поблекшую столовую и ряды пустующих казарм; наконец этот унылый пейзаж сменился летным полем с красочными рядами легких самолетов. Спиро запарковался так, чтобы машину не было видно с территории аэродрома, и они медленно двину-

лись к административному зданию с большой вывеской «Прокат» наверху. Когда вошли, из-за стола на них уставился жующий сигару мужчина средних лет.

— Морган моя фамилия, я звонил насчет аренды, деньги по почте отправил…

— Да-да, подождите. — Администратор порылся в лежащих перед ним папках. — Давайте лицензию.

Спиро протянул ее, стараясь вести себя как можно непринужденнее, и заметил, что у него дрожат руки. Рядом стоял молчаливый Дао, он сохранял полнейшее спокойствие, и американцу это немного помогло.

Человек по ту сторону стола несколько секунд щурился на лицензию, затем что-то записал в своем бланке. Вот он уже возвращает документ… но замирает и снова подносит его к глазам. Спиро казалось, у него сейчас остановится сердце.

— До истечения срока действия меньше трех недель, вы в курсе? — спросил администратор.

— В курсе. — Собственный голос показался парню незнакомым. — Всего на два дня лечу, как вернусь, сразу продлю.

Лицензия возвратилась к нему, бланки тоже придвинулись по столу. Едва не раздавив ав-

торучку в пальцах, Спиро поставил тщательно отработанную подпись.

— Красный «команч», — сказал администратор. — Третий в первом ряду. Полный бак, альтиметр обнулен на нашем поле. Вот ключи.

Спиро, уже и вовсе утративший способность говорить, кивнул и вышел, заставляя себя идти помедленней. Дао не отставал ни на шаг.

— Вам надо сесть за штурвал, — сказал вьетнамец. — Сделать вид, будто проверяете приборы. А я займусь вторым комплектом органов управления.

Они забрались в кабину, и Дао без спешки, предельно методично проверил приборы, подвигал вперед-назад штурвал, поднял и опустил элероны. Спиро между тем в тихой истерике лупил кулаком о ладонь. Едва вьетнамец сунул ключ в замок зажигания, послышался частый приближающийся топот, а затем их громко позвали.

Обмерев, они сидели и молча ждали. К ним поднялся запыхавшийся администратор.

— Копию договора! Берите и больше не забывайте.

— Больше не забудем, вы уж нас простите, — ответил Спиро, чувствуя, как его бросило в пот, и надеясь, что администратор этого не замечает.

Тот, однако, вгляделся в лицо парня и нахмурился. Но потом слегка пожал плечами и ушел в свою контору.

Дао и впрямь был опытным пилотом. Он завел двигатель, дал хорошенько раскрутиться пропеллеру, отпустил тормоза и порулил на взлетную полосу. С башни поступило разрешение; самолет разбежался на старенькой залатанной бетонке и взмыл в небо.

— Я уж думал, окочурюсь от страха, — прокричал Спиро сквозь рев мотора.

— Так ведь обошлось. Куда летим?

— Чего? А, на восток. Куда дороги ведут. Это недалеко.

— Не разумней ли взять сейчас на север, к Сан-Франциско, и повернуть, когда нас не будет видно с аэродрома?

— Ага, толково. Я скажу, когда поворачивать.

Ранчо стояло за прибрежной равниной и покатыми холмами, почти у подножия Сьерра-Невады, — горстка почерневших в пожаре зданий и пыльная взлетка. В ее конце маячила машина, возле нее ждали трое. Самолет пролетел вдоль полосы — Дао нужно было убедиться, что она в рабочем состоянии, — затем пошел вверх, на крутой разворот. Идя навстречу ветру, «команч»

сбросил скорость и аккуратно приземлился на три колеса. Вьетнамец подвел его к автомобилю и выключил двигатель.

— Как у вас, все получилось? — Пэт была бледна — отважный замысел по мере его реализации все больше повергал девушку в ужас.

— Они же здесь, разве этого недостаточно? — сердито проговорил Мартин-Лютер. — Мы все выкопали и переложили в машину.

Дао и Спиро сошли на землю и заглянули в открытый багажник седана.

— Галлоновые банки из-под краски, — пояснил Дик. — В каждой пять фунтов пороха. Сверху залепили гипсом.

— А запалы? — спросил Дао.

Дик ухмыльнулся, но как-то невесело.

— С этим было посложнее. В смысле, у меня не вышло то, что заказывали. Но я нарезал обычного бикфордова шнура. Замедление будет пятнадцать секунд, как и задумано…

Он смущенно умолк, увидев холодную ярость в глазах Дао. Трясущимся от возмущения пальцем тот указал на банки.

— Вы что хотите этим сказать? Что изменили конструкцию, не посоветовавшись с нами? И теперь из-за вашей дурости операция на грани

провала? Сколько у меня рук, а? Три? Одна рука на штурвале, вторая дергает кольцо терочного воспламенителя. Но как одной рукой управлять самолетом, а второй держать спичку и банку? Как…

Он задохнулся от бессильной злости. Сжимая кулаки, Дик буравил взглядом землю. Вьетнамец переводил взгляд с одного американца на другого, и никто ему не отвечал.

— Сами понимаете, это невозможно. Как теперь быть? Слишком многое уже сделано, чтобы сейчас взять и прекратить операцию. Я поведу самолет. Один из вас должен лететь со мной и поджигать шнуры.

Помощники краснели от стыда, торопливо придумывая причины для отказа. Тран Хунг Дао, профессиональный воин, мрачно выслушивал одного за другим. Ему-то говорить уже было не о чем. Но он заметил, что Мартин-Лютер не оправдывается, а потому не удивился, когда тот зло и презрительно плюнул товарищам под ноги:

— Слабаки вы, дешевки беложопые. Что, поиграли в войнушку? Хорошо провели времечко? Сейчас война по-настоящему пришла к вам в дом, а вы — надо же, какие нежные! — не желаете в ней поучаствовать. Лейтенант, как думаешь,

можно будет меня высадить где-нибудь в сторонке, когда закончится потеха?

— Почему бы и нет? Только скажите где.

— Ну так приступим. — Негр ткнул большим пальцем в сторону самолета. — Белые господа, не жуйте сопли, посодействуйте парню хотя бы с погрузкой.

Пока американцы укладывали банки на два задних сиденья, слов было сказано очень мало. Из сумочки Пэт достала три одноразовые зажигалки и вручила их Мартину-Лютеру.

— Удачи, — напутствовала блондинка.

— Да уж, крошка, удача нам не помешает. А теперь отвалите, снежки, — с мячом к воротам рвутся низшие расы.

Дао снял с себя шарф и плащ, отдал их девушке и надел форменное кепи. Легко завелся двигатель, «команч» прокатился до начала полосы и там развернулся. Он не успел и с места стронуться, а легковушка уже запрыгала прочь по ухабистой дороге. Мартин-Лютер брезгливо фыркнул.

— Какой у нас план? — спросил он, когда самолет оторвался от земли.

— Сначала аэродром «Риэм». Заходим с моря на бреющем, бомбим. Разворачиваемся, повторяем, исчезаем над морем.

— И это все?

— Это только начало.

Набрав высоту пять тысяч футов и повернув, самолет теперь гудел над Тихим океаном, впритирку к морской границе. Когда пролетали чуть южнее «Риэм-филда», Дао рассматривал его с живейшим интересом: это же «вертолетная столица мира», главная учебная база противника. Прямо на глазах взлетают и садятся винтокрылые машины, а на летном поле они во множестве стоят ровными рядами.

Снова оказавшись над водой, «команч» в плавном развороте снизился к самым волнам, позволил им обрести поразительную четкость и устремился к берегу. Дао до отказа подал вперед рычаг дросселя, рев двигателя в ушах сделался оглушительным.

— Приготовиться! — прокричал вьетнамец.

Мартин-Лютер, уложивший себе на колени целый штабель банок, щелкнул зажигалкой и с кривой улыбкой ответил:

— Будь спок!

Внезапно по курсу возник пляж, чуть дальше — низкие дюны. Над ними самолет проскочил на бреющем. А вот и аэродром!

— Иллюминаторы открыть! К бою! По моей

команде поджечь первую и передать мне. Поджигайте!

Легкий самолет несся над шеренгой вертолетов; из ладони Дао рвалась оплетенная проволокой рукоять. Он отправил за иллюминатор тяжелую банку и протянул руку за второй. Прежде чем «команч» достиг построек на краю летного поля, вниз отправились еще две бомбы. Увидев, что Мартин-Лютер успел поджечь четвертую, вьетнамец замахал рукой, и негр поспешил выдернуть огнепроводный шнур.

— Дай и мне штучку бросить! — прокричал помощник.

— Хорошо. Но по возможности не трогаем живую силу. Наши цели — ГСМ, вертолеты и грузовики.

«Команч» взмыл и заложил умопомрачительный вираж, чтобы устремиться в противоположном направлении. За эти несколько секунд сцена разительно изменилась: над шеренгой вертолетов клубились дымы, по полю носились люди. Аэродром смахивал на растревоженный улей. Кто-то стоял внизу, запрокинув голову, и смотрел на самолет. При его повторном появлении моряки и морпехи рассыпались в поисках укрытия.

Подав две самодельные бомбы Дао, Мартин-Лю-

тер воспламенил запал третьей и выкрикнул:

— Эта моя!

Она полетела в сторону припаркованного заправщика. И угодила в цель — оглушительный взрыв сопровождался клубящимся облаком пламени. Вопя в восторге что-то нечленораздельное, негр лупил кулаком по кромке иллюминатора.

— Что теперь? — спросил он, когда легкий самолет снова пересек береговую линию.

— За нами летят?

— Какой-то вертолет… Нет, сворачивает. Они даже не поняли, что случилось. Не знают, кто на них напал.

— Очень надеюсь, что вы правы. Эффект внезапности — это все, что у нас есть. Наша следующая цель — Норт-Айленд.

— Да ты шутишь! Там же истребители, зенитки! Твою мать, рядом авианосцы с эрликонами, крейсера!

— И все исправно и готово к бою. Так ли это, скоро узнаем.

— Тран, надо отдать тебе должное, парень ты не робкого десятка. Штурмовать целую базу военного флота, это ж какие яйца надо иметь!

— Чем громче будет наше заявление, тем лучше его расслышат. На этот раз хватит одного

захода…

— Малыш, мне это по кайфу! Вперед!

— Потом снизимся до минимума и полетим прямо на Мирамар, к северу от Сан-Диего, — там расположен военный аэродром. Одно бомбометание, далее я приземляюсь и сдаюсь. На мне мундир, значит я военнопленный; со мной должны обращаться, как мы обращаемся с вашими летчиками, которые бомбят нашу страну. Я уже сказал, цель моей акции — громкое публичное заявление. Но как быть с вами?

— Со мной? Мирамар вполне подходит. Там есть полосы больше двух миль длиной, аж до самого леса. Прокатись в конец, при развороте поднимется туча пыли. Я там спрыгну, залягу и подожду, пока тебя сцапают, а потом улизну. У меня получится.

— Ладно, очень на это надеюсь. А сейчас приготовьтесь, прямо по курсу — база.

Перед ними выросли дома и ангары, дальше возвышались серые громады военных кораблей. Похоже, сюда еще не поступило сообщение о налете на «Риэм». Дао потянулся за бомбой — и вдруг резко накренил машину в крутом развороте.

— Там бомбардировщики «Эф-четыре», они опустошают мою страну.

От бомбардировщиков полетели металлические клочья, повалил черный дым. Банки с порохом падали одна за другой, но вот «команч» пересек летное поле и повернул в направлении гавани. Прямо по курсу стоял авианосец, «остров» возвышался как небоскреб, с него следило за приближением самолета множество глаз. Проносясь над кораблем, Дао и Мартин-Лютер успели заметить единственного морпеха, который оказал сопротивление: автомат в его руках дергался, пули летели в небо. К палубе устремилась бомба, но отскочила и взорвалась в воде, не причинив никакого урона.

— Не поднимайся, держись автострады, — прокричал Мартин-Лютер.

Дао хотел было ответить, но схватился за штурвал — мотор вдруг протрещал и заглох.

— В чем дело? — нарушил панический возглас негра наступившую тишину.

— Не знаю. Похоже, двигатель пробит. Вытекло все масло.

— Пуля? Когда в нас стреляли?

— Может быть. Где тут можно приземлиться?

— Нигде, кругом дороги и дома. На воду?

— Нет. Если утону, могут и не найти. Надо, чтобы они поняли, кто это сделал и для чего. На

той стороне гавани «Линдберг-филд». Думаю, дотянем.

Лейтенант сосредоточился на управлении, чтобы максимально продлить снижение машины.

— А как насчет меня?

— Сожалею, но вам придется лететь со мной до конца. Может, удастся выбраться из самолета на поле и убежать.

Мартин-Лютер неразборчиво ругался и бил кулаками по сиденью, когда они едва не задели колесами тунцеловные суда, когда пронеслись над улицами, когда перемахнули через ограду аэродрома и аккуратно опустились на взлетно-посадочную полосу. Все это произошло слишком быстро — у помощника не было никакой возможности спрыгнуть.

От здания аэровокзала к ним устремилась спецмашина аэродромного обслуживания, с визгом тормозов остановилась боком перед «команчем»; водитель выскочил из кабины с противоположной стороны и сломя голову побежал прочь.

Дао изо всех сил давил на тормоза, самолет подпрыгивал и кренился, но предотвратить столкновение с грузовиком не удалось. Оглушительный грохот, страшная боль, кругом кувыркаются неизрасходованные бомбы… Пока потерпевшие

крушение приходили в себя, отворились двери здания аэровокзала и на поле хлынули пассажиры, техники, пилоты, стюардессы, уборщики, — и вся эта толпа ринулась к разбитому самолету.

— Уже знают, — проговорил Мартин-Лютер. — По радио услышали.

— Мы сдадимся, как ваши пилоты. Они бомбят больницы и школы, они разрушили на три четверти мой родной Намдинь, они убивают нас тысячами. Но мы все-таки берем их в плен.

Мартин-Лютер ничего на это не сказал, он утратил способность говорить и вообще двигаться, — мог лишь смотреть круглыми от ужаса глазами на ревущую толпу. Ему уже было ясно, что сейчас произойдет.

— Запри дверь! — сумел он выкрикнуть наконец. — Наглухо запри и не открывай, надо дождаться копов, военных! Надо продержаться!

Лейтенант Тран Хунг Дао и сам успел все понять, глядя на разинутые в воплях рты, на тянущиеся к нему даже не руки — когтистые лапы бешеных зверей; на слесарные инструменты и прочие схваченные в спешке предметы, предназначенные для расправы над ним.

Он изо всех сил держал ручку двери. Возле его лица вдребезги разбился иллюминатор, в кабину

влетел гаечный ключ.

— Я сдаюсь в плен! На мне мундир комбатанта! Десять лет вы вот так же громили мою страну! Пять миллиардов долларов в год тратили на бомбы! Убивали, калечили женщин, детей…

Дверь вырвалась из рук вьетнамца, в него вцепились чужие пальцы.

— Полиция? Вы же полицейский, помогите мне…

Тот, к кому обращался Дао, ударил его кулаком в лицо, выбил глаз.

Множество рук вытащило пилота из кабины, сорвало с петель вторую дверь и швырнуло вопящего Мартина-Лютера наземь.

Кулаки, носки ботинок и туфель, каблуки-шпильки… Густым градом удары сыпались со всех сторон, слепя, мозжа, разрывая, убивая. С трупов сорвали одежду, чтобы легче было добраться до мягкой плоти.

Солдатам с расположенной поблизости базы Корпуса морской пехоты пришлось лезть через высокую ограду, поэтому к их прибытию от жертв мало что осталось. Но бравые морпехи все же вволю потоптались тяжелыми ботинками по кровавым ошметкам.

Поскольку содеянное этими двумя извергами

нельзя было назвать иначе как чудовищным преступлением. И не существовало на свете кары, чересчур суровой для них.

Добросовестная работа

Перевод И. Зивьевой

— Я просто делаю свою работу, и все. Ничего больше, — непреклонно сказал Джерри и впился зубами в изгрызенный мундштук своей старой трубки; нижняя челюсть его при этом выражала такую же непреклонную решимость, как и голос.

— Я это знаю, мистер Кранчер, — сказал лейтенант. — Никто и не просит вас работать сверх положенного или делать что-либо предосудительное. — Лейтенант был весь в пыли, лацкан одного из карманов на его униформе оторвался, а во взгляде горел какой-то дикий огонек. И говорил он, пожалуй, слишком быстро. — Чтобы попасть к вам, мы шли через БуРекЦентр, а это было нелегко — там мы потеряли отличных солдат... — Лейтенант сорвался на крик, но тут же — не без труда — взял себя в руки. — Мы были бы рады сотрудничать с вами, если вы согласитесь.

— Не по душе мне ваше предложение. Все это может обернуться большими неприятностями.

Но таких неприятностей никто не ожидал, а те, кто ожидал, ожидали чего-то совсем другого и соответствующим образом составили планы действий и ввели их в компьютер, который выдал им программы, предусмотревшие все возможные варианты предполагаемого исхода событий. Однако у бетельгейзианцев был совершенно иной план; именно поэтому они настолько преуспели в осуществлении задуманного, как им самим, возможно, и не мечталось в самых дерзновенных помыслах. Торговый пункт, который они развернули в кратере Тихо на Луне, был просто торговым пунктом и ничего общего не имел с последующими событиями. Записи о Великом бедствии запутаны, что, возможно, объясняется сложившимися обстоятельствами; число пришельцев, вовлеченных в первый этап вторжения, составляло, несомненно, всего лишь малую часть от тех завышенных цифр, что всячески раздувались возбужденными репортерами или озабоченными военными, которые считали: причинить подобный ущерб должно было именно такое количество атакующих пришельцев. Вероятнее всего, что во вторжении участвовало не более двух — максимум трех — кораблей, что в лучшем случае означало несколько сотен

бетельгейзианцев. Всего несколько сотен, чтобы поработить целую планету, — и им едва это не удалось.

— Полковник, это мистер Кранчер, который добровольно вызвался…

— Штатский! Гони его отсюда ко всем чертям, да прежде завяжи ему глаза, болван! Данная штаб-квартира в целях строжайшей безопасности глубоко законспирирована…

— Сэр, в конспирации больше нет смысла. Все наши коммуникации перекрыты, и мы полностью отрезаны от войск.

— Тише ты, идиот! — Полковник воздел сжатые в кулак руки. Лицо его покраснело, глаза загорелись бешеным огнем. Он все еще не хотел верить в то, что произошло; скорее всего, не мог поверить. Лейтенант, офицер запаса, был моложе его, но какая бы буря негодования ни поднималась в его душе по отношению к происшедшим событиям, он мог смело смотреть фактам в лицо.

— Полковник, вы должны поверить мне. Наше положение отчаянно, а отчаянные времена требуют отчаянных решений…

— Сержант! Отведи этого лейтенанта и этого штатского на стрельбище и расстреляй их там за подрывную деятельность во время чрезвычайно-

го положения.

— Но, полковник…

— Это приказ, сержант!

Сержант, которому оставалось служить лишь четыре месяца, о чем свидетельствовал его довольно объемистый живот, переводил взгляд с одного офицера на другого. Он колебался, не зная, на что решиться, да и вообще ему не очень-то хотелось принимать какие-либо решения. И все же надо было что-то делать. Наконец сержант встал и направился в туалет; войдя в него, он запер за собой дверь. Полковник, который, выпучив глаза, молча следил за каждым его движением, вдруг судорожно глотнул воздух и схватился за кобуру на боку. Но только он вытащил оружие, как внезапно издал странный булькающий звук и упал лицом вниз на письменный стол. Затем медленно соскользнул на пол.

— Санитара! — крикнул лейтенант и, подбежав к полковнику, расстегнул на нем воротник.

Подошедший санитар бросил взгляд на распростертое на полу тело и мрачно покачал головой:

— Обширный. И не в первый раз. У него всегда барахлил мотор.

Сержант вышел из туалета и помог лейтенанту накрыть труп защитной накидкой. Джерри Кран-

чер стоял в стороне и, посасывая трубку, молча наблюдал за происходящим.

— Прошу вас, мистер Кранчер, — умоляюще произнес лейтенант, — вы должны помочь нам. Теперь вы — наша последняя надежда.

Сейчас, когда мы оглядываемся на Черное воскресенье — день начала Великого бедствия, мы уже способны изумляться простоте бетельгейзианского плана и понимать, почему он был так близок к успешному осуществлению. Наши армии и космотанки находились в состоянии полной боевой готовности; все их внимание, все орудия и аппаратура были направлены в сторону массивного здания так называемого торгового пункта, каковым он, в сущности, и являлся. Сложнейшая паутина коммуникационных сетей на Земле связала вместе сонм защитников, многоуровневую сеть радиорелейных и лазерных линий, наземные линии и спрятанные под землей коаксиальные кабели, микроволновые и гелиографические средства связи. Эта паутина была надежно защищена от неумелого с ней обращения и от помех при передачах и вообще являлась совершенной во всех отношениях — за исключением того, что абсолютно вся связь осуществлялась только по трем каналам: через две

подстанции и КомЦентр во Всемирной столице. Эти три станции, удивительно продуктивные, отвечали за всю связь с вооруженными силами Земли — на земле, под землей, на Луне и в космосе.

Их вывели из строя. Бетельгейзианские десантно-диверсионные бронеотряды сбросили на каждый из этих трех узлов по одному анти-G. Бой продолжался не более получаса, да иначе и не могло быть. По завершении боя все три коммуникационных узла были захвачены, и война была проиграна прежде, чем началась. Штаб-квартиры оказались отрезаны от войсковых частей, отдельные части — друг от друга, танки — от своих командиров, звездолеты — от баз. Радарная служба на невидимой стороне Луны зафиксировала на экранах отраженные сигналы военно-космических сил вторжения, устремившихся к Земле со стороны Сатурна. Но передать об этом на Землю уже не представлялось возможным.

— Я должен спросить об этом своего шефа, — произнес Джерри Кранчер и важно кивнул при одной только мысли о подобном разговоре. — Ведь у меня сегодня выходной и все такое. К тому же у вас нет допуска на проход в туннели. Не могу сказать, что ему это сильно понравится.

— Мистер Кранчер, — сказал лейтенант, стиснув зубы, — к вашему сведению, сейчас идет война. Вы только что видели человека, который умер из-за этой войны. Вы не можете позвонить своему шефу, потому что в связи с военными действиями гражданская видеофонная сеть перестала действовать.

— Не могу сказать, что мне это нравится.

— И нам тоже. Вот почему мы нуждаемся в вашей помощи. Враждебные нам чужаки захватили наши коммуникационные узлы, и необходимо выбить их оттуда. Через посыльного мы связались с ближайшей войсковой частью, и сейчас она пытается овладеть коммуникационными узлами, но, по правде, эти узлы абсолютно неприступны.

— Неужели? Как же тогда их захватили бетельгейзианцы?

— Ну, сегодня, как вы знаете, воскресенье, минимум персонала, а в восемь ноль ноль как раз уезжали церковные тренеры и ворота были раскрыты…

— А вы, конечно, не успели даже штаны натянуть, как те нагрянули, да? — Джерри Кранчер громко чмокнул трубкой, показывая всему миру свое отношение к такой боеспособности. — Зна-

чит, фортуна отвернулась от вас, а вы хотите, чтобы было наоборот. Тогда зачем беспокоить рабочего человека в его законный выходной?

— Затем, мистер Кранчер, что война не различает дней недели. А вы — старейший служащий фирмы по обслуживанию городских подземных коммуникаций и, вероятно, единственный человек, который сможет разрешить этот вопрос. Наши коммуникационные узлы имеют свои собственные, резервные источники энергии, но обычно они используют городские. Все наземные линии, все провода уходят под землю. А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить: сможем ли мы добраться до этих узлов под землей? Особенно до КомЦентра?

— А где это? — Мозолистым большим пальцем он утрамбовал раскаленный докрасна табак, затем с наслаждением вобрал в себя серый дым.

— На пересечении Восемнадцатого пути и Уиган-роуд.

— Так вот почему в сто четыре Би-пи-эл так много проводов!

— Мы можем туда добраться?!

В наступившей тишине пыхтение трубки Джерри Кранчера стало более слышным. Лейтенант стоял, крепко сжав кулаки; рядом с ним застыли

сержант и санитар, а также операторы, оставившие свой пост у замолчавшей аппаратуры связи. Они ждали, что им ответит Джерри Кранчер. А тот, задумавшись, сощурился, вынул изо рта трубку и выдохнул целое облако едкого дыма. Затем он повернулся к остальным.

— Ладно, — произнес он.

Нельзя сказать, что они представляли собой превосходных солдат, и все же они были воинами: техники и операторы, военные полицейские и повара, механики подвижного состава и клерки. Они были вооружены самым лучшим оружием, которым только могли снабдить их военные заводы, и защищены броней целеустремленности. Если они и стояли навытяжку чуть напряженнее или сжимали свое оружие чуть крепче, чем было необходимо, то это объяснялось тем, что они знали: будущее мира — в их руках. С угрюмой сосредоточенностью они зашагали к пересечению дорог, где, как их проинструктировали, им следовало подождать. Через несколько минут после того, как они пришли в указанное место, появился Джерри Кранчер. На нем был непромокаемый плащ, каска, тяжелые резиновые сапоги, которые доходили ему до пояса, а на плече висел на ремне старенький и давно вышедший из моды ящик

для инструментов. Его трубка потухла, но он продолжал сжимать ее в зубах. Он скользнул цепким взглядом по застывшим в ожидании солдатам.

— Одеты неправильно, — заметил он.

— На всех — полная боевая форма, — возразил лейтенант.

— Неправильно для туннелей. Они быстро промокнут…

— Мистер Кранчер, это добровольцы. Они могут умереть за этот мир и поэтому ничего не имеют против того, чтобы промокнуть за него. Ну что, можно отправляться?

Покачивая головой в знак неодобрения, Джерри Кранчер повел их к люку на дороге, в гнездо которого он вставил какой-то блестящий инструмент и с его помощью привычным резким движением сдвинул тяжелую крышку люка.

— Так и быть, следуйте за мной — по одному. Последние два человека задвинут изнутри крышку на место, и смотрите осторожнее с пальцами. Ну, пошли!

Как только они начали спускаться вниз по лестнице в прохладный зеленоватый сумрак туннеля, автоматически вспыхнул свет. Вдоль стен и потолка тянулось бесчисленное множество проводов, кабелей и труб; в их лабиринте мог

разобраться только такой человек, как Джерри Кранчер. Он нежно похлопал по ним, когда проходил мимо.

— Водопроводная магистраль, паровая магистраль, кабель на пятьдесят тысяч вольт, местное питание в двести двадцать вольт, телефонная проводка, телетайпная, коаксиальные кабели, водяное охлаждение, пневмопочта, автоматическая доставка еды, кислорода, коллектор. — Он довольно хихикнул. — Ну да, у нас здесь внизу всего понемногу.

— Санитара! — донесся голос откуда-то из конца колонны, и санитар поспешил на зов.

— Они обнаружили нас! — запричитал один из солдат, работник кухни, и тут же послышалось беспорядочное клацанье затворов ружей.

— Отставить оружие! — крикнул лейтенант. — Пока вы тут не поубивали друг друга. Срочно узнайте, в чем там дело, сержант.

Стиснув в руках оружие и с тревогой вглядываясь в глубину туннеля, они ждали возвращения сержанта. Джерри Кранчер тихонько напевал себе что-то под нос и небольшим молоточком с шаровым бойком на конце простукивал разные клапаны; на одном из них он тщательно затянул держатель прокладки.

— Ничего особенного, — доложил, вернувшись, сержант. — Берн-Смит прищемил палец, пока закрывал крышку люка.

— Они никогда не слушают, когда им говорят, — неодобрительно проворчал Джерри Кранчер.

— Двинулись дальше! — приказал лейтенант.

— Мы забыли об одной вещи, — твердо сказал Джерри Кранчер, непоколебимый, как каменная глыба. — Вы поручились, что известите моего шефа, чтобы мне оплатили эту работу.

— Разумеется, но не могли бы мы поговорить об этом, пока идем?

— Мы пойдем, когда все уладим. Я совсем забыл, что, поскольку сегодня воскресенье, я получаю по двойному тарифу, а через четыре часа — по тройному.

— Считайте, что договорились. Идемте.

— В письменном виде.

— Да, в письменном виде, конечно. — Перо лейтенанта запорхало по раскрытому полевому блокноту. Написав, лейтенант вырвал из него листок. — Вот, возьмите, а здесь я расписался — своим порядковым номером. За этим номером стоит армия.

— Тем лучше, — сказал Джерри Кранчер, бережно складывая полоску бумаги и пряча ее в

бумажник. Процессия вновь тронулась в путь.

Путешествие по подземному лабиринту напоминало всем его участникам ночные кошмары — всем, кроме седого человека плотного телосложения, который вел их, словно козел из колена Иудина, через этот подземный ад. Идти по основным туннелям было довольно легко, хотя самые неосторожные из солдат постоянно натыкались на торчащие отовсюду вентильные маховики и поперечные трубы, которые будто нарочно прятались где-то до поры до времени. Если бы не защитные шлемы, половина их маленького отряда, не успев пройти и мили, была бы попросту оглушена. Как бы там ни было, до передней части колонны довольно часто доносились лязг и сдавленные крики. Вскоре они подошли к смотровому люку и к первой трубе из многих, по которым можно было передвигаться только ползком. Труба вела к шахте, падающей вертикально вниз на добрых шестьдесят футов. В нее им пришлось спускаться по скользкой от влаги лестнице. У подножия шахты начинался ровный туннель, в котором гасли любые звуки; стены его были выложены тесанными вручную каменными блоками; в нем царил кромешный мрак — ни единого огонька, и им пришлось воспользоваться

своими фонариками. Туннель привел их в огромную пещеру, заполненную рокочущим гулом.

— Эта сточная труба способна выдержать шторм, — сказал Джерри Кранчер, указывая на стремительно несущуюся реку, которая бурлила водоворотами буквально под их ногами. — В другое время года она совершенно пересыхает. А тут, в предместье, недавно прошли дожди, и вот они где сейчас. Придерживайтесь дорожки, здесь это самый короткий путь, и смотрите не поскользнитесь. Если упадете в воду, считайте себя покойником. Ваше тело могут найти в пятидесяти милях от берега, в открытом океане, если, конечно, первыми до него не доберутся рыбы.

С этим ободряющим напутствием люди стали медленно, то и дело оскальзываясь, продвигаться вперед через весь туннель, который казался им нескончаемым. Снова очутившись в безопасности под сводами обычной коммуникационной трубы, они вздохнули с видимым облегчением. Вскоре после этого Джерри Кранчер остановился и указал на лестницу, уходившую в темноту высоко над головой.

— Колодец девяносто восемь BaG. Это тот, что вам нужен, — ведет к тому второму узлу, о котором вы говорили.

— Вы уверены?

Джерри Кранчер бросил на лейтенанта взгляд, выражавший нечто весьма схожее с отвращением, и, нащупав в кармане трубку, достал ее.

— Учитывая, что вы, мистер, человек несведущий, я не обижаюсь. Когда Джерри говорит, что туннель есть туннель, это именно тот туннель, о котором он говорит.

— Я не хотел вас обидеть.

— А я и не обиделся, — умиротворенно пробормотал он сквозь клубы дыма. — Тот самый и есть. Как видите, в нем тоже идут все провода и коммуникационные кабели. Так что ничем иным он и быть не может.

— А что наверху?

— Дверь с ручкой и надпись: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН В СООТВЕТСТВИИ С ПАР. 897а ВОЕННОГО КОДЕКСА».

— Дверь заперта?

— Да нет. Запрещено в соответствии с параграфом сорок пять эс Кодекса туннельного правления. Проход должен быть свободным, знаете ли.

— Что ж, прекрасно. Сержант, возьмите восемнадцать человек и поднимайтесь по этой лестнице. Сверьте свои часы с моими. Через два

часа мы начнем атаку. А вы просто пройдите через ту дверь и сразу начинайте стрелять — только осторожнее, чтобы не повредить оборудование. Стреляйте до тех пор, пока не убьете этих грязных бетельгейзианских слизняков всех до одного. Вам понятно?

Сержант решительно кивнул и, выпрямившись, отдал честь:

— Мы выполним свой долг, сэр.

— Хорошо. Все остальные, за мной!

Они не прошли и десяти минут вниз по наклонному боковому туннелю, как Джерри Кранчер вдруг остановился и сел.

— В чем дело? — спросил лейтенант.

— Пора выпить чая, — ответил тот, убирая свою еще не остывшую трубку в боковой карман и открывая коробку с завтраком.

— Но вы не можете — я хочу сказать, послушайте, ведь враг, график продвижения…

— Я всегда пью чай в это время. — Он налил себе полную кружку крепкого напитка и с наслаждением втянул носом ароматный парок, поднимавшийся над внушительной по размерам кружкой. — В графике учитывается и перерыв на чай.

Многие достали свои пайки и стали есть, запи-

вая из фляжек; пока они ели, лейтенант нервно вышагивал взад и вперед, ударяя кулаком о ладонь. Джерри Кранчер безмятежно потягивал чай и жевал огромный кусок шоколадного бисквита.

Пронзительный крик разорвал тишину и эхом отразился от труб. Из щели в стене метнулось что-то черное и омерзительное и вцепилось прямо в шею рядового Барнса. Солдаты оцепенели. Но только не Джерри Кранчер. В воздухе просвистел тяжелый трехфутовый гаечный ключ, которым он, не промедлив ни секунды, с силой ударил по ненавистному врагу. Злобное существо на глазах у ошеломленных зрителей бездыханным скатилось на пол туннеля.

— Это… это… ужасно! — произнес, задыхаясь, один из солдат. — Что это было?

— Хомяк-мутант, — ответил Джерри Кранчер, подняв с пола монстра, состоявшего, казалось, из одних зубов и когтей, и запихнув его в коробку, где только что лежал завтрак. — Потомки безобидных домашних зверюшек, покинувших своих хозяев несколько веков тому назад и нашедших свой приют здесь, в этой темноте; постепенно они вырождались, пока не превратились в то, что вы видите перед собой. Встречал я их и повнушительнее. Ученые-эксперты из университета дают

мне за каждого по три кредита. По-моему, совсем неплохо; к тому же они не облагаются налогом. Я так полагаю, что их примеру вы не последуете. — Он немного оживился после столь выгодной для него схватки и стал разговорчивей.

Оказав помощь пострадавшему рядовому, они, не теряя времени, продолжили путь. У следующей коммуникационной станции осталась еще одна группа вооруженных людей, а остальные поспешили к самому КомЦентру.

— Осталось десять минут, — тяжело дыша, сказал лейтенант. Изнемогая под тяжестью своего снаряжения, он еле переставлял ноги.

— Не стоит беспокоиться, еще два туннеля, и все.

До назначенного часа оставалось лишь три минуты, когда они наконец подошли к широкому отверстию на потолке прямо над головой, из которого, словно из пасти некоего чудовища, высовывались щупальца кабелей, что наводило на мысль о голове электронной гидры.

— Наверху — большая дверь, — сказал Джерри Кранчер, освещая фонариком уходящую вертикально вверх шахту. — На ней переводной рычаг с двойным запорным колесом. При поворачивании колеса против часовой стрелки рычаг

должен стоять в положении «Готов» и…

— Прошу вас, поднимитесь вместе с нами, — умоляюще произнес лейтенант и поглядел на часы, нервно покусывая губу. — Иначе мы не успеем их вовремя атаковать и наша атака захлебнется, так как они уже будут предупреждены нападениями наших людей на другие станции.

— Лезть под пули, знаете ли, не входит в мои обязанности. Я бы им позволил подстрелить себя, если бы мне заплатили за это.

— Пожалуйста, я умоляю вас — как гражданина-патриота. — (При этих словах Джерри Кранчер сильно сжал зубами мундштук трубки и лицо его словно закаменело.) — Это ваш долг перед самим собой, перед вашей семьей, вашей совестью, вашей страной. И, кроме того, в качестве вознаграждения я могу гарантировать вам еще сто кредитов, если вы откроете ту дверь.

— По рукам.

Пытаясь наверстать время, они что было сил карабкались вверх по лестнице; когда они достигли верхней площадки, секундная стрелка на часах лейтенанта уже наползала на цифру двенадцать.

— Откройте ее!

Колесо повернулось, и все механизмы пришли в движение: мощный рычаг пошел вниз, огром-

ная массивная дверь распахнулась.

— За матушку Землю! — воскликнул лейтенант и ринулся вперед, увлекая за собой людей.

Когда в туннеле никого не осталось и в нем снова воцарилась тишина, Джерри Кранчер зажег трубку и — скорее из любопытства, чем из каких-либо иных побуждений — неторопливо последовал за остальными. Там он увидел вереницу бесконечных стальных коридоров, стены которых были заставлены жужжащей и гудящей электронной аппаратурой. Он остановился, чтобы утрамбовать в трубке табак, и в это мгновение открылась одна из дверей и оттуда поспешно вышло маленькое волосатое существо, очертаниями своей фигуры схожее с кеглей: ростом оно было по пояс Джерри и вдобавок являлось обладателем большого количества рук. Существо, выйдя из двери, помчалось к большому красному рубильнику на противоположной стене. К рубильнику потянулось сразу пять рук; плоские пальцы уже почти коснулись его, когда в воздухе снова просвистел гаечный ключ и вонзился в голову существа. Оно мгновенно рухнуло на пол. Джерри Кранчер едва успел подобрать свой инструмент, как из той же двери выбежал белый как мел лейтенант.

— Слава богу! — выдохнул он. — Вы остановили его вовремя.

— Мне не понравилось выражение его глаз, хотя я вовсе не хотел вышибить из него мозги.

— Это их предводитель — единственный, кто уцелел; и он собирался включить механизм уничтожения. Взрывом нас бы всех приподняло на милю к небесам. Сейчас он наш пленник, и он еще, поверьте, заговорит. У бетельгейзианцев мозг располагается в диафрагме, а желудок — в голове. Так что он всего лишь потерял сознание.

— В общем, дал пинка в брюхо. Рад этому, я не хотел убивать его.

— Где ты был? — крикнула Агата из кухни, когда услышала в прихожей тяжелые шаги Джерри.

— Особое задание, — прохрипел он, стягивая с себя сапоги. — На этой неделе к жалованью подкинут деньжат.

— Они нам пригодятся на ремонт видика. Он сегодня весь день барахлил, хотя теперь снова заработал. Но я уверена, что с ним не все ладно. Телефон тоже барахлил — поверишь ли, все в один день. Пыталась дозвониться до мамы, но наша линия словно онемела. А задание было трудным?

— Не очень, — пробормотал Джерри, извлекая

трубку. — Правительственная работа; полагаю, за нее тоже будет приличное вознаграждение. Провел по туннелям нескольких парней. И до чего ж они бестолковые! Один раздавил себе крышкой палец, а другой спокойно сидел, пока хомяк-мутик подбирался к его горлу.

— О-о-о, перестань, а то у меня окончательно испортится аппетит. Чай готов.

— А вот это как раз то, что я мечтал услышать.

Он улыбнулся — впервые с того времени, как встал с постели этим утром, — и пошел в кухню пить чай.

Ad astra[18]

Перевод К. Плешкова

В этом кошмарном мире, где царили огонь и смерть, не выжил бы никто из людей. Земля сотрясалась и раскачивалась от ударов ядовитого дождя, превратившись в мертвый лунный пейзаж под грохочущим, пронзаемым молниями небом. Никто из людей не уцелел бы там, где каждый глоток воздуха нес неизбежную гибель, каждая капля воды была полна отравы. Но одному это все же удалось.

Облаченный в броню, такую же темную, как и окружающая грязь, он наблюдал из укрытия за тремя неуклонно приближающимися вездеходами — бронированными чудовищами размером с многоэтажный дом, неуязвимыми для ничтожного оружия, которым обладали остатки человечества. Покрытые черной коркой, машины накри невозмутимо ползли вперед, их экипажи были уверены в своей неуязвимости и

[18] Примечания: 18
К звездам*(лат.)*.

готовы уничтожить любого, кто осмелится им противостоять. В своей победе они нисколько не сомневались.

Эллем-13 с трудом сдерживал кашель, изо всех сил сжимая горло через податливую металлическую ткань доспеха. В левом рукаве образовалась течь, всего-то с булавочную головку, но этого было вполне достаточно, чтобы внутрь попал боевой газ. Отверстие в рукаве затянулось, однако Эллем знал, что яд убьет его в течение шести часов, если не принять мер. Но беспокоило его вовсе не это — на протяжении шести часов он либо погибнет в бою, либо вернется на базу «Омега», где яд можно будет нейтрализовать. Сейчас его заботил лишь болезненный зуд в горле, вызывавший кашель, — но кашлять было никак нельзя. На вездеходах накри имелись датчики, способные уловить малейший, издаваемый человеком звук среди беспорядочного грохота механической войны, и тогда цель будет мгновенно уничтожена.

Он не мог не то что кашлянуть, но даже приподняться — приборы тотчас обнаружили бы тепло его тела. Он мог лишь лежать на выжженной, отравленной земле, усилием воли подавляя мятежные рефлексы тела, и наблюдать в крошечный зеркальный перископ, как приближается

враг. Своим единственным оружием он может воспользоваться лишь один раз — и никакая телесная слабость ему не помеха.

Рев громадных двигателей и исполинских шестерен вырос еще больше. Когда ближайший из шедших клином вездеходов поравнялся с останками ракетного бомбардировщика, служившими Эллему-13 ориентиром для прицела, тот мрачно улыбнулся и сжал в руке активатор, а после того, как ушли ракеты, позволил себе роскошь — долгий мучительный кашель.

Никакое оружие, созданное жалкими остатками человечества, не сумело бы даже помять броню такой громадины. Но любая военная машина несет зародыш собственной гибели — созданные ею средства нападения должны быть равными по мощи средствам обороны, а то и превосходить их. Чтобы эффективно воевать, надо быть параноиком, надо непрестанно создавать все более мощное оружие, не дожидаясь, пока его создаст враг. И накри обзавелись таким оружием нападения, хотя на Земле не имелось целей, против которых его можно было бы применить.

И в последние годы, благодаря опыту партизан давних высокотехнологичных войн, оружие противника обратилось против него самого. Земляне

провели ряд молниеносных атак, потеряв при этом немало своих, — но они не ставили перед собой задачу отвоевать часть суши, девяносто восемь процентов которой контролировались инопланетными захватчиками, а стремились завладеть хотя бы несколькими единицами сверхмощного оружия, чтобы использовать его на последних рубежах обороны.

Именно такое оружие взмыло над покрытым ядовитой пеной озерцом, что служило укрытием Эллему-13, - ракета длиной четыре метра и толщиной метр, большую часть которой занимал реактивный двигатель. Снарядом этой конструкции обычно управляла сложная электронная система наведения, имеющая обратную связь с кораблем-базой, но сейчас все было намного проще — команды старта и наведения на цель поступили по единственному проводу, что протянулся к активатору в руке Эллема-13 и оборвался сразу же после пуска. Ракета, стремительно разгоняясь, устремилась к большому металлическому объекту в центре поля зрения ее датчиков.

Отразить удар было невозможно. За несколько микросекунд до того, как успела бы сработать система защиты, ракета врезалась в бронированный корпус и взорвался содержащийся в носовой

части кумулятивный заряд — не простой химический, но состоящий из вещества с плотностью в тысячу раз больше обычной. Вырвавшийся на свободу поток раскаленного газа вспорол вездеход, расширяясь по мере продвижения — входное отверстие имело от силы метр в диаметре, но когда газовое облако достигло задней стенки вездехода, оно уже было не меньше ее самой. Обломки металла и пластика, перемешанные с клочьями инопланетного мяса, с грохотом обрушились на вездеход, шедший третьим. Неодолимая сила встретила на своем пути движущийся объект — и победила. Огромный вездеход опрокинулся набок, его броня была растерзана в клочья, двигатель превратился в бесформенную груду металла, а экипаж погиб на месте.

И все это сделал один человек с оружием, которое можно было привести в действие лишь при непосредственном соприкосновении с противником. Человек, которому хватило сил и смелости пролежать девять дней в ядовитой грязи, прежде чем появилась возможность это оружие применить.

Эллем-13 не испытывал по этому поводу особой радости. Он соскользнул на дно укрытия и, в очередной раз сдерживая кашель, мрачно посмотрел

в перископ на застывший третий вездеход. Что он станет делать? Пока что Эллему-13 феноменально везло — уничтожил двоих уродов одним выстрелом, — однако он сомневался, что везение еще хоть сколько-нибудь продлится. Но надо использовать выпавшие шансы до конца.

Как поступит командир вездехода? Двоих его товарищей уничтожило неизвестное оружие, которое теперь, возможно, нацелено на него самого. Похоже, его охватила паника, и это только на руку противнику. Все орудия в одно мгновение развернулись в разные стороны, выискивая цели и не находя. Земля содрогнулась от близкого взрыва, и Эллем-13 почувствовал, как его броня приняла на себя удар. Но на этом демонстрация огневой мощи закончилась. Поднявшаяся над горизонтом земля осела, и мертвый пейзаж стал прежним.

Вездеход развернулся на месте и укатил восвояси. Победа! Командир не пожелал рискнуть сотнями находившихся в его подчинении жизней. Эллем-13 не сомневался, что он вернется с подкреплением, но сейчас нельзя упустить шанс, который может не скоро появиться вновь — если вообще когда-нибудь появится. Воткнув в землю штырь геофона, он быстро, но отчетливо загово-

рил в микрофон.

— Всем постам, срочный вызов. Координаты один-четыре-три-девять. Выведен из строя вездеход накри, экипаж уничтожен, оружие, возможно, не повреждено. Отправляйте призовые команды. Конец связи.

Едва Эллем-13 осознал, что дело сделано, он тут же расслабился, копившееся девять суток напряжение вмиг исчезло. Конечно, оно скоро вернется — лишь постоянная бдительность позволяет выжить. Но сейчас он дал себе несколько мгновений блаженного спокойствия. Воздушные фильтры почти полностью забиты отравой, запасы воды и пищевых концентратов подошли к концу. Пусть остальные заберут все трофеи с подбитого вездехода, а его задача — вернуться, не погибнув от газа.

Не дожидаясь, когда появятся первые из вызванных, он кое-как поднялся на усталые ноги и побрел в сторону далеких иззубренных гор, где ждали последнего боя с захватчиками-накри разрозненные группы уцелевших людей.

Мигающий свет проникал сквозь веки; как ни ворочайся во сне, в уши вонзается пронзительный звон. Несмотря на крайнюю усталость, Эллем-13 очнулся от первого за десять суток сна

и нашарил кнопку выключателя. Свет погас, сигнал умолк, и громкоговоритель над койкой заговорил голосом Оэль-2.

— Эллем-тринадцать, жаль тебя будить, но приходится. Совет собрался на срочное заседание, и Джаяр-шесть вновь заговорил о своем плане. Он считает, что благодаря оружию и запасам с вездехода можно опять подумать о перегруппировке.

Выругавшись, Эллем-13 сел. Перед глазами поплыло, к горлу подступил комок. Он с трудом встал, держась за край верхней койки.

— Возвращайся на заседание. Тяни время. Говори что угодно, но не дай им проголосовать, пока я не приду. Приказ ясен? Прием.

— Приказ ясен. Конец связи.

Ноги подкосились, и он, тяжело дыша, снова упал на койку. Нет, так дело не пойдет. Дрожащей рукой Эллем-13 открыл коробочку, которую носил на шее. Таблеток осталось мало, и пополнить запас невозможно. Их бы приберечь для боя — но сейчас ему, по сути, тоже надо идти в бой. Решившись, он положил зеленую таблетку стимулятора под язык и подождал, пока сойдет усталость и по телу разольется искусственная энергия — искусственная, но вполне реальная. Врачи предупредили, что одна такая доза отни-

мает по крайней мере год жизни. С тех пор он давно потерял счет принятым таблеткам.

К тому времени, когда он умылся над раковиной со струйкой ржавой воды, стимулятор уже действовал вовсю. Натянув грязный комбинезон, Эллем-13 поспешил к выходу.

От казармы до зала совета было километра три, которые он преодолел медленной рысцой. Бежать быстрее не позволяла жара — уже через сто метров он облился потом, а через километр начал задыхаться.

Когда-то во всех коридорах работали кондиционеры, а до любой точки можно было добраться местными транспортными средствами — но это очень давно. Теперь же электричество приходится экономить, тратя его лишь на поддержание систем жизнеобеспечения, и ничего не остается, кроме как потеть. Когда Эллем-13 наконец увидел впереди красную дверь зала совета, у него уже отчаянно кружилась голова. Несколько секунд он постоял, прислонившись к стене. Лишь ощутив, что вернулась способность нормально дышать и говорить, он приложил ладонь к пластине датчика и вошел в открывшуюся дверь.

Говорил Джаяр-6, яростно потрясая кулаком в сторону Оэль-2:

— …Это прямое оскорбление, вот что это такое! По-твоему, я ратую за план перегруппировки, исходя только из личных опасений? Да как ты смеешь! Я, как и каждый из нас, готов отдать человечеству все, даже собственную жизнь…

— Можно подумать, у тебя есть выбор, — холодно прозвучал звонкий голос Оэль-2.

Она не видела, как вошел Эллем-13, и все еще тянула время.

— Это уже слишком! — рявкнул Джаяр-6. — Требую, чтобы совет удалил отсюда эту женщину. Будь она мужчиной, я бы убил ее голыми руками!

— Прибереги свою страсть к убийству для накри, — сказал Эллем-13, и все посмотрели в его сторону. Медленно пройдя через зал, он сел в первом ряду. — Джаяр-шесть, как я понял, ты снова ставишь на рассмотрение план перегруппировки?

— Да. И на этот раз никакие твои фокусы не помешают его принять.

Джаяр-6 злобно смотрел на Эллема-13, который мрачно взглянул на него в ответ. Оба были рослыми и крепкими — слабые здесь не выживали, — и ни один не собирался уступать. Проведя рукой по коротко подстриженным волосам, Эллем-13

улыбнулся противнику.

— Тебе стоит поблагодарить меня за помощь. Иначе о твоем плане и речи бы сейчас не было.

— Никто не умаляет твоих заслуг, — неохотно ответил Джаяр-6. — Да, подбив машины, ты очень нам помог. Противник остановил наступление на десять часов, и за это время с поврежденного вездехода мы забрали столько оружия и материалов, что нам хватит на годы. Можно отсрочить последнее решение и послать больше спящих…

— Нет! Ты слишком свободно оперируешь фактами и забываешь о директиве. Секретарь, я требую привилегии — пусть решение будет зачитано всему совету.

Послышались протестующие восклицания — почти все тридцать с лишним членов совета знали директиву наизусть. Тем не менее большая их часть согласно кивнули. Секретарь нажал несколько кнопок на пульте перед собой и щелкнул переключателем. Из настенных громкоговорителей полился бесстрастный голос компьютера:

— Пик регресса восемь дней. Пик результативности тринадцать дней. Смещение сорок три. Пик результативности девятнадцать. Процент успеха восемьдесят три.

По залу пробежал ропот. То был самый высокий процент успеха за все время — несомненно, благодаря захваченным материалам. Но по какой-то причине, известной одному лишь компьютеру (который учитывал все факторы, такие как сила противника, потери с обеих сторон, боевой дух, погодные условия и прочее), пик регресса приблизился на четыре дня. Каждый день, потраченный на реализацию плана, уменьшал шансы на успех.

— Компьютер не застрахован от ошибок! — в гневе воскликнул Джаяр-6.

— Ты тоже, — как можно спокойнее сказал Эллем-13. — Я нисколько не сомневаюсь в искренности твоих чувств по поводу последнего решения и твоего плана перегруппировки. Позволь еще раз напомнить, как вообще возникло это решение. Война с накри продолжается уже почти век, и последние десять лет мы проигрываем ее во всех отношениях. Лишь мощь базы «Омега» еще позволяет нам сопротивляться. Все это время ее существование хранилось в тайне — узнай о ней накри, они бы обрушили на нее горы. О базе не знают даже остатки наших войск в рассеянных по миру подземных бункерах; они уверены, что ничего другого просто не осталось. И с каждым

днем ситуация все хуже. Мы не заслужили того, что случилось за последние десять лет. Но, когда нас приперли к стенке, мы научились обращать оружие противника против него самого — и получили передышку, которую сумели потратить с пользой. Послав спящих, мы собрали достаточно сведений о накри, чтобы принять последнее решение. Его назвали так, потому что оно единственное. Нужно действовать, и безотлагательно. Промедление грозит катастрофой. Сейчас самое подходящее время. Да, мы знаем: либо все, либо ничего. Но есть ли у нас выбор? Я прошу совет проголосовать за последнее решение в его прежнем виде. Кто «за»?

Зал наполнился возгласами «да!». Когда объявили голосование «против», побагровевшего Джаяра-6 поддержало лишь несколько голосов.

— Принято большинством, — сказал Эллем-13, вновь занимая свое место.

Несмотря на стимулятор, он чувствовал усталость.

После рассмотрения еще нескольких вопросов объявили перерыв. Остальные направились к выходу, но он продолжал сидеть, уставившись в пустоту — словно заглядывая в будущее, где, возможно, не было ничего. Несколько мгновений

спустя он понял, что рядом кто-то стоит, и, подняв глаза, увидел Оэль-2. Несмотря на мрачные мысли, он не удержался от улыбки.

Высокая и сильная, она была очень красива. Тускло-коричневый комбинезон не скрывал ее формы, коротко подстриженные волосы пылали рыжим огнем. Лицо становилось еще симпатичнее, когда она улыбалась, как сейчас, в ответ на его улыбку. Эллем-13 взял ее за руку.

— Я знала, что у тебя все получится, — рассмеялась Оэль-2. — Никогда не забуду лицо Джаяра-шесть, когда ты объявил голосование. С ним теперь покончено?

— Навсегда. Через два, самое большее три дня вступает в силу последнее решение. Туннель готов, и мы ждем лишь итогового доклада. Он может поступить в любой момент — и потому я должен спросить тебя о крайне важном. Ты все еще хочешь от меня ребенка?

— Всей душой!

— Тогда идем.

После, когда они вместе лежали в темноте, он рассказал о том, о чем не мог рассказать раньше.

— Компьютер дал мне новое назначение. Я теперь в команде «Бета».

Она вскрикнула, словно от боли; коснувшись ее

щек, он обнаружил, что они мокры от слез. То был единственный ее протест — все они знали свой долг и подчинялись ему, — но она еще крепче обняла Эллема-13, понимая, что оставшееся у них время теперь уходит еще быстрее.

Тревогу объявили позже, когда они спали. Эллем-13 и Оэль-2 поднялись с постели, оделись и расстались, не сказав друг другу ни слова.

День, которого все ждали, наконец настал. Эллем-13 облачался в броню, когда вошел Джаяр-6.

— Мне тоже дали новое назначение, как и тебе, — процедил он сквозь зубы.

— Да, я видел. Тебя включили в команду «Омега». Компьютер принял разумное решение…

— Черт побери, думаешь, я трус? Думаешь, я об этом просил?

Эллем-13 положил руки ему на плечи.

— Вовсе нет. Никогда таких мыслей не было. Я считаю, что ты всегда действовал по совести, пытаясь найти лучший путь. Если я был с тобой несправедлив, извини. Я поступил так лишь для того, чтобы поддержать план, поскольку не сомневаюсь: он лучший. Я всегда считал тебя благородным противником, твой склад ума подходит для управления базой «Омега». Держись и сражайся до конца. Это самое главное.

— Я тебе верю, — проворчал Джаяр-6. — Обещаю, мы будем сражаться гораздо дольше, чем предполагает компьютер.

— Я тоже тебе верю. Прощай.

Они вышли — мужчины и женщины, похожие как две капли воды в тяжелой боевой броне, идущие на последнее сражение, на свой Рагнарёк. Бой не против богов, но против существ из космоса, из иного мира, стремящихся захватить Землю. Но противник чужакам достался не из легких. Человек стал венцом творения в этом мире, он обрел способность побеждать, убивая и даже съедая представителей всех прочих видов, и он не желает мириться с поражением.

На базе оставалась лишь команда «Омега». Для всех остальных вопрос стоял просто: либо все, либо ничего. Они шли в бой под руководством компьютера — в бой, какого еще не знала история, в бой, который мог стать концом всему.

Или началом.

Они взяли со складов оружие — атомные ракетометы, гранатометы, лазерные ружья, огнеметы. Оружие раньше принадлежало инопланетянам, превосходя по размерам обычное оружие людей — накри были намного выше, в среднем двухметрового роста, хотя и худые как спички. Чтобы

трофеями можно было пользоваться, пришлось спилить приклады и приварить дополнительные рукоятки. И тем не менее это оружие намного превосходило любое, когда-либо существовавшее на Земле, и землянам не терпелось обратить его против его создателей.

Они шли поодиночке, и по двое, и целыми отрядами, неслышно занимая выделенные им позиции. Машины одна за другой уходили в туннель и возвращались пустыми, чтобы забрать очередную партию бойцов из постепенно сокращающейся очереди.

На постройку туннеля длиной в двести с лишним километров ушло пятнадцать лет — и намного больше было потрачено человеческих жизней. Когда командование накри установило, что основные очаги человеческого сопротивления находятся в этих местах, пришельцы оборудовали космодром и базу снабжения в тылу собственных войск. В тот же день, когда была достроена база, люди взялись прокладывать туннель, направленный в ее сторону, словно кинжал. Он проходил в миле под землей, где его не могла обнаружить обычная техника. На рытье ушли годы. Компьютер фиксировал все звуки на поверхности, слушал прибытие и отправление

космических кораблей и грохот войны, а также отслеживал естественную тектоническую активность в регионе. Когда шум достигал определенного уровня, компьютер приводил в действие машины, которые в течение недолгого времени яростно вгрызались в землю, а затем замолкали, получив электронный сигнал. Они ползли сантиметр за сантиметром, все медленнее и медленнее по мере того, как туннель приближался к поверхности, и окончательно замерли менее чем в ста метрах под базой. Оставшуюся землю предстояло удалить лишь в начале штурма.

Здесь был вырыт подземный зал, и теперь в нем собрались подразделения, которым предстояло идти в авангарде. Последний крутой подъем пришлось преодолевать пешком, и все устало опустились на землю, набираясь сил перед атакой. Возглавлявшему их Эллему-13 отдыхать было некогда — он проверял состояние войск. Лишь убедившись, что все действительно готовы, он позволил себе расслабиться и присесть.

Среди плотно сбившихся бойцов возникло какое-то движение, и вперед протолкались двое, неся на носилках уродливый черный цилиндр.

— В эту нишу, — распорядился Эллем-13, внимательно наблюдая, как водородную бомбу

осторожно опускают на землю. — Кто приведет ее в действие?

— Я.

— Ты получил боевую задачу?

— Да. Я должен включить таймер, когда начнется атака, и последним присоединиться к команде «Альфа». Через две минуты бомба будет активирована. Она взорвется, если любой человек, накри или машина приблизится к ней на двадцать метров, или если поступит кодированный сигнал от команды «Бета», или если в течение двух дней сигнала не будет.

— Хорошо. Накри не смогут найти этот туннель и не доберутся по нему до базы «Омега».

— Пять минут, — объявил офицер связи, получив сигнал от боевого компьютера.

Эллем-13 кивнул.

— У всех у вас есть задачи и цели. Могу добавить лишь одно: старайтесь понести как можно меньше потерь. На каждого из нас у врага есть целый батальон. Стреляйте первыми, уничтожайте без колебаний всех. Любое помещение зачищайте еще до того, как войдете. А теперь примите это.

Раздав офицерам таблетки стимулятора, он проглотил одну сам. Больше они не понадобятся — это последняя битва.

— Огонь открыт, — сказал офицер связи, и в то же мгновение земля содрогнулась.

Солдаты зашевелились.

— Спокойно! — крикнул Эллем-13. — Первые удары — по командному центру и складам. Выступаем, только когда начнется обстрел космодрома.

Взрывы приближались, они звучали все громче. Впереди на равнине добровольцы пускали ракету за ракетой. В отряды смертников набрали исключительно добровольцев. Стоило хоть раз применить оружие, как враг обнаруживал подразделение и устремлял в его сторону ответный огонь. Слишком поздно, чтобы остановить, но достаточно быстро, чтобы убить.

— Лазер! — крикнул связист.

Из четырехметровой пасти огромной машины ударил столб когерентного света. Земля и камень, которых он касался, мгновенно превращались в газ, который, в свою очередь, тотчас же распадался на атомы. Из образовавшейся дыры хлынул поток одноатомного газа, пронесшись словно торнадо над головами. Забрала шлемов боевых скафандров автоматически захлопнулись, едва их коснулось сгущающееся ядовитое облако. Видимость упала до предела, и солдаты потеряли

друг друга из виду — но этого все ожидали, и никакой задержки не случилось.

— Пробились! — раздался в наушниках громкий голос оператора лазера. Никто, однако, не двинулся с места, дожидаясь последующих слов:
— Лазер убран.

— Ракетокары, вперед! — приказал Эллем-13.

В редеющем облаке газа вспыхнули языки красного пламени — по уходящему наклонно вверх туннелю устремились импровизированные ракетокары с установленными сзади твердотопливными двигателями. Каждый был набит отборными бойцами. Едва тележки вырвались из туннеля, их пассажиры спрыгнули и бегом рассеялись во все стороны, убивая встреченных накри. Неожиданность была самым эффективным оружием, и следовало воспользоваться им в полной мере.

Следом за тележками поднялись телескопические лестницы, и защитники Земли бросились в атаку. Эллем-13 бежал впереди, охватившее его ликование ежесекундно росло. План сработал идеально! Кругом бушевали пожары, земля сотрясалась от взрывов, огонь, пожиравший склад топлива, окрашивал горизонт в красный цвет. Все вокруг было в дыму и пламени. На земле

валялись изуродованные трупы накри. Оружия при них не заметно — значит противник сосредоточился на обороне периметра, в то время как земляне атаковали изнутри.

Они нанесли сокрушительный удар, сея смерть и разрушение по всей территории базы. Каждая группа имела свою, заранее определенную цель. Главная задача Эллема-13 требовала вывести из строя центр связи, и он знал, что следом за ним бегут его солдаты. Впереди из-за угла с ревом вылетела боевая машина — и тут же взорвалась, пронзенная десятками энергетических лучей. Охранявшие здание накри погибли на посту, и внутрь ворвались защитники Земли.

То, что последовало дальше, напоминало бойню — но никто не жаловался. Накри погибали, застигнутые врасплох. Взрывались компьютеры, перерезались линии связи. Казалось, так будет длиться вечно — и когда здание наконец зачистили и поступил сигнал прекратить огонь, все, стараясь твердо держаться на ногах, собрались в большом зале у входа.

— Две минуты отдыха, — распорядился Эллем-13. — Потери?

— Шестеро убитых.

— Много… Но для нашей задачи шесть — под-

ходящее число. Покажите мне их.

Шесть тел уложили в ряд, и он бесстрастно оглядел каждое, а затем указал на неестественно изломанную и изрезанную фигуру.

— От чего погиб?

— Мономолекулярное ружье. Было у одного из командиров противника, он устроил засаду.

— Не годится, на кораблях у них такого оружия нет. Оставьте его здесь, забирайте остальных. Две минуты закончились.

Они выбежали в полную огня и дыма ночь, неся с собой павших. Бой переместился дальше, и они никого не встретили — ни человека, ни инопланетянина. Пробежав мимо громадных пылающих зданий, остановились перед шеренгой дымящихся наземных машин. Эллем-13 вгляделся в темные очертания большого грузового корабля, что возвышался впереди. Пандус опущен, входной люк открыт, и внутри заметно какое-то движение. Подняв оружие, Эллем-13 прицелился в люк, затем движением языка сменил частоту рации и прошептал:

— Земля…

Слыша в ответ лишь треск помех, он уже давил на спуск, когда раздался ответный шепот.

— …Будет жить. — Это была кодовая фраза,

известная лишь двоим.

— Он там! Пошли!

Они бегом пересекли выжженную взрывом площадку и взбежали по пандусу корабля. Человек в боевой броне отошел в сторону, пропуская их.

— Докладывай! — приказал Эллем-13.

— Люк был открыт, двое из экипажа наблюдали за взрывами на другой стороне поля. Я прикончил их ножом. Внутри оказались еще трое — двоих я застрелил, третий был вооружен, и пришлось его сжечь.

— Корабль сильно пострадал?

— Почти нет. Только дым и кровь. Я уже более-менее прибрался, но помощь не помешала бы.

— Отличная работа. Вы двое, пойдите с ним и помогите навести порядок. Внутри не должно быть никаких следов насилия. Остальным прочесать все вокруг, нам сюрпризы не нужны. Я вызываю команду «Альфа». — Едва договорив, он подал условный сигнал.

Дожидаясь прибытия «Альфы», он выслушал доклады других групп. Без потерь, естественно, не обошлось, — иначе и быть не могло, — но командование противника, похоже, до сих пор не догадывалось о захвате базы, и отовсюду Эллему-

13 докладывали о победах. Четыре захваченных вездехода готовы были сорваться с места. Главный оружейный склад не пострадал, но его сейчас минировали, и в нужный момент он взлетит на воздух. Атака удалась на славу.

В темноте появились темные силуэты людей, пытавшихся двигаться бегом в не предназначенных для этого скафандрах. Неся на плечах тяжелые мешки и ящики, они миновали Эллема-13, и тот последовал за ними вглубь корабля, щурясь от яркого света, заливавшего холодильную камеру. Все подняли лицевые пластины шлемов, чтобы дышать холодным воздухом, и приблизились к огромной горе мяса.

Белок. Чистый необработанный белок. Груда того, что когда-то было земной жизнью. Тела тигров и слонов, овец, обезьян, скота… даже людей, сваленные в кучу и замороженные. Никто не знал, что с ними собирались делать, — вполне возможно, они предназначались в пищу. Биологические системы Земли и Накри были совместимы, и земные волки с удовольствием пожирали трупы накри.

Тела из морозильной камеры непрерывным потоком перемещались в ближайшее здание. Эллем-13 пристально следил за каждым шагом

операции. Она уже почти завершалась, когда к нему подошла Оэль-2 и встала рядом, дожидаясь внимания. А он не замечал ее, полностью сосредоточившись на работе. Ошибиться было нельзя, от исхода этой операции зависело слишком многое. Закончив, он обернулся и только тогда увидел Оэль-2.

— Я знаю, все получится. — Эллем-13 взял ее за руки, обтянутые бронеперчатками.

— Наверняка, — кивнула она.

— Да. Не будет никаких следов того, что внутри корабля погиб хоть один накри. Все убитые — снаружи, с оружием в руках, смерть их застигла при обороне корабля. Тела наших подтвердят, что нападение удалось отразить. Одного накри мы оставим в запертом шлюзе. Все будет выглядеть так, будто он получил тяжелую рану, отступая, закрыл за собой люк — и умер. Чистильщики с мощными сканерами сейчас обрабатывают коридор, они не оставят свидетельств нашего пребывания здесь. Здание, куда мы перенесли отсюда трупы, будет разрушено взрывом тактического ядерного заряда. Концы в воду. А команде «Альфа» и тебе вместе с ней предстоит лететь на этом корабле к Накри, ничем себя не выдавая.

— А там… — В ее голосе прозвучала нереши-

тельность, но Эллем-13 продолжал с прежней твердостью:

— Там сойдете с корабля — возможно, с боем, — и доберетесь до высокогорья. Мы знаем, что температура тела накри выше нашей и что на их планете есть зоны с умеренным и холодным климатом, куда им не так-то легко проникнуть. На другие корабли мы тайком поместили наших, некоторые из них, вероятно, вышли из анабиоза и обосновались на планете. Они вам помогут. Но если даже их там не окажется, вы должны выжить. Во что бы то ни стало.

— Такой долгий путь…

— Вовсе нет.

Даже сквозь перчатки она почувствовала силу его пальцев.

— Никакой путь не покажется долгим, если он обеспечит выживание человечества, победу Земли. Здесь мы проиграли. Возможно, какое-то время еще будем способны сопротивляться, но это ничего не меняет — рано или поздно нас уничтожат. Сражаться теперь предстоит вам — и ты обучишь нашего ребенка, чтобы он возглавил идущих в битву. Вы будете жить скрытно, пока не наберетесь сил, и однажды война возобновится. Вы покажете накри, кому они бросили

вызов, напав на Землю! Вы закрепитесь на чужой территории и создадите там мощную тайную цивилизацию, а затем уничтожите врага.

— Иначе и быть не может. Когда-нибудь мы вернемся на Землю и она снова станет нашей. Путь домой так же долог, но мы возвратимся.

Они поцеловались, едва дотянувшись губами друг до друга через лицевые отверстия шлемов. А потом повернулись и разошлись, не оглядываясь. Битва за Землю была проиграна. Победу еще предстояло завоевать.

Бегство от огня

Перевод А. Новикова

I

— Вам туда нельзя! — взвизгнула Хейди, когда дверь в кабинет внезапно распахнулась.

Марк Гринберг, глубоко погрузившийся в хитросплетения очередного судебного дела, вздрогнул и оторвался от чтения.

В кабинете появилась его секретарша — двое мужчин внесли ее, держа под руки. Марк бросил на стол толстую стопку бумаг, взял трубку телефона и стал набирать номер полиции.

— Мне нужны три минуты вашего времени, — заявил один из незнакомцев, шагнув к столу. — Эта девушка не хотела нас впустить. Дело очень важное. Я плачу сто долларов за минуту. Вот деньги.

Банкноты легли на стол, незнакомец шагнул назад. Марк набрал номер до конца. Деньги на вид были настоящими. Хейди уже отпустили, и она оттолкнула руки мужчин. За ее спиной

виднелась пустая приемная — значит свидетелей неожиданного вторжения нет. В прижатой к уху трубке звучали гудки, затем ответила полиция.

— Дежурный сержант Вега, — произнес низкий голос.

Марк положил трубку.

— Сегодня у меня не слишком напряженный день. У вас есть три минуты. А еще заплатите компенсацию в сто долларов за грубое обращение с моей секретаршей.

Если это и была шутка, то посетители юмора не поняли. Тот, кто платил, достал очередную банкноту из кармана пиджака и протянул ее испуганной Хейди, затем молча подождал, пока она возьмет деньги и выйдет. Марк осознал, что парочка смотрится странновато. Плативший был облачен в черный старомодный костюм, правый глаз закрыт повязкой, на руках черные перчатки. Он как будто в дорожной катастрофе побывал — лицо и шею усеивали шрамы, одно ухо отсутствовало. Чуть позже Марк сообразил, что на голове у него не волосы, а кое-как нахлобученный парик. Единственный уцелевший глаз, без брови и ресниц, пристально разглядывал адвоката из глубокой глазницы. Марк отвел взгляд от этого красноватого ока, чтобы взглянуть на второго

незнакомца, внешне менее примечательного. Кожа у него лоснилась как навощенная, но если не считать этого и необычной жесткости осанки, он выглядел нормально.

— Меня зовут Эриникс, а ваше имя Марк Гринберг. — Мужчина со шрамами поднес к глазу карточку и быстро прочитал хрипловатым бесстрастным голосом: — Вы служили в армии Соединенных Штатов в чине капитана при штабе административно-строевого управления сухопутных войск, а также офицером военной полиции. Это так?

— Да, но…

Незнакомец не дал договорить.

— Вы родились в штате Алабама и выросли в городе Онайда, штат Нью-Йорк. Умеете говорить на языке ирокезов, но вы не индеец. Все правильно?

— Такие справки навести может любой. В этом допросе есть какой-нибудь смысл?

— Да, иначе бы я за него не заплатил. Как получилось, что вы знаете этот язык?

Он всматривался в карточку, будто искал на ней ответ.

— Ну, тут все просто. Магазин моего отца стоял рядом с резервацией. Большинство покупателей

были индейцами, и я ходил в школу с их детьми. Мы были единственной еврейской семьей в городе, но онайда против этого не возражали, в отличие от соседей, католиков из Польши. Вот так мы и сдружились с аборигенами. Можно сказать, что у меньшинств сила как раз в этом…

— Достаточно. — Эриникс вынул из кармана несколько смятых банкнот, взглянул на них и сунул обратно. — Деньги, — коротко потребовал он, повернувшись к своему молчаливому спутнику.

Тот движениями напоминал ящерицу. Когда его рука достала толстую пачку банкнот, тело не шелохнулось и на лице не отразилось ровным счетом ничего.

Эриникс взял протянутые деньги, осмотрел сверху и снизу, бросил на стол.

— Здесь десять тысяч долларов. Гонорар за три дня работы. Мне нужна ваша помощь. Вам придется говорить на языке ирокезов, это все, что я пока могу сообщить.

— Боюсь, что придется рассказать побольше, мистер Эриникс. А впрочем, не утруждайтесь. Сейчас я занят в нескольких судебных процессах, было бы трудно выкроить время на что-то другое. Ваше предложение интересное, но сумма упущенных гонораров может быть не меньше.

И поскольку три минуты истекли, я предлагаю вам уйти.

— Деньги, — снова буркнул Эриникс и, получив еще несколько пачек от своего помощника, бросил их на стол перед Марком. — Пятьдесят тысяч долларов. Хороший гонорар за три дня работы. А теперь пойдемте с нами.

Марка возмутило его холодное высокомерие, полное отсутствие заинтересованности и любых других эмоций при расставании с крупной суммой.

— Довольно. Вы полагаете, за деньги можно купить все на свете?

— Да.

Ответ прозвучал столь быстро и серьезно, что Марк не удержался от улыбки.

— Что ж, вероятно, вы правы. Будете продолжать в том же духе, рано или поздно назовете сумму, которая убедит любого. А мне вы заплатили бы еще больше?

— Да. Сколько?

— Здесь уже достаточно. Пожалуй, я даже боюсь узнать, как далеко вы готовы зайти. За такую сумму я согласен отложить дела на три дня. Но вам все-таки придется рассказать, что мне предстоит.

Странная пара заинтриговала Марка не меньше, чем предложенные ему деньги.

— Сейчас это исключено. Но могу обещать, что в течение двух часов вы узнаете суть проблемы. И тогда сможете отказаться, но деньги все равно останутся у вас. Договорились?

Юрист-холостяк склонен брать больше дел, чем его женатые коллеги, которым хочется иногда повидаться с семьей. У Марка было и много работы, и много денег — гораздо больше, чем возможностей их потратить. И привлекла его как раз новизна этого предложения, а не удивительный гонорар. А еще он вспомнил о двух годах работы без кратчайшего отпуска. Такая комбинация оказалась неотразимой.

— Договорились. — Он позвал секретаршу и отдал ей деньги. — Положи на второй особый счет, а потом иди домой. Даю тебе оплачиваемый отпуск. Увидимся в понедельник.

Хейди посмотрела на толстую пачку банкнот, затем на незнакомцев, ждущих, когда Марк достанет пальто из шкафа. Все трое вышли вместе, дверь за ними закрылась. И с тех пор никто не видел Марка Гринберга.

II

Был солнечный январский день, но со стороны Бэттери-парка дул пронизывающий до костей арктический ветер, набрасывался на каждом перекрестке, с воем огибая углы зданий. Хотя на незнакомцах не было ничего теплее пиджаков, они словно не замечали стужи. Не очень-то разговорчивы были эти люди. Так, в холоде и молчании, трое шагали на запад. Не дойдя нескольких кварталов до реки, вошли в старое складское здание. Входная дверь была не заперта, но теперь Эриникс задвинул тяжелый засов и направился в конец коридора, к другой двери. Она была сделана из толстых стальных листов, с рядами заклепок, как у обшивки корабля, и имела по замочной скважине в каждом углу. Эриникс достал из кармана необычный ключ — из серого металла, заостренный на конце, толщиной с его палец и длиной с карандаш, — вставил в каждый из четырех замков и резко повернул. Закончив, он шагнул в сторону, а его спутник навалился на дверь плечом. Через секунду она неохотно подалась. Эриникс жестом предложил Марку войти и последовал за ним.

Комната оказалась совершенно непримеча-

тельной. Стены, потолок и пол были окрашены в унылый коричневый цвет. Освещалась она матовой полосой на потолке. К противоположной стене возле еще одной двери была привинчена металлическая скамья.

— Ждите здесь, — велел Эриникс и вошел в эту дверь.

Его молчаливый напарник застыл истуканом. Марк посмотрел на скамью, размышляя, стоит ли присесть и не ввязался ли он в авантюру, но тут дверь отворилась и вернулся Эриникс.

— Вот что вы должны сделать, — сказал он. — Выйдете отсюда, запомните этот адрес, а затем прогуляетесь по городу. Через час жду вас здесь.

— То есть мне не нужно сходить по какому-то конкретному адресу? Или что-то сделать? Всего лишь прогуляться?

— Именно так.

Эриникс распахнул тяжелую внешнюю дверь, первым вошел в нее, спустился на три ступеньки и прошагал до конца коридора. Марк последовал за ним, потом резко обернулся и указал назад:

— Ступеньки! Их не было, когда мы входили. Готов поклясться — никаких ступенек!

— Один час, не больше. Давайте пальто, там оно вам не понадобится.

В открытую дверь врывался горячий воздух, снаружи яркое солнце обжигало грязный тротуар. Ветер все еще дул, хотя и не так сильно, но теперь он будто вылетал из доменной печи. Марк потоптался у выхода, снимая тяжелое пальто. На его лице уже выступил пот.

— Ничего не понимаю. Вы должны объяснить, что за…

Эриникс взял у него пальто, потом неожиданно толкнул в спину. Спотыкаясь, Марк сделал пару шагов, мгновенно восстановил равновесие и обернулся как раз в тот момент, когда дверь захлопнулась и засов встал на место. Он надавил на дверь, но она не шелохнулась. Кричать бесполезно, это Марк понял сразу. Тогда он повернулся, сощурился под ослепительным солнцем и зашагал по внезапно изменившемуся миру.

Улица была пуста: ни машин, ни пешеходов на тротуаре. Как только он вышел из-под дверного козырька, солнце ударило золотым кулаком. Он снял и повесил на руку пиджак, затем освободился от галстука, но все равно обливался по́том. Офисы смотрели на улицу мертвыми глазницами зашторенных окон, серые фабричные цеха молчали. Марк изумленно озирался, стараясь понять, что же произошло. Пять минут назад

была середина зимы, а морозные улицы полны торопящихся людей. А теперь… Что теперь?

Послышался гул мотора. Он звучал все громче, его источник перемещался по соседней улице. Марк побежал к перекрестку и едва успел увидеть, как машина миновала перекресток в квартале от него. Это точно была машина, но она ехала слишком быстро, и разглядеть сидящих внутри не удалось. Тут он в страхе отпрыгнул — совсем рядом, под ногами, раздался пронзительный вопль. Это взлетела крупная чайка, которая клевала лежащий в канаве труп. Марк навидался в Корее мертвецов, надышался незабываемым смрадом гниющей плоти. Но как мог покойник пролежать в канаве так долго, минимум несколько дней? Что произошло с городом?

В нем нарастал страх, побуждая бежать, вопить, спасаться. Марк подавил его, заставил себя повернуться и зашагал обратно к складу, где ждал Эриникс. Оставшееся время можно скоротать у входа, — он, если постарается, не впадет в истерику и не станет колотить по двери.

Что-то случилось или с ним, или с миром. События этого утра выходили за грань невероятного, и Марк понимал: единственный шанс на спасение от этого невероятного находится за дверью.

Вопиющая иррациональность происходящего побуждала его бежать, но он шагал медленно, впервые заметив, что улица, по которой он идет, заканчивается в воде. Здания по ее сторонам также были погружены в воду, а в конце пути виднелась крыша утонувшей пристани. Впрочем, это казалось не более абсурдным, чем все случившееся ранее, и он решил не придавать значения. Марк так старался оградить сознание от подобных мыслей, что не обратил внимания на рокот мотора и визг тормозов за спиной.

— Эй! Что ты здесь делаешь?

Марк обернулся. У тротуара остановился пыльный грузовик с открытым кузовом, из его кабины выпрыгнул худой светловолосый человек. На нем был мундир цвета хаки без знаков различия, а руку он держал на большой блестящей кожаной кобуре. Водитель наблюдал за Марком, а в кузове находились еще трое в форме, с нацеленными винтовками. Водитель и солдаты были темнокожими. Блондин — похоже, офицер — достал пистолет и тоже направил его на Марка.

— Ты из западных? Ведь знаешь, что здесь с вашими делают?

Внезапно на улице загрохотало. Решив, что стреляют в него, Марк прижался к стене. Но он

ошибся. Едва начав поворачиваться, солдаты в кузове упали, сраженные пулями. Затем рядом взорвалась граната, и грузовик вспыхнул. Блондин развернулся, опустился на колено и открыл огонь по Эриниксу. Тот укрылся в дверном проеме через улицу, чтобы перезарядить автомат.

Послышался частый топот, и офицер повернулся к молчуну, который бежал на него с пустыми руками и невозмутимым лицом.

— Берегись! — крикнул Марк, и тут блондин выстрелил.

Пуля угодила бегущему в грудь, развернув его. Но он не упал, а снова двинулся вперед. Второй выстрел пришелся в голову, но нажать на спуск еще раз блондин не успел. Марк прыгнул к нему и рубанул по запястью ребром ладони. Офицер выронил пистолет.

— Варкен хонд![19] — выругался он и замахнулся на Марка кулаком.

Бегущий врезался в него, повалил и принялся бить по голове ногой в тяжелом ботинке. Марк вцепился ему в руку и потащил. Нападавший, потеряв равновесие, был вынужден шагнуть назад и повернуться. Пуля проделала у него во

---

[19] Примечания: 19
Грязный пес*(африкаанс).*

лбу аккуратную темную дырочку. Крови не было. Он флегматично уставился на Марка. Его лицо так и осталось бесстрастным, а кожа — ровно лоснящейся.

— Нам нужно назад, и быстро, — сказал подошедший Эриникс.

Он взял на мушку потерявшего сознание блондина и застрелил бы, если бы Марк не схватился за автомат.

— Вы не можете его убить просто так.

— Могу. Он уже и так мертвец.

— Объясните. — Марк крепко держал автомат за ствол. — И это, и многое другое.

Они молча вырывали друг у друга оружие несколько секунд, пока не услышали шум приближающегося мотора. Эриникс оставил намерение прикончить лежащего и поспешил обратно.

— Он вызвал подмогу по радио, нужно уходить.

И Марк поспешил следом. Теперь он был рад бежать — к двери, которая сулила спасение от всего этого безумия.

III

— Выпейте воды, — предложил Эриникс.

Марк рухнул на металлическую скамью в

коричневой комнате и кивнул, слишком измотанный, чтобы говорить. Эриникс подошел с несколькими стаканами на подносе. Один протянул Марку, который жадно выпил воду, а себе взял второй. Здесь воздух был прохладный, почти ледяной после уличной жары, и, напившись, Марк вскоре успокоился; даже потянуло в сон. Когда подбородок коснулся груди, адвокат резко очнулся и вскочил.

— Вы что-то подмешали в воду, — сказал он.

— Ничего сильнодействующего. Только чтобы вас расслабить, снять напряжение. Скоро вам станет лучше. Вы пережили сильное потрясение.

— Пережил… и вам придется все объяснить!

— Чуть позже.

— Нет, немедленно!

Марку хотелось броситься на этого странного человека, схватить за горло, вытрясти правду. Но ничего такого он не сделал. Желание принять крутые меры стало абстрактным, расследование цепочки невероятных событий уже не казалось главной задачей. Только сейчас он заметил, что Эриникс потерял парик в недавней перестрелке. Он был лысый как яйцо, а избороздившие лицо шрамы тянулись и дальше, по голому черепу. Выяснять причину его уродства тоже расхотелось.

Мысли стали вязкими.

— Похоже, ваш препарат работает.

— Действие почти мгновенное.

— Где мы?

— В Нью-Йорке.

— Да, знаю, но город так изменился. Затопленные улицы, эти вояки, да еще жара. Сейчас не может быть январь. Или мы переместились во времени?

— Нет, сейчас все еще январь, тот же день, месяц и год. Это изменить нельзя, время постоянно.

— Но что-то можно изменить, и что-то изменилось. Что именно?

— Вы очень быстро соображаете и делаете правильные выводы. Поэтому освободите свой быстрый разум от всех представлений о природе реальности и бытия. Нет ни рая, ни ада, прошлое ушло навсегда, а впереди бесконечное неудержимое будущее. Мы же навечно зафиксированы в текущем моменте нашей мировой линии, вырваться из которого невозможно.

— Что такое мировая линия?

— Вот видите: препарат успокаивает, но голова по-прежнему работает четко. В конкретном настоящем вы живете благодаря тому, что произошло в прошлом. Колумб открыл Америку,

армия северян победила в гражданской войне, Эйнштейн установил, что$E = mc^2$.

Он вдруг умолк. Марк надеялся на продолжение, но вскоре понял: Эриникс ждет, когда собеседник завершит мысль за него. Марк кивнул:

— Сейчас я должен спросить, существует ли мировая линия, на которой Колумб умер в младенчестве, южане победили в Гражданской войне и так далее. Вы этого ждете?

— Этого. Продолжайте аналогию.

— Если существуют две или три мировые линии… да что там две или три — больше! Мировых линий может существовать сколько угодно, бесконечное множество. Абсолютно разных и навечно разделенных.

Тут Марк вскочил. Несмотря на транквилизатор, его трясло.

— Но они не разделены абсолютно, есть точки соприкосновения. И мы сейчас находимся возле другой линии. Она за дверью, надо лишь сойти по ступенькам, потому что улица здесь расположена ниже. Я прав?

— Да.

— Но почему?.. То есть что там происходит, что за катастрофа разразилась?

— Солнце сейчас на ранней стадии изменения. Оно разогревается, излучает больше тепла, и полярные льды тают. Уровень моря поднялся, низины затоплены. Нынче середина зимы, и вы сами убедились, как там жарко. Можете представить, что творится в тропиках. Когда началось массовое бегство с затапливаемых берегов, разразился правительственный кризис. Этим воспользовались соперники. Южноафриканский союз разбогател на ухудшении природных условий, собрал армию наемников и вторгся в Северную Америку. Они встретили лишь небольшое сопротивление.

— Не понимаю… Точнее, я понимаю, что там происходит, и верю вам, поскольку видел это собственными глазами. Но я-то чем могу помочь? Для чего вы привели меня сюда?

— Здесь вы ничем помочь не в силах. А доставил я вас сюда по очень простой причине: мы на собственном опыте поняли, что простейший способ убедить человека в множественности мировых линий — это переместить его физически на другую мировую линию. Это также наилучший, самый быстрый способ выяснить, способен ли человек принять факт их существования и не сломаться психологически. К сожалению, у

нас очень мало времени, надо как можно скорее выяснить, способен ли новичок работать с нами.

— «С нами» — это с кем?

— Сейчас все узнаете. Но прежде скажите, вы восприняли идею множественности мировых линий?

— А что еще мне остается? То, что я увидел снаружи, — непреложный факт. Это не декорация, чтобы сбить меня с толку. И мертвецы там были настоящими. Сколько существует мировых линий?

— Их очень и очень много, точное число никак не узнать. Некоторые отличаются сильно, а разницу между другими выявить очень нелегко. Их можно сравнить с картами в колоде. Если на карте живут плоские двухмерные существа, то они не догадаются о существовании других карт и не смогут переселиться на соседнюю. Представьте, что вы пробили колоду гвоздем. Теперь до других карт уже можно добраться. Мой народ, те самые «мы», о которых вы спрашивали, на такое способен. Мы побывали на многих мировых линиях. Некоторых не удалось достичь, а на иных просто не рискуем появляться.

— Почему?

— И вы еще спрашиваете? После того, что уви-

дели?

Впервые с Эриникса слетела его холодная отстраненность. Яростно сверкая единственным глазом, сжимая кулаки, он принялся расхаживать по комнате.

— Вы сами наблюдали, какая мерзость там творится, сколько людей гибнет еще до наступления абсолютной смерти. Кем я вам кажусь, уродом? А ведь я выгляжу совершенно обычно для своего мира, где всех калечит, убивает солнце, которое год от года выбрасывает все больше жесткого излучения. Мы покинули нашу мировую линию, мы искали убежище в других, но открыли лишь ужасную тайну. Гибель началась, и она непрерывно ускоряется. Вы поняли, к чему я веду?

— Солнце превращается в новую звезду. Оно взорвется, и тогда конец всему.

IV

— Воды, — прохрипел Эриникс, тяжело опустившись на металлическую скамью и закрыв единственный глаз.

Внутренняя дверь открылась, вошел его спутник с кувшином и наполнил стаканы. Он двигался с прежней плавностью и словно не подозревал о черной дырке у себя во лбу.

— Это сиксим, — пояснил Эриникс, заметив, куда смотрит Марк, и стал пить так жадно, что вода пролилась на подбородок. — Сиксимы — отличные помощники, нам без них никак не обойтись. Это не наше изобретение, мы заимствуем все, что нам нужно. Перед вами машина из металла и пластика, хотя есть и кое-какая искусственная плоть. Органы управления внутри бронированной грудной клетки. Так что эти создания практически неуязвимы.

— Итак, солнце станет новой звездой. Это случится везде, на каждой мировой линии? И на моей?

Эриникс устало покачал головой:

— Не на каждой, и в этом наше единственное спасение. Но на очень многих, и скорость процесса непрестанно увеличивается. Ваше солнце не взорвется, насколько нам известно, — нет характерных изменений солнечного спектра. У вас и так достаточно проблем, и у вас же мы черпаем припасы, в которых отчаянно нуждаемся. Нас мало, всегда слишком мало, а сделать нужно очень многое. Мы должны спасти кого сможем и что сможем, и мы не вправе разглашать свои цели и методы. Это огромная работа, и она чрезвычайно тяжела. Но нас подгоняет зловеще

раздувшийся в небе шар. Его радиация калечит нас, мы рождаем мутантов и клянем судьбу в бессильной злобе, — но все-таки выживаем. Одна мутация оказалась спасительной для моего народа, она создала гения, открывшего двери между мировыми линиями. Но на каждую полезную мутацию приходится миллион вредных, и я даже не стану описывать страдания моего мира. Можете считать меня уродом, но на самом деле я счастливчик. Мы сбежали из своего мира, однако вскоре выяснили, что враг поджидает почти везде. Мы пытались дать ему отпор. Мы начали меньше двухсот лет назад, а враг — за миллионы лет до нас. От него мы переняли безжалостность на войне, и мы будем сражаться до самого конца.

— Я должен что-то сделать за этой дверью?

— Нет, не там. Этот мир уже мертв, его разрушение зашло слишком далеко. Мы можем только наблюдать. Ближе к концу спасем произведения искусства, до каких дотянемся. Все нужное уже помечено. Ведь мы познаём культуру через ее искусство и через него же познаём мир. А сколько миров уже исчезло, не оставив после себя ничего, потому что у нас так много дел…

Он жадно пил воду и всхлипывал. Марк предположил, что у собеседника не все в порядке с

головой. Ненавидеть солнце, объявлять ему войну, бесконечную и обреченную на поражение… Но разве она совсем уж бесполезна? Если можно спасти человеческие жизни, не стоит ли заплатить любую цену, пойти на любые жертвы? В его мире люди пытаются сохранить биологические виды, которым грозит вымирание. А Эриникс и его народ спасают самих себя.

— Чем я могу помочь? — спросил Марк.

— Выясните, что случилось с агентом, участником одной из наших крупнейших операций. Он с вашей мировой линии. Мы называем ее «Эйнштейн», потому что она входит в очень небольшое число линий, где была освоена атомная энергия. Агент сейчас в мире «Ирокез», тамошнее солнце начнет разогреваться в ближайшее столетие. Это необычная линия, технологически слаборазвитая по вине всемогущих религий. Европа до сих пор живет в средневековье, в Северной Америке правят индейцы, и Шесть наций[20] — наиболее сильный из племенных союзов. Это смелые и находчивые люди, и мы рассчитывали привлечь их для освоения пустого мира — нам известно много таких миров. Попытайтесь представить

[20] Примечания: 20

*Шесть наций,*или Лига ирокезов, — союз ирокезоязычных племен, проживающих в настоящее время в США и Канаде.

Землю, на которой никогда не возникала жизнь; моря бесплодны, вся суша — каменистая или песчаная пустыня. Мы заселили многие из них животными и растениями, результаты оказались впечатляющими. Совсем нетрудно доставить в другой мир всевозможные семена, а позднее, когда растения освоятся, выпустить туда и животных. Зато людей переместить не так-то легко. Мы возлагали большие надежды на «Ирокез», однако наш агент в этом мире куда-то пропал. Я отложил другие свои проекты, чтобы исправить ситуацию, и разыскал вас, воспользовавшись для этого архивами Министерства обороны.

— Кто ваш агент?

— Индеец-могавк по имени Джозеф Крыло, на вашей мировой линии он был сталеваром.

— Могавки всегда плохо ладили с другими племенами Лиги.

— Нам об этом ничего не известно. Попробую найти отчеты агента, если они сохранились. Но главное сейчас другое: вы нам поможете? Если хотите больше денег, то получите любую сумму. У нас неисчерпаемый запас. Между многими мирами геологическая разница невелика, поэтому мы просто отмечаем, где находятся важные минералы, вроде алмазов и золота, а потом добываем

их в другом мире. Это очень легко.

У Марка начало складываться представление о гигантских масштабах операций, проводимых этими людьми.

— Да, постараюсь.

— Хорошо. Мы отправляемся немедленно. Сидите здесь. Сейчас мы переместимся в мир, который одни называют Родиной, а другие — Ненавистью.

— Это ваш мир?

— Да. И там вы, возможно, получше поймете, что нами движет. Все наши географические перемещения осуществляются там, потому что там расположены станции перехода. Это все, на что наш мир еще пригоден.

Он выплюнул эти слова, как будто они были горькими.

Переход опять прошел без всяких ощущений, без осознания перемены. Эриникс покинул комнату, а через несколько секунд вернулся.

— Не хотите показать, как вы это делаете? — спросил Марк.

— Не хочу. Это запрещено; более того, это немыслимо. Если пройдете через дверь, то подпишете себе смертный приговор. Средства перехода между мировыми линиями мы должны держать

в секрете. И это не просто прихоть. Возможно, у нас не все в порядке с головой, но наша ненависть нацелена исключительно на ту тварь, что висит в небе Родины. Ни одну расу, нацию или иную группу людей мы не ставим выше других. Но подумайте, что может случиться, если какая-нибудь националистическая или религиозная группировка получит контроль над средствами перемещения между мирами, к каким ужасным последствиям это может привести.

— Я понял вашу мысль, но не со всем согласен.

— А я и не прошу соглашаться. Все прочее для вас открыто, у нас нет секретов. Запретна только эта комната. Пойдемте.

Он открыл наружную дверь, и Марк последовал за ним.

V

Они находились внутри какого-то здания, похожего на пещеру. Сверху бил резкий свет, огромные контейнеры и штабели ящиков отбрасывали длинные тени. Марк, Эриникс и сиксим шагнули в сторону, уступая дорогу платформе, нагруженной блестящими цилиндрами. Ею управлял сиксим, точно такой же, если не считать дыры во лбу. Дверь, которую они только что

закрыли за собой, отворилась, из нее вышли еще два сиксима и принялись заносить цилиндры в комнату.

— Нам сюда. — Эриникс провел Марка между штабелями в помещение, где на столах лежали тюки с одеждой. — Отправляйся на ремонт, — велел он поврежденному сиксиму, затем указал адвокату на серую одежду. — Она устойчива к радиации. Переоденемся.

Не ведающий стыда, как и любой иной эмоции, Эриникс разделся догола и облачился в нечто вроде комбинезона. Марк последовал его примеру. Ткань оказалась мягкой, но толстой, а высокий воротник застегивался, скорее всего, магнитной застежкой. Тут стояли и тяжелые ботинки разных размеров, и Марк быстро подобрал подходящую пару.

Пока он переодевался, Эриникс позвонил кому-то по самому обычному телефону с эмблемой «Вестерн электрик» (как бы в этой компании удивились, узнав, где пользуются их аппаратами!) и заговорил на языке, богатом гортанными звуками.

Они вышли из комнаты через другую дверь, оказавшись в широком коридоре, где их ждал транспорт. Это была машина размером с боль-

шой грузовик, каплевидной формы, на шести колесах с толстыми шинами, изготовленная из металла того же цвета, что и их одежда, и без окон. Тем не менее, когда они оказались внутри транспортного средства, Марк увидел, что вся передняя стена или прозрачная, или представляет собой большой экран. Возле нее располагалось единственное место для водителя, а к остальным стенам крепились изогнутые мягкие скамьи.

Марк сел на скамью, Эриникс занял место водителя, и машина тронулась. Не было ни вибрации, ни звука выхлопа — она просто медленно двинулась вперед после прикосновения человеческого пальца к панели управления.

— У нее электрический двигатель? — спросил Марк.

— Понятия не имею. Машины едут, когда нам нужно, и это главное.

Марк восхищался целеустремленностью спутника, но не завидовал ему. В жизни этого человека была только одна цель — сбежать от солнечного пламени и спасти то, что еще можно спасти. Неужели весь его народ такой же?

Когда коридор закончился и они въехали в туннель, вспыхнули мощные прожекторы. Стены туннеля не подвергались обработке, гладким

было лишь дорожное полотно, уходящее вниз под крутым углом.

— Где мы? — спросил Марк.

— Едем под рекой, скоро выберемся на поверхность. Над нами остров… Как он у вас называется?..

— Манхэттен.

— Да, Манхэттен. Его уже накрыло море, оно поднялось почти до кромки обрыва на другой стороне реки. Здесь полярные шапки растаяли много лет назад. И жизнь очень суровая. Сами увидите.

Туннель впереди изогнулся вправо и резко пошел вверх. Эриникс уменьшил скорость и остановил машину, когда впереди показался яркий световой диск. Он что-то сделал на панели управления, изображение потемнело, как будто на него опустился фильтр. Выключив прожекторы, Эриникс вел машину дальше, пока свет не превратился в зияющее устье туннеля. Оно становилось все больше и ярче, и вот Марк и его сопровождающий снова на поверхности.

Хоть и стоял на экране защитный фильтр, Марк не мог смотреть на солнце и даже в его сторону. Оно казалось открытой дверкой в небесной печи, что заливала мир под собой светом, жаром

и радиацией. Здесь в изобилии селились растения, только они могли выдерживать поток горнего пламени и даже радоваться ему. Машину окружала зелень, настоящие джунгли из буйно разросшихся, переплетающихся, тянущихся в небо трав и деревьев, благоденствующих под предсмертными ласками звезды. Дорога была единственным видимым творением человеческих рук, она прорезала широкую прямую просеку сквозь буйную растительность. Упрямые джунгли склонялись над ней, подступали к самому краю и забрасывали корни и лианы на ее голую поверхность. Эриникс опять похлопотал над панелью и покинул кресло водителя.

— Переключился на автоматическое управление. Мы можем отдохнуть.

Он ухватился за поручень при резком торможении — впереди на дороге лежало большое дерево, почти полностью ее перегородив. В передней части машины заработал какой-то механизм, и вспыхнул свет, не уступающий по яркости солнечному. Затем они медленно поехали дальше, оставив позади жирный дым, уносимый ветром.

— Машина будет ехать по дороге и расчищать ее при необходимости, — пояснил Эриникс. — На ней установлен генератор тепла, чтобы сжи-

гать препятствия. Мне говорили, что во время прокладки этого пути техника плавила грунт и скалы. Принцип ее работы был открыт при наблюдении за солнцем — тот же самый синтез энергии. Мы еще обратим против убийцы его собственную мощь.

Он прошел к заднему сиденью, улегся лицом к спинке и почти мгновенно заснул. Марк осторожно, чтобы ничего не коснуться, пересел на место водителя. Мир снаружи одновременно и восхищал, и вызывал отвращение. Машина продолжала безошибочно ехать посередине дороги на высокой скорости, замедляясь только для того, чтобы сжечь очередную препону. Наверное, у нее имелся радар или его аналог, потому что мощная гроза совершенно не повлияла на темп продвижения. В яростном тропическом ливне видимость снизилась до нескольких футов, и тем не менее машина остановилась лишь единожды, чтобы поработать огнеметом, и тогда пар и дым полностью скрыли все вокруг. Вскоре гроза прекратилась так же внезапно, как и началась. Марк смотрел вперед, пока его не одолела зевота. Тогда он решил последовать примеру Эриникса. Опасение, что сон не придет, оказалось напрасным. Снаружи стемнело, а машина все так же

бесшумно мчалась сквозь ночь.

Доехали уже перед самым рассветом. Здание было огромным, как крепость, и во многом походило на нее. Стены высокие и темные, в потеках после дождя. Установленные по периметру мощные прожекторы освещали прилегающую полосу грунта, вернее, спекшегося пепла. Очевидно, всю растительность здесь выжигали, не подпуская ее к зданию. Дорога уткнулась в высокие ворота, которые автоматически скользнули в сторону, когда подъехала машина. Эриникс остановил ее в двухстах ярдах от ворот и покинул кресло.

— Дальше она поедет сама, а мы пройдемся. Сейчас нет солнечной радиации, поэтому вы сможете увидеть мой мир и понять, что ждет остальные.

Они вышли во влажную духоту ночи. По дороге бежали ручейки, смывая пепел в канавы, к которым вплотную подступала растительность. Воздух был горячим и влажным, и казалось, в нем почти нет кислорода. Марк испугался, что задохнется, и стал наполнять легкие до отказа.

— Не забывайте, — сказал Эриникс, направляясь ко входу, — что сейчас ночь, середина зимы и перед рассветом самое прохладное время. Летом сюда лучше не приходить.

Марк торопливо пошел следом, обливаясь потом. Теперь он на себе почувствовал силу небесного врага, который уже поджигал горизонт на востоке. Задыхаясь от натуги и шатаясь, адвокат вбежал в здание и с облегчением увидел, как закрывается дверь.

— Теперь начинается ваша работа, — сообщил Эриникс, приведя его в уже знакомую коричневую комнату.

Пока они совершали короткую экскурсию по мировой линии под названием «Ирокез», Марк отдышался и стер с лица пот.

— Я оставлю вас здесь и вернусь через сутки за отчетом. Затем мы решим, что делать. — Эриникс распахнул дверь и указал наружу.

— Минуточку… Я же совершенно не в курсе, что здесь происходит. Вы должны меня проинструктировать.

— Я знаю об этой операции не больше того, что уже рассказал. Информация должна быть у местного сиксима, он сообщит все, что вам необходимо знать. А теперь идите. У меня своя работа, она ждет.

Не было смысла спорить. Эриникс снова нетерпеливо указал наружу, и Марк вышел через дверь, которая тяжело хлопнула позади него.

Он очутился в холодной темноте и невольно задрожал после жаркого мира, который только что покинул.

— Сиксим, ты где? Можешь посветить?

Тотчас загорелась спичка, и в слабом сиянии Марк увидел индейца, зажигающего обычную керосиновую лампу. На нем были обмотанные ремешками меховые гамаши и куртка из оленьей кожи, украшенная бахромой. Он был смуглым, но с индоевропейскими чертами лица. Когда лампа загорелась, он неподвижно застыл рядом.

— Ты сиксим?

— Да.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду указаний.

Эти существа мыслили столь же буквально и прямолинейно, как компьютеры. Вероятно, как раз потому, что их мозги и были компьютерами. Марк понял, что нужно задавать более конкретные вопросы, но у него зуб на зуб не попадал от холода. Думать было трудно.

— Давно ждешь?

— Двенадцать дней, четырнадцать часов и…

— Достаточно. И все это время ты просидел в темноте и холоде! Можешь как-нибудь обогреть помещение?

— Да.

— Ну так действуй. И дай мне что-нибудь накинуть, пока я совсем не окоченел.

В плаще из шкуры бизона сразу стало теплее, и, пока сиксим разводил огонь в большом каменном очаге, Марк обвел взглядом просторную комнату. Стены сложены из неокоренных бревен, пол устлан широкими досками. Вдоль стены ящики, возле другой груда разных шкур. Ближе к огню хижина имела более обжитой вид: там располагались стол и стулья, кухонная утварь и шкафчики.

Марк устроился на деревянном стуле и протянул руки к потрескивающему пламени. Разведя огонь, сиксим вновь замер, он ждал дальнейших распоряжений.

Терпеливо задавая вопросы, Марк вытянул из робота все, что тот знал о ситуации. Агент Джозеф Крыло жил здесь и ходил на переговоры с индейцами онайда. Чем именно он занимался, сиксим не знал. Агент ушел и не вернулся. Когда истекло сорок восемь часов, робот, следуя инструкции, доложил о его исчезновении. Как именно доложил, он не сказал. Очевидно, на вопросы определенного свойства он отвечать не станет.

— Ты мне помог, но не очень, — подытожил

Марк. — Придется самому выяснять, что случилось. Джозеф оставил какие-нибудь бумаги? Дневник, записки?

— Нет.

— Плохо… Здесь есть оружие?

— В этом ящике. Хотите, чтобы я его открыл?

— Да.

В ящике лежало десятка два не новых винтовок М-1, очевидно со склада для резервистов, и несколько коробок с патронами. Марк проверил затвор винтовки — тот двигался гладко — и вернул ее на место.

— Запри его. Я не ищу неприятностей, а если найду, винтовка вряд ли поможет. Зато мирное подношение может оказаться намного полезнее, особенно еда в середине зимы.

С лампой в руке он пошел осматривать другие ящики и быстро обнаружил то, что ему требовалось. Целый сундук больших копченых окороков. Он поднес один этикеткой к свету: «Смитфилдский окорок. Упаковано в Нью-Чикаго, вес 6,18 кг». Явно не из его мировой линии, но это не имело ни малейшего значения.

Еще понадобится одежда, более уместная здесь, чем серый комбинезон. Он нашел гамаши и куртки — ношеные, судя по запаху, но тем и лучше.

Марк быстро переоделся возле очага, а потом, понимая, что чем дольше оттягиваешь уход, тем труднее будет уйти, сунул окорок под мышку, подошел к двери и сдвинул большой деревянный засов.

— Запрись, откроешь только мне.

— Да.

За дверью оказалось пустое заснеженное поле, дальше виднелась роща из зеленых сосен и высоких дубов с голыми ветвями. На голубом куполе неба маячило небольшое, вполне нормальное зимнее солнце, дающее больше света, чем тепла. Между деревьями тянулась тропа, а над рощей вилась струйка дыма, темная на фоне неба. Туда-то Марк и направился. Когда он приблизился к опушке, из-за дерева бесшумно шагнул высокий индеец, преградив ему путь. Он не делал угрожающих движений, но держал наготове дубинку с каменным навершием. Марк молча смотрел на него, надеясь, что сможет через столько лет вспомнить язык ирокезов. Индеец нарушил молчание первым:

— Мое имя Большой Ястреб.

— Мое имя… Детский Разговор.

Марк уже много лет не представлялся именем, которым старый индеец в резервации нарек

мальчика, впервые заговорившего на языке ирокезов. Похоже, Большой Ястреб немного успокоился, услышав слова чужака, потому что дубинка чуть опустилась.

— Я пришел с миром, — сообщил Марк и протянул окорок.

— Добро пожаловать с миром, — отозвался Большой Ястреб, засовывая дубинку за пояс и принимая дар, который он с удовольствием понюхал.

— Встречал ли ты человека по имени Джозеф Крыло? — спросил Марк.

Окорок упал, наполовину зарывшись в снег, а дубинка снова оказалась в руке.

— Ты его друг?

— Я с ним даже не знаком. Но мне сказали, что найти его можно здесь.

Большой Ястреб долго молчал, обдумывая ответ. Он взглянул на пролетавшую мимо с хриплыми криками синюю сойку, потом изучил следы кролика на снегу — и при этом ни разу не отвел взгляда от Марка более чем на секунду.

— Джозеф Крыло пришел сюда в ночь охотничьей луны[21], тогда еще не выпал первый

---

[21] Примечания: 21

Охотничья луна –полнолуние после осеннего равноденствия.

снег, — заговорил он наконец. — Всю ту ночь горели странные огни и раздавались странные звуки, однако никто не выходил из длинного дома. И самого дома не было накануне, а наутро он уже стоял таким, каким ты его сейчас видишь. Мы поняли, что тут поработала большая оренда. Потом Джозеф Крыло пришел к нам и многое рассказал. Он обещал показать воинам, где хорошая охота. Здесь охота плохая, потому что людей Шести наций много и дичи на всех не хватает. Он все это объяснил и показал то, что заставило нас поверить. Некоторые обещали пойти с ним, хотя кое-кто и думал, что они уже не вернутся. Другие решили, что к нам явился сам Техоронхиавахон, и он не сказал, что это не так. Джозеф Крыло говорил моей сестре, Бегущей Оленихе, что он на самом деле Техоронхиавахон, и звал с собой в длинный дом. Она не захотела идти, и тогда он увел ее силой.

Большой Ястреб неожиданно умолк и внимательно посмотрел на Марка прищуренными глазами. Он не договорил, но смысл сказанного был вполне ясен. Онайда наверняка решили, что столь внезапно и эффектно появившийся Джозеф Крыло обладает большим количеством оренды — магической силы, имеющейся в каждом живом

организме или предмете. У одних ее больше, у других меньше. Человек, способный за ночь построить дом, явно богат орендой. Настолько богат, что некоторые приняли его за Техоронхиавахона — охранителя племени, героя, рожденного от богов, но живущего как человек и способного в любой момент прийти к людям в этом облике. Но никакой герой не станет брать девушку силой: индейцы на этот счет очень практичны. Любого, кто так поступит, убьют родственники потерпевшей; да по-другому и быть не может. И теперь брат Бегущей Оленихи ждал ответа Марка.

— Тот, кто так поступает, должен умереть, — сказал Марк.

Защищая уже несомненно мертвого Джозефа Крыло, он ничего не достигнет. Марк уже перенял кое-какой прагматизм у Эриникса.

— Он умер. Пойдем со мной.

Большой Ястреб подобрал окорок, повернулся спиной к Марку и повел по тропе через глубокий снег.

VI

Мужчины племени онайда уселись вокруг огня, а женщины подали им кашу. Должно быть, плохая выдалась охота, если в каше было совсем

немного толченого овса, желудевой муки и пара кусочков оленины, а все остальное — вода. После еды они закурили, набив в трубки какие-то вонючие листья вместо табака. И лишь когда церемония была соблюдена, индейцы наконец-то заговорили на тему, которая заботила всех.

— Мы ели лося, — сказал Большой Ястреб, попыхивая трубкой, пока у него не покраснели глаза. — На мне плащ из его кожи. Это был большой лось, много мяса. — Он передал трубку Марку, потому сунул руку назад, под лежащую шкуру, и достал кость. — Это от ноги лося, ее нам дал один человек. Мы могли бы хорошо есть зимой, если бы охотились на таких лосей.

Марк взял кость и внимательно рассмотрел, насколько это было возможно при тусклом свете. Она отличалась лишь необычной длиной — не менее пяти футов. Очевидно, принадлежала исполинскому зверю, — кость простого лося или коровы куда меньше. И какое отношение она имеет к покойному Джозефу Крыло? Конечно же, именно от него попала к онайда. Но где и как агент ее добыл? Эх, вот бы найти записи о том, чем он здесь занимался. Впрочем, почти наверняка охотой — добывал пищу для этих людей, которых стало слишком много на ограниченных

угодьях. Марк поднял кость.

— Было ли вам обещано, что вы сможете охотиться на таких лосей? — спросил он.

Индейцы закивали и согласно забормотали.

— Тот человек сказал, — ответил Большой Ястреб не сразу, — что охотники могут отправиться в страну, которая и близко, и далеко. Если охота будет хорошей, он построит длинный дом для остальных, кто придет следом. Вот что он сказал.

Что ж, все достаточно просто — Джозеф Крыло предложил экспедицию в один из миров, где раньше была пустыня, а теперь расплодилась дичь. Если охота окажется успешной, туда переселится все племя.

— Я тоже могу отвести вас на охоту в ту страну, — заявил Марк.

— Когда это будет?

— Приходите ко мне утром, и я скажу.

Он сразу ушел, лишив индейцев возможности задать новые вопросы. Солнце висело низко над горизонтом, рождая длинные фиолетовые тени на белом снегу. Возвращаться по своим следам было легко, и вскоре он с радостью увидел крепкие бревенчатые стены. Опознав Марка, сиксим впустил его. Теперь пламя в очаге вздымалось

еще выше, большая комната почти прогрелась. Марк сел у огня и с наслаждением протянул к нему руки. Сиксим застыл в тени, как статуя.

— Джозеф Крыло собирался отвести индейцев на другую мировую линию. Ты об этом знал?

— Да.

— Почему не сказал мне?

— Вы не спрашивали.

— Буду признателен, если ты возьмешь за правило добровольно сообщать мне необходимую информацию.

— Какую информацию я должен сообщать вам добровольно?

М-да-а… общению с сиксимом еще учиться и учиться. Марк взял лампу, порылся в ящиках и пошарил на полках. Там нашлись бутылки непривычной формы, с незнакомыми этикетками, содержащие нечто под названием «Кунбула аташан», разлитое в каком-то Карфагио. Буквы разобрать было трудно, и он сомневался, что правильно все прочел, но откупорил бутылку и ощутил — никаких сомнений — запах крепкого алкогольного напитка. На вкус он оказался необычным, но бодрящим, и Марк налил себе кружку, после чего вернулся к огню.

— Ты знаешь, к кому я должен обратиться,

чтобы организовать переход на другую мировую линию?

— Да.

— К кому?

— Ко мне.

Все просто: сиксим не выдаст детали операции, зато включит устройство, которое перенесет их в нужный мир, а затем вернет.

— Утром сходим туда на разведку.

Они вышли вскоре после рассвета. Марк прихватил винтовку и несколько магазинов: там водятся крупные лоси, и если повезет, он подстрелит одного. Переход опять был неощутим, а когда тяжелая наружная дверь распахнулась, за ней впервые не оказалось другой комнаты или коридора, а сразу поле, покрытое желтой травой.

— Но сейчас же зима! — изумился Марк. — Где снег?

Сиксим ответил, потому что фраза была по форме вопросительной:

— Сейчас зима, но здесь, в «Песчанике», климат теплее из-за другой конфигурации океанских течений.

Держа винтовку наготове, Марк вышел, а сиксим закрыл дверь. Потом, без всякого приказа, робот запер дверь длинным ключом. Марк впер-

вые увидел устройство для перемещения между мирами, оно не пряталось внутри здания. На вид просто большой ящик из ржавых стальных пластин на заклепках. Можно только гадать, что за аппаратура находится внутри. Адвокат отвернулся и обвел взглядом мир под названием «Песчаник».

Повсюду росла высокая трава. Должно быть, ее посеяли первой, чтобы стабилизировать почву. Трава сделала свое дело, но пройдут еще столетия, чтобы сгладить резкие контуры ландшафта. Вон те зазубренные утесы вдалеке превратятся в округлые холмы, а груды валунов тут и там — морены — прикроются слоем дерна. Равнину усеивали рощи и купы деревьев, а сбоку начинался густой лес, тянущийся до самого горизонта. Местность производила впечатление искусственной — каковой она, собственно, и была. Марк узнал некоторые деревья, другие оказались ему в диковинку. Эту планету засеивали в спешке всем, что попалось под руку. Однако с точки зрения экологии это дало удачный результат — подобная эклектика повышает шансы экосистемы на выживание. Здесь наверняка есть и разнообразная фауна — и крупные лоси, о которых онайда уже знают, и другие животные.

Обойдя ржавеющую конструкцию, он увидел этих других животных — и замер. Всего в двухстах ярдах паслось стадо, обрывая листья с низких деревьев. Крупные звери с изящно загнутыми назад бивнями и густой шерстью.

— Шерстистые мамонты! — воскликнул он.

Ближайший самец заметил его, задрал хобот и предупреждающе затрубил.

— Да, — подтвердил робот.

— Доставай ключ, пора отсюда убираться, — сказал Марк, быстро пятясь. — Не думаю, что калибр семь шестьдесят два продырявит шкуру такой зверюги.

Неторопливыми и плавными движениями робот отомкнул по очереди все четыре замка, а топот мощных ног звучал все громче и ближе. Человек и сиксим нырнули в проем и захлопнули за собой дверь.

— Как пить дать, онайда очень понравится здешняя охота, — заметил Марк с кривой улыбкой и прислонился к толстой стене, чтобы перевести дух. — Давай вернемся за ними.

Открыв наружную дверь в «Ирокез», он увидел, что Большой Ястреб и еще пять воинов терпеливо ждут на снегу возле хижины. Они были тепло одеты и вооружены длинными луками, палицами

и каменными разделочными ножами. К поясам были подвешены мешочки со всякой необходимой мелочью. Индейцы хорошо подготовились к походу, хоть и не знали, куда их поведут. Если они и испытывали напряжение, то оно проявлялось только в поступи: так преследуют опасного зверя, а не входят в мирное жилище.

Первая комната почти не вызвала у онайда любопытства — наверное, здесь им уже довелось побывать, — зато они с нескрываемым интересом разглядывали тяжелую металлическую дверь. Вероятно, покойный Джозеф Крыло им что-то про нее рассказывал, но Марк все равно решил выложить правду — самыми простыми словами, для пущей доходчивости.

— Когда войдем в эту дверь, длинный дом переправит нас туда, где мы будем охотиться. Как он это сделает, я не скажу, потому что сам ничего в этом не понимаю. Не робейте, он перенесет нас так же бережно, как мать переносит младенца на спине, как каноэ несет рыбака по воде. Вы готовы?

— Ты возьмешь с собой гремучую палку, которая убивает? — Большой Ястреб показал пальцем на винтовку, все еще висящую на плече Марка.

— Да.

— Однажды было сказано, что народу онайда подарят гремучие палки и научат ими пользоваться.

Почему бы и нет? На этот счет никаких запретов не имелось, годится все, что спасет людей.

— Да. Можете взять их сейчас, если хотите. Но думаю, пока вы не научитесь правильно обращаться с ружьем, лук будет сподручнее.

— Это так. Заберем гремучие палки, когда вернемся.

Сиксим открыл внутреннюю дверь, и индейцы, не дожидаясь приглашения, вошли в ярко освещенную комнату. Они молчали, но держали оружие наготове, пока сиксим запирал дверь, а потом ходил в соседнюю комнату, к аппаратуре переноса, откуда через секунду вернулся.

— Путешествие закончилось, — объявил Марк. — Теперь будем охотиться.

Индейцы окончательно поверили ему, только когда увидели за наружной дверью залитую солнцем зеленую равнину. Выходя, они хмыкали и восклицали, дивясь необычному ландшафту и теплой погоде. Марк нервно осмотрелся, но стадо мамонтов уже ушло. Впрочем, и без них здесь хватало интересного для индейцев. Они замечали животных там, где Марк видел лишь траву

и деревья, показывали друг другу и радостно кричали. Но мгновенно умолкли, когда Большой Ястреб протянул руку:

— Там, под деревьями. Похоже на большую свинью.

Марк ничего не разглядел в тени, но другие индейцы согласились с вождем и взялись за луки. Когда темное сопящее животное вышло на свет, они уже были готовы. Это оказался европейский кабан, намного крупнее тех, что им доводилось видеть. Он тоже еще никогда не встречал людей, поэтому не испугался. Просвистели меткие стрелы, зверь развернулся, визжа от боли, и с треском вломился в подлесок. Индейцы заголосили в азарте и помчались по его следам.

— Оставайся внутри и жди нас, — приказал Марк роботу. — Хочу быть уверен, что мы сможем вернуться.

Он побежал вдогонку за индейцами, которые уже скрылись в лесу. След был очень четкий, отмеченный кровью кабана, вдобавок его преследователи протоптали тропку. Спереди донесся еще более громкий визг, который внезапно оборвался. Когда Марк приблизился, все уже было кончено: мертвый кабан лежал на боку с разбитым черепом, а ликующие индейцы радостно

тыкали его в бока и ляжки.

И тут земля у них под ногами дрогнула, а по ушам хлестнул оглушительный грохот. Взрыв произошел настолько близко, что насмерть перепугал индейцев, — они не поняли, что произошло. Но Марк сообразил мигом. Он уже слышал такие звуки на войне. Обернувшись, адвокат увидел, как по небу расползается большое облако жирного черного дыма. Оно поднималось из-за деревьев, с того места, где находился металлический ящик. И тогда Марк побежал, заталкивая обойму в винтовку и снимая ее с предохранителя.

Выскочив из леса, он увидел катастрофу.

На месте приземистой стальной конструкции теперь валялись лишь искореженные металлические листы, которые лизало дымное пламя. Неподалеку на траве лежал сиксим с оторванной ногой и продырявленным туловищем.

Дверь между мирами захлопнулась.

VII

Марк так и стоял не шевелясь, даже когда из леса подошли индейцы, удивленно восклицающие при виде разрушений. Они еще не поняли, что лишились своего племени и родного мира. Сиксим приподнял голову и хрипло окликнул

Марка. Тот подбежал. Взрывом с робота сорвало немало искусственной плоти, в прорехах виднелся металл. Лицо тоже сильно пострадало, но говорить он мог.

— Что случилось? — спросил Марк.

— В комнате появились незнакомые люди с оружием. Это недопустимо. У меня есть приказ. Я включил механизм самоуничтожения, но не успел воспользоваться спасательным устройством.

Марк посмотрел на развалины и пламя.

— Здесь нам уже не перенестись?

— Нет.

— В этом мире есть другие точки?

— Я знаю об одной. Возможно, есть и еще.

— И одной достаточно! Где она?

— Как называется ваша мировая линия?

— Да какая разница?.. Ладно, она называется «Эйнштейн».

— Точка находится на острове под названием Манхэттен.

— Ну конечно! Та первая дверь, через которую я выходил! Так ведь до нее не меньше двухсот миль по прямой.

Но что такое две сотни миль по сравнению с промежутком между мирами? Ботинки у него

крепкие, и здоровье в полном порядке, пара же фунтов лишнего веса — пустяк. А еще есть спутники, для которых дикая природа как дом родной, и они умеют выживать на том, что добудут. Индейцы пойдут с ним, ведь у них нет выбора… Если он сумеет объяснить, что произошло и как теперь надо действовать.

Это оказалось нелегко, но факт существования иного мира вынуждал их верить всему, что говорил Марк, а если и не верить, то хотя бы допускать возможность его правоты. Под конец индейцам уже почти не терпелось увидеть новые земли, которые он расхвалил, и диковинных зверей, на которых там можно охотиться. Пока остальные разделывали и коптили добытого кабана, Марк попытался втолковать Большому Ястребу, что физически они остались там же, откуда проникли в этот мир. Индеец изо всех сил старался понять, но так и не смог, поскольку глаза ему подсказывали, что он сейчас находится в другом месте. Кончилось тем, что Марк просто попросил верить ему.

Когда дошло до поисков острова Манхэттен, Большой Ястреб созвал соплеменников. Они подходили не торопясь, измазанные жиром и довольные; у всех животы раздулись от свежего мяса. Марку осталось только слушать, как они об-

суждают географию штата Нью-Йорк, вспоминая то, что видели сами и что слышали от других. В итоге они пришли к общему мнению о том, где находится этот остров: в устье большой реки, впадающей в океан неподалеку от длинного острова. Но еще они решили, что добраться туда нельзя, поэтому снова отправились разделывать тушу кабана. Забросив работу на середине, индейцы заснули.

Близился вечер, поэтому Марк оставил всякую надежду выступить в путь сегодня. Он примирился с задержкой и уселся есть жареное мясо, когда из леса показался сиксим. Тот сделал из ветки грубый костыль, на который и опирался при ходьбе. Эриникс говорил, что эти существа почти неуничтожимы. Похоже, он был прав.

Марк расспросил сиксима, но тот не знал, как добраться до Манхэттена, поскольку не располагал никакими сведениями о географии этого мира. Когда солнце зашло, адвокат улегся возле костра вместе с остальными и заснул столь же крепко. Он проснулся на рассвете, взглянул на восходящее солнце и понял, что нужно делать. Ему придется вести индейцев за собой. Он разбудил Большого Ястреба.

— Мы пойдем на восток, в сторону солнца, —

сказал он. — А когда достигнем большой реки, повернем и двинемся вниз по течению, на юг. Мы сможем это сделать?

Если в этом мире есть река Гудзон, если индейцы последуют за ним… Большой Ястреб серьезно смотрел на него несколько секунд, потом сел:

— Выступаем сейчас же.

Он пронзительно свистнул, и спящие зашевелились.

В походе индейцы были веселы, они живо обсуждали новые места и не уставали дивиться щедрости охотничьих угодий. Дичь попадалась здесь повсюду — как знакомые путникам звери, так и самые необычные. Они увидели стадо больших животных, похожих на быков, и других, напоминающих зверей, нарисованных на стенах пещеры Альтамира, вероятно зубров. И еще они заметили подкрадывающуюся большую кошку с поразительно длинными клыками. Саблезубый тигр? В этом прежде пустынном, а теперь стремительно обживаемом мире было возможно все.

Они шли пять дней по никем не изученной стране, пока не приблизились к реке, которая могла быть только Гудзоном.

Но имелась и существенная разница: подобно реке Колорадо, она проре́зала в прежде безжиз-

ненной местности огромное ущелье. Путники подползли к краю высокого обрыва и заглянули вниз. Спуститься к воде было невозможно.

— Идем на юг, — решил Марк и зашагал вдоль обрыва. Остальные последовали за ним.

День спустя они дошли до того места, где в Гудзон впадал приток, а берега стали ниже и положе. Кроме того, здесь было посеяно человеком или принесено ветром много семян, и вдоль воды протянулся узкий лес. У индейцев ушло меньше дня, чтобы собрать из бревен, ветвей и плавника внушительного размера плот. Накрепко связав его ремнями из сыромятной кожи, они погрузили запас еды, а потом забрались сами. Шестами и веслами индейцы оттолкнули неуклюжую конструкцию от берега. Плот быстро подхватило течение и понесло на юг. В устье реки их ждал Манхэттен.

Эта часть путешествия оказалась самой легкой и гораздо более быстрой, чем Марк ожидал. Ландшафт настолько отличался от увиденного в долине — здесь участки с растительностью перемежались пустыней, — что он ориентировался с большим трудом. С востока в реку впадало несколько довольно крупных притоков, и не было гарантии, что Ист-Ривер, отделяющий

Манхэттен от материка, в этом мире существует. Возможно, река ускользнула от внимания Марка, затерявшись среди притоков.

Им встретились и другие высокие обрывы, из-за которых Палисады[22] оказались малозаметны.

— Плохая вода, — сказал Большой Ястреб, зачерпнув ладонью из реки, пригубив и выплюнув.

Марк тоже попробовал. Вода оказалась солоноватой.

— Это океанская приливная вода. Устье уже близко! Гребите к берегу, быстро.

Впереди он увидел мыс, а за ним открылся широкий простор гавани Нью-Йорка. Они высадились на месте будущего парка Бэттери, на южной оконечности острова. Разгружая плот, индейцы работали молча; когда же Марк захотел что-то сказать, Большой Ястреб прижал палец к губам, а потом прошептал ему в ухо:

— За этим холмом люди, очень близко. Пахнет ими, пахнет огнем, они жарят мясо.

— Покажи, — прошептал Марк.

Он не умел ходить так же бесшумно, как индейцы, которые растаяли среди деревьев подобно

---

[22] Примечания: 22

Палисады(или Гудзонские палисады) — линия крутых утесов вдоль западного берега в нижнем течении реки Гудзон.

дыму. Марк последовал за ними, изо всех сил стараясь не шуметь, и минуту спустя Большой Ястреб вернулся, чтобы показать ему путь. Последние несколько ярдов они проползли под кустами, ориентируясь на приглушенные голоса. Индеец медленно отвел ветку, и Марк увидел поляну.

Трое солдат в форме цвета хаки сидели вокруг костра, на котором жарилась какая-то туша. За спиной у каждого висела мощная винтовка. Четвертый, судя по V-образным — углом вверх — шевронам сержант, спал в стороне, накрыв лицо широкополой шляпой.

Солдаты разговаривали негромко, чтобы не разбудить его. Этот язык показался Марку чуть-чуть знакомым. Голландский? Нет, не голландский — африкаанс. Но что здесь делают буры?

Пока Марк полз обратно, ответ стал для него ясен. Ясен до жути! Но это было единственное объяснение. Он должен рассказать индейцам.

— Я знаю, кто эти люди, — воины с гремучими палками. Должно быть, это они захватили длинный дом и уничтожили его. Теперь они здесь, а это значит, что они заняли и второй дом.

— Что надо делать? — спросил Большой Ястреб.

Ответ было очевиден, но Марк колебался, не

решаясь произнести роковые слова. Он, как ни крути, юрист, человек закона. Но здесь-то какие могут быть законы?

— Если хотим вернуться, нам придется убить их, причем тихо. А потом убить или захватить остальных, которые могут быть в доме. Не сделаем этого — застрянем здесь, и племя вас больше никогда не увидит.

Индейцев, живших охотой и хорошо знакомых с межплеменной войной, перспектива человекоубийства волновала гораздо меньше, чем Марка. Они быстро посовещались, и Большой Ястреб с тремя соплеменниками бесшумно исчезли среди деревьев. Марк сидел, тупо уставившись в землю, и старался примирить жестокое решение со своей цивилизованной совестью. Он даже на секунду позавидовал искалеченному сиксиму — тот стоял рядом, не терзаемый эмоциями или тревогами.

Из-за деревьев донесся крик совы, оставшиеся индейцы поднялись на ноги и позвали Марка за собой.

Картина не изменилась: мясо все так же жарилось на вертеле, шляпа все так же прикрывала лицо сержанта. Но из его бока чуть ниже плеча торчала стрела. Обмякшие тела других солдат

свидетельствовали о мгновенной и бесшумной смерти, пришедшей к ним из леса. Индейцы вырезали из трупов драгоценные стрелы, не выказав никаких чувств и обменявшись лишь замечаниями насчет бледной кожи пришельцев, а потом стали собирать их оружие и припасы. Винтовки могут оказаться полезными, а стрелы свою полезность уже точно доказали. Большой Ястреб обошел поляну и обнаружил ясно видную — для него — тропу. Когда путники двинулись по ней, солнце уже скрылось за деревьями.

До металлической постройки было недалеко. Они залегли и рассмотрели из укрытия теперь уже знакомые ржавые плиты и заклепки стен, массивную дверь. Но здесь она была распахнута, а здание окружено изгородью из молодых деревьев и кустов. У единственного входа стоял часовой, а за оградой виднелось множество солдат. Марк разглядел стрелковое оружие большого калибра и минометы.

— Будет трудно убить их всех, не погибнув самим, — решил Большой Ястреб. — Поэтому мы и пытаться не станем.

Индейцев не удалось уговорить даже на планирование атаки. Они лежали в густеющих сумерках, жевали полоски сушеного мяса и про-

пускали мимо ушей все доводы Марка. Эти люди были просты и практичны, как животные, и самоубийство их не привлекало. Пума нападает на оленя, олень убегает от пумы — и никогда не бывает наоборот. Они подождут до утра, наблюдая за лагерем, а потом решат, что делать. Но было очевидно, что атака в этот вариант действий не входит.

Если все так и закончится поражением без битвы, что их ждет? Унылая жизнь на дикой планете? Особенно мучительная для Марка, наделенного воображением и эмоциональностью цивилизованного человека?

Индейцы не обременяли свою жизнь подобными сложностями. Уже забыв о проблеме, они едва слышным шепотом обсуждали здешнюю охоту, пока наступала ночь. Марка обуревало отчаяние, но ничего поделать он не мог. Рядом стоял робот, безмолвный, как дерево. Да, сиксим выполнит приказ, но вдвоем им не захватить армейский лагерь.

Однако что-нибудь может произойти, и надо уговорить индейцев, чтобы остались и понаблюдали. Хотя вряд ли стоит рассчитывать даже на такую помощь.

Но кое-что действительно произошло, и го-

раздо раньше, чем он ожидал. Большой Ястреб, который уполз следить за лагерем, неожиданно вернулся и знаком велел всем двигаться за ним.

А в лагере царила суматоха. Ворота были распахнуты, но возле них уже отсутствовал часовой. Все солдаты выстроились полукругом, лицом к открытой двери здания. Возле нее зажгли костры. Все тяжелое оружие было нацелено на проем.

— Видите, что происходит? — возбужденно прошептал Марк. — Они могут удерживать этот дом и многие другие дома в других мирах, но не могут удерживать все. Похоже, боятся нападения, но им ничего не предпринять, пока не появится противник, — разве что сохранять боевую готовность. Они не ждут удара сзади. Подберемся в темноте и дождемся начала боя. Тогда перебьем пулеметчиков — они самые опасные — и поднимем панику. При одновременном нападении спереди и сзади им не устоять. Сиксим, ты умеешь стрелять из винтовки? Из той, трофейной?

— Да, я разобрался в ее механизме.

— А как насчет меткости?

Вопрос оказался глупым.

— Я каждый раз попадаю туда, куда целюсь.

— Если сейчас не справимся, второго шанса уже не будет. Как только они поймут, что мы

здесь, начнут палить в обе стороны. Пошли, надо подобраться ближе.

Он двинулся в сторону палисада, следом — хромающий робот с винтовкой на плече. Индейцы остались на месте. Марк повернулся к ним, но они промолчали, непоколебимые, как скала. Адвокат сделал все, чтобы их убедить. И теперь двоим, человеку и роботу, предстояла невыполнимая задача.

Они едва не опоздали. До изгороди оставалось еще ярдов двадцать, когда внутри здания затрещали выстрелы. В ответ загрохотало оружие южноафриканцев. Марк устремился вперед, обгоняя сиксима, вбежал в открытые ворота и упал ничком в тени возле стены, чтобы отдышаться. Точная стрельба требует ровного дыхания.

Он прицелился и открыл огонь. Упал один стрелок, потом другой. Пристроившийся рядом сиксим с регулярностью механизма укладывал солдата за солдатом. Кто-то заметил вспышки их выстрелов, и пули стали рвать землю вокруг. Несколько буров бросились отражать нападение с тыла. Винтовка Марка щелкнула — в ней кончились патроны. Он выдернул пустой магазин, однако не успел вставить новый — над ним навис солдат.

И сразу же упал со стрелой в груди. Марк заметил в темноте силуэты индейцев, а в следующий миг из распахнутой двери хлынули сиксимы.

Это переломило ход боя. Роботы добрались до солдат, и началась безжалостная бойня. Пленных не брали. Марк подозвал индейцев и поручил своему сиксиму защищать их, чтобы не перебили. Резня закончилась быстро, и тогда из здания показался знакомый одноглазый человек.

— Эриникс! — окликнул Марк, и тот подошел. — Рассказывайте, что произошло.

— Они уже давно знали о нашем существовании, но не догадывались, где мы прячемся. Офицер, которого мы не прикончили, привел к зданию отряд.

Он произнес это без злости или сожаления, просто сообщая факт. Марку нечего было сказать в свое оправдание.

— Враги все перебиты? Теперь путь открыт?

— Не все, но об оставшихся позаботятся сиксимы. Видите, что получается, когда другие силы пытаются контролировать путь между мирами? — Эриникс двинулся было к двери, но вернулся. — Вы договорились с индейцами? Они поселятся на этой мировой линии?

— Думаю, да. Я не прочь остаться с ними на

время. Помогу, чем смогу.

— Неужели не хотите обратно в «Эйнштейн»?

На этот вопрос ответить было трудно. Снова жить в Нью-Йорке, дышать грязным воздухом и тянуть лямку юриста? Такая перспектива вдруг показалась не слишком привлекательной.

— Не знаю, что и ответить. Дайте мне сперва закончить дело здесь.

Эриникс тут же повернулся и ушел. Марк приблизился к Большому Ястребу, который сидел, подобрав под себя ноги, и с живейшим интересом наблюдал за происходящим.

— Почему ты и твои воины пришли на помощь? — спросил Марк.

— Не хотелось пропускать такую хорошую битву. А еще ты обещал нам показать, как пользоваться гремучими палками. Мертвый не смог бы это сделать.

Дым гаснущих костров поднимался в небо, тонкой пеленой застя звезды. Его запах подчеркивал чистоту холодного воздуха, которым дышал Марк. Где-то неподалеку скорбно завыл волк. Этот мир, еще совсем недавно лишенный жизни, теперь имел ее в изобилии, а скоро в нем появятся и поселенцы, индейцы Шести наций, спасающиеся от солнца, которое решило отнять у них все.

Ему захотелось увидеть, что здесь будет происходить дальше, и даже помочь в сотворении нового мира. Скучная жизнь в перенаселенном городе теперь казалась совершенно чужой. Да, там остались друзья, которых будет не хватать, но он знал, что обзаведется новыми друзьями во множестве миров, где непременно побывает. Тут и думать нечего, выбор очевиден.

Эриникс стоял возле открытой двери, отдавая распоряжения чутко внимавшим сиксимам. Марк окликнул его.

Решение и в самом деле оказалось легким.

Последний поезд

Перевод Е. Михайлик

— Слушай, у меня был тот еще денек, а до него та еще ночка. Что посоветуешь: двойной виски или лучше тройной?

— Тройной, конечно. — Я подал знак бармену. Джордж Уолси обычно был преисполнен американского энтузиазма, но уж если погружался в уныние, то добирался до самого дна. — Что дрожишь так, лишку хватил вчера? Или напитки были слишком холодные?

— Ни то ни другое. Расскажу — не поверишь.

— Сомневаешься в моей безграничной доверчивости?

— Да с чего бы? Просто эта история из тех, над которыми всегда смеются.

— Мне тоже смеяться?

— Еще чего! Но ведь это не просто серьезно, это страшно до смерти — хотя такое слово, пожалуй, лучше не употреблять. Я про смерть.

Джордж жадно отхлебнул виски, будто стремился опьянеть, а не удовольствие получить, и

мне стало интересно, что же могло его так растревожить. У него светлая голова на широких и сильных плечах. Уж и не упомню, сколько лет он проработал на правительство, в скольких диковинных уголках мира побывал, выполняя разные щекотливые поручения. Вот уж кого невозможно представить охваченным паникой — но сейчас он сидит передо мной, белый как мел, и самым возмутительным образом переводит отменный «Гленливет».

— Так расскажи, — попросил я. — Похоже, дело и впрямь серьезное, и смеяться вовсе не хочется. У меня есть сигара, есть выпивка, и я весь внимание.

Джордж хрустнул пальцами и уставился в свой стакан.

— А может, и стоило бы поднять меня на смех. Может, я просто нализался до потери ума. Не знаю… Ладно, выслушай, а потом сам решишь. Это случилось вчера, поздно вечером, даже, пожалуй, уже сегодня, сразу после полуночи. Собрались старые друзья, обычное дело, спиртное рекой, в комнате жарко, а я подустал за день. Сидели в квартире на Эшбурн-гарденс, чуть в сторону от Кромвель-роуд. Выпил лишнего, и там не один я такой был, а глянул на часы — и глазам

не поверил. У меня же в полвосьмого деловой завтрак, чтоб его! Сказал, что иду в туалет, это единственный способ смыться с такой вечеринки, схватил пальто и улизнул потихоньку.

На свежем воздухе полегчало, и я двинул пешком и вдруг сообразил, что иду не в ту сторону. Ночью в Кенсингтоне такси если и можно поймать, то разве что в аэропорту. Но я-то шел по Глостер-роуд и не хотел поворачивать назад. А прямо передо мной был вход в метро.

Он сгреб арахис с тарелочки на стойке и съел всю пригоршню разом, жевал так жадно, словно это был его последний ужин. Я промолчал, выдохнул вместо ремарки дымное колечко, и некоторое время спустя он продолжил:

— Эту станцию я хорошо знаю, часто бывал на ней лет тридцать назад, — там совсем рядом, за углом, у правительства была секретная контора. Отличный образец викторианской железнодорожной архитектуры, обращал внимание? Линии «Дистрикт» и «Сёркл», названия прямо там, на этих вечных керамических плитках. Первое метро в Лондоне. Сплошная классика: и наземные участки, и паровозы на угле, и все такое прочее.

Мой приятель снова пригубил виски, пальцы на стакане побелели. Было понятно — даже ему

самому, — что он боится говорить по существу дела. Все же решился, «закусил пулю», по любимой своей американской поговорке, и расправил плечи.

— Моя гостиница прямо на кольцевой, вход в метро открыт, последний поезд идет вскоре после полуночи, значит я еще мог успеть. Уже слышался его шум, в лицо мне веял легкий ветерок. Я слетел по лестнице, прыгая через две ступеньки, нашарил в карманах пять пенсов на билет. Пролет был темный, мрачный, но это обычная в том районе картина, сам знаешь, и я дошел до платформы. Никаких билетных автоматов, вообще никого. Наверное, я перепутал вход с выходом — в ночное время их открывают и закрывают по-разному. Но как бы то ни было, спустился я и вижу, у платформы поезд стоит с открытыми дверьми. Помню, обрадовался: вот, сэкономил шиллинг, — и нетвердые ноги понесли меня к вагону. Я едва успел, двери закрылись сразу же за моей спиной. Стою, дышу тяжело и жду, что поезд тронется. Как бы не так. И это было первое.

Джордж очень долго смотрел в стакан, словно вовсе позабыв о моем присутствии.

— Первое? — спросил я, понизив голос.

Он встряхнулся и продолжил рассказ, так тихо,

что мне пришлось напрячь слух.

— Первое, что показалось странным. Почему поезд стоит? Нет толпы пассажиров, в это время суток нет поездов, которые нужно пропускать. А мы все стоим и стоим. Оглядываюсь по сторонам, и меня аж озноб пробивает. В поезде отопление отключено, должно быть, электроэнергию экономят, — но это было не просто физическое ощущение, а кое-что гораздо серьезней. Я только так могу описать: за секунду что-то пробрало меня насквозь. Ноги в туфлях ледяные, кожа вся съежилась, — будто голым на мороз выскочил. Обхватил это я себя руками, зубами стучу и думаю: неужели заболеваю? Но все прочие люди в вагоне укутаны по самые уши, стало быть, не во мне дело. Вагон для ночного времени не пустовал, на последний поезд всегда найдутся пассажиры. Обычные люди, кто-то сидит, кто-то стоит. Зимние пальто, шарфы, теплые плащи — и все молчат молчком в тусклом желтом свете.

И тут, клянусь, с меня весь хмель слетел. Не то чтобы я был крепко пьян, ничего подобного. Просто трудный день, а потом хорошие напитки, расслабился малость, — сейчас бы в кровать и уснуть, а утром встанешь как новенький. Так вот, протрезвел я в один миг, а по спине мурашки

бегают — как будто меня бросили в кишащую гадюками яму. Это из-за того, что я увидел. А вот сейчас попрошу тебя не смеяться.

Я ничего не ответил. Джордж даже не смотрел на меня — глаза были широко раскрыты, словно он глядел на нечто видимое только ему.

— Это была газета, просто мятая газета торчала из кармана старого плаща. Утренняя «Таймс», тонкая бумага, почти папиросная, в полуметре от моего лица. Я легко прочел название и разобрал дату: восьмое декабря тысяча девятьсот сорок первого. Пожалуйста, ничего не говори.

Я, если честно, и не собирался.

— Конечно, у пассажира могла быть при себе старая газета, почему нет? Сувенир или что-то в этом роде. Что значит одна старая газета? Сама по себе — ничего. Но были еще сами люди. Причем какие-то замурзанные. Как в военные годы, помнишь? Чиненая одежда, землистые лица, продуктовые карточки и усталость, от которой нам тогда не было спасу? Вот и тут… И не что-то одно, бросающееся в глаза, а много мелких примет. Трудно описать, но я помню, как вдруг в этом холодном неподвижном поезде, среди измотанных молчаливых людей, я испугался. Испугался, как никогда в жизни, — уж ты-то понимаешь, о

чем я говорю. Ведь тебе известно про Югославию, про все те средиземноморские дела. Мне случалось бояться — а кому нет? — но сейчас это был страх смерти, тот, что испытываешь, когда до нее рукой подать. И тогда я понял: если останусь в этом поезде еще хоть на секунду, мне точно конец. Совершенно не думая, не владея собой, я повернулся и давай скрести закрытую дверь. Рвался, как зверь из клетки, срывая когти… Уж извини за стиль бульварного романчика, но я не преувеличиваю нисколько — вот, сам посмотри.

Джордж поднял правую руку, и мне вдруг передался тот озноб, о котором он рассказывал. Все ногти были сорваны начисто, до мяса; чернела запекшаяся кровь и йод. Только сейчас я понял, что на всем протяжении разговора он держал стакан левой, а правую прятал в кармане пиджака.

— Конечно же, двери не открывались — мою панику невозможно передать никакими словами. Я оглянулся и увидел, как все пассажиры поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. До той минуты внимания не обращали, а теперь все разом решили повернуть голову. Я не хотел видеть их лиц! Ты даже представить не в силах, как я этого не хотел!

Сколько это продолжалось, не могу сказать.

Может, одну минуту, а может, тысячу лет. Время будто сгустилось, головы все поворачивались, холод добрался до самых костей, и я чувствовал, как прочный мир живых крошится у меня под ногами, еще миг — и провалюсь в бездну смерти и вечности.

Но вдруг отворились двери. Я давил на них с такой силой, что вылетел на платформу, потерял равновесие и упал. Знаешь же, как в метро двери иногда распахиваются и моментально закрываются снова, глазом не успеешь моргнуть. И если бы я не ломился наружу, так и остался бы в вагоне. Двери сдвинулись с лязгом, как стальные челюсти, и поезд тронулся.

А я стоял на четвереньках и смотрел, как он катит вдоль платформы в туннель, как прожектор тускнеет, желтеет, а потом и вовсе гаснет. Я еле-еле поднялся на ноги, пришлось держаться за стену, чтобы снова не упасть. Потом меня сердито окликнул дежурный. Станция закрыта, последний поезд ушел, нечего здесь делать постороннему — праведный гнев маленького начальника. Я что-то промычал и вышел через дверь, которую он открыл для меня и захлопнул с нарочитым грохотом. Наверх, на Глостер-роуд, я выбрался как раз вовремя, чтобы помахать про-

езжавшему такси. Вот, пожалуй, и все. Не так уж и серьезно, чтобы терять душевное равновесие?

Это прозвучало как вопрос, и на него было трудно ответить. Чтобы потянуть время, я попросил у бармена еще виски. Мало-мальски собрался с мыслями и заговорил:

— Я бы так не сказал. Судя по тому, как ты расстроен, случилось и впрямь нечто из ряда вон. Думаю, каждый эпизод легко поддается рациональному объяснению, но вот все в совокупности, похоже, оказало на тебя не самое благоприятное воздействие…

Джордж снисходительно улыбнулся — будь я собакой, он потрепал бы меня по холке. И я умолк.

— Хочу кое-что добавить к своему рассказу, — произнес он. — Эту дату на газете я буду помнить до конца жизни, потому что тот день был для меня самым ужасным за всю войну. Восьмого декабря сорок первого года со станции метро «Глостер-роуд» отошел состав, полный измотанных людей, которым хотелось только одного: поскорее добраться до дому, согреться и уснуть. Отошел от той самой платформы, преодолел отрезок туннеля и вынырнул на открытом участке перед станцией «Хай-стрит» в Кенсингтоне. То,

что произошло потом, нельзя назвать иначе как катастрофическим стечением обстоятельств. Налета не было. А бомба — упала. Наверное, немецкий пилот на обратном пути сбросил наугад неизрасходованный боеприпас. Фугаска, причем мощная. Она упала прямо на поезд, и сто двенадцать человек погибли в одно мгновение. Где были живые люди, там только рваное мясо и раздробленные кости.

Тут Джордж умолк; я тоже не раскрывал рта. Мы как-то забываем, насколько плохо обстояли в ту пору наши дела, и вспоминать лишний раз не хочется. Наконец я кашлянул и заговорил:

— Конечно, я понимаю, что ты почувствовал. Этот поезд спустя столько лет напомнил тебе тот, тогдашний. Все более чем ясно.

— Ошибаешься, все более чем странно. Ведь ты знаешь не все. Тогда, в декабре сорок первого, я опоздал на поезд, на тот самый, которым ездил каждую ночь. Подскочил, когда двери уже закрылись, подергал их, но без толку. Так и стоял, злой как черт, и смотрел вслед ушедшему составу. Я все еще был на платформе, когда рвануло, из туннеля хлынуло адское пламя и ударная волна сшибла меня с ног. Да, я опоздал на тот поезд. Но ответь, неужели он ждал меня все эти годы?

Каждую ночь, в тот же час? Означает ли это, что я должен был уехать на нем вместе с остальными? И если бы вчера я не вырвался из вагона, что стало бы со мной?

День после конца света

Перевод В. Вебера

Кусок планеты не поражал размерами, но пришлось довольствоваться малым. Потому что все остальное превратилось в камни, пыль, мусор. А тут все-таки остался участок земли, большая часть крестьянского дома, растущее перед ним дерево, даже пятачок пастбища с замороженным бараном. И ничего больше. Со всех сторон земля резко обрывалась, кое-где из нее торчали корни. На краю сидел мужчина, болтая ногами над пустотой. Отбросил сучок, который медленно скрылся из виду. Звали его Френк, а девушку, которая устроилась на качелях, закрепленных за ветви дерева, — Гвенн.

— Я же не пытался взять тебя силой. — Выглядел Френк мрачнее тучи. — Ты же знаешь, я не животное. Просто расстроился, ты должна это понимать, конец света и все такое. Мне стало очень одиноко. Вот я и подумал, что поцелуй поможет мне забыть о случившемся. Поможет нам забыть.

— Да, Френк. — Гвенн, чтобы раскачаться, оттолкнулась ногой от земли.

— Так что у тебя не было причин для оплеухи. Все-таки мы — один экипаж.

— Я же извинилась за то, что ударила тебя, Френк. Я тоже расстроилась, ты должен это понимать. Такое случается не каждый день.

— Нет, не каждый.

— Так что не злись на меня. Лучше раскачай.

— Я не то чтобы злюсь. — Френк поднялся, стряхнул со штанины форменных брюк несколько замерзших травинок. — Наверное, немного обиделся, может, даже впал в депрессию. Невелика радость — получить оплеуху от женщины, которую любишь. — Он толкнул Гвенн.

— Пожалуйста, давай не возвращаться к этому разговору, Френк. Все кончено. Ты так говоришь только потому, что тебе кой-чего хочется. И ты знаешь, что я люблю другого.

— Гвенн, дорогая, взгляни фактам в лицо. Ты больше не увидишь Роберта никогда…

— Полной уверенности у меня нет.

— А у меня есть. Планета взорвалась мгновенно, без всякого предупреждения, со всеми, кто находился на ней. Мы были в космическом корабле по другую сторону Луны и только поэтому оста-

лись живы. Но Роберт разделил общую судьбу. Он находился в Миннеаполисе, а Миннеаполиса больше нет.

— Мы этого не знаем.

— Знаем. Я не думаю, что Миннеаполису удалось выбраться из этой передряги. Наш радар обнаружил только этот кусок планеты. Крупнее ничего нет.

Гвенн нахмурилась, опустила ногу, остановив качели:

— Может остаться и кусок Миннеаполиса.

— С Робертом, замерзшим, как этот баран.

— Какой ты жестокий… ты просто хочешь причинить мне боль!

— Ну что ты. — Стоя сзади, он нежно обнял ее за плечи. — Я не хочу причинять тебе боль. Просто ты не должна уходить от реалий. Остались только ты и я. И я тебя люблю. Всем сердцем.

Пока он говорил, его руки соскользнули с плеч, двинулись ниже, на упругие округлости. Но Гвенн дернулась, спрыгнула с качелей на землю, отошла на пару шагов, уставилась на замерзшего барана.

— Интересно, он что-нибудь почувствовал?

— Кто… Роберт или баран?

— Как ты жесток!

Она топнула ножкой, угрожающе вскинула руку, когда он двинулся к ней. Френк что-то пробурчал себе под нос и плюхнулся на качели.

— Давай спустимся с небес на землю. Давай забудем все, что случилось на корабле. Забудем, что я пытался подкатиться к тебе, забудем, что хотел уложить в койку. Забудем все. Начнем жизнь с чистого листа. Сама видишь, в какой мы ситуации. Мы остались вдвоем. Я — Адам, ты — Ева…

— Гвенн.

— Я знаю, что тебя зовут Гвенн. Я хочу сказать, что мы теперь как Адам и Ева, и на нас лежит ответственность за возрождение рода человеческого. Ты понимаешь?

— Да. Я думаю, ты по-прежнему пытаешься соблазнить меня.

— Черт побери, какая разница, что ты думаешь! Это наш долг. Провидение уберегло нас именно потому…

— Вроде бы ты говорил мне, что ты — атеист.

— А ты говорила, что ходишь в церковь. Я смотрю на ситуацию с твоей позиции.

— А я — с твоей. Ты — сексуально озабоченный.

— Скажи спасибо. Значит, у нас будет много детей. Родить их и вырастить — наш долг перед

человечеством.

Гвенн, глубоко задумавшись, погладила барана по голове.

— Не знаю. Может, наилучший вариант — раз и навсегда со всем покончить. Мы взорвали мир. Можно сказать, загрязнили окружающую среду во вселенском масштабе.

— Ты, конечно, шутишь. Мы не знаем, что произошло. Возможно, какая-то случайность…

— Хороша случайность.

— Ты же знаешь, как бывает… — Френк вскочил с качелей, шагнул к Гвенн. — Забудь о человечестве, — взмолился он. — Думай только о нас. Мы же остались вдвоем, больше никого. Тепло соприкосновения, конец одиночества, восторг поцелуя, слияние плоти…

— Если подойдешь ближе, я закричу!

— Кричи сколько влезет! — проорал Френк со злобой и горечью, схватил Гвенн, рванул на себя. — Кто услышит? Я тебя люблю… хочу… не могу без тебя…

Она попыталась вырваться, замотала головой, но сила была на его стороне. Он поцеловал ее в щеку, в шею… и она перестала сопротивляться.

— Так ты все-таки насильник? — прошептала она, глядя ему в глаза. Еще мгновение он при-

жимал ее к себе. Потом его руки повисли, как плети.

— Нет. Я не насильник. Просто симпатичный парень с сильным половым влечением и развитым чувством вины.

— Так-то лучше.

— Не лучше — гораздо хуже! Разве может последний оставшийся на Земле мужчина испытывать чувство вины? Окружавший меня буржуазный мир умер, а я по-прежнему несу в себе его мораль. Что, по-твоему, случилось бы с тобой, если б я повел себя, как до́лжно самцу? Просто схватил и навязал бы тебе свою волю?

— Не говори гадостей.

— Я не говорю гадостей, просто хочу, чтобы твоя светловолосая бестолковка начала хоть немного соображать. Кроме тебя и меня, никого нет, понимаешь? Нас только двое. У нас есть этот кусок Земли, а под ним — наш космический корабль, бортовые системы которого создают силу тяжести и генерируют воздух. Атомная энергетическая установка проработает еще тысячу лет. Пищевой синтезатор будет нас кормить. Так что мы, образно говоря, всем обеспечены.

— Обеспечены для чего?

— Вот об этом я тебя и спрашиваю. Мы будем

мирно стареть, как добрые приятели, в своих каютах? Ты будешь вязать, я — смотреть старые фильмы. Ты этого хочешь?

— Мне не понравилось слово «бестолковка».

— Не уходи от вопроса. Ты этого хочешь?

— Я как-то не думала…

— Так подумай. Мы здесь. Одни. До конца нашей жизни.

— Похоже, подумать стоит. — Она склонила голову, посмотрела на Френка так, словно видела впервые. — Можешь поцеловать меня, если хочешь.

— Еще как хочу!

— Но ничего больше. Только поцеловать. В порядке эксперимента.

Получив разрешение, Френк заметно присмирел. Осторожно приблизился к ней. Гвенн закрыла глаза, задрожала всем телом, когда Френк обнял ее. Он прижал Гвенн к себе, поцеловал в закрытые глаза. Она задрожала вновь, но не попыталась вырваться. Не запротестовала и когда его губы нашли ее и впились в них долгим, страстным поцелуем. Когда же он опустил руки и отступил на шаг, она открыла глаза. Френк нежно ей улыбнулся.

— Роберт целовался лучше, — констатировала

Гвенн.

В ярости Френк пнул барана и запрыгал на одной ноге, ухватившись за вторую и постанывая от боли: с тем же успехом он мог пнуть гранитный валун.

— Как я понимаю, он был хорош и в постели, — вырвалось у него.

— Просто чудо, — признала Гвенн. — Поэтому мне так трудно даже смотреть на другого мужчину. Кроме того, я ношу под сердцем его ребенка, а это еще больше все усложняет.

— Ты?..

— Беременна. Такое случается, знаешь ли. Роберт еще не знает…

— И никогда не узнает.

— Ты ужасный!

— Извини. Так это прекрасно, великолепно. Мы увеличили генофонд человечества на пятьдесят процентов. Сын Роберта сможет жениться на нашей дочери или наоборот.

— Это же инцест!

— В Библии инцеста нет. Когда начинаешь все заново, это правило, а не исключение. Об инцесте речь зайдет гораздо позже.

Гвенн вновь села на качели, глубоко задумалась. Вздохнула.

— Не получится. Так не положено. Во-первых, ты хочешь, чтобы мы занимались любовью, не поженившись, а это грех…

— С Робертом у тебя так и было!

— Да, но мы собирались пожениться. А с тобой это невозможно. Мы не можем пожениться, потому что некому зарегистрировать наш брак. А потом, ты хочешь иметь детей, хочешь, чтобы они совершили инцест… это слишком ужасно. На этом нельзя созидать новый мир.

— У тебя есть идея получше?

— Нет. Но и твоя мне не нравится.

Френк тяжело опустился на землю, в изумлении покачал головой.

— Я просто не могу поверить тому, что сейчас происходит, — разговаривал он, похоже, сам с собой. — Последний мужчина и последняя женщина спорят о теологии. — Он вскочил, охваченный гневом. — Хватит! Никаких споров, никаких дискуссий! — Он сорвал с себя рубашку. — Все начнется прямо здесь, прямо сейчас. Мы положим начало новому миру. Не могут сдерживать меня моральные нормы, которые обратились в прах вместе с планетой. Теперь все буду решать я. Язык, на котором я говорю, станет языком многих поколений. Если я скажу, что вода

— это «эггх», во веки вечные все будут говорить «эггх», не задавая вопросов. Я теперь господь бог!

— Ты сошел с ума. — Гвенн попятилась.

— Бог, если хочу им быть. Остановить меня некому. Захочу — побью тебя, и за это ты будешь меня любить. А не полюбишь — побью вновь. Так чего ты не кричишь? — Он бросил рубашку на землю, надвигаясь на Гвенн. — Я единственный, кто услышит твой крик, и мне на него наплевать.

Он расстегнул ширинку, и с ее губ сорвался сдавленный вскрик. Френк лишь рассмеялся.

— Выбирай! — проревел он. — Можешь наслаждаться, можешь ненавидеть, мне без разницы. Я — носитель спермы. Из моих чресел выйдет новое человечество…

Он замолчал, потому что земля, на которой они стояли, качнулась.

— Ты почувствовала? — спросил Френк.

Гвенн кивнула:

— Земля качнулась, словно по ней ударили.

— Другой корабль! — Он быстро застегнул ширинку. Схватил рубашку, начал торопливо надевать. Гвенн взбила рукой волосы, пожалела о том, что при ней нет зеркальца.

— Кто-то ходит, — указал Френк. — Там. — Оба

прислушались к шорохам под их миром. Потом послышалось тяжелое дыхание, на край земли взобрался человек. В гидрокостюме, оставлявшем открытыми только голову и руки.

Зеленого цвета.

— Он… зеленый, — вырвалось у Гвенн.

К Френку дар речи еще не вернулся. Мужчина поднялся, отряхнул пыль с рук, поклонился:

— Надеюсь, не помешал.

— Нет, все в порядке, — ответила Гвенн. — Заходите.

— Почему вы зеленый? — спросил Френк.

— Я мог бы спросить, почему вы розовые.

— Только без шуток. — Пальцы Френка сжались в кулаки. — А не то…

— Я очень сожалею. — Мужчина вскинул зеленые руки и отступил на шаг. — Прошу вашего прощения. Все это очень печально как для вас, так и для меня. Я зеленый, потому что я не землянин. Я инопланетянин.

— Маленький зеленый человечек! — ахнула Гвенн.

— Не такой уж я и маленький, — обиделся инопланетянин.

— Я — Френк, а она — Гвенн.

— Рад познакомиться с вами. Мое имя произ-

нести вам будет трудно, поэтому зовите меня Роберт.

— Только не Роберт! — взвизгнула Гвенн. — Он мертв.

— Пожалуйста, извините. Нет проблем. Гораций подойдет?

— Гораций, а что, собственно, вы здесь делаете? — спросил Френк.

— Видите ли, все это довольно-таки сложно. Если позволите, я начну с самого начала…

— А как вам удалось так хорошо выучить английский? — спросила Гвенн.

— Я это тоже объясню, если вы соблаговолите меня выслушать. — И Гораций заходил взад-вперед. — Во-первых, я прилетел с далекой планеты, которая вращается вокруг звезды, отстоящей от Солнца на многие и многие парсеки. Мы проводили исследование Галактики, и мне поручили этот сектор. Ваша планета произвела на меня сильное впечатление. Как вы легко можете себе представить, зеленый — наш любимый цвет. Я установил средства мониторинга и подготовил достаточно полный отчет, естественно с учетом ограниченного времени. На это ушло чуть больше двухсот ваших лет.

— Вы не выглядите таким стариком, — отме-

тила Гвенн.

— Все дело в жизненных циклах, вы понимаете. Я не буду называть вам моего истинного возраста, а то, боюсь, вы мне не поверите.

— Мне — двадцать два, — сказала она.

— Как мило! А теперь позвольте продолжить. Я собрал всю информацию, необходимую для отчета, выучил несколько языков, я горжусь своими лингвистическими способностями, но мало-помалу начал приходить к ужасному выводу. Человечество… как бы это выразить… довольно-таки отвратительное творение природы.

— Ты и сам не красавчик, зеленух, — бросил Френк.

Гораций предпочел проигнорировать его реплику.

— Я хочу сказать, что вы сильны, умны, плодовиты, многого добились. Но средства, которыми вы добивались своих впечатляющих успехов, — вот что пугает. Вы — убийцы.

— Закон выживания, — отчеканил Френк. — У нас не было выхода. Съешь, или съедят тебя; убей, или убьют тебя. Выживает сильнейший.

— Я не буду с этим спорить. Разумеется, это единственная возможность для выживания любой цивилизации, и я уважаю такую точку

зрения. Но куда больше меня интересует другое: как ведут себя представители вида, который занял главенствующее положение на планете. На нашей планете мы стали доминировать в незапамятные времена. И с тех пор охраняем все прочие виды жизни, у нас царят мир и порядок. Тогда как ваши люди, воцарившись на Земле, на этом не успокоились и принялись убивать друг друга. Меня это очень огорчило.

— Никто вашего мнения не спрашивал, — отрезал Френк.

— Разумеется. Но мои наблюдения не только огорчили, но и встревожили меня. Моя планета не так уж и далеко по астрономическим меркам, и полагаю, что рано или поздно вы ее найдете. А потом, возможно, захотите перебить и нас.

— Теперь эта вероятность ничтожно мала, — вздохнула Гвенн, отпустив качели.

— Да, теперь она скорее теоретическая, но раньше ее приходилось учитывать. Вот и вышло, что я, интеллигентное, мирное, разумное существо, вегетарианец, никогда не обижавший и мухи, вдруг задумался о возможном уничтожении моей родной планеты. Как вы сами видите, это очень серьезная моральная дилемма.

— Не вижу. — Френк покачал головой, потом

уставился на инопланетянина. — Так… вы имеете отношение к тому, что произошло?

— Я скоро к этому подойду.

— Сойдет «да» или «нет».

— Не все так просто. Пожалуйста, выслушайте меня. Ситуация сложилась чрезвычайно драматичная. И никто не мог помочь мне принять решение. Полет домой занимал много времени, и пока я добрался бы туда, а мое руководство приняло бы решение, вы, люди, могли бы построить свои звездолеты и уже отправиться к нам. Если бы я продолжал наблюдение, вы все равно построили бы звездолеты и полетели к моей планете, чтобы уничтожить ее. В результате я, мирное существо, замыслил немыслимое.

— Так это ты взорвал наш мир! — Френк шагнул к пришельцу.

— Пожалуйста! Никакого насилия! — Гораций поднял руки, попятился. — Не выношу насилия. — (Френк остановился. Ему хотелось выслушать все до конца, но кулаков он не разжал.) — Спасибо, Френк. Как я и сказал, я замыслил немыслимое. Мог я применить насилие ради сохранения мира… или не мог? Если бы я ничего не предпринял, мою планету и всех ее жителей ждала бы гибель. И мне пришлось выбирать, ка-

кая цивилизация должна выжить. Моя или ваша. Вопрос я поставил ребром, так что с ответом проблем не возникало. Конечно же, моя. Поскольку мы более древние, более интеллигентные, интереснее и красивее вас. И очень мирные.

— Поэтому ты взорвал наш мир, — подвел итог Френк. — Не очень-то мирный поступок.

— Нет, не очень. Но в принципе это отдельно взятое, из ряда вон выходящее событие. После многих мирных столетий, за которыми, разумеется, вновь последуют мирные столетия.

— Что тебе здесь надо? — спросил Френк. — Почему ты нам все это рассказываешь?

— Естественно, чтобы извиниться. Я очень сожалею, что все так обернулось.

— Но сожалеешь далеко не в той степени, как мы, зеленый ты сукин сын.

— Если б я мог предположить, что вы поведете себя не как джентльмен, я бы не приходил.

Френк бросился на него, но Гвенн успела заступить ему дорогу.

— Френк, пожалуйста, — взмолилась она. — Хватит насилия. Иначе я закричу. И вы сделали все сами, мистер Гораций?

— Просто Гораций, это имя. Да, сделал. И несу полную ответственность.

— А на борту вашего корабля больше никого нет?

— Я один. Корабль полностью автоматизирован. Мне понадобилось время, чтобы решить поставленную задачу, я не думаю, что кому-то удавалось создать бомбу, способную разнести целую планету, но я справился. Добился поставленной цели. Ради мира.

— Где-то я это уже слышал, — пробурчал Френк.

— Я процитирую одного из ваших генералов, который несколько лет назад выиграл небольшую локальную войну: «Я их убил для того, чтобы спасти». Но я не такой лицемер. Я уничтожил вашу планету, чтобы спасти свою. Всего лишь сыграл по вашим правилам, видите ли.

— Вижу. — Голос Френка звучал уж очень спокойно. — Но ты сказал, что ты один. Как насчет других зеленых человечков, которые заберутся сюда следом за тобой?

— Невозможно, заверяю вас.

И когда он повернулся, чтобы взглянуть на край земли, через который перелез, Френк шагнул вперед и двинул ему в челюсть. Инопланетянин повалился на спину, а Френк уселся на нем и душил, пока тело не перестало дергаться. Гвенн

одобрительно кивнула.

— Я возьмусь за ноги, — сказал Френк.

Без единого слова они донесли тело до обрыва и сбросили, наблюдая, как оно медленно кружится среди космического мусора.

— Мы должны найти его корабль, — прервал молчание Френк.

— Нет, сначала поцелуй меня. Крепко.

— Ух, — вырвалось у Френка, когда он наконец оторвался от Гвенн. — Это круто. Позволь спросить, с чего такие перемены?

— Я хочу привыкнуть к твоим поцелуям, к твоим объятиям. Мы должны воспитать большую семью, если мы хотим заселить целую планету.

— Полностью с тобой согласен. Но что заставило тебя передумать?

— Он, это существо. Нельзя допустить, чтобы ему это сошло с рук.

— Ты чертовски права! Месть! Вырастим детей, научим их летать, построим бомбы, найдем этих инопланетных мерзавцев и превратим их в пыль. Докажем его правоту. Мы обязательно отомстим за Землю!

— Я очень на это надеюсь. Не может он убить моего Роберта и остаться безнаказанным.

— Роберта? Так вот почему ты это делаешь!

А как же остальные? Миллиарды людей, целая планета?

— В Миннеаполисе других знакомых у меня не было.

— Если бы Гораций знал насчет Роберта, готов спорить, он бы дважды подумал, прежде чем взрывать мир.

— Что ж, он не подумал и допустил ошибку. Так полетели?

— Барана возьмем?

Гвенн посмотрела на барана, подумала, покачала головой:

— Нет. Он тут очень хорошо смотрится. Создает ощущение дома. Будет куда возвращаться.

— Хорошо. Вперед, к мщению. Набрасываем планы, создаем бомбы, воспитываем детей. Все ради мести. Уничтожения.

— Как-то неприятно это звучит.

Френк потер подбородок:

— Раз уж ты упомянула об этом, не могу с тобой не согласиться. Но выбора у нас нет.

— Неужели? Да, этот отвратительный зеленый человечек уничтожил наш мир, но это не означает, что мы точно так же должны поступить и с его.

— Разумеется, не означает. Но есть же справед-

ливость! Око за око, сама знаешь.

— Знаю. Не раз читала Ветхий Завет. Так делалось, нас учили так делать, но где уверенность, что путь этот правильный и единственный?

— Мысль твоя достаточно понятна. Ты хочешь сказать, что прежнего мира уже нет. И мы не можем вернуть его, взорвав еще одну планету. Если маленькие зеленые человечки такие мирные, как говорил Гораций, уничтожать их — преступление. В конце концов… они не уничтожали наш мир.

— Тут есть о чем подумать.

— Есть… к сожалению. Как было бы просто — взорвать их планету, потому что они взорвали нашу.

— Я знаю. Но это дурная привычка.

— Ты права. Начни взрывать планеты, и кто знает, чем все закончится. Так что у нас есть шанс отказаться от старого принципа «око за око, зуб за зуб». Если мы построим наш мир, ты, я, наши дети, мы заложим в фундамент не месть, а что-то другое. Это трудная, но благородная задача.

Гвенн плюхнулась на качели.

— Твои рассуждения меня немного пугают. Взять на себя ответственность за создание целого мира — тяжеленная ноша, а ты еще хочешь со-

здавать его на основе новой системы моральных ценностей. Не убий, не мсти…

— Мир и любовь для всех живущих на Земле. Что-то такое говорила церковь, благословляя войска. На этот раз наши слова не будут расходиться с делом. Действительно, будем подставлять другую щеку. Забудем о том, что они уничтожили наш мир. Докажем, что Гораций крепко ошибся. И потом, когда мы таки встретимся с ними, им придется извиняться за него.

— Мы извиняемся прямо сейчас. — На край мира взобрался второй зеленый человек.

Гвенн вскрикнула.

— Гораций, ты не умер! — сорвалось с ее губ.

Зеленый человек покачал головой:

— Извините, индивидуум, которого вы называете Горацием, умер. Но после того, что я услышал несколько секунд тому назад, я склонен думать, что он заслужил свою смерть. Он уничтожил целую планету и понес за это наказание.

— Гораций сказал, что он один. — Руки Френка вновь сжались в кулаки.

— Он солгал. Нас было двое. Он вызвался встретиться с вами, единственными, кто выжил, и все объяснить. Информацию о случившемся я доставлю на нашу планету. Уничтожение вашего

мира выльется в продолжительный траур.

— Спасибо вам. — В голосе Френка, однако, благодарности не слышалось. — У меня сразу полегчало на душе. Вы помогали ему взорвать наш мир?

Зеленый человек задумался, потом с неохотой кивнул:

— Помогал — сильно сказано. Вначале я не соглашался с его ситуационным анализом. В конце все-таки согласился…

— Вы ему помогали. А теперь отправитесь домой и расскажете всем, что произошло, расскажете, что выжившие строят новый мир, и возможно, ваше руководство придет к выводу, что и нас лучше взорвать, на случай, если наши потомки окажутся не столь великодушными, как мы. И следующая ваша экспедиция расправится с нами, для профилактики.

— Да нет же, быть такого не может. Я решительно выступлю против…

— Но существует вероятность того, что вас не послушают?

— Надеюсь, что этого не произойдет. Но, разумеется, всегда существует вероятность того…

— Еще один зеленый сукин сын. — С этими словами Гвенн достала из кармана маленький

пистолет и застрелила инопланетянина.

— Деваться, похоже, некуда, — вздохнул Френк, глядя на покойника. — Теперь придется найти их корабль и убить всех, кто там находится.

— А потом взять корабль и взорвать их планету, — добавила Гвенн.

— Выбора нет. Как говорил Гораций, такая уж у нас репутация. Придется ее оправдывать.

— У меня будет неспокойно на душе, если мы этого не сделаем. Я буду волноваться о наших детях и детях наших детей. Лучше сразу с этим покончить.

— Ты, разумеется, права. А вот взорвав их, мы начнем учить наших детей подставлять другую щеку и всему остальному. Тогда это будет уместно. Так в путь?

— Пожалуй. — Гвенн оглядела крошечный клочок их когда-то необъятного мира. — Лететь, возможно, придется долго, не будем терять времени. Барана возьмем?

— Нет. Я отключу воздух, и он прекрасно сохранится. Он так хорошо смотрится на травке. Создает ощущение близости домашнего очага. Нам будет куда вернуться.

Вид с вершины башни

Перевод Е. Михайлик

Сановитый, жирный Шон Миллиган возник из лестничного проема, неся в руках чашку с пеной, на которой накрест лежали зеркальце и бритва. Желтый халат его, враспояску, слегка вздымался за ним на мягком утреннем ветерке. Он поднял чашку перед собой, и в этот миг из лестничного пролета донесся визгливый женский голос[23].

— Ты доиграешься! — сиреной ревела Молли; казалось, чуть прибавь она громкости, и этим всепроникающим криком можно будет расколоть бутылку «Гиннеса» в двадцати шагах. — Приспичило ему жить в башне Мартелло[24], чтобы деньги сэкономить, поди ж ты, — а тут даже сортира нет и сыро, как в Керри на торфяном болоте, и теперь еще полез бриться на парапет, вот как

[23] Примечания: 23

Первая половина абзаца взята из «Улисса» Джеймса Джойса и лишь незначительно изменена. Здесь дана в переводе С. Хоружего.

[24] Примечания: 24

Башни Мартелло — круглые каменные форты корсиканского типа, построенные в XIX веке для защиты от предполагаемого французского вторжения.

приложит молнией, будешь знать…

Шон отключил смысл у ее слов, но волны звука все равно догоняли и обрушивались на него, подобно гребнистым валам сопливо-зеленого моря[25]. При бритье он нервничал и торопился, царапая кожу, — пена в чашке окрасилась не только в серое из-за сбритой щетины, но и в розовое из-за крови.

С ворчанием он выплеснул содержимое сосуда в бойницу и поспешил в свою комнату. Голос Молли и там доставал, а он упорно не слушал, натягивая брюки, завязывая галстук, промакивая туалетной бумагой кровавые пятнышки на щеках и устремляясь по лестнице к вожделенному источнику. Мимо Сорокафутовой купальни, мимо замка Баллок, на властный зов «Арок», — беспрекословно подчиняясь ему и невзирая на одышку.

Дверь в пресвятая святых только и ждала — приноровилась за много лет — прикосновения к ручке, чтобы отвориться нараспашку, впустить страждущего, и вот он вбегает в бар, утверждает могучий локоть на такой же могучей стойке и выкрикивает могучим басом в насыщенную мо-

---

[25] Примечания: 25

Сопливо-зеленое море — образ из «Улисса».

гучим пивным духом атмосферу:

— Пинту черного!!!

— При бритье порезался? — спросил Ноэль наимрачнейшим тоном (а другого его бочкообразная грудь не выдавала отродясь) и щедро наполнил стакан: снизу коричневое, сверху ярко-желтое.

— Хорошо хоть глотку себе не распорол от уха до уха. Моя нынче с утра в ударе, а голосочек у нее год от года только крепчает.

— Что верно, то верно. Еще немного, и ее будет в Уэксфорде слышно.

— Скажи лучше в Баллине, не ошибешься.

Теперь последний штрих: принять и поставить, высоко поднять и полюбоваться на свет, попробовать на вкус, усладить небо и гортань, ощутить в себе возрождение жизни. Pax vobiscum, pax humanum[26].

Для Портакала Земля была кладезем языков, и языки эти звучали сладчайшей музыкой. В своем мире, на сумрачной планете в системе льдисто-голубой звезды, что на дальней стороне галактической линзы, он был самым лучшим учеником — и единственным, кто постиг тонкое

---

[26] Примечания: 26
Мир тебе, мир человеческий*(лат.).*

искусство ментальной проекции. Когда Лакатропом овладел инопланетный разум, один лишь Портакал вступил с ним в контакт — и понял, что произошло. С помощью ментальной проекции можно путешествовать по космосу, занимая тело любого разумного существа, какую бы форму оно ни имело и в сколь бы далеком мире ни обитало. Прежде чем тот, кто захватил Лакатропа, отбыл, наскучив сонной студеной планетой, где почти никого не заинтересовало его присутствие, Портакал освоил технику проекции.

Овладеть источником тахионной энергии способен лишь тот, у кого достаточно желания и силы воли. А Портакалу силы воли было не занимать, и он страстно желал общения, причем не на пониженных тонах со своими соплеменниками, толстыми слизнями, пресмыкавшимися в самом нижнем слое холодной атмосферы, где жидкость и газ непрестанно превращались друг в друга. Давление тысячемильного жидкостно-газового столба не очень-то располагает к оживленным беседам. А потому речь у них была обрывочной, примитивной, стилистически неокрашенной, грубой. Портакал был единственным лингвистом на планете, никем не понятым самоучкой, — да и кому нужны филологи в мире, чей словарь

составляет всего-то сто двенадцать слов?

Земля! Теплая и зеленая, не планета, а сущий рай! Портакал добирался сюда уже дважды, проникал во внутренний мир аборигенов, чтобы наслаждаться богатством их языков, чтобы совершать открытия и пополнять копилку знаний. Его ничуть не обескураживала необходимость передвигаться на двух ногах вместо двадцати, отсутствие щупалец и вспомогательных глаз на кончиках пальцев; он даже не горевал по импульсным органам, делающим совокупление столь увлекательным занятием. Нет таких жертв, на которые не пойдет лингвист, чтобы продвинуться как можно дальше в своих исследованиях.

Его лишь слегка огорчало, что первая экспедиция закончилась, едва успев начаться. Разговорный зулу удалось освоить лишь на самом поверхностном уровне, поскольку злополучное тело, в которое Портакал вселился, почти сразу же сожгли по обвинению в колдовстве. Вторая попытка внедрения, в Японии, оказалась более удачной, — теперь он соблюдал осторожность, старался ничем не выдавать своего присутствия. Его не слишком гостеприимная хозяйка, молодая гейша, прожила достаточно долго, чтобы гость

успел освоить язык, — пока он, углубившись в раздумья о взаимоотношениях симай и кёдай, сестер и братьев, не завел ее под скоростной поезд.

Теперь мнемонические формулы японского языка вырезаны брюшным когтем на прочном, как оружейная сталь, льду, и можно отправляться в новую экспедицию. Портакал дотянулся до тахионного источника, предвкушая удовольствие, пощелкал десятью из одиннадцати наборов зубов, потянулся мыслью, заново представил себе сине-зеленый шар Земли…

У Шона Миллигана кружилась голова — это после каких-то несчастных шести кружек! — и на мгновение он закрыл глаза. Когда открыл снова, из них смотрел Портакал.

— Шон, друг ты мой старинный, — попенял Пэтси Келли, — уж кому-кому, но только не тебе клевать носом посреди бела дня.

Шон рассеянно поморгал, глядя на него через частокол пивных кружек, причмокнул и сказал:

— Биру нихон, кудасай[27].

— Э, вот только без этого! — Шимус погрозил ему пальцем, толстым, как у кого другого запястье. Всю жизнь проживший на стройках, он

---

[27] Примечания: 27
Японское пиво, пожалуйста.

больше смахивал на матерый дуб, чем на человека. — Я парень простой, малообразованный и по-ирландски не кумекаю. Хоть ты и учился когда-то на священника, хоть ты и насосался нынче ядреного портера, не надо выпячивать перед друзьями свое превосходство.

Портакал лихорадочно шарил по синапсам захваченного им хмельного мозга. Какая дурацкая ошибка — он заговорил на японском, а не на местном. Кстати, что за язык тут в ходу? Ага, вот они, залежи лексических значений и грамматических конструкций. Он нырнул в этот языковой омут, нахватался подходящих к ситуации слов и затем подал голос. Необходимо исправить ошибку, чтобы это тело не сожгли у столба, как то, самое первое.

— Я Портакал, с планеты, которая находится на другом конце Галактики. Я приветствую вас.

— Эге, да он уже совсем хорош, — удивился Пэтси Келли. — Значит, еще дома начал, с виски.

— Если вы заинтересованы в дальнейшем существовании вашего одурманенного алкоголем компаньона, вы будете подчиняться моим приказам и говорить, только когда я разрешу.

Он запоздало идентифицировал боль в задней части тела и конечностях, после того как ударил-

ся о твердую поверхность.

— И пока не протрезвеешь, не возвращайся! — рявкнул ему вслед Ноэль. — Стыдно человеку в твоем возрасте, не говоря уже о твоем образовании, набираться в это время дня.

Дверь паба захлопнулась, и Портакал восстал из пепла, вернее, из рваных пакетиков от чипсов, окурков и собачьих какашек. Он выругался по-японски, поскольку так было проще. Ну что за люди, даже не видят разницы между носителем и контролером! Позор, да и только. Хотя, возможно, так ведут себя только любители саке в идзакаях, питейных заведениях, — он знал, что крепкие напитки творят странные вещи с некрепкими организмами людей. Для беседы следует подыскать туземца с более развитым интеллектом.

Он медленно шел по улице, используя свои новообретенные способности, чтобы распознавать слова, атаковавшие его со всех сторон. Стеклянное окно: «Веселый повар. Рыба с жареным картофелем». Запертая дверь внизу: «Закрыто на обед». Столько всего интересного.

Еще одно заведение, рядом широкая доска на столбах: «Ремонт шин». На другой стороне доски немножко по-другому: «Римонт шин». На всякий случай он запомнил это разночтение.

Впереди большое здание из тесаного камня, оно чуть отступает от улицы, наверху сходится в точку; двери в темную внутренность приглашающе открыты. Он вошел, увидел ряды мерцающих свечей; к нему приблизился человек, одетый в черное.

— Приветствую сына далекого мира, — изрек Портакал. — Я принес тебе поклон с другой стороны Галактики.

Отец Флинн неласково поглядел вдоль своего немаленького носа.

— Опять пьешь, Шон Миллиган, а ведь алкоголизм — проклятие ирландского народа. И на мессе ты не был со времен битвы при Бойне. Вот так и умрешь без причастия и провалишься прямиком в ад, ни на секунду не задержавшись в чистилище, прежде чем сообразишь, что испустил дух.

— Я требую молчания и повелеваю слушать внимательно, — раздраженно сказал лингвист. В Японии все шло много лучше. — Меня зовут Портакал. Отсюда невозможно увидеть солнце моего мира, но я уверяю тебя…

— Единственное уверение, бездельник, которое я согласен от тебя услышать, это что ты раскаялся и бросил пить. Оно созрело и перезре-

ло. Несчастная твоя жена, которой приходится влачить такую тяжкую обузу. Как же ей стыдно, бедняжке, по воскресеньям, когда она приходит сюда одна…

— Будешь ли ты слушать меня?

— Еще чего! Но я буду молиться за тебя, злосчастного грешника.

Невероятно, невыносимо! Портакал развернул тело кругом и, громко топая, выбежал под весеннее солнце. Но оно внезапно исчезло, и с небес посыпались холодные капли, промочив его в одно мгновение. Организм-носитель весь продрог, но контролеру было не до того. Что-то явно не так с этими людьми. Не могут же у всех быть проблемы со слухом. Наверное, он выбрал неправильное тело для общения.

Прислонившись к стене, Портакал смотрел на прохожих, которые спешили укрыться от ливня. Может, оставить этого носителя и найти другого? Прежде такой необходимости не возникало, но отчего бы не попробовать. Он дождался, когда приблизится группа людей, и пожелал, очень сильно…

Ничего не произошло. Придется работать с тем, что есть. Он вернется в питейное заведение и попытается установить контакт.

Но когда Портакал приказал телу двигаться вперед, оно осталось на месте. Уму непостижимо! Его разум преодолел сонмы световых лет, его воля управляла тахионами. Эти несчастные земляне — он знал, что прежняя личность грустно ютится в дальнем уголке мозжечка, — не могут сопротивляться его приказам. Почему же носитель упрямится?

Портакал заговорил вслух, это был единственный способ общения с подчиненным разумом.

— Я повелеваю: прекрати. Мы должны вернуться в «Арки».

— Мы должны отправиться в центр регионального правительства, — ответил он себе сочным басом.

Портакал остолбенел. Это были не его слова. И даже не слова носителя. Чьи же тогда?

— Кто ты?! — вскрикнул он. — Я вижу тебя, ты прячешься в извилинах и закоулках продолговатого мозга, выйди и назовись.

Мимо ковыляла старушка с зонтом в руке. Бросила взгляд на Шона Миллигана, перекрестилась и быстренько засеменила прочь.

— Я Мнткл из народа ~>, о землянин. Я принес тебе приветствие с той стороны звезд…

— Пошел вон из этого мозга! — возмутился

Портакал. — Я его занял первым.

Шон впал в косоглазие, поскольку каждый инопланетян контролировал один его глаз и тщился поглядеть на другой.

— Этого не может быть! — взревел Мнткл иерихонской трубой. — Мой наставник состарился и умер, обучая меня приему ментальной проекции. Я потратил всю свою энергию, чтобы занять этот мозг. Уйти должен ты!

— Дрянь твое дело, — прорычал Портакал. — Было ничье, стало мое. Катись отсюда, погань инопланетная, у меня важная лингвистическая работа простаивает.

Шон Миллиган танцевал кругами и болтал конечностями, пока пришельцы сражались за власть над ним, — и наконец плюхнулся в лужу.

— Да ломаного писпла не стоит твоя лингвистика! — прогремел Мнткл. — Мой мир гибнет, пораженный ускоряющейся энтропией. Горючее на исходе. Я здесь с миссией спасения. Мне необходимо поговорить с властями, предложить им научные знания в обмен на ядерное топливо. Если груз урана двести тридцать пять не прибудет в наискорейшем времени, мы все пойдем на галактическую смарку.

— Ну и поделом, — злорадно ответил Порта-

кал. — О твоем космическом захолустье все равно никто слыхом не слыхивал, так что никто и печалиться не станет.

В голосе Шона кипела ярость, он ощерился, когда Мнткл прорычал свой ответ. Затем носитель некоторое время хрипел и булькал без всякого смысла — инопланетяне сражались за контроль над речью. В разгаре этой битвы разумов Шон вдруг понял, что может видеть — смутно, как в густом тумане; попробовал сделать шаг — получилось; и он, спотыкаясь, двинулся вперед. Инопланетяне вошли в клинч и утратили власть над его телом. Шаркая непослушными ногами, он описал полукруг — в «Арках» сегодня не дождешься доброго приема! — и направился в заведение Малруни. Очень медленно, исторгая на ходу писк, хрип и бульканье, добрался до стойки бара.

— Ну и скверный же у тебя кашель, — сказал Малруни, ставя перед ним выпивку. — Это все башня Мартелло, она же насквозь сырая. Ставь центральное отопление, вот что я тебе советую, хотя просверлить гранитные стены толщиной футов двадцать, конечно, непросто…

Шон медленно поднял и ополовинил кружку. Пока пил, он не переставал говорить, орошая портером голосовые связки, брызгая пеной и

слюной.

Малруни отошел обслужить другого клиента, а Мнткл мрачно предложил:

— Как насчет компромисса? Дай мне возможность выступить перед правительством. Ну не можешь ты желать гибели целой планете, это ж какое будет пятно на совести.

— Нет у меня совести вовсе. Совершенно бесполезная штука, при нашем-то чудовищном атмосферном давлении.

— Тогда я взываю к твоему рассудку и любопытству. Ну пожалуйста, разреши встретиться с местным диктатором или другим компетентным лицом и договориться насчет урана двести тридцать пять. Это существо наверняка владеет языком лучше, чем наш носитель, а значит, твоя работа пойдет быстрее.

— А что я с этого буду иметь? — спросил заинтригованный Портакал.

— Благодарность целого мира.

— Добавить к ней стртцл — и купишь кртцл. Предложи что-нибудь получше.

— У меня больше ничего нет.

— А как насчет твоего языка? Это может быть небезынтересно. Как ты переведешь вот это: «мои груди их аромат да и сердце у него колотилось

безумно и да я сказала да я хочу Да»?[28]

— Н*/пы~~**.*89.

— Прекрати. Это не язык, это к ларингологу.

Пока они пикировались, Шон неловким жестом поманил Малруни, вывалил на липкую стойку бара фунтовые банкноты, залил в себя свежую пинту и потянулся за еще более свежей.

— Ты несправедлив, — прохныкал Мнткл, — и эгоистичен. Неужели и правда готов допустить, чтобы из-за твоего равнодушия погиб целый мир?

— А что такого? — тусклым голосом ответствовал Портакал. — Галактики как песчинки, звезды как пыль — или как дырки в одеяле[29]. Наплевать и забыть.

Голос все слабел, затем Портакал спохватился и сказал с прежней громкостью:

— Мне стало трудно говорить. Что происходит?

— Я тебе скажу, что происходит, — отозвался Мнткл; его страх проталкивал слова сквозь

---

[28] Примечания: 28

Из последней фразы романа Джеймса Джойса «Улисс».

[29] Примечания: 29

«Галактики как песчинки» — сборник новелл Брайана Олдисса.*«Звезды как пыль»* — роман Айзека Азимова.*Глаза как дырки в одеяле* — фразеологизм, означающий темные круги под глазами.

плотную, липкую пелену непонимания. — Пока мы отвлеклись, существо-носитель приняло огромную дозу органического яда. Смертоносная жидкость проникала в синапсы его мозга и отключала их один за другим. Я теряю контроль. Сейчас оно нас выбросит!

— Но и погубит себя тем самым! — вскричал Портакал. — Мы должны остановить его.

Вдвоем они перехватили руки Шона и прижали их ладонями к столешнице. Пока им пытались управлять, он глядел в никуда стеклянными глазами.

— Ну, наконец-то прекратил болтать сам с собой, — сказал Малруни, тщательно протирая стакан. — Протрезвел, бухавши. Хочешь еще на дорожку?

— Я хочу… — пробасил Мнткл.

— Перестать пить! — взвизгнул Портакал.

— Что, голос ломается? В твоем-то возрасте? Да ты, наверное, простудился. Ступай-ка домой и ложись в постель, пока до гриппа не дошло.

Широко расставив ноги, упираясь руками в стойку, Шон пыхтел как паровоз и шатался. Незваные инопланетные гости не позволяли ему пить хмельное, но не могли удержать накопившиеся в желудке галлоны «Гиннеса» от поступления

в кровь. Капля за каплей этиловый алкоголь подмешивался к плазме — хоть по бутылкам разливай этот убойный коктейль да продавай вместо джина. Глаза лезли из орбит — внутри у Шона бушевал космический Армагеддон.

И он был проигран противником. Резко оборвался протяжный тонкий крик, ему вторил тихий хлопок — это ослабла хватка Мнткла и его разум улетел в межзвездное пространство. Портакал, более опытный контролер, все еще держался, но и его дело было швах. И когда заработали синапсы, он сорвался и с проклятиями устремился назад, на свою газово-жидкостную родину.

— Ффу-ух, — произнес Шон, отпуская стойку и разминая затекшие руки.

Великая вещь — закалка. Потребленный им в течение дня алкоголь убил бы трезвенника за двенадцать минут и на века бы законсервировал в стеклянной банке целый выводок капюшоновых крыс. Но годы беспробудного пьянства взяли свое. Что за беда, если его печень выглядит так, будто весь полк ирландской гвардии промаршировал по ней в подкованных ботинках? И что за беда, если миллионы клеток мозга превратились в кашу и IQ упал на двадцать пунктов? Это все не считается. А считается только то, что иноплане-

тяне бежали, а он победил.

Шон выпрямился и впервые за много часов заговорил по собственной воле, напрягая голосовые связки, утомленные битвой пришельцев.

— Жажда — просто спасу нет. Пинту мне.

— Вот молодчина! А то я маленько за тебя беспокоился.

— А уж как я за себя беспокоился, просто не передать. — Шон поморгал, сгоняя хмельную пелену. — Какие-то твари захватили мой разум, сначала одна, а потом приперлась вторая. Клянусь Иисусом, все так и было! В меня вселились инопланетные пришельцы!

— Зеленый змий в тебя вселился, — хмыкнул Малруни, ставя на стойку пинту темного.

— С этим не поспоришь, но насчет пришельцев я не вру, хотя никто мне, конечно же, не поверит. — Шон вздохнул и хлебнул пивка. — Их там двое было. Один полный гнус, тупой как бревно. Не слушал второго, а тот у него в ногах валялся: мол, помилосердствуй, а то погибнет вся моя планета. Первый знай издевается над ним, вот те крест. Так прессовал бедного сморчка, просто ужас!

— Ну чисто научная фантастика. Может, запишешь, пока не забыл? Книжку издашь, деньжат

наваришь.

— Это не по мне. Такие книжки сочинять — занятие для непьющих. Я слыхал, научные фантасты сплошь трезвенники, абстиненты, страсть какой серьезный народ. Плесни-ка мне еще, Малруни, да и себе налей. А то я уже и сам слабовато верю в случившееся.

В тот момент, когда кружка наполнялась доверху, далеко-далеко, на той стороне Галактики, некий плотный организм предавался горестным размышлениям на дне густеющего газового моря, а еще дальше в космосе энтропия дошла до предела и тусклая звезда исчезла, издав напоследок протяжный жалобный писк.

Заря бесконечной ночи[30]

Перевод В. Вебера

Акотолп спала крепким сном, без всяких сновидений, как и любая другая иилане'. А потом встала заря, и она мгновенно проснулась и мгновенно же осознала: что-то очень не так. Свет, для зари слишком яркий, ярче, чем в полдень, озарил ее спальную камору. Мембраны закрыли глаза, когда она отпихивала лианы и выходила из-под дерева-города.

— Что-то не так, все не так, — сказала она себе. Хвост заметался из стороны в сторону. Заря, которая не была зарей, встала на западе. Такого просто не могло быть, но случилось. Будучи ученым, она не могла не верить информации, полученной органами чувств, какой бы невероятной она ни казалась.

Постепенно свет начал меркнуть, к тому же его

---

[30] Примечания: 30

Я написал трилогию «К западу от Эдема» о нашей планете Земля, которая 65 миллионов лет тому назад не столкнулась с гигантским метеоритом. В этих книгах разумные динозавры делят мир с человечеством. Из истории мы знаем, что разумных динозавров не существовало. Или они существовали?..*(Примеч. автора.)*

заслонила возникшая перед ней фигура. Фарги. Акотолп знаком повелела ей отойти в сторону, но фарги не сдвинулась с места. Вместо этого заговорила:

— Эйстаа… вызывает срочно.

Акотолп подождала, пока свет полностью не померк. Вновь появились звезды вместе с полной луной, залившей город серебряным светом. Фарги шла первой, то и дело спотыкаясь, направляясь к большой центральной поляне, где ждала эйстаа.

— Ты видела свет, — сказала она, когда Акотолп остановилась перед ней.

— Да.

— Объяснение-рассуждение желательно.

— Желаю повиноваться… однако недостаток знания-информации.

В знаке эйстаа чувствовались удивление и разочарование.

— За время нашего знакомства-дружбы я никогда не слышала, чтобы ты признавала недостаток знания.

— Все случается в первый раз. Я рассматриваю вопрос медленно и с позиций логики. Причина этого великого света неизвестна. Это не огонь, ибо огонь я видела.

— Что означает термин «огонь»?

— Объяснение — ненужная сейчас трата времени.

— Фарги в панике, мой ученый ничего не знает. Это очень тревожно.

— Странный феномен… но все кончено.

Акотолп тут же пожалела о сказанном, потому что земля под ними дрогнула и волна грозного гула накатилась на них. Фарги-прислужницы завыли в страхе и закрыли руками ушные отверстия. Некоторые даже повалились на землю и забились в конвульсиях. Эйстаа недовольно фыркнула и чуть шире расставила ноги, впившись когтями в почву. Когда гул стих до низкого рокота, она вновь знаком выразила недовольство.

— Ты сказала, что все кончено, ученый с великими знаниями?

— Извинение за ошибку, готовность понести наказание.

Акотолп вытянула шею и откинула голову назад, подставляя горло. Знаком эйстаа показала, что принимает извинения и не желает казнить.

— Выскажи мне свои мысли, пусть и определенности у тебя нет, в эту ночь ты единственная, кто может объяснить, что произошло.

— Я не могу объяснить. Только анализировать.

— Так приступай.

— Событие геологического масштаба…

— Требуется определение неизвестного слова «геологический».

Акотолп попыталась не выдать недовольства тем, что ее перебили. Отбросила опавшую листву и села на хвост. Попыталась найти самые простые слова:

— Геологический — значит относящийся к земле, на которой мы стоим. Внизу под нами, под твердой корой, действуют великие силы. Я видела далеко на востоке, за джунглями Энтобана, как вершины высоких гор взорвались и из них потекли реки расплавленного камня. Там же я видела и огонь. Событие, которое может взорвать горы и расплавить камень, имеет геологический масштаб.

— Значит, сегодня произошло геологическое событие?

Акотолп замерла, погруженная в мысли. Прошло какое-то время, прежде чем она шевельнулась и заговорила:

— Нет. Я уверена, что нет. Слишком оно внезапное. Все события, которые я наблюдала, развивались медленно, лишь со временем набирая силу. Это началось и завершилось очень уж быстро. Но

событие большое, пусть и находилось далеко.

— Далеко? Требуется объяснение.

Эйстаа умело и эффективно правила своим городом, но научных фактов не знала или воспринимала их без должного уважения. Акотолп заставила себя терпеливо объяснить, что к чему:

— Далеко, потому что нас разбудил яркий свет. Иилане'-ученые из города Яэбеиск на юге провели серию экспериментов, чтобы определить, с какой скоростью свет перемещается в воздухе. Сказали мне, что по результатам экспериментов скорость света близка к бесконечности. А вот скорость звука очень мала. Это продемонстрировать очень легко. Так вот, поскольку звук события дошел до нас значительно позже света, получается, что событие это произошло в океане, далеко от нас. И событие значительное.

Эйстаа проявила нетерпение-замешательство:

— Почему у меня нет никакой возможности следовать твоим умозаключениям? Теперь упрости-объясни.

— Что-то очень значительное произошло далеко в океане.

— Полыхнул свет. Потом пришел звук и дрогнула земля. Почему?

— Земля, должно быть, дрогнула от движения

водяной массы…

Акотолп замолчала на полуслове, рот ее раскрылся. Она вскочила, повернулась, чтобы посмотреть на гладкую поверхность бухты.

— Это произойдет!

От прозвучавших в словах страха и обреченности эйстаа даже чуть отпрянула.

— Что? Что должно произойти?

— Произойдет! Ты должна приказать фарги немедленно разбудить спящих. Прежде всего всех иилане'. Приказать им как можно быстрее уходить вглубь материка, на холмы за пастбищами. Прикажи, эйстаа.

— Но почему?

— Разве ты не понимаешь? Сила, такая далекая, но сумевшая тряхнуть землю, должна быть очень большой. Она вызовет волны, каких мы не видели и при самом страшном шторме. Пока мы говорим, эти волны приближаются к нам.

Эйстаа приняла решение:

— Я отдам такой приказ…

Но она опоздала, уже опоздала.

Вода в бухте отступала, как при отливе, а издали уже доносился рокот другой воды, приближающейся к берегу. И рокот этот, нарастая с каждой секундой, вскоре уже заглушал все звуки.

С жутким ревом вода заполнила бухту, поднимаясь все выше и выше, захлестывая дерево-город, ломая его ветви, устремляясь дальше и дальше, к холмам, сметая все растущее и живое.

Акотолп закрыла рот, уши, ноздри, забилась в панике, оказавшись в соленой воде. Почувствовала по нарастающему давлению, что поверхность воды находится гораздо выше ее головы. В черноте поплыла вверх. Получила жестокий удар в бок. Оберегая ушибленную руку второй рукой, отчаянно заработала ногами и хвостом.

Вырвалась в заполненную пеной тьму, жадно хватанула ртом воздух.

Вновь ее что-то ударило. В полубессознательном состоянии, слабея от боли, продолжала плыть, зная, что это ее единственный шанс выжить: если б ушла под воду, второй раз вынырнуть не удалось бы.

Прошла, наверное, заполненная болью вечность, прежде чем она нащупала ногами землю. Мутная, наполненная мусором и обломками вода уходила, уровень все понижался. Упал ниже спины, колен… Иилане’ тяжело осела на землю, крича от боли, и провалилась в темноту.

Акотолп медленно пробудилась навстречу свету и боли. Лил сильный теплый дождь. Черный

дождь, оставляющий потеки на ее коже. Она моргнула, почувствовала резь в глазах. Села, ее тут же окутал красный туман боли. Руки и ноги двигались — переломов, похоже, не было. Но бок болел ужасно. Там, скорее всего, синяком не обошлось, наверняка при ударе сломалось несколько ребер. Каждый вздох давался с трудом. Раненая… но все же живая. И только тогда она ощутила возвращение научного любопытства.

Она стояла на равнине по щиколотку в грязи. Вокруг валялись кусты, вырванные с корнем деревья. Неподалеку лежали две мертвые иилане', с переломанными конечностями. Одну раздавила какая-то бронированная рыба. Обхватив руками грудную клетку, Акотолп медленно, чуть не вскрикивая от боли, поднялась на ближайший пригорок, прислонилась к стволу сломанного дерева на вершине.

Поначалу не увидела ничего знакомого, лишь жуткий пейзаж грязи и разрушения. И, только повернувшись в сторону материка, разглядела сквозь пелену дождя привычные очертания холмов. Используя холмы как ориентир, с ужасом убедилась, что детородные ветви обломаны и унесены морем. Да и сами бухта и лагуна исчезли: теперь они составляли единое целое с океаном.

А в горе мусора Акотолп признала то, что осталось от дерева-города, и застонала от горя. Будь послабее, упала бы и умерла. Иилане', лишенные своего города, действительно умирали, она такое видела. Но она знала, что не умрет. Другие могли, она — нет. Ей хватало силы духа, чтобы пережить шок. Оттолкнувшись от ствола, она поплелась к дереву-городу.

И не она одна. Другие двигались в том же направлении. Фарги знаками выражали уважение и благодарность, когда узнавали ее. Одну из них, несмотря на синяки и грязь, облепившую кожу, Акотолп узнала.

— Ты — Инлену… та, что командует рабочими в рыбных садках.

Инлену обрадовалась оказанному ей вниманию.

— Мы рады-счастливы и приветствуем тебя, Акотолп. Смиренно просим объяснить случившееся.

— Ты знаешь столь же много, что и я. Что-то ужасное произошло далеко в океане. Что-то вспыхнуло, что-то грохнуло. Это что-то заставило землю содрогнуться, море выплеснуться на берег. Вокруг ты видишь результат.

— В городе все уничтожено. Что станет с нами?

— Мы выживем. Вода не покрыла весь Энтобан. Еда будет в лесах и море…

— Но наш город…

— Вырастет вновь. А до этого времени мы будем спать на земле под звездами, как до нас спали многие и многие. Не отчаивайся, сильная Инлену, нам понадобится твоя сила.

— Как нам понадобится твоя. — Знаком Инлену выразила уважение-восхищение, который тут же повторили остальные фарги, наблюдающие и слушающие. Теперь они не сомневались, что выживут.

А чего сомневаться, если, приблизившись, они разглядели под горой мусора ствол дерева-города и некоторые уцелевшие ветви.

А рядом (чудо из чудес!) гранитной скалой стояла эйстаа. Фарги поспешили к ней, их тела и конечности подрагивали от счастья и благоговейного трепета. Знаками они выражали благодарность и радость. Окружили эйстаа плотным кольцом, а когда она отдала приказ, расступились, освобождая проход Акотолп.

— Ты выжила, эйстаа, значит выживет и город.

— Нанесен огромный урон, много смертей. — Она дала знак фарги отойти подальше, чтобы поговорить с Акотолп наедине. — Двое из троих,

возможно больше, умерли. Умрут и многие из раненых. — Потом добавила: — Самцы погибли. Все. Из яиц, которые они вынашивали, не вылупятся детеныши.

Акотолп качнуло от горя, но она сохранила самообладание:

— Это не конец. Мы — всего лишь один город. В глубине материка есть другие города иилане', на берегах больших рек на севере. Один стоит на внутреннем море Исегнет. Когда придет время, я пойду туда и возвращусь с самцами. Иилане' едины перед лицом опасности. Город вырастет вновь.

Услышав эти слова, эйстаа движением выразила удовольствие. Сжала руки Акотолп грудными выступами, демонстрируя высшее счастье, высшее уважение. Фарги заверещали от радости, на мгновение забыв о боли и отчаянии. Город вырастет вновь!

Они взялись за работу. Под руководством эйстаа принялись разгребать облепленный грязью мусор. Дождь не прекращался, черный дождь, льющийся с мглистого неба. К наступлению ночи многое удалось сделать. Они обнаружили, что в образовавшихся прудах осталось много рыбы, принесенной огромной волной. Рыбу поймали и

разделили на всех. А потом, уставшие и израненные, они заснули.

Потоп, уничтоживший прибрежное мелководье, уничтожил и цивилизованный, рутинный образ жизни. Исчезли рыбные садки вместе с энзимными садками, в которых излечивалась и сохранялась плоть животных. Лишился город и самих животных. Колючие изгороди между полями снесло, находившаяся в загонах живность утонула или разбежалась. Выжила только одна охотница, но все оружие утонуло. А одними зубами и когтями она не могла снабдить город мясом. Поэтому они обратили взоры к морю, морю, из которого когда-то вышли, освежили древние плавательные навыки, вспомнили, как отыскивать косяки рыб и загонять их на мелководье. Потом океан бурлил от серебристых тел, ищущих спасения, и быстро краснел от крови. То был грубый, но эффективный способ добычи пищи: они боролись за выживание.

Прошло много дней, прежде чем Акотолп пришла к эйстаа, которая сидела на давно расчищенной поляне. Все работали, не жалея сил. Мертвых похоронили в море, легкораненые поправились. Тяжелораненые умерли, ибо все врачующие существа Акотолп погибли и она

ничем не могла помочь страждущим.

— Мы лишились всего, — сказала она эйстаа. — Ты должна помнить, что все существа, выращиваемые нашей наукой, — мутанты, и большинство не может существовать самостоятельно. Наши орудия, хесотсаны, с возрастом теряют подвижность и требуют подкормки. Их нам нужно больше, как и других жизненных форм, которые позволяют выжить цивилизации иилане'. В создавшейся ситуации я сделала все, что могла. Я сходила с фарги вглубь материка и вернулась с побегами колючих вьюнов, которые мы вновь посадили по границе полей. И у нас достаточно рыбы.

Движения эйстаа показали, что пища эта ей приелась, да и качество оставляет желать лучшего.

— Я согласна, эйстаа, но она позволяет нам жить. Для того чтобы улучшить условия нашей жизни, я должна взять с собой фарги и пойти в Тескхет, город на берегу реки за холмами. Я знаю все, что нам необходимо: хесотсаны и струнные ножи, нефмакелы… список очень длинный. Я вернусь с племенным поголовьем, и наш город вырастет вновь. Я только прошу твоего разрешения на эту экспедицию.

Эйстаа двинула хвостом и головой, выказывая сомнение.

— Твое присутствие необходимо здесь.

— Было необходимо. Я анализировала и объясняла, ты приказывала. Сделать что-то еще — не в моих силах… если я не получу в свое распоряжение все необходимое для научной деятельности. Фарги учатся охотиться, добыча мяса растет. Рыбаки увеличивают уловы. Под твоим руководством иилане’ будут есть, город — жить.

Эйстаа выразила неудовольствие, глядя на бесконечный черный дождь.

— Мы живем, но на самом пределе. Скорее как существа, а не иилане’.

— Но мы живем, эйстаа, вот что главное. И для того чтобы вернулась прежняя жизнь, к которой привыкли иилане’, ты должна разрешить эту экспедицию.

— Я подумаю. Добыча мяса должна увеличиться до того, как ты уйдешь. Ты должна найти способ.

Акотолп сделала все, что могла, но возможности ее были очень ограниченны. Она знала, что принять решение эйстаа мешает неопределенность ситуации. И понимала эйстаа. По меньшей мере шесть фарги, здоровых и сильных, просто улеглись на землю и умерли. Такое случалось и

раньше, когда иилане' приходилось покидать свой город. Но тут произошло спонтанно. Конечно же, эйстаа тревожилась.

Но при этом Акотолп была недовольна, даже злилась. Она действительно не могла ничем помочь. Бесконечные облака, практически непрерывный дождь не способствовали улучшению ее настроения. И второй раз эйстаа ответила отказом на ее просьбу. С третьим обращением она медлила. Помощь пришла неожиданно, со стороны Великреи, охотницы.

— Я прошу разрешения поговорить наедине. — Охотница, вся в шрамах, скосилась в сторону ближайшей фарги.

— Разрешаю. Мы пройдемся вдоль берега.

— Уважительно предлагаю поговорить в лесу.

Акотолп поняла, что на то есть веская причина, и выразила согласие. Они молчали, пока не пересекли поля, на которых подсыхала грязь, и не добрались до первых деревьев.

Здесь, где их никто не видел и не слышал, Великреи остановилась и заговорила:

— Ты должна сказать мне, что делать. Я охочусь, это я делаю хорошо. И я выполняю приказы. Я служу эйстаа. Теперь приказы и служба столкнулись. — Она ударила кулаком в кулак, тело

напряглось. Акотолп поняла, что требуется быстро вернуть охотнице уверенность в себе.

— Ты нужна городу, Великреи, в настоящее время куда больше, чем я. Позволь мне помочь тебе, ибо я восхищаюсь тобой и уважаю твое мастерство и твою силу. Мои мысли-логика к твоим услугам. Скажи, что тебя беспокоит.

— Некто в лесу с фарги. Она не входит в город, не хочет видеть эйстаа. Спрашивает, нет ли здесь иилане' по науке. Она знает твое имя. Приказывает привести тебя, а не эйстаа…

Охотница не могла больше говорить, рот открылся, по телу пробегала мелкая дрожь. Акотолп разом коснулась больших пальцев всех ее четырех рук, чтобы успокоить.

— Ты поступила правильно. Нельзя беспокоить эйстаа и отрывать от многотрудных дел. Я поговорю с той, кто пришла… и обо всем расскажу эйстаа. Теперь ответственность лежит на мне.

— Ты решила, — облегченно вырвалось у Великреи, едва не рвущиеся от напряжения мышцы расслабились. Она вновь заняла положенное место в иерархии города. Ей предстояло выполнять приказы, а не принимать решения. — Я отведу тебя к ней.

— Имя?

— Эссокел.

— Я действительно знаю ее, а она — меня. Это очень хорошо… для всех нас. Отведи меня к ней, быстро.

Акотолп сразу узнала высокую иилане', ожидающую под большим деревом. Выступила вперед, знаками поздоровалась. Великреи в нерешительности потопталась рядом, выразила благодарность, когда ее отпустили, и буквально бегом ретировалась. Заговорила Акотолп лишь после ее ухода:

— Добро пожаловать, Эссокел, добро пожаловать в остатки нашего города.

— Многих городов, — мрачно ответила Эссокел. — Я была на материке, когда это произошло, возвращалась с фарги в мой город. Когда я увидела разрушения, которым подверглось побережье, я оставила их в лесу и пошла одна. — Боль слышалась в голосе, стояла в глазах. — Все уничтожено, никто не выжил. Я едва не покончила с собой… но выстояла. Я заставила себя забыть название моего города, убедительная просьба к тебе не произносить его.

— Мы рады-счастливы принять тебя. Теперь ты — часть моего города, нашего города. Нам крепко досталось, но мы выживаем. С твоей помощью

мы вырастем заново. Пока же у нас нет ничего, кроме зубов и когтей, с которыми мы вышли из океана.

— Тогда я действительно могу помочь. — Эссокел выпрямилась, гордость сменила уныние в ее движениях. — Я побывала в далеких городах. Мои фарги несут все, что необходимо твоему… нашему городу.

— Фарги здесь?

— Неподалеку, но вне поля зрения. Я хотела поговорить с тобой, и только с тобой.

— Не с эйстаа?

— Пока нет. Есть научные вопросы, которые можем обсудить только мы. Ты полна сил, Акотолп?

— Я выжила. И буду жить, потому что нужна.

— Хорошо. Я должна поговорить с тобой, разделить мое знание, и ты должна подвергнуть сомнению мои слова. Ибо я боюсь.

— Чего?

– *Всего.*

В голосе так отчетливо прозвучали нотки смерти и отчаяния, что Акотолп громко вскрикнула и отпрянула. Потом совладала с собой и попыталась успокоить Эссокел:

— Ты более не одинока, моя давняя подруга, те-

бя больше не окружают лишь безмозглые фарги, с которыми тебе не о чем говорить. Сними с себя тяжелую ношу, раздели со мной свои знания и мысли. Разделенные страхи уменьшаются вдвое, каждый из нас возьмет на себя половину ноши.

— Ты — умная и сильная иилане', Акотолп. Я расскажу тебе, что видела, к каким пришла выводам. Потом ты проанализируешь их, возможно, даже докажешь, что я не права. Если так, мы разделим ношу. Но прежде всего мне нужна информация, потому что я видела случившееся из далекого далека. Ты была здесь?

— Да… и говорю с тобой лишь благодаря случаю, потому что из пятерых выжил лишь один. Была ночь… и вдруг наступил день. Свет жег глаза, прежде чем начал меркнуть. Потом раздался грохот и содрогнулась земля. А потом — я уже знала, что так будет, — поднялся океан и поглотил нас.

— Ты подумала… почему?

— Логическая цепочка. Некое событие огромной силы, свет которого мы видели. Звук достиг нас гораздо позже… и ударная волна. Для того чтобы так вздыбился океан, сила требовалась невероятная.

Эссокел знаком выразила вынужденное согласие.

— Я ничего этого не видела и не испытала на себе… хотя мои догадки в целом совпадают с твоими опытными данными. Важный вопрос: в чем, по-твоему, причина?

— Признаю недостаток знания, недостаток теории.

— Тогда послушай меня. Ты интересовалась астрономией?

Акотолп признала, что нет.

— Биология занимала все мое время и мысли.

— Но ты смотрела в ночное небо… видела разные феномены. Видела световые линии, которые время от времени прочерчивали темноту?

— Безусловно. Хотя ни разу не слышала попытки объяснения.

— Я слышала. Наша атмосфера с увеличением высоты становится тоньше. Это доказано теми, кто поднимал в горы приборы для измерения давления воздуха. Если это так, логика указывает на то, что уменьшение давления — процесс постоянный и на какой-то высоте просто не будет воздуха.

— Я знаю эту теорию и согласна с ней. За пределами атмосферы воздуха нет, и там царит пустота.

— Но материя существует и в пустоте. Мы ви-

дим луну и звезды. А теперь подумай вот о чем. Птица летит быстрее рыбы, потому что движется в менее плотной среде. Если что-то движется в пустоте, то скорость этого «что-то» может быть сколь угодно большой. Такой большой, что частички материи, двигающиеся сквозь пустоту, маленькие частички, подчиняясь законам динамики, смогут при торможении разогреваться. Даже светиться.

Акотолп закрыла глаза, глубоко задумавшись. Открыла и выразила согласие:

— Спорить тут не с чем. Хочется знать, как это связано со случившимся.

Эссокел ответила после долгой паузы:

— Я предлагаю тебе рассмотреть такой вариант: большая частица из пустоты попадает в атмосферу. Размером с булыжник, дерево… гору. Что после этого произойдет?

— Тогда, — говорила Акотолп медленно, пребывая в глубоком раздумье, — тогда эта гора скорости заставит воздух яростно светиться. Упадет в океан. Если размеры ее будут достаточно велики, если двигаться гора будет достаточно быстро, она даже может пронзить воду и удариться об океанское дно. Ударная волна пойдет по земле, будет слышна на больших расстояниях.

Вода двинется на берег. Я потрясена твоей мудростью и интеллектом.

— Это еще не все. С того дня небо ни разу не очистилось от облаков, постоянно идут черные дожди, несомненно от пыли и грязи, попавших в атмосферу при ударе. Сколько дней идет дождь?

— Много. Я веду счет.

— Я тоже. И последняя тревожная мысль. Что произойдет, если облака и дальше будут закрывать небо? Что будет, если тепло солнца уже не согреет нас? Что в этом случае случится с нами?

Акотолп-биолога качнуло от боли, мысль эта вызвала у нее такой ужас, что она едва не потеряла сознание. А придя в себя, увидела, что Эссокел поддерживает ее. Не будь рядом подруги, она упала бы на землю.

— Мы все умрем. Без солнца не будут расти зеленые растения. Когда они умрут, умрут животные, которые ими питаются. Когда они умрут — умрут иилане'. Неужели так будет?

— Я не знаю. Но боюсь худшего. Я проводила тщательные замеры. Температура падает с каждым днем. Нам не выжить без тепла, без солнца.

— Облака должны разойтись! — воскликнула Акотолп. — Должны. Иначе…

Она не закончила мысль. Нужды в этом не бы-

ло. И тяжелое молчание нарушила уже Эссокел.

— Сейчас мы пойдем в город. И расскажем эйстаа…

— Ничего. Если всему тому, о чем мы говорим, суждено случиться, мы беспомощны, бессильны что-либо предотвратить. Вместо того чтобы принести им смерть, мы принесем счастье и удовольствие. Будут тепло, крыша над головой, еда. Если… то, что мы обсуждали… произойдет, дальнейшие дискуссии не потребуются. Все будет ясно глупейшей фарги.

Акотолп не ошиблась. Эссокел и груз, который несли ее фарги, вернули в город радость и блага цивилизации. Хесотсаны для охоты, вкусное сладкое мясо и все такое. Во вьюках лежали тысячи плащей, ибо экспедиции пришлось преодолевать перевалы с холодным воздухом. Плащи пришлись очень кстати: ночи становились все холоднее, а плащи, безмозглые существа, если их хорошо кормили, имели высокую температуру тела. На вождей города плащей хватало, так что спали они хорошо. Фарги приходилось сбиваться в кучу и в молчании дрожать от холода.

Но радость длилась недолго. Даже глупейшие из фарги, только вышедшие из моря и неспособные говорить, видели, что холоднее становятся

не только ночи, но и дни. Рыбы стало меньше. Облака не расходились, солнце не появлялось, растения умирали. Животные, которых они ели, становились все более худыми и костлявыми, потому что травы им доставалось все меньше. Однако питались они неплохо, и в энзимных садках оставалось мясо. С животными дело обстояло гораздо хуже: их не убивали — они умирали. И пришел час, когда эйстаа вызвала двух ученых. Рядом с ней на поляне стояла Великреи.

— Послушайте, что говорит мне охотница, — мрачно изрекла эйстаа.

— Онетсенскаст, которого сейчас рубят на части, пойдет в мясные садки. Это последний. Все остальные мертвы, поля пусты.

— Что происходит… что нас ждет? — спросила эйстаа. — Вы — иилане'-ученые, вы должны знать.

— Мы знаем, — ответила Акотолп, пытаясь сохранить спокойствие в речи и движениях. — Мы скажем тебе, эйстаа. — (Охотница не заметила, как ей знаком предложили уйти.) — Ты сообщила информацию, Великреи. Возвращайся в свой лес.

Акотолп подождала, пока на поляне они не остались втроем. И теперь уже не пыталась изгнать горе и отчаяние из своего голоса.

— Солнце приносит нам жизнь, эйстаа. Если солнце не засветит вновь, мы умрем. Облака убивают нас.

— Я вижу, что происходит… но не понимаю.

— Это жизненная цепочка, — ответила ей Эссокел. — Она начинается в клетках растений, где солнечные лучи превращаются в пищу. Рыба и устузоу едят растения и живут. Мы, в свою очередь, едим их плоть… и мы живем. — Она наклонилась, вырвала пучок желтеющей травы, подняла. — Трава умирает, они умирают, мы умираем.

Эйстаа, застыв, как скала, смотрела на траву. Наконец повернулась к Акотолп:

— Правда?

— Абсолютная правда.

— Разве мы не можем наполнить садки, запастись едой, переждать, пока не разойдутся облака и не выглянет солнце?

— Мы можем… и мы попытаемся. Мы также запасем и семена, чтобы засеять поля, как только солнце вернется.

— Это надо сделать. Я отдам такой приказ. Когда солнце вернется?

Ей ответило молчание. Эйстаа ждала, ярость в ней закипала, наконец она не выдержала:

— Говори, Акотолп! Я приказываю тебе говорить! Когда вернется солнце?

— Я… мы… не знаем, эйстаа. Но если оно не вернется скоро, мир, в котором мы жили, исчезнет. Виды, однажды исчезнувшие, не возвращаются. Мы — один из таких видов. Мы важны только для самих себя. Если же брать биосистему в целом, наша важность соизмерима с этим пучком травы. И нет нам радости в том, что жизнь будет продолжаться, даже если облака останутся навсегда. Это будет другой мир, которого нам не узнать. В нем будут существовать гораздо более устойчивые формы жизни, способные выдержать значительные перепады температур и переменчивые климатические условия. Мы не можем. Мы не выживем в том мире. Нам необходимы те условия жизни, к которым мы привыкли. Я боюсь, Эссокел и я много раз обсуждали этот вопрос, что наше время закончилось…

— Это не так! Иилане' живут.

— Иилане' умирают, — мрачно ответила Эссокел. — Фарги уже гибнут от холода. Мы их исследовали.

— У нас есть плащи.

— Плащи также умрут. Уже так холодно, что они не могут размножаться. — В движениях

Акотолп читалось великое отчаяние. — Я боюсь, все так и закончится, все иилане' умрут, все, чего мы достигли, исчезнет. О нашем существовании забудут. Когда облака разойдутся, останутся только устузоу.

— Что? Эти мерзкие грызуны, шмыгающие под ногами?! Как ты можешь так говорить?

И в этот самый момент меж мертвой травы появился устузоу, глянул на них маленькими черными глазками, на лапках сквозь шерсть проступили коготки. Эйстаа подняла ногу, но раздавила только траву: крошечное существо уже скрылось из виду.

— Ты говоришь, что выживут эти твари… почему?

— Благодаря особенностям их организма, — терпеливо объяснила Эссокел. — Всем сложным существам требуется регулирование температуры тела, в их жилах течет теплая кровь. Но есть два способа сохранять тепло. Мы, иилане', экзотермики. Это означает, что мы должны жить в теплом климате и получать тепло извне. Это очень эффективно. Устузоу эндотермики. Это означает, что они должны все время есть и превращать поглощенную ими пищу в тепло…

— Ты говоришь все это лишь для того, чтобы за-

путать меня… холод и жара, внутри и снаружи…

— Ты должна простить меня, эйстаа, за мою неспособность-глупость. Я упрощаю. Если мы замерзаем, мы умираем. Эти маленькие устузоу не замерзнут. Если воздух станет холоднее, они будут больше есть. Будут есть мертвые растения. Мертвые тела… съедят наши мертвые тела. Трупы нашего мира смогут кормить их долгое время. Может, до той поры, пока облака не разойдутся и не выйдет солнце. А когда оно выйдет, окажется, что это мир устузоу, а от мира иилане’ не останется даже воспоминаний. Все будет так, словно мы никогда не…

— Я не хочу этого слышать! — в гневе взревела эйстаа, взрывая землю когтями. — Оставьте меня! И больше никогда не говорите в моем присутствии. Я не желаю вновь услышать такие слова!

Ученые ушли, полил холодный дождь, наступила ночь. По земле бегали лишь маленькие пушистые существа. Маленькие существа, которые ели семена, стебли, кости, костный мозг, мясо, траву, насекомых… все.

Теплокровные животные, которые могли выжить в условиях, обрекавших на смерть девяносто процентов всех остальных живых существ.

Выжить и эволюционировать шестьдесят мил-

лионов лет. Их потомки читают эти слова.

Пес и его мальчик

Перевод Г. Корчагина

— Мальчик, ко мне! — позвал пес.

Шумно дыша, мальчик подбежал, чтобы его погладили по голове.

— Хороший мальчик, — сказал пес. — Ты очень хороший мальчик.

Конечно, это был не совсем обычный мальчик, тут надо сразу внести полную ясность. С другой стороны, не был обычным и пес. Вот планета, та осталась прежней. То есть не совсем — никогда еще за все миллиарды лет своего существования она не была так дивно хороша. По ночам ярче светили звезды сквозь чистейшую атмосферу и, как встарь, был постоянно обращен к Земле покрытый шрамами лик старушки Луны.

Хотя сейчас стояла не ночь, а раннее утро — ясное, сухое и студеное, какое бывает только на высоком мексиканском плато, и только осенью, и только в ту счастливую эпоху, когда воздух так разительно не похож на прежний. Вроде он и горло дерет, но одновременно и лечит.

Над ручьем, что пересекал сад, поднимался легкий туман, размывал контуры цветов и глушил их яркие краски, — ни дать ни взять на них накинули тончайшую шелковую вуаль. В вышине хлопали крыльями две вороны, солнце играло на смоляных перьях, а далекую заснеженную вершину вулкана Попокатепетль оно заливало розоватым светом.

Жить в таком месте и в такое время — сплошное удовольствие. Пес и его мальчик наслаждались жизнью на всю катушку.

Пусть и незамысловатой была их игра, можно даже сказать примитивной, но оба ее обожали. Сегодня она требовала резвости — из дому друзья вышли спозаранку, по холодку. Мальчик сразу кинулся в декоративный сад и давай скакать через клумбы и куртины; то на ветке повиснет, то махнет с нее на узорчатую скамейку. Даже преодолел, вовсю дрожа и стуча зубами, мелкий пруд с перепуганным карпом.

Ну а пес широко зевнул, почесал ребра задней лапой с толстенными когтями и только после этого пустился по следу, с громким сопением и фырканьем ловя запах. Поймал — и инстинктивно рванул вперед с заливистым лаем гончей, и от этих грозных звуков панически забились в

лесу сердца оленей. А мальчику хоть бы что, он рассмеялся и припустил быстрей.

Ох и веселой же была та охота! И непростой — мальчик ведь с каждым разом набирался опыта, он накопил десятки способов прятаться и путать след. А псу только того и надо — чем больше сюрпризов, тем интереснее ловить.

Однако не родилась еще на свет дичь, способная уйти от такого охотника. В должное время пес очутился у комля могучего дуба и огласил парк торжествующим лаем. Зашуршала листва, мальчик свесился с ветки и в следующий миг очутился на земле.

Не говоря ни слова, лишь шумно дыша, воротились они в дом, где уже поджидал завтрак. Пес прижал к земле громадной лапой кус холодной оленины и с наслаждением вонзил в него могучие зубы. Мальчик восхищался таким отменным аппетитом приятеля, сам же довольствовался фруктами и ломтиком сыра; мясо он ел нечасто.

Пока они завтракали, взошло солнце, рассеялся туман, — наступил новый чудесный день.

— А ну-ка, мальчик, — попросил пес, — поди сюда, спину почеши, между лопатками, ты знаешь, куда мне не дотянуться. Да-да, здесь, молодец… А-аххх…

— Ой, что это? — насторожился мальчик. — Надо же, блоха! Ты с противоблошиным мылом-то мылся хоть? С тем, что ветеринар прописал?

— Не знаю… Может, и мылся, не помню. Оно ж такое противное! Запах — просто кошмар. Ты-то не чуешь, а для собаки это сущая пытка.

— Ветеринар рассердится, как прознает.

— Меня это не беспокоит. — Пес зевнул, показав клыки длиной с руку мальчика.

Такого побеспокоишь — сам будешь не рад!

— Вот что, Бродяга, я сейчас уеду. — Пес редко звал мальчика по имени — только когда хотел дать распоряжение или высказать нечто не слишком приятное. — Главным в доме остается Сиссерекс, и ты должен его слушаться. Понятно?

— Да, Хозяин, — насупился мальчик.

Конечно, имя у пса было Хозяин. Так теперь звали каждого пса.

— И не смей дуться, тебе совершенно не идет. В прошлый раз, когда меня дома не было, тут, помнится, случилась небольшая неприятность с люстрой. Сиссерекс, надеюсь, высказал тебе все, что он об этом думает?

— Да буду я его слушаться, Хозяин. — Мальчик уже повеселел, он не умел грустить и хмуриться подолгу. — Но как же здорово она грохнулась,

ой-ой-ой! Трах-бах-тарарах!

Оба долго смеялись над этим, каждый по-своему: мальчик хохотал, пес радостно выл. Неуклюже подняв лапищу, Хозяин погладил любимца по голове. Ну не мог он сердиться на Бродягу, даже когда тот, чересчур расшалившись, учинял погром в усадьбе.

— А ты надолго? — спросил мальчик, выковыривая ногтем яблочную кожицу из зубов.

— Да на денек — если повезет, обернусь к ужину. У Хозяина Куэрнаваки есть сука в течке, черно-белая, очень красивая, я ее видел. И вот теперь он меня пригласил.

— Зачем? — У мальчика от удивления брови полезли на лоб.

— Лучше бы тебе никогда об этом не узнать, — ответил пес, поддавшись вдруг какому-то сильному чувству; даже губы оттопырились в пугающей гримасе.

Мальчик озадаченно смотрел, как пес встряхивается всем телом и облизывает толстым черным языком губы, заставляя их расслабиться, обмякнуть.

— Мы ведь с тобой уже давно вместе, — решил сменить тему пес.

— Угу, много лет. Я не считал.

— А до скольки ты умеешь считать?

— До ста! И это без пальцев на руках и ногах.

— Ах ты, умница. Ну-ка, быстренько прикинь, сколько будет десять, десять, десять и пять.

— Э, погоди, мне время нужно. — Мальчик уставился на пальцы, тут же спохватился и спрятал руки за спиной, а затем оба рассмеялись. — Могу и не глядя. Это будет… Десять и десять… Это будет тридцать пять!

— И ты абсолютно прав! Молодец, за такой ответ получай конфету. Даже две возьми.

Мальчик цапнул угощение с блюда, без разрешения он никогда не брал лакомства. Оттопырились щеки, задвигалась челюсть — жуя, он жмурился от удовольствия.

— Да, тридцать пять лет. И славных лет. Ты лучший мальчик из всех, кого я знаю. Лучший из всех, кто у меня был.

— А у тебя были другие мальчики?

— Ну, возможно, — смутился пес — и давай выкусывать на бедре воображаемую блоху. — Сейчас уже трудно вспомнить. — Проникая сквозь мех, его голос звучал невнятно. — Ты ведь знаешь, у собак век куда длиннее, чем у мальчиков. Но сейчас мы об этом говорить не станем. Позови-ка Сиссерекса, передай, что у меня для

него есть распоряжения.

Мальчик выскочил из комнаты, а пес доел последние крошки мяса и задумался о насущных делах. Эти завроиды такие тупицы, не разложишь все по полочкам, обязательно в твое отсутствие напортачат.

Приковылял, метя́ толстым хвостом по полу, Сиссерекс. Он был очень смышленым для завроида, за что и получил должность управляющего, но умный завроид — это на самом деле не бог весть что.

— Я уезжаю, но рассчитываю вернуться к ужину.

— Как ссскажешшшь, хозззяин.

Выслушивая инструкции, Сиссерекс кивал, при этом длинная челюсть всякий раз отпадала и подскакивала, желтые частые зубы обнажались на всю длину, тонкие восьмипалые руки нервно сплетались и расплетались, мигательные перепонки тоже ходили ходуном, — он боялся упустить хоть слово.

— Ты все запомнил?

— Беззззссловно, госссподин.

— Смотри у меня! А то вцеплюсь в чешуйчатую задницу и буду держать, пока пощады не запросишь.

— Это лишшшнее, хозззяин, я всссе ссделаю как надо.

— Вот то-то! Ступай, вели шоферу подавать машину. Мне пора.

Проводы были пышными — стараниями прислуги со всего имения, ну и, конечно же, мальчика. Они дружно выкатили из гаража массивный автомобиль любимого господина, вооружились тряпками и принялись надраивать и без того сияющее золото с блистающим хрусталем. Перед машиной чинно расхаживал шофер: на лапах толстые краги, выпуклые глазищи в очках-консервах кажутся еще больше, чем есть. Вокруг сновали перепачканные маслом зеленокожие механики, пинками проверяли давление в баллонах и натяжение гусениц. От Куаутлы до Куэрнаваки дорога не ремонтировалась на всем протяжении; местами ее размыли дожди, местами отвоевали джунгли. Но такая большая и мощная машина, конечно же, всюду пройдет легко.

Вот из кухни появились двое поваров, катя тяжело нагруженный столик: свежезапеченного дикого кабанчика поместят в специальный отсек, не голодать же пассажиру в пути. В другом отсеке, снабженном диспенсером, будет охлаждаться бутылка шампанского — Хозяину достаточно

нажать лапой на рычаг, чтобы получить миску любимого напитка.

Вскоре все необходимое было сделано, челяди оставалось только ждать отправления. Завроиды это делали чисто по-ящеричьи, замерев с безучастным видом, а вот мальчик места себе не находил: то ногами затопает, то на голову встанет, то присядет, то снова подскочит.

Ну наконец-то вышел из дому Хозяин! Под дружное шипение чешуйчатых, под радостный вопль мальчика — ибо владелец имения поистине выглядел шикарно. Куаферы хорошенько поработали над его шерстью, изрядно добавив ей глянца и пышности. На шее блистал алмазами парадный ошейник с большущим — что твое куриное яйцо — рубином спереди. Распахнулась дверца машины, пес взобрался по трапу и сделал два круга по салону, прежде чем свернуться колечком на мягкой шелковой обивке. Дверь затворилась, включился мощный, но бесшумный атомный двигатель, и машина укатила, провожаемая воплями, шипением и новыми воплями, и скрылась за поворотом.

Ох и долгий же выдался день! А уж до чего скучный! В отсутствие пса мальчику совершенно нечем было заняться, а если он и находил себе

развлечение, то это обычно кончалось плохо. Вот и сейчас пришлось удирать от поваров — в кухне он пытался сорвать банан с подвешенной к потолку грозди и нечаянно пнул котел, в котором готовился обед для слуг.

— Всссе рассспллесссскал! Сссквернный мальчишшшшка!

— И правильно сделал, невозможно же есть такую гадость! — выкрикнул он в ответ, с легкостью уворачиваясь от могучих, но неуклюжих оплеух.

В кухне ему не рады — а где рады? Уборщики сердито шипят — не по нраву им, видите ли, что мальчик оставляет следы на свежевымытом полу и набивает рот листьями растущего в горшках сахарного тростника. Снаружи, в саду, недоброжелателей меньше, но зато и развлечений кот наплакал. Под конец он забрался на крышу, на самую верхотуру, куда пес ему лазать строго-настрого запрещал, и оттуда обозрел долину с фермами и деревеньками завроидов, с сухой пустыней вдали и горами еще дальше, и с небом, и со всем остальным.

Ни шатко ни валко день все же прошел, солнце перевалило зенит и сползло к горизонту. А когда оно уже пронизало красноватыми лучами вечерние дымы деревенских очагов, в конце долины

появилось пыльное облако. Заверещав от восторга, мальчик припустил к парадному подъезду.

Должно быть, машина не раз побывала под дождем и хорошенько помесила грязь: хрусталь и золото были заляпаны сплошь. Шофер, открытый всем стихиям на своем высоком сиденье, тоже получил щедрую долю слякоти и пыли; он был страшно рад заглушить двигатель и поднять до отказа рычаг ручника. Опустился трап, мальчик бросился встречать пса. А тот был мрачнее тучи.

— Сиссерекс, — прорычал Хозяин, сходя, — ванну мне сейчас же, и погорячей. День был ужасно долог, я измотан и грязен, и вообще я не в духе. И сними ошейник, он, проклятущий, всю дорогу меня душил…

— Давай я сниму, — подскочил мальчик, но пес без единого слова отвернулся и потрусил в дом.

Мальчик недоумевающее посмотрел вслед, он никогда не видел Хозяина в таком дрянном настроении. И тут из машины донеслось хныканье.

Трап был уже убран. Подойдя, Бродяга ухватился за подножку, подтянулся на руках, осторожно заглянул в салон.

И увидел мальчика в углу. Совсем малыш — съежился в комочек и рыдает так горько, будто у него разрывается сердце.

— Это еще что за новости?! Ты кто такой? И что тут делаешь?

Вот уж сюрприз так сюрприз. Бродяга редко встречал других мальчиков, только когда их привозили в усадьбу Хозяева-визитеры, но поговорить с себе подобными толком не удавалось, и общение чаще всего заканчивалось потасовкой из-за какого-нибудь пустяка. А тут совсем кроха, меньше он и не видел никогда. Такой не то что драться не будет, но и просто задираться не посмеет.

— А ну, вставай, — велел Бродяга. — И выходи, да поживее.

Малыш неохотно, медленно встал, вытирая кулачком глаза, а в другой руке крепко держа куклу. Вышел под солнце — и заморгал; на щеках блестели слезы.

— Слышь, у тебя имя-то есть? Меня Бродягой кличут, и я здесь — мальчик.

— А меня… Пятнышком назвали… из-за этого вот. — Малыш показал черную родинку на щеке.

— Да ты, Пятнышко, совсем еще мелочь пузатая. Годков-то сколько тебе?

— Не знаю… Мне никто не говорил.

— Эге, ты у нас не только недомерок, но и недоумок. А мне… тридцать пять. Это десять, десять,

десять и пять.

— Десять — это сколько? — живо заинтересовался Пятнышко; мигом забылись печали и высохли слезы.

— Две руки, вот, гляди. А одна рука — это будет пять. Неужели не знал?

— Нет… но теперь знаю, и это здорово. Еще я знаю один и два.

— Да, брат, многому же тебе предстоит научиться. Есть хочешь?

— Да…

— Тогда пошли. Это мой дом, я могу брать еду, когда захочу.

Пятнышко успел сильно проголодаться, он ел жадно, но одной рукой, потому что в другой по-прежнему держал куклу, ни на секунду не расставался с ней. Задумчиво посмотрев на игрушку, Бродяга сказал:

— У меня тоже есть кукла. Где-то валяется…

— Это моя! — вскинулся Пятнышко, боязливо прижимая имущество к груди.

— Да не нужна мне эта рухлядь, успокойся. Где твой Хозяин?

Малыш плаксиво оттопырил нижнюю губу, затравленно огляделся и сообщил:

— Нету…

Вот тогда-то и возникло у Бродяги предчувствие беды — в первый раз тревога легонько кольнула сердце.

— Ладно, ты того, не задерживайся у нас. Здесь я — мальчик.

— А мне тут и не нравится, — шмыгнул носом собеседник.

— Вот и хорошо.

Бродяга дал ему кулаком по уху, чтобы получше дошло. Пятнышко, как будто только того и ждал, зашелся ревом.

— Ссступай к госссподину! — проковылял в комнату взволнованный слуга. — Хозззяин зззовет, сссрочно! Сссердится!

Обрадованный мальчик помчался во всю прыть, плюхнулся на ковер возле Хозяина, который жадно поглощал сырой мясной фарш из большой миски.

— А где второй? — спросил пес.

— На кухне, ест и хнычет. Такой плакса! Зачем ты его привез?

— Вопросы задает Хозяин, а не мальчик, — прорычал пес, изображая гнев.

Мальчик сразу разгадал притворство, но от этого тревога только переросла в страх. Пес заглянул ему в лицо и тотчас же повернулся к серебряной

миске, круговым движением языка слизнул мясные крошки.

— Ты когда-нибудь думал о собаках, о мальчиках, о завроидах? — спросил он.

— Может, и думал, не помню.

— Позволь-ка я тебе расскажу о нас, а ты посидишь и послушаешь, как никогда до сих пор не слушал. Этот мир — твой…

— Знаю, знаю! Он и твой, и…

— Цыц! Слушай и мотай на ус, а говорить будешь, когда я разрешу. Так вот, этот мир — твой. Я про Землю, про всю планету. Мой народ прилетел сюда издалека, из межзвездного пространства, — так гласят хроники. И случилось это — опять же, если верить хроникам, — очень и очень давно. Мы звались небесными гончими…

— Красиво.

— Что тут красивого-то? Слушай и не перебивай. Своей родиной мы правили сначала как звери, потом — как разумные звери. Сперва полагались на силу челюстей, а потом на силу мозгов. Мы ведь очень умные, куда умнее этих зеленых неповоротливых завроидов. Но без них обойтись было никак нельзя. Без их рук. Лапа хороша в некоторых делах, но с рукой она нипочем не сравнится. Рука может абсолютно все. И

нам удалось вывести разумную породу ящеров, из них получились превосходные слуги. Только тогда мы стали настоящими небесными гончими и подчинили родной мир, а потом и другие миры, своей воле. Править нам нравилось, а еще мы любили сражаться, и ваша планета дала нам вдосталь того и другого. Вот теперь можешь задавать вопросы.

Мальчик уселся на ковре, его глаза возбужденно блестели.

— Вопросы? Нет у меня вопросов. Еще что-нибудь расскажи, пожалуйста!

— Разве ты не возненавидел меня? Ведь я сейчас признался, что мы отняли у тебя мир!

Мальчик рассмеялся — как будто прозвенел серебряный колокольчик.

— Да ты шутишь! Никуда мой мир не делся, вот он, кругом.

— Но раньше он принадлежал тебе, твоему народу. Вы сражались за свою родину и погибали, а теперь она целиком наша.

— Но ведь хуже она не стала? Значит, все в порядке.

— Похоже, ты и в самом деле не понимаешь. — Глаза пса были полны сочувствия и нежности, а еще великой печали. — Но когда-нибудь непре-

менно поймешь. Мы не желали такого итога — хроники гласят, что многие из нас предлагали прекратить смертоубийства и возвратиться домой. Но остановиться было уже невозможно. Ибо мы понимали: рано или поздно вы полетите следом за нами, чтобы отомстить, и тогда уже сила будет на вашей стороне. Обуреваемые скорбью, мы довели войну до победного конца и сделали этот мир таким, каким ты его видишь.

— Вы убивали мальчиков? — Только теперь Бродяга начал кое-что понимать.

— И мальчиков, и других. Мы… убивали всех. — Пес говорил, будто оправдываясь, и даже не замечал, что на загривке вздыбилась шерсть. — Поверь, не только жестокость двигала нами, но еще и чувство справедливости. У нас было право так поступать! Ведь вы, люди, собственноручно губили свою планету. Душили ее, разрушали, отравляли, насиловали. Я не поверил нашим хроникам — но я просмотрел ваши фильмы. Не погибни твой народ в сражениях с нами, он бы неизбежно уничтожил себя сам. Зато те, кому посчастливилось уцелеть, теперь наслаждаются жизнью.

— Вы истребили мой народ… — пришло вдруг к мальчику, опоздав на много лет, роковое знание.

— Да, что было, то было. И ты, как и остальные, будешь нас ненавидеть за это. Они тебе все расскажут, и…

— Что еще за остальные? — Мальчик похолодел с головы до ног.

Пес отвернулся, чтобы не смотреть ему в глаза, но затем решительно повернулся обратно, горделиво выпрямил спину и поднял голову.

— Твои соплеменники. Мы расстаемся, ты покидаешь мой дом…

— Нет!

— Да. Это дело решенное, я не в силах ничего изменить. Конечно, мне не хочется, чтобы ты уезжал…

— Тогда я останусь?

— Нет. Ты уедешь, решение принято. О нем узнал Хозяин Куэрнаваки, мой старый друг, и пригласил меня для серьезного разговора. Ведь ему хорошо ведомо, как крепко могут сдружиться пес и его мальчик. Я привез замену тебе…

— Того нытика, что на кухне? Да я его прикончу сейчас же! Пинками выгоню!

— Пожалуйста, прекрати. Сядь на место, а я объясню, почему ты должен уйти, а он должен остаться. Помяни мое слово: тебя ждет много нового и интересного, и вскоре ты забудешь своего

пса. Даже порадуешься тому, что расстался с ним. Подивишься, как это тебе удалось вытерпеть столько лет в его доме…

— Никогда!

Пес тяжело вздохнул.

— К сожалению, так и будет, уж поверь. Тебе в конце концов позволяется вырасти и познать то, о чем ты до сих пор даже не подозревал.

— Что значит вырасти?

— Скоро сам поймешь и это, и многое другое, а сейчас объяснять бесполезно. Говорят, ты из хорошей породы, у тебя здоровые гены. Говорят, старые самцы перемерли, нужно завозить новых. Когда-нибудь, надеюсь, ты сочтешь это большой честью. Тебе предстоит обладать женщинами, и производить на свет потомство, и вместе с другими самцами замышлять бегство с острова, отвоевание родного мира и истребление всех собак…

— Вот ты говоришь, а я не понимаю ничего, и мне страшно!

— Хороший мальчик, очень хороший мальчик. — Пес неловко погладил его по голове. — Лучший из всех, кого я знаю. Но ты вырастешь и откроешь для себя истину: как ни велика бывает любовь между псом и его мальчиком, есть на све-

те нечто еще более великое. А теперь, пока еще светло, пойдем погуляем, ты будешь палку бросать, а я за ней бегать. В самый последний раз…